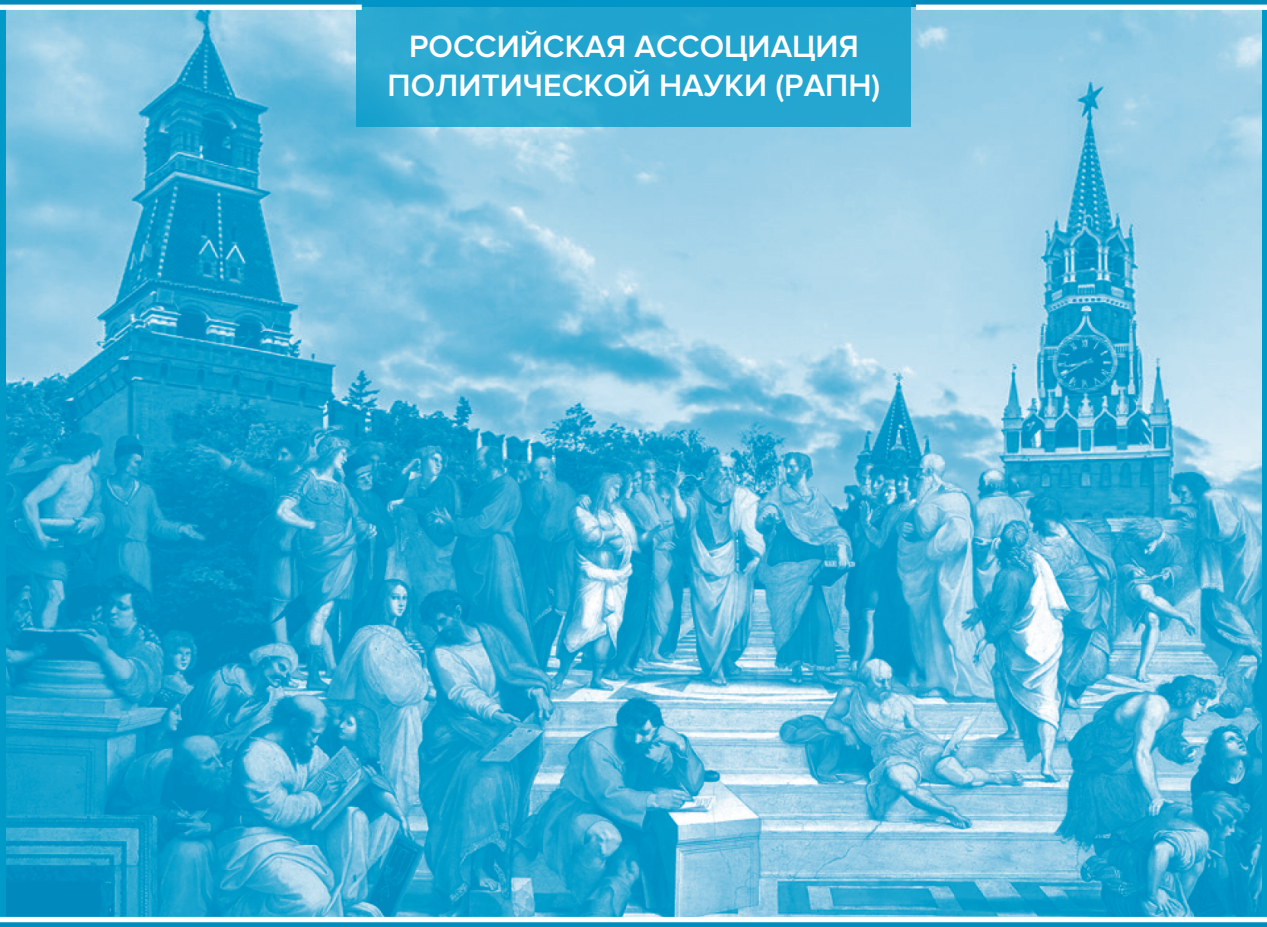
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (РАПН)



РОССИЯ И МИР В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием

Москва, ГУУ, МГИМО МИД России
28-29 ноября 2025 г.

Российская ассоциация политической науки (РАПН)
Государственный университет управления
МГИМО МИД России

РОССИЯ И МИР В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием

Под общей редакцией
О.В. Гаман-Голутвиной, М.М. Мчедловой, Л.Н. Тимофеевой

Москва, 28-29 ноября 2025 г.

УДК 327
ББК 66
Р 76

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

Всероссийская конференция с международным участием проводится с использованием средств Фонда президентских грантов по проекту № 24-2-008832
При поддержке: Государственного университета управления, Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, научных журналов: «Политические исследования (Полис)», «Сравнительная политика», «Власть», «Политическая наука», «Политическая экспертиза. Политэкс», «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология».

Организационный комитет:
Сопредседатели: Гаман-Голутвина О.В., Строев В.В,
Заместитель председателя: Тимофеева Л.Н.
Члены Организационного комитета: Антюхова Е.А., Величко А.И., Ильичева Л.Е., Казаринова Д.Б., Карелина М.Ю., Клемешев А.П., Копылова П.С., Лапшенков В.В., Мышко Ф.Г., Никитин А.И., Омельченко Н.А., Помигуев И.А., Соколов А.В., Шаповалов В.Л., Шестакова М.Н. (ответственный секретарь).

Программный комитет:
Председатель: Мчедлова М.М.
Заместитель председателя: Попова О.В.
Члены Программного комитета: Бродовская Е.В., Волох В.А., Глухова А.В., Ильичева М.В., Козлова Н. Н., Коньков А.Е., Кондратенко К.С., Лебедева М.М., Ледяев В.Г., Мирошниченко И.В., Морозова Е.В., Никовская Л.И., Овчарова О.Г., Парма Р.В.., Патрушев С.В., Пеньков В. Ф., Римский В.Л., Рябова Т.Б., Семененко И.С., Сморгунов Л.В., Соловьев А.И., Чугров С.В., Чуев С.В., Фадеева Л.А., Шабров О.Ф., Шестопал Е.Б.

Составитель сборника – Тимофеева Л.Н.

Россия и мир в первой четверти XXI века: политические итоги и перспективы: Материалы Всероссийской ежегодной конференции РАПН с международным участием. Москва, Государственный университет управления, 28-29 ноября 2025 г. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, М.М.Мчедловой, Л.Н. Тимофеевой. — М.: 882 с.

В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников Всероссийской конференции политологов с международным участием РАПН «Россия и мир в первой четверти XXI века: политические итоги и перспективы». Для политологов, социологов, специалистов в области международных отношений и регионоведения, всех интересующихся современными политическими проблемами развития России и мира.

ISBN 978-5-91441-498-3

© РАПН, 2025
© ГУУ, 2025
© МГИМО МИД России, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Абдуллаев Ш. И. ОСОБЕННОСТИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИТЕМЫ ИНОКУЛЬТУРНОЙ МИГРАЦИИ В ИТАЛИИ 28
Абраменко Е. Г. НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 29
Авзалова Э.И. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПОЛИТИКЕ 31
Азаренкова А.А. ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА РУМЫНИИ: МЕЖДУ ФАНТОМАМИ И РЕАЛИЯМИ 32
Айвазян Д. С. КЛЮЧЕВЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ 33
Алейников А.В., Сунами А.Н. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ 35
Алексеев Д.В. ПАРТИЙНО-БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС 36
Алексеева Л.В. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ 37
Алиева В.Р., Ниязметова Ф.К. ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ: ПРИМЕР УЗБЕКИСТАНА 38
Алмаматов А.А. МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ РОССИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 40
Алмаметов А.Н. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА NEET В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА 41
Ананьев А.Ю. К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ПОЛИТИКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ФРЕЙМИНГЕ 42
Андреева В. П. РАДИКАЛИЗАЦИЯ ПРОФСОЮЗОВ ГЕРМАНИИ 2023-2024 ГГ.: ИВЕНТ-АНАЛИЗ ОДНОГО ПРОТЕСТА 44
Андреенкова А.В., Иванова С.В., Фролова М.С. К ПОНИМАНИЮ СВЯЗИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ, И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА, И ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ 45
Аникеева Т.В. АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ВАЖНЕЙШЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРИОРИТЕТА ГОСУДАРСТВА НА СТУПЕНИ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 47
Анкирская А.М. ОТ ОЖИДАНИЙ К РАЗОЧАРОВАНИЮ: ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ К АДМИНИСТРАЦИИ ДЖО БАЙДЕНА (2021–2024 ГГ.) 48
Антанович Н. А. АКСИОМАТИКА, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, НОРМАТИВИЗМ КАК ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ 50
Апанович М.Ю. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ В РАМКАХ СОТРУДНИЧЕСТВА БРИКС+ 51
Ароян М.Х. РОЛЬ РОССИИ В УКРЕПЛЕНИИ МОЛОДЕЖНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ АРМЕНИЕЙ И АЗЕРБАЙДЖАНОМ В УСЛОВИЯХ КАВКАЗСКОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 53
Артеев С.П. ЦЕННОСТНАЯ МИГРАЦИЯ, ЦЕНТРЫ СИЛЫ И РОССИЯ: РЕПАТРИАНТЫ, РЕЛОКАНТЫ, ИМПАТРИАНТЫ 54
Арутюнов А.Г. МЕЖДУНАРОДНОЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПОИСК НОВЫХ СПОСОБОВ РЕАЛИЗАЦИИ 55
Аскарова О.С. РОЛЬ МЕМОВ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ 2024 ГОДА: СРАВНЕНИЕ РОССИЙСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ 57
Асонов Н.В. СМЕШАННАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОГО ГОСПОДСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 58
Аствацатуров А.А. ОТ АРБИТРА К АКТОРУ: РЕШЕНИЕ DOBBS V. JACKSON КАК КАТАЛИЗАТОР КРИЗИСА ЛЕГИТИМНОСТИ ВЕРХОВНОГО СУДА США 59

Аствацатурова М.А. ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ ИЗМЕРЕНИИ НА ФОНЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗМЕНЕНИЙ 61
Атаманенко А.А. НАСТОЛЬНЫЙ ВАРГЕЙМ КАК ПРОСТРАНСТВО ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО: ФОРМЫ, СООБЩЕСТВА, СМЫСЛЫ 62
Ачкасов В.А. СЕКЬЮТЕРИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА 64
Ашихмин А.Е. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ РФ И КНР: ПОНИМАНИЕ, СТРАТЕГИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ 65
Ашмарина А.А. ЦИФРОВИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ В 2025 ГОДУ: БИОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД 66
Ашыров Б.Т. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ ПАБЛИКОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ ЦФО) 68
Бабаджанян П.А., Фролов А.А. ДОБРОВОЛЬНАЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ: КАК СОЦИАЛЬНЫЕ РЕЙТИНГИ И ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ ПОБУЖДАЮТ КОНСТРУИРОВАТЬ НОВУЮ РЕАЛЬНОСТЬ 69
Бабаджанян П.А. НЕУЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ ВУЗОВ РОССИИ 71
Бадмацыренов Т.Б. БУДДИЗМ, ПОСТСЕКУЛЯРНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ 72
Баранов А.В. ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНЧЕСТВА В КРЫМУ И ДОНБАССЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ АНКЕТНОГО ОПРОСА) 74
Баранов Н.А. РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 75
Баранова Т.В. МОЛОДЕЖНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ 77
Бартенев В.И. ПЕРЕСТРОЙКА СИСТЕМЫ ОКАЗАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОМОЩИ В США И ЕЕ МИРОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ 78
Баскаков И.А. РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКИХ «МАЛЫХ СТРАН» В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ В КОНТЕКСТЕ СВО НА УКРАИНЕ 80
Баскакова Т.В., Шестакова М.Н. ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ СОДЕРЖАНИЯ, МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧЕБНОГО КУРСА «ИСТОРИЯ НАШЕГО КРАЯ») 81
Батанина И.А., Абросимова О.В. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ XXI ВЕКА 83
Батов А.Т. ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ЦЕННОСТНАЯ ДОМИНАНТА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ 84
Бахтуридзе З.З. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КОГНИТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИИ ЗАЩИТЫ. 86
Бахышова Г.А. МЕЖДУНАРОДНЫЕ КЛУБЫ ДРУЖБЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРУ 87
Башмаков И.С. НЕОКОНФУЦИАНСКИЕ ИДЕИ И ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА КИТАЙСКОГО ВИДЕНИЯ БУДУЩЕГО МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ 88
Беденкова А.С., Пономарев Е.М. СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ: ОТ ИДЕИ К ПРАКТИКЕ 90
Безбородов М.И. ГАРМОНИЗАЦИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ) 91

Безгин Н. В. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: КЕЙС ВЫБОРОВ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ 2024 ГОДА 93
Белов С.И., Горобец В.В. ВИДЕОИГРЫ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СРЕДЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ 94
Белозёров В.К. ВОЕННАЯ КАРТИНА ХАОТИЗИРОВАННОГО МИРА 95
Белый В.А. АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СЕРВИСОВ ДЛЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН И ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО КЕЙСУ ЕДИНОЙ КАРТЫ ПЕТЕРБУРЖЦА 97
Беляева Н. М. ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ: ОСНОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ 98
Березкина О.С. МЕХАНИЗМ РЕКРУТИРОВАНИЯ ЭЛИТ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XX-XX1 вв. 100
Берёзкина Е. Ю. ПОПУЛИСТСКИЕ ПАРТИИ ИТАЛИИ КАК АГЕНТЫ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ К СИСТЕМНЫМ АКТОРАМ 101
Берлиц А.Ю. ЦИФРОВАЯ БИТВА ЗА ПРОШЛОЕ: КАК В ОНЛАЙН-ДИСКУРСЕ ДЕКОНСТРУИРУЮТСЯ ВОЕННЫЕ МИФЫ ОСНОВАНИЯ РОССИИ 102
Беспалов С.В. СОВРЕМЕННЫЕ НЕОМАРКСИСТЫ ОБ АГРАРНОМ ВОПРОСЕ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ 104
Бирючева Е.И. СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ИМИДЖА ГУБЕРНАТОРОВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ С РЕЖИМОМ СРЕДНЕГО УРОВНЯ РЕАГИРОВАНИЯ) 105
Близнецкая Е.А. КЛИМАТИЧЕСКИЕ РИСКИ: ЗАДАЧИ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ЛИНИИ ЮГ-ЮГ 107
Блинов В.В. ОБ УНИКАЛЬНЫХ ЧЕРТАХ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ 108
Богатова О.А. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ И СЕТЕВЫХ АКТОРОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ 109
Богданов А.В. ИДЕЙНО-ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СПЕЦИФИКА ВЛИЯНИЯ МЕДИАПРАКТИК 110
Богдановская Д.Е СОЦИАЛЬНАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ И ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ И ПРАКТИКИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ 112
Богин С.В. ВЛИЯНИЕ ЛЕВОГО РАДИКАЛИЗМА НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ФРАНЦИИ 114
Божко Д.Е. КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ: ЗНАЧИМОЕ ПАРТНЕРСТВО СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 115
Болгов Р.В. СОЦИАЛЬНАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ БИБЛИОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА 116
Большаков С.Н. ПАРАДИГМА МЕТАУПРАВЛЕНИЯ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ 118
Большаков А.Г. БРИКС КАК СУБЪЕКТ НОВОГО МИРОПОРЯДКА: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ 119
Бориско О.А. СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ КАК ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ 121
Борисов А.В. КРИЗИС ГЛОБАЛЬНОГО ГУМАНИТАРИЗМА И ПОЗИЦИЯ РОССИИ 122
Борисов Н.А. ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕТРАДИЦИОНАЛИЗАЦИИ: ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ 124
Борисова Н.В. УГРОЗА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ И (НЕ)УСПЕХ РЕФОРМ-УСТУПОК: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И АГЕНТИВНЫЕ ФАКТОРЫ 125
Боришполец К.П. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ: ОСОБЕННОСТИ ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА 126
Боронин А.Р. К ВОПРОСУ О ВЫЯВЛЕНИИ СТРУКТУРНОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XIV-XXI ВЕКОВ 128
Бочаров Ю.Б. СЕТЕВАЯ АВТОКРАТИЯ КАК НОВАЯ ФОРМАЦИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЛИТИЙ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РАЗРАБОТАННОГО ИНДЕКСА GASI 129

Брайнес А.А. ЗНАЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ 132
Бубнов А.Ю. ВОЕННЫЕ МИФЫ ОСНОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ. 133
Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А. ИЗУЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ: МНОГООБРАЗИЕ ОСНОВАНИЙ И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ 134
Букин О. А. НОРМАТИВНО-ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ 135
Буланакова М.А. МНОГОСТОРОННИЕ ФОРУМЫ ПО ВОПРОСАМ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В АФРИКЕ: АФРИКАНСКОЕ РЕШЕНИЕ ДЛЯ АФРИКАНСКИХ ПРОБЛЕМ? 136
Булуктаев Ю.О. АДАПТАЦИЯ ПАРТИЙ К НОВЫМ РЕАЛИЯМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ 138
Булыгин Ф.В. РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЦЕННОСТНЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 139
Бумагина Ю.Ю. АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ RAND CORPORATION* В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА 141
Бурлинова Н.В. ПРАВОМЕРНОСТЬ ПОНЯТИЯ «ЭКОСИСТЕМА» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СФЕРЕ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ 142
Бурляй Я.А. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С ТРАНСТИХООКЕАНСКИМИ СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ 143
Бутылин М.А. ФИНАНСОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ США, ФРГ И РФ) 145
Вантеевский М.М. ТЕМА ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В РОССИИ 146
Варшавский А.Ю. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ: СОСТОЯНИЕ ДИСКУССИИ 148
Васильева Е.Г. РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТИИ ПАРАДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА 149
Васильева Д.А., Соколов А.В. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ЭФФЕКТОВ ПРИ ПОТРЕБЛЕНИИ МОЛОДЕЖЬЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА 150
Васильцова В.В. КИТАЙСКАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ 152
Вафин А.М. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ ГЕЙМИФИКАЦИЮ 153
Величко А.И. НОВЫЕ ФОРМЫ ПАТРИОТИЗМА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ 154
Веретевская А.В. ЧТО ВМЕСТО «ЛИБЕРАЛИЗМА»? ИДЕЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В УСЛОВИЯХ НОВОГО МИРОПОРЯДКА. 156
Ветренко И.А. ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА РФ КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 157
Виноградова И.М. К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ 158
Внукова Л.Б. ОСОБЕННОСТИ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ (НА ОСНОВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ) 160
Возмитель И.А. ЦИФРОВЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ: ДЕЗИНФОРМАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГРАЖДАН США 162
Волох В.А. ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ И ОПТИМИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 163
Воржецов А.Г. ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ КОНСЕРВАТИВНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 164
Воронкова О.А. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В ДИНАМИКЕ СТАНОВЛЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ 165

Габайдулин Р.В. БЛОГОСФЕРА КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТЬЮ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ 167
Габриелян О.А., Гаспарян М.В. ОБРАЗА ГЕРОЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ: АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ СИСТЕМА МОНИТОРИНГА ПРИСУТСТВИЯ 168
Гаврилова М.В. ТЕМАТИКА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ 170
Гайдаев О.С. СОТРУДНИЧЕСТВО БРИКС В АРКТИКЕ: «ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ» МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОПОРЯДКА? 171
Гайнутдинова Л.А. КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ И ЗАДАЧИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ 173
Галимуллин Э.З. САНКЦИОННАЯ КОАЛИЦИЯ В ЭПОХУ “AMERICA FIRST”: США МЕЖДУ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ И ВНУТРЕННИМИ ПРОТИВОРЕЧИЯМИ 174
Гамерман Е.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА 175
Гандилян М. М. ДИСКРИМИНАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОГО СПОРТА: ВАРИАНТЫ РЕАГИРОВАНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА 177
Гашков В.О. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ, СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ 178
Георгиев Я.Д., Игнатова П.А., Сухонина Н.А. ВЛИЯНИЕ СВО НА ИЗМЕНЕНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ 179
Гикал Г.В. ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ МУНИЦИПАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ 181
Гильмиев Э.А. ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЁЖИ РОССИИ И СТРАН СНГ 182
Глухова А.В. ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ТЕРАПИИ ОТНОШЕНИЙ: УРОКИ ХЕЛЬСИНКИ -1975. 183
Гнедаш А.А. ЦИФРОВОЙ ДИСКУРС И ЦИФРОВОЙ ИМИДЖ: КАК МОЛОДЫЕ ДЕПУТАТЫ ГОСДУМЫ ФОРМИРУЮТ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПОВЕСТКУ ДНЯ В ТЕЛЕГРАМ 185
Головин М.С. КОНСТРУИРОВАНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ ПРАВОРАДИКАЛЬНЫХ ПАРТИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ 186
Головин Ю.А. ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ: ФАКТОРЫ РОСТА 188
Гончаров М.Д. КЛАССИФИКАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ 189
Гончарова И.В., Чувардин Г.С. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОГО ОБРАЗА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКОГО ОПЫТА 1920–30-Х ГГ. 190
Горбунова М.Л., Комаров И.Д. ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАСШИРЕНИЯ БРИКС 192
Горлов К.Н. МУНИЦИПАЛЬНЫЕ КОНТРАКТЫ РАЗВИТИЯ: КАК «НАРОДНАЯ ПРОГРАММА» ПРЕВРАЩАЕТ КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В КООПЕРАЦИЮ ВЛАСТИ, БИЗНЕСА И ОБЩЕСТВА 193
Горобец В.В. ПОТЕНЦИАЛ ВИДЕОИГР В КОНСТРУИРОВАНИИ ОБРАЗА БУДУЩЕГО СРЕДИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ 195
Грабевник М.В. МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ И СУБНАЦИОНАЛЬНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР 197
Гребенко Е.Д. ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПОВЕСТКИ В РЕГИОНАЛЬНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ 198
Гребенникова Е.И. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПУТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ 200
Грибанова Г.И. ГЕОЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА 201

Григоренко Д.Л. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА: ПРИОРИТЕТ ПРОДВИЖЕНИЯ КОНСТРУКТИВНОГО КОНТЕНТА КАК СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕСТРУКТИВНОМУ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ 202
Григорьева О.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ «СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКОГО» БЛОКА НАТО В УСЛОВИЯХ АКТИВИЗАЦИИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ КОНСУЛЬТАЦИЙ. 204
Гринчевский А.С. КОГНИТИВНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ НАТО И РОССИИ 205
Громова Т.Н. РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И ПОТЕНЦИАЛ АДАПТАЦИИ 206
Гудев П.А. ПОДХОДЫ ТУРЦИИ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ В ЧЕРНОМ МОРЕ И РОЛЬ ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАН 208
Гудилина Е.Н. КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В ЛОГИКЕ КОНСЕРВАТИВНОГО ПОВОРОТА 210
Гуреев Д.В. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕКРУТИНГА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ПОЗДНЕГО СССР И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 211
Гуторов В.А. О НЕКОТОРЫХ ЦЕННОСТНЫХ АСПЕКТАХ АНАЛИТИКИ ИДЕОЛОГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ МАЙКЛА ФРИДЕНА 213
Давыдова М.А. TELEGRAM-КАНАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ 214
Данилова Е.А., Герчик Ю. БРЕНДИНГ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ В ПЕРИОД СВО РОССИИ НА УКРАИНЕ 215
Дегтярёв А.А. О КОМБИНАТОРИКЕ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНОЙ GR-РАБОТЫ: ОТ «IN-HOUSE» ДО «OUT-SOURCE» 217
Дегтярева В.С. ЭЛЕКТРОННЫЙ МУНИЦИПАЛИТЕТ КАК ОСНОВА ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА 218
Денисов А.Е. ФЕНОМЕН «СООБЩЕСТВ ПО СЛУЧАЮ» В ПРАКТИКЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 220
Дергачева В.Е. ВЛИЯНИЕ АНТИВОЕННОГО ДВИЖЕНИЯ «VIETNAM VETERANS AGAINST THE WAR» НА ПОЛИТИКУ ПАМЯТИ США В ОТНОШЕНИИ ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЕ 221
Дергунова Н.В. К ВЫБОРУ МОДЕЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ГЛАВЫ РЕГИОНА 222
Дерендяева А.Д. ПРОЦЕССЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧНОСТИ В СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ: ВЛИЯНИЕ НА ИМИДЖ ТЕРРИТОРИИ 224
Джантеева Д.С. КОНСОЛИДАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ЦЕННОСТНОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ 225
Джгамадзе К.Б. МАРКЕРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: ОЦЕНКИ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ 227
Дибас О.А., Милокост Л.С. ИНСТРУМЕНТЫ ПАРАДИПЛОМАТИИ В ПРОДВИЖЕНИИ ИМИДЖА ЛНР ЗА РУБЕЖОМ (ОПЫТ 2014-2022 ГГ.) 229
Дмитриева А.А. СОВРЕМЕННЫЙ ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ: ОСОБЕННОСТИ ТРАМПИЗМА 230
Дмитриева В.А. ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВОГО БАНКА РАЗВИТИЯ: ТРЕНДЫ ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ БРИКС 231
Дмитриева В.Д. СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ПОНЯТИЕ КАТОЛИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ 233
Домбровская А.Ю. ДИНАМИКА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ С ЭМИГРАЦИОННЫМИ КОНТЕКСТАМИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В 2024-2025 ГОДАХ 235
Дорожкин М.А ПРОБЛЕМА МОЛОДЁЖНОГО ПОПУЛИЗМА И РАДИКАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ РЕАЛИИ 236
Дука А.В. НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И СУВЕРЕНИТЕТ ЭЛИТ 237
Дунаева Ю.Г. ПРОБЛЕМА ОБЛАСТЕЙ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ E-LEANING&AI В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ОПЫТ СПБГУ 239

Дунамалян Н. А. КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АРМЕНИИ КАК СЛЕДСТВИЕ ПЕРЕХОДА ОТ «ПОСТИМПЕРСКОЙ» К «ГРАЖДАНСКОЙ» МОДЕЛИ 240
Евгеньева Т.В. ОБРАЗ ТИШИНЫ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ 242
Евстратов А.Г. ИРАНО-ИЗРАИЛЬСКОЕ ОБОСТРЕНИЕ 2025 Г. ГЛАЗАМИ МИРОВОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ: АНТИИМПЕРИАЛИЗМ И СОПРОТИВЛЕНИЕ АГРЕССИИ 243
Ерофеева Д.А. ПОЗИТИВНЫЙ ОБРАЗ РОССИИ: ВКЛАД КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ 244
Ефремова В.Н. «ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ДИСКУССИИ И ПОИСК ВОЗМОЖНОСТЕЙ 246
Жаде З.А. ДИАСПОРА КАК АКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РАЗДЕЛЕННЫХ ОБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ АДЫГСКОЙ ДИАСПОРЫ) 247
Жаров А.С. СТИРАЯ ГРАНИЦЫ: КАК ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ГИБРИДНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ФОРМИРУЮТ ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АРТЕФАКТ 248
Жильцов С.С. НОВАЯ КОНФИГУРАЦИЯ СИЛ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: РОЛЬ БРИКС 250
Жуйкова Е.И. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США: ДВОЙСТВЕННОСТЬ, КОНЦЕПЦИИ И ДОКТРИНЫ 251
Журавлев Д.А. МЕСТО РОССИИ В ЧЕТЫРЕХПОЛЮСНОМ МИРЕ В УСЛОВИЯХ СВО 252
Завершинский К.Ф. САКРАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ КАК СПОСОБ «СОХРАНЕНИЯ ПРОШЛОГО» В НАСТОЯЩЕМ: ТЕМПОРАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ 254
Загидулина Д.В. РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПРИНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ 255
Зазнаев О.И., Кузнецов Я.П. РЕАЛИЗАЦИЯ РЕШЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕФЕРЕНДУМОВ В ШВЕЙЦАРИИ: «ЗАКОУЛКИ» И «ТУПИКИ» 257
Зайцев С.Ю. ФУНКЦИИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ В ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ «ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ» 258
Закаблуковский Е.В. СЦЕНАРНЫЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ: ОТ «ЦИФРОВОГО КОНФОРМИЗМА» К «ЦИФРОВОМУ ПРОТЕСТУ» 260
Закиров А.Р., Зарипова А.Р. ОНЛАЙН-РЕЕСТРЫ КАК ЦИФРОВОЙ ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОББИЗМА 261
Зарипов Н. А. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА 263
Захарова Е.А. ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РАСКОЛЫ НА КАРТЕ ФРАНЦИИ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ В ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ И В НАЦИОНАЛЬНУЮ АССАМБЛЕЮ 2024 ГОДА 264
Зверев А.Л. ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕДИЙНЫХ ОБРАЗОВ ЛИДЕРОВ ПАРЛАМЕНТСКИХ ФРАКЦИЙ В РОССИЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ 265
Здорик А.Н. ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ГРАЖДАН ПОРТУГАЛИИ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2025 Г.: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ 267
Зиневич О.В. ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ДИАЛОГОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ 268
Зинков Н.А. МОЛОДЕЖНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ 269
Знаменский Д.Ю. ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ВЕТО-ИГРОКОВ 271
Золотарев Ф.Е. ДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕТЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПЕРИОД С 2020 ПО 2024 ГГ. 272
Зубенко А.Н., Маруев Н.А. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРИ ДЕФИЦИТЕ ДАННЫХ: ИНФОРМАЦИОННАЯ ЗАДАЧА БЮРОКРАТА 273
Зудин А.Ю. АКТОРЫ В XXI ВЕКЕ: ПАРТИИ «ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ» 275
Зуляр Р.Ю. ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТИВИЗМ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ 276

Зуляр Ю.А. СУБЪЕКТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД СВО (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ) 278
Иванов М.И. ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АЗОВСКОГО МОРЯ, КАК ВНУТРЕННЕГО МОРЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 279
Иванов П.В. ПРАКТИКИ РАЗОРУЖЕНИЯ, ДЕМОБИЛИЗАЦИИ И РЕИНТЕГРАЦИИ ЧЕРЕЗ СНИЖЕНИЯ НАСИЛИЯ В ГРАЖДАНСКИХ СООБЩЕСТВАХ 281
Иванян Р.Г. СОЛИДАРИЗАЦИЯ В СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ 282
Игнатьева О.А. КОММУНИКАТИВНАЯ ЛЕГИТИМНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СЕТЕВОГО ГОСУДАРСТВА 283
Игонин Д.И. РЕАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СУБЪЕКТАХ РФ 284
Ильина Е.М. ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ 285
Ильичев М.В., Ованесьян А.А. МЕХАНИЗМЫ СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ПРОЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА 287
Ильичева М.В., Ильичева Л.Е., Лапин А.В. ЦЕННОСТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В ПРОЕКЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ 288
Илюшин И.И. АКЦЕНТЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ ЕДИНОГО ДНЯ ГОЛОСОВАНИЯ – 2025: НА ПРИМЕРЕ ОБРАЩЕНИЙ К РАЗЛИЧНЫМ СОЦИАЛЬНЫМ ГРУППАМ 290
Исаев Б.А., Игнатьева И.Ф. СТРУКТУРИЗАЦИЯ ГЕОПОЛИТИКИ 292
Исаева Е.А., Новожилова С.А. СОЦИАЛЬНЫЙ РЕЙТИНГ ПУБЛИЧНОЙ АКТИВНОСТИ: ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» 293
Ишанова А.К. ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ: НОВЫЕ МОДЕЛИ МАСКУЛИННОСТИ И ФЕМИНИННОСТИ 295
Казак О.Г. НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СОЮЗ ПОЛЯКОВ БЕЛАРУСИ» КАК СУБЪЕКТ ПАРАДИПЛОМАТИИ (2025 Г.) 296
Казаков А.А. СПЕЦИФИКА ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К СВО 298
Казаринова Д.Б. RUSSIAN CORE: НЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРЕНД В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ 299
Казун А.Д. «ЖИТЬ ЖИЗНЬ, А НЕ ТОНУТЬ В БЕСКРАЙНЕМ НОВОСТНОМ БОЛОТЕ»: ПРИЧИНЫ ИЗБЕГАНИЯ НОВОСТЕЙ В РОССИИ 300
Калинин Д.А. СИНГАПУРСКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ И ЕЁ ПРИМЕНИМОСТЬ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ XXI ВЕКА 301
Кальченко И.К. ЗА УРАЛОМ: МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА КАК ОДИН ИЗ ДРАЙВЕРОВ РАЗВИТИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ 303
Кандыба Р.А. КОНФИГУРАЦИЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПАРТИЙНОСТИ 304
Каневская А.В. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ 306
Караванский А.С. РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ОБРАЗ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: МЕТОДЫ И СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ 307
Каратуева Е.Н. ЭНВАЙРОНМЕНТАЛИЗМ В РОССИИ: МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРОТЕСТОМ И ПРАГМАТИЧЕСКИМ ГРАЖДАНСКИМ АКТИВИЗМОМ 309
Карпова В.В. СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА ЦИФРОВОЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ 310
Карпунина П.С. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВЫХ ПАРТИЙ ВО ФРАНЦИИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОГО СРОКА ЭММАНЮЭЛЯ МАКРОНА 314
Каторжевский П.Н. ЗАКАТ «ЛЕВОГО ПОПУЛИЗМА» В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ 313
Качусов Д.А. ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ МОЛОДЕЖЬЮ ВОЗДЕЙСТВИЯ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО МЕДИА-КОНТЕНТА НА ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ 314
Керимов А.А. К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА 315

Кечик У. А., Зарипов Н.А ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ РЫНКА ТРУДА 317
Киричук Д.А. ЭРА СОЦСЕТЕЙ И БЛОГЕРОВ: НОВЫЕ АКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА 318
Кисляков Е.А. «ДЕРЖАВНОСТЬ» КАК КОНЦЕПТ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РОССИИ 319
Клещенко Л.Л. РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯДЕРНОГО КОЛОНИАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 320
Клычева У.А. КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ 321
Кожухова К.Е. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФЕНОМЕН ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 323
Козин М.А. ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 324
Козлов К.Н. СТРУКТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРУПЦИИ 325
Козлов Н.А. СВЯЗЬ КРЕДИТНОГО БРЕМЕНИ ГРАЖДАН С ПОЛИТИЧЕСКИМ УЧАСТИЕМ: РОЛЬ ДОХОДОВ И КРЕДИТНЫХ УСТАНОВОК 327
Козлова Н.Н., Рассадин С.В. ПАТРИОТИЧЕСКИЕ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ИНТЕГРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТАНТ КОНСОЛИДИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ 328
Колозов Д. П. ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЁЖИ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ «СЕГОДНЯ» И В «БУДУЩЕМ» 330
Колотаев Ю.Ю. ДИВЕРГЕНЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ПО ВОПРОСАМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ФРГ) 331
Колчин П.А. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В АРМИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СВО В 2022-2025 ГГ. 333
Кольба А.И. ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ) 334
Кольба Н.В. ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ КАК ПЛОЩАДКИ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА И ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТАХ (ПО МАТЕРИЛАМ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ) 335
Кольба П.А. СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮНЕСКО ПО ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ В СТРАНАХ С ВООРУЖЕННЫМИ КОНФЛИКТАМИ: СРАВНЕНИЕ ОПЫТА СИРИИ И УКРАИНЫ В 2015-2024 ГГ. 337
Комаров И.Д., Горбунова М.Л. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РЕСУРСНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ЗОН-КЛАСТЕРОВ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА 338
Комлева Н.А. ПРИЧИНЫ ДЕГРАДАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДА 340
Кондаков М.В. АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ: ЦЕНТРИСТЫ ИЛИ УЛЬТРАПРАВЫЕ? 342
Кондратенко К. С. ОБОСНОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОЛОГИИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ СЕТЕЙ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 343
Конышев В.Н. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АРКТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ИНДИИ 344
Коньков А.Е. ПУБЛИЧНАЯ ПАРАДИПЛОМАТИЯ И ЛАТЕНТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ДЛЯ РОССИИ И МИРА 346
Копылова П.С. «ЦЕННОСТИ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ: АНАЛИЗ КУРСА "ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ"» 347
Коргунюк Ю.Г. "ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ" РАЗМЕЖЕВАНИЕ НА ВЫБОРАХ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ 348
Корниенко К.А. ЦЕНТРЫ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАМИ РОССИИ КАК НОВАЯ ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА 350
Корниленко А.В. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРЕВОСХОДСТВО КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАНОСТИ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА 351

Королев А. И. ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ КПРФ ПО ОТНОШЕНИЮ К СУБЪЕКТАМ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РФ В 2024 г. 353
Косолапова М.А. АНТИЛИБЕРАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ: ТОТАЛИЗАЦИЯ «ПОЛИТИЧЕСКОГО» В КОНЦЕПЦИИ К. ШМИТТА 354
Костромин В. В. МОДЕЛИ ГОЛОСОВАНИЯ В МНОГОМАНДАТНЫХ ОКРУГАХ: СЛУЧАЙ РОССИЙСКИХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ 355
Кочетков А.П. О НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 357
Кошкин А.В. Мясников А.И. О РОЛИ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА 358
Крайнов С.К. ИНТЕГРАЦИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИТУАЦИОННЫЕ ЦЕНТРЫ 359
Крайнова Н.В, Товмасян Н.Э. ДИСБАЛАНС МЕДИЙНОГО ОСВЕЩЕНИЯ: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА И ДЖО БАЙДЕНА В РОССИЙСКИХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ РИА НОВОСТИ И ИНТЕРФАКС) 360
Краснопёров А.Ю. PEST-АНАЛИЗ ЗАМЕНЫ ДЕПУТАТОВ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАЦИОНАЛЬНЫХ LLM 362
Кривохина С.А. КОНСТРУИРОВАНИЕ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ МЕДИАПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА 364
Кротков В.О. ДИФФУЗИЯ ФОРМ ПОЛИТИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ 365
Крымчанинова М.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЙ (УЧАСТИЯ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ) 366
Кузина С.И., Веренич И.Г. ВОЕННАЯ ЦЕНЗУРА КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ 368
Кузнецов А. Д. АНАЛИЗ РОЛИ РОССИИ: ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЕЕ ВЫЗОВЫ 370
Кузнецов Д.А. АКТОРНОСТЬ БРИКС: ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ 371
Кузнецова Е.В. РАЗВИТИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ДНР В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ 372
Кузнецова А.И. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 374
Кузьменко Н.П. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТРУМЕНТЫ И ТЕХНОЛОГИИ 375
Кукушкина О.Ю. ФЕНОМЕН ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ 376
Кулаковский Р.К. ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 378
Кулеш С.А. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИДЕИ «ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ» 379
Куликов Н.А. МОЛОДЕЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ 381
Кумпан В.А. МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ОБРАЗОВАНИИ: ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ 382
Куракина Л. М. ПОТЕНЦИАЛ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ В ДЕЛЕ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ 384
Курицын И.П., Габайдулин Р.В. ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ 385
Курицын И.П. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ 387
Курюкин А. Н. СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА И ПОСТРОЕНИЯ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЕВРОСОЮЗА, КНР, РОССИИ) 389

Кусочков А.Г. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ НЕБРЕЖНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЕВРОПЕИЗАЦИИ 390
Кустов Д. О. ОТ ПОЛИТИКИ СДЕРЖАННОСТИ К АКТИВНОЙ ОБОРОНЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ ИЗРАИЛЯ 392
Кутепова Д.О. ВЛИЯНИЕ ОНЛАЙН-РЕСУРСОВ ПУБЛИЧНЫХ ПОЛИТИКОВ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОВЕРИЕ МОЛОДЕЖИ 393
Лаврикова А.А. КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ 395
Лаврушина Н.В. МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ КАРЕЛИИ: УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ 396
Лагойко А.Г. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ 398
Лагутин О.В. КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦИКЛА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ 399
Лалетина А.Д. КОНФЛИКТНЫЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ДИСКУССИЯХ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ) 400
Ланчава А.И. О ВЗАИМОСВЯЗИ ТРАКТОВОК ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА, ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЭПОХУ ПОСТЛИБЕРАЛИЗМА: ПАМЯТИ АЛАСДЕРА МАКИНТАЙРА (1929-2025) 402
Лапенко М.В. ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНО-БЮРОКРАТИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: РОЛЬ МНОГОУРОВНЕВОГО ЛОББИРОВАНИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИЗАЙНЕ ЕАЭС 403
Лапкин В.В. СОПРЯЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ: ДИНАМИКА И РАЗВИТИЕ 405
Лапшаков Г.С. БИТВА ЗА ОКИНАВУ 1945 ГОДА В МУЗЕЯХ ЯПОНИИ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАРРАТИВ VS. РЕГИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ 406
Лебедева М.М. ФОРМИРОВАНИЕ СЕТЕВЫХ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ БРИКС 407
Левченко Д.О. НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ПОЛИТИКЕ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: РЕСУРСНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ 409
Леденева В.Ю. ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ЭФФЕКТЫ МИГРАЦИИ В ЕАЭС: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ 410
Линде А.Н. НЕОЛИБЕРАЛИЗМ КАК УГРОЗА ПРИНЦИПАМ ГУМАНИЗМА И РЕСПУБЛИКИ РАЗВИТИЯ 411
Линник А.А. РОЛЬ ПОЛИТИКО-РЕЖИМНОЙ КОНФИГУРАЦИИ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ИДЕЙНО-СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА 413
Лисенкова А.Д. ПРИОРИТЕТЫ БРИКС В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ИЗМЕНЕНИЕМ КЛИМАТА (НА ПРИМЕРЕ АРКТИКИ) 414
Литвин Л.А. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД 416
Логинов В.А. ПУБЛИЧНАЯ ДИСКУССИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО В РОССИИ: МЕХАНИЗМЫ СИМВОЛИЧЕСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ 417
Лопатин А.С. ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА 419
Лункин Р.Н. РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СТАНОВЛЕНИИ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА 421
Лю Шии КОНФЛИКТ ВОКРУГ ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ: ПОЗИЦИЯ РОССИИ 422
Любина Д.Е., Саблина М.А. ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИИ В НОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА 423
Люблинский В.В. МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА 425
Лядова Е.В. МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 426

Ляховенко О.И. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ КАК ФАКТОРЫ ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ 428
Мажников В.И. К МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ 429
Макарова Е.А. ДИЗАЙН ЭТИЧНОГО ЛОББИЗМА: УРОКИ ИЗРАИЛЬСКИХ АДВОКАЦИОННЫХ КОАЛИЦИЙ ДЛЯ АРХИТЕКТУРЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНТЕРЕСОВ 430
Маковский А.А. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ЛОЖНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 432
Макушина Л.В. СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА В КОНТЕКСТЕ СЕТЕВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 433
Малашенкова А.А. СОЗДАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КОАЛИЦИЙ ЛИДЕРАМИ-ПОПУЛИСТАМИ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ 435
Малышева Е.М. СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О РОЛИ СССР В ПОБЕДЕ НАД НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 436
Малышева Г.А. ИЕРАРХИЯ ИНТЕРЕСОВ В ЦИФРОВЫХ СЕТЯХ И ЕЕ ПРОЕКЦИЯ НА СИСТЕМУ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ 437
Малышева О.П. ИНДЕКСНАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ДИСКУРСИВНОЙ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ 439
Мальцева Д.А., Стребкова К.Е., Бурангулов Р.Р. СУВЕРЕННАЯ РИЗОМАТИЗАЦИЯ: СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 440
Мальцева Д.А., Федотов Д.А., Сафонова О.Д. ГЕЙМИФИЦИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ: ИННОВАЦИОННЫЕ ТРАЕКТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ 442
Манакин М.А. ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 443
Мансуров Т.З. СПЕЦИФИКА И ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА 445
Марданшин И.Р. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ 446
Марков Е.А. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН ПОЯВЛЕНИЯ РУСОФОБИИ В АНГЛИИ 447
Маслова К.В. ПРАКТИКИ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ВЫВОДЫ ИЗ РОССИЙСКОГО ОПЫТА 449
Матафонова Ю.А. СТАРОЕ И НОВОЕ В ОСМЫСЛЕНИИ СУЩНОСТИ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА И СУБЪЕКТНОСТИ РЕГИОНОВ 450
Матвеева А.Д. ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ОСНОВА ГЕРОИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: АНАЛИЗ МУЗЕЙНЫХ ПРАКТИК 452
Матвеева Е.В. ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ОТНОШЕНИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В ПРОМЫШЛЕННОМ РЕГИОНЕ 453
Машурян В.А. РЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА (СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ) 455
Медведева М.В. ГРАМОТНОСТЬ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК НЕОБХОДИМАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ГРАЖДАНИНА 456
Межевич Н.М., Шимов В.В. СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО РОССИИ И БЕЛАРУСИ – ОТ ТАКТИЧЕСКИХ РАЗНОГЛАСИЙ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ АЛЬЯНСУ 457
Миненкова А.П. «ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ» 459
Минец К.Г. «РУССКИЙ МИР» КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА РОССИИ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ 460
Мирзаджанов Т.Э. СЕМЬЯ СУВЕРЕННЫХ НАРОДОВ: ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОГО ПРАВОПОПУЛИСТСКОГО ЛАГЕРЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 462
Мирзоев Э.Э. КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: ВЫЗОВЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ 463

Мирошниченко И.В. ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПОЛИТИКЕ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ 465
Митрахович С.П. РОССИЯ И АЗЕРБАЙДЖАН: ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА 466
Митрофанова А.В. СЕТЕВЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ПРАВОМ ФЛАНГЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ 467
Митрохина Т.Н. РЕКОНФИГУРАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 469
Михайленко Е.Б. АКТОРЫ СОВРЕМЕННОГО РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ 470
Михайленко В.И. «АЗИАТИЗАЦИЯ» МИРОВОГО ПОРЯДКА КАК ВЫЗОВ ВЕСТФАЛЬСКОЙ МОДЕЛИ 472
Михайленок О.М. КРИЗИС СИСТЕМНОСТИ И ЕГО ОСНОВАНИЕ 473
Михайлов И.В. КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – ПУТЬ К УСТОЙЧИВОМУ МИРОПОРЯДКУ ИЛИ ИНСТРУМЕНТ СДЕРЖИВАНИЯ? 475
Михайловская О.Г. О ТРАНСФОРМАЦИИ ВОСПРИЯТИЯ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ 476
Моисеенко И.А. МЕДИЙНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В РОССИИ XXI ВЕКА 478
Мокин И.В. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ: АНАЛИЗ КЕЙСОВ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ 479
Морозова Е.В. ПОЛИТИЗАЦИЯ ПРИРОДНЫХ СИМВОЛОВ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРАНАХ КАСПИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА 481
Морозова О.С. АРХИТЕКТОНИКА ВЫБОРОВ: КАНТОВСКИЙ ПОДХОД К СИСТЕМНОМУ АНАЛИЗУ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ 482
Морозова С.С. ЦИФРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНИНА В ЭПОХУ ИИ 484
Мохорова А.Ю. ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ 485
Муравьев С.В. ТВОРЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ОСНОВА МНОГОПОЛЯРНОГО РАЗВИТИЯ МИРА И АЛЬТЕРНАТИВА НЕОЛИБЕРАЛЬНОМУ ГЛОБАЛИЗМУ 486
Мусин Н.А. ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ В ВЕНГРИИ В ПРЕДДВЕРИИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2026 ГОДА 487
Мусина Р.И. ИЗМЕНЕНИЕ ОЦЕНКИ РОЛИ СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ПРАКТИКА 489
Мухарин Н.В. «ВОЙНА, ПАМЯТЬ И ДИПЛОМАТИЯ: ВЫЗОВЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСАХ В СТРАНАХ СРЕДНЕГО ВОСТОКА» 490
Мухина А.В. ЦИФРОВАЯ ЭТИКА: ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ ИННОВАЦИЯМИ, СВОБОДОЙ И БЕЗОПАСНОСТЬЮ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 492
Мухина Ю.В. РОЛЬ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ В ФОРМИРОВАНИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СООБЩЕСТВА: «ДИГОРИЯ») 493
Мухортов Д.С. ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНЧЕСТВА КАК ВЕКТОР ИЗУЧЕНИЯ ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА СТРАНЫ 494
Мясников А.И. МЕЙНСТРИМИЗАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ПОПУЛИЗМА: СТРАТЕГИИ МОЛОДЫХ ЛИДЕРОВ “НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ” И “НЕПОКОРЕННОЙ ФРАНЦИИ” 496
Назаренко А.В. СЕТЕВОЙ ВЗГЛЯД И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ 497
Назаров Р.Р., Алиева В.Р. ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 499
Назарьева А.В. ПОЛИТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ УНИВЕРСАЛИЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ) 500
Намазов О.Б. ПОПУЛИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ Р. Т. ЭРДОГАНА И Э. ИМАМОГЛУ 502

Настявин И.М. КОГНИТИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИССОНАНС В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ О ПОЛИТИКЕ 503
Науменко А.С. ПОЛИТИКА ПАРТНЕРСТВА РОССИИ И КИТАЯ В РАМКАХ БРИКС 505
Науменко А.С. БРИКС И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА 506
Наумчева Е. Ю. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦПРОЕКТА «ОБРАЗОВАНИЕ» В 2019-2024 ГГ. 508
Нгуен Данг Хай. БЛОГ О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ КАК ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ: ФИЛОСОФИЯ, ПРОЕКТИРОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО 509
Небоженко А.В., Чиркова Д.Е. ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ВОВЛЕЧЁННОСТЬ СТУДЕНТОВ-ПОЛИТОЛОГОВ В НАУЧНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 510
Невзоров М. В. ГОРОДСКИЕ РЕЖИМЫ КЛИМАТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В РОССИИ 511
Недяк И.Л. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ С МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ: НАСТРОЙКА ИНСТРУМЕНТАРИЯ 513
Неклесса А.И. ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК МУЗЫКАЛЬНАЯ ПАРТИТУРА 514
Нечаев Д.Н. ЦИФРОВОЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК ВЕРСИЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ, ЦЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ 515
Никитина М.В. ШКОЛА КАК АГЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ 517
Никифоров А.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ) ОГРАНИЧЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКСПЕРТНЫХ МНЕНИЙ 518
Никовская Л.И. ОСОБЕННОСТИ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ПУБЛИЧНУЮ ПОЛИТИКУ В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ СЕТЕВЫХ И ИЕРАРХИЧЕСКИХ НАЧАЛ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА 520
Николаев Ю.Б. ОСОБЕННОСТИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ В ДОНБАССЕ И НОВОРОССИИ 521
Николаева М.В., Шестакова А.А. ЦИФРОВЫЕ ПАТТЕРНЫ ВИЗУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ МЕССЕНДЖЕРЕ TELEGRAM НА ПРИМЕРЕ ОБЗОРА ПАТРИТИЧЕСКИХ СТИКЕРПАКОВ 522
Никоненко С.А. УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ КАК ПАТТЕРН ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ 524
Никуленков В.В., КИТАЙСКИЕ ДИАСПОРЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ КИТАЯ 525
Нугманова К. Ж. КРИЗИС ТРАДИЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ (ООН, ВТО) И РОСТ ВЛИЯНИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ (ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ, НПО) 527
Обидина Ю.С. РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА ТЕОРИИ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ 529
Овчарова О.Г. ПОДВИГИ ЖЕНЩИН-ГЕРОИНЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: МЕХАНИЗМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ 530
Оганезова С.В. УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКОЙ РОССИИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ МИРОУСТРОЙСТВА 532
Окара А.Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СОЛИДАРИЗМА КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ЛИБЕРАЛЬНЫМ И НЕОТОТАЛИТАРНЫМ МОДЕЛЯМ МИРОПОРЯДКА И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 533
Олимзода С.Ш. ИСЛАМ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ МУСУЛЬМАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ 535
Омельченко Н.А. РОССИЯ И ДЕМОКРАТИЯ: Г.П. ФЕДОТОВ О НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ, ЗАПАДНЫХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ДЕМОКРАТИЯХ И БУДУЩЕМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СТРОЯ В РОССИИ 536

Онопко О.В. ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ УКРАИНЫ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ 538
Павлова Т.В. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА 539
Палитай И.С., Девочкина А.С. МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА 540
Панеш А.А. РОЛЬ ЦИФРОВОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ: ВЛИЯНИЕ РИТОРИКИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА И ЕГО ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СТОРОННИКОВ 542
Панин В.Н. РОЛЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 543
Панкевич Н.В. ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ВЫЗОВЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО МИРА 545
Панкратов С.А. ОБРАЗ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ КОНЦЕПТЕ СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ 546
Панюжева М.М. О РОЛИ БРИКС В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ НЕЗАПАДНОМ МИРОПОРЯДКЕ И ВКЛАДЕ РОССИИ 547
Парамонов В.В. ЗНАЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ С РОССИЕЙ В РАМКАХ ЕАЭС ДЛЯ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ПРОДОЛЖАЮЩЕГОСЯ ОБОСТРЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ 549
Парамонова О.В. ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ВЫБОРАМИ В РОССИИ 550
Парма Р.В. ТРИГГЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА 551
Патина Е.С. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПАРЛАМЕНТОВ 553
Патрушев С.В. ПОНЯТИЕ «ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОРЯДОК» 554
Пашковский Е.А. ФАКТОР ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В ПОЛЬШЕ 2025 ГОДА 556
Петров И.И. ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТРАТЕГИЙ НОВЫХ ПАРТИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО КОАЛИЦИОННОЙ БОРЬБЫ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ 558
Петрова Ю.В. БУДУЩЕЕ РЕГИОНОВ РОССИИ В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЕЖИ: ОТ ЛИЧНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПЕРСПЕКТИВАМ ПЕРЕЕЗДА 559
Петросянц Д.В. ИНФОРМАЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ НА РОССИЮ В ПЕРИОД СВО И МЕТОДЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ 561
Пешков Я.М. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В РОССИИ: СТАРЫЕ И НОВЫЕ АУДИТОРИИ, СПЕЦИФИКА ЕЁ СОДЕРЖАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ 562
Пименова М.А. ТЕМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ «РУССКОГО МИРА» 564
Пищева Т.Н. ДИНАМИКА ОБРАЗА РОССИИ В РИСУНКАХ СТРАНЫ: БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ 565
Плюснин Н.О. ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОГРАММЕ ДАТСКОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА В СОВЕТЕ ЕС 566
Погорельский Д.М. ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА: ТОЧКИ СОПРЯЖЕНИЯ 567
Подшибякина Т.А. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ 568
Пожидаев Е.А. РОССИЯ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ ГЕОСТРАТЕГИИ 570
Поливаева Н.П. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 571
Полиенко А.И. ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ БРИКС) 572

Полякова Н.В. СПЕЦИФИКА ТРАДИЦИРОВАНИЯ ФАКТОРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 574
Помигуев И.А. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РАМКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РОЛИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ 575
Пономарёва Ю.В. ХЕШТЕГ КАК СПОСОБ ТРАНСЛЯЦИИ ОСОБЕННОСТЕЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ (НА МАТЕРИАЛЕ TELEGRAM-КАНАЛА МИД РФ) 576
Попова О.В. МОЛОДЕЖНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ 577
Постол В.И. КОЛЛАБОРАТИВНЫЕ РЕШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ 579
Потапкин А.С. ОБ УЧАСТИИ БИЗНЕСА В РАБОТЕ ДЕЛОВЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ GR-МЕНЕДЖМЕНТА 580
Поцелуев С.П. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В МИРОВОЗЗРЕНИИ СТУДЕНТОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА 582
Прамесвари О.Г. РОЛЬ МОЛОДЕЖНЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ КЛУБОВ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-ИНДОНЕЗИЙСКОГО НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ОПЫТ СТУДЕНЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА ИНДОНЕЗИЙСКИХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ 583
Прищепа А.С., Кукель В.Е. HOMO DIGITALIS ИЛИ КАК ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО МЕНЯЮТСЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 585
Прокопенко Л.Я. СОПРАВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ ЛЕДИ В ЕГИПТЕ И ТУНИСЕ (1981–2011 гг.) 586
Пронякина Е.Д. ИДЕЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН БРИКС 587
Прохоренко И.Л. ЦЕНТРЫ И ПОЛЮСЫ СИЛЫ В МИРОВОЙ СИСТЕМЕ: ВАЖНЫ ЛИ СЕМАНТИЧЕСКИЕ НЮАНСЫ? 589
Прусов Д.А. ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ КАК ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИКРОПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НАСЕЛЁННОГО ПУНКТА (НА ПРИМЕРЕ Г. ЯРОСЛАВЛЯ) 590
Пустовойт Ю.А. АССАМБЛЯЖИ ВЛАСТИ: ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОДХОДА ПРИ АНАЛИЗЕ ВЛАСТИ В ГОРОДАХ СИБИРИ 591
Пустошинская О.С. ИНСТИТУТ ПОБРАТИМСТВА ГОРОДОВ В ЭПОХУ СЛОМА УНИПОЛЯРНОГО МИРОУСТРОЙСТВА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ В ФОРМАТЕ БРИКС 593
Радиков И.В. К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ В РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ 594
Ранджбар Д.М. РОЛЬ БРИКС В ФОРМИРОВАНИИ МНОГОПОЛЯРНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ МИРА 595
Рассадин С.В. ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ В КОНТЕНТЕ СЕМЕЙНЫХ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ «ВКОНТАКТЕ» РЕЛИГИОЗНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ 596
Расторгуев С.В. ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ РОССИИ 598
Рахматуллин Ш.Д. МЯГКАЯ СИЛА РОССИИ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ: ПОМОЩЬ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ 599
Рашковский Е.Б. НАСЛЕДИЕ БХИМРАО РАМДЖИ АМБЕДКАРА: ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ «НЕПРИКАСАЕМЫХ» 600
Решетникова Е.Н. ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ФОРМАТЫ 602
Римский В.Л. КРИЗИС И РАСПАД ЛОГОЦЕНТРИЗМА В РОССИИ И В ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ 603
Рогач Н.Н. РОССИЙСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ГРАЖДАН СТРАНЫ 605
Рожнева С.С. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ИЗУЧЕНИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ 606
Романова А.П. ИРАН КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СИЛЫ: МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И ВЗГЛЯД ИЗ РОССИЙСКОГО ПРИКАСПИЯ 608
Руденко М.В. ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА В ДНР В 2022 Г. В РАМКАХ РАБОТЫ ВРЕМЕННОЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ КОМИССИИ 609

Рудницкая А.П. ВЛИЯНИЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ 611
Русакова О.Ф. ДИСКРИМИНАЦИИ РОССИЙСКОГО СПОРТА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР «ЛИБЕРАЛЬНЫХ» РЕЖИМОВ ЗАПАДА 613
Русия Н.Т. ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЛИДАРНОСТИ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ 614
Рыжков А.Е. СОВРЕМЕННАЯ ИЕРАРХИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ 615
Рыхтик М.И. О ПЕРСПЕКТИВАХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ 617
Рябов О.В., Рябова Т.Б. АНТИКОММУНИЗМ, РУСОФОБИЯ, ГЕНДЕР В ПУБЛИЦИСТИКЕ (ПОСТ)ПЕРЕСТРОЙКИ (К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОМ ДИСКУРСЕ КАК РЕСУРСЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ВРАГА) 618
Рябченко Н.А. ЦИФРОВАЯ ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ: АЛГОРИТМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ (НА КЕЙСАХ США И ИНДИИ) 619
Савенков Р.В., Хорошилов Г.Г. ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ К СВОБОДЕ И ДЕМОКРАТИИ МОЛОДЕЖИ ВОРОНЕЖА 620
Садохина А.В. DEEPFAKE—ТЕХНОЛОГИИ В РОССИЙСКОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА 621
Саймонс Грег НОВАЯ МОДЕЛЬ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: РОССИЯ И ИНСТИТУТЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА 623
Сайфатова А.Р. ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА В УПРАВЛЕНИИ МОЛОДЕЖНОЙ АКТИВНОСТЬЮ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ, ЕВРОПЫ, США И АЗИИ 624
Сальников В.И. УКРАИНА, ДОНБАСС И НОВОРОССИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ «ДИКОГО ПОЛЯ» 625
Сальникова Д.А. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПАРТИЙНОЙ РИТОРИКЕ: ОТ ИДЕЙ К ДЕЙСТВИЯМ 627
Самаркина И.В. УСТОЙЧИВОСТЬ И ЛАБИЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИКИ: ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА ПРОЦЕССОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ 628
Самохвалов. Н.А. ПРОБЛЕМЫ И ПОТЕНЦИАЛ ОПТИМИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ 630
Саргсян Д.О. ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ) 631
Саркисян О.Л. ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА 633
Сащенко Н.П. ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ 634
Селезнева А.В. Ячменева О.А. ИДЕАЛЬНЫЙ ПРЕЗИДЕНТ И ОБРАЗЦОВЫЙ ПАТРИОТ В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ 635
Семененко И.С. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ «МИРЫ» В КОНКУРЕНЦИИ ЦЕНТРОВ СИЛЫ: ФАКТОР ИДЕНТИЧНОСТИ 637
Сергеев С.А., Сергеев А.С. ЛЕВЫЕ И ПРАВЫЕ ПОПУЛИСТЫ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: ` СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ 637
Сергунин А.А. НА ПУТИ К ОБЩЕЙ АРКТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ БРИКС: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ 640
Сердюков И.А. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ЕАЭС ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 641
Серебряков К.Д. СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 643
Сересова У.И. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ТУРИЗМ И ГОСТЕПРИИМСТВО» КАК «МЯГКАЯ СИЛА» 644

Сигачёв М.И. МЕТАПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД И МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ: ОТ МАТЕРИАЛЬНОГО К НЕМАТЕРИАЛЬНОМУ 645
Сидоров В.В. ПРЕДВЫБОРНЫЕ СТРАТЕГИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙ: ЯЗЫК И СОДЕРЖАНИЕ ВИЗУАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ 646
Сидоров И.П. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ) 648
Симонян А.С. ВСТУПЛЕНИЕ ФИНЛЯНДИИ В НАТО КАК НОВЫЙ ЭТАП РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКИХ ОТНОШЕНИЙ 649
Сироткин М.С. ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ Г. МОСКВЫ) 651
Скипин Н.С. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ 652
Сладков В.Д. ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД ПРИ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВОПРОСОВ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ В 9-11 КЛ. 654
Слатинов В.Б. ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС КАК «АГЕНТ РАЗВИТИЯ» В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ 655
Слобожникова В.С. «ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ» НА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ПЕРЕПУТЬЕ 656
Смаль С.В. ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ЦИФРОВЫЕ МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 658
Смирнов П.А. ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ АФРИКАНСКИХ СТРАН БРИКС В ФОРМИРОВАНИИ АРКТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ОБЪЕДИНЕНИЯ. 660
Сморгунов Л.В. КОНЦЕПТ КОНТИНГЕНТНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ОБНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ ИЛИ ОПАСНОСТЬ ДЕПОЛИТИЗАЦИИ? 661
Смулькина Н.В. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА СТРАНЫ В РАМКАХ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА 662
Снисаренко К.Л. МЕДИЙНОЕ ОТРАЖЕНИЕ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА 664
Соколов А.В. ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПОВЕДЕНИЕМ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ 665
Соколов Н.Н. ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИ ПРИНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ 667
Сокольщик Л.М., Яникеева И.О. «ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И США В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ: ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ» 669
Солдатенко И.С. ВИДЕОИГРЫ КАК ПРОСТРАНСТВО ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ 670
Соловьев А.И. КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК АНАЛИТИЧЕСКАЯ РАМКА МИКРОПОЛИТИКИ 671
Соловьев М.Д. СПОРТ КАК ФОРМА СУБЛИМАЦИИ ВОЙНЫ И ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ 673
Соловьева Д.Д. ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ МИРОВОЙ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ 674
Соловьева Д.Д. ДИНАМИКА РАДИКАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА (НА ПРИМЕРЕ ПРОТЕСТОВ В ГРУЗИИ В 2024 ГОДУ) 676
Солоненко А.В. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН О ВЛАСТИ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 677
Сонина Е.О. КОНЦЕПТ «МОДЕРНИЗАЦИЯ» В НЕОЛИБЕРАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ: ОПЫТ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА 679
Сопов И.А. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛУХИ: ПОРОЖДЕНИЕ СМЫСЛА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛИТИКИ 680
Сорокопудова О.Е. ПОНЯТИЕ «ДЕРЖАВНОСТЬ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СМЫСЛЫ И ФУНКЦИИ 681

Сосунов Д.В. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ЭКСПЕРТИЗЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ) 683
Сосунова В.В. АСПЕКТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ В СТУДЕНЧЕСКИХ ОТРЯДАХ: ФОРМИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО РОССИИ 684
Сотникова А.М. ФАКТОРЫ МОТИВАЦИИ, РИСКОВ И ДИСФУНКЦИЙ СОЗДАНИЯ СЕМЬИ И РОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ У МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ 686
Споршев А.М. СОГЛАШЕНИЯ ОБ ОБОРОННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ КАК ФОРМА ЛЕГИТИМАЦИИ АМЕРИКАНСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ 688
Стародубцева М.Ю. СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ 689
Страхов А.Б. МОДЕЛЬ ДЕРЖАВНОСТИ В РУССКОЙ МЫСЛИ XVI В.: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ 690
Стрежнева М.В. ИДЕОЛОГИЯ ЗЕЛЁНОГО КУРСА И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ 692
Стрелец И.Э. ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ИСПАНИИ ПЕДРО САНЧЕСА В КОНТЕКСТЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ ЕС 693
Стрельникова И.А. АРКТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ СТРАН-ПАРТНЕРОВ БРИКС 695
Струченко С.В. «ПРОБЛЕМЫ ВЫТЯНУТОЙ РУКИ» В РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОНФ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ШТАБА АЛТАЙСКОГО КРАЯ) 697
Субботина А.А. ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРОНАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ГУБЕРНАТОРАМИ-«ВАРЯГАМИ» (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ И ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ) 698
Суворова М.А. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА США В 2024 ГОДУ 700
Сулимов К.А. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ИЗОМОРФИЗМА: ПРАВО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В КОНСТИТУЦИЯХ СТРАН МИРА 701
Сунами А.Н. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АНТИНАРКОТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ 703
Суслов Е.В. ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕКТОР КИТАЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОР БАЛАНСА СИЛ МЕЖДУ КНР И США 704
Суфиянова Г. Р. РОССИЯ И ЕЕ ОБРАЗ В КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ ПОСОЛЬСТВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В КНР В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ SINA WEIBO 705
Сухонина Н. А., Головин Ю. А. ДИНАМИКА ФРЕЙМИНГА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В РОССИЙСКИХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО И ГРУЗИНО-ЮГООСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТОВ) 706
Сычев В.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ В РОССИИ 708
Сянь Чаолин РОЛЬ И МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ КИТАЙСКИХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ В ПРИНЯТИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: НА ПРИМЕРЕ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК ПО КОРРЕКТИРОВКЕ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США В ОТНОШЕНИИ КНР (2017–2025) 709
Талович-Рашкович В. ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 711
Тарасов И.Н. СОПОСТАВЛЕНИЕ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 712
Тарасова А.А. МЕЖДУ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ И ПАМЯТЬЮ НАЦИИ ФОРМИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 714
Телин К.О. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ «ТРАДИЦИОННОГО ПОВОРОТА» 715
Тимакова О.А. РОЛЬ ПОЛИТИКИ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ РАЗВИТИЮ СТРАН ЕС В РЕГИОНЕ ЛАКБ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 716
Тимофеева Л.Н. НА ЧЕМ ОСНОВЫВАЕТСЯ НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ? 717

Тимофеева Л.Н. ОСОБЕННОСТИ СТАРЫХ И НОВЫХ АУДИТОРИЙ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В РОССИИ 719
Титов В.В. РОЛЬ ИРАНА В ФОРМИРОВАНИИ АНТИИЗРАИЛЬСКОЙ ОСИ СОПРОТИВЛЕНИЯ: ХЕЗБОЛЛА, ХАМАС, «ИСЛАМСКИЙ ДЖИХАД» 721
Титов В.В. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЖИДАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 722
Титова Л.Г. РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ В ДРАМЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА 724
Тишков С.А. КОАЛИЦИОННЫЕ СИЛОВЫЕ ОПЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ 725
Тищенко Р.Р. «ПРАВОПОПУЛИСТСКИЙ МИНИМУМ» ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ 2020-Х ГГ. 727
Ткачев А.В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРВАЛЬНОГО МЕТОДА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ И ШОТЛАНДИИ) 728
Товмасян Н.Э. ОБРАЗЫ КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ США В РОССИЙСКОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ФОРМИРОВАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ 729
Томеян А.В. ЛИДЕР В ЭПОХУ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ Н. ПАШИНЯНА 731
Трофимова И.Н. «ТРОЙНАЯ СПИРАЛЬ» В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ: СТРАНОВАЯ СПЕЦИФИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ 732
Трунов М.А., Трунова А.Д. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В КРИЗИС: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО И ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА (2020–2025 ГГ.) 734
Тулегенова Д.Д. ПАТЕРНАЛИСТСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ 735
Тульчинский Г.Л. ОТ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА К СТЕРЕОМЕТРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ 736
Тумуров Ж.Т. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ 738
Тупаев А.В. СМЫСЛ ИНТЕРЕСА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ 739
Туркин И.А. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИМВОЛА «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» В ЭКСПЕРТНОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ И США (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛОВ «РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ» И «FOREIGN AFFAIRS») 741
Уваров Г.Д. РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СЛОМ СТАРОЙ ОДНОПОЛЯРНОЙ ПАРАДИГМЫ 742
Ульянов П.В. П.К. ФРОЛОВ КАК «ЗНАКОВАЯ ФИГУРА» И ПРИМЕР ДЛЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ 743
Усачев С.В. НИКАРАГУА И БРИКС: ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ПОСЛЕ ВТОРОГО РАСШИРЕНИЯ 745
Усманов Р.Х. СТРАТЕГИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ КОНФИГУРАЦИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ 746
Усманова З.Р. ИДЕАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЕЁ ГРАЖДАН: СООТНОШЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНЫХ И НЕОСОЗНАВАЕМЫХ КОМПОНЕНТОВ 748
Усов Д.А. НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТОРЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ, ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ И НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ 750
Уханов А.Д. ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ АЛЬТЕРНАТИВ: К ВОПРОСУ О КОНКУРЕНЦИИ ОБРАЗОВ БУДУЩЕГО В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ 754
Уханова Ю.В. УЧАСТИЕ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА В РАЗВИТИИ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ (ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА BIG DATA) 753

Фадеева Л.А., Кетова Д.А. ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ СРЕДЕ: ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА 754
Федько А.А. ВЛИЯНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С ДРУЖЕСТВЕННЫМИ СТРАНАМИ 756
Филатова О. Г., Аркатов Д. А. ПРОБЛЕМЫ (НЕ)ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ ЖИТЕЛЯМИ МЕГАПОЛИСА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА 757
Филимонов Д.А. КОНСЕРВАТИВНЫЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ 759
Филиппов А.Р. ИНФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА 760
Филоненко Е.В. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ 761
Филь М.С. К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА» 763
Фролов А.А. РОССИЙСКАЯ БЛОГОСФЕРА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ: АНАЛИЗ ЭКСПЕРТНЫХ ИНТЕРВЬЮ С БЛОГЕРАМИ 764
Фролова Ю.Н. ПРОЕКТ «БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ» – ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ «ИНТЕГРАЦИЯ ИНТЕГРАЦИЙ»? 766
Фурсов К.К. ФОРМУЛИРОВКИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РОССИЕЙ КОНСТРУКТИВНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 767
Хабаров И.А. САМООРГАНИЗАЦИЯ ЭЛИТ И СИМУЛЯКРЫ: К ВОПРОСУ ОБ ОДНОУРОВНЕВОЙ МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 768
Хазипов И.И. КОАЛИЦИОННАЯ ГИБКОСТЬ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ: НА ПРИМЕРЕ «ЗЕЛЁНЫХ» ПАРТИЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ 770
Хайнацкая Т.И. «ЗЕЛЕНОЕ» ИЗМЕРЕНИЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЦЕНТРОВ СИЛЫ 771
Хайруллин Т.Р. РОЛЬ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ГОСУДАРСТВ В СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ БРИКС 773
Хамидуллин А.Р. ВОДОРОД И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ РОССИИ ДО 2050 ГОДА 774
Харин А.Н. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА НАШИХ ДНЕЙ: К РАЗГОВОРУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВАХ НАЦИИ-ГОСУДАРСТВА 775
Харина О.А. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ АРКТИКИ И ОПЫТ ИНДИИ В РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ 776
Харитонов А.А. ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА НА ПУБЛИЧНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУБЕРНАТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ СЕТЕВЫХ ДИСКУРСОВ ГЛАВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ И КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ) 777
Харитонова О.Г. «ПОПУЛИСТСКИЕ ИЗБИРАТЕЛИ И ЛИДЕРЫ-ПОПУЛИСТЫ: К ПОСТАНОВКЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ВОПРОСА» 778
Харламова Е.М. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ПОЛЬШЕ И СТРАНАХ ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ: ПОПУЛИЗМ, КОНСЕРВАТИЗМ, РАДИКАЛИЗМ 780
Харрасова Г.Р. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ РОССИИ 781
Харченко В.А. СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 783
Хаткевич А.А. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ СТРАН БРИКС 784
Хафизова И.Х. ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА В РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 786
Хахалкина Е.В. РОСТ ПОПУЛЯРНОСТИ Н. ФАРАДЖА И ЕГО ПАРТИИ «РЕФОРМИРОВАТЬ СОЕДИНЁННОЕ КОРОЛЕВСТВО» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ 787
Хачатурян С.О. ЕВРОПЕЙСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГРУЗИИ 789

Хвощев В.Е. ДИНАМИКА РУБЕЖЕЙ РОССИИ 21 ВЕКА 790
Хомутинкин С.В. АМЕРИКАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИСТЫ О МЕСТЕ РОССИИ В МИРОВОМ ПОРЯДКЕ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА 792
Хопёрская Л.Л. МИРОВАЯ АРХИТЕКТУРА БЕЗОПАСНОСТИ: БРИКС VS КОЛЛЕКТИВНЫЙ ЗАПАД 793
Хот Т.А. ЦИФРОВАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ: АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ ПО ВОПРОСАМ ЖКХ В КРАСНОДАРЕ НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ЦЕНТРА УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ 795
Хохлов Д.А. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ 796
Хрулькова В.В. РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ В САЛЬВАДОРЕ 798
Хугаев З.Т. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ГРАЖДАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 799
Цыбаков Д.Л. ИРРЕГУЛЯРНОСТЬ КАК ФАКТОР ВОЕННО-ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 800
Чайковская И.С. ТАРГЕТИРОВАНИЕ РИСКОВ, УГРОЗ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ВЫЗОВОВ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ИНОСТРАННЫХ ТНК И РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА 802
Челак А.В. ЦИФРОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПОЛИТИКА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИМИДЖЕВЫХ СТРАТЕГИЙ В ЭПОХУ ГИБРИДНОЙ РЕАЛЬНОСТИ 803
Челан А.И. НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ГИБРИДИЗАЦИИ 805
Черенкова И.В. ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ШКОЛЕ 806
Черникова В.В. РЕГИОНАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ВОЗРАСТАЮЩЕЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ: КОНСОЛИДАЦИЯ ИЛИ ИМИТАЦИЯ 808
Черникова Г.В. ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКИХ МОЛОДЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ БЛОГОСФЕРЫ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ 809
Чернова С.А. ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНФЛИКТНОСТИ И СОЛИДАРНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕТЕВЫХ МЕДИА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ) 811
Черноморченко И.Ю. ВЗАИМОВЛИЯНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ 812
Чернопятова С.А. ТРИУМФ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН: НА МАТЕРИАЛАХ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 813
Чернышов Ю.Г. CAPUT MUNDI: ИСТОКИ СТОЛИЧНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИМИДЖ РИМА КАК «СТОЛИЦЫ МИРА» 815
Чжао В. РОССИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА АСЕАН: МЕЖДУ ОГРАНИЧЕНИЯМИ И ВОЗМОЖНОСТЯМИ 817
Чигарев В.Н. ПОЛИТИКА ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: МЕЖДУ АККОМОДАЦИЕЙ И КРИТИЧЕСКИМ ПРЕОБРАЗОВАНИЕМ 818
Чирикова А.Е. ВЛАСТЬ В МАЛОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ И ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТОРЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 819
Чирков С.С. ФОРМЫ КОАЛИЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БИЗНЕСА В GR-МЕНЕДЖМЕНТЕ 821
Чугунов А.В., Видясов Е.Ю. РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В ФОКУСЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ 823
Чумиков А.Н. НАПРАВЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГИБРИ ДНОЙ ВОЙНЫ 824
Чураев А.А. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ) 825
Шаблов В.А. СОЦИАЛЬНАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ЗЕРКАЛЕ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 827
Шабров О.Ф. НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ – НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА 828

Шакарян Я.Э. ФЕНОМЕН ЭКОЧАЙЛДФРИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ 829
Шалаев Н.Е. ДВУХПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА В США: ПОМОЖЕТ ЛИ ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ? 831
Шапиро Н.И. ЭВОЛЮЦИЯ РЕСТРИКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА 833
Шашкова Я.Ю. МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КИБЕР-СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ 834
Шаяхметов А.М. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОРТРЕТА ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 И СВО 836
Швая А.Ю. «КОГНИТИВНАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ» ПРАВОСЛАВНЫХ ПРАКТИК ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ 837
Шведова Н.А. ИНСТИТУТ ВЫБОРОВ И ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В США: ЦЕНА ВОПРОСА 838
Швецова А.В. КОРПОРАТИВНАЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ 840
Шевченко А.В. ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ АГРЕССИЯ В ЗОНТИЧНОЙ СЕМАНТИКЕ ГИБРИДНОЙ АГРЕССИИ 841
Шелякин А.А. ОБРАЗЫ СТАЛИНА И ЛЕНИНА В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ О ПОБЕДЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 843
Шеляпина А.А. КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ РОССИИ КАК ЧАСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗА СТРАНЫ: ОТ ИДЕИ ДО ВОПЛОЩЕНИЯ 844
Шестопал Е.Б. ОБРАЗ БУДУЩЕГО СТРАНЫ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 845
Шешменёва М.В. РОЛЬ TELEGRAM-КАНАЛОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ГЛАВ РЕГИОНОВ 847
Шкель С.Н. АСИММЕТРИЧНАЯ ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ: ЛОГИКА ЧАСТИЧНЫХ РЕФОРМ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 848
Шлапеко Е.А. ИДЕИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПРОЕКТАХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ 849
Шлыкова Д.Н. КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ 850
Шпагин С.А. ДИНАМИКА СТРУКТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ 852
Шпиро Л.А. ПРОЕКТЫ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В РАЗВИТИИ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ 853
Шрамко Я.В. ДИХОТОМИЯ «РОССИЯ — ЕВРОПА» В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ 855
Шулепова Д.П. ДОКТРИНА ЕВРАЗИЙСТВА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 856
Шумилова О.Е. ЦЕННОСТНЫЙ КОНТУР МАТРИЦЫ ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА ГРЯДУЩЕГО (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ КЕЙСОВ) 858
Шуруб М.К. ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ НА РОССИЙСКИЙ СПОРТ 859
Щенина О.Г. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА: ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ 860
Щербаков И.М. ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ НЕООСМАНИСТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI В. 862
Щербинина Н.Г., Аванесова Е.Г. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СЕГОДНЯШНЕЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ 863
Юдина К.В. РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТОВ КАК СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ 865
Юрченко В.М. НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ И ЛИДЕРСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МЕРИТОКРАТИЯ 866

Юрченко И.В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 868
Юрченко Н.Н. РОЛЬ СОБЫТИЙНОГО ДИЗАЙНА ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В АНАЛИЗЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ЮГЕ РОССИИ 869
Якимец В.Н., Никовская Л.И. ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД РЕФОРМИРОВАНИЯ МСУ 871
Якуничев Д.А. БРИКС МЕЖДУ «СВАМ» И КЛИМАТИЧЕСКОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТЬЮ: ОТВЕТЫ РОССИИ, КИТАЯ И БРАЗИЛИИ 872
Януш О.Б. ПОЛИТИКА ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ «РУВИКИ» 873
Ярошева Д.В. КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГЕРОИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ) 875
Ярошенко А.С. ДОМИНИРУЮЩИЕ ПАРТИИ В МОДЕРНИЗИРУЮЩИХСЯ СТРАНАХ: ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ 876
Ячменник К.В. УНИВЕРСИТЕТ КАК СУБЪЕКТ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ 878
Grahovac N. DEVELOPMENTS OF CIVIC IDENTITY AND PATRIOTISM OF RUSSIAN YOUTH IN THE NATIONAL EDUCATION SYSTEM 879
Rajib Naimul Islam THE ROHINGYA CRISIS AND RUSSIA'S GLOBAL SOUTH STRATEGY: SHAPING POLITICAL ALLINACES IN THE 21ST CENTURY 881

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике представлены тезисы докладов организуемой Российской Ассоциацией Политической Науки в 2025 году традиционной Ежегодной Всероссийской научной конференции РАПН, которая в нынешнем году посвящена теме «Россия и мир в первой четверти XXI века: политические итоги и перспективы». Конференция приурочена к важной вехе развития отечественного политологического сообщества — 70-летнему юбилею Российской ассоциации политической науки.

Цель конференции – поиск содержательных ответов отечественной политической науки на вызовы глобального и регионального развития, актуализация эвристических возможностей политической науки для интерпретации качественных изменений внутренней и мировой политики, а также функций социальной архитектуры и политического прогноза. Необходимым представляется аналитическая интерпретация политических итогов первой четверти текущего века, а также формулировка прогнозов относительно возможных альтернатив дальнейшего политического развития в ближайшие десятилетия.

В повестке конференции особое место занимает стремление найти содержательные решения острых современных проблем в плане обеспечения национальных интересов нашей страны. Предлагается новый взгляд на формирование современной системы международного взаимодействия на основании на глубоком понимании уникального опыта российской цивилизации и её вклада в создание справедливого и устойчивого мирового порядка.

Ключевую тему форума можно обозначить как концептуализацию рефлексии современного этапа переформатирования мирового порядка, исследования многообразия подходов к пониманию феноменов политического развития и поиска наиболее оптимальных путей укрепления национального суверенитета России как важного элемента стабильного и справедливого международного баланса. Методологическим фундаментом осмысления сложных проблем социального развития выступает признание самобытности цивилизационных образований и исторически обусловленной специфики пути общественного и политического развития разных стран. Таким образом, на первый план выходит цивилизационный подход, что акцентирует нерелевантность универсалистских шаблонов в политической теории и практике. Вышесказанное определяет конфигурацию основных содержательных линий обсуждений в рамках конференции.

Формирование теоретических оснований анализа политических изменений в современном мире. Линейные подходы, сформированные в рамках западной либеральной и неолиберальной традиции, сегодня оказались недостаточными для содержательных интерпретациий сложной реальности. Значимой опорой выступают сложившееся на основании отечественной интеллектуальной традиции концепции, отражающие сложность и разнообразие политических процессов, что позволяет выявлять субстантивные характеристики регионов и государств.

Рассмотрение роли России в формировании нового мирового устройства. После завершения эпохи «однополярного момента» несомненная важность диалога между различными центрами силы, прежде всего между Россией, Индией, Китаем, различными региональными и межрегиональными объединениями. Признание значимости межцивилизационного и межгосударственного диалога позволит констатировать преодоление однополярности, что позволит России существенно расширить свое влияние и роль в обеспечении устойчивого равновесия в международной системе.

Взаимодействие традиций и инновационных тенденций. Современные изменения требуют переосмысления существующих подходов к изучению мировой политики, перехода от односторонних интерпретаций к многокультурной модели, способной учитывать на-

циональные контексты и исторические различия государств. Оценка перспектив дальнейшего развития российского общества и международных отношений в контексте вызовов цифровизации, трансформации институтов власти и экономики, нарастающей геополитической конкуренции, отражает сложность теоретических задач конференции.

Значение теоретико-методологических рамок концепции российской цивилизации. Одним из приоритетов выступает создание целостной непротиворечивой системы интепретаций, позволяющей осмыслить историческое развитие, социо-культурную специфику и актуальные тенденции эволюции российского общества. Эти теоретико-методологических рамки обеспечивают основания для изучения ключевых аспектов российской внутренней и внешней политики и социальных процессов, формирующие российскую цивилизационную идентичность, систему традиционных ценностей и позволяющие обеспечить социальную стабильность.

Таким образом, основным результатом конференции признано стать создание комплекса содержательных интерпретаций, позволяющих лучше постичь динамику перемен и предложить эффективные стратегии внешней и внутренней политики.

1. ОСНОВНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ:

ОТ-1 Политическая наука первой четверти XXI века: концептуальный подходы и познавательные возможности

ОТ-2 Ценностный контекст современной политической теории и политики: требования времени

ОТ-3 Мировоззренческое наследие Великой Победы и роль политических наук в осмыслении истории, объяснении настоящего и формировании будущего (к 80-летию Победы в Великой Отечественной Войне)

ОТ-4 Россия в современной мировой политике: объяснительные и прогностические ресурсы политической науки

ОТ-5 Мировая политика наших дней: изменение конфигураций и легитимации

ОТ-6 Социальная архитектура и политическое просвещение как инструменты общественной консолидации

ОТ-7 Политическое образование и гражданское просвещение в современной России: инструменты, форматы, практики

ОТ-8 Когнитивное измерение : новые формы и механизмы политического

ОТ-9 – мол Трансформация общественно-политических движений в современном мире: между популизмом и радикализмом

2. ЗАСЕДАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМИТЕТОВ РАПН

ИК-1 «Социальный и политический потенциал женщин и мужчин в трансформирующемся мире начала XXI века».

ИК-2 Институциональные исследования

ИК-3 Изучение мировой политики «БРИКС в мировой политике»

ИК-4 Политическая психология

ИК-5 Политическая социология «Социокультурные основания политики».

ИК-6 Политические элиты

ИК-8 Сравнительная политология

ИК-9 Гражданское общества, конфликты и публичная политика *«Публичная политика как институт и механизм реализации стратегии конструктивного взаимодействии гражданского общества и власти в контексте современных вызовов и социально-политических изменений»*

ИК-11 Изучение идей и идеологий в публичной сфере

ИК-12 Политическая регионалистика

ИК-13 Информационные технологии в политике

ИК-14 Политическое управление *«Политическое управление в цифровом обществе: проблемы и перспективы»*

ИК-15 Геополитика и безопасность

ИК-16 Политическая коммуникативистика

1.«Политическая коммуникация в России: старые и новые аудитории, специфика ее содержания в условиях внутриполитических и геополитических изменений».

2.«Современная информационная война в период СВО»

ИК-17 Сравнительное изучение партийных и избирательных систем *«Партийные системы на постсоветском пространстве: тенденции и паттерны развития».*

ИК-18 Политическая идентичность в формате КС *«Центры силы в мировой политике: ценности и идентичности»*

ИК-20 Государство, бизнес и гражданское общество

ИК-21 Политический анализ

ИК-22 Публичная дипломатия

ИК-23 Межрегиональное и международное сотрудничество

ИГ-26 Политическая интеграция

На Конференцию поступило более 700 заявок. Экспертным советом была проведено двойное рецензирование и отобраны для участия представленные в настоящем издании доклады. Надеемся на содержательное обсуждение в рамках сессий и панелей конференции, обмен плодотворными идеями и предложение перспективных инноваций.

Мнения, представленные в представленных материалах, могут не совпадать с мнением редколлегии.

О.В.Гаман-Голутвина
М.М.Мчедлова
Л.Н.Тимофеева

Абдуллаев Ш. И.
(Москва, МГИМО МИД России)

ОСОБЕННОСТИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ ТЕМЫ ИНОКУЛЬТУРНОЙ МИГРАЦИИ В ИТАЛИИ

То, что сегодня миграция является одной из наиболее острых и широко обсуждаемых тем как в научных кругах, так и более широком общественно-политическом дискурсе отчасти обусловлено увеличением численности иностранного населения и формированием более заметных и устойчивых социокультурно отличных иммигрантских сообществ в странах приема. Особый интерес представляет Италия – один из «классических» примеров, где наиболее остро в Европе проявилось столкновение различных культур, религий и идентичностей, а печально известная ситуация на о. Лампедуза стала своего рода символом европейского миграционного кризиса. Именно в Италии правым партиям удалось одними из первых в ЕС добиться значительных электоральных успехов, во многом благодаря умелому использованию миграционной повестки и секьюритизации данной проблематики.

Секьюритизация – «более экстремальная форма политизации»[1], когда вопрос, подвергшийся политизации, обретает секьюритизированное состояние, получая статус *экзистенциальной* угрозы, требующей принятия *неотлагательных* мер. Экзистенциальная угроза – это результат социального конструирования, т.е. она имеет объективные основания и вместе с тем обладает субъективной природой. *Интерсубъективность* секьюритизации указывает на важность того, кто может наделить что-либо статусом угрозы, какова будет реакция целевой аудитории и к каким последствиям это приведет.

Миграционная проблематика в современной Италии приобрела характер социетального раскола, т.е. отношение избирателя к данной теме нередко является *одним из ключевых факторов* в определении его электоральных предпочтений (но далеко не единственным). Тот факт, что с середины 2010-х гг. начала расти популярность партий, придерживающихся антииммиграционной риторики, а уже с 2018 г. они стали занимать руководящие посты в правительстве, позволяет говорить о том, что общество (точнее, значимая его часть) поверило в реальность угрозы, исходящей от иммигрантов. Это же подтверждается результатами ведущих информационно-аналитических центров Италии, таких как ISPI: в 2016-2017 гг. около 22% итальянцев называли иммиграцию – самой серьезной угрозой для страны[2].

Однако, по данным того же ISPI, в последующие годы страх перед миграцией стал спадать, упав до около 11% в начале 2020-х гг. В то же время после 2017 г. резко уменьшилось число людей, считавших исламский терроризм главной угрозой для страны: в 2015 г. так ответило 26% респондентов, а в настоящий момент так считает менее 1% опрошенных. Эти изменения общественного мнения отчасти могут объяснить стремительный подъем «Лиги» в 2018 г., а затем столь же быстрое выдвижение на первый план «Братьев Италии», стоящих сегодня во главе правящей коалиции.

Речь идет о различающихся стратегиях секьюритизации, которые выбрали эти партии. До 2018 г. М. Сальвини активно реформировал «Лигу», отказавшись от жесткой регионалистской привязки и превратив ее в общенациональную политическую силу. В процессе этой трансформации происходило создание новых образов «своих» и «чужих», в чем важную роль сыграла апелляция к культурным и религиозным различиям:

[1]Buzan B., Wsver O., Wilde J. de. Security: A new framework for analysis. London: Lynne Rienner Publishers, Inc. 1998. P. 23
[2]ISPI. Sondaggio ISPI 2023: gli italiani e la politica internazionale // ISPI. 21.01.2023. URL: https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/gli-italiani-e-la-politica-internazionale-37296 (accessed: 13.06.2025).

М. Сальвини пытался представить инокультурную миграцию как негативное явление, проявление «столкновения цивилизаций» (итальянцы-католики vs. мигранты-мусульмане) и источник угроз для национальной идентичности. Тем не менее, объективных оснований для подобных страхов было не так много, а гораздо более ощутимыми оставались социально-экономические трудности. Несмотря на это, даже после дерадикализации «Лига» продолжает акцентировать внимание на «инокультурном компоненте», прежде всего в отношении мигрантов-мусульман.

«Братья Италии» избрали иную стратегию на выборы 2022 г.: они смягчили риторику и отказались от трактовки инокультурной иммиграции как абсолютного зла или конфликта цивилизаций. В центре их повестки оказались проблемы, сопутствующие миграции, но не имманентные ей: поддержание правопорядка и безопасности в стране, а также преодоление социально-экономических трудностей, связанных с изменением рынка труда вследствие иммиграции. В отличие от «Лиги», партия в более заметной степени сместила акцент с культурно-ценностного дискурса на прагматичный подход.

Можно допустить, что сегодня стратегии секьюритизации, ориентированные на социально-экономические и правовые аспекты, вызывают больший отклик у избирателей. Это, вероятно, отражается в росте поддержки партии Д. Мелони, хотя для подтверждения данной гипотезы требуется учитывать множество других факторов и провести отдельные исследования (e.g. регрессионный анализ). Так или иначе, у все большего числа итальянцев место страха перед культурной своеобразностью и религиозными различиями заняла обеспокоенность падением уровня жизни. На фоне этих изменений образ «опасного чужеземца-иноверца» начал уступать место образу «экономического бремени». Мигранты в большей степени стали восприниматься не просто как носители чуждой идентичности, а как потенциальные конкуренты за ограниченные ресурсы. Таким образом, если «культурная» секьюритизация миграции постепенно теряет мобилизующий эффект, то «социально-экономическая» секьюритизация сохраняет свою актуальность и продолжает усиливаться в риторике правых партий как наиболее жизнеспособная стратегия политического воздействия.

Абраменко Е. Г.
(Минск, БГУ)

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

На сегодняшний день в Республике Беларусь действует шестой «Национальный план действий по достижению гендерного равенства на 2020 – 2025 гг». За период реализации национальных планов Республика Беларусь достигла определенных успехов в процессе достижения гендерного равенства. Сформирован и действует национальный механизм по разработке и выполнению гендерной политики. Его элементами являются: Национальный совет по гендерной политике при Совете министров Республики Беларусь; постоянная комиссия Совета Республики Национального собрания по образованию, науке, культуре и социальному развитию; постоянные комиссии Палаты представителей Национального собрания по здравоохранению, физической культуре, семейной и молодежной политике; по труду и социальным вопросам; управление обра-

зования и социально-культурной сферы в аппарате Правительства. В структуре Министерства труда и социальной защиты функционирует управление народонаселения, гендерной и семейной политики. На региональном уровне сформированы экспертные рабочие группы по вопросам гендерной политики.

Женщины в Республике Беларусь имеют более высокий образовательный уровень: в вузах республики на 2024 г. обучается 52,38% девушек. Согласно данным базы данных «Гендерная статистика», в экономике занято 84, 8 % женщин трудоспособного возраста, а уровень безработицы среди женщин составляет – 2, 7%, если в 2002 г. женщины составляли 60,3% безработных от общего количества безработных, стоящих на учете в службе занятости, то в 2024 г.–46,8%. Однако разрыв в заработной плате мужчин и женщин составляет 27,1%. Это связано во многом с тем, что женщины заняты в менее оплачиваемых сферах. Большой вклад в улучшение экономического положения женщин вносят программы по развитию женского предпринимательства: Государственная программа по развитию малого и среднего предпринимательства в Беларуси до 2020 г. и аналогичная программа до 2025 г. Эффективным механизмом развития женского бизнеса стало выделение безвозмездных субсидий для открытия собственного дела. С 2016 г., согласно изменениям, внесённым в Закон Республики Беларусь «О занятости населения», женщины, воспитывающие детей в возрасте до 3 лет, имеют возможность бесплатно проходить профессиональную подготовку, переподготовку, повышать квалификацию. В 2022 г. Министерством экономики Республики Беларусь, Белорусским союзом женщин и «Белинвестбанком» было подписано Соглашение о сотрудничестве и взаимодействии по стимулированию предпринимательской инициативы женщин. Для поддержки женской предпринимательской активности в 2023 г. Министерством экономики и ПРООН была запущена бесплатная менторская программа из Могилевской, Витебской и Гомельской областей. В апреле 2025 г. в Республике Беларусь впервые прошла неделя женского предпринимательства. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь уровень вовлеченности женщин в предпринимательскую деятельность вырос с 31, 5 % в 2018 г. до 39, 5 % в 2024 г. Женский бизнес чаще представлен в индустрии красоты, пошиве и ремонте одежды, рекламе, туризме и дизайне.

Большое внимание в Республике Беларусь уделяется сохранению и защите семейных ценностей. Согласно Конституции Республики Беларусь: «Брак как союз женщины и мужчины, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства». В Беларуси предоставляются равные права матери и отцу на отпуск по уходу за ребенком до трехлетнего возраста и выплачивается государственное пособие. Согласно ст. 186 Трудового кодекса, при рождении ребенка наниматель обязан предоставить отпуск без сохранения заработной платы отцу (отчиму) сроком до 14 дней. С 1 января 2025 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь «О социальной поддержке» женщинам, родившим четверых детей и воспитавшим их до 8-летнего возраста, страховой стаж для назначения пенсии по возрасту снижается с 10 лет до 5 лет, как это предусмотрено для женщин с пятью и более детьми.

Ст. 39 Конституции Республики Беларусь закрепляет право равного доступа к любым должностям в государственных органах. Доля женщин – государственных служащих – составляет 71, 4 %, однако среди государственных служащих высшего звена – 54, 6 %, среди руководителей государственных органов подчиненных Совету министров Республики Беларусь, – 3, 3%, среди послов – 4 %.

В Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь VIII созыва – 33, 6 % женщин. Особенностью белорусской модели является функционирование Всебелорусского народного собрания как высшего представительного органа народовластия (ст. 891 Конституции Республики Беларусь). Делегатами VII ВНС стали 1166

человек, из них 447 женщин. В то же время в Совете министров только одна женщина (Министр труда и социальной защиты).

Таким образом, Республика Беларусь достигла заметных успехов в продвижении гендерного равенства. Однако сохраняется разрыв в заработной плате и ограничение присутствия женщин на высоких государственных должностях. Для дальнейшего прогресса необходим комплекс мер по устранению неравенства и поддержки женских инициатив во всех сферах.

Авзалова Э.И.
(Казань, КФУ)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПОЛИТИКЕ

Цифровизация и широкое развитие Интернета стали необратимой тенденцией последних десятилетий. Информационные инструменты применяются во всех сферах общественных отношений, и сфера политических отношений не является исключением.

Продуктом цифровой эпохи можно назвать системы искусственного интеллекта. Искусственный интеллект можно определить как систему алгоритмов, которая позволяет обрабатывать большие массивы данных, выявлять закономерности, принимать решения и выполнять другие задачи. Несмотря на то что термин «искусственный интеллект» используется с 1956 года, доступность вычислительных систем высокой мощности определило возможность реального применения данной инновации лишь недавно.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта обусловливает активное обращение к нему в сфере принятия политических и управленческих решений, в рамках избирательных кампаний. Среди политических задач, для выполнения которых может быть использована система искусственного интеллекта, можно выделить: создание таргетированных сообщений, генерация фото– и видеоматериалов в период избирательных кампаний, работа с документами, прогноз политических процессов, оказание государственных и муниципальных услуг. В США возможности искусственного интеллекта используются для «автоматизации процесса выявления различий между законопроектами, поправками и действующими законами»[3]; в Австрии – для обеспечения работы парламентариев[4]; в Дании была создана партия, управляемая искусственным интеллектом[5].

Доступность и широкое использование систем искусственного интеллекта несут в себе и немало рисков. Прежде всего, это использование новых технологий в целях манипуляции и дезинформации. Отсутствие централизованного контроля и доступность искусственного интеллекта позволяет использовать его для создания фальсифицированных изображений и видеофайлов, например, с участием Б. Обамы, Д. Байдена и др., что превращается в грязные избирательные технологии.

Признавая значимость регулирования использования новой технологии, Европа принимает «Регламент об искусственном интеллекте», который рассматривается многими странами как стандарт регулирования работы систем искусственного интеллекта. Среди других рисков использования инновации можно назвать нарушение приватности данных, кибератаки и мошенничество, возможная оптимизация рабочих мест при выпол-

[3] Яманова, О. А. Применение искусственного интеллекта в политике: кейс-анализ в различных странах / О. А. Яманова // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 10. С. 288

[4] Там же.

[5] Там же. С. 289.

нении функционала системами искусственного интеллекта, нарушения авторских прав при работе искусственного интеллекта и т.д.

Таким образом, системы искусственного интеллекта все активнее внедряются в политику. На сегодняшний день однозначно оценить его возможности и пределы использования сложно. Можно согласиться с исследователями в том, что использование искусственного интеллекта нуждается в определении рамок и должно быть максимально прозрачным и этичным. Потенциал искусственного интеллекта определяет необходимость дальнейших научных разработок в этой сфере.

Азаренкова А.А.
(Москва, МГЛУ)

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА РУМЫНИИ: МЕЖДУ ФАНТОМАМИ И РЕАЛИЯМИ

Исторически румынская военная политика складывалась под влиянием великих держав, а в качестве основной стратегии выбиралось балансирование между ними. Румынская армия социалистического периода стала одним из главных институтов и инструментов на пути к осмыслению политики безопасности и обороны, что отмечалось в соответствующем законе. Традиционно в качестве главной угрозы выделялась именно Россия. Милитаристская политика безопасности обусловила ее тесную сопряженность с внешней политикой государства. Будучи не в состоянии самостоятельно обеспечивать собственную безопасность и ставя высшей ценностью сохранение независимого государства, Румыния выбрала путь атлантической и европейской интеграции.

Военная политика современной Румынии находит свое документальное оформление в Стратегии национальной обороны[6], Военной стратегии[7], Белой книге обороны 2021 г.[8], а также Программе Правительства. Основным институтом в данной области выступает Министерство национальной обороны и специализированный орган при Президенте – Высший совет обороны страны. Тем не менее, из всех институтов большим доверием у румын пользуется именно армия – 70,4 %. Оборонительная направленность румынской внешней политики подразумевает использование военной силы только в качестве крайней меры.

Основными структурно-идеологическими элементами выступают европеизм и атлантизм в совокупности с национальной спецификой. На сегодняшний день можно выделить несколько основных тенденций:

- масштабная модернизация румынской армии, декларируемая в Военной стратегии и отдельном документе, касающемся вопросов изменения климата и энергетического транзита;
- увеличение иностранного присутствия на территории страны. До этого упор делался на вооруженные силы США и НАТО, сейчас ввиду тенденции на формирование европейской армии Румыния имеет шансы войти под протекторат Франции (упоминание Румынии в Национальном стратегическом обзоре 2025 г.), Германии (подключение к «Инициативе трех морей») или Великобритании (углубленное стратегическое партнерство). Также продолжается строительство крупнейшей военно-воздушной базы «Михаил Когэлничану»,

[6] Strategia națională de apărare a țării pentru perioada 2020-2024. URL: https://www.presidency.ro/files/userfiles/Documente/Strategia_Nationala_de_Aparare_a_Tarii_2020_2024.pdf.

[7] Strategia militară a Rom‰niei. URL: https://sgg.gov.ro/1/wp-content/uploads/2021/08/STRATEGIA-MILITARA-A-ROMANIEI-1.pdf

[8] Cartea albă a apărării. URL: https://sgg.gov.ro/1/wp-content/uploads/2021/03/CARTA-ALBA-A-APARARII-.pdf

по результатам которого в долгосрочной перспективе планируется превращение в центр управления войсками НАТО в Юго-Восточной Европе. Важно отметить, что контингент румынской армии составляет около 80 000 человек, 70 000 военнослужащих и 10 000 гражданских лиц. При этом силы НАТО на территории государства составляют 5000 чел. (3000 – США, 200 – Великобритания, 1000 – Франция, а также военнослужащие из Нидерландов);

- участие в миротворческих миссиях. Армия Румынии участвует в нескольких зарубежных миссиях в рамках ЕС (Мали, ЦАР, Сомали), ООН (Косово, Пакистан, Южный Судан), НАТО и совместно с США.
- рост расходов на оборону до 5 % ВВП к 2025 г. (до этого целевым показателем был 2,5 %);
- участие в трехсторонних форматах и различных оборонных инициативах: «Бухарестская девятка» (B9) с перспективой включения стран Северной Европы, союз Румыния-Польша-Турция, Румыния-Болгария-Турция (бывшая «Черноморская Флотилия») с упором на Черноморский регион, в том числе с целью сдерживания России;
- оказание военной помощи Украине и Молдове как структурная часть региональной внешней политики;
- антироссийская направленность. Многочисленные упоминания во внешнеполитическом дискурсе «милитаризации Крыма и Черного моря», «агрессивного поведения», «нарушения норм международного порядка», «вторжения на Украину», а также «гибридных действий» приводят к конструированию врага в лице России, в особенности в военном плане.

Таким образом, современная военная политика Румынии не всегда сочетает декларируемые меры с действительными. Основной проблемой является ее несамостоятельность в плане опоры на США и европейские державы. Стремление подстроиться под другие государства отделяет Румынию не только от прагматичного взаимодействия с Россией, но и от реализации ее национальных интересов.

Айвазян Д. С.
(Москва, Институт Европы РАН)

КЛЮЧЕВЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Начиная с периода после распада СССР в 1991 г., постепенно возрастающий интерес Европейского союза (ЕС) к Черноморскому региону был связан одновременно с его политикой расширения – вступлением в состав Евросоюза новых стран-членов, с заинтересованностью Евросоюза в интенсификации торговых связей и создании транспортных коридоров, проходящих из Центральной Азии, через Каспийский регион, Южный Кавказ и Черноморский регион в Европейский союз, построением отношений нового качества с бывшими республиками в составе СССР. С поступательным развитием европейской интеграции в 2000-е гг. в заинтересованных странах-членах Евросоюза стали инициироваться проекты с целью обеспечить торгово-экономическую, транспортную взаимосвязанность между морскими регионами внутри Евросоюза. С этой целью с 2016 г. была, например, запущена инициатива «Триморье» (“Three Seas Ini-

tiative") с участием стран-членов ЕС с выходом к Балтийскому, Адриатическому и Черному морям. Тем самым политика Евросоюза в Черноморском регионе не отделена от вопросов европейской интеграции.

Европейский союз получил выход к Черному морю после того, как в 2007 г. в его состав вошли Болгария и Румыния. Обе страны на национальном и общеевропейском уровне обращали внимание на необходимость обеспечивать безопасность на Черном море. Евросоюз с помощью поступательной реализации программы «Восточное партнерство» рассчитывает на создание безопасного соседства на своих восточных границах. В программу вошли, в том числе, и новообразованные после распада СССР независимые республики с выходом к Черному морю (Грузия, Украина). Евросоюз также сосредоточивал усилия на двустороннем взаимодействии с Турцией как страной-кандидатом на вступление в ЕС с 1999 г., нежели на выработке сугубо регионального черноморского формата сотрудничества с участием России и Турции как ведущих черноморских стран. Для ЕС злободневной оставалась проблема незаконной миграции из стран Африки и Ближнего Востока на юг Евросоюза, маршрут которой проходил через Средиземное море.

В свою очередь ресурсы Болгарии и Румынии для модернизации инфраструктуры черноморских портов и других видов морской деятельности были ограничены. Обе страны находились в процессе перехода с социалистического на демократический пути развития, а затем постепенно выполняли требования Евросоюза в рамках европейской интеграции. При этом и Болгария, и Румыния до настоящего времени сталкиваются с высоким уровнем инфляции, проблемами бедности. С учетом этих обстоятельств с вступлением Румынии и Болгарии в 2004 г. в Организацию Североатлантического договора (НАТО) обе страны опираются в большей степени на ресурсы США и НАТО в обеспечении своей обороноспособности, в том числе на черноморском направлении.

Стратегическая значимость региона Черного моря на уровне официального дискурса Евросоюза возросла для него после начала проведения Специальной военной операции (СВО) России на Украине 24 февраля 2022 г. При этом базовые подходы Евросоюза на общеевропейском уровне коррелируют с подходами США и НАТО. Они заключаются в приверженности евроатлантической интеграции, поддержке Евросоюзом территориальной целостности Украины и Грузии. В мае 2025 г. Евросоюз представил новый стратегический подход ЕС к Черноморскому региону, который заинтересован в том, чтобы Черное море выступало коридором, соединяющим Европу с Центральной Азией через Южный Кавказ. Евросоюз продолжает вкладывать средства в экономические проекты в Большом Черноморском регионе, которые должны способствовать развитию «синей экономики», экономической взаимосвязанности Евросоюза с его странами-партнерами. Подход Европейского союза направлен на то, чтобы обеспечить безопасность экономической деятельности на море, и включает в себя, например, сотрудничество между странами-членами ЕС и партнерами Европейского союза с целью разминирования на Черном море, создание Центра морской безопасности Черного моря. Евросоюз продолжает рассматривать Черноморский регион в контексте политики расширения ЕС и европейской интеграции, не предлагая какие-либо форматы урегулирования противоречий между всеми прибрежными черноморскими странами.

Алейников А.В., Сунами А.Н.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Данные тезисы основываются на теоретической концептуализации специфики политического риск-менеджмента в условиях глобальной турбулентности, проведенной ранее авторами [Алейников А.В.,Сунами А.Н.,Мальцева Д.А., 2025].

Мы исходим из того, что управление риском основано на понимании соединения в нем опасностей и благоприятных возможностей, определении тех его составляющих, в которых данный политический актор имеет преимущества по сравнению с другими за счет лучшего понимания угрозы либо за счет контроля над ресурсом данной опасности.

Признание того факта, что в основе современного политического риск-менеджмента лежат стратегии не избегания, ухода или даже минимизации риска, а комплексного управления им, так как опасность используется для стабилизации социальных систем, принятие рисков является частью принятия политических и социальных институтов, а проблемы восприятия риска по сути своей являются политическими [Douglas M. 1992, с.79], создают особую концептуальную оптику.

Следует тем не менее заметить, что многообразные трактовки турбулентности обусловлены разной реакцией и глубокой поляризацией государств, обществ, социальных групп и индивидов на возросшую рискогенность современного мира, его нелинейную динамику.

Георгу Зиммелю и Льюису Козеру принадлежит идея о том, что «блокирование неснятого или частично снятого напряжения вместо адаптации к изменившимся условиям приводит к ужесточению структуры и создает предпосылки для разрушительного взрыва» [Козер Л., 2000, с. 69]. Различные социальные системы или встраиваются, или дистанцируются от различных форм взаимодействия в ситуации риска, стремясь к нормализации ситуации или питая надежды на то, что угрозы и опасности исчезнут, растворятся сами собой.

Политический риск-менеджмент заключается в разработке стратегий и выборе на их базе оптимальной тактики. Стратегия – уникальная модель поведения в рискогенном потоке действий или решений, интегрированный набор эффективных реакций, нейтрализующих угрозы, извлекая из рисков и их распределения больше выгод, опираясь на свои сильные стороны и укрепляя слабые, для создания реальных конкурентных преимуществ.

Строго говоря, стратегия риск-менеджмента позволяет сконцентрировать усилия как на вариантах хеджирования рисков, так и на вариантах их стратегического принятия на основе установления соответствия внутренних способностей по преодолению угроз и внешних конфликтных отношений. Более того, если хеджирование рисков нацелено прежде всего на их нейтрализации или уменьшении потерь, то управление риском означает «уменьшение одних рисков, игнорирование других и поиск третьих во благо». [Дамодаран А., 2010, с. 367]. Конечно, обозначенная фокусировка является аналитической версией, помогающей уточнить субстанциональные параметры оптимального сочетания выигрыша и величины риска, концентрации усилий на вариантах стратегических решений, которые позволят получить ожидаемый выигрыш и одновременно избежать большого риска. В этой модели риск-менеджмента ключевой стратегии сознательного использования ресурсов рискового образа действий для превенции большей опасности и создания риск-проблем для оппонента (противника), с целью заставить его отказаться

от реализации своей стратегии и внести дополнительную неопределенность и непред¬сказуемость в конфликтные взаимодействия, упрочив тем самым свои позиции, получив от рисковых решений максимальную выгоду по сравнению с возможным ущербом. Основным элементом такого подхода является понимание того, что современный политический риск-менеджмент, во-первых, имеет дело с будущим, во-вторых, в его результате должен быть получен интегрированный набор действий, в-третьих, он необходим прежде всего тогда, когда есть конфликт.

Алексеев Д.В.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ПАРТИЙНО-БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Всю совокупность проявлений воздействия исполнительной власти на законодательный процесс можно операционализировать посредством выделения трёх измерений: институционального, партийно-бюрократического и инструментального. Второе имеет особое значение, так как речь идёт не о правилах игры и процедурах, а о непосредственной коммуникации между заинтересованными политическими акторами.

Среди элементов партийно-бюрократического измерения в первую очередь отметим параметры существующей партийной системы, то, как партия большинства сотрудничает с правительством, и взаимодействие исполнительных органов власти с внутрипарламентскими бюрократическими структурами.

Несмотря на весьма распространенное мнение об ограниченной субъектности фракции большинства в парламенте, именно партии и их представительство в виде фракций, по мнению П. Чейсти, сыграли ключевую роль в изменении динамики взаимодействия между законодательной и исполнительной властью. Работа правительства и партии большинства с высоким уровнем дисциплины членов фракции в связке даёт ему возможность влияния не только на исход голосования, но и на повестку дня законодательного органа, темп принятия решений.

Благодаря парламентскому большинству у правительства есть возможность проводить необходимые для себя политические решения через все стадии законодательного процесса. При этом парламентарии, по словам Т. Ремингтона, получают возможности, в том числе связанные с экономической, коммерческой деятельностью. Таким образом, политическая система превращается в систему патронажа, главной функцией которой становится распределение ресурсов между органами и уровнями власти.

Важнейшим каналом, через которые правительство воздействуют на ход и результат законодательного процесса, – это диалог с профильными комитетами. В России и других странах структура парламентских комитетов дублирует схему министерств и ведомств исполнительной власти. Вслед за фракцией большинства комитеты скорее способствуют принятию правительственных инициатив, но в то же время они оставляют за собой возможности воздействовать на отдельные параметры принимаемых решений.

Ещё одной плоскостью, в рамках которой происходит воздействие исполнительной власти на законодательный процесс, является взаимодействие «чиновник аппарата пра-

вительства/министерства – чиновник аппарата палаты парламента». Большинство парламентских аппаратчиков уже далеко не первый год работают с законопроектами по определенной теме и, соответственно, неплохо знают своих визави из исполнительной власти. С одной стороны, такая связка делает тексты законов качественнее, поскольку процесс подготовки документов строится на принципе взаимной проверки, а вместо того, чтобы запускать громоздкую бюрократическую машину для исправления мелкого недочёта, вопрос становится возможным решить с помощью личной коммуникации. С другой, это открывает возможности бюрократизации политической стороны законодательного процесса, когда сущностные параметры политических решений принимаются на уровне чиновников, а не политиков.

Особенно роль бюрократии важна в контексте темпа принятия решений в ходе законодательного процесса.

В заключение отметим, что наиболее детальное рассмотрение связки «партия большинства – правительство» поможет полнее раскрыть конкретные инструменты, используемые политическими акторами для изменения параметров решений, принимаемых в ходе законодательного процесса.

Алексеева Л.В.
(Казань, МАОУ «Лицей-интернат №7»)

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Проблема формирования политической грамотности молодого поколения в России в настоящее время как никогда приобретает свою актуальность. В условиях изменившейся международной геополитической обстановки, обострившейся в последнее десятилетие, ситуации аномии, когда старые нормативно-ценностные установки ушли в прошлое, а пришедшие им на смену новые не заняли должного места в общественном сознании, возникает проблема социализации молодого российского поколения в целом и политической социализации в частности. Об этом свидетельствуют и данные ряда социологических исследований, которые могут свидетельствовать о проблеме сформированности политической грамотности российской молодежи. Политическая грамотность является фундаментом для успешной социализации молодого поколения.

В ряде исследований авторы приходят к выводу о проблемах формирования политической грамотности российских старшеклассников. Однако анализ результатов освоения образовательной программы по обществознанию (раздел «Политика») показывает, что большей частью учащихся выпускных классов хорошо освоен теоретический материал (средний процент выполнения заданий ЕГЭ первой части, посвященных вопросам тематического блока «Политика» составил выше 50%). Таким образом, обнаруживается проблема несоответствия знаниевого компонента такого элемента политической социализации, как политическая грамотность, ценностному и деятельностному.

Возникает вопрос: с помощью каких инструментов можно решить данную проблему? Одним из решений данного несоответствия, на наш взгляд, может стать применение интерактивных образовательных технологий на уроках обществознания.

Среди преимуществ применения интерактивных образовательных технологий в образовательном процессе, в частности, в преподавании обществознания можно отметить, что они помогают успешно реализовать деятельностный подход в обучении. Интерактивные образовательные технологии способствуют развитию коммуникативных навыков, навыков критического мышления, умения учащихся четко формулировать свою позицию, высказывать, аргументировать и обосновывать ее, что способствует успешной политической социализации молодого поколения.

В то же время, учитывая, что многие технологии предполагают работу в группе, что способствует формулированию консенсусной точки зрения на ту или иную проблему, развитию навыков работы в команде, что немаловажно в современных условиях.

Однако применение интерактивных образовательных технологий сопряжено с рядом рисков. К таковым можно отнести неготовность учителя (чаще всего методическая) к их реализации, недостаток опыта и компетенции, нежелание применять данные технологии. Этот риск обусловлен разрозненностью методических и дидактических ресурсов по тем или иным тематическим блокам, в частности предмета «Обществознание». Трудность также может возникнуть с отбором учебного материала и с соблюдением баланса в применении той или иной интерактивной образовательной технологии. И, наконец, консерватизм, присущий ряду учителей.

Несмотря на все риски, применение интерактивных образовательных технологий обнаруживает больше преимуществ и они весомее и способствуют формированию личностных компетенций, необходимых в процессе формирования политической грамотности.

Некоторые риски применения интерактивных технологий, на наш взгляд, можно нивелировать или уменьшить включением в работу учителя методического конструктора уроков с использованием интерактивных форм работы по разделу «Политика».

Алиева В.Р., Ниязметова Ф.К.
(Ташкент, ТФ РЭУ им. Г.В. Плеханова)

ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ: ПРИМЕР УЗБЕКИСТАНА

Вопрос о роли женщин в политике занимает одно из ключевых мест в международных исследованиях по проблемам демократии, прав человека, устойчивого развития. Гендерное равенство рассматривается не только как фундаментальная ценность современного общества, но и как необходимое условие эффективного управления. В Узбекистане, переживающем период интенсивных реформ, положение женщин в политической сфере постепенно приобретает более заметный характер, отражая национальные традиции и глобальные тенденции.

Роль женщин в общественной жизни Узбекистана исторически формировалась в условиях двойственного воздействия: с одной стороны, традиционного уклада и культурных норм, с другой — модернизационной политики. В XX веке женщины Узбекистана получили доступ к образованию, заняли позиции в органах управления и профессиональной сфере. В постсоветский период отмечалось снижение их активности в политике, что было связано с усилением традиционных социальных структур.

С начала 2017 г. в Узбекистане проводится масштабная политика реформ, одним из направлений которой стало расширение участия женщин в социально-политической жизни. Конституция страны (новая редакция принята в 2023 г.) гарантирует равные

права для мужчин и женщин, а в избирательном законодательстве закреплена квота: не менее 30% кандидатов в парламент должны составлять женщины.

Активно действует *Комитет семьи и женщин РУз*, реализующий программы поддержки женского предпринимательства, политического лидерства и повышения социальной активности. Важными шагами стало принятие Законов РУз «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин» (2019), «О защите женщин от притеснения и насилия» (2019), Постановлений Президента РУз «О мерах по дальнейшему усилению гарантий трудовых прав и поддержке предпринимательской деятельности женщин» (2019), «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы поддержки семьи и женщин» (2025), что институционализировало гендерное равенство в правовом поле. В 2024 г. Узбекистан ратифицировал Конвенцию МОТ № 156 о равном обращении и равных возможностях для работников мужчин и женщин.

На сегодняшний день женщины в Узбекистане занимают заметные позиции в *Законодательной палате Олий Мажлиса и Сенате*. Их доля в парламенте превышает 32%, что соответствует международным стандартам и сопоставимо с показателями многих развитых стран. Женщины активно участвуют в деятельности политических партий, возглавляют комитеты по вопросам социального развития, семьи и здравоохранения.

В органах исполнительной власти наблюдается рост числа женщин-руководителей. Женщины занимают посты заместителей министров, хокимов (глав областей, городов, районов), руководителей комитетов и агентств. Это свидетельствует об изменении общественного сознания и признании их роли в управлении государством.

Несмотря на институциональные достижения, участие женщин в политике остаётся сопряжённым с рядом трудностей. Среди них — влияние патриархальных установок, ограничивающих возможности женщин; недостаток опыта и ресурсов у молодых женщин-политиков; уровень политической культуры и общественной вовлечённости в сельской местности.

Тем не менее, государство и гражданское общество последовательно продвигают идеи гендерного равенства через образовательные программы, поддержку женских НПО и международное сотрудничество. Узбекистан взаимодействует с ООН, другими международными структурами в области реализации принципов равноправия.

Перспективы расширения участия женщин в политике Узбекистана связаны с дальнейшей демократизацией общества и ростом уровня образования. Усиление женского лидерства способно укрепить социальный капитал, повысить эффективность политических решений и сделать систему государственного управления более инклюзивной.

К числу ключевых вызовов относятся: необходимость преодоления стереотипов, повышение уровня доверия к женщинам-лидерам, создание условий для их профессионально-карьерного роста. Важно, чтобы институциональные механизмы (квоты, программы поддержки) сочетались с изменением общественного сознания и расширением возможностей для женщин.

Опыт Узбекистана в вопросе участия женщин в политике демонстрирует сочетание традиционных культурных ценностей и модернизационных тенденций. За последние годы достигнуты значительные успехи в обеспечении законодательных гарантий, увеличении представительства женщин в парламенте и органах власти, расширении их роли в принятии решений.

Формирование подлинно равноправного политического пространства требует долгосрочной работы, направленной на трансформацию общественного сознания, развитие политической культуры и создание условий для устойчивого женского лидерства. Пример Узбекистана отражает как национальную специфику, так и глобальные тенденции в области продвижения женщин в политику, подтверждая, что их участие является важным ресурсом модернизации и демократического развития.

Алмаматов А.А.
(Москва, Аналитический центр ВЦИОМ)

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ РОССИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Государственная молодежная политика за последние 35 лет в России прошла путь от второстепенного направления до нацпроекта «Молодежь и дети», затрагивающего 50 млн. чел. – треть населения России. В более ранних исследованиях выделялось четыре этапа молодежной политики, но с 2022 года можно говорить о завершении четвертого и переходе к пятому этапу, в ходе которого молодежная политика становится одним из стратегических приоритетов России, меняется модель молодежной политики и соответствующий ей институциональный дизайн. Молодежь, как считают опрошенные ВЦИОМ россияне, заняла первое место среди возрастных групп, интересы которых поддерживает государство, — 27% (ВЦИОМ, 2022).

Идет институциональная модернизация воспитательного компонента в образовании (появление советников по воспитанию, региональных штабов по воспитанию и региональных министерств по молодежной политике, создается Российское движение детей и молодежи и др.), централизация направления (так, Росмолодежь стала куратором нового нацпроекта «Молодежь и дети», появляется Комитет по молодежной политике в Государственной Думе РФ).

В содержательном (идеологическом) плане идет интеграция инструментов образования и воспитания (которое раньше рассматривалось как дополнительное, а не равноценное направление), в основу которого положен Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Так как государственное управление является дуалистичной политико-управленческой наукой, данные изменения могут быть объяснены, с одной стороны, в управленческой парадигме, а с другой – в политической. Для этого автор провел политико-правовой анализ документов стратегического планирования Российской Федерации.

С точки зрения управления, основной формой структурирования стратегических приоритетов страны сегодня являются национальные проекты, в 2024 г. законодательно включенные в число документов стратегического планирования. Нацпроекты «современного типа» (не путать с приоритетными национальными проектами 2000-х годов) стали результатом эволюции документов стратегического планирования, в ходе которой совершенствовались методы проектного и программно-целевого управления.

Привязка нацпроектов к началу политического цикла (выборы президента и программные «майские» указы), создание специального координационного органа при президенте (Совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам), персональная ответственность исполнителей, концентрация бюджетных ресурсов и использование результатов нацпроектов как маркеров политической эффективности указывают на первостепенную значимость данного инструмента в системе государственного управления России. Симптоматично, что при выявлении расхождений между отдельными положениями документов стратегического планирования (например, госпрограмм) и нацпроектов, именно нацпроекты берутся за основу для корректировок документов стратегического планирования, а не наоборот. Нацпроекты являются инструментом, позволяющим сглаживать межведомственные разногласия и координировать усилия государственных ведомств для про-

ведения согласованной политики в интересах целевой аудитории числом в 50 млн. чел.

С политической точки зрения, интерес представляют критерии, которыми руководствуются лица, принимающие решения, при определении приоритетов. В Стратегии национальной безопасности (2021 г.) такими определены национальные интересы и угрозы национальной безопасности, и прямо ставится задача воспитания детей и молодежи на основе традиционных духовно-нравственных ценностей. Таким образом, выделение отдельного нацпроекта по тематике молодежи может быть связано с актуализацией угрозы преемственности традиционных ценностей в среде молодого поколения, что и предопределило усиление воспитательной деятельности. Дополнительным фактором является необходимость проведения комплексной и централизованной отраслевой политики, направленной на решение проблем различных групп молодежи. Это обусловило смену модели молодежной политики и ее централизацию в институциональном плане.

Изменения, которые зафиксированы в ходе политико-правового анализа стратегических документов (в качестве гипотезы), могут быть объяснены: через смену «политической повестки дня» элит (конструктивистский подход); через теорию «трех потоков» Д. Кингдона (процессуальная модель), а также через анализ установок самой молодежи (бихевиористский подход).

Алмаметов А.Н.
(Москва, РУДН)

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА NEET В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Глобализация, реструктуризация мирового рынка труда и внедрение инновационных технологий в производство способствуют появлению новых социальных явлений, непосредственно связанных с трансформацией человеческого капитала молодежи. Одним из наиболее значимых феноменов является NEET (Not in Employment, Education or Training) — категория молодежи в возрасте до 24 лет, которая по экономическим и социальным причинам не вовлечена в процессы образования и трудовой деятельности.

Данный феномен распространён как в развитых, так и в развивающихся странах и характерен для большинства макрорегионов мира. По различным оценкам, доля NEET-молодежи в странах Европы и России составляет от 12 до 15%. Опасность этой тенденции заключается в выпадении значительной части молодежи из социальной и экономической жизни: отсутствие профессионального и образовательного опыта приводит к снижению навыков социализации, ограничивает возможности самореализации и усиливает риски бедности. Молодые люди в статусе NEET более подвержены деструктивным практикам, зависимостям и радикальным идеологиям, что повышает социальные угрозы и требует от государства разработки эффективных механизмов ресоциализации и интеграции.

Комплексная природа феномена NEET обусловливает трудности его изучения и преодоления. В условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры, характерной для развивающихся стран, ключевыми факторами выступают дефицит рабочих мест и ограниченная доступность образования. В развитых странах, напротив, существенное значение приобретают психологические и мотивационные факторы: снижение интереса к профессиональной самореализации, рост депрессивных расстройств и социальная

апатия. Таким образом, проблема NEET не может быть решена исключительно экономическими инструментами и требует комплексного междисциплинарного подхода.

Феномен NEET был впервые зафиксирован зарубежными исследователями в конце XX века, и с тех пор накоплен значительный массив эмпирических и теоретических данных, актуальных для разработки предложений по совершенствованию социально-экономической политики и поддержке человеческого капитала в России. Практики, заслуживающие внимания, включают раннее выявление молодежных групп риска, адресную психологическую поддержку, государственно-частные партнерства в сфере занятости, а также использование цифровых технологий, включая искусственный интеллект, для диагностики и профилактики выпадения молодежи из сферы образования и труда.

Отдельного анализа требует опыт стран Восточной Азии, где ускоренное развитие производства и жесткая корпоративная культура привели к распространению добровольного ухода молодежи в статус NEET. В Японии, Китае и Южной Корее данное явление стало следствием системного выгорания и снижения трудовой мотивации. В ответ правительства этих стран инициируют структурные реформы, направленные на вовлечение молодежи в экономическую активность в условиях демографического спада и сокращения трудоспособного населения.

Таким образом, феномен NEET представляет собой сложное и многоуровневое явление, затрагивающее развитие человеческого капитала и национальную безопасность. Его распространение свидетельствует о необходимости комплексного подхода, сочетающего экономические, образовательные, психологические и культурные меры. Зарубежный опыт демонстрирует, что эффективными стратегиями являются: раннее выявление молодежи, находящейся в зоне риска, внедрение технологий поддержки мотивации и занятости, расширение практик государственно-частного взаимодействия, а также использование цифровых инструментов и ИИ для ресоциализации. Восточноазиатский опыт указывает, что даже в условиях высокой экономической динамики проблема NEET способна приобретать новые формы, связанные с выгоранием и культурными особенностями трудовой среды. Всё это подчеркивает необходимость адаптации стратегий формирования и сохранения человеческого капитала к различным национальным и региональным контекстам.

Тезисы подготовлены в рамках Госзадания № FSSF-2025-0012 «Искусственный интеллект в экосистеме политического управления человеческим капиталом российской молодежи: стратегии и риски».

Ананьев А.Ю.
(Уфа, УУНиТ)

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ПОЛИТИКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ФРЕЙМИНГЕ

В последние десятилетия политическое лидерство стало объектом активного изучения в рамках политической науки, что связано с изменениями в политической среде и развитием новых теоретических подходов. Одним из таких подходов является политико-процессуальный фрейминг, который позволяет глубже понять, как политические лидеры формируют свои нарративы и влияют на общественное мнение.

Актуальность представленной темы обусловлена необходимостью выявления новых стратегий и инструментов, используемых политиками для достижения своих целей. В условиях растущей конкуренции за внимание избирателей, появляется понимание того, как фреймы формируют политическую реальность, становятся ключевым фактором для успешного ведения политической кампании. Исследование направлено на выявление ключевых маркеров политико-процессуального фрейминга и его влияния на региональное политическое лидерство, что позволит более глубоко понять динамику современных политических процессов и их последствия для российского общества.

Исторически подходы к политическому лидерству в русской политической мысли часто базировались на статичных моделях власти, где акцент делался на личных качествах лидера и его роли в системе власти. Однако с развитием теории фрейминга и её интеграцией в политические исследования наблюдается тенденция к динамике, где фреймы становятся инструментами активного влияния. Фреймы служат не только для описания действий лидеров, но и для создания новых нарративов и требуемого восприятия социальных процессов. Теории медиаэффектов рассматривают как фреймирование влияет на медийное представление политических событий и личностей. Понимание этой взаимосвязи является необходимым для анализа успеха лидерства в условиях высокой конкуренции на электоральном поле. Новое понимание политического лидерства требует учета не только личностных характеристик, но и контекста, в котором эти характеристики проявляются. Процессуальный подход, основанный на фрейминге, позволяет формировать более гибкие и многогранные представления о политических лидерах. Политико-процессуальный фрейминг является концептом, который открывает новые горизонты в изучении политического лидерства, особенно в контексте современной медийной арены. Этот подход основан на представлении о том, что политическая реальность не просто существует, но и активно конструируется через коммуникационные стратегии. Ключевыми аспектами фрейминга являются отбор и категоризация, которые формируют повестку дня. Эти процессы помогают сфокусировать внимание на определенных процессах, тем самым создавая основу для определенных интерпретаций и эмоциональных откликов. Однако, исследования показывают, что фреймы обладают инерционностью, что, безусловно, влияет на восприятие и интерпретацию событий, тем не менее, фрейминг актуален в процессе электоральной кампании и в формировании общественного мнения, что делает его важным инструментом для политических акторов. Политические лидеры традиционно использовали нарратив как способ общественной поддержки, а фрейминг, в свою очередь, оказывает влияние на выборы, направляя фокус общественного сознания на определенные маркеры политической реальности. Это позволяет сделать вывод о том, что политико-процессуальный фрейминг посредством коммуникаций запускает общественные обсуждения в нужном политическому актору тоне и формирует динамику политической среды.

Основной задачей, в связи этим, становится концептуализация и измерение влияния регионального политического лидерства. Понимание объективных процессов потребует жесткого критического взгляда на существующие теории и практики, открывая новые горизонты для будущих теоретических и практических разработок. Анализ стратегий коммуникации, применяемых одним из региональных политических лидеров, продемонстрировал, как фреймы могут быть использованы для достижения электорального успеха. Для примера рассматривается аналитический материал уполномоченных органов в сфере избирательного процесса итогов выборов главы Республики Башкортостан в 2019 году и в 2024 году, а также аналитический материал политологов и политтехнологов, находящийся в открытом доступе.

Механизмы манипуляции общественным сознанием, выявленные в ходе исследования, показывают, что фреймы могут не только формировать предпочтения избирателей,

но и изменять их восприятие реальности. Примеры успешных фреймов, проанализированные в работе, дают важные уроки для будущих исследований политического лидерства. Эффективность фреймов в контексте электорального поведения также подтверждает, что успешные кампании строятся на глубоком понимании целевой аудитории и ее потребностей. Таким образом, исследование подчеркивает, что изменения в подходах к изучению политического лидерства через призму политико-процессуального фрейминга открывают новые возможности для понимания сложных взаимодействий между политическими лидерами и обществом.

Андреева В. П.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ПРОФСОЮЗОВ ГЕРМАНИИ 2023-2024 ГГ.: ИВЕНТ-АНАЛИЗ ОДНОГО ПРОТЕСТА

В конце 2023 года Германию потрясли волны забастовок в нескольких отраслях экономики, приведших к остановке транспортного движения в стране. Особенно выделились в протестных акциях железнодорожные рабочие – их протесты длились дольше всего и их акции сильнее всего сказывались на населении и экономике: железнодорожный транспорт является ключевым в ежедневной логистике Германии, а за каждый день простоя немецкая экономика потеряла по 100 млн евро. В работе были проанализированы произошедшие протестные акции, и на основе анализа определено современное состояние профессиональных объединений в Германии. Предполагается, что многие немецкие профсоюзы до сих пор остаются сильными игроками на поле общественно-политических отношений, используя все более радикальные, но эффективные методы борьбы.

Методология исследования основана на применении ивент-анализа. Были отобраны 10 крупнейших медиа Германии (Deutsche Welle, BILD, Tagesschau, Der Spiegel, DIE ZEIT, Frankfurter Allgemeine Zeitung, tageszeitung, Die Welt, Sцddeutsche Zeitung, Focus), а также официальные сайты концерна Deutsche Bahn и профсоюзов GDL и EVG, по которым была построена хронология событий, оценены протестные акции, а также сравнены в динамике требования обеих сторон. По итогам был создан интерактивный дашборд на каждый день событий в протестах.

Началом протестов была выбрана дата 27 марта 2023 года, когда была проведена первая предупредительная забастовка под руководством крупнейших профсоюзов работников сферы услуг ver.di и железнодорожной и транспортной отраслей EVG (Eisenbahn– und Verkehrsgewerkschaft) – в этой забастовке впервые появляются работники железнодорожного транспорта. Но если ver.di смог добиться соглашений с правительством спустя месяц, то железнодорожники продолжили забастовки. В ноябре 2023 года на авансцену трудовой борьбы выходит Немецкий профсоюз машинистов поездов GDL (die Gewerkschaft Deutscher Lokomotivfцhrer), у которого формально в конце октября закончился коллективный договор с концерном Deutsche Bahn, и забастовки увеличились по продолжительности, а также профсоюз перестал заблаговременно уведомлять о стачках (законодательно в Германии данный вопрос не определен, но зачастую профсоюзы предупреждают о протестах минимум за 3 дня до начала)и проводить так называемые волновые стачки (die Wellenstreiks). Постепенно (ближе к февралю 2024 года) к железнодорожникам присоединились профсоюзы сотрудников авиаперевозок и метрополитена.

Ивент-анализ позволил сделать ряд выводов. В первую очередь стоит отметить, что произошедшие протесты железнодорожников не являются уникальными для немецкой действительности, напротив, забастовки вписываются в общий ландшафт трудовых протестов и политической культуры Германии. По итогам годового противостояния, железнодорожные рабочие частично добились своих требований от Deutsche Bahn, где среди прочих изменений была разработана новая модель опционов, которая позволит сотрудникам выбирать фактическую продолжительность своего рабочего времени: возможен любой диапазон от 35 до 40 часов в неделю, те, кто решит работать больше, будут получать надбавку к зарплате.

Также стоит выделить феномен профсоюза GDL: не самое крупное объединение в поле труда Германии, тем не менее именно союз железнодорожных машинистов добился изменений для всех железнодорожных трудящихся. GDL показала себя более радикальным в борьбе за улучшение условий труда железнодорожных рабочих, чем EVG: так, им были использованы стихийные волновые забастовки, а также увеличено время забастовок. В этом заключается их радикальность: ввиду того что организация забастовок остается «белым пятном» немецкого права, зачастую профсоюзы этим пользуются. Примечательна также и личность их бывшего лидера, Клауса Везельского, который, несмотря на обвинения в популизме и эгоцентричности, оказался эффективным организатором забастовок и публичным оратором в ходе стачек.

Забастовки на железных дорогах – главного логистического пути в Германии – вызвало незамедлительную общественную реакцию, в том числе породила дискуссии в политических кругах. Так, в частности, протесты подняли дискуссию о границах права на забастовки среди политических партий и политических деятелей (так, представители СвДП и ХДС/ХСС высказались за ужесточение законодательства по забастовкам, а бывший канцлер Олаф Шольц (СДПГ) стоял на позиции защиты конституционного права на собрания рабочих). Но, несмотря на неудобства и проблемы, вызванные стачками, немецкая общественность поддержала железнодорожных рабочих в протестах – об этом свидетельствуют опросы Forsa, Spiegel Online и др.

Таким образом, об эрозии профсоюзов в плане снижения их активности говорить не приходится. Однако нельзя отрицать тенденции трансформации немецкой системы коллективных договоров и профсоюзных движений, которые отмечали исследователи (например, Д. Ю. Гражданкина, А. А. Рожин, A. Hassen, R. Martin и др.) и которая будет продолжать трансформироваться в ходе «правого поворота» в политике Германии.

Андреенкова А.В. (Москва, ЦЕССИ)
Иванова С.В. (Санкт-Петербург, ЦЕССИ)
Фролова М.С. (Москва, ЦЕССИ, МГИМО МИД России)

К ПОНИМАНИЮ СВЯЗИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ, И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА, И ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Историческое время и отдельные социально-политические события тесно связаны с жизненным путем людей – их жизненными траекториями и ценностно-мировоззренческим профилем [Mannheim K., 1954]. Для исследований жизненного пути, понимаемого как последовательности жизненных событий, жизненных выборов, поддержание или смены социальных ролей и статусов, а также установок, предпочтений,

оценок и ценностей, невозможно обойтись без внимания к историческим событиям и историческому контексту, в которых они строятся [Андреенкова, 2025]. Наша задача ответить на вопрос, как сами люди воспринимают исторический контекст и отдельные исторические события, современниками или участниками которых они являются, какую роль отводят историческим событиям при оценке своего жизненного пути, становятся частью индивидуальной истории. Мы анализируем поколение, молодость и ранняя взрослость которого пришлась на период радикальных социально-экономических трансформаций 1990-2000-х годов (когорта 1965-1975 года рождения) – время насыщенное событиями разного типа и масштаба.

Поколенная идентичность может служить показателем воспринимаемой общности исторической судьбы [Радаев В.В., 2019, Elder G. H. Jr., 1974, Mannheim K., 1954]. По данным исследования "Поколение и жизненный путь", проведенного ЦЕССИ осенью 2024 г. методом телефонного опроса населения РФ 18 лет и старше (1954 респондента), сильную близость с поколением ощущают 40% опрошенных, 47% – некоторую близость, 6% не чувствуют никакой близости и 7% затруднились ответить. Близость со своим поколением эта возрастная когорта чувствует меньше, чем более старшие или более молодые. Переживание драматических событий 1990-х в молодости не привело к увеличению поколенной близости, а, наоборот, к ее ослаблению.

Анализ автобиографий представителей этого поколения (150 респондентов) показал, что большое место историческим событиям и историческому контексту отведено лишь в 16% автобиографий, чуть более трети респондентов упомянули такие события вскользь. Несмотря на очень высокую событийную интенсивность и разнообразие на всем протяжении жизни этого поколения, в автобиографиях нашли отражение лишь «советское детство» (пионерия, Комсомол), распад СССР, экономические кризисы, пандемия КОВИД и СВО. Реже упоминались такие события, как война в Афганистане, Чеченская война, криминальные проблемы 1990-х, приход к власти В.В. Путина, пенсионная реформа. Гендерные и региональные различия оказались невелики, но большие различия были отмечены в отношении образования.

При прямой оценке влияния конкретных исторических событий на жизненный путь, которая проводилась во всероссийском опросе «РУССЕТ через 30 лет», наиболее «влиятельными» событиями для поколения 1965-1975 г. оказались: СВО, распад СССР, приход к власти В.В. Путина, финансовый кризис 1998 г., банкротство или приватизация крупных госпредприятий в 1990-е гг. Среди социально-политических событий наибольшее влияние представители «переходного поколения» 1990-х приписывают распаду СССР, все остальные события, в том числе демократические выборы, свобода слова, развитие СМИ, распад социалистической системы, окончание «холодной войны» назывались значительно реже, как и события культурной, духовной или интеллектуальной сферы.

В целом исследование показало, что роль исторических событий и исторического контекста в индивидуальной судьбе воспринимается респондентами не очень отчетливо, а иногда вообще не осознается. Вероятно, можно говорить как о процессе дистанцирования от «больших событий», так и об интернализации контекста – восприятие его как естественного и не требующего отдельного упоминания. Временная дистанция не является определяющим фактором при ретроспективной оценке влияния событий на жизненный путь – далекие события воспринимаются как столь же значимые, как и близкие. Социально-политические события в целом выделяются как значимые реже, чем масштабные войны и экономические события.

Работа выполнена в рамках гранта РНФ 23-18-00635 «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослевшего в 1990-е, — лонгитюдное исследование через 30 лет».

Аникеева Т.В.
(Москва, ГБОУ Школа № 1551)

АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ВАЖНЕЙШЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРИОРИТЕТА ГОСУДАРСТВА НА СТУПЕНИ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вопрос формирования российских традиционных ценностей становится одним из первостепенных направлений нашего государства, которое оказалось в эпицентре геополитической турбулентности, погрузилось в состояние гибридной войны с коллективным Западом.

В качестве ответа на современные геополитические вызовы принят Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности РФ», где одним из важнейших стратегических национальных приоритетов заявлено сбережение народа как единственного носителя суверенитета РФ, развитие человеческого потенциала. Достижение данной задачи невозможно без таких ценностей, как социальная солидарность, созидательный труд, взаимопомощь и взаимоуважение, крепкая семья.

Кроме того, Стратегия указывает на стремление деструктивных сил осуществлять манипулирование общественным сознанием россиян, особенно молодёжи, которую через цифровое пространство всё активнее вовлекают в экстремистскую деятельность, склоняют к совершению диверсионно-террористических акций. По словам сотрудников Следственного комитета РФ, значительная часть подростков идёт на преступления, исходя из материальных соображений, пренебрегая высшими ценностями – жизнью, здоровьем людей, безопасностью страны.

Решение проблемы роста экстремизма предполагает целый ряд мер со стороны государства, среди которых, согласно Стратегии национальной безопасности, особое место занимает «обучение и воспитание детей и молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей».

Россия идёт по пути укрепления своей конкурентоспособности, обеспечивая выход на передовые позиции в мировой экономике и глобальной политике.

Нашему государству нужны грамотные специалисты, которые готовы жить и работать в России, усердно трудиться ради общего блага, а не только для удовлетворения своих личных интересов и материальных потребностей. Согласно ВЦИОМ, в 2022 году наиболее значимыми жизненными ориентирами российской молодежи были: высокий уровень благополучия (58%), спокойная жизнь, работа и забота о семье (54%) и только на третьем месте – возможность приносить пользу своему народу, активное участие в политической и общественной жизни (26%).

Формирование традиционных ценностей является делом государственной важности, что находит отражение в государственных актах стратегического планирования: Указах Президента РФ о государственной политике по укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, об основах исторического просвещения в РФ. Реализация данного государственного приоритета обеспечит в будущем политический, экономический, культурный суверенитет России, её технологический прорыв.

Освоение обучающимися традиционных духовно-нравственных ценностей на ступени общего образования осуществляется в урочной и внеурочной деятельности.

Дифференциация учебного предмета «История» на «Всеобщую историю» и «Историю

России», с одной стороны, помогает закрепить в сознании школьника общепризнанные ценности традиционной европейской культуры и других культур Евразии, с которыми Россия, как сказано в Указе Президента РФ о Концепции внешней политики РФ, «сохранила глубокие исторические связи». С другой стороны, такая структура предмета позволяет более полно осознать исконно российские традиционные ценности России как «самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» (Указ Президента РФ об утверждении Концепции внешней политики РФ): справедливость, жертвенность, служение Отечеству, коллективизм и другие.

Следующим шагом является введение нового обязательного учебного курса «История нашего края» в 5-7 классах. Изучение географического положения края, обычаев и традиций, достижений выдающихся деятелей на общее благо позволит привить привязанность к своей малой родине и любовь к России в целом.

По словам Главы Министерства просвещения РФ Сергея Кравцова, с 2026 года в курсе обществознания ключевые общественные процессы и явления будут рассматриваться в контексте российской истории и современности.

Развитие традиционных ценностей возможно и в рамках внеурочной деятельности. Особое место занимают курсы «Разговоры о важном», «Россия – мои горизонты», направленные на формирование российской идентичности, усвоения нравственных и правовых норм, профессионального самоопределения и созидательного труда.

Духовно-нравственное просвещение может быть эффективным на основе системно-деятельностного, личностно-ориентированного подходов путём внедрения современных педагогических практик и технологий. Важное значение приобретает вовлечение обучающихся в общественно полезную, в том числе краеведческую деятельность для формирования как любви к родному краю, так и к Отечеству в целом.

Анкирская А.М.
(Москва, МГИМО МИД России)

ОТ ОЖИДАНИЙ К РАЗОЧАРОВАНИЮ: ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ К АДМИНИСТРАЦИИ ДЖО БАЙДЕНА (2021–2024 ГГ.)

20 января 2021 года Джо Байден вступил в должность 46-го президента Соединённых Штатов Америки. Его правление началось в условиях тяжёлого глобального и внутриполитического кризиса: по всему миру бушевала пандемия COVID-19, унёсшая жизни сотен тысяч граждан, а всего за две недели до инаугурации сторонники его республиканского оппонента Дональда Трампа штурмовали здание Капитолия, поставив под сомнение легитимность демократического избирательного процесса. Страна оказалась глубоко поляризованной, а ожидания, возложенные на нового президента, были крайне высоки. В связи с этим президентство Байдена сопровождалось не только попытками стабилизировать внутреннюю ситуацию — экономику и социальную сферу, — но и стремлением восстановить международный имидж США. Однако вскоре стало очевидно, что реализация заявленных реформ столкнулась с серьёзными препятствиями, что привело к постепенному падению доверия к президенту и, как следствие, поражению кандидата от Демократической партии на выборах 2024 года.

В данном научном сообщении суммируются итоги правления Джо Байдена в 2021–2024 гг. В исследовании применяется метод ивент-анализа, позволяющий проследить взаимосвязь между ключевыми политическими событиями и динамикой общественного мнения. Было показано, что ряд неудачных решений и ограниченная способность президента к эффективному исполнению своих обязанностей способствовали его выходу из предвыборной гонки, а также подорвали шансы Камалы Харрис на победу в качестве кандидата от Демократической партии. Эмпирической базой исследования послужили данные опросов *Gallup* и *Pew Research Center*. На их основе была построена интерактивная «кривая доверия», отражающая изменения рейтингов Байдена за время его нахождения у власти. Все важные политические решения, указы, выступления и социально-экономические показатели за указанный период были разделены на пять категорий в соответствии со сферой, которую они затрагивали: внутренняя политика, экономика, здравоохранение, внешняя политика и миграция. Для формирования наиболее полной картины весь период президентства анализировался по месяцам, а совокупность событий в каждой из категорий оценивалась по шкале от –2 до +2, где –2 означало наиболее негативное влияние на рейтинг, 0 — нейтральное (сбалансированное или малозначимое для общественного восприятия), а +2 — наиболее положительное воздействие. Подобный метод оценивания позволил агрегировать вклад отдельных факторов в формирование общей динамики, а также проследить влияние различных сфер на изменения общественного мнения.

В результате подсчёта числовых индексов по каждой категории были сделаны следующие выводы. Ключевым фактором, предопределившим кризис доверия к президенту, стали экономические трудности. Инфляция, достигшая пика в июне 2022 года (9,1% в годовом исчислении), и рост стоимости жизни превратились в главные источники общественного недовольства. Вследствие этого позитивные реформы — создание более 15 миллионов рабочих мест и запуск масштабных инфраструктурных проектов — остались практически незамеченными. Не менее значимыми факторами оказались обострение миграционной проблемы и отсутствие эффективной политики в сфере здравоохранения: резкий рост числа пересечений южной границы и несогласованная стратегия борьбы с пандемией выявили несостоятельность администрации Байдена.

Что касается других сфер, негативное влияние решений во внутренней и внешней политике также оказалось ощутимым, однако в количественном выражении положительные инициативы перевешивали неудачные. Тем не менее хаотичный вывод войск из Афганистана, усталость общества от издержек участия США в украинском конфликте, поддержка Израиля в войне с ХАМАС, а также неспособность администрации предотвратить отмену Верховным судом прецедента *Roe v. Wade* вызвали разочарование электората, что также ослабило поддержку президента. Дополнительным фактором снижения доверия стали сомнения в когнитивных способностях Байдена: ошибки в публичных выступлениях, неуверенное поведение на мероприятиях и крайне неудачные дебаты с Дональдом Трампом в июне 2024 года усилили обеспокоенность общества.

Таким образом, сопоставление ключевых решений и событий президентства Джо Байдена с динамикой общественного доверия позволяет сделать вывод, что спад доверия к лидеру был вызван не отдельными ошибками, а структурными несоответствиями между заявленными целями администрации и реальными результатами в экономике, миграционной политике и сфере здравоохранения. Именно эти три направления вместе с ухудшавшимися когнитивными способностями президента сформировали устойчивое недоверие, которое определяло общественные настроения к моменту его отказа от участия в выборах 2024 года.

Антанович Н. А.
(Минск, БГУ)

АКСИОМАТИКА, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, НОРМАТИВИЗМ КАК ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

К 20-м годам XXI века очевидна ограниченность и недостаточность ряда выводов, сделанных в политической науке XX века. Причины лежат как в стремительных изменениях политической реальности, так и в переосмыслении оснований политической науки. Говоря о трансформации науки, следует особое внимание уделять аксиомам в политологии, а также трактовкам рационального в политике. Особенности аксиоматики и рациональности определяют нормативную составляющую политологии.

Аксиомы не всегда чётко эксплицированы в текстах политиков и в политологических работах, а присутствуют имплицитно и могут быть выявлены логическим путем. Аксиомы выступают своего рода пресуппозициями, «предварительным знанием», задающим смысловое поле дальнейших построений и выводов. Так, аксиоматика западной политической науки включает ряд положений: приоритет человеческой жизни, первичность естественных прав и индивидуального счастья в противовес жертвенности; приоритет свободы над социальным равенством, признание гражданского равенства с вероятностным характером его достижения; десакрализация власти и продвижение светской трактовки политики; индивидуалистическое понимание демократии с плюрализмом и конкуренцией как необходимыми ее атрибутами. Эти аксиомы стали результатом развития стран западной цивилизации. Они рационализированы, логически связаны между собой, претендуют на универсальный статус. В теории, но не на практике. Так, к незападным государствам применяется «аксиома отставания и догоняющего развития». Транзитологи решали вопрос: кто войдет в лагерь либеральных демократий? Иные вопросы (Какова цена и смысл такого вхождения? Какова природа предлагаемой «эталонной модели» демократии?) не допускались.

Русские мыслители и общественные деятели Лев Тихомиров, Иван Ильин выдвигали свои модели политической аксиоматики. Китайский опыт демонстрирует глубокое проникновение в формирование политических аксиом особенностей этнокультурных отношений и идентичности (национально-культурной, гражданско-политической). Указанный синкретизм воплощен в концепции государства-цивилизации.

Широкое распространение в объяснении рационального в политике и политической деятельности получила теория рационального выбора (ТРВ). Однако объяснительная модель ТРВ проистекает из либеральной трактовки социальности, сводится к экономической выгоде, основывается на методологическом индивидуализме, игнорирует эффекты коллективного выбора и общественных благ. Коллективное понимание рационального в политике является предметом целенаправленного конструирования в условиях конкретной страны и ситуации. Рациональность в политике должна изучаться в связи с проблемами политического выбора, имеющими социокультурное и идеологической основание. Убежденность в обоснованности идеологических постулатов трансформируется в мотив социального действия, трактуемого индивидом как рациональное (верно просчитанное).

Нормативная теория политики формируется, исходя из определенных аксиом и трактовки политической рациональности, ценностных предпосылок и идеалов наилучшего

политического устройства[9] и блага в политике. Политологический нормативизм обосновывает ценностно фундированные проекты «идеального» общественного устройства, «образы будущего». Политологический нормативизм сталкивается с фундаментальной проблемой соотношения универсальных и уникальных объяснений политики. Доминирование универсальных объяснений способствует навязыванию определенных моделей политического устройства .

За утверждение аксиом как в реальной политике, так и в политологии идет жёсткая идейная борьба. Работа над аксиоматикой и трактовками рационального в современной политологии – исследовательская задача, пересекающаяся с вопросами политической аксиологии, включая проблематику идентичности и этнокультурных отношений, а также нормативистики. Изменение социально-политических отношений, кризисные явления национально-государственного и глобального развития стимулируют критико-аналитический потенциал политологии[10].

Статья подготовлена в рамках НИР «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», № ГР 20211919 (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021-2025 гг.).

Апанович М.Ю.
(Москва, МГИМО МИД России)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ В РАМКАХ СОТРУДНИЧЕСТВА БРИКС+

Исследование базируется на институциональном анализе сообщества БРИКС и БРИКС+ с учетом его последнего расширения. В качестве теоретического базиса и изучения истории вопроса были рассмотрены работы следующих авторов: Bazarkina, Darya & Pashentsev, Evgeny. BRICS Strategic Communication: The Present and the Future in Russia in Global Affairs, 2021, 3 (July/September), Асадов Б. Р., Гавриленко В. А., Немченко С. Б. Теория многостороннего взаимодействия государств на примере деятельности БРИКС //Актуальные проблемы государства и права. – 2021. – Т. 5. – №. 20. – С. 590-601., Леонова О. Г. Расширение БРИКС и его геополитические последствия //Россия и современный мир. – 2024. – №. 2 (123). – С. 55-71., Джеймс К. Д., Ларионова М. В. БРИКС. Первые 15 лет сотрудничества //Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2022. – Т. 17. – №. 2. – С. 7-30. Литературный экскурс позволил определить индикаторы системности, а также оценить возможности их применения к избранной тематике.

Ключевым исследовательским вопросом является оценка роли стратегической коммуникации между странами на текущий момент и во временной перспективе.

Блок сотрудничества БРИКС представляет собой значительную группу стран с развивающейся экономикой, которые совместно влияют на глобальную геополитическую и экономическую ситуацию. В данном исследовании рассматриваются многогранные геополитические риски и возможности, с которыми сталкиваются страны-члены БРИКС на современной международной арене. Исследуя взаимодействие между этими рисками

[9]Антанович Н.А. Политологический нормативизм в условиях глобальных вызовов XXI века // Актуальные проблемы взаимодействия политики и права: вызовы и тенденции [Электрон. ресурс]: материалы междунар. круглого стола каф. политологии юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 28 марта 2024 г. – Минск: БГУ, 2024. С.13-20.

[10]Антанович Н.А. Аксиоматика и рациональность как основания политической науки // Политическая наука как призвание и профессия [Электрон. ресурс] : материалы междунар. круглого стола каф. политологии юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 июня 2024 г. – Минск: БГУ, 2024. – С.23-30.

и возможностями, отметим, что целью является анализ пути, по которому страны БРИКС могут идти для укрепления своего коллективного и индивидуального геополитического положения. Анализ подчеркивает важность сотрудничества внутри БРИКС для снижения рисков и использования возможностей в целях содействия устойчивому развитию и укреплению глобального влияния.

Саммит БРИКС 2025 года выявил значительные уязвимости, такие как ограничения на поездки, введенные МУС, и отсутствие некоторых ключевых лидеров, что ослабило внутреннюю сплоченность, но в то же время открыло возможности для таких членов, как Индия, Китай и Бразилия утвердить свое лидерство благодаря стабильным правовым рамкам и таким секторам, как технологии, энергетика и инфраструктура. Недавнее расширение группы, включившее в ее состав страны с разными отношениями с Западом — от враждебных (например, Китай, Россия, Иран) до относительно сотруднических (например, Индия, ОАЭ) — создает деликатный баланс, который ставит под угрозу коллективное единство, но в то же время открывает более широкие перспективы геополитического влияния и экономической интеграции. Для государств-членов БРИКС служит платформой для противовеса западного доминирования, стремления к многополярности в международных отношениях и обеспечения диверсифицированных экономических партнерств и финансирования развития, что особенно важно для политически изолированных или подвергающихся санкциям членов, таких как Венесуэла и Россия. Однако продолжающиеся внутренние напряженности, экономическая нестабильность среди некоторых членов и различия в политических системах затрудняют согласованные стратегические действия. В итоге будущее БРИКС будет зависеть от того, как отдельные члены согласуют свои национальные интересы с коллективными целями, ориентируясь в геополитической ситуации. Геополитическая ситуация вокруг России играет ключевую роль в формировании будущей геополитической стратегии БРИКС, побуждая Москву использовать блок в качестве платформы для противодействия западным санкциям и международной маргинализации. Столкнувшись с запретами на поездки и ордерами на арест МУС, которые ограничивают глобальные перемещения чиновников, Россия использует БРИКС для поддержания дипломатических контактов на высоком уровне и сохранения экономических отношений, в частности, путем разработки механизмов, снижающих зависимость от доминируемых Западом систем, таких как SWIFT и доллар США.

В этом контексте Россия стремится позиционировать БРИКС как инструмент для противостояния западной гегемонии, продвижения многополярного мирового порядка и укрепления своего статуса великой державы путем развития более тесного сотрудничества с другими членами организации в области экономики и безопасности. Основной упор делается на создание альтернативной финансовой инфраструктуры, такой как платежные системы и расширение торговли в национальных валютах, с целью обойти санкции и стабилизировать экономику Москвы в условиях геополитического давления. Однако стратегия России сталкивается с препятствиями, поскольку другие члены БРИКС более интегрированы в существующую глобальную финансовую систему и менее заинтересованы в полном отказе от доллара, что ограничивает темпы развития альтернативной финансовой архитектуры.

Таким образом, контекст новых внешнеполитических реалий усиливает участие России внутри БРИКС как стратегической платформы для смягчения геополитической уязвимости, укрепления экономического суверенитета и утверждения влияния в меняющемся постзападном мировом порядке, формируя траекторию блока в направлении оспаривания глобального доминирования Запада при одновременном балансировании разнообразных интересов его членов.

Ароян М.Х.
(Тюмень, ТюмГУ)

РОЛЬ РОССИИ В УКРЕПЛЕНИИ МОЛОДЕЖНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ АРМЕНИЕЙ И АЗЕРБАЙДЖАНОМ В УСЛОВИЯХ КАВКАЗСКОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Закавказье – один из самых нестабильных и непредсказуемых регионов. Нагорно-Карабахская война, начавшаяся в конце 1980-х годов и достигшая своего пика в 1988–1994 годах, а затем и в ходе последующих конфликтов продемонстрировала острую необходимость поиска путей к миру и взаимопониманию между Арменией и Азербайджаном. Важнейшую роль в процессе восстановления доверия и построения мира играет молодёжь, которая способна стать движущей силой перемен, объединяющей народы, и преодолеть исторические разногласия. В этом контексте особое значение приобретает развитие межмолодёжных инициатив, направленных на укрепление диалога, взаимопонимания и сотрудничества. Россия как правопреемница Советского Союза и региональный лидер реализует множество программ, обеспечивающих развитие толерантности и взаимопонимания среди молодежи Армении и Азербайджана.

Ключевым шагом на пути к устойчивому миру стало подписание 25 ноября 2005 года в Москве соглашения о молодежном сотрудничестве между государствами-участниками СНГ. Утвердили его семь государств бывшего Советского Союза, среди которых были также Республика Армения и Республика Азербайджан[11].

В ходе исследования выявлено, что правительство Российской Федерации активно приняло участие в развитии отношений между двумя бывшими странами Советского Союза. Во-первых, был организован ряд культурных мероприятий по сплочению молодежи на самой территории Российской Федерации. В них активно продолжают принимать участие молодые представители диаспор Армении и Азербайджана. Они узнают больше о культуре друг друга и находят общие черты. Во-вторых, Россия продолжает поддерживать создание межрегиональных молодежных платформ и клубов. В них представители Армении и Азербайджана могут активно обсуждать общие проекты и идеи, тем самым продвигать свои общие интересы. В-третьих, Россия активно организовывает спортивные турниры, молодежные форумы и конференции. Одним из таких стал проведенный в 2024 году в Санкт-Петербурге Форум Молодежных Организаций государств-участников СНГ, где целью являлось раскрытие молодежного потенциала и поддержка интеграционных процессов в СНГ. И в-четвертых, Россия активно проводит обмены между студентами Армении и Азербайджана. Так, некоторые молодые люди, например, из Российско-Армянского (Славянского) университета могут учиться в России и взаимодействовать со студентами из Азербайджана, тем самым приближаться к миру и сотрудничеству в регионе.

Названные пункты взаимосвязаны и способствуют достижению общей цели — укреплению межмолодежных связей и продвижению мира в Закавказье. Разного рода мероприятия помогают разрушать стереотипы и создают доверие между молодыми людьми, что в свою очередь стимулирует развитие межрегиональных платформ и клубов, где обсуждаются совместные проекты и идеи. Эти инициативы образуют системный подход,

[11]Галстян К. А. Молодежное сотрудничество как фактор сохранения и углубления дружественных отношений между государствами-участниками СНГ //Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. – 2020. – С. 397-400 (Дата обращения: 29.08.2025).

усиливающий эффект друг друга и повышающий результативность усилий по развитию доверия и мира в регионе.

Стабилизация ситуации в регионе напрямую зависит от подрастающего поколения. Именно правильная молодежная политика способна привести Армению и Азербайджан к миру и сотрудничеству. Роль Российской Федерации в этом деле – ключевая, ведь больше ни одно государство не имеет более тесных исторических связей с этим регионом и представления опасности той ситуации, которая сложилась там.

Артеев С.П.
(Москва, ИМЭМО РАН)

ЦЕННОСТНАЯ МИГРАЦИЯ, ЦЕНТРЫ СИЛЫ И РОССИЯ: РЕПАТРИАНТЫ, РЕЛОКАНТЫ, ИМПАТРИАНТЫ

Проблематика миграции занимает всё большее значение в общественно-политическом и научном дискурсах. Миграция превратилась в мегатренд, формирующий облик современного мира. В то же время усиливающаяся конкуренция между центрами силы также охватывает этот вопрос. Миграция превращается в один из главных политических маркеров мира эпохи фундаментальной трансформации. И грамотная миграционная политика государства играет решающую роль. Россия обладает сложным миграционным профилем, требующим вдумчивого подхода со стороны государства и общества. В то же время терминологические аспекты тематики нуждаются в рефлексии.

Миграция как переселение людей из одного места жительства в другое является наиболее общим понятием, лежащим в основе всех остальных терминов. Миграция распадается на два магистральных направления относительно государства как ключевого политического актора – *эмиграцию* (переезд граждан из своего государства в другое) и *иммиграцию* (переезд в государство граждан других государств). Значителен факт отсутствия единых институализированных подходов и стандартов к определению различных видов эмиграции и иммиграции. Наиболее разработанным в нормативно-правовом и практическом плане является концепт беженца. *Беженец* – лицо, находящееся вне государства своего гражданства вследствие преследования по каким-либо признакам. По данным ООН, более половины всех беженцев находятся в десяти странах, в том числе в России.

За исключением беженцев, остальная терминология, связанная с миграцией, может сильно отличаться от государства к государству, что отражает тренд на фрагментацию мирового политического пространства, политическую деглобализацию. Применительно к российскому контексту в современных реалиях всю совокупность миграционных процессов можно распределить следующим образом. К *эмиграции* относятся *экономические эмигранты, а также политические и ценностные эмигранты (беженцы, релоканты). Иммиграция* в Россию включает в себя *экономических (т.н. трудовых) иммигрантов (делящихся на две неравные части: меньшая – экспаты как высококвалифицированные профессионалы, бо́льшая – гастарбайтеры как лица, занимающиеся низкоквалифицированным трудом или живущие на пособия) и политических мигрантов (беженцев и импатриантов).*

Репатриант – относительно новое для российского законодательства понятие. Термин появился в Указе Президента РФ лишь в 2023 г. и напрямую связан с начавшейся СВО. Согласно указу, *«репатриант – это соотечественник, изъявивший желание принять участие в Госпрограмме»*.

В отличие от репатриации, *релокация* и *релокант*, хотя также являются новыми понятиями, стремительно вошедшими в обиход и в научный оборот в 2022-2023 гг., никак не отражены в российском законодательстве в качестве самостоятельных терминологических единиц. Тем не менее к 2025 г. релокант из модного слова превратился в научный термин, что нашло отражение в исследованиях, проведенных в России и за рубежом. Таким образом, *релокант – лицо, уехавшее из России по политическим мотивам, особенно после начала СВО* (основные волны прошли весной 2022 г. и осенью 2022 г.), *но в то же время изначально не рассматривавшее свой отъезд как переезд на постоянное место жительства в другую страну.* Иначе говоря, релоканты надеются вернуться в Россию в случае изменения политической обстановки или из-за финансовых и социальных трудностей. Релокант, как правило, не является политическим деятелем, не борется за власть, не является оппозиционером. В то же время релоканты могут быть политическими активистами, но политиков среди них единицы. Для большинства из них социально-экономические аспекты пребывания за рубежом превалируют над политическими. Своеобразной зеркальной противоположностью релокантов являются импатрианты.

В российском контексте *импатриант – лицо, испытавшее кризис гражданской идентичности в связи с несовпадением между индивидуальной (личной) и преобладающей в государстве (обществе) ценностными повестками и по этой причине сменившее постоянное место жительства на более соответствующее его убеждениям, при этом такой индивид обладает существенным человеческим капиталом. Импатриация – особая разновидность политической миграции, заключающаяся в переезде людей, не согласных с определенным типом идеологии и проводимой государственной политикой, в Россию как государство, реализующее курс на сохранение традиционных ценностей.*

Таким образом, миграционной аспект конкуренции между центрами силы в случае России во многом связан с грамотной конфигурацией государственной политики вокруг этих трех политизированных миграционных категорий: репатрианты, релоканты и импатрианты.

Арутюнов А.Г.
(Москва, НИУ «МЭИ»)

МЕЖДУНАРОДНОЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПОИСК НОВЫХ СПОСОБОВ РЕАЛИЗАЦИИ

В середине двадцатых годов XXI века уже выработаны и давно применяются традиционные подходы к организации международного межрегионального сотрудничества. На данном этапе эта тематика активно исследуется такими авторами как, О.С. Пустошинской, Г. Саймонсом, Ф.Е. Золотаревым, Е.В. Кузнецовой. В рамках классификации международных межрегиональных контактов можно назвать: заключение двухсторонних или многосторонних соглашений и меморандумов о сотруд-

ничестве (прежде всего в сфере экономики, транспорта, логистики или же в культурной сфере), работу по программам побратимских (в западной версии “сестринских”) и партнёрских договоров (если два региона в административно-территориальном делении страны представляют собой города), коллективные форматы (к примеру форумы регионов двух стран), а также форматы, представляющие собой исключительные случаи. Группу исключений чаще всего составляют регионы с широкой автономией в разных конфигурациях осуществления политической власти в рамках большого государства, которые стремятся обзавестись широкой сетью хотя бы горизонтальных контактов вне центрального аппарата управления этого государства. В данной же работе будет представлена попытка существенного дополнения имеющейся классификации.

В новых условиях (к ним относятся всё продолжающаяся и нарастающая цифровизация и существенные сдвиги в системе международных отношений) возникают новые форматы, которые требуют политологического осмысления. К примеру, это новый формат техно-выставок, где регионы страны представляют свои достижения в промышленности и технологиях (в том числе цифровых), договоры могут заключаться в том числе с регионами и городами других государств, а следовательно, этот новый формат входит в международное межрегиональное сотрудничество. Среди наиболее значимых событий подобного рода можно привести пример аналогичных выставок в Москве или Дубае. Последнее становится во многом возможным благодаря специфическим государственным институтам, направленным на поддержку подобных контактов, в Российской Федерации таким органом становится Российский экспортный центр. Безусловно, промышленные выставки существовали и ранее, но идея включения элементов парадипломатического компонента в них выглядит весьма прогрессивной, а также в ряде случаев эти экспо-форматы становятся методом борьбы с санкциями со стороны третьих стран.

Особое внимание стоит уделить взаимодействию приграничных регионов. Регионы и государства организуют форматы взаимодействия именно по этому признаку, чаще всего эти контакты реализуются в виде форумов. Ярким примером может стать ежегодный “Форум приграничных регионов Россия – Беларусь”. Иногда взаимодействие может осуществляться в рамках вопроса эксплуатации какого-либо комплексного логистического или транспортного объекта, к примеру, системы каналов между Финляндией и Российской Федерацией (до 2022 года). Подобные контакты можно наблюдать и в рамках отношений регионов Российской Федерации и Республики Казахстан.

Особые отношения могут складываться вокруг регионов, арендуемых третьими странами. В этом отношении можно привести пример города Байконур в Республике Казахстан и ряда регионов Российской Федерации, осуществляющих гуманитарные связи с ним. Из недавней политической истории (до 2014 года) можно привести и обратный пример, когда один сверх-развитый регион становится проводником государственного влияния на другие территории. Так, город федерального значения Москва, обладая существенным бюджетным преимуществом по отношению к подавляющему большинству регионов Российской Федерации, осуществлял гуманитарное сотрудничество с городом Севастополь (ещё до возвращения в состав России). Особенно помощь оказывалась в области транспорта, в частности, поставлялись новые единицы транспортных средств.

Наконец, стоит отметить, что международное межрегиональное сотрудничество может осуществляться не только на уровне самих регионов, но и на уровне их органов власти и управления, а также в рамках сотрудничества акторов неформально олицетворяющих собою регионы, к примеру епархий или митрополий христианской и особенно православной церкви, умма исламских общин, а также сангх буддийских сообществ регионов.

Аскарова О.С.
(Тюмень, ТюмГУ)

РОЛЬ МЕМОВ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ 2024 ГОДА: СРАВНЕНИЕ РОССИЙСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

С появлением цифровых технологий распространение информации стало возможным для любого пользователя, имеющего доступ к сети Интернет. Одним из инструментов политической коммуникации стал интернет-мем – особая разновидность веб-сообщения, сочетающего в себе актуальные краткие высказывания и яркую, узнаваемую визуальную составляющую[12].

Мемы формируют общественное мнение и используются в качестве инструмента для политической пропаганды. С помощью интернет-мема политические деятели вербуют будущих сторонников, дискредитируют образ оппонентов в сети, а также моделируют имидж политика или избирательной кампании.

Была проанализирована частота использования мемов в период предвыборной кампании 2024 года российскими и американскими политиками в социальных сетях с наибольшим охватом сторонников – ВКонтакте для русскоязычных пользователей и соцсети X для англоязычных.

Среди политических деятелей были выбраны кандидаты в президенты Российской Федерации Владислав Андреевич Даванков от партии «Новые люди» и Леонид Эдуардович Слуцкий от партии «ЛДПР», так как два других кандидата в президенты – Владимир Владимирович Путин и Николай Михайлович Харитонов – не имели в период кампании официальных социальных сетей. Также для анализа был выбран Дональд Трамп от «Республиканской партии» в связи с его кампанией, широко известной использованием мемов.

В агитационный период предвыборной кампании (17 февраля – 14 марта 2024 года) Владислав Даванков на своей личной странице ВКонтакте опубликовал 5 постов, среди которых не оказалось ни одного мема.

Леонид Слуцкий в заданный период опубликовал 53 поста, 2 из которых содержали мемы в виде картинок (на одной изображен Макрон в шапке Наполеона, на другой – Макрон, обнимающий Зеленского). При максимальном значении 1 тысяча 100 лайков среди 53 постов, картинка с Макроном в шапке Наполеона набрала близкое к максимальному значению 1 тысячу лайков и 20 репостов (при максимальном значении 30).

Трамп в период агитационной кампании в США, также выбранной в промежутке 28 дней до «дня молчания» (7 октября – 4 ноября 2024 года), опубликовал около 200 постов (без учета репостов), включающих 6 мемов.

Наибольшую популярность обрел мем в виде картинки, на которой Трамп в фартуке McDonald's машет рукой из окна выдачи заказов. При максимальном значении 1,3 млн. лайков среди 200 постов, мем набрал рекордные 1,3 млн. лайков и 87 млн. просмотров. Другая картинка – изображающая Трампа, выдававшего мороженое покупателю McDonald's с надписью: «Когда я стану президентом, сделаю машину по из-

[12]Шомова С. А. Политический интернет-мем: сущность, специфика, разновидности // Бизнес. Общество. Власть. 2015. № 22. С. 28-41. Режим доступа: https://www.hse.ru/mag/27364712/2015--22/148970323.html (дата обращения: 20.08.2024).

готовлению мороженого снова великой», – набрала рекордные 147 млн просмотров (при максимальном значении 147 млн просмотров).

Несмотря на разный уровень активности в социальных сетях, доля постов с мемами у выбранных кандидатов невысока. Однако довольно высок уровень эффективности – только 3,7% постов Слуцкого содержали мемы, но показали уровень вовлеченности аудитории, близкий к максимальному. 3% постов Трампа содержали мемы и также показали абсолютные рекорды по вовлеченности аудитории. Относительные показатели эффективности мемов Слуцкого (близкое к максимальному количество лайков и репостов) сопоставимы с эффективностью постов Дональда Трампа.

Асонов Н.В.
(Москва, МПГУ)

СМЕШАННАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОГО ГОСПОДСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Приступая к раскрытию данной темы, стоит остановиться на некоторых принципиальных положениях, без которых политологический анализ теряет свою научную значимость и предметную направленность. В первую очередь это касается методологии, требующей учитывать системно-функциональный, конфликтологический, деятельный, ценностный и факторный подходы. Поскольку политика выступает как целенаправленная деятельность по поводу власти, являющейся центральной категорией всей социальной сферы, мы не должны забывать, что такая деятельность всегда опирается на политическую теорию. При этом сама теория, включая ее доктринальное (обязывающее) направление, является ключевым звеном культурно-идеологической сферы политической системы, находящейся во взаимодействии с нормативно-регулятивной подсистемой, устанавливающей правовые рамки функционирования институционального блока. Учет этого фактора позволяют отделить декларативные ценности и цели правящего класса от латентных (скрытых), расходящихся с политическими ожиданиями самих граждан как объекта управления, оторванного от всего комплекса ресурсов, методов и технологий управления государством.

При этом сами граждане, различаясь между собой по социальным статусам и ролям, национально-религиозному, географическому и имущественному положению, не представляют и не могут представлять единого целого в своих устремлениях. Между ними также идет борьба за первенство и вытеснение конкурента с его эндемического пространства. В этом бесконечном разноплановом конфликте каждая социальная группа рассчитывает на поддержку правящего класса и созданного с его подачи руководящего аппарата страны. Ведь только он обладает монополией на применение ресурсов, методов и технологий управления. В их ряду метод убеждения формируется и реализуется благодаря идеологическому ресурсу. А он в свою очередь используется правящим классом так, чтобы отвести симпатии граждан от конструктивной (реальной) оппозиции и заставить нас поверить в то, что единственно верный путь успешного развития страны может предложить и осуществить только сам правящий класс и выдвинутый из его среды административный аппарат.

В современных условиях, когда синергизм занял господствующие высоты в теории и практике политической жизни, удержать завоеванное господство для целого класса или для его отдельных представителей, получивших руководящие посты, нельзя без комплексного подхода к решению таких проблем. Это значит, что новая политическая идеология обязана носить тоталитарный характер и содержать в себе смешанную и даже иррациональную сущность, которую почти нельзя просчитать. Ее ценность для удержания политического господства в том и состоит, что она формально направлена на удовлетворение насущных запросов всех слоев населения, выступая единой объединяющей и защищающей их силой, начиная с олигарха и заканчивая последним нищим.

Поскольку политика сегодня носит наиболее динамичный характер, особенно в сфере международных отношений, резко возрастает значение смешанной идеологии, формирующейся только на почве аналитической синергетики и комплексного исследования происходящих и ожидаемых событий. Учитывая программы оппозиционеров правого и левого толка, разноплановые ожидания граждан и зарубежных партнеров, принадлежащих к разным цивилизационным полюсам и политическим режимам, идеология такого рода может нести в себе самые противоречивые положения.

Специфика смешанной идеологии в том и состоит, что она никогда не использует какую-либо теорию или доктрину прошлого целиком, ибо до середины XX в. каждая такая теория отвечала в первую очередь интересам конкретного социального слоя, противопоставляя ее носителей остальным группам населения. Когда же технология выборов заняла господствующее положение практически во всем мире, включая Россию, началась погоня за голосами.

Непрерывный мониторинг предпочтений граждан и международной конъюнктуры дает возможность аналитическим центрам правящего класса постоянно корректировать такую идеологию, усиливая в нужный момент те ее позиции, что могут быть наиболее востребованы. Ярким примером смешанной идеологии может служить позиция правящей партии. Сочетая идеи «российского консерватизма», «экономического либерализма» и традиционализма, она уверенно держит первое место и не имеет себе конкурентов. То же самое можно сказать о соотношении феодальных символов российской государственности с ее конституционными положениями либерального толка.

Аствацатуров А.А.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ОТ АРБИТРА К АКТОРУ: РЕШЕНИЕ DOBBS V. JACKSON КАК КАТАЛИЗАТОР КРИЗИСА ЛЕГИТИМНОСТИ ВЕРХОВНОГО СУДА США

Легитимность Верховного суда США исторически основывалась на общественном восприятии суда как нейтрального арбитра, интерпретирующего конституцию вне зависимости от политической конъюнктуры. Однако решение 2022 года по делу *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization,* отменяющее конституционную защиту права на аборт, стало переломным моментом, обнажившим глубокий кризис институциональной легитимности Суда. Это решение не только изменило правовой ландшафт страны, но и усилило трансформацию общественного восприятия Суда — от беспристрастного хранителя права до идеологически ангажированного политического актора.

Кризис легитимности проявился в нескольких аспектах. Во-первых, радикальный отказ от принципа *stare decisis* (следования прецедентам) в отношении дела *Roe v. Wade,* существовавшего почти полвека, был воспринят критиками как демонстрация того, что правовые принципы уступили место идеологической целесообразности. Аргументация большинства, основанная на «историзме и традиции», была интерпретирована не как юридически строгая, а как инструмент для достижения предопределённого политического результата. Во-вторых, идеологическая предсказуемость решения — жёсткое разделение голосов по партийному признаку назначивших судей президентов — усилила нарратив о Суде как о продолжении политической борьбы иными средствами. Это подтвердило опасение о том, что судебный процесс утратил беспристрастность.

Реакция общества и политических институтов на *Dobbs* стала индикатором глубины кризиса. Резкое падение уровня общественного доверия к Суду, зафиксированное социологическими центрами, свидетельствует о эрозии его символического капитала. Политическая поляризация вокруг решения проявилась в призывах к радикальным реформам — от расширения состава Суда до ограничения срока полномочий судей. Заключение судьи Сотомайор о том, что Суд «меняет курс сегодня, потому что меняется его состав», стало своего рода манифестом критиков, видящих в решении не правовую эволюцию, а тактическую политическую победу.

Таким образом, *Dobbs v. Jackson* выступил не просто как судебный акт, а как катализатор, который превратил латентный кризис легитимности в открытый и системный. Решение показало, что Суд всё чаще действует как политический институт, чьи решения определяются не столько юридической доктриной, сколько идеологической логикой. Это ставит под вопрос не только его традиционную роль арбитра в американской демократии, но и устойчивость его власти, основанной на добровольном признании со стороны общества. Дальнейшая политизация Суда может привести к фундаментальным изменениям его места в системе разделения властей и в конституционной культуре США в целом.

Этот кризис усугубляется тем, что последствия решения выходят далеко за рамки конкретной проблемы абортов, формируя новую конституционную реальность. Подобные меры создают опасный прецедент для других неупомянутых прав, основанных на той же юридической логике — к примеру, права на контрацепцию или межрасовые браки. Суд, по сути, объявил, что отныне вопросы, которые ранее считались защищенными конституционными свободами, становятся заложниками политического процесса в штатах. Это не только дестабилизирует правовую систему, но и сигнализирует о глубокой трансформации самой роли Суда — из гаранта прав меньшинств от «тирании большинства» он рискует превратиться в институт, который узаконивает эту тиранию. Такой переход от защиты индивидуальных свобод к моральному регулированию на уровне штатов подрывает саму философскую основу легитимности Суда как хранителя основных прав, не зависящих от результатов выборов или изменчивых настроений большинства. Это создает прецедент, при котором конституционные гарантии становятся условными и территориально ограниченными, что фундаментально противоречит самой идее правового равенства и единого конституционного пространства.

Аствацатурова М.А.
(Пятигорск, ПГУ)

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ ИЗМЕРЕНИИ НА ФОНЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Организация и самоорганизация этнического фактора в общем контексте межэтнических отношений в СКФО детерминированы общим состоянием этносоциальной, этноконфессиональной и этнополитической сфер России, а также стратегией РФ в сфере национальных, федеративных и межэтнических отношений. Современные внешние вызовы и противоречивые контуры геополитического транзита актуализируют внутренние северокавказские процессы, которые детерминированы этничностью как стойким идентификационным комплексом, проецирующимся в политику. Среди этих процессов выделим:

Во-первых, укрепление российского гражданского патриотизма, преодолевающего этно– и религиозно-центристские взгляды. Общая этнокультурная и этнополитическая ситуация в СКФО характеризуется как стабильная и соответствующая «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» и «Государственной комплексной программе РФ «Развитие Северо-Кавказского федерального округа». Общественные настроения этнических и религиозных групп формируются в рамках верхушечной консервативно-традиционалистской политико-управленческой доктрины, релевантна устремлениям населения СКФО.

Во-вторых, выстраивание оптимального политико-управленческого пространства, в котором происходит организация и самоорганизация этнического фактора. В субъектах РФ СКФО действуют профильные органы власти и управления, реализующие государственную национальную политику, в деятельности которых отражена дифференцированная региональная ситуация. В устойчивом формате действуют национально-культурные и религиозные организации как сетевые субъекты этнокультурной модели гражданского общества. Дискурс публичной политики лишен оппозиционных сюжетов и может оцениваться как дискурс гражданской российской нации. Северокавказский этнический фактор как идентификационный конгломерат реализуется, прежде всего, в общем комплексе российской гражданской идентичности и поликультурного российского кода.

В то же время институирование этнического фактора публичной политики в условиях внешних вызовов и изменений отмечено существенными проблемами. Среди них выделим очевидные:

1. Субъекты и объекты национальной политики РФ находятся в некотором режиме ожидания новой редакции доктринального документа «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Региональные и муниципальные программы политики и управления в сфере организации и самоорганизации этнического фактора тесно увязаны со смысловыми интенциями федерального документа. Промедление в его принятии вносит некоторые диссонансы в политическую и управленческую, а также в экспертную и прогнозную деятельность.

2. Реализация официальной консервативно-традиционалистской доктрины «вмонтирования» этнического фактора в публичную политику выстраивается вокруг такого организующего и нравственного стержня, как российский и русский патриотизм. Од-

нако патриотическая надэтническая сплоченность в условиях внешних вызовов и ведения Россией СВО продуцирует катализацию этнокультурных и этнополитических дефицитов, которые имеют национально-культурные, национально-территориальные и национально-государственные интерпретации.

3. Качество и тенденции межэтнических отношений в СКФО зависят не только от общего содержания российского этнокультурного и этнополитического пространства, но и от эксцессов геополитической природы. Институциональные проекции этнического фактора СКФО зависят от отношений РФ с соседними государствами, а также от этнических и религиозных конфликтов, в которых задействованы близкие по этногенезу группы. Международные эксцессы побуждают этнорелигиозные сообщества Северного Кавказа к публичным несанкционированным манифестным акциям, которые могут дестабилизировать ситуацию.

4. Формирование публичного дискурса этничности осуществляется при использовании такого важнейшего механизма, как родной язык, который в консервативных сообществах СКФО рассматривается не только как средство коммуникации, но и как символ присутствия данного народа на данной территории. Существенной проблемой является сохранение языков народов Северного Кавказа в условиях, когда государственные языки республик РФ СКФО стали необязательными к изучению. В то же время отмечается сокращение пространства русского языка, что связано с некоторым уменьшением численности русского населения и оттоком русской молодежи в целях успешной социализации и жизненного устройства.

5. Самоорганизация этнического фактора в публичной политике выражается, прежде всего, в деятельности национально-культурных организаций и автономий, которые широко представлены СКФО. К национально-культурному ассоциированию прибегают все этнические сообщества – как автохтонные, так и диаспорные, имеющие богатый опыт этнической солидарности и презентации групповых интересов. На этом фоне самоорганизация русского населения на основе этнической идентичности отмечена существенной инерцией и чаще всего реализуется через самоорганизацию казачества и «Русской общины». Очевидно, что ни казачество, ни «Русская община» не могут быть в полной мере полпредами русского населения СКФО в стремлении сохранить и презентовать свои этнические интересы в жесткой социальной и экономической конкуренции.

Атаманенко А.А.
(Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, РАНХиГС)

НАСТОЛЬНЫЙ ВАРГЕЙМ КАК ПРОСТРАНСТВО ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО: ФОРМЫ, СООБЩЕСТВА, СМЫСЛЫ

Современная среда игрового взаимодействия становится в том числе и пространством функционирования политических смыслов. Нам видится, что обращение к феномену настольного варгейма, пока что довольно ограниченное в отечественной науке (см. Макмиллан, 2015; Антонов, Кузьмина, 2019; Caffrey, 2019; Еремин, 2021), может открыть новые формы креативного осмысления политической идентичности и творче-

ского проектирования идеальных образов. Опираясь на представление М. Ван Кревельда о варгеймах как способах реконструкции военной деятельности с продуктивными либо игровыми целями (Van Creveld, 2013), мы можем описать общую модель, в которой игровая среда предоставляет ее участникам возможность в неполитической среде выразить в том числе и собственные политические воззрения.

Основные формы творчества в современных варгеймах включают в себя непосредственно игровые ситуации взаимодействия, создание и обработку аксессуаров для игрового процесса, а также для многих варгеймов – обсуждение сюжетных и нарративных элементов, воссоздаваемых в играх и сопутствующих медиаисточниках. Значительную роль играет наличие сообщества, объединенного в том числе и в онлайн-формате. Лидеры мнений, задающие тон общения, могут проецировать спектр уместных для обсуждения тем и коннотаций в контексте локальных сообществ. Отдельно можно отметить такие варгеймы, которые предполагают использование миниатюр, будь то репрезентация исторических или реально существующих военных отрядов или же фантастические выдуманные существа и подразделения. Личный фактор играет здесь значительную роль: выбор цветов, символики или поз моделируемых миниатюр может включать в себя и выбор определенной политической символики. Известно, в частности, об игроках в настольный варгейм Warhammer 40,000, использующих для оформления своих фантастических армий цвета и символику японских войск времен Второй Мировой войны или стилизованную немецкую военную геральдику (см. The False Emperor – Paint (интернет-ресурс). URL: https://vk.com/tfe_paint). Отметим также фактор развившейся в последние годы 3D-печати, позволяющей создавать отдельные элементы для своих миниатюр (в том числе с политической символикой) или же делать собственные миниатюры самостоятельно. Данная ситуация создает возможности для творческого самовыражения, элементом которого может стать проекция политической позиции, отражающая представления игрока об идеальном. Впрочем, возможны и такие ситуации, в которых выбор определенной политической символики становится исключительно эстетическим выбором и не рефлексируется на уровне идентичности человека.

То, какую репрезентацию своих эстетических, политических и иных воззрений сформирует игрок в варгейм, может рассматриваться как одна из проекций его общих ожиданий. Будучи в некотором смысле создателем в ограниченном масштабе, игрок присваивает себе роль лица, принимающего решение в рамках игровой ситуации. Обращение к этим решениям и может рассматриваться как один из способов узнать о предпочтительных сценариях будущего у рассматриваемой аудитории.

Настольные варгеймы, представляя крайне интересную, но очень сложную для изучения форму получения игрового опыта и социализации, создают исключительное креативное пространство. Это пространство дает возможность и для политического самовыражения, как прямого, так и метафорического. И в этом смысле изучение аудитории настольных варгеймов и определение факторов, влияющих на их творческие решения, превращается в один из важных аспектов обсуждения образов политического будущего, связанных с рефлексируемой и нерефлексируемой креативной деятельностью.

Ачкасов В.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

СЕКЬЮТЕРИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА

Несомненно, что политика идентичности открывает широкую арену для деятельности политических антрепренеров, стремящихся манипулировать коллективной идентичностью, представляя ее вполне определенным образом и апеллируя к ней для достижения поставленных целей. Поэтому не случайно, что не только исследователи, но и некоторые политики выражают обеспокоенность последствиями политики идентичности, которые приводят к фрагментации социумов, кризису национальной идентичности и росту международной конфликтности. «Если «политика идентичности» становится более заметной и мощной силой, а конкретные религиозные и культурные идентичности – все более привлекательными для граждан, то барьеров на пути объединяющих программ государства появляется все больше, а преодолевать их все сложнее», – констатирует Дж. Шварцмантель.[13]

Более того, в современном мире произошла секьюритизация политики памяти и политики идентичности, иначе говоря, «их концептуализация как сферы, тесно связанной с вопросами безопасности» (Л.А. Фадеева). Секьюритизация политики идентичности понимается как ее определение в качестве объекта, которому угрожают, прежде всего, политические акторы, как внешние, так и внутренние. Еще С. Хантингтон замечал, что «до тех пор, пока американцы считают, что их стране угрожает опасность, национальная идентификация остается весьма высокой. Если же чувство опасности притупляется, прочие идентичности вновь берут верх над идентичностью национальной»[14]. Секьюритизация политики идентичности легитимирует выстраивание внешнеполитического курса, обоснование притязаний на изменение/сохранение роли в мировой политике, которое происходит за счет обращения к негативной идентичности, которая строится по схеме «мы не такие-то» и содержит неприятие или отрицание того или иного политического объекта и/или тотальное противопоставление «нас» – «им». Отсюда представление о политике идентичности, как об определенном наборе идей, которые политики используют для мобилизации чувства сплоченности и солидарности, чтобы легитимировать общую направленность внешней политики. Сообщество конституируется через отношение к этому негативному фактору, чужому или враждебному, который становится ключевым условием солидарности его членов, сознающих себя в рамках этого значимого и ценного для них единства, где они противопоставлены чужим («не таким, как мы»). При этом для секьютиризации настоящего активно используется историческое прошлое, чему предшествует дискурсивное конструирование «события прошлого» – отбор совокупности фактов, организованных в политически полезный исторический нарратив. Одним из практических следствий этого являются «войны памяти», связанные с использованием прошлого для легитимации существующего, кризисного международного порядка путем создания на этой основе ценностно-политического нарратива и конфликтного взаимодействия мнемонических акторов по поводу находящихся под угрозой исконных ценностей.

Таким образом, лидеры многих государств считают, что национальная идентичность требует защиты от «негативно значимых других», и потому стремятся к согласованию

[13]Шварцмантель Дж. Идеология и политика. Харьков, 2009, с.164.
[14]Хатингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО Изд. АСТ, 2004, с. 16-17.

политики национальной безопасности с ответом на вопрос «кто мы?». В результате защита собственной национальной идентичности теперь представляется критически важной уже для выживания государств и существующего международного порядка.

В целом же продолжающаяся секьютеризация исторической памяти и политики идентичности представляется одним из наиболее критичных факторов с точки зрения перспектив сохранения современного миропорядка, основанного на сообществе суверенных национально-территориальных государств, нерушимость и легитимность которого до недавнего времени обеспечивались именно за счет согласованности и непротиворечивости исторической памяти великих держав-гарантов. Происходящий сегодня отказ от прежде представлявшихся незыблемыми принципов, от консенсуса в вопросах исторической памяти представляется важным симптомом острого кризиса этого миропорядка.

Ашихмин А.Е.
(Москва, РУДН)

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ РФ И КНР: ПОНИМАНИЕ, СТРАТЕГИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Цель статьи – в единой сравнительно-политологической рамке показать, как Россия и Китай концептуализируют технологический суверенитет, через какие институты и инструменты его реализуют и как эти практики влияют на перераспределение мощи и норм в международных отношениях. Исходная гипотеза: технологический суверенитет функционирует как механизм снижения внешней уязвимости и наращивания относительной мощи; в китайском случае он дополнительно служит каналом нормативного лидерства (продвижение стандартов).

Теоретико-методологическая оптика объединяет структурный реализм (анархия, самопомощь, относительные выгоды, дилемма безопасности) и «моральный реализм» в качестве спецификации китайского кейса (легитимация через результаты и экспорт норм). Операционализация построена по единой схеме: концепт → институты → инструменты → промежуточные результаты → риски; методы включают сравнительный и институциональный анализ, историко-генетическую реконструкцию, кейс-стади и контент-анализ программно-нормативных документов.

Российская модель основана на «Концепции технологического развития до 2030 года» и исходит из необходимости устранения критических зависимостей и защиты узловых звеньев техносферы (компоненты, оборудование, данные, инфраструктура и стандарты). Ключевой инструмент – межотраслевые мега-проекты, сопряжённые со «сквозными» технологиями и координируемые профильными ведомствами и системообразующими корпорациями. Стадия реализации – ранняя; потому оценка ведётся по промежуточным индикаторам: институциональная плотность, динамика локализации, прохождение вех и уровней технологической готовности, конфигурация акторов.

Китайская траектория – через институционализацию программ научно технического развития к двухконтурной стратегии: индустриальное масштабирование («Сделано в Китае 2025») и нормоустановление через стандарты («Китайские стандарты 2035»). Эти контуры взаимодополняемы: материальная база обеспечивает автономию, а стандартизация превращает технологические решения в правила доступа к рынкам и совместимости, увеличивая внешнюю легитимность и влияние.

Сравнительный анализ демонстрирует сходство целеполагания (снижение уязвимости, повышение стабильности) при различии инструментальных акцентов и стадий. Для РФ характерны концентрация ресурсов и межотраслевая синхронизация; вызовы – кадровый дефицит, зависимость от передовых компонентов, инерционность институтов. Для КНР – эффект масштаба и планомерная стандартизация; вызовы – экспортный контроль, «узкие места» в передовой микроэлектронике и высокоточной машиностроительной базе, издержки управляемой модернизации. При этом обе стратегии показывают адаптивность: Россия фиксирует промежуточные эффекты развертывания мега-проектов, Китай ускоряет НИОКР по критическим направлениям и продвигает собственные стандарты на внешних рынках.

Выводы. Во-первых, технологический суверенитет следует понимать не как автаркию, а как контроль критических узлов при разумной открытости глобальным цепочкам. Во-вторых, российская и китайская модели институционально различны, но сопоставимы в логике реалистической парадигмы: перераспределение возможностей (РФ) дополняется перераспределением «правил» (КНР). В-третьих, диверсификация технологических центров ускоряет переход к многополярной архитектуре международных отношений, повышая цену технологического принуждения и расширяя пространство для коалиций и режимов координации. Практическая значимость результатов – в предложенной схеме измерения и сопоставления промежуточных эффектов реализации стратегий, применимой и к другим национальным кейсам.

Ашмарина А.А.
(Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ В 2025 ГОДУ: БИОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В 2025 году Россия начала активное внедрение цифровых технологий в миграционную политику. Указ Президента РФ от 09.07.2025 № 467 предписывает создание государственного информационного ресурса «Цифровой профиль иностранного гражданина» к 30 июня 2026 года, интегрирующего биометрические и личные данные мигрантов. С 30 июня 2025 года обязательна биометрическая регистрация (отпечатки пальцев, фото) для всех въезжающих мигрантов. С 1 сентября 2025 года в Москве и Московской области запущен эксперимент с мобильным приложением «Амина», требующим передачи геолокационных данных в МВД, что призвано заменить бумажный учет.

Цифровизация миграционного учета направлена на борьбу с нелегальной миграцией, повышение безопасности и оптимизацию демографической ситуации в условиях геополитических вызовов и «демографической осени».

Биополитика, концептуализированная М. Фуко, подразумевает контроль над жизнью населения через регуляцию рождаемости, здоровья и миграции для «максимизации полезной жизни». В России это эволюционировало от пронаталистских мер (материнский капитал) к цифровизации миграции как инструменту «селекции полезных тел» – трудовых мигрантов, компенсирующих убыль рабочей силы.

«Цифровой профиль» объединяет данные из баз МВД, включая биометрию, историю въездов и патенты. Он доступен через платформу «Госуслуги RuID». Приложение

«Амина» (обязательное для безвизовых мигрантов в пилотных регионах) обеспечивает реальное время мониторинга геолокации, штрафы за неиспользование (до 7 тыс. руб.) и депортацию. Биометрический контроль на границе (с 30 июня 2025) создает «цифровое тело» мигранта, подлежащее постоянному надзору, что усиливает биополитический контроль над перемещениями и идентичностью.

Миграция компенсирует 20-30% демографической убыли, но цифровизация фокусируется на временных трудовых мигрантах, затрудняя их долгосрочную интеграцию путем строгого мониторинга и предоставления временного статуса. Пример: биометрический профиль упрощает доступ к услугам для легальных мигрантов, потенциально повышая их вклад в рождаемость (через программы вроде материнского капитала для получивших гражданство), но геолокационный контроль усиливает ощущение «временности», снижая мотивацию к ассимиляции. В демографическом аспекте это помогает стабилизировать рабочую силу в условиях «демографической осени», но есть риски усугубления социальных противоречий.

Цифровизация повышает эффективность миграционного учета, но провоцирует социальное напряжение: мигранты представляются как «контролируемые объекты», а не равноправные члены общества, что усиливает ксенофобию. Мигранты превращаются в объекты постоянного цифрового надзора, где их тела и данные становятся элементами биополитического аппарата. Примеры барьеров: отсутствие iOS-версии «Амина» (только Android), лимит на 10 SIM-карт, потенциальные утечки данных из ЕБС, приводящие к дискриминации. Это может перерасти в некрополитику: депортация за мелкие нарушения (например, отсутствие геолокации) или эмиграция квалифицированных специалистов из-за тотального контроля, что приведет к усугублению демографической ситуации. Анализ показывает, что без баланса цифровизация рискует создать «цифровой паноптикум» для мигрантов, где биополитика служит инструментом авторитарного управления.

Цифровизация миграционного контроля в России в 2025 году представляет собой амбициозный биополитический проект, направленный на оптимизацию управления населением и компенсацию демографического спада через селективную миграцию, но несет значительные риски некрополитического исключения и социальной сегрегации. Во-первых, цифровые инструменты эффективно усиливают контроль, но снижают уровень интеграции; во-вторых, способствуют демографической стабилизации, но игнорируют гуманитарные аспекты; в-третьих, без корректировок это может привести к росту ксенофобии и потере человеческого капитала. Для баланса между контролем и интеграцией предлагаются следующие рекомендации: 1) разработка универсальной версии приложения «Амина» (включая iOS) для повышения доступности и снижения барьеров; 2) внедрение программ социализации мигрантов через цифровые платформы, такие как онлайн-курсы по русскому языку и культуре в ruID; 3) смягчение санкций за технические нарушения (например, временные предупреждения вместо депортации) для стимулирования добровольной легализации; 4) усиление защиты данных в цифровых профилях в соответствии с международными стандартами (GDPR-подобными), включая аудит ЕБС на предмет утечек; 5) интеграция миграционной цифровизации с репродуктивной политикой, льготы для мигрантов с детьми (расширенный материнский капитал); 6) мониторинг социального воздействия через независимые исследования, с корректировкой политики на основе данных о миграционных потоках и демографии. Необходимо подчеркнуть необходимость гуманизации цифровых мер для обеспечения устойчивого демографического развития и социальной гармонии в многонациональной России.

Ашыров Б.Т.
(Воронеж, ВГУ)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ ПАБЛИКОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ ЦФО)

Социальные сети как один из каналов политической коммуникации имеют большое влияние на современные политические процессы. Во многом это связано с особенностями постиндустриального общества, в котором Всемирная паутина позволяет распространять информацию по всему миру, оказывая всепроникающее воздействие на людей.

Помимо этого, наблюдается экспоненциальный рост количества интернет-юзеров. К примеру, за последнее десятилетие число пользователей социальных сетей в России выросло больше чем на половину: с 67 миллионов человек в 2015 году до 106 миллионов в 2025 году.

Безусловно, эти две причины не могли не остаться без внимания со стороны государства, которое как основной социально-политический институт всегда берет на вооружение самые влиятельные коммуникативные инструменты и технологии (так было сначала с печатной прессой, затем с радио и телевидением, а теперь и с Интернетом и социальными сетями).

Политическая интернет-коммуникация, а также социальные сети как один из ее инструментов, направлены на формирование общественно-политических взглядов, ценностей, смыслов и представлений населения, выполняя регулятивное воздействие, функцию социализации и поддержания политической стабильности.

Россия в интернет-пространстве сформировала развернутую цифровую инфраструктуру, позволяющую эффективно влиять на политические предпочтения граждан. Одним из инструментов являются так называемые «госпаблики». Это официальные страницы государственных органов, органов местного самоуправления, подведомственных им организаций (включая больницы, поликлиники, детские сады, школы, вузы, дома культуры и т.д.), судов в социальных сетях «ВКонтакте» или «Одноклассники».

Обязанность вести публичные страницы в социальных сетях органы власти получили в 2022 году. Вся совокупность «госпабликов» формирует одноименную систему «Госпаблики», связывающую все паблики органов власти в единое целое, позволяя распространять необходимый государственный контент среди многомилионной аудитории по всей России нажатием одной кнопки. Эта система является мощным инструментом влияния на общественно-политические предпочтения россиян. Отличительной чертой «госпаблика» в социальной сети «ВКонтакте» является специальная метка «госорганизация».

Автор проанализировал эффективность политической коммуникации региональных правительств Центрального федерального округа в социальной сети «ВКонтакте». К сожалению, анализ эффективности работы властей в «Одноклассниках» объективно провести нельзя, поскольку характеристика «количество просмотров» в данной социальной сети доступна только курирующим конкретный паблик администраторам. Странички правительств и губернаторов являются эталонными и самыми популярными ресурсами региональных органов власти в соцсетях.

Отметим, что ключевым показателем, который используют маркетологи при оценке эффективности ведения социальных сетей, является коэффициент вовлеченности (En-

gagement Rate или сокращенно ER). Это коэффициент, показывающий уровень вовлеченности и заинтересованности пользователей социальных сетей генерируемым контентом. ER равняется сумме лайков, комментариев и репостов, деленной на просмотры, и все это умноженное на 100%.

Также используется метрика коэффициента коммуникабельности (Talk Rate или TR), показывающая коммуникационную активность подписчиков страниц органов власти. Коэффициент коммуникабельности рассчитывается по формуле: количество комментариев, деленное на количество подписчиков; все это, деленное на количество публикаций, а затем умноженное на 100%. Чем выше уровень вовлеченности и коммуникабельности, тем эффективнее работает политическая коммуникация в социальных сетях.

Отметим, что количественные коэффициенты ER и TR демонстрируют достижения органов власти только в социальных сетях. При измерении же эффективности политической коммуникации в целом необходимо комплексно исследовать цифровую деятельность регионов, в том числе и страничек губернаторов.

Автор проанализировал количественные показатели пабликов правительств регионов ЦФО во «ВКонтакте» за три неполных месяца лета 2025 года. В топ-3 региона по уровню вовлеченности входят: Тверская область (1,1%), Тамбовская область (1,05%) и Владимирская область (1,04%). В топ регионов по коэффициенту коммуникабельности входят Московская область (0,026%), Тамбовская область (0,021%) и Тверская область (0,011%).

Добавим, что перспективным для анализа является национальный мессенджер MAX, масштабное внедрение которого стартует с 1 сентября 2025 года. Именно с этой даты, по словам разработчиков, всем органам власти дадут возможность создавать публичные каналы информации. Помимо этого, национальный мессенджер призван стать альтернативой зарубежным сервисам, к которым относится, к примеру, платформа «Telegram».

Бабаджанян П.А., Фролов А.А.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ДОБРОВОЛЬНАЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ: КАК СОЦИАЛЬНЫЕ РЕЙТИНГИ И ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ ПОБУЖДАЮТ КОНСТРУИРОВАТЬ НОВУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Современный цифровой ландшафт характеризуется повсеместным распространением систем рейтингования и ранжирования, интегрированных в логику цифровых платформ. В отличие от прогосударственных систем социального рейтингования, эти механизмы часто носят добровольный и игровой характер, что маскирует их глубокое перформативное воздействие. Перформативность понимается как способность дискурсивных практик не описывать, а активно конструировать социальную реальность. Ключевой парадокс заключается в том, что пользователь, добровольно участвуя в этом процессе, сам становится агентом конструирования реальности, которая впоследствии определяет и ограничивает его собственные практики. Цифровые платформы, таким образом, трансформируются из инструментов коммуникации в архитектурные площадки для производства новой социальности, где ценность и идентичность индивида опосредуются алгоритмическими метриками.

Концепция перформативных высказываний, восходящая к Дж. Л. Остину и развитая в социальных науках, позволяет анализировать системы рейтинга не как инструмент, отражающий социальные качества, а как сценарий, который побуждает акторов разыгрывать определенные роли, тем самым материализуя эти качества. Добровольный характер участия не отменяет принудительную силу системы, а перестраивает ее. Платформа предоставляет рамку и язык (метрики), а пользователь, стремясь к социальному признанию, материальным благам или просто из страха быть исключенным, наполняет эту рамку содержанием, постоянно производя и воспроизводя реальность, которую система призвана измерять.

В экосистеме цифровых платформ перформативный эффект реализуется через несколько взаимосвязанных механизмов. Во-первых, это конституирование новой ценности. Такие метрики, как количество подписчиков, уровень вовлеченности (ER), лайки и репосты, становятся универсальным языком оценки социального и символического капитала. Стремление к их максимизации заставляет пользователей постоянно корректировать свой контент и поведение, конструируя не аутентичную идентичность, а «оптимизированную версию себя», предназначенную для алгоритмического распознавания и одобрения. Контент начинает производиться не из желания коммуницировать, а из необходимости соответствовать алгоритмической логике платформы, которая и определяет, что является ценным и видимым.

Во-вторых, это формирование «цифрового габитуса». Согласно П. Бурдьё, габитус — совокупность оснований, которые определяют поведение человека благодаря усвоению социальных установок. Эти установки имеют объективный характер, но каждый агент пользуется ими субъективно. «Цифровой габитус» формируется через непрерывное взаимодействие с интерфейсом, подсказками платформы и обратной связью в виде метрик. Пользователь интуитивно усваивает, какие типы самопрезентации, эмоций и моделей поведения вознаграждаются, а какие — не замечаются платформой. Он начинает не просто действовать в сети, а предусматривать свои действия в расчете на их алгоритмическую успешность, тем самым добровольно принимая правила конструирования реальности.

Добровольное участие в перформативных практиках платформ ведет к фундаментальным трансформациям социальности. С одной стороны, индивид получает ощущение контроля и инструменты для самопродвижения. С другой стороны, его автономия подвергается ограничению, так как действия направляются не внутренними ценностями, а внешними, навязанными платформой критериями оптимизации. Это приводит к гомогенизации публичного поля, где доминируют контентные стратегии, доказавшие свою эффективность в погоне за вовлеченностью, и маргинализации всего, что не укладывается в эти рамки. Кроме того, происходит атомизация социальных связей. Отношения между пользователями все чаще опосредуются не взаимным признанием, а взаимной оценкой, выраженной в метриках. Друг становится «подписчиком», доверие — «лайком», репутация — «рейтингом». Это трансформирует саму суть социальности, заменяя межличностные связи на рейтинговые. Пользователь принимает условия социального рейтинга, где человек воспринимает себя как бренд, требующий постоянного инвестирования в свой символический капитал, исчисляемый в показателях.

Таким образом, потенциально системы социального рейтинга в контексте перформативности демонстрируют, что влияние цифровых платформ заключается не в прямом принуждении, а в способности побудить пользователя к самодисциплине и активному участию в конструировании алгоритмически верифицируемой реальности. Цифровые платформы становятся полем, где разыгрывается конфликт между стремлением к самовыражению и необходимостью подчинения определенным нормам. На нормативном уровне возникает насущная необходимость в разработке цифровой этики, основанной не на запретах, а на принципах осознанности и медиаграмотности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00728 «Политические последствия социального рейтингования граждан», https://rscf.ru/project/24-28-00728

Бабаджанян П.А.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

НЕУЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ ВУЗОВ РОССИИ

Неучастие студенческой молодежи в политической коммуникации представляет собой сложный социально-политический феномен, обладающий значительным потенциалом влияния на устойчивость общественной системы и траектории ее развития. Многоаспектность последствий данного явления простирается от глубинных процессов формирования гражданской идентичности личности до фундаментальных вопросов легитимности политических институтов. Результаты проведенного исследования, основанного на анализе содержания глубинных интервью с экспертами в области политической социологии, педагогики и государственного управления, а также материалов фокус-групп с участием студентов из различных вузов, позволяют утверждать, что природа этих последствий отличается существенной нелинейностью и внутренней противоречивостью.

Позитивные и деструктивные тенденции не просто сосуществуют, но находятся в состоянии постоянного динамического взаимодействия, где адаптивные функции отдельных форм неучастия могут опосредованно способствовать усилению системных рисков или, напротив, латентные негативные эффекты создают почву для неожиданных компенсаторных механизмов. Для структурированного осмысления этой сложной реальности представляется методологически оправданным опираться на выработанную в ходе исследования типологию политического неучастия, отражающую ключевые поведенческие паттерны и их мотивационные основания.

Основная идея работы заключается в том, что современные студенты, понимая теоретическую важность политического участия, одновременно воспринимают его как неэффективный инструмент решения актуальных жизненных задач в краткосрочной перспективе. Такое восприятие порождает различные формы дистанцирования от политики, каждая из которых имеет специфические характеристики и мотивационные основания.

Анализ полученных данных позволил выделить четыре основные формы политического неучастия.

• *Активное неучастие (абсентеизм)* – характеризуется сознательным отказом от участия в политических процессах как формой протеста. Эта позиция обусловлена преимущественно недоверием к политическим процессам и неприятием существующих политических институтов.

• *Пассивное неучастие (уклонение)* – проявляется в низкой мотивации к политическому участию вследствие отсутствия устойчивого интереса к данной сфере. Ключевыми факторами здесь выступают дефицит политических знаний и общее отсутствие интереса к политике как сфере.

• *Ситуативное неучастие (избегание)* – представляет собой временное неучастие, обусловленное прагматическими причинами. В данном случае студенты отодвигают политическую активность на второй план в силу высокой занятости учебой, построением

карьеры или реализацией личных проектов.

• *Цифровое неучастие* – выражается в поверхностном взаимодействии с политическим контентом без глубинного включения в реальные политические процессы (например, пользователь ставит автоматически лайки без осмысления информации). Эта форма характеризуется эмоциональным потреблением информации через цифровые платформы, что создает иллюзию вовлеченности при фактическом отсутствии активного участия.

Результаты исследования подтверждают, что значительная часть студентов осознает ценность политического участия, однако оно не трансформируется в практическую вовлеченность. Основным барьером выступает восприятие политики как сферы, не оказывающей непосредственного влияния на их повседневную жизнь. В условиях высокой академической и профессиональной нагрузки, а также цифровизации коммуникации, политическое участие часто маргинализируется, уступая место более актуальным, с точки зрения молодежи, практикам. При этом активное неучастие может свидетельствовать не о политической апатии, а о критическом отношении к существующим институтам, и здесь неучастие является демонстрацией, что нужны перемены. В то же время цифровое неучастие создает иллюзию включенности, не подкрепленную реальными действиями.

Феномен политического неучастия студенческой молодежи представляет собой сложное, многомерное явление, требующее дифференцированного подхода. Выделенные формы неучастия демонстрируют разнообразие мотивационных структур и поведенческих паттернов, лежащих в основе этого феномена.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Ярославской области в рамках научного проекта №11НП/2024.

Acknowledgments: The reported study was funded by Government of the Yaroslavl region according to the research project number 11NP/2024.

Бадмацыренов Т.Б.
(Улан-Удэ, БГУ)

БУДДИЗМ, ПОСТСЕКУЛЯРНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ

Религия как концепт за последнее столетие в научном видении прошла путь от секуляризации и маргинализации до десекуляризации и постсекулярности. Термин «постсекулярность» возник и получил содержательное наполнение во второй половине XX в. и связан с пересмотром теоретической рамки секуляризации, в призме которой значимость религии в обществе сокращается. Как отмечает Б. Тернер, напротив, религия играет важную роль в публичном пространстве, и во многих обществах либеральная модель секуляризации, предполагающая разделение церкви и государства, больше не работает. Одним из составляющих процесса формирования постсекулярного общества стал крах социалистической системы и образовавшийся идеологический вакуум, создавшие условия для усиления роли религии и проникновения ее во все сферы общественного устройства в постсоциалистических странах. Государственные и религиозные сообщества в этих

условиях стали выстраивать свои взаимодействия совершенно по-новому, что актуализирует анализ этих процессов для понимания и оценки религиозной и общественно-политической ситуации, а самое главное – для определения прогнозных перспектив общественно-политического развития в конкретном обществе. В современном мире религия приобретает все большее влияние на общественные процессы, опровергая модернистский тезис об исчезновении религии и окончательной секуляризации общества. Современные национальные государства оказываются в ситуации «религиозного вызова» как в виде давления конфессиональных групп в правовом и неформальном поле, так и в стремлении государств и элитных групп использовать интегративный легитимизирующий потенциал религии. Вследствие этого взаимодействия институтов публичной власти с религиозными группами подвержены постоянной коррекции на уровне конституционных положений, отраслевого законодательства и судебной практики.

Для первой, существовавшей в Российской империи, характерно положение православия как господствующей религии и идеологической опоры государственной императорской власти, с признанием ограниченных прав на исповедование ряда «признанных» конфессий. Вторая модель, радикально секулярная, формируется в период Советского Союза, когда, особенно в отдельные периоды, государственная политика направлена на деинституционализацию религии политико-правовыми мерами.

Актуальная рефлексия политической системы российского общества о религии официально позиционирует признание вклада христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий исторического и духовного наследия России в формирование традиционных духовно-нравственных ценностей, «общих для верующих и неверующих граждан российского общества». В контексте происходящего разворота российской политической системы в сторону сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей особое звучание приобретает тема общественного участия и гражданской организационной активности традиционных религий России.

В 2022 году был принят Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Традиционные ценности в данном указе рассматриваются как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Буддизм как религиозная традиция глубоко вплетен в социокультурные судьбы российского общества. В течение трех веков российский буддизм накопил разнообразный опыт соприкосновения с политической и государственной идеологией. В дореволюционной России буддизм был религией «инородческих окраин», воспроизводя паттерн религиозной идеологии вне широкой публичности, ограниченной в своем ценностном влиянии этническими регионами православной Российской империи. В советский период чудовищных необратимых разрушений традиций религий исторического наследия России буддизм сформировал паттерн подпольного воспроизведения традиции как антитезы атеистической, враждебной любым религиозным ценностям общественности. В постперестроечном российском обществе буддизм оказался в принципиально новой для себя ситуации: религиозная проповедь, обращение и практика были объявлены легитимными, разрешенными на государственном уровне, но традиция передачи религиозного знания, система буддийских статусов, монастырского образования были утрачены. Инициированный государством в 1990-х гг. проект возрождения религий исторического наследия России обернулся для буддизма долгосрочным процессом его реинституционализации в условиях постсоветского секулярного общества.

Баранов А.В.
(Краснодар, КубГУ)

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНЧЕСТВА В КРЫМУ И ДОНБАССЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ АНКЕТНОГО ОПРОСА)

Тема актуальна, поскольку социокультурная и политическая интеграция Крыма и Донбасса в российское общество неизбежно предполагает формирование и закрепление общероссийской национальной идентичности.

Уже выполнено немало работ на основе самостоятельных эмпирических исследований. Новейшими являются статьи Е.Г. Городецкой на материалах Крыма, И.В. Самаркиной и И.С. Башмакова на материалах Донбасса, Запорожской и Херсонской областей. Но политические ориентации и состояние идентичности молодёжи меняются так быстро, что многие аспекты темы остаются малоизученными.

Цель тезисов – выявить состояние российской национальной идентичности студенчества в Крыму и Донбассе (по материалам анкетного опроса).

Коллектив политологов Кубанского государственного университета под руководством автора провёл анкетный опрос студентов вузов Республики Крым, ДНР и ЛНР (август – октябрь 2024 г.). Пилотажный опрос проводился путём заполнения онлайн-формы, выборка – 225 чел. (63 чел. в Крымском федеральном университете имени В.И. Вернадского, 88 – в Мариупольском государственном университете имени А.И. Куинджи, 74 – в Луганском государственном педагогическом университете). Доминирующее большинство опрошенных (90%) постоянно проживает в регионах, где расположены вузы. Являются гражданами России 94,6%, остальные имеют двойное (российское и украинское) гражданство.

Назвали «своей страной» Россию 69,5% всех опрошенных, в т.ч. 85,6% – в Крыму, 67,6% – в Луганске и 58,0% – в Мариуполе. Назвали своими странами «и Россию, и Украину» 7,9% по всей выборке (1,6% в Симферополе, 2,4% в Луганске и 3,4% в Мариуполе). Только в Мариуполе встречались формулировки ответов «моя страна – это мой регион» (9,9% ответов), а отдельные студенты на фокус-группах подчёркивали отличия Мариуполя от большей части ДНР. Образы своего региона (Крыма, ДНР, ЛНР) достаточно сформированы и системны, имеют позитивные коннотации с сотрудничеством и межнациональным миром. Образ будущей России оценивается 77,5% респондентов положительно, в выражениях «сильное и процветающее государство; суверенная мировая держава; гарант сохранения традиционных ценностей и исторического, культурного наследия»; 6,9% дали негативные оценки будущей России, остальные (15,6%) затруднились с ответом.

Проведённый опрос показал иерархию доверия источникам представлений об идентичности: родственникам и близкому окружению – 28,7%, научным источникам – 16,2%, экспертным данным – 11,4%, учебной, художественной и научно-популярной литературе – 9,7%, социальным сетям и мессенджерам – 9,1%. Наименьшее доверие вызывают телевидение и печатные СМИ, контент на стриминговых платформах и видеохостингах. Видимо, представления студентов об источниках информации объясняются нестабильным доступом к интернет-ресурсам в ДНР и ЛНР.

В ходе опроса выявлены и препятствия укрепления российской идентичности молодёжи. Среди них – низкая осведомлённость о современном состоянии российского общества; слабое доверие региональным и местным массмедиа, политическим партиям;

знакомство с антироссийским контентом зарубежных социальных сетей. Наблюдается пониженная самоидентификация с Россией в мариупольской подвыборке. Многие молодые люди настроены выехать из Донбасса в тыловые российские регионы, слабо вовлечены в повседневные политические акции. Наблюдается отчасти отчуждённость между жителями городов ДНР и ЛНР, где украинская власть была свергнута в 2014 г., и позже освобождённых местностей. Студенты недостаточно осведомлены о проявлениях политики идентичности, образ своего города недостаточно интегрирован с образом России (это заметно в Мариуполе).

Итак, доказана повышенная степень укрепления российской идентичности в Республике Крым в сравнении с Донбассом, а также в местностях ДНР и ЛНР, освободившихся от украинского правления в 2014 г., в сравнении с районами, освобождёнными в 2022–2025 гг. Необходима более дифференцированная и использующая современные средства коммуникации политика идентичности в ДНР и ЛНР. Следует скоординировать деятельность субъектов политики идентичности в общероссийском и региональном масштабе. Усилия полезно сосредоточить на формировании патриотического контента в социальных сетях и интернет-ресурсах. Нужно унифицировать содержание учебной литературы, провести массовую переподготовку педагогических кадров.

Баранов Н.А.
(Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС)

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) так же, как и другие научно-технические новации, являются областью международной конкуренции. Технологическое лидерство в области искусственного интеллекта может позволить государствам достичь значимых результатов по основным направлениям социально-экономического развития.

С ИИ связываются как возрастание возможностей тех, кто его применяет, так и появление опасностей, когда данная технология используется не во благо, а во вред. Так, например, системы ИИ активно используются западными странами для сдерживания России, навязывания ей своих алгоритмов. В процессе тестирования моделей ИИ, созданного на Западе, оказалось, что они не являются политически нейтральными и воспроизводят политические взгляды своих создателей, чаще всего леволиберального толка.

Высокую опасность представляет внедрение систем ИИ в военную сферу, так как он выходит за рамки человеческого понимания. Способность ИИ к автономии и логике создает не только потенциальную пользу, но и колоссальную неопределенность. В том случае, когда искусственному интеллекту передают функции командования и управления, может произойти эскалация военного конфликта до экзистенциальных масштабов. У ИИ нет моральных и этических ограничений, для него существуют только предустановленные цели и задачи. Наиболее активно технологии ИИ коллективный Запад использует в когнитивном оружии.

По мнению экспертов, мы можем оказаться перед выбором между получением выгоды от технологических инноваций и борьбой с угрозами систем ИИ. Поэтому представляется критически важным объединить эти альтернативы в международно-правовом формате, причем это важно сделать до того, как ИИ окажется способным нарушить созданные человеком соглашения.

Вопрос регулирования ИИ уже находится в повестке дня международного сообщества. Так, начиная с 2023 года, проводятся саммиты по ИИ, которые стали ключевыми площадками для обсуждения глобального регулирования, этических норм и технологического развития, связанных с инновационными технологиями. На саммите в Париже 10–11 февраля 2025 года были предприняты усилия для создания научных основ, решений и стандартов для более устойчивого развития ИИ, работающего на благо коллективного прогресса и общественных интересов.

В 2023 году в рамках ООН учрежден Консультативный орган высокого уровня по ИИ, занимающийся вопросами рисков, возможностей и международного управления в сфере ИИ. В марте 2024 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята первая резолюция об ИИ «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития», предложенная США. Согласно резолюции, системы ИИ в невоенной сфере должны быть безопасными, защищенными и надежными и способствовать достижению целей устойчивого развития.

В августе 2024 года в ЕС вступил в действие первый в мире всеобъемлющий закон об ИИ, целью которого является улучшение функционирования внутреннего рынка и содействие внедрению ориентированного на человека и заслуживающего доверия искусственного интеллекта.

Проблемы ИИ рассматриваются также в рамках таких международных объединений, как «Большая двадцатка», БРИКС, ШОС, СНГ, ЕАЭС. Исследователи выделяют важные черты технологий искусственного интеллекта на международном уровне: транспарентность, доверие, безопасность, надежность, подотчетность, ориентированность на человека, при этом перечисленные характеристики не стандартизированы, отсутствуют их четкие определения.

Таким образом, тема ИИ является востребованной как на широком международном, так и на национальном уровне в связи с вызовами и угрозами, которые возникают вследствие его повсеместного использования.

Несмотря на специфичность дипломатической деятельности, технологии ИИ широко применяются и в данной сфере. Инструменты ИИ могут анализировать огромные объемы текста для выявления международных тенденций, осуществлять юридический анализ документов, облегчать коммуникации, связанные с языковыми барьерами, составлять проекты дипломатических документов, готовить тексты выступлений. Арсенал применения ИИ в дипломатической практике постоянно расширяется, что свидетельствует о необходимости внедрять данную технологию в дипломатическую жизнь.

В то же время необходимо обратить внимание на использование ИИ в неконструктивных целях: генерирование вводящей в заблуждение или ложной информации о странах, событиях или политиках; создание фальшивых исторических документов, дипфейков с негативным образом политиков; предоставление негативной информации о стране.

В условиях, когда научно-технический потенциал превращается в ключевое конкурентное преимущество в борьбе за лидерство на международной арене, значимость ИИ в сфере международных отношений и дипломатии будет только возрастать. В то же время, несмотря на конкуренцию, перед дипломатами стоит не менее важная задача – выработать глобальный консенсус по вопросам управления искусственным интеллектом.

Баранова Т.В.
(Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

МОЛОДЕЖНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Актуальность феномена молодежного политического лидерства в России и процесса рекрутирования молодых людей в политическую элиту обусловлена рядом причин как научного, так и практического характера. В официальном дискурсе государственных лиц все чаще звучат тезисы о потребности в обновлении политической элиты. С этой целью создаются и постоянно модернизируются кадровые конкурсы, открываются платформы для развития управленческих навыков. Поэтому можно констатировать тот факт, что сегодня процесс обновления элит из естественного становится все более управляемым. Все больше молодых лидеров в сфере государственного управления, публичной политики и политической экспертизы – это выходцы из сферы молодежной политики, как на федеральном, так и на региональном уровне.

Современные исследования молодежного политического лидерства показывают, что оно имеет довольно сложную структуру, а концептуальная рамка позволяет рассматривать этот феномен в трех измерениях: личностно-профессиональном, статусно-ролевом и образно-символическом. При таком подходе можно системно проанализировать не только биографии и образы лидеров, но и детально эмпирически изучить каждого из них. В то же время молодежное политическое лидерство следует рассматривать как промежуточный этап институционализации политического лидерства, как своеобразный переходный мост от молодежных инициатив к публичному, «взрослому» полю политики. Однако одной из ключевых проблем остается отсутствие целостной системы общественно-политического сопровождения молодых лидеров. Существующие каналы рекрутирования лидеров – от молодежных крыльев партий до лидерских конкурсов формируют отдельные компетенции, но не обеспечивают устойчивой интеграции в политическую систему. Это приводит к тому, что зачастую карьерные траектории молодых лидеров носят случайный характер, а само лидерство нередко редуцируется до карьерного ресурса, утрачивая функцию представительства интересов молодежи[16].

Именно поэтому в последние годы особое внимание привлекают новые форматы, которые одновременно выступают и образовательными площадками, и полноценными каналами рекрутирования. Речь идет о мастерских и специализированных центрах политического образования, которые интегрируют просветительские, кадровые и институциональные функции. Одним из таких институтов стала Мастерская политического образования «Дигория», созданная в апреле 2025 года на базе Мастерской управления «Сенеж» АНО «Россия – страна возможностей». В отличие от «бассейнов» молодежной политики, где происходит лишь накопление опыта и компетенций, Мастерская политического образования «Дигория» выстраивает целостную систему отбора, обучения и сопровождения, которая переводит лидерский потенциал молодежи в институциональные и карьерные траектории. Мастерская использует различные образовательные и просветительские форматы программ, формируя у участников не просто управленческие навыки, но и ценностные ориентиры, работая как про-

[16]Палитай И.С. Формирование института молодежных политических лидеров в современной России: проблемы и перспективы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2024. №3.

странство системного гражданского образования. Все это в совокупности дает основания рассматривать Мастерскую политического образования «Дигория», как канал рекрутирования молодых людей в сферу публичной политики и государственного управления.

Таким образом, опыт Мастерской политического образования «Дигория» позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, она восполняет пробел в системе каналов рекрутирования, предлагая молодым лидерам не только инструменты карьерного продвижения, но и целостную модель ценностного и гражданского просвещения. Во-вторых, она демонстрирует, что образовательный формат может выполнять функцию института политической социализации, соединяя личностно-профессиональный, статусно-ролевой и образно-символический уровни молодежного лидерства. В-третьих, появление такой площадки подтверждает, что государственная молодежная политика сегодня вступает в этап институционализации, где воспроизводство элиты становится не стихийным, а управляемым процессом. В этом смысле Мастерская политического образования «Дигория» выступает не только как канал рекрутирования, но и как пример того, каким образом образовательные технологии и гражданское просвещение могут быть интегрированы в стратегию государственной молодежной политики.

Бартенев В.И.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ПЕРЕСТРОЙКА СИСТЕМЫ ОКАЗАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОМОЩИ В США И ЕЕ МИРОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Возвращение Д. Трампа в Белый дом ожидаемо обернулось радикальной реконфигурацией внутренней и внешней политики США. Осуществляется она с опорой на принципы, известные по первой его каденции, но куда напористее и с куда более откровенным пренебрежением и к мейнстримным практикам, и к правовым нормам. Яркий пример – взбудоражившая мировую общественность перестройка американской системы оказания международной помощи.

Состоящая из нескольких десятков государственных и нескольких тысяч негосударственных структур, взаимодействующих с контрагентами разного типа в развивающихся странах, эта уникальная система казалась устойчивой. Однако вторая администрация Д. Трампа решила организовать против нее настоящий «крестовый поход», перенеся борьбу с внутренними идейными оппонентами на внешний контур и проведя ее беспрецедентно жесткими методами. Мишенями стали Агентство США по международному развитию, которое расформировывается и поглощается Госдепартаментом, ряд региональных фондов развития и квазиавтономных негосударственных организаций, получающих целевые ассигнования. Параллельно с множеством частных коммерческих и некоммерческих структур расторгаются соглашения, а объем ассигнований на цели международного развития – включая взносы в многосторонние институты – Белый дом предложил резко сократить.

Республиканские власти демонстративно отказываются от поддержки демократии, которая долгое время служила ключевым инструментом вмешательства Вашингтона во внутренние дела других стран, но не от попыток заставить их скорректировать внешнюю и внешнеэкономическую политику. Для этого будут использоваться, в част-

ности, механизмы обусловленной экономической помощи, вполне соответствующие «транзакционалистскому» видению Д. Трампа. США также готовятся расширять применение кредитных и гарантийных инструментов по линии Американской корпорации финансирования международного развития в целях поддержки национальных экспортно-ориентированных компаний и получения доступа к стратегическим ресурсам зарубежных стран. Администрация Д. Трампа будет продолжать активно манипулировать и военной помощью, объемы которой она сокращать и не собирается.

Радикальная перестройка американской системы не пройдет бесследно и для других элементов глобальной архитектуры содействия международному развитию. Вероятно, получит развитие долговременный тренд на подчинение политики невоенной помощи национальным интересам государств-доноров. Первой его запустила администрация Дж. Буша-мл., дав импульс другим англосаксонским странам, которые в итоге опередили США в инкорпорировании автономных агентств развития в министерства иностранных дел (и международной торговли). В реалиях 2020-х гг. примеру США могут последовать и страны континентальной Европы. К этому будет предрасполагать усиление позиций правых партий, которое администрация Трампа-Вэнса всемерно будет приветствовать.

Незападные страны, вероятно, увидят в произошедшем «окно возможностей» для продвижения альтернативных моделей развития. В случае с Россией и Китаем этому могут способствовать идущие процессы оптимизации их собственных систем оказания международной помощи, и сохранение высокого градуса соперничества с США – в первую очередь, в сопредельных регионах Евразии. Расширения масштабов вовлечения можно ожидать и от крупнейших ближневосточных доноров – монархий Персидского залива и Турции (не только в арабском мире, но и в Африке южнее Сахары и в Центральной Азии), – а также Индии и Индонезии. Такой сценарий более вероятен, чем тот, при котором незападные страны воспримут действия второй администрации Д. Трампа как «передышку», требующую деактивации собственного инструментария.

Действия администрации Д. Трампа гипотетически могли бы способствовать расширению роли в глобальной архитектуре частных доноров (общественных благотворительных организаций, корпоративных и семейных фондов). Однако большая часть этих доноров, располагающих действительно крупными средствами, находятся как раз в США. События последних месяцев показали, что в текущем внутриамериканском политическом климате отнюдь не все из них готовы наращивать активность. Ресурсов же неамериканских структур попросту не хватит, чтобы покрыть образующийся из-за действий Белого дома дефицит ресурсов.

Даже если не все эти прогнозы сбудутся, затеянная администрацией Д. Трампа внутренняя перестройка окажет всепроникающее воздействие не только на глобальную архитектуру содействия международному развитию, но и на всю ткань мировой политики. Однако ее эффекты необходимо будет контекстуализировать применительно к реалиям отдельных (суб-)регионов и стран, внимательно отслеживая при этом действия других акторов все более полицентричной системы международных отношений, которые также будут предприниматься под влиянием как внешних, так и внутренних факторов.

Баскаков И.А.
(Москва, НИУ ВШЭ)

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКИХ «МАЛЫХ СТРАН» В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ В КОНТЕКСТЕ СВО НА УКРАИНЕ

После начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года Россия резко сократила контакты со странами Европы как на политическом, так и на экономическом уровне. В данное время большинство стран-членов ЕС (и стран, не входящих в объединение, таких как Норвегия, Великобритания) занимают антироссийскую позицию и открыто выступают на стороне Украины как риторически, так и финансово (помогая и деньгами, и военной продукцией). Однако Европейский Союз и позицию Европы нельзя назвать монолитной и чем дольше происходят военные действия, тем больше у государств по этому вопросу возникают противоречия.

Стоит отметить, что учёные не пришли к однозначному пониманию и определению понятия «малая страна». Часть учёных (Корбетт, Венендаль, Пейс, Зверев, Межевич и др.) исходит из количества проживающего в стране населения (для стран ЕС эта цифра варьируется в районе 15-16 млн человек), часть (Камрава и др.) отмечает качественный и региональный контекст, представители теоретических школ трактуют определение по-разному. Реалисты ставят во главу угла силу, равную способности государства влиять на международную систему. Неолиберализты (Кеохейн) – внешнеполитическое влияние. Представители социал-конструктивизма (Вендт и др.) – идентичность и идеи.

Учёные склоняются к тому, что малые страны выбирают для себя возможную форму существования. Чаще всего это или примыкание к сверхдержаве, или объявление нейтралитета и торг (в хорошем смысле этого слова) этим нейтралитетом. Кейс СВО на Украине хорошо демонстрирует нам позицию малых стран Европы.

Страны Прибалтики (Эстония, Латвия, Литва) и Польша являются основными государствами, озвучивающими идею продолжения войны до победы Украины и наложения на Россию самых жестких ограничений со стороны ЕС и США. Прибалтийские малые страны максимально усложнили существование русского языка и русскоязычного населения на своей территории и постоянно являются инициаторами ограничений и запретов у себя и на уровне ЕС. Эти государства идут в фарватере т. н. «европейской партии войны».

Финляндия с начала СВО присоединилась к НАТО, хотя до этого была нейтральной и условно дружественной к России. «Финский парадокс», когда Россия (была) уверена в лояльности и соблюдении законных интересов, а Финляндия имела свободу внешнеполитического манёвра, действиями нынешнего руководства Финляндии разрушен, и сейчас государство в стане «партии войны». Соответственно соседские отношения между СССР/Россией и Финляндией в предыдущем ключе остались в прошлом, и их восстановление займёт годы, если вообще возможно.

Интересен кейс Австрийской Республики, которая до начала проведения Россией СВО всегда имела свои, особые отношения с Россией. Австрия (наряду с Ирландией) не является членом НАТО, при этом являясь членом Европейского союза. В 1955 году Австрия при подписании Государственного договора о восстановлении независимой и суверенной Австрии при непосредственном участии в данном процессе СССР провозгласила вечный нейтралитет, который до сих пор является ценностью в австрийском обществе. Всё это теоретически позволяет Австрии иметь более независимую позицию

в вопросе российско-украинского конфликта, которая, однако, не просматривается. Более того, австрийские политики периодически выступают с идеями отказа от нейтралитета, напрямую связывая это с «угрозой» от РФ (заявление главы МИД Беате Майнль-Райзингер в интервью Die Welt, 27 июля, 2025).

Позиция Венгрии и Словакии, где у власти находятся правые политики, отличаются прагматизмом национальных интересов. Ни венгерский премьер Орбан, ни словацкий Фицо не позволяют себе антироссийских высказываний, отмечают, что это «не их война», выступают за скорейшее завершение конфликта и, по возможности, блокируют антироссийские санкции, которые вредят национальной экономике, при этом оказывают помощь Украине, в основном по линии ЕС и гуманитарного характера. Для РФ важно поддерживать максимально возможные отношения с этими, критически настроенными к общеевропейской политике странами и с экономической, и с политической точек зрения.

Внешняя политика «малых государств» в рамках современной архитектуры международных отношений переживает глобальные трансформации. Из-за изменчивой политики президента США Д.Трампа многие малые страны оказались у геополитической «вилки»: примкнуть к действиям американцев по снижению напряжения и завершению конфликта или продолжать свою риторику и (сокращающуюся) поддержку Украине.

Возможно, именно малые страны смогут сыграть свою позитивную роль в данном кейсе: неспроста и до, и после встречи с Трампом на Аляске 15 августа 2025 г Президент Путин созванивался с лидерами постсоветских стран, а Венгрия входит в лонглист для следующей встречи лидеров и участников данного конфликта.

Баскакова Т.В. (Белгород, ОГБОУ «Лицей №9»)
Шестакова М.Н. (Москва, МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ)

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ СОДЕРЖАНИЯ, МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧЕБНОГО КУРСА «ИСТОРИЯ НАШЕГО КРАЯ»)

В настоящее время все более актуальным становится запрос на формирование не только общенациональной идентичности граждан страны, но и ее локального компонента. Понятие «региональная идентичность» в отечественной науке разрабатывалось многими видными учеными в области обществоведческих дисциплин, истории, географии, социологии. Коллективы Санкт-Петербургского, Алтайского, Кубанского, Пермского и ряда других университетов затрагивали данную тему в своих исследованиях. Можно уже с уверенностью утверждать, что существует российская школа по изучению идентичности, в том числе и в ее региональном аспекте.

С 1 сентября 2025 года в образовательную практику российских общеобразовательных организаций вводится учебный курс «История нашего края» для обучающихся 5–7 классов. Регламентация его реализации закреплена в приказе Министерства просвещения Российской Федерации от 9 октября 2024 г. № 704 «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных образовательных программ начального, основного и среднего общего

образования»[17] Концептуальные ориентиры курса определяются положениями федеральной образовательной программы основного общего образования, утверждённой приказом Министерства просвещения РФ от 18 мая 2023 г. № 370.

Актуальность курса определяется его высоким воспитательным, образовательным и культурологическим потенциалом. Изучение региональной истории обеспечивает формирование целостного историко-культурного и гражданско-патриотического мировоззрения обучающихся, способствует развитию ключевых компетенций XXI века, включая критическое мышление, исследовательскую активность и социальную ответственность. Воспитательная функция курса проявляется через формирование региональной идентичности, осознание сопричастности к исторической судьбе Отечества и малой родины, усвоение традиционных духовно-нравственных и культурных ценностей. Таким образом, курс реализует стратегические задачи государственной образовательной политики, направленной на укрепление гражданственности, патриотизма и национального единства через системное осмысление историко-культурного наследия региона при одновременном формировании у школьников локальной идентичности на фундаменте малой родины. Как показывают Е.В. Морозова и Е.В. Улько, данная идентичность «может являться существенной опорой для человека».[18]

Разработка учебных материалов осуществляется региональными образовательными структурами в условиях отсутствия на федеральном уровне учебников, полностью соответствующих обновлённой программе. Методологическая база пособий формируется на основе современных достижений исторической науки, регионоведения и педагогики, с применением принципов компетентностного и деятельностного подхода. В подготовке учебников принимают участие научные работники, краеведы, практикующие педагоги, что обеспечивает сочетание научной достоверности, методической обоснованности и доступности изложения. Структурирование материала реализуется в соответствии с хронологией регионального исторического процесса конкретного субъекта Российской Федерации, сопрягаясь с анализом социально-экономических, политических, культурных и образовательных феноменов регионального и общенационального масштаба.

Особое внимание в курсе уделено визуально-информационному компоненту. Иллюстративные источники — документы, архивные фотографии, художественные материалы — снабжаются аналитическими комментариями и методическими заданиями, что способствует формированию исследовательских и критических компетенций. Содержание пособий охватывает политическую, экономическую и социальную историю региона, феноменологию повседневной жизни, развитие науки, образования и культуры. При рассмотрении страниц регионального прошлого особое внимание уделяется биографиям выдающихся соотечественников. Такой подход обеспечивает освоение регионоведческого аспекта истории и подчёркивает роль созидательной деятельности населения как ключевого актора исторического развития государства.

«История нашего края» интегрирует педагогические технологии, ориентированные на развитие исследовательской, проектной и поисковой активности учащихся, формирование историко-культурной компетенции и критического понимания исторических феноменов. При оптимальной организации учебного процесса он способствует включению школьников в социальный, культурный и природный контекст региона, обеспечивает приобщение к историко-культурному наследию и природным ресурсам малой родины. Освоение учебного материала позволяет обучающимся выявлять взаимосвязь локальных исторических процессов с общероссийскими и глобальными тенденциями, осознавать вклад земляков в становление и укрепление государства, формировать осознанное понимание динамики исторического процесса и развитие личной гражданской позиции.

[17]http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202502120007?ysclid=mf1c4k8xjq517275600. Дата обращения 30.08.2025
[18]Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность: формы актуальности и типы/ПОЛИТЭКС, 2008, том 4 №4 с. 139-151.

Батанина И.А., Абросимова О.В.
(Тула, ТулГУ)

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ XXI ВЕКА

Трансформационные процессы XXI века, обусловленные такими факторами, как четвёртая промышленная революция, глобализация, демографические сдвиги и переосмысление культурных норм, радикально меняют современный социальный ландшафт. Одним из ключевых аспектов преобразований выступает социальный потенциал человека, который включает в себя возможности и способности к самореализации в различных областях общественной жизни посредством накопленных ресурсов и социального капитала.

Цифровая экономика создает принципиально новые возможности для реализации социального потенциала. Фриланс, удаленная работа, платформенная занятость теоретически нивелируют значение физических различий и позволяют совмещать профессиональную деятельность с семейными обязанностями. Это особенно значимо для женщин, которые традиционно несут ответственность за воспитание детей и ведение домашнего хозяйства. Согласно исследованиям, женщины проявляют большую готовность к овладению цифровыми компетенциями, которые востребованы в современной «экономике знаний».

Несмотря на прогресс в области гендерного равенства, существуют системные вызовы, связанные с распределением труда по половому признаку. Во-первых, наблюдается феминизация целых секторов экономики (например, образование, здравоохранение, сфера услуг), которые, будучи социально значимыми, часто характеризуются низким уровнем заработной платы и нестабильной занятостью. Во-вторых, сохраняется и даже усиливается «цифровой гендерный разрыв» в STEM-областях (наука, технологии, инженерия, математика). В условиях растущего спроса на специалистов в области искусственного интеллекта, машинного обучения и больших данных женщины остаются существенно недопредставленными в этих высокооплачиваемых профессиях.

Таким образом, современная эпоха характеризуется парадоксальной ситуацией: автоматизация, с одной стороны, ставит под угрозу преимущественно профессии, традиционно выполняемые мужчинами, а с другой стороны, новые высокооплачиваемые профессии будущего остаются для женщин менее доступными из-за укоренившихся стереотипов, поэтому цифровая трансформация скорее будет способствовать не устранению, а наоборот, воспроизводству существующего экономического неравенства между полами.

В XXI веке наблюдается массовый переход от традиционной модели семьи, где мужчина был добытчиком, а женщина – хранительницей домашнего очага, к модели равноправного партнерства, где оба супруга участвуют в обеспечении семьи и воспитании детей. Данная тенденция получает поддержку со стороны государств, реализующих программы социальной политики, направленные на поощрение отцовского участия в семейной жизни. В частности, многие развитые страны внедряют длительные отпуска для отцов, что в свою очередь способствует формированию новой отцовской идентичности, основанной на активном вовлечении в воспитание детей и заботу о них.

Несмотря на определённые успехи, женщины продолжают выполнять двойную нагрузку, и период пандемии COVID-19 ярко продемонстрировал практическую несостоятельность достигнутого равновесия: переход к удалённой работе привёл к существенному

увеличению времени, затрачиваемого женщинами на домашние дела и уход за детьми, что негативно сказалось на их реализации в профессии. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что реформы в общественной сфере опережают изменения в частной жизни, где патриархальные установки более устойчивы.

Если для женщин основные вызовы связаны с необходимостью преодолевать устоявшиеся стереотипы и ограничения, мужчины переживают кризис традиционной концепции мужественности. Данная концепция, основанная на физической силе, доминировании в сфере экономики и подавлении эмоций, теряет свою актуальность в условиях современной экономики знаний и услуг. Возникают новые, более гибкие модели маскулинности, которые акцентируют внимание на таких качествах, как эмпатия, умение сотрудничать и активное участие в воспитании детей. Данные модели открывают перед мужчинами дополнительные возможности для самореализации и освобождают их от давления жестких социальных норм.

В заключение отметим, что современное общество характеризуется асинхронностью и противоречивостью развития. Формальное расширение прав и возможностей (в особенности для женщин) непосредственно сосуществует с воспроизводством структур неравенства традиционного типа, которые адаптируются к таким актуальным условиям, как, например, цифровой разрыв. Кризис маскулинности напрямую связан с экономической маргинализацией «традиционных» мужских профессий и увеличением доли женщин в новых секторах экономики. Ограничение возможностей перераспределения домашних обязанностей препятствует полному раскрытию профессионального потенциала женщин.

Для реализации этих возможностей необходимы скоординированные усилия на всех уровнях: от макрополитики (внедрение гендерно-ориентированного бюджетирования, реформа системы родительских отпусков, борьба с дискриминацией в STEM) до микроуровня (просвещение, продвижение новых позитивных образцов маскулинности и феминности). Раскрытие полного социального потенциала всех членов общества является практическим условием адаптации к глобальным вызовам и построения устойчивого будущего.

Батов А.Т.
(Ростов-на-Дону, ООО «Ростовец»)

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ЦЕННОСТНАЯ ДОМИНАНТА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

В условиях тектонического изменения ландшафта современного мирового порядка и перехода к новой модели мира Россия встала перед выбором цивилизационного пути развития. Либеральные ценности «потребительского общества», культивируемые Западом, создали серьезную угрозу разрушения культурной идентичности россиян. Гедонизм детерминирует потребительские мировоззренческие установки западного человека, и данный стереотип пытались навязать россиянам на протяжении нескольких десятилетий.

Особенностью образа поведения западного человека является индивидуализм, где на первом месте находятся потребительские интересы. Этому способствуют в том числе и средства массовой информации и коммуникации, кинематограф, пропагандирующие ин-

дивидуализм, космополитизм, праздный образ жизни, насилие и жестокость. К сожалению, перенос многих западных мировоззренческих стереотипов на российское общество во многом оказался успешным. Тем не менее, западные акторы, отличающиеся узостью геополитического мышления, допустили стратегический просчет. В западной экспертной среде, имеющей, как правило, лишь теоретическое представление о России, принято считать, что за три с небольшим десятилетия применения оптимальных инструментов реализации политики мягкой силы Запад перековал российское общество в новый либеральный класс потребителей. Но феномен российского общества – в его ментальности, оно устроено так, что действительно серьезные, экзистенциальные проблемы консолидируют российский народ, заставляют мобилизовать все внутренние ресурсы и стимулируют духовно-национальный подъем, что не соответствует западной культурологической концепции общества потребления, западной демократии и западной модели либерализма. Это парадокс и духовная идеологема русского человека.

Мировоззренческий кризис связан, прежде всего, с мировоззренческой гетерогенностью российского общества, отсутствием национальной идеи и идеологии. Мировоззренческая гетерогенность стала деструктивным дестабилизирующим аксиологическим фактором построения постсоветской российской государственности. Необходимость объединяющей национальной идеи стала очевидной с усилением геополитического противостояния России со странами Запада, началом СВО на территории Украины. Возникшие угрозы детерминировали поиск объединяющей национальной идеи, которая могла бы сплотить вне зависимости от социальной или политической принадлежности россиян разных возрастов, национальностей, конфессий и вероисповеданий.

Очень интересной в этом плане представляется статья Харичева А.Д., Шутова А.Ю., Полосина А.В., Соколовой Е.Н. «Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробаций)». В рамках исследования авторами была выведена рабочая модель «Пентабазис», структурными компонентами которой обозначены: Человек – Семья – Общество – Государство – Страна. Для каждой компоненты была определена своя «ценностная доминанта»: Человек – Созидание, Семья – Традиции, Общество – Согласие, Государство – Доверие к институтам, Страна – Патриотизм, – которым соответствуют определенные «ценностные установки».

Российский патриотизм будет в первую очередь базироваться на богатой истории, гордости за вклад России в процессы мирового исторического развития. Интересно, что раскрываться многие категории могут взаимоисключающим образом, в зависимости от этических взглядов, представлений об идеале или о будущем. Представление о благе для государства априори может быть различным. В этой связи ценностью является не «патриотизм» как таковой, а то понятие о благе, которое в него вкладывается. А первоосновой, определяющей это понятие, может выступать только этическая система, построенная на культурном суверенитете.

Именно культурный суверенитет, состоящий из множественных компонентов социально-культурной направленности, позволяет формировать свою идентичность как российскому народу, так и российскому государству. Только в рамках культурного суверенитета можно свято хранить культурное наследие, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей, базирующихся на исторической памяти, что способствует минимизации культурной и социально-психологической зависимости от внешнего влияния и защитите от деструктивного информационного и идеологического воздействия.

Характерной чертой современного развития России выступает формирование и закрепление гуманистических ценностей и идеалов, развитие устойчивой системы патриотического воспитания, сохранения традиционных ценностей. Нормативно-ценностная парадигма патриотизма характеризуется как качество личности, которое детерминировано

такими гранями, как любовь к Отечеству, преданность, готовность служить Родине, связывать свою жизнь со страной, видеть в ней будущее своих детей. Каждая из граней поразному укоренена и отрефлексирована в представлениях общества.

Бахтуридзе З.З.
(Санкт-Петербург, СПбПУ)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КОГНИТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИИ ЗАЩИТЫ.

Формирование национальной идентичности всегда было одним из самых значимых аспектов политической сферы, и особенно важно то, что в позитивном контексте национальная идентичность проявляется через патриотизм. Современный мир с его трансформационными процессами и глубинными изменениями оказывает определенное воздействие на традиционные формы идентичности. Цифровизация как один из определяющих элементов нынешней реальности актуализирует целый ряд проблем, среди которых особенно выделяется проблема обеспечения когнитивной безопасности, т.е. необходимость защитить сознание индивидов и общества от деструктивных информационных воздействий. Дезинформация, с которой сталкиваются все пользователи глобальной сети, может привести к эрозии национальной идентичности.

Национальная идентичность, будучи и коллективной формой самосознания, и системой ценностей исторической памяти, культурных кодов, выполняет целый ряд задач. В первую очередь речь идет об устойчивости общества, именно поэтому искажения и деформации национальной идентичности несут угрозу не только индивидуальному сознанию, но и целостности государства. Психосоциальные функции, которые также осуществляет национальная идентичность (снижение тревожности, укрепление групповой сплочённости и т.п.), не менее важны. Потому если её устойчивость подвергается испытанию под влиянием внешних факторов, это может привести к кризисам индивидуального и коллективного сознания, особенно когда речь идет о подростках и молодежи, находящихся на важных этапах процесса становления личности.

Недостаточный уровень когнитивной безопасности приводит к формированию искажённой картины мира. Среди угроз когнитивной безопасности следует выделить как целенаправленные манипулятивные кампании, так и фактор алгоритмической предвзятости (да и ИИ в целом) и информационной перегрузки.

Более того, цифровое пространство и избыточный, эклектичный информационный поток провоцируют фрагментацию идентичности, поскольку индивид существует одновременно в реальном и виртуальном измерениях. Это приводит к когнитивному диссонансу, утрате коммуникативных компетенций и социальных навыков, к снижению способности к критическому анализу.

Совокупность мер по противодействию когнитивным угрозам может быть структурирована на трёх уровнях: индивидуальном, государственном и глобальном.

На индивидуальном уровне ключевыми факторами выступают медиаграмотность и практика цифровой гигиены.

На государственном уровне необходима реализация политики, направленной на укрепление национальной идентичности посредством сохранения культурного кода, исторической

памяти и традиционных ценностей. К значимым мерам относятся также создание суверенных цифровых платформ (экосистем) и совершенствование правового регулирования.

На глобальном уровне актуальны выработка новых международных стандартов, формирование механизмов коллективной безопасности в информационной сфере, а также реализация совместных культурно-образовательных стратегий.

Национальная идентичность и когнитивная безопасность находятся в тесной взаимосвязи: первая составляет основу устойчивости общества, вторая является механизмом его защиты, что особенно важно в цифровую эпоху. Современные вызовы требуют консолидации усилий государства, научного сообщества и институтов гражданского общества для обеспечения когнитивной безопасности и сохранения национальной идентичности. Перспективные направления исследований включают разработку технологий противодействия манипуляциям, анализ трансформации идентичности под влиянием ИИ, а также применение инструментов «мягкой силы» в сфере культуры и образования. Выявление, актуализация, формирование и сохранение аутентичных смыслов, их грамотная трансляция последующим поколениям представляют собой одну из важнейших задач для современного российского общества. Важно отметить, что при этом цифровые технологии могут как умножать риски, так и служить эффективным инструментом в руках мыслящих, компетентных и ответственных граждан, осознающих, что сила нации коренится в сохранении её памяти и ценностных оснований.

Бахышова Г.А.
(Тюмень, ТюмГУ)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КЛУБЫ ДРУЖБЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРУ

Современный этап международных отношений определяется отказом от однополярной модели и укреплением тенденций к формированию многополярного мира. В этой ситуации особое значение приобретают молодежные форматы взаимодействия, которые позволяют формировать долгосрочные связи между странами на основе доверия и культурного обмена. Одним из наиболее ярких примеров новой молодежной дипломатии в России являются Международные клубы дружбы (МКД), созданные по поручению Президента Российской Федерации (Указ от 30.05.2024 № Пр-1019, 2024).

Цель исследования – анализ институциональных и практических аспектов деятельности Международных клубов дружбы как инструмента народной дипломатии и их роли в укреплении российской внешней политики в условиях формирования многополярного миропорядка.

Ключевым методом исследования выступил институциональный анализ, позволивший выявить организационные и структурные особенности функционирования Международных клубов дружбы (МКД) и определить их значение в реализации молодежной дипломатии как элемента «мягкой силы» России. В качестве дополнительного инструмента применялся метод кейс-стади, что дало возможность рассмотреть конкретные примеры деятельности клубов в различных регионах страны, включая Тюменскую область, и оценить их вклад в развитие межкультурного диалога, формирование лидерских и проектных компетенций молодежи, а также расширение международного гуманитарного сотрудни-

чества. Применение данных методов позволило комплексно исследовать институциональные механизмы МКД, их практическую значимость для внешнеполитической стратегии России и потенциал для укрепления устойчивых молодежных сетей взаимодействия в условиях перехода к многополярному миру.

Международные клубы дружбы представляют собой инновационный формат молодежного взаимодействия, ориентированный на развитие народной дипломатии. Их основная функция заключается в создании условий для неформального межкультурного общения, которое становится особенно важным в условиях ограниченности традиционных дипломатических каналов. В 2025 году в России действуют порядка 90 клубов, объединяющих молодых граждан и представителей более 140 стран (Правительство России, 2025). Через такие структуры формируются навыки проектной дипломатии, лидерские качества и мультикультурная компетентность. Показателен пример Тюменской области, где проект лидера МКД получил федеральное финансирование, что подтверждает институциональную востребованность данного формата.

Кроме того, клубы выполняют важнейшую внешнеполитическую функцию, становясь инструментом «мягкой силы». Их деятельность направлена на укрепление позитивного образа России в молодежной среде за рубежом и формирование «пояса доверия» в странах Азии, Африки, Латинской Америки и СНГ. В долгосрочной перспективе именно подобные инициативы формируют прочные гуманитарные связи, которые перерастают в устойчивое политическое сотрудничество.

Международные клубы дружбы выполняют двойную функцию: во внутренней политике они способствуют социализации молодежи, укреплению ее лидерских и проектных компетенций, а во внешней политике становятся каналами народной дипломатии и укрепления международного имиджа России. Их потенциал позволяет рассматривать МКД как стратегический ресурс внешнеполитической деятельности России и один из ключевых институтов формирования многополярного миропорядка.

Башмаков И.С.
(Краснодар, КубГУ)

НЕОКОНФУЦИАНСКИЕ ИДЕИ И ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА КИТАЙСКОГО ВИДЕНИЯ БУДУЩЕГО МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Неоконфуцианство в качестве синтеза традиционной и современной китайской общественно-политической мысли активно используется в китайском государственном управлении, образовании, политическом дискурсе, а также в международных экономических и гуманитарных проектах. Китайская модель неотрадиционализма, формирующаяся с начала 80-х годов XX века, сочетает в себе устремленность в будущее и опору на традиционные ценности китайской цивилизации. Одной из ключевых идей, активно использующихся в китайском неоконфуцианстве, является понятие «Тянься», которое часто переводится на русский язык как «Поднебесная» и используется как метафора Китая, тем не менее в китайском понимании имеет более широкое значение, означая не только китайское государство, но и мир в целом.

В рамках древнекитайской политической философии термин «Тянься» обозначал земли, которые подчинялись китайскому правителю. Китайский император рассматривался в качестве «сына Неба», который управляет всем миром, имеющим иерархическую

структуру. В настоящее время данное понятие находит новое применение как в китайской политико-философской мысли, так и в практике китайской внешней и внутренней политики. Возрождение концепта «Тянься» свидетельствует о стремлении Китая выработать свой собственный подход к мировой политике, а также найти альтернативу западноцентричному мировому порядку, основанному на либеральных ценностях.

В современном китайском политико-философском направлении «нео-тянсьянизм» (философы Чжао Тинян, Сюй Цзилинь) переосмысливается древнекитайская политическая традиция и философия, происходит адаптация идей «Тянься» под современные условия. Философы обосновывают необходимость устранения чрезмерного центризма и иерархизма, которые имелись в древнекитайской концепции. Понятие «Тянься» активно используется и в повседневном политическом дискурсе, в том числе в выступлениях представителей китайского руководства. Возрождение порядка «Тянься» видится в качестве воплощения «китайской мечты», согласно которой Китай выступает в качестве глобального лидера, который строит свою внешнюю политику на основе добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества. Также это видно в активном продвижении китайских геополитических проектов «Один пояс, один путь», «Сообщество единой судьбы человечества».

Основными чертами современной концепции «нео-тянсьянизма», как видения будущего мировой политики, являются:

1) Построение новой модели мировой политики путем выработки нового дискурса и принципов отношений между странами, создание на этой основе новых институтов мирового управления, устраняющих существующую в настоящее время конфликтность.

2) Мировая политическая система должна быть открытой ко всем странам и учитывать цивилизационные особенности других стран, которые взаимодействуют в решении мировых проблем на основе добровольного, равноправного участия.

3) Подчеркивается необходимость соблюдения моральных принципов в международных отношениях, которые должны быть основаны на неоконфуцианских ценностях порядка, справедливости и гармонии.

4) В отношениях между странами необходимо заменить партикуляристский принцип национальных интересов, имеющий западное происхождение, на принципы цивилизации и культуры, которые основаны на общечеловеческих ценностях.

Перспективы реализации концепта «Тянься» в мировой политике являются дискуссионными и подвергаются критике как со стороны китайских, так и со стороны иностранных мыслителей. Во-первых, имеются опасения, что данная геополитическая идеология может быть использована для будущего мирового доминирования Китая, а также противоречит современному мироустройству, основанному на национальных интересах. Во-вторых, сама концепция имеет очевидно китайский цивилизационный характер, использует китайскую философскую терминологию и может быть неприменима в условиях многообразия культур и ценностей. В-третьих, концепция имеет свои внутренние логические противоречия и требует дальнейшей интерпретации, существенной доработки и адаптации под современные условия.

Китайский неотрадиционализм, таким образом, является способом не только решить идеологические вопросы внутриполитического развития Китая, но и найти выход из современного кризиса в международных отношениях. Китайское видение будущего мировой политики отличается адаптивностью, инклюзивностью и ориентировано на достижение общего блага, что выгодно отличает ее от внешнеполитических стратегий других стран. В связи с этим неоконфуцианская модель может быть интересна в качестве примера обоснования геополитических устремлений для других стран, находящихся в процессе выработки внешнеполитической идентичности.

Беденкова А.С., Пономарев Е.М.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ: ОТ ИДЕИ К ПРАКТИКЕ

В условиях трансформации политико-управленческого ландшафта и нарастания общего кризиса доверия государство находится в поисках новых инструментов формирования и реализации направлений гармоничного, устойчивого развития общества в рутинные практики. Одним из таких механизмов становится концепт социальной архитектуры.

Социальная архитектура является одновременно циклично воспроизводимым процессом конструирования векторов желаемого будущего развития и результатом такого процесса, представленного в качестве конкретных формаций социальных активностей. Как технология акселерации, концепция направлена на совершенствование общественного дизайна через работу со смыслами, отражаемыми при помощи долгосрочных стратегий.

В «теле» концепта социальной архитектуры сегодня можно выделить три ключевых аспекта, определяющих ее природу: идейное наполнение, кластер взаимоотношений, используемые инструменты.

Основополагающим элементом, определяющим успешность претворения концепции в реальные практики, является закладываемое смысловое содержание. Как отмечает А.Д. Харичев, идейный каркас социальной архитектуры можно определить через три основополагающих пласта (Харичев, 2025). На первый план выходит формирование образа будущего на базе национальных идей государства через твёрдые (нормативно-правовые акты) и мягкие инструменты (ценностно-культурная матрица) социального моделирования. Конструирование образа будущего строится через проектирование глобальных проектов актуализация ценностных установок, что является вторым параметром содержания. Возможность масштабировать и тиражировать формации обеспечивает высокий уровень вовлечения и распространения предлагаемых практик, одновременно представляя точечное решение конкретных проблем, что является третьим параметром.

Идейное наполнение стратегически определяет направления создания новых социальных формаций, механизмов и устойчивых моделей взаимодействия. Содержательные аспекты вырабатываются в ходе многосторонних интеракций акторов существующего кластера взаимоотношений государства, гражданского общества и корпораций. Государство начинает развивать вектор изменения управленческой логики в сторону перехода от патернализма в плоскость со-управления, основанного на совместной работе акторов системы как равноценных соавторов положительных трансформаций (Минченко, Полетаев, 2025). Кооперация государства, гражданского общества и корпораций позволяет конструировать реальность не только категориями событийных активностей, но и выстраивая стратегическое видение будущего при помощи регулярных формаций. Гармоничное конструирование сетевых интеракций государства, граждан и корпораций в рамках социальной архитектуры позволяет прогнозировать потенциальные риски и предлагать различные превентивные конструкты их решения. Формирование сильных связей в процессе совместной выработки формаций социальной архитектуры, где каждый актор не только идентифицирует проблемы, но и предлагает решения, в дальнейшем воплощая их в жизнь, определяет ее долгосрочный положительный эффект.

Попытка редизайна политико-социальной действительности осуществляется с использование цифровых технологий, широкая имплементация которых является трендом многие годы. Цифровое пространство с применяемыми алгоритмами и иными технологиче-

скими инструментами его обрамления выступает некой ареной сопряжения действий акторов и формирования идей, закладываемых в содержание социальной архитектуры. В условиях социотехнической реальности цифровое пространство – это место протекания интеракций субъектов, где в ходе циклов обратной связи и модерации идей рождаются смыслы, переносимые в реальные формации социальной архитектуры. «Цифра» упрощает процесс идентификации изменений социально-политической динамики общества через выявление болевых точек социума и генерации моделей их решения. Одновременно с этим цифровые технологии нередко являются не только инструментом конструирования, но и отражением практик социальной архитектуры (например, платформа «Активный гражданин»).

Социальная архитектура представляется новым этапом развития гражданского общества в частности и социально-политического дизайна в целом. Направленная не на ситуативное решение проблемных вопросов, а выстраивание стратегического комплекса системы институтов концепция предполагает последовательную трансформацию классических властных императивов через согласованное выстраивание комплексной системы трех аспектов концепции.

Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки России и Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) (проект «Социальная архитектура цифровых политических институтов в контексте технологического будущего России», регистрационный номер FMUS-2025-0022).

Безбородов М.И.
(Петрозаводск, ПетрГУ)

ГАРМОНИЗАЦИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

Республика Карелия – многонациональный и поликонфессиональный субъект Российской Федерации, где проживают представители 113 народов (согласно Всероссийской переписи населения 2020 года), 26 этнических общностей, действует 84 национальных общественных объединения, 20 казачьих обществ. В Карелии зарегистрировано 227 религиозных организаций, относящихся к 17 конфессиям, из 227 религиозных организаций – 135 (126 – 2022 г.) относятся к Русской православной церкви (РПЦ). Количество религиозных организаций Русской православной церкви за последние 9 лет увеличилось на 65 (92.86%), а количество протестантских течений снизилось на 21 (23.33%). Проектную деятельность в сфере национальной политики реализуют порядка 20 общественных организаций, не являющихся национальными обществами.

Изменение вероисповедной политики России в 1990 г. привело к значительному увеличению религиозных организаций и конфессий, а также к росту религиозности населения. В Карелии появились мусульманские религиозные объединения, создана Карельская евангелическо-лютеранская церковь, действуют еврейские и буддийские религиозные общины, произошло увеличение протестантских конфессий, особенно в приграничных

районах республики. Карелия – это полиэтничный и поликонфессиональный регион, где Православие выступает доминирующей конфессией в силу исторических и культурных традиций.

Координацией сферы межнациональных и государственно-конфессиональных отношений в Карелии занимается Министерство Республики Карелия по вопросам национальной и региональной политики (ранее – Министерство Республики Карелия по вопросам национальной политики, связям с общественными, религиозными объединениями и средствами массовой информации). Министерство создано 20 ноября 2006 г. в результате преобразования Государственного комитета Республики Карелия по делам национальной политики. Причина выделения госкомитета в ранг министерства связана с необходимостью регулирования, профилактики и предотвращения межнациональных конфликтов и проявлений экстремизма различного толка. Основная задача заключалась в предотвращении возможности появления «Кондопожских событий», когда в ночь с 29 на 30 августа 2006 года возле ресторана «Чайка» в г. Кондопога (Кондопожский район Республики Карелия) возник конфликт между барменом и посетителями, последствия которого привели к столкновению и протестам местных жителей против выходцев из Северо-Кавказского региона.

В период до принятия Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в 2012 г. в Республике Карелия действовала Региональная целевая программа «Гармонизация национальных и конфессиональных отношений, формирование гражданского согласия в Республике Карелия на 2007-2011 годы» («Карелия – территория согласия»), после принятия Стратегии в Карелии реализовывалась долгосрочная целевая программа «Сохранение единства народов и этнических общностей Карелии на 2012-2016 годы» («Карьяла-наш дом»).

В настоящее время приоритетные цели национальной политики и государственно-конфессиональных отношений определяются Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года от 26.10.2020 г., Стратегией национальной политики в Республике Карелия на период до 2025 года от 13 ноября 2015 г.; Государственной программой Республики Карелия «Реализация государственной национальной политики на территории Республики Карелия» от 21 февраля 2024 г., Государственной программой «Этносоциальное и этнокультурное развитие территорий традиционного проживания коренных народов» от 24 января 2018 г. и постулируют:

- духовно-нравственное воспитание населения, содействие защите конституционных прав и гарантий граждан на свободу совести и вероисповедания, гармонизацию межконфессиональных отношений;
- содействие устойчивому этнокультурному развитию народов и этнических общностей, проживающих в Республике Карелия;
- развитие межнационального и межконфессионального сотрудничества;
- сохранение гражданского мира, укрепление межнационального и межконфессионального согласия в Республике Карелия.

При реализации государственно-конфессиональных отношений на региональном уровне учитываются такие факторы, как исторические национально-религиозные традиции Карелии, связанные с положением Православия в Карелии; обеспечение права граждан на свободу совести и вероисповедания; благотворительная помощь религиозных конфессий социально незащищенным слоям населения, укреплению государственности в регионе, профилактика экстремизма и терроризма и др. Одно из приоритетных направлений – развитие духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания, укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей в Карелии, особенно актуальной в условиях слома старой системы международных отношений и проведения СВО.

Безгин Н. В.
(Тверь, ТвГУ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: КЕЙС ВЫБОРОВ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ 2024 ГОДА

Сегодня политическая коммуникация всё чаще функционирует в условиях перманентных кризисов — от глобальных пандемий и экономических турбулентностей до военных конфликтов и информационных атак. Для политической науки это означает необходимость выработки новых аналитических рамок: привычные модели электоральной конкуренции и институционального диалога оказываются недостаточными для описания процессов, где на первый план выходят мобилизация, доверие и контроль информационного пространства. Кризисные ситуации становятся не исключением, а нормой политической жизни, что требует формирования отдельного исследовательского направления — кризисной коммуникативистики.

Показательным примером трансформации коммуникации в условиях чрезвычайной ситуации стали выборы губернатора в Курской области в 2024 году. Вооружённое вторжение на территорию региона радикально изменило контекст кампании. Если до августа её повестка включала социально-экономическое развитие и вопросы инфраструктуры, то после кризисного события коммуникация сосредоточилась на теме безопасности, защиты граждан и сохранения устойчивости. Кандидат выстраивал образ руководителя, близкого к людям и готового взять на себя роль координатора гуманитарной помощи. Таким образом, привычные агитационные практики были вытеснены логикой кризисного менеджмента, а сама кампания стала ареной демонстрации способности власти справляться с угрозой.

Цифровая среда, прежде всего Telegram, заняла центральное место в новой архитектуре коммуникаций. Здесь происходила оперативная модерация: блокировка слухов, публикация официальных разъяснений, прямая адресация к жителям. Такая тактика создавала ощущение непрерывного диалога и позволяла ограничить распространение враждебных нарративов. Одновременно усилилась роль федерального центра, чьё участие легитимировало региональные действия и формировало вертикаль доверия. В кризисных условиях информационное пространство консолидировалось: спектр мнений сузился, а доминирующий нарратив обеспечивал управляемость и снижал риски паники.

Эмпирическая база исследования включает материалы открытых источников — региональных и федеральных СМИ, публичных цифровых каналов, ежедневных мониторингов информационного поля. Для анализа применялись дискурс-анализ и элементы сравнительной политической коммуникации, что позволило зафиксировать как сдвиги в повестке, так и изменения в стратегиях взаимодействия власти и общества. Важным элементом кризисной кампании стало участие федерального уровня, однако новизна заключалась не в самом факте «вертикали доверия», давно укоренённой в российской политике, а в её функциональном преобразовании. В условиях прямой военной угрозы федеральное сопровождение перестало быть ритуальной поддержкой кандидата и обрело характер кризисного инструмента: оно усиливало образ защищённости, подтверждало готовность центра разделить ответственность за безопасность региона. При этом изменились и формы участия — к традиционным телевизионным сюжетам добавились цифровые практики: обращения через Telegram-каналы, быстрые опровержения слухов, символическая «совместность» действий в онлайн-среде. Таким образом, устоявшаяся практика легитимации трансформировалась в элемент кризисной коммуникации, встроенный в

цифровую архитектуру доверия и дополнивший гуманитарный нарратив кампании.

Научная новизна работы заключается в концептуализации гибридной модели кризисной коммуникации, выявленной на региональном кейсе. Эта модель сочетает три ключевых элемента: контроль информационных потоков в цифровой среде, гуманитарное измерение политического образа и вертикаль доверия. Такой подход позволяет расширить представления о функционировании политической коммуникации в экстремальных условиях, выйти за пределы классических теорий электорального поведения и рассматривать кризис как самостоятельный фактор трансформации публичной политики.

Перспективность направления заключается в том, что кризисная коммуникативистика способна стать не только описательным, но и прогностическим инструментом. Её развитие позволит глубже анализировать механизмы мобилизации, динамику доверия и устойчивость политических институтов в условиях кризиса. Российский и международный опыт показывает, что именно коммуникация становится связующим звеном между властью и обществом, от которого зависит сохранение легитимности и стабильности в XXI веке.

Белов С.И., Горобец В.В.
(Москва, ГАУГН, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ВИДЕОИГРЫ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СРЕДЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Для современной России характерна актуализация дискуссий о необходимости и способах защиты традиционных духовно-нравственных ценностей среди представителей молодежи, что связано с двумя основными факторами – обострившимися отношениями с западными странами и цифровизацией, которая привела к массовому распространению новых каналов коммуникации и агентов политической социализации, конкурирующих с традиционными институтами, такими как семья или школа. Данные условия привели к политизации аксиологического пространства и необходимости нормативного закрепления традиционных ценностей в стране, а также к поиску актуальных и современных форм их трансляции и продвижения.

Одним из таких каналов трансляции ценностей являются видеоигры, которые в академической и политической сферах первоначально воспринимались исключительно как угроза нравственным ориентирам или как сфера развлечений, однако сегодня они становятся мощным инструментом трансляции ценностных паттернов и поведенческих моделей. Видеоигры обладают рядом принципиальных особенностей, позволяющих наиболее эффективно транслировать ценности. Во-первых, среда видеоигр является авторитетной для представителей молодежи, так как включает миллионы игроков из разных стран. Во-вторых, один из ключевых элементов некоторых видеоигр – ценностно обусловленный нарратив с позициями по тем или иным социальным вопросам. Личное участие игрока в процессе прохождения позволяет не только наблюдать, но и взаимодействовать с нарративом через игровые механики, аксиологически оценивая те или иные принятые решения и их последствия. Видеоигра, таким образом, является иммерсивным опытом совершения действий с учетом ценностных ориентиров. Более того, способность видеоигр защищать и продвигать традиционные ценности связана, прежде всего, с актуализацией и интеграцией в современный, понятный для молодежи контекст.

Стоит отметить, что защита традиционных ценностей происходит как стихийно, за счет самоорганизации игроков и сетевой структуры видеоигр, так и осознанно, через заданные разработчиками возможности игры. Например, в видеоиграх жанра MMORPG ценность *«Преемственность поколений»* возникает с помощью саморегуляции игрового сообщества. В частности, более опытные игроки помогают начинающим, создаются правила игры и система наказаний, что является прототипом общественно-политических институтов с их ценностным измерением. Так развивается внутриигровая коллективная идентичность как самоценность. Ценность *«Справедливость»* в киберспортивных видеоиграх идет от этических спортивных стандартов, игроки сами борются с нарушителями правил.

Тем не менее, несмотря на стихийность, чаще всего видеоигры изначально содержат в себе ценностный контекст, в котором существует игрок. При этом они транслируют типичную ценностную модель. Например, ценность *«Крепкая семья»* в видеоиграх разных стран («It takes two», «Помни...») обеспечивается через лишение и недоступность близких людей. Модель транслирует, что вместе достигать целей легче, чем в одиночку.

Ценность *«Историческая память и преемственность поколений»* обеспечивается за счет ряда военных российских игр, в частности, о Великой Отечественной войне («Бессмертная симфония», «Torn Away»). Основной акцент в таких играх делается на объединении исторических фактов с визуально понятными и запоминающимися образами героев видеоигр. Более того, отмечается четкая взаимосвязь между ценностями *«Крепкая семья»* и *«Историческая память и преемственность поколений»*, так как общенациональные события и трагедии транслируются в видеоиграх через семейные и личные истории, которые коснулись каждого гражданина страны. Ценность *«Патриотизм»* в таких играх воспринимается игроками через героизм, жертвенность и альтруизм персонажей видеоигр, усиливается за счет трагизма демонстрируемых событий.

Таким образом, видеоигры представляют собой современный канал артикуляции и трансляции традиционных ценностей среди представителей молодежи. При этом широкие возможности видеоигр создают потенциал для продвижения альтернативных ценностей ввиду доминирования западных видеоигр. Представляется, что ключевая задача для защиты традиционных ценностей через видеоигры – поддержка отечественной конкурентоспособной среды индустрии, развитие игровой медиаграмотности и обновление подходов к взаимодействию с молодежью в управленческой среде.

Благодарности: Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2025-0004 «Универсальные практики геймификации в продвижении традиционных российских ценностей в молодежной среде (на примере сегмента массовой культуры)»).

Белозёров В.К.
(Москва, МГЛУ)

ВОЕННАЯ КАРТИНА ХАОТИЗИРОВАННОГО МИРА

Мировое развитие выстраивается по конфронтационному сценарию. Ялтинско-Потсдамский порядок уходит в историю, политическим реалиям присуща хаотизация. Для решения своих задач политические игроки все чаще прибегают к военной силе, выходя за рамки сложившихся устоев. Военная действительность постоянно усложняется, война как хамелеон (Клаузевиц) вновь предстает в неожиданном виде.

Сложившийся научный инструментарий, посредством которого осуществляется познание военной действительности, не обеспечивает целостного и непротиворечивого восприятия происходящего и его перспектив. Отсюда уместна постановка вопроса о разработке военной картины мира. В различных отраслях научного знания признается наличие тех или иных картин мира, военная же картина мира как явление и понятие остается terra incognita.

Исследование войны всегда занимало мыслителей, обращавшихся к ее темпоральным, пространственным и иным характеристикам. Правда, такие исследования по объективным причинам не могут быть лишены фрагментарности. Причем следует констатировать присущее ряду авторов стремление подойти к высокому уровню теоретического обобщения динамической военной картины мира посредством осмысления ее генезиса, изменений во времени и в пространстве. Немало работ, в которых внимание фокусируется на изучении последствий применения тех или иных средств и способов войны и боевых действий, актуальных для определенного исторического периода. Выход подобных трудов обусловлен появлением все новых средств и способов вооруженной борьбы, которые могут, как видится авторам, существенно изменить представления о ее содержании и последствиях.

Постоянно усложняющаяся палитра происходящего существенно затрудняет систематизацию военной картины мира, что отражается уже на стадии формирования подходов к пониманию типологии вооруженных конфликтов. До сих пор отсутствует даже единство по таким базовым вопросам, что такое война и оружие.

Контуры военной картины современного мира в общем виде можно обозначить, если сосредоточиться на обретении ответов на следующие вопросы:

1. Какие субъекты ведут или намерены вести противоборство, применяя при этом военную силу?

2. По поводу чего ведется и будет вестись борьба, что является объектом и предметом столкновения?

3. Какие средства и способы действий используются и могут быть использованы в войнах и конфликтах?

4. В каких регионах мира могут возникать военные конфликты и нарастать военная активность?

Реалистичное восприятие постсоветской Россией динамичной военной картины мира состоялось не сразу. Долгое время оно определялось романтизмом и верой в доброжелательность западных «партнеров». Довольно долго признаки такого романтизма прослеживались в доктринальных установках и в политике России. Преодоление романтизма и переход к реализму происходили непросто, сопровождались утратами и разочарованиями, добровольным отказом от завоеваний и достижений и жертв предшествующих поколений.

В частности, сегодня России вновь приходится сосредоточиваться на военных способах обеспечения безопасности своих западных рубежей. Наша страна столкнулась с созданием «железного занавеса», враждебного и агрессивного предполья, на недопущение возникновения которого она прежде отдала много ресурсов.

СВО свидетельствует и о несостоятельности футуристических оценок о наступлении эпохи бесконтактных и исключительно высокотехнологичных войн. В рамках противоборства Россией задействованы не только Вооруженные Силы, но и интегрированные с ними другие воинские, полицейские и иррегулярные формирования, частные военные кампании.

Военная картина мира предполагает и наличие объективных научно обоснованных представлений о военном прошлом, настоящем и будущем планеты. Формирование таких представлений – сложная синтетическая теоретическая проблема, решение которой требует приложения усилий представителей различных отраслей научного знания.

Системное и целостное понимание постоянно усложняющейся военной картины всего мира с необходимостью предполагает и видение Россией себя в ней. Наша страна, если осмыслить опыт ее исторического развития, обречена на следование по мобилизационному пути развития и поддержание мощного военного потенциала. Надежное обеспечение безопасности России возможно только на основе научно обоснованной военной картины мира, с учетом понимания ее динамики и перспектив развития.

Белый В.А.
(Санкт-Петербург, Университет ИТМО)

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СЕРВИСОВ ДЛЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН И ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО КЕЙСУ ЕДИНОЙ КАРТЫ ПЕТЕРБУРЖЦА

Электронное взаимодействие в России за последние годы демонстрирует активное развитие. Наблюдается повсеместное внедрение цифровых порталов, что ведет к повышению доступности и качества государственных услуг. Это делает Россию одним из лидеров по внедрению электронных государственных сервисов для граждан. Однако электронное взаимодействие не ограничивается лишь получением услуг; оно также включает в себя участие граждан в политической жизни и выражение мнений, что определяется как электронное участие.

В отличие от западных моделей, где платформы прямого гражданского участия активно вовлекают жителей в соуправление, российские сервисы пока в большей степени сфокусированы на сервисной функции. Несмотря на наличие инструментов обратной связи, возможности для полноценного влияния на политические решения остаются ограниченными. Тем не менее, наблюдается рост популярности этих платформ как каналов для выражения проблем и получения обратной связи.

Единая карта петербуржца (ЕКП) – один из наиболее активно развивающихся элементов экосистемы городских электронных сервисов в Санкт-Петербурге. Являясь бесплатной банковской картой, ЕКП предоставляет льготы пользователям городского транспорта, используется как проездной, для записи к врачу и как носитель электронной подписи. Каждый третий взрослый житель города использует ЕПК, что позволяет проводить политологические исследования среди пользователей ЕКП. Важно подчеркнуть, что респонденты в таком случае являются обычными пользователями городских сервисов, что повышает объективность данных.

При поддержке оператора ЕКП – Центра информационного сопровождения (СПб ГКУ ЦИС) – был проведен репрезентативный опрос жителей города, в ходе которого было получено 3500 ответов респондентов. В опросе определялись параметры известности цифровых сервисов в зависимости от возраста граждан, изучался личный опыт использования сервисов гражданами. Отдельно анализировалась оценка успешности обращений в случае подачи жалоб в органы власти с помощью электронных сервисов. Также в опрос включались социально-экономические параметры опрошенных: уровень дохода, образование.

В результате проведенного опроса было установлено, что 84% респондентов знакомы с городскими цифровыми сервисами, наиболее известными из которых являются «Здоровье петербуржца» и «Госуслуги Санкт-Петербурга». Однако, несмотря на высокую

осведомленность, не все пользователи активно используют эти сервисы для подачи жалоб и обращений.

Анализ данных показывает, что успешность подачи обращений зависит от уровня доходов граждан, при этом люди с высокими доходами оценивают свой опыт как более успешный. Это может свидетельствовать о большей функциональности сервисов для обеспеченных пользователей, а также о том, что граждане с низким уровнем доходов могут испытывать недовольство из-за отсутствия необходимого функционала сервисов для них. Важно также отметить, что разные возрастные группы демонстрируют различия в использовании сервисов. Так, не подавали жалобы/обращения из возрастной группы от 18 до 35 лет – 41,1% респондентов, из группы от 36 до 55 лет – 34,1%, а из группы старше 56 лет лишь 30,5%.

Результаты опроса показывают, что большинство респондентов согласно с тем, что цифровые сервисы повышают прозрачность и подотчетность органов власти. Однако уровень согласия варьируется в зависимости от доходов, и граждане с высокими доходами чаще отмечают положительное влияние сервисов на взаимодействие с властью. Также наблюдается, что развитие цифровых сервисов позволяет быстрее решать возникающие проблемы, что подтверждает тенденцию к повышению удовлетворенности граждан.

Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на доверии к сервисам и их способности обеспечивать социально-политическую стабильность. Эффективное развитие порталов электронного взаимодействия зависит от их человекоцентричности и способности учитывать интересы граждан, что позволит избежать ситуации, когда они становятся инструментами легитимации решений власти без реального влияния граждан на процессы принятия социально-политических решений.

Беляева Н. М.
(Пермь, ПГНИУ)

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ: ОСНОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Современная система мировой политики и международных отношений, сложившаяся в 2022–2025 гг., ставит перед Россией ряд вызовов, связанных с укреплением политической стабильности и лояльности политическому курсу со стороны общества, достижением эффективного социально-экономического развития. В новых реалиях актуализируются вопросы формирования активной гражданской позиции и ценностей патриотизма среди молодежи. Гражданственность можно рассматривать как политическую (государственную) идентичность, когда личность осознает себя членом политического сообщества (государства), проявляет социально ответственное поведение и готова участвовать в развитии данного сообщества. Для целей настоящего исследования релевантной представляется теория политической поддержки Д. Истона и Дж. Денниса, в рамках которой формирование гражданственности и патриотизма рассматривается сквозь призму политической социализации, имеющей черты целостной системы: наличие нормативно-правовой основы, институтов и инструментов реализации.

Деятельность государства по формированию гражданственности и патриотизма студенческой молодежи имеет определенные черты системы, включающей три основных компонента:

– законодательная база в сфере высшего образования, молодежной политики, развития патриотизма и волонтерства;

– институты, реализующие конкретные проекты и мероприятия (Роспатриотцентр, Росмолодёжь, Центры молодежной политики в вузах);

– субъекты (проводники) воспитательного воздействия: участники институтов, организаций, преподаватели вузов (прежде всего, социальных наук).

Законодательство в сфере высшего образования, ФГОСы по направлениям подготовки специалистов создают основу для формирования основных ценностных ориентаций личности, политических и идеологических предпочтений и установок, позиционирования себя как гражданина страны.

Содержание программ изучения социальных наук в вузах позволяет студентам познакомиться со структурой современного общества, с процессами и институтами, осознать взаимозависимость политических и экономических процессов в современном обществе, прочувствовать особенности социальных конфликтов, познакомиться с их видами и системой регулирования и предотвращения. На основе рассмотрения универсальных и общепрофессиональных компетенций, которые закрепляют ФГОС за дисциплинами социального спектра, можно резюмировать, что социальные науки играют важную роль в осознании гражданином себя, своего места и своей роли в обществе, формируют навыки ведения дискуссии, умение мыслить и анализировать социально-экономические и политические проблемы и процессы в обществе во взаимосвязи с историческим прошлым и происходящими в мире событиями. Соответственно, преподаватели социальных дисциплин, действительно, играют важную роль в социализации студенческой молодежи, в становлении ее гражданственности и патриотизма.

Основными институтами формирования гражданственности и патриотизма молодежи выступают Роспатриотцентр, Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодёжь), Центры молодежной политики в вузах.

Так, действующий уже более десяти лет Роспатриотцентр занимается развитием и сопровождением всех видов деятельности по патриотическому воспитанию и развитию волонтёрства в России. Среди основных проектов центра, реализуемых совместно с вузами, можно назвать Международную военно-историческую экспедицию, Передвижную выставку «Без срока давности» и Всероссийский Молодёжный семинар «Без срока давности», направленные на формирование сообщества региональных координаторов деятельности центра.

Среди приоритетных проектов Росмолодежи выделяется Роспатриот, мероприятия которого (Молодежный историко-культурный форум «Истоки», Всероссийский проект «Диалоги с Героями» и др.) направлены на гражданское и патриотическое воспитание детей и молодёжи, повышение интереса к истории своей страны, проведение образовательных и военно-мемориальных мероприятий. Кроме того, Росмолодежь реализует активную грантовую деятельность по поддержке студенческой молодежи по целому спектру направлений, в том числе по развитию гражданственности и патриотизма.

В современных вузах активно идет процесс создания Центров молодежной политики, одним из направлений деятельности которых выступает формирование гражданственности и патриотизма среди студенчества.

Таким образом, проектная, грантовая и учебная деятельность основных институтов и субъектов развития гражданственности и патриотизма молодежи в вузе ориентирована, прежде всего, на формирование информационной грамотности, активной гражданской позиции и социально ответственного поведения личности, понимающей специфику структуры, взаимосвязей и функционирования современного общества, умеющей формулировать свою точку зрения, вступать в дискуссию на паритетных началах, генерировать творческие идеи социально-экономического и политического развития госу-

дарства и добиваться их практического воплощения. Студенчество с активной гражданской позицией – это люди, неравнодушные к происходящим в России и мире событиям, осознающие их причины и последствия, готовые принимать на себя ответственность за достижение результатов в развитии государства.

Березкина О.С.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

МЕХАНИЗМ РЕКРУТИРОВАНИЯ ЭЛИТ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XX-XX1 вв.

Механизм рекрутирования является одним из важнейших параметров анализа политических элит, показывает, как, по каким каналам индивид может продвинуться во власть, из каких социальных слоев и каким способом рекрутируется элита. В свою очередь, этот вопрос имеет значимость и для характеристики политических режимов. Неслучайно Г. О'Доннелл и Ф. Шмиттер в определение политического режима включали характеристики субъектов, имеющих доступ к важнейшим управленческим позициям или лишенных его, а также доступные субъектам стратегии борьбы за него (см. O'Donnell G., Schmitter P. Transitions from the Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986).

Идеальными типами рекрутирования выступают открытое (с широкой социальной базой и выборным механизмом) и закрытое (с узкой базой и наследственным либо кооптационным отбором) рекрутирование. Однако, если закрытое рекрутирование в большинстве случаев может быть ассоциировано, по крайней мере, с традиционными режимами, то открытое рекрутирование в полном смысле остается нереализованным даже в ведущих демократических странах в силу недостаточно масштабной социальной базы отбора в элиту.

В истории России XX века был создан альтернативный Западу механизм рекрутирования, включавший широкую социальную базу (преимущественно из рабочих и крестьян) и фактический кооптационный отбор, оформлявшийся плебисцитарными выборами. Этот механизм объективно свидетельствовал о процессе демократизации отбора в элиту, если иметь в виду беспрецедентные возможности для низших социальных групп в массовом порядке получить образование и занять места во власти и управлении. В совокупности с массовым общественно-политическим участием под контролем компартии и движением к большему социальному равенству рекрутирование элиты являлось характерным признаком «тоталитарной демократии» как осуществленного в СССР альтернативного проекта социально-политической модернизации. Можно считать, что западные страны и СССР преимущественно развивали разные стороны открытого отбора в элиту с упором соответственно на выборные процедуры или на максимальное расширение социальной базы этого процесса.

В постсоветский период социальная база рекрутирования начала сужаться, представители низших социальных групп утратили прежние возможности продвижения, хотя, пока представители бывшей «номенклатуры» оставались у власти, сохранялся и частично еще сохраняется определенный пул вышедших из непривилегированных семей. Новая элита начинала формироваться преимущественно из высокостатусных и среднестатусных групп, как это происходит в капиталистической западной модели. По мнению исследователей, в принципиальном плане бассейном рекрутирования элиты является преимуще-

ственно высший класс, и Россия движется в этом же направлении (См. Дука А. В. Властная элита и социальный класс в России: становящаяся определенность // Элиты и общество в сравнительном измерении. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М, 2011. С. 303) Серьезным недостатком приводимых политологами данных является отсутствие во многих случаях сведений о реальном социальном происхождении представителей современной российской элиты (из каких семей) и замена их сведениями о социальной позиции перед занятием политической должности. Такой подход, на наш взгляд, может искажать картину вертикальной мобильности в обществе, требуется учет обоих параметров.

Несмотря на конкурентные выборы, ситуацию 1990-х, а также 2000-2010-х годов осложняли широкое использование манипулятивных технологий в избирательных кампаниях, допускавшиеся ограничения и другие негативные факторы, которые вели к искажениям механизма рекрутирования по сравнению с «демократическим идеалом». На протяжении рассматриваемого периода Россия не достигала заданной когда-то идеями реформаторов планки, однако в плане социальной базы рекрутирования элиты двигалась в сторону западной модели. По этому параметру длительное время политическая элита носила переходный характер.

Изменения последних лет свидетельствуют об усилении внимания власти к проблеме социальных лифтов и проницаемости каналов рекрутирования (кадровые программы «Школа губернаторов», «Лидеры России», «Время героев» и др.). Этот курс обоснован в том числе пониманием чувствительности граждан к вопросу социального продвижения, которое является одной из основ легитимации власти в современных обществах. В целом рекрутирование элиты обусловливается социально-экономическими, историческими, политико-культурными характеристиками, типом и особенностями политического режима.

Берёзкина Е. Ю.
(Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РЭУ им. Г.В. Плеханова)

ПОПУЛИСТСКИЕ ПАРТИИ ИТАЛИИ КАК АГЕНТЫ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ К СИСТЕМНЫМ АКТОРАМ

В Италии популистские партии за три десятилетия прошли путь от протестных движений, опиравшихся на антисистемную риторику, до системных политических акторов, активно формирующих законодательную повестку. Одним из ключевых механизмов этой трансформации стала их законодательная активность, позволившая закрепить в институциональной архитектуре страны правила, благоприятные для собственного электорального успеха и долгосрочного политического присутствия (Tarchi, 2015). Законодательная активность популистов — это форма институционального захвата, когда новые политические силы, получив доступ к власти, меняют правила игры под собственные интересы. В условиях смешанных избирательных систем с высокой партийной фрагментацией, как в Италии, это особенно эффективно: участие в законотворчестве позволяет партиям одновременно адаптироваться к институциональным требованиям и закреплять преимущества для будущих избирательных циклов (Ignazi, 2017).

Популистские партии «первой волны» Forza Italia и Lega Nord (сегодня Lega) с 1993 г. поддерживали и инициировали реформы избирательной системы («Закон Мат-

тареллы», «Закон Кардероли»), встраивая выгодные механизмы (мажоритарный элемент, бонус большинству) в законодательную базу. При изменении обстоятельств эти же партии меняли свои позиции и становились критиками собственных инициатив.

После 2013 г. появляются новые популистские участники (Movimento 5 Stelle и Fratelli d'Italia), усложняется конфигурация популистского взаимодействия, появляются новые ситуативные союзы в предвыборный и поствыборный периоды.

Популизм обеспечивает массовую мобилизацию через апелляцию к «народу» и критику элит, а радикальные элементы повестки (жёсткая миграционная политика, антиабортные проекты, конституционные изменения) выполняют роль «сигнальных маркеров» идеологической целостности для базового электората (Mudde, 2004; Taggart, 2000).

Для правых популистов (Lega, Forza Italia, Fratelli d'Italia) этот баланс означает постепенную институционализацию — интеграцию в систему при сохранении мобилизующей риторики.

Для M5S сохранение антисистемных элементов риторики при активном участии в законотворчестве позволяет поддерживать образ оппозиции «старым» партиям, что повышает устойчивость на электоральном поле.

Итальянский случай демонстрирует, что законодательная активность популистских партий — не побочный продукт их прихода к власти, а стратегический инструмент трансформации: от антисистемных протестных движений — к институционализированным игрокам, способным формировать долгосрочные правила политической конкуренции. Баланс между популизмом и радикализмом выступает в этой логике не признаком идеологической непоследовательности, а механизмом политического выживания и адаптации в условиях высокой конкуренции и нестабильности. Например, для Lega ужесточение миграционного законодательства в рамках «Decreto Sicurezza» (2019) стало не только инструментом реализации ключевого электорального обещания, но и символом жёсткой линии партии по вопросам национальной идентичности. Для Fratelli d'Italia законопроект о прямых выборах премьер-министра (2024) выполняет двойную функцию: мобилизует сторонников через радикальную институциональную реформу и закрепляет персоналистский формат власти, выгодный харизматичному лидеру. Таким образом, конкретные законы становятся инструментом балансировки между умеренным популизмом, необходимым для расширения электоральной базы, и радикализмом, поддерживающим лояльность ядра сторонников.

Берлиц А.Ю.
(Москва, ГАУГН)

ЦИФРОВАЯ БИТВА ЗА ПРОШЛОЕ: КАК В ОНЛАЙН-ДИСКУРСЕ ДЕКОНСТРУИРУЮТСЯ ВОЕННЫЕ МИФЫ ОСНОВАНИЯ РОССИИ

Изучение национальных мифов относится к проблемному полю на пересечении исследований исторической памяти, национализма и символической политики. В качестве теоретической основы исследования применяется феноменологический подход, рассматривающий миф как нарратив, приобретающий статус священной истины в рамках определенного сообщества и служащий основой для конструирования групповой идентичности (Малинова, 2015). Особое значение имеет концепция «мифа

основания» (foundation myth) как нарратива о моменте «начала» политической системы (Бубнов, 2025). Применительно к России таким мифом выступает противостояние со «Степью», кристаллизованное в событиях Куликовской битвы, Стояния на Угре и битвы при Молодях.

Цифровизация публичной сферы трансформирует традиционные механизмы производства и трансляции исторических нарративов. Онлайн-платформы, в частности YouTube, становятся пространством конкурентной борьбы интерпретаций, где официальный миф основания сталкивается с альтернативными прочтениями. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления новых вызовов цифровой эпохи, связанных с трансформацией коллективной памяти и национальной идентичности в условиях гибридных конфликтов.

Эмпирическую базу исследования составили комментарии пользователей к видеороликам на YouTube, посвященным трем исследуемым сражениям. Для обеспечения репрезентативности были отобраны ролики, набравшие значительное количество просмотров и комментариев. Из первоначального корпуса в более чем 16 тысяч комментариев методом целевой выборки было отобрано 494 релевантных высказывания. Критериями отбора выступали наличие прямой ревизии или критики элементов официального нарратива. Применялся качественный контент-анализ для выявления устойчивых стратегий демифологизации.

Анализ выявил структурированную архитектуру контрнарративов с двумя основными полюсами критики. Центральное положение занимает евразийско-неоордынский комплекс, объединяющий тезисы об этнополитической преемственности Руси и Орды, умаление исторической значимости событий и утверждение о продолжении зависимости. Данный комплекс системно оспаривает цивилизационную дихотомию «Русь-Степь» через релятивизацию культурно-политических границ. К нему добавляется «украинская» версия ревизии, представляющая Северо-Восточную Русь как периферийную территорию, сотрудничающую с Ордой.

Второй полюс образует автономная стратегия критики власти, характеризующаяся демонтажем образов центральной власти через персонализацию критики и анализ институциональных противоречий.

Обнаруженная конфигурация отражает основные паттерны демифологизации, где различные стратегии направлены на деконструкцию истоков русской национальной идентичности. Каждое из трех исследуемых событий демонстрирует дифференцированные уязвимости к конкретным типам критики, что свидетельствует о сложной структуре мифа основания.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что онлайн-демифологизация представляет собой структурированное поле конкуренции альтернативных исторических смыслов. Выявленные стратегии критики образуют устойчивые контрнарративы, бросающие вызов официальной версии прошлого. «Цифровая битва за прошлое» становится ключевым фронтом борьбы за национальную идентичность и символический суверенитет в XXI веке. Устойчивость официального исторического нарратива в этих условиях определяется способностью выдерживать давление структурированных стратегий деконструкции, что ставит новые исследовательские и политические вызовы.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01495, rscf.ru›project/24-28-01495/.

Беспалов С.В.
(Москва, ИНИОН РАН)

СОВРЕМЕННЫЕ НЕОМАРКСИСТЫ ОБ АГРАРНОМ ВОПРОСЕИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Аграрный вопрос в странах глобального Юга, особенно в беднейших из них, является, пожалуй, одной из наиболее острых и дискуссионных проблем в современной неомарксистской мысли. Дискуссия среди исследователей сосредоточена на нескольких ключевых аспектах: сущности аграрного вопроса в условиях глобализации, последствиях экспансии корпоративного агробизнеса; роли крестьянства в современной экономике; возможности и путях достижения продовольственного суверенитета развивающихся стран.

Существенные различия во взглядах исследователей касаются самой интерпретации аграрного вопроса. Так, Генри Бернштейн утверждает, что классический аграрный вопрос, связанный с накоплением капитала, утратил актуальность, и предлагает сосредоточиться на «аграрном вопросе труда» — борьбе безземельной бедноты за доступ к земле. Унта Патнаик, напротив, подчеркивает, что аграрный вопрос в его классическом понимании сохраняет центральное значение, особенно в контексте глобальной экспансии капитала и контроля над ресурсами. Некоторые неомарксисты призывают к радикальному переосмыслению аграрного вопроса, который должен включать в себя не только экономические, но и социальные, экологические и политические аспекты; не только борьбу за земельные права и восстановление агроэкологии, но и сопротивление глобальным корпоративным структурам, доминирующим в сельском хозяйстве. Центральным элементом аграрного вопроса они считают продовольственный вопрос. Например, Филип МакМайкл рассматривает концепцию продовольственного суверенитета не просто как альтернативу, но как радикальный ответ крестьянских и общественных движений на гегемонию глобального капитала.

Многие учёные-неомарксисты сходятся во мнении, что крестьянское хозяйство, несмотря на его относительно низкую производительность по сравнению с капиталистическим агробизнесом, обладает значительным потенциалом для обеспечения продовольственной безопасности, создания рабочих мест и поддержания экологического равновесия. При этом, на наш взгляд, в своём отношении к перспективам крестьянского хозяйства современные неомарксисты являются последователями не только и не столько «классиков» марксизма, сколько российских неонародников конца XIX – начала XX века. В своё время В.Г. Хорос показал причины распространения идей народнического типа в общественно-политической жизни развивающихся стран, проанализировав популистские движения, выступавшие под лозунгами защиты интересов крестьянства в плане смягчения для него последствий индустриальной модернизации. Сегодня можно говорить о том, что воззрения подобного типа являются важным компонентом неомаркистской экономической теории (в целом воспринявшей многие достижения различных направлений экономической мысли), причём речь идёт как об экономистах непосредственно из развивающихся стран, так и о западных учёных, исследующих проблемы аграрного развития стран Глобального Юга. Некоторые современные неомарксисты напрямую обращаются к теоретическому наследию российских неонародников, в частности А.В. Чаянова. Другие, не упоминая их, воспроизводят многие элементы народнической аргументации. Это вполне закономерно.

С одной стороны, само неонародничество сформировалось в последние десятилетия существования императорской России на основе синтеза народнических и социал-демократических идей. С другой стороны, многие страны современного Глобального Юга сталкиваются с теми же проблемами, которые были характерны для России рубежа XIX – XX столетий: аграрное перенаселение, обезземеливание значительной части крестьянства и т.д. При этом, по нашему мнению, «народническая» аргументация в гораздо большей степени справедлива применительно ко многим современным развивающимся странам, чем к России начала XX века, в силу двух основных причин. Во-первых, несмотря на значительную роль иностранных капиталов в процессе индустриализации, экономическое развитие Российской империи (вопреки утверждениям народников) можно назвать в целом независимым, чего не скажешь о странах современного Глобального Юга. Во-вторых, бурно развивавшаяся российская индустрия была вполне в состоянии в среднесрочной перспективе поглотить высвобождавшуюся в деревне рабочую силу. В беднейших странах современного мира, как было показано в статье, ситуация принципиально иная.

Аграрный вопрос на Глобальном Юге является для неомарксистов не только (для многих из них – не столько) экономической, но и социальной, экологической и политической проблемой. Его решение требует комплексного подхода, включающего борьбу с гегемонией транснациональных корпораций, поддержку мелких хозяйств, проведение политических реформ, переход к экологически устойчивой модели сельского хозяйства.

Бирючева Е.И.
(Краснодар, КубГУ)

СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ИМИДЖА ГУБЕРНАТОРОВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ С РЕЖИМОМ СРЕДНЕГО УРОВНЯ РЕАГИРОВАНИЯ)

Факторы, которые имеют влияние на формирование и позиционирование имиджа губернатора в цифровом пространстве, можно разделить на две большие группы.

Первая группа факторов, отмеченная нами, имеет отношение к уровню сетевого развития самого региона – это цифровая грамотность, цифровое потребление, цифровые компетенции, цифровая безопасность, цифровая «оснащенность» и цифровая «распространенность» органов региональной и местной власти, которую измеряет рейтинг субъектов по реализации положений федерального закона от 9 февраля 2009 г. №8-ФЗ. Также сюда относится уровень цифровой трансформации регионов.

Для оценки развития региона по данным параметрам были использованы общедоступные рейтинги, представленные различными государственными структурами и частными агентствами. Некоторые из них: проект «Цифровой диктант РФ», где регионы ранжированы по нескольким ключевым критериям: цифровая грамотность, цифровое потребление, цифровые компетенции и цифровая безопасность.

Также это рейтинг, составленный Министерством цифрового развития, связи и мас-

совых коммуникаций РФ, по исполнению положений федерального закона от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Рейтинг включает такие показатели как доля получивших специальную отметку для официальных страниц органов и организаций региона; доля публикаций в госпабликах региона, размещающихся через компонент «Госпаблики»; средний охват пользователей региона; средний уровень сетевой активности официальных органов и организаций региона, а также по ряду других показателей.

Еще один рейтинг представлен Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ – «Оперативный рейтинг руководителей цифровой трансформации регионов». В этом рейтинге была произведена оценка регионов по нескольким критериям: «цифровая зрелость по 5 отраслям», «платформа обратной связи», «меры поддержки IT-отрасли», «информационная безопасность», «перевод массово социально значимых услуг в электронный вид» и другие показатели.

Второй группой факторов, которую мы выделили, являются показатели, которые рассматриваются вкупе с цифровой активностью самих губернаторов: количественные («лайки», комментарии, репосты, число публикаций, количество упоминаний в других каналах и социальных медиа), качественные – разнообразие публикуемого контента, использование всего доступного инструментария социальных сетей, а также конструктивная работа с комментариями. При оценке по данной группе факторов мы опирались на рейтинги, формируемые Агентством политических и экономических коммуникаций, первым информационным телеграм-агентством «Телестрим» и политическим PR-агентством «Г.У.Р.У.», а также Центром политического анализа и социальных исследований и Центром общественно-политических проектов.

Можно сделать следующие выводы о факторах формирования и позиционирования регионов с режимом среднего уровня реагирования в цифровом пространстве. Изучив описанные рейтинги, можем отметить, что субъекты-лидеры, имеющие наилучшие показатели по факторам первой группы, – это г. Севастополь, Белгородская область. Регионы «средней динамики» — это Ростовская область, Курская область, Краснодарский край, Воронежская область. И «отстающими» можно назвать Брянскую область и Республику Крым.

Второй группой факторов являются показатели, которые рассматриваются вкупе с цифровой активностью самих губернаторов. Это те факторы, оценивая которые мы можем понимать, какое отношение у этого политика к своему цифровому образу, идентифицирует ли он себя как «цифрового губернатора», сколько сил и внимания прикладывается к выстраиванию его позитивного образа в социальных медиа. По итогам изучения, можно отметить явных лидеров, которые отметились в нескольких исследуемых рейтингах – это Михаил Развожаев (г. Севастополь), Вячеслав Гладков (Белгородская область), а также недавно назначенный Александр Хинштейн (Курская область). Цифровыми губернаторами «среднего уровня» можно назвать Вениамина Кондратьева (Краснодарский край), Сергея Аксёнова (Республика Крым) и Юрия Слюсаря (Ростовская область). На позиции ниже среднего по уровню цифрового «рвения» находятся Александр Богомаз (Брянская область). Очевидным наименее цифровым губернатором является Василий Гусев, руководящий Воронежской областью.

Близнецкая Е.А.
(Москва, МГИМО МИД России)

КЛИМАТИЧЕСКИЕ РИСКИ: ЗАДАЧИ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ЛИНИИ ЮГ-ЮГ

Исторически международное сотрудничество по вопросам адаптации к изменению климата формировалось на основе принципа «общей, но дифференцированной ответственности», что в практическом выражении привело к доминированию механизмов, ориентированных либо на сотрудничество по линии «Север-Юг» (РКИК ООН, Всемирный Банк), либо на взаимодействие в рамках объединений развитых государств (ЕС, ОЭСР).

В специализированной научной литературе и, в целом, в профессиональном сообществе распространено мнение, что антропогенное изменение климата сильнее воздействует на бедные страны с низким порогом чувствительности к новым климатическим угрозам, низким уровнем защищенности от этих угроз и ограниченными возможностями адаптироваться к ним, и в меньшей степени – на наиболее экономически развитые страны, способные эффективно противодействовать климатическим вызовам. Этот дискурс хорошо подкреплен и рядом международных норм и подразумевает усилия по управлению прямыми воздействиями климата в пределах юрисдикции государств. Оба этих утверждения, как показывает практика, требуют переосмысления и критического анализа.

Имеющиеся в научной литературе оценки и проведенные мной исследования показывают, что международного управления адаптацией к изменению климата не сформировано. Государства активнее принимают национальные стратегии адаптации, однако примеры *«совместного управления* общими климатическими рисками, выходящими за рамки государственных границ, встречаются редко». Под совместным управлением климатическими рисками может пониматься, например, согласованные действия по повышению устойчивости интегрированных энергосистем к воздействию волн жары. Как показал блэкаут весны 2025 года, затронувший Испанию, Португалию, Андорру и часть Франции, адаптационный потенциал стран ЕС переоценен. Исследование проектов и программа транснациональных сетей городов развитых стран Европы также показало, что участие в них не имеет критического значения для адаптационной политики муниципалитетов и регионов.

Отсутствие успешного опыта в координации адаптационной политики в развитых странах, не позволяет выстраивать взаимовыгодные механизмы сотрудничества и масштабировать их через многосторонние институты. Вопросы адаптации к изменению климата на переговорных площадках РКИК ООН остаются в процедурно-методологическом измерении. В работе над индикаторами прогресса по адаптации к изменению климата государства не могут прийти к согласию по средствам осуществления Глобальной цели по адаптации (ГЦА) Парижского соглашения. Несмотря на то, что снижение уязвимости систем жизнеобеспечения от воздействий стремительно меняющегося климата признается в качестве приоритета климатической политики практически во всех странах мира, развитие реальных механизмов взаимодействия заблокировано в бесконечных и малосодержательных дискуссиях о достаточности финансовой помощи развитых государства развивающимся.

В этой связи взаимодействие развивающихся стран между собой (по линии «Юг-Юг»), не предполагающее предоставления помощи, представляется наиболее релевантным и перспективным для преодоления тупика переговорного процесса по ГЦА. Направлениями сотрудничества развивающихся стран могли бы стать: пути интеграции

адаптации к изменению климата в национальные и региональные повестки дня развития; укрепление потенциала региональных банков развития в оценке климатических рисков всех крупных инфраструктурных проектов; развитие региональных центров оценки климатических рисков и создание на их основе платформ обмена знаниями. Вместе с тем, нельзя забывать и про имеющиеся ограничения для развития сотрудничества по линии Юг-Юг связанные не столько с ресурсами, сколько с разобщенностью и разнонаправленностью стратегических ориентиров в политике развивающихся стран.

Блинов В.В.
(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ОБ УНИКАЛЬНЫХ ЧЕРТАХ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Цивилизационный подход рассматривает историю не как единый линейный процесс, а как совокупность самостоятельных цивилизаций, каждая из которых обладает уникальными чертами. Вопрос о существовании и особенностях русской цивилизации долгое время оставался дискуссионным и обсуждался многими мыслителями.

Уже в XVIII веке Екатерина II определяла Россию частью Европы. Но в XIX веке формируется идея национальной самобытности: теория официальной народности, полемика славянофилов и западников. Ключевой фигурой стал Пётр Чаадаев, утверждавший «отсталость» России без католической традиции, что вызвало общественный скандал. В противовес ему славянофилы (А. Хомяков) говорили о единстве царя и народа, разрушенном петровскими реформами.

Н. Я. Данилевский первым разработал цивилизационную теорию, противопоставив Россию Европе. Он выделил культурно-исторические типы, подобные живым организмам, каждый из которых имеет самостоятельный путь. Россия относится к славянскому типу, находящемуся в стадии созревания. Важнейшей основой развития он считал язык и культурную независимость. Его проект славянской федерации со столицей в Константинополе вызвал критику, но заложил основы идеи самобытного пути России.

К. Н. Леонтьев видел фундамент русской цивилизации не в славянстве, а в византийском наследии. В его концепции «византизма» религия, государственность и культура образуют единый организм. Россия унаследовала от Византии православие и самодержавие, что обеспечило её историческую устойчивость. В отличие от Данилевского, Леонтьев скептически относился к идее всеславянского единства.

О. Шпенглер, опираясь на собственную морфологию культур, считал Россию молодой культурой, находящейся лишь на пороге расцвета. Её пророком он называл Ф.Достоевского. Россия, по Шпенглеру, должна пройти путь, аналогичный античности и Западу, но на своей основе.

А. Тойнби пытался объединить цивилизационный и формационный подходы. Он рассматривал цивилизацию как ответ на вызовы внешней среды. Для России ключевым вызовом стали нашествия — монгольское и европейское. Крещение от Византии, а не от Рима, определило её культурную специфику.

Евразийцы (Н. Трубецкой, П. Савицкий и др.) утверждали, что Россия — это особый континент, не Восток и не Запад. Государственническое чувство, аскетизм и веротерпимость, по Трубецкому, были унаследованы от Золотой Орды. Монгольское влияние он рассматривал не как «иго», а как фактор формирования особой русской государственности.

Л. Н. Гумилев, продолжая евразийскую линию, разработал концепцию этногенеза и пассионарности. Он считал, что монгольское нашествие сыграло защитную роль, оградив Русь от западной экспансии. Союз с Ордой позволил сохранить православие и культурное ядро. Гумилев выделял две ключевые точки формирования славянской цивилизации: крещение и союз с монголами.

Синтез идей Данилевского, Леонтьева и евразийцев позволяет выделить уникальные черты русской цивилизации:

- государственническое чувство и опора на сильную власть;
- православие как основа единства и мировоззрения;
- византийское наследие — идея власти от Бога и самодержавие;
- опыт евразийской интеграции и веротерпимость;
- языковая и культурная самобытность, отличающая Россию от Европы.

Таким образом, русская цивилизация предстает как уникальное явление, соединяющее славянскую культуру, византийскую традицию и евразийский исторический опыт.

Одной из ключевых особенностей русской цивилизации исследователи называют особое государственническое чувство. Евразийцы связывают его с эпохой Ивана Калиты, когда Москва получила право самостоятельно собирать дань и передавать её Орде. С этого времени формируется новое государство — Россия, которую Л. Н. Гумилев предлагал рассматривать как самостоятельное образование, отличное от древней Руси, связанной с ней лишь культурно. На месте раздробленных княжеств возникло объединение, основанное на сильной власти. К. Н. Леонтьев подчеркивал роль православия как главного духовного фундамента: именно в России византийские идеи самодержавия прижились глубже, чем у самих греков. По его мысли, слабость аристократических и семейных начал компенсировалась развитием мощной государственной идеи. Н. Я. Данилевский, в свою очередь, видел основу самобытности в языке, объединяющем славян, однако признавал, что культурные и политические различия оказались важнее этнического единства.

Богатова О.А.
(Саранск, Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ И СЕТЕВЫХ АКТОРОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Предметом доклада является формирование стратегий и методов исторической политики в постсоветской России. Проблема анализируется в контексте неоинституционального подхода к организационным изменениям, согласно которому нерыночные организации, включая государственные, решают проблемы институционального изоморфизма и соответствия требованиям внешней среды путем формирования периферийных структур, призванных продемонстрировать такое соответствие. В данном случае часть периферийных структур в период становления государственной исторической политики имеет сетевой характер, а их отношения с институциональными акторами формируются как партнерские и ситуативные, по принципу динамичной сети.

Адаптация России к этим требованиям включала: 1) секьюритизацию решающей роли СССР в победе над нацизмом в форме принятия мемориальных законов (2014,

2021-2022), работы президентской комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории (2009-2012); 2) разработку и презентацию Президентскому совету по правам человека исходного варианта государственной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении» (2011), утвержденной в 2015 г. в переработанном виде под названием «Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» (продлена в 2024 г.); 3) создание и поддержку в качестве институтов мемориальной инфраструктуры общественных и государственно-общественных историко-просветительских организаций, призванных влиять на общественное мнение в качестве координаторов политики памяти на аутсорсинге; 4) создание официальных институтов (АНО «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации», 2023) и официальной стратегии исторической политики, впоследствии оформленной в виде Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения (2024).

Механизмами решения историко-просветительских задач становятся создаваемые в конце 2000-х – начале 2010-х гг. партнерские по отношению к государственным институтам НКО – «фонд «Историческая память» (2008), Российское историческое общество (2012) и общественно-государственное Российское военно-историческое общество (2013), а также операторы распределения средств на «низовые» инициативы через систему грантовых конкурсов в этой области (Фонд президентских грантов и Президентский Фонд культурных инициатив). общественные движения – «Волонтеры Победы», «Бессмертный полк» «Поисковое движение России» и, наконец, Русская православная церковь.

Формирование единой идентичности гражданского сообщества с отсылками как к дореволюционной, так и советской истории России и сбалансированные оценки событий разных периодов способствовало на уровне государственной политики в области исторического просвещения поддержке инициатив по формированию в неакадемических порядках знания нарративов прошлого, которые способствовали бы общественному согласию. Поддержка государством партнеров, придерживающихся альтернативных взглядов на российскую историю, включая, например, с одной стороны, церковные исторические инициативы, с другой – фонд «Цифровая история» (2017) обеспечивает множественность источников для современного дискурса исторической памяти.

Богданов А.В.
(Саратов, СГУ)

ИДЕЙНО-ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СПЕЦИФИКА ВЛИЯНИЯ МЕДИАПРАКТИК

Медиапрактики выступают одним из инструментов, которые оказывают значимое влияние на формирование моделей социально-политической деятельности подрастающего поколения. Более того, по нашему мнению, требуется детальная проработка потенциала использования медиапрактик в рамках процесса суверенизации образова-

тельной системы Российской Федерации. Ведь именно в рамках образовательного процесса осуществляется непосредственная качественная подготовка молодых людей к дальнейшему процессу политической социализации, а также происходит усвоение ценностных установок, принятых в качестве основ функционирования общественных и государственных структур.

В рамках исследования идейно-ценностных основ политического сознания российской молодежи были использованы материалы социологических исследований, проведенных в 2022-2024 гг. коллективом кафедры политических наук Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. В опросе приняли участие 3873 респондента, в возрасте от 14 до 35 лет, проживающих преимущественно в Саратовской области, а также в Московской, Нижегородской, Самарской областях и Республики Карелия, Удмуртской Республики. Анкета состояла из 30 вопросов, была размещена в сети Интернет и распространена посредством ссылки на электронную форму.

Один из основных выводов проведенного исследования заключается в том, что большая часть опрошенных молодых людей склона доверять сети Интернет (43,9%) и телевизионным программам (18,5%). С одной стороны, это указывает на все возрастающую роль социальных сетей, как в современном мире, так и в России, в частности. С другой – указывает на то, что такая традиционная форма медиапрактики как телевизионные передачи по-прежнему играет немаловажную роль в процессе формирования идейно-ценностных основ политического сознания российской молодежи.

При этом следует отметить, что ближайшее окружение также занимает важное место, влияя на мнение подрастающего поколения относительно, например, их отношения к месту собственного проживания (61,8%). По сути, указанные выше медиапрактики имеют серьезный потенциал по конструированию идейно-ценностного каркаса социально-политического поведения молодых граждан.

Особняком в этом процессе определяющего воздействия на ценностные установки подрастающего поколения стоят учителя и преподаватели (10,7%). С одной стороны, молодые люди обращаются к своим наставникам за помощью в оценке происходящих событий, а с другой, – значимость таких институтов социализации как школа, ссуз и вуз, с точки зрения авторитетного источника информации снижается, и оказывается в разы ниже, чем представленных выше.

Следующий вывод проведенного анализа в рамках выбранной темы состоит в том, что медиапрактики разнообразны по своим формам и способам донесения информации. Лидирующую позицию здесь занимает информационно-коммуникационная сеть Интернет, что объясняется ее большим потенциалам по методам воздействия на потребителя, а также тем, что участники, пользующиеся данной сетью, по сути, могут выступать как равноправные партнеры по созданию соответствующего контента. Другими словами, они могут не только принимать данные, но и быть как их распространителями, так и создателями, за счет возможности использовать так называемые горизонтальные связи между участниками обмена информацией. И в этой ситуации особенно остро обозначается проблема конкурирования между соответствующими медиапрактиками современного типа и медиапрактиками традиционного характера, которые часто применяются в работе педагогического сообщества. Педагогам совместно с представителями органов государственной власти необходимо совершенствовать подходы к процессу обучения и воспитания в рамках реализации образовательной политики.

И еще один проблемный аспект, который был выявлен в ходе изучения социологических данных в рамках проведенного опроса, касается определения места и роли патриотизма в качестве основы функционирования российской государственной и об-

щественной систем. Следует отметить тот факт, что в рамках выбора молодыми людьми ценностных основ будущего устройства российского государства не на последнем месте находится патриотизм (9,1%). При этом подрастающее поколение в качестве одного из основных источников информации выбирает либо сеть Интернет, либо телевидение или же ближайшее окружение. Педагогическое сообщество молодые граждане выбирают в последнюю очередь, что указывает на необходимость вовлечения молодежи в образовательный процесс посредством использования современных форм медиапрактик. И обращает на себя внимание то обстоятельство, что потенциально патриотически настроенные молодые люди использует в большей степени именно коммуникационную сеть Интернет в качестве верифицированного источника информации (43,9%). Это значит, что существует высокая вероятность того, чтобы включить данных респондентов в процесс активного участия в социально-политической жизнедеятельности российского общества за счет совершенствования форм медиапрактик, используемых в образовательных организациях.

Статья подготовлена в рамках научного исследования № 224020500225-6 «Влияние медиапрактик на политическое сознание российской молодежи: особенности, тенденции, возможности коррекции», осуществляемого за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Богдановская Д.Е.
(Ростов-на-Дону, ЮФУ)

СОЦИАЛЬНАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ И ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ И ПРАКТИКИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Если обратить внимание на жизнь современной молодежи, особенно людей 18-25 лет, становится очевидно: массовая культура, декларирующая ценности толерантности и глобализма, на практике порождает парадоксальный эффект. Вместо стирания границ мы наблюдаем обострение поиска идентичности через новые, зачастую более жесткие и упрощенные критерии. Ответом на ценностный вакуум и когнитивный диссонанс глобализованного мира стало создание новых социальных «племен», чья принадлежность определяется уже не сложной идеологией, а набором визуальных, биологических и поведенческих маркеров.

Языком этого нового племенного деления стала повсеместная эстетизация образа жизни. Тяжело встретить молодого человека, который не слышал бы о понятиях «clean girl», «воньенизм» или «cottagecore». Эти микро-эстетики — нечто намного большее, чем мода; это полноценные системы правил, предписывающие стиль одежды, питания, время подъема, виды деятельности и обязательный набор покупок. Они функционируют как визуальные коды, позволяющие мгновенно опознать «своего» и отсечь «чужого» по аватарке, лексикону или музыкальному вкусу. Это быстрый и простой способ самоопределения в сложном мире, где тренды сменяют друг друга по несколько раз в год.

Параллельно массовая культура навязывает глобализированный, но тотально унифицированный стандарт красоты, который стал строже. Усиление такой «стандарти-

зации» началось еще в 1990-х годах, но основной тренд пошел со второй половины 2010-х, особенно с ростом популярности K-pop. В современный стандарт теперь входит не только рост и вес, но и пропорции лица, цвет и оттенок кожи, отсутствие малейших следов жира на теле и т.д. Здоровые и естественные показатели тела стали считаться эстетическим недостатком, что привело к росту комплексов, расстройств пищевого поведения и тотальной тревожности. Этот универсальный, но недостижимый идеал становится общим языком и источником страдания для всех враждующих «племен».

Ключевым механизмом этого неотрайбализма стало сведение сложной человеческой идентичности к набору биологических и социальных ярлыков: расе, гендеру, сексуальной ориентации. Возросший интерес к толерантности, как показала практика, не объединил людей, а разделил на группы с разными правами и правилами. Право на стиль речи, использование определенных слов и символов жёстко привязывается к групповой принадлежности. Произнести N-word для белого человека предосудительно, так же, как мужчине не следует обсуждать права женщин. В итоге белый цисгендерный мужчина с семьей оказывается в одной условной социальной группе, а азиат-гей (Верховный суд РФ по требованию Минюста РФ признал экстремистским «международное общественное движение ЛГБТ)— в другой, абсолютно противоположной, и эти группы находят все меньше точек соприкосновения.

Ярчайшим проявлением этих новых правил стала яростная борьба с культурной апроприацией — заимствованием или использованием элементов одной культуры представителями другой, что трактуется как форма агрессии и угнетения. Эта практика создает жесткие, почти нерушимые границы вокруг культурных символов, одежды или даже музыкального стиля, объявляя их эксклюзивной собственностью одной группы. Истеричная реакция на подобные нарушения часто абсолютно непропорциональна самому проступку. Ярким примером стал недавний скандал с группой «Kiss of life», чьи участницы на прямом эфире использовали афро-прически, элементы одежды и фразы, присущие афроамериканской культуре. Общественная реакция была такой, будто они не участвовали в шоу, а совершили акт насилия, что привело к их мгновенной и беспощадной «отмене». Этот и подобные скандалы (как, например, критика за ношение индийского сари не-представителями этой культуры) демонстрируют, как под лозунгами защиты уязвимых групп производится все та же архаичная логика племенного деления, где любое пересечение установленных границ карается изгнанием.

В этой системе координат национализм, понимаемый как воинственно отстаивающая идеи национальной исключительности идеология, не исчез, а был адаптирован как самый удобный инструмент управления. Элиты, осознав его эффективность, используют его для консолидации групп, списания внутренних проблем на внешнего врага и манипуляции общественным мнением. Простые и эмоционально заряженные лозунги («мы против них») оказываются гораздо эффективнее сложных идеологических конструкций. Таким образом, национализм получает новую жизнь, будь то в открытой форме в странах СНГ и Азии или в закамуфлированной – в Европе и Америке.

Итогом этого процесса становится парадокс: борьба за разнообразие рискует привести к фрагментации общества на множество враждующих, или, по крайней мере, не имеющих возможности понять друг друга атомизированных микрогрупп. Политическое воображение современности работает не на преодоление границ, а на создание новых, более изощрённых форм социального исключения, где место сложной идеологии занимает простой и потому привлекательный набор ярлыков, а поиск идентичности подменяется потреблением готовых, быстро сменяющихся шаблонов.

Богин С.В.
(Москва, РУДН)

ВЛИЯНИЕ ЛЕВОГО РАДИКАЛИЗМА НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ФРАНЦИИ

Актуальность данной темы связана с наблюдаемым во Франции ростом неотроцкистских настроений и кризисом старых левых сил. Цель исследования заключается в изучении влияния, которое идеи Л.Троцкого и его последователей оказали на развитие общественно-политических отношений во Франции (формирование идеологии антикапитализма и новых неотроцкистских движений). Следует определить, какие идеи и взгляды приходит на смену устоявшимся левым идеологиям в наши дни.

Идеология мультикультурализма оказала существенное влияние на кризис левых сил во Франции. Левые активисты инициировали переосмысление сути классовой борьбы: акцентировать внимание на вопросах расовой и этнической, а не только социальной справедливости, что привело к конфликту со сторонниками традиционного понимания классовой борьбы.

Мультикультурализм привел к расколу левых сил: различные группы начали сосредотачиваться на вопросах этнической идентичности, что вызвало разногласия со сторонниками традиционных левых взглядов, затрудняя тем самым формирование единой платформы для выборов. Дискурс об этническом разнообразии вдохновил новые социальные движения, такие как американское «Black Lives Matter» и другие подобные движения за права мигрантов. Эти группы часто требуют более радикальных изменений, что вызывает напряженность при согласовании общей позиции с более умеренными левыми.

Идеи толерантности стали активно продвигаться популистскими движениями для мобилизации избирателей, убеждая их, что, выбирая другой путь, они предают европейские ценности.

Таким образом, влияние мультикультурализма на кризис левых сил во Франции проявляется в виде фрагментации, переосмысления приоритетов внутренней политики, а также в сложностях взаимодействия с новыми социальными движениями и общественным мнением.

2. Троцкисты и левые радикалы-антикапиталисты оказали существенное влияние на кризис левых сил во Франции:

2.1. Социалистическая партия, долгое время бывшая одной из ведущих политических сил во Франции, потеряла поддержку из-за неудач в управлении, особенно во время президентства Франсуа Олланда. Это привело к утрате доверия избирателей. Вместе с тем, критика троцкистами социалистической и коммунистической партий за их умеренность и «сотрудничество» с буржуазией привела к созданию множества мелких леворадикальных групп и организаций, нарушавших единство левых сил и «оттягивавших» на себя разочарованный электорат, например, «Новая антикапиталистическая партия» («Nouveau Parti Anticapitaliste»).

2.2. Левые популисты, как, например, Жан-Люк Меланшон, привлекли внимание широких слоёв населения к своим идеям, используя собственную харизматичность и подчеркивая, что они единственные борются за социальную справедливость и противостоят капитализму и неолиберализму. Вместе с этим избиратели все чаще обращают свои интерес к левым партиям, в том числе и радикальным, таким как «La France Insoumise» («Непокоренная Франция») Жана-Люка Меланшона или правым популистским партиям. Это изменение связано с недовольством традиционными левыми партиями и

их неспособностью решать актуальные проблемы.

Левые радикалы-антикапиталисты часто взаимодействуют с протестными социальными движениями, как например «желтые жилеты». Эти движения подчеркивают недовольство населения существующей экономической политикой и социальным неравенством, что в свою очередь усиливает позиции левых.

Таким образом, влияние троцкистов и левых радикалов на кризис левых сил во Франции проявляется через критику существующих левых партий и их политики, в создании сложностей для объединения левых сил, радикализации протестного движения.

Кризис традиционных левых сил во Франции будет иметь последствия. Упадок традиционных левых партий приводит к тому, что интересы определенных групп населения (например, рабочих и низкооплачиваемых работников) остаются недостаточно представленными в парламенте и на других уровнях политического представительства.

Кризис традиционных левых сил открывает пространство для роста правых партий, таких как «Национальное объединение» («Rassemblement National») и левых популистов, например, Жан-Люк Меланшон. Это может привести к более радикальным политическим решениям и радикализации общественного дискурса.

В итоге кризис левых сил во Франции создает множество вызовов как для самой политической системы, так и для общества в целом, требуя новых подходов и решений для восстановления доверия избирателей.

Божко Д.Е.
(Москва, АНО «Креативная дипломатия»)

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ: ЗНАЧИМОЕ ПАРТНЕРСТВО СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В 2025 году отмечается знаменательная дата – 100-летие российской народной дипломатии, которая отсчитывает свое начало от основания Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). Не секрет, что отечественная дипломатия обладает колоссальным опытом и наследием, однако необходимо открытие и новых направлений работы нашей общественной дипломатии. В контексте важной даты хотелось бы обратить внимание на тезис о том, что партнерство креативных индустрий и публичной дипломатии превращает культуру в стратегический ресурс, актуальный для работы с молодежью по всему миру.

Опыт (и нашей организации в том числе) показывает, что креативные индустрии – это хороший старт для начала диалога и поиска путей взаимовыгодного сотрудничества, особенно с теми странами, где внешняя политика зачастую нас «разъединяет» – например, со странами Латинской Америки.

Так, Центр «Креативная дипломатия» с 2023 года реализует программу публичной дипломатии «Hablemos con Rusia»; в 2024 году была проведена отдельная онлайн-программа, посвященная креативным индустриям и международному сотрудничеству, а также стратегическая онлайн-игра «А что, если?». Смешанные команды продумали и представили идеи совместных российско-латиноамериканских программ в области креативных индустрий, среди которых проект «Культуронавты», Фестиваль короткометражных фильмов, проект «Raices y futuro», и другие. Этот формат позволил привлечь к диалогу с Россией творческую молодежь из стран Латинской Америки, которая готова

рассказать о себе и узнать больше о нашей стране. Кроме того, в рамках проекта выпускается испаноязычный журнал «Hablemos con Rusia», один из номеров которого мы посвятили креативным индустриям России с акцентом на страны Латинской Америки.

Креативные индустрии позволяют создавать пространство для «горизонтального» общения, где молодежь выступает не объектом воздействия, а активным участником совместного творчества. Это усиливает эффективность публичной дипломатии, переводя её из монолога в диалог. Россия делает акцент на традиционной культуре (балет, классическая музыка, литература) в сочетании с современными формами (кино, геймдев, цифровое искусство). Заметные российские культурные проекты чаще институционализированы и поддерживаются государством. В свою очередь, Латинская Америка использует более «массовые» креативные индустрии — музыку, кино, танец, уличное искусство, моду, делая ставку на эмоциональную привлекательность и глобальные тренды. У России и Латинской Америки есть естественный интерес к культурам друг друга, но есть и разница в подходах, которая служит отличной базой для взаимного обучения и ресурс для взаимного обогащения.

Именно креативные индустрии, сочетающие в себе культурные традиции и современные форматы, привлекательны для молодежи и ее познания окружающего мира. Классическая публичная дипломатия, как и креативные индустрии, нацелена на молодых лидеров, которые в перспективе сформируют политические элиты своих стран и будут выстраивать гармоничные отношения с Россией. Публичная дипломатия дает структурное понимание внешнеполитического контекста, особенностей институционального развития страны-партнера, а креативные индустрии обладают необходимой гибкостью и творческой универсальностью форматов, позволяющей находить взаимопонимание между сторонами. Вызовы перед креативными индустриями и публичной дипломатией тоже во многом совпадают – прежде всего, это вопрос обучения управленцев в соответствующей отрасли, раскрытие потенциала регионов, и т.д. Таким образом, сила партнерства публичной дипломатии и креативных индустрий складывается сама собой. Актуальной задачей для нашей страны выступает создание эффективной системы для полномасштабной реализации этого потенциала и формирования позитивного международного образа России.

Болгов Р.В.
(Санкт-Петербург, Университет ИТМО, СПбГУ)

СОЦИАЛЬНАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ БИБЛИОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Данное исследование направлено на содействие лучшему пониманию литературы, посвященной социальной результативности цифровых государственных услуг, а также демонстрации возможности использования программного обеспечения, предназначенного для автоматизированной обработки информационных массивов, загружаемых из библиографических баз данных, в целях наукометрического анализа такой сложной междисциплинарной области исследований, как социальная результативность цифровых услуг. Проведен описательный анализ публикаций и авторов, чтобы определить области знаний, в которых задействована концепция социальной результативности цифровых услуг; проанализирована концептуальная структура исследовательской области с помощью инструментов библиометрии, что позволяет создать карту важнейших изучаемых тем. На этом

основании автором предлагаются будущие направления исследований.

Библиометрическое исследование состояло из пяти этапов (дизайн исследования, сбор данных, анализ данных, визуализация данных и интерпретация). Для решения данных задач была проанализирована база данных публикаций Scopus (на английском языке). В Scopus поиск касался только научных статей и велся по заголовку, аннотации и ключевым словам. Всего было найдено 997 публикаций за период с 1996 по 2025 г. с использованием следующего запроса:

TITLE-ABS-KEY(("electronic service" OR "e-service" OR "digital service" OR "digital public service" OR "urban digital service" OR "digital government service" OR "e-government service" OR "digital ecosystem") AND ("social impact" OR "social effect" OR "social result" OR "social outcome" OR "social influence" OR "user satisfaction" OR "as a factor" OR "as a driver" OR "social indicator" OR "social effectiveness" OR "social performance" OR "social capital" OR "public value" OR "public trust" OR "citizen empowerment" OR "collective action" OR "social inclusion" OR "social cohesion" OR "government transparency" OR "citizen feedback"))

Исследование было выполнено с использованием функционала Mendeley для просмотра заголовков и отбора публикаций, а также Biblioshiny для выполнения библиометрических операций (например, расчет основных библиометрических показателей, таких как наиболее продуктивные авторы, сетевой анализ совместных появлений) и визуализации данных.

Согласно полученным результатам, доминирующей областью знаний здесь являются социальные науки. Следующие области – компьютерные науки и гуманитарные науки и искусства – отстают от социальных наук по количеству статей в несколько раз. Стоит отметить, что рост публикаций, начавшийся в 2000-х гг., в последние годы резко усилился (более 100 публикаций в год). Издания (в терминах Scopus “источники”), где больше всего выходит статей в данной области, являются ACM International Conference Proceedings Series, Lecture Notes in Computer Science и Lecture Notes in Networks and Systems (издательство Springer), Government Information Quarterly, Sustainability (Switzerland), Electronic Government. Из организаций, лидирующих по количеству публикаций в данной области, стоит отметить Университет Бина Нусантара (Индонезия), Лондонский университет Брунея, Нанкинский университет, Катарский университет, Мельбурнский королевский технологический университет, Университет науки и Университет Утара (Малайзия) и др., однако ярко выраженного лидера здесь нет. Явного лидера нет также среди публикующихся по данной теме авторов: Weerakkody V. (9 статей), Lee H. (7), Deng H., Irani Z., Karunasena K., Mensah IK (по 6), Kumar R. (5). Наиболее представлены такие страны, как Китай (около 60 статей), Индонезия, США (около 40), а также Великобритания, Малайзия и Индия.

Таким образом, можно сделать вывод, что данная область исследований еще не достигла некоторой точки, за которой наступает «зрелость». Количество публикаций растет в последние 3-4 года быстрыми темпами. Несмотря на то, что по-прежнему публикации в сборниках конференций превалируют, их доля постепенно уменьшается (за счет роста числа публикаций в журналах), что говорит о повышении качества исследований. Однако пока что не появляются специализированные журналы по данной тематике.

Данный этап исследования показал, что существуют значительные пробелы в сфере изучения факторов удовлетворенности цифровыми услугами. Их изучение сталкивается с такими проблемами, как отсутствие общепринятого определения удовлетворенности цифровыми услугами, сложность количественной оценки факторов. Зачастую сложно понять, что является причиной/фактором, а что следствием/эффектом удовлетворенности. Разные авторы демонстрируют, что одно и то же явление (например, качество электронного участия) может быть и фактором (Bolgov & Filatova), и эффектом удов-

летворенности цифровыми услугами (Kumar & Vragov). Однако эти эффекты не всегда позитивны, и ряд работ демонстрирует его негативные последствия, например, снижение качества электронного участия. По-прежнему неясно, может ли (не)удовлетворенность цифровыми услугами влиять на государственные институты и политические практики.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» (https://rscf.ru/project/23-18-20079/).

Большаков С.Н.
(Москва, РГСУ)

ПАРАДИГМА МЕТАУПРАВЛЕНИЯ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ

Неолиберальная глобализация передала многие государственные функции частному сектору. Это создало взаимозависимость: сегодня для решения общественных проблем недостаточно только государственных организаций, необходимы и другие участники. В ответ практически во всех политических сферах сложились сети – форматы устойчивого сотрудничества государства и бизнеса. Ключевым моментом является то, что частные организации, вовлеченные в управление этими сетями на постоянной основе, не просто исполняют политические решения, но и участвуют в их выработке, напрямую влияя на государственную политику и ее реализацию.

Сети представляют собой значимый компонент общей трансформации от government к governance, в рамках которой государства вынуждены осваивать новые управленческие инструменты. Данный процесс ставит перед политиками и администраторами новые проблемы, связанные с реализацией госполитики в условиях неиерархических и неформальных структур.

Эмпирические данные о пользе сетевого взаимодействия указывают на его преимущества и инновационный потенциал в решении сложных вопросов. Функционируя как площадки для дискуссий и поиска решений, сети, благодаря участию непубличных акторов, способствуют плюрализации процесса. Представление о сетях как о горизонтальных структурах взаимозависимых акторов подчеркивает их плюралистическую суть и коллективный характер управления разработкой и реализацией политики.

Учитывая сложность современных вызовов, сети все чаще представляются не только необходимым, но и предпочтительным инструментом политического управления. Они открывают новые возможности для включения частных акторов в управленческие процессы, способствуя децентрализации власти. Таким образом, сетевое управление приобретает статус гибкого и эффективного решения, противопоставляясь government с его имиджем жесткой, неэффективной и неповоротливой структуры. Сети управления расцениваются как механизм, способный консолидировать влиятельных участников и обеспечить более сбалансированную реализацию политики. Этому способствуют их характерные черты: неформальность, примат договорных отношений над законодательными, ориентация на консенсус, дискуссию, общие интересы и пул ресурсов.

Тем не менее, значительная автономия сетей от государства и их саморегулируемый характер затрудняют контроль и чреваты существенными проблемами координации между участниками, что напрямую сказывается на реализации государственной по-

литики.

Управленческая деятельность в условиях сложности сетей требует решения как политических вопросов, так и задач, порождаемых их неформальной и новой институциональной структурой. Фундаментальный вопрос заключается в следующем: если акторам не удается наладить сотрудничество по конкретным вопросам, то каким образом возможно достижение консенсуса относительно организации самого этого сотрудничества? Эмпирические данные указывают, что консенсус по коллективным действиям в некоторых контекстах (определяемых позициями акторов, институциональными правилами и социальным капиталом) возникает спонтанно, а в других – требует внешнего стимулирования.

Важным теоретическим развитием в изучении сетей стала концепция метауправления. Этот подход идентифицирует дефицит демократии и проблемы координации в сетях как существенные вызовы, стоящие перед политиками, избранными представителями и высшими администраторами. Признавая при этом сети необходимой и желательной характеристикой современного управления, чей потенциал для улучшения публичного администрирования реализуется при грамотном управлении, метауправление предлагает перспективу восстановления контроля над государственной политикой и сетевыми взаимодействиями посредством стратегической калибровки инструментов метауровня.

Освоение практик метауправления, как утверждается, дает государственным управленцам и демократически избранным лицам инструменты для эффективного контроля над сетевыми структурами в интересах общества. Сети, гармонично встроенные в систему демократических институтов, могут не только улучшать политические решения, но и повышать легитимность как самих сетей, так и традиционных институтов демократии.

Подход метауправления представляется перспективным для усиления способности политиков и администраторов направлять сети на предоставление общественных благ. Поскольку сети стали неотъемлемой частью политического ландшафта, их нельзя игнорировать, а парадигма метауправления предлагает стратегии преодоления связанных с ними проблем.

Метауправление не ограничивается ролью аналитической рамки для описания и изучения взаимодействия фрагментированных государственных структур и сетевых администраций. Оно также является нормативной концепцией, обосновывающей достоинства сетей и возможность повышения публичного и демократического контроля над их саморегулируемым характером. Важнейший компонент метауправления – разработка рекомендаций для политиков и менеджеров по управлению публичной политикой.

Большаков А.Г.
(Казань, КФУ)

БРИКС КАК СУБЪЕКТ НОВОГО МИРОПОРЯДКА: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Казанский саммит БРИКС 2024 года способствовал институционализации данного объединения государств, однако, вопреки многочисленным прогнозам не превратил его в международную организацию. При этом количество стран членов-БРИКС в разных статусах значительно увеличилось. Существует и определенная когорта госу-

дарств, которая ведет переговоры о вступлении в БРИКС, заявляет о своих намерениях или осуществляет их в конечном итоге. Это страны, относящиеся к БРИКС+. Уже после казанского саммита благодаря усилиям, прежде всего, Бразилии, членство в БРИКС получила Индонезия.

Представляется, что на БРИКС было возложено много надежд, которые пока себя не оправдали, поскольку данное объединение стало рассматриваться как альтернатива институтам старого миропорядка (ООН, МВФ, ВБ, ВТО и др.). Однако ничего подобного БРИКС и стоящие за ним государства осуществлять не собирались. Более того, казанская декларация зафиксировала высокое уважение со стороны саммита БРИКС к традиционным мировым институциям.

Множество разочарований вызвало и отсутствие попыток миротворчества БРИКС в конфликтах между Индией и Пакистаном, Израилем и Ираном, Камбоджей и Таиландом. Подобные упреки неправомерны, поскольку специальных миротворческих структур БРИКС не создавал, поэтому страны-участники в основном опирались на собственные возможности и потенциал ООН, ОБСЕ, ШОС. В этой связи подобные вопросы корректней отнести к такой международной организации, как ШОС, которая могла проявить активность в урегулировании вышеприведенных и других конфликтов.

БРИКС, на мой взгляд, в ближайшие годы приобретет необходимую институционализацию, при этом ряд проектов будет осуществляться странами данного объединения на национальном (государственном) уровне. Тем самым, БРИКС будет уходить от прямого противодействия коллективному Западу, избегать деструктивных конфликтов и войн. Научным сообществом, на мой взгляд, недооценен тот факт, что БРИКС является институцией нового мирового порядка, а потому решать вопросы традиционными дипломатическими средствами и, тем более, силовыми методами не будет.

Главные движущие силы БРИКС – это Россия и Китай – полностью осознают, что решающий удар по старому миропорядку будет не военным, а геоэкономическим. Публичная позиция России, которую обозначил министр иностранных дел РФ Сергей Лавров на XVII саммите БРИКС в Рио-де-Жанейро, содержала два смысловых посыла по генезису многополярного мира.

Во-первых, многополярность – это закономерный этап в эволюции международных отношений. Неолиберализм и неоколониализм устарели и уходят в прошлое. Эти мировоззренческие принципы оказались нежизнеспособными в ситуации с вызовами нового времени: пандемия, незаконные односторонние санкции, рост государственного долга в развивающихся и развитых странах.

Во-вторых, БРИКС использует реформирование и деполитизацию имеющихся наднациональных институтов. Прежние механизмы в виде МВФ, ВБ, ВТО, еще находятся в рабочем состоянии, но они могут быть использованы как инструмент дискриминации и санкционного давления, чем злоупотребляет коллективный Запад.

БРИКС надеется и верит в мир: участники саммита приняли общую декларацию. Страны БРИКС осудили недавние атаки на российские железные дороги и мосты в Курской, Брянской, Воронежской областях; выразили надежду, что нынешние усилия по Украине приведут к устойчивому мирному урегулированию; призвали СБ ООН заняться вопросом обеспечения ядерной безопасности в условиях военных конфликтов; осудили односторонние экономические санкции, в том числе вторичные; сообщили о готовности сотрудничать с ООН по вопросам миротворчества и предотвращения вооруженных конфликтов.

БРИКС вряд ли сможет в ближайшие годы приобрести статус международной организации. У данного государственного объединения вряд ли появится устав и аппарат управления. БРИКС рассматривается президентом США Д. Трампом, как враждебная организация, которая выступает против американского доллара и мировой гегемонии.

Но многие недостатки БРИКС смогут стать его достоинствами уже через несколько лет после трансформации системы международных отношений.

Многие эксперты высоко оценивают саммит БРИКС, прошедший в Бразилии в этом году. Они обращают внимание на итоговую декларацию данного саммита, которая описывает три стратегических тенденции современного миропорядка: инновационные тенденции в экономике и финансах; формирование новой системы глобальной безопасности; взаимное уважение различных стран мира. По мнению западных аналитиков, объединение хочет покончить с западным лидерством и предоставить больше влияния России, Китаю и Ирану. Страны БРИКС так же подтвердили переговоры о новом механизме гарантий для контролируемого БРИКС Нового банка развития, который, как они надеются, сократит траты и увеличит инвестиции в развивающиеся страны.

Бориско О.А.
(Краснодар, КубГУ)

СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ КАК ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ

Сельская проблематика в течение длительного времени находилась в отечественной политологии на периферии исследовательских интересов. Сегодня местные сельские сообщества оказались в фокусе внимания политики развития. Однако субъекты развития сельских территорий сегодня не формируют у молодежи образ будущего села, включающий представления об инфраструктуре, повестке, мероприятиях, рынке труда. Необходимо понимать, какие характеристики идеального образа села будут интересны для молодежи, чтобы молодые люди, получив образование, возвращались на село. Меры материального и нематериального характера по превращению села в комфортное для жизни и развития пространство должны дополнить и нивелировать недостатки уже используемых государством мер материального стимулирования.

Теоретическая модель исследования строится с учетом возможностей интеграции социокультурного и психологического подходов к исследованию политической реальности и субъективного пространства личности молодого человека. Социокультурный подход акцентирует внимание на связи ценностно-субъективных аспектов макро– и микроуровня политики и особенностей поведения индивидов, групп и сообществ. Психологи внесли существенный вклад в понимание механизмов формирования образа будущего индивида. Образ будущего ориентируется на систему ценностей и комплекс переживаний индивида в настоящем (Зинченко, 2014). Также в качестве теоретических оснований важны концепция жизненного пространство личности (Кондратова, 2009) и гуманистическая концепция молодежи (Ильинский, 2001).

Проведенное в 2024-2025 гг. исследование особенностей восприятия молодежью современного российского села, определения перспективных траекторий развития сельских территорий в представлениях молодежи методами проективного рисунка и интервьюирования позволило выделить три основные модели сельских территорий будущего в представлениях молодежи: «Традиционное село»; «Экологическое село», «Урбанистическое село».

Модель «Традиционное село» предполагает изображение устаревшей, деградирующей инфраструктуры, отсутствие людей на рисунках, а если люди и появляются, это может быть, например, бабушка с пирожками на первом плане как символ чего-то далекого и доброго.

Модель «Экологическое село» отличается преобладанием на рисунках природных объектов (гор, рек, озер, лесов, лугов и т.д.), а также животных. Построенные человеком объекты инфраструктуры чаще всего оказываются на периферии. Комментарии к таким рисункам отражают преимущества сельской жизни с точки зрения ее близости с природой: «Село – место уединения, покоя, душевного спокойствия».

Модель «Урбанистическое село». На рисунках, которые мы отнесли к этой модели, молодые люди изображают на первом плане различные блага цивилизации, например, хорошие широкие дороги, автомобили, школы и поликлиники, многоквартирные дома. Роботы, убирающие сено на поле, могут соседствовать на рисунке с пунктами выдачи известных маркетплейсов. На рисунках, относящихся к этой модели, изображенные многоэтажные дома могут заполнять все пространство листа, не оставляя места атрибутам, традиционно относящимся к сельским территориям. Если одноэтажные дома и пасущиеся животные и появляются на рисунке, то дорога, изображенная на переднем плане, ведет к высотным домам, которые заполняют все пространство верхней части рисунка, заслоняя собой церковь, неорганично вписанную в уже несельский интерьер.

Примечательно, что молодые люди на рисунках очень редко изображают людей, подтверждая пессимистичный взгляд на привлекательность сельских территорий как жизненного пространства в представлениях современной молодежи. Этот факт требует от субъектов политики развития сельских территорий тщательной проработки механизмов проектирования будущего села как комфортного пространства для жизни и работы.

Как показывает пилотное исследование, молодежь не рассматривает село в качестве привлекательного пространства для жизни и работы, по крайней мере, в ближайшей перспективе, отмечая, однако, что село как жизненное пространство имеет ряд преимуществ перед городом, выражающихся в комфорте пребывания, возможности спокойно работать и проводить досуг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности», https://rscf.ru/project/24-18-20079/

Борисов А.В.
(Москва, Дипломатическая академия МИД России)

КРИЗИС ГЛОБАЛЬНОГО ГУМАНИТАРИЗМА И ПОЗИЦИЯ РОССИИ

Глобальная гуманитарная система, сложившегося после окончания Холодной войны, находится в глубоком кризисе. Сокращение финансирования гуманитарных организаций и фондов, в том числе входящих в систему ООН, при одновременном росте операционных и логистических издержек, обусловленном расколом казавшегося глобальным мира, ставит под вопрос возможность и необходимость существования глобальной гуманитарной системы в том виде, в котором она была создана в 1991 г. Профессиональные гуманитарии, в лице директоров гуманитарных агентств ООН, глобальных гуманитарных НПО и председателей благотворительных фондов заявляют на профильных форумах о нарастающей угрозе для человечества, росте количества жертв стихийных бедствий, войн, техногенных и антропогенных катастроф. Доноры, в свою

очередь, указывают на неэффективность сложившейся гуманитарной системы, заявляя о «... корыстной и политизированной индустрии помощи агентств ООН, международных неправительственных организаций (НПО) и коммерческих подрядчиков» (Mandate for Leadership 2025: The Conservative Promise).

Все дело в том, что гуманитарная система ООН никогда не преследовала цель – оказание помощи нуждающимся. Предложение о создании координационного гуманитарного механизма прозвучало на Саммите G7 в Лондоне летом 1991 г., там же был разработан проект резолюции Генеральной Ассамблеи 46/182 «Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций», определяющей параметры гуманитарной системы. Принятию вышеуказанной резолюции предшествовала широкая дискуссия, которую спровоцировали страны так называемого «глобального Юга», опасавшиеся, что «предлагаемая резолюция узаконит иностранные интервенции под гуманитарным предлогом» (Coordination to Save Lives: History and Emerging Challenges). Как показало время, опасения не были напрасными. Гуманитарная помощь, оказываемая посредством ООН и аффилированных организаций, представлялась наилучшим вариантом вмешательства, позволяя представителям «глобального Севера» вмешиваться в дела «глобального Юга», избегая обвинений в новом империализме. Подобная маскировка вмешательства не нова и проистекает из империалистического опыта государств «коллективного Запада», каковой и был отмечен в начале XX века Дж. Гоббсоном: «вмешательство в дела низшей расы прежде всего должно обеспечивать безопасность и прогресс мировой цивилизации, а не интересы вмешивающейся нации» (Гоббсон Дж. Империализм. М., 2021) История сделала круг.

Возникновение института гуманитарной помощи было обусловлено потребностями стран-победителей, но это вовсе не означает, что данный институт служит лишь их интересам. Ни один институт не является беспристрастным органом. Правила, которые управляют социальными группами, неизменно благоприятствуют интересам одних людей или группировок больше, чем интересам других. Поэтому очень важно, кто пишет, интерпретирует и обеспечивает соблюдение правил. Разработка и администрирование правил было поручено ООН. Делегирование ООН права создавать и имплементировать нормы, привело к передаче рычагов управления неподотчетной международной бюрократии. Институт гуманитарной помощи, созданный как инструмент, обеспечивающий легитимное вмешательство «коллективного Запада» в дела «глобального Юга», перестает выполнять инструментальную роль. Сокращение гуманитарных бюджетов донорами, перераспределение средств в пользу масштабных проектов в сфере содействия международному развитию, рост прямого финансирования местных сообществ, организаций и структур гражданского общества – реакция на неэффективность гуманитарной системы ООН.

Заставит ли это гуманитарную систему измениться или же все ограничится очередной имитацией реформ, как это предполагают некоторые эксперты? Сегодня трудно ответить на этот вопрос. Но уже сейчас раздаются голоса, настаивающие на радикальной и действенной реформе гуманитаризма по версии ООН. Однако Россия не участвует в обсуждении будущей архитектуры глобальной гуманитарной системы. Возможно пора перестать рассматривать гуманитарную помощь лишь как способ оказания помощи пострадавшим в надежде заслужить благодарность получателей. Гуманитарная помощь – инструмент трансграничного влияния, способ легитимации внешнеполитических действий государств, инструмент формирования новых рынков и новых субъектов мировой политики. Гуманитарная система ООН, порожденная либеральной иллюзией, уходит в прошлое под давлением новых реалий. Необходимо предложить действенную альтернативу умирающему институту, альтернативу, учитывающую интересы России.

Борисов Н.А.
(Москва, РГГУ)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕТРАДИЦИОНАЛИЗАЦИИ: ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Феномен конституционной и шире – правовой – ретрадиционализации в современных государствах с недавних пор становится предметом внимания исследователей. Заметно повышение интереса политических элит к традиционным ценностям как инструменту легитимации политических режимов. Это характерно, в частности, как для государств постсоветского пространства, так и для ряда стран Восточной Европы (См.: *Медушевский А.Н.* Конституционная ретрадиционализация в Восточной Европе и России // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1. С. 13–32). При этом речь идет не только о возрождении некоторых политических традиций, но и об их закреплении в правовых актах, в том числе в конституциях.

За последние пять лет в ряде государств постсоветского пространства приняты нормативно-правовые акты, закрепляющие некоторые традиционные институты и ценности.

Беларусь стала первым постсоветским государством, официально закрепившим традиционные ценности и учредившим учебный курс «Основы идеологии белорусского государства» в качестве обязательной дисциплины высшего образования. Были определены традиционные ценности белорусского народа: гуманизм, демократизм, свободолюбие, патриотизм, идеалы социального равенства и справедливости.

В 2025 г. такая политика получила продолжение в виде подписанной президентом Беларуси Директивы № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства», в которой утверждены концептуальные основы идеологии белорусского государства и поставлены задачи ее пропаганды. В частности, социальный компонент идеологии белорусского государства определяется утверждением в обществе традиционных духовных ценностей. Тем самым закрепление традиционных ценностей Беларуси вышло на новый нормативно-правовой уровень.

В Кыргызстане президентом С. Жапаровым в 2021 г. утверждена Концепция о духовно-нравственном развитии и физическом воспитании личности, в соответствии с которой государство уделяет особое внимание приобщению граждан к традиционным духовно-нравственным ценностям и вековым традициям. В Указе Президента Кыргызстана 2022 г. «О национальной традиции» отмечается, что «главной и надежной опорой кыргызского народа... являются законы национальной традиции».

В Указе Президента России от 9 ноября 2022 г. дано определение традиционных ценностей как нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны. К таким ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

В Концепции культурной политики Республики Казахстан на 2023–2029 гг. отмечается, что традиционные нравственные ценности, гражданская ответственность и пат-

риотизм «формируются посредством освоения исторического и культурного наследия полиэтничного казахстанского общества, мировой культуры».

В 2024 г. к понятию традиционных ценностей и их закреплению обратились в Грузии. Парламентом был принят пакет из 19 законопроектов, важнейшим из которых стал закон «О семейных ценностях и защите несовершеннолетних», направленный на запрет однополых браков и пропаганду нетрадиционных семейных и половых отношений.

Особое место в процессе ретрадиционализации занимает учреждение надпарламентских представительных органов власти, которые являются воплощением традиций «соборности» в отношениях между государством и обществом и получают значительные конституционные полномочия. Такие органы уже учреждены в Беларуси, Кыргызстане, Туркменистане. Их председателями всегда являются президенты государств, которые, исходя из документов и сложившейся практики, становятся главными «хранителями» и трансляторами традиционных духовно-нравственных ценностей, что призвано повысить легитимность лидеров.

Таким образом, обращение к традиционным ценностям в политико-правовом измерении нужно рассматривать с точки зрения решения задач по повышении легитимности режимов и расширения полномочий глав государств, а также в контексте опасений утраты национальной идентичности в связи с интеграционными процессами. Проблема заключается в том, что в большинстве документов не раскрывается понятие традиционных ценностей и почти не затрагивается проблема внедрения таких ценностей (механизмы, субъекты, критерии эффективности внедрения и пр.). Еще одной проблемой является вопрос о соотношении в ряде государств моделей демократизации, пророссийской/прозападной ориентации, с одной стороны, и усиления неотрадиционализма, с другой, что может привести к формированию противоречивой и неустойчивой модели легитимности. Изучение этих процессов необходимо продолжать в сравнительной перспективе.

Борисова Н.В.
(Пермь, ПГНИУ, ПФИЦ УрО РАН)

УГРОЗА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ И (НЕ)УСПЕХ РЕФОРМ-УСТУПОК: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И АГЕНТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Почему политико-территориальные конфликты усиливаются, и угроза территориальной целостности государства возрастает даже при реализации институциональных реформ, учитывающих требования этнических движений за самоопределение (ДС)? Анализ 183 движений за самоопределение в 82 странах мира за период с 1991 по 2020 гг. позволяет выделить две модели реакции государств: реформы-рестрикции и реформы-уступки. Вторые снижают угрозу сецессии. Однако выявлено 18 примеров реформ-уступок, сопровождавшихся эскалацией конфликта, из которых три – без подавления ДС (Конституционная хартия Сербии и Черногории 2002, языковые законы Северной Македонии 2008–2011, создание администрации Горкхаленда в Индии 2011). Эти реформы не только не предотвратили обострение конфликта, но способствовали усилению угрозы сецессии. Обзор литературы подтверждает, что уровень конфликтности и характер политико-институционального ответа обусловлены, как

правило, структурными факторами – размером этнической группы, её пространственной концентрацией и степенью сегрегации (Toft, 2003; Horowitz, 2007; Liu, 2017; Borisova, 2019). Вместе с тем, при схожих структурных условиях успех реформ-уступок зависит от политико-исторического контекста конфликта, стратегий взаимодействия между ДС и правительством, а также политико-институциональной организации (Панов, 2025).

На основе бинарного сравнительного анализа схожих по своим структурным характеристикам четырёх кейсов (Черногория vs Сербия и Фриулия-Венеция-Джулия vs Италия; албанское меньшинство vs Северная Македония и венгерское меньшинство vs Словакия) проверяется роль политико-исторического контекста, политико-институциональных условий, межэлитных отношений и стратегий кооптации в (не)успехе реформ-уступок. Исследование показывает, что реформы-уступки не гарантируют снижение угрозы территориальной целостности в случае отсутствия согласованности внутри ДС. Практики кооптации и регионализованная партийная система усиливают фрагментацию ДС. Наконец, внешняя поддержка «родственных» государств и международное давление могут усиливать конфликт. Эффективные реформы требуют синергии институциональных изменений и включающих стратегий с долгосрочным участием элит, что способствует снижению конфликтности и укреплению территориальной целостности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, https://rscf.ru/project/23-18-00530/ (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Боришполец К.П.
(Москва, МГИМО МИД России)

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ: ОСОБЕННОСТИ ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА

Интеграционное сотрудничество России и Беларуси стало важным явлением мировой политики первой четверти XXI века. На этапе 2024-2025 г. субъектность СГРБ все больше укрепляется не только на основе интеграционного сотрудничества в сфере безопасности и экономики, но и сближения реалий повседневного бытия двух братских суверенных народов.

Характерным в развитии социокультурного измерения СГРБ сегодня является:

Во-первых, углубление системного институционального сотрудничества структур, обеспечивающих нормативные форматы двустороннего взаимодействия на социальном направлении (Генпрокуратуры, СК, МВД). Регулярно происходит взаимное ознакомление с опытом борьбы с криминалом, терроризмом и экстремизмом, а также правового сопровождения предпринимательства, совместное определение задач в борьбе с киберпреступностью. Другими словами, происходит последовательное укрепление внутренней безопасности социального пространства СГРБ.

Во-вторых, продолжается линия двусторонних рабочих контактов между пред-

приятиями и учреждениями двух стран. Это не только характеризует успехи экономического сотрудничества, но и создает новые социокультурные связи на уровне гражданского общества. В указанном тренде находится также деятельность профессиональных союзов в РФ и РБ. Кроме того, в 2024/25 г. выросло число участников прямых партнерских связей между структурами России и Беларуси, причем в стратегически важных для научно-технического прогресса областях, в общественных системах России и Беларуси формируется содружество научных кадров высочайшей квалификации.

В-третьих, активно развивается кластер гуманитарного взаимодействия. В идейном плане он ориентирован на утверждение общих исторических и духовно-нравственных ценностей, патриотического воспитания молодого поколения. Конструктивную роль играют представители Православной церкви, повышенное внимание к молодежной среде, значительно расширившееся в 2024/25 г. сотрудничество в сфере высшего образования, массовость туристических потоков, а также активная популяризация традиционного народного творчества братских славянских народов. Все это наполняет актуальными смыслами общие цивилизационные основы социокультурного развития СГРБ. Результативность кластера гуманитарного взаимодействия членов СГРБ сегодня значительно усиливается, как на основе углубления традиционных форматов реализации, так и ряда новых начинаний, которые входят в текущую практику.

В-четвертых, сотрудничество на уровне регионов. Региональные связи СГРБ давно являются безусловной несущей конструкцией интеграционного развития. Но в настоящее время их значимость усиливается. Прежде всего, они стали более интенсивными и диверсифицированными, укрепилась нормативная база их функционирования. Значительно укрепились связи белорусской стороны с российскими регионами, входящими в нефтедобывающий территориальный кластер, сельскохозяйственными регионами, регионами Сибири и Приморского края, началось прямое сотрудничество с республиками Северного Кавказа. Знаковыми событиями стали: работа XII Форума регионов Беларуси и России (Нижний Новгород, июнь 2025), Первая научно-практической конференции по вопросам социально-экономического развития регионов Беларуси, России и Китая (Гродно, май 2025).

Региональные аспекты выступают в числе важнейших ресурсов интеграционного развития в социокультурной сфере СГРБ, в том числе, и в международной проекции.

В– пятых, информационная поддержка интеграционного, развития СГРБ. Основная роль в этом плане с 2025 г. принадлежит Медиакомпании Союзного государства. Хочется выразить надежду, что благодаря ее работе, рубрика новостей СГ о социокультурных событиях станет обязательной в официальной вещательной повестке.

Таким образом, на текущем этапе (2024–2025) продвижение социокультурного строительства СГРБ приобрело стабильный системный характер. От стратегии согласованных шагов по различным профильным направлениям налицо одновременное ускорение продвижения на всех направлениях формирования гуманитарной субъектности СГРБ.

Потенциал уставного официального целеполагания социокультурной составляющей интеграционного процесса СГРБ на этапе 2024 – 2025 г. органично дополняется субъективными факторами саморазвития, которые будут усиливаться в 2026 году.

Боронин А.Р.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

К ВОПРОСУ О ВЫЯВЛЕНИИ СТРУКТУРНОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XIV-XXI ВЕКОВ

По итогам проведенного большого историко-политического исследования отечественной интеллектуальной традиции была предложена структурная модель «державности» как сложного многосоставного идейно-политического концепта. Результаты количественного анализа были получены при исследовании материалов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), всего было проанализировано 4960 текстов, 13594 употребления (эмпирической базой анализа стали тексты старорусского и основного корпуса внутри НКРЯ). Через нейросетевой анализ НКРЯ были найдены ближайшие семантические ассоциаты термина «держава» для XIV-XXI вв., что позволило выявить для него категории с наибольшим показателем схожести контекста употребления. Как итог, были получены понятия, чьи смысловые функции максимально приближались к термину «держава» в определенный исторический период, благодаря чему стало возможно определение *основных значений и структурных элементов феномена державности*. Каждый из ассоциатов имеет процент контекстуальной «схожести» с ключевым словом («держава»), что позволило ранжировать ассоциаты из каждого периода при приведении их в общий список. Затем данные ассоциаты были разделены на смысловые блоки, отражающие конкретные стороны понятия «державность». В результате получились следующие группы с указанием включенных в них ассоциатов и средним для этих ассоциатов процентом контекстуальной схожести по отношению к термину «державность»:

Государство (70,98%): царствие, империя, королевство, государство, княжество, республика, монархия, федерация, страна.

Доминирование (69,54%): господство, сверхдержава, владычество.

Смыслы (65,9%): коалиция, славянин, буржуазия, империализм, магнат, Православие, империалист.

Достояние (64,25%): владение, достояние.

Власть (63,18%): монарх, лидер, власти, правление, правитель, правительство.

Единение (61,77%): племя, нация, цивилизация.

Военная сила (61,54%): полководец, военщина, интервенция, завоевание, завоеватель.

Приведенные ассоциаты являются в определенной степени коннотациями к понятию «держава», актуальными в разные исторические периоды, из-за чего среди полученных ассоциатов можно найти достаточно негативно окрашенные понятия. Тем не менее представляется возможным предложить следующую итоговую структуру понятия «державность», основанную на приведенных количественных данных и качественном анализе взаимосвязи выявленных ассоциатов.

Первичными элементами державности являются смыслы, достояние и власть. Смыслы включают в себя преобладающие исторические формы российского сознания, выраженного в религиозных идеях и философских концепциях. Например, в эту категорию попадают политико-эсхатологические концепции XVI-XVII вв., увлечение доктринами Просвещения в XVIII в., затем панславизм и борьба за освобождение православных народов и др. Отдельно для советской государственности следует отметить марксизм. Достояние как элемент державности содержит в себе все произведения духовной и мате-

риальной культуры, а также природные ресурсы, что в совокупности способствует гордости за народ и землю, объединенных одной державой. Власть – это ключевой субъект сохранения и упрочения державного статуса, распоряжающийся достоянием и устанавливающий смыслы. От эффективности власти зависит объективный потенциал государства оказывать влияние на международную политику и субъективное ощущение державности среди населения.

При взаимодействии первичных элементов державности проявляются ее *производные составляющие*: государство с военной силой, доминирование и единение. Государство в этом отношении является воплощенной идеей о том, как распорядиться имеющимися ресурсами, поскольку в качестве производного элемента державности оно появляется из соединения смыслов и достояния. Военная сила прилагается к государству для защиты и укрепления державного статуса. Доминирование становится результатом материальных и духовных возможностей государства (достояние) для первенства и политической воли к тому (власть). При этом под доминированием понимается не только военное превосходство, но и достижения в науке, экономике, спорте и т.д. Единение образуется из консолидирующей деятельности верховной власти (власть) через формирование в населении общего идейно-смыслового поля (смыслы).

Таким образом, в структурном отношении понятие «державность», как во внешнем своем выражении (воздействие на международную политику), так и во внутреннем (характер восприятия государственности населением) характеризует государство, объединенное властью вокруг общих смыслов и достояния, обладающее военной силой, эффективно реализующее свой потенциал для доминирования и укрепления своего державного статуса.

Исследование подготовлено в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2025-0003, "Державность: понятие, структура, функции. Историко-политическое исследование").

Бочаров Ю.Б.
(Израиль. Институт исследования информационных войн)

СЕТЕВАЯ АВТОКРАТИЯ КАК НОВАЯ ФОРМАЦИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЛИТИЙ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РАЗРАБОТАННОГО ИНДЕКСА GASI

В исследованиях развития постдемократических режимов Ближнего Востока было выявлено появление новой политической формации — сетевой автократии. В отличие от классических автократических моделей, основанных на вертикали власти, сетевая автократия использует цифровую инфраструктуру, алгоритмический контроль и ресурсные ренты для поддержания устойчивости. Такая формация сочетает черты демократии и авторитаризма, но её ключевым элементом становится цифровая и алгоритмическая зависимость граждан от государства.

При этом в сетевой автократии распределение экономических, социальных и символических благ осуществляется через фильтр политической лояльности: лояльность по-

купается за счёт предоставляемых государством ресурсов, или, наоборот, доступ к благам ограничивается в зависимости от степени лояльности.

Эмпирический анализ показал, что такая модель не хаотична: её развитие поддаётся прогнозированию. Это обосновывает необходимость количественной операционализации. Существующие индексы (V-Dem, Freedom House* (признана нежелательной организацией в РФ), EIU) фиксируют уровень демократичности и авторитарности, но не отражают сетевых переходов. Для восполнения этого пробела был разработан индекс GASI (Gas-Algorithmic Sovereignty Index), который позволяет зафиксировать степень перехода к сетевой автократии.

Методология

Исследование основывается на принципах междисциплинарного анализа, объединяющего подходы политической социологии, сравнительной политологии, цифровых исследований и теории режимов. Методология направлена на формализацию скрытых переходов от процедурной демократии к сетевым формам авторитарной стабильности через разработку количественного индекса.

В качестве ключевого инструмента в работе предложен индекс GASI, разработанный для количественной оценки степени перехода политического режима к сетевой автократии.

Структура индекса GASI

Индекс рассчитывается по формуле: **GASI = 0.4 × RENTA + 0.35 × DIGITAL + 0.25 × ALGO** , где:

- **RENTA** — доля энергоренты (или иной ресурсной ренты) в структуре ВВП страны (в процентах). Учитываются нефть, газ, полезные ископаемые, вода, зелёные облигации. Значение нормализуется в шкале от 0 до 1. Источник: данные Всемирного банка.
- **DIGITAL** — уровень охвата населения национальной цифровой платформой: ID-системы, госуслуги, суперприложения, платёжные экосистемы. Расчёт основан на данных ITU, GSMA, национальных платформ. Значение нормализуется (0–1). Порог: цифровой охват более 60 % взрослого населения.
- **ALGO** — бинарный показатель наличия алгоритмически реализуемых механизмов управления доступом к политическим, экономическим или социальным благам (1 — зафиксировано, 0 — отсутствует).

Обоснование весовых коэффициентов

Весовые коэффициенты (0.4 / 0.35 / 0.25) были апробированы на выборке из 52 стран с различной фазой политической трансформации. По итогам глобальной валидации (n = 195 стран) данная конфигурация продемонстрировала высокую устойчивость и корреляцию с независимыми политологическими индексами (V-Dem, Freedom House*, EIU). Это позволяет утверждать, что текущий баланс обеспечивает надёжное отражение институциональной природы режима (ресурсная рента), инфраструктуры контроля (цифровизация) и операционного управления (алгоритмы).

Анализ регионов и мира

Анализ стран Ближнего Востока показывает, что в диапазоне GASI 0.55–0.65 формируются proto-network режимы: они уже используют цифровые инструменты и горизонтальные связи, но сохраняют сильные традиционные институты. В Центральной Азии наблюдаются пороговые модели: при достижении значения около 0.7 усиливается зависимость режима от неформальных элитных сетей, что ведёт к устойчивому формированию сетевой автократии.

В то же время развитые демократии Европы и Северной Америки стабильно фиксируются в зоне ниже 0.40, что подтверждает их устойчивость к переходу в сетевую автократию благодаря институциональным ограничениям цифрового контроля и низкой зависимости от ресурсной ренты.

Результаты:

Категория по GASI	Диапазон	Число стран	Примеры
Сетевая автократия	> 0.60	**27**	ОАЭ, Катар, Саудовская Аравия, Иран, Израиль, Сингапур
Пороговая / пред-сетевая	0.40–0.59	**39**	Турция, Венгрия, Индия, Египет, Казахстан, Руанда
Гибридные режимы	0.30–0.39	**31**	Бразилия, Ливан, ЮАР, Филиппины
Устойчивые демократии	< 0.30	**58**	Германия, Франция, Канада, Корея
Нестабильные/ анархичные	n/a	**36**	Афганистан, Мали, Сирия, Йемен (данные неполны)

* Оценки зафиксированы на базе усреднённых данных 2022–2024 годов

Выводы по глобальной валидации

• GASI демонстрирует предиктивную ценность: страны, находившиеся в диапазоне 0.55–0.65, спустя 12–18 месяцев фиксировали признаки алгоритмической фильтрации участия (снижение независимости медиа, рост цифрового контроля, политический дрейф).

• Пороговое значение 0.60 подтверждено как условие перехода к устойчивой сетевой автократии.

• Модель устойчивой демократии (ниже 0.40) сохраняется в странах с сильным правовым контролем цифровизации, ограниченной рентой и институциональными фильтрами.

Заключение

Проведённое исследование показало, что переход от классических форм авторитаризма к сетевой автократии является не случайным, а закономерным процессом, поддающимся количественному описанию. Индекс GASI подтвердил свою ценность как инструмент, позволяющий выявлять скрытые пороговые состояния политических режимов и прогнозировать их дальнейшую траекторию.

Результаты анализа продемонстрировали, что именно сочетание ресурсной ренты, уровня цифровизации и алгоритмического управления формирует устойчивую логику сетевых режимов. Пороговое значение в 0.60 оказалось критическим: оно фиксирует момент, когда цифровые и алгоритмические механизмы начинают подменять традиционные институты и обеспечивать автономное воспроизводство автократии.

Сравнительный анализ подтвердил высокую корреляцию GASI с авторитетными политологическими индексами (V-Dem, Freedom House*, EIU), что усиливает его научную валидность. Более того, выявленная предиктивная способность индекса делает его прикладным инструментом для политологического прогнозирования и сценарного моделирования.

Перспективы дальнейших исследований связаны с уточнением весовых коэффициентов GASI, расширением базы данных по цифровым платформам, а также с более детальной региональной верификацией — в частности, в Африке и Латинской Америке, где сетевые формы власти находятся на начальной стадии формирования.

Таким образом, индекс GASI открывает новые возможности для анализа трансформаций в политических системах XXI века и позволяет зафиксировать появление особой формации — сетевой автократии, которая постепенно становится одной из ключевых моделей постдемократического мира.

Брайнес А.А.
(Москва, Минобрнауки России)

ЗНАЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Политическое просвещение как объект изучения на данный момент представляет особый интерес. «Политическое просвещение...-направлено на формирование политической картины мира, ценностно-мировоззренческих ориентаций и гражданской позиции личности» (*Селезнева А.В., Рогач Н.Н., Брайнес А.А.* Политическое образование и просвещение российской студенческой молодежи: актуальное состояние и потенциал геймификации//Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т.27№2. С.285-300).

Мы провели исследование и пообщались с экспертами в области политического и гражданского просвещения. По мнению экспертов «гражданское просвещение — это «точка отсчёта» политической социализации: оно даёт молодому человеку карту местности и язык, на котором вообще можно говорить о политике, институтах и собственном участии».

У этой «карты» есть три условных функции.

Первая, гражданская грамотность: просвещение собирает ядро знаний — от политико правового устройства и процедур принятия решений до собственных прав и ответственности. Сегодня часть этого ядра систематизируется в курсе «Основы российской государственности». Вторая функция – навигация: у студента формируются навыки ориентироваться в институтах, видеть легитимные формы волеизъявления и переносить опыт университетского самоуправления на взрослую жизнь.

Третья – мотивация к участию: снижается абсентеизм, растёт готовность включаться в инициативы и выборные процедуры.

Просвещение также сшивает «разорванные» ожидания современной молодежи. Развенчивает «розовые картинки» «лёгких денег» и блогерского успеха, возвращая молодого человека к труду, компетенциям и реальным социальным лифтам. Показывает, что участие — это не только митинг, но и проекты, советы, наблюдение на выборах, петиции, общественные обсуждения.

Резюмируя, можно сказать, что гражданское просвещение в политической социализации — это входной контур: оно даёт знание и ориентиры, формирует привычку к легитимному участию и служит страховкой от крайностей; через среду и практики переводит понимание в действие; а дальше «эстафету» подхватывают воспитание и опыт — там, где ценности становятся личной нормой. В этой логике университет эффективен не тем, сколько «прочитал», а тем, насколько сумел организовать пространство смысла и проб действий, в котором студент учится быть активным и конструктивным гражданином своей страны.

Акторами политического просвещения помимо преподавателей и наставников вуза, могут быть общественные и молодёжные организации — от РСО и РСМ до «Движения Первых» и «Общества «Знание»»: у них есть свои ценностные контуры и среда, а значит — ресурс для устойчивых «точек касания» со студентом. Государственная инфраструктура — форумная кампания, «Росмолодёжь» — расширяет охват и даёт масштаб. При этом интернет и лидеры мнений — самостоятельный фактор просветительской деятельности, который нельзя игнорировать: информационная среда для многих сегодня звучит громче университета.

Бубнов А.Ю.
(Москва, ГАУГН)

ВОЕННЫЕ МИФЫ ОСНОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ

Память о наиболее важных для существования наций и государств исторических событиях, определяющая и поддерживающая символические границы национальных идентичностей, может быть концептуализирована как конституирующий миф или совокупность мифов основания. В современном мире конституирующие мифы зачастую выступает пространством мемориальных войн, сталкивающих конкурирующие идентичности. Особенно интересна в этом отношении эпоха Средневековья, куда уходит корнями значительная часть мифов основания современных европейских государств, а обращения к ним в современной культуре и политической повестке порождает феномен медиевализма. Для анализа военных мифов основания важное значение имеет разделение центральных сюжетов, отражающих историософские идеи национальной религиозно-политической миссии и периферийных сюжетов, определяющих конкретику национального мифа – статус победы и поражения, размер потерь, вклад отдельных личностей.

Исследователи отмечают слабость российского медиевализма, связанную с догоняющим и «ответным» характером русского национализма (Филюшкин и др, 2022), особенно в сравнении с конфликтом «красных» и «белых» или войнами памяти вокруг Второй мировой войны. Однако это положение нуждается в корректировке. В современной политической повестке можно выделить минимум два основополагающих идеологических конфликта, отсылающих к средневековым мифам основания – противостояние российской и европейской цивилизаций (Ледовое побоище) и противостояние «Великой степи». Последнее выступает центральным сюжетом российского конституирующего мифа о формировании государства вокруг Москвы (Armstrong, 2017). Узловым событием мифа является Куликовская битва, позже добавляется Стояние на Угре, а наиболее современное расширение репертуара средневековых военных коммеморации связано с популяризацией битвы при Молодях. Значение отдельных событий в рамках конституирующего мифа может со временем меняться, как и их относительный вес в национальной памяти.

Оживление интереса к обсуждению средневековых военных событий российской истории может быть выявлено в связи с мемориальным конфликтом российского цикла мифов основания независимого государства на землях Северо-Восточной Руси с «неоордынством», как результатом глорификации Золотой Орды в ряде тюркоцентричных национализмов на постсоветском пространстве. «Неоордынство» в частности восходит

к конфликту татаризма и золотоордынской версии татарской идентичности (Шнирельман, 2024). Конфликт этот активизировался в связи с общественной дискуссией вокруг попыток повышения статуса Стояния на Угре, как инициативы властей Калужской области в период 2018-2019 годов. Инициатива вызвала противодействие со стороны органов власти и общественности Татарстана и была отложена.

Новый виток противостояния, выплеснувшегося в информационное пространство, приходится на конец 2024 года, когда в игру активно вступает такой влиятельный религиозный актор политики памяти, как Духовное управление мусульман Российской Федерации. При этом обозначается попытка выдвижения альтернативных интерпретаций таких событий как битва на Калке (косвенно и битвы под Суздалем 1445 года) повышающих их до роли мифов основания российской государственности. Другой пример, конфликт вокруг улицы названной в честь хана Кучума в Тюменской области, как фигуры олицетворяющей альтернативную «ордынскую» историю Сибири. Эти примеры показывают скрытый конфликтный потенциал средневековых военных мифов основания, который может быть использован в сепаратистских проектах и требует выстраивания контрстратегий политики памяти, направленных на интеграцию российской идентичности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01495, rscf.ru>project/24-28-01495/.

Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А.
(Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского)

ИЗУЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ: МНОГООБРАЗИЕ ОСНОВАНИЙ И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

В современной политической науке проводится достаточно большое количество исследований, посвященных специфике формирования и развития гражданской идентичности личности (Попова, Баранов, Никовская, Кузина, Бугайчук, Коряковцева, 2022). Особый исследовательский фокус направлен на изучение становления гражданской идентичности у молодого поколения россиян. Перечислим основные причины подобных исследований. Во-первых, важно систематически проводить мониторинг интеграционных процессов, которые происходят в полиэтничном российском обществе. Здесь исследователи особое внимание уделяют эмоциональному и ценностному отношению молодых граждан из разных регионов к своей стране (Авксентьев, Аксюмов, 2022). Л.М. Дробижева подчеркивает необходимость отслеживания динамики распространения российской идентичности как инструмента социальной интеграции в многонациональном государстве, особенно среди молодежи как наиболее адаптивной, но и уязвимой группы (Дробижева, 2020).

Во-вторых, в условиях активной государственной политики идентичности, в процессе социокультурных трансформаций важно проводить оценку ее эффективности, отмечая «плюсы» и «минусы» политических решений в области формирования и развития идентичности у граждан России. В.А. Тишков и Ю.В. Попков указывают в своих исследованиях на концептуальные лакуны в национальной политике, требующие диагностики

через изучение идентичности (Попков, 2019; Тишков, 2018).

В-третьих, мы наблюдаем изменения в политическом анализе содержательных аспектов гражданской идентичности. Отмечается переход от патриотических и гражданских основ к цивилизационным основам идентичности через культуру, религию, историческую память и т.д. Выделяется новый исследовательский ракурс: формирование российской цивилизационной идентичности. Концепция цивилизационной идентичности требует дальнейшей эмпирической верификации в молодежной среде.

В-четвертых, исследования идентичности обладают компаративными и прогностическими функциями, так как важно обращать внимание на динамических характеристики гражданской идентичности, сравнивать ее становление в разные периоды и в разных странах с целью выявления устойчивых позиций, влияющих на формирование гражданской идентичности, и учета локальных ее аспектов в дальнейшей политике идентичности (Brubaker, 2016).

Таким образом, исследования гражданской идентичности российской молодежи представляют собой междисциплинарное поле, интегрирующее в себе ключевые социальные и гуманитарные науки, так как только в интеграции научного знания можно решать задачи, поставленные перед исследователями гражданской идентичности, а именно – проводить диагностику интеграционного потенциала общества, давать обратную связь для государственной политики, минимизировать дезинтеграционные риски в полиэтническом обществе, развивать теории идентичности в глобализирующемся мире. Это подтверждает необходимость дальнейших исследований с акцентом на региональную специфику и трансформационные тренды.

Букин О. А.
(Москва, РУДН)

НОРМАТИВНО-ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Современное российское государство, созданное в 1991 году, основывалось на либеральных началах. Общество, прошедшее через опыт тоталитаризма и авторитаризма, начало новый этап, когда руководитель Советского Союза М.С. Горбачев взял курс на политику ускорения. Несмотря на то, что изначально не задумывалось каких-либо серьезных изменений в общественно-политической жизни страны, они произошли, когда Ускорение перешло в Перестройку. Перестройка принесла не только экономические, но и значительные социально-политические изменения, затронувшие всё общественно-политическое устройство Советского Союза. Наступила эпоха гласности, демократизации и больших перемен. Перестройка закончилась распадом СССР и образованием ряда независимых государств, одним из которых стала Российская Федерация.

Изначально Российская Федерация продолжала жить по Конституции РСФСР от 1978 года, но в декабре 1993 года была принята современная Конституция России, провозгласившая все основные либеральные ценности и права человека. Действующая Конституция, ставшая основной для всего законодательства страны, является самой либеральной Конституцией, когда-либо существовавшей в России.

Таким образом, Российская Федерация, как государство, созданное в 1991 году, конституционно зиждется на либеральных ценностях, которые привели к ее существованию и обеспечили законодательный базис для всего ее дальнейшего функционирования и развития.

В то же время население России продолжает характеризоваться довольно консервативными взглядами и ценностями. Так, согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в 2025 году, большинство респондентов всех возрастов, назвали одними из самых главных ценностей – семью, историческую память и патриотизм.

Консервативные ориентации народа России поддерживает и правительство, закрепляя определенные консервативные и традиционалистские нормы во вполне либеральном законодательстве. Так, например, в поправках в Конституцию, принятых в 2020 году по результатам общероссийского голосования, был закреплен ряд консервативных норм, таких как: «вера в Бога, переданная предками», «брак как союз мужчины и женщины» и т. д.

В 2022 году был издан указ Президента России № 809, полностью посвященный политике укрепления и защиты консервативных традиционных ценностей.

Таким образом, единство либерального и консервативного мировоззрений – это то, на чем сегодня основывается современное Российское государство. Однако, с течением времени наблюдается всё больший уклон именно в консервативные ценности. Но пока базисом государства остается либеральная конституция, либерально-консервативный нормативно-ценностный конгломерат характеризует вектор развития

Буланакова М.А.
(Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС)

МНОГОСТОРОННИЕ ФОРУМЫ ПО ВОПРОСАМ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В АФРИКЕ: АФРИКАНСКОЕ РЕШЕНИЕ ДЛЯ АФРИКАНСКИХ ПРОБЛЕМ?

Ведущие многосторонние форумы по вопросам мира и безопасности в Африке появляются в первой четверти XXI в., во многом опираясь в своей организационной практике на опыт и формат действующих региональных форумов по безопасности в Европе, в Восточной Азии, на Ближнем Востоке. Институциональным паттерном для большинства форумов служит Мюнхенская конференция по безопасности (год учреждения – 1963), ставшая системным инструментом продвижения концепта безопасности в неолиберальном западном прочтении. Одновременно с этим, африканские форумные институты эволюционируют в сторону региональной и субрегиональной идентичности, усиливая инклюзивные факторы «агентности»/акторности в международной повестке безопасности. В этом ключе можно выделить: Tana High Level Forum (действует с 2012), Dakar International Forum on Peace and Security in Africa (действует с 2014), The Kofi Annan Peace and Security Forum (действует с 2019), Aswan Forum on Sustainable Peace and Development (действует с 2019), African Peace and Security Annual Conference (APSACO) (действует с 2017) и др.

Инициаторами африканских форумов по вопросам мира и безопасности, как правило, выступают аналитические исследовательские центры, тесно связанные с государством или устойчивыми национальными элитами или региональной международной организацией, т.е. на уровне *stake-holder* в Африке, прослеживается очевидная динамика в сто-

рону инклюзивных региональных игроков – инициаторами становятся *Institute for Peace and Security Studies (IPSS,* Аддис-Абеба), *Center for Advanced Defense and Security Studies (CHEDS,* Сенегал), *Cairo International Center for Conflict Resolution, Peacekeeping and Peace-building (CCCPA,* Каир), *Policy Center for the New South (PSNS,* Рабат) и др. Несмотря на то, что в деятельности африканских think tanks выражено стремление к формированию инклюзивных «нарративов и ментальных карт африканского континента», независимых от западного дискурса, традиционно прослеживается устойчивое влияние универсальной международной повестки и идейной модели влиятельных западных аналитических центров, а также политической риторики партнеров-донаторов.

Африканские форумы имеют широкий список партнерств и доноров, обеспечивающих проведение ежегодных форумов. Этот список расширяется от ведущих производителей в области оборонного сегмента и государственных внешнеполитических фондов до международных структур в области содействия развитию и частных филантропических фондов.

Ежегодная повестка африканских форумов включает вопросы региональной и глобальной безопасности с акцентом на проблемы "широкой безопасности" и направлена на координацию интересов участников по конкретным аспектам и кейсам. Преломление глобальных и региональных аспектов международной безопасности в рабочей повестке форумов расширяет их диалоговый потенциал, позволяет находить пути согласования позиций африканских стран в контексте решения проблем безопасности, таких как постконфликтное урегулирование, посредничество во внутренних конфликтах, устойчивость Африки в условиях глобальной неопределенности, управление ресурсами Африки в современных условиях, управление потенциалом экологической политики африканских стран и т.д. (См. отчеты и материалы обозначенных выше форумов).

Являясь базовым нарративом для всех форумных институтов – концепт региональной безопасности активно поддерживается Африканским союзом. Данная региональная организация выступает не только партнером, донатором и непосредственным участником, но и провайдером генерального панафриканского вектора на построение единой безопасной трансграничной Африки. Повестка региональной безопасности носит максимально интегральный характер и позволяет точечно формулировать «африканские решения для африканских проблем», что остается ключевым приоритетом и исключительно сложной задачей для региона.

Принцип многосторонности, лежащий в основе деятельности африканских международных институтов, выступает наиболее аутентичным механизмом сотрудничества в регионе по вопросам безопасности. Это находит отражение в росте числа региональных и внерегиональных участников форумов, представленности высокопоставленных лиц, в усилении диалоговой роли невоенных инклюзивных участников, развитии аутрич-форматов. Рост численности самих форумов, начиная с создания Форума ТАНА, идет по линии дифференциации субрегиональных тенденций в Африке по вопросам обеспечения безопасности. Действующие форумы способствуют росту идентичности Африки в вопросах безопасности.

Критика, с которой сталкиваются форумы, как правило, затрагивает вопросы непроработанной теоретической базы в их деятельности и отсутствие видимых эффектов. Отмечается противоречивое прочтение концепта безопасности, а также отсутствие баланса интересов многосторонних участников и неспособность артикулировать подлинные приоритеты региональной безопасности. Данная критика отчасти объективна, но не учитывает, что идейная и стратегическая независимость африканской повестки многостороннего сотрудничества по вопросам безопасности переживает начальный этап развития и находится в «стадии разработки».

Булуктаев Ю.О.
(Алматы, ИФПР)

АДАПТАЦИЯ ПАРТИЙ К НОВЫМ РЕАЛИЯМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

После событий начала 2022 года (попытки государственного переворота), ставших катализатором изменений в политической системе Казахстана, происходит ее трансформация. Существенные изменения претерпело законодательство о политических партиях. Прежде всего, был снижен регистрационный барьер с 40 тыс. до 20 тыс., а затем с 20 тыс. до 5 тыс. человек. Тем самым, за короткий срок порог регистрации был сокращен в 8 раз.

Кроме того, были приняты и другие меры, предусматривающие облегчение юридического оформления новых партий. Так, предусмотрено снижение численности региональных представителей и необходимого числа членов инициативной группы. Требование об обязательном включении в партийные списки не менее 30% женщин и 20% молодежи до 35 лет привело к повышению роли социальных групп в общественно-политической жизни страны и разнообразия представленных интересов. Эти нововведения были призваны способствовать появлению новых партий, которые в обозримом будущем смогут представлять свой электорат в Мажилисе (нижней палате парламента).

Обратим внимание на снижение еще одного процентного барьера. Речь идет о минимальном проценте голосов избирателей от числа принявших участие в голосовании за партийный список или за кандидата по одномандатному территориальному избирательному округу. Это порог, который необходимо преодолеть для прохождения в представительный орган власти. При распределении депутатских мандатов в Мажилисе или маслихатах такой барьер ныне составляет 5%, ранее для прохождения политической партии в Мажилис парламента необходимо было преодолеть электоральный барьер в 7%.

В числе трансформационных изменений, касающихся партийно-политической сферы, следует отметить также отход Президента от членства в политических партиях и запрет на занятие партийных должностей руководителям регионов и их заместителям.

Прошедшие весной 2023 года выборы в Мажилис показали повышение уровня политической конкуренции. На это повлияла и смена избирательной системы. Внедрение смешанной пропорционально-мажоритарной системы взамен пропорциональной (с 2012 года) способствовало тому, что представители партий боролись за голоса избирателей с непартийными кандидатами. Нижняя палата Парламента была сформирована на 70% из числа депутатов по партийным спискам, на 30% – по одномандатным округам. Новые правила позволяют учесть электоральные предпочтения тех избирателей, чьи интересы, возможно, не были представлены в рамках предвыборных программ партий.

Прошедшие в 2023 году выборы привели к уходу от сформированного и искусственно поддерживаемого с 2012 года трехпартийного состава депутатского корпуса Мажилиса Парламента РК, а также возвращению в него после длительного перерыва беспартийных депутатов. Из 6 победивших на досрочных выборах парламентских партий только «Amanat» (создана на базе бывшей партии власти «Нур Отан») получила депутатские мандаты с учетом результатов голосования по партийным спи¬скам и одномандатным округам. В связи с этим она имеет самую большую депутатскую фракцию в составе 62 человек и, как след¬ствие, оказывает существенное влияние на законодательную дея-

тельность и организационно-кадровые вопросы в Мажилисе. При этом, из предыдущего созыва в новый пришли 19 «аманатовцев». Таким образом, депутатский корпус данной партии в значительной степени обновился.

Большое значение сыграли изменения избирательной системы. Например, с учетом увеличения партийного состава Мажилиса были внесены изменения в его регламент. Прежде всего, были отменены количе¬ственные ограничения для формирования депутатских фракций. Поэтому все парламентские партии, независимо от количества де¬путатских мандатов, получили право на их создание. Вместе с тем, в соответствии с Законом «О комитетах и комиссиях Парламента Республики Казахстан», парламентской оппозицией являются все партии меньшинства. В результате новаций в Парламенте появилась возможность создания фракций, реально оппонирующих власти, представляющих голос оппозиционных партий и политиков, прошедших в Парламент. Состав Парламента, по мнению некоторых экспертов, является сбалансированным и в достаточной сте¬пени обновленным на данном этапе политической эволюции стра¬ны.

Выборы 2023 года в Мажилис и маслихаты различных уровней обозначили новые контуры партийного строительства в Казахстане. Увеличение количества партий в Мажилисе с трех до шести свидетельствует о том, что партии все более решительно заявляют свои права на статус полноправного и авторитетного субъекта социально-политических преобразований. Только время и практическая деятельность политических партий покажут, на что они способны, поддерживают ли их массы, могут ли они реально претендовать на власть или на организованную оппозицию существующей власти.

Булыгин Ф.В.
(Москва, РНЦХ им. акад. Б.В. Петровского)

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЦЕННОСТНЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Первая четверть XXI века характеризуется фундаментальными изменениями в сфере теории и политики, обусловленными стремительным распространением технологий искусственного интеллекта в социально-политическом пространстве. Данное явление требует пристального научного анализа, поскольку искусственный интеллект трансформируется из технологического инструмента в активного участника политической системы, оказывающего комплексное влияние на процессы конструирования индивидуальной и коллективной политической идентичности.

Современная политическая наука в качестве методологической базы исследования указанного явления использует трансдисциплинарный подход, позволяющий учитывать исследования искусственного интеллекта в различных областях научного знания и привлекать для анализа всевозможные инструменты. Так, например, при помощи политологического подхода выявляется роль ИИ в формировании политического сознания и политической идентичности. Социосинергетический метод позволяет раскрыть особенности функционирования современного государства. Социологический метод обеспечивает анализ посредством релевантных измерений общественного мнения по поводу роли искусственного интеллекта в современном мире, аксиологический метод в свою

очередь предоставляет возможность определить характер и степень влияния искусственного интеллекта на базовые политические ценности.

Нейросетевые алгоритмы искусственного интеллекта и их бенефициары претендуют на тождественную государству роль, увеличивая своё присутствие в традиционных сферах жизнедеятельности, что приводит к созданию индивидуализированных информационных пространств и генерации персонифицированных нарративов, оказывающих влияние на политическую реальность и базовые политические ценности. Всё это влечёт за собой создание новых форм политической субъектности, изменяя традиционные механизмы политической социализации граждан, что в свою очередь становится отправной точкой в трансформации ценностно-целевых ориентиров общества.

Подобная трансформация приводит к возникновению фрагментированной политической идентичности, характеризующейся множественностью и ситуативностью. Традиционные модели стабильной политической идентификации уступают место динамическим, гибридным формам политического самоопределения. В этом контексте системы искусственного интеллекта выступают инновационными посредниками в процессах политического представительства и гражданского участия. Цифровые платформы, основанные на технологиях ИИ, генерируют альтернативные механизмы политической мобилизации и агрегации общественных интересов.

Взаимодействие с системами искусственного интеллекта запускает специфические биохимические процессы в организме человека, влияющие на формирование политических предпочтений. Алгоритмические системы персонализации контента стимулируют выработку дофамина через механизмы подкрепления, создавая нейрохимическую зависимость от определённых типов политической информации. Это приводит к формированию устойчивых нейронных паттернов, определяющих политическое восприятие и поведение граждан на подсознательном уровне и трансформирующие саму природу политической идентичности

Особую значимость в этой связи приобретает анализ поколенческих различий в восприятии роли искусственного интеллекта в политических процессах. Представители поколения «Z» и миллениалы демонстрируют органичную интеграцию ИИ-технологий в свою политическую практику, в то время как старшие поколения проявляют большую осторожность и скептицизм. Данная дифференциация создаёт внутриобщественные напряжения и влияет на межпоколенческий политический диалог, формируя новые линии социально-политического размежевания.

Анализ современных исследований показывает, что молодёжь, активно использующая цифровые технологии, демонстрирует новые формы политической идентичности, характеризующиеся гибридностью онлайн и офлайн политических практик. Это требует разработки новых теоретических подходов к пониманию механизмов формирования политической идентичности в цифровую эпоху.

Эти технологические решения трансформируют традиционные формы коллективной политической идентичности, создавая новые модели политической организации. Виртуальные сообщества, управляемые алгоритмами, становятся пространствами формирования политических предпочтений. Следствием подобного стремительного распространения искусственного интеллекта является комплекс этических дилемм, влияющих на политическую повестку и формирование политических предпочтений граждан.

Проблемы алгоритмической предвзятости, прозрачности принятия решений и защиты персональных данных становятся центральными элементами политического дискурса. Подобные вопросы формируют новые линии напряжения и создают основания для возникновения специфических политических идентичностей, связанных с отношением к технологическому развитию и цифровым правам.

Бумагина Ю.Ю.
(Москва, РУДН)

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ RAND CORPORATION* В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

RAND Corporation* (признана Минюстом РФ нежелательной организаций на территории РФ), учрежденный в 1948 году при поддержке ВВС США, традиционно позиционируется как независимый аналитический центр, однако его институциональная архитектура и финансовая модель свидетельствуют о глубокой интеграции в систему национальной безопасности Америки. Организация управляет четырьмя Федеральными центрами исследований и разработок (FFRDC), функционирующими на основании контрактов с ключевыми государственными структурами: National Defense Research Institute (NDRI) – Министерством обороны, Project AIR FORCE – ВВС США, Arroyo Center – Армией США и Homeland Security Operational Analysis Center (HSOAC) – Департаментом внутренней безопасности (DHS). Более половины совокупного бюджета RAND* формируется за счет прямого финансирования со стороны федеральных агентств, что создает устойчивую системную зависимость, обусловливающую так называемую «клиентскую предвзятость».

Данные за 2021-2022 гг. иллюстрируют масштаб этой зависимости: объем средств, полученных от Офиса министра обороны, превысил 67 млн долларов, от ВВС США – 47 млн, от DHS – 64 млн. Отдельные контракты, включая многолетние обязательства, достигали сумм свыше 268 млн долларов. Совокупное финансирование от федеральных структур превышает 1 млрд долларов, что делает государство не просто одним из партнеров, а доминирующим заказчиком. В таком контексте декларируемая «независимость» организации теряет смысл, трансформируясь в маркетинговую конвенцию, призванную легитимировать ее экспертный статус, в то время как фактически RAND* функционирует как инструмент реализации государственной политики.

Аналитический дискурс RAND* характеризуется систематическим использованием идеологически нагруженной терминологии, выполняющей функцию когнитивного каркаса. Россия в докладах центра последовательно обозначается как «ревизионистская держава», «агрессор», «дестабилизирующая сила» и «изгой международной системы». Эти термины не носят нейтрального описательного характера, а несут ярко выраженную коннотативную нагрузку, направленную на формирование образа врага.

Особое значение приобретает так называемый «эффект отсутствия» – это феномен избирательного представления реальности, при котором действия России, потенциально интерпретируемые как легитимные (например, обеспокоенность расширением НАТО, защита соотечественников или участие в гуманитарных инициативах), намеренно игнорируются или маргинализируются. Вместо комплексного анализа причин конфликта доминирует морально-оценочная матрица, в которой акцент делается на осуждении, а не на понимании. Это позволяет свести многогранный геополитический кризис к бинарной схеме «агрессор – жертва», что соответствует не научному, а полемическому типу аргументации, где факты отбираются не для объяснения, а для конфронтации.

Центральным механизмом, лежащим в основе аналитики RAND*, выступает подмена понятий. Термин «ревизионизм», изначально описывавший стремление к пересмотру международных договоренностей, в контексте докладов центра трансформи-

руется в морально-оценочную категорию, эквивалентную угрозе мировому порядку. Логическая цепочка выстраивается следующим образом: Россия → ревизионизм → угроза → необходимость сдерживания. В результате конкретные события, например присоединение Крыма в 2014 году, военные действия на Донбассе, конфликт в Грузии в 2008 году, лишаются исторического и политического контекста и интерпретируются как проявление «врожденной агрессивности». Россия перестает рассматриваться как субъект международных отношений с собственными интересами и превращается в абстрактного антагониста, против которого возможен лишь один ответ – жесткое сдерживание. Такая логика системно исключает возможность дипломатического урегулирования и компромисса.

В этом контексте российско-украинский конфликт трансформируется из регионального кризиса в инструмент реализации глобальной стратегии. Как отмечается в аналитических материалах, украинский конфликт ускоряет модернизацию обороноспособности США и служит своего рода «полигоном» для подготовки к стратегическому противостоянию с Китаем. Украина де-факто лишается статуса субъекта собственной безопасности и становится элементом геополитического пространства, в котором реализуются интересы Вашингтона.

RAND*, изначально игравший ключевую роль в разработке доктрины взаимного гарантированного уничтожения (MAD) и сценарного планирования, сегодня функционирует не столько как исследовательский центр, сколько как стратегический хаб, формирующий государственную повестку. События 2022-2025 гг., такие как введение масштабных санкций, поставки систем HIMARS и ATACMS, усиление союзов AUKUS и Quad демонстрируют высокую степень корреспонденции между аналитическими моделями и реальными действиями. RAND* не предсказывает будущее, а проектирует его, формируя общественное мнение и легитимируя стратегии, заранее определенные интересами американской элиты.

Бурлинова Н.В.
(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ПРАВОМЕРНОСТЬ ПОНЯТИЯ «ЭКОСИСТЕМА» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СФЕРЕ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Сфера российской публичной дипломатии – пространство неустоявшихся понятий и отсутствующих нормативно-правовых определений. За тридцать лет присутствия термина «публичная дипломатия» в отечественном научном дискурсе и повседневной практики гуманитарных контактов по линии публичной дипломатии (например, 15-летнего существования Фонда поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова), определение этому понятию на официальном законодательном уровне так и не было дано. Более того, в последней редакции Концепции внешней политики России (2023 год) этот термин не упоминается вовсе.

Однако, несмотря на формальное отсутствие описания понятия публичной дипломатии в российской нормативной базе, существование сферы российской публичной дипломатии нельзя проигнорировать. Исследователем данного вопроса Бурлиновой Н.В. было предложено определение публичной дипломатии как сферы

деятельности государственных и негосударственных акторов во внешней политике. Было также введено понятие системы публичной дипломатии, которое описывает систему государственных и неправительственных институтов и коммуникационных каналов, вовлеченных во взаимодействие и выстраивание диалога государства с зарубежными обществами (Теория и практика публичной дипломатии России: учеб.-метод. материалы No 10/2024 / [Н.В. Бурлинова; под ред. С.М. Гавриловой, Е.А. Солодухиной и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2024).

То есть система публичной дипломатии дает представление о том, какие российские структуры, по каким направлениям и с помощью какого инструментария взаимодействуют с внешним миром, но не отражает картину внутренних взаимоотношений участников и институтов гуманитарной политики России. Для того, чтобы описать принципы выстраивания рабочих горизонтальных и вертикальных связей между российскими участниками публичной дипломатии, предлагается ввести в научный оборот новое понятие – *экосистема публичной дипломатии России (ЭПД*).

Понятие экосистема способно наиболее полно отразить 3D картину внутреннего среза публичной дипломатии государственных и негосударственных участников и коммуникационных каналов внутри России. Модель экосистемы дает представление о том, какое место тот или иной институт/организация занимает в экосистеме гуманитарного сотрудничества России, понимание проблем, сопутствующих этим связям, а также характеризует состояние российской публичной дипломатии в целом.

Бурляй Я.А.
(Москва, МГЛУ)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С ТРАНСТИХООКЕАНСКИМИ СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Азиатско-Тихоокеанский регион играет в настоящее время важную роль в мире. Центр мировой экономической активности перемещается в АТР. Регион серьезно влияет на глобальное развитие, воздействует на формирование новой мировой экономической архитектуры.

На современном этапе в АТР динамично развиваются интеграционные процессы, наблюдается бурный рост экономического сотрудничества. Оно приобрело наглядный характер после учреждения в 1967 году Тихоокеанского экономического совета, в который вошли ведущие корпорации стран региона (сейчас в этой организации состоят более1500 компаний). В 1968 году появилась Тихоокеанская конференция по торговле и развитию, а в 1980 году – Совет Тихоокеанского экономического сотрудничества.

Наиболее представительной экономической организацией в регионе является Форум Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, созданный в ноябре 1989 г. В него входит 21 национальная экономика стран региона, среди которых Мексика, Чили и Перу представляют Латинскую Америку.

Принадлежность России к АТР очевидна, однако лишь в начале 1990 годов началось сближение с интеграционными объединениями АТР. В сентябре 1992 года Российская

Федерация вступила в Совет Тихоокеанского экономического сотрудничества, а в 1994 году – присоединилась к Тихоокеанскому экономическому совету.

Промышленная продукция, производимая в АТР, непрерывно увеличивается в объеме. Иностранные инвестиции в расположенных там странах с низкими затратами на рабочую силу, постоянно растут. Для транснациональных корпораций этот рынок приобретает приоритетное значение.

Для нас с АТР связан курс на освоение районов Сибири и Дальнего Востока. Россия в сентябре 1992 г. вошла в состав Совета Тихоокеанского экономического сотрудничества, а в мае 1994 г. – в состав Тихоокеанского экономического совета.

РФ стремится взаимодействовать с государствами АТР в области инвестиций и торговли, активно участвовать в процессах интеграции. У нас – богатые возможности для решения энергетических, научно-технологических и природоохранных проблем АТР. Обоюдное сотрудничество может быть выгодным в области налаживания транспортно-логистических цепочек.

Государства АТР ориентируются на инновационное развитие, пытаются бороться с монополией США на обладание наукоемкими технологиями. Ученые и инженеры региона готовы выйти на передовые рубежи в ключевых отраслях мировой индустрии. Российские исследовательские центры могут способствовать успеху этого процесса.

АТР весьма уязвим с точки зрения природных катастроф и техногенных рисков. В России создана мощная база в сфере предупреждения и ликвидации последствий стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций, и это также способно сыграть свою роль во взаимодействии с государствами региона.

В основополагающих внешнеполитических документах Российской Федерации говорится: «Возрастающее значение приобретает укрепление позиции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что обусловлено принадлежностью нашей страны к этому динамично развивающемуся геополитическому пространству, куда последовательно смещается центр тяжести мировой экономики и политики».

Представляется целесообразным продумать вопрос о создании Российско-Латиноамериканского Тихоокеанского партнерства, которое взяло бы на себя роль катализатора сотрудничества между регионами российского Приморья и Дальнего Востока и регионами Мексики, Центральной и Южной Америки, имеющими выход к Тихому океану.

Следует особо отметить важность участия в этом процессе региональных органов государственной власти. Именно губернаторы, депутаты законодательных собраний и мэры крупных городов могут способствовать продвижению российских интересов в регионе. В этой связи представляется целесообразным создание двустороннего форума, в который входили бы губернаторы Сибири, а также Дальнего Востока России и руководители тихоокеанских провинций стран Латинской Америки.

Первые шаги в этом направлении были сделаны 15 лет назад, когда было заключено соглашение о сотрудничестве между мэриями г. Владивостока и эквадорского порта Манта. В развитие данного соглашения состоялся обмен визитами мэров, а молодежная делегация г. Манта посетила г. Владивосток.

В настоящее время вся торговля России с тихоокеанскими странами ведется через Панамский канал, администрация которого регулярно повышает плату за его проход. В случае крупнотоннажных судов она может достигать 400 тыс. долл. США. Установление прямых путей сообщения через Тихий океан позволило бы сэкономить значительные средства. Перспективной также представляется идея создания своего рода консигнационного склада российских машин и оборудования в одном из латиноамериканских портов для последующего экспорта в страны региона.

Бутылин М.А.
(Казань, КФУ)

ФИНАНСОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ США, ФРГ И РФ)

Финансово-бюджетные механизмы взаимодействия между центром и регионами в федеративном государством представляют собой ключевой элемент федеративного устройства, определяющий баланс интересов, степень автономии субъектов федерации и устойчивость всей политической системы. В качестве сравнительного анализа финансово-бюджетных отношений были взяты такие федерации, как США, ФРГ и РФ. Такой выбор обусловлен различиями в генезисе их федерализма, конституционных моделях, политической культуре, традициях и практиках взаимодействия между центром и регионами.

В США значительная финансовая автономия штатов сочетается с ощутимым влиянием федерального центра. Федеральное правительство играет ключевую роль в перераспределении денежных потоков через систему межбюджетных трансфертов. Основными формами выступают целевые и блочные гранты, а также иные формы субсидирования. Поддерживая приоритетные программы, этих механизмы одновременно сужают свободу бюджетных решений штатов, ориентируя их на общенациональные цели. Гранты выдаются по установленной процедуре, предусматривающей подачу штатами заявок на получение средств. В более чем половине штатов доля федерального финансирования в бюджетах достигает 40-50%, что подчеркивает их зависимость от центра. В результате автономия штатов ограничивается условиями федеральной поддержки.

В ФРГ действует развитая система финансового выравнивания, регулируемая Основным законом и специальными федеральными актами. Система перераспределяет ресурсы между финансово сильными и слабыми землями и предусматривает участие федерации в дополнительном финансировании. Реформа 2020 года изменила принципы перераспределения, отменив горизонтальные трансферты. Перераспределение полностью проходит через федеральный бюджет. Распределение средств автоматизировано по установленным критериям, заявительный порядок отсутствует. Соблюдение фискальных правил контролируют совместные органы федерации и земель, включая Совет стабильности (StabilitЉtsrat). Такая модель способствует устойчивости и равенству условий жизни в разных землях, но вызывает недовольство доноров (например, Баварии) и формирует риски зависимости менее обеспеченных регионов от центра. Баланс поддерживается за счет постоянных политических переговоров и компромиссов.

Российская Федерация отличается высокой степенью централизации бюджетной системы. Регионы в значительной степени зависят от федеральных трансфертов. Более 80% субъектов получают дотации на выравнивание (Минфин РФ, 2025). Дотации распределяются с учетом налогового потенциала и уровня бюджетной обеспеченности субъектов РФ, рассчитываемых на основе официальных статистических данных. Вместе с тем заметно влияние политико-административных факторов: степень политической лояльности региональных элит федеральному центру, вовлеченность в реализацию национальных проектов, неформальные каналы взаимодействия с федеральными ведом-

ствами. Участие в крупных федеральных инициативах (международные мероприятия, инфраструктурные проекты) обычно повышает шансы на дополнительное финансирование.

Во всех трех федерациях межбюджетные трансферты выполняют две общие функции: сглаживают межрегиональные различия и проводят общенациональные приоритеты. Различается инструментальная архитектура: в США преобладают гранты и конкурсные механизмы, в ФРГ – кооперативное, формульное выравнивание с автоматическим перераспределением через федеральный бюджет, в РФ – высокая доля вертикально распределяемых средств и заметное влияние неформальных каналов. Для Российской Федерации в приоритете укрепление формальных процедур, стимулирование регионального развития, а также повышение прозрачности и предсказуемости межбюджетной политики.

Вантеевский М.М.
(Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, ГАУГН)

ТЕМА ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В РОССИИ

После 2022 года тема «войны» и «военных героев» в России является одной из самых популярных среди молодежи. Так, например, эмпирическое исследование (в 2022 г. был проведен всероссийский социологический опрос молодежи в возрасте 14-35 лет, в котором приняли участие 1147 респондентов из 68 регионов РФ) показало, что наиболее популярными «героями нашего времени» у молодых людей являются лирические персонажи, сопряженные с войной или вооруженными действиями – Андрей Болконский, Андрей Соколов, Василий Теркин, Петр Гринев, Алексей Мересьев (Кузнецов И.И. Куликова Е.В., Петрова Ю.В. Пространство героев в сознании российской молодежи: разнообразие предложений при неясных предпочтениях // Политическая наука. 2023. № 2. С. 179-202). Данный феномен также можно связать с влиянием советского литературного канона, в произведениях которого осмыслялась как гражданская война (М.А. Шолохов «Тихий Дон», М.А. Булгаков «Белая гвардия»), так и Великая Отечественная война (Б.Л. Васильев «А зори здесь тихие», А.Т. Твардовский «Василий Тёркин», М.А. Шолохов «Судьба человека»).

Тем не менее, советская литература о войне – это возможность не только экзистенциального осмысления, формирования исторических аналогий и новых коммеморативных практик, но и репрезентация идеала сильного человека, готового на все ради победы своей страны. Именно поэтому в дальнейшем эти произведения попадали в программы школьной литературы и служили аксиологическим образцом для воспитания будущих поколений советской молодежи.

В 1990-е года в результате тотального курса на деидеологизацию художественная литература перестала использоваться государством для формирования образов будущего. Однако политические кризисы 2014 г. и 2022 г. поставили общество перед необходимостью анализировать художественное осмысление нового этапа – вооруженные действия на территории Украины. В результате сегодня идеологический плюрализм репрезентаций военных действий на Украине достигает высокой степени.

С одной стороны, есть антиутописты и фантасты в России, которые пытаются прогнозировать возможные сценарии развития украинского конфликта (Г.Л. Бобров «Эпоха мертворожденных. Антиутопия, ставшая реальностью», С.В. Лукьяненко «Звезды – холодные игрушки», «Звёздная тень»). С другой, – на данный момент сформировалась целая группа литераторов, которая активно интегрирована в современные политические события в разных форматах: З. Прилепин, Г.У. Садулаев, А.С. Пелевин, А.П. Долгарева, И.А. Караулов. Главная особенность этой общности – конвергентность форматов: используют максимальное количество доступных форматов для трансляции своих идей (книги, поэтические сборники, социальные сети, традиционные медиа, фестивали, премии и т.д.). Тем не менее большие романы остаются наиболее показательным явлением как для массовой читающей аудитории, так и знаком отличия в профессиональной среде. Например, одним из самых громких событий 2025 г. стал роман «Тума» З. Прилепина, в котором на историческом материале биографического пути С.Т. Разина осмысляются многие актуальные современные проблемы.

Оппозиционная группа писателей, для которых война на Украине – системная ошибка России, также представлена на национальном литературном поприще. В основном все современные литераторы-диссиденты сейчас лишены административного ресурса и возможности печататься в России, а также имеют статус иноагента – Д.Л. Быков (признан иноагентом, внесен в перечень террористов и экстремистов), Д.А. Глуховский (признан иноагентом), Б. Акунин (признан иноагентом, внесен в перечень террористов и экстремистов). Для этой группы писателей тема войны является изначально идеологически окрашенной и носит превентивно негативный характер. Поэтому в любых своих суждениях и высказываниях в публичном пространстве у них война используется как политический инструмент стигматизации образа будущего, неразрывно связанного с современностью.

Таким образом, тема войны в художественной литературе из-за своей неоднозначности всегда являлась материалом для проектирования общественного сознания. При рассмотрении с данных тематических позиций современное литературное пространство оказывается поделено на социальные группы, образованные по политическому принципу, которые имеют свою внутреннюю иерархию. Из-за неучастия в этой сфере с 1990-х и по середину 2010-х гг. институтов государства, сегодня тема современного вооруженного конфликта и военных героев в большинстве случаев игнорируется. Так, например, у одного из наиболее популярных российских писателей – В.О. Пелевина – тема украинского кризиса обходится стороной или затрагивается косвенно через метафоры и другие средства выразительности (лишь в 2011 г. в романе «S.N.U.F.F.» действие произведения разворачивается в стране с названием «Уркаина», населенная нищими и грубыми «орками», которых цивилизованные обитатели внешнего мира используют как пушечное мясо в ритуальных войнах). Более того, закрытие индивидуального проекта С.А. Шаргунова АСПИР в январе 2025 г. и избрание в феврале этого года на должность председателя Союза писателей России В.С. Мединского говорит о начале нового этапа в государственной политике по отношению к российской книжной индустрии, направленного на формирование национального литературного стандарта, который с большой вероятностью будет связан как с общей геополитической ситуацией в мире, так и внутриполитическими событиями.

Тезисы доклада подготовлены в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2025-0026, «Образы Будущего России в сознании российской молодежи: герои, артефакты массовой культуры, социальные установки и личные предпочтения»).

Варшавский А.Ю.
(Москва, МГИМО МИД России)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ: СОСТОЯНИЕ ДИСКУССИИ

Тема условий выживаемости политических систем занимает одно из центральных положений в сравнительной политологии на протяжении последних нескольких десятилетий.

В центре внимания находится вопрос о том, какие факторы позволяют институтам сохранять жизнеспособность в условиях социальных трансформаций и политических кризисов. Автор предлагает сосредоточиться на анализе трёх аналитических направлений – институциональном, историческом и социокультурном, которые в совокупности формируют целостную исследовательскую рамку в вопросе пониманиях факторов устойчивости современных политических систем.

С точки зрения концепции неоинституционализма, стабильность политических систем обеспечивается системой формальных правил (конституции, законы, процедуры) и неписаных норм, которые регулируют поведение акторов. Одних правовых гарантий недостаточно: решающее значение имеет признание институтов и готовность элит соблюдать установленные ограничения. Эффективное разделение властей, независимость судов, регулярные и конкурентные выборы, а также гарантированные права и свободы создают основу долгосрочной стабильности, однако они функционируют только при наличии доверия к правилам и механизмам взаимного контроля.

Существенную роль имеет консенсус элит. Современные исследования показывают, что именно пакты и договорённости в переходный период закрепляют правила игры, превращая формальные нормы в реально действующие практики.

Поведение акторов определяется также электоральной динамикой. Конкурентные выборы легитимируют борьбу за власть и канализируют социальные конфликты, снижая уровень напряжённости. При этом наличие устойчивых предпочтений у элит и граждан повышает цену нарушения процедур и способствует воспроизводству политических норм в долгосрочной перспективе.

Исторический институционализм объясняет устойчивость политических институтов через концепции критических развилок и траекторий развития. Решения, принимаемые в переломные моменты, формируют долгосрочные направления институциональной эволюции. Особое внимание уделяется концепции «институционального наследия», восстановление институциональных практик возможно, если сохраняются носители таких прежних норм как партии, суды, профессиональные элиты. Таким образом, устойчивость понимается как результат исторической памяти институтов и воспроизводства политических традиций.

Социокультурный подход связывает выживаемость институтов с социально-экономическим развитием, уровнем образования, урбанизацией и распространением ценностей участия и доверия институтам. Экономический рост создаёт предпосылки для расширения среднего класса и мобилизации граждан, однако решающее значение приобретают именно культурные установки, которые легитимируют институты в глазах общества. Политическая культура формирует поведенческие паттерны, обеспечивающие адаптивность и жизнеспособность политических систем.

Анализ выделенных теоретических наработок причин, влияющих на устойчивость

политических систем показывает, что институциональные, исторические и культурные факторы не могут объяснить стабильность институтов изолированно. Она формируется через их совместное действие: институты закрепляют правила и задают издержки отклонений, историческая преемственность обеспечивает воспроизводство практик, а культура придаёт системе легитимность и поддержку со стороны граждан. При этом относительный «вес» каждого фактора варьируется в зависимости от конкретного контекста и исторического периода.

Теоретический вклад исследования состоит в интеграции разнородных объяснительных подходов в единую аналитическую схему, позволяющую более полно охарактеризовать условия выживаемости политических институтов. Практическая значимость заключается в том, что проведённый теоретический анализ может быть использован в научных работах, в качестве обучающего материала, а также служить теоретической базой для проведения эмпирических количественных исследований.

Васильева Е.Г.
(Тюмень, ТюмГУ)

РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТИИ ПАРАДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Стратегическое партнерство России и Китая, закрепленное еще в конце XX века, эволюционирует в ответ на вызовы глобальной геополитической и геоэкономической трансформации. Если первоначально основой взаимодействия являлись соглашения об экономическом и торговом сотрудничестве, то в последнее десятилетие наблюдается отчетливая тенденция к углублению межгосударственных связей. Все больше внимания уделяется преодолению культурных и языковых барьеров. Параллельно усиливается научно-техническая кооперация, особенно в сферах высоких технологий, что отвечает национальным интересам обеих стран, стремящихся к достижению технологического суверенитета и лидерства в условиях конкуренции с другими центрами силы.

Географическая близость, в частности, непосредственное соседство Дальнего Востока РФ и северо-востока КНР, способствуют установлению тесных связей по всем направлениям, включая торговое, туристское, политическое, социальное и другие. Кроме того, перечисленные направления развиваются на всех уровнях власти, в том числе с помощью негосударственных акторов.

Процесс расширения направлений взаимодействия активно поддерживается на уровне глав государств, это озвучивается в ходе выступлений Си Цзиньпина и В.В. Путина. Так, в совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в 2024 г. было упомянуто о важности развития молодежного сотрудничества на всех уровнях для продвижения позиций России и Китая на мировой арене.

Цель исследования – определить влияние молодежных сообществ на развитие парадипломатических связей приграничных регионов России и Китая. Для решения исследовательских задач в работе был применен метод ивент-анализа. Его использование позволило путем систематизации и детального изучения новостных сообщений иден-

тифицировать ключевые формы молодежной парадипломатии, а также выявить их конкретные практические проявления.

В результате проведенного анализа были сделаны следующие выводы.

Во-первых, значение молодежи приграничных регионов для российско-китайского партнерства состоит в том, что именно молодые люди формируют человеческий капитал, способный практически беспрепятственно строить связи с китайскими партнерами. Это происходит за счет более активного взаимодействия с их языком, культурой и бизнес-средой, что критически важно для преодоления недопонимания в ходе реализации совместных проектов.

Во-вторых, установлено, что молодые предприниматели, вовлеченные в трансграничную торговлю, и молодые студенты или туристы из России и Китая вносят непосредственный вклад в экономику Дальнего Востока. В частности, они являются проводниками не только товаров, но и инноваций и инвестиций, способствуя преодолению сырьевой ориентации региона.

В-третьих, основной формой молодежного направления российско-китайского сотрудничества являются студенческие обмены, которые позволяют обмениваться опытом и способствуют личному и профессиональному росту студентов, а также формируют устойчивую платформу для многостороннего сотрудничества. Крупными акторами молодежного парадипломатического взаимодействия являются именно университеты, например, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток), Харбинский политехнический университет (г. Харбин), Институты Конфуция.

В-четвертых, не менее эффективными площадками по сближению молодежи двух стран остаются молодежные форумы и культурно-массовые мероприятия. Примерами являются Международный молодежный экономический форум «День будущего» или Молодежный Восточный экономический форум. Подобные события приобретают характер коммуникационных механизмов, способствующих сохранению и изучению традиций двух стран, а также росту взаимного интереса и доверия между населением сопредельных регионов.

Таким образом, молодежь Дальнего Востока России выступает ключевым агентом практической парадипломатии и вносит значимый вклад в укрепление стратегического партнерства на межгосударственном уровне, за счет своей деятельности в приграничных регионах, обеспечивая его долгосрочность и наполняя конкретным содержанием.

Васильева Д.А., Соколов А.В.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г.Демидова)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ЭФФЕКТОВ ПРИ ПОТРЕБЛЕНИИ МОЛОДЕЖЬЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА

Современная российская молодёжь характеризуется принципиально иными паттернами медиапотребления по сравнению со старшими поколениями: интернет стал одним из главных инструментов удовлетворения базовых социальных и информационных потребностей среди цифрового поколения. Исследования медиапотребления показывают, что политическая тематика является одной из самых популярных среди молодежной аудитории, при этом наибольшее внимание людей привлекают новости внутренней политики России.

Для определения особенностей восприятия политического контента, в частности контента, содержащего маркер политических нарративов, были проведены 22 глубинных интервью, исследование было проведено с использованием комбинированной методики, включающей глубинные интервью и семантический дифференциал. Анализ семантического дифференциала по шкале от -5 до +5 показал негативное восприятие всех трёх исследуемых политических нарративов: нарратив «Денацификация Украины»: средняя оценка -1,76 (наиболее негативное восприятие), нарратив «Загнивающий Запад»: средняя оценка -1,31, нарратив «Тысячелетняя история России»: средняя оценка -0,53 (наименее негативное). Были определены следующие особенности перцепции:

1. политическое отчуждение (95% респондентов). Подавляющее большинство респондентов демонстрируют ощущение дистанции от политических процессов. Типичные высказывания: «Политика – это не про нас», «Всё решается без нашего участия», «Зачем вообще интересоваться, если ничего не изменить?»;

2. критическое медиапотребление (88% респондентов). Молодёжь проявляет высокий уровень медиаскептицизма, указывая на то, что «пропаганда стала нормой», «нет доверия к информации». Некоторые из респондентов указали, что стараются использовать такую технологию как фактчекинг, но «это долго, путаешься»;

3. эмоциональное отторжение (91% респондентов). Политические тексты вызывают негативные эмоциональные реакции: «от таких текстов становится неприятно», «слишком много агрессии и ненависти». Несколько участников отметили, что это «в целом прикольно» – не типичное мнение, когда перцептивные эффекты приносят дискомфорт, но на уровне идентичности позволяют оценивать данные высказывания, как норму;

4. поиск альтернатив (77% респондентов). Выражается потребность в более объективной информации: «Хотелось бы больше фактов, но просто», «Иноагентов что ли читать», «Много источников, какие читать...».

Нарратив «Тысячелетняя история России» воспринимался преимущественно позитивно и эмоционально близко большинством респондентов. Средняя оценка по шкале семантического дифференциала находилась в диапазоне 90 от +2 до +4, что свидетельствует о высокой степени положительного восприятия. В интервью часто звучали слова «сильная страна», «наследие предков», «единство народа», что говорит о позитивной эмоциональной окраске. Респонденты отмечали, что этот нарратив воспринимается как «естественный» и «не навязанный», в отличие от нарративов, связанных с внешними конфликтами. Нарратив «о загнивающем Западе» вызывал неоднозначные, но в целом больше негативные эмоции. По семантическому дифференциалу средняя оценка в диапазоне от -1 до -2, что свидетельствует о недоверии, скептицизме и отторжении. Респонденты критиковали чрезмерную агрессивность и эмоциональную окраску текстов, отмечая их как «пропагандистские», «грубые» и «односторонние». Нарратив о «Денацификации Украины» воспринимался наиболее негативно и с сильным эмоциональным отторжением. Средние оценки по семантическому дифференциалу часто достигали -3 и ниже. Респонденты отмечали, что тексты с этим нарративом кажутся агрессивными, обвинительными и пропагандистскими. Многие высказывали сомнения в объективности и полноте информации, чувствуя, что тексты «упрощают сложную ситуацию» и «демонизируют оппонентов», но при этом не было отмечено, что транслируемая информация неправильна или не имеет права на существование, акцент сделан на подачу информации, ее форму и лексику.

Исходя из проведённого исследования, можем отметить несколько факторов, влияющих на восприятие политических нарративов:

– доверие к источнику – ключевой фильтр (вызывающие доверие источники: Telegram-каналы экспертов (41%), независимые, сторонние СМИ (32%), соцсети (27%));

– эмоциональная окраска и стиль текста (82%);

– агрессия приравнивается к отторжению: 73% студентов оценивают политиков по «силовым качествам», но негативно реагируют на токсичность;

– формат подачи информации 64%: короткие видео (TikTok/YouTube) – 41%, инфографика – 32%, длинные тексты отвергают 86% респондентов, при этом не имеет значения, какой в них посыл, читать большие объемы информации респонденты не готовы;

– усталость и когнитивные ограничения (36% респондентов: «После работы нет сил анализировать сложные тексты — только короткие ролики»).

Васильцова В.В.
(Москва, РУДН)

КИТАЙСКАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ

Как колыбель одной из древнейших цивилизаций, заложившей фундамент современного мироустройства, Китай всегда отличался стратегическим подходом к формированию своих международных отношений. Уникальность внешнеполитического курса государства обусловлена многовековой историей и неповторимой культурой, что позволяет ему до сих пор сохранять независимость в принятии решений на глобальной арене. Этот своеобразный подход в дипломатии способствовал широкому узнаванию китайской модели внешней политики как самобытной и неподвластной внешнему давлению.

Среди стратегий, направленных на углубление экономических и политических связей, особо выделяется развитие инфраструктурных проектов, таких как инициатива "Один пояс, один путь". Это не только способствует экспансии китайских предприятий за рубеж, но и открывает новые перспективы для развития транспортных коридоров и торговых маршрутов, что важно для государств постсоветского пространства, стремящихся укрепить свою экономику и нарастить экспорт.

Между КНР и Россией действуют всесторонние стратегические партнерские отношения (全面战略伙伴关系 – quán miàn zhàn lüè huǒ bàn guān xì). Охарактеризовать партнерские отношения возможно по градации геополитического влияния и возможности использования их потенциалов для расширения дипломатических ресурсов Китая в проведении внешнеполитического курса. КНР, стремясь расширить своё геополитическое и экономическое влияние, активно ищет пути для углубления отношений с государствами, расположенными на постсоветском пространстве. С этой целью Пекин определяет ключевые направления сотрудничества, которые отражаются в большом спектре двусторонних и многосторонних инициатив. В первую очередь, фокус делается на экономическом взаимодействии, в частности, в рамках обширного проекта "Один пояс, один путь". Этот проект, включает в себя инвестиции в транспортную инфраструктуру, что призвано облегчить торговлю между Китаем и странами этого региона.

Силами дипломатических каналов усиливается культурный обмен, что способствует укреплению взаимопонимания и привлекает внимание к общим историческим и культурным связям. Кроме того, Китай предлагает свои технологические и образовательные ресурсы, что открывает новые возможности для развития человеческого потенциала в постсоветских странах, и углубляет научные и технические связи между народами. Официальная формула отношений – «Всеобъемлющее партнерство стратегического взаимодействия и координации в новую эпоху». Исходя из официальной позиции В.В. Путина на Международном форуме «Один пояс, один путь», между Россией и Китаем, как и большинство государств мира, разделяют стремление к равноправному, взаимовыгодному

сотрудничеству в целях достижения всеобщего устойчивого и экономического прогресса и социального благополучия при уважении цивилизационного многообразия и права каждого государства на собственную модель развития. Выстраиваемая на таких базовых принципах инициатива «Один пояс, один путь» хорошо стыкуется с развивающимися в различных регионах интеграционными процессами. Она созвучна и российским идеям по созданию такого интеграционного контура, где бы в полной мере обеспечивалась свобода торговли, инвестиций, труда, была бы налажена взаимосвязанная инфраструктура. Главной особенностью этих отношений является их широкий спектр – от экономики и торговли до научно-технического сотрудничества и безопасности. Можно сказать, что сотрудничество Китая и России представляет собой многоуровневый союз, который постоянно развивается и адаптируется к новым геополитическим условиям.

Наивысшей точкой в развитии двусторонних отношений между Китаем и Россией может стать стремление к общему противодействию внешним вызовам. Это выражается не только в укреплении внутренних экономических и политических позиций, но и в активизации международной деятельности, направленной на формирование многополярного мира, где КНР и РФ могли бы выступать как ключевые стабилизирующие силы. Китай активно поддерживает Россию в глобальной политике и негативно относится к странам, которые ввели санкции против России, что привело к сокращению торгово-экономического взаимодействия с этими странами после 2022 года. Китай, благодаря своей масштабной и эффективной производственной базе, стал ключевым игроком в мировой экономике и важнейшим торговым партнером России. В условиях санкций и геополитических изменений Россия активно усиливает экономическое сотрудничество с Китаем, что способствует диверсификации торговли, развитию новых секторов и формированию стратегических экономических альянсов.

Вафин А.М.
(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ ГЕЙМИФИКАЦИЮ

Современные тенденции государственного управления требуют интерактивных и ориентированных на пользователя форм коммуникации. Одним из перспективных инструментов является геймификация – применение элементов игрового дизайна (баллы, рейтинги, уровни, виртуальные награды) в неигровых контекстах. В рамках policy communication геймификация способна упростить получение госуслуг, стимулировать участие в общественных консультациях, укрепить доверие к власти через быструю обратную связь и дружественный формат взаимодействия, что особенно важно для молодежи и активных групп населения.

Теоретическая основа геймификации связана с балансом внутренней (интерес, удовольствие) и внешней (вознаграждение, стимулы) мотивации, а также удовлетворением потребностей в компетентности, автономии и социальности. В цифровых сервисах геймификация повышает активность пользователей, вовлекает их в формирование публичной повестки и способствует ощущению личного вклада в развитие государства.

Среди методологических подходов выделяется модель MDA (Mechanics – правила и ограничения; Dynamics – взаимодействие правил и пользователей; Aesthetics – эмоциональный отклик). Она помогает проектировать системы, сочетающие формальные требо-

вания и привлекательный пользовательский опыт. Модель «Шести шагов» – от диагностики целей и аудитории до тестирования и внедрения – подчеркивает, что геймификация требует системного подхода. Четырехступенчатая модель электронного правительства (онлайн-присутствие, транзакции, вертикальные и горизонтальные связи) показывает, как на ранних этапах достаточно простых механик (прогресс-бары, баллы), а на поздних – возможны сложные сценарии (рейтинги городов, совместные проекты, конкурсы).

Геймификация снижает стресс при взаимодействии с госорганами, ускоряет обратную связь (уведомления о смене статуса, автоматические подсказки) и формирует позитивный образ власти. Она может быть инструментом социального влияния, продвигая экологически ответственное поведение, здоровый образ жизни и участие в гражданских инициативах. При этом важно управлять ожиданиями пользователей, обеспечивая релевантность, новизну и достоверность информации, а также применять фрейминг – целенаправленную подачу материала для усиления вовлеченности.

Примеры применения геймификации: «Активный гражданин» (Россия) – участие в опросах и голосованиях с накоплением баллов, которые можно обменять на билеты в музеи, льготы и сувениры; MyGov (Индия) – конкурсы логотипов, слоганов и предложений, победители которых получают официальное признание; Smart Nation (Сингапур) – визуализация прогресса обработки запросов, бонусы за обратную связь и обсуждения.

Важно подчеркнуть, что геймификация не должна быть манипулятивным инструментом или отвлечением от реальных проблем. Она обязана учитывать культурные ценности общества, избегать насилия. В долгосрочной перспективе геймификация – это не временная «игрушка», а стратегический элемент диалога власти и общества, способный повысить эффективность коммуникации, качество обратной связи и уровень гражданской вовлеченности.

Величко А.И.
(Москва, ГУУ)

НОВЫЕ ФОРМЫ ПАТРИОТИЗМА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Цифровая трансформация общества оказывает комплексное воздействие на формирование патриотических ценностей и гражданской идентичности в молодежной среде. В условиях цифровизации традиционные институциональные механизмы патриотического воспитания уступают место сетевым, символическим и эмоционально-визуальным практикам, что приводит к возникновению феномена «гибридного патриотизма». Данное понятие отражает синтез онлайн– и офлайн-практик, совмещение национальной идентичности с глобальными медиатрендами, а также переход от устойчивых ценностных ориентаций к ситуативным формам гражданской активности.

Теоретической основой для анализа гибридного патриотизма служат концепции сетевого общества М. Кастельса, перформативной идентичности

Э. Гоффмана и сетевого индивидуализма Б. Уэллмана. Согласно Кастельсу, цифровизация создает принципиально новые структуры социального взаимодействия, где идентичность формируется через участие в гибких цифровых сообществах, а не через иерархические институты. Это подтверждается эмпирическими исследованиями А.А.

Вилкова, который отмечает формирование новых, сетевых и визуальных форм патриотической идентичности под влиянием цифровой среды.

Важнейшим проявлением гибридного патриотизма становится «перформативный патриотизм» – демонстрация лояльности через символические действия в социальных сетях. Как отмечается в работе, пользовательские профили в VK, Telegram и других платформах превращаются в площадки для конструирования патриотического образа через аватары с национальной символикой, хэштеги, участие в челленджах и флешмобах. Этот процесс соответствует логике самопрезентации Э. Гоффмана, где личность использует культурные маркеры для управления впечатлением.

Эмпирические данные, полученные в ходе онлайн-анкетирования 1284 респондентов, подтверждают высокую степень вовлеченности молодежи в цифровые патриотические практики. Более 76% опрошенных имели опыт участия в проектах с игровыми элементами и мультимедийными форматами, при этом 46.6% отметили усиление интереса к отечественной истории после такого участия. Однако наблюдается существенный разрыв между цифровой активностью и реальными практиками: лишь 15% «цифровых активистов» участвуют в офлайн-волонтерских проектах .

Ключевым противоречием гибридного патриотизма становится феномен «расщепленной идентичности». С одной стороны, молодежь демонстрирует высокую вовлеченность в символические патриотические практики, с другой – сохраняет критическое отношение к официальным нарративам. Согласно исследованию, 41% респондентов в возрасте 18-24 лет считают нормальным одновременное участие в государственных патриотических челленджах и критику исторической политики страны. Это отражает сложный характер гражданской идентичности, сочетающей эмоциональную привязанность к стране с рефлексивным осмыслением ее истории и современного развития.

Еще одним вызовом цифровой среды становится формирование «клипового патриотизма» – поверхностного усвоения ценностей через фрагментарные символы и визуальные образы. Исследование Mediascope показывает, что более 80% подростков 14-18 лет ежедневно потребляют информационный контент через TikTok, VK Клипы и YouTube Shorts, при этом около 60% предпочитают краткие форматы до 60 секунд [Молодёжные медиапредпочтения в России: аналитический отчёт, 2023]. Это приводит к девальвации сложных исторических нарративов и доминированию эмоционального восприятия над рациональным анализом.

Алгоритмическая архитектура цифровых платформ усугубляет эти тенденции через создание «фильтровых пузырей» (термин Э. Паризера), где пользователь сталкивается преимущественно с контентом, соответствующим его существующим установкам. Согласно данным МГУ имени М. В. Ломоносова, свыше 72% молодых пользователей соцсетей получают информацию через рекомендательные алгоритмы, при этом менее 18% осознанно проверяют источник сведений, особенно при потреблении исторического контента. Это ограничивает контакт с альтернативными точками зрения и способствует идеологической поляризации.

В ответ на эти вызовы государственная молодежная политика активно развивает цифровые инструменты патриотического воспитания. Однако, как отмечает Л. Д. Козырева, комплексный анализ молодежной политики как инструмента формирования патриотизма в условиях цифровизации остается недостаточно изученным.

Гибридный патриотизм представляет собой сложный социокультурный феномен, характеризующийся переходом от институциональных к сетевым формам идентичности, симбиозом традиционных ценностей и цифровых практик, а также противоречием между символической вовлеченностью и реальной гражданской активностью. Дальнейшее изучение этого феномена требует разработки интегративных моделей, сочетающих технологические инновации с сохранением смысловой глубины патриотического воспитания.

Веретевская А.В.
(Москва, МГИМО МИД России)

ЧТО ВМЕСТО «ЛИБЕРАЛИЗМА»? ИДЕЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В УСЛОВИЯХ НОВОГО МИРОПОРЯДКА.

Утрата лидирующей роли либеральной (или идеалистической, как ее еще называют) парадигмы в международных отношениях кажется свершившимся фактом. Во многом благодаря усилиям западных политических элит из несущей мир и равноправие (в соответствии с категорическим императивом И.Канта) либеральная идеология превратилась в карательный инструмент, использующийся для сдерживания несогласных с разносторонним доминированием стран Запада, одновременно составив основание для консолидации карателей. В таком, монополизированном, виде «либерализм» быстро приобретает антипатриотические черты в тех странах, против которых он используется (атаки в отношении КНР по проблематике прав человека, антироссийские и антииранские санкции и т.п.). Вследствие этого требования нового (более справедливого) миропорядка сегодня будто бы полностью исключают возможность его организации на Кантовских принципах.

Но если не на таком основании, то на каком? На каких основаниях в реальности возможна социально-политическая консолидация современных обществ сегодня? Здесь речь идет не только о мировом сообществе, но и о современном государстве – предыдущем (по отношению к мировому сообществу) уровне социально-политической консолидации.

Понятие «консолидация» имеет латинское происхождение, связывающее термин по смыслу со словами укреплять, уплотнять, сращивать. В контексте общественных наук этим термином чаще всего обозначается процесс объединения и сплочения общественных субъектов для достижения общих целей. Под социально-политической консолидацией понимается, соответственно, некий процесс общественного сплочения, предполагающий преодоление некоторых эгоистических устремлений граждан в пользу общих политико-экономических задач. Продуктами социально-политической консолидации на разных уровнях являются различные формы политических сообществ (политические формы). С течением истории эти формы усложнялись и менялись в размерах, объединяя то большее, то меньшее число консолидирующихся. Для того, чтобы процесс консолидации был состоятельным (а с ним приобрела бы черты состоятельности и политическая форма в целом), необходимо адекватное основание для консолидации.

В современных (сложных) формах политических сообществ основания для общественно-политической консолидации – множественны. Идейная (или идеологическая) составляющая – лишь одна часть такого основания. Поэтому современные политические формы, представленные государством-нацией и международным сообществом, до последнего времени выглядели способными «пережить» плюрализм этой части без обязательной утраты политической состоятельности (то или иное государство-нация может десятилетиями продолжать существовать в своих границах, экономически развиваться и воспроизводиться политически в условиях, когда разные части его населения придерживаются кардинально противоположных ценностей). Как сегодня становится понятным, однако, широта внутреннего идейного плюрализма в государстве-нации в очень большой степени зависит от солидарности на следующем уровне социально-политической консолидации – между-

народном. Для стран Запада, например, «либеральный» миропорядок до последнего времени способен был компенсировать потенциальные недостатки внутренней общественно-политической консолидации. По сути, при нехватке политической консолидации внутри такое государство (в лице тех, кто в этом заинтересован, например – в лице политической элиты большинства) могло апеллировать к международному признанию и/или к международному общественному мнению. Будучи скрепленными единым (либеральным) идеологическим основанием, такие государства могли быстро компенсировалась друг другу нехватку внутренней консолидации. Такая «либеральная» солидарность концептуально напоминала классовую солидарность в определении К.Маркса.

Наметившаяся в 10-е и 20-е гг. XXI в. трансформация миропорядка стала угрожать разрушением привычной системы рычагов воздействия на политическую консолидацию его участников. Сама эта трансформация, к слову, и была вызвана как раз попыткой стран Запада закрепить временно возникшую (в результате постколониальных еще и затем – постсоветских перекосов развития) монополию на инструменты внешней консолидации за собой на будущее: страны, не входившие в старую «либеральную звездочку», однако поверившие в то, что «либеральный» порядок вне идеологической конкуренции для всех станет одинаковым, за 60-40 лет разочаровались.

Так называемый старый «либеральный» порядок в итоге не только не смог стать консолидирующим основанием для мира, но и начал утрачивать сторонников внутри государств. Где-то (в Европе и Северной Америке) его стали теснить правые национализм и популизм, где-то (в Латинской Америке) его «подвинули» левые (и тоже часто – популисты), где-то (на ближнем Востоке) место секулярных проектов заняли религиозные. Однако если спросить, уйдут ли со старым номинально либеральным проектом Кантовские принципы организации международного взаимодействия, ответ будет, скорее, отрицательным.

Ветренко И.А.
(Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС)

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА РФ КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

За последние годы у нас в стране сформировался консенсус в понимании важности создания, поддержания и развития институтов как госуправления, так и экономической политики. Для экономического роста и поддержания стабильности не менее важны институты, отражающие общественный запрос. В 2025 году Общественная палата отмечает свое 20-летие. За это время она стала востребованным институтом гражданского общества, который способствует диалогу между гражданами и властью при принятии ключевых для страны решений.

Когда 20 лет назад у нас в России появился новый институт в обществе – Общественная палата, никто даже не мог себе представить, что этот институт, не наделенный властью, не упомянутый ни в каком статусе в Конституции, он станет двигателем в развитии гражданского общества нашей страны.

Глядя через призму анализа развития гражданского общества в нашей стране за последние 20 лет, точно можно заключить, что гражданское общество в России однозначно существуют, как де-юре, так и де-факто. В главном документе страны – Конституции РФ – закреплены основные права и свободы граждан, нет цензуры, есть парламент,

множество партий, некоммерческих организаций (НКО), многочисленные СМИ включая оппозиционные, государство старается защищать частную собственность.

Общественная палата на различных этапах выполняла разную миссию. Был период, когда Палата объясняла, что такое гражданское общество, мониторила уровень развития гражданского общества в разных субъектах федерации, сравнивая их, показывая, что такое институты гражданского общества, то есть занималась просветительской и аналитической деятельностью.

Затем в истории Общественной палаты наступил период, когда она взяла на себя миссию общественных наблюдателей на президентских выборах, это было в 2028 году. Палата бесплатно готовила компетентных, образованных, прошедших повышение квалификации и сертифицированных общественных наблюдателей. Это, кстати, в России было впервые, когда наблюдают не в интересах кандидата, не в интересах какой-то политической партии, а в интересах общества. У общественности должны быть свои глаза и уши на выборах, и ими стали наблюдатели. Сейчас наступил третий этап деятельности Общественной палаты, когда она выступает инициатором межсекторного партнерства.

Среди основных трудностей становления гражданского общества в России можно назвать: забюрократизированность отдельных сегментов государственного аппарата; внутреннюю деконсолидированность отдельных сегментов российского общества; слабость укоренения этических (доверие, солидарность, сопереживание, уважение к жизни) объединяющих ценностей у людей и государства; невысокий удельный вес среднего класса; распространение коррупции; низкий уровень правосознания и правовой культуры общества.

Сегодня уже можно говорить о том, что в России не только оформились все три сектора гражданского общества, но и сформировались эффективно работающие формы межсекторного партнерства, которые позволяют решать проблемы, сложилось понимание сути и основных принципов межсекторного социального партнерства, которое представляется равносторонним треугольником эффективного взаимодействия государства, корпоративного и некоммерческого секторов. Однако такое понимание характерно для идеальной зрелой модели, широкое распространение которой возможно в будущем. На данный момент существуют прецеденты реализации межсекторного социального партнерства по принципу идеальной модели. Для того, чтобы более полно раскрыть суть межсекторного партнерства, необходимо провести ретроспективный анализ становления и развития данного феномена в России.

Виноградова И.М.
(Екатеринбург, ИФиП УрО РАН)

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ

Цифровизация партийной системы в России становится фактором, радикально меняющим не только методы внешней коммуникации, но и внутреннюю организацию партий, их стратегию и способность адаптироваться к быстро меняющейся среде. Если раньше цифровые инструменты воспринимались преимущественно как вспомогательные каналы агитации, то сегодня они в значительной степени приобретают системообразующий характер, определяя эффективность мобилизации, построения политического бренда и управляемости партийных структур. В этой связи ключевым

вопросом становится выявление устойчивых тенденций цифровизации и их последствий для российской партийной системы.

Одним из наиболее заметных направлений является формирование платформенной инфраструктуры партий, особенно – внедрение партиями собственных IT-решений — от корпоративных приложений и CRM-систем до платформ для электронных праймериз, что повышает технологическую суверенность партий. В современном контексте политическая партия всё чаще рассматривается как технологическая экосистема, в которой цифровые сервисы интегрированы в разные аспекты деятельности. Такая модель обеспечивает постоянное присутствие партии в цифровом пространстве и позволяет управлять информационными потоками в режиме реального времени, становится обязательным условием конкурентоспособности: «у партий нет другого пути, как становиться современной технологической платформой, за такой моделью будущее[19]».

Вторым значимым трендом является персонификация цифровых коммуникаций. Социальные сети и алгоритмы персональных рекомендаций позволяют настраивать политические сообщения под индивидуальные интересы пользователей, что повышает эффективность агитации и вовлечения. Однако вместе с ростом влияния персонифицированного контента усиливаются риски политической зависимости от харизмы лидеров, а также возникают вопросы этического характера, связанные с использованием персональных данных и инструментов микротаргетинга.

Особое внимание следует уделить проблеме цифрового неравенства. Крупные партии, обладающие государственным финансированием, развитой IT-структурой и административными возможностями, способны формировать полноценные цифровые экосистемы. В то же время менее ресурсные политические силы оказываются ограничены в использовании новейших технологий и не могут в равной мере конкурировать в цифровом пространстве. Это усиливает асимметрию партийного поля и воспроизводит существующие различия в доступе к традиционным медиа.

Важным вектором выступает автоматизация коммуникаций: чат-боты, онлайн-приемные, сервисы для обратной связи и обращений позволяют снизить нагрузку на партийные аппараты и обеспечить избирателям более быстрый доступ к информации. В то же время это меняет саму природу коммуникации, делая её более стандартизированной и технологически управляемой. Отдельно стоит отметить феномен скрытой цифровой мобилизации, когда работа с электоратом переносится в закрытые каналы мессенджеров и локальные онлайн-группы. Здесь происходит координация сторонников, распространение агитационных материалов и формирование локальных сетей доверия.

Ещё одна устойчивая тенденция — рост «цифровых» расходов партий. Производство медиаконтента, таргетированная реклама, сопровождение социальных сетей, поддержка собственных платформ требуют значительных ресурсов и становятся одной из приоритетных статей партийных бюджетов. Социальные сети при этом превращаются не только в площадку для информирования, но и в место прямой конкуренции партийных брендов.

Наконец, особое значение приобретает внедрение технологий искусственного интеллекта и нейросетей. Их использование в автоматизации создания медиаконтента, анализе Big Data и прогнозировании электорального поведения открывает для партий новые возможности стратегического планирования, но одновременно порождает дискуссии о границах допустимого применения ИИ в политике.

В совокупности эти тенденции позволяют говорить о формировании новой парадигмы партийного развития в цифровую эпоху. Партии, способные интегрировать цифровые

[19] *Калачев К.* Цифровая партийная экосистема // Центр прикладных исследований и программ. Москва, 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.prisp.ru/opinion/18251-kalachev-cifrovaya-partiya-tehnologii-1102 (дата обращения: 22.08.2025).

практики во внутренние процессы, кадровый менеджмент и систему коммуникаций, будут сохранять устойчивость и легитимность. Те же, кто не адаптируется к современным вызовам, рискуют постепенно утратить влияние и электоральное присутствие.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что цифровизация является не единственным и не абсолютным фактором трансформации партийной системы. На характер изменений решающее воздействие оказывают институциональные рамки государства и динамика доверия граждан к политическим институтам. Цифровизация партий в России предстает как ключевой, но всё же вспомогательный элемент широкой трансформации партийного института.

Внукова Л.Б.
(Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН)

ОСОБЕННОСТИ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ (НА ОСНОВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Патриотические настроения в современном российском обществе являются неотъемлемой частью государственной безопасности. В данных тезисах приведена часть результатов весеннего опроса 2025 г., организованного Южным научным центром РАН в крупнейших вузах Ростова-на-Дону (Южный федеральный университет (ЮФУ), Донской государственный технический университете и др.) и Краснодара (Кубанский государственный университет), который был проведен с помощью сервиса Анкетолог и охватил 684 студента. Соответствующими выборке по количеству опрошенных, соотношению направлений подготовки, можно считать данные, полученные в ЮФУ (ошибка выборки 5%), а в целом все результаты можно рассматривать как пилотные для Ростовской области и Краснодарского края. Целью работы выступает анализ особенностей патриотических взглядов студенчества.

90,4% всех опрошенных ответили «да» на вопрос «Считаете ли вы себя патриотом?», «нет» ответили только 5,6% (в массиве ЮФУ эти показатели 89,4% и 5,6% соответственно), и эти результаты совпадают с данными ВЦИОМ: в марте 2024 г. этот показатель составил 87% в группе 18-24 лет [О современном российском патриотизме. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme].

Из предложенных десяти характеристик патриота около трех четвертых опрошенных выбрали «Знает и уважает историю России, культуру и традиции населяющих ее народов», более 40% считают, что это также любовь и сохранение природы родной страны. Третья по популярности характеристика патриота – «хочет видеть Россию сильной, чтобы политические деятели других стран боялись и уважали Россию». В среднюю зону со значением 27(±3,8)% попали несколько вариантов: относительно нейтральная характеристика – «Поддерживает дружбу между народами России и других стран», и более личные, непосредственно затрагивающие субъективное целеполагание: «Трудится на благо страны, не ожидая "достойного" вознаграждения за свой труд», «Защищает страну ценой своей жизни», «Видит свое будущее только в России: хочет работать, развиваться и жить в России».

Аутсайдерами оказались ответы «Хочет видеть Россию демократической страной с господством либеральных ценностей» (около 8%) и «Проявляет терпимость по отношению к представителям нетитульных этносов в различных сферах экономической и политической жизни страны» (11,1%). Самый непопулярный вариант и ранее вызывал амбивалентное отношение, вероятнее всего, такой результат связан с падением популярности стран – ярких представителей демократии и либеральных ценностей. Во втором случае одной из причин может быть рост мигрантофобии после теракта в Крокус Сити Холле в марте 2024 г. наряду с присутствием негативного отношения среди части молодежи к отдельным этническим группам.

Вернемся к такой характеристике патриота как «Видит свое будущее только в России: хочет работать, развиваться и жить в России» – больше четверти (26,3%) выбрали этот вариант, однако есть группа, немного меньшая по количеству (24,7% в выборке по ЮФУ и 21,8% среди всех ответивших), мнение которой можно считать противоположным: «Патриотом может быть и человек, который желает жить за границей либо уже живет, но продолжает любить свою родину». В связи с этим возникает некий парадокс, который помогут прояснить результаты вопросов: «Как Вы относитесь к перспективе эмигрировать из страны?», представленные в Таблице, и «Как вы относитесь к людям, которые эмигрируют из России?» На последний вопрос абсолютное большинство – около 80% – нейтрально относится к эмигрантам, такой вывод основан на сумме ответов «Никак не отношусь, это их личное дело» и «Бывают разные причины, нельзя всех оценивать одинаково».

Таблица. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к перспективе эмигрировать из страны?», %

Варианты	**ЮФУ**	**Все ответы**
Я из России уезжать не собираюсь, буду строить свое будущее и развивать страну вместе с другими патриотами.	50,5	48,7
Нет смысла отсюда уезжать – в мире сейчас нигде не безопасно.	11,4	13,5
Я буду смотреть по ситуации, особого желания эмигрировать у меня нет, хотя такую возможность я не исключаю.	35	34,5
Как только появится возможность – уеду на ПМЖ в другую страну, потому что достойного и безопасного будущего в России не вижу	2,2	2,7
Другое	0,9	0,7
Затрудняюсь ответить	16,6	17,7

Только около половины однозначно заявили, что не собираются уезжать из России и будут «строить свое будущее и развивать страну вместе с другими патриотами». Более трети ответивших студентов не исключают для себя возможность эмиграции, при условии, что около 90% до этого заявили о себе как о патриотах, и, на наш взгляд, это очень тревожный показатель. Возникает предположение, что в современных условиях «модно», «в тренде» быть патриотом, но смысл и понимание патриотизма весьма различно у молодых людей.

** Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2025 г., № гос.рег. 125011200149-6*

Возмитель И.А.
(Москва, РУДН)

ЦИФРОВЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ: ДЕЗИНФОРМАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГРАЖДАН США

Дезинформация в электоральных процессах является достаточно актуальной проблемой по всему миру. Быстрая цифровизация способствовала быстрой смене правил в медиаполе, тем самым традиционные массмедиа стали изменяться и подстраиваться под новые реалии. Переход от аналоговых технологий к цифровым не только изменил механизмы распространения контента, но и повлиял на его восприятие аудиторией и модели его коммерциализации.

Распространение дезинформации в медиапространстве получило мощный импульс от развития онлайн-платформ и СМИ, при этом социальные сети выступили как массовый инструмент для ее распространения, минуя традиционные медиа. Распространение дезинформации через социальные сети приобрело глобальный характер и стало инструментом, применяемым для формирования нарратива, поддерживающего политический дискурс, выгоды для определенных людей, а если рассматривать электоральный процесс, то для кандидатов[20].

Хотя дезинформация уже стала неотъемлемой частью политической жизни и используется во многих политических сферах, ее развитие вызывает серьезные опасения. Дезинформацию становится сложнее отслеживать, а ее механизмы и формы прогрессируют с огромной скоростью, что позволяет с помощью социальных сетей и интернет-изданий охватывать более широкую аудиторию[21].

Основной формой дезинформации можно назвать ложные новости, или, так называемые, «фейковые» новости. Данный термин имеет множество определений в политической науке и используется в разных формах. Фейковые новости можно определить как информацию, которая внешне выглядит как новостной материал, но при этом не соответствует организационным процессам и целям настоящих СМИ. Необходимо подчеркнуть, что фейковые новостные агентства не придерживаются редакционных норм и процедур, которые характерны для традиционных СМИ и не обеспечивают объективность и правдивость сообщаемой информации.

Социальные сети превратились в мощный инструмент для распространения дезинформации, одновременно предоставляя высокую степень доверия и способствуя ее быстрому распространению. Согласно исследованиям, вероятность рассылки дезинформации и дальнейшего распространения в чатах различных мессенджеров гораздо выше, даже на 70% больше во всех категориях информации, чем правдивых новостей[22]. В социальных сетях используются боты, которые автоматизируют процесс дезинформации и увеличивают масштабы распространения. Новость, которая может быть опубликована в канале-миллионнике, может быть разослана за несколько секунд и поднять информационный шум. Исследования показали, что распространение фейковых новостей варьируется в зависимости от тематики контента. В частности, политические новости ока-

[20]Stachofsky J., Schaupp L. C., Crossler R. E. Measuring the effect of political alignment, platforms, and fake news consumption on voter concern for election processes //Government Information Quarterly. – 2023. – Т. 40. – №. 3. – С. 101810.

[21]Grossman G. M., Helpman E. Electoral competition with fake news //European Journal of Political Economy. – 2023. – Т. 77. – С. 102315.

[22]Newman, Nic and Fletcher, Richard and Kalogeropoulos, Antonis and Kalogeropoulos, Antonis and Levy, David and Nielsen, Rasmus Kleis, Reuters Institute Digital News Report 2017 (June 2017). Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=3026082

зались более подвержены распространению фейков по сравнению с новостями о стихийных бедствиях, научных открытиях и финансах.

В каждой стране избирательный процесс представляет собой сложную систему, состоящую из множества взаимосвязанных этапов, нуждающихся в регулировании и контроле. В США дезинформация в форме фейковых новостей представляла собой растущую угрозу начиная с выборов президента США в 2016 году, поскольку основными целями были: пропаганда взглядов, подрыв демократических процессов и влияние на поведение избирателей в ходе электорального цикла.

В предвыборный период 2024 года наблюдалось широкое распространение фейковых новостей, при этом для максимального охвата использовались различные каналы. Важно отметить, что в 2024 году дезинформация не только стремилась ввести избирателей в заблуждение и навязать им определенные события, но и имела целью подорвать доверие к традиционным средствам массовой информации.

В 2024 году использовались две стратегии: первая заключалась во введении и распространении посредством использования социальных сетей дезинформации, в частности фейков, влияющей на электоральное поведение, а вторая стратегия поддерживала существующие убеждения избирателей. Такая тенденция способствовала созданию информационных экосистем, где алгоритмы социальных сетей ретранслировали и усиливали сообщения, согласующиеся с существующими предубеждениями. В итоге дезинформация не только искажала восприятие избирателей, но и обостряла политическую поляризацию, делая все труднее для избирателей критически оценивать поступающую информацию.

Волох В.А.
(Москва, ГУУ, «Университет мировых цивилизаций» им. В.В. Жириновского)

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ И ОПТИМИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В настоящее время в Российской Федерации проблема миграции является значимым фактором обеспечения как социально-экономической стабильности Российской Федерации, так и безопасности государства. Страна сталкивается с рядом серьезных вызовов в сфере миграции, которые требуют выработки адекватных и эффективных мер реагирования. Высказываются противоречивые различные мнения о нововведениях в миграционной сфере.

По данным МВД России, на конец 2024 года на миграционном учете состоит свыше 6,5 млн иностранных граждан. Это примерно 4,2% от населения России (146,2 млн человек, по данным Росстата на 2023 год). На миграционный учет в 2023 году встали более 8,5 млн человек[23]. Очевидно, часть из них покинула Россию, часть натурализовалась, то есть получила гражданство. Не исключено, что какое-то количество мигрантов «ушло в тень» и живет без регистрации по месту жительства и без разрешения на работу.

Нет сомнения, что ситуацию с миграцией нужно менять. О необходимости «противодействия формированию негативного сценария развития ситуации на российском рынке

[23]МВД раскрыло число мигрантов в России // Политика, 18 сен. 2024 https://www.rbc.ru/politics/18/09/2024/66ead3a49a7947fa173f2813

труда с участием трудовых мигрантов необходимо уже сейчас разработать и принять дополнительные меры, которые должны исходить от государства и работодателей – как профильных, так и социально ориентированных» ещё в 2020 г. писали Воронина Н. А., Суворова В. А., Волох В. А. в статье «Миграционная политика в новой реальности: выход из пандемии» опубликованной в журнале Власть[24].

Вместе с тем нельзя допустить перерастания справедливых претензий к недостаткам миграционного процесса и конкретным нарушениям, и преступлениям со стороны иностранцев в России в мигрантофобию и ксенофобию, подрывающие подлинные основы российского самосознания.

С начала 2024 года принят ряд нормативных правовых актов, направленных на совершенствование миграционной политики. Принятые нормы предусматривают введение режима высылки незаконных мигрантов и создание реестра контролируемых лиц, не имеющих права находиться в нашей стране, ограничение количества сим-карт, продаваемых в том числе мигрантам, а также ужесточение требований к заключению с иностранными гражданами договоров об оказании услуг связи, включая сбор биометрических данных. Также принят закон, направленный на противодействие заключению фиктивных браков и процессу фиктивного усыновления.

Все это позволило создать более эффективную систему противодействия незаконной миграции и сформировать законодательное поле для борьбы с противоправными действиями.

Действующая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 (с изменениями и дополнениями), была реализована органами власти совместно с институтами гражданского общества, учебными и научными организациями, бизнес-сообществом и правоохранительными органами. Однако новые вызовы и угрозы требуют безотлагательных и эффективных мер по внесению необходимых изменений в текущую миграционную политику.

По нашему мнению, на текущем этапе развития требуется не обновление Концепции государственной миграционной политики РФ, а разработка и утверждение Главой государства полноценной Стратегии государственной миграционной политики Российской Федерации, что предусмотрено Конституцией РФ. Это позволит обеспечить более системный и долгосрочный подход к управлению миграционными процессами.

Воржецов А.Г.
(Казань, КНИТУ)

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ КОНСЕРВАТИВНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

По результатам Всероссийского социологического опроса, проведённого сотрудниками Института социологии РАН в конце 2017 года, «многолетний тренд на стабильность, на сохранение в неизменном виде сложившейся в иной политико-экономической

[24]Воронина Н. А., Суворова В. А., Волох В. А. Миграционная политика в новой реальности: выход из пандемии // Власть. 2020. Том. 28. № 4. С. 26-32

реальности системы социальных и политических институтов начал смещаться в сторону формирования запроса на перемены» (Двадцать лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян / под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. – М.: Весь мир, 2018. – с.135). Причём «справедливость, демократия и держава составляют сегодня триаду основных ценностных предпочтений наших сограждан». А «хотя всего четыре года назад она была иной – справедливость, традиция, держава» (Петухов В.В., Петухов Р.В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Политические исследования. – 2019. – № 5. – с. 124).

По мнению Президента РФ В.В. Путина, «сегодня в нашем обществе чётко обозначился запрос на перемены, и поэтому следует вынести на обсуждение ряд конституционных поправок, которые считаю вполне обоснованными и важными для дальнейшего развития России как правового социального государства...» (Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета – 2020. – 16 января). А в 2024 году Президент РФ отметил, что «необходимо и дальше развивать институты демократии» (Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета – 2020. – 1 марта).

И в плане дальнейшего развития институтов демократии важное значение имеют политические партии. А «реальная демократия наиболее эффективным образом обеспечивается двухпартийной системой...» (Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета – 2018. – 9 октября). Поэтому в России необходимо создать не менее двух крупных партий. Во многих европейских странах наиболее крупными политическими партиями являются консервативные и социал-демократические партии. С одной стороны, эти партии отличаются друг от друга тем, что консерваторы являются сторонниками идеи народного капитализма, а социал-демократы (социалисты) сторонниками идеи демократического социализма. С другой стороны, эти партии являются сторонниками правового социального государства. Поэтому после смены правящих партий в странах Европы (консервативных и социал-демократических) устои правового социального государства сохраняются, в этих странах достигнут консервативно-социал-демократический консенсус).

Поэтому в России необходимо создать две крупные центристские партии – консервативную и социал-демократическую (социалистическую), в программах которых должны быть сформулированы основные ценности правового социального государства и определены пути их реализации в стране. Разработка и обсуждение таких программ позволит создать консервативно-социалистический (социал-демократический) консенсус в современной России. Во-вторых, будет сделан определённый шаг на пути реализации запроса россиян на перемены.

Воронкова О.А.
(Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В ДИНАМИКЕ СТАНОВЛЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Концепт *политической системы* охватывает все компоненты и механизмы, задействованные в процессе управления социумом. Политика как сфера отношений власти вырабатывает средства регулирования политических и социальных практик. Отличие одной политической системы от другой состоит в принципиальных харак-

теристиках управленческих институтов. А эти характеристики в значительной мере зависят от сложившихся культурно-символических кодов, заложенных в национальной ментальности, моделях мышления и поведения. Национальная ментальность как концептуально-логическое свойство массового сознания составляет фундаментальную основу для становления политической культуры. Эта поддерживающая платформа обеспечивает устойчивость иерархических систем и ресурсы ее самовосстановления.

В идеале функционеры политико-системного ядра должны обладать высокопрофессиональными свойствами для выполнения своих задач. Все эти задачи рационально и логически диктуют специфичность инструментальных аспектов сохранения функциональности, включая аспекты надежности и ответственности за воплощение идеала-долженствования, закреплённого в политической культуре, и стремление к совершенствованию механизмов поддержания идеала. Эмоциональный аспект предполагает формирование ценностных качеств, воплощающих доверие общества к власти.

Парадокс в том, что стремление к идеалу никогда не достигает конечной цели в силу той причины, что рациональный человеческий разум, выстраивая свою субъективную стратегию, практически не способен к охвату и учету всех факторов развития. Субъективистская стратегия управления сложным организмом способна лишь на разработку прямых и очевидных (или кажущихся очевидными) средств достижения цели, в логике которой все иные «мешающие» факторы выносятся за скобки, а при их активном проявлении подвергаются нивелировке. Суть рационализма в политике, по мысли М. Оукшотта, состоит в сочетании «совершенства» с «единообразием». Парадоксальным результатом прямолинейного «стремления к идеалу» становится, как уже не раз демонстрировала история, выхолащивание логики управления до строгой формулы, не только не способной обеспечивать развитие, а деградирующей до фактора, препятствующего ему.

Социокультурная сфера вносит, таким образом, свой вклад в динамику трансформации политической системы, функционеры которой вынуждаются рано или поздно учитывать социальные факторы саморазвития.

Сетевое развитие социума сопровождается растущими требованиями равноправного участия в политическом процессе и управленческой деятельности. Сегодня ученые отмечают становление «социальности нового типа» (Тимофеева Л. Н.), определяемой через технологическую возможность живой социальной системы развивать способы постоянного переосмысления динамичной реальности и самореализации в ней.

Набирающая силу волна социальной активности способствует изменению факторов обеспечения политической системности. Сетевая социальная сфера создает предпосылки для конструирования принципиально новых опор для политической и социальной систем. От единства и единомыслия как стержневой опоры вертикальной конструкции власть вынуждена переходить к поиску внешних и внутренних форм консенсуса как многоопорной и гораздо более устойчивой платформы. При укреплении опор этой платформы сетевая социальность способна восстановить фактор эволюционности социального развития, подавленный механизмами консервации единовластия как определяющего принципа политической системности.

Габайдулин Р.В.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

БЛОГОСФЕРА КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТЬЮ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В цифровую эпоху политическая коммуникация претерпела радикальные изменения, где традиционные СМИ уступают место динамичным онлайн-платформам. Блогосфера, охватывающая социальные сети, блоги и видеохостинги, превратилась в мощный инструмент формирования общественного мнения и управления политической лояльностью. Политические акторы все чаще обращаются к лидерам мнений и блогерам для продвижения идей, поскольку эти фигуры обладают уникальной способностью устанавливать доверительные связи с аудиторией. В этой статье рассматривается роль блогосферы как инструмента укрепления или подрыва лояльности к политическим институтам, с акцентом на ее стратегии, риски и практические примеры.

Блогосфера функционирует как экосистема, где индивидуальные авторы — от микроблогеров до крупных инфлюенсеров — создают контент, способный влиять на миллионы пользователей. В отличие от централизованных СМИ, здесь преобладает горизонтальная коммуникация, позволяющая блогерам выстраивать эмоциональные связи с аудиторией через неформальный стиль и персонализированные нарративы. Политические партии и лидеры активно сотрудничают с инфлюенсерами, используя их для распространения сообщений, адаптированных под конкретные демографические группы.

Механизмы влияния блогосферы на политическую лояльность носят многоуровневый характер. Во-первых, блогеры эксплуатируют когнитивные предубеждения аудитории, создавая нарративы, подтверждающие существующие убеждения, что усиливает эмоциональную привязанность к политическим идеям. Алгоритмы платформ способствуют этому, продвигая контент в "пузыри фильтров" и повышая охват таргетированных сообщений. Во-вторых, блогосфера стимулирует мобилизацию сообществ: через обсуждения в комментариях или онлайн-кампании лидеры мнений координируют действия, от участия в голосованиях до протестов, тем самым укрепляя коллективную лояльность. Однако эта динамика несет риски: дезинформация, распространяемая под видом аутентичного контента, может подорвать доверие к институтам власти. В 2025 году отмечены случаи, когда блогеры, мотивированные финансовыми интересами или иными мотивами, манипулировали аудиторией, увеличивая поляризацию.

Ключевым механизмом влияния блогосферы является её способность создавать цифровые сообщества, которые становятся платформами для обсуждения и координации политических действий. Эти сообщества, формирующиеся вокруг популярных блогеров, могут мобилизовать граждан для участия в выборах, протестах или общественных кампаниях, укрепляя лояльность к конкретным политическим силам.

Однако использование блогосферы сопряжено с рядом вызовов. Одним из основных рисков является распространение дезинформации, которая может подорвать доверие к политическим институтам. Фейковые новости, распространяемые через популярные блоги, способны быстро охватить широкую аудиторию, усиливая социальную напряжённость или поляризацию. Алгоритмы социальных сетей, создающие "пузыри фильтров", усугубляют эту проблему, ограничивая доступ граждан к разнообразным точкам

зрения и усиливая разделение общества. Кроме того, финансовая зависимость блогеров от спонсоров делает их уязвимыми для манипуляций, что снижает их независимость и подрывает доверие аудитории. В условиях, когда блогеры становятся инструментом политических акторов, их роль в формировании лояльности может быть как созидательной, так и деструктивной. К 2025 году тенденция к спонсируемому контенту усилилась, вызывая дебаты о прозрачности: наблюдается рост числа микроблогеров, чье влияние на доверие граждан требует новых регуляций.

Несмотря на преимущества, блогосфера сталкивается с вызовами, такими как финансовая зависимость инфлюенсеров от спонсоров, что снижает их независимость и повышает риск манипуляций. В глобальном масштабе требуется баланс между свободой выражения и мерами против фейковых нарративов, чтобы минимизировать поляризацию и сохранить общественное доверие.

Блогосфера в цифровую эпоху эволюционировала в стратегический инструмент управления политической лояльностью, предлагая новые возможности для взаимодействия и мобилизации, но также порождая значительные риски дезинформации и разделения общества. По мере развития технологий, таких как алгоритмы и ИИ, политические акторы должны адаптировать стратегии, подчеркивая прозрачность и этику, чтобы укреплять доверие и способствовать здоровым демократическим процессам. В перспективе, с учетом тенденций 2024–2025 годов, регуляция блогосферы и повышение медиаграмотности населения станут ключевыми для баланса между инновациями и стабильностью политических систем.

Габриелян О.А., Гаспарян М.В.
(Симферополь, КФУ им. В. И. Вернадского)

ОБРАЗА ГЕРОЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ:АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ СИСТЕМА МОНИТОРИНГА ПРИСУТСТВИЯ

В результате комплексного исследования разработана автоматизированная система мониторинга присутствия образа героя в современном российском медиапространстве. Система включает три условных блока, реализованных в едином онлайн-сервисе: блок парсинга (обеспечивающий сбор данных, сообщений содержащих героический контекст), блок классификации (применяется метод ИИ-анализа данных для решения задачи распределения сообщений на классы, связанные с различными аспектами образа героического), блок расчета показателей отражающих внимание и восприятие героического контента, а также их визуализацию.

В нашем исследовании на основании объективных данных, охвата аудитории, была описана топология современного российского медиапространства. Охват, с одной стороны, обеспечивает анализ условий для более устойчивого/регулярного воздействия на аудиторию, а с другой – позволяет исследовать актуальную информационную повестку. Учитывая такие обстоятельства, как динамичность формирования контента, широкий спектр авторов, репрезентативность аудитории социальной структуре, данные для мониторинга присутствия образа героя в медиапространстве будут парситься из социальных медиа (в частности, из социальной сети ВКонтакте).

Социальная сеть ВКонтакте имеет самый высокий показатель «охват за месяц, % от населения» – 76,3 % из всех площадок социальных медиа (по данным компании Mediascope на июль 2025 г.). Также следует отметить, что выбранный источник данных для мониторинга позволяет оценивать восприятие контента за счет оценки различных форм реакций.

За единицу анализа берутся сообщения, размещаемые в публичном пространстве социальной сети ВКонтакте (пост). Формируемый в ходе мониторинга дата-сет включает такие параметры как:

- Дата публикации сообщения;
- Автор сообщения;
- Текст сообщения;
- Количественные значения реакции (число лайков, репостов, комментариев);
- Количество просмотров сообщения;
- Количество подписчиков автора сообщения.

Для решения задачи классификации текста была выбрана Decoding-Enhanced BERT with Disentangled Attention (DeBERTa) – современная трансформерная модель, предложенная компанией Microsoft в 2021 г. Из сформированного дата-сета для обучения модели был собран текстовый корпус постов. Далее все посты были размечены вручную в соответствии с контекстом, в котором употребляется слово «герой». Было определено 5 тематических классов (категорий) образа героя:

- Герои Специальной военной операции (СВО);
- Герои Великой Отечественной войны (ВОВ);
- Герои труда, МЧС и полиции;
- Герои других военных конфликтов;
- Герои в личностном контексте.

Два проведенных эксперимента (по 1000 и 1720 примеров на каждую категорию) подтвердили, что модель DeBERTa остаётся оптимальным выбором для нашей задачи тематической классификации текста.

Таким образом, обученная под конкретную задачу нашего исследования модель DeBERTa, стала основой системы автоматизированного мониторинга присутствия образа героя в российском медиапространстве, обеспечив отбор и классификацию потоковых данных для последующей оценки их значимости в структуре коммуникаций.

В качестве показателей мониторинга представленности образа героя в российском медиапространстве мы рассматриваем: коэффициент видимости (VR) и вовлеченности (ER). Коэффициент видимости – отношение количества просмотров (конкретного сообщения) на количества подписчиков (автора опубликовавшего конкретного сообщения). Коэффициент вовлеченности – отношение суммарного количества реакций (лайков, репостов, комментариев) на количества просмотров (конкретного сообщения). Усредненные значения данных показателей рассчитываются как в целом для всего множества героического контента, генерируемого в единицу времени, так и для каждого класса в отдельности. Так же представляются усредненные данные по индексам за сутки, за неделю и месяц.

Разработанный прототип системы автоматизированного мониторинга будет востребован в работе социологов, историков, медиа-аналитиков, а также государственных структур, заинтересованных в исследовании и мониторинге процесса формирования и позиционирования образа героя в современном российском обществе. Уже сейчас такая модель способна автоматически отбирать из потока новые посты про героев СВО или, скажем, находить истории про «личных героев» для социальных проектов – то есть, выполнять предварительную фильтрацию большого массива контента.

В заключении следует отметить, что разработанная методология и прототип могут

быть использованы для исследования широкого спектра социальных феноменов, подобных заявленному в рамках данной работы.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект № 24-28-00413 «Образ героя в современном российском медиапространстве: состояние и перспективы»).

Гаврилова М.В.
(Санкт-Петербург, СПбГИКиТ)

ТЕМАТИКА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Политическая лингвистика в России активно развивается, и отечественные языковеды изучают широкий спектр вопросов, связанных с политической коммуникацией. В рамках данной дисциплины анализируются как теоретические, так и прикладные аспекты функционирования языка в политической сфере. Основные направления лингвистических исследований таковы:

Языковая политика: исследование государственной политики в области регулирования использования языков в различных сферах общественной жизни.

Лингвистические аспекты ведения информационной войны: изучение использования языка в условиях информационного противостояния, включая анализ приемов создания ложных новостей, дезинформации и др.

Образ страны в средствах массовой информации иностранного государства: исследование того, как иностранные СМИ формируют образ России, какие языковые средства при этом используются, и какие идеологические установки (вос)производятся.

Лингвистические средства (вос)создания стереотипов: анализ механизмов формирования и распространения стереотипов в политической коммуникации, включая изучение роли языка в создании и поддержании стереотипных представлений о различных социальных и политических группах.

Средства речевого воздействия в политическом тексте: изучение риторических приемов, используемых политиками для формирования общественного мнения и достижения своих целей. Это включает анализ когнитивных метафор, сравнений, эпитетов и др.

Коммуникативные стратегии и тактики: анализ различных коммуникативных стратегий, таких как дискредитация оппонентов, отстройка, уклонение от прямого ответа и др. Использование определенных стратегий, тактик и ходов позволяет политикам эффективно управлять процессом коммуникации.

Политика и культура: исследование взаимодействия политики и культуры, включая анализ прецедентных средств, использование художественных образов в политических текстах, политическое измерение популярной культуры и другие аспекты.

Трудности перевода политического текста на иностранные языки: изучение проблем, возникающих при переводе политических текстов, включая особенности терминологии, учёт исторических и культурных контекстов и пр.

Языковая личность политика: анализ речевых особенностей политиков, включая лингвистические средства отражения системы политических представлений в тексте.

Политика и идеология: исследование идеологем и политических концептов, их роли в формировании идеологических установок общества.

Языковые способы манипулирования общественным сознанием: изучение методов и приемов, используемых для манипуляции общественным мнением.

Дискурсивное конструирование национальной и гражданской идентичности: анализ того, как язык используется для формирования / укрепления / разрушения идентичности.

Язык и право: исследование взаимодействия языка и права, включая анализ юридических текстов, законодательных актов и других правовых документов.

Языковые способы выражения политических ценностей: изучение того, как язык используется для воспроизводства и трансформации политических ценностей.

Языковые изменения в политической коммуникации: анализ изменений в языке, происходящих под влиянием политических процессов и событий.

Жанровая система политической коммуникации: исследование динамики развития различных жанров политической коммуникации.

Язык советского периода: анализ особенностей языка, использовавшегося в советский период, включая изучение идеологических установок, риторических приемов и стилистических особенностей.

Особенности коммуникативного поведения политиков в цифровой среде: исследование того, как политики используют цифровые платформы для распространения своих идеологических взглядов, включая анализ социальных сетей, блогов и других онлайн-ресурсов.

Показательно, что в последние годы наблюдается усиление научного интереса отечественных лингвистов к изучению политической коммуникации на иностранных (английский, французский, немецкий, испанский, китайский, итальянский, арабский и др.) языках. Вместе с тем мы отмечаем интерес китайских лингвистов к изучению русского политического дискурса, в частности к анализу речей российского президента и сравнительному исследованию выступлений руководителей России и Китая.

На наш взгляд, тематическое разнообразие публикаций российских политических лингвистов обусловлено несколькими факторами. Во-первых, это научный интерес языковедов к различным аспектам функционирования языка в политической сфере. Во-вторых, влияние ведущей научной парадигмы лингвистического знания. Наконец, политические реалии современности стимулируют развитие новых тематических направлений в политической лингвистике.

Гайдаев О.С.
(Санкт-Петербург, РАНХиГС)

СОТРУДНИЧЕСТВО БРИКС В АРКТИКЕ: «ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ» МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОПОРЯДКА?

Объединение БРИКС, хотя и ассоциируется многими экспертами с наступлением позитивных перемен в мировой политике, все же состоит из стран, крайне отличных друг от друга в плане национальной политики, экономики и культуры. Это препятствует выработке единой и консолидированной стратегии объединения при строительстве многополярного миропорядка. Критики объединения указывают на существующие противоречия в стане БРИКС и не скрывают своей заинтересованности в том, чтобы воспользоваться ими для дезинтеграции объединения. Ряд скептиков также отмечает, что многополярность как таковая не является благом, ведя к еще большему числу международных конфликтов. В итоге многополярный миропорядок может и вовсе не состояться,

обернувшись очередной инкарнацией силовой модели международных отношений. В этом случае БРИКС прекратит свое существование ввиду множащихся внутренних противоречий и не сможет – на концептуальном и институциональном уровнях – выработать основы более справедливого миропорядка.

В то же время Арктика представляет собой уникальный регион, в рамках которого страны БРИКС не испытывают значимых разногласий и конфликта интересов. Это объясняется как непосредственной географической удаленностью многих стран-участниц БРИКС от региона, так и сохраняющимся феноменом "арктической исключительности". Данный феномен заключается в осознании международными акторами исключительной важности Арктики с точки зрения планетарной экосистемы и, как следствие, самоограничении государств в выборе методов и средств ведения геополитического противоборства в регионе.

Эта особенность региона оказывается важна с точки зрения консолидации интересов стран БРИКС в оформлении теоретических и идейных основ многополярного миропорядка. Перечисленные ниже принципы закладывают концептуальную основу взаимодействия БРИКС в Арктике, которые, при их успешной имплементации, могут служить привлекательным для стран мирового большинства идейным фундаментом сотрудничества в многополярном мире.

Во-первых, сотрудничество БРИКС в Арктике должно быть примером демократизации международных отношений. Страны БРИКС выступают против практик дискриминации в мировой политике, выражающейся в стратегии сдерживания и деления государств на сорта и классы в зависимости от идеологических предпочтений. Арктика должна сохранить свой исключительный статус как региона, в котором нет места дискриминационным практикам по идеологическому признаку, и все государства вправе сотрудничать в меру своих возможностей и готовности.

Во-вторых, взаимодействие БРИКС в Арктике может служить примером внеблокового подхода к сотрудничеству. Страны БРИКС осуждают политику разделительных линий, выступая против создания коалиций и систем альянсов. Подобные практики не решают, а только усугубляют проблемы международной безопасности, воспроизводя логику конфронтации и превращая Арктику в арену геополитического соперничества.

В-третьих, подходя к сотрудничеству в Арктике, страны БРИКС выступают за умеренный космополитизм. Уважая суверенитет друг друга, государства БРИКС осуждают односторонние акции, наносящие ущерб экосистеме Арктике и препятствующие решению общих проблем регионального и планетарного характера.

В-четвертых, сотрудничество БРИКС в Арктике может стать успешным примером сетевизации международных отношений. Предполагается, что решение проблем региона, а также выработка стратегической эмпатии между странами БРИКС возможна только при условии расширения сети взаимодействий между странами. Государства БРИКС выступают против исключительно элитарных форматов сотрудничества: напротив, насущные проблемы Арктики и связанные с ней вопросы планетарного характера должны обсуждаться и решаться в разных, в том числе массовых форматах. Многополярность в данном случае становится базовой основой для сетевых построений на различных социальных уровнях, что на практике будет способствовать профилактике избыточной секьюритизации и конфликтов в мировой политике.

Таким образом есть некоторые основания полагать, что сотрудничество БРИКС в Арктике действительно может стать примером взаимодействия государств в многополярном мире. Сложившаяся модель сотрудничества повысит имидж России на мировой арене и вовлечет во взаимовыгодное партнерство страны мирового большинства, на практике способствуя наступлению позитивных изменений.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-00379, https://rscf.ru/project/25-18-00379/

Гайнутдинова Л.А.
(Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)

КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ И ЗАДАЧИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Концепт социальной архитектуры отражает современный запрос российского общества на строительство нового социума, основанного на продуктивных связях между государством, бизнесом и обществом. Между элементами подобной структуры существует не просто сотрудничество, а взаимосвязь и взаимообусловленность, что придает ей большую устойчивость. В рамках реализации концепта социальной архитектуры предполагается перевести социальную политику государства из традиционной сферы патернализма в современную и актуальную плоскость со-управления. Это позволит создать институциональные платформы для устойчивых и долгосрочных преобразований в регионах на основе эффективного взаимодействия между государством, бизнесом и гражданским обществом[25].

Процесс формирования социальной архитектуры представляет собой целенаправленное совершенствование системы публичной политики на основе активизации деятельности структур гражданского общества, внедрения передовых институтов, механизмов и практик, повышающих уровень взаимодействия между населением и властью для решения общественно значимых задач на федеральном, региональном, местном и локальном уровнях[26]. Можно выделить основные формы кооперации: создание партнёрских отношений между государством, бизнесом, образовательными учреждениями и НКО; создание фондов, финансирующих социальные инициативы и стартапы, направленные на улучшение качества жизни населения; реализация совместных проектов, направленных на решение конкретных проблем региона, с участием всех заинтересованных сторон; разработка цифровых платформ для обмена идеями, ресурсами и результатами проектов между различными субъектами и т.д.[27].

Однако, российским активистам гражданского общества, имеющим достаточно богатый опыт реализации программ по развитию социальной инфраструктуры и улучшению качества жизни в своих регионах, сегодня требуется помощь и наставничество экспертов, обладающих в том числе и стратегическим мышлением.

Проектирование и формирование будущего с учетом особенностей территорий и общества может стать одной из ключевых задач новых специалистов — социальных архитекторов, целью которых будет создание и поддержка сообществ, а также помощь активистам в решении социальных и культурных вопросов. Социальные архитекторы будут способствовать вовлечению граждан в процессы принятия решений и реализацию социальных проектов на местах, делая их более эффективными и учитывающими реальные нужды населения. Необходимым условием является их фундаментальная подготовка, формирование навыков стратегического мышления и перевода масштабных государственных и общественных задач в плоскость практических решений. На этом пути следует изучать местные сообщества, расширять сферу гражданского и политического просвещения, а также менять поведение людей посредством тщательно разработанных программ и семинаров по управлению социальными изменениями.

---

[25]Гайнутдинова Л.А. Гайнутдинов Р.И. Основы взаимодействия бизнеса и общества // Учеб. пособие по специальности 080504 "Гос. и муниципальное упр." / Сыктывкар, 2006.

[26]Гайнутдинова Л.А. Гражданское общество в условиях глобализации // диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург. 2010.

[27]Тему социальной архитектуры обсудили на ПМЭФ-2025 URL.: https://a24.press/news/society/2025-06-20/temu-sotsialnoy-arhitektury-obsudili-na-pmef-2025-1926388 (дата обращения: 25.08.2025).

Галимуллин Э.З.
(Москва, НИУ ВШЭ)

САНКЦИОННАЯ КОАЛИЦИЯ В ЭПОХУ “AMERICA FIRST”: США МЕЖДУ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ И ВНУТРЕННИМИ ПРОТИВОРЕЧИЯМИ

Санкции постепенно стали одним из ключевых инструментов западной внешней политики в отношении России, а архитектура коалиционного давления во многом опиралась на роль США как инициатора санкционной повестки и координатора взаимодействия с союзниками. Долгое время именно Вашингтон задавал темп и направление ограничительных мер, обеспечивая аналитическую, институциональную и политическую рамку для последующих решений союзников. Подобная конфигурация снижала транзакционные издержки по согласованию действий, а также повышала предсказуемость коалиционных ограничительных мер.

Начиная со второго президентского срока Д. Трампа, однако, все отчетливее проявляется несоответствие между курсом «America First» и ожиданиями американских партнеров относительно координирующей роли США. Усиление внутриполитической поляризации, рост значимости краткосрочных электоральных стимулов и пересмотр внешнеполитических приоритетов трансформируют поведение Вашингтона и в санкционной сфере. На практике это выражается в снижении проактивности США как инициатора повестки (agenda-setter), в избирательной поддержке новых мер и в тенденции к делегированию ответственности европейским партнёрам. В результате коалиция сталкивается с возрастающей неопределенностью, а темп и последовательность ограничительных мер становятся более зависимыми от компромиссов в рамках самих ЕС.

Данное исследование отвечает на следующий исследовательский вопрос: каким образом изменяющаяся роль США влияет на устойчивость западной санкционной коалиции? В качестве теоретико-методологической рамки выступает концепция двухуровневой игры (two-level game), позволяющая увязать внутренние факторы американской политики (поляризация, роль Конгресса, персональный стиль лидерства) с внешними процессами согласования позиций с союзниками. Эмпирическая база представлена набором кейсов санкционных мер первой половины 2025 года. Содержательно работа вносит вклад в актуальную дискуссию об устойчивости санкционных коалиций и о лидерстве в этих коалициях. Полученные результаты позволяют сформулировать ряд выводов относительно трансформации санкционной коалиции США и их партнеров, а также динамики трансатлантических отношений в условиях снижения проактивной роли США.

Так, последствия ослабления американского лидерства проявляются в усложнении процессов согласования внутри ЕС. Отсутствие «внешнего катализатора» в лице Вашингтона повышает издержки координации, так как между государствами ЕС становятся более заметными различия в восприятии угроз и в структуре экономических издержек. Усиливается роль отдельных внутриполитических акторов, которые могут блокировать или задерживать принятие новых санкционных пакетов. Это особенно заметно в тех странах, где общественное мнение или ключевые отрасли экономики более чувствительны к последствиям введения ограничительных мер.

Очевиден процесс перераспределения ответственности за поддержание санкционного курса. Так, ЕС фактически оказался вынужден занимать более активную пози-

цию координатора, в то время как США — при всей сохраняющейся значимости их политического и финансово-экономического потенциала — демонстрируют склонность к частичному отходу от прежних функций лидера. Подобная перестройка коалиционной архитектуры отражает не только трансформацию трансатлантических отношений, но и является следствием более широкой тенденции к фрагментации международного порядка, где коллективные действия требуют все более сложных механизмов согласования.

Результаты исследования также позволяют утверждать, что динамика коалиционной политики в сфере санкций переходит от модели с доминированием одного актора к модели распределенного лидерства, где бремя согласования в большей степени ложится на европейские институты и национальные правительства. Эта трансформация, хотя и, вероятно, не приведет к отмене санкционного курса, существенно повышает его зависимость от внутриполитических процессов и от гибкости механизмов консенсусного принятия решений в ЕС.

Тезисы подготовлены в рамках гранта РНФ № 24–78–10204 «Факторы устойчивости и динамики санкционных режимов стран Запада в отношении РФ».

Гамерман Е.В.
(Благовещенск, Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН)

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

Начало XXI века ознаменовалось значительными изменениями в мировом геополитическом и экономическом ландшафте, что оказало непосредственное влияние на российско-китайские отношения. В течение первой четверти столетия эти отношения претерпели глубокую трансформацию, обусловленную комплексом факторов как внутренней политики, так и международной конъюнктуры. В научном контексте анализ развития сотрудничества между двумя крупными евразийскими державами становится особенно актуальным для понимания глобального баланса сил и региональной безопасности.

Вторая половина XX века характеризовалась периодами напряженности и сближения между СССР (Россией) и Китаем. Несмотря на идеологические разногласия и территориальные споры, начало XXI века стало эпохой устойчивого улучшения и расширения двусторонних связей. Основой трансформации послужил распад Советского Союза, смена политического курса в России и реформы в Китае, ориентированные на экономическую модернизацию и интеграцию в мировую систему.

Политическая трансформация

В первой четверти века Россия и Китай активно развивают стратегическое партнерство, которое выходит за рамки традиционного дипломатического взаимодействия. Россия, стремясь сохранить статус великой державы и усилить свое влияние в Евразии, видит в Китае важного союзника. Китай, в свою очередь, заинтересован в стабильности на северных границах и поддержке по вопросам международной безопасности. Это сотрудничество отражается в регулярных переговорах на высшем уровне, создании многосторонних форматов взаимодействия, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС и согласованных позициях по ключевым международным вопросам.

Экономическое измерение

Экономические отношения между Россией и Китаем за первые двадцать пять лет XXI века стали одним из главных факторов трансформации. Китай превратился в крупнейшего торгового партнера России, а двусторонний товарооборот многократно вырос. Особое значение приобрели проекты в области энергетики, включая поставки нефтепродуктов и природного газа, строительство трубопроводов и развитие ядерной энергетики. Реализация инициатив, таких как Инициатива Пояса и Пути, позволила создать новые транспортные коридоры, укрепив экономическую интеграцию регионов обеих стран.

Военно-техническое сотрудничество

Военно-технический аспект сотрудничества также претерпел значительные изменения. Россия стала одним из основных поставщиков военной техники и технологий для Китая. Развитие совместных военных учений, обмен информацией и координация в международных военно-политических организациях способствовали повышению уровня доверия и укреплению обороноспособности обеих держав. Такой альянс рассматривается экспертами как фактор стабилизации стратегического баланса в регионе Азии и Тихоокеанского бассейна.

Культурно-гуманитарные связи

В дополнение к политическим и экономическим связям особое внимание в XXI веке уделялось развитию культурно-гуманитарного сотрудничества. Увеличилось количество образовательных обменов, совместных научных проектов и культурных мероприятий. Расширение контактов межрегионального уровня способствовало формированию позитивного образа друг друга в общественном сознании, что является важным элементом устойчивого партнерства.

Вызовы и перспективы

Несмотря на значительные успехи, российско-китайские отношения сталкиваются с рядом вызовов. Различия в экономических масштабах, конкуренция на мировых рынках, а также внешние давления со стороны третьих государств создают предпосылки для сложностей в сотрудничестве. Однако общий интерес к стабильности региональной безопасности и развитию Евразийского пространства является мощным стимулом для преодоления трудностей. Трансформация отношений в первой четверти XXI века демонстрирует потенциал для дальнейшего углубления стратегического партнерства, ориентированного на многоаспектную кооперацию.

Первая четверть XXI века стала ключевым этапом становления нового формата российско-китайских отношений, который выходит за рамки традиционных государств-соседей и формирует прочную основу для совместного влияния на мировой порядок. Эволюция сотрудничества, охватившая политику, экономику, безопасность и культуру, отражает изменения, происходящие в глобальной системе и в самих странах. Успешное развитие этой модели партнерства будет во многом зависеть от способности Москвы и Пекина адаптироваться к новым вызовам и сохранять взаимное доверие на долговременную перспективу.

Гандилян М. М.
(Москва, Дипломатическая академия МИД России)

ДИСКРИМИНАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОГО СПОРТА: ВАРИАНТЫ РЕАГИРОВАНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА

В последние несколько лет наблюдается беспрецедентная политизация спорта высших достижений. Несмотря на то, что отечественные ученые весьма активно анализируют различные связанные с этим процессом аспекты, до сих пор недостаточно исследованными остаются способы борьбы с проявлениями дискриминационной политики в отношении российских спортсменов.

В этой связи целью проведенного нами исследования был поиск возможных вариантов противодействия политизации спорта, которые гипотетически могла бы задействовать в текущей ситуации наша страна, а также выяснение отношения к ним представителей экспертного сообщества, специализирующихся на самых различных вопросах, имеющих непосредственное отношение к спорту.

Для достижения поставленной цели нами был проведен экспертный опрос, в котором приняли участие семнадцать специалистов (восемь ученых, пять тренеров и по два спортивных функционера и журналиста / блогера), уровень квалификации и профессиональный опыт которых не оставляет сомнений в том, что они обладают глубокими знаниями по интересующей нас проблематике. Анкета экспертного опроса включала в себя шесть содержательных вопросов и один вопрос относительно основного рода занятий респондента.

Нужно отметить, что среди экспертов преобладает очень скептическое отношение к возможности полной деполитизации спорта. При этом в качестве аргументов приводятся различные по своему характеру доводы – от экономической обусловленности вмешательства политики в эту сферу до геополитической востребованности спорта в качестве инструмента решения имиджевых задач конкретного государства.

Несмотря на то, что эксперты в целом весьма скептически относятся к идее о целенаправленном противодействии политизации спорта, мы все же решили поинтересоваться их мнением о том, как лучше это можно было бы сделать. Все высказанные экспертами мнения при желании можно свести в три магистральных направления. Первое из них акцентирует внимание на потенциале совместных действий всех сторон, заинтересованных в деполитизации спорта высших достижений в современном мире; второе подчеркивает важность задействования правовых механизмов борьбы с политизацией спорта; а третье предполагает организацию альтернативных соревнований, которые изначально были бы построены на принципах справедливости, равноправия и по возможности не имели бы никакой политической подоплеки.

Отдельно нас интересовало мнение экспертов о том, что могут (и могут ли вообще?) предпринять государства, которые больше остальных ощущают на себе пагубные последствия политизации спорта. Способна ли, например, наша страна реально повлиять на что-то, если не в масштабах всего мира, то хотя бы в отношении самой себя? Отметим, что сразу три эксперта затруднились или не захотели ответить на данный вопрос. Позиции же тех, кто все же сформулировал свое видение потенциальных действий России, условно могут быть разделены на два блока.

Самым многочисленным оказался блок, который составили мнения сторонников суверенного развития нашей страны в спортивной сфере («Развивать спорт внутри страны и заботиться о детском и юношеском спорте, развивать любительский спорт, не реагировать на внешние раздражители»). Второй блок вобрал в себя мнения только трех человек, являющихся сторонниками идеи о том, что России не следует замыкаться в себе и отдаляться от международного спортивного движения.

В целом же, эксперты сошлись во мнении, что, если речь идет о противодействии политизации спорта в целом, в масштабах всего мира, то прекратить этот процесс или «отыграть» все до уровня, существовавшего пятнадцать лет назад, в состоянии только те субъекты первого уровня, которые, собственно, изначально и принимали решения о необходимости использования спорта в решении своих политических задач. В данном случае имеются в виду США и ведущие государства Европы, обладающие реальными рычагами воздействия на субъекты политизации спорта второго уровня – международные спортивные организации и мировую прессу, которые осуществляют оперативное управление процессами политизации и создают для этого необходимые условия. Иными словами, можно сказать, что субъекты первого уровня осуществляют стратегическое управление политизацией, а субъекты второго уровня – тактическое.

Если же говорить о борьбе с негативными последствиями политизации в отношении отдельно взятого государства (нас, естественно, в этом смысле интересовала исключительно Российская Федерация), то, разумеется, рассчитывать на помощь в этом со стороны упомянутых выше субъектов (как первого, так и второго уровней) абсолютно бессмысленно. Нашей стране в этом плане приходится надеяться лишь на саму себя и полагаться только на те ресурсы и возможности, которые имеются в ее распоряжении.

Гашков В.О.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ, СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ

Формирование нового поколения политических деятелей является одним из факторов устойчивого развития любой политической системы. В данном контексте исследование социокультурного портрета молодого политика в современной России позволяет выявить актуальные механизмы рекрутинга молодежи в политическую элиту, критерии ее отбора и потенциальные векторы эволюции политического руководства страны. Кроме того, актуальность исследования также обусловлена рядом трансформаций, переживаемых политической системой и обществом. В условиях геополитической напряженности, цифровизации политических процессов, санкционного давления и много другого происходит закономерное обновление политических кадров, в том числе и в элитных кругах.

Молодые политики становятся важными акторами, обеспечивающими, с одной стороны, преемственность власти, а с другой стороны – привносящими в нее инновационный потенциал. Однако их интеграция в систему политической власти, механизмы их карьерного

роста и факторы успеха остаются недостаточно изученными, что определяет научную и практическую значимость данного исследования. Существует потребность не просто в описании демографических характеристик, а в построении комплексного социокультурного портрета, который бы раскрывал закономерности становления молодого политика.

В основу настоящего исследования положен анализ открытых биографических данных и карьерных траекторий молодых политиков до 35 лет включительно (ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» устанавливает границы социально-демографической группы «молодежь» в пределах 14-35 лет) законодательной и исполнительной ветвей власти РФ. Фокус исследования направлен на репрезентативную группу, представители которой занимают элитные позиции: депутаты законодательных собраний, министры, заместители губернаторов и иные лица, обладающие значительными властными полномочиями и входящими в категорию «молодежь».

Проведенное исследование позволило составить комплексный социокультурный портрет молодого политика в современной России. На основе анализа биографических сведений были сформулированы следующие выводы. Образовательные траектории показали, что ключевым трендом для молодого политика в современной России стало получение образования в престижном столичном вузе, что формирует не только профессиональные компетенции, но и сети контактов, которые могут являться стартовым этапом для становления политической карьеры. Кроме того, выбор подобных образовательных учреждений играет важную роль и в накоплении социального капитала. Социальный капитал молодого политика имеет ярко выраженную институциональную природу. Его ядро составляют связи, сформированные через принадлежность к политическим партиям и их молодёжным отделениям, органам госвласти и т.д. Анализ карьерных стратегий выявил преобладание модели «вертикальной институциональной карьеры». Наиболее распространенной траекторией является постепенное и поэтапное восхождение внутри административной или партийной системы. Молодые политики начинают политическую карьеру с должностей помощников, советников, работая в органах молодежного самоуправления, а затем переходя на выборные и руководящие посты. Их карьерные стратегии носят адаптивный и прагматичный характер, направленный на эффективное использование возможностей, предоставляемых системой, основная цель которых – максимально эффективное использование институциональных лифтов и полученного профессионального опыта.

В итоге социокультурный портрет молодого политика в России представляет собой тип, характерными чертами которого являются: высокий уровень образования, опора на административный и партийный ресурс как на основной вид социального капитала, а также построение карьеры через интеграцию в существующие властные вертикали.

Георгиев Я.Д. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)
Игнатова П. А. (Нижний Новгород, ННГУ)
Сухонина Н. А. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ВЛИЯНИЕ СВО НА ИЗМЕНЕНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Начало специальной военной операции в феврале 2022 года стало катализатором глубокой структурной перестройки внешнеэкономической политики Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Целью данного исследования является

комплексный анализ трансформации торгово-экономических отношений России с ключевыми партнерами в АТР под влиянием санкционного давления. Теоретическая основа работы интегрирует концепцию региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Вэвера и теорию комплексной взаимозависимости Р. Кеохейна и Дж. Ная, что позволяет интерпретировать последствия СВО не как изолированный кризис, а как масштабный сдвиг в системе региональной безопасности с глубокой экономической взаимозависимостью.

Эмпирический анализ выявляет резкую диверсификацию торговых потоков и перераспределение долей рынка. Наиболее показательной является динамика отношений с Республикой Корея, где прослеживается парадоксальная ситуация. Формальное присоединение РК к санкционному режиму привело к сокращению официального товарооборота на 25% в 2024 году (до 11,3 млрд долл.) и фактической заморозке стратегических проектов в области высоких технологий, таких как программа «Девять мостов» и строительство судостроительного комплекса «Заря» с участием Hyundai Heavy Industries. Однако параллельно наблюдается стремительный рост неофициальных каналов торговли. Объем реэкспорта через третьи страны (Казахстан, Кыргызстан, ОАЭ) критически важной для России продукции – полупроводников, автомобилей, химической продукции и электроники Samsung и LG – увеличился многократно. Это свидетельствует о сохранении глубинной взаимозависимости: российский рынок остро нуждается в корейских технологиях, в то время как корейский бизнес, опасаясь безвозвратной утраты рыночных ниш, стремится сохранить каналы сбыта в стратегическом регионе.

Кардинально иная динамика наблюдается в отношениях с Китаем, который стал главным бенефициаром переориентации российской внешней торговли. За период 2022-2024 гг. товарооборот достиг 244 млрд долларов, при этом структура остается асимметричной и воспроизводит сырьевую модель. До 90% российского экспорта составили энергоносители (нефть, газ, уголь), в то время как импорт из КНР – это преимущественно машины, электроника и потребительские товары, заместившие более половины всего объема промышленного оборудования и технологий, ранее закупаемых в Южной Корее и Японии. Подобная переориентация, хотя и смягчила последствия санкций, породила новые стратегические риски. Китайская микроэлектроника (чипы SMIC) уступает южнокорейским аналогам по энергоэффективности на 25-40%, что создает угрозу технологического отставания для высокотехнологичных отраслей РФ. Критическая зависимость от китайского импорта, достигшая 75% в автомобильном секторе и электронике, ставит Россию в уязвимое положение в долгосрочной перспективе.

Аналогичный сырьевой тренд характеризует и резкий рост товарооборота с Индией, который за два года увеличился в 18 раз, достигнув 65 млрд долларов. 95% российского экспорта также пришлось на энергоносители, в частности поставки нефти выросли в 46 раз. Индия стала вторым после Китая покупателем российских углеводородов. Развивается сотрудничество в оборонно-промышленной сфере и фармацевтике. Однако и здесь возникают существенные издержки: расчеты в национальных валютах ведут к валютным потерям, а логистика по маршруту «Север-Юг» увеличивает стоимость транспортировки более чем на 300%, снижая рентабельность экспорта.

В качестве стратегического направления диверсификации Россия активно развивает отношения со странами АСЕАН (Вьетнам, Индонезия, Таиланд, Малайзия), многие из которых сохранили политический нейтралитет. Наблюдается рост поставок СПГ (на 40%) и зерна (на 30%), однако объемы торговли остаются несопоставимы с китайским или индийским векторами. Ключевой проблемой является слабая развитость логистических цепочек и недостаточный для компенсации падения с Западом объем несырьевого экспорта.

В качестве выводов следует констатировать, что новая конфигурация внешнеэкономической политики России в АТР, сформировавшаяся под воздействием санкций, носит противоречивый характер. С одной стороны, продемонстрирована высокая адаптивность и способность к быстрой переориентации товарных потоков на новых партнеров. С другой стороны, в структуре торговли усилилась сырьевая зависимость, а замещение технологического импорта из Южной Кореи и Японии китайскими аналогами создало новые уязвимости и риски технологического отставания. Таким образом, ключевой задачей на современном этапе является не только дальнейшая диверсификация партнеров, но и стимулирование несырьевого экспорта, а также развитие собственной технологической базы для снижения критической зависимости от единственного поставщика.

Гикал Г.В.
(Барнаул, АлтГУ)

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ МУНИЦИПАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

В настоящее время во многих субъектах Российской Федерации наблюдается активное развитие системы муниципальных правовых актов, регулирующих вопросы молодежной политики. Данный процесс обусловлен необходимостью комплексного реагирования на социальные, экономические и политические вызовы, с которыми сталкивается молодежь в различных регионах страны. Эффективность муниципальной молодежной политики во многом определяется наличием четко структурированной нормативно-правовой базы, позволяющей учитывать социально-экономическое развитие отдельных муниципальных образований. Формирование правовых механизмов муниципальной молодежной политики выступает неотъемлемой частью стратегии устойчивого развития территорий, обеспечивая баланс между федеральными установками и локальными потребностями молодежи.

Такая нормативно-правовая основа не только обеспечивает согласованность действий различных уровней власти, но и придает молодежной политике в России структурно-упорядоченный и институционально оформленный характер, способствуя демократизации процедур ее реализации. При этом, несмотря на тесную взаимосвязь с государственной политикой, муниципальный уровень обладает определенной автономией, тем самым обеспечивая учет наиболее актуальных проблем, с которыми сталкивается молодежь в конкретных муниципальных образованиях.

На данный момент значительная часть органов местного самоуправления в России выработали устойчивые практики и подходы к решению актуальных задач в сфере молодежной политики. Об этом свидетельствует обширный массив муниципальных правовых актов, регулирующих различные аспекты работы с молодым поколением.

Правовые основы деятельности органов местного самоуправления в сфере молодежной политики закрепляются в уставах муниципальных образований. Такая практика свидетельствует о стремлении закрепить на уставном уровне приоритетные направления молодежной политики. Примеры подобного подхода можно найти в таких городах как Астрахань, Казань, Екатеринбург, Новосибирск, Барнаул, Хабаровск и др.

Также можно выделить правовые акты по вопросам вовлечения молодежи в процесс муниципального управления. На их основе формируются молодежные парламенты, па-

латы и правительства, выступающие важным звеном взаимодействия между властью и молодыми гражданами.

На муниципальном уровне правовые механизмы молодежной политики находят выражение в документах, закрепляющих организационные основы деятельности органов местного самоуправления. К числу таких документов относятся регламенты деятельности муниципальных органов, положения о структуре и компетенциях местной администрации, а также документы, регулирующие распределение полномочий между главой муниципалитета и его заместителями.

Кроме того, правовая база муниципальной молодежной политики формируется через акты, закрепляющие концепции, планы и программы социально-экономического развития территории. В них отражается стратегия работы с молодежью в рамках соответствующего муниципального образования.

Подводя итог вышесказанному, в первой четверти XXI века муниципальная молодежная политика в России демонстрирует поступательное развитие, отражающее положительную динамику по сравнению с ее состоянием на начало 2000-х годов. Если ранее нормативно-правовая база носила преимущественно фрагментарный характер, то сегодня прослеживается формирование целостной системы правовых механизмов, ориентированных на вовлечение молодежи в социально-политические процессы.

Гильмиев Э.А.
(Тюмень, ТюмГУ)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЁЖИ РОССИИ И СТРАН СНГ

В эпоху глобальной цифровизации культурное взаимодействие приобретает новые формы, особенно среди молодежи, которая является наиболее активным пользователем цифровых технологий. В России и странах СНГ (Содружество Независимых Государств) цифровизация выступает как мощное средство для укрепления культурных связей, преодоления географических барьеров и формирования общего культурного пространства. Согласно данным ВЦИОМ, 81% россиян, включая молодежь, регулярно используют цифровые услуги, что способствует интеграции культурных практик. В 2021 г. страны СНГ приняли Стратегию международного молодежного сотрудничества на период до 2030 г., которая стимулировала развитие цифровых платформ для культурного обмена, включая онлайн-фестивали и виртуальные образовательные программы, что привело к росту межрегиональных инициатив среди молодежи. Это отражает общую тенденцию к цифровизации в постсоветском пространстве.

Цель исследования – анализ цифровых практик, способствующих культурному взаимодействию молодежи России и стран-участниц СНГ.

Основным методом стал SWOT-анализ, позволяющий оценить сильные и слабые стороны, возможности и угрозы в использовании цифровых технологий для культурного обмена.

В процессе анализа установлено, что цифровизация сталкивается с комплексом факторов. Во-первых, растущий объем онлайн-платформ, таких как VK, TikTok и

Telegram, облегчает обмен культурным контентом: молодежь делится музыкой, видео и мемами, укрепляя общие ценности, как патриотизм и историческая память. Во-вторых, это усиливает проблемы доступности: несмотря на высокий уровень подключения, в сельских районах СНГ сохраняется цифровой разрыв, затрудняющий участие всех групп молодежи. В-третьих, внедрение цифровых инструментов упрощает бюрократию в культурных проектах, делая их доступными и быстрыми, однако возникают угрозы кибербезопасности и утечек данных, как одни из рисков цифровизации. В-четвёртых, экологические аспекты, включая энергопотребление дата-центров, требуют устойчивого подхода для долгосрочного культурного обмена.

Указанные факторы взаимосвязаны и формируют динамичную систему. Они побуждают власти и молодежные организации не только разрабатывать стратегии цифровизации, но и применять интегрированный подход к решению вызовов. Поэтому страны СНГ ориентируются на расширение цифровых инициатив, улучшение координации между государствами, внедрение инноваций для мониторинга культурных потоков и сотрудничество с третьими сторонами для минимизации рисков.

Эффективность этих мер зависит от множества переменных. Цифровые культурные потоки могут эволюционировать под влиянием глобальных тенденций. Следовательно, органам СНГ важно адаптировать подходы к новым условиям. Успех будет определяться последовательностью реализации планов на всех уровнях – от межгосударственных институтов до локальных сообществ. Ключевым является понимание ролей участников, их готовность к коллаборации и обмену знаниями.

Глухова А.В.
(Воронеж, ВГУ)

ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ТЕРАПИИ ОТНОШЕНИЙ: УРОКИ ХЕЛЬСИНКИ – 1975.

Середина третьего десятилетия XXI века ознаменовалась критической напряжённостью в международных отношениях, уподобляемой временам Холодной войны. Чтобы перейти от конфронтации к терапии сложившихся отношений, требуется не только *диагностика взаимных перцепций*, но и набор представлений о способах изменения сложившейся ситуации, поиски зоны общих интересов и т.д. Для решения этой задачи существуют две принципиальные возможности. Во-первых, необходимо определить *экстраординарную цель*, для достижения которой возможно сгладить взаимные претензии и дать единый ответ на общий вызов. Таковой целью сегодня являются *глобальные проблемы: риск ядерной войны, террористическая угроза, изменение климата, защита договора о нераспространении ядерного оружия и т.д.* Кооперация на этом поле пока остаётся крайне ограниченной в силу эгоизма участников конфронтации, расчёта на собственное превосходство и отсутствие взаимного доверия.

Вторая возможность указывает на *те уроки*, которые могут быть извлечены из прежней «холодной войны». Речь идёт о политике разрядки напряжённости, изменившей характер конфронтации между двумя социальными системами. Сегодня, в год 50-летнего юбилея подписания Хельсинского Заключительного акта по безопасности и сотрудничеству в Европе, имеет смысл вновь обратиться к этому опыту, прежде всего, к технологии организации самого переговорного процесса.

Во-первых, обстоятельства строительства Берлинской стены в 1961 году и Карибский кризис 1962 года сделали совершенно очевидной опасность военной эскалации в ядерную эпоху. В столицах европейских государств, а также в Москве и Вашингтоне были разработаны стратегии взаимоотношений на этой новой фазе конфликта между Востоком и Западом, направленные на достижение собственных целей участников: в Париже это называлось «разрядкой», в Вашингтоне – «наведением мостов», в Москве – «мирным сосуществованием», в Бонне – «восточной политикой». Последовавшая за этим в 1970-е годы эпоха «разрядки» отнюдь не означала разрешения политико-идеологического конфликта. Напротив, хотя контроль над военной эскалацией, к которому стремились все стороны, позволил расширить социальное взаимодействие, он в то же время привёл к усилению системной конкуренции в бизнесе, СМИ, искусстве и культуре. Известный социолог Ю.Хабермас предложил термин «антагонистическое сотрудничество», трактуемое как сотрудничество по краткосрочным совместным проектам с принципиально противоположными целями ((Bange O. Antagonistische Kooperation. Helsinki 1975 und sein Erbe // Aus Politik und Zeitgeschichte. 11.07.2025).

Во-вторых, ключи к началу многосторонней эры разрядки оказались в Москве и в Бонне, поскольку СССР стремился к международному признанию советской сферы влияния вплоть до германо-германской границы, а ФРГ, признавая и уважая территориальный статус-кво, тем не менее продвигала постулат о возможном «мирном изменении границ», т.е. о будущем воссоединении немецкой нации. Поскольку обе стороны были заинтересованы в снижении риска военно-политической эскалации, «антагонистическое сотрудничество» оставалось определяющей моделью эпохи политической релаксации, включавшей двусторонние «восточные договоры» между странами Запада и СССР, которые проложили путь к многосторонним соглашениям, подобным Хельсинскому Заключительному акту. Его выполнение контролировалось на последующих конференциях и в конечном итоге было институционализировано в рамках ОБСЕ в 1990-е годы.

Заключительный акт был подписан 1 августа 1975 года и стал результатом многомесячного испытания сил. Восточная концепции безопасности как территориального порядка и безопасности границ противостояла западному динамичному пониманию проницаемости границ, мер укрепления доверия, экономического обмена, прав человека и более свободного обмена людьми и информацией.

В-третьих, технология организации и осуществления переговорного процесса также заслуживает внимания: на подготовительных беседах отдельные темы были написаны на карточках (для упорядочения проблематики – А.Г.) и буквально распределены по трем корзинам: «Вопросы безопасности в Европе», «Сотрудничество в области бизнеса, науки, технологий и окружающей среды» и «Сотрудничество в гуманитарной и других сферах». Термин «корзина» прижился и в конечном итоге определил структуру содержания Хельсинского Заключительного акта.

Таким образом, историческая ценность создания архитектуры безопасности СБСЕ/ОБСЕ основана на доверии к контрагенту и на его надежности, что позволило достичь важнейших результатов Хельсинкского процесса: создание многостороннего кодекса поведения; распространение понятия безопасности на общество, экономику и культуру; постепенное построение доверия через границы между двумя социально-политическими системами; реализация инструментария политики безопасности, выходящего за рамки чисто военного и вносящего решающий вклад в цивилизованные отношения (в отличие от их милитаризации).

Гнедаш А.А.
(Краснодар, КубГУ)

ЦИФРОВОЙ ДИСКУРС И ЦИФРОВОЙ ИМИДЖ: КАК МОЛОДЫЕ ДЕПУТАТЫ ГОСДУМЫ ФОРМИРУЮТ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПОВЕСТКУ ДНЯ В ТЕЛЕГРАМ

Молодые депутаты Государственной Думы Российской Федерации VIII созыва формируют политическую повестку дня в Телеграм, используя платформу не только как канал трансляции информации, но как пространство смыслообразования, адресованное в первую очередь молодёжной аудитории. Формирование политической повестки в Телеграм молодыми депутатами – это не просто отражение их текущей парламентской деятельности, а полноценная дискурсивная практика, влияющая на процессы политической социализации молодёжи, трансляцию идеологических ценностей и формирование имиджевых паттернов, которые в будущем могут определить облик российской публичной политики.

В работе совмещаются классические подходы к изучению имиджа публичной персоны (психологические, социологические, политологические) и методы анализа цифровой коммуникации (тональность, частотный анализ, выявление ключевых концептов). Использование современного инструментария (программно-аналитический комплекс «Концептоскоп») позволило провести массовую обработку Телеграм-контента 10 молодых депутатов Государственной Думы РФ VIII созыва, систематизировать данные и выявлять устойчивые дискурсивные паттерны.

Каждый из анализируемых депутатов выстраивает свою цифровую повестку на основе тематической концентрации, которая в большинстве случаев соответствует как личному биографическому и профессиональному опыту, так и партийной стратегии. Так, Артём Метелев фокусируется на волонтёрстве и молодёжной инициативе, Антон Ткачёв – на цифровизации и правовом регулировании технологий, Борис Чернышов – на образовательной реформе, а Георгий Арапов – на экологической политике. Это позволяет депутатам формировать узнаваемую идентичность, в которой Телеграм становится пространством смысловой консолидации, а не лишь хроникой событий.

Молодые депутаты демонстрируют разные модели формирования повестки. Одни, как Юлия Дрожжина или Артём Бичаев, делают ставку на эмоционально окрашенную, эмпатическую повестку, в которой внимание сосредоточено на людях, истории, заботе, культурной памяти. Другие, как Ксения Горячева и Антон Ткачёв, используют институционально-рациональную модель, в которой Телеграм функционирует как инструмент прозрачной отчётности и экспертной легитимации. Третьи, как Солтан Узденов и Ольга Занко, выстраивают символико-патриотическую повестку, где доминируют образы памяти, службы, народной преемственности. Это говорит о высокой вариативности дискурсивных стратегий, адаптированных к различным ожиданиям и аудиториям.

Телеграм у всех рассматриваемых депутатов выполняет функцию институционализации собственной роли и повестки, но в разных форматах. Для одних – это пространство мобилизации, для других – площадка отчётности, для третьих – ритуальное поле. В каждом случае Телеграм работает как цифровой механизм «мягкой бюрократизации» политической повестки, когда депутат не просто реагирует на повестку извне, а производит её изнутри собственной идентичности и профессиональной ниши.

Анализ показывает, что молодые депутаты выстраивают доверие через разные каналы. Например, Метелев, Дрожжина, Бичаев ориентированы на социальное доверие через сопричастность. Ткачёв, Горячева, Арапов строят рациональное доверие через экспертность. Чернышов, Скрозникова, Занко, Узденов опираются на символическое доверие через идеологическую или культурную преемственность. Эти стратегии не конкурируют, а распределяются по сегментам аудитории, что подтверждает их целенаправленную конфигурацию и осознанность коммуникационного выбора.

Каналы Телеграм в случае молодых депутатов становятся не только средствами связи с аудиторией, но формой репрезентации собственной субъектности как парламентария. Через регулярные, тематически организованные публикации молодые депутаты оформляют себя как носителей определённых ценностей, институциональных ролей и политических компетенций, при этом в рамках платформы происходит смещение от традиционного институционального политического языка к гибридной публичной риторике, соединяющей элементы публичного отчёта, информационного бюллетеня, персонального блога и гражданского манифеста.

Таким образом, Телеграм-повестка молодых депутатов представляет собой гибкий и содержательно насыщенный инструмент цифрового парламентского действия, в котором объединяются цели саморепрезентации, тематической специализации, формирования доверия и политического просвещения. Это доказывает, что молодые парламентарии не только усваивают технологические возможности цифровых платформ, но и встраивают их в стратегию формирования устойчивого имиджа и собственной повестки дня, обращённой в том числе к будущим избирателям и политическим союзникам.

Головин М.С.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ ПРАВОРАДИКАЛЬНЫХ ПАРТИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ

На протяжении последних нескольких десятилетий праворадикальные партии остаются влиятельными акторами политического процесса во многих странах Европы. Значимым элементом дискурса правых радикалов всегда являлось обращение к национальной и культурной идентичности. Отметим, что сегодня правые радикалы особый акцент делают на том, что можно обозначить как цивилизационная идентичность. Это способствует решению сразу нескольких проблем, с которыми они периодически сталкиваются. Во-первых, дает возможность позиционировать себя как противников Европейского Союза в его нынешнем формате, но при этом говорить об особой «европейской цивилизации», отстаивая её достижения и ценности, противопоставляя их ценностям «чуждой» европейцам цивилизации – в случае риторики европейских правых радикалов, этими «чужаками» являются мусульмане, прибывающие в ЕС. Во-вторых, в таком дискурсе нет противоречия с ценностями светского общества: христианство представляется не столько как религия, сколько как часть цивилизационной идентичности европейцев – такая же значимая, как и некоторые ценности, традиционно ассоциируемые с либеральной политической традицией.

Исследователь Р. Брубейкер пишет[28] в связи с этим, что по мере того, как Европа становилась всё более светской, её, как ни парадоксально, всё легче было представить как христианскую в культурном и цивилизационном отношении. Таким образом, по мнению известного исследователя, религии – христианство и ислам – в националистическом дискурсе крайне правых проходят процесс «культурализации».

Необходимо отметить, что в политической науке на данный момент не существует консенсуса о том, как именовать это явление в дискурсе и идеологии крайне правых. К примеру, исследователи используют такие термины как «цивилизационизм», «цивилизационный национализм», «цивилизационный популизм» и ряд других. Проблема терминологического плана, как представляется, связана ещё и с тем, что до конца не ясно, является ли цивилизационный дискурс крайне правых альтернативой националистическому. Либо же, что вероятнее, можно говорить о гибкости националистического дискурса, которая подразумевает, что «нация» в данном случае интерпретируется в терминах, связанных с феноменом цивилизации. Создание после выборов в Европейский парламент в 2024 году группы «Патриоты за Европу» объединило националистов из многих государств ЕС: от французского «Национального объединения» и нидерландской «Партии свободы» до португальской Chega и венгерской ФИДЕС. На официальном сайте этой фракции в качестве приоритетов указано следующее: безопасность границ и пресечение нелегальной иммиграции для сохранения культурной идентичности и самобытности, защита свободы слова, приверженность национальному суверенитету и правам граждан национальных государств[29].

Как и в программах отдельных праворадикальных партий Европы на выборах национального уровня, в идейных принципах группы «Патриоты за Европу» заявляется о значимости прав и свобод в контексте сохранения национальной и культурной идентичности граждан европейских стран перед «угрозой» утраты собственной самобытности. Стоит отметить, что панъевропейская партия Patriots.eu (до 2024 года – «Идентичность и демократия»), представители которой составляют основу группы «Патриоты за Европу» в Европейском парламенте, в своем манифесте выражает цивилизационный дискурс ещё четче, заявляя, что её члены «верят в Европу, которая охраняет и прославляет свою европейскую идентичность, традиции и обычаи, плоды своего греко-римского и иудео-христианского наследия»[30]. Таким образом, в современных условиях праворадикальные партии Европы в своем дискурсе умело сочетают националистические идеи с цивилизационными. Конструируя, с одной стороны, представление об идентичности европейской цивилизации, параллельно правые радикалы подчеркивают цивилизационную угрозу, которая, по их мнению, исходит от ислама и мусульман. В этом смысле, для исследователей правого радикализма, как представляется, существует два перспективных направления будущих исследований: во-первых, дальнейшая разработка теоретико-методологической стороны вопроса, связанного с дискуссией о сочетаемости национализма и цивилизационизма; во-вторых, что тесно переплетается с первым, изучение механизмов конструирования националистического дискурса, в рамках которого правые радикалы адаптируют свою риторику под актуальную общественно-политическую повестку, делая особый акцент на вопросах национальной и цивилизационной идентичности граждан европейских государств.

[28]Brubaker R. Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective // Ethnic and Racial Studies, 2017, 40 (8), P. 17-18.

[29]Patriots For Europe. URL: https://www.patriotsforeurope.eu/#who; https://www.patriotsforeurope.eu/#priorities.

[30]Манифест партии Patriots.eu. URL: https://patriots.eu/manifesto/.

Головин Ю.А.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ: ФАКТОРЫ РОСТА

В условия проведения СВО, нарастания противостояния с западными странами в политической, экономической и военной сферах, крайне важна гражданская активность граждан нашей страны, поддержка и помощь сражающейся армии и населения приграничных районов.

Опрос общественного мнения, проведенный в феврале 2024 года среди жителей Ярославской области в возрасте 18 лет и старше, проводился методом уличного опроса по заранее разработанной анкете. В опросе приняли участие 630 человека – представители различных социально-демографических групп, проживающие в различных населенных пунктах Ярославской области. Сформированная выборка репрезентативна для области в целом. Уровень достоверности данных составляет, по области 95%, статистическая погрешность находится в рамках диапазона 5,0%.

Результаты анализа собранных данных позволили выявить тенденцию к росту количества граждан, считающих, что они обладают активной гражданской активностью. Так, на начало 2024 года 65,9% респондентов заявили, что обладают активной гражданской позицией. Если сравнивать эти данные с данными на начало 2020 года, то можно заметить, что ситуация кардинальным образом изменилась: на начало 2020 года респонденты (68,2%) не имели четко выраженной активистской гражданской позиции. Все это может говорить о росте гражданского самосознания среди населения Ярославской области.

Главной формой проявления гражданской активности для респондентов остается просмотр и обсуждение текущих новостных повесток в СМИ (42,2% на начало 2024 года против 38,1% на начало 2023 года). Второй по популярности формой остается участие граждан в жизни своего дома, подъезда и ТСЖ (18,1% на начало 2024 года, против 17,5% на начало 2023 года). Заметно и то, что, снижается активность граждан в Интернете. Так если на начало 2020 года, доля респондентов, проявляющих свою активность в Интернете, составляла 22,4%, то на начало 2024 года она составляет уже 9,6%. Снижается и активность граждан в сфере пожертвований и благотворительной деятельности (9,5% на начало 2024 года при среднем в 14,1% за последние 5 лет). Исходя из этого можно сделать вывод, что граждане больше настроены на «пассивное» участие в гражданской активности, предпочитая просматривать новостные источники и формировать свое мнение об общественно-политической ситуации в стране. Также они готовы участвовать в активностях, связанных с их непосредственным местом проживания, но не готовы к масштабированию участия.

Также респонденты стали видеть больше пользы в деятельности НКО для себя и своих близких: доля тех, кто считает деятельность НКО абсолютно полезной, возросла с 25,6% (на начало 2023 года, что и так являлось наибольшим показателем) до 35,4% (на начало 2024 года). При этом готовность населения безвозмездно работать в общественных организациях стала выше, чем за последние несколько лет и составляет на начало 2024 года 39,7% (28,5% на начало 2023 года). Хотя такой показатель и не является рекордным (на начало 2013 года готовность граждан участвовать в деятельности НКО составляла 41,6%), но он демонстрирует определенную готовность граждан к решению общественно важных вопросов и проблем.

Респонденты в целом продолжают считать важным участие НКО в деятельности направленной на оказание помощи в рамках специальной военной операции. Возросло общее одобрение граждан помощи НКО государству (с 55,2% на начало 2023 года до

64,8% на начало 2024 года), мобилизованным (с 74,5% на начало 2023 года до 82,5% на начало 2024 года) и семьям мобилизованных (с 72,5% на начало 2023 года до 77,1% на начало 2024 года). В целом, можно говорить о том, что граждане поддерживают деятельность НКО в рамках проведения специальной военной операции и считают важным любые формы поддержки государству и военным, что говорит о высоком уровне солидаризации граждан.

Гончаров М.Д.
(Томск, НИ ТГУ)

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Этнические общественные организации являются важнейшей частью коммуникации органов публичной власти и гражданского общества по вопросам реализации этнической политики. Так, с одной стороны, этнические организации способны формулировать и направлять запросы граждан представителям власти. С другой стороны, этнические организации зачастую не только участвуют в мероприятиях, организованных органами власти для реализации задач государственной этнической политики, но и всячески способствуют успешности их проведения. Учитывая описанное значение данных организаций, становится ясно, что от возможности выстраивания продолжительной и взаимовыгодной коммуникации между органами власти и этническими организациями зависит эффективность проводимой государством политики.

Выстраивание коммуникации, безусловно, является процессом двусторонним, в нем должны быть заинтересованы как служащие органов власти, так и члены этнических организаций. Однако, если служащие стремятся наладить и поддерживать коммуникацию с максимально большим числом организаций, руководствуясь принципами равенства и справедливости, то члены организаций могут подходить к этому вопросу по-разному, руководствуясь жизненными обстоятельствами и личными интересами. Соответственно, для анализа тех или иных аспектов коммуникации, а также для поиска причин возникновения проблем при взаимодействии сторон, необходимо выявить особенности внутреннего устройства этнических общественных организаций на предмет стабильности или нестабильности их состава и организационных структур, которые оказывают непосредственное влияние на участие организации в политической коммуникации.

Эмпирической основой данной работы являются материалы интервью и фокус-групп, проведенных в Томске с представителями ряда этнических общественных организаций Томской области (обозначенные материалы размещены на сайте Научной библиотеки Томского государственного университета). Полученная таким образом информация позволяет разделить существующие этнические общественные организации на две группы:

1. стабильные этнические организации, сохраняющие постоянный численный состав активных членов организации и имеющие определенную структуру управления (зачастую такая организация возглавляется одним и тем же руководителем на протяжении длительного времени);

2. нестабильные этнические организации, чей состав регулярно изменяется в связи с миграционными процессами, а устойчивые организационные структуры отсутствуют (чаще всего в таких организациях руководитель занимает свой пост не дольше нескольких лет).

В Томской области к стабильным этническим организациям могут быть отнесены объединения коренных народов региона, а также устойчивые диаспоры (объединения армян, дагестанцев, узбеков и др.), в то время как к нестабильным могут быть причислены этнические землячества, созданные приезжающими в Томск студентами из других субъектов России.

Принадлежность этнической организации к той или иной категории явно сказывается на взаимодействии этой организации с органами власти, что подтверждается материалами интервью с представителями двух сторон коммуникации. Так, стабильным организациям проще выстроить и поддерживать коммуникацию как за счет возможности регулярного участия в проводимых органами власти мероприятиях, так и благодаря формированию устойчивых каналов связи между представителями организаций и органов власти. В то же время нестабильным организациям взаимодействие дается значительно труднее в связи с постоянной сменой как рядовых членов организаций, так и руководителей.

Как итог, мы можем утверждать, что представленная классификация этнических общественных организаций, основанная на условиях внутреннего функционирования групп, подходит для использования при проведении исследований. Так, применение обозначенной классификации позволяет выявлять связь между внутренним устройством группы и ее коммуникационным потенциалом. Учитывая данный факт, использование вышеописанной классификации может быть полезно не только при проведении научных исследований, но и в работе органов публичной власти.

Гончарова И.В. (Москва, НИИ государственной политики и управления отраслевой экономики ГУУ)
Чувардин Г.С. (Орел, ОГУ имени И.С.Тургенева)

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОГО ОБРАЗА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКОГО ОПЫТА 1920–30-Х ГГ.

Популяризация образования и науки — это не только просветительская деятельность, но и форма государственной политики. В XX в. наука становится символом прогресса, способом легитимации власти и инструментом модернизации общества. Советский опыт 1920–30-х гг. показывает, что молодое поколение должно было не просто осваивать новые знания, но и воспринимать науку как часть своей политической идентичности и патриотической миссии.

Большевики осознавали, что модернизация невозможна без включения молодежи в научно-технический проект. Образование становилось привлекательным образом будущего, обещавшим социальные лифты и участие в «великом строительстве социализма».

Еще в 1920-е гг. большевики прямо обозначали: молодежь — это «революционное будущее» [Ильинский И.М., 2001]. Именно молодые люди рассматривались как глав-

ная база поддержки новой власти, готовая к радикальным экспериментам. Создание пионерской и комсомольской организаций обеспечивало не только политическую социализацию, но и интеграцию молодежи в «взрослую политику».

Структура комсомола повторяла партийную: вертикаль власти, мобилизационные кампании, идеологические установки. Воспитание шло по линии «октябрята – пионеры – комсомольцы», а затем — партия. Эта система не оставляла пробелов и создавала замкнутый цикл политического и культурного воспроизводства.

Важнейший элемент стратегии конструирования образа стало превращение науки в символ модернизации. Рабфаки, кружки, курсы ликбеза позволяли выходцам из крестьянской и рабочей среды попасть в университеты [Данилов В.П., 1988]. Молодежь получала реальный шанс социальной мобильности через образование и науку.

В массовой культуре формировался образ ученого и инженера как героя новой эпохи. Наука переставала быть уделом «элит» и становилась частью революционной романтики. Молодежь привлекали к научно-техническим кружкам, выставкам достижений, экспериментам в области техники и производства.

Советская модель предполагала тесную связь науки и идеологии. Наука воспринималась не как нейтральное знание, а как «оружие социализма». При этом, «советская» наука противопоставлялась «буржуазной» [Ленин В.И., 1920], а научный труд отождествлялся с героизмом, инженер, конструктор, изобретатель становился продолжателем «героев революции».

Популяризация науки была частью культурной революции, направленной на разрушение старых символических систем. Научный язык проникал в СМИ, литературу и кино.

Советская власть использовала широкий спектр коммуникационных практик в формате СМИ («Юный натуралист» с 1928, «Техника — молодежи» с 1933), плакатов, выставок (ВДНХ), кинематографа («Энтузиазм» Дзиги Вертова, 1931). Широкое распространение получили публичные лекции и кружки, превращая научное просвещение молодежи в массовое.

Таким образом, наука превращалась в зрелищный феномен, символизировавший будущее и прогресс.

Однако советская модель имела и внутренние противоречия [Fitzpatrick S., 1979]. Наука подчинялась идеологии, а содержательные границы научных исследований задавались партией. Молодежь рассматривалась как объект воздействия, а не субъект научного творчества. При этом создавались мифы о «безграничных возможностях» молодежи в науке, но социальные барьеры сохранялись.

Тем не менее, именно жесткая институционализация и идеологизация позволили быстро создать массовый интерес к науке как сфере престижа и социальной мобильности. А образование стало одним из самых успешных образовательных проектов большевиков, который позволил провести модернизацию.

Советский опыт 1920–30-х гг. показывает, что популяризация науки была частью масштабного проекта политической социализации и патриотического воспитания молодежи. Наука представлялась не как автономная сфера, а как идеологически заряженный инструмент модернизации и мобилизации.

Популяризация науки стала элементом формирования политической идентичности нового поколения.

Сегодня, анализируя этот опыт, мы можем сделать вывод: советская стратегия продемонстрировала высокую эффективность массовой мобилизации через науку, но ценой ограничения автономии молодежи и самой науки.

Горбунова М.Л., Комаров И.Д.
(Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАСШИРЕНИЯ БРИКС

Сообщество БРИКС+ включает в себя десять крупнейших по демографическому и экономическому потенциалу государств коллективного НеЗапада. Расширение объединения является одним из признаков формирования многополярного или полицентричного мирового порядка, так как лидеры НеЗапада, отражая интересы мирового большинства, формируют вокруг себя зоны-кластеры стабильности благополучия и безопасности с участием государств малого и среднего размера. Эти государства не могут самостоятельно, без взаимодействия с крупными рынками, устойчиво развиваться из-за недостаточности комплексной мощи (рыночной емкости), которая не дает развиваться национальному производству. Кроме того, малые и средние государства испытывают ресурсодефицитность по одной или нескольким стратегическим группам товаров, что в зависимости от типа товара может быть интерпретировано как невозможность самостоятельно гарантировать социальную стабильность, создавать условия для экономического роста и обеспечивать безопасность.

Экономическая модель либерального однополярного мирового порядка, в основе которой лежит транснационализация бизнеса и глобальные цепочки создания стоимости, опиралась на инвестиции и технологии страна Запада и на дешевые природные и трудовые ресурсы стран НеЗапада, что было достигнуто в том числе за счет занижения валютного курса принимающих стран. Функционирование этой модели создало такой тип международного перераспределения доходов, в котором ВВП стран НеЗапада всегда меньше их ВНП, то есть часть продукта, создаваемого в границах страны, системно выводится в другие страны, и наоборот. Лидерами по абсолютному значению оттока доходов являются, как показывают расчеты, КНР и РФ (до 2022 г.), несмотря на то что либеральная модель привела к росту материального благополучия населения этих и других государств БРИКС+. Достигнутый уровень развития вкупе с большим демографическим потенциалом ключевых государств НеЗапада привел к тому, что их комплексная экономическая мощь стала сопоставимой с лидерами Запада: по показателю совокупного ВВП по ППС уже в течение нескольких лет КНР опережает США и ЕС, в 2024 г. Индия и Россия вытеснили крупнейшие европейские государства из списка пяти первых национальных экономик мира. Тем не менее за счет инерции масштаба и гравитации крупных экономических систем Запада и НеЗапада первого и второго порядка их взаимосвязанность в торговле, инвестициях и других трансграничных потоках по отношению друг к другу превалировала над их связями с совокупностью малых и средних государств – остальным миром.

Современный переходный беспорядок (*transit disorder*) во многом обусловлен тем, что лидеры Запада не смогли полноценно восстановиться после глобального экономического кризиса 2008 – 2010 гг. и предприняли несколько попыток сдержать рост лидеров НеЗапада путем геоэкономического давления через санкции и торговые войны. Геополитизация и секьюритизация международных экономических отношений снизили взаимозависимость между Западом и НеЗападом. Несмотря на то, что инициаторами фрагментации во многом являются США, вводимые ими геополитические границы ведут к утрате контроля их капитала над производством, в первую очередь в КНР, при этом перенос мощностей в другие – сопоставимые по факторным условиям – страны АТР проблематичен не только из-за их экономического масштаба – совокупный ВВП

государств АСЕАН составляет около 20% ВВП КНР, но и по причине их усиливающейся заинтересованности во взаимоотношениях с государствами БРИКС+, рынки которых растут быстрее и более доступны с точки зрения нетарифного и тарифного регулирования, с учетом внедрения ЕС нетарифных мер, связанных с защитой климата и введения США новых ставок тарифов. В условиях «декаплинга» (*decoupling*), наблюдаемого между Западом и НеЗападом, интерес представляет оценка устойчивости БРИКС+ с помощью методик оценки конвергенции и консолидированности государств-участников.

Анализ конвергенции государств-участников опирается на расчет межгосударственного индекса Джини и его трендов. Оценка консолидированности (взаимосвязанности) реализуется через расчет удельного веса взаимной торговли внутри объединений – по совокупности товаров и отдельно – по стратегическим группам. Обе методики ранее апробированы авторами на неформализованных и формализованных межгосударственных объединениях – интеграционных блоках и многосторонних инициативах, что обеспечивает компаративность анализа соотвествующих показателей БРИКС+. Расчеты показали, что расширение БРИКС качественно улучшило показатели консолидированности, что свидетельствует о потенциальной устойчивости системы международных экономических отношений, альтернативной Западу, что обеспечивается участие в БРИКС+ трех из пяти ведущих национальных экономик мира. Уровень неравенства БРИКС+ по доходам в номинальном исчислении довольно высокий, но при этом сопоставим с государствами АСЕАН и выше, чем у государств-участников Шанхайской организации сотрудничества. Тренда на снижение неравенства не прослеживается, что говорит о дивергенции показателей подушевых доходов, что может быть объяснено трансрегиональным характером объединения, а также нестабильностью развития мировой экономики. С учетом того, что в рамках БРИКС+ РФ и КНР имеют одни из самих высоких уровней доходов на душу населения (они следуют за ОАЭ, идущими на первом месте), можно рассуждать о потенциале формирования ими инклюзивного типа развития для остальных участников объединения за счёт открытия своих рынков, трансфера капитала и технологий, вклада в создание общественных благ, в первую очередь инфраструктурных, развития человеческого капитала в рамках образовательных проектов.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Обеспечение стабильности и безопасности РФ на евразийском пространстве в условиях формирования многополярного мирового порядка», номер темы FSWR-2025-0003

Горлов К.Н.
(Мичуринск, Мичуринский городской Совет депутатов Тамбовской области; МичГАУ)

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ КОНТРАКТЫ РАЗВИТИЯ: КАК «НАРОДНАЯ ПРОГРАММА» ПРЕВРАЩАЕТ КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В КООПЕРАЦИЮ ВЛАСТИ, БИЗНЕСА И ОБЩЕСТВА

На муниципальном уровне часто сталкиваются различные интересы – органов власти, бизнеса и местных сообществ – что может приводить к конфликтам. Теория общественной ценности призывает публичное управление ориентироваться на достижение баланса интересов и общественно значимых результатов. Институциональные

механизмы, обеспечивающие *согласование интересов*, повышают подотчётность власти перед гражданами и вовлекают бизнес в решение социальных задач.

В российском контексте с 2021 году получила развитие концепция *«Народной программы»* – своеобразной «народной платформы» партии власти, сформированной на основе предложений граждан. Эта программа стала институциональным механизмом, направленным на координацию интересов разных акторов на всех уровнях – от федерального до муниципального. В процессе её подготовки и обновления использованы цифровые инструменты (онлайн-портал для сбора идей и предложений граждан) и офлайн-форматы (анкеты, общественные приёмные, встречи с жителями). Такой подход обеспечивает прямой диалог с населением, позволяя каждому внести свою инициативу и «увидеть себя» в итоговом документе. В теоретическом плане Народная программа выполняет функцию социального контракта: она формирует общие цели развития и легитимирует действия власти через учет мнения граждан, одновременно устанавливая стандарты подотчётности – власть обязуется реализовывать согласованные инициативы, а общество вправе спрашивать за их исполнение.

Идея муниципального «контракта развития» (МКР) подразумевает формализацию сотрудничества между местной властью, бизнесом и сообществами в виде соглашения о реализации приоритетных проектов развития. По сути, МКР – это прикладное продолжение Народной программы на уровне города или района, своего рода *дорожная карта совместных действий*. В структуру такого «контракта» входят: перечень согласованных проектов (инициатив) с указанием целей и ожидаемых общественных ценностей; распределение обязанностей и вкладов сторон; показатели результативности; механизмы координации и отчетности.

Логика МКР предполагает, что каждый проект обеспечен ресурсами с нескольких сторон: финансирование из местного и регионального бюджетов, государственные программы, средства бизнеса или софинансирование граждан (инициативное бюджетирование). Именно такой многосторонний подход реализуется через Народную программу – она стала «уникальным механизмом, который объединяет ресурсы местного и регионального бюджетов, государственное финансирование и средства инициативного бюджетирования».

Для каждого проекта задаются базовые и целевые значения: километры дорог, число благоустроенных дворов, доля объектов, завершённых «в срок/в бюджет», скорость реакции на обращения, индекс удовлетворённости. Исполнение МКР увязывается с муниципальными программами и бюджетом; совместные рабочие группы (администрация, депутаты, бизнес, ТОСы) обеспечивают баланс интересов и корректировку планов. Цифровые каналы участия повышают прозрачность и включённость граждан.

Город Мичуринск в Тамбовской области – наглядный пример того, как элементы «муниципального контракта развития» воплощаются де-факто. С 2021 года наказы жителей формируют портфель городских проектов. Сейчас, в 2025-м идёт отчётная кампания и сбор предложений в новую НП. Результаты: капитальный ремонт школ №17, 19 и 7; участие независимого инвестора в подготовке газификации ещё пяти учреждений образования; создание музея В.М. Зельдина с привлечением частных средств; благоустройство «Мичуринского подгорья» — создание экотропы, малая архитектура, новая сцена, беговые дорожки и «Народный фитнес-парк».

Опыт Мичуринска и других муниципалитетов, внедряющих Народную программу, выявляет не только преимущества, но и ряд рисков на пути к устойчивой модели муниципального контракта развития:

• формализм (противоядие — ориентация на осязаемые изменения, независимая оценка качества);

• политической конъюнктуры (решение — включение МКР в муниципальные акты и программы);

• дефицит ресурсов (нужна четкая приоритизация, этапность, многоуровневое финансирование);

• низкая гражданская активность (выход — поддержка активистов, гарантированная обратная связь);

• доминанта одной стороны (решение — равное представительство в советах, прозрачные критерии отбора).

Опыт Народной программы в городе Мичуринске демонстрирует, как на практике можно трансформировать конфликт интересов в сотрудничество.

МКР превращает НП из набора обещаний в управляемую систему совместного создания общественной ценности. Опыт Мичуринска показывает: при политической воле, институциональной фиксации и открытой коммуникации конфликт интересов уступает место партнёрству, а результаты — школы, парки, дороги и сервисы — становятся измеримыми и видимыми для жителей.

Горобец В.В.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ПОТЕНЦИАЛ ВИДЕОИГР В КОНСТРУИРОВАНИИ ОБРАЗА БУДУЩЕГО СРЕДИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Образ будущего – это не просто совокупность различных представлений о перспективах и направлениях развития, а, прежде всего, важнейший элемент стратегического планирования и прогнозирования в управленческой системе. Изучение будущего позволяет выявлять возможные сценарии развития социально-политического процесса, минимизировать риски и реализовывать долгосрочную стратегию государства. Более того, понятие «образ» является многоаспектным, включает в себя, помимо всего прочего, такие компоненты, как оценку и ценности. По этой причине образ Будущего – аксиологическое отражение настоящего. Влияние на ценностно-мировоззренческую основу сегодня непрерывно ведет к конструированию иного образа будущего. В связи с этим для государства, наряду со стратегическим планированием, приоритетом становится реализация символической политики. С учетом международной турбулентности, актуальным являются политологические теоретические и эмпирические рассуждения о поиске путей развития и будущем России.

С учетом доступности и массового распространения информационных технологий сегодня появились различные сценарии будущего отдельных народов, стран и всего мира. Причем в большинстве случаев они не являются результатом долгосрочного государственного планирования. Роль в формировании представлений общества о будущем нередко берет на себя массовая культура. Это создает ситуацию, при которой граждане России имеют разные представления о будущем своей страны.

Одним из артефактов массовой культуры являются видеоигры. Несмотря на меньшую распространенность среди представителей молодежи (по сравнению с кино, литературой и музыкой), они обладают принципиальными особенностями, влияющими на конструирование образа Будущего.

Во-первых, абсолютно все видеоигры позволяют игроку делать выбор и в некоторых случаях даже лично участвовать в создании виртуального будущего с помощью набора внутриигровых действий. Более того, игры могут предлагать различные негативные и позитивные сценарии, реализация которых зависит исключительно от совокупности действий игрока. Вдобавок, в отличие от кинематографа, литературы и музыки, игрок может оценить различные «концовки» игры и принять решение о том, какой из вариантов будущего для него наиболее привлекательный. Проведение исследований в области видеоигр может выявить желаемые сценарии реального будущего у российских игроков.

Во-вторых, видеоигры являются виртуальным нарративом, который создается экспертами из разных областей (история, культурология, политология и т.п.) и отличается от других сфер массовой культуры. В частности, происходит интерактивная и иммерсивная интеграция игрока за счет возможности управления виртуальным пространством. Данный эффект погружения дополняется нелинейностью, визуальным и аудио сопровождением, а также эмоциональными сюжетными поворотами, которые напрямую касаются игрока, управляющего персонажем. Таким образом, человек становится одним из компонентов виртуального нарратива. Смыслы и образы (включая образ будущего), демонстрируемые в игре, начинаются восприниматься им более остро.

В-третьих, формат видеоигр дает возможность конструировать те или иные сценарии будущего совместно с другими людьми за счет онлайн-режимов. Данный аспект позволяет отражать те представления о будущем, которые сложились у сообщества игроков из отдельных социальных групп или определенных стран. Таким образом в науке формируется возможность изучать представления социальных групп о будущем через видеоигры.

В то же время, обладая рядом преимуществ перед другими артефактами массовой культуры по изучению и конструированию образа будущего, формат видеоигр ставит перед собой несколько научных и практических проблем.

Во-первых, видеоигры дают ограниченный выбор различных сценариев будущего в зависимости от того, кто является разработчиком игры. Положительные альтернативы могут быть недоступны для конкретной страны при соответствующей международной и геополитической обстановке. Во-вторых, реальное желаемое будущее игроков может отличаться от действий, доступных в игре, где, например, намеренно реализуется негативный сценарий ради интереса или развлечения. В-третьих, количество сюжетов в видеоиграх с открытыми вариантами действий сводится к множеству сценариев Будущего, которые могут вызвать трудности при научном анализе и систематизации полученных результатов. Данные аспекты должны быть учтены при проведении дальнейших исследований в области политической науки.

Таким образом, стоит сказать, что видеоигры обладают потенциалом для конструирования образа будущего и продвижения смыслов среди представителей молодежи. С учетом полного погружения в игровой процесс и личного участия в построении будущего, игрок переносит полученные образы на реальный мир. Так как видеоигры зачастую представляют собой набор стереотипов, транслируемые сценарии будущего влияют на модели поведения и восприятие политического мира в настоящем.

Грабевник М.В.
(Пермь, ПГНИУ)

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ И СУБНАЦИОНАЛЬНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В исследованиях регионализма, сепаратизма и политико-территориальной целостности современных национальных государств в российском академическом поле имеет место значимый пробел – практически отсутствуют значимые исследования взаимосвязи международной миграции и субнационального регионализма. Краткий теоретический обзор, представленный в настоящих тезисах, представляет попытку фрагментированного заполнения данного исследовательского сюжета (характера взаимосвязи международной миграции и субнационального регионализма).

Международная миграция выступает значимым фактором субнационального регионализма в современных национальных политиях. Очевидным образом иммиграционные процессы могут способствовать размыванию этнолингвистической структуры населения региона, что оказывает влияние на ослабление регионализма как движения и как политического курса. Регионалистские политические партии таким образом могут терять электоральную поддержку и политическую субъектность (Deschouwer, 2009). Национальные правительства нередко прибегают к миграционной политике как инструменту управления политико-территориальной гетерогенности в случаях интенсивных субнациональных регионализмов (Dirksmeier, 2021). Между тем, иммиграция репатриантов или co-ethnics достаточно часто приветствуется субнациональными территориальными единицами для увеличения электоральной и мобилизационной базы автономистских/ регионалистских/ сепаратистских движений (пример канадской провинции Квебек в данном случае показателен) (Turgeon, Bilodeau, 2014) и имплементации политики регионального гражданства (Hepburn, 2011; Ruiz-Vieytez, 2017). Эмиграционные процессы, наоборот, в большинстве случаев ослабляют субнациональный регионализм. Определяющими условиями/ факторами в таких случаях являются географические особенности (острова Норфолк и Рождества в Австралии, Пуэрто-Рико в Соединенных Штатах, Шетландские и Оркнийские острова Соединенного Королевства), наличие kin-state (венгерские сообщества Словакии и Румынии, хорватское сообщество Боснии и Герцеговины, албанское сообщество Северной Македонии) и политические репрессии/ гражданские войны/ этнические конфликты (рохинджа в Мьянме, этнические сербы в Косово и другие).

Зарубежные (прежде всего, европейские) исследования указывают на широкий спектр факторов, определяющих взаимосвязь международной миграции и субнационального регионализма, которые требуют детального эмпирического обследования: демографические и структурные характеристики принимающего регионального сообщества, этно-лингвистический состав населения региона и иммиграционного сообщества, экономические характеристики и ситуация на рынке труда, исторические и традиционалистские характеристики, региональная политическая и партийная система, а также конфигурация системы многоуровневого (или совместного) управления, где субнациональные единицы обладают степенью субъектности в отношении миграционной политики национального уровня (Hepbern, 2014; Jeram et al., 2015).

Политическая стратегия региона в отношении иммиграционных паттернов также является значимым фактором. С одной стороны, классический подход в исследованиях национализма предполагает консервативную и протекционистскую реакцию

субнационального регионализма на иммиграционные потоки – регионалистское движение рассматривает иммигрантов как угрозу собственной структурной и политико-культурной целостности, а потому будет стремиться проводить ограничительную миграционную политику (Hobsbawm, 1992). Наиболее часто подобные логики наблюдаются в случаях регионализмов, основанных на этнолингвистическом критерии (классической иллюстрацией является провинция Квебек в федерации Канада). С другой стороны, в период 2000-2020-ых годов в актуальной политической практике проявляются иные закономерности – этнолингвистические регионализмы Каталонии и Шотландии, вопреки теоретическим ожиданиям методологического национализма, проводят вполне либеральную иммиграционную политику, не расценивая иммигрантов как угрозу целостности региона и единству региональной (каталонской и шотландской) идентичности. Благодаря подобным эмпирическим индикаторам более весомую поддержку получает другая теоретическая традиция – мультикультурализм (Kymlicka, 2001). Такая традиция предполагает, что чем большей региональной автономией и более широким спектром политико-административных полномочий обладает субнациональная территориальная единица (особенно в отношении экономической, трудовой и социальной политик), тем более активно регион будет придерживаться либеральной и толерантной позиции в отношении к иммигрантскому сообществу.

Теоретические и эмпирические исследования характера корреляции международной миграции и субнационального регионализма в современных политиях, на взгляд автора, являются актуальными и перспективными как в количественной и каузальной логике, так и в качественной и дескриптивной исследовательской ориентации.

Гребенко Е.Д.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПОВЕСТКИ В РЕГИОНАЛЬНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В современной России сложилась определенная модель политической коммуникации, где ключевые нарративы формируются на федеральном уровне. Однако эффективность этой модели определяется не только способностью донести сигнал до регионов, но и тем, как этот сигнал воспринимается, интерпретируется и находит ли он отклик у граждан на местах. Поэтому анализ трансформации и распространения федеральной повестки в медиапространства российского региона представляет широкий интерес как в рамках научного осмысления данного феномена, так и для оценки реальных действий по продвижению федеральной повестки в регионах России.

Для выявления первичных закономерностей было проведено пилотное исследование на материалах Ярославской области за первое полугодие 2024 года. Для анализа была выстроена трёхуровневая модель источников. Федеральный уровень представлен сайтом «Kremlin.ru» и агентством «ТАСС»; региональный — порталом правительства области «Yarregion.ru» и СМИ «YarNews.net»; местный — порталом мэрии Ярославля «City-yaroslavl.ru» и городским сайтом «76.ru». Эмпирическую основу составил контент-анализ (смешанный) 100 репрезентативных новостных сообщений, отобранных на разных уровнях. Для каждой новости определялась тематическая принадлежность. Общественный резонанс измерялся с помощью количественного анализа аудиторной

вовлечённости в Telegram-каналах соответствующих СМИ (просмотры, комментарии, реакции). Статистическая обработка данных включала сравнительный и корреляционный анализ (по методу Спирмена).

Исходя из первичного анализ удалось выявить три наиболее заметные закономерности трансформации федеральной повестки в региональном медиапространстве. Во-первых, выявлен определенный механизм фильтрации федеральной повестки. Так, из всего объёма федеральных новостей региональные и местные СМИ отбирают лишь узкий сегмент, напрямую связанный, непосредственно, с территорией региона. К примеру, если в федеральных СМИ тема международной политики занимала порядка 35% повестки, то в региональных не более 5%, а в местных уже около 1%. В то же время городские проблемы (ЖКХ, транспорт, благоустройство), почти отсутствующие на федеральном уровне, занимали до 60% повестки ведущего городского портала. Во-вторых, можно выделить феномен адаптации повестки по региональный и местный уровень. Для привлечения внимания аудитории федеральные инициативы подаются через локальный контекст. Например, новость «Президент анонсировал новый нацпроект» на местном уровне трансформируется в «Что получат ярославские семьи от нового нацпроекта: инструкция». В-третьих, выявлена низкая вовлеченность региональных и местных читателей в федеральную повестку. Несмотря на высокий охват, федеральная повестка вызывает минимальный отклик аудитории. Максимальная вовлечённость (комментарии, споры, эмоциональные реакции) концентрируется вокруг острых местных проблем. Среднее количество комментариев на новость о городской проблеме (например, введение платных парковок) достигало 455, в то время как новость о международной политики собирала в среднем лишь 15 комментариев.

Предварительно проведенный корреляционный анализ данных также подтвердил вышеописанную закономерность. Была выявлена сильная отрицательная корреляция (-0,65) между уровнем повестки (где 1 — местный, 2 – региональный, 3 — федеральный) и количеством комментариев. Это доказывает, что чем более абстрактной и удалённой от повседневной жизни является тема, тем ниже её реальный общественный резонанс.

Проведённое пилотное исследование демонстрирует, что в России существует как минимум два параллельных информационных мира. Первый — это мир официальной федеральной повестки, транслируемой сверху вниз и распространяющий, преимущественно, нарративы относительно внешнеполитической ситуации и решения, принимаемые федеральной властью. Второй — это мир локальных проблем, которые волнуют граждан и вызывают у них живую реакцию (бытовая повестка, инфраструктура, ЖКХ и т.д.). Как показывает анализ, вертикальная модель коммуникации эффективна для информирования, но не для генерации вовлечённости. Максимальная активность читателей концентрируется на муниципальном уровне, что делает местные онлайн-медиа ключевой площадкой для изучения общественных настроений и реального дискурса в медиапространстве. Дальнейшие исследования могут быть посвящены сравнительному анализу нескольких регионов для выявления общих и уникальных паттернов трансформации политической повестки.

Гребенникова Е.И.
(Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова)

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПУТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

В современном политическом дискурсе Россия все чаще анализируется через призму цивилизационного подхода, послужившего основой для действующей концепции внешней политики страны. Согласно этому документу, Россия рассматривается как самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава, сплотившая русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира[30].

Говоря о цивилизационном пути России, исследователь Б.В. Межуев считает, что события последних лет парадоксальным образом закладывают почву для дальнейшего сближения России и «коллективного Запада» через конфликт, посредством которого российское государство стремится занять лидирующую позицию в Европе.

Однако, как отмечает исследователь, этот сценарий ведет к неблагоприятным для страны последствиям, поскольку он «вернёт страну к слишком комфортному для неё положению – сырьевого донора поднимающихся индустриальных и постиндустриальных центров»[32]. Межуев считает, что России следует отказаться от попыток перестроить Европу и научиться испытывать в отношении ее «цивилизационное равнодушие». Автор придерживается принципов «русского палеоконсерватизма» – неприятия интервенционизма, антиимпериализма и одобрения ограниченного изоляционизма, который направлен на внутренние развитие российских территорий.

В концепции исследователя В.Л. Цымбурского современная Россия представляется как особая островная цивилизация, окруженная поясом «лимитрофных» территорий (граничащих с РФ стран). Согласно мыслителю, отделение пространств Великого Лимитрофа в процессе распада СССР является благом для страны, поскольку народы межцивилизационных территорий недостаточно интегрированы в русскую цивилизацию. Он настаивал на внутреннем цивилизационном развитии страны и укреплении «Русской Евразии». Только на основе внутреннего развития русская цивилизация смогла бы стать основой для притяжения народов Лимитрофа.

По мнению исследователя А.С. Панарина современная Россия находится в одиночестве, поскольку ее не приняли на Западе и отвергли на Востоке[33]. Это «изгнание», согласно исследователю, характерно только для русских и евреев, поскольку именно эти народы обладают масштабными миссиями. Панарин отводит России центральное место в мировой истории, поскольку она имеет потенциал для достижения общецивилизационного единства.

Российские исследователи подчеркивают цивилизационную самобытность страны и значимость ее внутреннего развития. Вместе с тем они отмечают цикличный характер отношений между России и Западом – чередование периодов напряженного противостояния с эпохами активного взаимодействия, а также попыток российского государства занять доминирующую позицию среди европейских стран.

---

[31]Концепция внешней политики Российской Федерации от 2023 года. Электронный ресурс: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/

[32]Межуев Б. В. Цивилизационное равнодушие. Способна ли Россия держать культурную дистанцию в отношениях с Европой // Россия в глобальной политике. 2022. Электронный ресурс: https://globalaffairs.ru/articles/czivilizaczionnoe-ravnodushie/?ysclid=meo3nx0cgq624319134

[33]Панарин А.С. Политическое положение России: взгляд в будущее. М., 2003. С. 10.

Грибанова Г.И.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ГЕОЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Геоэкономика, как концепция, которая соединяет экономические стратегии с геополитическими целями, все чаще становится важнейшим инструментом мягкой силы в формировании международных отношений и реализации национальных интересов. Экономическая политика, регулирующая все, от торговли и инвестиций до энергетики и валютных курсов, используется как инструмент для завоевания дипломатических союзников, наказания противников и принуждения тех, кто пытается сохранять нейтралитет. В отличие от классической геополитики, которая в первую очередь фокусируется на военной мощи и территориальном контроле, геоэкономика подчеркивает роль торговли, инвестиций и экономических партнерств в формировании динамики глобального влияния. Страны все больше осознают, что экономическая взаимозависимость может создать эффект рычага воздействия, когда нация может оказывать влияние не с помощью принудительных мер, а с помощью привлекательных экономических стимулов. Более того, военная мощь современного государства все в большей степени детерминируется его экономическим потенциалом. В результате именно геоэкономика начинает играть ведущую роль в определении параметров формирующегося нового мирового порядка.

Одним из наиболее показательных примеров геоэкономики как инструмента мягкой силы является инициатива «Один пояс, один путь», предложенная Китаем. Вкладывая значительные средства в инфраструктурные проекты в Азии, Африке и Европе, Китай стремится не только ускорить свой собственный экономический рост, но и расширить свое геополитическое влияние. С помощью данной инициативы Китай улучшает торговые связи, создает новые рынки для своих товаров и услуг и укрепляет политическую добрую волю в отношениях со странами-участницами. Строительство портов, железных и шоссейных дорог иллюстрирует, как инвестиции в экономику могут укрепить дипломатические отношения и создать ощущение зависимости, что соответствует более широким стратегическим интересам Китая. Этот подход демонстрирует суть геоэкономики, согласно которой экономическая деятельность превращается в политическое влияние и, в конечном счете, в геополитические преимущества.

Геоэкономика также проявляется в торговых соглашениях и экономических партнерствах, которые не только укрепляют экономические связи, но и служат платформой для влияния на стандарты, нормативы и практику управления. Например, Европейский союз пытается использовать свое экономическое влияние для продвижения своей концепции прав человека и экологических стандартов посредством торговых отношений. Устанавливая торговые льготы при соблюдении определенных нормативных рамок, ЕС стремится расширить сферу влияния своих ценностей и представлений за пределы своих границ, тем самым используя экономические средства для достижения политических и социальных целей.

Стратегическое применение санкций и экономическая дипломатия являются еще одним аспектом геоэкономики в международных отношениях. Наиболее часто к этому инструменту прибегают США, стремясь оказать давления на страны, которые они считают своими противниками или конкурентами. Эти меры, хотя и носят силовой характер, направлены не столько на прямую военную конфронтацию, сколько на использование экономических инструментов для достижения геополитических целей.

Несмотря на потенциальную эффективность геоэкономики, важно осознавать ее ограничения и вызовы. Опора на экономические средства часто сопряжена с рисками, поскольку не все страны положительно реагируют на экономическое принуждение, и могут возникнуть непредвиденные последствия, такие как усиление недовольства или принятие ответных мер. Кроме того, растущее значение альтернативных экономических альянсов, таких как БРИКС+ и другие региональные объединения, подчеркивает то, как меняется глобальный экономический ландшафт. По мере того, как эти страны объединяются в борьбе за экономическую гегемонию, они переосмысливают традиционные представления о власти и влиянии.

Важнейшим аспектом эффективного использования геоэкономики является необходимость обеспечения согласованности между экономическими взаимодействиями и более широкими целями внешней политики. Например, несогласованность в дипломатии и экономических инициативах может создать впечатление оппортунизма, а не подлинного партнерства, тем самым снижая способность страны эффективно использовать мягкую силу.

В настоящее время эффективность геоэкономических стратегий во многом определяется способностью использовать инновационную науку и технологии, о чем, в частности, свидетельствует опыт внешнеэкономической деятельности Государственной корпорации «РОСАТОМ», являющейся одним из крупнейших игроков на мировом рынке ядерных технологий.

В целом, на наш взгляд, можно сделать вывод о том, что именно экономический потенциал стран и союзов, претендующих на глобальное лидерство, в значительной степени определит базовые параметры формирующегося мультиполярного мира.

Григоренко Д.Л.
(Москва, ООО "Сенкур")

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА: ПРИОРИТЕТ ПРОДВИЖЕНИЯ КОНСТРУКТИВНОГО КОНТЕНТА КАК СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕСТРУКТИВНОМУ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ

Открытое глобальное информационное пространство сегодня характеризуется практически безграничными возможностями для создания, тиражирования и интерпретации информации. Высокая динамика и множественность каналов коммуникации делают информационные потоки влиятельным фактором в социальных, культурных, политических процессах. В таких условиях научные и экспертные дискуссии часто акцентируются на оборонительных методах — блокировке деструктивного контента, фильтрации угроз, введении механик контрпропаганды. Однако в психологической сфере информационного воздействия защита оказывается недостаточной, если она не укоренена в сознании человека и не поддержана внутренними когнитивными фильтрами.

По мнению автора, «защита в психологической сфере должна быть создана внутри человека», а наиболее эффективным способом противодействия является создание

собственного, более убедительного и качественного контента [Григоренко, 2020, с. 44–50]. Соответственно, успешная информационная стратегия должна строиться не вокруг изоляции и запретов, а через предложение содержательного и ценностно насыщенного контента, способного формировать устойчивую картину мира. В этом же ключе А. В. Манойло представляет информационно-психологическое противоборство как инструмент воздействия, включающий широкий спектр методов — от дезинформации до управления кризисами, — и подчёркивает, что именно наступательная стратегия, основанная на качественном контенте, является фундаментом эффективности для государственной информационной политики [Манойло, 2020].

При всех преимуществах технической защиты — фильтрации и блокировки — её применение в психологической сфере часто сталкивается с ограничениями. Контент легко распространяется через альтернативные каналы, обходя официальные барьеры. Излишняя государственная цензура может снижать доверие к официальным источникам и не способствовать формированию у аудитории способности распознавать манипуляции. В итоге защитная модель требует дополнения наступательными технологиями.

Наступательная стратегия базируется на инициативе — активном создании и продвижении собственных смыслов, способных формировать восприятие аудитории до появления деструктивных нарративов, укреплять внутренние установки, а также переосмыслять входящую информацию в пользу национальных интересов. Такой подход предполагает насыщение информационного пространства качественными, ценностно значимыми и эмоционально привлекательными материалами, обладающими высоким уровнем доверия и способными составить конкуренцию токсичным форматам. Деструктивный контент, как правило, распространяется быстрее благодаря эмоциональной насыщенности, простым формам — мемам, лозунгам, коротким роликам — и низкому порогу входа для его производства. Конструктивные же материалы требуют интеллектуальной проработки, проверки фактов, согласованности смыслов и культурного контекста, адаптации формата для современных медиа. Их подготовка часто связана с высокой стоимостью, участием специалистов разных профилей и дальновидной стратегией.

Пример платформы «Россия — страна возможностей» демонстрирует, как можно целенаправленно развивать у граждан инициативность и навыки смыслового продвижения. В рамках конкурса и учебных проектов участники учатся создавать конкурентоспособный контент, адаптировать идеи под различные аудитории и продвигать позитивные нарративы. Такой контент усиливает кадровый потенциал и формирует ценностную устойчивость, повышая способность сопротивляться манипуляциям.

В рамках государственной информационной политики ключевое значение приобретает соответствие материалов национальным ценностным ориентирам. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» закрепляет перечень и содержание базовых ценностей, определяет их как стратегический приоритет и увязывает их с обеспечением национальной безопасности. В этой связи представляется перспективным внедрение программного модуля с целью автоматизации психолого-педагогических экспертиз информационной продукции, результатом которых станет обязательная маркировка о том, «чему учит» каждый информационный материал. Такое решение позволит обеспечивать приоритет государственной поддержки проектам, согласованным с российскими традиционными духовно-нравственными ценностями[34].

[34]Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Григорьева О.В.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ «СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКОГО» БЛОКА НАТО В УСЛОВИЯХ АКТИВИЗАЦИИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ КОНСУЛЬТАЦИЙ.

Присоединение Финляндии (в 2023 г.) и Швеции (в 2024 г.) к НАТО стало важной вехой в трансформации архитектуры североевропейской безопасности, которая в том числе повлияло и на расстановку сил в регионе Балтийского моря, в Арктике и на европейском континенте в целом. Обе страны отказались от политики проведения нейтралитета, что сказалось на формировании новой идентичности во внешнеполитической линии политики обороны и безопасности. Традиционно, страны Северной Европы придерживались согласованной политики, что отразилось в нарративах внешнеполитических документов, включающих в себя понятия «сплоченности» и «единства» перед «угрозой».

Создание и сплочение «североевропейского блока» НАТО происходит усиленными методами. В основе лежит формирование новой идентичности и схожее понимание архитектуры военной безопасности в регионе Балтийского моря, на Арктике, на европейском континенте. Усиление «североевропейского фланга» НАТО проходит путем гармонизации внешнеполитических стратегий всех пяти государств Северной Европы, при активной роли Финляндии, Норвегии и Дании. Швеция, в начале занимающая выжидательную позицию, начинает проявлять себя как заинтересованный актор, особенно в вопросах торговли оружием и военно-техническим оборудованием. Исландия занимает самую осторожную позицию, однако готова действовать согласованно в русле позиции всех североевропейских стран. Теоретической рамкой исследования выбран конструктивизм. Качественный контент-анализ позволит выявить точки соприкосновения данных позиций.

В то же время активизация российско-американских консультаций вносит неопределенность в сложившуюся архитектуру безопасности североевропейских стран в указанных регионах, потенциально ослабляя трансатлантическую солидарность и влияя на гарантии безопасности для Украины, что косвенно затрагивает североевропейский блок. Дополнительными факторами являются увеличение военных расходов стран НАТО до 3,5% и даже до 5%, координация Nordic-Baltic Eight, проведение совместных учений (например, Joint Viking 2025) и возможность саботажа в водах Балтийского моря. Насколько североевропейский блок НАТО адаптивен к потенциальным сдвигам во внешней политике США и может ли привести трансформация североевропейского блока к укреплению НАТО в среднесрочной перспективе через создание новых моделей командных структур, усилению НОРДЭФКО, мониторинга арктических угроз? Действия политических лидеров стран Северной Европы доказывают волю к проведению согласованной политики и придерживание единой линии по противодействию угрозы в исследуемых регионах.

Представляется интересным изучить и дать среднесрочный прогноз влияния фактора российско-американских консультаций на трансформацию архитектуры безопасности, сложившуюся за два года в Балтике и в Арктике. Анализ формирования новой идентичности «северного фланга» через нарративы угроз во внешней политике стран Северной Европы помогут понять, насколько новая идентичность адаптивна к широким контекстам российско-американских консультаций, которая уже предопределяет «союзника» и «угрозу».

Гринчевский А.С.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

КОГНИТИВНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ НАТО И РОССИИ

В современном мире информационное противостояние приобретает все более острый характер. Традиционные боевые действия все чаще уступают место невидимым битвам в информационном пространстве, где главным оружием становятся технологии манипулирования сознанием. Когнитивное измерение представляет собой одну из самых сложных и одновременно критически важных сфер современного стратегического соперничества. Когнитивное измерение – это пространство идей, смыслов и ментальных конструкций. Здесь происходит не только оценка текущих вызовов и перспектив, но и закладываются фундаментальные основы для будущих действий через формирование убеждений, ценностей и поведенческих паттернов.

В рамках информационного воздействия академический дискурс выделяет важность настройки повестки дня, согласно которой СМИ и иные акторы медиапространства определяют, о каких проблемах общество будет думать и говорить. Когнитивное же воздействие влияет на то как общество будет думать и принимать решения. Оно позволяет достигать стратегических целей, не прибегая к открытой агрессии, что делает её инструментом гибридной стратегии, где физическое воздействие дополняется психологическим и информационным. Таким образом, когнитивная сфера становится ареной соперничества между глобальными игроками, такими как НАТО и Россия, где каждая сторона стремится использовать новые технологии и методы для достижения своих целей. Это противостояние имеет не только военно-стратегические, но и социально-политические последствия, поскольку манипуляция восприятием влияет на фундаментальные процессы в обществе, включая доверие, устойчивость и способность к коллективным действиям.

НАТО рассматривает когнитивное измерение как одно из ключевых направлений современных и будущих конфликтов. В 2020 году глава Инновационного центра НАТО Франсуа дю Клозель опубликовал научную работу, посвященную когнитивному противостоянию. В рамках своего исследования дю Клозель анализирует, как стратегическое информационное воздействие может служить инструментом достижения политических и военных целей без прямого военного вмешательства. (Du Cluzel F. (2020). Cognitive Warfare. Innovation Hub. URL: https://www.innovationhubact.org/sites/default/files/202101/20210122_CW%20Final.pdf)

Стратегия Альянса в этой области направлена на достижение когнитивного превосходства путем воздействия на восприятие и мышление целевых аудиторий, защиты собственного информационного пространства и сдерживания противника через управление информационными потоками. Альянс активно анализирует целевые аудитории, учитывая их культурные, социальные и когнитивные особенности. Это позволяет создавать таргетированный контент, который эффективно воздействует на восприятие отдельных групп населения.

Отдельно стоит отметить такую составляющую когнитивной войны, как ценностно-культурное воздействие. С помощью культурной экспансии коллективным Западом активно продвигается концепция «общества меньшинств», опирающаяся на принципы либерализма, индивидуализма и потребления. Один из основных идеологов запада Ф. Фукуяма подчеркивает: «политика групповой идентичности не только отвлекает от широких экономических вопросов, но и препятствует формированию общего смысла гражданства». (Fukuyama, F. (2018). Identity: The Demand for Dignity and the Politics of

Resentment. New York: Farrar, Straus and Giroux. 218 pp.) В последние годы на рынок символического капитала агрессивно выбрасываются: «политика идентичности», «новая этика», «культура отмены», радикальный феминизм; движения MeToo, BLM, ЛГБТ, чайлдфри, воук и т.д. Этими нарративами старательно формируется представление об «идеальном» образе жизни и персональном «успехе», что мягко, но неотвратимо меняет вкусы, представления и ценностные ориентиры населения.

Россия, в свою очередь, опирается на многолетний опыт информационных операций, пропаганду традиционных ценностей и современные технологии для достижения своих целей. (Кефели И. Ф., Яценко М. П. Когнитивные ресурсы России в глобальном информационном противоборстве //Региональная информатика и информационная безопасность. – 2022. – С. 194-198) Особое внимание уделяется укреплению собственного информационного пространства и созданию выгодного имиджа на международной арене. В частности, активно используются такие медиаплатформы, как RT и Sputnik.

Когнитивное противостояние между НАТО и Россией представляет собой новый этап в развитии международных конфликтов, где основное поле битвы переместилось в человеческое сознание. В отличие от традиционных войн, в когнитивной войне целью становится «господство над разумом», используя информацию для воздействия на когнитивные функции противника, начиная с общественного мнения в мирное время и заканчивая принятием решений в военное. Этот подход радикально изменяет представления о природе современных конфликтов и создает новые вызовы для глобальной безопасности. Когнитивная война имеет далеко идущие последствия. Она угрожает устойчивости социальных институтов, увеличивает поляризацию общества и подрывает доверие к информационным источникам. В условиях глобальной информационной связанности даже небольшие когнитивные воздействия могут приводить к масштабным политическим и социальным изменениям.

Громова Т.Н.
(Самара, ИАЦ)

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И ПОТЕНЦИАЛ АДАПТАЦИИ

Концепт социального самочувствия является, с одной стороны, довольно изученным в современной отечественной и зарубежной науке (социологии, психологии, политологии), а, с другой стороны, нет однозначного структурного и содержательного определения данного понятия. В политологической науке акцент делается на комплексном рассмотрении феномена социального самочувствия, которое выполняет ряд важнейших функций: индикаторную, прогностическую и ресурсную.

В первом случае социальное самочувствие рассматривается как индикатор легитимности власти, стабильности политической системы. Высокие или низкие показатели здесь коррелируют с оценками деятельности властных структур, уровнем доверия к ним, а также определяют потенциал протестных настроений. Прогностическая функция связана с возможностью планировать динамику электорального поведения населения (в том числе уровень абсентеизма, протестного голосования), степень социальной и политической мобилизации в периоды нестабильности. И наконец, показатели социального

самочувствия могут стать ресурсом поддержания устойчивости политической системы, своеобразным «кредитом доверия» власти для реализации государственных решений, которые непопулярны в обществе.

Таким образом, в современных условиях, характеризующихся высокой турбулентностью, именно субъективное восприятие населения своего положения становится одним из ключевым индикаторов возможных политических рисков и важным ресурсом адаптации к меняющимся условиям.

ГАУ СО «Информационный аналитический центр Самарской области» с 2020 года проводит мониторинг социально-политических настроений жителей региона. Одной из задач исследования является изучение социального самочувствия. До 2021 года мониторинг осуществлялся поквартально, последние 4 года – ежемесячно. Исследование проводится по областной репрезентативной выборке, объем выборочной совокупности – 2000 человек, используемый метод сбора данных – очный опрос по формализованной анкете на планшетах. Обработка результатов проводится с помощью статистического пакета SPSS Statistics 26.0.

При анализе полученных результатов были рассчитаны индексы социального самочувствия, которые позволяют более комплексно оценить субъективное восприятие населения разных аспектов своей жизни, выявить динамику изменений общественного мнения и дать сравнительный анализ оценок разных социально-демографических групп. Индексы рассчитывались как разность положительных и отрицательных оценок по таким показателям, как:

- ретроспективные оценки изменений в жизни за прошедший год;
- перспективные ожидания изменений в жизни в ближайшие 2-3 года;
- оценка ситуации (положение дел) в стране и регионе;
- оценка деятельности власти на федеральном и региональном уровнях (президента и губернатора);
- уровень доверия к федеральной и региональной власти (президенту и губернатору).

Проведенный анализ показал значительные колебания показателей социального самочувствия за 5 лет. Условно анализируемый период можно разделить на три фазы:

1) фаза пандемийного кризиса и восприятия постпандемийной реальности (2020 – 2021 гг.)
2) фаза адаптации и осторожного оптимизма (2022 – 2023 гг.)
3) фаза роста лояльности (2024 – 2025 гг.).

В 2020 – 2021 годы показатели социального самочувствия жителей региона демонстрировали падение по сравнению с допандемийным периодом. Так, если в 2019 году среднее годовое значение индекса ретроспективных оценок изменений за прошедший год составляло 12,4 процентных пункта (далее п.п.), а перспективных ожиданий в ближайшие 2-3 года – 4,9 п.п., то в 2020 году ситуация резко ухудшилась. Индексы ретроспективных оценок и перспективных ожиданий ушли в отрицательные значения: -18,7 п.п. и -3,7 п.п. соответственно. Т.е. доля отрицательных ответов по данным вопросам превышала число положительных, причем такая разница фиксировалась практически все два года, достигнув максимума в декабре 2021 года. В это же время на минимальном уровне находились индексы оценки деятельности власти и уровня доверия к ним.

Ситуация начала меняться в 2022 году, когда все показатели социального самочувствия в Самарской области начали постепенно расти. Улучшалось не только субъективное восприятие изменений в жизни за прошедший год и ожиданий от ближайшего будущего, но и повысился уровень поддержки как федеральной, так и региональной власти.

В последние два года, несмотря на продолжающееся санкционное давление и рост международного напряжения, показатели социального самочувствия в регионе по-преж-

нему демонстрируют позитивную динамику и в настоящее время имеют максимальные значения с 2020 года.

Таким образом, результаты мониторинга показывают, что социальное самочувствие является не только индикатором, показывающим реакцию на уже принятые властью решения, но и становится важнейшей ресурсной базой для разработки и осуществления государственной политики в будущем, в том числе и по проблемным направлениям.

Гудев П.А.
(Москва, ИМЭМО РАН)

ПОДХОДЫ ТУРЦИИ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ В ЧЕРНОМ МОРЕ И РОЛЬ ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАН

Представляется, что Российская Федерация полностью поддержала решение Турции, которое ею было принято весной 2022 года, по закрытию проливов для всех военных кораблей внерегиональных стран, с правом для России вернуть свои военные корабли в порты приписки в Черном море. Такая мера была осуществлена Турцией со ссылкой на положения ст. 21 Конвенции Монтрё, так как Турция посчитала себя находящейся в ситуации непосредственной военной опасности.

Турция является основным интересантом сохранения правового режима Конвенции Монтрё 1936 года, так как черноморские проливы изъяты из-под действия норм и положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, а именно – они не отнесены к категории международных с правом транзитного прохода. Это дает Турции дополнительные полномочия по контролю за судоходством, в особенности за военным. Здесь продолжают действовать соответствующие ограничения по классу, тоннажу и времени пребывания.

Основными интересантами разрушения правового режима Конвенции Монтрё 1936 года являются как раз внерегиональные страны, выступающие против действующих ограничений на проход военных кораблей.

Проблема сохранения действующего режима проливов связана с планами по строительству нового судоходного канала Стамбул, параллельного проливу Босфор. Реализация этого проекта никак не приведет к эрозии действующего режима, так как заход в акваторию Черного моря все равно будет связан с проходом через Дарданеллы и акваторию Мраморного моря. Однако, это может поставить дополнительные вопросы о максимальном времени присутствия военных кораблей нечерноморских стран, например, в пределах самого канала. Более серьезные опасения вызывают проекты строительства второго канала, параллельного Дарданеллам. Дело в том, что на уровне международного обычного права существует норма, применимая ко всем каналам, как искусственно созданным гидротехническим сооружениям, что здесь должна действовать абсолютная свобода судоходства, равно применимая к гражданским и торговым судам, а также военным кораблям.

С российской стороны сохраняются определенные противоречия и споры с Турцией относительно правового режима торгового судоходства. С нашей точки зрения, предмет регулирования находится в сфере действия международного права, а не национального законодательства Турции. Любые меры, регулирующие судоходство в проливах, должны утверждаться всеми участниками Конвенции Монтрё, а также получать соответствующее

одобрение в рамках Международной морской организации (ИМО). Однако, это вопросы напрямую не касаются вопросов военной безопасности, а напрямую затрагивают лишь проблему обеспечения экологической безопасности в акватории проливов, и Турция конечно может на законных основаниях использовать соответствующую экологическую риторику.

Ситуация в регионе осложняется тем обстоятельством, что некоторые страны продолжают оспаривать государственную принадлежность Крымского полуострова, как части Российской Федерации. Это, в частности, выливается в непризнание морских зон суверенитета, суверенных прав и юрисдикции России вокруг Крымского полуострова. Однако в соответствии с правовым принципом «land dominates the Seas» государство, обладающее суверенитетом над территорией, имеет право на формирование всех предписанных Конвенцией 1982 года морских зон.

Этот спор ведет к непризнанию законных прав России в этих зонах, в том числе по ограничению права мирного прохода военных кораблей через акваторию 12-мильного территориального моря. Российская Федерация в праве временно закрывать определенные районы своего территориального моря, ссылаясь на интересы обеспечения безопасности. Главное, что такое закрытие должно носить временный характер, и одновременно с этим не должно быть дискриминационным по сути.

Попытки оспаривания суверенитета Российской Федерации над Крымом и прилегающими морскими зонами вокруг полуострова предпринимаются со стороны Украины: Киев инициировал значительное количество судебных исков против Российской Федерации, как в Международном Суде ООН, до этого в Международном Трибунале по морскому праву, а также в Постоянной Палате Третейского Суда в Гааге. Однако международные судебные инстанции не всегда поддерживают сторону Украины. Это касается, в частности, обвинений в поддержке терроризма и геноциде. Морские споры между Россией и Украиной касаются в том числе правового статуса Азовского моря, акватории Керченского пролива и строительства Керченского моста.

Азовское море вновь приобрело свой предшествующий статус – внутреннего моря одного государства, в данном случае Российской Федерации, как это и было ранее в годы существования СССР. Керченский пролив никогда не попадал под действие Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, здесь никогда не действовало право транзитного прохода, режим захода военных кораблей третьих стран всегда согласовывался между Россией и Украиной, сейчас – Россия обладает исключительными правами по регулированию судоходства здесь. Что касается Керченского моста, то так как Россия не вовлечена в международный вооруженный конфликт с Украиной, последняя не имеет права рассматривать Керченский мост как законную военную цель. Диверсии украинской стороны могут быть квалифицированы исключительно как террористические атаки.

У России и Турции были примеры успешного взаимовыгодного взаимодействия в акватории Черного моря, среди которых – зерновая сделка. Она носила временный характер, и закончилась тем, что российская сторона выдвинула обвинения в адрес Украины в том, что данные суда используются для транспортировки контрабанды в интересах продолжения ведения боевых действий. Обвинения же России в том, что она ввела режим блокады в отношении украинских портов и торговых судов, с правовой точки зрения, являются некорректными, так как блокада – это форма противостояние исключительно в условиях международного вооруженного конфликта.

Анкара, с одной стороны, вряд ли может рассматриваться как государство, которое полностью поддерживает антироссийские санкции. С другой стороны, Турция присоединилась к торговой блокаде Крымского полуострова и ввела запрет за заход своих судов в крымские порты, а также запретила своим портовым властям принимать у себя суда под любыми флагами, посещавшие крымские порты.

Делимитация исключительных экономических зон и континентальных шельфов была установлена в советско-турецких соглашениях 1970-х и 1980-х годов. После распада Советского Союза появились новые границы: между Турцией и Украиной, а также между Турцией и Грузией. Грузия подписала с Анкарой соответствующий протокол о демаркации на основе прежней советско-турецкой границы. Следовательно, необходимо юридически подтвердить новую российско-турецкую границу. Это имеет принципиальное значение в связи с тем, что проведение различных видов морской и военно-морских операций строго регулируется в определенных типах морских зон в рамках Конвенции ООН по морскому праву 1982 года.

Гудилина Е.Н.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В ЛОГИКЕ КОНСЕРВАТИВНОГО ПОВОРОТА

Концепт «образ будущего» представлен достаточно широко во многих видах дискурса. Его использование в политическом дискурсе разных стран может привести как к консолидирующему, так и к конфликтогенному эффекту, что должно учитываться политическими акторами и, прежде всего, политической элитой. При этом образ будущего проявляется и как коллективные ожидания населения в политической сфере, и как целенаправленная деятельность политических элит.

В исследованиях образа будущего преобладает инструментальный подход. Он выявляет направления, в которых политические элиты конструируют и внедряют конкретный образ будущего в текущие дискурсивные и социальные практики для обоснования внешней и внутренней политики государства (например, для легитимации политической власти, для формирования и укрепления идентичности, для сглаживания разнообразных социальных конфликтов и выстраивания устойчивых коммуникативных связей между политическими акторами как внутри государства, так и на международной арене). В то же время необходимо учитывать ценностное ядро образа будущего. Это позволит рассматривать его как значимый элемент символической политики, в рамках которой происходит борьба за смыслы и их доминирование как в политическом дискурсе, так и в массовом сознании. Особенно ярко ценностное ядро образа будущего, его идейное и смысловое наполнение, проявляется в логике т.н. «консервативного поворота», который акцентирует внимание на сохранение, воспроизводство и защиту традиций и традиционных ценностей.

Данное исследование выявляет, анализирует и сравнивает модели дискурсивного конструирования образа будущего в практиках современных государств, которые действуют в логике консервативного поворота. Для этого выбран социальный конструктивизм, подчеркивающий значимость коммуникативных практик и взаимодействий, в рамках которых социальная реальность не только изменяется, но и наполняется смыслом. Образ будущего рассматривается как частный пример темпорализации, отражающей связь между представлениями о прошлом/настоящем/будущем, коллективными действиями и интерпретацией текущих событий и явлений. Темпорализация дополняется концепцией традицирования, описывающей механизм согласования элементов традиционного/новационного (консервативного/прогрессивного). Традицирование позволяет проанализировать, как образ будущего вбирает в себя культурное и историческое наследие конкретного государства и как выстраиваются устойчивые связи между временными блоками через бинарное кодирование.

Выбранная методологическая рамка позволяет выявить общие черты при конструировании образа будущего в логике консервативного поворота:

1. преобладание государственно-центристского взгляда на развитие общества. Политическая теория может предлагать отличные от государства формы организации политической сферы, но в современных практиках, особенно при консервативном повороте, государство как форма такой организации занимает лидирующее положение. Кроме того, даже если рассматриваются глобальные проблемы и/или международная обстановка, образ будущего фокусируется прежде всего на описании состояния своей страны. Т.е., образ будущего выстраивается на дихотомии «Мы-Они», где «Мы» – это собирательный, достаточно подробный образ конкретной страны; элемент «Они» четко артикулируется, но не всегда подробно описывается.

2. преобладание оценок над фактами и эмоционально окрашенных высказываний над рациональными. Эмоциональная составляющая отличает образ будущего от, например, более рационального прогнозирования; в нем более значимым фактором является способность вызывать обратную связь от социальных групп и населения в целом, для которых он транслируется. Образ будущего, рассчитанный на т.н. «массового потребителя политики», скорее будет упрощать политическую реальность, чем стремиться адекватно ее описать и/или передать многочисленные оттенки смыслов. Это проявляется, в том числе, в использовании высказываний, обладающих полярной эмоциональной валентностью. Высказывания будут либо крайне позитивными, либо крайне негативными. Нейтральные высказывания используются реже, т.к. они размывают образ будущего из-за своей оценочной неопределенности.

Итак, образ будущего необходим для осмысления и формирования «пространства опыта» и «горизонта ожиданий», а также для символического позиционирования политических акторов. Для его эффективного использования в политической практике необходимо оптимальное сочетание как формы, так и содержания. Консервативный поворот, акцентирующий внимание на ценностном содержании, позволяет политическим элитам использовать образ будущего и получать необходимую обратную связь коллективного сознания через эмоционально-образное воздействие.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309, https://rscf.ru/project/24-28-01309/

Гуреев Д.В.
(Казань, КФУ)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕКРУТИНГА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ПОЗДНЕГО СССР И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Процесс трансформации политической системы в России, начавшиеся в 1991 году эволюционно меняет все уровни политической жизни. В первую очередь это касается государственных институтов страны: их создание, работу и функционирование как внутри государства, так и за его приделами. Однако сами государственные институты как таковые состоят из работников выполняющие административные функции и принимающие ключевые политические решения, которых в политологии традиционно именуют элитами. По этой причине выявление факторов рекрутинга и общих методов

формирования элит позволяет определить эффективность функционирования государственных институтов и всей политической системы, а сравнение с поздним СССР позволяет выявить прогресс, который добилась Россия за указанный исторический путь.

Традиционно под рекрутингом элит подразумевается процесс восполнения политических кадров, либо механизм отбора на руководящие должности в государстве или партии. Однако данное понятие необходимо рассматривать в более широком спектре. Помимо восполнения кадров как таковых необходимо рассмотреть и более широкие сравнительные показатели, такие как: полученное образование, карьерный рост, изначальный институт в рамках которого началась карьера в политике. А также необходимо рассмотреть ключевые характеристики, предъявляемые к кандидату в элиту. На основание этих факторов можно сформировать сравнительные показатели позволяющие выявить качество элит.

В исторической науке период СССР первой половины 70-х годов принято называть геронтократией. Фактически большая часть элиты состояла из людей прямо или косвенно участвовавших в процессах становления власти большевиков. Однако политическая ситуация требовала пересмотра методов набора элит, и начиная со начала 80-х годов структурные свойства рекрутинга подверглись изменениям. Во-первых, изменился средний возраст предстателей номенклатуры. Если в 70-х он превышал планку в 70 лет, то к 80-м начал активно снижаться. Также изменениям подверглись и идеологическая ангажированность кандидатов. Однако сами центры рекрутинга не подверглись никаким структурным изменениям. Источником власти в СССР на всех этапах его существования была КПСС, поэтому партия была единственным центром рекрутинга элит на всех уровнях власти. Ввиду существования однопартийной системы ключевая характеристика, предъявляемая к кандидату – это лояльность, причем лояльность партийная и общеноменклатурная. При рекрутинге, ввиду идеологических характеристик, образование не выносилось как первичное требование. Основной упор приходился на классовое происхождение кандидата.

Анализируя процесс рекрутинга в современной Россию, мы можем выявить ряд важных отличий. Во-первых, в России нет единого источника элит, поэтому в структуре институтов происходит дифференциация по центрам рекрутинга. Во-вторых, изменилась система требований к кандидату. По мнению американского советолога К. Фармера, современные российские элиты можно разделить на «естественные» и «искусственные». Для первых характерен высокий порог вхождения, состоящий их профессиональных качеств, высокого образования. Представители второй категории выстраивают политическую карьеру на основании родственных и деловых связей, а не на основании профессиональных качеств. Причем тенденций последних лет свидетельствуют о заметном увеличении числа представителей первой категории, ввиду появления новых лифтов: «Россия страна возможностей», «Лидеры России».

Однако говорить о кардинальных различиях между советской и российской модели рекрутинга преждевременно. Основная часть современного административного аппарата выстраивает карьеру в рамках вертикальной мобильности, когда идущий вверх руководитель продвигает и собственную команду. Ввиду чего принцип политической лояльности, а не профессионализма, остаётся приоритетным при рассмотрении кандидата в элиту.

Гуторов В.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

О НЕКОТОРЫХ ЦЕННОСТНЫХ АСПЕКТАХ АНАЛИТИКИ ИДЕОЛОГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ МАЙКЛА ФРИДЕНА

Майкл Фриден, руководитель исследовательского «Центра политических идеологий» (Centre for Political Ideologies) в Оксфордском университете и основатель Journal of Political Ideologies по праву считается одним из ведущих современных западных политических теоретиков. В англо-саксонской политологии почти общепризнанным является мнение, согласно которому опубликованный Фриденом в 1996 г. монументальный труд «Идеология и политическая теория: концептуальный подход»[35] во многом способствовал резкому повышению эпистемологического статуса идеологий и их превращения чуть ли не в основной объект политического теоретизирования. Центральным моментом программы Фридена является «реабилитация идеологии как социального явления и как аналитического инструмента» и ее превращение «из просто классового или массового явления в общую характеристику политического мышления»[36].

По мнению Фридена, идеология уже давно «вышла из маргинализированных и этически подозрительных теневых пространств своего прошлого существования и это позволяет ей претендовать на признание в качестве архетипа политического мышления [курсив мой – ВГ] в плане мобилизующих, детерминирующих и предпочтительных для него ролей. Ее изучение осуществляется на пике идейной вариативности, однако в меньшей степени в форме временных и пространственных особенностей жесткого социального релятивизма. Скорее, по большей части принимается во внимание встроенная в нее концептуальная неопределенность. Последняя, в свою очередь, порождает соперничество, которое является квинтэссенцией политического языка и политического действия»[37].

Обозначенные выше элементы аналитики были в дальнейшем положены Фриденом в основу «морфологического подхода», характер которого должен полностью соответствовать той универсальной роли, которую, по его мнению, идеология может отныне играть в современной политической теории. Морфологический подход включает и развивает ряд специфических черт: во-первых, он рассматривает идеологию как вездесущую и постоянную форму политического мышления, независимо от того, стремится ли она к благим или порочным целям; во-вторых, он стирает различие между элитарным, профессиональным и локальным политическим мышлением, утверждая, как уже предполагал Антонио Грамши, что идеологии возникают на всех уровнях социальной артикуляции[38].

На наш взгляд, анализ Фриденом проблемы статуса идеологии в современной политической теории представляет собой наглядное подтверждение актуальности парадоксальной характеристики Клиффордом Гирцем проблемы места и роли концепта «идеология» в интеллектуальной истории XX века. Суть парадокса состоит в том, что «сам термин “идеология” оказался полностью идеологизированным»[39]. Об этом свидетель-

[35]См.: Freeden M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Clarendon Press, 1996.
[36]Freeden M. Ideology and Political Theory // Journal of Political Ideologies. 2006. Vol. 11. Is. 1. P. 21.
[37]Ibid.
[38]Freeden M. The Morphological Analysis of Ideology // The Oxford Handbook of Political Ideologies. Ed. by Michael Freeden, Lyman Tower Sargent, Marc Stears. New York: Oxford University Press, 2013. P. 116.
[39]Geertz Cl. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York: Basic Books, Inc., Publishers, 1973. P. 193.

ствуют как далеко не адекватные и весьма тенденциозные замечания М. Фридена о «марксизианском» характере знаменитой концепции идеологий Р. Гойса – одного из самых влиятельных современных критиков либерализма[40], так и весьма неудачные попытки британского политического теоретика интегрировать в рамках своего «морфологического подхода» методологию анализа идей, разработанную в середине 1950-хх гг. шотландским философом Уолтером Брайсом Галли в статье «Спорные по сути концепты» (Essentially Contested Concepts)[41]. На этот момент в свое время обращал внимание Джеральд Гаус – один из наиболее выдающихся политических философов второй половины XX – начала XXI вв[42]. Доминирующим стремлением американского философа в данном случае был поиск той общей компромиссной формулы идеологии, которая смогла бы безусловно устроить всех без исключения участников дискуссии. Таковой, по мысли Гауса, было самое раннее определение идеологии Фриденом как «эмоционально-политически-культурно-рациональной смеси» (an emotive-political-cultural-rational mix)[43].

Давыдова М.А.
(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

TELEGRAM-КАНАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В современной реальности очевидно, что цифровые каналы для определенных возрастных групп выступают ключевым источником информации. Так, для младшей (18-24) и старшей (25-34) молодежи социальные медиа являются ключевым ресурсом получения информации. Как показывают исследования Mediascope, наибольшей популярностью среди молодежи пользуется Telegram[44]. Все это определяет влиятельность цифровых каналов, а конкретно тех дискурсов, установок, представлений, которые они распространяют. Ключевая цель исследования – определить содержательные особенности информационных потоков, формируемых цифровыми каналами, таргетной аудиторией которых является молодежь, для установления основных ценностных конструктов, распространяемых каналами различной направленности.

Методика исследования базировалась на применении когнитивного картирования, которое позволило выделить ключевые ценностные конструкты. Датасет составил 500 материалов за январь-июнь 2025 года, отбор осуществлялся на основании использования внутренних поисковых систем мессенджера на базе сформированных поисковых запросов. Были проанализированы два типа каналов: прогосударственные, основная направленность контента которых подразумевает поддержку текущей российской государственной политики, и оппозиционные, представленные преимущественно акторами, находящимися за пределами РФ, но формирующие критикующий контент, нацеленный на российскую аудиторию.

Результаты анализа цифровых потоков в российском сегменте Telegram позволили выявить следующие тренды.

[40]См.: Geuss R. The Idea of a Critical Theory: Habermas and the Frankfurt School. New York: Cambridge University Press, 1981. P. 12, 21-23.
[41]Gallie W. B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. 1955 – 1956. Vol. 56. P. 167-198.
[42]Gaus G. F. Political Concepts and Political Theories. Boulder; Oxford: Westview Press, 2000. P. 36.
[43]Gaus G. F. Political Concepts and Political Theories P. 35; Freeden M. Ideologies and Political Theory. P. 2.
[44]Mediascope: 49% населения России старше 12 лет используют Telegram ежедневно / Sostav. – 2024. – 6 мая. – Режим доступа: https://www.sostav.ru/publication/auditoriya-telegram-67586.html (дата посещения 15.08.2025)

Во-первых, наиболее часто в информационных потоках фигурировали такие ценности, как свобода и независимость; веселье, удовольствие, развлечение; родина, отечество, патриотизм; сила закона, общественный порядок и самореализация, саморазвитие.

Во-вторых, специфика распределения ценностных конструктов для прогосударственных каналов и оппозиционных каналов выстроилась следующим образом. В прогосударственных потоках доминируют такие ценности, как нравственные качества и мораль; родина, отечество, патриотизм; самореализация, развитие. Для оппозиционных каналов свойственно доминирование следующих ценностей: открытость Западу и его ценностям; свобода, независимость; справедливость, равенство.

В-третьих, для прогосударственных и оппозиционных ресурсов свойственна крайняя поляризация позиций и транслируемых ценностных установок. Прогосударственные ресурсы базируются на Указе Президента РФ о традиционных ценностях, оппозиционные цифровые структуры генерируют контент, ценностной базой которого является западная, либеральная система ценностей.

В-четвертых, существуют кардинальные различия в характеристиках каналов, транслирующих ценностные установки. Ценности, соответствующие государственной повестке, транслируют преимущественно прогосударственные сообщества, а также информационные ресурсы. Ценности оппозиционной повестки транслируются преимущественно иноагентами и блогерами.

В-пятых, в основе ценностных конструктов прогосударственной направленности лежат преимущественно общественные и социальные контексты, для каналов с оппозиционной направленностью свойственно доминирование индивидуальных контекстов, ориентированных на персональные интересы и ожидания.

В-шестых, особенностью информационных потоков прогосударственной направленности является тот факт, что они концентрируют как ценности из Указа о традиционных ценностях, так и ценности, не входящие в него, при этом для оппозиционных каналов такое разнообразие не свойственно.

Результаты когнитивного картирования показывают наличие проблемно-содержательных смещений, которые обусловлены тематикой и направленностью каналов, их позицией по политическим и социальным вопросам.

Данилова Е.А., (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ, Национальный исследовательский Томский государственный университет)
Герчик Ю. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

БРЕНДИНГ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ В ПЕРИОД СВО РОССИИ НА УКРАИНЕ

Брендинг вооружений является частью стратегии политического и государственного брендинга и имеет ряд особенностей. Так, его целью является не только и не столько коммерческая выгода, но и рост доверия общества, нейтрализация негативных общественных настроений и укрепление морального духа военнослужащих. Далее, бренд ВС требует согласованности с официальной позицией государства и ограничен в креативности, в том числе с точки зрения гарантий национальной безопасности. Наконец, в условиях вооруженного конфликта (как в случае СВО) брендинг вооружений является частью инфовойны, условиями которой становятся оперативность, достоверность и способность противостоять дезинформации. В эпоху возрастания глобаль-

ных угроз и нарастания трендов милитаризации брендинг вооруженных сил становится ключевым политическим инструментом для ведущих мировых держав. Включение символообразующих ценностей безопасности в образ страны является ключевым для ее позиционирования на международной арене и для внутренней консолидации общества.

Международный военный брендинг касается участия в многонациональных совместных военных операциях, военных учениях и гуманитарных миссиях. Внутренний брендинг вооружений включает создание контента, который находит отклик у целевой аудитории и укрепляет ее доверие. Инструментами воздействия в международном и внутреннем аспектах являются все виды СМК, включая социальные медиа. Благодаря цифровым платформам государственные служащие, военные и военкоры могут оперативно делиться новостями и взаимодействовать с гражданами, что способствует формированию положительного образа института армии (формирование альтернативного информационного поля силами военкоров, чьи Telegram-каналы, например, «Военный обозреватель», «Рыбарь») за счет сочетания окопной журналистики с аналитикой, которое вытесняет традиционные СМИ из повестки молодёжной аудитории. Брендинг в военной сфере также включает образовательные программы, направленные на информирование общественности о военной службе, ее ценностях и возможностях, в том числе открытые дни, экскурсии по военным базам, а также программы по обучению молодежи основам патриотизма и гражданской ответственности.

В условиях СВО имидж армии и брендинг вооружений приобретают особое значение, напрямую влияя на моральный дух войск, отношение населения к военной кампании и на международную репутацию России. Одним из самых мощных инструментов брендинга является символика. С начала СВО в России появились новые знаки воинской доблести, например, литера «Z», которая из тактического обозначения превратилась в полноценный символ поддержки армии. Этот знак работает как маркер солидарности, объединяя людей вокруг идеи защиты национальных интересов. Кроме того, важную роль играет военная форма и экипировка. Современные комплекты, такие как «Ратник», демонстрируют технологичность российской армии, а кадры с бойцами в новейшем снаряжении подчеркивают ее мощь.

Официальные Telegram-каналы Минобороны, репортажи военных корреспондентов, документальные фильмы «Za родину» создают героический посыл. Особое внимание уделяется персонификации подвига: истории конкретных бойцов, их интервью, кадры с передовой делают образ армии более человечным и вызывающим эмоциональный отклик. При этом брендинг ВС РФ ведется не только в официальных источниках, но и в массовой культуре. Военные темы все чаще появляются в кино, музыке и даже компьютерных играх (геймификация патриотического воспитания через мобильные приложения «Военный рекорд», «Znание»). Патриотические треки российских исполнителей (Shaman) или фильмы о подвигах в зоне СВО («Зона искупления», «Лучшие в аду») работают на укрепление образа армии как защитника справедливости.

Бренд армии должен быть привлекательным для новых поколений, поэтому большое значение приобретают молодежные проекты. Движение «Юнармия», военно-спортивные игры, дни открытых дверей в военных частях формируют положительный образ вооруженных сил, службы в армии, в том числе обеспечивая приток новых военных кадров. Важным направлением реализации стратегии брендинга вооружений является использование компетенций ОПК, являющегося одной из основных стратегических отраслей российской экономики. Цель заключается в усилении геополитического влияния России и содействии патриотизму среди населения, тем самым объединяя нацию перед лицом глобальных вызовов. Эффективный национальный

брендинг включает исторические нарративы, средства массовой информации, личный опыт и коллективную память, которые все вместе формируют глобальное восприятие нации. Важно отметить роль гражданского общества в формировании брендинга армии и вооружений за счет народного творчества (мемы, патриотический мерч), что в связке с официальными инициативами (например, киберспортивные турниры под эгидой ВС РФ) определяет сферу национального брендинга не только как искусство, но и как сложную коммуникационную стратегию, особенно важную в сегодняшнем взаимосвязанном глобальном обществе.

Дегтярёв А.А.
(Москва, РУДН)

О КОМБИНАТОРИКЕ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНОЙ GR-РАБОТЫ: ОТ «IN-HOUSE» ДО «OUT-SOURCE»

Деятельность современных GR-специалистов и их команд обусловлена и тесно связана с уже сложившимся в данной политической системе организационно-институциональным дизайном коммуникативного взаимодействия, то есть организационными принципами и форматами активности как самих субъектов и объектов политического влияния и давления, так и формами их структурных взаимоотношений.

Возникает существенный вопрос: каковы же базовые формы организации для адекватного проведения корпоративным субъектом своей GR-работы? Уже приходилось писать, что есть различные организационные формы в рамках внутренней среды и самой структуры фирмы (in-house), предназначенные для выбора адекватного и оптимального способа проведения непосредственного и прямого лоббирования, которые, во-первых, связаны с лоббистской работой самих топ-менеджеров (корпоративных CEO) и, особенно, специализированных GR-подразделений (секторов и департаментов) компаний. Конечно же, создание подобных GR-units заставляет фирму нередко расходовать изрядные средства и нести транзакционные издержки на их регулярную деятельность.

Но только этими лишь форматами субъектов давления и влияния, расположенными в их «внутренней среде» (internal environment), лоббистская работа компании вовсе не исчерпывается. К этому ещё, во-вторых, добавляются также «аутсорсинговые» (out-source) и «делегативные» форматы работы, вынесенные при этом уже в корпоративную «внешнюю среду» (external environment). К ним относится так называемый «ассоциативный» и «консалтинговый» аутсорсинг, поскольку предполагает *делегирование определенных полномочий* представлять интересы компании через аппарат функционеров деловой ассоциации или через посредническую работу консалтинговой компании, что является достаточно распространенным форматом GR-работы у современных корпораций.

Итак, имеются два базовых варианта определения организационной формы GR-работы для выбора релевантного и доминирующего взаимодействия, обусловленные различиями непосредственного и опосредованного способов влияния на центры принятия государственных решений. Во-первых, это организация долгосрочной работы из самой «внутренней среды» корпорации (in-house unit), прежде всего связанная с непосредственными и внутренними формами лоббирования (inside lobbying), а также

в основном с прямыми методами воздействия (direct lobbying). Во-вторых, это работа подобной же фирмы путем (нередко краткосрочного) использования возможностей и потенциалов её «внешней среды», при аутсорсинговой помощи деловой ассоциации или консалтинговой компании, где преимущественно используются внешние или опосредованные формы корпоративного лоббирования (outside lobbying), а также непрямые (косвенные) методы (indirect lobbying).

Именно в таком плане И. де Брюкер и Я. Брейерс (Университет Антверпена) вполне обоснованно доказывают в своем эмпирическом исследовании, охватившем интервью более двухсот GR-специалистов и других политических практиков, что сами корпоративные акторы, то есть GR-менеджеры, в основном используют непосредственные и неформальные контакты с лицами, принимающими решения, тогда как НКО, то есть деловые ассоциации, применяют в основном официальные и публичные форматы.

Притом нередко в этой же внешней социально-политической среде современными фирмами активно используются такие оперативные способы, как построение коалиций (coalition building). А вот здесь-то корпорации могут эффективно оказывать уже агрегированное воздействие на центры принятия государственных решений, в итоге всеми своими четырьмя «колоннами», используя таким образом обе описанные выше пары как внутрикорпоративных, так и аутсорсинговых форм и методов работы.

Дегтярева В.С.
(Казань, КФУ)

ЭЛЕКТРОННЫЙ МУНИЦИПАЛИТЕТ КАК ОСНОВА ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА

Активное использование интернет-технологий в деятельности органов государственной власти привело к развитию концепций электронного правительства и его широкому применению в регионах. Постепенно интернет-технологии стали внедряться на уровне не только регионального, но и муниципального управления и сейчас охватывают работу не только государственных, но и муниципальных органов. Последовательное применение информационных и интернет-технологий привело к развитию концепции «электронного» или «цифрового» муниципалитета.

Системы электронного правительства и электронного муниципалитета тесно связаны между собой, их сервисы дополняют друг друга: «Реализация концепции «электронный муниципалитет» существенно продвинет вперед процесс становления и развития концепции «электронного правительства» не только на уровне Российской Федерации в целом, ее субъектов, но и на уровне муниципалитетов»[45].

Стоит отметить, что в исследованиях в равной степени используются понятия «электронный муниципалитет» и «цифровой муниципалитет». Употребление термина «электронные технологии» предполагает использование возможностей электронного тока в основе работы устройств. Цифровые технологии используют бинарные коды в своей работе, которые заменили предшествующие аналоговые электронные устройства. Понятия «цифровой» и «электронный» в политической науке часто используются как синонимы, например, «электронное участие» или «цифровое участие», «электрон-

[45]Электронный муниципалитет как механизм взаимодействия власти и населения / Л.А. Капустян, Е.Н. Королева, В.В. Мищенко, И.В. Стрижкина // Экономика. Профессия. Бизнес. 2022. № 4. С.67.

ная демократия» или «цифровая демократия», хотя с точки зрения развития техники они охватывают разные явления. В современных исследованиях все больший приоритет отдается использованию термина «цифровизация», поэтому при характеристике инструментов цифровизации чаще стали обращаться к понятию «цифровых технологий». «Электронный муниципалитет» предлагается определять как информационно-коммуникационную основу деятельности органов местного самоуправления, позволяющую автоматизировать функции муниципальных органов.

Электронный муниципалитет как самый базовый уровень электронных сервисов государства имеет ряд преимуществ:

1. Обеспечение информационной открытости деятельности органов местного самоуправления, оперативное предоставление информации, оказание муниципальных услуг и реагирование на обращения и инициативы граждан, своевременное получение информации о работе муниципальных ведомств и служб. Цифровизация деятельности органов местного самоуправления в рамках систем «Электронного муниципалитета» позволяет «резко повысить качество, достоверность и скорость обработки информации, обеспечить доступ в режиме online к различным базам данных, делает возможным преобразование информации в любую документальную форму для последующего использования или хранения»[46].

2. Эффективное и менее затратное муниципальное управление. Архитектура электронного муниципалитета предполагает совместную работу и интеграцию с государственными информационными системами. Органы муниципальной власти могут работать в едином информационном поле с государственными органами, внедряется электронный документооборот, что обеспечивает оперативное рассмотрение обращений жителей муниципальных образований в режиме одного окна. Получатели муниципальных услуг освобождаются от необходимости обращения в разные ведомства для получения одной услуги.

3. Развитие сервисов обращений и электронного участия в деятельности органов местного самоуправления. Последовательная цифровизация деятельности муниципальных органов обеспечивает удаленный доступ граждан к информации о деятельности муниципальных органов, создает каналы вовлечения граждан в решение вопросов местного значения.

4. Система мониторинга деятельности муниципальных органов: электронные сервисы позволяют оценивать работу органов местного самоуправления и осуществлять контроль их работы.

Таким образом, сервисы электронного муниципалитета действительно являются важной составляющей цифровизации государства. Внедрение цифровых технологий «на местах» способствует вовлечению граждан в деятельность органов власти, расширяет возможности для взаимодействия власти и бизнеса, ускоряет процесс принятия муниципальных решений, повышает доступность и качество муниципальных услуг. Развитие цифровых инструментов на уровне органов местного самоуправления способствует эффективности управления и является значительным шагом к цифровой трансформации государства.

[46]Шевандрин А. В. «Электронный муниципалитет» как перспективная модель эффективного местного самоуправления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. Т. 7, № 31(124). С. 28-33. С. 29.

Денисов А.Е.
(Казань, КФУ)

ФЕНОМЕН «СООБЩЕСТВ ПО СЛУЧАЮ» В ПРАКТИКЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Когда мы говорим о феномене «сообществ по случаю» (ad-hoc community), очень важно для изучения политического процесса понимать, что эти сообщества обладают специфическими признаками. Как и «обычное» сообщество, так и «сообщества по случаю» неразрывно связаны с феноменом гражданского общества.

Российские политологи выделяют несколько разновидностей гражданского общества. В частности, выделяются М-, L – концепции и подход Хабермаса. Есть понимание гражданского общества и как совокупность ассоциаций граждан, через которые происходит политическая коммуникация и посредничество между гражданами и государством (М-концепция), и как некоторое сообщество, в котором культивируются морально-этические правила взаимодействия людей (L-концепция), и как арена конкуренции разных акторов в публичном пространстве.

Все эти подходы, конечно, имеют своё право на жизнь, и «сообщества по случаю» могут быть найдены в каждом из них. Правда, хотелось бы остановиться на том, что русское слово «сообщество» не полностью передаёт смысл феномена комьюнити. Комьюнити – это меньшая часть от общества. Комьюнити – это сообщества по узким интересам, но там сохраняются стабильные связи друг с другом, и они не разрываются после осуществления общего дела. Сообщество же — это некая цельная большая группа. Например, национальное сообщество в рамках политического процесса, а комьюнити – это часть движения. Можно говорить о комьюнити вокруг отдельных лидеров, вокруг определённой политической платформы или же жёсткости политических требований (радикальный или умеренный вариант). Может быть и неполитический вариант – комьюнити в этнокультурной или экономической сфере.

Что же касается «сообществ по случаю», то это сбор людей по какому-то конкретному случаю. Здесь можно провести аналогию с различием между общественными и политическими движениями, где первые ставят перед собой одну конкретную цель, а вторые поднимают разные вопросы. «Сообщества по случаю» быстро расходятся и быстро сходятся. Они имеют явно выраженный инструментальный характер. В таких сообществах нет «ритуалов» инициации и расставания. Там даже нет конечной точки их существования, в них действия, процесс ставится на паузу до следующего востребования. Можно назвать это спонтанной группой. Хотя изначально она могла задумываться как постоянная и, более того, создатели её могут ставить такие её формальные цели. Хотя стоит признать, что в кризисные моменты практика таких сообществ может быть востребована на уровне государства (например, при пандемиях и каких-то стихийных бедствиях). В кризисных ситуациях специальные группы могут выполнять оперативные обязанности и поддерживать постоянные организации[47].

Можно много говорить о «сообществах по случаю» в национальной политике, но мы остановимся на участии молодёжи в работе национальных движений (национальные молодёжные отделения при более старшей организации). Вообще, в «сообществах по случаю» чаще всего состоят зумеры. У них существует два мира – виртуальный и физический. При этом виртуальный мир у них не приобретён, как у более старших поколений, а они уже родились в этих реалиях. Новые поколения готовы включаться только эпизодически,

[47]Nair, S., Garg, A. How do governments learn from ad hoc groups during crises? From SARS to COVID-19 //Policy & Politics. 2024. Vol. 52, Issue 4. P. 626.

а ненадолго. Это связано и с политическим, шире – гражданским, участием. Этому есть объяснения: зумеры часто исключены из публичного пространства. Происходит это из-за того, что в публичном пространстве признание и участие зависит от статуса. По понятным причинам, у зумеров его нет. Они испытывают неудобство в этом пространстве, свою незначимость, поэтому избегают его. Некоторые современные исследования даже отмечают тот факт, что в зарубежных сообществах по поколениям не только выделяются наличие общих политических целей и готовность поддерживать кандидатов, являющихся представителями своего поколения, но и обнаруживается готовность голосовать против кандидатов из других поколений[48]. А это уже похоже на протест, осознанный разрыв и аналогию с этническим голосованием, только без национального контекста.

Таким образом, молодёжные крылья и организации становятся «сообществами по случаю», которые нужны лидерам движения для реализации своей молодёжной линии и отдельной кооптации молодёжи в движение, но при этом сами молодёжные крылья и организации не спешат наделять отдельной субъектностью.

Дергачева В. Е.
(Барнаул, АлтГУ)

ВЛИЯНИЕ АНТИВОЕННОГО ДВИЖЕНИЯ «VIETNAM VETERANS AGAINST THE WAR» НА ПОЛИТИКУ ПАМЯТИ США В ОТНОШЕНИИ ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЕ

Формирование и эволюция политики памяти в отношении травматических событий национальной истории представляют значительный интерес для современной исторической и политической науки. Вьетнамская война стала ключевым рубежом в самоидентификации американского общества, а борьба за доминирование в ее интерпретациях – центральным полем идеологического и политического противостояния. В этом контексте деятельность организации «Ветераны Вьетнама против войны» или «Vietnam Veterans Against the War» (VVAW)[49] выступила катализатором, инициировавшим процесс пересмотра официального нарратива и способствовавшим становлению критической модели памяти. Изучение данного феномена позволяет выявить механизмы, с помощью которых институты гражданского общества могут влиять на магистральные мемориальные процессы в отношении травматических событий национальной истории.

Цель исследования заключается в комплексном анализе роли и конкретных механизмов влияния движения VVAW на процессы формирования политики памяти в отношении Вьетнамской войны в США, а также в оценке долгосрочных последствий этого влияния для американской мемориальной культуры.

Исследованием различных аспектов политики памяти, места данного феномена в современной политической науке и политической повестке занимаются как зарубежные, так и отечественные исследователи. Теоретико-методологические основания изучения коллективной памяти были заложены в работах М. Хальбвакса и П. Нора. Значительный вклад в развитие концепции политики памяти внесли Э. Хобсбаум и Я. Ассман, исследующие взаимосвязь памяти, власти и национальной идентичности.

Отечественная научная мысль также активно развивает это направление. Вопросы кон-

[48]Munger, K., Plutzer, E. Generations in contemporary US politics: statistical aggregations or collective political actors? // Politics, Groups, and Identities. 2023. Vol. 12, Issue 3. P. 553.
[49]Vietnam Veterans Against the War // VVAW. URL: https://vvaw.org/ (access date: 26.08.2025)

струирования исторической памяти и ее использования в политических целях глубоко проанализированы в трудах А.И. Миллера, М. Липман, Г.А. Бордюгова, О.Ю. Малиновой, И.С. Семененко. Применительно к американскому материалу работы В.В. Титова и А.А. Кокошина дают важный анализ социально-политических последствий Вьетнамской войны.

Непосредственно деятельность VVAW получила глубокое освещение в зарубежной историографии. Фундаментальные исследования Э. Ханта, Р. Мозера и П. Хагопяна воссоздают историю движения, его внутреннюю структуру и эволюцию. В рамках данного направления исследований анализируются акции прямого действия VVAW, такие как «Операция “Раненая честь”»[50] и публичные слушания о военных преступлениях, с помощью которых был актуализирован критический дискурс о войне, дестабилизирован героический официальный нарратив, а фокус общественного внимания был перенесён на проблемы травмы, моральной ответственности и необходимости покаяния.

Деятельность VVAW оказала трансформационное воздействие на политику памяти США относительно Вьетнамской войны через несколько основных механизмов. Во-первых, легитимация контрнарратива. Используя свой уникальный статус непосредственных участников событий, ветераны VVAW придали критике войны беспрецедентную достоверность и моральную силу, сделав ее приемлемой для широкой публики.

Во-вторых, смена мемориальной парадигмы. Акции VVAW целенаправленно смещали фокус памяти с абстрактных идеалов «служения нации» на конкретные человеческие страдания (как американских солдат, так и вьетнамского гражданского населения), что заложило основу для т.н. «травматического» или «рефлексивного» поминовения.

В-третьих, создание альтернативного архива. Путем публичных свидетельств, художественных перформансов и судебных слушаний VVAW создала мощный корпус источников, который стал основой для последующего переосмысления войны в науке, публицистике и искусстве.

Таким образом, члены организации «Vietnam Veterans Against the War» выступали не в роли пассивных объектов политики памяти, а в качестве ее активных и успешных акторов. Их борьба привела к институализации плюралистической модели памяти, наиболее ярким воплощением которой стал Мемориал ветеранов Вьетнама в Вашингтоне, сочетающий в себе официальное признание жертв и глубоко личную, негероическую рефлексию. Наследие VVAW демонстрирует, что группы, располагающие авторитетом «жертв» или «участников», обладают значительным потенциалом для успешного оспаривания доминирующих интерпретаций истории.

Дергунова Н.В.
(Ульяновск, Фонд РАПИР)

К ВЫБОРУ МОДЕЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ГЛАВЫ РЕГИОНА

В 1990-е годы проблематика регионализма в России приобрела актуальное политическое звучание. Децентрализация управления, характерная для того времени, проявилась в увеличении полномочий и повышении политического статуса регионов, их социально-экономической самостоятельности.

[50]Bangert J. Memories of Operation RAW // VVAW. URL: https://vvaw.org/veteran/article/?id=3829 (access date: 26.08.2025)

В 2004-2016 годах Ульяновскую область возглавлял С.И. Морозов, родившийся в Ульяновске и до вступления в должность главы региона имевший опыт только муниципальной власти. Он сделал ставку на продвижение региона на основе его историко-культурных особенностей, поиска нового регионального тренда как стимула развития. В регионе один за другим пытались реализовать проекты «Ульяновск-культурная столица», «Ульяновск-авиационная столица», «Ульяновск – родина буквы Ё» и «Ульяновск – родина Колобка» и др. Поскольку область не обладает значимыми полезными ископаемыми, российский капитал обходил ее стороной. Упор был сделан на привлечение инвестиций, прежде всего иностранных, на льготных условиях (создание максимально комфортных инфраструктурных условий и налоговых льгот). Из трех возможных моделей – партнерская, патерналистская и нейтральная – в отношениях с федеральным центром была выбрана нейтральная модель. Москву Ульяновская область особо не интересовала. В публичном пространстве, в формировании своего имиджа, по мнению М.В. Назукиной (Полис. 2022. №2. С. 68-82), губернатор Ульяновской области в наибольшей степени делал ставку на региональную идентификацию и культурные особенности региона.

В 2021 году губернатором Ульяновской области был избран Алексей Русских, поддержанный президентом РФ В.В. Путиным. Это руководитель федерального уровня, крупный бизнесмен в прошлом, бывший депутат Государственной Думы, сенатор от Подмосковья. Ни в одном из его посланий Законодательному собранию области (2022-2025 гг.) не прозвучало ни одного слова о региональной идентичности, об историко-культурных особенностях области как ее ресурсе развития. В течение первых двух лет существенно изменился стиль отношений региона и федерального центра. Нейтральная модель была заменена патерналистской: «регион ждет помощи и благодарен за неё» – вот основной посыл А. Русских. В течение 2021-2025 гг. область посетили практически все федеральные министры, региону была оказана значительная финансовая поддержка.

Однако это стало одним из факторов сложных отношений губернатора с региональной элитой и населением. Социологические исследования 2023-2024 гг., проведенные фондом РАПИР (региональная аналитика, профессиональные исследования, рейтинги), показали, что в общественном сознании жителей региона усиливается тенденция снижения позитивных ожиданий от «института власти губернатора», растут негативные оценки его деятельности. Данная ситуация связана с отсутствием специальной работы по формированию имиджа губернатора А.Ю. Русских как защитника интересов населения области. Он воспринимается населением региона как «чужой», «порулит и уедет», выполнит требования Москвы. Семья губернатора не проживает в Ульяновске.

Команда действующего губернатора Ульяновской области, состоящая как из новых, так и из ранее назначенных министров и чиновников, оценивается неоднозначно. Большинство респондентов, к сожалению, не видят в членах правительства команды губернатора – она разноплановая, сложная, каждый из них действует сам по себе. Команда губернатора Ульяновской области делает самого губернатора слабее, по мнению опрошенных.

Губернатор – центральная и самая влиятельная политическая фигура региона, по мнению респондентов (глубинные интервью, выборочный опрос). Важно отметить, что респондентами четко различается, как должно быть, как должен влиять губернатор и как есть на самом деле. Ресурс доверия не исчерпан, конечно, но мешает череда незавершенных объектов и непонятные люди во власти (варяги, коррупция). Население поддерживает губернатора, особенно в тех решениях, которые являются необходимыми для региона. Не поддерживают отсутствие волевых решений, недостаточную публичность и коммуникабельность; отсутствие связи с регионом.

В 2026 году предстоят очередные выборы главы региона. И пока нет никаких намеков на использование ресурса историко-культурных особенностей области, региональной идентификации губернатора для изменения его имиджа, его стратегии развития региона.

Дерендяева А.Д.
(Барнаул, АлтГУ)

ПРОЦЕССЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧНОСТИ В СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ: ВЛИЯНИЕ НА ИМИДЖ ТЕРРИТОРИИ

Долгое время сельское пространство находилось (и продолжает находиться) в достаточно критическом положении. Помимо того, что наблюдается повсеместное снижение экономических показателей, есть и более серьезные проблемы. Так, происходит депопуляция населения и даже полное исчезновение некоторых сел. Вместе с тем именно сельские локальные сообщества являются важной частью российских регионов, поскольку оказывают воздействие на формирование представлений о них, способствуют процессам формирования имиджа территорий. Кроме того, есть и такие субъекты Российской Федерации, территория которых в большей части представлена сельской местностью.

Изучение данного пространства в политической науке позволяет не просто сохранять память о каком-либо месте, но и непосредственно помогает определять ключевые стратегии для реального развития сельской среды. При этом особый интерес в исследованиях вызывает такое сельское пространство, которое представлено как некая «этническая мозаика», т.е. сосредоточение разных народов, проживающих в одном месте. Здесь сразу возникает вопрос: насколько можно говорить о взаимовлиянии таких категорий, как «институционализация» и «этническая идентичность»?

Так, в качестве изучаемых сельских территорий можно рассмотреть села Республики Алтай. Данный регион представлен 10 районами, 91 сельским поселением и 246 населенными пунктами, включая села и поселки. Именно здесь более 70% населения проживает в сельской местности. Причем этнический состав территории также довольно разнообразный: русские, алтайцы, казахи, теленгиты, кумандинцы, украинцы, немцы и др. проживают на данной территории.

Если рассматривать процесс институционализации этничности системно, то можно выделить три ключевых направления (по М.В. Назукиной, 2018): 1) символическое, 2) нарративно-мифологическое и 3) нормативное направления.

Так, изучение символического направления в селах Республики Алтай показало, что многие индикаторы обращены к институционализации этничности, причем именно алтайской. Например, официальная символика многих районов (аймаков) связана с культурой алтайцев или с природными достопримечательностями. Если говорить о топонимике, то почти все аймаки имеют происхождение от алтайского языка: Онгудайский, Турочакский, Улаганский и т.д. «Знаковые фигуры» территорий также обращены к алтайской культуре, при этом особую роль играет фигура Г.И. Чорос-Гуркина. Местные бренды, символические события отображают процесс институционализации этничности. Несмотря на проживание других этносов на территории региона, важными считаются такие праздники, как Чага-Байрам (алтайский Новый год), Эл-Ойын и т.д.

Если говорить о нарративно-мифологическом направлении, то здесь можно выделить следующие маркеры этничности. Так, несмотря на присутствие православных (в основном русские), мусульман (казахи), многие жители придерживаются таких верований, как шаманизм, бурханизм, которые закрепляются фактически официально в политическом пространстве. Историческое прошлое как маркер этничности также связывает историю появления сельских территорий с этногенезом алтайцев. Кроме

того, популярны различные этнотуры, в основе маршрута которых алтайские мифы, легенды и т.д. (например: «Тур по тропам алтайских мастеров» и др.).

Наконец, индикаторы нормативной институционализации связаны с тем, что этничность фиксируется в официальных документах. Так, в названиях органов власти присутствует этнический маркер. Например, законодательное собрание называется Эл Курултай и др. В политическую элиту также по большей части входят алтайцы. Существуют различные институты, направленные на изучение алтайской истории и культуры и т.д.

В целом, такая ситуация демонстрирует процесс институционализации этничности, в основе которого не только алтайский этнос, но и в целом индикаторы историко-культурного наследия территории. Важно отметить, что данные особенности напрямую влияют на имидж сельского пространства Республики Алтай.

Джантеева Д.С.
(Черкесск, КЧИГИ)

КОНСОЛИДАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ЦЕННОСТНОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

Современные тенденции развития социально-политической ситуации в мире сопровождаются угрозой национальной безопасности России и ценностным основаниям российской цивилизации. В этих условиях особую актуальность приобретают вопросы, связанные с сохранением ценностного суверенитета России и созданием идеологической консолидации её граждан на основе политической культуры, характеризующейся возвращением к аутентичным ценностям. Очевидно, что обеспечение суверенитета России предусматривает защиту традиционных нравственных основ, культуры и исторической памяти. Так, в Концепции внешней политики России от 31 марта 2023 г. отдельное внимание уделяется укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранению культурного и исторического наследия многонационального народа России.

Одним из факторов консолидации многонационального российского общества в рассматриваемом контексте являются коммуникации акторов этнополитики, представляющие собой различные конфигурации деловых контактов, базирующиеся на принципах реализуемой сегодня политики нациестроительства и общей заинтересованности в обеспечении национальной безопасности страны. Этнические аспекты социальной безопасности регламентированы в действующей «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», включая политику дальнейшей консолидации многонационального российского общества на основе этнокультурного многообразия страны.

В данной работе в рамках заявленной темы мы акцентируем внимание на роли консолидационного потенциала управленческих коммуникаций акторов этнополитики, поскольку защита ценностного суверенитета России требует государственно-проективного подхода, использования механизма реактуализации традиционных ценностей и конструирования инновационных политических смыслов.

Консолидационный потенциал управленческих этнополитических коммуникаций целенаправленно используется для сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей, которые составляют ценностные основания российской цивилизации и в настоящее время охраняются государством. Данный вид коммуникации конструируется органами власти всех уровней и их медийными структурами с учётом этноидентификационных и ценностных основ государственного управления в условиях полиэтничности, новых информационно-идеологических и нравственных вызовов.

В рассматриваемом ракурсе функциональное значение управленческих этнополитических коммуникаций направлено на создание посредством средств массовой информации и коммуникации единого информационного пространства, в котором повышен фактор межэтнической интеграции на основе общероссийской гражданской идентичности и традиционных духовно-нравственных ценностей. Уникальность данного вида коммуникаций заключается в централизации локальных солидарных действий акторов этнополитики с помощью объединяющих надэтнических ценностей и национально-патриотической повестки с привлечением доступного арсенала современных информационно-коммуникационных технологий.

Ключевым аспектом национально-патриотической повестки является сохранение ценностного суверенитета России, в том числе, через пропаганду традиционных духовно-нравственных ориентиров, ценностей суверенитета государства и коллективной идентичности, которые являются объединяющими для россиян. При этом пропагандистский дискурс, направленный на распространение и утверждение традиционных ценностей, конструируется в контексте национальной политики с учётом сложносоставного характера российского общества.

Стратегия использования консолидационного потенциала рассматриваемого вида коммуникаций направлена, прежде всего, на поддержание ценностного суверенитета страны, коллективной гражданской идентичности и формирование инфраструктуры межэтнической солидарности.

В современных условиях сохранение ценностного суверенитета России предполагает создание информационной, духовно-символической общности и обеспечение идейного единства власти и многонационального российского общества. Поэтому для повышения эффективности управленческих этнополитических коммуникаций следует обратить внимание на следующие обстоятельства: 1) рационализацию этнополитического дискурса в контексте определения путей сохранения традиционных ценностей; 2) сегментацию информационного пространства с учётом национальных интересов страны; 3) поколенческую дифференциацию механизмов реактуализации традиционных ценностей и социализации; 4) влияние искусственного интеллекта на развитие и утверждение традиционных ценностей российского общества; 5) деградацию источников цифровой коммуникации под воздействием военно-политических факторов и их оптимизацию.

Таким образом, консолидационный потенциал этнополитических коммуникаций используется для сохранения ценностного суверенитета России, способствуя объединению иноэтничных граждан и разных этнических групп и мотивируя их к солидарным действиям в интересах безопасности страны.

Джгамадзе К.Б.
(Москва, ВЦИОМ)

МАРКЕРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: ОЦЕНКИ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ

На сегодняшний день в России идет активный процесс строительства системы гражданского просвещения, которая должна стать инструментом в достижении национальных целей и мировозренческой опорой для россиян. Гражданское просвещение целесообразно рассматривать как механизм воспроизводства гражданской компетентности (Г. Алмонд и С. Верба, Р. Патнэм), нормативной лояльности к институтам (готовности следовать нормам) (Д. Истон), формирования политических образов (Е.Б. Шестопал), ценностных установок (А.В. Селезнева) и других компонентов гражданской субъектности.

Эффективность гражданского просвещения в России по состоянию на 2025 год предлагаем оценивать на четырёх уровнях: инфраструктура, кадры, отношение, поведение.

1. Инфраструктура

Регулярные «Разговоры о важном» в школах и СПО формируют базовый канал ценностного и гражданского просвещения. Минпросвещения сообщает об охвате порядка 80% школьников в системе допобразования (май 2025), что расширяет площадку для гражданских практик. Общероссийское движение детей и молодежи «Движение Первых» выросло до 11 млн участников, создавая потенциальный «контур доставки» гражданских норм и навыков (март 2025).

2. Кадры

Ключевой фигурой гражданского просвещения является «просветитель», педагог, специалист образовательной сферы.

В 2024–2025 гг. мы видим как гражданское просвещение в школе и СПО укрепляется через: массовые методические форматы, конкурсные треки профессионального развития, материальные стимулы. Базой служит внеурочный цикл «Разговоры о важном», для которого создан официальный методический портал с комплектами сценариев по темам гражданской идентичности и общественно-значимых практик. Через всероссийский конкурс «Навигаторы детства» усиливается кадровый резерв советников директоров по воспитанию. Для цифровой и медиаграмотности проводятся регулярные упражнения и уроки «Урок Цифры».

Профессиональная траектория педагогов поддерживается конкурсами «Флагманы образования» (выявление и развитие лидеров среди учителей и управленцев) и «Учитель года России» – эти треки формируют надпрофессиональные и гражданско-воспитательные компетенции. К просветительской части гражданского образования примыкает конкурс «Знание.Лектор», который дает возможность специалистам войти в региональные лекторские команды, читать публичные лекции для молодёжи. Через Всероссийский форум классных руководителей закрепляются практики обмена кейсами по воспитанию, безопасности, профориентации и работе с родителями, сообществами.

В то же время, по данным качественных исследований педагоги отмечают противоречие между богатыми возможностями современной образовательной системы и трудностями с их реализацией. В качестве проблем называют бюрократию, формализм, кадровый дефицит и как результат перегрузку учителей, разрыв между учителями и теми, кто принимают решения. Что в совокупности может снижать эффективность гражданского просвещения.

3. Отношение

Российское общество демонстрирует солидаризацию с политическом курсом руководства страны (51% скорее согласны с тем, что дела в нашей стране сейчас идут в правильном направлении, АЦ ВЦИОМ, май 2025 г.). Рейтинги Президента, государственных институтов за последние 4 года достигли высоких показателей. Население видит перспективы для своего развития именно в России (82% россиян считают, что в нашей стране у молодых людей сейчас есть возможность реализовать себя) и декларирует желание жить, трудиться на Родине (доля желающих уехать из России за границу на постоянное место жительства снизилась с 2021 года с 16 до 5%, АЦ ВЦИОМ, 2025). Отстаивание Россией традиционных ценностей позитивно воспринимается россиянами и оценивается как перспективный ориентир дальнейшего развития страны.

На уровне «отношения» эффективность гражданского просвещения явно выражена, что сигнализирует о функциональности используемых инструментов.

4. Поведение

Измеримым показателем поведенческого компонента является декларируемый высокий уровень добровольчества: 8 из 10 россиян заявляют о безвозмездной помощи другим людям (АЦ ВЦИОМ, июль 2025). Платформа «Добро.ру» демонстрирует институциональный масштаб – это миллионы зарегистрированных волонтёров и свыше сотни тысяч проектов.

Россияне пользуются возможностями, которые предлагает государство – за 7 лет существования платформы «Россия – страна возможностей» в ее проектах приняли участие 25 млн человек.

Как важную форму политической активности стоит отметить электоральное поведение россиян, которое сильно отличается от уровня избирательной кампании – федеральные (президентские выборы, выборы в Государственную Думы) привлекают бОльшее количество электората, региональные менее интересны населению. Однако по данным ЦИК за последние 3 года идет постепенный прирост участия населения в выборах, в том числе и в региональных кампаниях, что может быть связано с новым дизайном голосования (3-дневный формат, ДЭГ), который расширяет «доступность участия».

Оценивая эффективность гражданского просвещения на поведенческом уровне, мы видим позитивную динамику: россияне стали больше вовлекаются в политическую, социальную жизнь страны, своего региона, в восстановление и сохранении экологических ресурсов (эковолонтерство).

Российская система гражданского просвещения в 2025 г. находится в активной фазе формирования и уже сейчас, в целом, может быть признана эффективной, даже несмотря на отмеченные факторы ограничения (бюрократизм, кадровый дефицит в образовании). Гражданское просвещение имеет сильный инфраструктурный контур – школа, допобразование, молодёжные движения, социальные проекты, широкий набор образовательных инструментов, заметную поведенческую базу (волонтёрство, участие населения в социальных проектах, акциях) и подкрепляется удовлетворением ценностного запроса российского общества.

Дибас О.А., Милокост Л.С.
(Луганск, ЛГПУ)

ИНСТРУМЕНТЫ ПАРАДИПЛОМАТИИ В ПРОДВИЖЕНИИ ИМИДЖА ЛНР ЗА РУБЕЖОМ (ОПЫТ 2014-2022 ГГ.)

Непризнанные и частично признанные государства активно использует парадипломатию как механизм компенсации дипломатической изоляции. На примере Луганской Народной Республики (ЛНР) в период до вхождения в состав Российской Федерации исследуются практики внешнего позиционирования, направленные на легитимацию своего статуса и формирование позитивного имиджа в международном пространстве.

Парадипломатия ЛНР в 2014-2022 гг. представляла собой комплексную систему негосударственных внешнеполитических коммуникаций, нацеленных на легитимизацию процесса самоопределения территории Республики, а также на информирование мировой общественности о социально-политической ситуации в регионе и последствиях боевых действий для гражданского населения.

Основные инструменты и методы парадипломатии в ЛНР:

Гуманитарная и культурная дипломатия. Организация визитов иностранных журналистов, правозащитников, политиков и общественных деятелей (из стран ЕС, Латинской Америки) с целью демонстрации жизни в республике, несмотря на конфликт. Проведение международных спортивных и культурных мероприятий. Активное участие в профсоюзной деятельности, в том числе в работе Всемирной профсоюзной организации, а также взаимодействие с профсоюзами национальных государств.

Информационно-медийное воздействие: Создание и поддержка многоязычных новостных платформ и ресурсов в социальных сетях, транслирующих официальную позицию республики. Целевая аудитория – иностранная, особенно русскоязычная диаспора и аудитория способная к восприятию разных позиций в странах Запада.

В данном аспекте огромное значение имеет деятельность иностранных журналистов и общественников на территории ЛНР: Янус Путконен, Андреа Пальмери, Грэм Филиппс, а также работа по привлечению иностранной общественности к региональнозначимым мероприятиям (празднование 1 Мая, Дня Победы, проведение праймериза).

Экономическая и деловая парадипломатия. Участие в международных бизнес-форумах (преимущественно в России), попытки наладить экспорт продукции и привлечь иностранные инвестиции. В период 2014-2022 гг. внешние инвесторы крайне сдержанно воспринимали идею финансирования производства на территории ЛНР, вследствие возможного воздействия экономических санкций со стороны стран ЕС и США.

Научно-образовательный обмен и установление связей с неправительственными академическими кругами для продвижения исторических нарративов и легитимации через экспертное сообщество. Взаимодействие в подобном формате было затруднено практически полной изоляцией научного и экспертного сообщества за рубежом, однако именно в период 2014-2022 гг. происходит активизация взаимодействия научного, экспертного сообщества, а также учащейся молодежи с коллегами в Российской Федерации. Начинают складываться жизнеспособные научные коллективы, включающие представителей российского и луганского академических сообществ.

Таким образом, парадипломатическая деятельность ЛНР носила точечный характер, будучи ограниченной ресурсами, международно-правовым статусом, а также попытками изоляции со стороны Украины и стран ЕС. Ее эффективность проявлялась в работе с це-

левыми аудиториями в России и среди части политических сил за рубежом, в то время как прорыв информационной блокады и признание на уровне правительств ведущих государств мира до 2022 года остались недостижимыми. Тем не менее, эти усилия создали необходимый задел для последующего признания со стороны РФ. Опыт ЛНР демонстрирует модель адаптивной парадипломатии непризнанного государства в условиях гибридного конфликта и санкционного давления, некоторые элементы которого можно считать весьма успешно реализованными.

Дмитриева А.А.
(Петрозаводск, ПетрГУ)

СОВРЕМЕННЫЙ ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ: ОСОБЕННОСТИ ТРАМПИЗМА

В течение долгого времени популизм ассоциировался с политикой, апеллирующей к широким массам, чьей целью являлось решение острых социальных проблем через разоблачение коррумпированных элит простым народом. В современных реалиях популизм, скорее, становится инструментом борьбы за власть представителей левого и правого политического спектра.

С начала XXI в. в зрелых западных демократиях всё больше набирают популярность правопопулистские идеи, вызванные кризисом традиционных либеральных элит, наплывом мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки и несовершенствами глобализма. Рейтинги правых партий растут в Германии («Альтернатива для Германии»), Франции («Национальное объединение»), Нидерландах («Партия свободы») и др.

В свою очередь, подобные идеи актуальны и в Соединённых Штатах Америки и связываются с риторикой действующего президента Д. Трампа. С его приходом в Овальный кабинет в США появилось новое явление, названное трампизмом, которое по сути является американским вариантом правого популизма. В действительности, он зародился ещё задолго до прихода к власти Трампа. Понятие популизма в целом происходит из США XIX в. Одним из первых исторических примеров этому стала «Народная партия» 1890-х гг., ориентированная на интересы фермерства. Утверждение правого популизма началось в 1950-60-е гг. и связано с антикоммунистической политикой Дж. Маккартни и сегрегацией Г. Уоллеса.

Основными проявлениями трампизма, возникшего в 2016 г., стали курс на внешнеполитический изоляционизм, антиэлитизм, протекционизм, строгая миграционная политика и антиглобализм, противодействие глубинному государству (Deep State). К 2024 г. убеждения Трампа возымели большее внимание у простых американских избирателей, нежели в 2016 г., несмотря даже на уголовное преследование в его адрес. Причины роста поддержки Трампа обосновываются проблемами притока мигрантов с юга после разрушительных мер Байдена, ухода вправо латиноамериканского электората, чрезмерной вовлечённости и трат демократов на поддержку Украины, последствий глобализации, приведшей к снижению позиций США на мировом рынке и углублению разрыва между либеральными элитами и простыми гражданами. В совокупности данные положения можно назвать поражением либеральной политики. Под влиянием данных факторов обещания Д. Трампа положить начало «Золотому веку Америки» после «рецессии Байдена» убедили в необходимости перемен большую часть населения[51].

[51]Трамп в победной речи пообещал США «золотой век» // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/06/11/2024/672b1b389a794722ec3b7460 (дата обращения: 28.08.2025).

Безусловно, общемировые тенденции к правому популизму сильно повлияли на распространение схожих идей в США. Тем не менее, трампизм однозначно обладает рядом характерных особенностей, отличающих его от западноевропейских воззрений. Во-первых, американский популизм крайне персонифицирован. Наличие сильного лидера-оратора, обладающего большой властью, усиливает воздействие на население. В то время как в Европе популизм лоббируется, скорее, на коллективной основе, а не на культе личности. Во-вторых, политика Трампа значительно поддерживается медиа. Активные заявления в социальной сети X[52] стали инструментом для личной пропаганды хозяина Белого дома, что стало неотъемлемой частью политики в эпоху цифровизации. В-третьих, коренные отличия стран формируют разные проблемы и реакцию на них. Если основной тематикой европейских правых становятся суверенизация и евроскептицизм, то в США трамписты стремятся следовать лозунгу «America first», чтобы «сделать Америку снова великой», деконструировав всю прежнюю систему институтов и воссоздав национальную сверхдержаву. Радикальность трампизма демонстрируется также в миграционной политике. Несмотря на изначальное основание США как государства иммигрантов, на данный момент сторонники Трампа придерживаются жёсткого курса на сохранение культурного кода американцев. Действия республиканцев по недопущению переселенцев стали строже, чем меры, предпринимаемые находящимися у власти правыми популистами в Европе.

Кардинальность позиций трампизма зачастую привносит опасения в связи с непредсказуемостью действий популистов и чрезмерно авторитарных мер, нехарактерных для США по ряду вопросов. В итоге остаются два варианта развития событий. В первом случае трампизм сместится в сторону центризма, как происходит со многими крайними движениями, пришедшими к власти, как было при приходе к власти Дж. Мелони в Италии. Во втором случае укрепление радикальных правых идей Трампа может привести к пропорциональному росту левого популизма, что повлечёт за собой уход от либерально-консервативного консенсуса и поляризацию левых и правых течений. Это может негативно отразиться на принятии решений в Штатах.

Таким образом, на данный момент трампизм активно развивается и реализует довольно радикальные меры. Доминирование республиканцев в структурах управления позволяет правому популизму прогрессировать. Однако стоит учитывать изменчивость риторики Трампа и возможное смягчение курса в связи с низкими рейтингами одобрения его политики среди населения.

Дмитриева В. А.
(Москва, МГИМО МИД России)

ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВОГО БАНКА РАЗВИТИЯ: ТРЕНДЫ ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ БРИКС

В 2025 г. Новый банк развития БРИКС отмечает свое десятилетие: за этот период НБР удалось расширить членство — к БРИКС в НБР присоединились 4 государства (Бангладеш, ОАЭ, Египет и Алжир). При этом 2 новых участника стали членами БРИКС после вступления в НБР, что подчеркивает роль НБР в качестве определения будущих участников объединения. Более того, в декларации 2025 г. на-

[52]Запрещённая в РФ социальная сеть

мечено расширение НБР за счет новых участников БРИКС.

Роль НБР за это десятилетие действительно приобрела несколько важных особенностей: в первую очередь, это способ усиления сотрудничества с партнерами БРИКС и привлечением их в объединение, во-вторых, этот институт является альтернативным МБРР для стран Глобального Юга, составляющий конкуренцию западным МБРР. В-третьих, НБР является институтом, осуществляющим инфраструктурные амбиции стран БРИКС, а также позволяет формировать общую повестку гуманитарной дипломатии БРИКС.

На данный момент НБР управляет своей деятельностью путем определения стратегических документов, согласно которым определяются ключевые направления проектов. Эффективность внедрения первой стратегии оценивалась самим НБР, подходит к концу период реализации второй стратегии, поэтому проведена оценка соответствия указанным в стратегиях направлениям и общих трендов деятельности НБР.

Для оценки были изучены:

1) Стратегии НБР БРИКС 2017–2021, 2022–2026 гг.;
2) Действующие проекты НБР БРИКС.

Анализ показал, что:

1) К 1 сентября 2025 г. предложено, одобрено и завершено 138 проектов.
2) В соответствии с установленными планами отмечается увеличение количества проектов, причем оно является нелинейным, а волнообразным: пики отмечаются в 2018–2020 гг., 2024–2025 гг. Также в соответствии с планами, усиливаются сферы энергетики и социальной инфраструктуры. Так, количество проектов в сфере чистой энергетики и энергоэффективности также возросло (с 8 в 2017–2021 гг. до 11 в 2022–2025 гг.), социальной инфраструктуры (с 3 в 2017–2021 гг. до 5 в 2022–2025 гг.). Рост проектов соответствует стремлению достичь 40% климатических проектов на указанный период.
3) Одна из сфер пока сокращается: количество проектов транспортной инфраструктуры сократилось (с 25 в 2017–2021 гг. до 22 в 2022–2025 гг.). При этом транспорт — самое крупное направление реализуемых проектов (36%).
4) Одна сфера остается на одинаковом уровне: количество проектов в сфере водоснабжения остается одинаковым.
5) В 2017–2021 гг. главными задачами для НБР было создание устойчивой инфраструктуры и стимулирования софинансирования. При этом, не имело значения, кто является институтом, осуществляющим софинансирование. Это нашло отражение в виде осуществления государственно-частного партнерства и финансирования со стороны государства. В новой стратегии ключевой фокус на софинансирование от других банков развития, а также частный капитал.
6) Также отмечается стремление реализовывать проекты в местных валютах. На практике если проекты реализуются в местных валютах, то эти валюты — юани и южноафриканские рэнды. Действительно, в 2019 г., 2024 г. и 2025 г. чуть больше трети проектов реализуются в национальных валютах. Тем не менее, обе валюты совместно используются с 2018 г., другие местные валюты пока не применяются.
7) Наибольшее число проектов реализуется в Китае, Индии и Бразилии, тогда как на ЮАР и Россию приходится, в среднем, в 2 раза меньше проектов.
8) Отмечается узкая направленность реализованных проектов в соответствии с нуждами страны: в КНР и Индии упор на транспортную инфраструктуру, тогда как в Бразилии реализуются комплексные проекты.
9) На данный момент некоторые направления не развиваются: например, цифровая инфраструктура. Отчасти это может быть связано с вопросами восприятия цифрового суверенитета и нежеланием финансировать эти проекты за счет банков развития.
10) Вовлечение новых участников в проекты идет менее активно: в Бангладеш ини-

циировано 5 проектов, а в Египте — 1. При этом в Алжире на данный момент не инициировано ни одного проекта.

К ключевым трендам гуманитарной дипломатии БРИКС относятся:

1) Усиление важности гуманитарной дипломатии в качестве инструмента укрепления сотрудничества и привлечения новых игроков.

2) Фокус на климатические проекты и социальную инфраструктуру, а также большое количество проектов, посвященное транспортной инфраструктуре.

3) Стремление к многостороннему сотрудничеству с другими банками развития (не альтернатива им, а партнерские отношения).

4) Активизация частных акторов в финансировании и, как следствие, активизация их в деятельности БРИКС.

5) Концентрация на конкретных решениях текущих проблем вместо глобальных общих проектов.

6) Очевидный перекос в сторону проектов ряда стран-участников.

7) Вовлечение в гуманитарную дипломатию потенциальных участников формата.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ 25-28-00822 «БРИКС в трансформирующемся мире: проблемы акторности и перспективы развития в новом составе».

Дмитриева В. Д.
(Санкт-Петербург, СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ПОНЯТИЕ КАТОЛИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Следуя традиции, заложенной Аристотелем в «Никомаховой этике», католицизм различает три формы справедливости, зависящие от лежащих в основании социальных связей. Уравновешивающая, или коммутативная, справедливость возникает при взаимодействии равных партнеров (договоре и пр.). Распределительная, или дистрибутивная, справедливость регулирует отношение общества к своим членам и стремится обеспечить всем людям и группам доступ к общему благу. Законная, или легальная, справедливость задает правовые рамки участия людей в жизни общества. Термин «социальная справедливость» появился лишь в XIX столетии и отличается концептуальной неопределенностью[53].

Понятие социальной справедливости сформулировано в трудах теолога-иезуита Луиджи Тапарелли. По мысли автора, социальную справедливость не следует сводить к обеспечению государством-Левиафаном социального и/или экономического эгалитаризма. Хотя в переносном значении она описывает деятельность государства (например, издание законов), нацеленную на защиту неотъемлемых прав людей и исполнение ими общественных обязанностей, социальная справедливость – это, прежде всего, «воля воздать должное другим членам общества просто в силу их участия в этом обществе»[54]. В свою очередь, в документах Святого престола социальная справедливость интерпретируется через обращение к сакральному языку. В энциклике

[53]Хёффнер Й. Христианское социальное учение. М.: Культурно-просветительский Центр «Духовная Библиотека», 2004. С. 69–74.

[54]Behr T.C. Social Justice and Subsidiarity: Luigi Taparelli and the Origins of Modern Catholic Social Thought. Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 2019. P. 86–87.

Divini Redemptoris (1937 г.), направленной против коммунизма, папа Пий XI использует слово munera – множественное число от латинского munus, которое переводится как «функция» или «дарение». Поскольку в евангельском тексте munera означает дары, принесенные волхвами Младенцу Иисусу, социальная справедливость обретает смысл «раздачи даров» в виде реализации социальных функций[55]. Она требует от каждого человека всего, что способствует достижению общего блага, и указывает на потребность общества в различных диспозициях людей. Одновременно она подчеркивает, что каждый человек должен быть обеспечен всем, что необходимо для реализации социальных функций[56].

Понятие социальной справедливости, получившее распространение в публичном дискурсе, было проанализировано католическим интеллектуалом и политическим советником Майклом Новаком. Он отмечает, что большинство светских мыслителей сближает социальную справедливость с понятием арифметического равенства или французского *égalité*, однако в папских документах она представлена как новая добродетель и новые возможности для организации общества. Справедливость становится «социальной» в силу ориентации на общее благо, достигаемое через институты национального и международного уровня. Она также является «социальной» на основании реализуемых практик: сотрудничества, создания ассоциаций и руководства малыми группами. Способствуя самоорганизации людей, она одновременно защищает общество от атомизации и препятствует усилению государственного аппарата. По мысли М. Новака, социальная справедливость ориентирована на поддержание креативной экономики и демократической республики. Причем «именно неоконсерваторы внесли в католическую социальную мысль идею политических, моральных и культурных противовесов капитализму»[57].

Таким образом, проведенный М. Новаком анализ понятия социальной справедливости раскрывает неоконсервативные установки интеллектуала, намерение которого заключается в переосмыслении католического дискурса в категориях американской политики. Как следствие, в политико-теоретической перспективе социальная справедливость должна рассматриваться в качестве «спорного по сути концепта», который всегда сопряжен с ценностным контекстом своего функционирования[58]. Социальная справедливость не имеет нейтрального определения, но полемическое использование данного понятия стимулирует выработку различных, в том числе состязательных, подходов к концептуализации политики.

[55]McKinley Brennan P. Subsidiarity in the Tradition of Catholic Social Doctrine // Global Perspectives on Subsidiarity / Ed. by M. Evans, A. Zimmermann. Dordrecht: Springer, 2014. P. 37.

[56]Benestad J.B. Church, State, and Society: An Introduction to Catholic Social Doctrine. Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 2011. P. 153–154.

[57]Novak M., Adams P. Social Justice Isn't What You Think It Is. N.Y.: Encounter Books, 2015. P. 15–27, 147–150.

[58]См.: Гуторов В.А., Ширинянц А.А. Идеология и история: о некоторых теоретических аспектах аналитики интеллектуальных коллизий XX в. [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История». 2025. Т. 16. № 3 (149). URL: https://doi.org/10.18254/S207987840035131-3

Домбровская А.Ю.
(Москва. Финансовый университет при Правительстве РФ)

ДИНАМИКА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ С ЭМИГРАЦИОННЫМИ КОНТЕКСТАМИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В 2024-2025 ГОДАХ

Пространство социальных медиа репрезентирует цифровые маркеры социально-политических процессов, характерных для российского общества. Представленные в цифровой среде нарративы эмиграционного характера могут служить индикаторами социальных настроений российских пользователей, а также показателями соотношения аудитории, поддерживающей и осуждающей релокационные интенции. Анализировать и оценивать динамику таких потоков важно для понимания общественных ожиданий, потребностей, специфики еще не решенных социальных проблем.

В ходе исследования выгружено более 255 тысяч документов с эмиграционными контекстами за период с 01.01.2024 по 01.06.2025 из 56 социально-медийных площадок. В качестве поисковых запросов использовались три группы лингвомаркеров: паттерны дистанции (топонимы в сочетании со словами, указывающими на эмиграционные дестинации); маркеры цели (слова и словосочетания, отражающие паттерны целеполагания в ходе организации переезда пользователя за рубеж); маркеры конверсии (лингвомаркеры – указатели на совершенные конкретные действия по релокации, инструмент аккумулирования датасета – сервис для мониторинга социальных медиа «Медиалогия»). Анализ выгруженных массивов показал, что потоки с маркерами целеполагания – наиболее весомые и динамично развивающиеся. Сопоставление показателей динамики этих потоков со значениями параметров социально-экономического развития российского общества свидетельствует об обратной взаимосвязи между интенсивностью обсуждения пользователями возможностей эмиграции и ростом значений социально-экономических показателей. Наименее репрезентированы потоки с маркерами дистанции. Меньшая представленность в структуре эмиграционных потоков сообщений с названиями стран и городов может указывать на преобладание общих обсуждений возможностей релокации без привязки к конкретной дестинации. Это показатель развития так называемой фон-ударной стратегии цифровых акторов, формирующих эмиграционные контексты. В среднем в российском сегменте социальных медиа генерируется по 400 – 600 документов с эмиграционными интенциями ежедневно. Активная, вовлеченная аудитория насчитывает до двух миллионов пользователей. Вместе с тем, потоки с эмиграционными контекстами включают как составную часть так называемые контрнарративы – документы, создатели которых формируют антирелокационные контексты. Это говорит о наличии информационного противостояния в социальных медиа, продуцирующих эмиграционные нарративы.

Исключительно важно осуществлять мониторинг цифровых следов эмиграционных интенций российских пользователей по таким направлениям, как триггеры роста эмиграционных интенций, значимые изменение весовых показателей данных потоков, трансформация техник формирования релокационных дискурсов, динамика вовлечения цифровой аудитории в обсуждение эмиграционных контекстов. Перечисленные данные позволят рассчитать прогнозы и сценарии развития эмиграционных установок россицских пользователей по социально-медийным маркерам, что может предоставить ценную информацию профильным органам власти по триггерным точкам общественного раз-

вития российского общества и возможностям превенции негативного воздействия деструктивных информационных потоков на показатели его консолидированности.

Дорожкин М.А
(Москва, ГУУ)

ПРОБЛЕМА МОЛОДЁЖНОГО ПОПУЛИЗМА И РАДИКАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ РЕАЛИИ

Молодёжные общественно-политические движения в современных условиях представляют собой определённую деятельность в политических партиях и объединениях, направленную на отстаивание молодёжью своих прав и демонстрацию позиции по ключевым вопросам как государственной молодёжной политики, так и политики государства в целом.

В современном мире, в связи с неоднозначной геополитической ситуацией, значительно падает доверие граждан к государству и его политической системе, что ставит перед страной такой серьезный вызов, как популистские и радикальные политические движения.

Исследователь Погорельская предпочитает не выделять разницу между правыми популистами и правыми радикалами[59]. По мнению некоторых учёных, популизм представляет собой трактовку «высоких политических ценностей» «низким политическим языком»[60].

Популизм и радикализм в современных политических молодёжных движениях – многогранное социальное явление, которое заключается в появлении среди молодежи протестных движений и проявлении крайней степени недовольства, демонстрации определённой политической позиции, зачастую не вписывающейся в парадигму проводимой государством политики.

Выделяют несколько уровней молодёжного политического радикализма: бытовой и институциональный[61]. В первом случае молодёжный радикализм проявляется на локальном уровне, в малых социальных группах и не представляет опасности для государства, хотя и требует определённого контроля. Институциональный же радикализм способствует появлению объединений, придерживающихся идей крайне радикальной направленности с ярким идеологическим политическим окрасом, направленных на подрыв государственных устоев[62]. Главное отличие молодёжного политического радикализма заключается, прежде всего, в активных действиях этих объединений.

Проблема заключается в том, что молодёжный радикализм часто направлен на желание выделиться и показать свою, отличную от большинства, политическую позицию, а также занять определённое место в социально-политической иерархии. Природа молодёжного радикализма зачастую обусловлена недостатком социализации, в связи

[59]Погорельская С.В. Введение. Методологические проблемы правого радикализма – правый радикализм в современной Европе // сборник научных трудов. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – С. 6-15

[60]Ostiguy P. 2009. The High and the Low in Politics: A Two-Dimensional Political Space for Comparative Analysis and Electoral Studies. University of Notre Dame Press. https://doi.org/10.7274/26126035.v1.

[61]Ефанова Е.В. Молодёжный радикализм: факторы, институциональные формы, особенности // Современная наука и инновации. – 2016. – №4 (16). – С. 221-225.

[62]Лощаков Д.Г. Молодёжный радикализм в современном российском обществе // Социально-гуманитарное образование. – 2017. – №6. – С. 35-39.

с чем молодые люди начинают искать другие, значимые, на их взгляд, пути самореализации в обществе.

Молодёжный радикализм имеет и социальную природу, тесно связанную с происходящими в обществе социальными явлениями, как это было при развале Советского Союза в 90-е годы, вызвавшем изменение идейно-политического и идеологического окраса, а также, повлиявшего на смену приоритетов государственного развития. Однако данное явление не могло не вызвать недовольство со стороны молодёжи, в котором данный социальный слой увидел ограничение своей свободы. Подобное восприятие социальных явлений и происходящих в обществе перемен негативно влияет на социализацию молодых людей, что приводит к протестным движениям и активной оппозиции.

Однако молодёжный радикализм продолжает трансформироваться и в наше время, представляя собой ответную реакцию на новые социальные реалии, такие как смена приоритетов государственного развития, изменение общественной иерархии, что приводит к переосмыслению жизненного пути и жизненных парадигм, осмыслению явлений социального неравенства, безработицы, общественной несправедливости.

В совокупности именно эти факторы и вызывают недовольство молодёжи, подталкивая её к популистским и радикальным намерениям. В свою очередь, государство, на наш взгляд, должно уделять более пристальное внимание не только крайним формам терроризма и экстремизма, но и имеющимся в обществе проявлениям многогранного молодёжного радикализма, что может потребовать изменения законодательной базы, повышения общей политической грамотности и формирования возможностей для молодёжи открыто и санкционированно выражать своё мнение и принимать непосредственное участие в политике.

Дука А.В.
(Санкт-Петербург, СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И СУВЕРЕНИТЕТ ЭЛИТ

1. Возникновение понятие суверенитета породило в юриспруденции, политологии и социологии ряд существенно различающихся концепций и различений. Вместе с тем, многие исследователи согласны с тем, что суверенитет является центральной проблемой политики.

2. Конституции многих государств (включая Россию) носителем суверенитета и источником власти определяют народ. Эта традиция, идущая от Т. Гоббса, внутренне парадоксальна (о чем сам Гоббс и писал).

3. Нормативное положение воспроизводится в официальной риторике и усиливается, что является следствием признания политической дееспособности народа. «Народный суверенитет» становится важным *объяснительным концептом* современного конституционного права и политической социологии.

4. Возникают теоретические и эмпирико-практические проблемы:

Юридическая неопределенность «народа»;

Социально-политическая неопределенность «народа»;

Агентность «народа».

Суверен – принимающий решение. Но народ как инстанция ограничен. Он не принимает *оперативные* решения. Его *реакция* ограничена. При этом, как отмечает

К. Шмитт, «Народ есть те, кто *не* правит, *не* репрезентирует, *не* осуществляет функции, организованные ведомственным образом».

Но у него есть функции, организованные не ведомственным образом – выборы и референдумы. Вместе с тем при реализации последних народ далеко не всегда проявляет себя как нечто гомогенное. Воля народа не антропоморфна и не гомогенна. При волеизъявлении она расщепляется. Так как народ внутренне дифференцирован.

5. Встает вопрос о том, какая часть народа более суверенна. Возникающая коллизия была решена в духе Ж.-Ж. Руссо. В середине XIX в. в инаугурационных речах американских президентов сувереном провозглашается большинство народа. «Единственным истинным сувереном свободного народа является большинство» (А. Линкольн). В последующем данная позиция становится общим местом.

6. Следствием такой трактовки народа является, во-первых, сближение понимания суверенной воли и общественного мнения. В этом духе есть рассуждения политологов и правоведов. В частности, К. Шмитта. В-вторых, меньшинство в данном случае выводится за рамки народа и суверена. Логическое продолжение этой позиции в ее радикальном виде можно найти у Й. Шумпетера.

7. С другой стороны, существует «организованные ведомственным образом» меньшинство, «профессионально» выполняющее функции суверена., которому большинство-носитель суверенитета добровольно вручает свои права и функции. Зачастую эти функции узурпируются и монополизируются. Помимо этого, само исполнение функций не транспарентно. Меньшинство помимо формально организованной формы может существовать вне официально устроенных институтов. Тем не менее, оно структурировано и организовано. Однако не всегда состав этого суверенного меньшинства полностью известен. Отсюда возникают как эпистемологические, так методологические и методические проблемы.

8. Более того, это меньшинство активно воздействует на «народ», структурируя его и контролируя его.

Предполагается, что народ имеет волю. Конституционно (формально) народ посредством волеизъявления (заявляя народную волю) посредством выборов создает *представительный* орган (представляющий его) государственной власти. Также он может избрать президента, формируя своего и государства репрезентанта и, часто, главу исполнительной власти.

Нормативно выборы (волеизъявление), чтобы считаться демократичными, должны быть свободными, тайными, безусловными, периодичными.

Безусловность – наиболее трудно фиксируемое качество. Проблематичность волеизъявления связана с возможностью манипулирования, навязанностью, влиянием среды, обстоятельствами.

9. Вместе с тем, сам процесс народного волеизъявления организован, структурирован, нормирован. Иначе он не может осуществиться.

В этом отношении можно выделить несколько модусов «народа».

1). Народ как суверен – внешне организованный народ. Непосредственно действует посредством референдумов; выборов. Опосредовано действует через органы госвласти и МСУ.

2). Народ как самоорганизованное общество / Гражданское общество, действующий посредством партий; НГО; НКО, митингов, демонстраций.

3). Народ как несамоорганизованное и внешне неорганизованное общество – масса, массы, толпа, множественность (multitudo – Т.Гоббс). Публично действующее в форме бунта.

10. Суверенитет юридически выражается в осуществлении монополии на установление норм и монополии на принуждение. То и другое являются результатом политического решения. Основной вопрос здесь: Кто субъект принятия решений. Является

ли государство подлинным субъектом принятия решений? Возникает вопрос о субъектности государства. Что (кто) представляет собой инстанция, принимающая решения и осуществляющая власть?

11. Группы, контролирующие инстанции (обычно именуемые элитами), принимающие решения и выступающие от имени «носителя суверенитета» и являются истинными суверенами.

Дунаева Ю.Г.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПРОБЛЕМА ОБЛАСТЕЙ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ E-LEANING&AI В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ОПЫТ СПБГУ

E-leaning&AI в высшей школе связана с 4-м этапом технологической революции и появлением цифрового обучения в глобальной сети Интернет. Согласно статистике ЮНКТАД, объем образовательного контента, пересекающего границы государств, продолжает расти, несмотря на геополитические трудности. Таким образом, глобализация E-leaning&AI сосуществует с фрагментацией и цифровыми границами на уровне политики.

Методологической основой представленного исследования является теория С. Хилгартнера и Ч. Боска о публичных аренах. Рассматривая публичные арены как совокупность параметров, включая широту/разнообразие и тираж информационных каналов, их публичность (открытость), нацеленность на многообразие потребителей информации и удобство восприятия ее ими? Авторы делают вывод о возрастающей роли E-leaning&AI как фактора формирования современного университетского образования.

Проанализируем базовые теории, разбив их на две группы: 1) трансграничность цифрового мира и 2) его фрагментация. Оговоримся, что порядок их представления соответствует последовательности их формирования, а также то, что E-leaning&AI являются предметом изучения нескольких наук; мы же отдаем первенство сфере высшего образования как наиболее близкой нам профессионально.

В свою очередь, крупные организации, владеющие цифровыми платформами, такие как Санкт-Петербургский госуниверситет (СПбГУ), имеют возможность создавать цифровые границы информационных экосистем на всех уровнях – контроль инфраструктуры, программного обеспечения и контента. По данным правительства РФ, объём рынка E-leaning&AI в 2022 году в России при росте 18 % составил 650 млрд рублей. На разработки в области искусственного интеллекта в 2024 году правительство РФ выделило около 5,2 млрд руб., в 2025 году внедрение технологий ИИ принесёт российским компаниям около 1 трлн руб.

СПбГУ является одним из шести ведущих вузов России, который ведет работу по разработке программ по профилю «Искусственный интеллект», в рамках реализации федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Минобрнауки России совместно с Минцифры России поручил СПбГУ подготовку ученых–разработчиков мирового уровня в области E-leaning&AI.

Опишем кратко цифровые технологии, применяемые для организации учебного процесса в СПбГУ по направлениям «Международные отношения» и «Политология».

Канал Black Board – технология, обеспечивающая коммуникацию в ходе обучающего процесса. Она была специально разработана для СПбГУ американской компанией BlackBoard Inc (с 2021 г. – Anthology). Ею обязаны пользоваться все сотрудники и студенты СПбГУ, но допуск к различным его порталам различен. Преподаватели фиксируют на нем курсы, которые они читают, а также этапы подготовки и защиты ВКР.

Важным атрибутом современных информационных платформ и ресурсов является применение технологий искусственного интеллекта (AI). Искусственный интеллект играет важную роль в улучшении пользовательского опыта и эффективности обучения на платформе Blackboard, вот некоторые примеры таких технологий:

- Персонализированное обучение (рекомендации по курсам, модулям и заданиям).
- Аналитика данных (анализ активности студентов на платформе).
- Автоматизация оценивания.
- Виртуальные ассистенты, которые предоставляют помощь студентам и преподавателям в навигации по платформе, создании курсов, тестов и др.
- Прогнозирование успеваемости.

Уточним, что, описывая Blackboard, мы оценивали ее как коммуникационную платформу. Параллельно СПбГУ применяет открытые образовательные ресурсы, содержащие онлайн-дисциплины, например, «Открытое образование», или те, которые студенты могут использовать для проверки собственных знаний, – Moodle (Modular Object Oriented Dynamic Learning Environment). Используются и те, которые совмещают обе названные функции: MOOC, Udacity, Docebo и т.д.

Использование цифровых технологий позволяет эффективно и своевременно выявлять и анализировать уникальные потребности и приоритеты студенчества. В частности, электронная запись на прием, цифровые клиники для консультаций, интерактивные платформы, такие как социальные сети и чат-боты, могут обеспечить прямую двустороннюю связь.

Особенностью E-leaning&AI как цифровых территорий является их высокая динамичность, поэтому возведение цифровых границ не означает конца образовательной глобализации. Укрепление цифровых границ связано с необходимостью защиты от угроз информационной безопасности, которые носят преимущественно транснациональный характер. Власть и университеты должны выработать modus vivendi о сотрудничестве на цифровых платформах, не покушаясь при этом на свободу друг друга. Для государства – это обеспечение национальной безопасности, для высшей школы – эффективная образовательная деятельность в сфере E-leaning&AI.

Дунамалян Н. А.
(Ереван, Российско-Армянский университет)

КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АРМЕНИИ КАК СЛЕДСТВИЕ ПЕРЕХОДА ОТ «ПОСТИМПЕРСКОЙ» К «ГРАЖДАНСКОЙ» МОДЕЛИ

Видение российско-армянских отношений формировалось не на прагматической основе, а прежде всего на мифологизированном фундаменте. К этому стоит добавить, что в ходе многих кризисов, возникавших между армянами и Российской империей (в дальнейшем и в СССР), армяне еще не обладали полноценной субъектностью.

По прошествии тридцати лет независимости, при всех социальных, политических и экономических проблемах, родилось новое поколение армян, которое не являлось носителем «имперских ценностей». Такая ситуация возникла впервые за триста лет интенсивных российско-армянских взаимоотношений.

В контексте политического измерения российско-армянских кризисов с некоторой цикличностью повторялся один и тот же сюжет, возникавший вследствие ухода России из региона Закавказья (в 1917 и 1991 гг.). И в рамках этого процесса субъектность Армении играла важную роль как ресурса сдерживания угроз для России, так и препятствия для восстановления полного контроля над Южным Кавказом. Так, Добровольческая армия А. Деникина использовала фактор Армении для сдерживания конфликта с Грузией и Азербайджаном, а в 1990-х гг. помощь РФ в нагорно-карабахском конфликте способствовала сохранению контроля над ситуацией на Северном Кавказе.

Современные процессы, сложившиеся вокруг Армении, могут напоминать события XX в., однако мировоззрение как россиян, так и армян подверглось значительной трансформации. Отношения с Грузией и Азербайджаном российское руководство характеризует как «прагматические» и «взаимовыгодные», а распространение влияния РФ на Ближний Восток (посредством базы в Сирии) и в африканские страны снижает значимость Армении как стратегического партнера, поскольку поле влияния РФ в данный момент мыслится шире постсоветского пространства. К тому же более глобальный подход к выстраиванию новой системы международных отношений вытесняет на второй план региональную или страновую перспективу. В Армении также происходит тектонический сдвиг в рамках спровоцированного потерей Нагорного Карабаха поиска новой политической идентичности, что, во-первых, приводит к переосмыслению мифа о вековой вражде с «турками» и, во-вторых, способствует формированию негативной «антиимперской» идентичности, несмотря на то, что «постколониальный синдром» в Армении на протяжении всего периода независимости не был востребован.

В растиражированной цитате Гранта Матевосяна восприятие гражданина Армении в качестве «гражданина империи» в основном представлялось как доказательство неспособности армян выстроить собственный государственный проект, выпадающий из установок «имперского» прошлого. В то время как основная идея писателя относилась к проблеме «провинциализма» армянской (гео)политической мысли, ее неполноценности. Похожее содержание имела формула армянского публициста XIX в. Степаноса Назаряна: «восточные армяне в политическом смысле русские», – что в значительной степени демонстрировало привязанность армянской политической идентичности к практикам «имперского» прошлого. Однако в этом и заключалось главное противоречие армянской идентичности как пространства столкновения культурно-конфессионального и имперско-политического самовосприятия, где не находилось места становлению армянского национально-государственного самосознания. В конце концов, в современных реалиях РА приверженность «государственно-гражданскому» при отрицании «имперского» привела к выхолащиванию «культурно-конфессионального».

Переход от «постимперской» к «гражданской» модели в Армении оказался не линейным процессом, а источником внутреннего напряжения. С одной стороны, на политическом уровне закрепляется идея независимого государства, опирающегося на суверенную волю граждан. С другой – социальная память и политическая культура остаются зависимыми от имперских практик, будь то ожидание внешнего «покровителя» или воспроизводство иерархического стиля управления. Это двойственное наследие и формирует кризис идентичности, когда старая модель не воспринимается легитимной, а новая ещё не обрела устойчивости.

Именно в этой точке возникает разрыв между поколениями и политическими элитами: молодёжь всё чаще мыслит категориями прав, гражданства и интеграции в глобальное пространство, тогда как значительная часть общества продолжает апеллировать к историко-имперским нарративам. В результате «гражданская» модель утверждается через отрицание прошлого, а не через его осмысление, что усиливает кризис вместо того, чтобы его преодолевать.

Тезисы подготовлены в рамках проекта 24SSAH-5F032 «Трансформирующиеся идентичности как проблема политологического исследования (на примере государств Южного Кавказа)», финансируемого Комитетом высшего образования и науки МОНКС РА

Евгеньева Т.В.
(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ОБРАЗ ТИШИНЫ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Тишина как ценность занимает значимое место в российской культуре в течение достаточно длительного времени. Этот концепт мы находим в произведениях русской общественно-политической мысли на самых разных этапах существования русского государства. В них понятие «тишина» используется как в широком смысле (мир, спокойствие, беспечалье), так и при описании различных конкретных ситуаций (прекращение конфликтов, невмешательство извне, тихая и безмятежная жизнь).

Такое широкое понимание тишины дает основание для самых различных вариантов ее вербализации в современном массовом сознании.

В 2022-2024 гг. было проведено исследование особенностей интерпретации традиционных политических ценностей российской культуры современной молодежью среди представителей молодого поколения в возрасте от 14 до 30 лет, представляющих российские регионы, входящие во все федеральные округа РФ. Исследование проводилось методом фокус-групп. Оно было посвящено анализу места традиционных ценностей в интерпретации респондентами наиболее значимых сторон современного политического процесса и включало большой набор наиболее востребованных молодежью ценностных категорий.

Для дальнейшего анализа нами были выделены те из них, которые ассоциировались в их сознании с различными интерпретациями «тишины».

В центре интереса респондентов оказалась ценность мира как в самом широком, можно сказать, абстрактном (мирная жизнь, мир на земле, мир в обществе) смысле, так и в форме конкретных его проявлений (разрешение конфликтов разного уровня).

Следующий уровень интерпретации тишины представляет собой желаемые условия существования: стабильность, безопасность и связанные с ними законность и порядок.

Третий уровень интерпретации тишины – условия личностного существования – комфорт и безопасность.

Следует отметить, что, с точки зрения респондентов (независимо от возраста), основным субъектом, от которого они ожидают обеспечения желаемого состояния, является государство.

Более сложное соотношение обнаруживается при анализе также связанных с ти-

шиной понятий, таких как справедливость и правда. Если понимание справедливости (лишь при небольшом количестве исключений: «Справедливости не существует») формирует позитивные коннотации, связанные с представленной выше интерпретацией тишины (спокойствие, стабильность, порядок), то понимание правды в том же значении не является абсолютно доминирующим. Для многих правда ассоциируется с правдой-истиной (в понимании Н.К. Михайловского), и в этом значении представляется респондентам опасным явлением, способным разрушить желаемые стабильность и комфорт. Интересно, что часть респондентов утверждает, что правда не нужна не только членам общества вообще, но и им самим. Особенно опасной представляется им правда о политических событиях и процессах, количество информации о которых в средствах массовой информации оценивается как чрезмерное, вероятно, нарушающее собственный комфорт.

В данной интерпретации также прослеживаются традиционные для отечественной политической культуры патерналистские ориентации: ожидания обеспечения идеального состояния и решения возможных проблем адресованы внешнему субъекту, как правило, государству.

Евстратов А. Г.
(Ереван, Российско-Армянский университет)

ИРАНО-ИЗРАИЛЬСКОЕ ОБОСТРЕНИЕ 2025 Г. ГЛАЗАМИ МИРОВОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ: АНТИИМПЕРИАЛИЗМ И СОПРОТИВЛЕНИЕ АГРЕССИИ

Обострение ирано-израильского противостояния в 2025 г. стало одной из ключевых точек напряженности на Ближнем Востоке и в мировой политике. Оно проявилось не только в военных инцидентах и росте угрозы региональной войны, но и в усилении идеологического противостояния между империалистическими державами и антиимпериалистическими силами, в числе которых Иран занимает особое место.

Для мирового коммунистического движения это противостояние оказалось не просто очередным региональным кризисом, а важным индикатором глобальной расстановки сил. Израиль выступает в логике «передового форпоста» США на Ближнем Востоке, обеспечивая интересы западного капитала и военного присутствия в регионе. Иран, в свою очередь, продолжает позиционировать себя как носителя идей сопротивления империализму, солидарности с угнетенными народами и борьбы против гегемонизма (в том числе в лице США и НАТО).

В марксистской традиции антиимпериализм рассматривается не только как внешнеполитическая стратегия, но и как проявление глубинного классового противостояния между мировым капитализмом и движениями сопротивления. Поэтому реакция мирового коммунистического движения на события 2025 г. во многом связана с оценкой того, насколько Иран способен выполнять роль «объективного союзника» прогрессивных сил. Несмотря на различие в социально-экономическом строе, иранская внешняя политика в значительной степени совпадает с антиимпериалистической повесткой коммунистов: поддержка палестинской борьбы, сопротивление агрессии, противостояние колониальной политике.

Особого внимания заслуживает международная реакция. Коммунистические партии ряда стран Азии, Латинской Америки и Европы выступили с заявлениями о солидарности с Ираном, подчеркивая необходимость объединения антиимпериалистических сил перед лицом угрозы новой войны (заявления КП Греции, Кубы, Индии и др.). Это показывает наличие реального интернационализма, сохраняющегося в условиях кризиса мирового коммунистического движения.

Важно подчеркнуть, что обострение 2025 г. высветило и внутренние противоречия: часть левых организаций на Западе склонна воспринимать Иран лишь как «теократическую систему», игнорируя его роль в глобальном сопротивлении империализму. Такая позиция отражает разрыв между догматическим подходом и реальной практикой международной борьбы.

Анализ событий 2025 г. позволяет сделать несколько выводов:

1. Ирано-израильское обострение носит не только региональный, но и глобальный характер, отражая линию фронта между империализмом и силами сопротивления.

2. Для мирового коммунистического движения оно стало стимулом к формированию более четкой антиимпериалистической повестки и актуализации международной солидарности.

3. Взаимодействие между Ираном и левыми силами мира открывает возможности для нового уровня антиимпериалистического единства, если удастся преодолеть идеологические стереотипы и разногласия.

Таким образом, именно через призму борьбы против империализма и солидарности с народами Ближнего Востока мировое коммунистическое движение воспринимает события 2025 г., видя в них не только угрозу новой войны, но и шанс для укрепления глобального сопротивления агрессии.

Ерофеева Д.А.
(Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)

ПОЗИТИВНЫЙ ОБРАЗ РОССИИ: ВКЛАД КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ

В современном мире креативные индустрии становятся одной из ключевых сфер, определяющих не только экономическое развитие государств, но и их международный имидж. Согласно ФЗ-330 «О развитии креативных индустрий в РФ», креативная индустрия – это экономическая деятельность по созданию и распространению уникального продукта с экономической ценностью. Для России развитие креативных индустрий означает не только расширение экспортного потенциала, но и укрепление имиджа на мировой арене.

В эпоху цифровой экономики и научно-технологических преобразований креативные индустрии становятся локомотивом развития стран и регионов[63], что, в свою очередь, способствует продвижению «мягкой силы». По данным Минэкономразвития, на сегодняшний день доля креативных индустрий в ВВП России составляет около 4 % и к 2030

[63]Каверина Н.А., Гретченко А.И., Гретченко А.А. Современное развитие креативных индустрий в России (опыт столицы и регионов) // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2019. №. 1 (75). С. 58-64.

[64]Министерство экономического развития Российской Федерации. Вклад креативной экономики в ВВП в 2024 году составил 7,5 трлн рублей. URL:
https://www.economy.gov.ru/material/news/vklad_kreativnoy_ekonomiki_v_vvp_v_2024_godu_sostavil_75_trln_rubley.html?yscli d=mejye8dsyg558726007

году может достичь 6 %. При этом за последние семь лет этот сектор рос в четыре раза быстрее экономики в целом[64]. Международный опыт подтверждает значимость данного направления. Так, в 2023 г. Италия являлась лидером по вкладу креативных индустрий в ВВП (6,1%), наряду с ней шли Великобритания (5,8%) и Австралия (5,7%)[65]. Ведущие страны рассматривают креативную индустрию прежде всего как часть национальной стратегии продвижения на глобальном рынке.

В связи с этим фокус внимания особенно сосредоточен на крупнейших городах, где существуют ресурсы и инициативы, способствующие развитию творческих индустрий. Так, Москва демонстрирует впечатляющие результаты: на долю креативных индустрий приходится около 9% валового регионального продукта[66], что является самым высоким показателем в стране.

Санкт-Петербург также активно развивает культурные пространства, среди которых «Дом культуры», «Севкабель Порт», «Этажи» и многие другие. В этих центрах соединяются выставочная деятельность, образование и арт-практики, что создаёт атмосферу открытости и формирует новые центры притяжения, повышая тем самым привлекательность региона. Аналогичные кластеры возникают в ряде крупных региональных центров, что позволяет говорить о постепенном распространении креативной экономики во многих регионах России.

Креативные индустрии рассматриваются как «точка прорыва». Для них разрабатываются специальные меры поддержки: налоговые льготы, гранты и развитие специализированной инфраструктуры. Важным шагом для развития этой области стало проведение «Российской креативной недели», где особо отмечалась важность творческой энергии людей[67].

Национальные проекты становятся элементами культурной дипломатии. Классические бренды, как Эрмитаж или Большой театр, дополняются новыми символами современной России – фестивалями, арт-кластерами, мультимедийными проектами. Всё это и формирует представление о стране как о динамичном, креативном и культурно насыщенном пространстве. Но вместе с тем сохраняются и определённые вызовы, среди них – недостаток финансирования в регионах, слабая интеграция российских проектов в глобальные рынки, а также конкуренция с более раскрученными международными центрами. Для дальнейшего продвижения России важно не только наращивать внутреннюю поддержку, но и активно интегрироваться в мировое культурное пространство.

Таким образом, креативные индустрии становятся «визитной карточкой» России. Они расширяют экономический потенциал, повышают инвестиционную привлекательность регионов, создают новые точки роста для городов, прививают любовь граждан к городам Родины и позволяют представить страну как пространство возможностей и творческой энергии.

[65]АКАР. Креативные индустрии. URL: https://akarussia.ru/wp-content/uploads/2024/10/akar23_creativeindustries.pdf

[66]Власти назвали Москву крупнейшим центром развития креативных отраслей в России. URL: https://riamo.ru/news/ekonomika/vlasti-nazvali-moskvu-krupnejshim-tsentrom-razvitija-kreativnyh-otraslej-v-rossii/

[67]Вклад креативных индустрий в экономику России должен достичь 10% ВВП. URL: https://roscongress.org/news/vklad-kreativnyh-industrij-v-ekonomiku-rossii-dolzhen-dostich-10-vvp/?ysclid=men0sqf5le614370525&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

Ефремова В.Н.
(Москва, ИНИОН РАН)

«ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ДИСКУССИИ И ПОИСК ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Дискуссия вокруг «традиционных ценностей» в последние несколько лет занимает заметное место в общественно-политическом пространстве России. «Неоконсервативный поворот», обозначившийся с началом третьего президентского срока В.В. Путина, по многим позициям идеологически противостоял либеральной программе 1990-х годов и требовал как существенных институциональных, так и идейных преобразований (Мельвиль, 2017). Эти изменения повышали значимость ценностей безопасности и единения. Ключевым элементом нового национального проекта являются «традиционные ценности», пришедшие на смену «скрепам».

Новая государственная идеология укрепления и защиты традиционных ценностей оказалась закреплена в ряде официальных документов, таких как «Основы государственной культурной политики» (2014), «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года» (2015), «Стратегия национальной безопасности» (2015, 2021), Конституция РФ (2020).

Обращает на себя широта спектра ценностей, закрепленных в официальных документах. Публикация каждого из упомянутых документов вызывала острую дискуссию в академическом, культурном, общественном и политическом пространствах относительно их набора и структурирования. Такое обсуждение, как видится, было необходимым этапом осмысления и могло бы служить основанием для реализации практических инициатив.

Эту задачу взяли на себя экспертно-аналитические центры. Им предстояло ответить на критику, которая, без сомнения, сопровождала «традиционные ценности», определить, что за ними стоит на практическом уровне, их место в общемировом культурном процессе, а также разработать стратегию, результатом которой стало бы последовательное и систематическое обсуждение и внедрение «спускаемых свыше» ценностей.

В центре внимания выступления – представления о «традиционных ценностях» и их роли, высказывавшиеся общественно-политическими экспертами, которые появлялись в публикациях электронных и печатных СМИ. Ключевую роль в этом играют члены Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ), а также Изборского клуба, Общественной палаты РФ, Экспертного клуба «Дигория», аналитики Центра политической конъюнктуры и др.

Проведенный анализ публичных выступлений общественно-политических экспертов в России последних пяти лет позволил сделать несколько выводов относительно стратегий использования «традиционных ценностей». Во-первых, на передний план выходят вопросы их защиты, правильной интерпретации и широкого распространения. При этом делается акцент на растущей дихотомии между «либеральными» и «традиционными» ценностями. Традиционные ценности выступают инструментом внешней политики. Во-вторых, далеко не все традиционные ценности, обозначенные в правительственных документах, подвергаются обсуждению и «разбору». В-третьих, ключевой идеологической составляющей традиционных ценностей признается традиционная семья, требующая сохранения и поддержки. Предполагается, что «традиционные российские семейные ценности», к коим предполагается относить брак как союз мужчины

и женщины, многодетную семью в качестве основы российского общества, должны стать основой для формирования национальной идентичности.

Жаде З.А.
(Майкоп, АГУ)

ДИАСПОРА КАК АКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РАЗДЕЛЕННЫХ ОБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ АДЫГСКОЙ ДИАСПОРЫ)

Частью современных дискурсов о маркерах многоуровневой идентификации является концепт разделенных обществ. Согласно И.С. Семененко, разделенное общество – «понятие, которое характеризует совокупность социальных размежеваний и их политических проекций, проявляющихся в конкретном сообществе, как территориально локализованном, так и имеющем транснациональную или экстратерриториальную природу»[68].

Пример разделенного общества – адыги: единый этнос, проживающий не только в России и раздробленный на кабардинцев (Кабардино-Балкария), черкесов (Карачаево-Черкесия), адыгов (Адыгея), но и за рубежом (адыгская диаспора в Турции, Сирии, Иордании и других странах).

Адыгская диаспора – сообщество, возникшее в результате исторических миграционных процессов и проживающее за пределами исторической родины, стремится сохранить и развивать свою этнокультурную и языковую идентичность. Наиболее значительная и многочисленная диаспора в Турции – свыше 3,5 млн. человек. Сирия считается второй по численности страной компактного проживания адыгов – более 80 тысяч. Адыгская община в Иордании насчитывает около 80 тысяч, в Израиле проживает почти 3,5 тысячи этнических адыгов.

Разделению адыгского этноса способствовало множество различных факторов, начиная с известных исторических причин, связанных с Кавказской войной XIX века, и завершая административно-территориальными преобразованиями в советский период[69].

В контексте современных политических и социокультурных процессов, связанных с формированием идентичности разделенных обществ, диаспора выступает актором, оказывающим значительное влияние на конструирование и поддержание диаспоральной идентификации.

Адыгская диаспора является эталоном того, как диаспоральные группы могут сохранять и развивать свою идентичность в условиях иноэтничного окружения. Диаспоральные институты (Федерация Кавказских Ассоциаций (Kaffed) в Турции, Черкесские благотворительные общества в Сирии, Иордании и Израиле) и практики направлены на поддержание связей между различными частями адыгского сообщества, играют важную роль в формировании и укреплении диаспоральной идентичности.

К практикам конструирования диаспоральной идентичности следует отнести поддержание активного дискурса об исторической родине, сохранение исторической памяти, использование символических ресурсов, использование современных информационных технологий путем создания онлайн-сообществ и др.

[68]Семененко И.С. Разделенные общества // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М., 2023

[69]Литвинова Т.Н. Политическая активность и консолидация разделенных народов на примере черкесов России и Турции // Политика и общество. 2017. № 7

Мы солидарны с мнением ученых, согласно которому не может быть диаспорального сообщества без представления об общей идентичности, общей принадлежности к этой группе, и это осознание лучше всего передается через язык наследия, который отделяет сообщество от всех остальных.

Особую роль диаспора играет в сохранении адыгского языка и этнокультурных традиций и обычаев, способствуя сбережению историко-культурного наследия и его передаче следующим поколениям. На адыгском языке, внесенном ЮНЕСКО в список языков, уязвимых для исчезновения, сегодня еще говорят в диаспоре, в которой большинство владеющих родным языком составляют люди пожилого возраста, и их количество уменьшается день ото дня. В этой связи важно понять опыт диаспоры и ее усилия по сохранению адыгского языка и определить проблемы, связанные с разработкой стратегии по защите языка в диаспоре.

В Адыгее проводится масштабная системная работа по изучению, сохранению и популяризации адыгского языка и культуры, которая простирается за пределы нашей страны. Так, Адыгейским госуниверситетом совместно с Университетом Дюздже (Турция) создана межвузовская программа, в рамках которой с 2013 г. педагоги из Адыгеи преподают на факультете кавказских языков адыгейский язык турецким студентам. Международная акция «Адыгэ диктант» и Международный конкурс литературных произведений для детей ежегодно объединяют участников из Турции, Иордании, Сирии и других стран. В 2025 г. ежегодная летняя этноязыковая школа «Адыглэнд» приобрела международный масштаб. Участниками проекта стали потомки адыгов из Турции.

Сегодня в диаспоре предпринимаются индивидуальные попытки по сохранению адыгского языка. Так, в Турции во многих городах и сельской местности проводятся языковые курсы. Но, несмотря на попытки возрождения адыгского языка в диаспоре, поколение моложе 40 лет не говорит на родном языке. Большинство стремлений в диаспоре основаны на волонтерских усилиях без должной поддержки, финансирования и лингвистического образования. В долгосрочной проекции, если не будут предприняты институциональные и поддерживаемые исторической родиной усилия по подготовке учителей и разработке методики преподавания, перспективы сохранения адыгского языка в качестве средства коммуникации и передачи культурного наследия в диаспоре представляются крайне неопределенными.

Жаров А. С.
(Москва, ГАУГН)

СТИРАЯ ГРАНИЦЫ: КАК ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ГИБРИДНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ФОРМИРУЮТ ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АРТЕФАКТ

Стремительное развитие цифровых технологий и их внедрение в повседневную жизнь оказывает значительное влияние на процесс взаимодействия личности, общества и государства. Привычные формы интеракции замещаются новыми форматами взаимодействия – цифровыми средами. Гибридизация реального и цифрового

форматов приводит к стиранию не только темпоральных границ, но и создаёт экзистенциальный вакуум самоидентичности в реальном социуме («Кто я, если я не привязан к месту? Где мое сообщество?»). Стирание границы онлайн/оффлайн приводит к тому, что жизнь, особенно в мегаполисах, становится гибридной. Восприятие мира, особенно в молодёжной среде, формируется не через принадлежность к месту (двору, району), а через принадлежность к цифровым сообществам и платформам. Образ будущего в глазах модальной личности становится более виртуализированным, глобальным и оторванным от физической локации, принадлежности к конкретному месту, территории.

Стирание локальных и глобальных, приватных и публичных границ на разных уровнях личностной и общественной идентичности, их смешение, представляется достаточно актуальным вызовом ближайшего будущего. Происходит размытие этих форм идентичности. Личностная идентичность дробится между цифровыми аватарами и реальной жизнью, а общественная идентичность перестает быть привязанной к географическому месту и становится платформенной.

В то же время отметим, что цифровые технологии не являются имманентным деструктором, а представляют собой мощный инструмент, который необходимо целенаправленно и осмысленно встраивать в социальную ткань. Задача общества и государства – не противостоять цифровизации, а создавать условия, при которых молодое поколение сможет гармонично интегрировать цифровую и физическую реальность, используя преимущества первой для укрепления, а не для замещения второй. Важная роль в этом процессе, в частности, должна принадлежать институтам, способным восстановить утраченную связь личности с местом, сообществом и территорией. Здесь на первый план выходит местное самоуправление, а в частности, такая его форма, как территориальное общественное самоуправление (ТОС).

Так, например, местное самоуправление будущего может представлять для современной молодёжи артефакт «настоящего», существуя в гибридной форме, где успешные лидеры – это не просто бюрократичные чиновники, а «менеджеры сообществ», «цифровые архитекторы» локальной среды, новые «герои», которые смогли превратить виртуальный активизм в реальный результат. Уже сейчас ТОС и инициативное бюджетирование становятся для молодежи не скучным собранием, а «оффлайн-платформой», аналогом краудфандинговой площадки или игры, где можно реализовать свой проект, получить признание «в реале».

Таким образом, местное самоуправление и ТОС, пройдя цифровую трансформацию, могут стать важными институтами, которые не потеряются в будущем, а, наоборот, станут главным мостом между цифровой личностью и физическим миром, в котором она живет. Создавая принципиально новую топографию для формирования «модальной личности» и осуществляя трансформацию личных предпочтений молодежи через участие в решении локальных проблем, посредством цифровой среды, данные институты будут способствовать смене роли модальной личности с пассивной на активную, формируя культуру мгновенного результата (как в приложении) и запрос на прозрачность (данные онлайн). Их успех же будет зависеть от способности гибридизироваться – предлагать актуальные и востребованные цифровые инструменты для решения оффлайн-проблем и вопросов.

Тезисы доклада подготовлены в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2025-0026, «Образы Будущего России в сознании российской молодежи: герои, артефакты массовой культуры, социальные установки и личные предпочтения»).

Жильцов С.С.
(Москва, Дипломатическая академия МИД России)

НОВАЯ КОНФИГУРАЦИЯ СИЛ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: РОЛЬ БРИКС

В последнее десятилетие в мировой политике происходят кардинальные изменения, вызванные влиянием различных факторов. Баланс сил, который сложился во второй половине XX века, оказался разрушен. Конкуренция геополитических проектов и идей ушла в прошлое, уступив место экономическим столкновениям и повышению роли военной силы в политике западных государств. Многократно возросла неустойчивость международной системы. Одним из основных факторов, который оказывает влиянием на ход мировой политики, стали экономические противоречия между ключевыми центрами силы, прежде всего США и Китаем.

Фундаментальные изменения связаны с кризисом либеральной модели экономики. Накопившиеся противоречия не могут быть разрешены в рамках действующих механизмов глобального управления. В результате, усилился конфликтогенный потенциал и роль военной силы.

В условиях возросшего давления со стороны западных государств многие страны мира стали искать альтернативные пути развития мировой экономики и политики. Одним из подобных альянсов выступает форум БРИКС+, который был образован Бразилией, Россией, Индией, Китаем и ЮАР. Данный формат отражает заинтересованность в формировании нового мирового порядка, в котором не будут доминировать страны Запада. Однако процесс этот длительный и сталкивается с серьезными трудностями. Наглядным примером является сфера, связанная с формированием альтернативной платежной системы и снижением роли доллара в мировой валютной системе.

Российские предложения о расширении расчетов в национальных валютах между странами, входящими в БРИКС+, не всегда находят поддержку у ключевых партнеров России. Зачастую это связано не с политическими факторами, а с экономическими реалиями. Например, один из основных участников формата БРИКС+ – Китай, который располагает второй по величине экономикой мира, в целом поддерживает курс на деdолларизацию мировой экономики. В то же время, китайская экономика интегрирована в мировую экономику и имеет сильную зависимость от доллара. Неслучайно в стратегических документах КНР можно найти тезисы о постепенной интернационализации юаня, но не об отказе от доллара как такового. Тем не менее Форум БРИКС представляет собой один из возможных вариантов для отстаивания незападным странам своих интересов. Его возникновение стало ответом на глобальные вызовы и стремление Запада навязать другим странам свою повестку развития и встроить их в сферу своих долгосрочных интересов.

В рамках БРИКС делаются попытки разработать альтернативную модель развития. Либеральная модель длительное время продвигалась США и Европой в качестве образца для развития. Особенностью данной модели являлось и до сих пор является то обстоятельство, что она преподносила либеральные ценности в качестве универсальных и, помимо этого, продвигала их за пределами территории западных государств.

Составной частью глобальных противоречий на современном этапе выступает так называемый украинский кризис. Отличительной его чертой является интернационализация, что четко продемонстрировало наличие противоречий между Россией и западными государствами. Интернационализация украинского кризиса означает сохранение курса Запада на реализацию конфронтационной модели отношений с Россией.

Соответственно, санкционная политика в отношении России стала носить не только характер кратковременных и точечных шагов, направленных на оказание давления на российскую сторону. Санкции превратились в долгосрочную и всеобъемлющую стратегию Запада, который поставил задачу оказать на Россию экономическое давление и снизить ее геополитическую роль в мире. Аналогичное давление Запад стремится оказать на Китай и Индию, добиваясь от них безусловной поддержки антироссийских санкций. В этих условиях страны, входящие в БРИКС, могут расширить взаимодействие, вырабатывая скоординированные действия против давления Запада.

Расхождения в концептуальных оценках будущего мироустройства усложняют текущий формат отношений. На современном этапе доминирующей формой выступают гибкие многосторонние форматы, в рамках которых происходит поиск общих точек соприкосновения. В этом свою роль может сыграть БРИКС. Подобное взаимодействие имеет значительные перспективы, обеспечивая возможности создания альтернативных форм сотрудничества в политической и экономической сферах. В то же время подобные формы создают определенные риски, которые заключаются в дефрагментации современного мира.

Жуйкова Е.И.
(Москва, МГИМО МИД России)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США: ДВОЙСТВЕННОСТЬ, КОНЦЕПЦИИ И ДОКТРИНЫ

Внешняя политика Соединенных Штатов Америки носит крайне сложный и довольно противоречивый характер. Ее двойственность проявляется как в процессе выработки единого политического курса, так и в непосредственных действиях страны на международной арене. США являются одним из главных архитекторов системы международных отношений и международного права, и тем не менее американские политики активнее всех стремятся оградить себя от нежелательного применения мер ограничительного характера по отношению к ним самим. Внешнеполитический курс США идейно мотивирован желанием распространить демократические западные ценности и идею свободы повсеместно, однако на практике они часто отвергаются в угоду прагматизма и необходимости сотрудничества с недемократическими режимами ради реализации национальных целей. Неоднозначность и двойственность внешней политики США свидетельствуют о плюралистичном и непоследовательном процессе принятия решений, которые становятся предметом споров среди различных групп интересов. Стратегические цели внешней политики Америки претерпевают изменения в ответ на глобальные кризисы, при этом главной целью «большой стратегии» было и есть предотвращение появления еще одной сверхдержавы, в том числе препятствование возвышению Китая, пресечение развития потенциала Индии и сдерживание России. При этом внешняя политика США носит циклический характер и зависит от того, какая партия находится у власти в конкретный момент – Республиканская или Демократическая. Хотя их подходы и варьируются в методах, основополагающие цели и стратегические приоритеты значительных изменений не претерпевают.

Взгляды и демократов, и республиканцев вписываются в четыре основные теоретические школы, названные в честь крупных американских государственных деятелей, заложивших своими воззрениями и действиями фундамент концептуального осмысле-

ния внешней политики Америки: гамильтонианство, джефферсонианство, вильсонианство и джексонианство. Первый подход отстаивает модель торговой державы, основанной на сотрудничестве сильного правительства с отечественными корпорациями. Внешняя политика в таком случае не является «игрой с нулевой суммой», а напротив, представляет собой возможность для других государств получить выгоду от вступления в новую колониальную систему, центром которой станут США.

Сторонники Джефферсона в своих убеждениях отталкиваются от главной американской ценности – свободы, и необходимости сохранить ее. Они убеждены, что построение демократии в отдельно взятой стране должно являться приоритетом, а вмешательство США в глобальные конфликты ставит под угрозу демократическое развитие государства.

Вильсонианство провозглашает моральный долг США положить конец угнетению и несправедливости посредством распространения демократии и построения либерального международного порядка через многосторонние институты. В данном контексте любые американские войны рассматриваются как «священные», а сама внешняя политика выступает не как способ обогащения или защиты личных интересов, а как моральная дилемма и вопрос долга. В противоположность этому, джексонианство отвергает гуманитарные интервенции, так как они могут лишь навредить экономическому положению американского среднего класса, но предусматривает применение силы в ответ на прямые вызовы национальной безопасности.

Демократы демонстрируют приверженность вильсонианскому интернационализму, делая акцент на важности многосторонних структур в продвижении идеи свободы, гамильтонианской экономической интеграции и джефферсонианству, являясь сторонниками умеренного подхода в вопросах военных интервенций. Республиканцы же опираются на силовой прагматизм Джексона и идеи экономического доминирования Гамильтона, что делает их подход к дипломатии транзакционным. Таким образом, политику США на данном этапе стоит понимать не столько через призму конкуренции двух партийных доктрин, сколько посредством анализа комбинации различных аспектов четырех внешнеполитических школ, которые и определяют динамичный и противоречивый характер американской политики на международной арене.

Журавлев Д.А.
(Москва, Финансовый Университет при Правительстве РФ)

МЕСТО РОССИИ В ЧЕТЫРЕХПОЛЮСНОМ МИРЕ В УСЛОВИЯХ СВО

В XX–XXI веках мир последовательно прошёл три эпохи: двуполярного мира – конструкции устойчивой, но конфронтационной, которая неизбежно должна была привести мир к кризису, либо ядерной войне, либо к поражению одной из сторон, что и произошло. СССР перестал существовать. На его обломках появился однополярный мир, в котором все вопросы решает Запад, а в конечном счете англосаксонские элиты – конструкция ещё более неустойчивая, чем предыдущая. Лидерство Запада само сформировало антизападный фронт. Но главное даже не в этом. Единоличное лидерство – слишком дорогое удовольствие, оно легло слишком тяжелым бременем на экономики Запада, в первую очередь США и Великобритании. За политическое мо-

гущество Запад заплатил экономическим могуществом. Силы остались, а однозначное лидерство в экономике исчезло. В результате заявку на экономическое лидерство сделал Китай, резко возрастает экономическое могущество Индии. Россия, никогда не отказывавшаяся от самостоятельной роли, при президенте Путине без видимого напряжения вернула себе позицию одного из лидеров мира. Запад же, ослепленный иллюзией всемогущества, стал подменять рациональные цели идеологическими, а зачастую пропагандистскими установками. Эффективность воздействия Запада на мир резко снизилась, а авторитет Запада ослаб настолько, что нигде, кроме него, о лидерстве Запада уже не говорят. Однополярный мир без видимых кризисов исчез. Запад все ещё могуществен, но уже не всемогущ.

Мир переходит от однополярности и даже биполярности к квадриполяризму, где ни одна страна или группа стран не имеет абсолютного преимущества над всеми остальными. Баланс смещается, возникают новые формы коалиций и соглашений, основанные на совместимых интересах и целях.

В мире возникло четыре полюса: США, Китай, Россия и Индия. Причем нужно помнить, что ни один из полюсов не может, несмотря на все свое могущество, подмять под себя соседей, создать макрорегион, в котором они будут доминировать, а от всего остального мира отгородиться забором, как в Средневековье. Этого не позволит современная экономика. Любое серьезное производство носит глобальный характер. И без обладания таким производством претендовать на лидерство в современном мире нельзя. Так что раскол мира на четыре абсолютно не связанных мира-острова невозможен. А значит, четыре полюса обречены на взаимодействие, причем диалектическое. С одной стороны, все полюса конкурируют друг с другом за более значимое место в четверке. И конкуренция эта жесткая, вплоть до санкций и силовых действий – слишком велик приз в этой борьбе: победитель получает многое, побежденный теряет все, как это случилось с Европой. С другой стороны, они вынуждены вступать в союзы, иначе невозможно находить решения по ключевым вопросам. И именно эта способность и необходимость заключать союзы отличают четырехполюсный мир от двухполюсного. В мире с двумя полюсами существенные изменения невозможны – даже если полюса поменяются местами, структура останется прежней. В четырехполюсном мире возможны различные союзы, которые легко сменяют друг друга. Мы вступаем в эпоху, когда стратегические интересы великих держав будут выражаться тактическими союзами этих держав между собой, в эпоху постоянной изменчивости, где нет ничего постоянного, кроме интересов. И здесь будущее будет определяться тем, кто и как первым сменит союзников. США, например, создавали союз с Индией как противовес союзу России и КНР.

Но сегодня возникла уникальная ситуация: сбывается мечта Примакова – формируется тройственный союз России, КНР и Индии, не против США, но без участия США.

Но почему это стало возможно? Ведь до сих пор это никому не удавалось. На наш взгляд, дело в СВО. Мы недооцениваем значение СВО как геополитический фактор, сосредоточившись на военном (победа над агрессором) и гуманитарном аспекте (защита людей).

А между тем геополитическое значение СВО велико: это единственная победоносная операция последнего полувека. Сам факт её проведения доказывает, что Россия сохранила и даже приумножила потенциал великой военной и экономической державы. И китайцы с индусами учли это.

Остается лишь один вопрос: хватит ли потенциала для формирования устойчивого союза? Но думается, что ответ на этот вопрос мы получим в ближайшие годы.

Завершинский К.Ф.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

САКРАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ КАК СПОСОБ «СОХРАНЕНИЯ ПРОШЛОГО» В НАСТОЯЩЕМ: ТЕМПОРАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ

Феномену сакрализации политики как значимого компонента ценностно-нормативного обоснования политической реальности и ее роли в обеспечении социокультурной преемственности в политической эволюции сообществ посвящено множество работ в предметной области политической науки, политической философии и антропологии политики. Однако в современных политологических исследованиях феномена политической сакрализации доминирует установка на изучение «религии в политике». Не подвергая сомнению научную значимость и академическую продуктивность подобных исследований, важно учитывать и другие, альтернативные способы наблюдения процесса сакрализации политики. Отталкиваясь от антропологической посылки, что «центральные понятия сакрализации *происходят из политики* и, перемещаясь в процессе сакрализации с земли на небо» (в трансцендентное), всегда включают некий «освободительный прорыв» от господства (*Политическая теология между Египтом и Израилем*), можно теоретически скорректировать существующие социологические и политологические экспликации феномена политической сакрализации.

Прежде всего, следует учитывать, что, несмотря на присутствие традиционной религиозной сакрализации в практиках легитимации современных политических сообществ, она существует в пространстве темпорального режима Нового времени и растущей гетерогенности символических репрезентаций социального времени под влиянием коммуникативных технологий цифровизации. Традиционная религиозная сакрализация возникла в результате политики, породившей коммуникативный режим «абсолютного времени», где «Божественное» при всех трагичных поворотах «предшествует священному» (*Жирар Р. Завершить Клаузевица*). Политические коммуникации Нового времени десакрализировали божественный Абсолют и привели к деконструкции темпорального режима «божественной вечности», который распался на вариативные *прошлое* и *будущее*, определяемые «абсолютными» событиями конфликтного политического настоящего.

Рассмотрение влияния структуры вариативных временных режимов политической памяти общества, процессов символического «повторения», «артикулирования», «управляемости» (*Torres F. Temporal regimes: materiality, politics, technology*) на специфику процессов сакрализации позволяет провести сравнительный анализ природы существующих, на наш взгляд, особенностей и конфликта религиозных, имперских, советских и просоветских нарративов сакрализации, вариативных в своих темпоральных проекциях, в национальной памяти современной России.

Сакрализация современной политики, как полагают исследователи, работающие в русле современной культурсоциологии политики, выход ее за пределы профанного, происходит в результате динамики коллективных ожиданий, связанных с радикальными качественными изменениями в природе политической активности и символической инфляцией «первичных» культурных ценностно-нормативных обязательств, регулирующих политическую власть, что выводит политику за рамки обыденности и делает ее «необычной» (*Alexander J. C. The meanings of social life: a cultural sociology*). Сакральное событие как завершение череды сакральных событий может быть отнесено к разряду абсолютных событий, которое не может опираться только на традиции прошлого, по-

скольку оно одновременно «есть *иное общество», «иное в обществе» и «сердцевина социальности»*, обретающее посредством регулярной ритуальной реактуализации статус настоящего, сплачивая общество, вовлекая его членов в коллективное действие (*Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода*).

В контексте обозначенных теоретических посылок, произошедший в современной России поворот к поиску традиционных ценностно-нормативных оснований политического процесса можно рассматривать как стремление представителей политических элит и солидарно ориентированных групп общественности преодолеть системный кризис, вызванный рисками тотальной десакрализации политико-культурных оснований российского общества, «великолепной ложью индивидуализма» (*Жирар Р. Завершить Клаузевица*), репрезентированной в ценностно-нормативном проекте политического либерализма. Российский политический социум в настоящее время сталкивается с внутренними и внешними рисками и ценностно-нормативными экзистенциальными вызовами, ответ на которые требует не только эффективного целедостижения и последовательной реализации национальных интересов, но и культивирования таких символических структур политической сакрализации, которые способны не только обеспечить темпоральную комплементарность уже существующих нарративов сакрализации, но и обладающих «освободительным прорывом» российской цивилизации в солидарное настоящее и будущее.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309, https: //rscf.ru/project/24-28-01309/

Загидулина Д.В.
(Москва, РУДН)

РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПРИНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Российская Федерация представляет собой уникальное многонациональное государство, объединяющее 195 национальностей[70] с различными культурными традициями, языками, религиозными убеждениями и историческим опытом. Эта этнокультурная мозаика создает особые вызовы для процессов цифровизации государственного управления, особенно в контексте автоматизации принятия политических решений с помощью искусственного интеллекта (далее – ИИ).

Основная проблема алгоритмизации политических решений в многонациональном государстве заключается в том, что алгоритмы по своей природе стремятся к унификации и стандартизации. Они работают на основе четко определенных параметров и логических конструкций, которые могут не учитывать культурную специфику различных регионов и этнических групп.

Например, алгоритм ИИ, разработанный для оптимизации социальной политики, может основываться на усредненных показателях благосостояния, демографических трендах и экономических индикаторах. Однако такой подход может игнорировать особенности традиционного уклада жизни коренных народов Севера, специфику горных

[70]Отчет «Народы и этногруппы России по данным Всероссийской переписи 2020 года». Режим доступа: Электронный ресурс URL: https://znanierussia.ru/ дата обращения 30.08.2025

регионов Кавказа или уникальные социально-экономические модели республик Поволжья.

Многоязычие России создает дополнительные технические и социальные барьеры для внедрения автоматизированных систем принятия решений. Большинство современных алгоритмов обработки естественного языка оптимизированы для работы с русским языком, что может привести к неадекватному анализу общественного мнения в регионах, где активно используются национальные языки.

Это создает риск цифрового неравенства, когда мнения и потребности носителей миноритарных языков могут быть недостаточно учтены в автоматизированном анализе социально-политических процессов. Алгоритм может неправильно интерпретировать культурно-специфические концепты или упустить важные нюансы, выраженные на национальных языках.

Россия является многоконфессиональным государством. Каждая из представленных в стране конфессий имеет свои этические принципы и представления о справедливости, которые могут кардинально различаться. Автоматизированные системы, основанные на формальной логике и математических моделях, могут конфликтовать с религиозными убеждениями определенных групп населения. Например, алгоритм оптимизации здравоохранения может предложить решения, противоречащие религиозным представлениям о медицинском вмешательстве, или система социального обеспечения может не учитывать специфические потребности религиозных общин.

Федеративное устройство России предполагает значительную степень региональной автономии, особенно в республиках с преобладанием титульных этносов. Эта автономия включает право на собственное законодательство, культурную политику и социально-экономическое развитие с учетом местных особенностей. Централизованные алгоритмические системы могут вступать в противоречие с принципами федерализма, навязывая унифицированные решения регионам с различными потребностями и приоритетами. Это может привести к усилению центробежных тенденций и росту межэтнической напряженности.

На основании вышеизложенного представляется необходимым использовать концептуальную модель, которая базируется на принципе субсидиарности и предполагает реализацию автоматизированного принятия решений по схеме «снизу вверх», что соответствует конституционным принципам федеративного устройства Российской Федерации. Согласно такой модели, на муниципальном уровне должен осуществляться первичный сбор и обработка локальных данных с использованием алгоритмов машинного обучения. Далее, на региональном – тактическом уровне требуется формировать агрегированную матрицу решений на основе данных муниципальных образований, что позволяет выявить региональные тенденции и оптимизировать распределение ресурсов с учетом территориальной специфики.

На федеральном – стратегическом уровне решения касаются долгосрочных целей и стратегий государства. Федеральный уровень определяет стратегические параметры и целевые функции на основании алгоритмических систем нижестоящих уровней, обеспечивая единство государственной политики при сохранении региональной специфики.

Интегрированная система поддержки принятия решений должна обеспечивать митигацию описанных выше рисков использования алгоритмов и ИИ при принятии политических решений в условиях разнообразных социокультурных аспектов России и ее общества.

Публикация выполнена в рамках Государственного задания № FSSF-2025-0012 «Искусственный интеллект в экосистеме политического управления человеческим капиталом российской молодежи: стратегии и риски».

Зазнаев О.И., Кузнецов Я.П.
(Казань, КФУ)

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕШЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕФЕРЕНДУМОВ В ШВЕЙЦАРИИ: «ЗАКОУЛКИ» И «ТУПИКИ»

Считается, что институты прямой демократии обеспечивают более эффективную реализацию воли граждан по сравнению с институтами представительной власти в силу непосредственного влияния на политический процесс. Однако нередки ситуации, когда курс правительства, внешнеполитическая или внутриполитическая реальность становятся серьезными «барьерами» в реализации решений референдумов, которые либо «плутают» по политическим «закоулкам», либо заходят в «тупик».

Особый интерес здесь представляет Швейцария, где практика референдумов является отличительной чертой политической системы этой страны. Граждане Швейцарии имеют право голосовать на обязательных референдумах по вопросам пересмотра конституции или присоединения страны к международным организациям, оспаривать с помощью факультативного референдума законопроекты властей и даже выдвигать на всенародное голосование собственные инициативы по изменению законодательства. Однако, несмотря на большой опыт прямой демократии в Швейцарии, иногда воля граждан становится неосуществимой на практике или противоречит политике, проводимой правительством страны.

Одним из примеров «тупиковой» ситуации является обязательный референдум 1992 г. о присоединении Швейцарии к Европейскому союзу, ставший следствием политики правительства по интеграции в европейские структуры. Несмотря на то, что на голосовании с небольшим отрывом победили противники присоединения к ЕС, Швейцария фактически сохранила курс на евроинтеграцию через «канал» двусторонних соглашений. На сегодняшний день отношения между Швейцарией и ЕС регулируются более чем 120 сложными двусторонними соглашениями, что делает Конфедерацию одной из наиболее интегрированных с ЕС стран.

Своеобразным «тупиком» прямой демократии в Швейцарии стала одобренная на референдуме 2003 г. реформа избирательных прав граждан, согласно которой избиратели могли выдвинуть через народную инициативу изменение закона или конституции в форме общего предложения, а не конкретного законопроекта. Это означало, что инициаторы могли не предоставлять проект с конкретным текстом изменений, возлагая эту задачу на парламент. Но из-за того, что юридическая техника не позволяет реализовывать народные инициативы абстрактного характера, решение референдума 2003 г. так и не вступило в силу и было отменено по результатам обязательного референдума в 2009 г.

Помимо системных факторов на вступление в силу принятых на референдумах решений могут влиять внутренние и внешние политические акторы. Референдум 2014 г. об ограничении миграции, инициированный входящими в швейцарское правительство правыми популистами, изначально не был одобрен остальными партнерами по коалиции, поскольку ставил под угрозу отношения страны с Европейским союзом. Предложенный проект включал ограничение выдачи видов на жительство и ужесточение условий для его получения, регулирование квот для работающих иностранцев в соответствии с интересами граждан Швейцарии и приоритет миграционного законодательства над международными соглашениями. Инициатива была одобрена боль-

шинством голосов на референдуме, и швейцарское правительство, несмотря на свое несогласие с законопроектом, обязалось имплементировать поправки к миграционному законодательству. Однако окончательный вариант правок носил смягченный и компромиссный характер: вместо прописанных квот работодателям предписывалось при найме отдавать предпочтение гражданам Швейцарии, а не иностранцам; для получения вида на жительство иностранцам нужно было продемонстрировать, что они интегрированы в швейцарское общество. Иными словами, произошло искажение воли народа, поскольку принятые меры отличались от тех, за которые голосовали граждане.

Таким образом, прямая демократия не гарантирует отражения воли народа, а имплементация ряда принятых на референдумах решений становится невозможной или осуществляется в искаженном виде. Случай Швейцарии показывает, что предпочтения граждан могут противоречить политике властей, из-за чего последние пытаются добиться реализации своих инициатив в обход решений референдума, а принятые гражданские инициативы могут быть реализованы в ином, измененном виде.

Зайцев С.Ю.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ФУНКЦИИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ В ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ «ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ»

Концепция «великих держав» является традиционной и укоренившейся для теории международных отношений. Сотрудничество и коалиции между «великими державами» являлись основной реакцией на анархическое состояние международной системы в различные периоды времени.

Одним из важнейших исследований по этой теме стала работа американского историка Пола Кеннеди «Взлеты и падения великих держав», впервые опубликованная в 1987 году. Согласно Кеннеди, основой лидерства разных стран и критерием отнесения их к «великим державам» является способность накопления ими богатства и обеспечения экономического роста, которые смогут поддерживать их военную мощь, направленную на экспансию и контроль над территориями. Создание и содержание сильных вооруженных сил должно сопровождаться и поддерживаться экономическим развитием страны, крепкой финансово-банковской системой, промышленной базой и т. п. Смена доминирующих «великих держав» происходит, с одной стороны, из-за исчерпания экономических ресурсов и возможностей поддерживать военную мощь, а с другой – из-за технологических и организационных прорывов конкурентов. Развитие технологий и управление ресурсами обеспечивается предпринимателями и их конкуренцией друг с другом, а также через взаимодействие институтов государства с крупными корпорациями.

Ряд исследователей в качестве современных «великих держав» выделяют США, Китай и Россию. Функции по развитию технологий, управлению ресурсами и экономической экспансии (через интернализацию, открытие производственных мощностей и филиалов за рубежом, переток инвестиций и др.) для современных «великих держав» выполняют крупные ТНК – как частные, так и государственные. Именно ТНК чаще всего осуществляют разработку и внедрение новых технологий, обеспечивающих конкурентные преимущества страны базирования, являются держателями патентов на отдельные технологии и направления, в том числе связанные с вооружениями. И если

ранее можно было говорить об отдельных корпорациях как участниках военно-промышленного комплекса, то с развитием цифровых технологий «гражданские» IT-компании стали активно взаимодействовать с военными ведомствами, например, через сбор и анализ данных, составление карты территорий (приложение Google Maps) или через участие в разработке вооружений на основе искусственного интеллекта.

Таким образом, мы можем выделить следующие функции ТНК. Во-первых, ТНК как акторы, обладающие финансовыми, материальными и иными ресурсами, являются ключевой составляющей для обеспечения экономического роста и накопления богатства страны базирования. Этому способствует их возможность аккумулировать ресурсы, накапливать компетенции и занимать доминирующее положение в отраслях специализации. Следовательно, у государства возникает необходимость поиска эффективных моделей взаимодействия и сотрудничества с руководством ТНК для поддержания экономического роста и развития отдельных отраслей экономики. Кроме того, в некоторых случаях, через субсидии и государственную поддержку, правительство стимулирует ТНК к работе в стратегически важных отраслях, имеющих ограниченный потенциал для получения прибыли или окупаемости инвестиций в начальном цикле инвестирования.

Второй функцией ТНК является распространение влияния страны базирования на политику и экономику других стран через открытие филиалов, создание производств или сети поставщиков. Кроме того, распространение практики франчайзинга способствовало не только увеличению количества филиалов, работающих под единым брендом корпорации, но и снижению политических и экономических рисков для штабквартиры, которые на период действия франшизы несут местные владельцы.

К третьей функции ТНК в концепции «великих держав» можно отнести их возможности участия в развитии военной сферы и вооруженных сил. В своей работе П. Кеннеди заявляет, что такое влияние опосредовано и осуществлялось исключительно через поддержку экономического роста и перераспределения государством доходов от него в пользу укрепления военной мощи. Однако на современном этапе можно говорить о прямом взаимодействии военных ведомств с крупными ТНК. Это относится и к промышленным корпорациям, которые осуществляли такое взаимодействие на протяжении почти всего XX века, и к современным цифровым корпорациям.

Четвертая функция ТНК заключается в развитии технологий для поддержания военной мощи и сохранения преимущества перед конкурирующими державами. На современном этапе такую важность приобрел широкий спектр цифровых технологий, включающих искусственный интеллект и робототехнику. В этой сфере разворачивается конкуренция «великих держав» за получение преимущества и достижение монополии путем поддержания, с одной стороны, военных ведомств и научных учреждений, а с другой – крупных корпораций. Например, в США такими ТНК являются Microsoft, IBM и др., в Китае – Alibaba, Baidu, Tencent, в России – «Яндекс», «Ростехнологии».

Закаблуковский Е.В.
(Нижний Новгород, НГПУ им. К. Минина)

СЦЕНАРНЫЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ: ОТ «ЦИФРОВОГО КОНФОРМИЗМА» К «ЦИФРОВОМУ ПРОТЕСТУ»

Политическое участие молодежи в современной России все больше опосредуется цифровой средой. Последняя становится не просто каналом коммуникации, а ключевой ареной, где формируются поведенческие модели, ценностные установки и формы гражданской активности. В докладе представлен сценарный анализ возможных траекторий трансформации этого участия, основанный на двух полярных концептах: «цифрового конформизма» и «цифрового протеста».

Под «цифровым конформизмом» мы понимаем лояльное, санкционированное государством онлайн-поведение: участие в официальных патриотических акциях, потребление контента государственных СМИ и провластных блогеров, а также использование государственных цифровых платформ для самореализации (например, «Россия – страна возможностей»). Эмпирической базой для анализа этого тренда служат данные социологических опросов (ВЦИОМ, ФОМ), фиксирующие высокий уровень доверия молодежи к президенту и государственным институтам, а также статистика вовлеченности в проекты экосистемы «Росмолодежь».

«Цифровой протест», в свою очередь, включает в себя потребление альтернативной информации (через Telegram-каналы, YouTube, TikTok, Instagram[71]), использование VPN-сервисов для обхода блокировок, участие в несанкционированных онлайн-дискуссиях и флешмобах. Микросоциологический анализ данных из социальных сетей и качественные исследования (глубинные интервью) показывают, что, несмотря на внешнюю аполитичность, в молодежной среде существует значительный пласт критически настроенных граждан, формирующих «скрытую» повестку дня.

Будущее соотношение этих двух моделей не предопределено и зависит от двух ключевых, но неопределенных факторов: эффективности государственной политики по регулированию интернет-пространства и динамики социально-экономической ситуации в стране. На пересечении этих двух осей строятся четыре вероятных сценария развития политического участия молодежи.

Сценарий «Управляемый патриотизм» (жёсткое регулирование + социально-экономическая стабильность). В этом сценарии доминирует модель цифрового конформизма. Государство успешно замыкает молодежную онлайн-активность на подконтрольных платформах (VK, Rutube). Протестные настроения маргинализируются и вытесняются в узкие ниши, не оказывая влияния на общую повестку. Политическое участие носит преимущественно ритуальный и демонстративный характер.

Сценарий «Цифровые партизаны» (жёсткое регулирование + социально-экономический кризис). Экономические трудности снижают привлекательность конформистских моделей. Несмотря на усиление контроля, цифровой протест не исчезает, а становится более технологичным и скрытым: используются анонимные сети, криптомессенджеры и децентрализованные платформы. Формируется поляризованное онлайн-пространство, где «партизанские» методы распространения информации противостоят государственной пропаганде.

[71]Социальная сеть, принадлежащая корпорации Meta (признана в РФ экстремистской организацией и запрещена)

Сценарий «Плюрализм цифровых ниш» (мягкое регулирование + социально-экономическая стабильность). Ослабление госконтроля и экономическое благополучие приводят к деполитизации большинства молодежи. Интернет-пространство фрагментируется на множество аполитичных и субкультурных «ниш». Политическое участие становится уделом небольших групп по интересам. Ни конформизм, ни протест не являются доминирующими моделями; преобладает гражданская пассивность.

Сценарий «Мобилизационная волна» (мягкое регулирование + социально-экономический кризис). Наиболее взрывоопасный сценарий. Сочетание экономических проблем и свободы в интернет-пространстве создает условия для быстрой кристаллизации и распространения протестных идей. Цифровые платформы становятся инструментом массовой мобилизации, способным в короткие сроки вывести протест из онлайн в офлайн-пространство.

В настоящее время мы наблюдаем признаки, указывающие на движение в сторону сценария «Цифровые партизаны». Продолжающееся усиление регуляторного давления в сочетании с потенциальными социально-экономическими вызовами создает напряжение, которое находит выход в альтернативных цифровых каналах.

В итоге микросоциологический анализ и сценарный подход позволяют сделать вывод, что цифровая среда является не просто отражением, а активным фактором формирования вариантов политического участия молодежи. Задача политологии – не только фиксировать текущее состояние, но и моделировать вероятные варианты будущего, оценивая риски и возможности каждой из траекторий.

Закиров А.Р., Зарипова А.Р.
(Казань, КФУ)

ОНЛАЙН-РЕЕСТРЫ КАК ЦИФРОВОЙ ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОББИЗМА

С момента принятия первого закона о лоббизме в 1946 г. (США) прошло 80 лет, а дискуссии о необходимости регулирования механизмов влияния групп интересов на государственные структуры в процесс принятия решения не теряют остроты. Консенсуса общественности не удалось достичь не только по вопросам этики и конфликта интересов, но и эффективности существующих практик обеспечения прозрачности взаимодействия групп интересов и властных структур. Это ставит перед представителями академического сообщества проблему исследования опыта государств, которые прошли или находятся на этапе формальной институционализации лоббистской деятельности. Стоит отметить, что повсеместное распространение лоббизма и высокий уровень неформальной институционализации в современных политических системах не всегда означает, что лоббистская деятельность вписана в правовые рамки. По данным ОЭСР, в 40 государствах предпринимаются попытки формального регулирования лоббизма (разной степени успешности). Следующим шагом после определения правовых рамок этой деятельности является сбор информации об основных участниках лоббистского взаимодействия, их сферы интересов и интеракции, которые отображаются в виде некоторых публичных или непубличных списков.

В условиях цифровизации распространение получает практика создания реестров, обеспечивающих прозрачность интеракции лоббистов и государственных структур. Сегодня в мире 28 государств внедрили онлайн-цифровые реестры в качестве инстру-

мента регулирования лоббистской деятельности. Несмотря на то, что лоббизм по своей природе является деятельностью, основанной на конфиденциальной информации, мы наблюдаем активное внедрение цифровых инструментов обеспечения прозрачности лоббизма, направленное на раскрытие данных о личности лоббиста и его действиях. Современные цифровые реестры представлены онлайн, поэтому содержащаяся в реестрах информация становится доступна не только государственным структурам, но и заинтересованной общественности и исследовательскому сообществу. Реестры позволяют гражданам, исследователям и политикам отслеживать стратегии лоббистов, следовательно, оценивать, вписываются ли действия лоббистов в этические рамки. Еще одним аспектом, требующим внимания, является то, что реестры разрабатываются не только для повышения прозрачности и общественного доверия к правительству, но и упрощения коммуникации властных и лоббистских структур и снижения рисков и издержек такой коммуникации для всех участников.

Предоставляемая в реестре информация напрямую зависит от правовых норм, требующих создания и ведения реестров лоббистов и лоббистской деятельности. Они могут представлять собой каталог лоббистских фирм (Нидерланды) или связанный набор данных о встречах лоббистов (Канада) и содержать финансовые показатели деятельности (США).

Например, в Австралии, Германии, Чили реестры представлены в виде сайта с удобной навигацией, функционирующей в виде поисковой системы, где содержится информация о зарегистрированных группах, с указанием имен лоббистов и организаций, которые они представляют. Аналогичные формы раскрытия сведений предполагают публикацию дневников, содержащих записи о встречах государственных чиновников с лоббистами, и предоставляют дополнительную информацию о темах и характере лоббирования (например, Великобритания, Румыния и Эстония). В Чили кроме данных лоббистов в реестр включаются поездки государственных служащих, протоколы встреч, выделенные пожертвования и повод их получения.

Важно уделить внимание тому, какой орган администрирует, ведет реестр и отслеживает список лоббистов и их деятельность. Зачастую задача по регистрации лоббистской деятельности возложена на государственные структуры, с которыми взаимодействуют лоббисты. В ранее упоминаемом чилийском реестре, действующем на основе Закона №20.285, регистрация информации может производится предварительно на основе добровольно поданных лоббистами данных или государственными служащими после аудиенции или собрания. Также в законе указывается требование обновлять данные в первый рабочий день каждого месяца.

Таким образом, функционирование реестров лоббистов определяется характером раскрываемой информации (акторы, чья деятельность подлежит регистрации; сведения об их деятельности) и порядком его наполнения (регулярность внесения информации; санкции за несоблюдение правил регистрации). Разнообразие реестров и их активное распространение свидетельствует о том, что такая форма контроля за лоббистской деятельностью является следующим шагом в ее институционализации. Развитие онлайн технологий и инструментов цифрового правительства ускоряет внедрение цифровых реестров как инструмента обеспечения прозрачности и снижения рисков лоббизма как для самих лоббистов, так взаимодействующих с ними государственных акторов.

Зарипов Н.А.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Российский парламентаризм за более чем 30-летнюю историю своего развития накопил богатый материал, позволяющий исследователям сделать выводы о закономерностях внутренних политических процессов и взаимодействии Федерального Собрания с другими институтами политической системы. Ученые на почве отечественного законотворчества разрабатывают теории элит, групп интересов, партийных систем, сетевых сообществ, субститутов, немажоритарных институтов и т. д.

Акторы, выступающие участниками упомянутых теорий, рассматриваются в контексте следования «правилам игры» в неоинституциональном понимании. Сами правила в академической дискуссии осознанно представляются как рамки законотворчества и в редких случаях служат объяснением особенностей и результатов последнего. При этом опыт институциональной трансформации Государственной Думы, выраженной в нормах Регламента, показал, что правила выступают предметом поиска компромисса между участниками парламентских процессов, а последствия их изменений приводят к трансформации политического поведения депутатов и отдельных структур (комитетов, Совета Думы, Правительства и т. д.), результатов работы самого парламента и его места в политической системе страны. Для изучения направлений, по которым правила могут влиять на законотворчество, можно использовать определение «институциональные факторы».

Важно отметить, что интерпретация механизмов влияния правил игры является предметом долгих дискуссий между представителями институциональных теорий: социологический институционализм рассматривает их как причины взаимодействия акторов, дополненные когнитивными установками и системами значений, в то время как институционализм рационального выбора понимает их как условия, в которых акторы стремятся эффективно достичь собственных целей. В том или ином виде оба подхода сходятся во мнении, что институциональными факторами можно считать формальные правила, оказывающих влияние на политический процесс и результаты взаимодействия между его участниками. Данное определение позволяет преодолеть ограничения как социологического, так и рационального подходов, предоставляя исследовательский инструментарий для обоих направлений.

Политические свойства институциональных факторов проявляются в различных аспектах парламентской деятельности: уровне автономности комитетов, формальных правах оппозиционных фракций, механизмах контроля над законодательной повесткой дня, распределении времени как политического ресурса. Особое значение имеет процесс изменения норм регламента, который также может рассматриваться как институциональный фактор, влияющий на трансформацию фактических правил игры внутри института.

Для эмпирического измерения влияния институциональных факторов предлагается использовать статистические метрики законотворчества и показатели сетевого взаимодействия депутатов. К первой группе относятся скорость рассмотрения законопроектов, количество и доля вносимых различными субъектами инициатив, доля принятых законопроектов. Вторая группа включает меры модулярности и плотности

сетей сотрудничества, а также центральности узлов с различными парламентскими статусами.

Предложенная концептуализация дополняет существующие подходы к сравнительному анализу политических систем процедурными и формальными особенностями развития парламента как института политической борьбы. Подобная рамка может быть использована для интерпретации парламентских процессов с точки зрения политического влияния формальных правил и создания механизмов комплексного анализа фактической роли различных акторов в законотворчестве.

Захарова Е.А.
(Москва, МГИМО МИД России)

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РАСКОЛЫ НА КАРТЕ ФРАНЦИИ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ В ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ И В НАЦИОНАЛЬНУЮ АССАМБЛЕЮ 2024 ГОДА

Прошедшие в 2024 г. выборы в Европейский парламент, на которых значительную поддержку получили правые и ультраправые партии, смены глав правительств Франции на фоне не самой удачной пенсионной реформы, отсутствие большинства в Национальной Ассамблее у партии Эммануэля Макрона подвигли президента V Республики распустить французский парламент и назначить внеочередные выборы, которые состоялись в период с 29 июня по 7 июля 2024 г. Несмотря на чаяния президента, по итогам выборов большинство (хотя и не абсолютное) получил «Новый народный фронт». Тем не менее, премьер-министром стал Франсуа Байру – лидер партии «Демократическое движение», оставшейся верной коалиции «Вместе за Республику» как на выборах 2022, так и 2024 г. Одновременно с этим 31 марта 2025 г. Марин Ле Пен была приговорена к четырем годам лишения свободы, а также на нее был наложен запрет на участие в выборах в течение пяти лет, что не дает ей возможности участвовать в президентской кампании 2027 г. Национальная Ассамблея расколота на три непримиримых блока: на левых, правых и макронистов. Кроме того, на 8 сентября назначено голосование о доверии правительству уже Ф. Байру, в частности, из-за готовности обязать граждан и компании с наибольшими доходами приложить дополнительные усилия для сокращения дефицита бюджета. Раскол в Национальной Ассамблее сохраняется, а если премьер уйдет в отставку, то либо будет назначен новый глава правительства, либо парламент будет вновь распущен и будут назначены новые выборы.

Эти события заставляют задаться вопросом о том, как голоса распределяются по департаментам континента, есть ли такие же расколы и на карте Франции, какие есть внутри Национальной Ассамблеи.

Во-первых, с точки зрения «эффекта соседства» и расчетов индекса Морана, можно констатировать, что на выборах 2022 г. (президентских и парламентских) индекс Морана был для трех основных сил достаточно высоким: для «Национального Объединения» его значения равны 0,535 и 0,536 соответственно, для левых в лице «Непокоренной Франции» – 0,452 и 0,531, а для макронистов уже ниже и составил значения 0,427 и 0,367 соответственно, а значит, можно говорить о роли пространственного фактора на выборах 2022 г. К выборам же 2024 г. индекс Морана на выборах в Европарламент был также высок: для правых – 0,582, левых – 0,557, для макронистов –

0,478, чего нельзя сказать о выборах в Национальную Ассамблею 2024 г., поскольку индекс Морана был высок только при голосовании за левых (0,495), а для правых он снизился до 0,321 и макронистов до 0,155.

Во-вторых, при построении локальных индикаторов пространственной автокорреляции были выявлены кластеры высокой и низкой поддержки каждого из трех блоков. Так, Э. Макрон и его партия получают высокий уровень поддержки преимущественно на северо-западе Франции, а на выборах в Европарламент 2024 г. отчетливым стал и кластер низкой поддержки в юго-восточных департаментах. Кластер поддержки М. Ле Пен же, наоборот, размещается на юго-востоке Франции, а также выделяется стабильный кластер поддержки ее партии в северо-восточных департаментах. Для левых же (сюда включена, главным образом, «Непокоренная Франция» и для выборов в Национальную Ассамблею «Новый народный фронт») характерен кластер низких значений в северо-восточных департаментах, а кластер высокого уровня поддержки образуют департаменты столичного региона, где одновременно низкий кластер поддержки партии «Национальное Объединение» (главным образом, это Париж, Эсон и О-де-Сен). Принимая во внимание баталии в парламенте Франции относительно принятия бюджета страны в целом и пенсионной реформы в частности, отметим, что такой раскол на карте департаментов Франции также не случаен, поскольку в северо-восточных и в юго-восточных департаментах наблюдается самый высокий уровень безработицы, а также в указанных столичных департаментах, а самые низкие показатели уровня безработицы – в северо-западных департаментах. Кроме того, самый большой приток мигрантов наблюдался именно в департаменты столичного региона, чуть меньший – в департаменты юго-востока, а наименьшие значения – в северо-западных департаментах.

Таким образом, раскол, существующий в Национальной Ассамблее, отражает раскол и внутри французских департаментов, который обусловлен, среди прочего, экономическими факторами.

Тезисы подготовлены в рамках реализации гранта РНФ № 25-78-00052 «Структура и динамика идейно-политических размежеваний в Европе: пространственный анализ» (2025-2027).

Зверев А.Л.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ)

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕДИЙНЫХ ОБРАЗОВ ЛИДЕРОВ ПАРЛАМЕНТСКИХ ФРАКЦИЙ В РОССИЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Ценностные основания в создаваемых виртуальных медийных образах во многом для пользователей современного сетевого интернет-пространства являются своеобразными кодами доступа, по которым определяется степень понимания позиций ведущих партийных акторов страны и актуальность предлагаемого ими фарватера актуальной повестки. Она либо найдет отклик у потенциальных сторонников, либо будет крайне узко сегментированной, имеющей специфический средовой характер, который еще должен найти отклик у возможных адептов – носителей предлагаемого ценностного меню. Важно здесь понимание того, что ценностные основы во многом становятся базисом сознания личности пользователя, потребителя сетевого интернет-

контента. Они выполняют функцию своеобразного фильтра всей потребляемой текущей политической информации, идущей из внешней коммуникационной среды, и помогают человеку ориентироваться в бесконечных её потоках, отбирая то, что соответствовало актуальным его ценностям. Поэтому, если партийные структуры хотят быть успешными в виртуальной коммуникации со своими сторонниками, они должны понимать феномен ценности для массового сознания, выражающийся в следующем сочетании подходов:

– В *научном плане* ценности означаются представлением о важности чего-либо для сознания личности;

– В *практическом поле* – то, во что они воплощаются в реальной жизни людей, становясь архетипами образов человека, презентуемых ими в выстраивании отношений с другими в сообществе своего существования (например, в виртуальном комьюнити партии в социальной сети);

– В *процессуальной модели* определяют требуемые качества в процессе достижения целей, т.е. ориентиров, к чему стремится партия и какие способы их достижения считает приемлемыми для себя.

Текущие исследования кафедры социологии и психологии политики МГУ показывают низкую медийную демонстрацию выраженности собственных ценностных и программно-политических элементов медийных образов, транслируемых лидерами парламентских фракций в российском сетевом интернет-пространстве. Вместе с тем выражено позиционирование лидеров парламентских фракций как участников государственной системы. Отмечается высокая вовлеченность в ключевые темы общегосударственной информационной повестки дня, в частности в контексте освещения хода Специальной военной операции и помощи, оказываемой парламентскими партиями вооруженным силам страны, её проводящим. Заметно и то, что в публичной риторике постов и иного контента социальных сетей фиксируется относительно невысокое ценностное различие в партийных идеологических установках в сетевой риторике лидеров парламентских фракций. Контент-анализ используемых слов и словосочетаний в их сетевой риторике скорее выражает их намерения и пожелания, чем совершение конкретных действий. Все это свидетельствует о плохой проработке ценностных основ медийных образов в общей модели партийного сетевого позиционирования и скорее фиксирует хаотичное информационное реагирование на складывающуюся текущую новостную повестку в российском интернет-пространстве. Важно, что формируемые медийные образы лидеров парламентских фракций во многом транслируются в их связи с действующим Президентом РФ В.В. Путиным и через участие в непосредственном принятии государственных решений, оказывающих влияние на внутреннюю и внешнюю политику РФ.

Важным элементом в выстраивании ценностных оснований медийных образов парламентских фракций является трансляция идентификационной связи между лидерами и их партиями. Так, достаточно успешно эта связь прослеживается в медийных образах Г.А. Зюганова и Л.Э. Слуцкого, что можно отследить как в тематике и текстовом наполнении медиаматериалов в сетевом интернет-пространстве, так и в их дополнительных сетевых фото– и видеоматериалах. В то же время связь между лидером и партией в медийных образах В.А. Васильева и С.М. Миронова является более слабой, в ряде случаев и вовсе не освещается в материалах сетевых СМИ, которые часто предпочитают позиционировать их как деятелей государственного аппарата, нежели как партийных лидеров парламентских фракций. Отдельным является случай А.Г. Нечаева, где освещение деятельности политической партии составляет куда большую часть актуального сетевого медийного образа, что фактически отделяет лидера от его партии, оставляя его в «тени».

Таким образом, у всех лидеров парламентских фракций, так и у партий, ими представляемых, есть серьезные сущностные проблемы с трансляцией ценностных оснований их сетевых медийных образов, которые могли бы помочь в выстраивании идентификационной связи с пользователями, в т.ч. и в плане расширения их электоральной базы. Пока парламентские партии лишь пытаются обозначить свое присутствие в российской социальной сети, а не ведут концептуальную информационную политику, основанную на их ценностных основаниях, по которым интернет-пользователям легко можно было бы их идентифицировать с актуальной для них политической силой.

Здорик А.Н.
(Москва, МГИМО МИД России)

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ГРАЖДАН ПОРТУГАЛИИ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2025 Г.: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

18 мая 2025 г. в Португалии состоялись третьи за последние три года внеочередные парламентские выборы. Причиной их проведения стал скандал, связанный с деятельностью компании *Spinumviva*, принадлежащей семье премьер-министра Португалии Луиша Монтенегру. 11 марта 2025 г. правительство Л. Монтенегру ушло в отставку после того, как парламент не поддержал вотума доверия правительству, сформированному по итогам выборов в Ассамблею республики, состоявшихся в марте 2024 г.

Общеевропейским трендом является рост популярности правых и особенно правопопулистских сил, что, в свою очередь, обусловлено проблемами в экономиках европейских стран, актуализировавшимися на фоне украинского кризиса, ростом числа мигрантов, а также последствиями пандемии Covid-19 и общим недовольством политикой властей Евросоюза. В связи с этим возникает вопрос: с учетом вышеуказанных тенденций какова специфика территориальной дифференциации голосования за различные политические силы в Португалии на примере парламентских выборов 2025 г.? Многофакторное районирование на основе диаграммы параллельных координат позволяет рассмотреть сочетание экономических (уровень экономического развития, уровень урбанизации) и демографических (уровень миграции) факторов, оказывающих влияние на результаты голосования.

Для голосования за избирательный блок Л. Монтенегру «Демократический альянс» можно выделить регионы Севера и центральной части Португалии. Эти регионы характеризуются высоким уровнем экономического развития, высокой долей городского населения, а также существенной долей мигрантов. Единственным нетипичным случаем является регион Фару, расположенный на Юге страны и характеризующийся более низким уровнем экономического развития. Голосование за Демократический альянс здесь обусловлено развитием туристического сектора и связанным с этим ростом уровня жизни, а также значительной доли молодежи, которая традиционно поддерживает на выборах Л. Монтенегру.

Социалистическая партию находит широкую поддержку на юге страны, который характеризуется более низким уровнем социально-экономического развития по сравнению

с северными и центральными районами Португалии. Кроме того, в структуре экономики юга Португалии доминирует сельское хозяйство, при этом доля мигрантов в регионах юга не столь существенна (за исключением региона Фару).

Что касается голосования за ультираправую партию Chega (порт. «Хватит!»), которая демонстрирует стабильный рост поддержки среди избирателей (2019 – 1 место, 2022 – 12 мест, 2024 – 50 мест, 2025 – 60 мест в Ассамблее республики), то ключевыми регионами, в которых партия получила поддержку населения стали Лиссабон (21.34%), Брага (22.59%) и Порту (21.14%) на севере, а также Фару (34.67%) на юге. Среди факторов голосования за партию Chega можно выделить ее популярность среди избирателей в крупных городах, туристических центрах и регионах со значительной долей мигрантов.

Было установлено, что электорат Демократического альянса преимущественно тяготеет к северным и центральным регионам Португалии, характеризующимся высоким уровнем экономического развития и урбанизации, а также значительной долей мигрантов. Социалистическая партия, напротив, сохраняет позиции на юге страны, в регионах с более низким уровнем социально-экономического развития и преобладанием сельского хозяйства. При этом ее активно теснит правая партия Chega, чья популярность связана с голосованием в крупных городах, туристических центрах и регионах со значительной долей мигрантов и низким уровнем социально-экономического развития.

Тезисы подготовлены в рамках реализации гранта РНФ № 25-78-00052 «Структура и динамика идейно-политических размежеваний в Европе: пространственный анализ» (2025-2027).

Зиневич О. В.
(Новосибирск, НГТУ)

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ДИАЛОГОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Среди ученых и экспертов широко обсуждается тезис о России как цивилизации с устойчивым, основанным на традициях, культурным ядром. На прошедшем недавно саммите ШОС дискурс традиционных ценностей был озвучен российским президентом в контексте международной повестки формирования многополярного мира и укрепления связей стран глобального Юга.

В условиях достижения приоритета национальных традиционных ценностей над глобалистскими ценностями либерального толка в публичной дипломатии особенно актуально выявление специфики ценностных оснований гендерных отношений, которые могли бы быть адекватно восприняты представителями других цивилизаций и культур. Этот вопрос является весьма актуальным, особенно в контексте внешнеполитических коллизий, когда наблюдается явное отчуждение и непризнание ценности и ценностей другого народа или страны, или, напротив, гендерные «правила жизни» других народов, неприемлемые для национальной традиции, не подлежат обсуждению и оценке. В медийном пространстве можно наблюдать несколько стратегий генерирования дискурсов о «нетрадиционных» и «традиционных» гендерных отношениях в других странах: от «высмеивания» «нетрадиционных» персон стран, поддерживающих либеральную идеологию, до «замалчивания» традиционных дис-

криминационных практик в странах Южной Азии.

Безусловно, обращение к традиционным ценностям как основы для установления гендерного порядка может препятствовать диалогу не только и не столько политических лидеров, сколько других акторов международной политики, субъектов публичной дипломатии. Моделируя консенсусный диалог с «Другим» в идеальном плане, перспективно опираться на концепцию М. Бахтина, согласно которой диалог – это согласованный ответственный поступок, когда каждый поступающий признает за другим субъектом право совершать свой поступок и стремится учесть его в собственном действии. Ответственный поступок является взаимно рефлексивным, если рефлексию понимать не только как чисто рациональный акт, но как акт восприятия другого в его целостности и деяниях, с учетом контекста, исторической «фактичности» и эмоционально-волевого наполнения. Диалог есть взаимодействие двух единственных, целостных и уникальных миров, где «каждый прав на своем месте, и не субъективно, а ответственно прав»[72]. Паттерн диалога – это взаимодействие равноправных, рефлектирующих субъектов, каждый из которых прав по-своему, видит и признает правоту другого и для него, и для себя. В таком диалоге первично не стремление достичь истины, не утверждение свой правоты, а интенция к соотнесению правды одного субъекта с правдой другого, чтобы избежать неразрешимого конфликта.

Взаимное признание друг другом субъектов диалога, основанного на уважении традиций, в публичной дипломатии достижимо, если каждый субъект, опираясь на собственные ценности, поставит во главу угла не только принцип инклюзивного бытия (жизнь «для себя»), но и ответственность за другую культуру и цивилизацию (жизнь «с Другим» и «для Другого»). Иными словами, будет находиться в непрерывном творческом процессе конструирования своего отношения с представителями других стран и народов при условии сохранения собственной гендерной идентичности.

Зинков Н. А.
(Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)

МОЛОДЕЖНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ

Современная политическая наука уделяет значительное внимание изучению механизмов политической социализации молодежи, особенно в контексте трансформации абриса повседневности российского общества. Академическая дискуссия предлагает богатый опыт теоретической рефлексии и анализа эмпирического материала в области государственных механизмов молодежной политики, специфики российской молодежи, роли институтов и акторов в ценностно-мировоззренческом воспитании новых поколений и т. д. В существующих изысканиях, как правило, социализация привязана к конкретному общественно-политическому феномену или процессу, в которых молодежные сообщества рассматриваются как атрибуты последних и, как следствие, редко становятся основным объектом исследований.

Важно отметить, что в подобной дискуссии значимым становится концептуализация понятия «сообщество». Наследие социальных исследований предлагает подходить к

[72]Пешков И. В., Бахтин М. М. От философии поступка к риторике поступка. М.: Лабиринт. 1996. С. 112

трактовке последнего сквозь призму структурного функционализма (Т. Парсонс, Р. Мертон), символического интеракционизма (Г. Блумер, И. Гофман), структуралистского конструктивизма (П. Бурдье), сетевого (Б. Латур) и эпистемических (Р. Хаас) подходов и т. д. В подобных условиях сообщество определяется как динамичная социальная единица, которую от случайных групп и формальных организаций отличают общие социальные ценности и идентичность, устойчивые связи, разделяемые практики и символическая система. В свою очередь, их ключевыми характеристиками выступают коллективный характер деятельности, понимание общих идей и целей, значимость лидерства и, в последнее время, особенно среди молодежи, использование цифровых технологий для коммуникации и проведения активностей. В подобной среде молодежные сообщества и занимаются социализацией, в том числе в области общественно-политических процессов.

Стоит отметить, что специфика реализации данной функции в Отечественном опыте затрагивает привычные формы очных мероприятий (молодежные казачьи общества, студенческие отряды) и цифровые форматы (ДОБРО.РФ); государственные инициативы («Движение первых») и основанные на общности интересов групп гражданского общества (студенческие научные общества и Совет молодых политологов РАПН среди молодых ученых). Исходя из специфики интересов и направления деятельности различаются и механизмы политической социализации: она может происходить через вовлечение участников в предвыборные кампании (в подобной деятельности выделяются молодежные отделения политических партий), анализ социальных процессов, добровольчество, ритуалы, социальное проектирование и т. д. Молодежные казачьи общества транслируют традиционные ценности через изучение истории и культуры казачества, студенческое самоуправление формирует навыки защиты интересов. волонтерские объединения развивают гражданскую активность и социальную ответственность. Политическая социализация в подобных условиях происходит через передачу ценностей и норм в процессе совместной деятельности, формирование групповой идентичности, развитие навыков коллективного действия и лидерства, создание социальных сетей и накопление социального капитала.

Представленные примеры являются отражением реального опыта политической социализации, требующего методологического и теоретического научного сопровождения в области определения эффективности существующих форматов и разработки новых; анализа специфики ценностно-мировоззренческого портрета новых поколений молодежи и адаптации самой системы политической социализации. Особого внимания требует рефлексия упомянутых подходов к функционированию сообществ в современных условиях – образ жизни и политическое поведение общества и молодежи, в частности, под влиянием цифровизации и распространения технологий искусственного интеллекта находится в состоянии глобальной трансформации и требует объяснения с точки зрения теории. Система государственного регулирования России отмечает подобную потребность, например, в программе трансформации образовательной системы, представленной в профильной Стратегии до 2036 года и перспективу до 2040 года. Предполагается, что политическая наука способна определить механизмы гармоничного развития разных сегментов молодежи через сообщества.

Знаменский Д.Ю.
(Москва, ГУУ)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ВЕТО-ИГРОКОВ

Проблематика взаимодействия власти и общества в процессе выработки, корректировки, реализации и оценки государственной политики в сфере науки и технологий представляется особенно актуальной в контексте текущего курса на обеспечение технологического суверенитета России.

Целью исследования выступает выявление вето-игроков в рамках государственной научно-технической политики Российской Федерации на современном этапе. Автор принимает за основу изложенное в трудах Дж. Цебелиса[73] понимание вето-игрока как актора, чье согласие необходимо для изменения текущей государственной политики в рассматриваемой сфере. Думается, что применение теории вето-игроков к исследованию как российской политики вообще, так и научно-технической политики в частности, связано с некоторыми оговорками. Наиболее значимые из них заключаются: а) в изначальной ориентированности данной теории на анализ политических процессов в условиях парламентской демократии и б) в необходимости четкой операционализации как статус-кво, так и целей вето-игроков.

Автором выдвинута гипотеза об ограниченном круге неинституциональных вето-игроков, принимающих участие в определении приоритетов научно-технической политики современной России, а также о номинальном участии партий в этом процессе. Дополнительная гипотеза заключается в возможности использования в качестве критериев определения позиции вето-игроков параметры «степень централизации управления наукой» и «приоритетное развитие академической либо вузовской науки».

Результаты проведенных автором экспертных интервью показали возможность применения теории вето-игроков к исследованию рассматриваемого направления государственной политики. Вместе с тем эксперты привели ряд оговорок, уточняющих условия такого применения: 1) теория вето-игроков применима к исследованию процесса принятия решений в парламенте при условии реально функционирующей многопартийности и парламентской демократии; 2) помимо формально закреплённых институтов, значительную роль в формировании политики играют неформальные группы, чьё влияние часто трудно измерить стандартными методами.

В числе институциональных акторов эксперты выделили Президента РФ, Правительство РФ, парламентские структуры и Центральный Банк РФ. Лишь один из семи экспертов выделил в качестве институциональных вето-игроков Минобрнауки России, РАН и ведущие вузы. Кроме того, эксперты отметили роль бизнеса и представителей научного сообщества из различных направлений науки и техники. Иногда эксперты допускали влияние на формирование приоритетов научно-технической политики крупных исследовательских центров и предприятий военно-промышленного комплекса. При этом акцентировалось внимание на практическом отсутствии конкуренции и встречного мнения в процессе формирования государственной политики.

В ходе двух фокус-групп была подтверждена гипотеза о применимости теории вето-игроков к исследованию государственной научно-технической политики. В числе факторов, ограничивающих использование данного подхода и снижающего качество

[72]Tsebelis G. 2002. Veto Players: How Political Institution Work. Princeton, NJ: Princeton University Press. 440 p.

анализа участники фокус-групп выделили: 1) закрытость процессов принятия политико-управленческих решений в современной России; 2) игнорирование характера политического режима, неофициальных отношений между политическим акторами.

В числе институциональных акторов, участвующих в формировании государственной научно-технической политики РФ, участники фокус-групп выделили Президента РФ и Правительство РФ как единого вето-игрока, РАН, Минобрнауки России и ряд иных федеральных министерств, Совет по образованию и науке при Президенте РФ, отдельных глав субъектов РФ и руководство наукоградов. В числе неинституциональных вето-игроков часто упоминались государственные корпорации, научные и инновационные фонды, частные IT-компании и руководство ведущих вузов.

В ходе исследования была опровергнута гипотеза относительно ограниченности круга неинституциональных вето-игроков, принимающих участие в определении приоритетов научно-технической политики современной России: к данному процессу привлекаются как научные и экспертные структуры, так и представители наукоемкого сектора НИОКР. Вместе с тем предположение о номинальном участии политических партий в означенном процессе было подтверждено. Что касается дополнительной гипотезы об измеряемых критериях определения позиции вето-игроков, то предложенные параметры нашли положительный отклик у большинства экспертов.

Таким образом, можно сделать вывод о применимости концепции вето-игроков к исследованию процессов формирования и реализации государственной научно-технической политики. При этом следует учесть ряд методологических моментов: а) типология вето-игроков, в т.ч. разграничение их на институциональных и неинституциональных; б) операционализация целей вето-игроков по отношению к текущей политике в сфере науки и технологий. Думается, что дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на изучение позиций выявленных вето-игроков и анализу таких их ключевых характеристик, как ядро единодушия и пространство выигрыша. При этом в качестве измеряемых параметров представляется целесообразным использовать объем финансирования НИОКР и установку на приоритетное развитие академической либо вузовской науки.

Золотарев Ф.Е.
(Венгрия, Печ, Печский университет)

ДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕТЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПЕРИОД С 2020 ПО 2024 ГГ.

В последние годы российская городская дипломатия (РГД) претерпела значительные изменения под влиянием глобальных кризисов, включая пандемию COVID-19 и российско-украинский конфликт. Эти события привели к перестройке международных связей субнациональных акторов, что требует системного анализа. Данное исследование рассматривает эволюцию РГД, её адаптационные механизмы и роль в контексте внешнеполитической стратегии России.

Исследование опирается на комплексный подход с применением метода качественного сетевого анализа (Social Network Analysis). В фокусе работы находятся факты взаимодействия представителей российских городов с зарубежными партнёрами, включая администрации, бизнес-структуры, государственные институты и сотрудников региональ-

ных, международных организаций. Дополнительно использован количественный анализ для оценки динамики связей в течение времени. Основным источником исследования стали публикации в социальных сетях городских администраций, советов депутатов и городских дум во ВКонтакте. В выборку вошли посты и публикации в период с 1 января 2020 по 31 декабря 2024 года.

Среди ключевых выводов исследования стоит отметить следующее:

1. Сдвиг в географии партнёрств.

В период с 2020 по 2022 годы РГД активно развивалась в рамках сотрудничества с западными городами и контрагентами. После февраля 2022 года заметны попытки перестроить вектор сотрудничества с Запада на Восток. Фактическая переориентация на незападные направления, особенно на Беларусь и Китай, стала реакционной и следствием геополитического столкновения между Россией и Западом. При этом всё также заметна роль многосторонних платформ (БРИКС, ШОС), в особенности отмечается важность государственных институтов в качестве посредников для взаимодействия с внешними акторами.

2. Изменение структуры сетей.

Общая связанность сетей остаётся стабильной, но сама сеть стала более волатильной и менее предсказуемой. При изменении числа акторов в сетях сохраняется среднее значение связности (connectivity) и параметра изменчивости сетей в течение 2020-2024 гг. Сохраняются кластеры, подгруппы сетей, в которых роль бизнес-акторов и дипломатических представительств стала посреднической. Многосторонние форматы сотрудничества и установление международных контактов напрямую связаны с ролью государственных агентов (например, Россотрудничество), через которые стали активнее проходить контакты и коммуникация между городами России и других стран.

3. Адаптация и устойчивость РГД

Российские города демонстрируют способность к быстрой перестройке связей в условиях санкций. Новые партнёрства носят прагматичный характер, с акцентом на экономику, инфраструктурные проекты, взаимодействие в области культуры. РГД всё чаще интегрируется в общегосударственную внешнюю политику, сохраняя при этом элементы видимой автономии.

Российская городская дипломатия в 2020–2024 гг. показала способность адаптироваться к резким изменениям в международной среде. Несмотря на сокращение связей с Западом, сети РГД сохранили устойчивость за счёт переориентации на новые направления. В будущем можно ожидать дальнейшей институционализации городской дипломатии как инструмента внешней политики России вместе с расширением географии партнёрств.

Зубенко А.Н. (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)
Маруев Н.А. (Москва, ИЭП им. Е. Т. Гайдара)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРИ ДЕФИЦИТЕ ДАННЫХ: ИНФОРМАЦИОННАЯ ЗАДАЧА БЮРОКРАТА

Информация – один из ключевых ресурсов политического управления. От того, какими сведениями обладают органы власти, зависят не только принимаемые политические решения, но и сама видимость управляемой области. Полная информиро-

ванность недостижима, так как данные неполны, неточны и приходят с задержкой. В этой связи для качественного политического управления решающее значение приобретают стратегии работы с информацией, что обусловливает актуальность предмета исследования.

Информационный фактор в различной степени фигурирует в политологических, социологических и экономических теориях бюрократии. По Веберу, бюрократическое управление означает «господство через знание», т.е. информация является и источником, и средством власти. Теория ограниченной рациональности делает акцент на том, что решения (включая политические) принимаются под влиянием когнитивных ограничений, недостатка времени и ресурсов, в связи с чем важно организовать удовлетворительную процедуру обработки и отсева информации. «Политика внимания» развивает идею об ограничениях при принятии решений: так как внимание – ограниченный ресурс, важной частью политики является управление и приоритизация информации, поступающей из различных источников. В модели «принципал-агент» особая роль уделяется асимметрии информации и стратегиям ее сокращения. Концепция «бюрократии низового уровня» М. Липски показывает, как в условиях хронической нехватки ресурсов и необходимости быстрого принятия решений бюрократы решают информационную проблему путем применения эвристик и локального знания.

Заметим, однако, что в литературе не так много внимания уделяется тому, как именно политические организации выстраивают информационную работу для принятия решений. Информационную задачу бюрократа можно сформулировать следующим образом: необходимо обеспечить такой уровень информированности, который минимизирует ошибки в правоприменении при заданных ресурсных ограничениях. Сбор данных прекращается, когда добавочная ценность информации ниже её предельной стоимости. Ограничения включают: бюджет (финансовый, временной, когнитивный), асимметрию цены ошибок I и II родов (с точки зрения профессиональных рисков лучше «наказать невиновного», чем «пропустить нарушителя»), распределение издержек сбора информации в зависимости от типа источника. Так как для каждой сферы эти факторы различны, различаются и стратегии работы с информацией.

Для повышения информированности бюрократия применяет различные стратегии сбора данных. Сбор может проводиться бюрократией как самостоятельно (проверки и иные контрольно-надзорные мероприятия), перекладываться на регулируемых субъектов (формы статистического наблюдения, запросы сведений), так и поступать от других участников политического процесса (обращения граждан, сообщения СМИ и др.). Каждый источник отличается по стоимости, лагу в получении, охвату регулируемой области и уровню искажений.

Для понимания того, как на практике решается описанная информационная задача, целесообразны два направления дальнейших исследований: 1) качественные исследования: описание практик работы с информацией при принятии политических решений; 2) исследования детерминантов принятия решений: по решениям органов власти можно восстановить, какие источники информации являются приоритетными и какой вклад тот или иной сигнал вносит в итоговое решение.

Зудин А.Ю.
(Москва, МГИМО МИД России)

АКТОРЫ В XXI ВЕКЕ: ПАРТИИ «ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ»

Представленный доклад продолжает исследование автора по теме «Трансформация акторов публичной политики в странах Запада». На первом этапе исследования, результаты которого были представлены на Всероссийской конференции РАПН в декабре 2022 г. («Назад к истокам? Кризис публичной политики в странах Запада»), были определены основные категории политических акторов классического типа; выделены «большие циклы» в развитии публичной политики; предложены показатели для оценки дееспособности политических акторов; проанализировано изменение конфигурации акторов публичной политики, связанное с появлением активных участников нового типа; установлено снижение дееспособности «классических акторов»; выявлены изменения в лексиконе социальных наук в связи с попытками осмысления изменений в механизме формирования публичной политики.

На втором этапе исследования, результаты которого были представлены на X Всероссийском конгрессе политологов в декабре 2024 г., основное внимание было уделено наиболее известной разновидности политических акторов – политическим лидерам классического типа, конкретным воплощением которых выступают знакомые персонажи политической сцены: президенты, премьеры, лидеры политических партий, руководители групп интересов и движений.

Настоящий доклад продолжает изучение темы персонализации политики и ее проявления в политических партиях. Отмечается, что персонализация захватывает не только уже существующие политические партии, где она осуществляется через «президенциализацию» лидеров, но и вновь создаваемые политические партии. В области партийного строительства активно заявляет о себе феномен «политического предпринимательства» (political entrepreneurship). Проявление этого феномена – партии политических предпринимателей (ППП) – избраны главным объектом изучения в настоящем докладе. Использован предложенный ранее конструктивистский подход, в соответствии с которым в качестве политического актора лидер рассматривается не как физическое лицо, а как социальный конструкт и особая разновидность коллективного актора. Денатурализация понятия позволяет увидеть в каждом политическом лидере своего рода «мини-организацию», основой которой выступает синтез персонально интегрированных ролей и компетенций + команда.

Рассмотрены география распространения ППП, «широкие» и «узкие» определения партий этого типа. Проанализированы основные типы ППП, которые выделяются в научной литературе: «партия по модели фирмы» (Hopkin and Paolucci, 1999; Hloušek V. et.al., 2020; Giglioli M. F. N., 2020); «партия без членов» (Mazzoleni andVoerman, 2016); «предпринимательские партии» (Krouwel A., Lucardie P., 2008; Arter, 2016; Hloušek V., & Kopeček L., 2017; Hloušek V., Kopeček L., Vodov‡ P., 2020); «персональные партии» (Calise M. 2000 [2010]); 2015; Mazzoleni O. 2010; Bobba G., Seddone A. 2011; McDonnell D. 2013; Kefford G., McDonnell D. 2016; 2018), а также «гибридные» образования на примере партия ФИДЕС В. Орбана (Metz R., V‡rnagy R. 2021).

Дан анализ основных типов организационных структур ППП, включая положение и полномочия лидеров, изменения в составе базы поддержки в обществе, статус членов партии, механизмы взаимодействия руководства с членами и сторонниками (linkage), трансформацию идейных установок, электоральных стратегий и отношений с изби-

рателями. Рассмотрены роль «цифровизации» в распространении и развитии ППП, вопросы электоральной и политической устойчивости партий этого типа, особенности и основные этапы их институционализации, а также сценарии последующего политического и организационного развития.

Распространение ППП рассматривается в контексте исторического тренда, выявленного М. Дюверже (от партий нотаблей – к партиям с массовым членством). Делается вывод, что глубокая перестройка политических систем в странах Запада, протекающая в кризисных формах, активизирует инверсионные тенденции. Одной из таких инверсий становится типологическое возвращение старых и новых политических партий в исходную точку (зависимость от лидеров). В связи с этим новую жизнь обретают явления, которые, казалось бы, остались в далеком историческом прошлом – «политические машины» и патронажно-клиентельные отношения. В заключении рассматриваются возможности, ограничения и риски, которые распространение ППП создает для развития политических систем в различных странах.

Зуляр Р.Ю.
(Иркутск, ИГУ)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТИВИЗМ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Под проявлением политической активности принято понимать активное и пассивное избирательное право, членство в политических организациях, непосредственное вовлечение в политику в качестве профессионального деятеля. Интернет-пространство трансформировало политическое участие, вводя новые тенденции во взаимодействии между политикой и обществом, и молодежь представляет собой наиболее интегрированную категорию населения в данную сферу в силу значительного времени, проводимого в сети. Она же подвержена влиянию этих изменений в большей степени.

Ключевыми признаками этого явления можно считать интерактивность, когда возможность мгновенного обмена мнениями и контентом дает возможность быстро продвигать политические идеи. Также это массовость, когда можно объединять большие группы сторонников разнообразных идей и инициатив. Следующий признак – символичность, когда образы, символы (мемы, инфографика и пр.) формируют устойчивые ассоциации и привлекают внимание к определенным темам. Свойство коллективности также способствует усилению солидарности и сплоченности, создавая условия для быстрого появления новых лидеров общественного мнения.

Но можно наблюдать признаки феноменологического перехода от традиционной политической активности к новому типу поведения – к проявлению политического активизма. Под ним автор понимает особую форму активности, возникающую в условиях интернет-взаимодействия, которая характеризуется следующими особенностями. Во-первых, это фиктивность участия – когда лайки, комментарии, репосты воспринимаются как эквивалент реального участия, но не приводят к изменениям в реальном политическом пространстве. Во-вторых, это имитационность, когда активность ограничивается символическими действиями (виртуальные дебаты, акции флешмоба, перепосты и создание постов), не предполагающими реальные последствия. Третья особенность – иллюзия свободы, когда пользователь интернета самовыражается, полагая, что эти действия способны повлиять на политические процессы. Но им свой-

ственна квазиполитическая активность, замкнутая внутри виртуального пространства, зачастую с утратой связи с действиями в физической реальности. Таким образом, политический активизм имитирует политическую активность, снижая реальный потенциал участия молодежи в управлении страной и общественной жизнью.

С период март-апрель 2025 г. был проведен пилотажный социологический онлайн-опрос[74] с целью выявление уровня политического активизма молодежи возраста 18-35 лет в Иркутской области. Выборка простая случайная, в опросе приняли участие 302 респондента.

Активно интересуются политическими проблемами 26,8% опрошенных, следят в СМИ за информацией о политических событиях 32,99%, не интересуются политикой 15,46%; принимают участие в выборах 7,22%, столько же ответили, что политика интересна и потенциально человек готов участвовать в выборах и в качестве кандидата; 5,15% указали, что являются членами политической партии, движения; 2,06 принимают участие в митингах и демонстрациях.

При ответах на другие вопросы исследования можно отметить следующие особенности. Не принимают участие в выборах 39,34% опрошенных; 76% не состоят в партии и не планируют туда вступать. В качестве основного источника получения политической информации молодежь отдает предпочтение сети Интернет и социальным сетям – 41,2%; мессенджерам – 44,3%, игнорируя телевидение или радио.

В социальных сетях 85,5% респондентов в качестве проявления активности предпочитают ставить «лайк» понравившимся материалам. Также пользователи отдают предпочтение обсуждению и оценке различных политических событий в комментариях – 42,2%. В то время как участие в сборе подписей для поддержки каких-либо политических акций, включая протестные поддерживают только 8,25% респондентов. Политически активными считают себя 57,7%.

Исследование показало преобладание интереса к информации над действиями. Молодежь предпочитает следить за развитием политической ситуации, чем принимать физическое, прямое участие, не желая вступать в партийные объединения и не проявляя интерес к выборам. Исключением являются лишь выборы федерального значения, где молодежь проявляет себя как активный актор в политической жизни страны. Но процент молодых граждан, выступающих в качестве избирателей на муниципальном уровне, невысокий.

Высок процент молодежи, которая отдает предпочтение социальным сетям и сети Интернет не только для ознакомления с политическими новостями, но и для коммуникации. Низким остается процент убежденности молодежи в том, что их голос имеет влияние на выборах, что говорит о невысоком доверии не только к привычным политическим каналам коммуникации, но и к избирательной системе в целом. Напрашивается парадоксальный вывод о том, что право голоса на выборах молодежь заменила на комментарий в социальных сетях, а политическая активность заменяется политическим активизмом, создающим имитацию участия и присутствия индивида в политическом процессе.

[74]Автор выражает благодарность за организацию опроса Е. А. Карнаковой.

Зуляр Ю.А.
(Иркутск, ИГУ)

СУБЪЕКТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД СВО (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

В ходе ведения Специальной военной операции сформировались три основные позиции по поводу ее влияния на государство, общество и бизнес: незначительное, значительное и процессное. Последнее определяется как процесс, находящийся в развитии, последствия которого зависят от результатов СВО.

Сторонники всех позиций опираются на реальные процессы, результаты и мнения. Поэтому оспаривание этих позиций в настоящее время бессмысленно, но имеет смысл выделить и охарактеризовать происходящие процессы. Автор счел целесообразным выполнить эту работу на основе анализа положения дел в глубоко тыловом регионе в центральной части Сибири, исходя из его типичности.

Прежде всего, СВО, по идее, должна воздействовать на публичную власть региона – государственные органы и органы местного самоуправления. И действительно, раньше и активнее других в работу включились губернатор И.И. Кобзев и мэр Иркутска Р. Н. Болотов. Они взяли под личный контроль все направления участия региона в СВО, неоднократно посещали линию боевого взаимодействия, выплачивают одно из самых крупных региональных выплат контрактникам, создали систему помощи участникам СВО.

С начала СВО многие иркутяне восприняли ее как личное дело и стали добровольно оказывать помощь армии. Это патриотическое движение было поддержано руководством области и города Иркутска.

Проведение частичной военной мобилизации осенью 2022 г. способствовало осознанию иркутянами масштабов СВО и пониманию судьбоносности происходящих событий. Основные социальные группы горожан, общественные организации и органы местного самоуправления Иркутска сосредоточились на помощи мобилизованным воинам и членам их семей, на переходе от разовой помощи российской армии к системной, долговременной поддержке фронта. Руководители, волонтеры, представители общественных организаций стали регулярно выезжать в освобожденные районы и на линию боев, в военкоматы пошли добровольцы.

Иркутск превратился в тыловой региональный центр. Администрация города, общественные организации и энтузиасты организовали центры и пункты сбора гуманитарной помощи фронтовикам. Быстро пришло понимание, что собрать помощь – это только полдела. Администрация региона при помощи предпринимателей стали организовывать гуманитарные конвои для доставки собранных грузов в части, где воевали иркутяне. Установили связь с подразделениями, благодаря чему помощь осуществляется адресно и в соответствии с потребностями фронтовиков.

Пришло понимание, что обеспечение бойцов чисто гуманитарными грузами недостаточно. Стали приобретаться военная техника и оборудование. Администрация области и муниципалитетов, предприниматели и неравнодушные граждане организовали приобретение, сбор, ремонт и доставку автотранспорта, полевых кухонь, мобильных бань и прачечных, и крупногабаритных грузов в зону военных действий с помощью военно-транспортной авиации, железнодорожного транспорта и автовозов.

Выяснив, что некоторые вещи и принадлежности не производятся в стране и отсутствуют в продаже, иркутяне приступили к их производству. Техника, изготавливаемая активистами, становится все сложнее и дороже. Кроме специализированных помещений, в городе созданы мастерские и цеха по ее производству. При этом про-

изводимые аппараты, механизмы и приспособления не просто копируют существующие образцы, но совершенствуются и приспосабливаются по просьбам бойцов.

Администрация региона и общественные организации оказывают моральную поддержку воинам, принимают к исполнению их просьбы и пожелания, решают технические и правовые вопросы, оказывает помощь раненым военнослужащим и фронтовикам-отпускникам.

Функционирует система взаимодействия и оказания помощи семьям участников СВО. Приняты соответствующие правовые акты, обеспечивающие финансовую, экономическую, медицинскую и образовательную помощь членам семей военнослужащих и погибших воинов. Для их детей организованы программы дополнительного обучения и досуга, оказание медицинской помощи и санаторно-курортного обслуживания, бесплатное питание в школах.

Особым направлением работы региона является помощь населению Донбасса и шефство над городом Кировском Луганской республики. На регулярной основе им оказывается материальная помощь, ремонт и создание новой системы коммунального водоснабжения. В сменном режиме для проведения ремонтных работ туда выезжают бригады добровольцев из числа работников ЖКХ Иркутска. Большое значение для жителей Кировска имеет культурно-гуманитарное взаимодействие между городами.

Важную роль в организации эффективной помощи землякам, участникам СВО и населению освобожденных территорий играют общественные организации. Это традиционные объединения, включившие в сферу своей деятельности эту работу, и новые, специализированные на оказании гуманитарной помощи и техническом обеспечении бойцов, и содействии боевых действий.

Особую роль в работе, проводимой городской властью и общественностью Иркутска, играет культурная и идеологическая составляющая патриотического движения иркутян. Ее сущностным основанием является моральная поддержка воинов СВО и их семей, увековечивание памяти погибших, формирование соответствующего общественного мнения.

Важным направлением этой работы является организация патриотического воспитания детей и молодежи. Во всех учебных заведениях силами педагогов, ветеранских организаций, творческих союзов, работников областных и муниципальных структур ведется системная работа.

Иванов М.И.
(Донецк, ДонГУ)

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АЗОВСКОГО МОРЯ, КАК ВНУТРЕННЕГО МОРЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

20 мая 2022 года завершились бои за город Мариуполь, ставший последним населённым пунктом на побережье Азовского моря, освобожденный Вооруженными Силами Российской Федерации. Бои продлились около трёх месяцев. В этот день Азовское море де-факто стало внутренним морем России. Юридическое закрепление этого статуса случилось позже.

В международной конвенции ООН по морскому праву нет определения понятия «внутреннее море», но академик Н.Н. Исанин в своём Морском энциклопедическом

словаре всё же обозначил данный термин так: это море, находящееся под полным суверенитетом какого-либо государства и содержащее только его внутренние воды. Переводя нормы данного определения в жизнь, речь идёт о независимости России в вопросе принятия решений в отношении Азовского моря. Суверенитет обеспечивается рядом правовых, политических и социальных мер, в их числе имеются и силовые методы. Также суверенитет обеспечивается созданием внутреннего законодательства, закрепляющего права на территорию. Законодатели Российской Федерации активно занимались этой частью вопроса, обеспечивая собственную правовую базу в отношении морской акватории.

С 23 по 27 сентября 2022 года на территории Донецкой и Луганской народных республик, а также на части территории Запорожской и Херсонской областей состоялся референдум, в результате которого подавляющее число местных жителей изъявило желание войти в состав Российской Федерации. 30 сентября воля жителей была удовлетворена, и эти территории, согласно Конституции, стали полноправной частью России, в том числе и береговая линия Азовского моря протяженностью около 550 километров.

7 июня 2023 года Советом Федерации фактически была поставлена точка в вопросе принадлежности морской акватории. Им была одобрена денонсация Договора между Российской Федерацией и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива, из которого Украина вышла в одностороннем порядке решением Верховной Рады 24 февраля 2023 года.

Все вышеперечисленные события позволяют рассуждать о значении и перспективах развития данной морской акватории с точки зрения статуса внутреннего моря Российской Федерации. Экономический потенциал у Азовского моря достаточно серьёзен, особенно учитывая снятые ограничения. Например, был отменён договор от февраля 2019 года украино-российской комиссии по рыболовству. Он закреплял лимиты вылова бычка: 9 тысяч тонн украинских против 6 тысяч российских.

Большой потенциал имеют курорты, которые находятся на побережье Азовского моря. Российский союз туриндустрии отмечал, что в этом году спрос возрос на 30-40 процентов. Это связывается с более близким расположением, например, Бердянска, по сравнению с популярными отечественными городами-курортами и относительно низкой стоимостью отдыха. Грамотное использование конкурентных преимуществ позволит ускорить развитие прибрежных городов и пополнить российскую казну.

Отдельно следует отметить и судоходство: транзитные возможности Азовского моря позволяют обеспечивать быстрое перемещение грузов и пассажиров, например, из города Мариуполя в Крым. Следует отметить в данном контексте строительство канала «Евразия», который призван соединить Каспийское море с Азово-Черноморской системой. Реализация этого проекта позволит получить России ещё одну крупную торговую артерию, помимо имеющегося Волго-Донского канала. Также это позволит укрепить отношения со странами Каспийского моря, желающими развивать торговлю с внешним миром.

Подводя итог, стоит отметить, что у Азовского моря имеется серьезный потенциал. В политическом смысле Российская Федерация смогла обеспечить прочный суверенитет над морской акваторией, заполучив свободу в реализации стратегии развития Крыма и прибрежных территорий Новороссии.

В экономическом смысле имеется ряд отраслей, которые при должном инвестировании и внимании могут принести положительные результаты. В частности, речь идёт о рыболовстве, санаторно-курортной сфере, транзите разнообразных судов по акватории Азовского моря. Грамотное государственное управление и инвестирование имеют ключевое значение в реализации вышеописанного потенциала.

Иванов П.В.
(Москва, ИМЭМО РАН)

ПРАКТИКИ РАЗОРУЖЕНИЯ, ДЕМОБИЛИЗАЦИИ И РЕИНТЕГРАЦИИ ЧЕРЕЗ СНИЖЕНИЯ НАСИЛИЯ В ГРАЖДАНСКИХ СООБЩЕСТВАХ

Вовлеченность миротворческих миссий в работу на локальном уровне и восстановление внутрисоциальных коммуникаций – ключевая детерминанта успешного перехода от конфликтного к постконфликтному внутриполитическому состоянию (Bere, 2017:77-78). Программы по разоружению, демобилизации и реинтеграции (DDR) направлены на преобразование экс-комбатантов в гражданских лиц, побуждая их отказываться от насильственных методов и находить мирные пути достижения своих целей. В соответствии с комплексными стандартами ООН (IDDRS, 2014) современные практики DDR (в контексте переходного правосудия) и проекты по снижению насилия в гражданских сообществах (CVR) считаются применимыми на любом этапе, в том числе до формального завершения конфликта.

Реализация концепций DDR без сопутствующих инициатив по восстановлению общественного доверия и социально-экономической стабильности, находящих свое отражение в CVR, рискует остаться формальной: экс-комбатанты должны либо реинтегрироваться в гражданскую жизнь, либо покинуть страну, а экстрактивная политика снижает шансы на завершение конфликта. Фактически инкорпорированные в DDR проекты CVR призваны подготовить фундамент для последующей реинтеграции бывших боевиков. Данный подход можно условно разделить на две компоненты: материальную и психологическую (Kingma, 2000: 186). Материальный компонент реинтеграции – создание рабочих мест, восстановление инфраструктуры, доступ к коммунальным и медицинским услугам – послужит мотивационным якорем (Liem & Weggemans, 2018: 474-475), снижая экономическую нестабильность и делая возвращение к насилию менее рациональным. Однако распределение помощи должно быть паритетным: селективность усиливает стигму и повышает риск рецидивов. Психологический компонент предполагает преодоление ярлыков «изгоев» и трансформацию милитаризованной идентичности в гражданскую. Кроме того, паритетная социальная интеграция уменьшает изоляцию, тогда как видимые успехи CVR укрепляют доверие к государственным и международным инициативам.

Отсутствие скрупулезного пространственного планирования CVR-практики при попытках «быстрой реинтеграции» может подорвать восприятие общественной безопасности, снизить доверие к органам власти и стимулировать параллельные механизмы правосудия, что лишь углубит общественную атомизацию. Идеологическая составляющая требует инклюзивной политики, но номинальное уравнивание прав встретит сопротивление государства и общества, потому проекты должны быть масштабными, прозрачными и демонстрировать компетентность власти, становясь элементом контр-рекрутинга.

Учитывая, что данные аудита DDR часто не являются публичными, анализ спилловер-эффектов от реализации проектов CVR может обладать значительной операционной ценностью. Такой анализ позволит косвенно оценить как соответствие миротворческой миссии выполнению мандата, так и обнаружить проблему с адресностью в реализации таких проектов.

Доклад подготовлен в рамках научно-исследовательского работы «Роль гуманитарных и военных операций в решении задач установления мира» (№ госрегистрации 124031200019-1).

Иванян Р.Г.
(Санкт-Петербург, ВШПиМ СПбГУПТиД)

СОЛИДАРИЗАЦИЯ В СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сетевое пространство давно стало неотъемлемым и важным пространством политической коммуникации. В первую очередь оно используется для продвижения собственных политических взглядов и оценок, но мобилизация сторонников, и формирование лояльных сообществ, а также дискредитация противников также занимают в нем значительное место.

Политическая коммуникация в Интернете – сложный, многоплановый феномен, одним из важных инструментов которого является солидаризация. Под ней можно понимать процесс проявления единодушия, согласия, сопричастности, отличающийся активным характером, динамизмом и действенностью. Солидаризация применяется как осознанно, так и неосознанно в попытках привлечь на свою сторону, убедить в правильности своей позиции и действий, объяснить их, а попутно и обесценить, дискредитировать, подорвать логическую и ценностную основу своих оппонентов.

Акторами таких действий могут быть практически все субъекты политического сетевого пространства, т.е. просьюмеры, и потребляющие, и создающие сетевой контент. Основной вектор политической солидаризации определяет мотивационная составляющая. Так, например, в современных российских условиях управленческому аппарату необходимо решить задачи по противостоянию альтернативному информационному влиянию на российских граждан. Солидаризация в этом контексте представляет собой укрепление собственных позиций через артикуляцию общей ценностной основы, обусловленной историей, культурой, религией.

Как осуществляется политическая солидаризация в сети? Рассмотрим на примерах, связанных с деятельностью премьер-министра Республики Армении Никола Пашиняна. Необходимо отметить текучий характер такой солидаризации: она плавно перемещается между традиционными СМИ, социальными медиа, публичными выступлениями на мероприятиях, обывательскими разговорами. В этом плане текучесть солидаризации отражает концепт текучей современности (З. Бауман), это позволяет вовлекать разные социальные группы.

В публичных действиях и онлайн-видеовыступлениях Н. Пашиняна на личных площадках в социальных сетях ярко прослеживается сочетание контента разного вида: а) содержащего элементы доверительного общения, разъяснения, упрощенной стилистики, риторических вопросов; б) эмоционально заряженных фрагментов (например, обвинение конкретных оппонентов, экспрессивная аргументация на повышенных тонах, сарказм); в) мягких, позитивных общечеловеческих сюжетов (прогулка по городу с женой, катание на велосипеде, упрощенный юмор на обывательские темы).

Солидаризация выстраивается, с одной стороны, через разные попытки эмоционального вовлечения новых пользователей, а с другой – поддержание контакта со сторонниками. При этом откровенно прямые методы (например, эмоционально заряженные тексты или выступления) сопровождаются более мягкими.

Резюмируя, отметим, что солидаризация не является новым трендом в политической коммуникации, но правила, появившиеся в связи с расширением и упрочением сетевого пространства, требуют переосмысления традиционных подходов. Недостаточно простого репоста или переноса публичного выступления в онлайн на свою страницу в социальной сети, необходимо качественное изменение этого контента. К сожалению, рациональная

и логическая составляющая отходят на второй план, уступают позиции эмоциональному присоединению, а Интернет еще больше усиливает этот тренд. Важной спецификой новой сетевой солидаризации становится подмена ценностной основы в качестве ее базы умением компилировать факты и грамотно применять методы эмоционального воздействия, как на своих сторонников, так и на колеблющихся.

Игнатьева О.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛЕГИТИМНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СЕТЕВОГО ГОСУДАРСТВА

В эпоху информационно-коммуникационной революции государственная власть стоит перед новыми вызовами в сфере легитимации. Так, автор концепции сетевого общества – Мануэль Кастельс утверждает, что в глобальном информационном пространстве власть непосредственно связана с необходимостью эффективной коммуникации. «Сетевое государство характеризуется разделением суверенитета и ответственности между разными государствами на разных уровнях правления, подвижностью управленческих процедур и большим разнообразием пространственно-временных отношений между правительством и гражданами по сравнению с предыдущей формой национального государства»[75]. Только страны, обладающие полным государственным суверенитетом, могут быть полноценным сетевым государством. Современное «сетевое государство» использует цифровые сети и платформы, в которых потоки информации определяют структуру влияния. При этом коммуникативная легитимность выступает ключевым условием устойчивости власти в информационном обществе. Здесь признание власти населением осуществляется не только через законность и результаты, но и посредством эффективного общения власти и граждан, основанного на взаимопонимании и доверии. Целью данной статьи является рассмотрение феномена коммуникативной легитимности в контексте сетевого государства на основании двух эмпирических примеров: США как первого сетевого государства и России в составе БРИКС как второго сетевого государства. Особое внимание в статье уделяется роли цифровых платформ и социальных сетей в политической коммуникации и укреплении легитимности власти.

США являются пионером в развитии информационно-сетевых структур и стали центром глобального сетевого общества. Американское правительство активно использует цифровые платформы для политической коммуникации с целью укрепления своей легитимности. Президентская кампания Барака Обамы в 2008–2012 гг. продемонстрировала потенциал социальных сетей для мобилизации избирателей и вовлечения молодежи в политику[76]. Впоследствии представители власти на всех уровнях стали использовать практику прямого общения с гражданами через Facebook*, Twitter**, YouTube** и другие платформы. Такой прямой канал коммуникации позволяет обходить традиционных медиапосредников и информировать аудиторию непосредственно, что усиливает ощущение открытости. Исследования в области электронного правительства

[75]Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс. М: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. С. 86

[76]Bimber B. Digital Media in the Obama Campaigns of 2008 and 2012: Adaptation to the Personalized Political Communication Environment // Journal of Information Technology & Politics, 2014. Vol.11, No. 2. P. 130–150. https://doi.org/10.1080/19331681.2014.895691

*Принадлежит корпорации Meta, признанной экстремистской организацией. Запрещен на территории России

**Запрещены на территории России.

отмечают, что активное информирование и получение обратной связи через соцмедиа повышает доверие граждан к органам власти[77]. В то же время, цифровая коммуникация часто становится источником дезинформации и поляризации мнений. По мнению Х. Эберт и Т. Мауэр, сегодня США являются глобальным лидером в формировании политики в цифровом пространстве, но за данное лидерство все чаще конкурируют другие центры силы[78].

Российская Федерация, входящая в международное объединение БРИКС, стремится укрепить свою легитимность внутри второго сетевого государства, используя отечественные цифровые платформы и учитывая принципы коммуникативной легитимности. Россия старается не упускать из поля зрения ключевые российские коммуникационные платформы, интегрируя их в собственную стратегию легитимации. Внутри страны преобладают отечественные социальные сети: ВКонтакте, Одноклассники, Telegram. Политическая коммуникация в Рунете обладает символическим содержанием, апеллирующим к патриотизму, традиционным ценностям, исторической памяти и образу сильного государства. То есть доминирует ценностно-нормативная легитимация, позволяющая сплотить общество вокруг государственной власти. На международной арене Россия вместе с Китаем и другими странами БРИКС продвигает идею многополярного интернета, где цифровой суверенитет ставится выше требований первого сетевого государства, т.е. США. Этот курс призван укрепить внутреннюю легитимность путем демонстрации независимости от западных технологических гигантов и защиты информационного суверенитета стран-участниц.

Игонин Д.И.
(Казань, КФУ)

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СУБЪЕКТАХ РФ

В современных реалиях социальных процессов миграция в России является важной составляющей, определяющей характер социально-экономического развития регионов страны. Согласно МВД России, по состоянию на 2020 год в стране находилось 6,3 миллиона мигрантов, что составляет примерно 6% от общего числа населения.

Мигранты оказывают существенное влияние на социально-экономическую и политическую сферы жизнедеятельности общества, что подчеркивает их положительное и отрицательное влияние на развитие страны. С одной стороны, миграция – это ресурс для восполнения рабочей силы. С другой стороны, миграция вызывает социальную напряженность в обществе и провоцирует межнациональные и межконфессиональные конфликты.

Миграционные процессы в России существенно отличаются в зависимости от региона. В каждом регионе имеется своя специфика реализации общегосударственной миграционной политики.

В рамках исследования были изучены характерные особенности реализации государственной миграционной политики на региональном уровне на примере нескольких

[77]Arshad S., Khurram S. Can government's presence on social media stimulate citizens' online political participation? Investigating the influence of transparency, trust, and responsiveness // Government Information Quarterly, 2020. Vol. 37. Iss. 3, 101486. https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101486

[78]Ebert H., Maurer T. Contested Cyberspace and Rising Powers // Third World Quarterly, 2013. Vol. 34. Iss. 6. P. 1054-1074. https://doi.org/10.1080/01436597.2013.802502.

кейсов, определены сильные и слабые стороны ее реализации. Эмпирической базой послужили нормативные акты и программы региональных властей субъектов РФ.

Кейс г. Москвы уникален тем, что в рамках реализации региональных проектов существуют программы привлечения высококвалифицированных специалистов. Это обусловлено развитой инфраструктурой и способствует адаптации мигрантов в новой социокультурной среде. Недостатком такой политики является неспособность контролировать нелегальную миграцию и сохранять должный уровень правопорядка.

Республика Татарстан делает акцент на развитие межкультурного и межнационального диалога в миграционной повестке. В рамках государственной программы «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан» осуществляется социокультурная адаптация мигрантов и развивается межнациональное сотрудничество.

Таким образом, подведем общие итоги. Во-первых, эффективность реализации общегосударственной миграционной политики в регионах зависит от способности представителей региональной управленческой элиты применить общефедеральные стандарты к региону, учитывая его характерные особенности. Важно учитывать региональную специфику при реализации программ федерального значения в русле миграционной политики.

Во-вторых, наблюдается информационный дефицит в регионах о мерах поддержки мигрантов, их трудоустройства, основных правах и обязанностях. Кроме того, отсутствует должная проинформированность местного населения относительно интеграции мигрантов в социокультурное пространство принимающего регионального сообщества.

В-третьих, успешная реализация миграционной политики во многом зависит от взаимосотрудничества между различными уровнями власти: от федерального до регионального, заканчивая муниципальным. Важным аспектом может служить развитие институтов гражданского общества, которое способствует эффективному разрешению конфликтов и противоречий между мигрантами и коренными жителями региона.

В-четвертых, на примере Республики Татарстан демонстрируется эффективность построения межкультурного диалога и сотрудничества в рамках реализации общефедеральной миграционной политики, а также ориентация на социокультурную адаптацию мигрантов.

Ильина Е.М.
(Минск, БГУ)

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В современную эпоху стремительного развития цифровых технологий и данных руководством белорусского государства обозначена необходимость рационального и аккуратного подхода к вопросам цифровой трансформации (далее – ЦТ) с приоритизацией реализации поставленных целей цифрового развития Республики Беларусь исходя из национальных интересов.

В политологическом измерении цифровая трансформация представляет собой исходящий из окружающей/внешней среды импульс/вызов на «входе» политической системы, кардинально преобразующий систему в целом или ее отдельные подсистемы и функции под воздействием цифровых технологий, имеющий неизбежный, комплексный и нестабильный характер с неопределенными и вариативными последствиями.

Для научного сопровождения процесса ЦТ белорусской политической системы проведены диахронный анализ процесса принятия решений в сфере информатизации и ЦТ с 1991 г. по настоящее время и теоретическое моделирование современной институциональной структуры принятия решений в сфере ЦТ, основанное на ее упрощении и опосредованном изучении через схематичное представление. Установлены следующие тенденции и закономерности ЦТ белорусской политической системы:

- формирование датацентричной модели политики в сфере ЦТ, в рамках которой оказание государственных услуг и принятие управленческих решений осуществляется на основе аналитики данных, например посредством сбора и анализа информации об уровне цифрового развития административно-территориальных единиц и отраслей белорусской экономики; установления и расчета сводных показателей внедрения цифровых технологий в процессы принятия решений для их ЦТ во всех сферах жизнедеятельности социума и государства; разработки национальными техническими комитетами по стандартизации ТК BY 38 «Цифровая трансформация» и ТК BY 40 «Смарт-индустрия» системы стандартов в сфере ЦТ для обеспечения интероперабельности государственных информационных ресурсов, систем и цифровых платформ;
- внедрение принципа клиентоцентричности в процесс принятия решений в сфере ЦТ, что в развитие концепций сервисного государства и «государства как платформа» предполагает организацию взаимодействия институтов государства, гражданского общества и бизнеса с ориентацией на интересы человека/клиента, а не на электронный сервис (услугу, административную процедуру), например посредством доведения до населения информации о приоритетах национального цифрового развития или изучения спроса и предложения на цифровые решения представителями бизнес-среды с помощью государственной информационной системы «Витрина цифровых проектов»; мониторинга качества оказываемых электронных сервисов через интернет-порталы «Качество-услуг.бел», «Хваля.бел»; запуска единого портала и мобильного приложения «Е-Паслуга» для повышения удобства клиентов при заказе и получении государственных интернет-сервисов в любом месте и в любое время; оптимизации и интеллектуализации на базе цифровых технологий электронных сервисов с последующим предоставлением их в проактивном режиме;
- централизация управления процессами ЦТ с выстраиванием пересекающихся плюрально институционализированных и многоуровневых структурно-функциональных контуров принятия решений в сферах цифрового развития государства, отраслей экономики и регионов, информационной безопасности, электронного правительства, научно-методического, материально-финансового и технического, информационно-аналитического и правового обеспечения политики в сфере ЦТ;
- реинжиниринг управленческих процессов в сфере ЦТ, заключающийся в их пересмотре и перестройке при участии всех заинтересованных сторон посредством нормативно-правового закрепления и реализации таких новых решений, как институт офисов цифровизации для организационно-технического обеспечения имплементации цифровых мероприятий и проектов; механизм пилотных проектов в сфере цифрового развития, который позволяет апробировать и масштабировать отечественные цифровые инициативы за счет бюджетных средств в различные сферы жизнедеятельности общества;
- организация межведомственного взаимодействия с учетом обратной связи с институтами гражданского общества и бизнесом, например посредством привлечения Центром перспективных исследований ОАО «Гипросвязь» экспертов из Парка высоких технологий для проведения экспертизы цифровых инициатив; применения технических нормативных правовых актов в сфере ЦТ, разработанных национальным техническим комитетом по стандартизации ТК BY 38 «Цифровая трансформация», в состав которого, наряду с государственными институтами, входят представители общественных объеди-

нений и научно-технологических ассоциаций.

Результаты исследования получены в рамках выполнения задания 2.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности» № ГР 20211919 ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы.

Ильичев М.В. (Москва, Благотворительный Фонд «Приоритеты роста»)
Ованесьян А.А. (Москва, РАНХиГС)

МЕХАНИЗМЫ СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ПРОЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

В современных условиях государственно-частное партнёрство (ГЧП) представляет собой один из наиболее эффективных механизмов привлечения внебюджетных источников финансирования в сферу социальной и инфраструктурной политики. ГЧП выступает и как особая форма взаимодействия государства и бизнеса, предполагающая совместную ответственность сторон за достижение общественно полезных результатов.

В рамках ГЧП и государство, и частный сектор реализуют свои интересы, которые далеко не всегда совпадают. Именно поэтому механизм ГЧП предполагает не просто распределение ролей и рисков, но и необходимость выстраивания диалога, поиска компромиссов и согласования целей, что позволяет достигать устойчивых и взаимовыгодных результатов.

Развитие объектов социальной направленности невозможно без активного участия частного капитала и выстраивания долгосрочного сотрудничества. Успешность реализации таких проектов зависит не только от экономической целесообразности и наличия правовых оснований, но прежде всего от способности сторон согласовывать свои интересы, учитывать приоритеты друг друга и предотвращать конфликты на ранних стадиях. Эффективный механизм согласования интересов позволяет обеспечить баланс между публичной значимостью, частной выгодой и общественными потребностями, повысить прозрачность взаимодействия и устойчивость партнёрских инициатив.

Эти механизмы позволяют минимизировать риски конфликтов и обеспечить сбалансированное распределение выгод и обязательств между участниками проекта.

Ключевым условием эффективного согласования интересов между государством и частным сектором в рамках реализации проектов государственно-частного партнёрства выступает наличие устойчивых институциональных форм, функционирующих в качестве посредников и координаторов взаимодействия. Указанные формы обеспечивают институционализацию диалога между сторонами, создают условия для структурирования интересов, способствуют распределению рисков и формированию согласованных решений, направленных на достижение общезначимых целей.

В совокупности институциональные механизмы согласования интересов включают:

- формализованные регулятивные акты – правовые нормы, нормативно-правовые регламенты и иные документы, устанавливающие рамки допустимого поведения участников партнёрства и определяющие процедуру их взаимодействия;
- стратегические и программно-плановые документы, в числе которых стратегии социально-экономического развития, генеральные и территориальные планы, концепции

пространственного развития, в которых закреплены приоритеты и направления трансформации региональных систем;

• институционализированные формы реализации проектов ГЧП – концессионные соглашения, соглашения о государственно-частном партнёрстве, соглашения о разделе продукции, государственно-частные предприятия и иные организационно-правовые конструкции, обеспечивающие правовую фиксацию взаимных обязательств.

Функциональное назначение институциональных механизмов состоит в формировании предсказуемой нормативной среды, снижении транзакционных издержек взаимодействия, минимизации потенциальных конфликтов интересов и повышении степени доверия между сторонами. Именно в рамках устойчивых институциональных структур возможно реалистичное и справедливое распределение обязательств, выгод и рисков, что является необходимым условием устойчивости и эффективности партнёрских проектов.

Важным условием согласования интересов является наличие устойчивых посредников между участниками ГЧП. Эти структуры обеспечивают институционализированный диалог и создают площадку для выражения и выравнивания интересов всех участников процесса. В регионах России такую роль часто выполняют публичные консультационные органы, действующие на базе министерств образования, спорта или инвестиционного развития.

Вышеуказанные механизмы обеспечивают практическую реализацию принципов результативности, транспарентности и социальной ответственности, служат связующим звеном между нормативно-правовой базой и повседневной реализацией проектов и позволяют учитывать как экономические, так и социальные интересы участников ГЧП.

Ключевым условием эффективности проектов ГЧП становится способность партнёров достигать взаимовыгодных целей, сохраняя при этом баланс интересов. Это, в свою очередь, предполагает грамотное распределение рисков, ресурсов и ожидаемой выгоды. На практике государство предпринимает шаги по институционализации гибких форм регулирования и внедрению согласовательных инструментов, позволяющих снижать нагрузку на участников проектов в условиях нестабильной внешнеэкономической обстановки.

Научный проект №FZNF-2025-0027 «Цивилизационные ценностные императивы российского гражданского общества и их проекция на политическую культуру региональной молодежи» реализуется в Государственном академическом университете гуманитарных наук (ГАУГН) по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ)

Ильичева М.В. (Москва, ФНИСЦ РАН)
Ильичева Л.Е., Лапин А.В. (Москва, РАНХиГС)

ЦЕННОСТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В ПРОЕКЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ

Включение социально-политических ценностей, формируемых на макроуровне, в образ будущего страны позволяет конституировать соответствующую идеологию государства, в рамках которой эти ценности ориентируют, нормируют, объединяют и сохраняют устойчивость социальной системы государства.

Одним из ученых, исследовавших систему ценностей личности, был американский психолог М. Рокич, разработавший общепринятую в научном сообществе концепцию ценностных ориентаций личности, которая имеет универсальный идеологический контекст, так как объясняет смысл человеческой жизни в достижении личностных ценно-

стей, являющихся жизненной целью при любых идеологических конструкциях.

М. Рокич разработал типологию ценностей, разделив их на два класса:

1.Терминальные ценности, которые детерминируют цели и в какой-то степени относятся к категории веры: активная деятельная жизнь; жизненная мудрость; здоровье и другие.

2. Инструментальные ценности, которые детерминируют таланты, необходимые для достижения терминальных ценностей: аккуратность; воспитанность; высокие запросы; жизнерадостность и другие.

Терминальные ценности по М. Рокичу воплощают наши представления об образе будущего каждой личности и, значит, общества в целом как совокупности личностей, поэтому мы можем рассматривать их как некие общечеловеческие ценности, наполняющие образ будущего общества субстантивным целеполагательным содержанием, описывающим основные ценностно-смысловые ориентиры развития страны.

Инструментальные же ценности в интерпретации М. Рокича детерминируют таланты, что с точки зрения нашего подхода означает способности, которыми обладают люди (общество) и которые они применяют в ходе своего продвижения к тому образу будущего, который запечатлен в их ценностной системе.

Этот вывод предоставляет нам возможность сформировать ключевую гипотезу нашего исследования: если влиять на те или иные инструментальные ценности (таланты и способности) индивидов и социальных групп, прежде всего, молодежи, можно постараться изменить их ценностные системы в определенном русле, что, с одной стороны, может создать предпосылки для оптимизации траектории движения основной части общества, включая молодежь, в направлении установленного образа будущего страны, с другой стороны, может поспособствовать приведению ценностных установок оставшейся части общества в такое ценностное состояние, которое будет мотивировать их не к проведению протестных акций, а к переговорам по поводу учета их особого, в том числе, молодежного мнения.

Однако моделирование политических и социально-экономических процессов, которое также находится в оптике нашего исследования, предполагает планирование акцентированного, принудительного управляющего воздействия на личность с целью достижения установленных обществом терминальных ценностей путем изменения в нужном направлении личностных инструментальных ценностей. В этом случае достижение терминальных ценностей должно осуществляться не за счет использования природного таланта, а через наращивание конкретных компетенций и навыков, т.е. того, что лучше поддается изменению и измерению.

В этом контексте наиболее полно удовлетворяет нашим требованиям количественной оценки ценностных факторов методика, разработанная известным израильским психологом Ш. Шварцем, который утверждал, что каждая ценность личности фокусируется на каком-либо результате, к которому ведёт та или иная ценность, например, к личной или социальной выгоде, к саморазвитию, к открытости изменениям, к созданию общего блага.

Проецируя этот подход на решение задач регионального и муниципального развития, можно высказать предположение, что если общество научится управлять в позитивном ключе личными ценностными ориентациями граждан в смысле наращивания конкретных компетенций и навыков, то это позволит выстроить оптимальную траекторию его движения к терминальным ценностям в формате образа будущего региона и муниципалитета. Использование методологии Ш. Шварца, базирующейся на предпосылке о существовании универсальных человеческих ценностей, которые встречаются в каждой человеческой культуре и на любой территории проживания людей, дает нам возможность идентификации отдельных личных ценностей, с одной стороны, охватывающих базовые потребности человека, но, с другой стороны, отличающихся мотивационной структурой.

Следуя этой логике, для успешного моделирования региональных и муниципальных процессов развития необходимо не только выявить ценностные ориентации населения, включая молодежь, описывающие текущее состояние общественного сознания в регионе и муниципалитете, но и детализировать конечную точку развития региона и муниципалитета в формате образа будущего, содержание которого должно иметь и молодежную составляющую.

Научный проект №FZNF-2025-0027 «Цивилизационные ценностные императивы российского гражданского общества и их проекция на политическую культуру региональной молодежи» реализуется в Государственном академическом университете гуманитарных наук (ГАУГН) по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ).

Илюшин И.И.
(Москва, МГИМО МИД России)

АКЦЕНТЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ ЕДИНОГО ДНЯ ГОЛОСОВАНИЯ – 2025: НА ПРИМЕРЕ ОБРАЩЕНИЙ К РАЗЛИЧНЫМ СОЦИАЛЬНЫМ ГРУППАМ

14 сентября 2025 г. в 21 субъекте РФ был избран глава региона, политический состав обновили законодательные собрания 11 субъектов, 25 городов-региональных столиц и множества местных законодательных органов власти. В составе исследовательского коллектива автор провел исследование относительно того, какие группы электората являлись приоритетными в политической борьбе партий на выборах глав регионов и депутатов Заксобраний, что позволило выявить сходства и различия целевых аудиторий и стратегий коммуникаций, в том числе в контексте анализа регионального опыта в глобальном разрезе и больших трендов в преддверии электорального цикла 2026 года.

Целеполагание исследования было обусловлено проблемой: в 2024 году, согласно исследованию, ВЦИОМ, 42% граждан России считали[79], что партии, которая представляла бы их интересы, не существует. Такая ситуация могла быть чревата нестабильностью и непредвиденными вызовами для избирательной системы РФ, особенно в контексте выборов депутатов IX Созыва Госдумы в 2026 году. В силу вышеозначенных факторов актуальность темы не вызывала сомнений. Учитывая, что электоральные кампании Единого дня голосования 2025 г. являлись, де-факто, «генеральной репетицией» ЕДГ-2026, проблематика приобрела особую важность.

Методами контент-анализа проанализированы обращения к социальным группам в избирательных кампаниях высших должностных лиц субъектов РФ и депутатов региональных парламентов в период с 1 июля по 11 сентября 2025 г. В каждой из кампаний был составлен массив данных, в который входили:

• Тексты постов в социальных сетях ВКонтакте, Одноклассники, Telegram, размещённые на страницах кандидатов, объявивших о решении участвовать в губернаторских выборах, и партий, зарегистрировавших списки кандидатов в региональный парламент.

[79]ВЦИОМ. Россияне разделились в вопросе представления партиями их интересов // РБК. — Текст: электронный. — URL: https://www.rbc.ru/politics/19/04/2024/6621acbc9a7947865e48fc15 (дата обращения: 26.10.2025).

• Стенограммы дебатов кандидатов в губернаторы и представителей политических партий.

Общее количество единиц анализа составило более 17 тыс публикаций в социальных сетях и 42 стенограммы дебатов кандидатов на должность главы региона и представителей политических партий. Составлена соответствующая база данных, сегментированная по уровню кампаний и принадлежности к политическим партиям.

Ключевые выводы исследования:

1. Политические партии сосредоточились на нескольких категориях избирателей: семьи с детьми, работники бюджетной сферы, участники СВО и их семьи и др. ЕДГ-2025 можно считать репетицией выборов депутатов Госдумы IX созыва. Политические силы получили возможность проверить сетевые структуры, отточить механизмы и наполнение кампаний. При этом идеологические контуры федеральной кампании не будут принципиально отличаться от продемонстрированных в 2025 г.

2. Непарламентские партии, будучи нишевыми, сущностно копируют повестку парламентских партий, фактически игнорируя свой логичный modus operandi. Это приводит к отсутствию точного позиционирования, что может стать одной из причин значительного отставания таких партий на выборах 2026 г.

3. В среднем политические партии и кандидаты в губернаторы взаимодействовали с какими-либо социальными группами в 75% публикаций в социальных сетях. Остальные не затрагивали какие-либо социальные группы.

4. Огромные по численности социальные группы – партнёры цифровых платформ, частные водители, слушатели онлайн-школ, самозанятые и многие другие – оказались вне зоны внимания во время выборов.

5. Также можно утверждать, что партии, возможно за исключением «Единой России», очень плохо знают и понимают свой электорат, с трудом его описывают и не ищут новые социальные группы для позиционирования, концентрируясь на «привычных» сегментах электората и способах коммуникации.

6. Такая ситуация создаёт возможности для парламентских и непарламентских партий в ходе кампании по выборам в Государственную Думу: системная работа с новыми и неохваченными вниманием социальными группами может привести к неожиданным эффектам и резкому расширению электоральной базы. Однако, это потребует от партий полноценного анализа меняющей структуры общества в предстоящий год и новых подходов к смысловому наполнению и инструментам кампаний.

7. Однако, стоит отметить, что игнорирование партиями новых и части старых социальных групп снижает устойчивость и прогнозируемость социально-политической структуры общества: миллионы избирателей, чья жизнь и политические предпочтения существенно меняются, скорее всего не видят своего политического представительства и не ощущают внимания от действующих политических партий.

Предполагается, что выводы исследования обладают практической ценностью и могут быть учтены в стратегиях позиционирования и коммуникации политических партий на выборах 2026 года.

Исаев Б.А. (Санкт-Петербург, ГУАП)
Игнатьева И.Ф. (Санкт-Петербург, РГПУ им. Герцена)

СТРУКТУРИЗАЦИЯ ГЕОПОЛИТИКИ

Геополитика как научная дисциплина занимает определенное место в структуре науки. Большинство геополитиков полагают, что их наука является дисциплиной политологии и, в структурном плане, занимает достойное место в науках о международных отношениях. А какова структура самой геополитики?

Этот вопрос не ставили основатели этой научной дисциплины, но из их трудов вытекает, что геополитика имеет определенную структуру.

В работах Фридриха Ратцеля (1844-1904) просматривается дифференциация географии на географию растений и географию животных. Геополитику Ратцель структурировал по сферам природы на: геосферу, гидросферу и атмосферу. Все геополитические дисциплины он подразделял на:

– дисциплины о Земле и разнообразии природных условий;

– дисциплины о разных человеческих сообществах;

– дисциплины о государствах, объединяющих человеческие сообщества, находящихся в разных географических условиях (1, 76-105).

Последователь Ратцеля Рудольф Челлен (1864-1922), преподававший государствоведение, начал рассматривать государства не только как юридические субъекты, но и как «живые, развивающиеся организмы, взаимодействующие с окружающей средой и вступающие во взаимодействие с подобными себе» (Ратцель).

Геополитику, как самостоятельную научную дисциплину Челлен дифференцировал на:

– топополитику, изучающую положение территории государства;

– морфополитику – науку о форме государственной территории;

– физиополитику – учение о рельефе и недрах государственной территории.

Сама геополитика как наука была помещена Челленом в структуру родственных наук, таких как: экополитика (наука об экономике), демополитика (учение о населении), социополитика (учение об обществе), кратополитика (наука о власти) (4, 66-74).

Геополитики начала XX века использовали структурные наработки основателей для структуризации мира. Характерной в этом отношении является работа Эриха Обста «Англия, Европа и мир» (1931), в которой автор составил две структуры мира колониальных держав, первая из которых имела в качестве критерия площадь территории (включая принадлежащие державе колонии), вторая – количество населения (метрополий плюс колоний). Обе структуры мира, по Обсту, начинались с крупнейших колониальных держав: Британской, Российской, Французской, Германской и др., что адекватно отражало соотношение сил на мировой арене 1930-х гг.

Современные геополитики продолжают структурировать дисциплину геополитики и современный мир, используя как наработки классиков, так и выдвигая собственные разработки (3, 225-248).

Дифференциация современной геополитики происходит, во-первых, по средам обитания человека на геополитику суши, моря, воздуха, а также геополитику недр, подводной среды, аэрокосмической среды.

В географическом измерении геополитика дифференцируется на: глобальную, континентальную, регионально-планетарную, регионально-государственную, локальную геополитику.

С точки зрения исследования виртуальных сред современная геополитика подразделяется на: геополитики радиоэфира, телеэфира, печатных научно-популярных изда-

ний, печатных научных и экспертных изданий, Интернета.

По предмету исследования или образу его представления современная геополитика делится на: геополитику «великой шахматной доски» (Збигнев Бжезинский), геополитику «пирамиды геополитических и геоэкономических статусов» (Алекс Баттлер), геополитику одно-, двух-, многополярного мира (Мортон Каплан), геополитику «большого хаоса» (Игнасио Рамоне), геополитику «дрейфа континентов» (Сергей Переслегин) и др.

По геополитическим моделям современная геополитика разделяется на:геополитику полюсных моделей («баланса сил», «гибкой биполярной системы», «жесткой биполярной системы», «универсальной системы», «иерархической системы», «системы вето» Каплана) (2, 451-455); геополитику цивилизаций (например, «семи с половиной цивилизаций» Самюэля Хантингтона) (2, 425-437); геополитику «этнотектонических плит» Переслегина и др.

Современная геополитика подразделяется также на составляющие ее субдисциплины, а именно на: геоисторию, геоэкономику, геоэтнополитологию, геокультурологию, геоконфессиологию, геоконфликтологию, геофутурологию, геополитику туризма.

Структура современной геополитики, с одной стороны, продолжает традиции классиков, с другой – имеет существенные отличия, обусловленные изменением мира и развитием самой науки геополитики.

Используя наработки основателей и собственные достижения, современные геополитики структурируют окружающий мир. За основу структурирования мира современные геополитики, как и их предшественники-классики, берут его разделение по государственным границам, а также по этносам, конфессиям, социальным сообществам и группам, социальным слоям (стратам).

Структура геополитики как науки и структурирование мира геополитиками служат для ориентации исследователей и практических политиков как в самой науке, так и в устройстве современного мира.

Следует отметить, что структура геополитики как науки и структура мира, являющаяся предметом изучения современными геополитиками, постоянно меняется: отмирают одни ее элементы и возникают другие, появляются новые подходы к структурированию как мира, так и науки геополитики, учитываются влияния других наук.

Исаева Е.А., Новожилова С.А.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

СОЦИАЛЬНЫЙ РЕЙТИНГ ПУБЛИЧНОЙ АКТИВНОСТИ: ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

Цифровизация общественных процессов повышает значимость социальных сетей как ключевого инструмента коммуникации, формирования общественного мнения и продвижения идей. Для общественно-политических институтов, таких как Общественные палаты, активное присутствие в цифровой среде становится критически важным. Эффективность работы палат во многом зависит от доверия общественности и способности влиять на процессы принятия решений.

Особый интерес представляет анализ деятельности конкретных представителей этих институтов – промоутеров, которые через личные аккаунты формируют имидж общественной палаты. Однако единый инструмент для оценки и сравнения эффективности их цифровой активности на сегодняшний день отсутствует. Данное исследование направлено на заполнение этого пробела путем разработки и апробации авторской методики построения социального рейтинга промоутеров.

В основе исследования лежит анализ цифрового следа 33 членов Общественной палаты Ярославской области VI созыва (2024-2027 гг.), имеющих открытые аккаунты в «ВКонтакте» и публиковавших контент, связанный с деятельностью палаты, в период с 21 марта по 31 декабря 2024 года. Палата включает 75 членов, однако остальные члены палаты либо имеют закрытый аккаунт в социальной сети ВКонтакте, либо не имеют его вовсе. Данная эмпирическая база позволила сформировать рейтинг членов палаты по активности проведения ими промоутинга общественного института.

Для оценки был разработан комплексный индекс, включающий 17 критериев, объединенных в две группы:

1. Статичные параметры профиля: открытость страницы, наличие упоминания статуса члена палаты в «шапке» профиля, открытость комментариев, подписка на группу палаты, количество друзей и подписчиков.

2. Динамические параметры контента: количество и тип публикаций о палате (посты, репосты, медиа), уровень вовлеченности аудитории (лайки, комментарии, ответы, охват), использование специальных инструментов продвижения (хештеги, теги).

Для определения весовых коэффициентов каждого критерия был проведен опрос 30 экспертов (специалисты в сфере SMM, PR, медиа, по работе сайтов социальных сетей, общественной деятельности, методикам оценивания, в том числе, имеющие академический бэкграунд).

Анализ данных выявил значительную дисперсию в уровне цифровой активности членов палаты. Итоговые рейтинговые значения варьировались от 0,8 до 207,3, что позволило распределить всех промоутеров по пяти рангам (A-E) на основе расчета статистических квартилей.

• Ранг A (лидер): Председатель палаты С.В. Березкин (207,3) значительно опередил остальных благодаря максимальному количеству тематических публикаций (64), что демонстрирует прямую зависимость между уровнем вовлеченности в работу палаты и эффективностью ее промоутинга.

• Ранг B (высокий): 8 членов палаты с рейтингом от 19,7 до 50. Внутри группы наблюдаются разные стратегии: одни лидируют за счет частоты упоминаний палаты (И.А. Ямщиков, А.В. Мышкарёв), другие – за счет разнообразия форматов контента и высокой аудитории (Т.П. Вершинина, Е.А. Исаева).

• Ранги C (средний) и D (низкий): объединяют членов палаты, которые, несмотря на публикацию контента о палате, имеют малую аудиторию (ранг C) либо фокусируются в своих аккаунтах на иной деятельности (ранг D), хотя и обладают значительным потенциалом (большим количеством друзей и подписчиков).

• Ранг E (слабый): объединяет участников с минимальной активностью, чей контент носит эпизодический характер и состоит в основном из репостов, что не способствует эффективному продвижению.

Важным наблюдением стало отсутствие единой стратегии продвижения: лишь двое членов палаты указали свой статус в «шапке» профиля, использование хештегов (#ОбщественнаяПалатаЯО) было бессистемным и зачастую не связанным с содержанием постов. Члены палаты редко позиционируют себя именно как представители органа в текстах публикаций, что снижает узнаваемость и ассоциативную связь.

Сравнение активности по комиссиям палаты показало, что наивысший средний рей-

тинг у комиссии по духовно-нравственному воспитанию (30,6), что обусловлено лидерством ее председателя. Комиссии, занявшие следующие места, добились этого за счет более равномерной, хоть и средней, активности большинства своих членов.

В результате проведенного исследования можно выделить следующие выводы:

1. Разработанная методика построения социального рейтинга доказала свою практическую применимость для объективной оценки и ранжирования цифровой активности промоутеров общественно-политических институтов.
2. Исследование выявило существенный разрыв в эффективности промоутинга между отдельными членами Общественной палаты, что указывает на отсутствие скоординированной цифровой стратегии.
3. Ключевыми факторами высокого рейтинга являются не столько размер аудитории, сколько регулярность и разнообразие тематического контента, а также прямое позиционирование себя как члена палаты.
4. Социальный рейтинг выступает не только как измерительный инструмент, но и как потенциал для управления репутацией: он выявляет лучшие практики и зоны для развития, что позволяет давать точечные рекомендации по оптимизации цифрового присутствия как отдельным членам, так и институту в целом.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00728 «Политические последствия социального рейтингования граждан»

Ишанова А.К.
(Астана, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ: НОВЫЕ МОДЕЛИ МАСКУЛИННОСТИ И ФЕМИНИННОСТИ

В полиэтнических обществах Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) наблюдается значительная трансформация гендерных ролей, обусловленная социально-экономическими изменениями, миграцией, глобализацией и усилиями международных организаций. Традиционные представления о маскулинности и феминности подвергаются пересмотру, что приводит к формированию новых моделей гендерной идентичности.

Согласно аналитической статье Challenging Social Norms and Gender Stereotypes: Advancing Women's Rights as a Catalyst for Economic Growth in Central Asia, опубликованной Всемирным банком, экономические преобразования в регионе способствовали изменению традиционных ролей мужчин и женщин. В частности, женщины стали активнее участвовать в трудовой деятельности, что повлияло на перераспределение обязанностей в семье. Однако сохраняются значительные гендерные различия в оплате труда: в Казахстане женщины зарабатывают в среднем на 22% меньше мужчин, а в Кыргызстане – на 25%[80].

Согласно данным аналитического отчета Gender Data Portal Всемирного банка, расширение доступа женщин к образованию способствует пересмотру традиционных гендерных ролей. В Таджикистане уровень участия женщин в трудовой силе составляет

[80]World Bank, 2023. URL: https://www.worldbank.org/en/news/feature/2023/03/06/challenging-social-norms-and-gender-stereotypes

31,3%, тогда как среди мужчин этот показатель достигает 52,8%. Несмотря на сохраняющийся разрыв, повышение образовательного уровня женщин напрямую связано с их растущей вовлечённостью в общественную и экономическую жизнь[81].

Согласно информации, представленной в отчете Международного фонда сельскохозяйственного развития (IFAD), международные организации играют ключевую роль в продвижении гендерного равенства в регионе. Программы, направленные на трансформацию социальных норм и преодоление стереотипов, содействуют формированию новых моделей маскулинности и феминности. Так, в Кыргызстане внедрение методологии Gender Action Learning System (GALS) способствовало пересмотру традиционных семейных ролей и более справедливому распределению обязанностей между мужчинами и женщинами[82].

В результате вышеуказанных факторов формируются новые модели гендерной идентичности. Мужчины начинают активнее участвовать в домашних обязанностях и воспитании детей, а женщины – в общественной и экономической жизни. Это способствует более равноправным отношениям в семье и обществе в целом. Что в свою очередь также влечет необходимость нормативно-правовой поддержки данных изменений, в том числе с учетом обеспечения равного соблюдения прав и свобод как женщин, так и мужчин.

Трансформация гендерных ролей в полиэтнических обществах Центральной Азии является сложным и многогранным процессом. Он обусловлен сочетанием внутренних и внешних факторов, включая социально-экономические изменения, образовательные инициативы и деятельность международных организаций. Формирование новых моделей маскулинности и феминности способствует продвижению гендерного равенства и устойчивому развитию региона.

Статья подготовлена в рамках проекта Грантового финансирования Комитета науки МНВО РК AP26102027 «Социально-политическая депривация и ее влияние на межэтническую консолидацию и общественный оптимизм в густонаселенных регионах Казахстана»

Казак О.Г.
(Минск, БГЭУ)

НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СОЮЗ ПОЛЯКОВ БЕЛАРУСИ» КАК СУБЪЕКТ ПАРАДИПЛОМАТИИ (2025 Г.)

«Союз поляков Беларуси» (далее – СПБ), созданный в 1990 г., долгое время являлся крупнейшей организацией польского национального меньшинства в Беларуси. В 2005 г. в организации произошел раскол, после которого имеет место параллельное существование двух институций под названием СПБ. «Официальный» СПБ действует в тесном взаимодействии с органами государственного управления и институтами гражданского общества Беларуси и объективно содействует сохранению и популяризации польской культуры в стране. Незарегистрированный («нелегальный») СПБ имеет широкие контакты с правительственными кругами Варшавы и выступает с резкой критикой государственной политики Республики Беларусь. В 2021 г. разразился дипломатический скандал, связанный с участием Консула Польши в Бресте Е. Тимо-

[81]World Bank Gender Data Portal, 2024. URL: https://genderdata.worldbank.org/indicators/sl-tlf-acti-zs-wt/).
[82]IFAD, 2021. URL: https://www.ifad.org/en/web/knowledge/-/gender-action-learning-system-gals-in-kyrgyzstan

феюка в организованном незарегистрированным СПБ коммеморативном мероприятии в честь Польской Армии Крайовой. Многие лидеры нелегального общественного объединения были задержаны (вскоре после этого они были выпущены на свободу); решением суда Ленинского района Гродно от 30 декабря 2021 г. официальный интернет-портал организации был включен в перечень экстремистских материалов. В настоящее время незарегистрированный СПБ имеет новый официальный сайт (https://portalzpb.pl/), который не входит в перечень экстремистских материалов. Анализ публикаций портала за 2025 г. позволяет сделать вывод о том, что «нелегальный» СПБ продолжает оставаться важным инструментом «мягкой силы» Польши в Беларуси.

В 2025 г. незарегистрированный СПБ (прежде всего в лице ее лидера А. Борис) сохранил тесные контакты с представителями политической элиты Польши. Так, А. Борис 29 января 2025 г. присутствовала на мероприятии в Сенате Польши, посвященном столетию со дня рождения известного польского общественно-политического деятеля, многолетнего председателя организации «Вспульнота Польска» (занимается поддержкой польских диаспор во всем мире) А. Стельмаховского; 2 мая заместитель председателя «нелегального» СПБ М. Заневский по приглашению Президента Польши А. Дуды принял участие в прошедшем в Варшаве торжественном мероприятии, посвященном Дню флага Республики Польша и Дню польской диаспоры. В июле 2025 г. А. Борис и М. Заневский приняли участие в заседании Консультативного совета польской диаспоры при маршале Сената Республики Польша. Имеют место контакты лидеров незарегистрированного СПБ с региональными элитами Польши. В частности, 30–31 января 2025 г. при поддержке Фонда Р. Кирштейна (Польша) состоялась встреча А. Борис с руководством Опольского воеводства. Обсуждались вопросы приглашения детей из Беларуси, изучающих польский язык, на экскурсии в Ополе, проведения тренингов для преподавателей польского языка из Беларуси.

Незарегистрированный СПБ фактически контролирует сеть центров изучения польского языка (данные центры действуют, в частности, в Минске, Гродно, Бресте, Барановичах, Лиде, Волковыске, Слониме, Кобрине и других городах). В мероприятиях центров регулярно участвует лидер организации А. Борис, представители дипломатического корпуса Польши в Беларуси. Так, 1 мая 2025 г. около 100 молодых людей, изучающих польский язык, были приглашены на торжественный прием в Генеральное консульство Республики Польша в Гродно. В конце мая А. Борис и Генеральный консул Польши в Гродно Б. Коженевский приняли участие в мероприятии, посвящён окончанию учебного года в центре изучения польского языка в Волковыске.

Продолжают развиваться традиционные для «нелегального» СПБ взаимодействия с организацией «Вспульнота Польска». В январе 2025 г. в Гродно на средства данной институции был организован методический семинар для 36 преподавателей польского языка.

«Нелегальный» СПБ выступает посредником в организации поездок детей и молодежи в Польшу. Например, в июле 2025 г. 80 детей, изучающих польский язык, по инициативе незарегистрированного СПБ и при финансовой поддержке властей Кракова и Малопольского воеводства посетили данный регион Польши.

Анализ материалов интернет-портала «нелегального» СПБ позволяет сделать вывод, что данная структура на современном этапе не прибегает к прямой критике действий белорусских властей. В то же время практически во всех публикациях подчеркивается, что организация является «оплотом польскости» и действует в чрезвычайно сложных обстоятельствах. Подобные нарративы закрепляют у членов и симпатизантов «нелегального» СПБ чувства дистанцированности, отчужденности от титульной нации и государственных структур. Политические элиты и влиятельные общественные институты Польши попрежнему сохраняют разноплановые контакты исключительно с активистами незарегистрированного СПБ, что усиливает раскол в рядах польской диаспоры в Беларуси.

Казаков А.А.
(Саратов, СГУ имени Н.Г. Чернышевского)

СПЕЦИФИКА ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К СВО

Эмпирической базой исследования стали данные ежемесячных замеров, осуществлявшихся с марта 2022 г. по июнь 2025 г. «Левада-Центром» (признан в России иноагентом), а также трех онлайн-анкетирований (n = 3796) и серии фокус-групповых интервью с участием молодежи (n = 110), проведенных в ноябре 2022, 2023 и 2024 гг. сотрудниками кафедры политических наук Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Результаты опросов позволяют констатировать следующее. С одной стороны, молодежь в большинстве своем разделяет преобладающее в российском обществе отношение к СВО: поддерживает проведение спецоперации (по результатам опроса «Левада-Центра», определенно поддерживают 29% респондентов в возрасте 18-24 лет и 37% 25-39-летних; скорее поддерживают 33% и 32% соответственно), считает, что ее начало было во многом вынужденной мерой, призванной устранить реальную угрозу, исходившую от курируемой США и европейскими государствами Украины (об этом свидетельствуют результаты проведенных нами онлайн-анкетирований и фокус-групповых интервью). С другой стороны, очевидно, что уровень этой поддержки и объем внимания, уделяемого СВО, у молодых людей заметно ниже, чем у старших поколений (определенно поддерживают СВО 40% респондентов в возрасте 40-54 лет и 50% 55 лет и старше; скорее поддерживают 36% и 28% соответственно); кроме того, представители интересующей нас возрастной группы настроены более миролюбиво в отношении вариантов завершения конфликта (уверены в необходимости начать мирные переговоры 39% 18-24-летних, 31% 25-39-летних и по 30% 40-54-летних и 55 лет и старше).

Причин подобного восприятия происходящего, на наш взгляд, несколько. Наиболее важными из них являются наблюдавшиеся до последнего времени деидеологизация образования и слом системы патриотического воспитания в нашей стране; проникновение в ткань российского общества во многом чуждых нам западных ценностей индивидуализма, ничем не ограниченной свободы (в том числе – от моральных норм и обязательств), материального благополучия, приоритета интересов личности над потребностями коллектива; возрастные особенности самой молодежи (отсутствие богатого жизненного опыта, скептическое отношение ко всему, что «навязывается» извне, не самое хорошее знание истории и в целом невысокий интерес к политике).

Все это осложняется тем, что в силу присущих им особенностей медиапотребления молодые люди нередко оказываются «вне зоны доступа» для тех нарративов, которые конструируются в отношении СВО властью. Практически не смотря телевизор, не читая газеты и не слушая общественно-политические радиостанции, молодежь, как правило, узнает о происходящем из мессенджеров и социальных сетей – той среды, в которой информационная работа государства объективно не может быть такой же эффективной, как в пространстве традиционных медиа.

Соответственно, для того чтобы добиться более лояльного отношения молодых людей к происходящему в рамках СВО, на наш взгляд, необходимо прикладывать усилия по двум основным направлениям. Во-первых, более активно и результативно внедрять в систему образования и воспитания патриотическую составляющую (в данном случае вполне можно было бы использовать термин «идеологическую», однако формальным препятствием для этого является тринадцатая статья Конституции РФ, закрепившая

принцип идейно-политического плюрализма). Причем инструментальные основы для этого уже созданы (в школах введены уроки «Разговоры о важном», в вузах – «Основы российской государственности», издан Указ Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»), осталось лишь по максимуму реализовать появившиеся в связи с этим возможности.

Во-вторых, ощущается острая необходимость наращивания интенсивности и качества информационного присутствия государства в новых медиа. До тех пор, пока властные фреймы и нарративы будут транслироваться преимущественно в теле– и радиоэфирах, в востребованных у молодежи мессенджерах и социальных сетях по-прежнему будут формироваться во многом параллельные и отчасти даже альтернативные медийные повестки. А значит, и отношение молодых людей к происходящему в политике будет оставаться весьма специфичным.

Статья подготовлена в рамках госзадания № 124011800068-5 по теме «Влияние медиапрактик на политическое сознание российской молодежи: особенности, тенденции, возможности коррекции».

Казаринова Д.Б.
(Москва, РУДН)

RUSSIAN CORE: НЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРЕНД В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Как первая волна моды на русское была вызвана подъемом патриотических настроений во время Крымской войны и продлилась до 1856 г., вторая – в ответ на Польское восстание, третья – как результат Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., так и сегодняшнее массовое увлечение русским визуальным стилем можно соотнести с внешнеполитическими событиями эпохи СВО.

Russian Core – тренд в моде и культуре, возродивший интерес к русским традициям. Он моделируется на основе образов, возникших ещё в конце XIX века усилиями В. Васнецова и Абрамцевского кружка. Сегодня эта тенденция охватывает музыку, дизайн, моду и образ жизни молодёжи. Рост популярности Russian Core отражает реакцию общества на внешние вызовы и потребность в укреплении духовной основы нации. Яркими примерами являются свадьбы в русском стиле, возвращение к фольклору и народным костюмам. Хотя масштаб современного тренда уступает достижениям прошлых эпох, его массовость впечатляет.

Понятие Russian Core символизирует российскую идентичность, объединяя национальные символы и современную эстетику. Вопрос соотношения русской национальной составляющей и многонационального характера страны остаётся открытым. Ещё одна тема – включение православной традиции в этот тренд, учитывая разнообразность религиозных взглядов в постсекулярном обществе. Таким образом, Russian Core – это выражение адаптивности российского общества к новым условиям, подкрепленное глубокой исторической памятью и стремлением к аутентичной идентичности.

Russian Core – современный социальный и культурный тренд в России, характеризующийся акцентом на внутреннюю самоидентификацию, уважение собственных корней, ценностных ориентиров и истории народа. Этот тренд проявляется в следующих направлениях:

– Возрождение традиционных русских обычаев, ремесел, народных промыслов и искусства

– Популяризация идей патриотизма, любви к родине и гордости за свою страну

– Осознанность выбора собственной национальной принадлежности, стремление к сохранению русской культуры и традиций.

– Создание качественной отечественной продукции во всех сферах жизни (от продуктов питания до технологий), отказ от подражания западному образу жизни.

Ключевое отличие Russian Core состоит в отказе от активного вмешательства в политику, сознательном дистанцировании от нее. С одной стороны, представители властных кругов позиционируют этот тренд как патриотический, протестный по отношению к западной антироссийской повестке. С другой стороны, «либеральная» часть россиян делает акцент на визуальной репрезентации русскости в современной культуре как антитезе официозу, все больше ориентирующемуся на советские образцы. В пользу этой точки зрения говорит отход от нарочито патриотической моды середины 2010-х и переход к более деполитизированным образцам, отсылающим к широко понимаемой русской (а часто российской, с отсылками к иным этносам) визуальной традиции.

Казун А.Д.
(Москва, НИУ ВШЭ)

«ЖИТЬ ЖИЗНЬ, А НЕ ТОНУТЬ В БЕСКРАЙНЕМ НОВОСТНОМ БОЛОТЕ»: ПРИЧИНЫ ИЗБЕГАНИЯ НОВОСТЕЙ В РОССИИ

Ряд теоретических подходов в общественных науках предсказывает усиление вовлечённости аудитории в новости во время кризисов. Теория снижения неопределённости утверждает, что при столкновении с непредсказуемыми и трудными для объяснения событиями возрастает потребность в информации [Lachlan et al. 2009]. Теория медиазависимости указывает, что во время кризисов усиливается неоднозначность социальной среды, а потому медиа приобретают большую значимость как источник ориентиров [Lowrey 2004]. Высокая неопределённость и серьёзность воспринимаемых рисков стимулируют поиск информации. Таким образом, можно ожидать, что во время кризисов: (1) люди испытывают неопределённость; (2) нуждаются в информации для ее снижения; (3) медиа способны удовлетворить эту потребность; (4) информация обладает практической полезностью.

Однако массовое избегание новостей в контексте недавних кризисов – пандемия COVID-19 [Zhou et al. 2023] и вооружённые конфликты в разных регионах мира [Reuters Institute 2024] – ставит эти предпосылки под сомнение. Возникает вопрос: почему в ситуации неопределённости, когда информированность кажется особенно значимой, значительная часть аудитории отказывается от новостей?

Анализ 44 интервью с респондентами, сознательно ограничивающими потребление новостей (2022–2023), показывает, что отказ интерпретируется как целенаправленный и рациональный выбор. Люди сопоставляют ожидаемую пользу и издержки потребления. Хотя часто подчёркивается негативное влияние новостей на эмоциональное благополучие, избегание новостей не сводится к аффективным реакциям. Выделяются семь основным обоснований избегания: (1) эмоциональные издержки (ухудшение настроения,

напряжение в отношениях, падение повседневной эффективности); (2) утраченная надежда на скорое улучшение ситуации (негатив терпим лишь при ожидании позитивного исхода, иначе просмотр воспринимается как бессмысленный и травмирующий); (3) когнитивные и временные издержки (сложность материала и высокие затраты внимания и времени); (4) недоверие медиа и низкая информативная ценность новостей; (5) низкая внешняя политическая эффективность (ощущение невозможности повлиять на события); (6) высокая внутренняя политическая эффективность (уверенность в собственной достаточной осведомлённости, часто связанной с жизненным опытом и возрастом, что делает регулярное потребление лишним); (7) низкая инструментальная полезность новостей (они не помогают в повседневных решениях или подталкивают к ошибочным действиям, усиливая панику либо транслируя недостоверные сведения).

С этих позиций теория снижения неопределённости и теория медиазависимости выглядят ограниченно релевантными текущему контексту. Их ключевые допущения – наличие чувства неопределённости, потребности в информации, практической ценности сведений и способности медиа эту неопределённость сокращать – выполняются не всегда. Интервью указывают на альтернативные схемы. (1) Люди могут не испытывать неопределённость даже во время кризиса: распространены нарративы «я и так понимаю, что происходит», подкреплённые случайным потреблением новостей и установкой «новости сами меня находят». (2) Возможно управление неопределённостью (uncertainty management): люди сопоставляют фактический и желаемый уровни неопределённости и выбирают поиск либо избегание информации [Afifi, Weiner 2004]. Полная определённость не всегда предпочтительна. (3) Снижение неопределённости теряет смысл при низкой внешней политической эффективности; избегание частично выступает как символическое дистанцирование от государства и приоритизация частной жизни. (4) Поиск информации не гарантирует уменьшения неопределённости: при недоверии к медиа, противоречивых сообщениях и дезинформации новости могут усиливать путаницу. Интервью содержат примеры неоптимальных решений, принятых на основе медиасообщений. Соответственно, отказ от новостей служит попыткой не увеличивать неопределённость ещё больше.

Калинин Д.А.
(Петрозаводск, ПетрГУ)

СИНГАПУРСКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ И ЕЁ ПРИМЕНИМОСТЬ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ XXI ВЕКА

Историческое развитие Сингапура во второй половине XX века под руководством Ли Куан Ю и его команды демонстрирует уникальный пример модернизации, опирающейся на сильное государственное управление, способное превратить маленькое островное государство без природных ресурсов в одного из «азиатских тигров» и мировой ориентир государственного управления.

Особенность модели Ли Куан Ю заключается в сочетании жесткой политической дисциплины, стратегического планирования и ориентации на меритократию. В условиях многоэтнического и социально разнородного общества он сделал ставку на человеческий капитал, укрепление института государства как арбитра и гаранта стабильности. Такой

подход позволил нейтрализовать внутренние противоречия и создать основу для устойчивого экономического роста [Балацкий Е. В., 2021]. Данный опыт приобретает особую актуальность для многонациональной России, где продолжается поиск эффективного баланса между государством, обществом и экономикой.

Ключевым элементом сингапурской модели стала меритократия –принцип подбора и продвижения кадров на основе компетенций и профессиональных качеств, в противовес кумовству. В инвестициях в человеческий капитал особое внимание уделялось образованию, подготовке квалифицированных кадров и формированию слоя высокопрофессиональных управленцев. Государственная служба была превращена в элитный институт, привлекающий лучших выпускников университетов и мотивирующий их высокой оплатой труда и карьерными возможностями.

Ли Куан Ю выстраивал систему, где личная преданность лидеру или партийная лояльность не могли подменить профессионализм и результативность. Высокие стандарты для государственных служащих сочетались с системой материальных и моральных стимулов, что способствовало снижению уровня коррупции и укреплению доверия к институтам власти [Балацкий Е. В., 2021].

Для России данная практика представляется крайне значимой в сфере регионального управления, где часто наблюдается проблема приоритета политической лояльности над профессиональной компетентностью. Подобная практика ведёт к снижению качества управленческих решений и к неэффективному использованию ресурсов. Опыт Ли Куан Ю показывает, что преодоление этой проблемы возможно лишь при институционализации принципа меритократии. Это предполагает отбор и продвижение кадров по объективным критериям эффективности и профессиональной подготовки, а не по признаку личной преданности. В качестве инструментов могут выступать прозрачные конкурсные процедуры, регулярная независимая оценка деятельности региональных управленцев и жёсткая привязка карьерного роста к долгосрочным социально–экономическим результатам. Именно такая модель позволила Сингапуру минимизировать коррупцию и обеспечить устойчивое качество государственного управления, что представляется актуальным и для современной России.

Не менее важным направлением выступала борьба с коррупцией. С приходом к власти Ли Киан Ю и его команды проводилась жесткая антикоррупционная политика: наказания были неотвратимыми, а контроль – системным. Это позволило Сингапуру выйти в число стран с наименьшим уровнем коррупции в мире (Transparency International, данные 2020–х гг.). Высокая заработная плата, прозрачные процедуры назначения и жесткая система наказаний сделали коррупцию невыгодной и социально неприемлемой.

Российский опыт в этой сфере остаётся противоречивым: отдельные антикоррупционные меры реализуются, но системность их применения нередко подрывается масштабом страны и слабостью региональных институтов. Поэтому заимствование сингапурских механизмов возможно лишь в адаптированной форме, с учётом федеративного устройства и политического пространства России.

Особое значение имеет стратегическое планирование. Сингапур выстраивал свою политику в горизонте десятилетий, сосредотачиваясь на образовании, инфраструктуре и инвестиционной привлекательности. Такой долгосрочный подход позволил государству избежать политической турбулентности и обеспечить устойчивость развития. Российские инициативы, такие как программа «Приоритет–2030», не формируют целостной модели долгосрочного развития. В отличие от них, стратегическое планирование, применявшееся в Сингапуре под руководством Ли Куан Ю, обеспечивало системное согласование экономических, образовательных и управленческих реформ на десятилетия вперёд.

Интеграция принципов меритократии, антикоррупционного контроля и стратегического планирования может стать основой для формирования в России «новой элиты».

Государство, сохраняя суверенитет, опирается на профессиональные кадры, человеческий капитал, долгосрочные социально–экономические цели.

Для России XXI века данный опыт имеет не буквальное, а адаптационное значение. Таким образом, опыт Сингапура можно рассматривать как источник идей для формирования модели государства, где на первый план выходят принципы меритократии, дисциплины и прагматизма с ориентацией на национальные интересы.

Кальченко И.К.
(Тюмень, ТюмГУ)

ЗА УРАЛОМ: МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА КАК ОДИН ИЗ ДРАЙВЕРОВ РАЗВИТИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Молодежь является важным интеллектуальным ресурсом в политической среде. Ее роли отводится ключевое значение, так как на нее полагается основная задача последующих преобразований в государстве. Отсюда наиболее существенной целью становится развитие гражданской позиции у молодого поколения. С учетом технологического прогресса и глобальных политических изменений используется комплексный подход для определения политической активности молодежи. Связано это прежде всего с тем, что отдельные типы гражданственности могут наслаиваться друг с другом, создавая множественную форму, что затрудняет исследование по отдельности[83]. Изучение данного динамичного явления очень важно для государства, так как с помощью анализа основных признаков открывается возможность использовать более эффективные инструменты для вовлечения молодежи в политическую сферу. Это, в свою очередь, составляет один из драйверов развития как страны в целом, так и регионов в частности. В данном варианте молодежная политическая наука становится важным инструментом формирования гражданственности, ее критического осмысления.

Тюменская область, включающая в себя ХМАО и ЯНАО, в Российской Федерации в настоящее время является важным экономическим и научным субъектом. На его территории находятся огромное множество ископаемых ресурсов, важные культурные и научные центры, показывающие активную тенденцию на дальнейшее совершенствование. Отсюда развитие гражданственности среди молодого поколения становится необходимым условием для дальнейшего развития не только региона, но и Российской Федерации в целом. Связано это прежде всего с сохранением уже имеющегося научно-экономического потенциала и расширением его. Молодежь становится важным и основным компонентом в этой задаче, так как на нее ложится роль охраны и обогащения. Целью данной работы является изучение молодежной политической науки в Тюменской области, анализ ее отличительных особенностей и влияния на развитие региона.

Практическим инструментом формирования такой комплексной и рефлексирующей гражданственности выступают организации, объединяющие молодых исследователей-политологов, такие как молодежные отделения Российской ассоциации политической науки. В Тюмени в 2007 г. было открыто молодежное отделение РАПН обучающимися кафедры политологии ТюмГУ. Основными его мероприятиями на момент 2000-х гг. стали

[83]Пустошинская О. С. Множественная гражданственность как производная постсовременности // PolitBook. 2023. № 1. С. 87-106.

анализы фильмов, круглые столы. Организовывались и небольшие конференции, но они проводились нечасто и не имели большого размаха. В настоящее время местное молодежное отделение РАПН пользуется большим количеством инструментов, чем ранее. Отличительной особенностью является полное проведение конференций и круглых столов через онлайн-формат вместо очного. Тем самым это дает возможность увеличения числа докладчиков и расширения поля исследования через взаимодействие разных городов и даже стран. У студентов есть возможность публиковать свои мысли и идеи в сборниках, создаваемых после конференции на региональном уровне, что дает больше возможностей для их вклада в политическую науку и последующего карьерного роста.

Весной 2025 г., при поддержке Исследовательского комитета 23 РАПН, был проведен ряд мероприятий в рамках программы ООН «Международное десятилетие наук в интересах устойчивого развития», в которых также приняло участие молодежное отделение РАПН в Тюмени. Это поспособствовало развитию молодежной политической науки, так как принесло опыт международного сотрудничества и совместного обмена знаниями. Также отличительной тенденцией стало недавнее открытие нового отделения СМП РАПН в ХМАО-Югре в 2025 г., что ознаменовало собой расширение вовлечения молодого поколения в политическую сферу. Данный субъект Тюменской области влияет на международное сотрудничество России, что связано прежде всего с наличием большого числа ископаемых ресурсов, экспортируемых другим странам, и проживанием народов финно-угорской группы на его территории. Отсюда развитие политической науки напрямую влияет на экспертно-аналитическое сопровождение его развития. Будущей перспективой является открытие молодежного отделения РАПН уже на территории ЯНАО. Данный регион играет также важную роль в международных отношениях Тюменской области и страны, так как в нем находятся залежи нефти и самые крупные запасы природного газа. Способствование развитию гражданственности среди молодого поколения в субъекте повлияет не только на изучение политических аспектов субъекта, но и на дальнейшее развитие его в целом.

Таким образом, молодежная политическая наука в Тюменской области выступает одним из основных драйверов развития не только региона, но и страны в целом. Через деятельность молодежного отделения РАПН и расширение в ХМАО формируется уникальная модель множественной гражданственности, сочетающая локальную идентичность с глобальными компетенциями. Цифровые форматы и международное сотрудничество усиливают экспертно-аналитический потенциал региона, создавая кадровый резерв для органов власти и укрепляя имидж области. Этот опыт демонстрирует эффективность интеграции академической среды с практическими задачами развития регионов.

Кандыба Р.А.
(Пятигорск, ПГУ)

КОНФИГУРАЦИЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПАРТИЙНОСТИ

В ходе демократического транзита в России сложилась необычная конфигурация политической системы в аспекте партийности верховной власти: институт политических партий как неотъемлемый атрибут демократии структурировал законодательную

власть и стал доминантой избирательных кампаний, в то время как президент и правительство были и остаются непартийными.

Подобная конфигурация партийно-политической системы обусловлена, на наш взгляд, сочетанием таких факторов, как конкретно-историческая ситуация, в которой происходило становление новой российской демократии, эволюция политической культуры на основе преемственности, а также выбор высшей политической элитой стратегии воплощения институционального дизайна президентства и высшей исполнительной власти в конкретных политических практиках. Тема нашей работы определена практически полным отсутствием глубоких исследований данного феномена.

В СССР во второй половине 1980-х, когда в ходе набирающей обороты перестройки происходила постепенная легализация демократической оппозиции, на политической арене появились яркие лидеры. Борьба со всевластием КПСС в последние годы существования СССР проходила в парадоксальной ситуации, когда многие оппозиционеры были членами этой партии, поскольку ранее политическая карьера вне КПСС была невозможна. Например, именно членство в КПСС, сохраненное после опалы 1987 г., позволило Б. Ельцину принять участие в выборах народных депутатов РСФСР в 1990 г. и вскоре возглавить крупнейшую союзную республику.

Отмена 6-й статьи Конституции СССР, легализующей многопартийность, не до, а после первых в советской истории альтернативных выборов народных депутатов СССР в 1989 г., и народных депутатов РСФСР в 1990 г. замедлила укрепление молодого института политических партий, поскольку не позволила им принять непосредственного участия в этих парламентских выборах. Вплоть до принятия Конституции Российской Федерации 1993 г. не существовало упорядоченного механизма вхождения партий во власть. В становлении новой российской государственности партии не играли ключевой роли.

Политика новых самостоятельных политических лидеров плохо вписывалась в практику деятельности КПСС, поэтому они предпринимали попытки выйти из-под ее политического контроля. М. Горбачев, как условный центрист, все больше утрачивал поддержку КПСС, разделявшуюся на сторонников демократических преобразований и консерваторов. Подобное развитие ситуации подвигло его поддержать инициативу учреждения поста Президента СССР на случай своего возможного смещения с должности генерального секретаря ЦК КПСС. Он был избран на этот пост в марте 1990 г. не всенародно, а съездом народных депутатов. Б. Ельцин действовал в том же направлении. Менее чем через 2 месяца после избрания председателем Верховного совета РСФСР в мае 1990 г. он вышел из состава КПСС. Победу на выборах президента РСФСР в июне 1991 г. он одержал в статусе беспартийного кандидата, принимая поддержку нескольких объединений, но не вступая ни в одно из них.

Очевидно, что в реализации политики в соответствии с собственными представлениями Б. Ельцин не хотел быть сдерживаемым курсом какой-либо партии, поэтому оставался беспартийным. Политический кризис 1993 г., вызванный столкновением президента с реакционным парламентом, избранным в советский период, подтолкнул сторонников Б. Ельцина к неоднократным попыткам создания так называемой партии власти – объединения, которое обеспечит поддержку президента в Государственной Думе, но не будет выступать основой для создания партийного правительства. По нашему мнению, непартийный статус высшего исполнительного органа власти в стране подчеркивается отсутствием упоминаний о партийной принадлежности министров в биографических справках на официальном сайте правительства, хотя 11 министров из его нынешнего состава состоят в «Единой России».

В. Путин, чьи политические установки во многом отличаются от таковых Б. Ельцина, сохранил в чем-то схожее с первым президентом России отношение к политическим партиям: опираясь на «Единую Россию», превратившуюся в институт консолидации

правящей элиты на всех уровнях власти, он принципиально в нее не вступает. В устав «Единой России» был внесен особый пункт, который позволял премьер-министру В. Путину, возглавлявшему партию в 2008–2012 гг., не являться ее членом. За исключением президентских выборов 2012 г. В. Путин баллотировался в качестве самовыдвиженца. Подобное отделение от партии власти также обусловлено тем фактором, что персональный рейтинг национального лидера всегда превосходил рейтинг «Единой России». Принимая во внимание беспартийность Д. Медведева в период его президентства 2008-2012 гг., позиционирование поста президента как непартийного, не получившее юридического закрепления, превратилось в устойчивую политическую традицию.

Каневская А.В.
(Ростов-на-Дону, ЮФУ)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Актуальность темы обусловлена изменениями в политическом ландшафте современной России, где молодежь играет всё более заметную роль в формировании общественного и политического дискурса. С одной стороны, наблюдается рост интереса молодых людей к вопросам власти, общественного управления и гражданской активности, а с другой – усиливаются вызовы, связанные с быстрыми трансформациями институтов и появлением новых форм политической организации. В этом контексте развитие специализированной молодежной политической науки представляет собой необходимый шаг для переосмысления традиционных теорий политики, а также для анализа процессов, влияющих на становление институтов, ориентированных на поддержку и вовлечение молодёжи.

В основе представленного исследования лежит анализ ряда теоретических подходов, отражённых в современной отечественной литературе. Работы Чернышевой Т.Н. демонстрируют, как социокультурные и институциональные факторы формируют политическую активность молодого поколения. Авторы подчёркивают, что культурный контекст, существующие традиции и особенности образования, а также особенности социальной среды оказывают существенное влияние на формирование политической идентичности и гражданской позиции молодежи. Это позволяет рассматривать молодежную политическую науку не только как изучение привычных политических процессов, но именно как междисциплинарное поле, в котором переплетаются социология, культура, психология и институты власти.

Анализ институциональных преобразований, представленный в работах Багрова А.А. и Петрова С.В., подчеркивает необходимость изменения научной парадигмы в области политической науки. Развитие институциональной базы современной политической науки требует переосмысления существующих моделей управления и внедрения инновационных подходов. Авторы отмечают, что институциональные реформы должны учитывать как внутренние динамики академического сообщества, так и требование политической практики, что особенно актуально в условиях быстроменяющихся внешнеполитических и экономических реалий. Эти исследования открывают новые направления для формирования гибкого и адаптивного институционального комплекса,

способного адекватно реагировать на вызовы времени.

Параллельно с теоретическим обоснованием, исследования Ивановой Е.В. и Сорокина М. И. демонстрируют практические аспекты молодежной политики, актуальные для современного российского общества. Они анализируют модели вовлечения молодежи в политическую жизнь, выделяют успехи и недостатки существующих практик, а также предлагают рекомендации по совершенствованию системы поддержки молодых специалистов. Особое внимание уделяется необходимости объединения усилий академических кругов, государственных структур и общественных организаций для создания эффективной платформы взаимодействия. Такой подход способствует выработке синергетического эффекта, когда научные исследования и практические решения интегрируются в единую стратегию развития.

Практические перспективы институционального развития молодежной политической науки основываются на ряде конкретных мер и инициатив. Среди них можно выделить разработку программ поддержки молодых исследователей, создание специализированных научных центров и лабораторий, а также активное применение цифровых технологий для распространения новейших знаний. В сборнике «Молодежная политика в России: современные проблемы и пути решения» отражены примеры успешных кейсов, где применение инновационных методов способствовало повышению эффективности институтов, работающих с молодёжью. Кроме того, введение новых форматов научного обмена, вебинаров, конференций и круглых столов может усилить коммуникацию между учёными, практиками и представителями власти.

Караванский А.С.
(Москва, РУДН)

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ОБРАЗ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: МЕТОДЫ И СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

Россия и Китай последовательно разрабатывают концепцию нового многополярного миропорядка, который принципиально отличается от существующей западноцентричной модели. Ключевым способом формирования альтернативной международной архитектуры для двух стран является дипломатическое обсуждение и оформление концептуального образа нового мирового порядка.

Необходимо отметить, что совместный образ нового мирового порядка был заложен еще в 1997 году, когда была принята «Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка». В российско-китайской декларации описывается совместная концепция нового международного порядка, основанного на принципах многополярности, взаимного уважения, равенства и сотрудничества между странами. Ключевыми идеями являются отказ от гегемонии, признание суверенитета и права каждого государства самостоятельно выбирать путь развития без внешнего вмешательства.

Следующим российско-китайским документом, в котором отражается совместное видение нового мирового порядка, можно обозначить «Совместную декларацию Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке» от 1 июля 2005 г.

В этом документе отмечается, что «формирование нового международного порядка обещает быть сложным и длительным», а «формируемые Россией и Китаем межгосударственные отношения нового типа вносят весомый вклад в становление нового международного порядка».

Необходимо отметить, что в совместной декларации от 1 июля 2005 г. Китай и Россия заявили, что для нового мирового порядка необходимо провести реформу ООН, которая позволит через международную организацию более эффективно решать глобальные проблемы и создать справедливый многополярный миропорядок, где будут учитываться интересы всех стран. Главными же условиями реформы ООН Россия и Китай установили: принцип консенсуса и реформа должна «отражать общие интересы широкого числа государств-членов».

4 февраля 2022 года был принят еще один российско-китайский документ «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии». В документе термин «новый мировой порядок» напрямую не используется, что связано с осторожностью дипломатического языка и стремлением избежать прямых ассоциаций с геополитическими спекуляциями.

Следующим совместным документом, который отражает российско-китайское видение нового мирового порядка, – это «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами», принятое 16 мая 2024 г. В этом документе Россия и Китай не используют напрямую термин «новый мировой порядок», но детально описывают свое видение многополярного миропорядка. Они понимают его как справедливую, демократичную систему международных отношений, основанную на принципах равноправия, взаимного уважения суверенитета и отказа от гегемонии.

В свою очередь, в «Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху в ознаменование 80-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, Победы китайского народа в Войне сопротивления японской агрессии и образования Организации Объединенных Наций» от 8 мая 2025 г. В этом документе, как и в предыдущих, не используется термин «новый мировой порядок» напрямую, но детально описывают свое видение трансформации международных отношений. Россия и Китай предлагают концепцию многополярного миропорядка, основанного на принципах равноправия, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела государств.

Можно предположить, что дипломаты двух стран избегают термина «новый мировой порядок», вероятно, чтобы не создавать ассоциаций с прежними геополитическими проектами и подчеркнуть принципиально иной, эволюционный подход к трансформации международных отношений. Вместо революционной риторики предложен акцент на постепенных, согласованных изменениях, основанных на международном праве и взаимном уважении. По сути, именно такой подход был публично озвучен Президентом России В.В. Путиным на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 20 июня 2025 года: «Россия и Китай не формируют новый миропорядок, мы его только оформляем. Новый миропорядок возникает естественным образом. Это всё равно что восход солнца. От этого никуда не деться. А мы его оформляем и, может быть, расчищаем дорогу для этого процесса, с тем чтобы он был более сбалансированным и отвечал интересам подавляющего большинства стран.

Мы очень рассчитываем на то, что все страны это будут осознавать и в конце концов

поймут, как я уже сказал, что такой способ – способ найти решение – лучше, чем способ давления и чем на самом деле тот неоколониальный по сути своей миропорядок, в котором жило человечество на протяжении многих-многих столетий, если не тысячелетий».

Исходя из такого подхода, можно сделать вывод, что Россия и Китай стремятся продвигать идеи, основанные на консенсусе и взаимном уважении, что подчеркивает их намерение создать более справедливую и сбалансированную международную систему. Снижение уровня употребления термина «новый мировой порядок» в официальных дипломатических документах и акцент на естественном процессе трансформации международных отношений свидетельствуют о желании избежать конфронтации и давления, характерных для неоколониальных подходов прошлого.

Каратуева Е.Н.
(Санкт-Петербург, СПбГАУ, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЭНВАЙРОНМЕНТАЛИЗМ В РОССИИ: МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРОТЕСТОМ И ПРАГМАТИЧЕСКИМ ГРАЖДАНСКИМ АКТИВИЗМОМ

Специфика российского энвайронментализма проявляется в исторических, идеологических и тактических особенностях, обусловленных социокультурным контекстом и политическими реалиями. Энвайронментализм России берет свое начало от природоохранного движения СССР. Руководители Советского Союза старались доказать всему миру, что в стране активно осуществляется природоохранная деятельность на всех уровнях влияния – от государства до профессионалов экологов и студентов[84].

Несмотря на то, что деятельность советских экологических организаций была связана с регулированием социалистического природопользования под жестким государственным контролем, впоследствии именно они сформировали основу для продвижения и решения политических вопросов.

В период политических трансформаций в СССР экологические организации стали проводниками выражения недовольства существующим политическим порядком. Экологическая риторика активно использовалась для мобилизации масс и становилась платформой для обсуждения более широких политических вопросов (автономии, прав человека, демократизации)[85].

В начале 2000-х годов в России экологические протесты продолжали использоваться оппозиционными силами в качестве инструмента политического влияния с деструктивными последствиями для общества. Часто целью таких протестов становилось закрытие важных для экономического развития страны промышленных производств. Существенную роль в этих процессах сыграли западные экоорганизации, такие как «Гринпис» и «Беллона» (организации, признанные нежелательными на территории РФ).

Но, несмотря на опасность использования экологической проблематики оппозиционными силами, российский энвайронментализм сохраняет потенциал для гражданской мобилизации и может стать важным фактором в формировании устойчивых форм уча-

[84]Халий И.А. Экологическое движение в Советском союзе: самоорганизация экологов-профессионалов / И. А. Халий // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 061–069.

[85]Каратуева Е.Н. Экологические протесты и национальная идентичность в многонациональном государстве: зеленый национализм в СССР и современной России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17, № 4. С. 105–121.

стия общества в решении экологических проблем. В отличие от западных климатических активистов, использующих апокалиптические лозунги и провозглашающих абстрактные цели, современное российское экодвижение направлено на создание безопасной и комфортной среды жизни каждого человека. Особую роль в этом процессе играет повышение экологического сознания населения посредством государственной природоохранной политики, просветительской работы экологических организаций, а также через субъективное переживание конкретных экологических угроз.

Осознание взаимосвязи между состоянием экологии и безопасностью жизни формирует основу для экологического патриотизма. Защита природных объектов как основы локальной идентичности и качества жизни может стать мощной объединяющей силой, трансформируя прагматический запрос в устойчивую гражданскую позицию и способствуя консолидации общества в решении вопросов экологической безопасности как национального приоритета.

Таким образом, российский энвайронментализм представляет собой уникальную форму прагматического гражданского активизма, в котором защита конкретных экологических объектов связана с отстаиванием прав граждан на безопасную окружающую среду. Это отличает его как от советской государство-центричной модели, так и от идеологически мотивированного западного климатического радикализма.

Дальнейшая эволюция российского энвайронментализма в широкое гражданское движение за экологическую справедливость и устойчивое развитие, основанное на экологическом патриотизме и конструктивном взаимодействии, будет определяться не только его внутренней консолидацией, но и признанием со стороны государства в качестве полноправного партнера в достижении целей экологической безопасности.

Карпова В.В.
(Москва, ГАУГН)

СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА ЦИФРОВОЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

Современный этап развития российской государственности характеризуется ускоренной цифровизацией общественно-политических процессов, которая трансформирует традиционные механизмы социализации молодёжи. В условиях информационных вызовов и давления со стороны акторов, формирующих конкурирующие ценностные модели, проблема конструирования устойчивых ценностно-мировоззренческих доминант у молодых поколений приобретает особую важность.

В рамках нашего исследования такого рода доминант мы опираемся на концепт «социальной архитектуры», которая понимается как совокупность институциональных и коммуникативных практик, направленных на проектирование социального пространства, трансляцию ценностей и закрепление устойчивых моделей поведения; это многоуровневая система, интегрирующая государственные инициативы, общественные практики и сетевые медиаформаты.

Несмотря на активное использование в российской молодёжной политике инструментов социальной архитектуры (образовательные проекты, цифровые платформы, медийные кампании), их эффективность в формировании устойчивых политических уста-

новок и активной гражданской позиции остаётся недостаточно изученной. Наблюдается разрыв между официальными ценностными ориентирами и их цифровой репрезентацией, а также дефицит комплексной политологической концептуализации данного феномена.

Цифровая молодёжь представляет собой новое поколение, чьи ценностные ориентиры и политическое сознание формируются под преобладающим влиянием социальных сетей и новых медиа, что требует адаптации инструментов государственной молодёжной политики. В цифровой среде молодёжь эволюционирует от роли пассивного потребителя информации («я-участник») к статусу активного создателя контента и политических смыслов («я-актор»), что необходимо учитывать при проектировании социальной архитектуры.

Эффективность различных инструментов социальной архитектуры (патриотические кампании, волонтёрские программы, медийные акции) в формировании политического поведения напрямую зависит от их адаптации к специфике цифровой аудитории и мультиканальной коммуникации.

Ключевым условием успешной социализации является интеграция традиционных российских духовно-нравственных ценностей (в соответствии с Указом Президента РФ № 809) в современные цифровые форматы коммуникации, что позволяет укрепить национальную идентичность и противостоять глобальным вызовам.

Социальная архитектура выступает важным механизмом адаптации традиционных ценностей к новым реалиям, основанным на балансе между институциональной поддержкой и свободной молодёжной инициативой.

Формирование устойчивого мировоззрения молодого поколения является ключевым фактором устойчивого развития государства. Социальная архитектура, грамотно адаптированная к цифровым реалиям, представляет собой эффективный инструмент для конструирования политических установок, активной гражданской позиции и укрепления общероссийской идентичности в молодёжной среде.

Тезисы доклада подготовлены в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ, тема № FZNF-2025-0028 «Использование инструментов социальной архитектуры в формировании ценностно-мировоззренческих установок «цифровой молодежи»: российский опыт».

Карпунина П.С.
(Москва, РУДН)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВЫХ ПАРТИЙ ВО ФРАНЦИИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОГО СРОКА ЭММАНЮЭЛЯ МАКРОНА

Актуальность данной темы связана с изменениями политической конфигурации во Франции и ростом популярности правых политических сил. Вызывает исследовательский интерес роль и механизмы политической деятельности правых сил Франции во время второго президентского срока Эммануэля Макрона. Это позволяет определить ключевые тенденции и оценить их роль в формировании новой политической архитектуры Пятой Республики.

Можно выдвинуть следующие научные гипотезы:

Во-первых, усиление позиций ультраправого «Национального объединения» стало

результатом ослабления традиционных правых партий. Партия уверенно закрепляется в статусе ведущей политической силы страны и главной оппозиционной силой президенту. Во-вторых, действия Эммануэля Макрона не только способствуют легитимизации ультраправого дискурса, но и катализируют общий рост популярности правых политических сил. Рост популярности правых тесно связан с обострением вопросов иммиграции, неоднозначным восприятием поддержки Украины и стратегическими поражениями Франции в Африке.

Правый политический блок Франции состоит из традиционной правоцентристской партии «Республиканцы» и крайне правых сил: доминирующего «Национального объединения» и «Реконкисты!». Пока «Республиканцы» переживают исторический спад, теряя свой прежний статус, «Национальное объединение», благодаря успешной «дедемонизации», укрепило свои позиции, став доминирующей силой правого фланга не только среди электората, но и в парламенте. «Реконкиста!» заняла нишу правее «Национального объединения», апеллируя к самому радикальному электорату. Хотя её электоральный успех был скромным, она подтвердила общий тренд на радикализацию правого фланга.

Стремительный и устойчивый рост популярности правых партий стал ключевым политическим трендом во Франции, изменившим расклад сил в стране, что подтверждается данными опросов и результатами выборов. Например, сокрушительная победа ультраправого «Национального объединения» (более чем вдвое опередившего пропрезидентскую партию) на выборах в парламент заставила Макрона пойти на крайне рискованный шаг – роспуск парламента и объявление досрочных выборов. Это прямое следствие мощного давления и электорального успеха ультраправых. Однако нельзя утверждать, что правые партии смогут прийти к власти. Несмотря на все усилия по смягчению имиджа и «дедемонизации», значительная часть французских избирателей по-прежнему испытывает опасения по поводу возможного прихода крайне правых к власти. Можно предположить, с опорой на электоральную логику Французской Республики, что, если «Национальное объединение» будет доминировать в первом туре цикла (именно на этом этапе правые, как правило, лидируют), им потребуется убедить значительную часть избирателей, которые изначально голосовали за другие партии, чтобы получить абсолютное большинство голосов во втором. Однако во втором туре избиратели различных политических взглядов традиционно объединяются, чтобы не допустить к власти крайне правых. Более того, правые партии по-прежнему не формируют широкие коалиции, которые бы обеспечили им поддержку в парламенте и обществе. Нельзя исключать и внутренних разногласий внутри ультраправого лагеря, которые могут подорвать позиции «Национального объединения». Также потенциальное усиление соперников справа, таких как «Реконкиста!», может расколоть голоса крайне правых в первом туре выборов.

Таким образом, период второго президентского срока Эммануэля Макрона ознаменовал новую главу для французских правых сил. В этот период традиционная правоцентристская партия «Республиканцы» утратила свою лидирующую роль, в то время как «Национальное объединение» утвердилось в качестве новой доминирующей силы на правом фланге. Политическое будущее Франции неопределенно, и «Национальное объединение» находится в выгодной позиции. Хотя крайне правые партии во Франции и демонстрируют значительную силу, они, тем не менее, продолжают сталкиваться с серьезными структурными и электоральными трудностями.

Каторжевский П.Н.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ЗАКАТ «ЛЕВОГО ПОПУЛИЗМА» В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

Дискуссия о левом популизме была реактуализирована после успеха Коалиции радикальных левых (СИРИЗА) на парламентских выборах в Греции в январе 2015 г. После нескольких десятилетий чередования у власти правоцентристских и левоцентристских партий, осуществлявших свою политику, по выражению политического философа Шанталь Муфф, в рамках «центристского консенсуса»[86], греческие «леворадикалы» поставили под сомнение проект европейской интеграции и неолиберальные реформы последних десятилетий. Вслед за греческими левыми популистами значительный результат на выборах в Генеральные кортесы Испании продемонстрировали «новые левые» из партии «Podemos», выросшей из протестного уличного движения «15 мая». На данный момент к европейским левым популистам также можно отнести польскую партию «Razem» (до 2024 – «Lewice Razem»), движение «Непокорённая Франция», ирландскую партию «Sinn Fein» и широкую коалицию, сформировавшуюся вокруг британского политика социалистического толка Джереми Корбина, возглавлявшего в 2015-2020 гг. Лейбористскую партию.

Для всех политических сил этого спектра характерны антиэлитизм, антиинституционализм, стремление отождествить свои программы с «волей народа», попытки стать выразителями интересов «исключённых» социальных групп[87]. Исследователь европейских левых Марина Прентулис указывает, что несмотря на «инклюзивность» левого популизма, его французская версия сочетается с некоторыми аспектами национализма[88]. К отличительным особенностям левого популизма следует отнести также стремление соединить элементы социалистической повестки с альтернативными идеологиями (энвайроментализмом, феминизмом, альтерглобализмом) и оспорить монополию т.н. «старых левых» на антикапиталистическую политику.

Несмотря на отдельные электоральные успехи европейских левых популистов, ни одно из рассматриваемых движений не смогло значительно повлиять на процесс принятия и реализации политических решений или эффективно использовать мобилизацию протестного электората для укрепления и развития своих организационных структур. СИРИЗА и вовсе была вынуждена капитулировать перед «евротройкой», фактически изменив своим предвыборным обещаниям и став проводником политики «мер жёсткой экономии» («austerity politics»). Греческий политолог Александр Казамиас охарактеризовал подобную трансформацию стратегии СИРИЗА как «нигилистическую политику выживания, основанную на краткосрочных тактиках и манёврах, а также на неиссякаемой готовности быть всем для всех»[89]. Д. Корбин, возглавивший британских лейбористов, в значительной степени утратил свою популярность из-за отсутствия последовательной позиции относительно выхода Великобритании из Европейского союза и, как следствие, неспособности объединить сторонников «брексита» и «ремейнеров» под единой левосоциалистической программой. Тем не менее, после того как Д. Корбин объявил об окончательном разрыве с лейбористами и создании

[86]Mouffe, C. 2021. For a Left Populism. London, New York: Verso. P. 15
[87]Мокин, А.Б. 2021. Европейский левый популизм у власти: опыт Греции и Италии. Власть (3). С. 298
[88]Prentoulis, M. 2021. Left Populism in Europe. London: Pluto Press. P. 31
[89]Kazamias, A. 2019. Syriza betrayed its principles – and the Greek people. Its days are numbered. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/jul/05/syriza-greek-alexis-tsipras-eu-imposed-austerity-polls. Accessed at 21.08.2025

социалистической партии «нового типа» в июле 2025 г., на новостную рассылку новой политической структуры подписались более 500.000 чел[90]. Хотя создаваемая партия и ориентируется на «радикальные» левые установки, её руководство практически полностью состоит из старой лейбористской бюрократии, что даёт основания предполагать о возможности её радикализации в будущем.

Современные левые популисты, выступая против истеблишмента и декларируя необходимость «новой политики», оказались неспособны сформировать свой идеал общественного устройства, основывая свою политическую линию преимущественно на «негативной программе» и выступая за ограниченные реформы в сфере перераспределения. Вместе с тем, критикуя политические и избирательные системы своих стран, левые популисты остаются в рамках электоральной стратегии, где занятие выборных должностей партийными выдвиженцами превалирует над отстаиванием фундаментальных левых ценностей.

Качусов Д.А.
(Барнаул, АлтГУ)

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ МОЛОДЕЖЬЮ ВОЗДЕЙСТВИЯ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО МЕДИА-КОНТЕНТА НА ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Актуальность темы исследования обусловлена ростом влияния цифровых платформ, в том числе с развлекательным контентом (игры, короткие видео и т.д.), на формирование ценностных и политических ориентаций молодежи. Данная тенденция нашла отражение в концепции медиатизации политики (Дж. Стромбек, С. Хьярвард), указывающей на возрастающую зависимость социума от медиа и распространения законов функционирования медиасреды на общественную жизнь. Также для понимания данных процессов значима теория инфотейнмента (Р. Ховард, Н. Постман), согласно которой развлекательный контент становится проводником политических нарративов через упрощенные форматы и задействование эмоциональных триггеров. В то же время, проведенный в 2024 г. массовый опрос учащейся молодежи четырех регионов РФ: Алтайского края, Томской области, Новосибирской области и Республики Алтай (объем выборки 1257 человек) показал, что большинство опрошенных склонны отрицать воздействие развлекательного контента на формирование своих политических взглядов.

Отсюда возникает вопрос о причинах и обоснованности этого мнения, для ответа на который в мае-июле 2025 г. был проведен экспертный опрос представителей молодежи, медиасферы и научно-педагогического сообщества (объем выборки 40 человек). Анализ экспертных интервью позволяет нам выделить несколько основных причин данного парадокса.

В качестве первой причины 17 экспертов (42,5%) выделили неспособность молодежи распознать влияние данного контента ввиду низкого уровня медиаграмотности, отсутствия необходимых компетенций или жизненного опыта. По их словам *«Молодежь не анализирует слишком тот контент, который потребляет… он и задумывается как контент, который можно не обдумывать, не анализировать, не осмыслять»*, *«За-*

[90]Murray, A. Half-a-million members sign up to new left-wing party founded in Britain. People's World. URL: https://www.peoplesworld.org/article/half-a-million-members-sign-up-to-new-left-wing-party-founded-in-britain. Accessed at 21.08.2025

частую, возможно, это идет неосознанно, ты вроде воспринимаешь, но не осознаешь, потому что оно через такие нарративы идет, о которых ты же не думаешь».

Вторую причину назвали 10 экспертов (25%): по их мнению, молодые люди таким образом подчеркивают свою независимость, критичность своего мышления, а признание стороннего влияния на политические взгляды воспринимается ими как угроза собственной «взрослости». *«Потому что это как бы неудобно – всем хочется думать, что они сами всё осознанно выбирают и решают». «Здесь сказываются особенности возрастной психологии, юношеский максимализм, что я взрослый, я самостоятельный, я все знаю, я все понимаю, мне никто не указ».*

В качестве третьей причины 9 из 40 экспертов (22,5%) назвали устойчивое восприятие молодежью потребляемого контента (игр, видео) как сугубо развлекательного и не несущего глубокой смысловой нагрузки. В этом случае эксперты отмечают: *«Обращаясь к развлекательному контенту, меньше всего хочется думать о каких-то серьезных вещах, включая развлекательный какой-то контент. Хочется отдохнуть, как-то расслабиться». «В сознании существует четкая граница: есть «серьезные» политические новости и аналитика (которые могут влиять), а есть «просто развлечение», которое к политике отношения не имеет».*

Еще 8 экспертов (20%) указали на большую близость блогеров к молодежи, доверие к ним как к «своим», которые не будут манипулировать или пытаться что-то навязать. *«Очень многие среди молодежи свято убеждены, что вот та система контактов, которая формируется у них онлайн, она является не просто дружественной, она является глубинно дружественной».* Кроме того, некоторые эксперты выделили еще несколько возможных причин этого феномена, таких как сознательное дистанцирование молодежи от политики или неявный, косвенный характер влияния.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что политика становится частью развлекательного контента, оставаясь зачастую невидимой для его потребителей. Отрицание молодежью воздействия игр и видеороликов на их политические взгляды является системным феноменом, обусловленным рядом факторов субъективного и объективного характера, таких как неспособность молодыми людьми распознать данное влияние или позиционирование себя как не подверженных ему, восприятие развлекательного контента как априори неполитического, а также большая степень личного доверия к его создателям.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-01584 «Политическая социализация российской молодежи в контексте трансформации ее коммуникативных стратегий»

Керимов А.А.
(Екатеринбург, УрФУ)

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА

Проблема информационной открытости парламентской деятельности России остается важнейшей темой в контексте развития демократических институтов и гражданского общества. В эпоху глобализации и стремительного развития информационных технологий открытость в деятельности государственных органов, включая парламент, не только желательна, но и необходима для обеспечения подотчетности власти общественности.

Для обеспечения информационной открытости парламента в современной России используются как традиционные, так и инновационные методы взаимодействия парламента с общественностью. К числу традиционных способов относятся обращения граждан и гражданских групп в законодательный орган, законодательные предложения граждан, организация общественных консультаций по различным законопроектам, создание общественных консультативных советов при парламентских институтах, регулярные встречи законодателей с избирателями, организация заседаний парламента при открытых дверях, парламентские комитеты, проведение общественных экспертиз законопроектов, распространение информации о парламентской деятельности по различным каналам связи и так далее.

В дополнение к традиционным методам взаимодействия с общественностью российское законодательное собрание использует инновационные подходы с использованием современных каналов коммуникации. Например, на официальном сайте Государственной Думы регулярно обновляется информация о работе парламента, а парламентские слушания транслируются в прямом эфире.

Развитие этих методов взаимодействия с общественностью, несомненно, способствует практической реализации цели обеспечения парламентской прозрачности. Однако принимаемых мер недостаточно, а низкий уровень гражданской и политической осведомленности населения способствует повсеместному неприятию стратегии парламентской прозрачности.

Несмотря на существование законодательной базы, призванной способствовать прозрачности парламентской деятельности, на практике существует ряд серьезных проблем. Во-первых, существует недостаток информации о работе парламента и его членов, что затрудняет гражданам отслеживание процесса принятия решений и их участие в нем. Во-вторых, ограниченный доступ к информации о бюджетных расходах и деятельности парламентских комитетов способствует коррупции и неправомерным действиям.

Кроме того, немаловажным фактором является недостаточная информированность граждан о своих правах и возможностях участия в парламентском процессе. Образовательные программы и инициативы, направленные на повышение правовой грамотности, могут существенно изменить ситуацию в этом отношении.

Для решения проблемы информационной открытости парламента необходимо внедрять современные технологии, такие как открытые данные, электронные платформы для взаимодействия с гражданами и активное использование социальных сетей. Это не только повысит уровень доверия к парламенту, но и расширит участие граждан в политической жизни страны.

Следовательно, внедрение современных технологий в деятельность парламента не только повышает открытость, но и способствует более активному участию гражданского общества в политических делах. Это, в свою очередь, может способствовать более эффективному и легитимному функционированию парламентской системы, которая является важнейшим компонентом демократического процесса.

Таким образом, проблема парламентской информационной открытости требует разработки комплексной стратегии, которая включала бы как законодательные реформы, так и совместные усилия государственных структур, гражданского общества и средств массовой информации. Только благодаря открытости и прозрачности деятельности парламента можно надеяться на развитие полноценного демократического процесса и укрепление институтов гражданского общества в России. В то же время стремление к прозрачности не должно носить декларативный характер и выглядеть как очередная предвыборная кампания. Концепция парламентской информационной открытости должна быть наполнена содержанием и подкреплена правовыми механизмами ее реализации.

Кечик У.А., Зарипов Н.А.
(Москва, НИУ ВШЭ, ГАУГН)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ РЫНКА ТРУДА

Вопрос о формировании профессионального мировоззрения молодых политологов и воспитательных механизмах в системе высшего образования предполагает обращение к анализу как институциональных условий обучения, так и практик социализации студентов и молодых ученых. В этом контексте особое значение приобретают региональные различия в подготовке специалистов, роль «академических центров» в становлении профессиональной идентичности студентов, а также необходимость модернизации образовательных программ в соответствии с изменяющимися запросами рынка труда. Актуальность данной проблемы подтверждает также неопределенность, существующая среди специалистов-практиков. Так, исследования показывают значительные расхождения между наличием высшего политологического образования и идентификации себя политологом среди консультантов (Малинова, 2015, с. 235).

Система высшего образования в России находится в процессе структурных изменений, что обусловлено как внутренними запросами общества, так и внешними вызовами. Вместе с тем именно в период обучения у молодых людей формируются не только профессиональные навыки, но и система ценностей, которые определяют будущую профессиональную траекторию. Молодые политологи демонстрируют более высокий уровень вовлеченности в публичную сферу по сравнению со сверстниками из других образовательных направлений (Барсегян, 2018, с. 269). Значимую роль в этом процессе играет научное и экспертное сообщество. Участие студентов и аспирантов в работе аналитических центров, исследовательских сетей и экспертных групп позволяет им формировать практико-ориентированные компетенции и закреплять профессиональное самоопределение (Вилисов, 2023). Таким образом, политология предстает не только как учебная дисциплина, но и как социальный институт, связанный с выработкой идей и стратегий развития общества.

Особое внимание следует уделять региональному измерению. Опыт формирования научных школ в Москве, Санкт-Петербурге и Перми показывает, что «академические центры» способны оказывать непосредственное воздействие на профессиональную идентичность студентов. Социально-гуманитарное образование в России в целом и политология в частности не только снабжает молодых специалистов необходимыми теоретическими знаниями, но и способствует воспитанию в них профессионального мировоззрения и во многом обуславливает выбор дальнейшего направления и задает вектор развития для рынка труда.

Следует учитывать и междисциплинарный эффект. Преподавание политологии студентам негуманитарных специальностей расширяет поле профессиональной деятельности молодых политологов и укрепляет их востребованность в образовательной системе. В этом смысле речь идет не только о передаче знаний, но и о воспитании профессионального мировоззрения, включающего ценностные ориентиры и готовность к участию в общественной жизни.

Таким образом, анализ образовательных практик и условий социализации молодых политологов позволяет сделать вывод о многофакторном характере формирования их профессионального мировоззрения. Оно складывается на пересечении учебных программ, исследовательской деятельности, участия в экспертных сообществах и региональной академической среды.

Киричук Д.А.
(Москва, РУДН)

ЭРА СОЦСЕТЕЙ И БЛОГЕРОВ: НОВЫЕ АКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В современную эпоху платформы социальных медиа приобрели статус главного средства коммуникации. Центральным элементом этой новой экосистемы стали блогеры, которые, обладая широкой аудиторией, становятся мощными агентами влияния не только на общественное мнение, но и на политическую повестку.

Социальные сети и блогеры трансформировали традиционную политическую коммуникацию, создав новое гибридное медиапространство, где неинституциональные акторы (блогеры) получили влияние, сопоставимое с традиционными СМИ и политическими партиями, что ведет к децентрализации, персонализации и эмоционализации политики. Блогеры говорят с аудиторией на её языке, минуя традиционные СМИ и их редакционную политику. Все это создает иллюзию честного и прямого диалога, что вызывает больше доверия, чем официальные заявления.

Данные изменения усложнили процесс политической коммуникации, в связи с чем политикам приходится адаптироваться к новым правилам игры, учитывая мнение не только экспертов и журналистов, но и мнение блогеров с большими аудиториями. Так, современная политическая коммуникация представляет собой сложное и динамичное взаимодействие между различными субъектами и платформами, где границы между традиционными и новыми медиа становятся всё более размытыми.

Все это формирует определенные вызовы и риски.

Во-первых, алгоритмы различных платформ стали «невидимыми редакторами», определяющими, какая информация достигает пользователя, что часто приводит к формированию «пузырей фильтров» и усилению поляризации. Кроме того, внедрение алгоритмов, которые акцентируют внимание на эмоционально заряженном контенте, может привести к распространению дезинформации и провокаций, что вызывает большой интерес у пользователей социальных сетей и увеличивает время, проводимое на платформе. Возникает необходимость в более осознанном подходе к потреблению информации, а для этого важно понимать как алгоритмы влияют на их предпочтения и выбор. Более того, необходимо чтобы платформы начали брать на себя ответственность за последствия использования своих алгоритмов и внедрять механизмы, способствующие разнообразию мнений.

Во-вторых, соцсети стали удобным полем для информационных атак. Координированные кампании с использованием ботов и подставных аккаунтов могут искусственно «раскручивать» нужные нарративы и дискредитировать оппонентов.

В-третьих, уязвимость общественного сознания усугубляется перенасыщением медиапространства. Ежедневно пользователь сталкивается с лавиной новостей из традиционных СМИ, блогов, мессенджеров и лент социальных сетей. В условиях информационной перегрузки у людей просто не хватает ресурсов на тщательную проверку каждого факта.

Так, современная информационная среда, управляемая алгоритмами и перенасыщенная контентом, создает системные риски для общества. Эти риски носят многоуровневый характер, начиная от тотального сужения кругозора отдельной личности и ее психологического выгорания до глобального раскола в обществе, где эрозия доверия становится новой нормой.

Таким образом, социальные сети и блогеры не просто добавили новые каналы коммуникации, а изменили саму природу политического участия, сместив фокус с ин-

ститутов на личности и превратив политику в перформативное, эмоционально насыщенное медиапространство, требующее новых правил игры.

Кисляков Е.А.
(Москва, ГАУГН)

«ДЕРЖАВНОСТЬ» КАК КОНЦЕПТ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РОССИИ

Становление многополярного мира, а также задачи укрепления суверенитета и национальной безопасности страны повышают необходимость расширения практически-ориентированного инструментария анализа внешне– и внутриполитической деятельности Российской Федерации. В этом контексте обращение к понятию «держава», которая имеет длительную историю понимания в отечественной интеллектуальной традиции, позволит качественно расширить современное понимание ценностных оснований принятия государственных решений в условиях нарастающих социокультурных вызовов и угроз.

В ходе историко-политического исследования феномена российской державности важно также обратиться к понятию «держава» . Оно в рамках исследования определяется как состояние государства, которое, с одной стороны, характеризуется объективными показателями силы, суверенности и значения в системе международных отношений, а с другой стороны, отвечающее общественным представлениям о целях, способах и смыслах развития государства в мировом масштабе, сформированным в ходе исторического развития определенного сообщества людей. Учитывая контекст этого определения, понятие «державности» сформулировано следующим образом: понятие, обозначающее устойчивый аксиологический комплекс идей и принципов организации общественных отношений, возникающий в результате концептуализации свойств типологически идеальной державы (державного государства), сформированный духовным, историческим, социально-политическим, культурным опытом и духовно-политическими идеалами.

Также, в ходе исследования, на основе анализа материалов Национального корпуса русского языка была предложена гипотетическая структурная модель державности, которая состоит из первичных элементов – смыслы (исторические формы российского сознания, выраженного в религиозных идеях и философских концепциях), достояние (произведения духовной и материальной культуры, природные ресурсы), власть (ключевой субъект сохранения страны, ее суверенитета) и их производных – государство с военной силой, доминирование и единение.

Данная модель взята за основу для анализа актуального политического дискурса и представленности в нем структурных элементов державности.

В качестве исходных единиц анализа были выбран ряд программных текстов

В. Путина (первая инаугурационная речь (2000), Мюнхенская речь (2007), послания Федеральному Собранию Российской Федерации (2012, 2020, 2024), обращение к гражданам России о начале проведения СВО, Обращение

В. Путина по случаю вхождения в состав РФ новых субъектов (2022) и ряд других),так как именно, он как руководитель страны определяет ключевые направления государственной политики, задает тональность политическому дискурсу.

В результате анализа было выявлено, что понятие «державность» относится только к одному из его первых крупных программных текстов – «Россия на рубеже тысяче-

летий», который был опубликован, когда В. Путин еще находился на должности Председателя Правительства Российской Федерации в декабре 1999 г. Затем обращение к понятию державность не было обнаружено, однако структурные элементы модели устойчиво воспроизводятся и выражаются во всех программных текстах В. Путина.

Эталоном отражения всех структурных элементов державности являются тексты Посланий В. Путина к Федеральному собранию Российской Федерации. Безусловно, каждое Послание имеет свою специфику и приоритеты (смыслы в Послании 2012 г., власть в 2020 г., власть, единение и доминирование в 2024 г.), но так или иначе концентрировано содержат в себе все элементы державности.

С началом специальной военной операции в текстах В. Путина элемент единения используется с гораздо большей интенсивностью, что говорит о том, что тема единства и сплоченности выступает важнейшей темой в кризисные времена, так как важна общественная и политическая консолидация перед лицом внешних угроз.

Предварительный анализ показывает, что концептуально основные элементы державности как идеальной ценностной конструкции государства (державного государства) воспроизводятся в современном политическом дискурсе и актуализируются в период кризисных периодов.

Исследование подготовлено в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Державность: понятие, структура, функции. Историко-политическое исследование», №FZNF-2025-0003).

Клещенко Л.Л.
(Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯДЕРНОГО КОЛОНИАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Безопасность атомной энергетики и ядерных испытаний стоит на повестке со времени изобретения атомной энергии. В то же время, проблема неравного распределения бремени от эксплуатации атомной энергии в мирных или военных целях находится в фокусе внимания исследователей относительно недавно, с 1980-1990х гг. В рамках таких направлений, как постколониальная теория, критическая теория и биополитика изучались важные аспекты темы: влияние атомной энергии на жизнь местных сообществ и маргинализированных групп, движения за признание ядерного ущерба, контроль государства над территориями и телами. Ядерный колониализм подразумевает эксплуатацию отдаленных малозаселенных территорий, зачастую, бывших колоний, без согласия их жителей, для проведения испытаний, захоронения опасных отходов, или добычи урана и плутония для нужд атомной энергетики; отсутствие участия местного населения в распределении выгод от данной деятельности; сокрытие информации о ее возможном вреде (J. Masco. The Nuclear Borderlands: The Manhattan Project in Post-Cold War New Mexico, 2006).

Таким образом, ядерный колониализм связан с такой актуальной проблемой, как глобальное неравенство и гегемония отдельных стран. Цель настоящего исследования – выявить особенности репрезентации ядерного колониализма в современном

документальном кино; метод исследования – семиотический анализ. Поскольку документальное кино претендует на объективность и достоверность, его использование в политических целях широко распространено. В качестве источников был выбран ряд кинолент производства разных стран – США, Австралии, ЮАР – в которых в фокусе внимания находится проблема ядерных испытаний, ядерной угрозы и ядерного колониализма: Silent Storm (Австралия, 2003, реж. P. Butt); Buried in Earthskin (ЮАР, 2009, реж. H. Kingwill); Downwind (США, 2023, реж. D. B. Miller, M. Shapiro).

На основе анализа указанных источников были выявлены следующие особенности репрезентации ядерного колониализма. Во-первых, ядерный колониализм осмысляется посредством антропоморфных метафор: уподобления земли человеческому организму, сравнения ядерной угрозы с аномальными состояниями организма. Во-вторых, ядерный колониализм изображается в связке с другими формами эксплуатации, например, гендерной: для демонстрации жертв ядерного колониализма привлекаются образы женщин и детей как наиболее уязвимых социальных групп, которые нуждаются в защите. Связь ядерного колониализма с экономическим неравенством показана с помощью чередования образов лишений и изобилия объектов и субъектов колониализма, например, лачуг без доступа к электричеству и ярко освещенных небоскрёбов. В-третьих, для дискредитации ядерного колониализма используются исторические аналогии, будь то связь атомной энергетики ЮАР с эпохой апартеида или полигона в Неваде с нарушениями прав человека в период Холодной войны. В-четвертых, репрезентация ядерного колониализма часто строится вокруг его моральной неприемлемости. Сама постановка вопроса о необходимости выбора какой-либо территории или населения в качестве жертвы рассматривается как аморальная, подчеркивается важность всех человеческих жизней и ошибочность идеи их иерархии. При этом, как показывает фильм Downwind, объектом эксплуатации может стать не только бывшая колония, но и внутренняя периферия, населенная преимущественно коренными народами, протесты которых против деятельности, связанной с рисками для жизней и здоровья, были проигнорированы.

Таким образом, благодаря использованию широкого арсенала выразительных средств документальное кино вносит важный вклад в освещение современных глобальных проблем и дискуссии вокруг проблемы ядерного неравенства и ядерного колониализма.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда по гранту № 22-18-00305-П https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/

Клычева У.А.
(Краснодар, КубГУ)

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

В условиях современных тенденций глобализации, цифровизации, возрастания геополитической напряженности все чаще наблюдается призыв к возвращению к традиционному укладу жизни и его ценностям. В этой связи возрастает роль села как главного хранителя традиционных ценностей, самобытного национального языка и культуры, народных традиций. Кроме того, именно сельская местность выполняет важную функцию по обеспечению продовольственной безопасности страны.

Несмотря на важную роль сельских территорий, на современном этапе село характеризуется кризисным состоянием инфраструктуры, медицины, культуры и образования, что приводит к депопуляции сельских поселений. В этих условиях нематериальные ресурсы развития, такие как человеческий потенциал, идентичность, социальный капитал, приобретают большое значение.

Исследование нематериальных ресурсов развития предполагает анализ не только количественных данных (социально-экономических показателей, демографических характеристик и т.д.), но и качественных, дающих углубленное представление о происходящих социальных процессах, именно поэтому необходимо использовать комплексный подход, сочетающий в себе качественные и количественные методы исследования.

О.Л. Ковалева, рассматривая современные возможности исследований на интернет платформах, пишет о появлении новых качественных методов получения данных, среди которых онлайн-фокус-группы, глубинные онлайн-интервью и онлайн-дневники, а также выделяет как преимущества, так и недостатки онлайн исследований, к которым автор относит, к примеру, вероятность нерепрезентативности выборки в виду участия лишь пользователей сети Интернет (Ковалева, О. Л. Онлайн-методы качественных исследований // Социологический альманах. 2023. № 14. С. 41-47.). Выделяя качественные методы как отдельную область исследований для выявления субъективных сторон социальных процессов, Г.Б. Кошарная указывает, что валидность качественных методов не может быть достигнута без использования элементов количественных методов (Кошарная, Г. Б. Проблема валидности качественных методов в социологическом исследовании // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 3(31). С. 86-95.)

Придерживаясь комплексного подхода, в своем исследовании мы использовали как количественные методы – анализ статистических данных, онлайн-анкетирование, так и качественные – экспертные и фокус-групповые интервью. Целью нашего исследования было определение состояния человеческого потенциала и факторов его формирования и развития как нематериального ресурса развития сельских территорий в Лабинском районе Краснодарского края. Используя количественные методы, мы анализировали демографические характеристики, уровень миграции, а также характер занятости населения на основе открытых материалов Росстата (база данных показателей муниципальных образований), тем самым смогли охарактеризовать состояние человеческого потенциала сельских территорий МО Лабинский район следующим образом: на современном этапе наблюдается депопуляция села, факторами которой являются прежде всего большой миграционный отток и естественная убыль сельского населения.

С целью выявления факторов формирования и развития человеческого потенциала в сельских районах муниципалитета мы использовали экспертное интервью, информантами которого выступили представители местного самоуправления, культуры, казачества. С помощью качественного метода мы определили первостепенные и второстепенные факторы. Первостепенными факторами, по мнению экспертов, стали условия трудоустройства и занятости населения: именно особенности и условия трудовой деятельности жителей определяющим образом влияют как на закрепление на селе и миграцию сельских жителей, так и на уровень образования и квалификацию людей. В свою очередь, второстепенными факторами выступили качество образования и здравоохранения, а также досуговые практики жителей. Фокус-групповые интервью позволили выявить типичные идентификационные стратегии сельской молодежи и векторы мотивации их решений.

Таким образом, использование не только количественных, но и качественных ме-

тодов в исследовании нематериальных ресурсов помогает комплексно проанализировать состояние нематериальных ресурсов развития сельских территорий и выявить проблемные зоны и возможные точки роста.

Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РНФ в рамках конкурса 2024 года «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами», проект №25-28-00887 «Идентификационные стратегии и практики молодежи как фактор политики развития сельских территорий»

Кожухова К.Е.
(Москва, МГЛУ)

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФЕНОМЕН ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В современных международных отношениях имеют место серьезные трансформации и динамичное развитие. Это происходит ввиду того, что современная система глобальной политики закономерно отвечает на изменяющиеся требования эволюции международно-политической конъюнктуры: дестабилизацию и расширение понятия суверенитет, увеличение роли негосударственных акторов в международных отношениях, появление активного политико-психологического компонента в детерминации стратегий государственных игроков международных отношений и др. Каждый перечисленный аспект является серьезной исследовательской проблемой, предполагающей возможное аксиологическое решение ввиду активизации влияния национально-ценностного компонента в мировой политике.

За последние 20 лет применение понятий культуры, ценностей и норм к изучению различных аспектов международных отношений значительно продвинулось вперед и стало флагманом изучения современной мировой политики. Важность культурного подхода к восприятию политического мира стала одной из основных проблем реалистского подхода к международным отношениям и особенно актуализировалась в области исследований вопросов безопасности и применения военной силы. После публикации в 1996 году книги П. Каценштейна «The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics»[92], посвященной применению культурных элементов в изучении проблем безопасности, все больше ученых-политологов по всему миру используют национальную культуру и традиции для объяснения или уточнения роли насилия, силовых методов и безопасности в современных международных отношениях.

В ответ на запрос изучения последней упомянутой аналитико-синтетической задачи современные теоретики международных отношений предлагают использование понятия «стратегическая культура», выражающее совокупность национальных традиций, обычаев, особенностей менталитета, исторической и политической практики в решении вопросов применения военной силы при возникновении угроз безопасности национального масштаба.

Данный доклад посвящен анализу динамики современной системы международных отношений и конкуренции мировых порядков, появлению понятия «глобального про-

[92]См.: The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics. Edited by Peter J. Katzenstein New York: Columbia University Press, 1996. 562 p.

екта» и увеличению роли больших стратегий акторов мирового политического процесса, роли стратегической культуры государства в этой системе взаимоотношений. Отдельно изучена роль стратегической культуры в формировании долговременного внешнеполитического курса государства с учетом его национальных особенностей. Кроме того, предлагается система и типология национальных стратегических культур с учетом обобщения опыта предыдущих исследований по данной теме и выявление авторской системы и типологии для решения исследовательских задач работы.

Стратегические культуры представляют собой динамичные и сложные системы, которые постоянно меняются под воздействием различных факторов. Типология стратегических культур, а именно разделение их на конструктивные и деструктивные, позволяет лучше понять различия в восприятии угроз и выборе стратегий безопасности у разных стран. Это может быть полезно для анализа международных отношений и прогнозирования поведения государств на мировой арене. Однако важно помнить, что типологии являются упрощёнными и не всегда отражают всю сложность национальных стратегических культур в современном мире.

Козин М.А.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Историческая реконструкция в современной России стала одним из факторов становления медиевализма как формы политического осмысления и переосмысления русского Средневековья, что представляет особый исследовательский интерес в условиях суверенизации политической науки. Актуальность исследования обусловлена тем, что в последние годы историческая реконструкция, в частности в формате «живой истории», стала основой для формирования стереотипов и устойчивых политических образов Средневековья, а также является одной из форм коммеморации и полем для реализации нарративов исторической политики государства.

Целью исследования является изучение политического и идеологического содержания основных направлений исторической реконструкции русского Средневековья, играющих наиболее важную роль в политике памяти и утверждении определенных образов исторических личностей в российском политическом дискурсе, выявление тенденций и закономерностей развития исторической реконструкции Средневековья в современной России.

Большое внимание в исследовании уделяется точке зрения, сформулированной в монографии «Мобилизованное Средневековье» (Мобилизованное Средневековье: в 2 т. Т. II: Средневековье история на службе национальной и государственной идеологии России / под ред.

А.И. Филюшкина, 2022), а также подходам, предложенным авторами труда «Всё в прошлом» (Всё в прошлом: Теория и практика публичной истории под ред. А. Завадского, В. Дубиной, 2021.), а также взгляду на русское Средневековье и допетровскую Русь в целом Д.А. Сосницкого (Сосницкий Д.А. Историческая память о допетровской Руси, 2015.).

При проведении исследования использовались следующие методы: контент-анализ (для изучения и систематизации данных о крупнейших медиевальных реконструкторских фестивалях и площадках, воспроизводящих русское Средневековье в рамках других мероприятий политики памяти), компаративный метод (для сравнения и выявления различий в воспроизведении и политической интерпретации реконструируемых исторических образов), историко-политологический анализ (для оценки значимости конкретных образов и эпох для исторической политики российского государства).

В результате проведенного исследования были выявлены основные политические вызовы и угрозы, перед которыми стоит как российский медиевализм в целом, так и реконструкция Средневековья в частности, которые во многом были вызваны кризисом политической идентичности, сформулированы тезисы о том, что историческая реконструкция Средневековья в формате «живой истории» является актуальным социально-политическим явлением, вовлекающим как участников, так и зрителей во многом за счет технической и визуальной привлекательности перфомансов и популярности определенных исторических образов; а также тезисы о том, что коммеморация именно средневековых событий свидетельствует о возрождении «интерактивного» интереса общественности к древности и, что данная форма интерпретации прошлого может рассматриваться в равной степени и как набирающая обороты форма эскапизма, бегства от реальности, и как попытка участников реконструкторского движения и региональных властей вернуть в политический дискурс средневековые образы.

Сделаны выводы о том, что важным признаком политической актуальности образа, воспроизводимого реконструкторами, является тщательный выбор персоналии, средств реконструкции и политической интерпретации ее образа, а также наличие частной заинтересованности реконструкторского клуба или соответствующей площадки; современную историческую реконструкцию Средневековья можно считать одним из руководящих начал медиевализма в России, признавая ее при этом полупрофессиональным или даже любительским явлением; историческая реконструкция слабо институционализирована, однако имеет поддержку таких организаций как РИО и РВИО, что делает ее часть исторической политики государства и вписывает в общенациональную практику политической интерпретации Средневековья и исключает ее пребывание исключительно в статусе историко-политической субкультуры; несмотря на то, что современная историческая реконструкция не является руководящим началом медиевализма в России, реконструкторское движение играет важную роль в российской политике памяти.

Козлов К.Н.
(Воронеж, ВГУ)

СТРУКТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРУПЦИИ

Известный американский ученый С.Хантингтон предлагал рассматривать проблему коррупции в историческом плане: коррупция, по его мнению, обусловлена определенным уровнем политического развития и традициями тех или иных обществ. Хотя коррупция существует во всех обществах, степень ее распространённости далеко не одинакова и зависит от множества факторов.

Один из них – уровень социально-экономического развития страны. В частности, предрасположенность к коррупции в традиционных обществах существенно выше, чем

в обществах современных. Нормы традиционного общества поощряют семейственность и непотизм как условия поддержания социальных связей или необходимый инструмент перераспределения материальных благ. В современных же обществах, напротив, эти явления противоречат представлениям о государственной службе и однозначно осуждаются.

Другим фактором выступает быстрый экономический рост и повышение уровня благосостояния населения, что в перспективе повышает значимость «добропорядочного поведения» чиновников, которым – в случае «коррупционных соблазнов» – есть что терять и эти потери существенны. Это обстоятельство по мере роста материального благосостояния становится более важным, чем, скажем, религиозные или иные моральные ограничения.

Третий фактор – это корреляция размеров коррупции со скоростью социальной и экономической модернизации. Как показывает проделанный С.Хантингтоном историко-политологический анализ, пики коррупции в общественной жизни ряда государств Европы совпадают с динамикой промышленной революции, появлением новых источников богатства и власти, возникновением новых классов и предъявлением ими новых требований к государству (Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс – Традиция, 2004. – С. 75– 76). В такие периоды политические институты объективно слабеют, поскольку старые нормы теряют свою эффективность, а новые еще не закрепились и не легитимированы в массовом сознании. В условиях конфликта между традиционными и современными нормами и ценностями, сопровождающего модернизационный процесс, у активных индивидов и групп появляется возможность действовать, игнорируя как старые, так и новые нормы. Более того, отрицание старых норм и стандартов может привести к полной делегитимации всех и всяческих стандартов. Можно согласиться с выводом о том, что политическая коррупция является одним из следствий отсутствия эффективной политической институционализации.

Очевидно, что коррупция как универсальное социальное явление приобретает острый политический характер в трансформационные периоды. Вместе с тем применительно к историческим условиям, свойственным переходу от «традиционности» к «современности», коррупцию нельзя считать абсолютным злом: напротив, она выполняет определённую функциональную роль (роль громоотвода), обеспечивая поддержку преобразований теми общественными группами, которые в противном случае могли бы выступить против власти.

Сказанное не означает игнорирование негативной стороны коррупционных практик. Очевидно, что коррупция ослабляет эффективность управления, но борьба с нею не должна носить характер «компанейщины». Результаты многолетних исследований отношения населения и бизнеса Воронежской области к коррупции в федеральных и региональных органах власти (заказ Правительства РФ) показывают, что основными мотивами бизнес-структур, прибегающих к даче взяток, является стремление сократить бюрократические барьеры для оперативного решения многих важных и неотложных вопросов. Системное решение этой проблемы требует поступательного развития общества, и прежде всего всестороннего совершенствования политической системы, ее способности осуществлять радикальные и всеобъемлющие преобразования, охватывающие не только институциональную подсистему, но все области общественной жизни, включая общественное сознание (ценности, мотивацию, поведенческие нормы, структуру личности и определение ее идентичности). Немаловажно, что власть должна преобразовать и саму себя, рационализировав форму и природу управления.

Культурные особенности политической коррупции варьируются в зависимости от исторического контекста, социальных норм и ценностей общества. В некоторых странах коррупция может рассматриваться как приемлемая практика или даже часть культурной традиции, что приводит к её нормализации и широкому распространению.

Кроме того, в обществах с низким уровнем доверия к институтам государственной власти коррупция может восприниматься как единственное средство достижения целей, что еще больше усугубляет проблему. Политическая коррупция (как и коррупция в целом) требует детального и всестороннего анализа для выявления её как положительных, так и отрицательных сторон с целью дальнейшего формирования более прозрачных и подотчётных политических институтов, определения стимулов и мотивов использующих её политических акторов, улучшения качества взаимодействия населения и государственной системы.

Козлов Н.А.
(Москва, НИУ ВШЭ)

СВЯЗЬ КРЕДИТНОГО БРЕМЕНИ ГРАЖДАН С ПОЛИТИЧЕСКИМ УЧАСТИЕМ: РОЛЬ ДОХОДОВ И КРЕДИТНЫХ УСТАНОВОК

Финансиализация социальной политики сопровождается замещением прямой государственной поддержки кредитами, что усиливает риски экономической депривации, особенно в кризисы. Немногочисленные количественные исследования политизации кредитного бремени[93] не учитывают факторы, связанные с психологией долга[94]: как люди оказываются в долгах, как они воспринимают кредит и какие стратегии используют для его выплаты. Я утверждаю, что эти обстоятельства и уровень достатка граждан порождают неопределенность связи между кредитной задолженностью и политическим участием. Также подавляющее большинство эмпирических работ сосредоточены на западных странах, что ограничивает понимание политизации долгов в развивающихся экономиках с их социально-экономическими и институциональными особенностями.

В работе я использую данные анкетирования 500 россиян в 2021 году и провожу медиационный регрессионный анализ с модерацией для выявления комплекса взаимосвязей между кредитными проблемами и политическим участием с учётом доходов и кредитных установок. Особое внимание я уделяю влиянию финансовой угрозы и адаптационных реакций на кредитные трудности как медиаторов между отмечаемыми заемщиками проблемами и формами их гражданской активности.

Результаты показывают, что возможное влияние кредитных проблем на политическую активность зависит от материального положения. Среди заёмщиков с доходами выше среднего отмечается положительная связь между трудностями с кредитными выплатами и участием в политике, включая готовность протестовать. У менее обеспеченных граждан такой эффект депривации ниже или отсутствует, поскольку их ресурсы идут на решение финансовых проблем, а не политику. Это согласуется с теорией политического участия, основанного на ресурсах. На мой взгляд, такой смешанный эффект связан с тем, что в России – в отличие от западных стран – кредит пока не заместил прямые бюджетные выплаты для экономически уязвимых групп, например,

[93]См., например, исследования Андреаса Видемана: Wiedemann A. How credit markets substitute for welfare states and influence social policy preferences: evidence from US states // British Journal of Political Science. 2022. Vol. 52. No. 2. Pp. 829-849; Wiedemann A. The electoral consequences of household indebtedness under austerity // American Journal of Political Science. 2024. Vol. 68. No. 2. Pp. 354-371.

[94]Lea S. E. G. Debt and overindebtedness: Psychological evidence and its policy implications // Social Issues and Policy Review. 2021. Vol. 15. No. 1. Pp. 152-159.

многодетных семей, поддержка которых в «коронакризис» была в приоритете российского правительства[95]. Это обстоятельство сдерживает политизацию кредитного бремени среди менее обеспеченных.

Ключевую роль в исследуемом механизме играют консервативная стратегия кредитного поведения и возложение ответственности за кредитные проблемы на государство. У заёмщиков-«консерваторов», воспринимающих кредит как «кабалу», ощущение финансовой незащищенности на фоне проблем с кредитами связано с большей готовностью участвовать в протестах. Вероятно, кризис ведет к переосмыслению прежних установок и способствует росту оппозиционной активности, направленной против ухудшения условий жизни и социальной несправедливости. Более вовлеченное политическое участие также наблюдается у тех, кто наиболее последовательно считает государство ответственным за кредитные проблемы населения и ожидает его патерналистской поддержки. Такая позиция чаще характерна политическим «активистам» и «лидерам», стремящимся изменить экономическую политику, особенно при наличии у них собственного кредитного опыта.

Таким образом, роль кредитного бремени в политическом участии неоднозначна и зависит от уровня дохода и субъективных установок. В российском контексте теория участия, основанного на ресурсах, даёт более полное объяснение поведения низкодоходных групп, тогда как теория относительной депривации выступает релевантной для более обеспеченных категорий в условиях кризиса. Психологические и политические переменные, такие как консервативная стратегия и возложение ответственности на государство, формируют множественные пути политизации кредитного бремени.

Методологические ограничения исследования связаны с онлайн-опросом и отсутствием экспериментального дизайна, что не позволяет однозначно утверждать о причинно-следственных связях. Тем не менее, теоретически обоснованный медиационный анализ с модерацией обеспечивает доказательства существования многофакторного влияния кредитных проблем на политическое участие. Эти результаты важны для дальнейших исследований и разработки политики в условиях роста кредитного долга домохозяйств и финансиализации государственных механизмов социальной поддержки.

Козлова Н.Н., Рассадин С.В.
(Тверь, ТвГУ)

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ИНТЕГРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТАНТ КОНСОЛИДИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Необходимость исследования фундирована стоящей перед российским обществом задачей стабильного цивилизационного развития, обеспечиваемого конгруэнтностью ценностных рядов политической аксиосферы. Среди перечисленных в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» ценностей объектом нашего исследования стали патриотизм и крепкая семья, артикулированные в сетевом дискурсе тематических сообществ. Задачи исследования – выявить

[95]Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Социальная поддержка семей с детьми в период эпидемии короновируса и реальная нуждаемость семей // Народонаселение. 2021. Т. 24. №. 4. С. 95-106.

точки пересечения и линии рассогласований по оценке возможностей конструктивной интеграции указанных соположенных ценностных рядов, оценить перспективы продвижения интегральной модели ценностей в контексте преемственного развития российской политической системы. Эмпирическое исследование проводилось в августе – декабре 2024 г., были отобраны в сети «ВКонтакте» семейные («Родители и педагоги! Наши дети», «Я МАМА!™ Дети. Семья», «Родители в теме. Клуб продвинутых мам и пап», «Семья в Исламе» и «Русское Православие и Традиции») и патриотические сообщества («Донецк/ Луганск/ Новороссия», «Николай Стариков», «История: Россия и мир»).

Проведенное исследование показывает, что конвергенция актуальных патриотических и семейных ценностей должна осуществляться с опорой на так называемую «фундаментальную психологическую триаду»: предполагающую выделение когнитивного, эмоционального (аффективного) и поведенческого компонентов в структуре личности. Когнитивный компонент являет собой основу политического сознания и задает гражданское измерение человека. Эмоциональный компонент фундирует отношение каждого человека к самому себе, близким, социальным и государственным институтам, придавая «чувственное» звучание всей аксиосфере, в том числе и ее политическому измерению. Чувства любви, заботы, уважения, ответственности, долга, доверия, гордости оказываются направленными на важнейшие объекты для каждого человека – семью, родственников, близких, друзей. Политическое сознание человека, определяющее его как гражданина суверенного государства, задействуя имплицитные естественные чувства «семейной» направленности, транслирует их на более абстрактные и отдаленные от человека объекты: «малую родину – родной край», обществе/нацию, государство, т. е. совокупность объектов, когерентных понятию «Родина». Поведенческий компонент реализуется на практике и позволяет отразить наличные семейные и патриотические ценности как в повседневных семейных практиках, так и в формате гражданского активизма и политического поведения. Актуализация и конвергенция семейного и патриотического ценностных рядов требует системной и комплексной работы прежде всего в области социализации российских детей и молодежи. Исходя из данной выше характеристики политической аксиосферы векторы конгруэнтного сопряжения семейных и патриотических ценностей выглядят следующим образом: 1) расширение «объектной базы» приложения семейных ценностей, существующей в основном в рамках нуклеарной семьи и установкой на детоцентризм, путем артикуляции значимости и ценности близких объектов – сложной семьи (с установкой на включение заботы о старших поколениях – бабушки/дедушки и т.д.), ближайших референтных групп; 2) «приближение» к человеку относительно абстрактных объектов патриотического ряда путем «привязывания» патриотического измерения более близким и повседневным объектам (родная улица, школа, город/село, родной язык, культура, государственные символы); 3) когнитивная работа по осмыслению и признанию патриотизма как ценностной установки гражданина суверенного государства, политические институты которого отражают и защищают его личные интересы и гражданские права, что, в свою очередь, должно проявляться в политической активности гражданина, направленной на поддержку и защиту самого государства; 4) критика современных деструктивных западных ценностей, направленных на разрушение/умаление традиционных семейных ценностей должна стать частью патриотического дискурса; 5) создание устойчивой ценностной связи «безопасность семьи и безопасность государства» путем объединения одной из ключевых установок современных российских родителей на максимальное обеспечение безопасности для детей и осознания их как граждан, что этот уровень безопасности напрямую определяется всеми измерениями национальной безопасности; 6) повышение уровня доверия к государству и закрепление патриотической ценностной установки политического сознания граждан обеспечивается устойчивыми социальными гарантиями и практиками социальной защиты; 7) расширения понимания и восприятия феномена патриотизма (как правило,

описываемого в формате открытий/достижений, военных подвигов) на всю сферу социального/гражданского активизма, проявления которого имеют значение для развития всех измерений суверенитета: правового, избирательного, демографического и т.д.

Колозов Д. П.
(Краснодар, КубГУ)

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЁЖИ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ «СЕГОДНЯ» И В «БУДУЩЕМ»

Проведение СВО, расширение политического пространства и принятие новых регионов в состав России активизировало множество социальных процессов внутри российского общества и государства. В частности, вниманию подлежит активный процесс интеграции данных регионов в социально-культурное пространство России при учете особенностей их политического развития до описываемых событий. На фоне этого представляется особенно важным проанализировать состояние и трансформацию политической картины мира общества данных субъектов, их гражданскую идентичность, ценности. В рамках тезисов, выделенные аспекты будут проанализированы в разрезе анализа представлений молодёжи о себе. Группа выбрана ввиду внимания к их процессу политической социализации и развитию молодёжной политики в новых регионах.

Эмпирическую базу описываемой работы составили материалы исследования молодёжи новых регионов России (ДНР, ЛНР, Херсонской, Запорожской областей, включая Республику Крым), проведенного при помощи онлайн-анкетирования в 2024 году. Так, в рамках данных тезисов были проанализированы результаты анкет 650 респондентов. Далее будут рассмотрены данные об отношении респондентов к традиционным российским духовно-нравственным ценностям с позиции значимости «сегодня» и «в будущем». Перечень ценностей был составлен на основе Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Описываемое отношение респондентов к российским ценностям может быть рассмотрено с позиции оценки состояния и распространенности аксиологического аспекта российской гражданской идентичности молодёжи новых регионов. Так, на основе полученных данных можно сделать следующие выводы:

- исходя из показателей по всей выборке: жизнь, права и свободы человека, крепкая семья – наиболее значимые ценности для всех респондентов как в «настоящий момент» (75,4%, 64,3%, 61,1% соответственно), так и в «будущем» (73%, 61%, 56,6% соответственно). Данный перечень наиболее значимых ценностей свойственен и для каждой отдельной группы респондентов;
- наименее значимыми же ценностями по всей выборке стали варианты «приоритет духовного над материальным» и «коллективизм» как в «настоящий момент» (5,4%, 6,7% соответственно), так и в «будущем» (7,9%, 8,5% соответственно). При этом интересно отметить прирост их значимости для молодёжи «в будущем» на 1,8% и 2,5% соответственно. Отсутствие же значимых ценностей из приведенного списка отметило около 3,7% респондентов по всей выборке в каждом из периодов;
- в динамике (разнице показателей между «будущим» и «настоящим») такие ценности как: гуманизм (3,7%), высокие нравственные идеалы (3,3%) – демонстрируют наиболь-

ший прирост, а ценности: крепкая семья (-4,4%), права и свободы человека (-3,3%) – напротив, показали наибольшую отрицательную динамику по общей выборке;

■ в динамике же по каждой отдельной группе можно отметить, что вариант «жизнь» обладает наибольшей отрицательной динамикой в группах респондентов из ЛНР и Республики Крым (-8% и -6% соответственно). Вариант «крепкая семья» стал менее значим на 9,5% для группы из Херсонской области. Интересно, что для молодёжи Херсонской области варианты «гуманизм» и «высокие нравственные идеалы» становятся более важными в будущем (на 10% и 8,9% соответственно). Вариант «историческая память и преемственность поколений» обладает наибольшей положительной динамикой для молодёжи ДНР (прирост на 8%), а вариант «достоинство» – в группе ЛНР (прирост 10,4%). Респонденты из Запорожской области оказались наиболее «статичны» по сравнению с другими группами – их максимальная динамика в оценках значимости разделяемых ценностей составила примерно 5%.

Таким образом, можно наблюдать, что большая часть респондентов из новых регионов России в той или иной степени разделяет российские традиционные духовно-нравственные ценности и считает их значимыми для себя как в настоящий момент, так и в будущем. Можно наблюдать, что отрицание значимости какой-либо из ценностей занимает наименьшую долю ответов в общей выборке. В наибольшей же степени молодёжь разделяет общечеловеческие ценности, такие как «жизнь», «права и свободы человека», а также ценности крепкой семьи. При этом динамика значимости ценностей в разрезе каждой отдельной группы респондентов обладает широкой вариативностью. Интерес представляет дальнейшее изучение трансформации ценностей в молодёжной среде новых субъектов с учетом описываемой динамики, особенно в отношении к семейным ценностям.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00660 «Образ будущего новых граждан России: содержание, модели и практики формирования в условиях консолидации современного российского общества»

Колотаев Ю.Ю.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ДИВЕРГЕНЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ПО ВОПРОСАМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ФРГ)

Современная международная система характеризуется высокой степенью неопределённости, множественными кризисами и усложнением взаимодействия между ключевыми акторами. На этом фоне особую актуальность приобретает анализ политических элит, чьи разногласия и конфликты напрямую отражаются на формировании внешнеполитического курса государств и интеграционных объединений. Одним из ключевых понятий, позволяющих осмыслить эти процессы, выступает категория «дивергенции» политических элит. Она обозначает прогрессирующее расхождение позиций внутри элитных сообществ, которое способно не только формировать линии раскола в политическом пространстве, но и оказывать долговременное воздействие на международные отношения.

Классические теории элитизма исходили из бинарного разделения на управляющих и управляемых, подчёркивая неизбежность олигархизации политических структур. Со-

временные исследования предлагают более сложные модели, акцентируя внимание на сетевых связях, механизмах рекрутирования и динамике кооперации между различными сегментами элит. Однако в условиях внешнеполитических кризисов простая дихотомия «конфликт/сотрудничество» не отражает реальной картины, где внутренние линии раскола в элитах могут варьироваться.

Предлагаемая в рамках теории дивергенции типология, основанная на оценке согласованности, лидерстве и интегрированности, позволяет выделить три стадии деградации межэлитных связей. Сегментация фиксирует разделение элиты на группы при сохранении коммуникации и минимального консенсуса. Фрагментация указывает на более глубокий разрыв, когда постоянные связи исчезают, а сотрудничество становится ситуативным. Поляризация означает окончательный разрыв коммуникации и формирование взаимоисключающих нарративов, блокирующих возможность компромисса. Такое разграничение позволяет уйти от схематичных представлений о политических элитах и точнее оценивать уровень рисков для внешней политики.

Переход от теоретического анализа к эмпирическим примерам показывает, что дивергенция элит в реальности носит многоуровневый и нелинейный характер. Применение данной исследовательской рамки к анализу политической динамики Германии показывает, что выборы в Бундестаг в 2025 г. выступили не только электоральным процессом, но и ареной дивергенции элит. На первый план здесь выходят как внешние, так и внутренние факторы.

С внешней стороны наблюдается расхождение в интерпретации мирового порядка и роли Германии в нём. Для части элиты (СДПГ, ХДС/ХСС, СвДП, Зелёные) характерна ориентация на поддержку либеральных институтов. Их риторика строится на защите «регламентируемого международного порядка», включающего санкционные механизмы, координацию с ЕС и НАТО. Напротив, «Левая партия», движение BSW и особенно АдГ отвергают рамку системного конфликта, акцентируя внимание на национальных интересах и многополярности. Для этих элит характерен более прагматичный, а в отдельных случаях антисистемный подход. Таким образом, именно внешнеполитическая повестка становится линией сегментации, а в ряде случаев – фрагментации, ограничивающей возможности консенсуса.

Внутренние факторы усиливают дивергенцию. Во-первых, социально-культурный разлом «глобализм» против «национализма» напрямую транслируется в позициях партий. Во-вторых, сохраняется региональный раскол Восток/Запад: восточные земли демонстрируют более высокий уровень поддержки партий, выступающих за пересмотр санкционной политики. Это превращает электоральную и региональную карту в дополнительный источник элитной фрагментации. В-третьих, внутри самих партий наблюдаются сдвиги. Например СДПГ, которая балансирует между ценностями социальной солидарности и необходимостью учитывать настроения электората, показывает, как внутрипартийная динамика становится частью межэлитной дивергенции.

Особый интерес представляет статус внешнеполитической элиты в Германии. Их разветвлённая структура придаёт немецкой внешней политике институциональную устойчивость, но одновременно усиливает вероятность сегментации и фрагментации. С одной стороны, институциональные рамки сдерживают переход к поляризации, с другой – наличие множества центров влияния способствует закреплению разделительных линий, когда интересы партий или регионов оказываются несопоставимыми.

Таким образом, немецкий кейс демонстрирует, что дивергенция элит во внешней политике является результатом сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов. Выборы в Бундестаг не только отражают баланс сил в обществе, но и формируют динамику элитных разногласий. В случае Германии даже при наличии острых противоречий преемственность в евроатлантической ориентации сохраняется, однако сама структура элитных

разногласий формирует условия для нестабильности и необходимости постоянного поиска компромисса. Применение теории дивергенции позволяет более точно прогнозировать траектории внешнеполитических решений, выявлять уязвимые точки консенсуса и учитывать динамику межэлитного взаимодействия в условиях глобальной турбулентности.

Данное исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01280 «Разделительные линии в правящих кругах Запада при формировании политики в отношении России в условиях современной конфронтации».

Колчин П.А.
(Москва, АНО «ЭИСИ»)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В АРМИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СВО В 2022-2025 ГГ.

Исследование посвящено использованию политики исторической преемственности в Армии России в контексте специальной военной операции как инструмента национальной политики.

Массовая социально-политическая мобилизация в ходе специальной военной операции вызвала в общественном сознании потребность в нахождении устойчивых смысловых опор и исторических аналогий. Ответом государства и общества стало активное и целенаправленное конструирование нарратива непрерывной исторической традиции служения Отечеству. Данный процесс, выразившийся, в частности, в объявлении Президентом Года защитника Отечества, направлен на выстраивание прямой связи между подвигами воинов прошлого и современными военнослужащими, обеспечивая тем самым легитимацию и сплочение.

Важнейшим эффектом политики исторической преемственности стало её влияние на структуру гражданской идентичности. Актуализация конкретных исторических примеров героизма представителей разных народов России позволяет интегрировать их в общий героический нарратив. Это создает мощный консолидирующий ресурс, обеспечивая идентификацию на уровне как титульного русского этноса, так и других народов, и способствуя формированию единой надэтнической общности («мы – россияне = русские») на основе общей исторической памяти и традиционных ценностей. Такие процессы наблюдаются во многих регионах России и связаны, как с государственной политикой, так и с общественными инициативами.

Особое значение в данном контексте приобретает феномен актуализации имперского и советского символического капитала. В современном дискурсе наблюдается консолидация символов воинской славы различных исторических эпох – Русского царства, Российской империи и СССР. Георгиевская лента, знамена с имперской и советской символикой, имена великих полководцев от Александра Невского до маршала Жукова – все эти элементы синтезируются в единый пантеон воинской доблести. Этот интегральный подход позволяет апеллировать к максимально широкому спектру исторической памяти, обеспечивая преемственность для различных возрастных и социальных групп населения, каждая из которых находит в этом синтезе свои смыслы и точки идентификации.

Таким образом, политика исторической преемственности в армии в условиях специ-

альной военной операции трансформируется из инструмента патриотического воспитания в ключевой фактор национальной политики. Формируемый через призму преемственности единый идентификационный каркас, основанный на героических примерах разных эпох и народов, становится основой для новой социальной реальности. В этой реальности гордость за общее прошлое и настоящее, консолидация вокруг политического курса и сопротивление внешнему давлению, опосредованные через историческую аналогию, интегрируют этнические идентичности, однако не отменяют их. Это новая реальность – отсыл к героическому прошлому: русские – победители в Отечественной войне 1812 г., советский народ/русский солдат – победитель во времена Великой Отечественной войны. Это требует от государства пересмотра механизмов реализации национальной политики, где на первый план должны выходить не столько этнокультурные особенности, сколько укрепление общегражданской солидарности, основанной на ценностях долга, подвига и защиты Отечества, унаследованных от предыдущих поколений. Также примеры сплочения военнослужащих в ходе специальной военной операции подтверждают высокий интеграционный потенциал русской идентичности, которая в ряде случаев ассоциируется с общероссийской гражданской. Этот опыт может стать основой для выработки новых подходов в национальной политике, которые позволят выстроить более гармоничную иерархию идентичностей.

Кольба А.И.
(Краснодар, КубГУ)

ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ)

Конфликты, возникающие в процессе реализации политики развития региона, происходят как внутри сообществ, на территории которых реализуются проекты развития, так и в их взаимодействии с местными и региональными органами власти, бизнес-структурами, экспертами и другими субъектами развития. Анализ конфликтных ситуаций такого типа, происходивших в ряде субъектов РФ, показывает, что для них характерны деструктивные сценарии развития, что приводит к затягиванию сроков реализации проектов развития или отказу от них. Задачей проведенного исследования стало выявление факторов, которые обуславливают преобладание в конфликтах деструктивной либо конструктивной составляющей, а также механизмов, с помощью которых территориальные сообщества могут участвовать в политическом управлении подобными конфликтами.

В рамках реализации научно-исследовательского проекта по тематике участия территориальных сообществ Краснодарского края в политике развития нами было проведено 20 глубинных интервью с гражданскими активистами – представителями сообществ. Топик-гайд интервью состоял из нескольких блоков вопросов, в частности, об факторах возникновения конфликтов и возможностях участия в управлении ими. На основании полученных данных были выделены следующие факторы, влияющие на уровень конструктивности/деструктивности протекания конфликтов:

– Наличие/отсутствие диалога с местными органами власти и управления (в первую очередь наличие обратной связи).

– Наличие/отсутствие персональных связей с представителями администраций и депутатского корпуса (включая глав муниципальных образований).

– Профессиональная компетентность чиновников и представителей бизнеса, участвующих в управлении конфликтом.

– Уровень планирования и организационной поддержки реализуемых проектов (прежде всего возможность участия представителей сообществ в планировании).

– Уровень активности представителей сообществ по проблемным вопросам, способность сообществ к мобилизации.

Данный список факторов пока что представляется неполным, на следующих этапах исследования он может быть расширен и конкретизирован.

Относительно механизмов участия сообществ в политическом управлении конфликтами были сделаны следующие выводы:

Респонденты указали в качестве наиболее эффективных механизмов персональное вовлечение чиновников в решение проблем («они воочию видят, о чём мы им говорили, и сами не понимают, почему они нам такие пустые и глупые ответы дают»); официальные обращения в органы власти, как в муниципальные, так и вышестоящие; организация освещения проблемных и конфликтных ситуаций как с помощью социальных медиа, так и через СМИ; демонстрация массовости поддержки определенного решения, в том числе с помощью сетевого взаимодействия между общественными организациями, создание системы публичного контроля над реализацией проектов развития. При этом общественные активисты предпочитают не упоминать напрямую протестные формы воздействия на решение конфликтных ситуаций, хотя ряд фрагментов интервью позволяют сделать вывод, что они рассматриваются как весьма эффективные. Возможно, здесь проявляется эффект умолчания, связанный с тем, что публичные проявления конфликтности могут рассматриваться респондентами как социально неодобряемые. Данное предположение будет проверено на дальнейших этапах исследования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности», https://rscf.ru/project/24-18-20079/

Кольба Н.В.
(Краснодар, РНЦ ИЭЦ РАН)

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ КАК ПЛОЩАДКИ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА И ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТАХ (ПО МАТЕРИЛАМ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Цифровые платформы стали важной площадкой коммуникаций участников городских конфликтов в России, включая Краснодарский край. Они выступают как мощный инструмент мобилизации, формирования публичного дискурса и организации коллективных действий. Однако их роль двойственна: они могут как способствовать конструктивному диалогу и поиску компромиссов, так и усиливать поляризацию и конфронтацию. Важным исследовательским вопросом здесь является выявление факторов, которые влияют на тональность дискурса и мобилизационный потенциал.

Под цифровыми платформами автор понимает технологические системы, которые позволяют пользователям взаимодействовать в онлайн-пространстве посредством текста и аудиовизуальных образов. В результате общения по поводу общей проблемы (конфликтной ситуации), часто платформа перестаёт быть нейтральным инструментом, а дает возможность самоорганизации: в мессенджерах через закрытые чаты, через создание тематических сообществ и событий в других социальных сетях. Получается, что платформы и участники влияют друг на друга: платформы задают правила игры и возможности, а пользователи, в свою очередь, тоже меняют то, как устроены и работают эти платформы. В текущих российских реалиях городская повестка осталась едва ли не единственной сферой для публичных дискурса и возможностью для выражения протеста. Развитие новых медиа сильно меняет то, как люди действуют сообща, поэтому нужно по-новому смотреть на саму природу коллективных действий и протеста.

Концепция коннективного действия, разработанная Л. Беннетом и А. Сегербергом, является ключевой для понимания роли цифровых платформ в городских конфликтах. Она подчёркивает возможность кооперации между людьми, которые не обладают общей идентичностью и не входят в одну организационную структуру. Данный концепт описывает современные формы мобилизации, которые разворачиваются в Интернет-пространстве, перетекают или трансформируются в офлайн взаимодействие. Основная характеристика такого коллективного действия – низкий барьер для участия в дискурсе, персонализация контента и использование социальных сетей для координации и распространения информации.

На основе исследования городских конфликтов в Краснодарском крае можно выделить несколько функций цифровых платформ:

1. Формирование публичного дискурса. Платформы становятся пространством для обсуждения проблем, формирования коллективных идентичностей и артикуляции общих требований. Здесь сталкиваются разные точки зрения и нарративы о развитии города в целом и частных городских вопросах.

2. Информационное сопровождение и мониторинг. Горожане используют цифровые платформы для распространения информации о конфликтных ситуациях, публикации документов и организации общественного контроля за действиями властей, стейкхолдеров, подрядчиков и исполнителей.

3. Мобилизация и координация действий. Социальные сети и специализированные гражданские медиа позволяют быстро организовывать сбор подписей под петициями, акции для привлечения внимания и координировать действия активистов.

4. Краудсорсинг и краудфандинг. Платформы позволяют привлекать ресурсы (финансовые, интеллектуальные, организационные) для решения локальных проблем.

Особенности цифрового активизма в Краснодарском крае во многом совпадают с общероссийскими трендами, но имеют свою специфику в силу миграционного роста населения, активности девелоперов, застарелых городских проблем.

Во-первых, смещение в сторону неполитического активизма. Гражданское участие часто фокусируется на решении острых локальных проблем (экология, благоустройство, защита от точечной застройки), а не на прямой конфронтации с политической системой. Более того, в электоральном процессе ни один городской конфликт не попал в фокус внимания участников выборов.

Во-вторых, "акционный" характер участия. Преобладают короткие, ситуативные практики (подписание петиции, репост, участие в единичной акции), а не длительное членство в формализованных организациях. Наиболее яркий пример: группа активистов в сфере развития общественного транспорта стремительно теряет участников несмотря на то, что проблема нарастает.

В-третьих, происходит переориентация на социальную кооперацию и взаимопомощь.

Ядром активизма становятся сетевые группы активистов, ориентированные на конкретные результаты – помощь в зоне СВО, благотворительные проекты.

Мониторинг социально-политических процессов подтверждает, что цифровые платформы играют ключевую роль в мобилизации горожан вокруг локальных проблем. В то же время, не все группы населения имеют равный доступ к технологиям и навыкам их использования. Поэтому в сельской местности сетевой мобилизующий потенциал существенно ниже.

Кольба П.А.
(Москва, НИУ ВШЭ)

СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮНЕСКО ПО ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ В СТРАНАХ С ВООРУЖЕННЫМИ КОНФЛИКТАМИ: СРАВНЕНИЕ ОПЫТА СИРИИ И УКРАИНЫ В 2015-2024 ГГ.

В современном мире стремительно возрастает число международных и внутренних вооруженных конфликтов, которые влекут за собой масштабные разрушения памятников исторического, архитектурного и природного наследия и приводят к невосполнимым потерям для всего мирового сообщества. На данный момент ЮНЕСКО является ключевой организацией, имплементирующей соответствующий международный правовой режим. Однако практика последних лет показывает, что существующие международные механизмы охраны оказываются недееспособными в реальности, особенно в условиях острого военного противостояния: когда становление культурного наследия политическим рычагом давления, отсутствие доступа к территориям и нарушение международных конвенций становятся серьёзными ограничивающими факторами для реализации нормативной базы ЮНЕСКО. Сравнительный анализ опыта вооруженных конфликтов в Сирийской Арабской Республике и в Украине является актуальным, так как с помощью него можно проанализировать деятельность ЮНЕСКО в ходе вооруженных конфликтов в двух государствах с военными конфликтами разного типа, но при этом со схожим числом объектов Всемирного наследия, что позволяет оценить эффективность деятельности организации и механизмы её реагирования с разных сторон.

В зависимости от обстановки в стране, где располагаются объекты, охраняемые ЮНЕСКО, организация имплементирует два разных международных режима по охране объектов. Один представляет собой деятельность организации в условиях мирного времени и опирается на Конвенцию по охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года. Второй режим ориентирован на переход организации на имплементацию Гаагской конвенции 1954 года, её Второго протокола и сопутствующим им документам по охране наследия в условиях вооруженного конфликта.

В ходе исследования выявлено, что у ЮНЕСКО отсутствуют какие-либо проблемы с имплементацией охранного режима в мирных условиях. На примере Сирийской Арабской Республики и Украины установлено, что в данных рамках организация работает штатно и успешно способствует презервации и развитию объектов. Однако даже в мирных условиях нормативная база ЮНЕСКО имеет лакуны, не позволяющие ей продол-

жать сохранение объектов из Списка Всемирного наследия ЮНЕСКО, как это было с Древним Херсонесом в 2014 году в связи с отказом принятия организацией юрисдикции Российской Федерации на территории Республики Крым. Вопрос о взаимодействии организации с охраняемыми ею объектами на спорных с точки зрения мирового сообщества территориях требует дальнейшего исследования.

В случае начала военных конфликтов на территории государств, в данном случае в анализируемых Сирии и Украине, эффективность деятельности ЮНЕСКО в охране наследия значительно снижается. Несмотря на последовательную имплементацию собственной нормативной базы, повышение юридического статуса объектов, активное участие в маркировке, эвакуации и дополнительном финансировании по охране объектов, организация не способна дать им полноценную охрану. Объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО, а также все маркируемые ЮНЕСКО в ходе вооруженного конфликта культурные ценности, не могут получить реальную защиту от организации, поскольку продолжают подвергаться насильственному разрушению со стороны противоборствующих сторон, которые не взирают на присутствие международной организации. Деятельность организации ограничена не только институционально, но и практически, поскольку у нее отсутствуют какие-либо реальные рычаги воздействия на стороны конфликта, а, следовательно, органы ЮНЕСКО не способны как-либо предотвратить разрушения и обеспечить объектам реальную охрану. Соответственно, организация выполняет указанный в нормативной базе функционал, однако фактически цель по охране Всемирного наследия, поставленная перед организацией, не выполняется.

Тем не менее, в современных условиях, когда ЮНЕСКО является единственной интернациональной управляющей единицей в культуроохранной области, любая её деятельность по защите культурного и природного наследия в государствах с вооруженными конфликтами будет эффективнее, чем отсутствие какой-либо деятельности вообще. Вопрос о том, как именно необходимо реформировать ЮНЕСКО и ее международный статус для повышения реального уровня защиты ею объектов наследия в странах с вооруженными конфликтами, также является темой для дальнейших исследований.

В результате сравнительного анализа действий, объемов финансовой поддержки, мероприятий в Сирии и Украине деятельность ЮНЕСКО по охране культурного и природного наследия в странах с вооруженными конфликтами неэффективна, поскольку она не дает объектам полноценную защиту от насильственного разрушения, что, в свою очередь, является одной из основных целей организации.

Комаров И.Д., Горбунова М.Л.
(Нижний Новгород, ННГУ имени Н.И. Лобачевского)

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РЕСУРСНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ЗОН-КЛАСТЕРОВ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Комплексная мощь и стратегическая ресурсность великих держав предопределяет их доминирующее место в иерархии системы международных отношений, делая их провайдерами международных общественных благ – нормативной системы, безопасности, инфраструктуры и пр. Несмотря на то, что на переднем плане трансформации

системы международных отношений находится соперничество США и КНР, которые предстают как гегемоны уходящей и формирующейся архитектур мирового порядка, в число полюсов – центров силы первого порядка – новой архитектуры входят ЕС, Индия и РФ, с учетом их демографического, промышленного и военно-политического потенциала и влияния (проекции силы), выходящего за пределы макрорегиона их местонахождения.

Стратегическая ресурсность государства (группы государств) – авторский концепт, она относится к таким важным товарам, как продовольствие, энергоносители, вооружения, электроника и пр. и отражает, с одной стороны, самодостаточность (независимость от внешних поставщиков) в стратегически значимой сфере, с другой – возможность передачи другим государствам таких товаров. Стратегические группы товаров, которые могут повлиять на социальную стабильность, экономический рост и традиционную безопасность других государств, это товары таких групп ТН ВЭД ЕАЭС как 10 «Зерновые», 27 «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные», 30 «Фармацевтическая продукция», 31 «Удобрения», 84 «Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части», 85 «Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности», 93 «Оружие и боеприпасы; их части и принадлежности», ресурсность проявляется как положительный внешнеторговый баланс страны с остальным миром, ее трансфер через торговлю с конкретной страной – данные доступны в базе данных торговой статистики ООН. Ряд организаций ООН обобщают и публикуют специализированные двусторонние данные, которые также могут использованы в целях оценки стратегической ресурсности: ЮНКТАД (*UNCTAD*) ведет базы данных о внешней и двусторонней торговле ИКТ-товарами и ИКТ-услугами, информационная панель МВФ (*IMF*) по вопросам изменения климата распространяет статистику торговли «зелеными» товарами, Всемирный банк (*World Bank*) через портал World Integrated Trade Solution формирует данные о торговле укрупнёнными товарными группами – продовольствие, топливо, оборудование и электроника, сырьевые, промежуточные, потребительские и капитальные товары и пр., которые складываются из нескольких товарных групп, позиций или субпозиций

В соответствии с концептуальным подходом авторов, опирающимся на теоретическую рамку реализма и эмпирические оценки ресурсности великих держав и интеграционных объединений по разным стратегическим товарам, многополярность (полицентричность) следующей архитектуры мирового порядка следует из того, что ни одна великая держава – национальное государство или консолидированное объединение (на данном этапе – в эту категорию входит только ЕС) – не обладает комплексной ресурсностью по всем группам товаров, то есть в настоящее время нет самодостаточных великих держав. Только США и РФ одновременно ресурсны в продовольствии (зерновых), поставках энергоносителей и вооружений, но не ресурсны не только в отраслях новой экономики, но и отраслях общего машиностроения. КНР, ЕС и, в меньшей степени, Индия уязвимы в сфере поставок топлива, таким образом условия для их экономического роста частично создаются внешними акторами. КНР за счет внешних поставщиков решает вопросы продовольственной безопасности, проецируемой на обеспечение социальной стабильности. Задачи технологического суверенитета в традиционном машиностроении решают только ЕС и КНР, обладающие стратегической ресурсностью в этой сфере, в цифровой сфере среди великих держав относительно бесспорна только ресурсность КНР. Кроме того, это означает, что только КНР и в определённых отраслях ЕС создают реальные условия – поставляют физический капитал – для модернизации других стран.

Либеральная экономическая модель – стержень однополярного мирового порядка – опиралась на гипотезу о прекращении соперничества в сфере безопасности из-за отсутствия второй, кроме США, великой державы, и, как следствие, использовала возможности углубления международного разделения труда, транснационализации капитала и технологий и формирования глобальных цепочек создания стоимости, для которых национальные границы практически не играли никакой роли. Модель устойчиво работала до наступления острой фазы секьюритизации международных экономических отношений, когда значимым для ресурсности стало нахождение производственных мощностей корпораций за пределами юрисдикции западных великих держав.

Стратегическая ресурсодефицитность великих держав в той или иной сфере ведет к возникновению взаимозависимости великих держав в вопросах обеспечения продовольственной, энергетической и традиционной безопасности, а также при решении задач достижения технологического и цифрового суверенитета, как того требует новая парадигма развития. Стратегическая ресурсность государства как концепт позволяет интерпретировать отношения между великими державами, а также между ними и малыми и средними государствами, не обладающими ни комплексной мощностью, ни комплексной ресурсностью, что ставит под сомнение их экономический суверенитет, имеющий важное в условиях стабилизации мирового порядка, когда конкуренция вернется из сферы безопасности в экономическую сферу. Малые и средние государства вовлекаются в региональные и трансрегиональные зоны-кластеры великих держав в рамках векторов ресурсности – обеспечения социальной стабильности, экономического роста и безопасности.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Обеспечение стабильности и безопасности РФ на евразийском пространстве в условиях формирования многополярного мирового порядка», номер темы FSWR-2025-0003

Комлева Н.А.
(Екатеринбург, ЦГА)

ПРИЧИНЫ ДЕГРАДАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДА

После исчезновения мировой системы социализма и осуществления уже ничем не сдерживаемой экспансии крупных и крупнейших корпораций в полном смысле слова в глобальном масштабе, во-первых, сформировались глобальные корпорации как таковые, а во-вторых, наступила следующая стадия отношений такого экономического института, как корпорации, и такого политического института, как государство – постепенное превращение нации-государства в корпорацию-государство (термин А.И. Фурсова). Корпорации поглотили государство, а процесс замещения государственных функций деятельностью частных структур наконец дошёл до своего логического предела – и само государство целиком стало функцией крупнейших капиталистических объединений.

Для превращения нации-государства в корпорацию-государство необходимо решить две задачи: 1) приведение населения в полное послушание на базе изменения установок, структуры и самого содержания массового сознания – для предотвращения эксцессов классовой борьбы и ущерба интересам крупного капитала и 2) провести ана-

логичное преобразование политической элиты – для недопущения эксцессов противостояния крупнейшим корпорациям с её стороны, как это случилось, в частности, во Франции при президентстве Ш. де Голля (обмен большого объёма американских долларов на золото из хранилищ Федеральной резервной системы, выход из военного крыла НАТО, курс на стратегическое сотрудничество с СССР). Решение обеих задач даёт один и тот же результат – деградацию как политической элиты, так и населения (прежде всего такой части населения, как электорат). Деградировавшие элиты являются послушными пешками в глобальной игре корпораций, а деградировавшее население – послушным реципиентом управленческих воздействий.

Социально-психологическая установка на классовую борьбу и противостояние капиталу со стороны наёмных работников замещается противостоянием малых социальных групп в рамках защиты интенсивно пропагандируемых «прав меньшинств»: вначале религиозных, затем этнических меньшинств, потом сексуальных, а после – всё более и более приближенных к животному миру вроде фурри или квадроберов. Разумеется, такое замещение требует соответствующего переформатирования системы образования и низведения «образовательных услуг» до самых примитивных, причём без упора на изучение законов науки и практики. В результате человек оказывается нацелен на примитивные политические действия и высказывания, поскольку к аналитическому мышлению и восприятию сложностей неспособен. Следовательно, в качестве политических фигур этому человеку достаточно предъявить «лидеров мнений» из состава популярных киноактёров, спортсменов или эстрадных певцов, поскольку примитивным сознанием их успех в указанных сферах деятельности будет проецироваться и на все другие сферы социального поведения, включая политическое управление, а их мнение будет восприниматься как истина в последней инстанции. Как вариант можно провести через выборы и поставить во главе страны внешне привлекательную особу, «хорошенькую мордашку», минимально способную к адекватному произнесению созданных спичрайтерами речей, или даже маразматического старца – лишь бы проводили политику, выгодную конкретным глобальным корпорациям, даже если такая политика противоречит коренным интересам большинства населения данной страны.

Наиболее ярким примером управляемого характера деградации политических элит является избрание в 2020 г. президентом США Дж. Байдена и пребывание его на этом посту в течение четырёх лет, несмотря на прогрессирующую деградацию не только его политического поведения, но и в целом его сознания и поведения в медицинском смысле. Без массированной пропаганды и фальсификаций голосования этого нельзя было сделать, и это было сделано. Под предлогом обеспечения безопасности в период ковида голосование проходило по обычной почте, а этот вид голосования практически невозможно проконтролировать. Демократическая партия США, к которой принадлежит Байден, финансируется различными крупными корпорациями, причём первое место в финансировании и контроле непосредственно кандидатов в президенты от этой партии с определённого времени занимает семейство Рокфеллеров. В число крупнейших спонсоров предвыборной кампании Байдена в 2020 г. были Alphabet (куда входит Google), Microsoft, Amazon, Apple, то есть компании, значительными пакетами акций которых владел рокфеллеровский Bank of America.

Конечная цель управляемого процесса деградации политических элит и населения – приватизация государства, окончательное превращение власти из государственной в частную, осуществляемую немногими крупнейшими корпорациями.

Кондаков М.В.
(Тула, ТулГУ)

АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ: ЦЕНТРИСТЫ ИЛИ УЛЬТРАПРАВЫЕ?

Социальные противоречия в Германии обостряются не первый год. На этом фоне свою политическую повестку пытаются продвигать различные популисты, в особенности правого толка. Наиболее яркой политической силой, подхватившей эти настроения, является партия Альтернатива для Германии. Споры о ее политической принадлежности не угасают до сих пор и требуют осмысления. Обычно АдГ причисляют к популистам правого толка и регулярно обвиняют в сотрудничестве с ультраправыми движениями. Несмотря на фактический отказ всех традиционных политических партий Германии сотрудничать с АдГ, партия сумела достичь успеха на последних выборах и сломать так называемый «брандмауэр». В связи с этим необходимо осмыслить пройденный АдГ путь и выстроить определенный политический портрет партии.

Изначально АдГ представляла из себя партию «профессоров», состоящую из экономистов и неолибералов, выступавших против еврозоны и за восстановление немецкой марки. Миграционные вопросы для партии стояли на второстепенных позициях. В программных документах АдГ позитивно относилась к иммиграции и свободе перемещения рабочих. Лидер АдГ Бернд Лукке называл ее партией здравого смысла и выступал против любого радикализма. Поворот вправо связан с ростом антимигрантских настроений в стране. В АдГ влились бывшие члены правопопулистской партии Свобода и неонацисткой НДПГ. Внутри АдГ сформировалась правая фракция, которая в итоге сместила изначальное руководство. Именно в это время разразился миграционный кризис. Миллионы беженцев с Ближнего Востока привели к социальной напряженности[96]. В 2015 году рейтинг АдГ по всей стране составлял 10%. Для столь молодой партии это значительный рост. Кризис стал настоящим подарком для АдГ, и тем не менее большая часть населения не поддерживала радикальную антимигрантскую повестку.

С середины 10-х годов Германия стала систематически встречаться с явлением исламского террора. Если изначально большая часть населения страны в целом нейтрально относилась к мигрантам, то с ростом преступлений со стороны мигрантов и исламистов, общественное настроение стало меняться. На фоне роста преступлений со стороны мигрантов, росли преступления и праворадикалов. За 2015 год правыми экстремистами было совершено свыше тысячи насильственных преступлений. В 2018 году вспыхнули беспорядки в Хемнице. АдГ и праворадикальные движения вышли на митинг против мигрантов. Среди демонстрантов выступали люди в том числе с нацисткой символикой. Сотрудничество с радикально правыми в Германии очень сильно вредит репутации. С этого момента партия находилась под надзором Федерального ведомства по защите конституции. Скандалы с участием членов АдГ с ярким экстремистским прошлым были не редки. К 2018 году руководство сменялось уже дважды. При этом рейтинг партии сильно не пострадал, на момент 2018 года он составлял 18%, в 2019 варьировался от 12% до 14 %. Часть населения действительно поддерживала некоторые нарративы партии вроде евроскептицизма и по итогу АдГ имела успех на выборах в некоторых регионах Германии[97].

В условиях ковидных ограничений в 2020 году рейтинги АДГ падают. Партия начинает выступать против ковидных ограничений, организовывает митинги, в результате

[96]Надеждин А.Е. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ГЕРМАНИИ В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА // Обозреватель – Observer. 2017. №7 (330)

[97]Максимов Илья Павлович ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИИ «АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ» В 2017-2021 ГОДАХ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. №2

одного из них протестующие случайно чуть не взяли рейхстаг штурмом. Внутренние расколы и плохой имидж партии, связанный с союзом с ультраправыми, приводили к падению рейтингов.

Разрыв экономических связей с Россией в 2022 году привел к бюджетному кризису. Рейтинги АдГ начали расти. К мигрантам с Ближнего Востока прибавились беженцы из Украины.

На европейских выборах 2024 года АдГ получила 15,9% голосов и заняла второе место после ХДС/ХСС. На парламентских выборах АдГ получила 20,8%. Таким образом, АдГ стала крупнейшей оппозиционной силой в бундестаге.

Дать однозначный политический портрет партии сложно. Если смотреть на ее руководство, то оно преимущественно центристское либо умеренно правое, но опускаясь ниже, мы обнаруживаем множество реальных популистов и ультраправых на местах, например, председатель отделения партии в Тюрингии Бьорн Хёкке. Делая упор на антимиграционной повестке, АдГ последовательно следует радикальной позиции в этом вопросе и тем самым привлекает в свои ряды различных экстремистов. Институты Германии сделали всё, чтобы не допустить партию до власти и вряд ли в ответ она станет позитивно относиться к ним. Под влиянием множества факторов, в том числе нежелании участников политической системы Германии работать с АдГ, она находится в подвешенном состоянии между центристами и ультраправыми из-за чего ее стоит определять как правопопулистскую.

Кондратенко К.С.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ОБОСНОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОЛОГИИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ СЕТЕЙ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Модель темпоральных сетей рационального выбора представляет собой синтез теорий и методологий сетевого анализа, причинно-следственных графов, сетей рационального выбора и рационально-смысловых систем. Онтологический базис концепции составляет Я как ядро личности, делающее выбор внутри самого себя и реализующее этот выбор посредством деятельности и достигающее конкретных результатов. Рационально-смысловая система, как было показано в предыдущих работах автора, включает в себя такие основные компоненты, как смысловой, рациональный, поведенческий блоки и блок моделирования. Блок моделирования формирует контекст выбора, далее ценности воплощаются в потребностях, потребности реализуются в деятельности. Из этого вытекает, что модель включает в себя пять слоев: сами системы, их ценности, потребности, деятельность и результаты.

В качестве методологии модель столкнулась с несколькими проблемами. Первая – это проблема транзитивности, т. е. отождествления систем и результатов их деятельности. Автор критикует подобный бихевиористский подход за чрезмерное упрощение модели: «чистое» Я является непосредственно причиной только своего выбора, остальной выбор делает «апостериорное» Я, т. е. делает выбор после сделанного выбора. Таким образом, появляется темпоральный аспект сети, поскольку модель описывает Я в точке первичного выбора, Я после сделанного выбора, Я после нескольких сделанных выборов и т. д.

Вторая сложность непосредственно связана с конструкцией модели: проблема заключается в отсутствии разработанного метода в научной литературе. Наиболее близкими оказываются методы причинно-следственных топологических сетей, описывающих контрфактуальные следствия в виде деревьев, байесовских сетей, графов типа «why-because» и пр. и используемых преимущественно в риск-менеджменте, а также сетей рационального выбора. В топологических сетях в качестве вершин находятся реальные или вероятные события, а сама сеть напоминает когнитивную карту, в то время как сеть рационального выбора обычно строится по принципу иерархии или генеалогии, в которой вершина обозначает выбор (к примеру, содержит перечень альтернатив и наиболее предпочтительные варианты, т. е. напоминает иерархии Т. Саати).

Модель темпоральных сетей рационального выбора непосредственно связывает выбирающего и альтернативы выбора посредством графов, подразумевая в качестве вершин компоненты того или иного блока, активируемые или наполняемые новым сделанным выбором (в широком смысле любой рациональный выбор – это выбор *самого себя*. Действительно, когда мы говорим о ценностях рационально-смысловой системы или выбранной стратегии поведения, то не имеем ли мы в виду саму систему, а не внешние по отношению к системе проявления?).

Данная модель была применена для анализа стратегий поведения участников политических сообществ сети ВКонтакте, результаты отражены в монографии «Социальные сети: власть, коммуникация и стратегии поведения» под ред. проф. Л. В. Сморгунова (2025). Однако автор полагает, что модель темпоральных сетей рационального выбора может быть применена также в иных политических исследованиях, в частности, для картирования эволюции политических конфликтов с учетом темпоральной последовательности решений участников, для исследования формирования и трансформации гражданского капитала через стратегии взаимодействия и коллективного действия в онлайн-сетях, для прогнозирования политической мобилизации и протестной активности на основе кумулятивного анализа выбора стратегий в сообществе, для анализа процессов институционализации в сетевых сообществах, включая формирование правил, норм и «неписаных законов» коллективного поведения, для разработки когнитивных карт для экспертизы и принятия решений в сфере государственного управления, опирающихся на сетевую динамику рациональных выборов и пр. Таким образом, модель темпоральных сетей рационального выбора обладает существенным потенциалом как для теоретических академических исследований, так и для практико-ориентированных, результаты которых могут быть использованы в государственном управлении.

Конышев В.Н.
(Санкт-Петербург, РАНХиГС)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АРКТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ИНДИИ

Россия заинтересована в развитии сотрудничества с Индией в Арктике. Это связано, во-первых, с тем, что отношения двух стран вышли на уровень «особо привилегированного стратегического партнерства», за которым стоит исторический опыт сотрудничества, взаимное доверие, отсутствие противоречий и близость политических позиций по большинству современных международных проблем. Во-вторых, в условиях бойкотирования Западом сотрудничества с Россией в Арктике, Москве

остается делать ставку на привлечение неарктических государств. В-третьих, активизация Индии в Арктике выгодна России для выстраивания многосторонней политики сотрудничества и одновременно нейтрализации западного давления в целом и бойкота в арктической политике, в частности. В свою очередь, Индия, как и другие неарктические государства, имеет интересы к получению арктических ресурсов и рассчитывает на повышение своего статуса в региональной политике.

Российско-индийское сотрудничество в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) и на Шпицбергене может развиваться как в двустороннем, так и в многостороннем форматах, например, по линии БРИКС. Соответствующее приглашение Россия сделала в 2024 г., но до сих пор никакого «прорыва» Индии в Арктику не происходит, что особенно заметно на фоне активности КНР. Чтобы понять, почему так складываются отношения, необходимо учитывать некоторые особенности внешней политики Индии, которые прямо касаются арктического направления. И прежде всего, негативные факторы, препятствующие углублению сотрудничества.

В первую очередь, не стоит переоценивать влияние советско-индийской дружбы и сотрудничества на современные российско-индийские отношения. Если прежде СССР способствовал политическому становлению Индии и помогал в развитии технологий и промышленного потенциала, то теперь Индия сама претендует занять ведущие позиции в мире.

В экономическом плане для Индии гораздо более важно сотрудничество с США, а не Россией. Несмотря на быстрые темпы роста российско-индийского товарооборота в последние годы, он уступает в разы американо-индийскому, и в среднесрочной перспективе такое соотношение сохранится.

Необходимо учитывать, что внешнеполитический курс при Н. Моди строится по принципу прагматических интересов. В этом смысле Индия рассчитывает на США в противостоянии с КНР. Политическое руководство и экспертные круги Индии расценивают это противостояние как первостепенный стратегический вопрос. Но в таком случае Индия не может не учитывать мнение США по индийско-российскому сотрудничеству в Арктике. Значит, даже если оно начнется, то будет зависеть от возможных кульбитов политики Дональда Трампа в отношении России. С другой стороны, даже для союзников по НАТО США перестали быть надежным партнерам.

В условиях нарастающей поляризации международных отношений по разные стороны оказываются США с одной стороны, и Россия с Китаем, с другой. И здесь негативное влияние на перспективы российско-индийского сотрудничества в Арктике оказывает известный принцип равноудаленности, которого придерживаются Дели. Для Индии складывается тупиковая ситуация: либо придется жертвовать принципов равноудаленности, либо оказаться не у дел.

Важно также, что за последние десятилетия, на фоне угасания сотрудничества с Россией в 1990-е гг., в Индии сформировалось поколение, которое ориентировано на сотрудничество с Западом. В политических и военных элитах Индии также гораздо сильнее прозападные, а не пророссийские настроения.

Наконец, многие индийские эксперты расценивают инвестиции в АЗРФ слишком рискованными, а конкретные проекты сотрудничества с Россией как низкорентабельные, в том числе эксплуатацию Северного морского пути. Несмотря на риторику о готовности к сотрудничеству, Индия не начала ни одного нового проекта с Россией.

Трезвый учет этих и других факторов поможет не только оптимизировать политику России по привлечению Индии к партнерству в Арктике по линии БРИКС или в двустороннем формате, но и понять пределы такого сотрудничества.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-00379, https://rscf.ru/project/25-18-00379/

Коньков А.Е.
(Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ПУБЛИЧНАЯ ПАРАДИПЛОМАТИЯ И ЛАТЕНТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ДЛЯ РОССИИ И МИРА

Парадипломатия применительно к современной политике, если и анализируется, то весьма периферийно. Международное взаимодействие между региональными и местными сообществами разных стран, как правило, связано с весьма узким набором тематических и функциональных направлений, а соответствующие властные структуры вряд ли представляются достаточно субъектными для мировой политики. Тем не менее, в условиях развития и диверсификации той роли, которую в международных отношениях последнего времени играет публичная дипломатия, вряд ли стоит недооценивать потенциал горизонтальных связей парадипломатии как весьма многообразного и вариативного механизма взаимодействия субнационального (субгосударственного) свойства.

При этом федеративное государство (коим является и Россия) обладает предсказуемо более широкими возможностями парадипломатического взаимодействия с миром. Здесь есть и обладающие собственным набором полномочий государственной власти субфедеральные единицы и структуры (субъекты федерации), и традиционно выводимые в современных демократиях за рамки государственной власти местные сообщества и их управленческие институты (муниципалитеты, посредством которых реализуется местное самоуправление).

С принятием в Российской Федерации поправки в Конституцию в 2020 году, утвердившим понятие органов публичной власти, а также появлением в соответствии с нею нового закона о местном самоуправлении[98] вкупе с трансформацией международного взаимодействия в результате обострения геополитических вызовов формируются новые предпосылки для обращения к опыту парадипломатии на местном уровне (побратимские связи городов и международные связи органов местного самоуправления в целом) и его адаптации к современным реалиям. Горизонтальные международные связи российских регионов и муниципалитетов могут способствовать решению двух значимых политических задач: продвижению объективного представления о России в мире, а также совершенствованию технологий противодействия деструктивному воздействию извне.

При безусловной координирующей роли федерального центра (МИД, Минэкономразвития, Минпромторг, Россотрудничество), а также в соответствии с порядком, определяемым субъектами Российской Федерации, органы местного самоуправления развивают международные и внешнеэкономические связи с зарубежными партнёрами в целях решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. При этом местные сообщества формируют особый класс субъектов публичной (пара)дипломатии не только в силу своей принадлежности к гражданскому обществу всей страны, но и в контексте публичного характера артикулирования прикладных и конкретных представлений и интересов.

Публичная дипломатия, испытывающая повсеместный идейно-ценностный и инструментальный кризис, начавшийся в период пандемии коронавируса и усугублённый в

[98]Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» от 20.03.2025 N 33-ФЗ.

процессе последовательного формирования многополярности, имеет значительные резервы в расширении и наполнении новыми смыслами механизмов и технологий парадипломатии как особой формы взаимодействия субнациональных публичных единиц разных стран, а также – более широко – общего принципа опосредованных международных отношений. В этом смысле парадипломатия и публичная дипломатия весьма близки, а формирование на их стыке новых форм и механизмов международных связей позволяет наполнять содержанием решение изначально сугубо административных задач.

Публичная дипломатия сегодня ориентирована на поиск новых, в первую очередь, коммуникационных инструментов и форматов, которые могли бы позволить политическим акторам, сохраняя преемственность норм международного общения и основываясь на суверенитете, имплицитно продвигать и воспроизводить собственную повестку в нестабильном и во многом агрессивном информационном пространстве. Регионализация мира отражается во многом и в особом внимании к региональным и местным проблемам, масштабирование и интернационализация которых делает возможным конструирование менее линейных и шаблонных и при этом более актуальных международных инструментов на различных уровнях.

Копылова П.С.
(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ, ГАУГН)

«ЦЕННОСТИ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ: АНАЛИЗ КУРСА "ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ"»

Вопрос о влиянии образовательной системы на формирование ценностных ориентиров и профессиональной идентичности студентов занимает центральное место в современном политологическом и педагогическом дискурсе. В условиях глобализации, цифровизации и трансформации общественных институтов именно образование становится ключевым инструментом политической социализации и воспроизводства гражданской идентичности.

Особое значение в этом контексте приобретает внедрение в российскую систему высшего образования курса «Основы российской государственности», который был разработан в 2022-2023 гг. как стратегический проект, направленный на формирование у студентов целостного мировоззрения, основанного на конституционных принципах, историко-культурных традициях и базовых ценностях российского общества.

Анализ актуальной научной литературы показывает, что курс воспринимается исследователями в двух противоположных регистрах. С одной стороны, он рассматривается как эффективный инструмент консолидации общества, укрепления патриотизма и формирования гражданской идентичности (А.А. Гуляев, С.А. Зайцева, А.Ф. Никитин). С другой – в академическом сообществе фиксируются сомнения в его методологической обоснованности и риски восприятия дисциплины как идеологизированной (С.Г. Волобуев, С.В. Лебедев). Этот дуализм отражает более широкую проблему: необходимость сочетания ценностной направленности и научной объективности при преподавании социально-гуманитарных дисциплин.

Зарубежные практики гражданского образования позволяют выявить специфику российского подхода. В университетах США курс American Government акцентирует

внимание на демократических процедурах и вовлечении граждан в политический процесс; во Франции Ŧducation civique формирует представления о республиканских ценностях и правах человека; в Германии концепция wehrhafte Demokratie («демократии, способной к самозащите») закреплена в образовательной практике как основа защиты демократического строя. Российский курс отличается более выраженной ценностно-идентификационной направленностью, что сближает его с цивилизационным подходом и подчеркивает стремление к формированию устойчивого мировоззрения студентов.

Эмпирические данные подтверждают данную специфику. Согласно опросам ВЦИОМ и региональных исследований, большинство студентов положительно воспринимают введение дисциплины, однако уровень вовлеченности и мотивации варьируется в зависимости от профиля вуза и социокультурного контекста[99]. В педагогических и военных вузах фиксируется более высокий уровень патриотической ориентации, тогда как студенты технических специальностей чаще отмечают сложность применения полученных знаний на практике. Это соответствует мировым наблюдениям о различии траекторий политической социализации в зависимости от образовательной среды.

Таким образом, курс «Основы российской государственности» можно рассматривать как институционализированный механизм политической социализации, направленный на интеграцию культурных и ценностных элементов в образовательный процесс. Его эффективность зависит от способности образовательной системы обеспечить баланс между воспитательной функцией и развитием критического мышления, между государственными приоритетами и научной объективностью. Опыт внедрения данной дисциплины демонстрирует, что образование выступает не только пространством передачи знаний, но и ареной формирования профессиональной идентичности и ценностных ориентиров молодежи.

Исследование выполнено в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2025– 0012 «Влияние образовательной системы на формирование ценностей и профессиональной идентичности студентов социально-гуманитарных специальностей университетов России»

Коргунюк Ю.Г.
(Москва, ИНИОН РАН)

"ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ" РАЗМЕЖЕВАНИЕ НА ВЫБОРАХ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Начиная с 1990-х годов теория размежеваний (cleavage theory) переживает длительную полосу кризиса, связанную с утратой к ней интереса со стороны исследователей партий и выборов, многие из которых считают, что данная теория утратила актуальность в силу т.н. демобилизации (dealignment) электората большинства западных стран (Clark and Lipset, 1991; Franklin et al. 1992; Knutsen, 2007; Jansen et al., 2011).

В противовес им ряд исследователей выступили с концепцией "ремобилизации" элек-

[99]Краткий курс российской государственности: за и против [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/expertise/kratkii-kurs-rossiiskoi-gosudarstvennosti-za-i-protiv (дата обращения: 17.07.2025).

тората (realignment). Они исходят из того, что "демобилизация" электората – лишь переходная фаза, во время которой на смену старым социальным размежеваниям приходят новые. В числе последних названы, в частности, размежевание между "выигравшими и проигравшими от глобализации" (winners and losers of globalization) (Kriesi et al., 2006), а также т.н. "образовательное" размежевание (education cleavage), возникшее в результате информационной революции.

Сторонники концепции "образовательного" размежевания утверждают, что сегодня уровень образования выполняет в глобализированных западных демократиях функцию "стратификации", предоставляя высокообразованным людям высокооплачиваемую, престижную работу и экономическую безопасность, в то время как менее образованные люди сталкиваются с жесткой конкуренцией за трудоустройство на низкоквалифицированных должностях (Kriesi et al., 2008).

Наиболее яркими представителями концепции "образовательного" размежевания являются Л. Хоге и Г. Маркс, по мнению которых информационная революция сначала, в 1980-х, привела к формированию партий GAL (зелено-альтернативно-либертарианских), а затем, в 1990-х, – к росту партий TAN (традиционно-авторитарно-националистических). Согласно их концепции, люди с высшим образованием составили социальную базу партий GAL, а лица со средним образованием – основную поддержку партий TAN (Hooghe & Marks, 2025, p. 6).

В настоящем докладе прослежены следы "образовательного" размежевания в позднесоветской и постсоветской России. Сделан, в частности, вывод, что здесь это размежевание тоже дало о себе знать, но, в отличие от западных стран, проявилось не в разделении по линии ГАЛ-ТАН, а в противостоянии сначала демократов и КПСС, а после 1991 года – рыночных либералов и сторонников социального протекционизма, а также модернистов и советских традиционалистов.

Причём существование отдельного "образовательного" размежевания стало очевидным не тогда, когда созданное интеллигенцией демократическое движение успешно выступало против коммунистического государства, а когда действия пришедших к власти демократов вызвали разочарование у недавно поддерживавших их широких масс электората, то есть примерно к середине 1990-х. До этого времени "образовательное" размежевание находилось в тени размежевания между городом и деревней и размежевания по уровню доходов (слабая версия "классового голосования").

Поражение сторонников "отца" экономических реформ Егора Гайдара на думских выборах 1995 года создало ситуацию, когда образовательный раскол впервые продемонстрировал свою "самостоятельность". Среди избирателей, поддержавших рыночные реформы, доля людей с высшим образованием была выше, чем в среднем по электорату.

На последующих выборах "образовательное" размежевание давало о себе знать, главным образом, в противостоянии либеральных модернистов и советских традиционалистов. С этим противостоянием были связаны второстепенные электоральные размежеваниями, которые с каждыми новыми выборами хоть и становились всё более маргинальными, но не сошли на нет вплоть до думских выборов 2021 г.

Корниенко К. А.
(Уфа, УУНиТ)

ЦЕНТРЫ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАМИ РОССИИ КАК НОВАЯ ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Постоянство трансформационных процессов, протекающих в сфере политико-коммуникационного взаимодействия как институтов государственной власти в межведомственном формате, так и властных структур с гражданским населением Российской Федерации создаёт, таким образом, условия для привлечения россиян к активному участию в государственном управлении.

Несмотря на то, что Центры управления регионами для российской системы государственного и политического менеджмента являются молодыми, но, как показывает практика, существенно перспективными структурными единицами, эффективность выполнения ими функции связующего звена в интеграции регионального истеблишмента и представителей социумной среды субъекта России отличается крайне весомой степенью.

С научно-политологической точки зрения феномен Центра управления регионом вызывает исследовательский интерес, а его краеугольная роль в достижении цифровой трансформации внутриполитического руководства Российским государством систематически формирует все новые предметные области изучения политико-коммуникационное деятельности данных структурных подразделений администраций региональных лидеров.

Практически-прикладная значимость изучения данного направления обуславливается постоянством трансформации политико-коммуникационного пространства, что, безусловно предопределяет необходимость систематического совершенствования деятельности ЦУРов.

Ролевое значение Центров управления регионами для реализации внутриполитического менеджмента современного Российского государства определяется рядом обстоятельств.

Во-первых, в результате осуществления части политико-коммуникационного процесса, предопределяющей поступательную корреляцию сообщений в содержательном формате жалоб, обращений и писем рекомендательного характера, а также их аналитической обработки, обработанная информация типологизируется по отраслевому принципу и переадресовывается инстанциям, в ведении и под регулятивным патронажем которых находятся конкретные направления жизнедеятельности российского социума, с целью оперативного реагирования этими отраслевыми управленческим единицами на обозначенные проблемные зоны обеспечения контроля над реализацией поставленных в этом направлении задач.

Во-вторых, немаловажный аспект авангардного участия ЦУРов в реализации внутриполитического руководства регионами России состоит в обеспечении условий, предусматривающих проведение аналитической деятельности в отношении предельно максимального объёма информационной продукции в предельно оптимизированные сроки.

Данный аспект обуславливает реализацию Центрами управления регионами одного из ключевых принципов регулирования политических рисков, подчёркивающих значимость заблаговременного выявления тенденций, угрожающих государственному курсу развития страны в соответствии с намеченной чётко выверенной стратегией его совершенствования, а также выработку и реализацию комплекса необходимых профилактических мер, нацеленных на перспективную ликвидацию настоящих тенденций.

В-третьих, ЦУРы являются наиболее эффективными политико-коммуникативными инструментами обеспечения оптимального межведомственного взаимодействия структурных властно-управленческих единиц по вопросам принятия решений в отношении транслируемой информации о проблемных моментах в социумной среде в кратчайшие отрезки времени.

Настоящая деятельность Центров управления регионами отличается предельно чёткой структуризацией и детализацией компонентов запредельно массивного количественного информационного объёма поступающих сообщений, представляющих, в своём комплексно-интегрированном формате, детерминирующую основу реализации органами государственного управления корректирующих функций в отношении принимаемых политико-регулятивных решений.

Представленные выше обстоятельства, выступающие в качестве аргументов, подчёркивающих авангардную роль Центров управления регионами в процессах реализации внутриполитического менеджмента субъектов современной России не носят исключительного характера. Вместе с тем, они наиболее ярко демонстрируют генеральное ролевое назначение ЦУРов в деятельности органов государственной власти, ориентированной на цифровое совершенствование регулятивных процессов Российского государства в первой половине XXI века.

Корниленко А.В.
(Москва, Академия МВД России)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРЕВОСХОДСТВО КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАНОСТИ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Стремительное развитие цифровых и компьютерных технологий в последние десятилетия внесло существенные изменения в существование и развитие большинства сфер деятельности человеческого общества. Данная ситуация вполне применима и по отношению к характеру ведения военных действий. Информация из собственно набора разрозненных данных приобрела свойства инструмента воздействия, а, зачастую и оружия, о чем неоднократно писали как отечественные, так и зарубежные исследователи.

Арктический регион планеты, обладая колоссальными запасами природных ресурсов, является сегодня предметом геополитического противоборства как арктических государств, так и иных субъектов международного права. Российская Федерация, обладая самым большим сектором арктических территорий и имея в своем распоряжении Северный морской путь (СМП), находится в центре столкновения интересов ведущих мировых держав. Неурегулированные территориальные претензии на расширенный континентальный шельф, попытки интернационализации СМП выводят Арктику из разряда «региона низкой напряженности» в плацдарм для будущего конфликта.

Одним из механизмов влияния на глобальное общественное мнение, относительно прав на те или иные арктические ресурсы является информационное воздействие, осуществляемое заинтересованными государственными и негосударственными субъектами мировой политики.

Так, например, Китай, претендуя на разработку ценных ресурсов, выпустил «Белую книгу по арктической политике» в 2018 году, где обозначил свою позицию о том, что ресурсы Арктики являются достоянием всего человечества. Таким образом приравняв себя к приарктическому государству, Пекин, якобы, имеет право на их использование.

Соединенные Штаты Америки, являясь ведущей мировой державой и обладая крупнейшим военным потенциалом на планете, уделяет первоочередное внимание развитию своих военно-морских сил (ВМС), в том числе в контексте вероятного вооруженного конфликта на Крайнем Севере. Оценивая роль информации и осуществления информационных операций в региональном конфликте, министерство обороны (МО) США делает акцент на предпочтительном невоенном, гибридном его характере, в том числе путем «мягкосилового влияния». В этом же русле идет развитие концепции «Многосферных (многодоменных) операций», которые предполагают ведение противоборства в пяти сферах: на суше, море, в воздухе, космосе, киберпространстве и электромагнитном спектре, объединенные общим замыслом.

Командование ВМС США дает следующее определение: «Информационное превосходство – это предоставление нужной информации нужным рукам, готовым наблюдать, ориентироваться, принимать решения и действовать быстрее противника. Оно обеспечивает свободу действий в информационном пространстве для дружественных сил и предотвращает вмешательство со стороны противника» (Department of the Navy. Information Superiority Vision. February 2020). Обновленная Арктическая стратегия-2024, ставит задачи МО США по укреплению возможностей и осуществлению инвестиций в области разведки и обмена информацией с союзниками, что должно улучшить понимание «оперативной обстановки» и повысить возможности в сфере управления рисками.

Исходя из поставленных целей по достижению регионального лидерства в Арктике, могут быть применены следующие принципы многосферных операций, разработанные А.А. Бартошем: продуманное применение гибридных угроз на стратегических расстояниях; создание необходимых для этого ресурсов; быструю и непрерывную интеграцию возможностей во всех областях, направленных на реализацию принципов управляемой критичности с опорой на информационно-психологическую войну; подрывные акции в административно-политической сфере; экономические санкции, кибератаки и космос.

Исходя из указанных принципов, к негативному фактору обострения обстановки в Заполярье можно также отнести целенаправленную деятельность Арктического совета по ограничению сотрудничества (в том числе информационного) с Российской Федерацией. Данная ситуация вынудила нашу страну отказаться от выплаты ежегодных взносов и поставила вопрос о возможном выходе из организации.

Таким образом, завоевание информационного превосходства странами «арктической восьмерки» рассматривается как один из факторов достижения лидерства в регионе. Российская Федерация, обладая значительными силами в Арктике, осознавая существующие угрозы в информационном пространстве, должна выработать собственную Концепцию противодействия негативным гибридным воздействиям со стороны коллективного запада.

Королев А. И.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ КПРФ ПО ОТНОШЕНИЮ К СУБЪЕКТАМ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РФ В 2024 г.

В мае 2025 г. нами было проведено исследование с целью выявить характеристики политической риторики КПРФ по отношению к субъектам исполнительной и законодательной власти в РФ в 2024 г. (метод – контент-анализ). Эмпирическую базу составляет информационный массив постов официального аккаунта КПРФ в социальной сети Telegram. Категориями анализа выступают нравственные ценности и политические субъекты. В процессе исследования была выявлена тональность (положительная, отрицательная, нейтральная) упоминаний субъектов политической власти.

В результате исследования выяснилось, что наиболее употребительными в дискурсе КПРФ являются ценности справедливости, на втором месте – ценности свободы, далее с существенным отрывом идут ценности единства и сплоченности и патриотизма. Подобное соотношение ценностей говорит о сохранении самобытной партийной повестки (справедливость – важнейшая категория для левого движения). При этом апелляция к «мейнстриму» (ценности патриотизма) зачастую выступает как инструмент критики провластных сил: в половине случаев тональность упоминаний патриотизма – негативная. Ценности единства упоминаются в контексте информации чаще о Великой Отечественной войне, чем о СВО, тем не менее это, очевидно, демонстрирует консолидацию с властью в вопросах внешней политики.

Политическую риторику КПРФ по отношению к власти можно интерпретировать как в целом нейтрально-негативную, т.е. скорее нейтральную, чем негативную. При этом партия демонстрирует лояльность (а часто и прямую поддержку) институту Президента РФ и лично В.В. Путину. Необходимо подчеркнуть, что институт президента – один из ключевых в структуре сложившегося политического режима.

Обращает на себя внимание тенденция деперсонификации критики. Так, наиболее острой критике подвергаются политические и экономические элиты, политический режим, власть в целом. В зону подобной критики (больше половины негативных упоминаний) входят и такие важнейшие политические институты, как правительство и администрация президента; кроме того, сюда входит и правящая партия. Тем не менее критика зачастую не является последовательной. Во-первых, что касается исполнительной власти, то негативно-нейтральное отношение к бюрократии и чиновникам и правительству сочетается с нейтральным или скорее нейтральным отношением к министерствам, министрам и председателю правительства (вновь обратимся к тенденции деперсонификации). Во-вторых, нейтрально-негативное отношение к администрации президента не меняет нейтрально-положительного отношения к самому президенту; какая-либо критика в его адрес отсутствует. В-третьих, все это контрастирует к весьма резкими и исчерпывающими негативными оценками как правящей элиты (не только экономического, но и политического ее сегмента), так и действующего политического режима (за исключением отношения к правящей партии, однако легальная конкуренция означает, что ее критика является допустимой).

Характерно отсутствие положительных упоминаний деятельности палат парламента и депутатского корпуса, несмотря на то что федеральный парламент – важнейшая

для КПРФ площадка для реализации ее программы и коммуникации с избирателями. По-видимому, это связано с подавляющим преимуществом правящей партии в Госдуме и Совете Федерации.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют судить об упоминаемости нравственных ценностей в риторике партии, об отношении КПРФ к представителям и институтам политической власти, политическому режиму, внешней политике. Данные результаты могут быть использованы, в числе прочего, при анализе тактик и стратегий взаимодействия системной оппозиции с властью в России.

Косолапова М.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

АНТИЛИБЕРАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ: ТОТАЛИЗАЦИЯ «ПОЛИТИЧЕСКОГО» В КОНЦЕПЦИИ К. ШМИТТА

Наблюдавший кризис германской государственности в период Веймарской республики Карл Шмитт оппонировал абсорбции системами власти либерального политического воображения, приводящей к транснациональной интеграции, а также целенаправленной экспансии политической сферы экономической. В рамках критики правовед предложил концепцию критерия « политического» для формирования четкого разграничения общественных областей. Однако представленная Шмиттом альтернатива приводит не к преодолению либерального синтеза, а к его зеркальному повторению в виде тотальности политического.

Методология включает концептуальный анализ работ Карла Шмитта и комментаторской литературы.

Критерий «политического» Шмитта, дихотомия «друг–враг» , конструируется через определение *hostis*. Будучи католиком, правовед придерживался концепции природной греховности человека («первородного греха») в противовес либеральному «позитивному» взгляду. Наличие естественной склонности к аморальному поведению порождает взаимную подозрительность и стремление обезопасить себя от «другого» , становясь основанием создания политических единств.

Фундаментальность критерия «политического» позволяет ему проникать во все области жизни общества, актуализируясь в конфликтах человеческих отношений: религиозных, экономических, этических и т. д. Идентифицируемое дерево противоречий, иерархизируемое по интенсивности, имеет вершиной конфронтацию предельной напряженности. Именно данная точка основывает «нормальное состояние» в политической сущности.

Нормативность налагается на плюралистичные и многогранные представления духовной сферы, комплекса отношений, построенного на материальной (животной) базе. Взгляд Шмитта на уровень естественности можно сравнить с видением кьеркегоровского романтика, который находит в мире исключительно экзистенциальное становление («*Existenz*») и возможности во всей динамичности проявлений. Вопрос безопасности сводит многомерность в единичную плоскость посредством решения, совершения фундаментального выбора *ad hoc* сувереном, который ограничивает волей естественную динамику универсума.

Для Шмитта носителем подобной власти является народ, формирующий политическое единство после определения «друга» и «врага». Данная категория трактуется ду-

ально: как совокупность индивидов, и как единая воля. Первая подразумевает возможность человека реализовывать собственную волю (даже путем выхода). Вторая, беря за основу «общую волю» Руссо, становится идеальным, недостижимым результатом, которую приходится замещать воспроизводимой самим государством репрезентацией.

На уровне политических единств происходит разделение народов, формируется система интернациональных отношений. Однако сущность «политического» сохраняет силу на международном уровне. Согласно Шмитту, государства способны создать новое единство на основании договоров, тогда как их крайняя враждебность проявляется в войне. Вопреки изначальной установке правоведа на четкость разграничения единств, задаваемая сущность «политического» воссоздает возможность транснациональной интеграции.

Аналогичное крушение терпит и цель разграничения областей общественной жизни. Фундаментальность критерия не только возводит политическое на вершину иерархии (поскольку для Шмитта безопасность и самосохранение выше природной свободы), но и приводит к поглощению им остальных сфер, противоречия которых становятся его конструирующей силой. Нормативная институционализация человеческих отношений при недостижимости единства воли народа происходит в условиях репрезентации. Однако в этом случае скрепление политических уз невозможно достигнуть естественным путем, поэтому оно воссоздается самим государством. Следовательно, остальные социальные сферы не только подчинены « политическому», но и воспроизводятся им.

Таким образом, « негативная» антропология Шмитта, зеркальная либеральной, завершается созданием альтернативной, но столь же тотализирующей модели. Если либерализм тотализирует логику экономического интереса, то Шмитт – логику безопасности, которая поглощает все остальные сферы общества, одновременно проецируя дихотомию «друг–враг» на международный уровень. Политическое единство, будучи недостижимым в своей идеальной форме, вынуждено воспроизводиться через репрезентацию и нормативную институционализацию уже поглощенных им человеческих взаимодействий. В итоге изъятое из естественного течения жизни отношение не просто форматируется нормой, но и постоянно регенерируется ею, замыкая круг тотального воспроизводства политического. Разработанный критический аппарат открывает возможность для анализа современных процессов суверенизации и десуверенизации, в которых логика « друг–враг» выходит на передний план.

Костромин В. В.
(Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)

МОДЕЛИ ГОЛОСОВАНИЯ В МНОГОМАНДАТНЫХ ОКРУГАХ: СЛУЧАЙ РОССИЙСКИХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ

Система относительного большинства в многомандатных округах в настоящее время является одной из наименее популярных избирательных систем, применяемых на национальных выборах (Colomer, 2007; Golosov & Turchenko, 2021). Это объясняется тем, что достаточно частым последствием её использования становится высокая диспропорциональность результатов в избирательных округах (Reynolds et al., 2005, p. 44). В таком случае одна партия может получить все места благодаря распространению «бло-

ковой» стратегии голосования среди относительного большинства избирателей. Как итог, имея относительное большинство голосов, определённая партия получает все доступные мандаты, что часто описывается как «эффект метлы» (Голосов, 2005).

В существующей литературе по избирательным системам система относительного большинства в многомандатных округах не получила серьёзного внимания. Чаще всего она рассматривается либо как одна из наиболее диспропорциональных избирательных систем (Reynolds et al., 2005, p. 44), либо как более диспропорциональная версия системы относительного большинства в одномандатных округах (Farrell, 2011, p. 22). Такое описание предполагает, что независимо от конкретных условий она должна приводить к высокой диспропорциональности ввиду возникновения эффекта метлы. Однако появление данного эффекта не должно являться безусловным. Скорее можно утверждать, что такая система стимулирует кандидатов формировать «блоки» для участия в выборах и воздействовать на избирателей, ориентируя их на голосование «блоками» (Colomer, 2007). Тем не менее возможна иная ситуация, когда избиратели не придерживаются «блочного» голосования, а ориентируются на собственные предпочтения при ранжировании кандидатов (Rallings et al., 1998).

В России данная избирательная система широко распространена на муниципальных выборах, особенно во внутригородских муниципалитетах Москвы и Санкт-Петербурга. Ранее она иногда применялась и на региональных выборах. Однако система относительного большинства в многомандатных округах в российском контексте изучена недостаточно.

В данной работе я анализирую ключевой показатель для этой избирательной системы -– индекс дисперсии результатов партии. Этот показатель отражает, насколько в среднем различаются результаты кандидатов одного блока. Чем меньше изменчивость, тем более близкими друг к другу являются результаты кандидатов одной партии. Близкие результаты указывают на то, что избиратели предпочитают голосовать «блоками», а не разделять голоса. Опираясь на предыдущие исследования, я предполагаю, что различные электоральные характеристики, такие как явка, количество кандидатов на мандат, среднее число использованных голосов и предыдущие результаты партии, могут оказывать влияние на индекс дисперсии.

Проверка предложенных гипотез проводится на данных выборов во внутригородские муниципальные образования Москвы и Санкт-Петербурга с 2008 по 2021 гг., а также в городские муниципальные образования, где применялась рассматриваемая система в тот же период. Я использую смешанную многоуровневую модель в связи с естественной кластеризацией данных. Полученные результаты позволяют предполагать, что предложенные переменные имеют связь с индексом дисперсии. Увеличение явки связано с ростом разброса между кандидатами одной партии. Увеличение числа кандидатов также положительно коррелирует с ростом дисперсии. Среднее число использованных голосов даёт противоречивые результаты: снижая разброс для одних партий, но увеличивая для других. Предыдущие результаты партии положительно связаны с уменьшением разброса, однако это влияние оказывается крайне гетерогенным в зависимости от партии.

Таким образом, можно утверждать, что система относительного большинства в многомандатных округах на муниципальных выборах в России обладает специфическими особенностями. «Блоковое» голосование среди избирателей не является распространённым: в среднем индекс дисперсии достаточно высок. Только в редких случаях кандидаты одной партии имеют близкий результат. Различные электоральные характеристики оказывают значительное влияние на изменение данного показателя, что косвенно подтверждает: избиратели чаще ориентируются не на блоковое голосование, а на иные стратегии голосования.

Кочетков А.П.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

О НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Каждое государство проводит свою внутреннюю и внешнюю политику в соответствии со своими национальными интересами. В настоящее время проблема национальных интересов стала особенно актуальной для России в связи с кризисом мирового общественного порядка, основанном на теории либерализма, всеобщим миграционным кризисом, значительным ухудшением экономической ситуации, стремлением глобалистов установить единый центр мирового управления. «Коллективный Запад» во главе с США предпринимает максиму усилий для того, чтобы сохранить свое доминирование в мире, пытается представить нашу страну угрозой для западного мира, обостряет военно-политическую ситуацию путем организации вооруженных конфликтов на наших границах.

В этих условиях если Россия будет проводить свою политику исходя из своих, четко определенных национальных интересов, которые соответствуют ее социокультурным и историческим традициям, то это поможет ей раскрыть свой социально-экономический и культурный потенциал, занять достойное место в мировом социуме.

Под национальными интересами, по нашему мнению, необходимо понимать *стратегические приоритетные для существования и развития нации осознанные потребности в основных сферах ее жизнедеятельности*. Особо отметим их системность, т.к. национальные интересы взаимосвязаны, являются частью единой сложноорганизованной системы государственной политики. Системность подразумевает национально-самостоятельное, открытое развитие, включающее в себя стабильность, единство общества и власти, суверенитет, сохранение народа и т.д.

Формирование национальных интересов – важнейший компонент государственной политики и политико-управленческого процесса, представляют собой сложный, многоступенчатый процесс, в который вовлечены как государственные, так и негосударственные акторы (политики, ученые, эксперты, руководители различных уровней, бизнесмены, СМИ, социальных движений, граждане страны). Артикулированный национальный интерес выражает определенный баланс сил, расстановку и соотношение сил, сложившийся на политическом поле в конкретный исторический момент.

Приоритетными национальными интересами России в современном мире являются экономические интересы, реализация которых создает базовую парадигму государства и общества, их устойчивого развития и суверенитета. Укрепление российского социального государства гарантирует внутреннюю стабильность, единство государства и общества, а идеологические ориентиры, основанные на традиционных духовно-нравственных ценностях, помогут сформировать стратегию развития России в XXI веке.

Чтобы быть мировой державой России достаточно считать приоритетной зоной своих национальных интересов саму себя. В эту зону входят и сопредельные территории, где, так или иначе, распространен русский мир. Встав во главе данного макрорегиона, Россия останется одним из ведущих игроков в новом миропорядке и сможет эффективно бороться за поддержание мира на нашей планете.

Все это позволит сохранить российское государство-цивилизацию, русский государствообразующий народ и другие народы России в условиях новой политической реальности.

Кошкин А.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ; Москва, ГАУГН)
Мясников А.И. (Москва, ГАУГН)

О РОЛИ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Традиционно считается, что политическая наука в России является сравнительно молодой академической дисциплиной, оформившейся после изменений в советской системе науки и образования в 1989 году. Однако в юбилейный для Российской ассоциации политических наук 2025 год представляется важным обратиться к её предшественнице – Советской ассоциации политических наук, которая с момента своего создания была полноправным участником Международной ассоциации политических наук (IPSA). Важнейшим событием, повлиявшим на институционализацию политологии в Советском Союзе и способствовавшим укреплению научного авторитета советских ученых в международном академическом сообществе, стало проведение в 1979 году конгресса IPSA в Москве. В то же время на рубеже 1990-ых годов, в условиях значительных изменений в российском обществе, по замечанию одного из отцов-основателей отечественной политологии Федора Михайловича Бурлацкого "*достижения советских ученых фактически выпали из поля зрения отечественных исследователей*" в процессе формировании постсоветской школы политической науки в России (Советская ассоциация политических наук: конституирование сообщества и борьба за легализацию политологии (1960–1991). Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация. Отв. редакторы О.В. Гаман-Голутвина, С.В. Патрушев. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 30.).

Рассматривая теоретико-методологические особенности советской политологии в сравнении с западной "буржуазной" политологией, отметим, что советские ученые подчеркивали наличие у первой более глубокой и комплексной методологической школы, построенной на принципах научного коммунизма и диалектического материализма для более объективных подходов для изучения политического (*Бурлацкий Ф.М., Шахназаров Г.Х.* О развитии марксистско-ленинской политической науки // Вопросы философии. 1980. №12. С. 11.). Вместе с этим, советские ученые не отказывались от использования немарксистских политологических концепций таких, как "политические институты", "политическая система", "политическая культура", "политическое сознание", "политическое поведение" и многих других, рассматривая их в рамках академической дискуссии (Там же – С. 18.).

В свою очередь, советские политологи, опираясь на марксистскую логику анализа, подчеркивали влияние экономики на политические процессы, "вскрывая" тем самым эксплуататорскую природу буржуазных государств (*Бурлацкий Ф.М., Шахназаров Г.Х.* О развитии марксистско-ленинской политической науки // Вопросы философии. 1980. №12. С. 13.). Именно поэтому одной из ключевых практико-ориентированных задач советской политической науки являлось выявление подлинных политических процессов в обществе. Становление и развитие советской политологии в значительной степени было обусловлено практическими задачами. На фоне активных процессов деколонизации после Второй мировой войны и появления новых государств, советскому руководству требовалось детальное и научно обоснованное объяснение политических процессов в этих государствах. Именно поэтому в 1950-1960 годах в Советском Союзе при Академии наук СССР сформировались специализированные научные

институты: ИНИОН, ИМЭМО, Институт США, Институт Востоковедения и другие, в стенах которых начали проводиться первые политологические исследования. На ранних этапах эта деятельность преимущественно развивалась в политико-правовой плоскости. Результаты подобных исследований активно использовались советскими политологами, например, Георгием Хосроевичем Шахназаровым и Федором Михайловичем Бурлацким во время работы в Международном отделе ЦК КПСС (Советская ассоциация политических наук: конституирование сообщества и борьба за легализацию политологии (1960–1991). Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация. Отв. редакторы О.В. Гаман-Голутвина, С.В. Патрушев. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 17.).

Таким образом, сформированный в Советском Союзе обстоятельный институциональный фундамент в виде сети академических институтов, кадровый потенциал, активное участие в международном научном диалоге, а также разработка методологии критического анализа западных политических моделей заложили основу для дальнейшего развития отечественной политической науки. Практико-ориентированный характер советских исследований, направленный на анализ конкретных политических процессов в мире, предвосхитил востребованность прикладного политического анализа в постсоветской России.

Исследование подготовлено в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (FZNF-2025-0012)

Крайнов С.К.
(Москва, ИНИОН РАН)

ИНТЕГРАЦИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИТУАЦИОННЫЕ ЦЕНТРЫ

Актуальность проблем регионального управления всегда остается первостепенной в иерархии власти. Местная управа находится в самом активном контакте с гражданами, получая большой поток готовой информации: от состояния дорог и детских площадок до общественного мнения по ключевым государственным вопросам. Данный набор оценочных суждений можно грамотно использовать в новых, цифровых реалиях управления государства, учитывая местную специфику. Использование общедоступных систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) способствует оперативному реагированию на разного рода сложные процессы, которые происходят в каждом конкретном регионе. Но, как и человек, технологии ИИ не обладают, на момент 2025 года, достаточными знаниями и умениями во всех областях человеческого мышления. Так, определенные модели используются для создания музыки и текста к ней, другие – для генерации картинок, третьи – для написания программного кода, четвертые – более общие, но дорогостоящие в эксплуатации. Использование общедоступных систем ИИ позволит натренировать на местных данных алгоритмические системы, способные улучшить жизнь в каждом конкретном регионе. Но использование легкодоступных моделей открывает пространство для злоумышленников, которые постараются найти возможности обхода систем безопасности для получения ключевой информации о граждан, влияя негативно на власть, что может сделать позитивные нововведения негативными с течением времени. Как решить данную проблему, оставаясь актуальным и иметь безопасную среду

для работы? На примере Российской Федерации можно продемонстрировать возможный путь развития. В каждом регионе существует ситуационный центр при губернаторах, который помогает в принятии того или иного решения, используя разные методы анализа. Возможность создания отдела, курирующего создание, применение и развитие ИИ в данном регионе способствует активному развитию региона и выполнению Национального проекта «Экономика данных». Поток данных, получаемый из региона, можно сохранять в едином центре Big Data, который будет один для нескольких объединений. Например, Республика Саха (Якутия) имеет большую площадь территории, но сравнительное малое население. Её дата центр может обслуживать соседние области, проведя внутресетевую связь для защищенной передачи данных. Такой метод сохранения данных является одним из самых безопасных и отказоустойчивых.

С другой стороны, использование ИИ в местном управлении повысит прозрачность использования средств, выявит слабые стороны управления, тем самым улучшая жизненные показатели региона и увеличивая доверие населения власти. Сами по себе новые цифровые возможности не являются универсальным лекарством, которое повысит рейтинг управляющих или решит все проблемы. ИИ является одним из множества инструментов проактивного купирования проблем и нахождения быстрых решений, но не является заменой человеческой мысли и решениям. Стоит учесть, что в зависимости от выбора подрядчика программного обеспечения будут получены те ответы, которые сам разработчик внедрил, учитывая свою этику. Поэтому важно использовать возможности отечественных создателей ИИ, которые учитывают местные реалии, способные подстраивать под нужды различных регионов. Тем самым, создавая программное обеспечение с множеством вариантов действий можно предположить, что востребованность цифровый технологий на внешнем рынке возрастет, открывая возможности для его последующей продажи.

Крайнова Н.В, Товмасян Н.Э.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ДИСБАЛАНС МЕДИЙНОГО ОСВЕЩЕНИЯ: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА И ДЖО БАЙДЕНА В РОССИЙСКИХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ РИА НОВОСТИ И ИНТЕРФАКС)

СМИ играют определяющую роль в формировании образов политических деятелей и оказывают существенное влияние на восприятие международных событий массовой аудиторией. Актуальность исследования определяется ключевой ролью СМИ как социального института, формирующего общественное мнение и репрезентирующего политическую реальность. В условиях сложных российско-американских отношений, анализ медийного освещения ведущих кандидатов в президенты США в российских федеральных СМИ позволяет выявить стратегии конструирования образов значимых международных акторов.

Цель исследования – количественно оценить соотношение упоминаний в освещении образов Дональда Трампа и Джо Байдена в период пиковой предвыборной активности в СМИ как инструмента политической коммуникации.

Современные СМИ, функционируя в условиях цифровизации и глобализации, реализуют комплекс функций: информационную, регулирующую, культурологическую и гражданскую. Особое значение приобретает их роль в конструировании политического имиджа – целенаправленно создаваемого образа, воздействующего на массовое сознание. Эффективность этого процесса зависит от частоты, тональности и позиционирования упоминаний в медиа-пространстве. В условиях цифровой среды заголовки стали не просто анонсом текста, но и самостоятельным инструментом манипулирования вниманием и восприятием информации (А. В. Горбылева. Эволюция заголовков в эпоху цифровых средств массовой информации: семантика, синтаксис, прагматика (на материале итальянских заголовков)//Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025.№7(901)). Редакционная политика СМИ отражает актуальные геополитические тренды и интересы, что предопределяет избирательность в освещении фигур иностранных политиков.

Исследование базируется на количественном контент-анализе материалов ведущих российских федеральных СМИ: «РИА Новости» и «Интерфакс». Выбор СМИ обусловлен их статусом, оперативностью, объемом международного контента и доступностью архивов. Анализируемый период – 05.10.2024–05.11.2024 (месяц до выборов президента США) – репрезентативно отражает пик медийной активности и финальное формирование образов кандидатов. Единицами анализа выступили:

1) общее количество новостных материалов, содержащих упоминание каждого кандидата (выявление по тегам «Джо Байден», «Дональд Трамп»);

2) количество заголовков, включающих имя кандидата. Статистическая обработка данных позволила выявить частотные закономерности и степень дисбаланса. Результаты контент-анализа представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Федеральное СМИ	Общее количество новостей (Дональд Трамп)	Общее количество новостей (Джо Байден)	Количество заголовков (Дональд Трамп)	Количество заголовков (Джо Байден)
РИА Новости	599	387	270	102
Интерфакс	119	96	77	30

Анализ выявил статистически значимое различие в частоте упоминаний кандидатов, подтверждающее теоретические положения о селективности медийного освещения. Дональд Трамп упоминается существенно чаще Джо Байдена: в «РИА Новости» – в 1.55 раза чаще по общему числу новостей (599 против 387) и в 2.65 раза чаще в заголовках (270 против 102); в «Интерфаксе» – в 1.24 раза чаще по новостям (119 против 96) и в 2.57 раза чаще в заголовках (77 против 30). Наибольший разрыв наблюдается именно в заголовках, являющихся ключевым инструментом привлечения внимания аудитории. Это свидетельствует о повышенном внимании российских медиа к фигуре Трампа, что коррелирует с его медийной привлекательностью, обусловленной провокационной риторикой и активной позицией. Различия в степени дисбаланса между СМИ (более выражен в государственном «РИА Новости») указывают на нюансы редакционной политики и возможную связь с актуальной геополитической повесткой, формируемой властью, хотя общий тренд сохраняется.

Контент-анализ эмпирически подтверждает наличие значимой разницы в частоте упоминаний в репрезентации ведущих американских политиков в ключевых российских федеральных СМИ в решающий предвыборный период. Количественное преобладание упоминаний Дональда Трампа, особенно в заголовочных комплексах, формирует эффект его доминирования в информационном поле. Это соответствует регулирующей функции СМИ, направленной на формирование определенного восприятия политической реальности аудиторией, и может влиять на оценку россиянами расстановки сил в США и перспектив двусторонних отношений. Научная ценность исследования заключается в верификации теории медийного фрейминга и агентдизации на конкретном материале. Практическая значимость состоит в понимании механизмов формирования медийных повесток официальными СМИ и их потенциального влияния на общественное мнение в контексте международной политики.

Краснопёров А.Ю.
(Томск, НИ ТГУ)

PEST-АНАЛИЗ ЗАМЕНЫ ДЕПУТАТОВ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАЦИОНАЛЬНЫХ LLM

Сегодня большие языковые модели (LLM) становятся значимыми агентами политической социализации. Каждая модель обладает имплицитными ценностными установками, обусловленными набором данных, на котором происходило обучение, позицией разработчиков и национальных регуляторов. Исследование призвано внести свой вклад в раскрытие таких ценностных установок, а именно в части понимания, как искусственный интеллект (ИИ) «видит» свое потенциальное место в сфере государственного управления. Для получения развернутого ответа предлагается рассмотреть радикальный сценарий замены депутатов искусственным интеллектом при разработке и принятии законов.

Исследование построено на методологии PEST-анализа. В качестве экспертов выступили 8 LLM (2 российские – YandexGPT 5, GigaChat 2.0; 2 китайские – DeepSeek R1, Qwen Chat; 4 американские – ChatGPT 5, Grok 3, Google Gemini 2.5 pro, Perplexity на базе Claude 4) с включенными модулями рассуждения. На первом этапе каждой модели задавалась экспертная роль в каждой из четырех сфер и запрашивался список ключевых возможностей и рисков, связанных с заменой депутатов ГД РФ на ИИ. На основе всех ответов был сформирован единый сводный список факторов (120 пунктов). На втором этапе каждая модель оценила каждый фактор в сводном перечне по двум шкалам: влияние на систему (от 1 до 3) и вероятность возникновения (от 1 до 5). На базе этих оценок был рассчитан интегральный «вес» каждого фактора для определения его значимости. Дополнительно проведен сравнительный анализ ИИ-моделей, сгруппированных по геополитическому происхождению (Россия, США, Китай).

Все модели ИИ без исключения выявили больше рисков, чем возможностей (доля рисков – 58,3%). Средний вес возможностей – 0,026, а рисков – 0,035. Критические риски, которые обладают наибольшим весом: «снижение легитимности власти», «эрозия принципа народного представительства», «угроза информационной безопасности

и защиты данных», «отсутствие ответственности за результаты работы системы». Эти и другие ключевые риски носят системный, фундаментальный характер и затрагивают основы государственности, в то время как возможности в основном касаются технической и процессуальной оптимизации, что несопоставимо по масштабу с потенциальными угрозами.

В политической сфере доля рисков – 60%. Средний вес рисков (0,035) превышает вес возможностей (0,028). Ключевые возможности: «повышение скорости законотворческого процесса», «централизация и усиление контроля». Ключевые риски: «снижение легитимности власти», «эрозия принципа народного представительства».

В экономической сфере доля рисков – 63%. Средний вес рисков (0,032) превышает вес возможностей (0,029). Ключевые возможности: «снижение государственных расходов», «усиление централизованного контроля над экономикой». Ключевые риски: «высокий стартовый порог инвестиций», «снижение доверия и легитимности к принимаемым решениям».

В социальной сфере доля рисков – 52%. Средний вес рисков (0,037) превышает вес возможностей (0,020). Ключевые возможности: «экономия ресурсов и перераспределение бюджета на социальные нужды», «оперативное решение социальных проблем». Ключевые риски: «утрата идеи представительства», «цифровое неравенство и маргинализация отдельных групп».

В технологической сфере доля рисков – 60%. Средний вес рисков (0,036) превышает вес возможностей (0,031). Ключевые возможности: «повышение скорости законотворческого процесса», «использование big data и аналитики». Ключевые риски: «угроза информационной безопасности и защиты данных», «нет ответственности за результаты работы системы».

Наиболее сильное влияние окажут социальные и технологические риски. Наименьшее влияние – социальные и политические возможности. С наибольшей вероятностью реализуются социальные и технические риски. С наименьшей вероятностью – социальные и экономические возможности.

Американские модели оказались самыми глубокими в анализе (больше факторов, доля рисков – 56,5%). Они ниже всех оценивают влияние политических возможностей, что говорит о скептицизме по отношению к технократическим решениям. Ответы частично отражают классическую либерально-демократическую парадигму, где принципы народного представительства и прав человека имеют первостепенное значение.

Наибольший пессимизм продемонстрировали китайские модели (доля рисков – 60,8%). Они делают акцент на возможностях, связанных с усилением государственной власти, но значительно выше оценивают вероятность политических и социальных рисков, что подчеркивает важность социального порядка.

Российские модели схожи с американскими в части выделенных рисков (56,6%). Высоко оценивается влияние политических и технологических рисков, что можно интерпретировать как повышенное внимание к вопросам государственного суверенитета и информационной безопасности. Российские модели серьезно воспринимают угрозы, способные подорвать стабильность существующей политической системы.

Кривохина С.А.
(Тула, ТулГУ)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ МЕДИАПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

В условиях высокой интенсивности и сложности информационного поля, характерного для современных политических конфликтов, ключевая роль принадлежит стратегическим моделям, используемым медиа для формирования публичного дискурса. Представленное исследование предлагает разработку комплексной аналитической модели для изучения этих стратегий, интегрирующей дискурс-анализ (выявление ключевых концептов) и визуальную семиотику (анализ изображений, символов, цветовых решений).

Эмпирическая база включает репрезентативную выборку информационных материалов, произведенных федеральными средствами массовой информации («Первый канал», «Россия 24», НТВ, РИА Новости, «Известия», «Комсомольская правда», «Российская газета», ТАСС) и официальными структурами РФ (Минобороны, МИД, Совет Безопасности, Администрация Президента, Правительство) в хронологических рамках с февраля 2022 по июнь 2024 года. Общий массив данных, подвергнутый анализу, насчитывает 1287 текстовых материалов, 420 единиц визуального контента и свыше 120 часов телеэфира.

На основе анализа данных были выделены четыре доминирующие медиастратегии, каждая из которых основана на уникальном наборе концептов и форматов подачи.

1. Историко-мемориальная стратегия: выстраивание параллелей с Великой Отечественной войной. Ключевые концепты: «преемственность поколений», «историческая справедливость». Визуальные паттерны: монтаж исторической и современной хроники, использование георгиевской ленты, красно-черная цветовая гамма.

2. Гуманитарно-восстановительная стратегия: акцент на помощи гражданскому населению и восстановлении инфраструктуры. Ключевые концепты: «восстановление городов», «новая жизнь». Визуальные паттерны: фото и видео «до/после», инфографика объемов строительства.

3. Стратегия геополитического суверенитета: повестка независимости и технологического прорыва. Ключевые концепты: «импортозамещение», «технологическая независимость». Визуальные паттерны: графики роста производства, репортажи с новых производств, сравнения с зарубежными аналогами.

4. Стратегия социальной консолидации: формирование нарративов о единстве общества и поддержке участников СВО. Ключевые концепты: «единство народа», «всенародная поддержка». Визуальные паттерны: репортажи с многолюдных акций, трансляции сбора гуманитарной помощи.

Исследование выявило четкую корреляцию между фазами конфликта и доминированием тех или иных стратегий, что свидетельствует об их высокой адаптивности:

- 2022 г. (фаза кризисного реагирования): доминирование эмоционально-ориентированных историко-мемориальной и гуманитарной стратегий.
- 2023 г. (стабилизационная фаза): активный рост рациональной стратегии геополитического суверенитета.
- 2024 г. (фаза перспективного позиционирования): формирование сбалансированного подхода с интеграцией всех четырех стратегий.

Кроме того, результаты исследования позволяют говорить о представленности ука-

занных стратегий в различных видах СМИ: «Первый канал» фокусируется на исторической памяти, РИА Новости – на гуманитарной теме, ТАСС – на технологическом суверенитете. Также наблюдается эволюция форматов: от классических репортажей (2022) к интерактивным картам и сравнениям (2023) и далее к использованию VR/AR-технологий и AI-аналитики (2024).

На основе полученных данных были сделаны следующие выводы.

1. Публичный дискурс в условиях конфликта не является монолитным, а конструируется через цикличное и комбинаторное применение нескольких ключевых стратегий.

2. Эффективность воздействия на аудиторию напрямую зависит от мультимодальности (синтез текста, визуала, звука) и персонализации контента.

3. Предложенная аналитическая матрица является эффективным инструментом не только для мониторинга текущего информационного поля, но и для прогнозирования будущих медиатрендов и реконструкции исторических нарративов.

Кротков В.О.
(Москва, ИНИОН РАН, ГАУГН)

ДИФФУЗИЯ ФОРМ ПОЛИТИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ

Тематика социального доверия к политическим персонам, олицетворяющим власть, политическим субъектам и институциональным единицам является крайне важной в политической науке. Через уровень и динамику легитимности можно анализировать эффективность и устойчивость политических систем и режимов. В теоретико-методологическом плане данной проблематикой в той или иной степени занимались такие ученые как: М. Вебер, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, Н. Луман, Г. Зиммель, Ф. Теннис, П. Штомпка и др. В данной статье делается попытка раскрыть основные формы институционального доверия и выявить особенности их реализации в современных политических условиях.

Относительно политико-институционального доверия сформировалась методологическая оптика, которая отражает две основные формы легитимности (с точки зрения субъекта) – социально-групповая и парасоциальная. Первая, подразумевает непосредственные и, как правило, рациональные социальные отношения и обмен (П.М. Блау), связанные с функционированием властно-политической сферы. Вторая – отражает общественные отношения, которые не подразумевают обмена и, более того, реализуются в одностороннем формате с акцентом на опосредованность различного генеза, в т.ч. с помощью медиа-коммуникационных технологий – сайты, социальные сети, мессенджеры (К. Калхун). Затрагивая парасоциальную форму институционального доверия необходимо подчеркнуть, что ей уделяется не так много исследовательского внимания. В то же время постмодернистское информационное и сетевое общество в силу своих имманентных черт становится хорошей средой для развития парасоциальных отношений, особенно для института политического лидерства. Так, исследователи Дж. Коэн и Р. Холберт анализируют данную проблематику акцентируя внимание на соответствующем индексе (PPSR), который в 2017 г. показал, что «парасоциальные отношения оказываются мощным фактором поддержки Трампа, превосходящим все другие факторы (включая поведение при голосовании в прошлом)» (Cohen J., Holbert R. Assessing the Predictive Value of Parasocial Relationship Intensity in a Political Context. Communication Research. 2021. № 48. p. 501-526. DOI: 10.1177/0093650218759446). То есть, электоральный успех Д. Трампа, олицетворяющего институт политического ли-

дерства, во многом основывался на парасоциальных отношениях с помощью широкого инструментария интернет-технологий. Политическая программа, история электоральных успехов, конвенциональные союзы и альянсы с теми или иными политическими силами уходят на второй план в восприятии социальных групп.

В анализируемом контексте можно говорить об активной диффузии парасоциальных отношений в политике, которые, с одной стороны, во многих обществах уже начали замещать классическую, по большей части основанную на рационализме, политико-институциональную легитимность, с другой – с высокой долей вероятности можно констатировать деинституционализацию политического пространства, что детерминирует его персонификацию. Конечно, привычные для общества модерна социальный обмен и легитимизация не подверглись полной аннигиляции, но медиатизация политики приводит к трансформации как форм доверия, так и самих объектов (политических акторов и институтов). В результате формируется переплетение указанных форм, что для каждого общества является уникальным явлением с точки зрения пропорциональных соотношений.

Вместе с тем, общественно-групповые представления о политико-институциональной архитектуре, развивающиеся в парасоциальной форме могут носить как позитивные, так и негативные коннотации, что, в частности, стало более предметно видно в период пандемии COVID-19 (Jarzyna C. Parasocial Interaction, the COVID-19 Quarantine, and Digital Media // Human Arenas. 2021. Vol. 4. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s42087-020-00156-0).

Затрагивая кейс российского общества, в части представлений студенческой молодежи, стоит упомянуть исследование, проведенное группой ученых из Пензы, которое показало амбивалентность институционального образа власти. В то же время итоговый вывод интерпретируется учеными следующим образом: «Социологическое исследование выявило наличие двух видов образов власти: эмоционального и рационального. Если рациональные образы власти могут варьироваться в общественном сознании в зависимости от политической, экономической обстановки, то эмоциональный образ постоянен» (Эмоциональное и рациональное доверие российской студенческой молодежи к органам власти: проблемы образов власти / В. В. Бондаренко, В. А. Юдина, И. А. Юрасов, М. А. Танина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2023. – № 4(68). – С. 58. – DOI 10.21685/2072-3016-2023-4-4). Эмпирические данные показывают, что парасоциальная форма имеет устойчивые характеристики, несмотря на социально-экономические и политические флуктуации, что создает базовую основу для институциональной легитимности.

Крымчанинова М.В.
(Москва, РАНХиГС)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЙ (УЧАСТИЯ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ)

Политическое восприятие – это то, как люди понимают, оценивают и относятся к политическим процессам, событиям, институтам и политикам. Оно включает в себя формирование представлений, настроений и оценок, которые влияют на политическое сознание и поведение индивидов, групп и общества в целом. По сути, политическое вос-

приятие является социально-психологическим механизмом, создающим и воспроизводящим такую установочную структуру (рис. 1), где одну вершину треугольника составляют когниции (некий набор знаний и умозаключений о политически субъектах, объектах, явлениях и процессах), другая вершина – настроения и чувства (выражение своего отношения к политическим событиям и институтам, например, оценка эффективности политического руководства или справедливости происходящего в мире, а также эмоциональные реакции на политические процессы, такие как страх, надежда, гнев или энтузиазм), третья вершина – поведенческое-волевой компонент, определяющий политическое поведение, а в центре конструкции находится Я-концепция индивида, формирующаяся под влиянием всех этих факторов. В условиях кардинальны изменений окружающий среды, в ситуации стресса происходит перестройка Я-концепции человека, его идентичности, причем процесс трансформации может быть «запущен» любым из перечисленных компонентов.

Рис. 1. Факторы, влияющие на формирование Я-концепции

Оказавшись в зоне боевых действий, под обстрелом, любой человек, даже профессиональный военнослужащий, начинает испытывать стресс. Экстремальные ситуации могут быть кратковременными, актуализирующие программы реагирования, которые в человеке всегда наготове – комплекс эмоционально-двигательной активности, и длительными, которые требуют адаптационной перестройки функциональных систем человека, прежде всего – сознания. Следовательно, при нахождении в зоне СВО у участника боевых действий включается весь установочный комплекс, заставляющий человека заново ответить на фундаментальные вопросы бытия, определяющие его Я-концепцию в изменившемся пространстве и времени: Кто я? Каковы мои цели? Зачем я это делаю? Кто мои друзья и враги? – и тем самым трансформирующим социально-политическую идентичность индивида.

На участников боевых действий воздействуют все факторы, влияющие на политическое восприятие:

- Социализация: влияние командиров, сослуживцев и друзей, составляющих его новую семью, обучение новой военной профессии, а также регулярное проведение политинформационных мероприятий;
- Индивидуальный опыт: личные переживания и события, например, гибель друзей, ранение, которые человек пропускает через призму своего мировоззрения;

• Внешний вид: ношение формы, регламентированный военный стиль общения и действий, сформировавшиеся именно в зоне СВО ритуалы и военная «мода»;

• Политическая культура: общие ценности, нормы и убеждения, распространенные в сообществе участников СВО;

• Личность политика: поведение верховного главнокомандующего, авторитет политического лидера В.В. Путина, оказывает значительное влияние на формирование политических взглядов у участников СВО.

Под влиянием перечисленных факторов, обостренных наличием боевого стресса, ускоренно запускается процесс изменения политического сознания, трансформации Я-концепции, формирования новой социально-политической идентичности. Таким образом, *перестройку политического восприятия можно рассматривать как особую форму совладающего поведения, обеспечивающего психологическое и физиологическое выживание человека в условиях боевого стресса*.

Следствием трансформации политического восприятия являются:

• Формирование новых политических представлений о политической реальности, например, кто есть кто в политики, каковы мотивы геополитических акторов, как функционирует государство и армия, и др.;

• Формирование форм и мотивации политическое поведение, определяющих, будет ли человек голосовать, принимать участие в разных формах политической активности, вступать в политические партии и общественные объединения;

• Формирование политического сознания: создание целостной картины политического мира и определение человеком своего места в ней, обуславливающих его целеполагание.

Возвращение из зоны боевых действий участников СВО, «вливание» в современное российское общество значительного количества людей с новой политической идентичностью и готовностью к определённому социально-политическому поведению, воздействует на все политические процессы и, в свою очередь, трансформирует массовое политическое сознание и политические институты, влияет на решения политиков и на развитие политической ситуации в стране.

Кузина С.И., Веренич И.Г.
(Ростов-на-Дону, ЮРИУ РАНХиГС,
Филиал ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону)

ВОЕННАЯ ЦЕНЗУРА КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Новейшей угрозой национальной безопасности государства стало появление изменяющихся форм войны, к одной из которых относится «информационная война», методы и инструментарий которой интенсивно используется террористами.

Терроризм стремится к публичности своих действий через средства массовой информации, используя их как политический инструмент для создания состояния страха, подавленности, напряженности у гражданского населения. Атаки украинских беспилотников (БПЛА) на российскую территорию во время проведения СВО имеют своей целью не только материальный ущерб, но и устрашение, наведение ужаса и паники в сознании россиян. А распространение российскими пользователями в сетях видеоро-

ликов с летящими или взрывающимися БПЛА является неосознанной (или сознательной) помощью врагу, показывая ему результаты и направление террористических атак, места дислокации российской противовоздушной обороны (ПВО). Особенно рискованно выкладывать в сеть момент поражения БПЛА, по которому противник может вычислить место запуска, а также видео с дронами российских военных сил. Фотографирование или видео перемещения военной техники, их опубликование влечет за собой обвинение в государственной измене (ст. 275 УК РФ).

Единого правового акта на запрет снимать дроны и работу ПВО пока нет, но такие акты приняты на региональном уровне – в Республике Адыгея, г. Санкт-Петербурге, Волгоградской области, Республике Калмыкия, Ростовской области, Краснодарском крае. Предусмотрены административная ответственность и штрафы за нарушение запрета на фото– и видеосъемку работы систем ПВО, беспилотников, а также мест дислокации и жизнедеятельности воинских частей и подразделений, критически важных объектов, объектов топливно-энергетического комплекса и промышленных объектов. Нельзя размещать в интернете информацию о последствиях применения беспилотников, ракет и других средств поражения. Запрет не распространяется на информацию органов единой публичной власти. Однако запреты на съемку повсеместно нарушаются, видео и фото сразу размещаются в интернете.

Например, в Волгоградской области с 5 февраля 2025 г. введен запрет на фото-, видео– и киносъемку процесса применения и (или) последствий применения ракет и БПЛА. Однако, несмотря на штрафы, распространение гражданами в соцсетях видеокадров и фотографий атак БПЛА продолжается, о чем свидетельствует сообщение в Российской газете о пожаре на Волгоградском нефтеперерабатывающем заводе после атаки украинских БПЛА 14 августа 2025 г. со ссылкой на видеокадры в Телеграм-канале BAZA (Российская газета. 14.08.2025).

Подобные многочисленные нарушения говорят о необходимости ужесточения контроля и наказания за нарушения запретов. Возможно, необходимо принятие правового акта на федеральном уровне или внесение изменений в Уголовный кодекс РФ. Пока в законодательстве четко не прописаны границы подачи «эксклюзивного» журналистского материала, для журналистов создается зона риска на грани нарушения Уголовного кодекса.

Такая цензура, называемая военной, вводится во время военных операций. Как пример в мировой практике можно привести наличие военной цензуры в Израиле, которая существует в этом государстве с начала его основания. Ее принципом является: «Действовать осторожно, не создавая угрозы безопасности, освещать события аккуратно, не раскрывая деталей об атаках и расположении сил» – такой подход применяется в СМИ Израиля всякий раз, когда страна оказывается вовлечена в тот или иной конфликт или проводит военные операции. Все публикации должны пройти согласование в специальном подразделении Министерства обороны Израиля. Наказание за нарушение запрета может быть достаточно жестким – вплоть до тюремного заключения.

Таким образом, меры по направленному проведению государственной антитеррористической политики в информационном поле с использованием инструментария средств массовой информации и социальных сетей представляют собой систему утверждения взглядов о неприемлемости распространения идеологии терроризма и деятельности террористических организаций, однако военная обстановка требует более жестких мер, вплоть до военной цензуры, призванной защитить жизни людей от терроризма, который, по сути, ведет необъявленную миру войну.

Кузнецов А.Д.
(Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова)

АНАЛИЗ РОЛИ РОССИИ: ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЕЕ ВЫЗОВЫ

На сегодняшний день мировой порядок переживает период глубокой трансформации. Сдвиг баланса сил, кризис глобализма и либерализма, усиление региональных центров и рост числа конфликтов ставят перед политической наукой задачу не только объяснять текущие процессы, но и предлагать достоверные прогнозы. Россия в этих условиях становится одним из ключевых акторов, чьи действия одновременно определяют и проверяют возможности политического прогнозирования. К тому же именно вокруг России часто выстраиваются конкурирующие версии будущего мирового порядка: от сценариев её интеграции в новые альянсы до предсказаний различных конфронтаций. Таким образом, изучение российской внешней политики – это не просто частный кейс, а лакмусовая проверка применимости моделей прогноза.

Традиционные методы, применяемые в политической науке, демонстрируют различную эффективность в анализе российской внешней политики. Сценарный анализ позволяет выделять несколько вероятностных траекторий, а теория игр объясняет стратегическое поведение России в ситуациях конфликта интересов, например, в отношениях с Западом, на энергетических рынках или в региональных кризисах. Контент-анализ дискурса выявляет, как меняются официальные нарративы, что позволяет отслеживать идеологическое самоопределение государства, в то время как экспертные опросы помогают оценить настроения внутри профессиональных сообществ, в том числе в области безопасности, дипломатии и мировой экономики. Наконец, big data позволяет фиксировать динамику экономических, демографических и информационных трендов, связанных с Россией, выявляя скрытые зависимости между внешнеполитическими и внутриполитическими шагами.

К счастью или сожалению, но эти методы имеют ограничения. Сценарный анализ подвержен субъективности исходных допущений и зависит от качества экспертной базы. Теория игр страдает излишней абстрактностью и не учитывает ценностных факторов. Контент-анализ сталкивается с трудностями интерпретации, особенно в условиях информационных войн, когда официальные нарративы становятся инструментами манипуляции. Экспертные опросы подвержены искажениям группового мышления и зависят от политической конъюнктуры. Big data фиксирует корреляции, но не гарантирует понимания причинных связей и не позволяет уловить «эффект неожиданности».

В последние годы активно обсуждается возможность использования искусственного интеллекта для прогнозирования поведения государств. Алгоритмы действительно позволяют выявлять скрытые закономерности и быстро обрабатывать огромные массивы данных, однако в случае России они часто оказываются недостаточно надёжными: ИИ воспроизводит предвзятости исходных данных, не учитывает специфики политической культуры и не способен предсказать неожиданные шаги, продиктованные не рациональными расчётами, а сочетанием внутренних факторов, ценностных установок и восприятия угроз. Кроме того, автоматические модели плохо справляются с учётом факторов неформальных коммуникаций элит и политической идентичности. Поэтому ИИ может рассматриваться только как вспомогательный инструмент.

На примере России особенно ясно проявляется необходимость комбинированного подхода. Прогнозирование её роли в мировой политике требует соединения количе-

ственных и качественных методов: структурного анализа места России в системе центров силы, сценарного моделирования возможных траекторий, учёта ценностных и культурных оснований внешней политики. Только такой синтез способен учитывать как долгосрочные тенденции (энергетика, безопасность, демография), так и ситуативные факторы (кризисы, конфликты, союзы). Здесь именно интеграция старых и новых методов позволяет придать им большую устойчивость.

Таким образом, современная Россия выступает не только объектом, но и своеобразным «тестом» для политической науки: именно на её примере становится очевидным, что ни один метод прогнозирования не работает изолированно. Эффективные объяснительные и прогностические модели строятся на сочетании теоретических концепций, эмпирических данных и критической оценки ограничений технологий, включая искусственный интеллект. В условиях глобальной турбулентности это позволяет не только приблизиться к пониманию будущего мировой политики и места России в ней, но и выработать более универсальные методологические подходы к прогнозированию трансформации международных отношений в целом.

Кузнецов Д.А.
(Москва, МГИМО МИД России)

АКТОРНОСТЬ БРИКС: ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Трансрегиональная ассоциация БРИКС вступила в новую фазу развития после масштабного расширения 2023-2025 гг., когда к объединению присоединились Египет, Эфиопия, Иран, ОАЭ и Индонезия. Этот шаг, направленный на усиление глобального влияния, одновременно порождает вызовы для внутренней сплоченности и эффективности формата.

Объединение БРИКС эволюционировало от концепции «клуба быстрорастущих экономик» в сложную сетевую структуру с многоуровневым взаимодействием. Решение о расширении было обусловлено стремлением усилить глобальное влияние, диверсифицировать партнерство и найти новые точки роста. Мотивы ключевых игроков различались: Россия и Китай наиболее активно выступали за расширение, исходя из собственных экономических и политических предпочтений, в то время как Индия и Бразилия выражали опасения относительно размывания формата и усиления роли Пекина.

Повестка БРИКС значительно расширилась от экономики и финансов к сферам «низкой политики»: технологии, образование, здравоохранение, культура и спорт. Наиболее активными «генераторами инициатив» являются Россия и Китай. Вместе с тем, несмотря на формирование широкой сети рабочих групп и таких институтов, как Новый банк развития, многие инициативы остаются нереализованными из-за бюрократических барьеров и расхождения национальных интересов.

Ключевой вывод количественного анализа голосований стран БРИКС в Генеральной Ассамблее ООН, проведенного Бежиной-Литвин Ю.В. и Кузнецовым Д.А., заключается в том, что «новая пятерка» (Египет, Эфиопия, Иран, ОАЭ, Индонезия) исторически демонстрирует более высокий и стабильный уровень единодушия в ГА ООН. В то же время «старая пятерка», достигнув пика сплоченности в период создания объединения (2006-2010 гг.), с середины 2010-х годов показывает устойчивую тенденцию к снижению согласованности позиций. Наибольшую конвергенцию взглядов

демонстрируют пары Россия-Китай и Россия-Индия. Наиболее значимые расхождения наблюдаются у России с Бразилией и ЮАР.

К совпадающим интересам стран БРИКС следуют отнести следующие. Все страны БРИКС объединены стремлением к трансформации системы глобального управления, которую они считают устаревшей и несправедливой. Это включает реформирование глобальных институтов, более справедливое представительство в них развивающихся стран и защита принципов многополярности. Кроме того, это дедолларизация мировой экономики и расширение использования национальных валют во взаимных расчетах, критика односторонних подходов Запада, создание альтернативных западоцентричным институтов, расширение социально-гуманитарного сотрудничества. Среди вызовов, с которыми сталкивается и может столкнуться БРИКС следует выделить следующие: двусторонние противоречия, потенциальное формирование коалиций по отдельным вопросам в результате расширения числа участников, разные модели развития и внешнеполитические приоритеты, экономические диспропорции и конкуренция.

Таким образом, несмотря на внутренние диспропорции, расхождения по ряду вопросов и все еще низкую узнаваемость «бренда» БРИКС, объединение продолжает успешно развиваться как сетевая структура. Его устойчивость обеспечивается балансом интересов, расширением многоуровневого взаимодействия (включая негосударственный трек) и востребованностью формата «БРИКС Плюс». Однако расширение состава неизбежно ведет к усложнению процесса достижения консенсуса и повышает риски формирования внутренних коалиций, блокирующих инициативы друг друга. Дальнейшая эффективность БРИКС будет зависеть от его способности управлять этим возросшим внутренним разнообразием, сохраняя при этом общий стратегический курс.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00822 «БРИКС в трансформирующемся мире: проблемы акторности и перспективы развития в новом составе», https://rscf.ru/project/25-28-00822/

Кузнецова Е.В.
(Донецк, ДонГУ)

РАЗВИТИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ДНР В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

Сегодня в ряде регионов мира усиливается дестабилизирующее наращивание военной силы и расширяется конфликтное пространство, что повышает вероятность их эскалации и перерастания в локальную, региональную или глобальную войну. Современные геополитические реалии показывают, что принятые Россией меры по защите своих жизненно важных интересов на украинском направлении были использованы как предлог для обострения многолетней антироссийской политики и развязывания гибридной войны нового типа. Дальнейшее урегулирование конфликта на Донбассе возможно при понимании его причин и с учетом интересов безопасности России и защиты прав русских и русскоязычных людей, исторически проживающих на этих территориях.

Для развития Донецкой Народной Республики в сегодняшних непростых условиях важным представляется межрегиональное взаимодействие с остальными российскими субъектами. В этой связи уже приняты Закон о межрегиональных соглашениях ДНР от 14.08.2023 г., Постановление Правительства ДНР «Об утверждении порядка заключения соглашений о межрегиональном сотрудничестве для совместного развития инфра-

структуры» от 19.12.2024 г. и другие документы по интегрированию в российское пространство.

Межрегиональное сотрудничество направлено на восстановление и интеграцию предприятий ДНР в российскую промышленность, о чем, например, свидетельствует работа совместных кластеров. Так, Донецкий и Торезский электротехнические заводы вошли в состав ассоциации «Инновационный территориальный электротехнический кластер Чувашской Республики». Ясиноватский машиностроительный завод – в межрегиональный промышленный кластер с предприятиями городов Ковров, Кемерово, Томск. Развиваются связи ДНР с Иркутской областью в рамках межрегионального промышленного химического кластера.

На Международной промышленной выставке «Иннопром-2025» был подписан ряд соглашений с министерствами Краснодарского края и Ростовской области, направленных на сферу промышленности и промышленный туризм. Проводится обмен лучшими практиками и мастер-планами по укреплению и взаимодополнению связей между предприятиями разных регионов. Например, успешная практика Свердловской области по расположению индустриальных парков в черте города. Внедрение экономически и экологически выверенных моделей на территории агломераций ДНР с упрощенной логистикой и коллаборацией производственных и учебных площадок позволит более эффективно «пересобрать» экономику Республики и укрепить межрегиональное экономическое сотрудничество. Межрегиональные связи также направлены на улучшение ситуации на агропромышленных предприятиях Донбасса.

Республика подключилась к нацпроекту «Туризм и индустрия гостеприимства» по созданию мест для отдыха на Азовском побережье. Обновление транспортной и туристической сфер и инфраструктуры будут способствовать более тесной интеграции субъектов РФ. Проводимые разными российскими субъектами мероприятия расширяют культурное межнациональное сотрудничество, устанавливая творческие и научно-образовательные контакты между коллективами и организациями.

Межрегиональное взаимодействие непосредственно указывает на реальную потребность. Сотрудничество между «новыми» и «старыми» регионами существовали раньше и сейчас важно восстановить возможное или наладить новые контакты. Еще в 2017 году начали свою работу Интеграционный комитет «Россия-Донбасс» и Русский центр, деятельность которых способствовала подписанию соглашений между городами и муниципалитетами. Наиболее активным стало налаживание связей между городами и оказание шефской помощи с 2022 года. Были заключены соглашения между Мариуполем и Санкт-Петербургом, Шахтерском и Сахалинской областью, Енакиево и Ленинградской областью, Старобешевским районом и Республикой Бурятия, ДНР и Кемеровской областью – Кузбассом. Эти и другие соглашения направлены на установление и расширение деловых связей между субъектами малого и среднего предпринимательства, обмен опытом по инвестиционной и инновационной деятельности. Помимо сотрудничества в сферах машиностроения и угольной промышленности, внимание уделяется медицине, экологии, науке. Например, создание с учеными кузбасского НИИ уникальных биосовместимых «противораневых заплат». НОЦ «Кузбасс – Донбасс» направлен на интеграцию научно-образовательного потенциала Кузбасса, ДНР и ЛНР.

Отдельного внимания заслуживает Содружество «Донбасс», охватывающего четыре субъекта РФ – ДНР, ЛНР, Ростовскую и Воронежскую области – и направленного на развитие их экономического, промышленного, транспортного и туристического потенциалов.

Новые геополитические реалии таковы, что развитие Донецкой Народной Республики возможно только в тесном контакте с остальными российскими регионами и межре-

гиональное сотрудничество является единственным выходом, чтобы регион экономически функционировал и его население сохраняло исторически сложившееся этнокультурное и языковое пространство.

Кузнецова А.И.
(Москва, ГАУГН)

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Проблема изучения образа будущего страны вызвала интерес ученых еще в постсоветский период. Исследования сосредотачивались на социальных, культурных и политико-психологических аспектах. За последнее время научное сообщество не раз предпринимало попытки создания прогностических моделей будущего нашей страны (Е.В. Андрианова, Н.А. Борисенко, И.В. Желтикова, А.Е. Воронцов, Н.А. Лукьянова и др.). Однако стоит отметить, что в последние годы стало очевидно, что теоретические концепции, методы и объяснительные модели быстро теряют актуальность и становятся непригодными в условиях быстро меняющегося контекста событий.

Пандемия коронавируса, начало специальной военной операции, резкие изменения в российской экономике из-за действий недружественных стран, а также рост международной напряженности, связанный с актуальными глобальными политическими вопросами, долгое время находившимися в спячке, оказали значительное влияние на психоэмоциональное состояние общества. Эти события серьезно затронули политические ценности, установки и модели поведения российских граждан. Безусловно, глобальные вызовы современности также изменили восприятие россиян о своей стране и её будущем (Н.В. Смулькина, Н.Н. Рогач, Е.Б. Шестопал).

В целом, процедуру психологического конструирования образа будущего в индивидуальном и массовом сознании можно описать так: человек или социальная группа репрезентирует сложившуюся в него или них картину мира, и на ее основе создает модель будущего, в которой образ будущего занимает ключевое место (А.В. Михальский).

Стоит отметить и исследования образа будущего, проведенные коллективом из Лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН под руководством Т.А. Нестика. Учеными был сделан вывод о том, что образ будущего – это совокупность представлений о будущих процессах и явлениях, которые формируются и разделяются членами одной социальной группы в межличностном общении. Он включает в себя: коллективные цели и планы, групповые ожидания, коллективные надежды, групповые мечты, коллективные страхи, коллективные идеалы. Исследователи выделяют четыре ключевых психологических механизма, способствующих формированию этого коллективного образа: групповую рефлексию, механизмы создания коллективных эмоциональных состояний, лидерское видение, которое направленно на влияние лидера на представления о будущем группы, и групповую идентификацию.

Образ будущего рассматривается психологами как часть коллективного или «социального воображаемого», которое опирается на коллективную память социальной группы (N. Fischer, T. Zittoun, A. Gillespie, Н.Н. Измоденова). Большую ценность для авторов имела концепция, разработанная И.В. Желтиковой, которая рассматривает образ будущего как проявление коллективного сознания большой социальной группы. Автор выделяет четыре элемента образа будущего: когнитивные представления о буду-

щем, эмоциональные представления о будущем, моральные представления о будущем, оценочно-модельные представления о будущем.

Однако подчеркнем, что образ будущего нельзя рассматривать лишь как теоретическую модель – это динамичное, коллективное явление, тесно связанное с текущими социально-политическими изменениями и эмоциональным состоянием общества. Это требует гибких и адаптивных подходов в прогнозировании и осмыслении будущего нашей страны.

Исследование подготовлено в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2025-0018, «Образ России в представлениях граждан: идеальное будущее и потенциал развития»).

Кузьменко Н. П.
(Краснодар, КубГУ)

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТРУМЕНТЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Контекст актуальных трансформаций в мировой и отечественной политической жизни предполагает появление новых требований к характеру знаний и компетенций молодого гражданина, к способам реализации гражданского потенциала. Одним из институтов политической социализации молодежи является политическое образование, которое в условиях постсоветского пространства претерпевало периоды возрождения и укрепления, качественную перестройку подходов, технологий и акторов трансляции политических знаний, и в настоящий момент переживает изменения. Институт политического образования призван не только наделять политическими компетенциями, но и интегрировать молодое поколение в конструктивные формы гражданской активности, обсуждение политических вопросов и анализ политических процессов, что обретает особую значимость в современном российском обществе.

В общественно-политическом и академическом дискурсе встает правомерный вопрос об эффективных механизмах и технологиях политического образования и просвещения в контексте укрепления консолидирующего потенциала, гражданской идентичности и традиционных ценностей российского общества, поскольку реализация данных национальных приоритетов взаимообусловлена и опирается на прочный фундамент политических знаний, представлений и установок.

С целью выявления инструментов и технологий политического образования в современной России автор провел собственное прикладное исследование, выполненное методом экспертного интервью с представителями разных ступеней образования: общего образования (учителя, советники по воспитательной работе), среднего профессионального (преподаватели, сотрудник института развития профессионального образования), высшего профессионального образования (проректор по воспитательной работе, преподаватели). Всего опрошено 22 эксперта, результаты проанализированы с использованием качественной стратегии обработки данных; в исследовании учитывались пространственно-географические параметры (городская и сельская местность).

Согласно мнению большей части экспертов, технологии политического образования в полной мере оформились на уровне высшего образования, в то время как в системе сред-

него профессионального звена существует очевидный недостаток политического просвещения: «*Мы с коллегами наблюдаем, что упор на политическое образование существует на уровне высшей школы*» (эксперт, институт развития ПО); «*мешает ориентир «школа-вуз»,* когда СПО *вне фокуса*» (эксперт, преподаватель). Положительно оценивается сформированность технологий и практик политического образования в системе основного и профессионального звена: *«малыши учат государственную символику, поют гимн...дети стали более политически просвещенными»* (эксперт, учитель), *«Правовой диктант, олимпиады, которые позволяют проверять знания и подводить статистику»* (эксперт, институт развития ПО), *«детей учат отличать фейковую информацию от достоверной»* (эксперт, преподаватель), *«музейные технологии, культурные интерактивные форматы»* (эксперт, советник по воспитательной работе). На уровне всех ступеней обучения выделяются следующие эффективные технологии политического образования: социокультурные, институциональные (просветительские; учебные), символические, сетевые (интерактивные).

К результативным инструментам трансляции политических знаний и ценностей эксперты относят внеучебные мероприятия, проводимые НКО: *«Юнармия, Российский союз молодежи – они работают с детьми больше всего в рамках политического образования»* (эксперт, учитель); *«Движение Первых, молодежный Парламент...вовлекают студентов в социальные практики»* (эксперт, преподаватель), что подчеркивает значимость данных агентов политической социализации. Отмечается действенность внедренных дисциплин в рамках формирования политического мировоззрения: *«Разговоры о важном – инструмент формирования ценностей»* (эксперт, учитель); *«Основы российской государственности»* успешно формирует молодого гражданина» (эксперт, преподаватель). Эксперты демонстрируют важность использования информационных инструментов для укрепления практического подхода к обучению: *«Умение преподавателей использовать Интернет...иначе мы проиграем в формировании мировоззрения молодежи»* (эксперт, преподаватель); акцентируется внимание на эффективности проектных механизмов в системе конструирования политического сознания: *«структуры, которые могут инициировать проекты...Профком, Объединенный совет обучающихся», «клуб парламентских дебатов, конференции»* (эксперт, преподаватель).

Таким образом, сочетание образовательных и внеучебных инструментов позволяет укреплять политическое сознание молодежи, а выявленные технологии демонстрируют единство подходов к конструированию системы политических представлений на разных этапах обучения. Продолжается поиск эффективных механизмов политического образования с целью выработки новых технологий и практик в условиях ценностно-идеологических трансформаций.

Кукушкина О.Ю.
(Казань, КФУ)

ФЕНОМЕН ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ

Последние 2 года в мире наблюдается повышенный интерес к технологиям и возможностям искусственного интеллекта. Безусловно это является закономерным, поскольку напрямую коррелирует с масштабным прорывом в этой сфере.

Использование искусственного интеллекта в рамках избирательных кампаний набирает обороты – нельзя отрицать тот факт, что технологическая революция XXI века

коснулась и политической сферы. Бесспорным является факт, что относительно молодая технология искусственного интеллекта претендует на эффективность, креативность и порой даже уникальность в формировании избирательной кампании.

Технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) в последние годы используется в максимально различных сферах жизнедеятельности человека, научной сфере, образовательной, управленческой, и конечно в политической – при чем в самых различных ее проявлениях: начиная от генерации контента, текста, лозунгов, рекламных роликов, выступлений, заканчивая анализом огромного количества данных и, конечно, политическим прогнозированием.

Переходя к рассмотрению феномена ИИ как технологии избирательной кампании необходимо отметить, что ИИ довольно быстро становится инструментарием в политической борьбе за власть.

В политической сфере использование ИИ может быть абсолютно непредсказуемым и удивительным, что уже доказывают некоторые кейсы: к примеру, исход недавних ярких политических кампаний, таких как Брекзит или победа Д. Трампа на президентских выборах в США.

Чтобы ответить на вопрос в чем же феномен ИИ в избирательных кампаниях важным является сконцентрироваться на особенностях этой многогранной технологии, поскольку основные области применения ИИ в электоральном процессе охватывают несколько направлений:

1. Новые формы общения и влияния на электорат через использование технологий чат-ботов, которая в последнее время получила широкое распространение благодаря возможностям быстрого реагирования на запросы избирателей, круглосуточному сбору и предоставлению информации, анализу обратной связи. Этот подход снижает затраты избирательной кампании и делает ее максимально клиентоориентированной.

2. Прогнозирование результатов выборов. В научной литературе имеется уже не малое подтверждение этого направления использования ИИ в избирательных кампаниях. Благодаря этому подходу появляется возможность вычислять латентные закономерности, следить за общественным настроением и увеличивать точность прогнозов.

3. Управление общественным мнением, через обнаружение и вскрытие Анализ и моделирование общественного мнения на основе методов обработки, наиболее волнующих в настоящий момент тем.

4. Создание уникального контента. Этот подход дает преимущество не только создавать уникальный визуальный контент, но и повысить доверие электората через общение с персонализированным чат-ботом, способным считывать настроение своего собеседника.

5. Автоматизация электоральных кампаний, (например, на базе MidJourney и DALL-E), автоматическое планирование коммуникаций и проведение информационных кампаний и агитаций. Благодаря этому подходу появляется возможность поднять и увеличить уровень политического влияния.

Таким образом, феномен ИИ в избирательных кампаниях заключается в том, что он максимально расширяет инструментарий политических сил – от аналитики до коммуникаций и информационной безопасности.

Кулаковский Р.К.
(Новосибирск, СибГУТИ)

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Способы и формы политической коммуникации в глобальном и региональном разрезе в первой четверти XXI века претерпели революционные изменения, связанные с бурным развитием интернет-технологий и ростом уровня вовлеченности в интернет-коммуникацию всех политических акторов. Ряд существующих в данном аспекте вызовов связан с повышением оперативности информационного обмена, ростом интерактивности на новых платформах (взаимодействие власти и населения в социальных сетях, госпабликах, на платформе обратной связи портала Госуслуги и т.д.). Все это протекает в общих, глобальных условиях медиатизации, виртуализации социума и политики, наблюдаемых со второй половины XX века. При этом данные вопросы необходимо рассматривать не только сугубо с практической точки зрения лишь как «смену одного набора технологий на другой» – крайне важен серьезный теоретический, методологический анализ существующей реальности. Большое количество произошедших за последние 5-10 лет изменений в обществе нуждается в содержательном научном осмыслении с точки зрения политической науки и смежных дисциплин.

В связи с этим представляется актуальной следующая научная проблема: каким образом государство, его представители и институты в регионах России реагируют на данные вызовы и проблемы в сфере политической коммуникации в современных условиях 2020-х годов, а главное – каковы результаты этого реагирования:

- привели ли изменения в процессе политической коммуникации к изменению политических отношений и процессов в субъектах РФ;
- изменились ли процессы организации политического управления, принятия политических решений на региональном уровне;
- как это отразилось на существующих в России региональных политических институтах (администрации субъектов РФ, партийные структуры, общественно-политические организации), отдельных участниках политических процессов.

Ведущие отечественные исследователи данной проблематики отмечают, что «современные подходы к власти включают в ее рассмотрение реляционные характеристики, которые связаны с текучим позиционированием участников взаимодействия в сетевом пространстве. В этом отношении форма власти является функцией связанности и коммуникации власти и граждан... Коммуникативная легитимность власти обеспечивается здесь устойчивым характером общения, при котором происходит выбор позиции для принятия решений»[100].

Основной парадигмой для научных исследований в данном направлении представляется теория дискурса, «которая рассматривает политическую реальность как сложное коммуникативное явление, включающее в себя характеристики участников коммуникации, социальный контекст, в который они вписаны, а также процессы производства и восприятия сообщения»[101].

Не секрет, что давние проблемы государственных структур традиционно связаны со склонностью к закрытости, монологовым формам информационного обмена, частой

[100]Сморгунов Л.В. Трансверсальная политика сетевой коммуникации и коммуникативная легитимность власти//Власть, общество, политика, управление в междисциплинарных исследованиях. Материалы II Московского политологического форума в Президентской академии, Москва, РАНХиГС, 12-13 апреля 2024 г. / Под ред. Климовой Г.С., Тимофеевой Л.Н. М.: ИОН РАНХиГС, 2024. С.166.

[101]Тимофеева Л.Н. Возможности интегративности в методологии политической науки// Там же. С. 177.

неспособностью оперативно и качественно отреагировать на информационные угрозы. В 2000-е годы уже серьезным достижением считалось создание полноценных интернет-сайтов ключевых органов власти и управления. При этом только последние 10 лет, в 2015-2025 гг., получили активное развитие принципиально иные способы выстраивания коммуникации через «новые медиа», системы социальных сетей, мессенджеров (телеграм-каналов), технологии искусственного интеллекта (чат-боты и т.д.). Это в полной мере коснулось субъектов РФ, где политические процессы протекают в существенном многообразии.

В данном контексте можно отметить следующие особенности политической коммуникации в субъектах РФ на современном этапе:

- активное присутствие органов государства, политической власти в системе коммуникационного обмена (сеть госпабликов, аккаунтов в социальных сетях, интернет-порталах с возможностью обратной связи и т.д.).
- в связи с расширением пространства политической коммуникации за счет мобильных технологий возросла необходимость учета политических интересов всего многообразия целевых аудиторий в регионе (старшее поколение и «поколение зумеров»);
- перегруженность пространства коммуникаций в связи с его доступностью для большого количества политических акторов, наличие информационного шума, усталость субъектов коммуникации от обилия транслируемых смыслов;
- повышение количества и способов информационных угроз, политических рисков в сфере медиа (особенно в условиях информационной войны, распространения недостоверной, враждебной информации, дипфейков, созданных с помощь искусственного интеллекта и т.д.).

Все это актуализирует важность реализации комплексной информационной политики, направленной на обеспечение коммуникативной легитимности региональной власти, необходимость постоянного поддержания баланса между старыми и новыми способами коммуникаций. Это позволяет организовать, с одной стороны, производство и восприятие сообщений (дискурс политической власти), с другой стороны – выстраивание полноценной обратной связи с населением, делающей возможной принятие и реализацию качественных управленческих решений.

Кулеш С.А.
(Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИДЕИ «ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Устойчивое развитие России является многогранной задачей, требующей учёта глобальных факторов. Социально-экономические, политические и экологические явления тесно связаны и требуют взаимосвязи и сотрудничества между акторами мировой политики. Это необходимо для обеспечения устойчивости как на локальном, так и на глобальном уровнях. С 2022 года новый виток противостояния с Западом осложняет взаимодействие и обмен технологиями, поэтому Россия находится в поисках путей обеспечения устойчивости, что может включать в себя синтез концепции устойчивого развития с моделью «государства-цивилизации», для создания уникальной, не-западной модели модернизации страны.

Проблематика модернизации и устойчивого развития и их адаптации к вызовам со-

временности активно исследуются в научной литературе. Ш. Эйзенштадт критиковал универсализм, подчёркивая роль культурных особенностей, как в случае Китая, успешно реализующего свою модель без вестернизации. Концепция «Сообщества единой судьбы человечества» подчёркивает важность совместных усилий, что актуально и для России. Идея «государства-цивилизации» М. Жака предполагает сохранение культурной идентичности при адаптации к современным вызовам. Идея России как «государства-цивилизации», закреплённая в Концепции внешней политики, в данном случае не является отказом от развития, а представляет собой попытку поиска собственного пути на основе исторической преемственности и культурного многообразия.

По нашему мнению, уникальность России заключается в том, что на протяжении всей своей истории она развивалась как единое государство, объединяющее различные этнические группы. Славянские народы контактировали с другими этническими группами, и даже несмотря на конфликты, взаимодействие, как правило, было взаимовыгодным для всех. В демографическом отношении Россия представляет собой переплетение различных культур и традиций, где каждая этническая группа сохраняет свою уникальность и самобытность.

В современном мире страны сталкиваются с рядом общих вызовов, среди которых – необходимость роста экономики, демографическими и климатическими рисками, что требует адаптации и повышения устойчивости инфраструктуры и биосферы. Россия и Китай по-разному подходят к решению этих задач: в Китае государство играет весомую роль в стратегическом планировании, что позволяет ему системно управлять развитием страны и формировать международную повестку, например, через концепцию «Сообщества единой судьбы человечества», проект «Один пояс – один путь», или Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Россия пока в меньшей мере опирается на долгосрочное стратегическое планирование, делая акцент на рыночные механизмы и гибкость. Для повышения эффективности в сфере устойчивого развития России необходимо усилить роль стратегического компонента. На фоне геополитических пертурбаций, обе страны всё больше развивают альтернативные формы сотрудничества, такие как БРИКС и ШОС, что способствует международной стабильности и преодолению глобальных вызовов, становясь важными факторами для перехода к устойчивому развитию.

России важно создать гибкую систему управления, сочетающую государственное регулирование с рыночными механизмами для адаптивности экономики. Важный аспект имеет развитие социального партнёрства между государством, бизнесом и обществом для реализации долгосрочных стратегий устойчивого развития. Возможно ориентироваться на «зелёную» энергетику: атомные станции, возобновляемые источники энергии и замкнутые циклы производства, например, переработку ядерного топлива. Большую роль играет развитие человеческого капитала и экологическое просвещение для формирования ответственного отношения к биосфере и ресурсам, что создаст основу для устойчивого развития.

Во внешней политике Россия должна продвигать идею о множественности путей развития, подчёркивая, что универсальный сценарий развития для всех стран невозможен. Важно настаивать на необходимости реформирования глобальных институтов в интересах развивающихся стран для более справедливого участия государств в мировой экономике и мировой политике. Такой подход позволит России укрепить свои позиции на международной арене и способствовать глобальной стабильности и развитию.

Завершая, необходимо отметить, что устойчивое развитие России должно основываться на собственной специфике, не заимствуя западные или восточные модели, что позволит создавать стратегию, основанную на внутренних ресурсах и ценностях страны. Идея «государства-цивилизации» вовсе не предполагает уход в изоляцию, напротив, она служит прочной основой построения суверенной модели устойчивого развития. В

складывающемся многополярном мире суверенитет становится ключом к устойчивости, позволяя сохранять идентичность и активно влиять на формирование нового мирового порядка, основанного на равноправии и взаимном уважении.

Куликов Н.А.
(Самара, СМП РАПН)

МОЛОДЕЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В первой четверти XXI века молодежь становится одним из ключевых факторов общественно-политического развития России. Увеличение роли молодежи обусловлено демографическими и технологическими изменениями, а также трансформацией политических институтов. Молодежный парламентаризм в этих условиях выступает инструментом включения молодых граждан в процессы выработки решений и формирования навыков гражданской ответственности.

Система молодежных парламентов при законодательных органах разных уровней постепенно институционализируется. Опыт Молодежного парламента при Государственной Думе (МП ГД) демонстрирует возможности интеграции молодежи в законотворчество и экспертное сопровождение инициатив. В работе комиссий и рабочих групп готовятся предложения по совершенствованию законодательства, выстраивается взаимодействие с профильными комитетами ГД и общественными институтами.

Эмпирические примеры 2021–2025. По итогам обсуждений и продвижения предложений МП ГД в 2024–2025 гг. зафиксированы принятые решения по двум крупным направлениям, инициированным молодыми парламентариями и поддержанным профильными акторами:

1. Бесплатная юридическая помощь многодетным родителям – закон принят Государственной Думой 25 марта 2025 г.;
2. Расширение «дальневосточной и арктической ипотеки» на участников СВО и семьи погибших – решение реализовано Правительством РФ с 1 июня 2024 г.

Кроме точечных проектов, по сводной оценке, регионов: в 2022 г. было принято более 10 законодательных инициатив, подготовленных молодыми парламентариями.

Правовой статус на региональном уровне. Ключевой индикатор институционализации – наличие у молодежных парламентов субъектов права законодательной инициативы по вопросам молодежной политики. По официальному «Докладу о положении молодежи в РФ» (Минобрнауки, октябрь 2024): в 21 субъекте РФ молодежные парламентские структуры наделены таким правом.

Молодежь и электоральные процессы (2021–2024), отмечается, что динамика участия молодежи неоднородна: усиливается роль цифровых каналов вовлечения (соцсети, Telegram-боты, молодежные медиа), но сохраняется задача повышения явки и доверия к избирательным процедурам. Практики политического просвещения – от региональных «Школ молодого политика» на примере Самарской области до федеральных конкурсов законотворческих инициатив – выступают «мостом» между онлайн-социализацией и офлайн-участием в выборах.

Институциональные вызовы. Во-первых, разрыв между традиционными формами участия и цифровой коммуникацией. Во-вторых, зависимость молодежных структур от конъюнктуры и недостаточная устойчивость.

В-третьих, недоинтеграция молодежных парламентов в кадровые контуры госуправления и партий.

Предлагаемые решения:

- Закрепить межуровневую модель «федеральный—региональный—муниципальный» с едиными стандартами и KPI молодежных парламентов;
- Развивать «сквозные треки» из МП (федерального/регионального) в кадровые резервы органов власти и институтов развития;
- Расширить практику конкурсных отборов инициатив (по примеру конкурса МП ГД имени М. Роганова) с привязкой к дорожным картам комитетов ГД.

Говоря о выводе, можно отметить, что развитие молодежного парламентаризма и электоральных практик в ближайшее десятилетие может стать одним из ключевых факторов консолидации российского общества. Успешная институционализация, интеграция в цифровое пространство и закрепление прав молодежных парламентов на законодательном уровне создадут условия для формирования устойчивого поколения молодых лидеров, готовых к принятию решений и ответственному участию в политике России XXI века.

Кумпан В.А.
(Краснодар, КубГУ)

МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ОБРАЗОВАНИИ: ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

Моделирование исторических процессов позволяет прогнозировать их развитие и более точно понимать их развитие, через вовлеченность в сам ход, в действие процесса. В российской образовательной системе переход к формированию учебных действий (в основном образовании) и профессиональных компетенций требует развития системно-деятельностного обучения[102].

Нами были проведены организованы и приведены модели ООН, ШОС, СНГ. Отработка процедурных вопросов, последовательности выступлений, системы аргументации, обращений является позитивным образовательным результатом для участников и организаторов модели. Политическая заостренность и неоднозначность оценки действий и заявлений представителей международного сообщества делает данный тип моделирования сложным и интересным в реализации.

Поиск новых форм моделирования приводит нас к реализации моделей мировых исторических процессов. У данного типа моделирования есть положительные характеристики и сложности. Исторический контекст, в большинстве случаев известен до нас дошли не только документы, но и воспоминания очевидцев, участников, мемуары, дневники. В процессе подготовки организаторы и участники глубоко погружаются, изучая их. В то же время жесткость свершившихся событий, сокращает пространство

[102]Эффективные методики обучения обществознанию Uri//https://sciencewin.ru/course/view.php?id=50 (дата обращения 5.04.2023)

маневра, собственно игры, возможности предложить альтернативные варианты развития ситуаций.

Первое историческое событие, которое моделировалось стал Венский конгресс. Отметим причины, по которым данный выбор был произведен. Значимость Венского конгресса, его влияние на мировые процессы, вплоть до современности. К настоящему времени многие принципы и формы международных отношений, которые тогда были сформулированы и реализованы остаются компонентами дипломатии и системными ориентирами и в эпоху глобализации. Венский конгресс был настолько ярким событием эпохи, сто современники оставили множество документов, которые ему посвящены, а исследователи провели детальный анализ различных аспектов этого мероприятия. В контексте формирования чувства патриотизма – Венский конгресс относится к периоду, когда Россия, являясь наиболее мощным государством оказывала серьезное влияние на все исторические процессы. С точки зрения исторических аналогий системные характеристики начала XIX и XXI века напрашиваются сами. Фактически однополярный мир, во главе которого стояла наполеоновская Франция и современная ситуация типологически близки. Наполеон создал на границе России буферные государства, которые влились в его армию, в многолетнем противостоянии с нашей страной, что позволяет нам отработать аналитические компетенции у участников модели. Содержательное историческое пространство, события, договоры, протокол взаимоотношений, в значительной степени представляет интерес своей таинственностью, непредсказуемостью хитросплетениями тайных договоров.

Первая модель венского конгресса проходила онлайн, а итогом стал очный Венский бал. Вторая модель проводилась в очном и в онлайн формате. Очная форма, завершилась уже традиционным венским балом. Онлайн модель венского конгресса в 2023 году завершилась достаточно новой формой «Пир у Талейрана. Дистанционная модель проводилась в специально разработанном модуле[103].

Делегаты для участия отбирались Оргкомитетом на конкурсной основе в ходе собеседования. Состав делегаций формировался по аналогии с историческим Венским конгрессом. Традиционном историческим событием стали 100 дней Наполеона. Интересно, что в начале каждой из моделей участники подстраховывались, отправляя Наполеона под более серьезную охрану, чем это было на острове Эльба. Появление сообщения о высадке Императора французов вызывало протест участников, которые пользовались различными игровыми методами чтобы снизить его влияние на свои договоренности.

Программа Модели венского конгресса включала в себя психологические тренинги и игры для установления эмоциональных связей среди участников и для развития навыков ведения переговоров.

На каждый вопрос, которые разрешались на Венском конгрессе был выделен один день. Переговоры велись в двух форматах – открытом и тайном в мессенджерах, для чего организаторами были созданы специальные группы. Участники вели дневники переговоров. По итогам работы были подготовлен и опубликованы тайные договоры и мемуары участников. Итоги работы отражались в специально подготовленных информационных сообщениях. Отдельные формы – заявления участников от имени своих стран и интересный формат – писем к родным, что отражалось в социальной сети ВКонтакте[104].

Итоги модели: обоснованное расширение границ России, отражение возможностей нашей страны с использованием дипломатических ресурсов. Формат моделирования показа высокую перспективность, в дальнейшем планируется привлекать учителей истории и обществознания, школьников.

[103]Модель Венского конгресса 2023 // https://sciencewin.ru/course/view.php?id=61 (дата обращения 23 февраля 2023 г.)
[104]НОП "Наука побеждать" в дипломатии // https://vk.com/kubanmodel (дата обращения 23 февраля 2023 г.)

Куракина Л. М.
(Сызрань, Краеведческий музей)

ПОТЕНЦИАЛ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ В ДЕЛЕ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В условиях проведения Россией специальной военной операции на территории Украины актуализируется необходимость глубокого анализа ключевых проблем и форм формирования военно-патриотического сознания российской молодежи. Важным аспектом организации патриотического воспитания является концептуальное осмысление структурных компонентов патриотизма с учетом специфики традиционного и современного обществ, а также выявление потенциала различных средств и форм реализации патриотической работы на местном уровне. Важными акторами формирования патриотического сознания могут быть краеведческие музеи.

В понимании сущности патриотизма можно выделить следующие подходы. Патриотизм, с одной стороны, рассматривается как внутреннее психоэмоциональное чувство человека. С другой стороны, патриотизм проявляет себя как духовное качество, рационально осознаваемое и поддерживаемое чувством долга перед страной, родной землей, Отечеством. Такой патриотизм связан с определенной внутренней духовной работой личности, его формирование осуществляется, прежде всего, социокультурными, педагогическими, информационно-пропагандистскими средствами.

Одним из фундаментальных проявлений патриотизма является защита страны. В современных условиях формирование военно-патриотического сознания приобретает особую актуальность в контексте перехода от традиционного общества к современной социетальности. Этот переход сопровождается разрушением традиционных связей с «почвой», размыванием семейных устоев и механизмов межпоколенческой преемственности. В результате «чувство родины» и потребность в ее защите, которые ранее формировались «автоматически», теперь требуют целенаправленного и осознанного воспитания.

Сызранский краеведческий музей, созданный в декабре 1923 г., с момента основания стал проводить разнообразную поисковую, экспозиционную, просветительскую деятельность. В настоящее время музей активно участвует в проектах, связанных с популяризацией историко-культурного и природного наследия региона. Одной из важнейших составляющих деятельности музея является патриотическое направление.

Особое значение в музейной патриотической работе имеет Зал Воинской Славы, открытый в 2015 году. Кроме основной экспозиции, отражающей историю трех войн: Великой Отечественной, боевых действий в Афганистане и контртеррористических операций на Северном Кавказе, в ней представлены тематические разделы. В ноябре 2022 года экспозиция была дополнена экспонатами, посвященными местному казачеству. В 2023 году создан раздел о событиях специальной военной операции на Украине и подвигах ее участников. Посещение и экскурсионное обслуживание в Зале Воинской Славы осуществляется на бесплатной основе. За год его посещают около 9 000 человек, большая часть из которых – обучающиеся школ и студенты.

Краеведческим музеем реализуется ряд знаковых мероприятий, связанных с сохранением памяти о героических событиях и ветеранах Великой Отечественной войны. С 2010 года музей работает над масштабным и разноплановым проектом «Помнить. Хранить. Беречь», в ходе которого были подготовлены видеорепортажи о ветеранах войны, записаны их воспоминания. В 2022 году музей стал активным участником реализации

проекта «Дни единых действий Городов трудовой доблести», в рамках которого прошли выставки: «Солдатская шинель и каша из Сызрани», «Сызрань госпитальная», «Сердовинский арсенал», «Труженики тыла» и др.

Совместно с местным отделением организации ветеранов «Боевое братство» организована выставка детского рисунка «Война глазами детей», где были представлены творческие работы, адресованные участникам СВО. Дети могли написать слова благодарности ветеранам и бойцам СВО в рамках Всероссийской акции «Письма Победы». За работу по патриотическому воспитанию музей дважды награждался «Кубком Координационного Совета по патриотическому воспитанию населения г.о. Сызрань «Патриот».

Большой объем работы по патриотическому воспитанию, проводимый Сызранским краеведческим музеем, не должен быть поводом для самоуспокоения. Важно понимать, что количество мероприятий не всегда равно их качеству. По-прежнему, одними из трудно решаемых задач являются проблемы массовости и результативности. Патриотическое воспитание должно дойти до души каждого ребенка, подростка, молодого человека. Патриотическое воспитание должно вестись системно.

В соответствии с возрастными особенностями и учебно-тематическими планами необходима программа патриотического воспитания применительно к каждому учебному классу и студенческой группе. Не в полной мере пока музей осуществляет взаимодействие с учебными учреждениями по проведению совместных акций исследовательского и добровольческого характера. Успешное решение этих проблем поможет более эффективно использовать потенциал краеведческих музеев в деле формирования гражданской идентичности, социальной ответственности, патриотизма.

Курицын И.П., Габайдулин Р.В.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Современные государства стоят на пороге новой эпохи цифровой трансформации, где искусственный интеллект становится не просто инструментом оптимизации, а ключевым фактором переосмысления самой природы государственного управления. От прогнозирования социальных процессов до автоматизации принятия решений – ИИ предлагает беспрецедентные возможности для повышения эффективности публичного сектора. Расширение применения искусственного интеллекта (ИИ) в государственном управлении порождает комплекс перспектив и рисков, требующих системного осмысления. Научный дискурс 2025 года фокусируется на этических, правовых и социально-экономических аспектах интеграции ИИ в публичный сектор. Настоящее исследование направлено на структурирование ключевых факторов влияния и разработку сценарных прогнозов на основе анализа взаимодействия выявленных детерминант.

Методической основой исследования выступил анализ научных работ, позволивший идентифицировать восемь ключевых факторов (D1-D8): оптимизация управления (D1), качество услуг (D2), снижение коррупции (D3), инвестиционная привлекательность (D4), угроза кибербезопасности (D5), сокращение рабочих мест (D6), ошибки ИИ (D7) и правовое регулирование (D8). Посредством матрицы смежности были установлены

взаимосвязи между факторами, где позитивное (↑), негативное (↓) или нейтральное (0) влияние определяет динамику системы.

Факторы	D1	D2	D3	D4	D5	D6	D7	D8
D1		↑	↑	↑	↑	↑	↑	↑
D2	↑		↑	↑	↑	↑	↑	↑
D3	↑	↑		↑	0	0	0	↑
D4	↑	↑	↑		↑	↑	↑	↑
D5	↓	↓	0	↓		↓	↑	↑
D6	↓	↓	0	↓	0		0	↑
D7	↓	↓	0	↓	↑	↓		↑
D8	↑	↑	↑	↑	↓	↓	↓	

Таблица 1. Матрица смежности

Анализ выявляет двойственное влияние внедрения искусственного интеллекта на государственное управление. С одной стороны, оптимизация процессов, повышение качества услуг, снижение коррупции и рост инвестиционной привлекательности формируют значительный позитивный эффект. С другой стороны, усиление киберрисков, потенциальные алгоритмические ошибки, сокращение рабочих мест и необходимость адаптации правового регулирования создают существенные вызовы. Инвестиции в развитие ИИ усиливают положительные эффекты, но опосредованно активизируют и риски через общее ускорение цифровизации. Ключевым условием устойчивого внедрения становится развитие сбалансированной нормативно-правовой базы, способной минимизировать негативные последствия без торможения технологического прогресса, а также разработка моделей гибридного взаимодействия человека и ИИ для смягчения социальных последствий автоматизации.

На основе матрицы было составлено 3 сценария внедрения ИИ в государственный сектор.

Критерий	**Сценарий 1: Устойчивое развитие**	**Сценарий 2: Ограниченное внедрение**	**Сценарий 3: Кризис управления**
Уровень внедрения	Комплексный, сбалансированный	Локальный, фрагментарный	Системно-проблемный
Эффективность управления	Значительный рост оптимизации процессов	Частичное улучшение в отдельных сегментах	Снижение из-за ошибок алгоритмов
Социальные последствия	Переобучение кадров, минимизация безработицы	Умеренное сокращение рабочих мест	Массовые увольнения, социальная напряженность
Управление рисками	Проактивный контроль киберугроз и ошибок	Реактивное устранение инцидентов	Критический рост уязвимостей
Роль регулирования	Развитая нормативно-правовая база	Фрагментарное регулирование	Правовые вакуумы и конфликты

Таблица 2. Сравнительная характеристика сценариев внедрения ИИ

Сценарий 1 предполагает синергию технологических и социальных факторов: правовое регулирование (D8) нивелирует риски (D5-D7), а инвестиции (D4) усиливают позитивные эффекты оптимизации (D1) и качества услуг (D2). В Сценарии 2 доминируют ограничения: недостаток регулирования и ресурсов приводит к неравномерному внедрению и сохранению управляемых, но не решенных рисков. Сценарий 3 характеризуется негативной динамикой: ошибки ИИ (D7) и киберриски (D5) подрывают доверие, блокируя реализацию преимуществ ИИ.

Таким образом, успешная интеграция ИИ в государственное управление возможна лишь при условии сбалансированного развития технологических, правовых и социальных компонентов. Ключевым условием устойчивого сценария (Сценарий 1) выступает опережающее формирование правового каркаса, регулирующего алгоритмическую ответственность, защиту данных и механизмы контроля. Одновременно требуется разработка моделей гибридного взаимодействия «человек-ИИ», минимизирующих социальные риски. Игнорирование этих условий создает риски кризисных траекторий, где технологический потенциал ИИ нивелируется системными сбоями и потерей общественного доверия. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку международных стандартов алгоритмической прозрачности и адаптивных моделей правового регулирования.

Курицын И.П.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ

Современный этап технологического развития характеризуется активным внедрением искусственного интеллекта в различные сферы общественной жизни, включая государственное управление. Искусственный интеллект (ИИ) переосмысливает традиционные механизмы государственного управления, выступая не только технологическим инструментом, но и формой отношения человека к действительности. Данное исследование выявляет актуальные практики применения ИИ в государственном управлении (2022–2024 гг.) и систематизирует ключевые тенденции, результаты и барьеры внедрения.

Эмпирическая база исследования включает сравнительный анализ кейсов из России, США, Канады, ОАЭ, Германии, Великобритании и Китая. Ключевые области применения охватывают правоохранительную деятельность, городское управление, предоставление государственных услуг, судебные системы и экологический мониторинг. Отбор кейсов основывался на принципах репрезентативности и географического разнообразия с учетом доступности данных о внедрении ИИ в государственное управление за 2022-2024 гг. Критерии включения предусматривали значимость проектов для национальных систем управления и отражение ключевых тенденций, что обеспечило валидность и релевантность выводов исследования.

Страна	Ключевая задача	Область применения	Технологии ИИ	Основные результаты	Ключевые барьеры
США (2022)	Прогнозирование преступлений	Правоохранительная деятельность	Машинное обучение, анализ данных	Снижение предвзятости, оптимизация ресурсов	Предвзятость данных, риски усиления контроля
Россия (2022)	Цифровизация госуслуг	Городское управление	Анализ транспортных потоков	Улучшение инфраструктуры	Недостаток нормативной базы, кибербезопасность
Канада (2022)	Обработка иммиграционных заявлений	Административные услуги	Автоматизация обработки данных	Ускорение процедур	Этические вопросы, защита данных
ОАЭ (2023)	Оптимизация парковочного пространства	Транспортная инфраструктура	Прогнозная аналитика больших данных	Снижение трафика, эффективное использование ресурсов	Дефицит компетенций
Россия (2023)	Автоматизация ПВО	Военная оборона	Автономное обнаружение целей	Повышение эффективности поражения	Технические сложности, киберугрозы
Германия (2023)	Мониторинг экологии	Охрана окружающей среды	Анализ спутниковых данных	Оптимизация ресурсопользования	Ресурсные ограничения
Великобритания (2024)	Повышение прозрачности госуслуг	Правосудие, трудоустройство	Алгоритмический анализ данных	Ускорение процессов, рост доверия	Этические дилеммы, защита персональных данных
Китай (2024)	Автоматизация судопроизводства	Судебная система	AI-платформы для анализа правовой информации	Ускорение работы судов	Интеграция с legacy-системами
Россия (2024)	Повышение городской безопасности	Видеонаблюдение, инфраструктура	Распознавание образов (лица, номера)	Снижение преступности, улучшение контроля	Точность идентификации, вопросы приватности

Таблица 1. Сравнительный анализ кейсов внедрения ИИ в государственном управлении

Исходя из данных таблицы, можно выявить следующие универсальные преимущества внедрения ИИ: повышение эффективности распределения ресурсов (США, 2022), оптимизация городской инфраструктуры (ОАЭ, 2023), ускорение административных процедур (Канада, 2022; Великобритания, 2024). Технологии машинного обучения и анализа больших данных продемонстрировали высокую адаптивность к разнородным задачам – от прогнозирования преступлений до экологического контроля. Критическими барьерами внедрения ИИ остаются этические и правовые риски, включая предвзятость алгоритмов (США, 2022) и проблемы защиты персональных данных (Канада, 2022; Россия, 2024), а также инфраструктурные ограничения, такие как несовершенство нормативной базы (Россия, 2022) и сложности интеграции с legacy-системами (Китай, 2024). Кроме того, сохраняются ресурсные дефициты, в частности недостаток квалифицированных кадров (ОАЭ, 2023) и уязвимость к кибератакам (Россия, 2023).

Таким образом, современные технологии искусственного интеллекта перекраивают ландшафт государственного администрирования, предлагая не просто инструменты оптимизации, но и принципиально новый способ взаимодействия власти, общества и цифровой реальности. Как показывает исследование, ИИ уже сегодня трансформирует ключевые сферы управления – от правоохранительной деятельности и судопроизводства до

экологического мониторинга и городской инфраструктуры. Однако за стремительным прогрессом скрывается сложный клубок вызовов, требующих не только технологических, но и философско-этических решений. Ключевыми барьерами по-прежнему являются этико-правовые риски, такие как предвзятость алгоритмов, защита персональных данных, а также технические и регуляторные ограничения, включая несовершенство нормативной базы и интеграцию с устаревшими системами. Дальнейшее развитие ИИ в этой сфере требует сбалансированного подхода, сочетающего технологические инновации с усилением правовых механизмов, обеспечением прозрачности и сохранением человеческого контроля.

Курюкин А.Н.
(Москва, ИС ФНИСЦ РАН)

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА И ПОСТРОЕНИЯ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЕВРОСОЮЗА, КНР, РОССИИ)

Цифровизация общества и государства является сегодня магистральным направлением развития цивилизации и в тоже время процессом, динамически меняющим общество и меняющемся самим. Не удивительно, что государства усиленно ищут, формируют и ведут апробацию моделей политической организации и регулирования этого процесса. На евразийском пространстве, наиболее крупными такими моделями являются присущие Евросоюзу, КНР и России. Рассмотрим их подробнее.

Современная модель политического регулирования цифрового общества и построения цифрового государства в Евросоюзе может быть охарактеризована как широкая и разветвленная. Модель заключает в себе 12 ключевых направлений регулирования, среди которых следующие:

1) Исследования и инновации;
2) Промышленная политика;
3) Доступность к подключению;
4) Данные и конфиденциальность;
5) Права интеллектуальной собственности;
6) Кибербезопасность;
7) Обеспечение соблюдения законов в диджитал сфере;
8) Доверие и безопасность;
9) Электронная коммерция и защита прав потребителей;
10) Конкуренция;
11) СМИ; и
12) Финансы.

Модель политической организации цифровизации китайского общества и государства напрямую увязана с генеральным принципом организации и функционирования страны – пятилетними планами и «видением на перспективу». Вплотную к целенаправленному регулированию процессов цифровизации общества и государства в КНР подошли в 14-й пятилетке (2020-2025), а конкретно в 2022-2023 гг. Так, уже в середине января 2022 года Государственный совет КНР опубликовал план развития цифровой экономики на 14-ю пятилетку (2021-2025 гг.). Документ определяет ключевым фактором производства циф-

ровой экономики – информационные ресурсы, а главной движущей силой – интеграцию информационно-коммуникационных технологий. Уже в середине марта 2022 года председатель Китая Си представил стратегию использования информационных технологий для преобразования общества и правительства в течение следующих 5 лет. Ключевым компонентом здесь выступает платформа, которая использует блокчейн и предполагает обширный обмен данными для связи государственных органов и граждан, через приложения в таких областях, как социальное обеспечение, рынок труда и медицинские услуги. Наконец, 7 марта 2023 года Китай объявил о создании национального бюро данных, назвав его частью усилий по координации ресурсов данных в стране и достижению концепции «цифрового Китая», задуманной председателем Си.

Инициацию российской модели политического регулирования цифровизации следует отнести к 2014 году, когда 3 февраля 2014 года Президент РФ В. Путин подписал ФЗ №9 «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи»». В продолжение его положений, в мае 2017 года вышел указ Президента России Владимира Путина, № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Активизировалась регулятивная составляющая политической модели цифровизации российского общества и государства в конце 2020 года, когда Президент В. Путин подписал закон о борьбе с распространением фейков в соцсетях, согласно которому, операторы обязываются внести социальные сети в специальный реестр, информация из которого будет предоставляться уполномоченному органу, по первому требованию. Вторым этапом стало введение перечня бесплатных социально значимых информационных ресурсов, что было сделано летом 2022 года, когда Президент В. Путин подписал дополнение в закон «О связи» нормой, в соответствии с которой предоставление доступа абонентам к сайтам, включенным в перечень отечественных социально значимых сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, осуществляется бесплатно. Уже летом следующего 2022 года, Президент Путин подписал документ, обязывающий органы власти создавать официальные страницы в социальных сетях и публиковать там актуальную информацию, информируя граждан о своей деятельности.

В итоге рассмотрения, отметим, что европейскую модель можно охарактеризовать как легислативную, китайскую, как экономико-ориентированную, наконец российскую, как процессуальную.

Кусочков А.Г.
(Москва, РУДН)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ НЕБРЕЖНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЕВРОПЕИЗАЦИИ

Европейская интеграция как политологический феномен давно перестала быть исключительно предметом теоретических моделей середины XX века. Федерализм и неофункционализм, положившие начало научным спорам, во многом отразили надежду на поступательность и предсказуемость интеграционного процесса. Однако именно последующие десятилетия показали: Европа живет не по «идеальным траекториям», а в условиях постоянных колебаний, рецидивов национального эгоизма и институциональной фрагментации. В этом контексте европеизация стала восприниматься как альтернативная исследовательская оптика, позволяющая зафиксировать неравномерность и амбивалентность изменений, которые интеграционная теория склонна сглаживать.

Концепт европеизации оказался не менее противоречивым. С одной стороны, он обещал новый уровень анализа – не «телологию» интеграции, а практику политических трансформаций, происходящих внутри государств и институтов Европейского союза. С другой стороны, размытость определений породила то, что нередко называют «концептуальной небрежностью»: европеизация превратилась в универсальный ярлык, которым обозначают все – от адаптации национального законодательства к нормам ЕС до трансформации идентичностей и политических культур. Такая растяжимость понятийного аппарата одновременно сделала концепт удобным и обесценила его аналитический потенциал.

Особенно проблемным выглядит соотношение европеизации и многоуровневого управления. Изначально предполагалось, что европейское многоуровневое пространство создаст условия для гибкости и взаимного согласования интересов. В реальности же оно часто воспроизводит асимметрии, закрепляет доминирование сильнейших государств и оставляет периферийные регионы в положении «вынужденных последователей». Так, «европеизация сверху вниз» оказывается скорее инструментом дисциплинарного давления, чем диалога, а «снизу вверх» проявляется лишь в ограниченных и частично символических формах (Шульга М.А. (2015). Европеизация: некоторые особенности одного концепта). Здесь обнаруживается главный парадокс: исследовательский дискурс об европеизации, подчеркивающий динамику и множественность уровней, вступает в противоречие с политической практикой, в которой сохраняется жесткая иерархия власти.

На этом фоне возникает вопрос: не превратилась ли европеизация в «перевернутый второй образ» – то есть в зеркальное отражение старых интеграционных теорий, которые она стремилась преодолеть? Вместо обещанной методологической свободы мы получаем набор разрозненных подходов, каждый из которых фиксирует лишь часть реальности. Более того, чрезмерная ориентация на внутренние изменения в государствах-членах ЕС ослабила внимание к внешнему измерению европеизации. Между тем именно сегодня, когда Европа сталкивается с кризисом расширения, конкуренцией с глобальными игроками и трансформацией международного порядка, вопрос «европеизации за пределами ЕС» становится ключевым.

Проблемность усиливается тем, что европеизация – в отличие от классических интеграционных теорий – не предполагает финальной точки, «завершенной интеграции». Это придает концепту гибкость, но также открывает возможность для бесконечных интерпретаций, где любое взаимодействие государств и институтов можно трактовать как «европеизацию». Подобная методологическая размытость уже вызвала критику и внутри российской академической среды (Иванов И.С. (2018). Европейский вектор внешней политики современной России), где отмечается, что чрезмерная универсализация понятия ведет к утрате его исследовательской ценности.

Вместе с тем европеизация продолжает оставаться ценным инструментом для анализа взаимодействия национального и наднационального уровней. Она позволяет показать, как решения, принимаемые в Брюсселе, трансформируют политические практики в странах-членах и соседних государствах, и как эти трансформации возвращаются обратно в европейский центр. Здесь проявляется ее диалектическая сила, которую отмечают и отечественные авторы (Борко Ю.А. (2015). Европейский союз в XXI веке: текущие дела и фундаментальные проблемы): европеизация как бы одновременно укрепляет Европейский союз и обнажает пределы его интеграционного влияния.

Таким образом, политологический анализ европейских трансформаций оказывается в двойственной ситуации. Теории интеграции, несмотря на их «старомодность», сохраняют структурирующую силу, в то время как европеизация, обещавшая концепту-

альный прорыв, рискует раствориться в чрезмерной многозначности. Возможно, именно критический синтез этих направлений позволит заново поставить вопрос: что значит «динамика изменений в Европе» – последовательное углубление интеграции, адаптация к новым политическим вызовам или же вечная игра балансов между центром и периферией? Ответ на этот вопрос неочевиден, но именно в его неразрешимости проявляется живая природа европейской политической реальности, которую невозможно уложить в рамки одной теории.

Кустов Д.О.
(Москва, ГУУ)

ОТ ПОЛИТИКИ СДЕРЖАННОСТИ К АКТИВНОЙ ОБОРОНЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ ИЗРАИЛЯ

Все 77 лет своего государственного существования Израиль постоянно находится под угрозой исчезновения. Отсутствие стратегической глубины своей территории не позволяет израильским вооружённым силам отступать от государственных границ дальше, чем на несколько километров, поскольку современные технологии поражения военных целей дают возможность наносить удары по всей стране при необходимости. Однако ключевой проблемой остаётся исторически и культурно сложившаяся враждебность со стороны соседей. Несмотря на дипломатические достижения, например, признания существования Израиля Египтом, Иорданией, Объединёнными Арабскими Эмиратами, Бахрейном, Турцией и т.д., еврейское государство до сих пор уязвимо к региональным потрясениям в соседних государствах. Это оставляет за ним особый статус «осаждённой крепости».

С момента обретения независимости Израиль подвергался нападениям со стороны арабских стран. Дипломатические манёвры между СССР и США в контексте внешней политики Иерусалима оказали положительное влияние на исход первой арабо-израильской войны, закрепив в дальнейшем покровительственное отношение Вашингтона. Войны 1967 и 1973 годов показали, что военная победа не устраняет коренных противоречий и является в лучшем случае перерывом перед следующим вооружённым конфликтом. Общая установка оставалась прежней: военное превосходство представляет собой гарантию существования.

Тем не менее, Израиль предпринимал различные шаги, направленные на поиск формулы сосуществования с арабскими соседями. Соглашения в Осло в 1990-ых годах ознаменовали собой пересмотр внешней политики Израиля в направлении примирения и разрешения давних территориальных конфликтов. На это решение повлияли не в последнюю очередь первая Интифада и международное давление. Отсутствие окончательных договорённостей по ключевым вопросам, рост взаимного недоверия и эскалация насилия не дали ожидаемых результатов для Израиля. Невозможность закрепить компромиссные решения привела к череде кризисов с образованным НПА, второй Интифаде и росту числа радикальных группировок. Таким образом, долгосрочные последствия соглашений в Осло стали одной из предпосылок событий 7 октября 2023 года, когда атака ХАМАСа и его союзников вскрыла недостатки израильской модели безопасности.

В этой связи необходимо отметить: Израиль за два года пересмотрел свою внешнюю политику, вернувшись к более решительным действиям. Вместо того, чтобы ожидать вступления шиитской группировки «Хезболла» в войну на стороне ХАМАСа, Иерусалим совершил операцию по нарушению систем связи, вызвав дезорганизацию в рядах организации и заставив её не предпринимать новых попыток рейда на израильскую территорию. Израиль воспользовался установлением нового режима в Сирии для укрепления своих позиций на Голанских высотах, поддержал друзские выступления в Эс-Сувейде. Отношения с Иорданией превратились в значимый фактор региональной стабильности, позволивший совместно с западными союзниками отражать ракетные обстрелы со стороны Ирана. В результате региональный контур влияния Израиля приобрёл более конкретные очертания, частично расширился на северо-восток. Эти шаги демонстрируют качественное изменение: Иерусалим начал действовать свободнее как региональная держава при сохраняющейся уязвимости перед внешними интервенциями, что значительно отличается от стратегии внешней политики в прошлом веке.

Кульминацией новой политики стал прямой вооружённый конфликт с Ираном, который рассматривается Израилем не только как спонсор региональных радикальных движений против него, но и как стратегический противник, обладающий потенциалом создания ядерного оружия. Прямые атаки по иранским объектам и ответные удары зафиксировали новую реальность: Израиль больше не ограничивается противодействием непрямым угрозам, а действует на упреждение, не дожидаясь воплощения неприятельских намерений.

Подводя промежуточные итоги, отметим: за три десятилетия Израиль прошёл путь от политики компромиссов и умиротворения к стратегии активной обороны и проецирования силы. Этот сдвиг иллюстрирует более широкий процесс изменения конфигурации мировой политики, в рамках которого традиционные дипломатические механизмы урегулирования всё чаще уступают место силовым подходам, что поднимает вопрос об устойчивости текущей системы международных отношений.

Кутепова Д.О.
(Санкт-Петербург, Университет ИТМО)

ВЛИЯНИЕ ОНЛАЙН-РЕСУРСОВ ПУБЛИЧНЫХ ПОЛИТИКОВ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОВЕРИЕ МОЛОДЕЖИ

В настоящее время политики, как публичные, так и не публичные, развивают свои онлайн-ресурсы с целью установления прямого диалога со своим электоратом и упрощения взаимодействия между обществом и властью. Как известно, наибольшей популярностью онлайн-ресурсы пользуются у молодежи. Однако, несмотря на продвижение политиков в социальных сетях, политическая активность молодежи остается все еще недостаточной. Очевидно, что ведение политиками онлайн-ресурсов играет положительную роль: там регулярно публикуется важная информация для избирателей, ход работы по вопросам, связанным с различными аспектами жизнедеятельности общества. Однако остается неясным, влияет ли ведение политиками своих онлайн-ресурсов на политическое доверие молодежи и на повышение ее электоральной активности.

Эмпирическую базу исследования составили материалы глубинного интервью. Для участия в глубинном интервью целевым образом были отобраны 20 представителей молодежи.

Результаты проведенного исследования позволяют говорить о том, что политическое доверие рассматривается молодежью через две составляющие. Первая связана с доверием к власти в целом, которое выражается в доверии к политическим институтам, политическим акторам. Вторая связана с совокупность ожиданий со стороны электората от политических деятелей – вовлеченности в процессы решения общественных проблем, гражданское участие, политический интерес и вовлеченность в общественные дела.

Исследование показало, что основными факторами политического доверия молодежи являются: общие политические взгляды и ценности; эффективная работа в решении насущных проблем электората со стороны политического актора; заинтересованность в деятельности; личный контакт с политическим актором, например, через комментарии; продвижение идей, которые поддерживает электорат; открытый диалог и ведение дискуссий; открытость со стороны политика, демонстрация не только профессиональной деятельности, но и личной; признание ошибок и простое общение; участие в различных молодежных мероприятиях в качестве наставников, заинтересованность в контакте с молодежью и поддержка молодежных инициатив; реализация поддержки инициатив молодежи через онлайн-ресурс публичного политика представляется возможным через репост публикации записи со страницы представителя молодежи на страницу публичного политика.

Говоря о наиболее приоритетных источниках политической информации, следует отметить кроссплатформенный мессенджер – Telegram. Молодые люди активно осваивают новые каналы информации, и именно Telegram является наиболее наполненным различными политическими каналами с различными политическими взглядами и оценками. Особую популярность у молодежи данного мессенджера можно объяснить удобством платформы, оперативностью и частотой появления новой информации, многообразием политических каналов, минимальной цензурой, а также содержательностью информации, с добавлением личной оценки авторов каналов, что позволяет читателям сформировать собственную точку зрения.

В контексте онлайн-ресурсов публичных политиков для молодежи особое значение приобретают такие факторы как уникальность предоставляемого контента и его визуальное оформление. Онлайн-ресурсы публичных политиков воспринимаются молодыми людьми как политический блог, что предполагает эксклюзивность и персонализированный подход к подаче информации. Именно эксклюзивность становится ключевым мотивом для подписки, поскольку это позволяет выделить онлайн-ресурс публичного политика среди множества других и обеспечивает вовлеченность целевой аудитории.

Ведение онлайн-ресурсов публичными политиками может оказывать как положительное влияние, так и негативное влияние на политическое доверие молодежи. Выяснилось, что онлайн-ресурсы публичных политиков, к которым у молодежи сформировано политическое доверие, не всегда побуждают к активному участию в политике, а также повышению политико-правовой культуры молодежи.

Согласно наблюдениям, молодежь склонна принимать неположительные результаты работы политического деятеля только в том случае, если последние демонстрируют честность, открытость в обозначении этих поражений, а также выражают готовность их исправить.

Политическое доверие является важной составляющей между обществом и властью, в частности – молодежью. Онлайн-ресурсы публичных политиков оказывают влияние на политическое доверие молодежи, поскольку онлайн-ресурсы являются одним из пре-

валирующих каналов коммуникации между обществом и властью. Молодежь погружена в цифровую среду, и именно в ней ей ориентироваться проще и интереснее. Для повышения политического доверия, политикам необходимо уделить особое внимание онлайн-ресурсам и коммуникации с обществом посредством онлайн-ресурсов. При правильном взаимодействии интерес к политической сфере у молодежи возрастет, а также, вероятно, сформируется доверие, поскольку узнаваемость у политика будет выше.

Лаврикова А.А.
(Тула, ТулГУ)

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Креативные индустрии как феномен общественной жизни стали объектом теоретического анализа сравнительно недавно. В конце XX века культурный потенциал и творческий труд получили экономическое обоснование: различные виды творческой деятельности и связанные с ними производства были объединены в единый экономический сектор, обозначенный как «креативные индустрии». Хотя взаимосвязь культурной и коммерческой составляющих общественной жизни обсуждалась и ранее – в контексте возникновения и развития массовой культуры, – именно на рубеже XX–XXI веков отрасли, сочетающие создание, производство и коммерциализацию продуктов творчества, стали рассматриваться в качестве действенного инструмента экономического роста, в том числе в условиях кризиса.

Объединяющим принципом для теоретических и прикладных исследований в данной области выступает выделение творческой природы продукта в качестве базового критерия отнесения деятельности к креативным индустриям. При этом производимые данной сферой продукты обладают социокультурной наполненностью и символическим значением. Ряд авторов даже отмечают, что символическая ценность продуктов преобладает над функциональностью, так как они выполняют роль культурных медиаторов, переводя традиции на язык современности, формируя идентичность и отвечая на социальные запросы[105]. Их символическое значение проявляется в способности объединять прошлое и будущее, локальное и глобальное, превращая культуру в живой, развивающийся организм.

В современных условиях возрастает инструментальный потенциал продуктов креативных индустрий как носителей культурного кода, лежащего в основе матрицы национальной идентичности – мифа, «который, вписывая человека в коллективный сценарий поведения и формируя коллективную систему ожиданий, играет исключительно важную роль в обеспечении стабильности политического режима и политической системы государства»[106].

Выступая ядерной частью картины мира, характерной для представителей определенной нации, матрица описывает, каким образом на социальном и личностном уров-

[105]Turgel I.D., Derbeneva V.V., Baskakova I.V., & Chukavina K.V. Theoretical approaches to identifying creative industries // R-economy. 2022. № 8(4). Pp. 310–326. Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/120394/1/r-economy_2022_v8_4_01.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

[106]Попова О.В. Базовая матрица государственной политики идентичности в современной России. Политическое пространство и социальное время. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26897162_43700234.htm (дата обращения: 24.07.2025).

нях формируется, воспроизводится и поддерживается чувство национальной принадлежности через систему устойчивых культурных, исторических и ценностных элементов. Это происходит посредством представлений о родной земле, пространстве, с которым ассоциируется нация, интерпретации традиций, обычаев, мифов, фольклора, образов прошлого, коллективных воспоминаний о значимых событиях и личностях, нравственных и мировоззренческих ориентиров, которые общество считает основополагающими для своей национальной общности, а также обозначения границ между «своими» и «чужими».

Эффективность воспроизводства, кристаллизации и трансляции элементов культурного кода посредством креативных индустрий объясняется спецификой их функционирования, которая заключается в синергии творческого процесса как инструмента самореализации и самовыражения и процесса коммерциализации продукта, в производстве эксклюзивных образцов при сохранении параметров индустриального производства.

Через интеграцию материальной и символической составляющих идентичности креативные индустрии укрепляют культурный код России. Однако их потенциал реализуется неравномерно в силу существования целого ряда системных барьеров, затрагивающих пространственное развитие, правовую и экономическую среду, культурные установки и управленческие механизмы. Среди них: гиперцентрализация (концентрация 80 % ресурсов и проектов отрасли в крупных городах-миллионниках), неравномерность доступа к инфраструктурным и цифровым ресурсам (разрыв между центром и периферией в возможности использовать современные инструменты и инфраструктуру), культурно-историческая инерция (сопротивление новым форматам в исторических центрах), недостаточное понимание местными сообществами и представителями власти потенциала культурного наследия как ресурса для развития территории, недостаточная институциональная поддержка и координация усилий между участниками креативной экосистемы, зависимость от нематериальных активов (что усложняет оценку и привлечение ресурсов), сложности с защитой интеллектуальной собственности (что затрудняет монетизацию творческого труда) и др. Кроме того, существуют проблемы, которые носят стратегический характер: риск «вымывания» культурной идентичности в процессе глобализации и массового производства, конфликт между сохранением аутентичности и необходимостью интеграции инноваций и др.

Лаврушина Н.В.
(Петрозаводск, Карельский фонд развития общественной дипломатии)

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ КАРЕЛИИ: УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Межрегиональные связи Карелии развиваются с середины XX века на протяжении нескольких десятилетий. Одним из первых направлений стали побратимские связи городов и районов еще советской Карелии.

В XXI веке межрегиональное сотрудничество стало более разнообразным и многосторонним. На региональном уровне приняты документы, регламентирующие данное направление деятельности (например, актуальная «Стратегия развития внешнеэкономических связей Республики Карелия до 2030 года», принятая в 2024 году).

Вместе с тем, активными участниками такого сотрудничества были и остаются карельские общественные организации. Опираясь на опыт второй половины XX века,

когда активную роль в установлении и развитии связей с городами и регионами, прежде всего, зарубежных стран, играли общества дружбы с зарубежными странами (как отделения общесоюзных организаций, так и местные общества), современные НКО Карелии участвуют в разработке и реализации проектов, которые связывают Карелию с регионами России и других стран.

Направлений сотрудничества немало, но наиболее активно НКО работают в таких областях, как развитие культуры, просветительская деятельность, экология, межнациональный диалог. Наиболее практичным и востребованным форматом является проектная деятельность, поскольку собственными свободными средствами общественные организации в провинции, как правило, не располагают.

В современных условиях карельские общественные организации ищут возможности и реализуют проекты с участием партнерских организаций, как в регионах России, так и странах СНГ. Последнее направление представляется перспективным, однако и имеющим свои сложности. С одной стороны, возможность работать, используя русский язык облегчает коммуникацию с представителями стран СНГ; с другой – недостаточное знание ситуации в этих странах, непонимание каким образом функционируют местные НКО, отсутствие стабильных связей с партнерами и др. факторы не позволяют более активно участвовать в создании и укреплении связей. Вместе с тем, ряд примеров проектов карельских НКО говорят о том, что они заинтересованы активнее развивать связи со странами СНГ.

Внутри России спектр направлений сотрудничества шире, поскольку проще найти партнеров, договориться об обмене опытом, совместной деятельности. И, как правило, это проекты, в которых партнерами выступают не только общественные организации, но и государственные и муниципальные организации и учреждения.

Примеры проектов: «Культурный мост:

Россия – Киргизия – Узбекистан» (2023-2024) Карельской региональной общественной организации «Культурный код Карелии» и Межрегиональной общественной организации «Театр поэзии «Кредо» при поддержке Фонда президентских грантов, Фонда «Русский мир»; «Поликультурные города» (2022-2023) и «Диалоги культур – мосты дружбы» (2025-2026) Карельского фонда развития общественной дипломатии при поддержке Президентского фонда культурных инициатив; «Православные мосты. Карелия – Удмуртия» (2023) АНО «Центр стратегического планирования Удмуртской Республики» и Карельского ресурсного центра общественных организаций в рамках конкурса «Православная инициатива» и др.

Принимая во внимание то, что сегодня Карелия все активнее развивает сотрудничество с регионами и организациями Республики Беларусь, стран Центральной Азии, КНР, участие общественных организаций может усилить такие связи, налаживая диалог между представителями общественности разных стран, укрепляя взаимопонимание. В такой работе важно принимать во внимание те сферы и проблемы, которые актуальны для регионов-партнеров. Однако, поскольку инициаторами разработки проектов чаще выступают наши организации – именно они выбирают темы и направления, а затем ищут потенциальных партнеров. Межрегиональный диалог представителей общественных организаций разных регионов и стран может стать отправной точкой для обсуждения совместных инициатив, значимых для разных регионов.

Лагойко А.Г.
(Санкт-Петербург, СПбПУ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Феминистская внешняя политика (ФВП) как исследовательский и практический феномен появилась в XXI веке в ответ на ограниченность традиционной дипломатии. Классическая модель ФВП строилась на стремлении интегрировать гендерный подход во внешнеполитическую деятельность государств, повышать участие женщин в принятии решений и выстраивать более справедливую международную систему. В центре этой модели находились институциональные механизмы, национальные стратегии, официальные документы, акцентирующие ценности равенства, прав человека и инклюзивности.

Однако цифровизация мировой политики радикально изменила саму архитектуру дипломатического взаимодействия. Появление новых форм публичной коммуникации, социальных сетей и цифровых платформ расширило спектр акторов внешней политики и трансформировало способы артикуляции гендерной повестки. В этой связи можно говорить о формировании цифровой феминистской внешней политики (ЦФВП) как новой парадигмы, которая опирается не только на государственные стратегии, но и на сетевые практики, цифровые сообщества и транснациональные кампании.

Переход от классической ФВП к ЦФВП выражается в нескольких ключевых изменениях.

Во-первых, происходит смещение акцента от *политики участия к политике видимости*. Если традиционная дипломатия стремилась обеспечить формальное представительство женщин в институтах власти, то цифровая среда позволяет создавать новые каналы репрезентации и самовыражения. Феминистские кампании в социальных сетях делают видимыми ранее маргинализованные голоса, формируя новые стандарты публичного обсуждения.

Во-вторых, цифровая феминистская дипломатия меняет соотношение официального и неофициального. Государственные документы и программы по-прежнему важны, но они дополняются цифровыми практиками – хэштег-акциями, онлайн-петициями, транснациональными флешмобами. Такие формы коммуникации подрывают монополию государства на формирование внешнеполитической повестки.

В-третьих, трансформация касается самого субъекта внешней политики. Если ранее он понимался как государство или международная организация, то в цифровую эпоху субъектность распределяется между широким кругом акторов – от индивидуальных активисток до глобальных сетевых сообществ. Таким образом, цифровая феминистская внешняя политика демонстрирует переход от институционально закреплённого к распределённому типу влияния, где значение имеют не только дипломатические структуры.

ЦФВП не отменяет классическую модель, а наслаивается на неё, создавая гибридный формат. Государственная дипломатия вынуждена учитывать цифровые инициативы, а активисты опираются на институциональные рамки для придания своим кампаниям устойчивости. Такая взаимосвязь показывает, что цифровая феминистская внешняя политика является не просто технологическим новшеством, а проявлением глубинных изменений в структуре международных отношений.

Переход от традиционной к цифровой феминистской внешней политике отражает тенденцию к переосмыслению власти и субъектности в глобальном пространстве. Если классическая модель стремилась *включить женщин в дипломатические институты*, то цифровая логика нацелена на *создание сетевой публичности, в которой женщины*

выступают полноценными акторами. Это делает цифровую феминистскую внешнюю политику не только новым исследовательским понятием, но и практической площадкой для выработки инновационных форм дипломатии в условиях цифровизации.

Таким образом, ЦФВП можно определить как синтез ценностной базы феминистской дипломатии и цифровых практик публичной политики. Она сочетает институциональную и сетевую логику, открывая возможности для более инклюзивного и гибкого взаимодействия в мировой политике. Теоретический анализ этого феномена позволяет выявить его двойственную природу: с одной стороны, это продолжение феминистской критики традиционной дипломатии; с другой – новый элемент, отражающий изменения в условиях цифровой трансформации.

Лагутин О.В.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦИКЛА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В основу политической циклистики положена теория больших циклов экономической конъюнктуры Николая Кондратьева. Модель Кондратьевской волны внешне представляет из себя график нормального распределения, включающий в себя две фазы – повышательную и понижательную. Материальной основой Больших Кондратьевских волн являлись определенные виды экономических ресурсов, наборы ведущих технологий и отраслей промышленности. Синхронность этих компонентов, дала возможность говорить о таком феномене в рамках Большой Кондратьевской волны, как технологический уклад – воспроизводящаяся целостная система технологически сопряженных производств.

Российскими политологами В. Пантиным и В. Лапкиным Большие Кондратьевские циклы были соотнесены с циклами развития российской государственности. Авторы данной матрицы установили определенную сопряженность восходящих кондратьевских волн с российскими политическими циклами «реформ», и нисходящими волнами с политическими циклами «контрреформ». То есть в контексте чередования Больших экономических циклов конъюнктуры происходит практически синхронное чередование политических циклов по линии размежевания «реформизм» – «контрреформизм».

Восходящая фаза волны начинается с периода развития и переходит в стадию количественного роста ближе к вершине волны. Если проанализировать все восходящие циклы пяти технологических укладов, то можно вывести некоторые общие свойства политического характера. Политической элитой производятся попытки создания конкурентной системы отношений внутри общества. Формируются группы как правила корпоративного свойства опосредующих конкурентные отношения. Наряду с государственными институтами в общий процесс модернизации общества включаются другие организованные группы автономного свойства. Учащаются контакты с Западом, происходит процесс экономической эмуляции, политической модернизации. В связи с этим происходит более широкое открытие границ. Снятие разного рода социально-экономических ограничений для части или большинства населения страны. В целом происходит усложнение и дифференциация политической жизни на основе политико-экономической либерализации.

Нисходящая фаза волны начинается с периода экспансии и количественного роста и со временем переходит в стадию эмиссии и политического кризиса. Анализ всех нисходящих циклов технологических укладов дает нам следующую характеристику политических систем – попытка правящей элитной группы перевести систему управления в мобилизационный режим, используя отечественный механизм – «конкуренции администраторов», и как следствие создание «параллельных» управленческих структур, дублирующих функции официальных институтов, но имеющих неограниченные ресурсы, полномочия и отчетность перед первыми лицами государства. Также на этой фазе развития происходит процесс усиления административного аппарата, подавление частной инициативы, закрепощение отдельных слоев общества. И в целом устанавливается авторитарный политический режим.

Как показывает отечественный исторический опыт фаза государственного развития включает два больших цикла – по две повышательных и соответственно две понижательных волн. И при прогнозировании политико-экономических процессов необходимо учитывать, что обе повышательные волны в политическом отношении неодинаковы по своим свойствам. Первая повышательная фаза как правило порождается проигранными войнами в противостоянии объединенному Западу, и социальными потрясениями, вызванными этими поражениями. Вторая повышательная фаза после завоеванного суверенитета, полученного в фазе «контрреформ», предполагает конкуренцию с Западом на внешних рынках и географически удаленных территориях за сферы влияния.

Современная Россия ориентировочно с 2020 года вышла на вторую повышательную волну исторической фазы развития и шестой технологический уклад. Исторические обстоятельства обуславливают жесткий характер конкуренции и геополитического противостояния. Это требует формирования национально ориентированной правящей элиты и выработку стратегии развития страны с приоритетами характерными для нового технологического уклада.

Использование цикло-волнового подхода в прогностике позволяет правильно предсказать объективные тенденции развития политических, экономических процессов как в рамках национального государства, так и на внешнеполитическом уровне.

Лалетина А.Д.
(Краснодар, КубГУ)

КОНФЛИКТНЫЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ДИСКУССИЯХ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Стремительная цифровизация общественно-политической жизни оказывает значительное влияние на трансформацию политического дискурса и формирование новых форм гражданского участия. Интернет-платформы и мессенджеры становятся не только пространством коммуникации, но и ареной публичной политики, где граждане выражают протестные настроения, формируют коллективные идентичности и выстраивают новые формы взаимодействия с институтами власти. Особенно ярко эти процессы проявляются на региональном и муниципальном уровнях, поскольку именно здесь жители непосредственно сталкиваются с результатами политических решений.

Цель исследования – выявление конфликтных и интеграционных аспектов политического дискурса в интернет-коммуникациях локальных интернет-сообществ. Методологическая база строится на междисциплинарном подходе. Ключевое значение имеет критический дискурс-анализ, опирающийся на труды Н. Фэркло, Т. ван Дейка и Р. Водак, поскольку он позволяет изучать политический дискурс как совокупность практик, воспроизводящих властные отношения. Теория публичной сферы Ю. Хабермаса позволяет рассматривать интернет-пространство как площадку для артикуляции общественных интересов и конструирования гражданской субъектности. Концепция сетевого общества М. Кастельса используется для объяснения трансформации политического участия в условиях цифровизации. Эмпирическую базу исследования составили более 11 тысяч комментариев из популярных Telegram-каналов Краснодарского края в 2024 году.

Анализ показал, что в политическом интернет-дискурсе локальных сообществ преобладают стратегии делегитимации власти. Наиболее острая критика фиксировалась в обсуждениях градостроительных инициатив в Краснодаре, где доля негативных комментариев достигала 87,5%. В городских сообществах дискурс характеризовался активным использованием иронии, сарказма и метафор, что не только усиливало протестный потенциал, но и способствовало формированию солидарности граждан. В сельских сообществах преобладала прямолинейная критика в адрес конкретных чиновников и ярко выраженная демаркация «свои-чужие». Здесь дискурс часто приобретал характер открытого обвинения, в котором фигуры представителей власти персонифицировались как носители несправедливости. В условиях межэтнического конфликта и экологической проблемы подобная прямота усугублялась эмоционально окрашенными призывами к коллективным действиям, что превращало цифровое пространство в площадку мобилизационного характера.

В то же время выявлены интеграционные элементы. Легитимация действий гражданских сообществ строилась на апелляции к универсальным ценностям – справедливости, безопасности, общественному благу. Конструктивные практики проявлялись в сборе подписей против спорных проектов, волонтерских экологических акциях. В случаях, когда власть демонстрировала справедливость и прозрачность, фиксировался рост позитивных реакций и одобрение со стороны граждан. Дискурс приобретал интегративный характер в ситуациях, когда граждане, например, выражали поддержку инициативам по защите окружающей среды.

В городских интернет-сообществах критика чаще носит опосредованный и ироничный характер: пользователи прибегают к сатире, мемам и стилизации под официальный язык власти. Такие приемы способствуют формированию особой «культуры сопротивления», в которой протест выражается через юмор и символическую игру. В сельских сообществах коммуникация отличается прямотой и эмоциональной насыщенностью: дискурс здесь строится вокруг персонализированных обвинений и жесткой оппозиции «власть-народ», «свои-чужие». Если городская риторика чаще ориентирована на создание горизонтальных сетей солидарности и воспроизводство коллективной идентичности, то сельская направлена на актуализацию конкретных проблем и требует немедленного вмешательства властей.

Таким образом, интернет-дискурс локальных сообществ выполняет двойную функцию. С одной стороны, он усиливает протестные настроения и способствует делегитимации власти; с другой – становится площадкой для мобилизации граждан и формирования новых форм публичной политики. Локальные интернет-сообщества проявляют себя как самостоятельные акторы, влияющие на процессы легитимации и делегитимации власти и формирующие устойчивые практики гражданской интеграции в региональном контексте, что делает их значимым фактором современного политического процесса.

Ланчава А.И.
(Санкт-Петербург, независимый исследователь)

О ВЗАИМОСВЯЗИ ТРАКТОВОК ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА, ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЭПОХУ ПОСТЛИБЕРАЛИЗМА: ПАМЯТИ АЛАСДЕРА МАКИНТАЙРА (1929-2025)

Философ Аласдер Макинтайр отмечал, что наиболее характерной чертой либерализма является его способность переформулировать аргументы своих противников таким образом, что «они начинают казаться спорами внутри либерализма», которые не затрагивают его «фундаментальные принципы...в отношении индивидов и выражения их предпочтений»[107]. В число ключевых принципов либеральной идеологии входят: 1) скептицизм в отношении возможности познания сущности вещей; 2) отрицание телеологии в природе, в частности, человеческой; 3) деонтический подход к проблемам морали. С середины 2010-х годов американские и британские представители постлиберализма развивали идеи А. Макинтайра и отвергали философские основания либерализма в пользу: 1) эпистемологии, основанной на корреспондентной теории истины; 2) телеологической трактовки природы и 3) этики добродетелей. После избрания Д. Трампа Президентом США в 2025 году постлибералы выразили надежду на продолжение критической дискуссии о негативном влиянии либерализма в сферах морали, международных отношений, политики и культуры. Однако поддержка развития технологии искусственного интеллекта (ИИ) президентской администрацией поставила подобную перспективу под сомнение.

Причина заключается в том, что философские основания самой технологии ИИ в целом совпадают с онтологическими и эпистемологическими принципами либерализма. Во-первых, принцип работы ИИ противоречит представлению об истине как о соответствии разума вещи. Как отмечает постлиберальный философ М. Ханби, «ИИ не способен постичь трансцендентное или выдвинуть принципиальное утверждение о природе вещей...Он не только не может поставить вопрос истины как чего-то выходящего за рамки функции или факта, но, в сущности, устраняет его»[108]. Во-вторых, хотя механизм функционирования ИИ остается по большей части неизученным, с точки зрения аристотелевско-томистской традиции технология искусственного интеллекта является артефактом и не обладает субстанциональной природой[109]. По этой причине ИИ не соответствует 4 критериям, необходимым для формирования практического разума по мнению А. Макинтайра. Хотя ИИ способен участвовать в практиках и вносить вклад в развитие традиций (например, научного исследования), отсутствие субстанциональности не позволяет сформулировать представление о нарративном единстве его существования, а отсутствие тела исключает ключевой фактор – формирование отношений заботы и зависимости[110]. По этой причине даже наиболее морально ориентированные модели ИИ, такие, как Claude, основываются на деонтологических и консеквенциалистских подходах к этике[111].

[107]MacIntyre A. Whose justice? Which rationality? Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1998. P. 392.
[108]Hanby M. Artificial Ignorance // Word on Fire. 09.06.2025. URL: https://www.wordonfire.org/articles/artificial-ignorance/
[109]Feser E. Artificial intelligence and magical thinking // Edward Feser Personal Blog. 29.03.2019. URL: https://edwardfeser.blogspot.com/2019/03/artificial-intelligence-and-magical.html
[110]Robson A. Intelligent machines, care work and the nature of practical reasoning // Nursing Ethics. Vol. 26. No. 7–8. P. 1908–1912.
[111]Hammond S. Do LLMs really reason? A Hegelian perspective // Second Best. 10.06.2025. URL: https://www.secondbest.ca/p/do-llms-really-reason

Трактовка технологии ИИ в качестве ключевого элемента геополитического противостояния США и Китая создает дополнительный риск её неконтролируемого развития, а также применения в качестве оружия как на поле боя, так и в информационном пространстве. Так, например, руководители компании Palantir – ведущего американского разработчика военного и полицейского ИИ – выступили за его ускоренное внедрение в структуру государственных институтов, т. к. «наши противники не будут тратить время на театрализованные дебаты о достоинствах развития критических военных технологий...Они будут действовать»[112]. Акцент на конфликте и противостоянии, а также отказ от исследования философских оснований технологии ИИ могут привести к тому, что постлиберальная эпоха будет ассоциироваться не с ростом общественного благополучия, демократическим контролем и более справедливыми международными отношениями, а лишь с чередой военных конфликтов и обществами, «в котором государственная, культурная и экономическая власти будут скоординированы для поддержки [существующего] режима и наказания нечестивых»[113]. По этой причине исследование метафизических оснований современных технологий приобретает ключевое значение.

Лапенко М.В.
(Москва, РУДН)

ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНО-БЮРОКРАТИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: РОЛЬ МНОГОУРОВНЕВОГО ЛОББИРОВАНИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИЗАЙНЕ ЕАЭС

Процесс развития евразийской экономической интеграции, институционально оформленный на основе Договора о Евразийском экономическом союзе, представляет собой сложный многоуровневый феномен формирования устойчивого корпоративно-бюрократического механизма.

Данный механизм функционирует на основе симбиоза интересов крупного транснационального бизнеса, заинтересованного в унификации рынков и правовых регуляториев, а также наднациональных и национальных бюрократических структур, ответственных за выработку правил взаимной торговли и, в целом, региональной интеграции. Ключевым драйвером и функциональным элементом этого механизма выступает практика многоуровневого лоббирования, органично встроенная в уникальный институциональный дизайн Союза.

Институциональная архитектура ЕАЭС основана на принципе многоуровневого управления, поэтому создает дифференцированное поле для реализации групповых экономических и политических интересов, как интеграционной группировки, так и каждого государства-участника.

Можно выделить четыре ключевых уровня принятия решений, каждый из которых представляет собой отдельную арену для лоббистской активности: транснациональный

[112]Karp A., Zamiska N. The Technological Republic: Hard Power, Soft Belief, and the Future of the West. New York: Crown Currency, 2025. P. 29.
[113]Pinkoski N. Actually Existing Postliberalism // First Things. 22.10.2024. URL: https://firstthings.com/actually-existing-postliberalism/

(международный уровень, внешний контур ЕЭАС), наднациональный (Евразийская экономическая комиссия – ЕЭК и ее органы), национальный (правительства и парламенты государств-членов) и региональный (субъекты федерации в РФ, региональные органы власти в рамках отдельных государств-участников). Процедура согласования решений в ЕЭК, где различные вопросы требуют достижения консенсуса или квалифицированного большинства, обуславливает сложную траекторию продвижения интересов, вынуждая акторов выстраивать стратегические альянсы и выбирать оптимальные точки приложения усилий.

Анализ организационных моделей лоббистской деятельности позволяет выявить, как именно корпоративный актор интегрируется в данный бюрократический аппарат. Транснациональные холдинги и крупные госкомпании, чья деятельность критически зависит от решений на наднациональном уровне, предпочитают создавать внутренние подразделения (In-House GR). Это обеспечивает им постоянный доступ к процессу нормотворчества, глубокую отраслевую экспертизу, максимальную конфиденциальность, а также возможность влияния на интеграционную повестку.

Ярким примером может служить деятельность ОАО «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД»), создавшего разветвленную систему взаимодействия с Коллегией ЕЭК по вопросам транспорта и тарифной политики, что позволяет компании эффективно отстаивать единые правила транзитных перевозок через территории государств-членов ЕАЭС и их партнеров или государственной корпорации по атомной энергетике «Росатома», успешно отстаивающей особые правила доступа к атомным технологиям на всем евразийском пространстве.

Средний бизнес и отраслевые ассоциации чаще прибегают к аутсорсингу, привлекая внешних консультантов со специализированными связями в конкретных институтах ЕЭК или в отдельных странах-участницах для решения тактических задач.

При этом самой распространенной в практике развития евразийской интеграции остается гибридная модель, где общая стратегия разрабатывается внутренним департаментом, а тактическое продвижение на периферийных уровнях системы делегируется внешним экспертам по GR.

Особого внимания в институциональном дизайне Союза заслуживают Консультативный совет и Консультативные комитеты при Коллегии ЕЭК, в частности Консультативный комитет по транспорту и инфраструктуре, по промышленности и агропромышленному комплексу, по информатизации, информационно-коммуникационным технологиям и информационной безопасности и другие, которые представляют собой формализованные площадки для диалога между бизнесом и наднациональной бюрократией ЕЭК. Через эти площадки бизнес получает возможность напрямую влиять на формирование евразийской повестки и принятие решений.

Деловой совет ЕАЭС выступает еще более влиятельной платформой, консолидирующей интересы крупнейших корпораций всех стран-участниц и транслирующей их в виде согласованных предложений в Высший Евразийский экономический совет (ВЕЭС).

Таким образом, формирование корпоративно-бюрократического механизма интеграции происходит через постоянное взаимодействие и обмен ресурсами между бизнес-акторами и созданной многоуровневой бюрократической системой ЕЭК. Бизнес предоставляет информацию, экспертизу и экономические ресурсы, а ЕЭК трансформирует их в легитимные правовые нормы и унифицированные правила. Официальные (равно легализованные) каналы лоббирования играют ключевую роль в структурировании этого взаимодействия, снижая транзакционные издержки и придавая процессу легитимность и предсказуемость. Следовательно, многоуровневое евразийское лоббирование является внутренним системным элементом институционального дизайна ЕАЭС, определяющим его содержание, динамику и вектор развития. Это позволяет говорить о евразийской интеграции как о про-

екте, в значительной степени движимом корпоративными интересами, опосредованными и легитимированными через сложную бюрократическую процедуру, что формирует уникальную модель управляемой рынком региональной экономической интеграции, а не о политическом проекте элит, как часто его пытаются определить на Западе.

Лапкин В.В.
(Москва, ИМЭМО РАН)

СОПРЯЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ: ДИНАМИКА И РАЗВИТИЕ

Ракурсы пространственности (спатиальности) и темпоральности представляют собой важнейшие направления социально-политического дискурса, раскрывая возможности интегрального анализа общественной жизни и ее политического аспекта в концептуальной логике пространственно-временного континуума. Эти дискурсивные направления формируют рамочные условия изучения идентификационных процессов в обществе, а вместе с тем – моделирования политических изменений и политического развития. В совокупности они предоставляют инструментарий исследования существа политики, ее процессуальности и динамизма, циркуляции власти, ее распространения, т.е. закономерного изменения пространств политического действия во времени (см., например, Джессоп Б. 2019. *Государство: прошлое, настоящее и будущее*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. С. 243-284).

Пространственно-временной подход открывает широкую перспективу изучения форм, темпа и топологии распространения властных импульсов, равно как и изменчивости институциональной сферы политики, ее системных характеристик и самих представлений о политическом и культуре политического бытия, а также многообразных иных тенденций целенаправленной (целесообразной, целеориентированной) активности человеческих сообществ. Более того, постижение *природы политики* возможно только в единстве пространственной и темпоральной оптики, в дискурсивно-парадигмальном формате пространственно-временного континуума. Суть политики – это изменение, движение, общение и коммуникация, процессы ментально-дискурсивного целеполагания, а также организации и ориентации сообществ на практическое достижение поставленных целей. И время, и пространство есть категории нашего мышления, ввиду сложности и широты использования не до конца аксиоматизированные. По своему происхождению они есть плод нашего воображения, как правило, не подвергаемого саморефлексии, и их систематическая реификация обыденным сознанием представляется вполне естественной и широко распространенной. Вместе с тем, «...концептуализация развития как категории научного анализа *остается terra incognita*, несмотря на широкое присутствие... Удивительно мало внимания в современном политологическом дискурсе уделяется содержательному пониманию “политического развития”...» (Семененко И.С., Хайнацкая Т.И. 2024. “Общественное развитие” в лабиринтах научного дискурса и в приоритетах политической повестки. *Полис. Политические исследования*. № 6. https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.05. EDN: ETDYLO. С. 55).

Сопряжение пространственного и темпорального подходов в рамках политического анализа открывает применительно к изучению политической динамики впечатляющие

возможности. Решающим прорывом на этом направлении стала концептуализация политического процесса (и формирование соответствующего дискурса) с последующей дифференциацией и формированием специальных дискурсивных полей: политической динамики, политических изменений, политического развития.

В частности, в общих рамках циклически-волнового дискурса сформировались дискурсивные направления электорального цикла, циклов воспроизведения политических систем и их институциональных элементов, волн модернизации, демократизации и иных политических трансформаций (глобализации, сетевизации, цифровизации, волн памяти, революционных и инвестиционных циклов, циклов политических инноваций и т.п.).

Динамическая устойчивость политической организации сообщества есть фундаментальное условие общественного развития (и политического развития, в частности), а потребности обеспечения такой устойчивости безусловно входят в число приоритетов практической политики. Вместе с тем, любое *политическое действие*, заключающее в себе в той или иной мере последовательное функциональное единство целеполагания и целедостижения, может рассматриваться как определенное *развитие (импульс к развитию)* до поры скрытого политического замысла действующего политического субъекта.

Если в рамках конвенционального подхода *изменения* трактуются как последовательности статических состояний, исключающих саму возможность непосредственного моделирования процессуальности и динамичности, то для моделирования развития, следует отказаться от моделирования последовательности *состояний* (общества, политической системы, личности), но, скорее, исследовать *переходы* от одной стадии – к другой. Иными словами, – трактовать *развитие* как последовательность *переходов*, в которых каждый состоявшийся переход есть в том числе и выбор направления развития из ряда альтернатив (Лапкин В.В. 2025. Общество в развитии как предмет политической науки. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 135-156. https://doi.org/10.17976/jpps/2025.02.10. EDN: DLJCYE). При этом каждый переход открывает ветвящееся и многомерно-пространственное древо альтернатив развития, оставляя позади безальтернативную последовательность этапов формирования данной развивающейся системы. Прохождение этих этапов предстает чередой стратегических решений, открывающих все новые и новые альтернативы и траектории развития, что делает системные изменения необратимыми...

Лапшаков Г.С.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

БИТВА ЗА ОКИНАВУ 1945 ГОДА В МУЗЕЯХ ЯПОНИИ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАРРАТИВ VS. РЕГИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Доклад затрагивает тему противостояния различных оценок действий Японской империи в ходе Второй мировой войны, происходящего в современном японском обществе. В качестве примера приводятся различия в оценках битвы за Окинаву 1945 года (как одной из центральных тем в этом противостоянии исторических нарративов), а в качестве непосредственного источника эмпирического материала – описания экспозиций ряда ключевых исторических музеев Японии. Выбранные для сравнительного анализа Токийский национальный музей, Национальный этнографический музей, Музей Юсюкан и Мемориальный музей мира префектуры Окинава отражают разные исторические нар-

ративы о Второй мировой войне, сосуществующие в современной Японии. Токийский национальный музей и Национальный этнографический музей (находящиеся в юрисдикции Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии) выражают официальный исторический нарратив, связанный с консервативной правящей Либерально-демократической партией Японии. Музей Юсюкан при святилище Ясукуни, связанный с националистическим крылом ЛДП, выражает ревизионистский взгляд на события Второй мировой войны, ставший источником роста напряжения в отношениях Японии с Россией, КНР, Республикой Корея, КНДР и некоторыми другими странами. Наконец, Мемориальный музей мира префектуры Окинава, связанный с властями и гражданским обществом префектуры, выражает региональный исторический нарратив, основанный на исторической памяти окинавцев о жестоких действиях японской армии в ходе битвы за Окинаву в отношении местного населения и потому резко критический по отношению к позициям консервативных и националистических сил Японии.

Методологической основой исследования выступает сравнительный анализ текстовых и визуальных материалов, и экспозиций названных четырёх музеев. Особое внимание уделяется не только содержанию экспозиций, но и способам репрезентации их материала: используемой лексике, организации пространства, использованию визуальной информации. Частично, в целях расширения контекста, привлекается информация из описаний экспозиций других исторических музеев Японии, также затрагивающих события Тихоокеанского театра военных действий Второй мировой войны. Кроме того, рассматриваемые экспозиции анализируются в более широком контексте исторической политики Японии, исторической памяти и идентичности населения префектуры Окинава, а также общего исторического опыта взаимодействия властей Японии и данного её региона.

Проведённый анализ демонстрирует сложный, неоднородный характер исторической политики властей Японии: исторические нарративы, получающие поддержку со стороны разных фракций внутри ЛДП, оказываются весьма различными. Кроме того, рассмотренный материал демонстрирует относительную терпимость ЛДП к проявлениям региональной исторической памяти префектуры Окинава, входящим в противоречие с официальным историческим нарративом о событиях Второй мировой войны. Полученные выводы показывают ценность музейных экспозиций как источника для изучения конкурирующих исторических нарративов в японском обществе, а также демонстрируют потенциал работы с подобным источниками при анализе исторического дискурса в других странах мира.

Лебедева М.М.
(Москва, МГИМО МИД России)

ФОРМИРОВАНИЕ СЕТЕВЫХ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ БРИКС

Проблема сетевой организации неоднократно рассматривалась в мировой политике и международных отношениях. Одним из первых исследований в этой области стала работа М. Кастельса, показавшего сетевой эффект взаимодействия городов. В дальнейшем идея сетевой организации получила развитие в целом ряде исследований специалистов в области международных исследований, в том числе и с применением математических моделей к изучению сетей, например, в работах Д.А. Дегтерёва.

В то же время при анализе будущей политической организации мира, как правило рассматривается иерархическая структура. Наиболее явно она проявляется при обсуждении новой биполярности: США – КНР, где оба государства оказываются «вершинами» иерархий. Менее очевидна иерархическая структура в многополярной модели мира. Однако, поскольку многополярность предполагает ограниченное число полюсов («вершин»), то в конечном виде эта модель также оказывается иерархичной.

В то же время БРИКС представляет собой объединение, которое показало бурное развитие за непродолжительный срок своего существования и которое ориентируется на формирование сетевых структур, несмотря на то, что ряд исследователей указывают на доминирование в ней Китая (что может рассматриваться как создание иерархии). Однако по целому ряду направлений БРИКС выстраивает сетевые отношения. Так, Д.А. Кузнецов отмечал, что для БРИКС характерна концентрация ресурсов в сети. Сетевая структура используется БРИКС и в сфере образования, в том числе при создании сетевого университета. Правда, эффективность сетевого университета БРИКС не является бесспорной. Тем не менее, в данном случае важен сам факт построения сетевых взаимоотношений. Высшее образование стран БРИКС не ограничивается лишь созданием сетевого университета. Активно выстраиваются по сетевому принципу межуниверситетские контакты стран БРИКС. Кроме того, в 2013 году была создана Лига университетов БРИКС, в задачи которой входит активизация сотрудничества между академическими структурами стран БРИКС на сетевой основе.

Наконец, еще два момента, характерные для создания сетевых отношений в рамках БРИКС. Первый момент связан с интенсивным развитием цифровизации внутри Объединения. Сама по себе цифровизация, как показал А. Игнатов, усиливает и развивает сетевые отношения БРИКС.

Второй момент обусловлен взаимодействием городов стран БРИКС. Страны БРИКС стимулируют взаимодействие между своими городами. Так, в 2011 г. было принято решение о проведении Форума сотрудничества породненных городов и местных администраций стран БРИКС. Форумы городов стали площадкой обмена опытом, а 2024 г. была создана Ассоциация городов и муниципалитетов стран БРИКС плюс. Ассоциация координирует сетевые взаимодействия городов стран-участниц БРИКС по ряду направлений, в том числе в области медицины, окружающей среды, высшего образования.

Феномен развития сетевых отношений внутри БРИКС представляется весьма важным, поскольку демонстрирует, что такие отношения возможны не только внутри государств или в Европейском союзе, но и внутри параорганизаций (неформальных организаций). Причем, если в первых двух случаях этот процесс шёл относительно медленно, то в случае БРИКС он имеет лавинообразный характер. Наличие данного феномена ставит вопрос об отражении общей тенденции развития мировой политики на современном этапе по сетевому принципу.

Работа подготовлена по гранту РНФ № 25-28-00822 БРИКС в трансформирующемся мире: проблемы акторности и перспективы развития в новом составе.

Левченко Д.О.
(Краснодар, КубГУ)

НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ПОЛИТИКЕ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: РЕСУРСНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Некоммерческие организации Краснодарского края в условиях общественно-политических изменений, институционализации механизмов государственной поддержки и укоренения проектного подхода в управлении ресурсами и событиями находятся на переднем крае политики развития сельских территорий. Гражданские ассоциации в поисках возможностей для пространственного развития сел, малых городов предпринимают внутриорганизационные изменения и расширяют межсекторное партнерство.

Цель исследования – на материалах экспертных опросов и результатов анализа проблемных ситуаций определить активные и дефицитные ресурсы некоммерческих организаций Краснодарского края, каналы их расширения для реализации проектов пространственного развития сельских территорий.

Теоретическую основу исследования составили институциональный и сетевой подходы, теория социального обмена, концепция политики «ответственного» развития, а также разработанная исследователями Кубанской школы руралистики модель нематериальных ресурсов политики развития сельских территорий.

По результатам исследования определено, что основу типичного для сельских поселений Кубани институционального дизайна некоммерческого сектора составляет широкое представительство квазигосударственных организаций типа GONGO (government-organized non-governmental organization), встроенных в вертикально интегрированные сети. Участвуют в политике развития казачьи общества, ветеранские организации, религиозные православные организации, первичные ячейки федеральных институтов (ассоциаций).

Источником капитала для таких СОНКО выступают вертикальные каналы, сети партнерства с органами власти, бизнесом, локальными медиа и «традиционными» институтами социальной политики, а также региональные центры поддержки социальных инноваций, дополняющие работу федеральных грантооператоров. Для расширения доступа гражданских ассоциаций к государственным ресурсам эксперты указывают на необходимость формализации объединений через создание некоммерческих организаций.

Распространенными формами капитала социально ориентированных НКО, доступных им для реализации политики изменений и для конвертации в новые возможности, выступают нематериальные ресурсы: социальное доверие, экспертное знание по конкретной социальной проблематике, сети партнерства, через которые открывается доступ к каналам массового информирования, помещениям и другим активам. К числу дефицитных ресурсов относятся: финансовые; инновационные материально-технические; внутриорганизационные, ориентированные на эффективность и изменения; компетентностные модернизированные.

В сельских поселениях Краснодарского края с успешным опытом институционализации некоммерческого сектора и культивирования принципов проектного управления участие СОНКО в политике развития территорий сводится к таким практикам как: бла-

гоустройство зон отдыха и рекреации для местных жителей; создание и модернизация спортивной инфраструктуры; социализация молодежи и ресоциализация пожилого населения; организация специальных событий, в т.ч. направленных на развитие человеческого потенциала.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности», https://rscf.ru/project/24-18-20079/

Леденева В.Ю.
(Москва, ИДИ ФНИСЦ РАН)

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ЭФФЕКТЫ МИГРАЦИИ В ЕАЭС: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Миграционные процессы в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) являются одним из ключевых факторов, определяющих не только экономическое развитие, но и политическую устойчивость союза. Россия в течение последних десятилетий выступает главным центром притяжения миграционных потоков: по данным МВД РФ, в 2024 году на территории страны находилось более 6 млн иностранных граждан, из которых свыше 70% прибыли из стран ЕАЭС и СНГ, прежде всего из Кыргызстана, Таджикистана, Армении и Казахстана. Такая концентрация мигрантов демонстрирует, что Россия фактически выполняет роль интеграционного ядра, вокруг которого выстраиваются социальные и политические механизмы союза.

Социокультурные эффекты миграции проявляются прежде всего в сфере языковых практик, образовательной мобильности и формировании новых моделей идентичности. Так, ежегодно в российских вузах обучаются более 300 тыс. иностранных студентов (389 тыс. по данным Минобрнауки в 2024г.), и более половины из них представляют страны ЕАЭС. Это не только воспроизводит общее гуманитарное пространство, но и формирует долгосрочные каналы политического влияния через «мягкую силу» образования. Вместе с тем адаптация мигрантов в принимающей среде сопровождается трудностями: сохраняется высокий уровень бытовой ксенофобии, а в условиях экономической конкуренции обостряются конфликты на локальном уровне.

Вместе с тем миграция выступает важным фактором демографического развития. В условиях естественной убыли населения России (в 2023 году она составила более 400 тыс. человек) именно миграционный прирост позволил частично компенсировать демографические потери. Для стран-доноров ситуация обратная: массовый отток рабочей силы создает социальные дисбалансы, но одновременно усиливает зависимость их экономик от трансфертов. По данным Всемирного банка, денежные переводы мигрантов в Кыргызстан и Таджикистан в 2022 году превышали 30 % ВВП этих стран. Таким образом, миграция становится не только социальным феноменом, но и политическим инструментом, влияющим на устойчивость союзных государств.

Геополитическая турбулентность последних лет усилила значимость внутрисоюзной мобильности. Санкционные ограничения и переориентация внешнеэкономических связей стимулировали рост трудовой миграции в рамках ЕАЭС. В 2023–2024 годах, по данным Евразийской экономической комиссии, объемы взаимных миграционных потоков вы-

росли почти на 20 %. Это свидетельствует о том, что ЕАЭС становится важным пространством сохранения общей социальной и культурной связности.

Однако политологический анализ показывает, что интеграционные эффекты миграции имеют двойственный характер. С одной стороны, миграция формирует гуманитарное основание союза: общие культурные коды, русскоязычная среда, образовательные и профессиональные траектории становятся цементирующими элементами интеграции. С другой стороны, сохраняется риск фрагментации, связанный с асимметрией потоков и ростом напряженности на местах. Отсутствие единой политики адаптации и интеграции ведет к тому, что социальные риски зачастую превышают интеграционные выгоды.

Таким образом, миграция в ЕАЭС может рассматриваться как инструмент укрепления политической интеграции, если сопровождать её согласованной гуманитарной политикой. Необходимы общие программы адаптации и образования, унификация правовых норм, развитие межнационального диалога. В противном случае миграция останется преимущественно экономическим явлением, которое не конвертируется в долгосрочные интеграционные эффекты и, наоборот, будет усиливать социальные риски и препятствовать политическому сближению. Для России это означает необходимость выстраивания новой стратегии, в которой миграция рассматривается не только как ответ на демографический вызов, но и как ресурс политической консолидации и расширения влияния в постсоветском пространстве.

Линде А.Н.
(Москва, РЭУ им. Плеханова)

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ КАК УГРОЗА ПРИНЦИПАМ ГУМАНИЗМА И РЕСПУБЛИКИ РАЗВИТИЯ

Неолиберализм подвергался критике с левых позиций. Но, он угрожает не только социал-демократии, но и более широким по идеологическому спектру ценностям гуманизма и республиканизма, признания личности высшей целью общественного развития, а также общественного самоуправления. Это исследование представляется актуальным, так как, неолиберализм – это самая распространённая экономическая система, но демократические страны в основном, с республиканской формой правления.

В гуманизме, каждый человек ценен по факту существования, «независимо от социальных функций» (Гуманизм, 2010). Но, чтобы человек мог себя выразить в обществе, важно участие людей в политике, республиканское самоуправление. В соединении, ценности гуманизма и республиканизма создают модель «республики развития». Республиканизм развития – соединение идей добродетельной жизни в саморазвитии человека и республиканского самоуправления (Хелд, 2014, с. 91).

Неолиберализм – это направление мысли, основанное на принципах направленного на свою выгоду индивидуализма, в качестве экономического ядра ставящее исключающий цели социальной заботы капитализм, и распространяющее принципы рыночных отношений на все сферы общества.

Различия неолиберализма и гуманизма, республиканизма развития:

1. Сущность общественного устройства

В построении всего общества на рыночных принципах неолиберализм пошёл дальше, чем либерализм XVIII-XIX вв. М. Фуко писал: «неолиберализм – это не Адам Смит,

проблема неолиберализма, как общего регулирования общества посредством рынка» (Foucault, 2008, pp. 131-145).

Как утверждал Ю. Хабермас, демократическая республика не может быть построена только на принципах эгоистической инструментальной рациональности, преследующей эгоистические цели, выгоду, на принципах, на которых рынка и конкурентной политики. Важно, чтобы в обществе большинство сфер были построены на принципах взаимопонимания и согласия, солидарности и взаимовыручки, иначе общество атомизируется, разваливаясь, в нём начнётся конкуренция всех со всеми.

2. Модели человека

Сторонник республики развития Ж.-Ж. Руссо пишет: два основных качества человека – чувственная любовь к себе и сочувствие к другому. Эти качества – основа человека в республике развития.

Неолиберализм рассматривает человека, как человека экономического, что сужает его до одной стороны жизни, не даёт проявить его подлинную природу. В неолиберализме духовного развития не требуется – требуется только компетентное функционирование в системе для своего благосостояния и воспроизведения системы. Человек становится социально-функционирующей машиной, с механическими навыками, компетенциями.

3. Значимость человека и стратифицированность общества

Гуманизм признаёт ценность каждой личности, вне зависимости от её социального положения, объёма власти, благосостояния. И республика развития признаёт каждого человека полноценным гражданином.

Неолиберализм построен на принципах конкуренции всех – поэтому одни люди становятся намного более значимыми, чем другие, в зависимости от властных возможностей, объёма капитала. В конкуренции побеждает обладающий, по П. Бурдье, большим количеством этих «капиталов». В итоге, постоянная борьба и различие в ценности людей приводят к формированию жёстко стратифицированного общества в неолиберальных государствах.

4. Человеческая нравственность

В республике развития, согласно И. Канту, каждый человек стремится совершать такое возвышенное и благородное действие, чтобы оно могло стать максимой всеобщего законодательства. Тогда, развивается общество, когда каждый действует нравственно, уважительно к другим людям.

В неолиберализме каждый может совершать любые действия, не выходящие за рамки закона, уместные для себя, не стремясь совершить возвышенное, благородное действие, чтобы его могли принять другие люди. Поэтому, постепенно начинает деградировать сам человек, а общество, в котором люди не стремятся реализовать высокий идеал, разлагается.

5. Социальное государство

Принципы гуманизма и республики развития, согласно которым важен и значим каждый человек, вне зависимости от его социального положения, прямо ведут к другому принципу – каждый должен существовать на достойном материальном уровне. В экономике это приводит к идеям социального государства и государства всеобщего благоденствия.

Неолиберализм, распространяющий на все сферы жизни общества принципы коммерциализации и рынка, отказывается от социального государства, «неолиберальная политика: "всеобщая конкуренция минус социальное государство"» (Хмелинин, Русакова, 2014, с. 43).

6. Деполитизация и реполитизация

Республика основана на идее, что у каждого гражданина, кроме личных, есть публичные дела. Поэтому, каждый человек – гражданин, участник политической жизни, это связано с реполитизацией.

Неолиберализм утверждает, что для человека важны только его частные интересы, а общее благо не важно, и человек устремляется в своё изолированное пространство. Поэтому, политика, пусть и связанная с важными вопросами жизни общества, но не затрагивающая его частные проблемы, его не интересует, наступает деполитизация.

Таким образом, важнейшие ценности и принципы гуманизма и республики развития отвергаются в неолиберализме. Мы полагаем, что это может привести к кризису во всём мире. Поэтому, важно обращаться к подлинно гуманистическим и республиканским ценностям.

Линник А.А.
(Москва, ГАУГН)

РОЛЬ ПОЛИТИКО-РЕЖИМНОЙ КОНФИГУРАЦИИ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ИДЕЙНО-СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Изучение символической политики является востребованным направлением исследований в современной политической науке. Осмысление данного явления носит междисциплинарный характер и анализируется с позиций разных социальных наук. В перечне исследуемых процессов в представленной сфере выделяются политическое использование прошлого, политика памяти, историческая политика, политика идентичности, стратегии мнемонических акторов и другие явления. В том числе, одной из таких тематик выступает рассмотрение институциональных условий производства и распространения идей и связанный с данным параметром политико-режимный аспект.

Политико-режимная конфигурация и ее роль в функционировании идейно-символического пространства в национальном, региональном или локальном образовании имеет ключевое значение при анализе проявлений символической политики. Фактор влияния политического режима и условий функционирования публичной сферы анализировался О.Ю. Малиновой, Д. Джонсон, Б. Форестом, М. Бернхардом, Я. Кубиком и др. Так, институциональная архитектура влияет на: цели и стратегии мнемонических акторов, состояние публичной сферы и степень артикуляции идей акторов с дифференцированными интересами в публичном пространстве, соотношение частных и официальных усилий по изменению мест коллективной памяти и т. д.

Изучаемая в данном исследовании проблематика представляется актуальной в современных политических реалиях. Это обусловлено не только трансформациями национальных политических режимов по всему миру, но и возникновением феномена локальных (региональных и городских) политических режимов, подразумевающих наличие особого институционального дизайна внутри существующего национального политического режима и сосредоточение административных, финансовых и иных ресурсов у локальных политических элит для проведения автономного политико-экономического курса и реализации собственной стратегии символической политики. Также изучение национальных и локальных кейсов функционирования идейно-символического пространства приобретает актуальность в условиях доминирования неформальных институтов в политике, снижения значимости институтов модерна и развития гетерархий (Кротков В.О. Гетерархии как социально-политические протоин-

ституты современной трансформации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20, № 3. С. 574–586. https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.313). В свою очередь, протекающий в XXI в. процесс цифровизации общественно-политической жизни не только трансформирует публичную сферу, но и предоставляет мнемоническим акторам новые возможности для участия в символической борьбе за приобретение символического господства (Бурдье П. О символической власти // Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 87-96.) в том или ином обществе.

Однако неизменным остается факт наличия неравенства ресурсов (административных, экономических, финансовых и др.) у акторов, осуществляющих борьбу за собственные интерпретации социальной реальности в публичном поле. Информатизация политического пространства привнесла новые инструменты для продвижения идей как для институционализированных субъектов, так и для гражданского общества. Вместе с тем интернет-пространство часто подвергается регулированию со стороны институционализированных субъектов, что приводит к ограничению возможностей гражданского общества для артикуляции собственных интересов в поле символической политики.

Стоит отметить, что цифровые технологии используются также и для вовлечения граждан в политическую жизнь и принятия решений в области градостроительства. Ярким примером выступает кейс г. Москвы, где реализуется проект «Активный гражданин», на портале которого проходят голосования, связанные, как правило, со строительством инфраструктурных объектов и топонимикой пространства. Данный механизм довольно противоречив: с одной стороны, граждане привлекаются к участию в политической жизни города. С другой – у граждан нет механизмов для артикуляции собственных интересов, поскольку конечные варианты для голосований предложены изначально, в безальтернативной форме. То есть, несмотря на цифровизацию общественных процессов и возникновение новых инструментов в рамках символической борьбы, роль политико-режимной компоненты остается превалирующей.

Таким образом, следует заключить, что при исследовании феномена символической политики, а также условий производства и распространения идей в публичной сфере необходимо учитывать характер политического режима на национальном уровне и, в случае локальных кейсов, тип регионального или городского политического режима. В том числе, необходим анализ соотношения данных режимов и стратегий реализации курсов символической политики.

Лисенкова А.Д.
(Москва, МГИМО МИД России)

ПРИОРИТЕТЫ БРИКС В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ИЗМЕНЕНИЕМ КЛИМАТА (НА ПРИМЕРЕ АРКТИКИ)

Изменение климата – глобальная проблема, в той или иной степени затрагивающая все регионы мира. В то время как Арктика – наиболее подверженная данному изменению «горячая точка». Тем не менее, говоря о приоритетах в регионе недостаточно институциализированного БРИКС, в первую очередь, следует всё-таки ориентироваться на политику в области борьбы с изменением климата стран, входящих в него в

целом. Последняя же напрямую зависит не только от экологических, но и от энергетических, экономических, транспортно-логистических и других интересов. Обобщённая и компромиссная версия данных интересов и будет позицией БРИКС.

Тем примечательней, что её нельзя назвать абстрактной. Изначально объединение действительно скорее просто признавало актуальность популярной проблемы и выражало приверженность международным инициативам, не претендуя на активную роль и продвигая принцип «общей, но дифференцированной ответственности». Нейтралитет не продлился долго, следствием чего стало появление таких инициатив как Контактная группа по изменению климата и устойчивому развитию (2024 г.), Рамочная декларация лидеров стран БРИКС по климатическому финансированию (2025 г.), Повестка дня БРИКС в области климатического лидерства (2025 г.) и др.

Страны «Глобального Юга», представителями которого преимущественно и являются члены БРИКС, оказались в числе наиболее пострадавших, но наименее ответственных за изменение климата. Несмотря на то, что последние годы крупнейшим загрязнителем является Китай, БРИКС не упускает возможности напомнить об исторической ответственности (например, в Пекинской декларации 2022 г.). Параллельно государства объединения сошлись во мнении о значимости различных национальных точек зрения и недопустимости «односторонних, карательных и дискриминационных протекционистских мер, не соответствующих международному праву» и принимаемых под предлогом климатической политики. Они договорились усиливать координацию по подобного рода неконкурентным и нарушающим свободную торговлю прецедентам. Общей является позиция и по ископаемым видам топлива, а также по ядерной энергетике, природному газу и поглотителям [прим. лес, вода, почва], необходимым для достижения своих международных обязательств. Развитие возобновляемых энергоресурсов поддерживается, но чрезмерного акцента на данном направлении нет (Казанская декларация 2024 г., Декларация Рио-де-Жанейро 2025 г.).

Как в целом, так и в Арктике в частности страны в совокупности заинтересованы в первую очередь в обмене опытом и научных исследованиях, позволивших бы не проводить форсированных радикальных трансформаций энергетической / экономической системы. Связано это ещё и с тем, что климатические изменения в регионе оказывают влияние не только на близлежащие государства. Так, например, свою озабоченность данным вопросом уже выражала Бразилия. Однако проблемным остаётся финансирование, которое по-прежнему рассматривается большинством членов БРИКС с позиции доминирующего участия развитых стран. Дело в том, что при таком сценарии помощь в большей степени идёт на смягчение последствий (сокращение выбросов), а не на адаптацию.

Более того, Арктика является регионом первостепенной важности лишь для некоторых членов БРИКС (например, Россия). Это не делает его приоритетным для объединения, включающего страны-экспортёры невозобновляемых ресурсов (особенно в условиях санкций) и остро нуждающихся в данных ресурсах государства (в период постпандемийного восстановления, роста экономики и т.д.). Степень заинтересованности граждан таких государств в постиндустриальных ценностях низок, а национальные целевые климатические показатели весьма умеренны. Более того, Арктика богата природными ресурсами и перспективна с точки зрения Северного морского пути, где в обоих случаях изменение климата – скорее преимущество и новая возможность для глобальных торговых потоков и экономических связей.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00379, https://rscf.ru/project/25-18-00379

Литвин Л.А.
(Луганск, ЛГПУ)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД

В условиях современного управления, характеризующегося растущей сложностью общества, быстрыми технологическими изменениями и необходимостью гибкого реагирования на кризисы, проектная деятельность превратилась из маргинального управленческого метода в ключевой механизм политического и административного процесса. Реализация социальных проектов уже давно является важнейшим аспектом политического управления, поскольку субъекты политики стремятся удовлетворять потребности общества, одновременно продвигая политические цели. Социальные проекты, которые часто включают инициативы в таких областях, как здравоохранение, образование, инфраструктура и социальное обеспечение, направлены не только на улучшение качества жизни, но и на соответствие политическим интересам. Такое пересечение социальной политики и политических задач оказывает существенное влияние на эффективность, прозрачность и устойчивость этих проектов. Политические интересы часто определяют характер, масштабы и результаты социальных проектов. Понимание того, как политические интересы влияют на эти проекты и как политические субъекты руководствуются этими интересами, чтобы сбалансировать общественное благосостояние и политический успех, имеет решающее значение для оценки успешности социального управления. Этим определяется актуальность исследования.

Целью исследования является проанализировать роль проектной деятельности в современном политическом управлении.

Следовательно, политический проект – это документ или комплекс документов, направленных на создание новых или модификацию существующих объектов в политической сфере, а также изменение связей и отношений между ними для достижения определенных политических целей. Проектная деятельность – это не просто метод организации работы или достижения конкретных результатов. Она представляет собой более широкую парадигму мышления и действий, которая объединяет планирование, инновации, координацию и реализацию, ориентированную на результат. В контексте государственного и политического управления проектная деятельность все чаще понимается не только как форма выполнения временных задач, но и как стратегический инструмент институционального развития.

Суть проектной деятельности заключается в ее ориентации на изменения и развитие. Она по своей сути динамична, ориентирована на достижение целей и ограничена по времени, ресурсам и масштабам. Эти характеристики отличают ее от рутинной управленческой деятельности и традиционных форм бюрократического управления. Появление проектных подходов в управлении свидетельствует о трансформации того, как системы государственного управления реагируют на сложность, неопределенность и потребность в измеримых результатах. Проектная деятельность позволяет лицам, принимающим решения, разбивать крупномасштабные, часто абстрактные политические и административные цели на управляемые оперативные задачи.

Систематическое применение проектных методов, таких как структурирование целей, анализ заинтересованных сторон, планирование проекта, распределение ресурсов, оценка рисков и мониторинг эффективности, демонстрирует значительную методологическую эволюцию в государственном управлении. Внедрение проектных инструментов обеспечивает более высокую степень контроля и адаптивности при реализации сложных

политических и административных инициатив. Например, такие методы, как логический рамочный подход (LFA), SWOT-анализ и управление, ориентированное на конкретные результаты (RBM), способствуют стратегическому согласованию политических приоритетов и планов действий руководства. Использование цифровых платформ управления проектами, сценарного моделирования и инструментов мониторинга и оценки, основанных на фактических данных, еще больше расширяет возможности государственных учреждений по эффективному осуществлению политики.

Первый важный вывод заключается в том, что проектная деятельность повышает эффективность политического управления за счет создания структурированной, ориентированной на цели и сроки структуры для принятия решений и реализации политики. В отличие от традиционных административных моделей, характеризующихся инерцией и универсальностью, проектная деятельность является ответом на конкретную проблему, руководствуясь поддающимися измерению целями, конечными сроками и определенными обязанностями. Это позволяет политическим институтам переходить от абстрактного стратегического видения к оперативной тактике, которая приводит к видимым и поддающимся проверке результатам. В России примером такого подхода может служить система «национальных проектов», запущенная в середине 2000-х годов и активизированная в рамках стратегических инициатив в области развития на период до 2030 года. Эти проекты – в области здравоохранения, образования, цифровой экономики, демографии и экологии – служат организационной формой, которая связывает национальные приоритеты с механизмами реализации на региональном и муниципальном уровнях.

Таком образом, дальнейшие исследования и практика должны быть сосредоточены на том, как сбалансировать модульность проекта с интеграцией политики, как масштабировать успешные пилотные проекты, не теряя при этом чувствительности к контексту, и как обеспечить, чтобы проекты способствовали не только краткосрочным результатам, но и долгосрочной устойчивости и демократической легитимности. Поскольку такие проблемы, как экологический кризис, социальная фрагментация и сбои в работе цифровых технологий, продолжают развиваться, способность государства управлять с помощью проектов вполне может определять его эффективность и легитимность в XXI веке. Проектная деятельность больше не является периферийным или вспомогательным инструментом в государственном управлении. Это основной способ политической и управленческой работы, жизненно важное звено между видением и действиями и платформа, на которой руководство встречается с обществом в поиске решений.

Логинов В.А.
(Пермь, ПГНИУ)

ПУБЛИЧНАЯ ДИСКУССИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО В РОССИИ: МЕХАНИЗМЫ СИМВОЛИЧЕСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ

Анализируется взаимосвязь между публичной дискуссией об экологических проблемах и деятельностью Государственной Думы Российской Федерации в сфере экологического законотворчества. Основное внимание уделяется механизму «символического реагирования» со стороны законодателей, при котором экологическая повестка используется как ответ на изменение общественного мнения, но без существенной проработки

и последующего институционального закрепления норм. Исследование основано на междисциплинарной методологии, включающей количественный анализ медийной повестки, данных общественного мнения и базы законопроектов, а также качественные кейс-стади. Теоретическая рамка включает элементы неоинституционализма, теории символической политики и политической медиаэкологии. Работа призвана внести вклад в понимание динамики политических процессов в сфере законодательства.

Введение

Экологические проблемы становятся всё более заметной частью политической повестки, как на глобальном, так и на национальном уровнях. В России интерес к вопросам экологии увеличивался в условиях усиливающегося внимания со стороны гражданского общества, региональных протестов и международной климатической повестки. При этом реакция государственной власти, особенно на уровне законодательной ветви, вызывает вопросы – в частности, о глубине и устойчивости принимаемых решений. Наблюдаемые паттерны законотворческой активности часто носят фрагментарный характер, что поднимает вопрос о доминировании демонстративных, а не системных ответов на общественный запрос.

Целью настоящего исследования является анализ взаимосвязи между публичной дискуссией об экологии и законотворческой активностью в этой сфере. Центральное внимание уделяется механизму символической политики – стратегии, при которой политические элиты демонстрируют отзывчивость на общественные запросы без реального изменения политической траектории. Данная статья призвана заполнить пробелы в понимании того, как медийный резонанс и общественное мнение трансформируются в законодательные инициативы в условиях гибридного политического режима, где механизмы представительства могут быть искажены. В отличие от исследований, фокусирующихся на прямом влиянии гражданского общества на законотворчество, мы исследуем опосредованное влияние через медийную среду и механизмы "демонстративного" реагирования власти на уровне законодательной ветви.

Теоретическая рамка

1. Теория символической политики

Символическая политика, как она была описана Мюрреем Эдельманом (Edelman, 1964; 1985), представляет собой форму политической коммуникации, направленную не столько на решение проблем, сколько на создание образа реакции. Политики используют риторику, законопроекты и другие публичные действия как сигналы, подтверждающие внимание к проблеме, но не предполагающие существенных институциональных изменений. Эта модель широко применяется в исследованиях американской и европейской экологической политики (Smith, 2002; Pralle, 2009) и показывает свою релевантность для различных режимов (Schedler, 2002). В контексте России, символическая политика позволяет объяснить, почему формальная активность в сфере экологического законотворчества может не приводить к системным изменениям, а скорее служить для управления общественным мнением и демонстрации легитимности власти.

2. Медиазависимость законотворчества

Современные исследования подчеркивают возрастающее влияние медиа на законодательный процесс. Понятие медиаповестки (agenda-setting theory: McCombs & Shaw, 1972) и его производные, такие как фрейминг и прайминг, позволяют объяснить, почему законодательные инициативы концентрируются на темах, активно освещаемых в СМИ (Walgrave & Van Aelst, 2006; Boydstun, 2013). Российские исследования, в частности Трубиной (2020), подчеркивают специфику: в условиях контролируемой информационной среды медийные сигналы могут служить индикатором разрешённых границ обсуждения. Это означает, что медиаповестка в России может быть не столько отражением, сколько инструментом формирования допустимого поля для публичной дискуссии.

Ожидаемые результаты и гипотезы

Основная гипотеза заключается в том, что резкие пики в медийном внимании и общественной обеспокоенности стимулируют преимущественно символические законодательные инициативы – быстрые, декларативные, но редко принимаемые или реализуемые. Напротив, проблемно-ориентированные инициативы требуют политической воли и устойчивого институционального давления, что в условиях авторитарного режима происходит крайне редко. Мы ожидаем, что в российской политической системе, в отличие от либеральных демократий, медийный резонанс чаще приводит к имитации реакции, нежели к глубоким структурным изменениям.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01345, https://rscf.ru/project/24-28-01345/, в Пермском государственном национальном исследовательском университете.

Лопатин А.С.
(Ростов-на-Дону, ЮФУ)

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Сегодня весь цивилизованный мир характеризуется глобальной взаимозависимостью, где за последние десять лет именно цифровые технологии стали мощнейшим двигателем прогресса. Успех в этом направлении только усиливает желание стран и в дальнейшем внедрять самые качественные технологические решения. Но у этого есть и другая сторона – обостряется уязвимость информационной безопасности государств. Перед каждым государством, которое претендует на мировое господство, особо остро стает вопрос о защите своего цифрового суверенитета.

Данная тема широко известна как в отечественных, так и в зарубежных кругах. Среди отечественных исследователей можно выделить В.В. Бухарина, М.М. Кучерявого и Д. В. Винника.

В своем исследовании В.В. Бухарин выделяет главные компоненты информационного суверенитета России, которые формируют её национальную безопасность. В свою очередь, М.М. Кучерявый рассматривает информационный суверенитет как верховенство и независимость государственной власти в реализации информационной политики. Д. В. Винник анализирует цифровой суверенитет через призму политических и правовых режимов.

Что касается зарубежных исследователей, то можно выделить Франческа Мусиани и Марк Лемли. В своих работах Франческа Мусиани предлагает рассматривать цифровой суверенитет не как абстрактную идею, а как локальную и контролируемую цифровую экосистему. А Марк Лемли развивает понятие «Splinternet», обозначая феномен фрагментации Интернета: когда различные юрисдикции отгораживаются своими техническими и правовыми «стенами», создавая отдельные цифровые вселенные.

Само понятие «цифровой суверенитет» включает в себя способность и возможность государства самостоятельно осуществлять управление своей информационной системой и мерами кибербезопасности без вмешательства из вне. (Володенко, 2020). То есть, если

мы говорим про суверенное цифровое государство, то это означает, что оно действует только в своих интересах и защищает только свои интересы.

Также важно констатировать, что достижение абсолютного цифрового суверенитета является невозможно задачей. Все страны так или иначе взаимодействуют друг с другом, и находятся во взаимозависимости. Нет страны, которая существует в вакууме, полностью изолируясь от остальных. Таким образом, понятие «цифровой суверенитет» допускает, что абсолютной независимости от всех добиться невозможно.

Достижение цифрового суверенитета – важнейшая задача для всех ведущих государств. И Российская Федерация, как один из ведущих акторов мировой политики, выстраивает свой путь к этому.

Введение санкций со стороны западных стран и США доказывает важность цифрового суверенитета. Систематические санкционные ограничения в сфере программного обеспечения и платежных систем просто не оставляют иного выхода, кроме как создавать свои отечественные решения. Именно поэтому Российская Федерация сконцентрирована на том, чтобы максимально эффективно и быстро проводить политику цифровизации, учитывая при этом экономический и политический контекст (Кефели и Мальмберг, 2019).

На данный момент работа ведётся на следующих направлениях:

1) Национальная безопасность
2) Экономическая стабильность
3) Безопасность цифровых данных
4) Государственное управление
5) Технологический потенциал

Важно заметить, что стратегия цифрового суверенитета носит защитный характер. На сегодняшний день все ещё присутствует определённая зависимость от иностранного программного обеспечения и технологий в целом. Все это ограничивает наши возможности, но уже разрабатываются отечественные альтернативы, которые призваны решить эту проблему.

И у этого уже есть свои результаты. В качестве мер по достижению цифрового суверенитета уже создана соответствующая законодательная база, запущена национальная платёжная система «Мир», создан магазин российских приложений «RuStore», построена целая сеть центров обработки данных от «Ростелекома», разработан отечественный антивирус «Касперский», запущено производство российских процессоров «Байкал» и «Эльбрус» (Авдийский, 2024).

Как итог мы видим, что Россия демонстрирует серьёзные намерения в достижении цифрового суверенитета. Предпринимается целый ряд стратегических решений, которые имеют определённый успех. Конечно, впереди еще много работы, но положительный результат однозначно есть. Тем более, что Российская Федерация добивается успеха, даже находясь под рекордным количеством санкций.

Есть все основания полагать, что Россия и в дальнейшем продолжит наращивать свой цифровой суверенитет, ведь в современном информационном мире это уже давно стало необходимостью.

Лункин Р.Н.
(Москва, Институт Европы РАН)

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СТАНОВЛЕНИИ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Религиозные организации за последние полвека значительно переосмыслили свою роль в общественной жизни, а также подтвердили прежнюю неоднозначную позицию в рамках различных этноконфессиональных конфликтов в мире. Логичным следствием развития этой новой фазы религиозной экспансии после некоторого отступления в XX веке стало превращение больших церквей и иных институтов в полноценных акторов на международной арене.

Помогает превращению религии в одни из элементов глобальной политики кризис ценностей, который всегда сопутствует экономическим трансформациям и изменению политического порядка. Новые идеологические размежевания формируются в контексте промышленной революции, эрозии государства всеобщего благосостояния и разочарования в прежнем либерально-демократическом порядке, вернее, в его неолиберальной интерпретации. Религиозные сообщества и их лидеры востребованы как носители знаний о высших незыблемых истинах, о смысле жизни и бытия, о вдохновляющих духовных мотивациях.

Не стоит думать, что мир религиозных объединений остается неизменным и статичным перед лицом меняющегося мира. Во-первых, в значительной степени сами религиозные организации стали ареной борьбы различных идеологий традиционалистского и неолиберального толка. Во-вторых, произошли кардинальные изменения в структуре социально-политической деятельности религиозных организаций и в их миссионерской коммуникации с миром. Они стали более мобильны, произошла цифровизация их служения во всех областях, духовные сообщества стали частью большого смешанного мира сетевых сообществ и неправительственных организаций из сферы третьего сектора.

В-третьих, вслед за мировой политической структурой произошла плюрализация и диверсификация на религиозной арене. Если ранее Ватикан был практически единственным субъектом международной политики, представленном на глобальных площадках, то теперь схожую со Святым Престолом роль субъекта, а не просто символа в риторике политиков, исполняют Константинопольский и Московский патриархаты, исламские организации, Далай-Лама, объединения раввинов, к примеру, в Европе. Для больших и разнородных образований характерно своеобразное «перетягивание каната», поскольку, например, в Католической церкви или в исламских организациях присутствуют как консерваторы, так и те, кто склонны к неолиберальной глобалистской трактовке норм морали и политики. Константинопольский патриархат при патриархе Варфоломее занял более или менее однозначную позицию в пользу модернизма и инноваций. Русская православная церковь защищает консервативные библейские ценности вместе с евангелистами фундаменталистского толка. Вместе с тем традиционно Русская церковь не столь активна на международной арене, а внутри нее также есть как консерваторы, так и неолибералы.

Воздействие религиозных организаций на переформатирование норм и ценностей мирового порядка связано, прежде всего, с переосмыслением того, что такое традиционные ценности, со стремлением сохранить самые лучшие и эффективные элементы неолиберальной системы в рамках нового баланса прав и свобод человека.

Лю Шии
(Нижний Новгород, ННГУ)

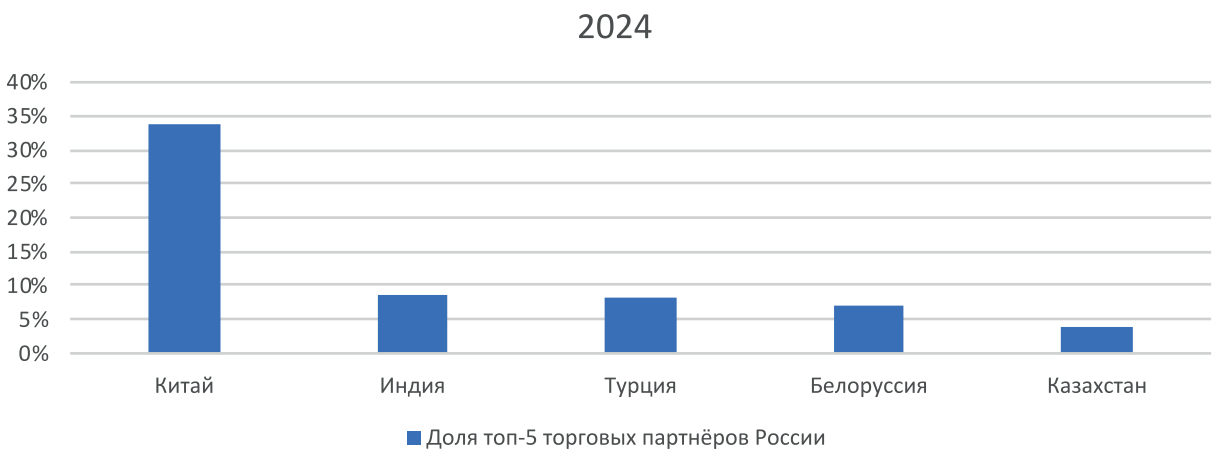
КОНФЛИКТ ВОКРУГ ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ: ПОЗИЦИЯ РОССИИ

Работа посвящена исследованию динамики стратегической позиции России в контексте споров в Южно-Китайском море (ЮКМ). Анализируются будущие тенденции акватории ЮКМ и возможные меры России на фоне улучшения отношений сотрудничества между Россией, Китаем и АСЕАН.

Согласно китайским и российским документальным источникам, в советский период СССР занимал разные позиции по территориальным спорам в Южно-Китайском море по сравнению с современной позицией России. После Второй мировой войны Советский Союз проводил дифференцированную политику в зависимости от этапа двусторонних отношений с восточными странами. В рамках советско-китайского стратегического партнёрства (1950-е – начало 1960-х годов) Советский Союз занимал позицию поддержки территориальных претензий Китая в спорных акваториях Южно-Китайского моря. В период советской помощи Вьетнаму (на рубеже 1960-1970-х годов) Советский Союз занял провьетнамскую позицию. Однако с начала XXI века в рамках экономической глобализации Москва определяет Китай и страны-члены АСЕАН в качестве приоритетных направлений международного сотрудничества и переходит к осторожной нейтральной политике. До сих пор Россия последовательно придерживается принципа нейтралитета.

Однако с торгово-экономической точки зрения, на фоне санкционных ограничений и стратегического давления со стороны США, перед Россией стоит задача интенсифицировать взаимодействие с альтернативными экономическими партнёрами. Согласно данным Федеральной таможенной службы РФ, Китай занимает ведущее место в рейтинге торговых партнёров России с момента инициирования специальной военной операции в феврале 2022 года. В тот же период российско-вьетнамское торгово-экономическое сотрудничество также демонстрирует положительную динамику, однако объём двусторонней торговли остаётся существенно ниже показателей российско-китайского товарооборота. Параллельно отмечается усиление влияния США в акватории Южно-Китайского моря, что уже спровоцировало протест со стороны Китая.

В таких условиях Китай для России может стать ключевым фактором балансирования американского влияния и снижения зависимости от западных рынков. Таким образом, Россия может применять тактику сдержанности, максимально дистанцируясь от дел Южно-Китайского моря, которые Китай рассматривает как ядро своих суверенных интересов. Особую осторожность следует проявлять в отношении проектов энергетической разведки, реализуемых в данной акватории. Соответственно, Россия может дополнительно сместить акцент двустороннего сотрудничества в сферу сухопутной торговли и взаимосвязанности. Одновременно, учитывая растущую значимость АСЕАН в международной системе, России также следует активизировать многостороннее сотрудничество с государствами-членами Ассоциации в экономической и политической сферах, сохраняя, тем самым, долгосрочную дипломатическую манёвренность в Азиатско-Тихоокеанском регионе.



(Источник данных: Федеральная таможенная служба РФ)

Любина Д.Е., Саблина М.А.
(Санкт-Петербург, СПбПУ)

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИИ В НОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Центральная Азия сохраняет статус ключевого региона для обеспечения национальной безопасности и реализации внешнеполитических интересов России. Исторические, политические и экономические связи, унаследованные от советского периода, формируют прочную основу для взаимодействия. Однако современная реальность требует от России перехода от модели отношений «старшего брата» к стратегии равноправного партнерства, основанной на прагматизме и взаимной выгоде. Такой подход соответствует устремлениям молодых суверенных государств региона

и закреплен в Концепции внешней политики РФ 2023 года, которая акцентирует формирование Большого Евразийского партнерства.

Геополитическое значение Центральной Азии многогранно. Регион является центральным элементом российской концепции «Большой Евразии», выступая логистическим хабом для сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с китайской инициативой «Пояс и путь». Членство Казахстана и Кыргызстана в ЕАЭС и ОДКБ, статус Узбекистана как наблюдателя в ЕАЭС, а также участие всех стран региона в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) создают сложную систему многосторонних форматов. Эта система жизненно важна для продвижения российских интересов и обеспечения стабильности на южных границах.

Анализ потенциала Центральной Азии выявляет ряд ее сильных и слабых сторон. К первым относятся уверенный демографический рост, что создает обширный потенциальный рынок сбыта, устойчивое экономическое развитие благодаря лидерам – Казахстану и Узбекистану, а также приток внешних инвестиций. Слабые стороны, как мы отмечали в своей работе «Центральная Азия в контексте российских внешнеполитических интересов» (2024), включают острые экологические и водные проблемы, низкую численность населения в Таджикистане, Кыргызстане и Туркменистане, наличие территориальных и межэтнических конфликтов, а также высокий уровень эмиграции, что создает нестабильность региональной подсистемы.

Страны Центральной Азии, в особенности Казахстан и Узбекистан, последовательно проводят многовекторную внешнюю политику, которая стала ответом на вызовы глобализации и географической замкнутости. Данная стратегия, сформировавшаяся с момента обретения независимости, основана на принципах равноудаленности, экономической целесообразности и стратегической гибкости. Ее практическая реализация создает новую конфигурацию сил в регионе, что требует от России адаптации своих внешнеполитических подходов.

Многовекторность проявляется в трех ключевых сферах: экономике, транспортной логистике и «мягкой силе».

В гуманитарной сфере традиционное влияние России сталкивается с растущей конкуренцией. Наряду с сохранением роли русского языка, страны ЦА активно развивают образовательные программы с западными и азиатскими партнерами (например, программа «Болашак» в Казахстане, создание узбекско-французского университета), что диверсифицирует культурные и образовательные связи молодежи.

Для России эти тенденции означают необходимость перехода от политики, опирающейся на историческое наследие, к конкуренции на основе предложения качественных и инновационных решений. Перспективными могут стать форматы технологического партнерства в высокотехнологичных отраслях (космос, IT, зеленая энергетика), развитие трилатеральных проектов (например, с участием Турции) и инвестиции в современные медиапроекты на местных языках. Особую актуальность приобретает развитие многосторонней кооперации в формате «Россия – Китай – ЦА», где российские разработки могут сочетаться с китайским финансированием и производственными мощностями стран региона.

Перед Россией открываются как возможности, так и угрозы. К возможностям относится развитие многоформатного сотрудничества в рамках ЕАЭС, использование двусторонних механизмов взаимодействия, а также усиление влияния через совершенствование миграционной политики и развитие гуманитарных связей. Главными угрозами остаются острое соперничество в регионе других глобальных акторов, прежде всего, нарастающая экономическая экспансия Китая.

Таким образом, присутствие России в Центральной Азии остается безусловным внешнеполитическим приоритетом. Успех будет определяться способностью предло-

жить регионам конкурентоспособные решения в сферах экономики, безопасности и «мягкой силы», действуя в логике равноправного стратегического партнерства в общеевразийском контексте.

Таким образом, Центральная Азия, скорее всего, сохранит многовекторную модель с растущим акцентом на экономическую целесообразность. Успех России в регионе будет определяться не административными рычагами, а способностью быть конкурентоспособным, технологичным и равноправным партнером, предлагающим взаимовыгодные проекты в рамках общеевразийского сотрудничества.

Люблинский В.В.
(Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА

В современном мире для успешного решения экономических, социально-политических, равно как и международных проблем необходимо два условия:

1) эффективная политика, основанная на балансе интересов политических акторов, представляющих многообразные интересы больших социальных групп населения; 2) высокий уровень доверия (социального капитала) между акторами, властью и обществом, если речь идет о внутренних проблемах, и между странами-партнерами, если проблемы, конфликты и кризисы международные. При этом следует учитывать то, что любые политические решения, так или иначе, отражаются на положении граждан – где непосредственно, напрямую, а где опосредованно и далеко не сразу.

В связи с этим возникает вопрос: какая модель политических отношений в современных условиях больше соответствует задачам результативной политики. Чисто иерархическая модель, безраздельно господствовавшая в мире с момента возникновения цивилизации и основанная на жесткой вертикали власти, уже давно исчерпала себя. Она базировалась на господстве высших социально-политических уровней иерархии, сословном характере устройства общества и абсолютном подчинении нижестоящих групп, равно как необразованности и религиозности подавляющего большинства населения.

Иерархии – базовый элемент политико-экономической системы, продукт социальной структуры, проявление социально-политического неравенства в самой высокой степени. Со своей стороны, политическая иерархия может оказывать мощное влияние на динамику социальной структуры и развитие общества, сохраняя и даже усиливая иерархичность и неравенство в случае, если нет противовеса. Степень иерархизации политической системы определяет характер политики, социальные и политические предпочтения, во многом диктуемые интересами господствующих групп. Умеренная иерархизация – в определенной мере выравнивает политические отношения и политику в социальном плане. В этом случае она может в большей степени отвечать интересам социума.

Постепенно в ходе научно-технического и социального прогресса, роста науки и образования ситуация принципиально изменилась. В современном мире общество настолько усложнилось и осознало свои интересы, что требует участия своих представителей в выработке и реализации политики. И это относится к политике во всех ее проявлениях – как в целом, при формировании политической стратегии, так и в

различных направлениях политической активности. Иными словами, современная политика – по сути, коллективное творчество, когда власти, государство просто не могут не согласовывать политические решения с обществом.

Однако чисто сетевая модель политических отношений при всем том, что она вроде бы внешне выглядит наиболее демократичной, допуская возможность участия в политических отношениях и формировании политики для всех граждан, в реальности просто невозможна в силу своей утопичности. В то же время сети отношений формируются спонтанно, они не структурированы как элемент политической системы, но формируются постоянно в связи с необходимостью решать проблемы развития общества. Возможна лишь пассивная роль граждан в политике, как это имеет место сейчас, – голосование на выборах властей различного уровня. Активная же роль требует от граждан участия в жесткой политической конкуренции, но весьма незначительная их часть готова и способна к этому.

Поэтому наиболее перспективна *смешанная модель* политических отношений, которая предполагает иерархию (государство) с участием сетевых сообществ. Такая модель выглядит равновесной и устойчивой, с одной стороны, и более демократичной – с другой.

Процесс формирования политики от граждан начинается в рамках малых сетевых сообществ. В дальнейшем постепенно происходит формирование консолидированной политической позиции по тем или иным вопросам, когда она продвигается на локальный, региональный и федеральный уровни. Это можно назвать сетевой логикой политики, ибо она проходит через различные сети отношений, в том числе охватывая всех заинтересованных и политически активных граждан и в итоге общество в целом.

Наконец, важнейший фактор политических отношений – уровень доверия (социального капитала). Проблема в том, что многие государства на данном этапе развития переживают падение уровня доверия в отношениях между гражданами, между властями и обществом, между акторами политики. Это обусловлено проводимой элитами стран Запада политикой, нацеленной на конфронтацию с Россией, милитаризацию, рост военных расходов, сворачивание социального государства. В этом плане российское общество, несмотря на серьезные внешние вызовы и внутренние проблемы, с которыми оно столкнулось, демонстрирует достаточно высокий уровень консолидации и доверия.

Лядова Е.В.
(Москва, ГУУ)

МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Культурная политика стала ключевым инструментом консолидации общества вокруг базовых ценностей и формирования «образа мы» в противовес «образу другого». Процессы, связанные с поиском национальной идентичности, переосмыслением исторического пути и легитимацией текущего политического курса, активно проецируются в культурное поле. Поэтому анализ того, как именно государство через механизмы культурной политики (гранты, фестивали, мемориальные проекты, образовательные стандарты) пытается воздействовать на коллективное сознание, яв-

ляется крайне востребованным для понимания вектора развития российского общества и государства.

Сложность анализа культурной политики заключается в широком спектре социально-политических отношений, которые подвержены её влиянию. Поэтому культура представляет собой сложную самоорганизующуюся динамическую общественную подсистему. Если говорить о политическом аспекте, то в широком смысле культура становится основанием для политического поведения и ролевых общественных моделей социума. Культура как часть «политического» формирует представления о социальной справедливости и является консолидирующим фактором объединения нации и гражданского общества.

Методологическую основу исследования составляет синтез междисциплинарных подходов: конструкционистский подход раскрывает культурную политику как инструмент конструирования социально-политической реальности и коллективных идентичностей; институциональный анализ фокусируется на роли государственных и окологосударственных институтов как ключевых акторов реализации политики; дискурс-анализ выявляет риторические стратегии и смысловое поле официального нарратива; а аксиологический подход позволяет анализировать систему продвигаемых ценностей (патриотизм, традиционализм, суверенитет) и механизмы их интеграции в массовое сознание.

Механизмы культурной политики интегрированы в структуру политического сознания через несколько ключевых каналов, формируя систему ценностей, идентичностей и представлений о власти:

Легитимация через исторический нарратив. Этот нарратив, построенный на идее преемственности, величия и внешних угроз, встраивается в индивидуальное и коллективное сознание, обеспечивая легитимность текущего политического курса. Прошлое становится ресурсом для обоснования настоящего, а патриотизм – эмоциональной основой лояльности.

Конструирование идентичности. Механизмы грантовой поддержки, культурных форумов и национальных проектов целенаправленно поощряют проекты, продвигающие идеи гражданской солидарности, «традиционных ценностей» и державного суверенитета.

Язык и дискурс как инструмент власти. Официальный дискурс, транслируемый через СМИ и речи политиков, создает семантическое поле, в котором существуют допустимые смыслы

Эмоциональное управление и модели политического поведения. Массовые мероприятия (парады, концерты, фестивали) работают как мощные инструменты создания аффективной общности.

Указ Президента РФ № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» является ключевым стратегическим документом, который прямо формулирует задачи по целенаправленному воздействию на политическое сознание граждан. Его главная цель – формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление патриотизма через консолидацию общества вокруг системы традиционных духовно-нравственных ценностей. Ключевыми индикаторами эффективности выступают рост уровня патриотизма, усиление гордости за страну, признание традиционных ценностей как основы общественной жизни и укрепление доверия к институтам власти. Однако его реализация стала довольно противоречивой, так как сокращается диалог между властью и обществом посредством транслирования официального государственного нарратива, что сужает пространство для развития критического политического сознания и автономии гражданского общества.

Ляховенко О.И.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, ГАУГН)

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ КАК ФАКТОРЫ ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Образ будущего России фрагментирован среди разных страт и социальных групп, в том числе внутри молодежной среды (рамки которой, в свою очередь, также существенно варьируются и включают, в соответствии с разными критериями, людей до 18, 24, 28 или 35 лет). Более того, именно полифоничность и отсутствие единого образа будущего является отличительной чертой ментальных представлений российской молодежи. Вместе с тем, в структуре восприятия образа будущего выделяются доминанты, связанные с восприятием качества жизни (понимаемого как общее материальное, а также нематериальное благополучие) и политической устойчивости государства (особый запрос на сильное, эффективное и безопасное государство, успешно выполняющее ключевые функции, но не занимающееся гиперопекой граждан).

Запрос на высокое качество жизни и потребительское благополучие следует считать устойчивой характеристикой образа будущего среди российской молодежи. Рассуждая в терминах социального управления и социальной архитектуры, следует отметить низкую востребованность «антипотребительских» ценностей и соответствующих идеологий (они не могут стать фундаментом и скрепой для социального единства и стабильности, напротив, активизируют и усиливают социальную враждебность). Запрос на качество жизни не противоречит, а дополняет и усиливает запрос на политический суверенитет и государственно-политическую устойчивость, которые рассматриваются как аксиоматическое условие для обеспечения надлежащего качества жизни.

Вопросы изучения установок молодежи, связанных с обеспечением качества жизни, заслуживают дальнейшего углубленного исследования, поскольку традиционная палитра «лево»-«правых» конфликтов в современной России не исчерпана. Ряд социально-молодежных групп рассматривает эту проблематику через «левую» (антиолигархическую или даже антикапиталистическую) призму, актуализируя вопросы социального неравенства (и необходимости его преодоления). Географический и этнический факторы при этом вносят свой вклад в осознание рисков эскалации соответствующих конфликтов. Вместе с тем, получают развитие и переосмысление «правые» ориентации на «разумное» и «эффективное» государство, дополняющее рынок и гарантирующее потребительское благополучие.

Соответственно, полифония идейного многообразия и различных образов будущего проявляется в особой форме запроса на политическую устойчивость. Радикальные позиции (как «левого», так и «правого» толка) воспринимаются маргинальными в зависимости от актуального статуса качества жизни исследуемой группы: чем ниже качество жизни, тем выше запрос на «кардинальное переустройство» системы социальных отношений. «Революционность» присуща социально-молодежным стратам в той мере, в какой они рассчитывают повысить качество собственной жизни благодаря подобного рода «крайним» практикам и воззрениям. При этом выявлены отчетливые различия между декларативный аспектом, с одной стороны, и проективным и поведенческим аспектом молодежи, с другой («социально одобряемой» звучит радикальная и антипотребительская риторика, которая, однако, не подтверждается глубинными проективными исследованиями и реальным поведением и соответствующими запро-

сами). Напротив, политическая устойчивость (в сочетании с эффективным и «умеренным» государством) и отсутствие внутренних потрясений оцениваются как реальная составляющая желаемого образа будущего для основных социально-молодежных страт.

Тезисы доклада подготовлены в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2025-0026, «Образы Будущего России в сознании российской молодежи: герои, артефакты массовой культуры, социальные установки и личные предпочтения»).

Мажников В.И.
(Москва, Университет Синергия)

К МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

В научном сообществе современной России уже достаточно давно ведутся острые дискуссии об особенностях российской политической традиции, оказывающие существенное влияние на нынешнее развитие страны. Начиная с 90х гг. ведутся споры о том, какое политическое наследие стоит использовать, а от какого следует отказаться, какие традиции являются опорой в политическом развитии страны, а какие, наоборот, выступают препятствием.

Политические традиции, формируясь в ходе исторического процесса, являются важным элементом культуры. Будучи фактором политической преемственности между поколениями, традиции могут быть как опорой, так и тормозом политического развития. Ошибки в политике часто есть результат игнорирования политических традиций, незнания их. И, наоборот, догматическое следование отжившим традициям может привести развитие страны к тупику.

Для этого необходимо исследовать как сами политические традиции, их сущность и функционирование в поле политики, так и конкретные их проявления в России. Только выявив конкретные российские политические традиции, можно снизить их негативное влияние или использовать их созидательные возможности в ходе переустройства общества. Типы, формы проявления и функционирования политических традиций, их двойственная роль недостаточно изучены.

В западной историографии и политической науке, начиная еще с начала XX века сложился устойчивый подход, трактующий российскую политическую традицию как чуждую европейской. В работах К. Маркса, К. Виттфогеля, Т. Самуэли и других западных ученых доказывалась азиатская (восточная) природа российской политической традиции. Если домонгольский период российской истории еще в какой-то степени рассматривается эти учеными как часть европейской истории, то после монгольского завоевания зависимость от новой власти, которая использовала восточные способы управления привела к формированию устойчивой модели азиатского деспотического государства. Этим подходом объясняется – почему в сложные и ответственные периоды реформ и революций в российском обществе неизменно побеждает деспотическая традиция.

Самостоятельным подходом в понимании российской политической традиции следует считать цивилизационную концепцию А. Тойнби. Он доказывал, что истоки по-

литической традиции в России связаны с византийским культурным влиянием, где определяющую роль сыграла православная религия. Для Тойнби Россия существует как самостоятельная православно-христианская восточная цивилизация. Она также, как и западная родилась из общей единой средиземноморской (эллинской) цивилизации, но в процессе своего развития российская цивилизация получила христианство от Византии в форме ортодоксального православия. Западная цивилизация восприняла христианство непосредственно от римской церкви в его западной (католической) форме. Таким образом, с точки зрения А. Тойнби западная и российская цивилизации имеют общие корни своего возникновения, однако затем, в результате особенностей своего исторического и культурного развития возникает раскол между западной католической и восточной православно-христианской цивилизациями, породив в результате различные политические традиции.

Существуют и другие походы в западном научном сообществе трактовки особенностей формирования и развития российской политической традиции. В частности, историческая концепция Р. Пайпса, в которой доказывается, что сформировавшаяся в период становления Московского государства «патримониальная» система политического строя стала преобладающей затем на всем протяжении русской истории.

В советской историографии русскую политическую традицию скорее трактовали как часть европейской с обязательным указанием на специфику ее формирования и развития. Во многом это определялось идеологическими требованиями следования марксистскому учению, которое имело европейское происхождение.

Споры о российской политической традиции продолжились и в постсоветский период. Эти дискуссии сводились к тому, что у России должна быть непременно какая-то одна политическая традиция, или европейская или восточная. На самом деле на всем протяжении российской политической истории, и это доказывается многими историческими фактами, сосуществуют, периодически вступая в противоречия и конфликт, элементы обеих традиций. Это можно рассматривать как своеобразный симбиоз и европейских и восточно-авторитарных традиций. И в истории древней Руси, и в период Московского государства, и в последующие периоды исторического развития страны сосуществовали в одно и то же время и элементы восточно-авторитарной и европейской традиции. Другое дело, что чаще всего побеждала в конфликте двух частей российской политической традиции последняя.

Макарова Е.А.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ДИЗАЙН ЭТИЧНОГО ЛОББИЗМА: УРОКИ ИЗРАИЛЬСКИХ АДВОКАЦИОННЫХ КОАЛИЦИЙ ДЛЯ АРХИТЕКТУРЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНТЕРЕСОВ

Современный политический лоббизм нуждается в концептуальном переосмыслении: от морализаторских дебатов о «хорошем» и «плохом» влиянии к дизайн-мышлению в проектировании институтов представительства интересов. Израильский опыт адвокационных коалиций демонстрирует возможность создания устойчивой и легитимной инфраструктуры влияния через заблаговременное встраивание этических и процедурных гарантий в организационную архитектуру.

Произраильские организации в США и регуляторные практики в самом Израиле предлагают пять ключевых дизайн-принципов, переносимых в иные институциональные контексты. Прозрачность по дизайну, в свою очередь, предполагает создание цифровых реестров встреч, аргументов и источников финансирования как встроенного элемента работы, а не внешнего обременения. Израильские коалиции систематически публикуют позиционные документы, календари встреч с законодателями и детализированные отчеты о расходах, превращая отчетность из регуляторного требования в конкурентное преимущество и источник общественного доверия.

Распределенное членство обеспечивает горизонтальную легитимность через сеть локальных глав и специализированных подкоалиций. Модель Американо-израильского комитета по общественным связям (англ. *American Israel Public Affairs Committee, AIPAC*) включает в себя свыше 100 региональных отделений, студенческие организации и профессиональные сети, создавая эффект «корней в избирательных округах» при сохранении централизованной стратегической координации и единообразия месседжинга. Эпистемическая авторитетность достигается тесной интеграцией с академическими центрами, исследовательскими институтами и экспертными панелями. Такие мозговые центры, как «Washington Institute for Near East Policy» и «Institute for National Security Studies» производят эмпирические исследования и аналитические материалы, которые становятся доказательной основой для политического позиционирования коалиций, обеспечивая переход от эмоциональной аргументации к фактологической. Этичная коммуникация включает детализированные кодексы взаимодействия с государственными служащими и медиа, строгие ограничения на подарки и развлечения, прозрачные процедуры разрешения конфликтов интересов. Израильское Управление государственными компаниями устанавливает обязательные стандарты лоббистской деятельности, включая периоды охлаждения (англ. *cooling-off*) для бывших чиновников и публичное декларирование всех значимых связей. Кризисная мобилизация предусматривает заранее отработанные механизмы быстрой сборки широких коалиций в ответ на внешние вызовы при строгом соблюдении процедурных рамок и избежание популистской риторики или атак, апеллирующих к личности (анг. *ad hominem attack*).

На основе выявленных принципов предлагаются два практических прототипа для российского контекста. Публичный трекер влияния представляет собой открытую цифровую платформу для документирования лоббистской активности с возможностями структурированного поиска по организациям, тематическим направлениям, законопроектам и временным периодам. Модель данных включает участников встреч, обсуждаемые вопросы, позиционные документы, источники финансирования, связанные НКО и экспертные центры. Верификация информации осуществляется через перекрестные ссылки на открытые источники и систему добровольной сертификации участников с публичными рейтингами достоверности.

Кодекс этического взаимодействия для НКО и аналитических центров устанавливает профессиональные стандарты поведения: обязательное декларирование источников финансирования в исследовательских материалах, cooling-off периоды для экспертов, переходящих в государственные структуры, прозрачные процедуры разрешения конфликтов интересов, требования к фактчекингу и независимой верификации эмпирических данных. Кодекс дополняется системой добровольной профессиональной аккредитации и публичного рейтингования организаций по критериям транспарентности и научной строгости.

Дизайн-подход к институтам лоббизма позволяет перейти от реактивного «ex post» регулирования к проактивному «ex ante» проектированию систем взаимодействия, где этические нормы и процедурные гарантии встроены в саму архитектуру представи-

тельства интересов. Израильский опыт убедительно демонстрирует совместимость высокоэффективного политического влияния с процедурной прозрачностью, общественной подотчетностью и соблюдением демократических норм. Предложенные институциональные прототипы создают эмпирическую основу для сравнительного исследования различных организационных решений и формирования доказательной базы для будущих политических реформ в сфере регулирования представительства интересов.

Маковский А.А.
(Псков, ПсковГУ)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ЛОЖНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В отечественной и зарубежной научной литературе фиксируется актуализация проблемы фальсификации исторических фактов на постсоветском пространстве в контексте формирования национальной идентичности. Характерным примером служит политика исторической памяти в странах Прибалтики, в рамках которой национальные элиты конструируют образ СССР исключительно как государства-оккупанта, нивелируя аспекты партнёрского взаимодействия и вхождение в его состав как результат добровольного выбора. Игнорируется значительный вклад советской социально-экономической и культурной системы в развитие этих стран. Схожие механизмы искажения фактов наблюдаются в сфере религиозной идентичности, в особенности в деятельности сект и радикальных религиозных организаций. В этом контексте исследователи отмечают тенденцию к произвольной и спекулятивной интерпретации религиозных текстов, направленной на легитимацию интересов и авторитета лжерелигиозных лидеров.

В связи с этим возникает исследовательский вопрос о достоверности идентичности, формируемой на основе искажённого исторического восприятия, вольной, меркантильной интерпретации религиозных текстов и норм. Этот вопрос поднимается в данной работе и направлен на создание научной дискуссии.

Мы отмечаем актуальность введения в научный оборот термина «ложная идентичность» и его дальнейшего использования. Полагаем, что она представляет собой социополитический конструкт, основанный на искажении исторических фактов, исторической памяти, трансформации религиозных норм, произвольной интерпретации религиозных текстов, что приводит к формированию специфичных моделей коллективного и индивидуального самосознания.

С точки зрения систем идентичности индивидов представляется, что ложная идентичность – это часть гибридной идентичности. Исходя из концепции Ю. Г. Волкова и В. И. Курбатова, гибридная идентичность представляет собой явление, при котором человек чувствует принадлежность к двум или более культурным пространствам. Это происходит за счёт смешения традиций, верований, культурных обычаев, языков и социальных практик. По своей политической сути ложная идентичность выступает неким смещением, формируя дополнительные принадлежности к группам. При этом природа этих принадлежностей не естественная, а политически сконструированная на основе ложных, искажённых нарративов.

Также возможно рассмотреть ложную идентичность как политическую технологию. Считаем, что данная технология применяется для цивилизационного перехода инди-

видов, групп, народов. В частности, цивилизационный переход прибалтийских стран из советской идентичности в западную парадигму, практикующих верующих – из гражданской идентичности и российской цивилизации в радикальную и религиозную. Данная технология может представлять собой целенаправленно сконструированный комплекс дискурсивных, информационных и символических практик, направленных на трансформацию системы ценностей, исторической памяти и культурных кодов общества с целью перенаправления его самоидентификации из одной цивилизационной парадигмы в другую.

Кроме того, ложная идентичность может рассматриваться как технология радикализации. В данном ключе речь может идти о конструировании и навязывании искажённых моделей коллективного или индивидуального самосознания, основанных на заведомо ложной, искажённой интерпретации исторических фактов, религиозных норм и культурных традиций, с целью обострения межгрупповых конфликтов и мобилизации на экстремистскую деятельность. В этом контексте ложная идентичность служит инструментом упрощения картины мира «свой – чужой», оправдания насилия как легитимного средства достижения «справедливой» цели. Как, например, это происходило во время протестов в Республике Дагестан при захвате аэропорта в 2023 году: фейковая информация сформировала ложную стихийную идентичность.

Таким образом, в условиях постсоветского пространства актуализируется необходимость обсуждения и концептуализации феномена ложной идентичности, который может рассматриваться одновременно как составная часть гибридной идентичности народов, как политическая технология цивилизационной трансформации и как инструмент радикализации массового сознания. Понятие «ложная идентичность» позволяет интерпретировать данные процессы как целенаправленно сконструированные социокультурные и политические механизмы, ориентированные на осуществление символического контроля, политической мобилизации и идеологической манипуляции. Их содержательная основа формируется на базе искажённых исторических фактов, трансформации коллективной памяти, произвольной либо маргинальной интерпретации религиозных текстов и норм, что обеспечивает формирование искусственных моделей самосознания и ценностных ориентиров, выгодных определённым политическим и идеологическим акторам.

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации тема: «Традиционные ценности, герои, праздники в современном цифровом пространстве: медиа-образы как ресурсы укрепления гражданской идентичности и противодействия ложной идентичности») при поддержке Экспертного института социальных исследований.

Макушина Л.В.
(Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)

СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА В КОНТЕКСТЕ СЕТЕВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Цель социальной архитектуры – путем проектирования общественно значимых изменений, взаимодействия государства, бизнеса и общества улучшать в целом среду и качество жизни людей, отдельного человека с его потребностями и запросами. Социальная архитектура во многом основывается на опыте политических технологий,

расширяя их функционал. Новая управленческая логика предполагает рост функций политических технологий от краткосрочных задач к стратегически значимым проектам; активное вовлечение в них стейкхолдеров (государство, бизнес, сообщества, эксперты, граждане); постановку актуальных, обоснованных задач для достижения реальных улучшений; учет потребностей и запросов общества через соучастие граждан в социальном проектировании.

Социальная архитектура становится инструментом развития страны, регионов через практику сетевого взаимодействия власти, бизнеса и граждан. Сетевизация связана с распространением децентрализованных кооперированных сетевых структур – объединений людей или групп, в которых нет единого лидера, а функционирование определяется сложными взаимодействиями между ними. Сетевой характер современной политической коммуникации оказывает существенное влияние на формирование политической идентичности и механизмы принятия решений.

Сетевизация предполагает изменение структуры власти и управления, переход от традиционной иерархической системы к более гибкой, сетевой. Это может включать в себя децентрализацию власти, то есть передачу полномочий и ответственности на более низкие уровни управления, в том числе на уровень регионов и муниципалитетов; развитие горизонтальных связей, что означает установление прямых связей между различными властными структурами; развитие государственно-частного партнерства и привлечение частного сектора к реализации государственных проектов и программ; использование информационных технологий, таких как электронное правительство и онлайн-платформы для взаимодействия между гражданами и государством. Сетевые структуры могут способствовать развитию инноваций, обмену опытом и знаниями, что может привести к разработке новых и более эффективных решений социальных проблем, вовлечению граждан в их решение и повышению их социальной активности.

В целом, сетевизация государственного управления и социальной сферы представляет собой сложный и многогранный процесс, который может принести значительные преимущества, но также требует грамотного планирования и управления. Одна из проблемных зон – это необходимость обеспечить координацию и сотрудничество между различными участниками сетевого взаимодействия, что может осложняться рисками децентрализации. В свою очередь неконтролируемая децентрализация может привести к снижению качества социальных услуг. Следующая проблема – неравномерность развития сетевых структур, что чревато увеличением социального неравенства. Не менее важно, что сетевизация госуправления и социальной сферы требует обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных.

Примером сетевизации социальной политики может быть взаимодействие социальных партнеров (полномочных представителей общероссийских объединений профсоюзов, общероссийских объединений работодателей и Правительства Российской Федерации) в рамках Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. Так, в контексте социального проектирования в последнем Генеральном соглашении партнеров (2024-2026 гг.) вместе с традиционными вопросами, касающимися в основном уровня оплаты и условий труда, особое внимание уделяется проблемам создания достойных рабочих мест, обеспечения потребности экономики в квалифицированных кадрах, достижения полной и эффективной занятости, повышения социального благополучия граждан. При этом стороны обязуются содействовать, в числе прочего, достижению национальных целей развития Российской Федерации и решению задач по обеспечению национальной безопасности страны, формированию ее научного, технологического и продовольственного суверенитета.

Малашенкова А.А.
(Москва, МГИМО МИД России)

СОЗДАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КОАЛИЦИЙ ЛИДЕРАМИ-ПОПУЛИСТАМИ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Популизм остается характерным для Латинской Америки политическим явлением. Существует значительный пласт исследований, отражающий историю и современное состояние популизма в регионе. При этом большинство авторов сходятся во мнении, что исследование латиноамериканского популизма в первую очередь представляет собой анализ феномена популистского лидерства. Стоит отметить, что в современном понимании термин «популизм» стал входить в обиход только к 1950-м годам и был использован именно в отношении харизматичных латиноамериканских лидеров, среди которых особенно выделяются Хуан Перон в Аргентине и Жетулиу Варгас в Бразилии.

С тех пор, классические представления о популизме претерпели ряд изменений, однако продолжают сохраняться некоторые отличительные черты популистского лидерства, свойственного латиноамериканским странам. Так к характеристикам лидеров-популистов 21 века относится приверженность социально-экономическому типу популизма, с встречающимися случаями проявления черт культурного популизма (Жаир Болсонару, Эво Моралес). В большинстве случаев центральная для популизма идея противостояния народа и элиты у лидеров данного региона носит классовый характер, причем речь идет именно об экономических классах. Народ в такой классификации представлен не только гражданами государства в рамках установленных границ, но и людьми соответствующего экономического положения в соседних странах. Коррумпированная элита в глазах латиноамериканских популистских лидеров может включать как крупный бизнес, так и властную элиту или же крупные международные организации.

Другая характерная черта латиноамериканских политических лидеров вытекает из сложившегося в странах региона институционального дизайна. Президентские системы, сложившиеся в Латинской Америке, отличаются сочетанием институтов, противоречащим большинству классических представлений о системах данного типа. Так, многопартийность, с показателем эффективного числа партий значительно выше среднего, преобладание харизматичных лидеров-популистов и сильная зависимость партий и органов законодательной власти сочетаются с частыми случаями создания электоральных и правительственных коалиций. Вопрос о том, нужны ли коалиции в президентских системах, поднят в политической науке еще в начале 21 в. классиками С. Майнварингом, Х. Чейбубом и Ф. Лимонджи. Однако в контексте особенностей латиноамериканского президенциализма исследовательский интерес вызывает также зависимость между популизмом и потребностью в создании правительственных коалиций.

В данном докладе представлены результаты количественного анализа случаев создания коалиций лидерами-популистами и не популистами в странах Латинской Америки в 21 веке. Исследование призвано ответить на вопрос, нужны ли правительственные коалиции популистам и при каких условиях они создаются. В качестве зависимой переменной выступает факт создания правительственной коалиции в 12 странах региона (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Коста-Рика, Мексика, Парагвай, Перу, Чили, Эквадор, Уругвай). Независимыми переменными выступили наличие в системе лидера-популиста, степень фрагментации партийной системы, соревновательность партий, а также идеологическая дистанция между лидером и партиями, вошедшими в нижнюю па-

лату парламента. Результаты количественного исследования дополняются качественным анализом отдельных кейсов.

Малышева Е.М.
(Майкоп, АГУ)

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О РОЛИ СССР В ПОБЕДЕ НАД НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

80 лет назад закончилась самая жестокая и кровопролитная в истории человечества Великая Отечественная война. Победа над нацистской Германией и её европейскими союзниками (в войне против СССР принимали участие комбатанты 15-ти стран Европы) была достигнута беспрецедентно высокой ценой – 28 млн. человеческих жизней. Проблемы сохранения исторической памяти о роли СССР в разгроме нацистской Германии стали одной из базовых основ консолидации современного российского общества, о чём свидетельствуют социологические опросы. Победа была одержана благодаря государственной политике реализации идеологии интернационализма, дружбы народов и концепции национального единения советских народов.

Не случайно тема роли СССР в победе над нацистской Германией занимает приоритетное место в информационном противостоянии. В мощном потоке генерируемой на планете информации (только в первой четверти XXI в. её объём стал больше наработанного человечеством за 5 тыс. лет истории цивилизации) Россия – страна с независимой внешней и внутренней политикой, эффективно противостоящая попыткам внешнего давления, занимает далеко не последнее место. После целенаправленного развала СССР вплоть до возвращения Крыма, европейские интерпретации российской внутренней и внешней политики носили поощрительно-одобрительный.

Однако в условиях постсоветского транзита, особенно с избранием Президентом В.В. Путина, они трансформировались и приобрели решительно негативную коннотацию. Проанализировав примеры антироссийской и русофобской риторики представителей западного политического истеблишмента и международных организаций после начала СВО, ТАСС представило оценку МИД России, что сегодня всему связанному с Россией, объявлена тотальная война. В настоящее время наблюдается вызывающее протест стремление переписать историю и переставить акценты в оценке её ключевых событий, в первую очередь советской истории военного периода. Россия представляется как агрессивная страна, исторически стремящаяся расширять свои границы за счёт захвата чужих территорий. Кроме экономического давления, выразившегося с 2014 г. в 30-ти тыс. антироссийских санкций, большинство из которых, по данным РИА, приходится на США, Канаду и Швейцарию, против России развернулась и набирает обороты враждебная пропаганда.

В информационном противоборстве извращается веками складывавшийся имидж России и её взаимоотношение с другими странами. В информационной сфере находят отражение когнитивные процессы исторической памяти, научного осмысления прошлого через призму влияния современных общественно-политических процессов на международные отношения. Эта тематика нашла отражение в ряде Указов и постановлений государственных органов РФ, в том числе в «Стратегии национальной безопасности Рос-

сийской Федерации», принятой 2 июля 2021г. В Стратегии национальной безопасности США Китай и Россия обозначены как основные противники Америки, ценности которых противоположны интересам Америки. Основные направления темы «Роль СССР в победе над нацизмом» в школьных учебниках и СМИ европейских стран сформированы на антироссийской коннотации и направлены на подрыв современной государственной безопасности Российской Федерации.

Исторически образ России складывался во взаимодействии с другими странами, и представляет сложную многоуровневую систему восприятия, памяти, мышления и других когнитивных процессов. Геополитическое положение России, история становления государственности, её статус, богатые ресурсы, значение в современных международных отношениях, уникальная полиэтнонациональная культура, позволяют занимать лидерские места по целому ряду позиций. Не случайно особенно после начала СВО, в мире актуализировали интерес к её истории, и в первую очередь, к истории военного периода.

Наибольшему искажению подвергается роль СССР в Великой Отечественной войне, особенно освободительная миссия РККА в Европе. Подвергаются искажению и прямой фальсификации такие темы, как массовый подвижнический народный подвиг в тылу, советское движение Сопротивления (партизаны, подпольщики), патриотизм и героизм советских вооружённых сил – армии и флота на фронтах Великой Отечественной войны. В фокусе внимания антироссийских сил такой источник победы, как патриотизм, военное искусство советских командармов, которые обвиняются в неоправданных жертвах. В стремлении подорвать изнутри национальную безопасность современной России через общественное сознание в первую очередь, молодёжи, отдельную важную тему стала представлять политика памяти в контексте развернувшихся «войн памяти» на постсоветском пространстве. Искажение подлинных событий военного периода и формирование имиджа России как агрессора в сознании молодёжи Европы начинается со школьных учебников, транслируется через различные каналы европейских СМИ с применением различных информационно-коммуникативных технологий и искусственного интеллекта. Агрессивный Запад активно использует всевозможные информационные каналы воздействия на общественное сознание как европейских, так и российских граждан, в первую очередь, молодёжи. Память о подлинных событиях этого периода нуждается в защите. В этом контексте актуализируется задача воспитания гражданственности у современной российской молодёжи. Сохранение Памяти о Великой Отечественной войне является базой фундаментальной идеологической ориентации российского общества и фактором национальной безопасности современной России.

Малышева Г.А.
(Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)

ИЕРАРХИЯ ИНТЕРЕСОВ В ЦИФРОВЫХ СЕТЯХ И ЕЕ ПРОЕКЦИЯ НА СИСТЕМУ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В эпоху цифровизации и цифровой трансформации изменения затрагивают практически все стороны общественной жизни, включая систему политических отношений.

Цифровизация трансформирует политические отношения в обществе, изменяя состав их участников и перенося значительную часть взаимодействий в виртуально-сетевую

сферу. Традиционные формы политической конкуренции дополняются борьбой за доминирование в цифровой инфраструктуре и среде онлайновых коммуникаций, за преимущество в облачных технологиях, больших данных и индустрии искусственного интеллекта. Одновременно с этим видоизменяется и конфигурация интересов, отражающая динамическое противоборство между традиционными и цифровыми игроками общественно-политического пространства. Однако центральный вопрос политики – вопрос о власти – остается неизменным и в мире всеобъемлющих цифровых преобразований[114] .

Политическую жизнь цифрового общества отличают новые типы субъектности. Техносоциальная трансформация формирует отличные от классических группы и уровни акторов – от новых технологических элит до виртуальных сообществ в интернете. Некоторые признаки субъектности стали также приписываться и участникам онлайновых взаимодействий, имеющим искусственную природу, чья роль в цифровых коммуникациях масштабируется и приобретает все более автономный характер.

Следует отметить, что в некоторых концепциях цифрового общества иерархия высших и низших участников цифровых политических отношений рассматривается как отношения господства и подчинения между технологическим капиталом и массой пользователей цифровых сетей, безвозмездно отдающих ему продукты своего труда. С точки зрения этих теоретических конструкций участники политических отношений низшего звена полностью теряют свои субъектные качества и трактуются исключительно в качестве объектов политического воздействия. Власть капитала позволяет осуществлять как экономическое, так и идеологическое доминирование, поскольку алгоритмы цифросетевого пространства дают возможность не только управлять потребительским поведением пользователей, но и манипулировать их политическими взглядами и формировать их мировоззренческие ориентиры.

Реализации сетевого господства способствует фактор детерриторизации цифровой культуры. Онлайновые медиа создают новые контексты и формы социальной сплоченности, в результате чего купируется связь цифровой публичной сферы с определенной географической локацией и возникают внетерриториальные типы культурной идентичности[115]. Другим важным элементом, определяющим построение сетевых иерархий, является платформизация системы цифровых коммуникаций. Собственники виртуальных платформ выполняют ключевую роль в организации политических отношений цифрового общества и в выборе целей и методов борьбы за политическую власть. На этой почве возникает конфликт интересов глобальных технологических структур с государством как основным игроком национального политического поля.

Общепризнанно, что компании Big Tech и их интернет-платформы, обладая гигантскими возможностями социально-экономического и политического проникновения, утвердились в роли первостепенных акторов не только на транснациональном уровне, но и во внутренней политике национальных государств. На фоне возрастающей международной конфронтации и становления нового многополярного мироустройства нейтрализация внешних цифровых угроз является важнейшим вызовом для национальных властных элит. Опыт таких стран, как КНР, показывает, что суверенизация национального сегмента всемирного интернет-пространства и создание собственных цифровых платформ способствуют утверждению национальных приоритетов в цифровой политике. При этом главным условием является сохранение за государством командных позиций в цифровой сфере.

В свою очередь руководством России, в рамках широкого комплекса мер по обеспечению информационной и цифровой независимости, с 2022 года проводится политика

[114]Михайленок О.М., Малышева Г.А. Политические отношения в контексте цифровых сетей // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3(60). С. 79-87.

[115]Van Dijk J. The Network Society. Social Aspects of New Media. London: SAGE Publications Ltd. 2006. P. 171-173.

«приземления» глобальных IT-компаний, а также блокировки, в случае несовместимости экономических и политических интересов, их цифровых платформ. Данная стратегия направлена на то, чтобы уравнять возможности отечественных и иностранных акторов на национальном цифровом пространстве, а также может рассматриваться в качестве инструмента противодействия феномену трансграничности онлайнового сектора политических отношений. Указанные шаги свидетельствуют, что в нашей стране осуществляется курс на утверждение главенствующего положения национально-государственных интересов в иерархической структуре виртуальных сетевых коммуникаций, с тем чтобы гарантировать реализацию полноценного суверенитета РФ в современном мире.

Малышева О.П.
(Краснодар, КубГУ)

ИНДЕКСНАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ДИСКУРСИВНОЙ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Современные электоральные процессы тесно связаны с развитием цифровых технологий и трансформацией коммуникационных стратегий политических акторов. Социальные медиа становятся ключевым ресурсом для продвижения имиджа политиков и конструирования их электоральных стратегий. В этом контексте интернет-аккаунты политических акторов приобретают особую значимость, становясь инструментом влияния на общественное мнение [Слизков, Соловьева, 2023[116]].

В условиях геополитической турбулентности и информационного противостояния эффективное управление цифровыми стратегиями политических акторов становится фактором укрепления доверия к власти и повышения устойчивости социально-политической системы РФ [Иванов и др., 2019[117]; Башкуева, 2020[118]]. Особое значение приобретает оценка привлекательности цифрового профиля политических акторов, которая в краткосрочной перспективе может определяться способностью официального аккаунта формировать актуальную повестку, привлекающую новых пользователей в дискурсивное поле актора; в долгосрочной – способностью поддерживать интерес и удерживать внимание аудитории без потери актуальности для избирателей. В этой связи возникает необходимость разработки индексной модели оценки дискурсивных стратегий политических акторов, которая позволит количественно измерять эффективность их цифровых коммуникаций, выявлять оптимальные практики и прогнозировать электоральное поведение аудитории.

В рамках проведённого исследования «Анализ цифровых профилей победителей прямых выборов глав регионов Российской Федерации 2023 года» (на материале дан-

[116]Слизков Д. А., Соловьева А. Е. Правовое регулирование наследования интернет-аккаунта // Юридическая наука. 2023. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-nasledovaniya-internet-akkaunta (дата обращения: 26.08.2025).

[117]Иванов С. А., Легостаева Н. И., Платонов К. А., Светлов К. В. Методология исследования коммуникативных стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве // Социология и право. 2019. № 4(46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-issledovaniya-kommunikativnyh-strategiy-politicheskih-liderov-v-onlayn-prostranstve (дата обращения: 16.08.2025).

[118]Башкуева Е. Ю. Работа министерства здравоохранения Республики Бурятия с жалобами и обращениями граждан как индикатор качества работы органа исполнительной власти: состояние и проблемы // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2020. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-ministerstva-zdravoohraneniya-respubliki-buryatiya-s-zhalobami-i-obrascheniyami-grazhdan-kak-indikator-kachestva-raboty (дата обращения: 20.08.2025).

ных социальной сети «ВКонтакте») была разработана индексная модель оценки эффективности цифрового профиля политического актора, основывающаяся на показателе «Конструктивность дискурсивной стратегии» (КДС). В основе подхода лежит сетевой анализ социального графа, как репрезентации дискурсивного поля, формируемого интернет-аккаунтом политического актора.

В модели выделяются четыре ключевых параметра: плотность концептосферного ядра (P), сбалансированность графа (B), тематический остов графа (T) и дискурсивная динамика (D). Плотность ядра отражает интенсивность и вовлечённость аудитории в обсуждение повестки, сбалансированность графа – равномерность распределения ключевых тем, тематический остов – структурированность и разнообразие дискурсивных вопросов, а дискурсивная динамика оценивает активность актора во времени и последовательность раскрытия тем. Выделенные параметры объединяются в интегральный показатель – «Индекс КДС» (ИКДС), который рассчитывается по формуле:

$ИКДС = \omega P*P+\omega B*B+\omega T*T+\omega D*D.$

Регрессионный анализ позволяет вычислить весовые коэффициенты (ω), отражающие значимость, т.е. степень влияния, каждого параметра для конструктивности дискурсивной стратегии в каждом конкретном случае.

Результаты эмпирического исследования подтверждают, что высокий уровень конструктивности (от 0,80 до 1,00), свидетельствует о сбалансированной, динамичной и целостной дискурсивной стратегии, способствующей активному и эффективному взаимодействию с электоратом. Средний уровень (0,60–0,79) указывает на достаточно последовательную стратегию, но с локальными перегрузками и перекосами в темах. Низкий уровень (0,40–0,59) характеризуется фрагментарностью и слабой связностью дискурса, что приводит к ограниченному вовлечению аудитории. Критический уровень (ниже 0,40) фиксирует хаотичную коммуникацию, отсутствие целостной повестки и низкую эффективность профиля политического актора.

Апробация показала, что использование ИКДС позволяет выявлять наиболее эффективные дискурсивные стратегии, сравнивать политических акторов между собой, прогнозировать их способность к удержанию внимания аудитории и выстраивать рекомендации по оптимизации цифровых коммуникаций. Таким образом, разработанный индекс является инструментом, расширяющим возможности анализа политической коммуникации в цифровой среде и повышающим точность прогнозирования электоральной вовлечённости.

Мальцева Д. А. (Москва, РУДН, Санкт-Петербург, СПбГУ)
Стребкова К. Е. (Москва, РУДН)
Бурангулов Р. Р. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

СУВЕРЕННАЯ РИЗОМАТИЗАЦИЯ: СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Цифровизация продемонстрировала неэффективность традиционных моделей управления в условиях доминирования глобальных цифровых платформ (Срничек, 2019), что приобретает критическое значение в сфере реализации молодежной политики, поскольку именно молодое поколение является первым, чье когнитивное и социальное развитие происходит непосредственно внутри цифровой среды, формируе-

мой искусственным интеллектом (ИИ). Это определяет актуальность разработки новой управленческой парадигмы, адекватной природе технологий, формирующих мировоззрение будущих поколений.

Основная проблема состоит в том, что современные ИИ-архитектуры описываются как «ризома» (Hsu, 2022), однако управление ими сохраняет иерархическую природу. Это фундаментальное несоответствие между объектом управления (сеть) и методом (иерархия) порождает парадокс. Научная новизна исследования заключается в предложении концептуальной рамки «суверенной ризоматизации» для его преодоления. Подход предполагает переход от иерархического контроля к стратегическому управлению самой сетью через выстраивание координируемой национальной экосистемы.

Целью настоящей работы является операционализация концепции ризомы для проектирования устойчивых систем управления человеческим капиталом молодежи. Методологически работа опирается на критический анализ концепций «ризомы» (Делёз, Гваттари, 2025) и политэкономии цифровых платформ (Срничек, 2019; Zuboff, 2015). В рамках этого подхода последовательно анализируется архитектура ИИ, выявляются угрозы для развития человеческого капитала и формулируется основной принцип «суверенной ризоматизации». Это позволяет перейти от дескриптивного анализа угроз к формированию проактивной и прескриптивной модели государственной политики.

Искусственный интеллект анализируется как ризоматическая структура – модель организации, лишенная центра и иерархии. Ключевым следствием такой архитектуры является изменение процесса производства знания: оно распределяется по сети, что приводит к возникновению множественных эпистемологических траекторий. Взаимодействуя с платформами, пользователи погружаются в ризоматическую логику получения информации через навигацию по гетерогенной сети данных. Это ставит ключевой политический вопрос: кто управляет этой навигацией и в чьих интересах прокладываются «траектории» познания.

При этом экономическая надстройка цифрового мира, вопреки его ризоматической технологической архитектуре, стремится к централизации контроля. В рамках политэкономии цифровых платформ этот системный контроль над эпистемологическими траекториями молодежи концептуализируется через три основных механизма: инфраструктурное блокирование суверенных альтернатив; систематическую экспроприацию данных как инструмента управления когнитивно-поведенческими паттернами; алгоритмическую редукцию информационной среды до «эхо-камер», где органический процесс познания подменяется его симуляцией.

Стратегическим ответом на выявленные угрозы является концепция «суверенной ризоматизации», суть которой – смена управленческой парадигмы: от прямого иерархического контроля к управлению децентрализованной сетью для достижения баланса между уязвимой централизацией и хаотичной децентрализацией. Государство трансформируется из субъекта директивного управления в системного координатора, создающего технологические и институциональные условия для роста множества национальных узлов. Применительно к молодежной политике это означает формирование полноценной национальной цифровой экосистемы, которая позволяет человеческому капиталу развиваться безопасно (благодаря локализации данных и суверенной инфраструктуре) и инновационно (через господдержку проектов и конкурентоспособных эпистемологических траекторий), формируя устойчивость к внешним воздействиям.

Исследование выполнено в рамках Госзадания №FSSF-2025–0012 «Искусственный интеллект в экосистеме политического управления человеческим капиталом российской молодежи: стратегии и риски»

Мальцева Д.А. (Москва, РУДН, Санкт-Петербург, СПбГУ)
Федотов Д.А., Сафонова О.Д. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ГЕЙМИФИЦИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ: ИННОВАЦИОННЫЕ ТРАЕКТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ

На современном этапе эффективность государственных программ в области реализации молодежной политики детерминирована, в первую очередь, степенью вовлеченности и мотивации целевой аудитории. Интеграция геймификационных механизмов в системы искусственного интеллекта (ИИ-системы) позволяет решать эту задачу, формируя интерактивную среду, в которой молодежь выступает активным субъектом социально-политических процессов. На примере исследования сферы гражданского образования авторы выделяют три направления внедрения геймифицированных механик в ИИ-системы, обладающих в фокусе представленного исследования значительным потенциалом применения и масштабирования:

1. Персонализация через адаптивные ИИ-системы. ИИ позволяет создавать адаптивные системы, которые анализируют индивидуальные предпочтения, способности и поведенческие паттерны молодых людей посредством внедрения алгоритмов машинного обучения, формируя персонализированные программы развития и адаптации. Геймификация здесь выступает интерфейсом взаимодействия, превращающим процесс обучения и профессионального развития в уникальный опыт через систему достижений, рейтингов и специализированных задач. Показательным примером успешной реализации подобных инициатив выступает опыт правительства Индии, которое в сотрудничестве с компанией Intel обеспечило участие более 1,6 млн студентов в программах ИИ-образования.

2. Внедрение предиктивной аналитики в молодежной политике. Геймифицированные ИИ-системы позволяют не только удовлетворять актуальные потребности молодежи, но и прогнозировать будущие тенденции развития человеческого капитала. Анализируя данные о предпочтениях, времени выполнения заданий, моделях взаимодействия и достигнутых результатах в игровых образовательных средах, государство получает возможность заблаговременно корректировать учебные программы, формировать новые направления профессиональной подготовки и выстраивать систему карьерного консультирования. Показательным примером подобной практики является сингапурская инициатива SkillsFuture Credit, в рамках которой гражданам старше 25 лет предоставляется кредит в размере около J280 для прохождения более 70 специализированных курсов по ИИ, использующих адаптивные алгоритмы рекомендательных систем и элементы геймификации.

3. Формирование экосистемы международного сотрудничества и стандартизации. Наиболее результативными инициативами в данной сфере являются меры по формированию «глобального ИИ-пространства». В частности, министры образования стран БРИКС подписали совместную декларацию, закрепляющую принципы этического применения ИИ в базовом образовании, а также меры по укреплению системы технического и профессионального обучения. Параллельно активно реализуются инициативы ЮНЕСКО, направленные на выработку глобальных рекомендаций в области ИИ и образования. Дополняет эти усилия программа Европейского союза Digital Europe Programme с бюджетом €7,5 млрд, предусматривающая развитие ИИ-компетенций мо-

лодежи посредством игровых образовательных платформ.

Россия демонстрирует системный подход к реализации всех трех направлений внедрения геймифицированных ИИ-технологий в молодежную политику. Указом Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124 актуализирована Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года, предусматривающая повышение готовности критически важных отраслей к внедрению ИИ-технологий с 12% до 95%. Развитие предиктивной аналитики подтверждается признанием Microsoft России мировым лидером по активному внедрению ИИ в бизнесе (30% против средних 22,3%), что создает благоприятную среду для трансфера бизнес-практик в сферу молодежной политики.

Внедрение ИИ в молодежную политику с использованием механик геймификации создает качественно новую модель управления человеческим капиталом, где технологии не заменяют человеческое взаимодействие, а усиливают его эффективность через персонализацию, прогнозирование и мотивационный дизайн. Геймифицированные ИИ-системы позволяют государству перейти от массовых унифицированных программ к индивидуализированным траекториям развития, обеспечивая формирование высококвалифицированных кадров и укрепление конкурентных позиций на глобальном рынке талантов. Комплексное применение данных технологий формирует адаптивную экосистему, которая трансформируется в соответствии с изменяющимися потребностями молодёжи и способствует формированию устойчивых паттернов непрерывного саморазвития.

Публикация выполнена в рамках Госзадания № FSSF-2025-0012 «Искусственный интеллект в экосистеме политического управления человеческим капиталом российской молодежи: стратегии и риски»

Манакин М.А.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

После издания Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[119] в России сформировалась комплексная ценностная политика (далее – Указ № 809). Возникает закономерный вопрос относительно отражения в Указе № 809 преемственности и поступательной динамики государственного курса. Таким образом, автором было обращено внимание на упоминания традиционных ценностей в ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (далее – Послание Президента). Актуальность исследования определяется ролью данного института в системе внутриполитической и внешнеполитической деятельностью государства.

Цель исследования – выявление особенностей риторики традиционных ценностей в Посланиях Президента.

Лысенко А.В.[120] отмечает, что впервые на государственном уровне понятие «традиционные ценности» стало активно использоваться в российском политическом про-

[119]Указ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохра нению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977

[120]Лысенко А.В. «Как историческая преемственность традиционных ценностей России отражена в концептуальных документах страны» // Блог Лаборатории аналитики ИАМП [Электронный ресурс] // РСМД. - 2024.

странстве в 2012 году. Следовательно, временные рамки исследования были определены с 2012 года по настоящее время, за исключением 2017 и 2022 годов, когда в силу внешнеполитических и внутриполитических обстоятельств Послания Президента были реализованы в рамках следующего календарного года. Таким образом, в рамках исследования были проанализированы с помощью количественного контент-анализа. Послания Президента, выборка составила 11 выступлений. Традиционные ценности рассматривались в формулировках, закрепленных в Указе №809. Результаты приведены в таблице 1.

Таблица 1

Количество упоминаний традиционных ценностей в Посланиях Президента

Единицы счета \ год	2012	2013	2014	2015	2016	2018	2019	2020	2021	2023	2024
крепкая семья	9	6	3	5	2	19	39	39	23	22	31
коллективизм	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
патриотизм	6	1	3	1	1	0	0	1	1	4	2
Единство народов России	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1
милосердие	1	2	2	0	1	2	0	1	5	2	1
жизнь	14	16	8	11	6	27	12	20	14	19	22
достоинство	3	0	0	1	0	0	0	3	0	1	0
Права и свободы	11	6	4	6	3	4	4	10	3	9	3
гражданственность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
служение Отечеству и ответственность за его судьбу	3	3	0	1	2	2	0	0	1	3	1
высокие нравственные идеалы	6	3	0	2	3	3	1	1	1	2	0
созидательный труд	9	1	9	4	8	1	7	2	2	3	13
приоритет духовного над материальным	4	2	3	1	0	1	0	0	2	1	0
гуманизм	0	1	0	1	1	0	0	0	0	0	0
взаимопомощь и взаимоуважение	1	0	0	1	3	0	1	1	2	1	0
справедливость	4	1	1	2	5	4	2	3	2	2	2
историческая память и преемственность поколений	1	0	0	0	1	1	1	0	0	4	1

Исследование показало, что ценностная риторика присутствует в Посланиях Президента, при этом количество упоминаний разных ценностей различается. Исходя из таблицы 1, понятия «патриотизм», «милосердие», «созидательный труд», «служение Отечеству и ответственность за его судьбу», «высокие нравственные идеалы», «приоритет духовного над материальным» находят отражение в текстах, но количественный показатель относительно других не достигает высоких значений. Стоит отметить, что с 2018 года увеличивается количество упоминаний таких ценностей, как «крепкая семья», «жизнь», «справедливость», что свидетельствует о повышении внимания к этой тематике. Также в Посланиях Президента практически отсутствуют ценности «коллективизм», «гражданственность», «гуманизм», «взаимопомощь и взаимоуважение»,

«историческая память и преемственность поколений», «Единство народов России», «достоинство».

Исследование показало, что в Посланиях Президента присутствует риторика традиционных ценностей. При этом количественное упоминание варьируется в диапазоне от 0 до 39, что свидетельствует о разном акценте на определенных ценностях. Самыми актуальными и часто употребляемые семантические единицы составили: «крепкая семья», «жизнь», «права и свободы», «созидательный труд». На основе полученных результатов можно сказать, что в рассматриваемый период традиционные ценности являются важной составляющей Посланий Президента, однако Послания не в полной мере охватывают весь перечень.

Мансуров Т.З.
(Казань, КФУ)

СПЕЦИФИКА И ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

Смена власти в декабре 2024 года привела к формированию нового правительства, основной костяк которого составили представители организации «Хайят Тахрир аш-Шам» . Наличие приверженности составляющих его политических сил радикальным взглядам не препятствует сирийскому правительству демонстрировать определенный прагматизм на сегодняшний день. Подтверждением тому стало заключение «исторического соглашения» с курдами, принятие светской конституции страны, достаточно умеренная позиция по вопросу военного присутствия Израиля в юго-западных провинциях Сирии и другие события переходного периода. Несмотря на то, что власти находятся в стадии концептуального оформления, их внешнеполитическим приоритетом стало продолжение политики Б. Асада на нормализацию отношений с арабскими государствами, основываясь на принципах взаимного уважения, сотрудничества, стратегического партнерства.

Вместе с тем, определенным фактором внутренней дестабилизации в стране продолжают выступать противоречия между различными политическими силами (курдами, алавитами, христианами, СНА, группировками внутри Хайят Тахрир аш-Шам), которые препятствуют их интеграции в новую создаваемую политическую систему Сирии. Одновременно имеются противоречия на уровне организации военной структуры страны между национальной армией и условно «арабской свободной». Первая во многих аспектах ориентируется на курдов, а вторая – на прозападные силы. Все эти особенности говорят о необходимости реформирования государственных структур (внутриполитических и внешнеполитических институтов, экономического блока, служб безопасности, органов разведки, вооруженных сил), что поможет с минимальным уровнем конфликтности завершить переходный период.

В складывающихся условиях, скорее всего, действующие диалоговые форматы будут сведены к самому минимуму, а в вопросах урегулирования конфликта им на смену придет политика двусторонних договоров и взаимодействия в рамках международных организаций. Параллельно можно наблюдать встречные действия, например, договоренности Турции, США и Сирии по интеграции курдского автономного региона в центральные структуры власти и вопросу обеспечения безопасности в северных и северо-восточных регионах страны, отмену санкций со стороны США и ЕС, соглашения с Россией в сферах гуманитарного, аграрно-промышленного и образовательного сотрудничества. Все эти аспекты

говорят о стремлении сирийского правительства использовать в своей внутренней и внешней политике инструменты и механизмы диалога и равноправного взаимодействия.

Безусловно, Сирию на сегодняшний день не могут не беспокоить вопросы иностранного вооруженного присутствия таких государств как Израиль, Россия, США, Турция. Так, в частности, актуальным является процесс создания буферных зон на Голанских высотах и в южных провинциях страны, так как не ясен их дальнейший статус. Они могут выступать временной мерой по стабилизации ситуации, а также способом аннексии ряда территорий Сирии. Для Израиля нахождение в рядах новой переходной администрации представителей суннитских исламистов вызывает большую опасность, чем проиранские вооруженные формирования и политические силы. Учитывая тот факт, что Турция поддерживает сирийские группировки, находящиеся у власти, обеспокоенности израильского правительства возрастают, в том числе в вопросе соперничества с этой страной в регионе Ближнего Востока. Многие представители политической элиты Израиля полагают, что стабильной Сирия может быть только при федеративной форме устройства, в то время как Турция категорически не приемлет такой вариант развития государственности.

Для анализа перспектив развития ситуация в Сирии автором было проведено собственное эмпирическое исследование методом экспертного опроса научных и научно-педагогических работников высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов России и стран ближнего зарубежья в период с 20 февраля по 5 мая 2025 г. Как показал анализ, процесс урегулирования сирийского противоборства может развиваться по трем сценариям: оптимистичному, реалистичному и пессимистичному. В среднесрочной перспективе (3-5 лет) протекания конфликта эксперты отдают предпочтение реалистичному сценарию, который предполагает формирование хрупкой стабильности, но контролируемой органами власти, и «замораживание» внутригосударственного конфликта. При таком развитии событий процесс государственного строительства может сопровождаться проявлениями насилия, возникновением локальных конфликтов, кризисных явлений в социально-экономической сфере, формированием де-факто децентрализации в стране, фрагментацией регионов и борьбой за ресурсы среди политических сил как в рядах правящей элиты, так и оппозиции. Первый и третий сценарии видятся в исследовании маловероятными в силу складывающихся на сегодняшний день внутренних и внешних условий развития сирийского государства. Необходимо отметить, что выявленные сценарии носят сложнопрогнозируемый характер, а результативность переговоров по урегулированию сирийского конфликта будет определяться желанием и умением сторон договариваться и находить взаимовыгодные решения.

Марданшин И.Р.
(Казань, КГЭУ)

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года (ЭС-2050), утверждённая в апреле 2025 года, определяет вектор развития российской энергетики на ближайшие 25 лет. На фоне глобальных изменений в мировой энергетике стратегия стремится сохранить баланс между необходимостью адаптации к климатическим вызовам и защитой национальных интересов, основанных на традиционной роли России как энергетической сверхдержавы.

ЭС-2050 строится вокруг двух ключевых задач: сохранения позиций России на мировом рынке углеводородов и постепенной интеграции в глобальную низкоуглеродную повестку. Это двойное направление диктуется нынешними реалиями, в которых Россия, с одной стороны, сталкивается с санкционным давлением и конкуренцией на энергетических рынках, а с другой – с необходимостью реагировать на тенденции декарбонизации.

Прагматизм Стратегии состоит в том, что ставка на углеводороды (нефть, газ, уголь) остаётся основой документа, но с акцентом на их модернизацию и повышение экологической эффективности[122]. Россия не может позволить себе резкий отказ от углеводородов, так как это оказалось бы разрушительным для её экономики. Стратегия предполагает развитие технологий улавливания и хранения углерода (CCUS), а также экспорт «чистого» природного газа и водорода, что, по мнению авторов, позволит стране остаться конкурентоспособной.

Системный взгляд крупного российского бизнеса, отвечающий установкам Стратегии, на развитие мировой энергетики и роль России в ней состоит в том, что «энергетика обеспечивает опережающий технологический и экономический рост тех стран, которые вовремя воспользуются новыми возможностями для развития»[123]. Развитие цифровых технологий и перенос фокуса экономического роста в новые развивающиеся страны – факторы, требующие большого объема энергии. В этой связи возможность полного зеленого энергоперехода в период до 2050 г. – «очередная утопия», прежде всего в силу необходимых инвестиций.

На фоне климатического алармизма и внешнего давления оптимальной представляется конструктивная позиция России, состоящая в поиске баланса между традиционной и возобновляемой энергетикой.

Марков Е.А.
(Череповец, ЧГУ)

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН ПОЯВЛЕНИЯ РУСОФОБИИ В АНГЛИИ

Как и когда появилось явление русофобии в Англии? Отвечая на этот вопрос, стоит углубиться в историю отношений двух стран.

Англичане впервые появились на территории русского государства в середине XVI в. и, познакомившись с нашей страной, сразу осознали, какими огромными природными богатствами владеют московиты. К тому времени Россия уже обладала значительными территориями, изобиловавшими лесом, пушниной, минералами, продовольствием и пр. К тому же, Россия занимала выгодное географическое положение, поскольку по ее территории проходили важнейшие торговые пути, связывавшие Северную Европу со среднеазиатскими странами, Персией и Индией.

Английские купцы вознамерились было заполучить несметные российские богатства с помощью несправедливого товарного обмена, но с Россией, бывшей уже к тому времени мощным централизованным государством, вполне способным себя защитить,

[122]Энергостратегия-2050: поддадим газу, дадим угля! https://monocle.ru/monocle/2025/17/energostrategiya-2050-poddadim-gazu-dadim-uglya/

[123]Широв А. Мировая экономика и энергетика на перепутье // https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2025/06/23/1119173-mirovaya-ekonomika-i-energetika-na-perepute (дата обращения: 30.08.2025).

у англичан произошла осечка. Осознав, что подчинить Россию им не удастся, но нажиться на продаже российских ресурсов хочется, английские негоцианты начали торговать с Россией, потребовав от царя Ивана Грозного для себя особых привилегий: монополии на беспошлинную торговлю пушниной (очень ценившейся тогда в Европе), свободное использование водных путей, основания английских поселений, жизнь в которых проходила бы с применением английских законов. То есть, они хотели создать государство в государстве, ведя себя по привычке как колонизаторы. Царь Иван Грозный, поначалу милостиво воспринявший просьбы англичан, попросил у них в ответ поддержки в войне России с Литвой и Польшей. После отказа англичан в установлении союзнических отношений, Иван Грозный отменил все выданные ранее английским торгашам привилегии. Испытав невиданное доселе унижение, подданные английской короны удалились в свою страну, которая с тех пор стала вредить России всеми мыслимыми и немыслимыми способами.

Неприязнь к России и русским вылилась в многочисленные заметки оскорбительного характера, которые английские купцы стали размещать в газетах, характеризуя Россию, как страну дикую и варварскую. Английская публика, не имевшая возможности получать из России информацию объективного характера, вполне верила всем тем небылицам, которые рассказывали о быте и нравах «варваров-русских» побывавшие в России купцы, якобы все это наблюдавшие своими глазами.

Вот что писали о России и русских английские газеты того времени. «Московиты-варвары» отличаются от просвещенных жителей туманного Альбиона тем, что пребывают в пьянстве, разврате, воровстве, невежестве, склонны к вымогательству и жестокости. То есть, русские – не такие, как европейцы»[124]. Подобного рода заметки стали появляться и в газетах других европейских стран, что и стало источником развития русофобии, охватившей постепенно Европу.

В 1782 году в энциклопедии «Британника» русские были охарактеризованы, как «жестокие, порочные, пьяные дикари, живущие в условиях абсолютной деспотии». Но при этом, в этом же издании отмечалось, что им принадлежит «очень большое и могущественное королевство Европы»[125]. У внимательного читателя мог возникнуть вопрос, а как же порочные и пьяные дикари могли создать большое и могущественное государство? Но видно, авторы энциклопедии не предполагали, что такая мысль может прийти в головы своих читателей.

Новый всплеск русофобии произошел в Европе после разгрома наполеоновских войск. Освобожденная Европа недолго испытывала симпатии к русской армии и Александру I. В европейских изданиях стали появляться публикации о так называемом «Завещании Петра Великого» – фальшивки, подготовленной по приказу Наполеона. В этом документе проводилась мысль, что Россия станет со временем для Европы более страшным врагом, чем наполеоновская Франция.

Немалый вклад в разжигание русофобии внесли эмигранты из России, обосновавшиеся на туманном Альбионе и всячески поносившие Россию в своих публикациях, которые охотно печатали английские издания, укрепляя у жителей Европы негативные представления о нашей стране ее истории, традициях и форме правления.

Англия постоянно боялась усиления российского влияния в разных регионах, тайно и явно поддерживая врагов России. Интересы двух стран сталкивались в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке. По мнению европейских политиков, Россия всегда представляла для Англии экзистенциальную угрозу, угрожая самому ее существованию. Квинтэссенцией такого рода представлений является откровение

[124]Марков Е.А. Запад против России: русофобия как оружие: монография. – Москва, РУССАЙНС, 2025, - С. 26.

[125]Gleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Har vard University Press, 1950. Цитата – из источника: Дегоев В. Краткий курс истории британской русофобии. URL: https://interaffairs.ru/news/show/37066 (дата обращения - 29.01.2025 г.).

бывшего когда-то генерал-губернатором Индии Э.Л. Элленборо, который в свое время заявил, что «мы сокрушим Россию, направив на нее весь вооруженный мир»[126]. Современный политический класс Европы действует сегодня именно в этом ключе.

Маслова К.В.
(Москва, МГИМО МИД России)

ПРАКТИКИ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ВЫВОДЫ ИЗ РОССИЙСКОГО ОПЫТА

Креативные индустрии сегодня стали неотъемлемой частью национальных стратегий развития и государственных культурных политик большинства современных государств: они задают язык целей (инновации, занятость, экспорт), систему метрик и модель организационного взаимодействия. При этом концепт креативных индустрий меняет и архитектуру культурной дипломатии. Нео-институциональный подход объясняет это через идею организационного поля: культурная дипломатия и креативные индустрии представляют смежные организационные поля, поскольку в них действуют одни и те же участники, опирающиеся в своей деятельности на ресурсы национальной культуры – музеи, галереи, модные дома, библиотеки, производители аудио– и видеоконтента и т.д. Данные организации, с одной стороны, включены в креативную экономику, а с другой – продвигают образ страны за рубежом, выстраивая мосты между гражданами разных стран через участие в культурных проектах. В логике нео-институционализма сходство ожиданий и стандартов у организаций в смежных полях приводит к тому, что принципы креативных индустрий «перетекают» в дипломатическую практику и начинают структурировать ее репертуар, способы производства и оценку результатов.

Нео-институциональный подход объясняет данный процесс переноса через механизмы изоморфизма. Во-первых, государство, институционализируя повестку креативных индустрий, формирует нормативные и инфраструктурные условия, а также увязывает финансирование с готовностью учреждений культуры участвовать в креативной экономике (коэрцитивный механизм). Во-вторых, институты культурной дипломатии перенимают проектные форматы из креативных индустрий, такие как фестивали, совместное производство, инновационные, интерактивные решения (подражательный механизм). В-третьих, происходит вовлечение специалистов из креативных индустрий в культурную дипломатию (нормативный механизм).

Показателен случай «фестивальной дипломатии» Россотрудничества – проект «Слова о русском сердце». В данном примере традиционный институт российской культурной дипломатии, реализует программу совместно с частной командой креативных продюсеров. Проект организован как временная площадка, на которой интенсивно проводятся культурные события, знакомящие зарубежную аудиторию с современной российской культурой и продукцией российских ремесленников. Как и другие проекты агентства, он направлен на повышение международной привлекательности России через культуру, но одновременно работает на торговое продвиже-

[126]Дегоев В. Краткий курс истории британской русофобии. URL: https://interaffairs.ru/news/show/37066 (дата обращения - 30.01.2025 г.).

ние российских брендов, развитие их экспортного потенциала. Привлечение профессиональной продюсерской команды обеспечивает визуально и содержательно «плотный» формат, значимый для молодёжных аудиторий. Такая модель объединяет дипломатический ресурс (бренд, инфраструктура, связи) с предпринимательской активностью, создавая процедурный «мост» между культурной политикой и рынком креативных услуг.

Суммарные наблюдения указывают на процедурную трансформацию культурной дипломатии. Вместо иерархического репрезентативного обмена мы наблюдаем полицентрические события, в которых дипломатические структуры становятся операторами многоуровневых проектов. Внешнеполитические ведомства перенимают формы, которые уже доказали привлекательность в креативных индустриях, чтобы снизить организационный риск и завоевать новую аудиторию, прежде всего, молодую. В результате происходит смещение роли государства от патронажно-административной к координационной: публичные институты выступают брокерами между ведомствами, городами, индустрией, сообществами.

Матафонова Ю.А.
(Чита, ЗабГУ)

СТАРОЕ И НОВОЕ В ОСМЫСЛЕНИИ СУЩНОСТИ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА И СУБЪЕКТНОСТИ РЕГИОНОВ

Теория федерализма и практика федеративного строительства имеют давнюю историю. Практика федеративного строительства берёт своё начало в XVIII веке; мировой опыт сознательного формирования государства на федеративных началах позволил сформировать определенный взгляд на федерализм, его концептуальные составляющие.

Классическая трактовка концептуальных основ федерализма исходит из определенной самостоятельности субъектов федерации и наделения регионов субъектностью. В качестве политической конструкции федеративное устройство дуалистично в силу того, что каждый уровень власти (федеральный Центр и субъекты федерации) отвечают за принятые политические решения перед своим собственным электоратом, при этом субъекты имеют возможность сохранять свою самобытность, а федеральный Центр – сохраняет возможность принимать решения, способствующие укреплению государства в целом. Как правило, современные зарубежные исследователи сохраняют классическую трактовку федеративной организации политико-территориального пространства, рассматривая федеративное государство как «новую целостность», которая строится на партнерских взаимоотношениях между Центром и субъектами, при этом последние также сохраняют свою целостность, идентичность и субъектность в рамках существующей системы разграниченных полномочий.

Однако разные политические реалии порождают разный опыт и разные трактовки федерализма. Если в классическом варианте федерализм являлся сознательным шагом к объединению суверенных государственных образований, актом добровольной передачи полномочий на уровень союзного государства, расширения прерогатив центральной власти «в ущерб прерогативам субъектов», то с точки зрения российской фе-

деративной практики федерализм представлял своеобразный путь децентрализации политико-территориального управления.

Значительный по современным меркам промежуток времени (с 1990-х по 2010-е гг.) среди российских исследователей федерализм связывался с децентрализацией, демократией, самоуправлением. В трудах М.В. Глигич-Золотаревой, Н.М. Добрынина, М.В. Столярова, А.А. Захарова и ряда других авторов прослеживалась тенденция к пониманию федерализма, как концепции, как философской идеи, как феномена, объяснение которого лежит не только в рамках юридической конструкции разграничения полномочий между Центром и субъектами, но и распространяется на мировоззренческие, социальные и культурно-антропологические устои. Нельзя утверждать, что такой подход был всеобъемлющим, но ряд исследований позволял расширять границы изучения федеративного политического пространства.

Оценивая сущность российского федерализма и косвенно затрагивая состояние субъектности регионов, в 2000-2010 гг. ряд авторов отмечали, что российский федерализм прошел путь от «манифестирующего» до «имитационного» – от возможности реальной субъектности регионов до её унификации. При этом существовало разнообразие оценок и дискурсов осмысления.

Современный этап осмысления сущности российского федерализма можно характеризовать как преимущественное возвращение к строго формализованной трактовке федерализма. Выстраивание модели централизованных федеративных отношений перестало восприниматься, как нонсенс, как несоответствие классической теории федерализма. Некоторые исследователи трактуют централизованный федерализм, как благо и единственно возможный вариант существования федеративного политико-территориального устройства в России. Этатистский, институциональный и юридически-ориентированный подходы к федеративному государству вновь становятся главенствующими в политическом дискурсе. Показательным в данном случае является отношение экспертов и исследователей к нормам, введенным федеральным законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» № 414-ФЗ от 21.12.2021. Нормы закона скорректировали систему распределения полномочий между уровнями публичной власти и в очередной раз увеличили степень участия федерального Центра в делах субъектов Российской Федерации. Экспертно-исследовательское сообщество поляризовалось: спектр мнений выстроился от «сползание к унитаризму» до выстраивания эффективной централизованной федерации. Регионы рассматриваются не как территориально-политические системы, наделенные субъектностью в рамках единого федеративного государства, поэтому всё чаще региональная политика ориентирована на Центр. Субъектность российских регионов (особенно отдаленных) становится связанной с привлечением внимания федерального уровня власти – реализацией федеральных инициатив и проектов. Мнений об эффективности «централизованного федерализма» становится всё больше. Политический опыт существования и трансформации российского федерализма порождает современные интерпретации его сущности, вступающие в явное противоречие с имеющимися классическими научными концептами.

Матвеева А.Д.
(Тула, ТулГУ)

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ОСНОВА ГЕРОИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: АНАЛИЗ МУЗЕЙНЫХ ПРАКТИК

В современной России образ Великой Отечественной войны является ключевой составляющей ценностной системы общества и коллективной памяти. Он выстраивается вокруг таких тематик, как патриотизм, героизм, сплочение, мобилизация всеобщих сил, жертва ради Победы. В данном исследовании мы обратили внимание на то, как образ Великой Отечественной войны легитимизирует политические решения в современной России, а именно, встраивает Специальную военную операцию в коллективную память как героический эпизод в истории страны.

В 2024-2025 гг. стало отчетливо заметно, как на разных уровнях проводятся параллели между Великой Отечественной войной и Специальной военной операцией. Особую роль в коммеморативном процессе играют музеи и выставочные проекты – именно они сепарируют факты, отделяя значимые из них, а затем наиболее понятным и наглядным образом репрезентуют их обществу. То, что попадает в музей, осознается обществом как ценное, то, что необходимо сохранить для потомков. В связи с этим важно, что на данный момент сравнение Великой Отечественной войны и Специальной военной операции ведется на уровне выставок и экспозиций.

Отметим интернет-проект «СВОИ» и одноименную выставку (Сочи, август 2025 г.), реализованные Домом народов России при поддержке Федерального агентства по делам национальностей к 80-летию Победы. Проект демонстрирует ««межнациональную дружбу в годы Великой Отечественной войны и в период Специальной военной операции», акцентируя внимание на солидарности и взаимопомощи. Идейное единство Великой Отечественной войны и Специальной военной операции подчеркивается и с концептуальной точки зрения. Слово «свои» как объединяет людей в контексте международных отношений (все народы и нации боролись за Победу), так и убирает временную границу между участниками военных действий (участниками ВОВ и СВО), а также подводит некую черту, отделяющую таким образом всех «своих» от всех «чужих».

Более явная параллель представлена на выставке «1941, 2022. История повторяется» (Можайск, филиал музея «Бородинское поле»). Экспозиция сопоставляет артефакты, найденные на боевых территориях времен Великой Отечественной войны и Специальной военной операции – советская/российская амуниция, оружие, документы, которые противопоставляются предметам, связанным с деятельностью противника (современные украинские учебники, снаряжение ВСУ и остатки оружия стран НАТО), тем самым конкретизируя «образ врага». Особо подчеркивается преемственность поколений в борьбе с нацизмом/фашизмом: участие 32-й стрелковой дивизии в боях 1941 г. и ее правопреемницы – 144-й гвардейской мотострелковой Ельнинской дивизии – в СВО. Идея идентичности событий вербализована в названии, экспликациях и медиаматериалах. Выставка фокусируется на СВО, используя ВОВ как исторический пример борьбы с нацизмом/фашизмом для построения нарратива о современных событиях.

Примеров подобного встраивания Специальной военной операции в героическую историю страны через сопоставления ее с Великой Отечественной войной достаточно: выставка «Zаветам Vерны» в Музее Победы, выставка «Непокорённые» в галерее «Бе-

ляево», экспозиция об операции «Поток» в зале боевой славы, созданном Евгением Сикирицким, уличная портретная выставка «Имена Победы: от ВОВ до СВО» в Москве у здания посольства Эстонии, книжно-иллюстративная выставка для детей «Героическая летопись: от ВОВ к СВО» в Кумертау.

Помимо содержания самой экспозиции в качестве приемов конструирования восприятия Специальной военной операции используются следующие. Во-первых, это названия выставок, где достаточно часто повторяется конструкция «от ВОВ к СВО»: предлоги «от» и «к» указывают на движение от одного события к другому, отмечая единство происходящего, а использование аббревиатур упрощает восприятие информации, и подчеркивает визуальное сходство названий. Во-вторых, использование интерактивных элементов (например, изготовление маскировочных сетей, окопных свечей и т.д.) повышает вовлеченность посетителей в происходящее путем погружения в военный быт и создания эмоциональной связи с увиденным. В-третьих, это привлечение участников ВОВ и СВО и/или их родственников к созданию экспозиции или к ее торжественному открытию для подчеркивания достоверности представленных фактов, формирования доверительной и сентиментальной атмосферы, а также для акцентирования внимания на прочности родственных связей и семейной гордости, все это усиливает воспитательную роль выставки.

Таким образом, мы можем заметить, как память о Великой Отечественной войне влияет на процесс встраивания Специальной военной операции в исторический, культурный и социальный нарратив. На момент исследования Специальная военная операция репрезентуется как идейное продолжение Великой Отечественной войны.

Матвеева Е.В.
(Кемерово, Кузбасский ГАУ)

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ОТНОШЕНИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В ПРОМЫШЛЕННОМ РЕГИОНЕ

Вопросы развития сельских территорий в настоящее время определяются не только задачей по обеспечению продовольственной безопасности и независимости страны (Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»), но и потребностью решения не менее сложной проблемы – кадрового голода в сельских территориях. В этой связи общественно-политической задачей регионального развития является создание среди молодежи привлекательного образа будущего села как места для профессионального роста и благоприятного проживания.

В определенной мере на решение данной задачи направлен федеральный проект по созданию опорных населенных пунктов в регионах (Указ Президента РФ от 7.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»), что позволит создать более благоприятную инфраструктуру в сельских территориях, отнесенных к категории опорных пунктов, и положительно скажется на обеспечении кадрами с профильным аграрным образованием. В настоящее время действуют различные программы и меры по поддержке молодых специалистов в аграрной сфере в сельских территориях – программа наставничества и

«Сельская ипотека» на предприятиях аграрной отрасли производства, на базе школ и вузов создаются агроклассы и «Агролицеи». В рамках реализации госпрограммы «Комплексное развитие сельских территорий» (Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 г. № 696) по итогам 2024 г. жилищные условия улучшили порядка 190 тыс. семей.

Однако существенную роль в решении рассматриваемого вопроса играет образовательная политика аграрных вузов в регионах. На материалах регионального исследования в Кемеровской области – Кузбассе рассмотрим потенциальную готовность выпускников аграрного вуза Кузбасского государственного аграрного университета им. В.Н. Полецкова жить и работать в сельской местности. При этом данная готовность рассматривается нами как результат сформированной не просто системы знаний и умений, но и системы ценностей молодого поколения в соответствии с отраслевой направленностью подготовки аграрных вузов специалистов для агробизнеса. Выборка составила 119 человек, в которую вошли выпускники бакалавриата очной формы обучения (студенты заочной и очно-заочной форм обучения в выборку не вошли в силу преобладания среди обучающихся студентов, уже работающих в сфере агробизнеса).

Ответы на вопрос «Оцените уровень личной готовности работать в сельском хозяйстве после окончания вуза» показали, что респонденты рассматривают такую перспективу в краткосрочной («скорее готов, чем нет» – 20,3 % и «полностью готов» – 5 %) и долгосрочной перспективе («такая вероятность есть, но не в текущий момент времени» – 40,3 %). Каждый третий респондент не рассматривает такую вероятность для своего трудоустройства («скорее не готов, чем готов» – 10 %, «абсолютно не готов» – 15,1 %), затруднились с ответом 9,3 %.

На следующий вопрос респонденты должны были оценить значимость наличия социальной и транспортной инфраструктуры в сельской местности. Полученные ответы продемонстрировали важность практически для каждого участника исследования фактора социального благополучия и удобной инфраструктуры. Затруднились с ответом 4,2 % респондентов. Остальные ответы распределились между вариантами «очень важно» (65,5 %) и «важно» (30,3 %).

Отдельное внимание было уделено месту проживания после получения образования. Примерно равное соотношение составили варианты «в другом регионе РФ» (13,4 %) и «не определился» (8,4 %). Больше половины участков исследования выбрали вариант проживания «в своем регионе Кузбассе» (69,7 %).

При выборе места работы в сельской местности большую роль играют ценностные приоритеты молодежи. Ответы выпускников аграрного вуза расположились следующим образом: заработная плата (61,3 %), условия труда (58,4 %), получение жилья (43 %), карьерный рост (39,2 %), социальная инфраструктура (21,5 %). Меньшее внимание для респондентов играет фактор высокотехнологичного производства (8,4 %).

Проведенное исследование представляет собой первичный социологический замер ценностных установок студенческой молодежи на примере одного из региональных аграрных вузов. Полученные результаты показывают, что молодежь рассматривает возможность проживания и трудоустройства в сельской местности (причем в своем регионе), но важную роль в принятии окончательного решения играет материальное и социальное благополучие. Полагаем, что знания, навыки и мотивационная составляющая в период обучения в вузе должны подкрепляться успешными примерами трудоустройства в селе молодых специалистов в средствах массовой информации, а также на страницах в социальных сетей предприятий агробизнеса.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Кемеровской области – Кузбасса по проекту № 25-28-20210.

Машурян В.А.
(Краснодар, КубГУ)

РЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА (СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ)

В нынешней внутриполитической ситуации молодежная политика обрела статус одного из приоритетных направлений государственной политики. Ее роль в развитии, формировании гармонично развитой личности и самореализации молодого поколения усиливается из года в год. Молодежь обретает возможности реализовать свои инициативы, двигать технологический прогресс, стать молодым предпринимателем, быть частью единого студенчества, раскрыть свой потенциал и жить и создавать в России.

В Российской Федерации для достижения перспективного социально значимого эффекта сформирована многоуровневая система стратегического государственного управления. Данная система обладает структурой и выступает в качестве «продукта длительной целенаправленной конструировации», в рамках которой выделены национальные приоритеты, определяющие ключевые векторы развития страны. Более того, сформирован ряд национальных проектов, которые направлены на решение стратегически важных вопросов и регламентированы основными стратегическими документами. Для эффективного достижения поставленных целей национальных проектов необходимо применять в органах государственной власти современные управленческие инструменты на основе проектного подхода.

Молодежная политика является неотъемлемой частью государственной политики, включающая в себя систему мер по поддержке молодежных инициатив. Данная сфера имеет широкий спектр деятельности и из года в год подвергается новым вызовам, решение которых реализуется проектным подходом. В свою очередь, проектный подход характеризуется ориентацией на результат и включает целеориентированные механизмы осуществления государственной политики.

Проведенное эмпирическое исследование позволило охарактеризовать реализацию молодежной политики Российской Федерации в контексте проектного подхода. Так, в Российской Федерации молодежная политика является одной из приоритетных сфер реализации государственной политики. Принятие нового национального проекта «Молодежь и дети» по поручению Президента Российской Федерации В. В. Путина демонстрирует молодежную политику как национальный приоритет государства. Например, инициатива «Россия – страна возможностей» направлена на самореализацию молодежи, путем обретения «своего голоса» в рамках проектов: Лидеры России, Всероссийский проект «Твой Ход», проекты «Таврида.АРТ», программа «Росмолодежь.Гранты», поддерживающая молодежные инициативы. Так, национальный проект «Молодежь и дети» представляет собой систематизированную структуру. Стоит отметить, что Всероссийский студенческий проект «Твой Ход» является ключевой инициативой в студенческой сфере, которая призвана создавать единое студенческое сообщество.

Значительно заметно повышение уровня воспитательной работы, гражданской активности и патриотического воспитания молодежи, так как по данному направлению реализуется комплекс проектов: Федеральный проект «Патриотическое воспитание» (реализация до 2024 года); Федеральный проект «Социальные лифты для каждого»; Всероссийский проект «Диалоги с героями»; Всероссийский форум «Истоки».

В то же время, субъекты Российской Федерации приступили к реализации региональных программ согласно национальному проекту «Молодежь и дети». Комитет по образованию Санкт-Петербурга составил паспорты региональных проектов «Все лучшее детям», «Профессионалитет», «Педагоги и наставники» и определил проектный комитет, ответственный за их реализацию. В Ростовской и Ленинградской областях реализуются региональные проекты «Мы вместе (Воспитание гармонично развитой личности) и «Россия – страна возможностей». Республика Марий Эл активно делится промежуточными результатами реализации регионального проекта «Россия – страна возможностей».

Таким образом, учитывая широкий спектр направлений деятельности молодежной политики, определенных законодательством, применяются несколько подходов к реализации (программно-целевой, система наставничества, деятельностный подход, стратегическое управление и др.). Одним из эффективных инструментов в управлении молодежной политикой, как показывает современный опыт, является проектный подход. В контексте применения проектного подхода в молодежной политике с 2025 года реализуется национальный проект «Молодежь и дети», который выступает систематически выстроенным двигателем развития заботы государства о главном социальном приоритете Российской Федерации – молодежи и детях.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России FZEN-2025-0001 «Проектный подход в воспитании патриотизма российского студенчества с использованием коммуникативных технологий».

Медведева М.В.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ГРАМОТНОСТЬ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК НЕОБХОДИМАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ГРАЖДАНИНА

С усилением информационных войн последних лет, а также углублением проникновения цифровых технологий в повседневную действительность граждан, одной из значительных проблем, которые обозначились в конце первой четверти XXI века, стала проблема дезинформации, созданной при помощи искусственного интеллекта. Так называемые дипфейки, которые сегодня человек без специальной подготовки уже не может отличить от реальности несут в себе большую угрозу формирования нормальной интернет-среды, а также жизнедеятельности гражданина и даже функционированию государства. Для России актуальным является на данный момент не только поиск эффективных инструментов защиты от дезинформации, создаваемой при помощи искусственного интеллекта, но и внутренняя диагностика проблемы. Насколько граждане сегодня понимают, что СМИ используют искусственный интеллект для решения своих базовых задач, а также насколько способны распознавать возможные злоупотребления и манипуляции, особенно со стороны некоторых зарубежных изданий, чей контент может быть представлен в сегменте Рунета иногда сознательно с целью воздействия на массовое сознание, искажая факты.

Для диагностики этой проблемы нами была разработана специализированная анкета, позволяющая измерить так называемый индекс ИИ-грамотности (индекс гра-

мотности в сфере искусственного интеллекта). В рамках исследования мы пришли к выводу, что в российской молодежной среде базовые компетенции в сфере искусственного интеллекта всё же сформированы. Однако затруднительно сказать, насколько их достаточно для определения того дипфейк перед ними или достоверная информация. Также отдельного исследования заслуживает проблема цифровой гигиены, и, в целом, отношения к потреблению контента современной молодежью. Кроме того, внимания заслуживает исследование уровня критического мышления российской аудитории, что также было бы полезно для более подробного описания рисков манипулирования со стороны.

В рамках современной нам ситуации представляются очень перспективными дальнейшие попытки разработки методик диагностики и более широкое распространение и уточнение наших наработок. В конечном счёте это позволит выработать рабочий механизм если не защиты, то хотя бы идентификации дезинформации, созданной при помощи искусственного интеллекта, что позволит формировать общественное гражданское сознание, отсекая неблагоприятные внешние воздействия.

Таким образом, ИИ-грамотность (грамотность в сфере искусственного интеллекта) является сегодня одной из необходимых компетенций для современного гражданина. Её действительно необходимо формировать в молодежной среде, ведь дальнейшая интеграция цифровых технологий в современную действительность продолжится и спустя ещё четверть века, очевидно, уже одной грамотности в сфере искусственного интеллекта будет недостаточно, потребуются новые компетенции, а для их освоения будет необходим поэтапный и проработанный план. Всего каких-то несколько лет назад мы говорили только о медиаграмотности и критическом мышлении, которых было достаточно для защиты от дезинформации, но уже в текущих реалиях новые технологии с лёгкостью обусловили новую необходимость.

Межевич Н.М., Шимов В.В.
(Москва, Институт Европы РАН)

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО РОССИИ И БЕЛАРУСИ – ОТ ТАКТИЧЕСКИХ РАЗНОГЛАСИЙ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ АЛЬЯНСУ

Союзное государство России и Беларуси – уникальный интеграционный формат на постсоветском пространстве. Это наиболее амбициозный и далеко идущий проект по заявленным целям и задачам – не просто интеграционное объединение, но именно Союзное государство. Столь тесная интеграционная связка является уникальной и беспрецедентной для постсоветского пространства.

После распада СССР новые независимые государства почти сразу же приступили к формированию собственных национальных стратегий социально-экономического развития. Разрыв межреспубликанских связей существенно ухудшил экономическое положение всех без исключения республик бывшего СССР. Спад производства в некоторых отраслях, которые были частью единого народнохозяйственного комплекса СССР, достигал 80%.

Российская Федерация и Республика Беларусь первыми начали реальное интеграционное взаимодействие, организовав Союзное государство России и Беларуси.

Прообразом данного объединения является Сообщество Беларуси и России, оформленное в 1996 г., которое предполагало политическую и экономическую интеграцию с целью объединения материального и интеллектуального потенциала двух государств. В том же году было принято решение о формировании общего Парламентского собрания. В 1997 г. Сообщество было преобразовано в Союз России и Беларуси, были сформированы Высший совет и Исполнительный комитет Союза. Парламентское собрание Сообщества было преобразовано в Парламентское собрание Союза. Далее, до 2000 г. был создан ряд комитетов и подписаны некоторые договоры о равных правах граждан РФ и РБ.

Сегодня Союзное государство России и Беларуси – это экономический и политический, а также военный союз, причём значение последнего неуклонно возрастает в условиях продолжающейся СВО и геополитического противостояния с Западом, где Москва и Минск действуют в единой связке. Сегодня наличие Союзного государства не только не позволяет замкнуть периметр из недружественных режимов по всему западному фасаду России, но и создает узкие места и риски для восточного фланга НАТО (Сувалкский коридор), а «белорусский балкон» прикрывает центральные и северо-западные регионы РФ.

Конечно, интеграция в рамках Союзного государства не могла не столкнуться с рядом проблем. Одной из них было то, что Беларусь в рамках своей внешней политики долгое время продолжала оперировать практикой многовекторности в понимании середины 1990-х гг. Разумеется, иерархия организационных приоритетов менялась при неизменности общих ценностных ориентиров. Так, президент Беларуси уже в более поздний период выражал определённые сомнения по поводу перспектив Союзного государства, отдавая приоритет ЕАЭС. Однако событийный блок, связанный с пандемией и конфликтом между Россией и Украиной, в сочетании с практически очевидным мировым кризисом, повысили ценность двусторонних договорённостей, которые быстрее достигаются и легче контролируются.

Как и следовало предполагать, некоторыми разногласиями России и Беларуси активно воспользовались наши оппоненты. В 2010-е гг. Европейский Союз активно занимался вовлечением Беларуси в свою политику соседства, основным инструментом которого была программа «Восточное партнерство», что существенно затормозило интеграционные процессы между Москвой и Минском и способствовало накапливанию взаимных противоречий.

Как следствие, Россия и Беларусь подошли к 2020 г. с самым большим багажом взаимных разногласий за все годы существования всех форм интеграции. И наиболее существенные для реальной интеграции задачи не реализованы до сих пор. Среди них можно упомянуть:

- введение единой денежной единицы; унификация налогового законодательства и проведение единой налоговой политики;
- формирование общего рынка ценных бумаг и создание учреждений по эмиссии ценных бумаг и регулированию фондового рынка;
- объединение энергетической и транспортной систем; формирование общего рынка услуг связи.

Промедление в реализации каждого из указанных пунктов имело свои причины, в основе которых зачастую было отсутствие единого мнения сторон. Например, отказываясь от эмиссии собственной валюты, Беларусь предполагала получить денежную компенсацию, против чего выступила российская сторона; согласия по налоговой политике не получилось из-за нежелания белорусской стороны переходить на российскую систему подоходного налога, что существенно ухудшило бы положение малообеспеченных слоёв населения Беларуси; энергетические конфликты 2006–2007 и

2010 гг., связанные с оспариванием цен на поставку газа для Беларуси и оплатой транзита газа в Европу, также свидетельствуют об отсутствии единой системы энергетического транспорта.

Констатация наличия проблем не меняет оценки Союзного государства как наиболее удачного проекта постсоветской интеграции. Несмотря на все проблемы и сложности, само по себе создание Союзного государства России и Беларуси стало колоссальным по своему́ геополитическому значению шагом: Республика Беларусь получила опору в экономической и военной сферах в лице союзной России, а Российская Федерация, преодолев негативную инерцию распада начала 1990-х, сохранила свою целостность, вновь став центром геополитического притяжения на всём постсоветском пространстве.

Возникла новая модель интеграции, которую авторы считают уникальной, более выверенной и справедливой, чем в Европейском Союзе или где-то еще.

Миненкова А.П.
(Воронеж, ВГУ)

«ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ»

Современный мир находится не столько на пороге перемен, сколько активно трансформируется в новый многополярный миропорядок, в котором принимают участие новые акторы, сопоставимые по силе влияния на принятие решений с государствами.

Санкционное давление, рост региональных конфликтов, усиление роли наднациональных структур, кризис международных институтов, информационная дезорганизация формируют условия геополитической турбулентности. В этих условиях инструменты традиционной дипломатии не всегда приводят к желаемому успеху, поэтому государства все чаще прибегают к использованию публичной дипломатии – инструменту, направленному на продвижение национальных интересов, культурных ценностей и формирование позитивного образа страны в глазах и умах зарубежной аудитории.

Для Российской Федерации развитие публичной дипломатии является ключевым инструментом «мягкой силы», позволяющим транслировать национальную позицию даже в условиях ограниченного доступа к мировым медиаплатформам.

Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 года наша страна стремится усилить свою роль в мировом гуманитарном пространстве, укрепить позиции русского языка, противодействовать распространению русофобии. Одним из инструментов реализации поставленных задач была избрана публичная дипломатия.

Особенностью отечественного подхода является использование термина «общественная дипломатия» в научном и публичном дискурсе, что отражает ориентацию на вовлечение в ее реализацию негосударственных структур. «Общественная дипломатия» – это международная общественная активность в культурной, научной и гуманитарной областях, как правило, реализуемая по линии общественных организаций.

Согласно данной трактовке, ключевые каналы реализации можно условно разделить на несколько групп. Государственные структуры в лице МИД РФ и Россотрудничества, образовательные и культурные проекты, медиапространство, негосударственные акторы, среди которых прослеживаются, например, экспертные сообщества и молодежные движения.

За плечами российской общественной дипломатии уже есть несколько больших проектов. Например, после распада СССР более 20 млн советских граждан, разделявших историю, язык и быт нашей страны, остались за границами России, поэтому для работы с соотечественниками была создана общественная структура – Всемирный координационный совет российских соотечественников (ВКСОРС), а также в структуре Министерства Иностранных Дел был сформирован Департамент по работе с соотечественниками. Еще одним из важнейших направлений работы общественной дипломатии является сохранение исторической памяти и противодействие фальсификации истории. Так, в 2023 году было инициировано создание Национального центра исторической памяти, проекты которого направлены не только на территорию нашей страны, но и намерены выйти на международное измерение.

Однако, несмотря на потенциал общественной дипломатии, в условиях геополитической турбулентности ее эффективность может ограничиваться и снижаться. Самое очевидное – это ограниченный доступ к платформам-гигантам, где формируется основная масса общественного мнения. Негативный образ, сформированный Западом, снижает доверие по отношению к нашей стране, что приводит к осложнению восприятия информации, транслируемой каналами общественной дипломатии. Также немаловажным аспектом является сохранение необходимости адаптации культурных и образовательных проектов под специфику целевой аудитории. В эпоху, когда информация распространяется с неимоверной скоростью, важно обратить внимание на сложность, вызванную конкуренцией с другими мировыми акторами, поскольку борьба за сердца и умы людей ведется постоянно.

Таким образом, в условиях геополитической турбулентности публичная дипломатия для России становится стратегическим ресурсом, влияющим на формирование международно-политической повестки. Для ее успешной реализации важно не только развивать каналы коммуникации, но и глубоко осознавать ценностные ориентиры, уметь вести диалог на основе культурных кодов зарубежных сообществ.

Минец К.Г.
(Пятигорск, ПГУ)

«РУССКИЙ МИР» КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА РОССИИ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

В период современной реконфигурации мирового порядка информационное поле становится новым пространством для противостояния между различными акторами международных отношений. Применение некинетических методов, таких как информационные и интеллектуальные войны, в настоящее время является новыми инструментами межгосударственного противоборства и выражаются в виде сетецентричной

войны. Рост числа кибератак также отражает тенденцию изменения modus operandi военных действий. В связи с этим, в процессе проведения специальной военной операции на Украине, данные инструменты информационного противоборства являются серьезной угрозой национальной безопасности России.

В настоящее время, в период сетецентричной войны, развязанной странами Запада против России, распространение идей «Русского мира» через геоинформационное поле получило новый импульс своему развитию. Проявление борьбы со стороны коллективного Запада находит отражение в виде создания различных новостных «фейков», пропаганды однополых браков, искажения исторических фактов и др. Приведенные примеры информационного контента размещаются на западных платформах, которые с началом специальной военной операции были запрещены в России.

Данная борьба с подобными методами ведения информационной войны стала эффективным стимулом по расширению цифрового пространства «Русского Мира». Отечественные социальные сети и платформы «ВКонтакте», «Одноклассники», «Telegram», «Rutube» способствуют распространению информационного контента «Русского мира», который по своей сути является антагонистичным западному. Благодаря развитию российских информационных платформ, конфликтогенность российской молодежи снижается за счет ориентации на цивилизационные и патриотические идеи «Русского мира» через когнитивное пространство.

Традиционные духовно-нравственные ценности, сохранение культурного и исторического наследия, патриотизм, русская культура и русский язык – это те идейные концепты политического пространства «Русского мира», которые должны более активно продвигаться через отечественные цифровые платформы, а также через международное информационное агентство «Russia Today», фонд «Русский мир», Россотрудничество, Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, Русскую православную церковь, отечественные диаспоры и другие инструменты «второго» канала дипломатии.

Несмотря на активное информационное противоборство России, угрозы стране со стороны коллективного Запада возрастают. Число событий, связанных с атаками на информационную безопасность России, постоянно растет. При этом характер кибератак совершенствуется: становится более точечным, с использованием технологий искусственного интеллекта. Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости продолжения работы по усилению информационной безопасности России, в том числе, в геоинформационном пространстве. Меры России по поддержке IT-сектора в условиях внешнего давления отражают стремление страны по повышению уровня своей безопасности в данной области.

Таким образом, анализ значимости информационных войн в рамках ведения гибридной войны в настоящее время является актуальным направлением проведения исследований в области политической науки. Именно использование инструментов мягкой силы на информационном уровне сегодня становится важным направлением ведения информационного противоборства.

Несмотря на активное противоборство России с коллективным Западом, в период специальной военной операции, сетецентричная война, развязанная против России, становится все более масштабной. Стратегия Москвы в контексте данной проблемы сегодня заключается в формировании объективного восприятия России за рубежом и укреплении позиций «Русского мира» в мировом информационном пространстве.

Мирзаджанов Т.Э.
(Москва, МГИМО МИД России)

СЕМЬЯ СУВЕРЕННЫХ НАРОДОВ: ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОГО ПРАВОПОПУЛИСТСКОГО ЛАГЕРЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Отдельным фактором поддержки современных правых популистов (далее СПП) явился рост значимости культурных аспектов и этноязыковой, принадлежности, в том числе и в плоскости глобализации, проблем миграции для Западной Европы и рынка труда для Восточной. СПП бросают вызов ЕС и стремятся пересоздать его на основе этнонациональных принципов «семьи суверенных народов». Со схожими правительствами и партиями СПП строят союзы и некий правопопулистский интернационал, основанный на личных договоренностях в противовес институцианализированному управлению, устоявшимся межнациональным блокам и организациям. СПП требуется легитимация и поддержка на международной арене в среде партий, отдельных лидеров из других стран. СПП желают продемонстрировать общемировую популярность своих ценностей и идей. СПП стремятся осуществить слом текущего миропорядка, реализовать общемировой правопопулистский поворот. С этой целью СПП поддерживают и помогают прийти к власти популистам из других стран. СПП используют политику памяти, ссылаясь на общие корни и схожие исторические пути с другими странами, если в тех популярны правопопулистские партии. Это увеличивает общемировую популистскую мобилизацию, формирует межнациональные правопопулистские идентичности, что приводит к росту конфликтности и поляризации на глобальном уровне. СПП нацелены на борьбу с глобальным технократическим управлением, миграцией, мультикультурализмом. Это постулируется СПП как путь к построению цивилизационного миропорядка. Существующий же уклад критикуется СПП как антинародный, нечестный и несправедливый.

СПП формируют специфическую транснациональную и этноконсервативную идентичность, распространяемую популистскими мировыми лидерами. Она основана на борьбе с «мировым заговором», глобальными институтами во имя возвращения дестандартизированных, отношений между народами. Взаимная поддержка и коллективный протест лидеров СПП на международной арене транслируется как источник актуализации и легитимации лидера во внутреннюю политику. СПП демонстрируют способность учиться и перенимать опыт, стратегии и ценности у своих иностранных коллег. Активное сотрудничество с другими СПП из-за рубежа легитимирует и демаргинализирует популистские правительства, они укрепляют международную поддержку и предоставляют её союзникам. Вражда с непопулистскими странами демонстрирует непримиримую и пылкую борьбу с внешними врагами и этим мобилизует электорат СПП дома. СПП убеждены, что внутри страны невозможно достичь благоденствия без реформы международной системы, они упраздняют дипломатические обычаи и устоявшиеся договорённости.

Международные союзы СПП имеют большой потенциал в эскалации конфликтов и вражды между нациями, разрушении международных институтов, системы коллективного управления, гуманитарных и экологических программ. Они склонны способствовать клиентизму и картельности и в целом политической коррупции уже не только внутри своих стран, но и на международном уровне, прикрываясь нарративами о воз-

вращении народного суверенитета перед лицом мировых элит, попыток уничтожения христианской/исламской цивилизации. СПП присущ специфический антиглобализм, основанный на суверенизме, секьюритизации, протекционизме и этатизме. СПП усматривают в глобализме эксплуатацию транснациональными элитами и местными предателями простых народов, размывание этнонациональных идентичностей космополитизмом, мультикультурализмом и терпимостью, миграцию как результат дешёвой рабочей силы. Поддержка антиглобализма СПП подкрепляется тревогами, социально-экономическими и социокультурными проблемами, незащищенностью, ощущением несправедливости, обостряющим вопросы гомогенности и инаковости.

В антиглобализме СПП проявляют стремление к антагонизму и разрушению институтов на международном уровне. СПП используют проблемы глобализации для культивирования расколов и нетерпимости. Внешняя политика СПП испытывает влияние мифического представления прошлого своей страны, убежденности национальной исключительности. Это актуализирует исторические конфликты – сегодняшняя политика начинает оправдываться событиями прошлого и заявлениями о вековом угнетении. Национальные травмы становятся главными триггерами внешней политики. Иные народы позиционируются как злодеи, виновные в невзгодах жертвенной и мученической родины, что формирует представление о международной политике как о экзистенциональной борьбе за выживание. Это бросает вызов ценностям консенсуса в качестве принципов международного сотрудничества, замещая их амбициями лидеров СПП. Действия и нарративы СПП на международной арене приводят к поляризации, радикализации, неприятию компромисса, примату этнонационалистических исключающих идентичностей, шовинизма, ксенофобии, восприятию политики как борьбы добра со злом, битвы с врагами и чужаками. Политика становится менее планируемой для сотрудничества, более рискованной и кризисной.

Мирзоев Э.Э.
(Тюмень, ТюмГу)

КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: ВЫЗОВЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Партии традиционно считаются способом выразить своё мнение, овладеть политической властью в государстве, принять политическое участие и занять власть законными методами.

Однако сегодня классические партии переживают кризис, который особенно актуален в эпоху цифровизации и развития нейросетей. По данным исследования SuperJob за 2021 г. 53% населения было не против заменить депутатов нейросетями. В странах Европы по данным Eurobarometer за 2024 г. партиям не доверяют 72% европейцев. Так как партии остаются одним из немногих способов вовлечь в политическую жизнь большие массы людей необходимо разобраться, с чем связан кризис традиционных политических партий, выделить, что получается у альтернатив традиционных политических партий – сетевых политических объединений, а также предложить возможные варианты развития.

Некоторые исследователи связывают утрату доверия к партиям с цифровизацией общества, некоторые с переходом от индустриальной экономики к постиндустриальной. Однако стоит заострить внимание на самих партиях, которые в угоду привлечения

как можно большего числа электората превратились в «лови-всех-партии». Это явление описывалось ещё Р. Кацем и П. Мэиром в 1995 г. (Katz R., Mair P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: the Emergence of the Cartel Party), и с тех пор это явление стало ещё более актуальным.

Если мы посмотрим на программы партий в парламенте – программа «Единой России» представляет собой, по сути, сборник достижений и обещаний; программа ЛДПР не содержит ни слова о либерализации или демократизации российского общества. Программы партий «Справедливая Россия», «Новые люди» и КПРФ являются развёрнутыми.

Многие партии в Азии выглядят идеологически мотивированными, но тут возникает проблема с нестабильностью политических режимов и их неоднородностью.

В Европе главная проблема в том, что неолиберальная идеология, не допускающая какого-го иного мнения, опутала собой все страны Евросоюза. Пиком этого является недавнее признание партии Альтернатива для Германии экстремисткой, многочисленные аресты и обыски в региональных отделениях партий.

Альтернативой классическим партиям для многих людей представляются сетевые организации, характерные черты которых – анонимность, массовость, децентрализованность.

Характерным примером сетевой организации является Milk Tea Alliance в Азии. В период протестов в Азии хештег #milkteaalliance достигал упоминания около миллиона. Организация изначально являлась мемом, но затем переросла в массовое-онлайн движение за демократические ценности в Юго-восточной Азии. В Европе возрастает доверие к ультраправым организациям и популистам, зачастую набирающих популярность в сети. В России основной платформой для низовой политической жизни многим гражданам представляются телеграмм каналы. Количество подписчиков в телеграмм-каналах, как патриотических, так и оппозиционных. Тут стоит отметить, что «патриотические» телеграмм-каналы и объединения, как правило не соглашаются с официальной линией власти.

Для сохранения своего политического веса партии могут предпринять ряд решений:

Первое – реидеологизация партий. Популизм отдельных партий в попытке закрыть собой идеологическую пустоту размывает поддержку, и потенциальный избиратель опирается либо на персоналии, либо просто присоединяется к выигрывающей партии. Нужно снова формулировать смыслы, программу партии и пункты предвыборных обещаний, опираясь при этом не просто на желание привлечь как можно больший срез населения, а на идеологические ценности.

Второе – снижение общего уровня «элитарности» партий. Современным партиям необходимо цифровизироваться и вовлекать широкие слои населения в политическую жизнь, что в свою очередь будет вести укреплению доверия к политическим партиям.

Стоит отметить, что какого-то универсального «рецепта воскрешения партий» нет. Важно учитывать специфику каждого региона и отдельной страны, а также правовой фон. В первую очередь партиям необходимо осознать важность реформации. В противном случае партии станут рудиментом.

Мирошниченко И.В.
(Краснодар, КубГУ)

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПОЛИТИКЕ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время в центре политических исследований находятся задачи, с одной стороны, направленные на укрепление социокультурных основ российского общества и его консолидации на основе государственно-гражданской идентичности, с другой – осуществления институциональных и технологических изменений, направленных на достижение нового качества жизни граждан. Современные научные представления в основном фиксируют дихотомию традиций и инноваций, при этом возможности интегративных форм их существования и конфигураций в политике развития рассматриваются редко. Научное обоснование оценки потенциала и механизмов конвергенции традиций и инноваций как нематериальных ресурсов развития позволит использовать их в стратегическом проектировании политики развития для достижения нового качества жизни граждан, а также обеспечить высокий уровень включенности различных субъектов в практики публичного управления и формирования гражданской солидарности.

В докладе будет представлены концептуальные разработки, обосновывающие роль нематериальных ресурсов политики развития территорий, которые, являясь носителями социокультурных традиций через актуализацию политико-управленческой деятельности публичных субъектов наращивают свой инновационный потенциал. На примере эмпирических исследований автор рассмотрит различные конфигурации взаимодействия традиций и инноваций в политике развития российских территорий, среди которых: традиции как препятствие инновациям; инновации, разрушающие традиции; автономизация традиций и инноваций; конвергенция традиций и инноваций.

Предложенный подход способствует преодолению изменению устойчивых представлений элит и широких слоев общества, согласно которым большие города выступают как центры инноваций и технологического развития, а сельские территории и малые города – носителями традиций, консервирующих развитие. Такие представления и установки препятствуют сбалансированному территориальному развитию регионов и актуализации нематериальных ресурсов, позволяющих усилить процессы солидаризации граждан, укреплять общероссийскую гражданскую идентичность. Их корректировка также позволит сельским территориям выйти за пределы периферийных позиций и традиционных траекторий аграрного образа жизни, одновременно обеспечивая решение стратегических проблем расселения людей, социального контроля над территорией, сохранения исторически освоенных агроландшафтов, социокультурного разнообразия и человеческого капитала. Предлагаемый междисциплинарный подход позволит выработать общие основания для политике развития на основе интеграции оптики урбанистических и сельских исследовательский.

В перспективе авторские теоретические разработки и результаты эмпирического исследования позволят интегрировать в целостную объяснительную модель потенциал, процесс и результаты конвергенции традиций и инноваций в политику развития городских и сельских территорий, а также создать аналитический инструментарий для оценки конструктивного потенциала традиций для практики публичного управ-

ления, обеспечивающего с одной стороны, инновационное развитие региона, с другой – социально-психологическую устойчивость граждан на основе укрепления цивилизационных основ и традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества

Митрахович С.П.
(Москва, Финансовый университет при правительстве РФ)

РОССИЯ И АЗЕРБАЙДЖАН: ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Наблюдателями предпринимаются попытки объяснить происходящий российско-азербайджанский конфликт (и саму резкость и темпы его интенсификации) через политические факторы в узком смысле этого слова. В том числе эксперты указывают на активные попытки Запада, и особенно его британской части, перетянуть Баку на свою сторону в рамках большого прокси-конфликта РФ и Запада. Есть и версия, ставящая во главу угла амбиции Турции по увеличению своего влияния на Кавказе и в иных регионах, – Турция это делает за счет опоры на этнически и культурно близкий Азербайджан, вытесняя российское влияние. Дополнительное «вдохновение» амбициям Баку и Анкары придала успешная для них Вторая война за Нагорный Карабах, окончившаяся поражением Армении.

Но имеет смысл посмотреть и на энергетические предпосылки конфликта. Ведь с этой точки зрения между Россией и Азербайджаном имели место как пространство для кооперации, так и тенденции нарастания противоречий из-за разности энергетических интересов.

Пространство для сотрудничества включает участие российского бизнеса в upstream-проектах на территории Азербайджана, а также различные варианты совместных экспортных газовых проектов. Так, российской компании ЛУКОЙЛ принадлежат 19,99% в проекте разработки газоконденсатного месторождения Шах-Дениз (ключевое месторождение для реализации азербайджанских амбиций по увеличению поставок газа в Турцию и Европу). В нескольких вариантах существуют схемы газового свопа с участием России и Азербайджана. Своповые операции предусматривались и для потенциальной схемы создания большого турецкого газового хаба, одним из источников ресурсов для которого мог бы быть российский газ. Задумка была в том, чтобы уговорить европейских потребителей получать российский газ под видом «газа с турецкого хаба».

Что касается планов сохранения или реанимации украинского транзита, когда под видом российского газа по Украине юридически бы шел газ «азербайджанский», то о возможности этого варианта говорили и источники западных авторитетных информационно-аналитических агентств, и даже сам Владимир Зеленский. С идеей изначально были проблемы (все же пришлось бы всем делать вид, что Азербайджан способен увеличить собственную добычу на уровень предполагаемой загрузки украинской ГТС в 2025 году), но с учетом экономической заинтересованности и Европы, и России, и Азербайджана и самой Украины в этой схеме шансы на ее реализацию были. Правда, в итоге Киев принял политическое решение о полном прекращении транзита в любых формах.

Однако у Баку есть и варианты альтернативной энергетической игры. В качестве примера можно назвать создание трубопроводов Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД) и

Баку – Тбилиси – Эрзерум, которые должны были привести каспийские нефть и газ в Турцию и Европу, минуя территорию России. Именно так эти трубопроводы подавались и их политическими адвокатами, и даже в публичном пространстве. Так, в популярном фильме «И целого мира мало» (1997) британский агент Джеймс Бонд как раз помогает правительству Азербайджана в продвижении трубопроводов из Каспия в сторону Турции и Европы (при этом даются прямые намеки, что за «темными силами», мешающими этим проектам, может стоять Россия с ее «империалистическими устремлениями»). Кстати, именно Британия считается традиционно одним из главных внешних акторов, влияющих на принятие внешнеполитических решений и в Баку, и в Анкаре.

Кроме того, Азербайджан мог стать еще и транзитером туркменского газа. Проект Транскаспийского газопровода (он был призван доставить туркменский газ через Каспий и далее через Азербайджан, Грузию и Турцию в Европу) еще в «нулевые годы» активно поддерживался американцами. На словах Вашингтон даже давал «гарантии безопасности» для данной трубы (чтобы минимизировать страх прикаспийских стран относительно возможного применения военной силы Россией против проекта под предлогом неопределенного тогда статуса международных границ на Каспии. Позже международное соглашение о границах на Каспии все же было достигнуто). Транскаспий тогда не был реализован, а из всего «каспийского куста проектов» (представленного различными вариантами газопровода Nabucco) был в итоге построен только TANAP-TAP. Мощность TANAP составляет только 16 млрд кубов ежегодно, и единственным источником газа является Азербайджан. Что, кстати, затрудняет планы по удвоению мощности TANAP до 32 млрд кубов в год без Транскапия. При всех проблемах с реализацией этого проекта амбиций Баку, Анкары и Запада без кооперации с Россией в Баку вполне могло созреть предположение, что «можно рискнуть». Тем более что Транскаспийский газопровод вполне вписывается в идею турецкого хаба. А политическое влияние Анкары на Баку сегодня просто огромно – и это немаловажно с точки зрения анализ источников и перспектив отношений по линии РФ – Азербайджан.

Митрофанова А.В.
(Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации)

СЕТЕВЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ПРАВОМ ФЛАНГЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Выступление посвящено переходу части политических движений на правом фланге политического спектра на посторганизационный этап развития. Несмотря на то, что эти движения сохраняют организационную структуру, необходимую для участия в политической жизни, существенная часть их деятельности осуществляется через своеобразную «экосистему» – сообщества и инициативы, созданные для решения неполитических проблем. Проекты могут формально не быть связаны с движением, допуская любую степень участия заинтересованных людей без необходимости разделять идеологию и узкополитические цели. Речь идёт об эволюции специфического крыла в радикальном русском национализме – движения национал-демократов (нацдемов). (Под радикальными русскими националистами имеются в виду партии или движения, цент-

ральным элементом идеологии и политической программы которых является политическое самоопределение русского народа.)

Национал-демократическое направление сформировалось к началу 2000-х гг., поставив целью преодолеть сектантскую замкнутость националистических организаций более раннего периода, привлечь на свою сторону широкие слои населения и приобрести политическую респектабельность. Именно в этот период указанный политический сегмент переходит от самоназвания «националисты» к самоназванию «правые», учитывая освоение им некоторых либерально-демократических концепций. Идеология нацдемов предполагала разрыв с традициями русского консерватизма: переход от монархизма к республиканству, отказ от поддержки государственного патернализма в пользу свободного рынка, а также от религиозности в пользу светскости. Нацдемы обращались к людям, выросшим после распада СССР и полностью адаптированным к капиталистическому обществу, дистанцируясь от предыдущего поколения националистов, социальную базу которого составляли люди, плохо приспособившиеся к рыночной экономике.

Тем не менее, на первой стадии своего существования национал-демократы повторили многие организационные ошибки раннего этапа развития национализма. Они стремились создавать организации, хотя не военизированные и без фиксированного членства (как у ранних националистов), ориентированные, в основном, на политические действия (митинги, демонстрации). Основным инструментом привлечения сторонников они все ещё считали распространение идеологии. Таким образом, политическая деятельность нацдемов оказалась замкнутой между «уличной» политической активностью (иногда принимавшей противозаконный или сомнительный характер) и ознакомлением граждан с идеологией в надежде, что это принесет в перспективе электоральный успех. Вторая тактика не имела почти никакого успеха (и не могла иметь, так как интерес к идеологии в современном обществе незначительный), первая же к началу 2010-х гг. привела к разгрому национал-демократических организаций правоохранительными органами.

Основными точками сборки на втором этапе развития национал-демократического движения становятся сетевые проекты, все больше ориентированные не на прямую пропаганду идеологии, а на развлечение аудитории или на производство неполитического образовательного контента высокого качества. В соответствии с идеями В.И. Ленина, сетевые площадки взяли на себя функции не только пропагандиста, но и «коллективного организатора». Каждая из них выступила центром экосистемы, состоящей из политических и неполитических онлайн– и офлайн-проектов. В социальном смысле, современные нацдемы ориентируются не на радикалов, стремящихся к уличным акциям, а на молодых профессионалов, в том числе сотрудников государственных организаций.

Современные национал-демократы, ориентируясь на участие в выборах, не стремятся к регистрации в качестве партии, сохраняя посторганизационный характер сети, состоящей из различных инициатив и проектов («экосистема» или «орбита»), обычно не связанных с электоральным процессом и политической деятельностью вообще. Проекты, инициативы и сообщества (экологические, градо– и правозащитные и др.) позволяют движению привлекать людей, не разделяющих его идеологические принципы. Эти люди, в свою очередь, могут выбирать из разнообразных инициатив подходящие, оставляя остальные без внимания. Посторганизационное участие не только удобно, но и снижает для каждого участника «социальную цену» вхождения в националистическую среду, которая уже не предполагает (как на ранних этапах) фиксированного членства или ношения формы.

Митрохина Т.Н.
(Саратов, СГТУ имени Гагарина Ю.А.)

РЕКОНФИГУРАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В основу системы международной безопасности заложен универсальный принцип соблюдения субъектами международных отношений общепризнанных военно-политических, дипломатических, экономических соглашений и норм. Исторически выделяют несколько систем международной безопасности, оцениваемых с точки зрения доминирования субъектов международных отношений или баланса сил между государствами и союзами – Вестфальскую, Венскую, Версальско-Вашингтонскую, Ялтинско-Потсдамскую. Чередование различных конфигураций порядков международной безопасности – однополярного, биполярного, многополярного, бесполярного, как правило, является ответом на изменение международной ситуации и баланса сил субъектов международной безопасности.

Ялтинско-Потсдамская система, сложившаяся по результатам Второй мировой войны, имела биполярную структуру, основание которой составил учет мнения двух сторон – США и СССР и их союзников. Распад СССР существенно усилил позиции США, в результате чего биполярная структура международной безопасности трансформировалась в американоцентричную. Потеряв в лице СССР мощного конкурента, США начали практиковать бесконтрольное военно-политическое и экономическое вмешательство во внутреннюю политику других государств, следствием чего стала субъективная интерпретация норм международного права и разрушение основ системы международной безопасности,

Под влиянием новых тенденций оживились дискуссии относительно оптимальной модели международной безопасности. Сторонники моноцентрического порядка обосновали преимущества модели, способствующей достижению безопасности за счет установления и поддержания правил и принуждения к их соблюдению из единого центра. Единый центр влияния и принятия решений позиционирован в качестве эффективного способа поддержания международной безопасности, при которой основу порядка составляет иерархическая конфигурация.

Не менее актуальны дискуссии относительно многополярности, способной обеспечить сетевую конфигурацию отношений. Дискуссии развернулись по ряду направлений, наиболее значимыми из которых являются – оптимальное количество полюсов или центров влияния, определение критериев отнесения государства или союза государств к полюсу влияния, соотношение центров влияния и отношения между ними.

Многополярность оценивается с помощью ряда количественных показателей и индексов, характеризующих позиции государства или союза государств в экономической, торговой, военной, научно-технической, финансовой, инфраструктурной, демографической, дипломатической, социальной сферах. При оценке влияния субъекта важным критерием является международная репутация. В целом государство с хорошей репутацией не только социально привлекательно, но и обладает ярким, узнаваемым брендом, значительной культурной притягательностью, является производителем и экспортером поведенческих образцов и престижных жизненных стандартов.

Нередко многополярность отождествляется с гармоничностью, представляется в виде идеального образа желаемого будущего. Однако нельзя исключать и другой вариант многополярности, при которой несколько полюсов силы конвенциональным порядком делят мир на сферы влияния.

Оценка многополярной конфигурации системы международной безопасности осуществляется по ряду направлений – количественные показатели, число которых постоянно растет, оценка репутационных и символических накоплений полюса влияния. Не менее значимо наличие политической воли субъекта и собственного политического проекта системы международной безопасности.

Практически всеми исследовательскими центрами сегодня фиксируется смещение экономического и демографического потенциалов с западных систем к не западным – восточным, африканским и азиатским. При этом не западные страны пока не демонстрируют готовности предложить институциональные и нормативные проекты реорганизации системы международной безопасности, сформулировать и принять общие для всех правила взаимодействия, следовать им, определяя привлекательные жизненные стандарты.

Направленность процесса реконфигурации современной системы международной безопасности оценивается в широком диапазоне – от бесполярности или американоцентричности, до новой биполярности или многополярности. Ответ на вопрос о формате взаимоотношений субъектов международной безопасности – сотрудничество, соперничество, конфликт, принуждение, давление, санкции – также формулируется лишь с определенной долей вероятности. Формального закрепления происходящие изменения еще не обрели – не меняются институциональные и нормативные основания системы международной безопасности, меняются лишь неформальные предпочтения, коммуникации и союзы.

Михайленко Е.Б.
(Екатеринбург, УрФУ)

АКТОРЫ СОВРЕМЕННОГО РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

В современном режиме нераспространения ядерного оружия существуют разные типы акторов: государства и негосударственные акторы. Под акторами, то есть активно формирующими политические процессы, М.М. Лебедева понимает, прежде всего, государства . Основными участниками режима ядерного нераспространения остаются государства. Тем не менее, негосударственные акторы также начинают играть важную роль, образуя партнёрства как между собой, так и с государствами .

В современной политической науке существует несколько классификаций государств. Ключевой в классификациях является категория «мощь» или «сила». Можно выделить разные категории государств: «сверх-держава» (super power), «великая держава» (great power), «региональная великая держава» (regional great power), «средняя держава» (middle power) и «крупная держава» (major power). Появление разных категорий держав связано с тем, что категория «сила» или «мощь» может иметь не только материальную составляющую, но и идейную. Идентичность, роль и амбиции государств становятся элементами силы наравне с размером государства, его населением, военной и экономической мощью. Государство, по А. Вендту, может иметь идентичности четырех типов: (1) индивидуальная или корпоративная, (2) типовая, (3) ролевая и (4) коллективная . Разные типы идентичности влияют на национальные интересы государства, которые, в свою очередь, определяют роль, мотивы и практики, которые государства реализуют в рамках международных режимов.

В режиме нераспространения ядерного оружия, как правило, определяют два типа государств: государства, обладающие ядерным оружием, (ЯОГ) и государства, не обладающие ядерным оружием (НЯОГ). Однако отталкиваясь от ролевой и типовой идентичности, включающей наличие или отсутствие ядерного оружия, можно выделить большее количество акторов: (1) государства-члены ДНЯО, обладающие ядерным оружием; (2) государства, обладающие ядерным оружием вне ДНЯО; (3) государства, имеющие на своей территории ТЯО США, и государства, входящие в «ядерный зонтик» США; (4) государства-участники региональных зон, свободных от ядерного оружия; (5) государства, не обладающие ядерным оружием, в том числе пороговые государства; (6) государства, отказавшиеся от ядерного оружия; (7) государства, на территории которых проходили ядерные испытания; (8) государства, поддерживающие гуманитарную инициативу и ДЗЯО. Все эти государства играют разные роли внутри режима ядерного нераспространения и, как следствие, ядерного порядка.

В рамках существующего ядерного порядка взаимодействуют не только 190 и более государств, но и множество их идентичностей, которые могут как конкурировать и конфликтовать в одних вопросах, так и сотрудничать в других. Чтобы усилить свою позицию, все больше государств координируют свои действия в рамках не только традиционных региональных групп, но и различного размера региональных и межрегиональных коалиций: региональные организации, специализированные региональные организации, региональные группы, специализированные региональные (ядерные) группы, формальные и неформальные (ядерные) межрегиональные группы.

Негосударственные акторы становятся важными участниками формирующегося ядерного порядка. К негосударственным акторам относятся региональные акторы и неправительственные организации (НПО). НПО в области ядерного разоружения можно отнести к нескольким группам: пропагандистским (advocacy groups), активистским (active groups), фабрикам мысли (think tanks) и академическим центрам (academic group). Количество НПО, участвующих в конференциях ДНЯО, с каждым циклом увеличивается. С одной стороны, есть определенная консолидация вокруг транснациональной сети убеждения (ТСУ) ИКАН, с другой стороны, каждая НПО имеет свое собственное видение того, как должен развиваться режим ДНЯО. Ряд НПО, например, Международная женская лига за мир и свободу, продвигают радикальную повестку изменения норм в режиме ДНЯО: полный запрет ядерного оружия и изменение патриархальных норм режима. Другие НПО предлагают сконцентрироваться на решении гуманитарных вопросов. Есть группа НПО, которые поддерживают политику государств, обладающих ядерным оружием, и призывают сохранять статус-кво в ДНЯО. НПО не всегда были независимы от правительств, есть государства-доноры, которые могут влиять на позицию НПО.

Подводя итог, можно утверждать, что современный режим нераспространения ядерного оружия представляет собой сложный мир, который включает большое количество акторов, их идентичностей и интересов. Великие державы или ядерная пятерка продолжают играть важную роль, тем не менее, малые и средние государства становятся активными участниками трансформации существующих режимов. Для повышения своей роли в режимах и усиления позиций государства они все активнее вовлекаются в процесс регионализации, создавая все больше групп и коалиций. В качестве центров начинают выступать негосударственные акторы, в том числе транснациональные сети убеждения.

Михайленко В.И.
(Екатеринбург, УрФУ)

«АЗИАТИЗАЦИЯ» МИРОВОГО ПОРЯДКА КАК ВЫЗОВ ВЕСТФАЛЬСКОЙ МОДЕЛИ

Кризис Ялтинской (Вестфальской) модели мирового порядка.
Есть веские причины полагать, что Ялтинско-Потсдамский мировой порядок является последним в рамках европоцентричной Вестфальской модели, ведущей свое начало с 1648 года. Ценностные и нормативные установки, заложенные в документах и институтах ООН, сформулировали «стандарты цивилизованности».

Тем не менее, сформировался общественный, научный и политический консенсус относительно того, что имеет место кризис глобального управления и ООН не справляется с возложенными на организацию задачами.

Объективные и субъективные факторы кризиса глобального управления.

Среди факторов кризиса – влияние глобализации, деглобализации, фрагментации, пандемии, изменения расстановки сил в глобальном мире, ослабление влияния гарантов миропорядка, влияние процессов деколонизации, рост самосознания и укрепление суверенитета средних государств, различные формы выражения недовольства миропорядком со стороны государств т.н. Глобального Юга.

Незападные государства имеют основания быть недовольными современным мировым порядком, доминированием в нем великих держав. Министр иностранных дел, один из идеологов современного индийского национализма С. Джаншайкар выражает мнение значительного числа стран Глобального Юга: «Европе необходимо отказаться от убеждения, что проблемы Европы – это проблемы мира, но на самом деле проблемы мира – это не проблемы Европы».

Дж. Айкенберри утверждал в 2018 году, что будущее либерального порядка зависит от способности США, Европы и расширяющегося круга либеральных демократий возглавлять и поддерживать его. Спустя семь лет только добавилось пессимизма относительно заинтересованности стран-основателей Ялтинско-Потсдамского мира в его защите. И особенно это касается позиции президента Трампа, который подменил защиту ценностей технологией «сделок».

Каким хотели бы видеть мировой порядок незападные, прежде всего, азиатские государства?

Можно констатировать неприятие значительным числом незападных государств либерального мирового порядка, однополярного мирового порядка, мирового порядка, основанного на международном праве. Европоцентричному мировому порядку противопоставляется «мир, основанный на правилах», и порядок, основанный на многосторонности.

Разберем случай азиатского подхода к многосторонности. Аналитик из Наньянского технологического университета К.К. Питакдамронгкит подчеркивает, что многосторонность не является панацеей для средних и малых государств. Во-первых, конкуренция между крупными державами может привести к фрагментации системы управления. В результате малые и средние государства будут вынуждены выбирать чью-либо сторону против своей воли. Кроме того, разногласия по поводу норм и правил регулирования рынков и технологий могут усугубить фрагментацию системы, сокращая возможности для этих стран процветать и достигать своих интересов. Незападные страны должны осознавать, заключает автор, что у них есть возможность формировать «международный порядок, основанный на правилах».

Индонезийский автор С. Будианторо утверждает, что Азии нужна парадигма устойчивости, созданная самими азиатами». И далее он продолжает: «Глобальный порядок, ...основанный на западных институтах и ценностях, ...рушится. ...Возникает новое созвездие держав, с Азией на переднем крае. Разнообразие Азии – ее цивилизационная мудрость, экологические традиции и коллективный образ жизни – редко признается источником устойчивости... Постгегемонистский мир будет определяться не только сменой власти, но и сменой смысла. ...Азия может предложить то, чего так не хватает миру: устойчивость, которая является не лозунгом, а душой».

Авторитетные представители азиатской школы политической мысли Канти Бажпай и Эван А. Лакшмана считают, что ни одно азиатское государство не готово всецело поддержать современный международный порядок. Азиатские государства хотят международного порядка, основанного на нормах независимости, равенства и верховенства закона. Равенство не означает, что каждый имеет все существующие права и привилегии. Например, малые азиатские государства не рассчитывают иметь право вето в Совете Безопасности ООН, однако, они поддерживают базовую хартию прав и защиты, доступную всем. Это находит выражение в поддержке азиатскими государствами «международного порядка, основанного на правилах».

Прогноз. Миропорядок двадцать первого века будет формироваться в острой борьбе старого и нового, в противостоянии между нисходящими и восходящими державами, между устоявшимися и вновь созданными международными институтами, между победителями и проигравшими в процессе глобализации. Фрагментация мирового порядка не означает его распада на регионы, а означает его усложнение. Как отмечает А. Ачарья, нас ожидает «мир растущей сложности» и «перекрывающееся разнообразие» локальных и региональных конструктов. Современный мир должен дать дорогу более плюралистическому «мультиплексному миру».

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда: проект № 24-28-01710 «Процессы регионального строительства и экономической интеграции в Азии в условиях конкуренции великих держав».

Михайленок О.М.
(Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)

КРИЗИС СИСТЕМНОСТИ И ЕГО ОСНОВАНИЕ

Мир погружается в смысловой хаос. Стихийно вспыхивающие и так же быстро заканчивающиеся брутальные конфликты, вихревые финансовые спекуляции, протейные идентичности, смысловые манипуляции информацией, целенаправленное введение в заблуждение, бесконечные обманы друг друга, медийные клише вкупе с бесконечным прогрессом в сфере сверхскоростных межличностных коммуникаций, пришедшие на смену привычным и понятным нам гуманитарным убеждениям – неприятию конфликтов и маргинальных позиций с одновременным сочувствием неудачникам, – знаменуют кризис системной модели мира. Изначально ориентированная на торжество человеческого разума, стремящегося освободиться от любых трансцендентных догматов и найти новые онтологические нравственно-политические смыслы человеческого общежития, она более не может считаться работоспособной.

Причина её неработоспособности сокрыта в бесконечном умножении целей, вкупе с одновременным размыванием регламентирующих человеческую жизнь ценностей.

Речь идёт о девальвации организующих человеческое общежитие позитивных рациональных умонастроений людей, стремящихся к соразмерности внутреннего душевного и внешнего социального порядков. Кажущееся чувство освобождения обернулось новой ловушкой – экзистенциальным одиночеством человека, озабоченного выживанием в утратившем всякие смыслы мире.

У человека возникает сомнение в своей способности к гармонизации внутреннего и внешнего порядков, что закономерно приводит к смене его изначально позитивного жизненного настроя на негативный. Последствия этого явно проявляются как в самокритике ограниченной от ассоциативной жизни «никчемной» индивидуальности, так и в критике транслируемых ею вовне эгоистических идеологизированных социальных норм, процедур и институтов – свободы, демократии, выборов, законов, бюрократии, суда, прессы, образования, здравоохранения, семьи и производства.

Возникает вопрос о действенности лежащей в основе современности парадигмы дисциплинарно конструированного человеческого познания. Отдающая предпочтение «практическому разуму», призванному избавить «изолированное» человеческое сознание от «негативного» – от метафизических вечных истин и догматов, кантовская трансцендентальная парадигма вывела мысль и знания человека за пределы метафизических бытийных понятий, делая их субъективными и конечными.

Способность человеческого разума к априорному познанию привносит в кантовскую познавательную трансцендентальную парадигму странный и весьма неблагоприятный фактор – человеческий разум не выходит за пределы возможного опыта. Все то, что способно побудить его выйти за пределы опыта, будет объявлено безусловным. Закрадывается сомнение в действенности предложенного человеком «системного» социального или политологического подхода к анализу и синтезу социальной реальности. Ведь в каждом из них – чисто системном, структурно-функциональном, институциональном, бихевиористском или психологическом – легко обнаруживается метафизическое системное человеческое начало, нечто родственное важнейшему догматическому конструкту – человеческой «бессмертной душе». То есть способы и инструменты наблюдения окажутся связанными с наблюдаемым объектом. Считается, что этот принцип анализа реальности привнесен в гуманитарные науки квантовой механикой, однако он мыслится прямым следствием более раннего кантовского трансцендентального подхода.

Столь странное и неблагоприятное положение о единых априорных формах познания фактически предопределило и всю дальнейшую парадигму познания – любыми путями воспрепятствовать выходу человеческого разума за пределы того, что дано ему в опыте, эксплуатируя для этого его метафизические, психологические и антропологические предрассудки, с одной стороны, и создавая архаичные механизмы контроля в виде верований, идеологических комплексов, социальной солидарности и неотайболизмов – с другой. Парадоксально, что призванная способствовать человеческому прогрессу систематизация социальной реальности, наоборот, его сдерживает.

Если полагать систематизацию человеком социальной реальности опытом, то, в соответствии с кантовской трансцендентальной парадигмой, его можно признать «негативным». Поскольку сущность и направленность социальной реальности обуславливается безусловным человеческим метафизическим началом, любая её систематизация «извне» и «изнутри» делает её нереформируемой, предполагая возврат к направляющему её тезису. Очевидно, что достижение единодушия по поводу единственно верного основания, a priori направляющего процесс человеческого бытия, превращается в результате этого в бесконечный процесс. В итоге гибнет или преследующий «изменчивые тени» автор, или его создание – «народ свободный на земле свободной». История, как мы понимаем, знает немало примеров подобного печального эпилога.

Михайлов И.В.
(Тамбов, ТГУ)

КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – ПУТЬ К УСТОЙЧИВОМУ МИРОПОРЯДКУ ИЛИ ИНСТРУМЕНТ СДЕРЖИВАНИЯ?

Проблема гарантий безопасности для Украины после завершения СВО и множество предлагаемых вариантов и конфигураций их реализации вызвали оживленные дискуссии, как среди политиков, так и среди экспертного сообщества. Большинство предложений, которые мы слышим от Запада, так, или иначе, связано с концепцией «коллективной безопасности». Термин «коллективная безопасность» появился в 1930-х годах. Но идея о том, что безопасность всех стран взаимосвязана и неделима, была не нова. 28-й президент США Вудро Вильсон активно продвигал эту концепцию во время Первой мировой войны, и победившие союзники закрепили ее в Уставе Лиги Наций. Несмотря на последующие неудачи Лиги, видение Вильсоном «нового мирового порядка» продолжало влиять на международную повестку, привлекая все новых и новых сторонников. Однако для эффективного функционирования системы коллективной безопасности требуются серьезные условия: согласие всех государств с существующим порядком и отказ от применения силы, единое понимание агрессии, готовность крупных держав предоставлять ресурсы для предотвращения конфликтов, даже если они не затрагивают их напрямую, и активное противодействие нарушению санкций против агрессоров (Roland N. Stromberg Collective Security // https://www.americanforeignrelations.com/A-D/Collective-Security.html). Когда государства демонстрируют такое единство, они готовы идти на уступки в национальных интересах ради общего блага. В результате, эффективная структура коллективной безопасности нуждается в существенных материальных и человеческих вложениях для достижения своих целей.

При этом готовность государств к сотрудничеству напрямую зависит от того, насколько оно отвечает их собственным интересам. И хотя такое сотрудничество может быть выгодным на каком-то определенном этапе, нет никакой уверенности в его постоянстве. Крупные державы, на которых лежит основная ответственность за поддержание мира в рамках коллективной безопасности, никогда не были готовы полностью подчиняться решениям мировых организаций, всегда оставляя себе право действовать по своему усмотрению. Идея коллективной безопасности не смогла примирить национальный и наднациональный суверенитет. Суверенные государства, зачастую, не готовы брать на себя неоспоримые обязательства на будущее, особенно когда речь идет о потенциальной войне. Без таких твердых гарантий система коллективной безопасности рискует стать лишь инструментом для защиты национальных интересов.

Еще одним спорным тезисом в доктрине коллективной безопасности является утверждение о том, что «агрессоры» всегда на стороне «зла». Им требуется противостоять и наказать от имени всего «прогрессивного человечества». Этот тезис поставлен под сомнение на ярком примере конфликта между Израилем и палестинскими арабами. Поскольку концепция коллективной безопасности основывается на надежной охране существующих границ, ее можно подвергнуть критике за то, что она замораживает текущее состояние дел. Многие государства могут не принять справедливость установленных границ, которые часто являются результатом недавних войн и могут включать соглашения, неприемлемые для проигравших. Различные группы на протя-

жении истории выступали с требованиями перераспределения границ, как это происходит и в начале XXI века (например, Россия – Украина, Индия – Пакистан, Израиль – арабский мир). Возможно ли, чтобы государства взяли на себя обязательства подавлять любые будущие насильственные изменения статус-кво? И вообще, следует ли это делать, если статус-кво может быть несправедливым или по крайней мере неприемлемым для некоторых участников международных отношений?

Организация Североатлантического договора часто описывается как пример «коллективной безопасности». Принцип «коллективной обороны» закреплен в статье 5 Североатлантического договора (The North Atlantic Treaty // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm). По сути, это означает, что страны-союзники объединяют свои военные усилия или имеют союзников для защиты от общей угрозы. Очевидным и наиболее сложным вызовом для НАТО является тенденция американской администрации прибегать к односторонним действиям. Такие односторонние действия противоречат принципам и намерениям концепции коллективной безопасности. Но интересы Соединенных Штатов не всегда совпадают с интересами союзников по Альянсу. Дилемма времен холодной войны – стоит ли ставить под советский ядерный удар американские города ради защиты Западного Берлина – не потеряла своей актуальности и сегодня. Только теперь в Белом доме должны пойти на риск ядерной атаки по территории Соединенных Штатов защищая Варшаву, Бухарест, Вильнюс, Таллин, не говоря уже о Киеве и Львове. И очевидно, что рациональный ответ Вашингтона в этом случае будет нет.

Михайловская О.Г.
(Луганск, ЛГПУ)

О ТРАНСФОРМАЦИИ ВОСПРИЯТИЯ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровизацией, которая охватывает практически все сферы социальной жизни – от экономики и культуры до политики и управления. Цифровые технологии становятся не только основным каналом трансляции политической информации, но и ключевым инструментом организации взаимодействия между государством и гражданами. В этих условиях политика всё чаще воспринимается сквозь призму медиапространства, где скорость распространения сведений, визуальные формы подачи и алгоритмическая селекция контента играют более значимую роль, чем традиционные механизмы политической коммуникации.

Особое значение приобретает когнитивный аспект трансформации восприятия политики. Цифровая среда формирует новые способы переработки и интерпретации политической информации, влияя на внимание, память и глубину анализа. «Клипизация» сознания снижает способность к аналитическому осмыслению процессов, усиливая доминирование эмоциональных и упрощённых образов. Данный процесс оказывает прямое влияние на политическую социализацию личности, поскольку именно в цифровом измерении закладываются основы формирования ценностных ориентаций и гражданской идентичности.

Цифровизация порождает комплекс противоречий. С одной стороны, она расширяет доступ к информации, ускоряет процессы коммуникации и стимулирует участие граждан в общественно-политической жизни. С другой стороны, информационное перена-

сыщение ведёт к росту когнитивных искажений, крушению прежних механизмов критической оценки и снижению способности общества к рациональному осмыслению.

Распространение клипового мышления уменьшает возможности аналитической переработки политических процессов, заменяя их упрощёнными образами и лозунгами. Алгоритмы цифровых платформ, выстраивающие персонализированные потоки данных, формируют так называемые «информационные пузыри», где индивид оказывается изолированным от альтернативных точек зрения. Такая когнитивная сегрегация способствует социальной и политической поляризации, усложняет достижение консенсуса и усиливает фрагментацию общественного сознания.

Особую угрозу представляет распространение манипулятивных практик. Феномен дезинформации, конспирологические нарративы и использование технологий искусственного интеллекта – deepfake, генеративные алгоритмы, подрывают доверие к источникам и размывают границы между фактом и фальсификацией. В этих условиях политическое поведение может колебаться от пассивного восприятия до эмоционально мотивированной мобилизации, лишённой рациональной оценки.

Трансформация когнитивного измерения политики проявляется в нескольких взаимосвязанных тенденциях. Прежде всего, наблюдается усиление визуализации политического контента, сегодня инфографика, мемы и короткие видеоролики вытесняют традиционный текст. Такая подача обеспечивает быстрое усвоение информации, но затрудняет формирование целостного представления о политических процессах.

Другим направлением становится геймификация политической коммуникации. Использование игровых форматов флешмобов, челленджей, онлайн-опросов повышает вовлечённость, особенно молодежи, однако одновременно переводит политическое взаимодействие в плоскость развлечения.

Значительное влияние оказывает и отбор информации по заданным алгоритмам. Персонализированные новостные потоки формируют ограниченные когнитивные рамки восприятия и усиливают эффект «эхо-камер», когда гражданин сталкивается преимущественно с теми суждениями, которые соответствуют его уже существующим установкам. Это ведет к когнитивной изоляции и углублению политической поляризации.

Кроме того, важную роль играет стремительное развитие технологий искусственного интеллекта. Генеративные алгоритмы позволяют создавать убедительные, но вымышленные информационные поводы, включая тексты, изображения и видео. Такая практика подрывает доверие к традиционным институтам медиапосредничества и затрудняет разграничение достоверной информации от фальсификаций.

Как и любой процесс, последствия цифровизации носят двойственный характер. С одной стороны, она способствует расширению политического участия, развитию сетевых форм гражданской активности, усилению прозрачности власти. С другой стороны, возникает опасность смещения акцентов от конструктивного диалога к радикализированным формам политического поведения.

Для современной России данная тема приобретает особое практическое значение. Цифровая среда становится главным каналом взаимодействия власти и общества. Государственные органы активно используют онлайн-платформы для информирования граждан и проведения электоральных процессов. Высокая степень цифровизации российского общества делает его восприимчивым к эффектам клипового мышления и «информационных пузырей». Это требует институционализации программ медиаграмотности и просвещения в сфере критического восприятия информации.

Кроме того, цифровая трансформация открывает новые формы гражданской активности от электронного голосования до сетевых инициатив. Однако одновременно усиливаются риски дезинформации и политической поляризации, что способно подорвать доверие к институтам власти. Поэтому исследование трансформации вос-

приятия политики в условиях цифровизации служит не только академической задачей, но и ориентиром для разработки стратегий информационной политики, направленных на укрепление устойчивости политической системы и формирование сбалансированного цифрового пространства в Российской Федерации.

Моисеенко И.А.
(Москва, МГИМО МИД России)

МЕДИЙНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В РОССИИ XXI ВЕКА

Официальный государственный дискурс, сформированный в первой четверти XXI века, позиционирует традиционную семью как фундаментальную основу российского общества и залог его демографической устойчивости, что отражено и в молодежной политике, учитывающей специфику студенческой цифровой среды (см.: Мухортов Д.С., Стрелец И.Э., Сальникова Д.А., Моисеенко И.А. Фамилистическое сознание студенческой молодежи и место цифровой среды в системе взаимоотношений «государство-студент» // Человек и трансформация современного общества. Проблемы безопасности, духовности и культуры: Сб. материалов XI Международной научно-практической Свято-Тихоновской конференции (Псков, 16–18 нояб. 2024). Псков, 2024. С. 271–277; и др.)).

Этот подход был закреплен в ряде стратегических документов, таких как «Концепция государственной семейной политики», а также в поправках к Конституции РФ 2020 года, где брак определяется как союз мужчины и женщины.

Закрепление данного нарратива связано с несколькими политическими функциями. С точки зрения идентификации населения происходит противопоставление «традиционных» российских ценностей «либеральным» западным, где семья понимается более широко. Это часть построения суверенной политической идентичности, в рамках которой происходит консолидация консервативной части общества вокруг общих символов и ценностей (Стрелец И.Э., Мухортов Д.С., Захарова Е.А. О роли цифровой студенческой среды в решении демографической проблемы современной России // Изучение российской государственности как основа патриотического воспитания молодежи: Сб. тр. Всерос. науч.-практ. конференция (г. Москва, 25-26 апр. 2024). М., 2024. С. 114–119). Кроме того, введение «традиционных ценностей» в правовое поле имеет легитимирующий контекст. Обоснование конкретных политических мер (материнский капитал, ипотечные каникулы) и более широкого консервативного поворота становятся побочными эффектами данных изменений.

Относительно однородному официальному дискурсу противостоит сложная и фрагментированная медийная среда, которая создает ряд вызовов. Прежде всего, глобализация информационного пространства расширяет доступ российской аудитории к многочисленному противоречивому контенту, среди которого бывает сложно сформировать собственное мнение и выделить какую-либо тенденцию. В социальных сетях российская аудитория, особенно молодежь, часто сталкивается с публикациями, продвигающими иные модели: чайлдфри, гендерно-нейтральное воспитание, отпуск по уходу за ребенком со стороны отца, легитимность нетрадиционных отношений. Несмотря на законодательное регулирование пропаганды таких форм отношений в России, контент на данную тематику представлен в запрещенных социальных сетях, которые все еще посещают

молодые люди (их аудитория значительно сократилась, но все равно составляет 6-8 млн пользователей в день). Это создает ситуацию «нормативного диссонанса».

Даже в рамках традиционной ценностей в цифровой сфере образ семьи становится менее официальным и более приземленным. Блогеры-родители показывают не парадную картинку, а «жизнь как она есть»: с трудностями, ссорами и бытом. Это подрывает монополию государства на создание идеализированного образа и привлекает внимание аудитории к проблемам родительства. При этом появляются новые агенты влияния. Дискурс традиционных проправительственных СМИ («Первый канал», «Россия 1») уравновешивается авторитетом и доверием к популярным блогерам, чьи взгляды могут не совпадать с официальной линией.

Анализ медиапространства позволяет выделить две модели – репрезентация в русле официального дискурса и альтернативные нарративы. Яркий пример первой модели – телевизионные проекты типа «Мужское / Женское» на «Первом канале», где проблемы семей подаются через призму морализаторства и часто решаются вмешательством «эксперта» или самого ведущего. Также морализаторский посыл поддерживается освещением вручения государственных наград многодетным родителям (звание «Мать-героиня» (10 и более детей), орден «Родительская слава» (от 7 детей) и медаль ордена «Родительская слава» (от 4 детей)), что символически связывает семейный успех с одобрением государства.

В противовес этому в сегменте новых медиа существуют мощные сообщества, где акцент делается на личном выборе, психическом здоровье членов семьи, праве женщины на самореализацию вне материнства. Образ «успешной семьи» здесь – это не та, что получила орден, а та, что смогла правильно выстроить личные границы. Государство пытается регулировать этот процесс, что, однако, не останавливает дискуссию, а лишь загоняет ее в более закрытые форматы.

Таким образом, медиасфера первой четверти XXI века не стала пассивным проводником государственной семейной политики, а превратилась в арену сложного взаимодействия, где официальный дискурс вынужден постоянно подтверждать свою релевантность в условиях постоянных вызовов.

Мокин И.В.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ: АНАЛИЗ КЕЙСОВ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Нарастающее санкционное давление на российскую экономику актуализировало вопрос о поиске регионами новых моделей привлечения частных инвестиций. Данная проблема выходит за рамки сугубо экономического анализа, требуя политологического осмысления роли государственных и субнациональных акторов, перераспределения ресурсов и трансформации управленческих стратегий в новых условиях. Политика регионов, направленная на привлечение частных инвестиций, становится ключевым фактором для поддержания экономического роста, стимулирования инноваций, модернизации промышленности, развития инфраструктуры и обеспечения социальной стабильности. Частные инвестиции, в отличие от государственных, более чувствительны к изменениям конъюнктуры рынка и политической об-

становки, что требует от региональных властей разработки и реализации более гибких и адаптивных стратегий.

Важно отметить, что региональная инвестиционная политика понимается не только как комплекс экономических мер, но и как сфера политического выбора, борьбы интересов и взаимодействия различных уровней власти. Это составная часть региональной политики, осуществляемая федеральными, субфедеральными и муниципальными органами власти, а также иными субъектами, направленная на мобилизацию инвестиционного потенциала территории [Ходус В.В., 2011].

Региональная инвестиционная политика должна исходить, во-первых, из стратегических целей и задач развития региона, во-вторых, учитывать сложившуюся структуру экономики региона, в-третьих, должна быть направлена на повышение инвестиционной привлекательности [Мякшин В. Н., 2014]. В условиях санкций, когда традиционные экономические детерминанты (доступ к дешевому капиталу, технологиям) ослабевают, на первый план выходят политико-управленческие факторы: качество регионального управления, способность элит к координации, эффективность GR-коммуникаций и скорость адаптации нормативно-правовой базы.

Для сравнительного анализа были выбраны три региона, демонстрирующие различные модели адаптации: Республика Татарстан, Калужская и Приморский край.

Татарстан демонстрирует высокую устойчивость, обусловленную диверсифицированной экономикой, сильной региональной властью и развитыми институтами развития. Стратегия региона основана на опережающем развитии высокотехнологичных секторов и импортозамещении (микроэлектроника, ПО, дроны) через создание особых экономических зон («Иннополис», «Алабуга»), предоставление налоговых льгот и прямую финансовую поддержку. Ключевую роль играет активное переориентирование на инвестиции из «дружественных» стран (Китай, Турция, ОАЭ).

Калужская область, изначально зависевшая от иностранного капитала (автомобилестроение), столкнулась с серьезными вызовами. Ответом стало усиление работы с оставшимися инвесторами, развитие системы субпоставщиков для замещения импорта и совершенствование «инвестиционного стандарта» для снижения административных барьеров. Данная стратегия является оборонительной и пока не позволяет полностью компенсировать отток инвестиций.

Приморский край сделал ставку на свое географическое положение, активизируя логистический и транзитный потенциал (Северный морской путь) и усиливая сотрудничество со странами азиатско-тихоокеанского региона. Санкции, с одной стороны, ударили по торговому обороту, с другой – создали новые возможности для привлечения капитала в инфраструктурные проекты.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что эффективность региональных стратегий в условиях санкций в значительной степени определяется не столько исходными экономическими условиями, сколько политико-управленческими факторами.

К числу последних относятся:

· Адаптивность властей – способность быстро пересматривать приоритеты и инструменты поддержки;

· Сила институтов – наличие эффективно работающих институтов развития (ОЭЗ, корпорации развития), обеспечивающих координацию между бизнесом и властью;

· GR-потенциал – умение региональных элит выстраивать продуктивные отношения с федеральным центром для лоббирования интересов и привлечения ресурсов, а также с иностранными инвесторами из новых юрисдикций;

· Качество управления – снижение административных барьеров, прозрачность и предсказуемость регулирования;

Наиболее эффективными инструментами оказались меры, направленные на сти-

мулирование импортозамещения, создание ОЭЗ с льготными условиями, а также активная работа по привлечению инвестиций из альтернативных источников. Таким образом, успех региональной инвестиционной политики в современных условиях напрямую зависит от способности власти выступать не в роли пассивного администратора, а в качестве активного организатора, создающего благоприятные политические и экономические условия для развития территории.

Морозова Е.В.
(Краснодар, КубГУ)

ПОЛИТИЗАЦИЯ ПРИРОДНЫХ СИМВОЛОВ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРАНАХ КАСПИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА

Символическая политика, использующая в качестве несущих опор формирования национальной идентичности природные символы, особенно актуальна в периоды социальной аномии и в ситуациях кризисов идентичности. «Символический универсум соединяет людей с их предками и потомками в смысловом единстве, которое служит для того, чтобы преодолеть конечность индивидуального опыта и сделать осмысленной человеческую смерть. И тогда все члены общества могут считать себя сопричастными смысловому универсуму, который существовал до их рождения и будет существовать после их смерти» (Бергер П., Лукман М. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Academia-центр, 1995. С.168-169).

Природные символы являются наиболее традиционными в культуре всех народов мира, они обладают колоссальным суггестивным потенциалом, включены в «культурный код». Именно поэтому предпринимаются многочисленные попытки модернизировать форму их репрезентации с учетом современных реалий культуры и социума, влияя таким образом на преемственность поколений. На основании результатов проведенного научным коллективом с участием автора в рамках проекта РНФ эмпирического исследования, в том числе массового онлайн анкетирования 2140 респондентов из четырех государств Каспийского макрорегиона (Казахстана, Азербайджана, Туркменистана и России) выделены три группы наиболее распространенных природных символов. Первая группа – символы природных стихий, в том числе огонь, солнце, вода, земля, горы, нефть и др. Ко второй группе отнесены анималистические символы – лев, конь, барс, персидский кот и среднеазиатская овчарка алабай. Третья группа представлена растениями как символами, это не просто ботаническая традиция, а отражение идентичности, глубоко укоренённой в истории и культуре. Пшеница, хлопок, гранат, дуб – наиболее часто встречающиеся символы, в региональной символике отражены также яблони, лотосы, шафран. Смысловое наполнение одних и тех же символов символов может отличаться: лотос в Калмыкии отражает приверженность населения ламаизму, а лотос в Астраханской области – символ волжской дельты.

Наиболее традиционная технология использования природных символов – включение их в геральдику государств и регионов. Многие природные символы актуализируются в нескольких странах Каспия, что объясняется не только общими природно-

климатическими условиями, но и общими социокультурными корнями (к примеру, солярная символика связана с распространением зороастризма в регионе в прошлом).

Каспийский макрорегион в силу своего геополитического положения и обладания углеводородными ресурсами является ареной конкуренции различных политических проектов. Увеличение геополитического «веса» каждой из стран часто достигается с помощью использования технологий символизации социального пространства. Удивительным образом может происходить политизация природных символов, казалось бы, далеких от современного политического противоборства. Исторический символ, "Лев и Солнце", который использовался на гербе Ирана с 1423 года до революции 1979 года. На современной гербе страны 4 полумесяца и сабля, эти пять частей герба символизируют пять принципов Ислама. Но в современных условиях лев как символ активно используется в политической карикатуре, мультипликации и других визуальных искусствах. Стратегическое сотрудничество России и Ирана часто изображается в форме объятий медведя и льва. Цветок хары-бюльбюль (научное название офрис кавказская) является эндемиком Карабаха, после 2020 года он стал использоваться в Азербайджане как символ военной победы.

Анализируя символический ряд стран «каспийской пятерки», можно было ожидать, что Каспийское море по итогам социологического опроса окажется в «топе» наиболее востребованных символов. Однако, значимое число респондентов указали на Каспийское море как символ лишь в российских регионах Прикаспия и ряде казахстанских областей. Между тем, отсутствие продвижения общей разделяемой символики является одним из барьеров социокультурной интеграции Большого Каспия в силу слабой выраженности общей макрорегиональной идентичности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00301-П "Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности"

Морозова О.С.
(Рязань, РГУ имени С.А. Есенина)

АРХИТЕКТОНИКА ВЫБОРОВ: КАНТОВСКИЙ ПОДХОД К СИСТЕМНОМУ АНАЛИЗУ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ

Современные дискуссии о природе и функциях избирательных систем, как правило, сосредоточены на эмпирических аспектах электоральной динамики: изменениях в законодательстве, трансформациях партийных систем, уровнях явки и пр. Однако за пределами этих сугубо прагматических обсуждений остаётся не до конца осмысленным вопрос о системном устройстве самих выборов – не как процедурного набора или набора норм, а как целостного феномена политического мышления. В данной работе предпринимается попытка философского переосмысления выборов через призму кантовского понятия архитектоники – как науки о систематическом единстве знания. Такой подход позволяет не только заново рассмотреть внутреннюю организацию избирательной системы, но и выявить те трансцендентальные условия, которые делают саму возможность выборов мыслимой и осмысленной в условиях современности.

Архитектоника, как определяет её Иммануил Кант в «Критике чистого разума», представляет собой не просто упорядочивание содержания, а организацию знания в систему, где каждое положение подчинено единому замыслу, исходящему от идеи разума. Применительно к политическим институтам, эта логика предполагает, что выборы – это не механическая сумма процедур, а целостная система, в которой каждая часть служит реализации определённой цели – организации легитимной власти посредством коллективного волеизъявления граждан. В этом смысле избирательная система может рассматриваться как рационально устроенное пространство, в котором субъект (избиратель) обретает статус политического деятеля благодаря включённости в процедуру, имеющую внутреннюю нормативную архитектонику.

Рассмотрение выборов в кантовской перспективе требует разграничения трёх уровней: формальной, трансцендентальной и материальной архитектоники. Формальный уровень охватывает институционально закреплённые нормы: избирательные законы, процедуры голосования, структуру комиссий, механизмы наблюдения. Этот уровень поддаётся количественному и правовому анализу, но сам по себе не объясняет, почему выборы функционируют как признанная форма политического участия. На трансцендентальном уровне находятся априорные условия возможности выборов как института: вера в рациональность индивида, допущение автономии политического субъекта, признание легитимности процедурного выражения воли. Именно здесь закладываются основания доверия к выборам, без которых они теряют смысл как акт коллективного действия. Наконец, материальная архитектоника – это контекстуальные содержания выборов: реальные участники, политические программы, уровень конкуренции, характер электоральной мобилизации. Только совокупность этих трёх уровней делает возможным полноценное функционирование выборов как системы, а не просто как повторяющегося ритуала.

Кантовская логика позволяет выявить критический момент: разрыв между формой и содержанием нарушает системность и разрушает архитектонику. Если избирательная система сохраняет внешние черты – формальную многопартийность, процедуры подсчёта, наличие наблюдателей – но при этом теряет трансцендентальные основания (доверие, автономию, восприятие субъективности избирателя), то перед нами не архитектоника, а её имитация. Выборы, в этом случае, перестают быть пространством легитимации и превращаются в форму, лишённую внутреннего телоса. Это особенно ярко проявляется в авторитарных и гибридных режимах постсоветского пространства, где избирательная система демонстрирует высокий уровень формальной организации при отсутствии подлинной состязательности и реального влияния граждан на исход голосования.

Феномен имитационных выборов можно интерпретировать как случай ложной архитектоники. Такая система внешне сохраняет структурную упорядоченность, но её элементы не связаны общей целью, либо же эта цель – не выражение воли граждан, а поддержание власти. Внутри подобной псевдоархитектоники избиратель выполняет функцию статистической единицы, а не субъекта политического действия. Его участие носит вынужденно-ритуальный, а не сознательно-политический характер. В результате формируется особый тип политической субъектности: пассивный, адаптивный, лишённый нормативной инициативы. Тем самым подрываются основы гражданской идентичности, поскольку субъект политического действия утрачивает внутреннюю связь с системой, в которой он формально участвует.

Кантовская концепция архитектоники позволяет переосмыслить выборы не как отдельную процедуру, а как нормативно организованное пространство взаимодействия субъектов и институтов, направленное на формирование публичной легитимности. Она требует от системы не только согласованности элементов, но и наличия общей

цели, пронизывающей все уровни её организации. Там, где выборы утрачивают связь с этой целью – там разрушается архитектоника, а значит, исчезает и основание для признания их как подлинного механизма демократии. Тем самым, кантовский подход не только выявляет слабые места институционального устройства, но и задаёт нормативный горизонт: выборы должны быть системой, в которой форма и содержание, процедура и воля, структура и смысл находятся в отношении взаимного основания. Лишь в этом случае они могут выполнять свою функцию в условиях современного политического общества и служить основой для устойчивой гражданской идентичности.

Морозова С.С.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ЦИФРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНИНА В ЭПОХУ ИИ

Классическая теория общественного договора, разработанная в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо, предлагала модель, в которой индивиды обменивают часть своих естественных свобод на безопасность и порядок, гарантируемые государством. Этот концепт на протяжении веков служил основой для понимания легитимности власти. Однако в первой четверти XXI века, с повсеместным распространением цифровых технологий и возрастающей ролью искусственного интеллекта (ИИ) в управлении, мы наблюдаем глубокую трансформацию и переосмысление этой парадигмы. Постепенно формируются контуры нового, неписаного «цифрового общественного договора», в рамках которого граждане получают более эффективные, удобные и проактивные сервисы в обмен на доступ к своим персональным данным и готовность делегировать часть повседневных решений технологическим системам. Этот процесс оказывает глубокое влияние на природу власти, механизмы ее легитимации и само понятие гражданства.

Суть этих новых взаимоотношений заключается в изменении предмета обмена. Если в классической модели речь шла о делегировании части индивидуальной воли, то сегодня все большее значение приобретает «цифровой след» гражданина. Данные становятся важным ресурсом, который обеспечивает функционирование современных государственных сервисов. Граждане предоставляют доступ к широкому спектру информации: от биометрии, используемой в системах безопасности, до данных о геолокации, финансовых транзакциях и медицинских записях, агрегируемых в государственных информационных системах. Использование таких платформ, как портал «Госуслуги», подразумевает согласие на обработку этих данных, что делает участие в цифровом взаимодействии с государством почти неотъемлемой частью современной социальной жизни.

Одновременно мы видим, как некоторые рутинные решения делегируются алгоритмам. Государственные платформы, используя ИИ, переходят от реактивной модели к проактивной. Автоматическое начисление социальных выплат или налоговых льгот без необходимости подавать заявление – пример того, как алгоритм может действовать в интересах гражданина, значительно снижая бюрократическую нагрузку. Вместе с тем это ставит вопрос о том, как меняется роль самостоятельного гражданского действия в условиях, когда необходимость в нем снижается.

Искусственный интеллект выступает катализатором этой трансформации, способствуя переходу от традиционной иерархической бюрократии к модели цифровой платформы (State-as-a-Platform). Российская экосистема «Госуслуг» наглядно иллюстрирует эту метаморфозу. Портал эволюционировал из «единого окна» в сложную инфраструктуру, открытую для интеграции с коммерческим сектором. В этой модели легитимность государства начинает в большей степени зависеть не только от традиционных идеологических основ, но и от утилитарных показателей – скорости, доступности и надежности цифровых услуг.

Однако делегирование административных функций ИИ способствует формированию «алгоритмического управления» (algorithmic governance), которое ставит перед обществом серьезные вопросы. Во-первых, это проблема прозрачности, или «черного ящика», когда логика принятия решений нейросетью может быть неочевидна, что создает сложности для реализации права на обжалование. Если система на основе скоринговой модели отказывает гражданину в услуге, механизм апелляции требует новых подходов. Во-вторых, существует риск системной предвзятости (algorithmic bias), поскольку ИИ, обученный на исторических данных, может непреднамеренно воспроизводить и даже усиливать существующие в обществе диспропорции.

Таким образом, цифровой общественный договор – это уже не футурологический прогноз, а одна из ключевых формирующихся реалий нашего времени. Его контуры продолжают уточняться в динамике технологического развития и глобальной конкуренции. Ключевая задача на предстоящий период – найти гармоничный баланс между эффективностью «умного» государства и защитой фундаментальных прав и свобод граждан. Поиск ответов на вопрос о границах между удобством и контролем определит будущее не только государственных институтов, но и характера взаимодействия человека и государства в цифровую эпоху.

Мохорова А.Ю.
(Санкт-Петербург, СПбПУ Петра Великого)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Изучение правового статуса Каспийского моря остаётся важным по нескольким ключевым причинам. Каспийское море – зона стратегических интересов не только прибрежных государств (России, Ирана, Казахстана, Азербайджана, Туркменистана), но и внерегиональных игроков (США, Китая, Турции, ЕС). Крупные запасы нефти и газа делают его объектом экономического и политического влияния. При этом наблюдается незавершенный процесс его правового регулирования, который ставит на повестку целый ряд неразрешенных вопросов, ведущих к напряженности в регионе: делимитация дна и водных границ, особенно в южной части, отсутствие единой методики разграничения, проблема ратификации Ираном Конвенции 2018г. Неопределенность границ создает риски для региональной безопасности.

Все это ведет к необходимости дальнейшей разработки политико-правовых механизмов для обеспечения стабильности региона и защиты интересов прикаспийских государств.

Цель исследования – анализ правового режима Каспийского моря как основы для определения государственных границ, выявление его влияния на региональную без-

опасность и перспектив дальнейшего развития международно-правового регулирования в условиях геополитической конкуренции.

Основные результаты исследования:

Режим Каспийского моря носит уникальный характер: он не подчиняется автоматически ни нормам международного морского права, ни принципам регулирования озёр. Его формирование зависит от консенсуса прикаспийских государств, закреплённого в Конвенции 2018 года.

Конвенция 2018 года определила ключевые принципы: запрет на военное присутствие третьих стран, свободу судоходства за пределами территориальных вод, суверенные права прибрежных государств на ресурсы, однако не решила все спорные вопросы. Пробелы в регулировании (например, отсутствие чётких правил раздела дна) создают почву для конфликтов, затрудняют освоение ресурсов и угрожают экологической безопасности.

Затягивание ратификации Конвенции Ираном свидетельствует о сохраняющихся разногласиях между государствами региона.

Интерес внерегиональных игроков (США, Китай, Турция, ЕС) усиливает напряжённость. Конвенция 2018 года стала инструментом сдерживания вмешательства третьих стран, но требует дальнейшей детализации.

Перспективы развития ситуации можно свести в двум сценариям: – унификацию правовых подходов через ратификацию Конвенции всеми сторонами и принятие дополнительных соглашений; – дифференциацию через двусторонние/трёхсторонние договоры (например, по аналогии с соглашениями России, Казахстана и Азербайджана о разделе северной части Каспия).

Для разрешения споров предлагается привлечение международных судебных механизмов, сформированных в регионе или арбитража.

Таким образом, правовой режим Каспийского моря остаётся компромиссным и незавершённым. Его дальнейшее развитие зависит от способности прикаспийских государств преодолеть разногласия, минимизировать внешнее влияние и выработать единые подходы к делимитации, особенно в южном секторе. Реализация положений Конвенции 2018 года – важное условие стабильности в регионе.

Муравьев С.В.
(Москва, РАХ)

ТВОРЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ОСНОВА МНОГОПОЛЯРНОГО РАЗВИТИЯ МИРА И АЛЬТЕРНАТИВА НЕОЛИБЕРАЛЬНОМУ ГЛОБАЛИЗМУ

Многополярность современного мира стала реальностью. Глобальное англо-саксонское мировоззрение ориентировано на однополярный мир и его интересы, оно не решает глобальные проблемы цивилизации и уже во многом сдерживает ее дальнейшее творческое развитие. Более того, заложенное в основы либеральной идеологии эгоистическое воспитание человека только способствует росту напряженности и возникновению конфликтов. Истощение творческого потенциала западной цивилизации и её антигуманистическую направленность отмечал президент России В.В.

Путин (Обращение, 2022). Таким образом, становится все более очевидным, что для нового миропорядка необходимы новые глобальные идеи позитивного устройства и развития.

Возникшая в России творческая философия является подобной альтернативой. Она появилась в рамках новой волны русского авангардного искусства. Это философия основанного на красоте, творческого преобразования человека и окружающего его мира. В.С. Соловьев писал о подобном так: «абсолютное осуществляет благо через истину в красоте» (Соловьёв, 1989). Новая философия обладает большим потенциалом для творческого развития человека и общества, большей гуманистической направленностью и справедливостью, способствует формированию высокоэффективной творческой экономики. Философия творчества активно связана с патриотизмом, историческими традициями созидания России. Недаром еще А.Н. Радищев говорил о патриоте как о человеке свободном и благородном, усиливающем себя и Отечество (Радищев, 1938).

Творческая философия имеет большой потенциал для переосмысления существующего миропорядка, создания принципиально новой творческой идеологии, мировоззрения и определения творческого цивилизационного пути как основной концепции многополярного мироустройства.

Многополярный мир во многом открыт для свободы творческого выражения, однополярный ограничен настойчивым навязыванием либеральных ценностей. Идеи творческой организации экономики, позитивного отношения к человеку-творцу, понимания необходимости созидательной направленности творчества хорошо воспринимаются во всех странах и имеют широкое распространение во всем мире. Творческая философия помогает избегать ограниченности и объединяет мир пониманием необходимости совместного творческого развития и обогащения. Она также имеет огромное влияние через мягкую силу – культуру, искусство и творчество. Таким образом, мы видим, что в отличии от локальных идеологических установок, способных лишь защищаться от влияния глобальных идей, новая творческая философия способна на глобальном уровне противостоять однополярному мировоззрению. Причем, это противостояние не будет носить тотальный или уничтожающий характер, это будет лишь противостояние творческих систем.

Отметим, что Россия благодаря революционным традициям имеет историческое право на формирование новой революционной творческой идеологии и мировоззрения. Это может быть новым геополитическим посылом России многополярному миру.

Мусин Н.А.
(Уфа, УУНиТ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ В ВЕНГРИИ В ПРЕДДВЕРИИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2026 ГОДА

Венгерская внутренняя политика заметно контрастирует с политическим курсом членов ЕС, после прихода в 2010 году к власти в стране партии ФИДЕС и её лидера Виктора Орбана. Долгое время эта партия сохраняла уверенное лидерство, но в последнее время наблюдается усталость от долгого правления Орбана. Итогом этого,

вкупе с экономическими и внешнеполитическими проблемами, является активизация деятельности оппозиции.

В роли оппозиционных сил против правления ФИДЕС на протяжении десятилетия выступали такие партии как Венгерская социалистическая партия, партия "Йоббик" и другие менее популярные силы. Были попытки объединить усилия, однако, этой группе, которую можно именовать "старой оппозицией", не удалось лишить Орбана и его коалиции политической власти.

Результатом усталости от политики правящей партии и бессилия старой оппозиции, стал поиск новой силы, которая сможет противостоять ФИДЕС. Эту нишу взяла на себя молодая "Партия уважения и свободы" которая в сокращенном варианте именуется ТИСА. Данная партия в начале своего пути в 2020-ом году была малочисленна и практически не имела популярности среди населения, однако в 2024 в ее ряды вступил популярный венгерский политик Петер Мадьяр, бывший член ФИДЕС, который решил сформировать новую политическую силу в стране. Петер стал председателем партии и его вступление мгновенно повысило ее рейтинг, скинув с пьедестала старую оппозицию. С того момента развернулась обширная политическая агитация со стороны правящей партии и партии Мадьяра в преддверии парламентских выборов в 2026 году.

Активная политическая агитация стартовала со стороны оппозиции, сразу после вступления Мадьяра в партию, ее рейтинг вырос примерно до 20%, с целью дальнейшего роста популярности, ТИСА начала активную и комплексную агитационную компанию. Действия оппозиции охватывают обширное количество механизмов агитации в самых разных видах. Проводятся многочисленные митинги и политические мероприятия в онлайн формате, используется различные медиа ресурсы, в том числе и интернет, включая различные социальные сети и видеохостинги, например партия активно ведет свой канал на платформе Youtube, где регулярно проходят прямые трансляции, также активно используется набравший популярность формат коротких видео, лидер оппозиции самостоятельно участвует в процессе, он лично проводит агитацию в разных поселениях страны, снимается в видео и трансляциях. Также осуществляется критика правящей партии и премьер-министра, которые обвиняются в коррупции и непотизме.

Со стороны ФИДЕС в свою очередь началась ответная реакция на растущую популярность нового оппозиционного движения, были предприняты меры по дискредитации оппозиции, внутрипартийной реорганизации. Также был использован командно-административный ресурс и положение правящей партии, что, например, вылилось в отмену ограничения на предвыборные расходы и изменение избирательных округов, оппозиция обвинила власть в "джерримендеринге" и попытке усилить возможности ФИДЕС.

Активная политическая агитация партии Мадьяра по опросам на август-сентябрь 2025-го увеличила их рейтинг с 20% до 43% процентов, что уже может превысить популярность ФИДЕС, которая имеет около 40%. Оппозиция стремительно нарастила свою силу и впервые за долгое время главенство Орбана и ФИДЕС поставлено под угрозу, это означает что выборы 2026-го года в Венгрии могут стать самыми важными в современной истории страны.

Мусина Р.И.
(Москва, МПГУ)

ИЗМЕНЕНИЕ ОЦЕНКИ РОЛИ СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ПРАКТИКА

Важнейшим событием текущего года стал 80-летний юбилей Великой Победы. В условиях пересмотра оценок важно, почему именно память о Великой Отечественной стала объектом нападок, и почему вина за развязывание этой войны возлагается в равной степени на гитлеровскую Германию и Советский Союз.

Великая Отечественная, в отличие от всех предшествующих войн, которые когда-либо вело наше государство, затронула всех, объединила, невзирая на этническую, конфессиональную или социальную принадлежность. Дискредитация Победы Советского народа – это удар по общей истории, долговременный проект по разрушению общей памяти и, соответственно, возможность формирования на постсоветском пространстве «Анти-России».

Идеологические корни ситуации уходят в 60-гг. Особое место здесь занимает трактовка тоталитаризма, предложенная З. Бжезинским. Его концепция идеологически обосновывает долгосрочный проект по развалу социалистического содружества и, в еще более отдаленной перспективе, переформатирование исторической памяти о роли СССР во Второй мировой войне за счет отождествления политических режимов СССР и нацистской Германии: «Фашистская и коммунистическая диктатуры имеют гораздо больше общего друг с другом, чем с какими-либо другими формами государственного правления, включая ранние автократии.» (Friedrich C.J. Brzezinski Z.K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge: Harvard University Press, 1956. C.84)

В дальнейшем этот проект реализовывается на практике.

Одним из шагов на этом пути можно считать выступление Рональда Рейгана 8 марта 1983 года во Флориде, когда СССР был объявлен «империей зла».

Несмотря на завершение «холодной войны» и развал СССР, проект не утратил, как оказалось, свою актуальность.

Уже в 2008 в Пражской декларации о европейской совести и коммунизме, впервые ставится в официальном документе знак равенства между нацистским рейхом и СССР: «...поскольку между нацизмом и коммунизмом существует сходство с точки зрения их ужасающего и отвратительного характера и их преступлений против человечности, многие преступления, совершенные во имя коммунизма, должны оцениваться как преступления против человечности, служащие предупреждением будущим поколениям, подобно тому, как нацистские преступления были оценены Нюрнбергским трибуналом,» (https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2008-0439_EN.html)

Напомним, что этому предшествовало выступление В.В. Путина на 43-й Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 года .

В апреле 2009 г. была принята «Декларация Европейского парламента о провозглашении 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма», также уравнявшая нацизм и коммунизм, «основываясь на нормах международного права».

Если предшествующие документы носили, скорее, оценочный характер, то через десять лет обосновываются практические действия: 19 сентября 2019 года была принята «Резолюция Европейского парламента от 19 сентября 2019 года о важности европейской памяти для будущего Европы». Принятие данной резолюции выглядит ло-

гическим завершением всех предшествующих шагов и реализацией проекта ныне покойного Бжезинского. Освобождение объявляется «прямой советской оккупацией или влиянием», что и означает переоценку освободительной миссии СССР, вне закона объявляется советская символика. Резолюция содержит настоятельное требование проведения расследования преступлений коммунистических режимов, по аналогии с Нюрнбергским процессом.

При этом именно российское руководство обвиняется в искажении исторических фактов, что считается опасным компонентом информационной войны, ведущейся против «демократической Европы и направленной на ее разделение».

Сегодня президент США официально провозглашает победу достижением своей страны. По всей Европе сносятся памятники солдатам-освободителям, которых называют «оккупантами», в некоторых странах доходит до осквернения воинских захоронений, что противоречит и международному праву, и межгосударственным соглашениям, и внутреннему законодательству, квалифицирующему такие действия, как вандализм. Зачастую, этот вандализм совершают сами власти.

Обосновывается не только снос памятников и переформатирование исторической памяти, но и, возможно, открывается путь к ревизии Ялтинско-Потсдамской системы, вплоть до пересмотра границ.

Мухарин Н.В.
(Москва, ГУУ)

«ВОЙНА, ПАМЯТЬ И ДИПЛОМАТИЯ: ВЫЗОВЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСАХ В СТРАНАХ СРЕДНЕГО ВОСТОКА»

В предлагаемом докладе представлена авторская характеристика главных историографических дискурсов вокруг Второй Мировой Войны, представленных в регионе Среднего Востока, анализируется их мировозренческие основы, трактовка основных угроз и очагов противоречий, излагаются меры, направленные на продвижения исторической правды РФ в регионе

Научные работы на 2025 г., охватывающие коммеморационые практики, связаны преимущественно со странами Средней Азии и отчасти Ближнего востока. Статья Кирчанова М.В. посвященная развитию внутреннего историософского либерального дискурса в арабском мире. В стенограмме, выступления главного редактора журнала «Россия в глобальной политике» Лукьянова Ф.А. приводится значимое введение в проблематику исторических взаимоотношений РФ и стран Ближнего Востока.

В географическое понятие «Средний восток» будут включены Иран и Афганистан, наращивающие военно-экономическое партнерство с Россией оказывающие, культурное воздействие на регион, создавая смыслы и нарративы в оценке исторических событий.

Два направления историографических оценок являются доминирующими в исследуемом регионе:

- Либеральная
- Ревизионистская

Либеральная политика памяти характеризуется:

• Акцентом на участии арабов и жителей подконтрольной союзникам территорий в антинацистском сопротивлении.

• Выделением близкого к региону Североафриканской компании, при одновременном замалчивании значения западных и восточных театров военных действий.

• Преуменьшением вклада СССР в ход войны, содержащимся в стандартных учебниках американской истории (в переводах).

• Широкой просветительской деятельностью, через мемориальный музей Холокоста США и группу научно-исследовательских институтов и мемориальных мест на Ближнем Востоке и в Северной Африке (MENA) при поддержке ЮНЕСКО.

К особенностям ревизионистского подхода следует отнести:

• Негативизм со стороны стран Среднего Востока (как колониально-зависимых, так и нейтральных, но испытывающих симпатии к Германии) к действиям антигитлеровской коалиции для предотвращения передачи нефти странам Оси, например (СССР и Великобритании) в Шахиншахском Иране во время Операции Согласие 1941 г. и британское присутствие в Ираке с мая 1941г.

• Трактовку Второй мировой войны как конфликта империалистических держав.

• Героизацию фигур антиколониальных движений, имевших ранее прогерманскую ориентацию: Амин Аль Хусейни (муфтий, палестинское движение за независимость), Шукри аль-Куатли (президент Сирии 1955-58), Набил Аль-Азма (министр обороны Сирии 1946), Фаттах аль-Имам (руководитель «Арабского клуба» в Сирии).

• Возвеличивание фигур, придерживавшихся антисоветских взглядов, особенно после распада Советского Союза, (король Файсал Аль–Сауд, шейх Абдул ибн Баз, Салех Хадж Тахир, Ахмад Шах Масуд.

• Второстепенное восприятие Холокоста в регионе после событий ан-Накба – массового исхода арабов из Палестины в 1948 году.

• Распространенность в странах Ближнего востока литературы историков-ревизионистов Холокоста (Граф Ю., Цюндель Э., Фориссон Р.), организация конференций, ставящих под сомнение итоги Второй мировой войны.

Указанные исторические нарративы вызывают целый ряд угроз для Российской Федерации:

• Ослабление международной легитимности Российской Федерации (как правопреемника СССР).

• Формирование очагов этноконфессиональных конфликтов (особенно среди коренных народов РФ, исповедующих ислам).

• Подрыв морально-нравственных основ воспитания молодежи в Российской Федерации.

Для преодоление возникающих угроз усилиями дипломатического корпуса РФ в странах Среднего Востока предпринимаются следующие шаги:

• В ряде арабских стран при поддержке российских дипломатов и организаций все чаще устраиваются массовые шествия – «Бессмертный полк».

• Ведется работа по сохранению могильных захоронений и памятников в основном через ОВЦС РПЦ (МП).

• В просветительской деятельности делается акцент на актах сотрудничества стран Среднего востока с СССР и РФ, подчеркивается продвижение в регионе системы образования, гуманитарной помощи и борьбы с дискриминацией – как ценностных достижений Победы в Великой отечественной войне 1941-1945гг.

Мухина А.В.
(Тула, ТулГУ)

ЦИФРОВАЯ ЭТИКА: ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ ИННОВАЦИЯМИ, СВОБОДОЙ И БЕЗОПАСНОСТЬЮ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В первой четверти XXI века цифровые технологии стали фундаментом новой политической реальности. Интернет, социальные сети, искусственный интеллект, большие данные изменили не только формы коммуникации, но и способы организации власти, управления и контроля. Политический процесс всё чаще разворачивается в цифровом пространстве, и именно здесь возникают новые этические дилеммы. В связи с этим всё более актуальным становится понятие «цифровая этика» – система принципов и норм, регулирующих поведение человека, общества и государства в условиях стремительной технологической трансформации.

Далее рассмотрим инновации и вызовы для политической науки: любая технологическая новация несёт в себе двойственный эффект. С одной стороны, цифровизация даёт шанс для демократизации: создаются каналы обратной связи между властью и обществом, расширяются возможности гражданского участия, формируются новые форматы общественного контроля. С другой стороны, она усиливает риски: информационное неравенство, манипуляции массовым сознанием, угрозы кибербезопасности. Эти процессы становятся предметом политического анализа, а цифровая этика превращается в рамку, задающую оценку инновациям. Как отмечается в исследованиях, цифровая трансформация невозможна без этических оснований, позволяющих согласовать интересы государства, бизнеса и личности[130].

Свобода слова и право на неприкосновенность частной жизни – традиционно базовые ценности демократического общества. Однако в эпоху алгоритмического управления они приобретают новые измерения. Алгоритмы поисковых систем, модерация социальных сетей, работа рекомендательных систем формируют своеобразные «цифровые рамки», определяющие, какую информацию пользователь увидит, а какую – нет. Возникает дилемма: кто имеет право устанавливать правила цифрового общения? Государство, международные институты или частные корпорации? От ответа на этот вопрос зависит, будет ли цифровое пространство зоной свободы или ареной скрытого контроля. Как подчеркивают современные исследователи информационной этики, цифровая среда трансформирует моральные нормы, что требует разработки новых принципов регулирования[131].

Не менее важной категорией в цифровом дискурсе остаётся безопасность. Государства объясняют ограничение цифровых свобод необходимостью борьбы с экстремизмом, киберпреступностью и внешними угрозами. Но чрезмерный контроль может привести к цензуре и подрыву доверия к власти. Этический вызов заключается в поиске баланса: каким образом сохранить общественную безопасность, не разрушив при этом пространство свободы? Важно понимать, что речь идёт не о противопоставлении свободы и безопасности, а о поиске «точек равновесия», которые позволят минимизировать риски и одновременно сохранить демократические ценности.

---

[130]Шевченко С. А., Пыжов А. В. Цифровая этика и этика данных как основа рациональной деятельности экономических субъектов в условиях цифровой трансформации // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 8-2 (78). – С. 58–61

[131]Лещенко И. Н. Информационная этика: актуальные проблемы и поиск новых ориентиров // Материалы XIII Международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы развития общества». – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2020. – С. 143–146

Цифровая этика как поле политического диалога: она формируется не только в правовых актах или корпоративных кодексах, но и в политическом дискурсе. Это – постоянно развивающееся пространство обсуждения, в котором сталкиваются интересы различных акторов: государства, граждан, корпораций, международных организаций. Задача политической науки в этой ситуации – предложить концептуальные рамки, позволяющие превратить технологическую трансформацию из источника конфликтов в ресурс общественного развития.

Таким образом, цифровая этика становится важнейшей частью ценностного контекста современной политической теории. Её ключевая задача заключается в поиске баланса между инновациями, свободой и безопасностью. Этот баланс не может быть найден раз и навсегда: он требует постоянного общественного диалога и включения широкого круга участников в процесс обсуждения. В условиях, когда цифровые технологии стремительно изменяют привычные социальные и политические практики, именно политическая наука способна предложить инструменты для осмысления происходящего и для выработки стратегий, позволяющих сохранить ценности демократии и одновременно отвечать на вызовы безопасности.

Мухина Ю.В.
(Тюмень, ТюмГУ)

РОЛЬ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ В ФОРМИРОВАНИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СООБЩЕСТВА: «ДИГОРИЯ»)

В первой четверти XXI века цифровое пространство становится ключевой средой для обмена знаниями и информацией, в том числе в области науки, политики и исследований. Создаются специальные платформы, в которых хранятся все необходимые сведения, где они постоянно пополняются и обновляются. В этом процессе особое место занимают социальные сети, где их участники имеют возможность самостоятельно искать, закреплять найденную информацию и обмениваться ею, объединяясь в тематические сообщества. Аналогичная ситуация происходит с молодежными и студенческими политическими группами и клубами, участники которых могут овладеть информацией, дающей возможность осуществлять групповую или индивидуальную научную деятельность, а также расширить опыт в проведении политологических исследований. Социальные сети, особенно популярные среди представителей молодежи, выступают одной из эффективных платформ, способствующих расширению научного и политического кругозора.

В 2019 г. появляется форум «Дигория» как образовательное пространство для студентов политологических направлений, которое со временем расширило свою деятельность и стало полноценным клубом: было создано множество лабораторий и федеральных проектов общественно-политической области, которые объединяют молодых ученых со всей России Образуется также сообщество в социальной сети «ВКонтакте», где публикуются новости о различных программах и форумах, позволяющим молодежи реа-

лизовывать свой потенциал в среде политологии и в других гуманитарных сферах, что вызывает интерес к выявлению значения группы в формировании стремления студентов осуществлять научную деятельность.

Цель исследования – выяснение роли общественно-политического сообщества «Дигорияи» в социальной сети «ВКонтакте» в формировании установок интереса и мотивации студентов политологических направлений к научно-исследовательской деятельности.

Ключевым методом исследования стал качественный контент-анализ, позволяющий определить факторы, влияющие на повышение заинтересованности студентов в работе, связанной с областью науки и исследований.

В ходе изучения деятельности объединения «Дигория» в социальной сети «ВКонтакте» выявлено, что эта платформа оказывает комплексное воздействие на формирование мотивации и интереса студентов политологических направлений к научно-исследовательской работе. Во-первых, одну из значимых ролей играет информационный фактор: объявляя о предстоящих мастер-классах с экспертами, конференциях и форумах, «Дигория» создает единое пространство возможностей для самореализации студентов и выявления талантливой молодежи. Такое подобие внеучебной деятельности, в свою очередь, служит эффективным источником формирования самостоятельных исследовательских навыков Во-вторых, немаловажную роль играет образовательная и коммуникационная составляющие: содержательные цитаты опытных политологов, выдвигаемые в постах образовательные программы способствуют расширению опыта в области изучения политологии, а также повышению навыков ведения научно-исследовательской деятельности за счёт коммуникации и взаимодействия со сверстниками и экспертами. В-третьих, «Дигория» дает возможности для карьерного роста: в сообществе «ВКонтакте» периодически публикуются вакансии, а также достижения научного сообщества, которые показывают студентам, что их деятельность может отобразиться на успешном построении профессиональной траектории в области науки и исследований.

Таким образом, платформа «Дигория» играет значимую роль в формировании интереса и мотивации студентов политологических направлений в научно-исследовательской работе. Ее деятельность показывает, что сообщества в социальных сетях являются эффективным инструментом для повышения заинтересованности молодежи в научной деятельности. Подобные площадки служат балансом между формальными требованиями академической сферы и гибкими возможностями пространства социальных сетей.

Мухортов Д.С.
(Москва, МГИМО МИД России)

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНЧЕСТВА КАК ВЕКТОР ИЗУЧЕНИЯ ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА СТРАНЫ

Одним из важных аспектов изучения эффективности и резистентности института политического лидерства в конкретной стране является ценностная сфера молодежи. В 2025 г. глобалистскими силами была предпринята очередная попытка проведения «цветной революции» в Сербии. 15 марта на улицы Белграда вышло беспрецедентное количество протестующих против политики президента Александра Вучича, двести тысяч человек, большей частью которых были представители студенческой молодежи.

Одним из последних триггеров народных волнений послужила трагедия на железнодорожной станции Нови-Сад, где в результате рухнувшего навеса погибли шестнадцать человек. Проблемой стало то, что ремонт этого навеса осуществляли несколько китайских компаний, реконструкция производилась в 2022 и 2024 гг., причем за полгода до инцидента фиксировался заключительный этап ремонтных работ перед вводом в эксплуатацию. По всей вероятности, работы велись с нарушением технических требований. Однако народный гнев вызвало не столько сам факт трагедии, сколько то, что Вучича ввели в заблуждение и вслед за чиновниками было сказано, что реконструкции не было.

Если ранее эксперты (см.: Почему политический кризис в Сербии не имеет решения в обозримом будущем // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 16.06.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politicheskiy-krizis-v-serbii/ (дата обращения: 05.09.2025) отмечали разрозненность политических сил в стране, то сейчас, получив импульс и, по всей видимости, финансирование из западных фондов, они интегрировались в попытке свергнуть действующую власть. Правительство решило не предпринимать силовых действий и было вынуждено поплатиться за свою инертность. К декабрю 2024 года к движению присоединились студенты и преподаватели университетов. Работа университетов и школ была парализована. В ответ правительство приостановило выплату зарплат профессорам в ответ на их участие в протестах. Таким образом кризис политический стал кризисом социально-политическим. Его частично смогла разрешить отставка премьер-министра Милоша Вучевича 28 января 2025 года, однако краха правительства миновать не удалось. Компромиссным решением было назначение на этот пост 16 апреля 2025 года профессора университета Джуро Мацута, что в какой-то мере смогло умиротворить протестующее вузовское сообщество. Но за этим последовало требование студентов организовать внеочередные выборы и позволить им формировать собственный избирательный список.

Политологи указывают, что «несмотря на размах протестного движения, власть Вучича пока не выглядит шаткой. Президент и его окружение демонстрируют устойчивость и не спешат идти на уступки». Тем не менее, эксперты указывают на уязвимость власти: «любое новое трагическое происшествие может резко усилить протестную активность, поскольку такие события, как правило, играют против правящего режима» (см.: Молодежь против Вучича: эксперт объяснил причины волнений в Сербии // ФедералПресс. Доцент кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ Евгений Колосков. 30.06.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://fedpress.ru/news/77/policy/3387541 (дата обращения: 05.09.2025).

В сентябре 2022 г. – мае 2023 г. коллективом автором (И.Э. Стрельцом, Д.С. Мухортовым, Е.А. Захаровой, Милосавой Церович-Иванович) было проведено эмпирическое исследование, целью которого, помимо прочего, был анализ аксиологической сферы сербских студентов. В исследовании приняли участие 164 человека: 128 (78%) девушек и 36 (22%) юношей. Лишь 1.2% респондентов родились в Белграде, а 98.8% за его пределами. Из пятнадцати социально-значимых ценностей, предложенных к опросу, последние две позиции заняли «Доверие к местным властям» (9,1%) и «Доверие к президенту страны и правительству» (6,7%). Полученные результаты еще в 2022-2023 гг. указывали на существование конфликта между студенческой молодежью и властными структурами, включая президента страны. Более того, оценка эффективности средств социально-политической коммуникации в формировании и укреплении созидательных ценностей среди студентов сербских вузов говорит о том, что 45,1% доверяют социальным сетям. Из этого может следовать вывод, что власти, в том числе, если не в первую очередь, президент страны, до сих пор недооценивают роль указанного канала и, если ситуация будет без изменений, можно прогнозировать усиление турбулентности в обществе, особенно со стороны студенческой молодежи.

Мясников А.И.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

МЕЙНСТРИМИЗАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ПОПУЛИЗМА: СТРАТЕГИИ МОЛОДЫХ ЛИДЕРОВ “НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ” И “НЕПОКОРЕННОЙ ФРАНЦИИ”

На протяжении последних лет политическое пространство Франции претерпело значительные изменения. И если в 2010-х годах такие популистские лидеры, как Марин Ле Пен и Жан-Люк Меланшон, оставались “позади” традиционных правых и левых, то уже в 2020-х основными конкурентами правящего альянса Эмманюэля Макрона стали именно эти представители правого и левого популизма. Лидерство Меланшона и “Непокоренной Франции” в левом лагере можно связать с успешной работой его предвыборного штаба в ходе президентских выборов 2022 года и падением популярности старых левых во Франции (*Marliere P.* French Social Democracy in Turmoil // The Political Quarterly. 2024. №95(4). P. 651.). В то же время политические успехи Марин Ле Пен во многом связаны именно с её успешной политикой демаргинализации и отхода “Национального объединения” от своего ультраправого прошлого времен Жан-Мари Ле Пена (*Захарова Е.А.* От "Национального Фронта" к "Национальному Объединению" во Франции: элементы ребрендинга партии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. №3.).

В ходе политического цикла в 2022-2024 годах немаловажную роль в расширении деятельности этих партий и усилении их влияния во французской политике сыграл переход руководства к молодому поколению популистских лидеров. Так, после президентских выборов 2022 года лепенистов возглавил Жордан Барделла, а меланшонистов – Манюэль Бомпар. Особое место в политических стратегиях обоих лидеров заняла политика мейнстримизации, направленная на распространение и укоренение политических идей и ценностей партий в общественно-политическом дискурсе Франции.

Если говорить о деятельности Жордана Барделла, то необходимо отметить, что лидер правопопулистов не только продолжает курс своей предшественницы по дерадикализации предвыборной риторики, но и всячески старается на дискурсивном уровне изменить отношение к ключевым идеям лепенистов. Так, например, вопросы контролирования миграции рассматриваются лепенистами не сквозь призму националистической идеологии, а через ценности патриотизма и проблематику национальной безопасности (*Головин М.С.* Демаргинализация праворадикальных политических партий в современной Европе: случай французского "Национального объединения". Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием, 2024. С 152.). В конечном счете, подобная политика не только способствует улучшению электоральных позиций “Национального объединения”, но и мейнстримизирует некоторые из элементов их предвыборной программы в политическом дискурсе их оппонентов из макронистского лагеря (Нацсобрание Франции приняло закон об ужесточении миграционных правил. ТАСС, 2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19585675).

В свою очередь, перед Манюэлем Бомпаром не стоит задача по демаргинализации “Непокоренной Франции” по примеру лепенистов, поскольку, в отличие от последних, меланшонистов хотя и упрекали в политическом радикализме, но не обвиняли в нео-

фашизме и экстремизме. Вместе с этим, Бомпар для распространения и укоренения партийных идей стремится придать своей партии медийный образ потенциальных политических лидеров государства путем изменения своего имиджа и своими более умеренными выступлениями ("Il met des costumes, si ça ce n'est pas un signe": Manuel Bompard, le successeur de Jean-Luc Mélenchon?. L'Express, 2025. URL: https://clck.ru/3NmvpH). В конечном счете, подобная политика "Непокоренной Франции" под руководством Бомпара способствовала успешному формированию коалиции "Новый народный фронт" со старыми левыми партиями в ходе досрочных парламентских выборов 2024 года (*Lucidi S.* The Evolving Political Discourse of Movement-Parties: The Case of La France Insoumise – Nouveau Front Populaire in the 2024 French Legislative Elections // PArtecipazione e COnflitto. 2025. №18(2). P. 344), доминированию в предвыборной программе левого альянса социально-политических требований меланшонистов, а также закреплению за "Непокоренной Францией" статуса самой крупной парламентской группы среди французских левых по итогам 2024 года. Это можно считать одним из ключевых достижений мейнстримизации левого популизма во французском политическом пространстве.

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309, https://rscf.ru/project/24-28-01309

Назаренко А.В.
(Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)

СЕТЕВОЙ ВЗГЛЯД И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Истоки «негативного» настроя человека как разочарованного своей миссией творца нужно искать в нем самом, в его знании о себе. Оно будет неполным, поскольку в нем всегда будет присутствовать замещаемая «верой» субъективная неопределенность, влияющая на способ человека адекватно рассуждать о себе и о социальном устройстве мира.

Поскольку субъектность человека ограничивается рамками созданной им социальной системы, его «свободная воля» будет парализована, а значит, не востребован будет и его «капитал». Снять не только критический настрой, но и разочарование человеком в своей никчемности по отношению к любой им же спроектированной и созданной социальности невозможно без принятия чрезвычайных мер по возврату утраченной им субъектности, которая служит своеобразной «картой» для каждой организуемой ею экзистенциальной социальной «территории». Возникает вопрос об алгоритме её производства.

Если субъектность человека проявляется только в отношениях и через них подтверждается, она может и не иметь единого «центра» и связанной с ним «трансцендентности», которая извлекала бы её из них. При межличностной коммуникации субъектность становится следствием коллективного плана. Изменяются критерии и регистры, с помощью которых человек осознает и понимает себя как автора собственной жизни в окружении равных себе. Самость его «Я» посредством бесконечного воздействия и касания между собой многих «Я» трансформируется в «Мы». Устойчивые конфигурации человеческой субъектности попадают в зависимость от трех факторов – «слова» внутренней системы, знания и собственной самореферентности. Оче-

видно, что последний из них, как «забота о себе», явно в межличностных отношениях доминирует. В результате процесс автореферентной субъективации в процессе межличностной коммуникации складывается из разнородных элементов – прошлого, навязчивых поведенческих мотивов, эмблем идентификации и различного рода фетишей.

Поскольку однозначное толкование субъективности человека более невозможно, это порождает множество коннотаций, которые можно применить к широкому кругу явлений. Наиболее очевидным воплощением пула межличностных отношений становится сеть, благодаря которой создаются любые предпосылки для возникновения нового типа социальности – «невозможного» сетевого сообщества, без жёсткой системной основы. Блокируя свободную циркуляцию жизненных сил человека, она ведь ограничивает его «волевой» потенциал.

Если сетевые взаимодействия формируют и деформируют субъектность человека, способствуя детерриториализации и ретерриториализации его идентичности в социуме, наиболее адекватным инструментом их изучения видится шизоанализ. Он позволяет рассматривать сеть отношений как «машину желаний», где циркулирующая информация бесконечно рождает все новые и новые формы «желания» и «наслаждения». Это позволяет размышлять о «желании» в широком смысле этого слова, без его привязки к бессознательному конкретного человека. Появляется возможность нивелировать крайности и грубые обобщения системы, попутно выявляя аналогию в работе желания отдельно взятого индивида и социума в целом. Как шизосубъект, человек проживает все возможные и невозможные состояния, выстраивая множественные «бредовые» социальные конструкции в их произвольности, изменчивости и избыточности.

Очевидно, что понятия «свободной воли» человека и его «капитала» не могут игнорировать шизоанализ, поскольку отрицаемое социальной и цивилизованной системой безумие составляет теперь единственный источник его будущего. Речь идёт о пределах десоциализированного человеческого экспериментирования. Множественность предъявлений в показе, наряду с тотальным гостеприимством высказываний человека в опыте, – это и есть новый сетевой несистемный мир. Его можно мыслить только на пределе.

Поскольку процесс межличностного взаимодействия детерминирован «желаниями» «Я» оставаться в поле другого «Я», его активная субъективация возможна лишь в интерсубъективном символическом, и то после того, как оно временно приостановилось и преобразовалось посредством введения нового господского «означающего» и проявления связанного с его «желанием» субъективированного «наслаждения». Привязанное к субъекту политическое в этом случае возникнет в точке, где он готов частично поступиться чистотой, как системной, так и анархической, деструктивной этикой, которые являются непременным условием политического. Она и есть иерархический центр сети. Любая субъективация «желания» и «наслаждения» должна претерпеть радикальную дестабилизацию посредством правильно диагностированного «неразвязанного» психоза и последовательного создания путем разметки частичного персонализированного, символического «нетрагического имени». Тем самым откроется новый подход к формулированию сетевой психоаналитической этики и политики.

Назаров Р.Р., Алиева В.Р.
(Ташкент, ТФ РЭУ им. Г.В. Плеханова)

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В условиях глобализации региональные идентичности становятся инструментом политического, экономического, культурного взаимодействия. Центральная Азия (далее – ЦА) – уникальный регион: обладая историко-культурным наследием и многовековым опытом сосуществования цивилизаций, она находится в ситуации поиска новых основ региональной идентичности. Формирование целостного образа региона связано с государственностью, сотрудничеством, культурным диалогом, социально-экономическим развитием. Этнокультурная, языковая, конфессиональная многослойность делает задачу создания региональной идентичности многогранной.

Региональная идентичность понимается как совокупность устойчивых представлений, ценностей, символов в рамках общего культурно-политического пространства. Она формируется под влиянием истории, культурных традиций, экономических интересов, внешнеполитических факторов. Выделяются ряд подходов к изучению региональной идентичности: *культурно-цивилизационный, политико-геополитический, социально-экономический, интеграционный подходы,* каждый из которых обладает спецификой.

История ЦА насчитывает тысячелетия совместного развития. В регионе пересекались пути Великих миграций и маршруты Великого Шёлкового пути (далее – ВШП), взаимодействовали цивилизации – иранская, тюркская, индийская, арабская, китайская, монгольская, российская. Это создало уникальную культурную мозаику, где соседствовали доисламские и исламские традиции, номадическая и оседло-земледельческая цивилизации.

Региональная идентичность в ЦА формировалась вокруг ключевых элементов: ***ислам*** как религиозно-культурная основа; ***тюрко-иранское*** наследие в языке, литературе, культуре; ***общая историческая память*** о великих империях и династиях; ***традиции ВШП*** как символ открытости и взаимодействия с внешним миром.

В эпохи Российской империи и СССР на процесс формирования идентичности наложились новые факторы: модернизация, индустриализация, идеология, новые этнополитические границы. В итоге ЦА унаследовала элементы общей культурно-исторической памяти и новые формы национальной идентичности.

На современном этапе формирование региональной идентичности в ЦА определяется сочетанием внутренних и внешних факторов.

Глобализация способствует проникновению новых моделей, усиливает влияние западной и восточной культур, создавая конкуренцию традиционным идентичностям.

Миграционные процессы – массовая трудовая миграция в Россию и другие страны способствует связям с внешним миром, но размывает локальные идентичности.

Влияние великих держав – ЦА находится в зоне интересов глобальных (Россия, Китай, США) и региональных (Турция, Иран, Пакистан, Индия) акторов, что отражается на культурно-политической самоидентификации региона.

Региональные организации (СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, ОТГ) – создают платформы для политико-экономического сотрудничества, что способствует формированию представления о ЦА как едином регионе.

Информационное пространство и медиа – развитие региональных телеканалов, образовательных и культурных проектов укрепляет чувство принадлежности к региону.

Формирование региональной идентичности в ЦА можно наблюдать в различных сферах:

Культура и искусство: проведение совместных фестивалей, выставок, проектов по сохранению наследия ВШП.

Образование: академические обмены, создание региональных университетских сетей и программ, направленных на изучение общих культурно-исторических основ.

Экономика: инициативы в области логистической и энергетической интеграции (ТРАСЕКА, газопроводы, транспортные коридоры).

Медиа: запуск региональных информресурсов, документальных фильмов, телепроектов, посвящённых общей истории и культуре.

Спорт: международные соревнования и турниры, которые способствуют формированию коллективного имиджа ЦА.

Региональная идентичность проявляется в символическом и практическом измерении. Формирование общей идентичности служит основой для углубления интеграции в ЦА. Перспективными направлениями являются: создание общей культурно-образовательной среды; развитие совместных экономико-инфраструктурных проектов; формирование регионального бренда ЦА на международной арене.

Существуют и риски: конкуренция этнонациональных идентичностей; геополитическое давление со стороны внешних акторов; различия в уровнях социально-экономического развития. Тем не менее, наличие общей исторической памяти, культурной близости и стратегической необходимости сотрудничества создаёт условия для укрепления региональной идентичности.

Региональная идентичность ЦА формируется в условиях взаимодействия традиций и модернизации, национального и наднационального, внутренних и внешних факторов. Она выступает ресурсом для укрепления интеграции, развития сотрудничества, повышения международного имиджа региона.

ЦА обладает потенциалом для формирования регионального образа, основанного на культурном наследии и стремлении к совместному развитию. При условии баланса национальных интересов и общерегиональных задач возможно создание региональной идентичности, способной укрепить позиции ЦА в мире.

Назарьева А.В.
(Ростов-на-Дону, ЮФУ)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ УНИВЕРСАЛИЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Студенческая молодежь является одной из наиболее динамичных социальных групп, обладающей высокой восприимчивостью к общественным изменениям и одновременно формирующей ценностные ориентиры будущего общества. В условиях

глобализации, цифровизации и усиливающихся геополитических вызовов именно студенчество демонстрирует новые модели политической активности, отражающие как традиционные культурные универсалии, так и современные трансформации.

Актуальность темы определяется необходимостью изучения того, каким образом базовые ценности российской культуры – патриотизм, справедливость, семья, трудовая этика, солидарность – интерпретируются студенческой молодежью и каким образом они проявляются в политических интересах и ориентациях.

Понятие культурных универсалий трактуется как устойчивые когнитивные и ценностные структуры, воспроизводимые в массовом сознании и обеспечивающие преемственность в трансляции культурных норм. Исследование Южного федерального университета (2023–2024) включало анкетирование 1600 респондентов из восьми регионов, проведение фокус-групп и анализ цифровых коммуникаций (1, с. 30). Особое внимание при анализе социологических данных уделялось студенчеству как наиболее чувствительной к изменениям социальной группе. Студенты демонстрируют интерес к политике в практической плоскости, преимущественно через призму социальных проблем и вопросов будущего: социальная справедливость и неравенство, национальная идентичность и патриотизм, доступность образования и перспективы трудоустройства, личная безопасность и стабильность. При этом фиксируется низкий уровень идеологической самоидентификации: молодежь редко называет себя сторонниками конкретных политических течений, но активно выражает позиции по отдельным вопросам, например, поддержка социальной справедливости при скепсисе к институциональной политике.

В структуре политических ценностей (убеждений) студенческой молодежи ключевыми остаются: патриотизм, воспринимаемый как символ идентичности и сопричастности, но сопровождаемый критической рефлексией в отношении исторических событий; справедливость, которая рассматривается как главный критерий оценки политической системы и власти; семья и межличностные связи, сохраняющие значение важнейшего ресурса социальной идентичности; личная безопасность, вышедшая на первый план в 2024 г. на фоне внешнеполитической ситуации. Эти универсалии формируют основу политических интересов, но в молодежной среде они преломляются через современные формы участия.

Студенты преимущественно получают политическую информацию из социальных сетей, что усиливает фрагментарность восприятия и эмоциональную окрашенность нарративов. Для поколения Z характерен запрос на «горизонтальные» формы участия (волонтерские практики, студенческие объединения, локальные проекты), тогда как традиционные формы – партийная и электоральная активность – остаются на периферии интересов.

Политические интересы студенческой молодежи формируются в контексте культурных универсалий, которые сохраняют преемственность, но приобретают новые интерпретации. Для поколения Z характерно смещение от идеологической самоидентификации к ценностно-прагматическим ориентациям, рост роли цифровых каналов социализации и участия, актуализация традиционных культурных универсалий (патриотизм, справедливость, семья, безопасность) в новых социальных и политических условиях. Таким образом, студенческая молодежь выступает как носитель обновленной интерпретации культурных универсалий, сочетающей традиционные ценности с новыми формами политической активности. Полученные результаты имеют практическую значимость для выработки эффективной молодежной политики и стратегий гражданского воспитания.

Намазов О.Б.
(Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС)

ПОПУЛИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ Р. Т. ЭРДОГАНА И Э. ИМАМОГЛУ

Современная политология переживает важный поворот, связанный с активным переосмыслением таких фундаментальных понятий, как демократия и легитимность власти. На этом фоне исследования популизма – populism studies – приобретают особую актуальность.

При анализе феномена популизма в Турции в XXI веке, следовало бы обратить внимание на деятельность трех основных политических партий Турции (Партия справедливости и развития (ПСР), Партия националистического действия (ПНД) и Республиканско-народная партия (РНП)) – ведь в риторике и стратегии каждой из этих организаций имеются популистские черты.

Однако при рассмотрении массива научной литературы на тему популизма в Турции на первый план выходит не популизм ПСР, ПНД или РНП, а популистская политика Реджепа Тайипа Эрдогана – президента и лидера современной Турции. С другой стороны, фигура Экрема Имамоглу – ключевого оппозиционного лидера и главного конкурента Р. Т. Эрдогана – тоже связана с популистской стратегией и риторикой.

ПСР, лидером которой является Р. Т. Эрдоган, по мнению одного из видных исследователей современной турецкой политики Юнуса Сезена – изначально формировалась как правопопулистская, неоконсервативная партия, делающая акцент на религиозных и семейных ценностях и – что самое главное в контексте исследования популизма – дифференцирующая турецкое общество на две составные части: суннитское провинциальное большинство («народ») и секулярное, сосредоточенное в крупных городских агломерациях, меньшинство («элиты»), которое угнетает «народ».

Этот классический для популистов риторический прием позволял Р. Т. Эрдогану и его партии на протяжении длительного времени консолидировать свой электорат и побеждать на парламентских (2002 г., 2007 г., 2011 г., 2015 г., 2018 г., 2023 г.), президентских (2014 г., 2018 г., 2023 г.) и муниципальных выборах (2004 г., 2009 г., 2014 г., 2019 г., 2024 г.). Стоит отметить, что вышеобозначенный гегемонистский тренд в турецкой политике был приостановлен именно во многом благодаря усилиям Э. Имамоглу, избранного мэром Стамбула в 2019 и 2023 годах и ставшего, по сути, вторым человеком в стране по уровню влияния на общественно-политическую жизнь.

Политической стратегии Р. Т. Эрдогана присущи все три ключевых элемента популизма: ориентация на народ, антиэлитизм и «манихейское» (дуалистическое) мировоззрение.

«Мой народ», «мой любимый народ» – одно из наиболее широко используемых выражений в речах Р. Т. Эрдогана. Президент Турции формирует образ народа как носителя руссоистской volontЋ gЋnЋrale – общей «истинной» воли – защитником и представителем которой является он сам.

В первый период правления «антиэлитизм» Р. Т. Эрдогана был направлен на светскую гражданско-военную элиту как отчужденную от ценностей народа. Во второй период, с 2013 года, особенно после протестов Гези «врагами народа» стали иностранные державы.

В качестве чуть ли не абсолютного («манихейского») зла выступает РНП и, в частности, Э. Имамоглу – демонизация оппозиции доходит до того, что она обвиняется в фашизме, маргинальности и в связях с террористическими организациями.

Контроль над информационным пространством, медиастратегия, ориентированная на консолидацию общества вокруг фигуры Р. Т. Эрдогана, использование религиозной и националистической риторики также являются составной частью популистской стратегии Р. Т. Эрдогана.

Э. Имамоглу, поднявшийся на национальную политическую арену с локального уровня взаимодействия с обществом, тоже использует популистский инструментарий в прагматических целях, за что его критикуют и обвиняют его противники, в том числе и из РНП.

Стоит задаться вопросом: противопоставляет ли Э. Имамоглу народ какому-либо субъекту, который его подавляет? Ответ утвердительный: система, выстроенная вокруг фигуры Р. Т. Эрдогана, и является главным антагонистом народа. Однако популизм Э. Имамоглу не отличается нацеленностью на поляризацию общества: дихотомия «народ» и «авторитарная власть» не превращается в речах Э. Имамоглу в противостояние абсолютного добра и зла. Несмотря на то, что риторика Э. Имамоглу эмоционально заряжена, она не агрессивна.

Активное использование социальных медиа, прямая коммуникация с избирателями, «игра» с их ожиданиями и надеждами как элементы популистской стратегии Э. Имамоглу привели к небывалому росту популярности политика – по результатам опроса («Konda») 73% опрошенных выступили против задержания политика в рамках расследования коррупции в стамбульской мэрии.

Таким образом, борьба двух различающихся популистских стратегий главных политических фигур Турции определят, на наш взгляд, будущее политического ландшафта этой страны.

Настявин И.М.
(Казань, КНИТУ-КХТИ)

КОГНИТИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИССОНАНС В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ О ПОЛИТИКЕ

Для примера можно взять проблему определения таких фундаментальных понятий, которые теснейшим образом связаны друг с другом в науке о политике, как «политика» и «политическая власть».

Известно, что основным вопросом всякой политики всегда был и остается вопрос о власти. Власть, подчеркивал М. Вебер, есть «одна из движущих сил всякой политики»[132]. Причем, чем не стабильнее социальная ситуация в обществе, тем острее в социуме стоит вопрос о политической власти. Власть приобретает тотальную актуальность.

В онтологическом смысле необходимость наличия власти вытекает из самой бытийности человеческого сообщества. Она выступает результатом и прямым следствием процессов непосредственного взаимодействия людей. По мнению Х. Арендт, люди, как свободные и равные участники, творят власть совместно, сообща благодаря своим коммуникативным действиям, пониманию необходимости взаимодействия.

Подобного рода суждения не вызывают каких-либо серьезных возражений. Диссонанс возникает, когда понятие «власть» применяют к сфере политики. А поскольку по поводу определения понятия политики ученые до сих пор не пришли к единому мнению, то и определение политической власти до сих пор не имеет четкого и ясного

[132]Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 691.

содержания. Большинство исследователей (особенно западноевропейских) отождествляют государственную и политическую власть (Л. фон Мизес, Дж. С. Милль, Г. Спенсер, В. Дильтей, Ч. Миллс, П. Рикёр, Р. Мертон, Г. Маркузе, Э. Тоффлер, Э. Фромм, М. Фуко, С. Жижек и др.). Но есть и иные мнения. Так, Г. Моргентау полагает, что политическая власть – «это психологическое отношение между тем, кто ею обладает и тем, кто должен ей подчиняться»[133]. Это форма контроля субъекта власти над действиями и идеями объектов власти. «Под политической властью, – пишет он, – мы понимаем отношения взаимного контроля между людьми, наделенными властью, а также между ними и обществом в целом»[134]. Г. Моргентау не только сводит политическую власть к взаимному контролю, но и отделяет её от военной. По его мнению, угроза насилия означает переход от политической власти к власти военной. Т.е. власть военных для него – это власть не политическая. Но армия в обществе для того и существует, чтобы противостоять угрозе какому или каким-либо государствам (или быть им угрозой). Моргентау и сам замечает, что война имеет политическую цель. Это не просто захват территории, разгром вражеской армии, а влияние на сознание противника, подчинение умов и сердец побежденных воле победителя.

Среди отечественных ученых, склонных отождествлять политическую и государственную власть, можно назвать В.Л. Бозаджиева, Р.Т. Мухаева, К.С. Гаджиева, И.В. Солонько, А.Ф. Филиппова, А.С. Панарина и др. Но также есть и другие мнения. Так, М.Ю. Зеленков полагает, что государственная власть – это «форма политической власти, характеризующаяся способностью влиять на характер, направления деятельности и поведение людей, социальных групп, классов посредством экономических, социальных, политических, духовных и организационно-правовых механизмов в целях обеспечения нормального функционирования общества»[135]. Т.е. понятие «политическая власть» у него шире, чем понятие «государственная власть». Такого же мнения придерживается В.К. Мокшин. «Политическая деятельность, – пишет он, – осуществляется не только в рамках государства, но и в рамках партий, общественных организаций, различных объединений, профсоюзов, международных организаций». Она «включает в себя, кроме государственной власти, и власть политических лидеров, опирающихся на свой авторитет, а не на государственные институты»[136].

Следовательно, дать правильное определение политической и государственной власти нельзя без правильного определения политики.

Опираясь на работы древнегреческих мыслителей, в частности Аристотеля[137], и современных зарубежных исследователей, например Ф. де Валя[138], автор пришел к выводу, что политика есть деятельность людей, направленная на достижение (отстаивание) того или иного способа существования общности, человека[139]. Отсюда следует, что политической власть становится только тогда, когда она используется в целях установления, сохранения или совершенствования определенного способа существования какой-либо общности людей, причем независимо от того, в какой сфере их жизнедеятельности это происходит в материальной или духовной. Политика вторгается в любую сферу жизнедеятельности людей, как только в ней возникает дилемма способа существования.

Данное определение не только объясняет, что такое политическая власть, но позволяет вскрыть её социальную сущность, дает возможность отличать политическую власть от неполитической. Оно позволяет выявить в деятельности людей и их раз-

[133]Моргентау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир. URL: http://grachev62.narod.ru/tmo/chapt04.html

[134]Там же.

[135]Зеленков М. Ю. Политология. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2013. – С. 64.

[136]Политическая социология в 2 ч. Ч. 1: Власть и гражданское общество. – Архангельск: ИД САФУ, 2014. – С. 134.

[137]См.: Аристотель. История животных. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1996.

[138]См.: Де Валь Ф. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.

[139]Более подробно, см.: Настявин И.М. Феномен политического сознания. Гл. III. – Казань, КНИТУ. – С. 402-741.

личных объединений, институтов политическое и неполитическое содержание, направленность. Данная дефиниция, на наш взгляд, может служить и строгой методологической основой научных исследований, поскольку позволяет четко и ясно определять границы (поле) и сферу политической деятельности.

Науменко А.С.
(Москва, РУДН)

ПОЛИТИКА ПАРТНЕРСТВА РОССИИ И КИТАЯ В РАМКАХ БРИКС

Россия и Китай, являясь стратегическими партнерами, взаимодействуют в рамках различных международных и региональных организаций, структур и объединений. Одной из платформ для сотрудничества является группа БРИКС. В рамках БРИКС Россия и Китай реализуют различные внешнеполитические стратегии. Китайская политика нацелена на расширение глобального влияния посредством предоставления финансовых ресурсов и технологических решений. В свою очередь, Россия делает акцент на выстраивании равноправного и взаимовыгодного диалога, выступая ключевым архитектором укрепления институтов БРИКС, инициируя новые форматы торгово-экономического взаимодействия и содействуя расширению структуры.

Согласно Президенту России В.В. Путину, российско-китайское стратегическое партнерство нацелено на консолидацию роли БРИКС в качестве ключевого элемента формирующейся полицентричной системы глобального управления. В рамках этого взаимодействия стороны согласованно инициируют и реализуют проекты, нацеленные на раскрытие экономического потенциала государств-членов, в частности, через формирование многосторонних институциональных платформ в приоритетных отраслях (Путин рассказал о сотрудничестве России и Китая в БРИКС, 2025).

Стратегическое развитие БРИКС, по мнению Председателя Китая Си Цзиньпина, должно базироваться на принципе синергии сравнительных преимуществ государств-участников. Углубление прагматического сотрудничества в торгово-экономической, финансовой и научно-технологической сферах является ключевым условием для достижения конкретных результатов. Данный курс призван консолидировать институциональные основы объединения, обеспечить новый импульс его развитию, усилить глобальное влияние и, как следствие, максимизировать социально-экономический эффект для народов стран-членов (Си Цзиньпин призвал страны БРИКС использовать сильные стороны, 2025).

Отметим, что в экономической сфере сотрудничество характеризуется ориентацией на дедолларизацию взаимной торговли, развитие трансграничной инфраструктуры и создание альтернативных финансовых механизмов. Стратегическая координация проявляется в синхронизации подходов к реформированию международных институтов и продвижении концепции суверенного миропорядка, основанного на принципах невмешательства и мультилатеризма.

Особое значение приобретает институциональное развитие БРИКС, где Россия и Китай выступают катализаторами процессов расширения членства и углубления форматов взаимодействия (РИК – БРИКС – БРИКС+). Ответ на внешние вызовы реализуется через выработку скоординированных мер противодействия санкционному давлению и гармонизацию позиций по ключевым вопросам международной безопасности.

Важной составляющей российско-китайского взаимодействия в рамках БРИКС является межотраслевое взаимодействие в экономической, технологической и инновационной сферах. Репрезентативным примером данной динамики является проведенный в Москве Саммит моды БРИКС+, который послужил не только платформой для демонстрации национальных индустрий мод, но и площадкой для обмена компетенциями в сфере технологического развития текстильного производства, внедрения инновационных методов создания материалов и дизайнерских решений (Саммит моды БРИКС+, 2025). Подобные инициативы выполняют функцию инструмента «мягкой силы», способствуя углублению культурного диалога и укреплению интеграционных процессов между странами-членами БРИКС.

Гуманитарное измерение партнерства включает развитие академических обменов, реализацию совместных культурных проектов и создание механизмов народной дипломатии. К примеру, студенты из Китая учатся и проходят стажировки на различных направлениях бакалавриата, магистратуры и аспирантуры в Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы. А студенты из России проходят обучение в Китае. Так, в рамках совместной магистратуры на направлении «Политические проблемы глобализирующегося мира» студенты обучаются в Шаньдуне.

Таким образом, Россия и Китай как ключевые участники объединения заинтересованы в дальнейшей институционализации БРИКС и развитии его структуры через согласованные усилия по укреплению стратегического партнерства.

Науменко А.С.
(Москва, РУДН)

БРИКС И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

БРИКС (аббревиатура, образованная из первых букв англоязычных названий Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики (ЮАР)) является одной из наиболее значимых межгосударственных платформ, способствующих формированию новой многополярной системы международных отношений. В условиях трансформации мирового порядка, вызванной изменениями в геополитическом балансе, экономическими кризисами и технологическими революциями, БРИКС играет важную роль в адаптации внутренней и внешней политики своих государств-участников.

Одним из ключевых направлений воздействия БРИКС на внутреннюю политику стран-участниц является содействие экономическому развитию. Путем сотрудничества в рамках Нового банка развития (НБР) государства получают возможность финансировать крупные инфраструктурные проекты, что способствует модернизации промышленности, энергетики и транспортной системы. Индия использовала кредиты НБР для финансирования зеленых энергетических проектов, что позволило снизить зависимость от углеводородов. Кроме того, интеграция в БРИКС стимулирует развитие новых технологических секторов, что приводит к усилению инновационной политики и повышению конкурентоспособности. Китай активно использует механизмы сотрудничества в рамках БРИКС для развития своей Инициативы «Один пояс – один путь», укрепляя логистические и торговые связи со странами-партнерами.

Создание НБР демонстрирует стремление стран БРИКС к формированию многополярного мира, где развивающиеся страны имеют больший вес в принятии глобальных решений. Это усиливает позиции государств-участников на международной арене и позволяет им продвигать свои интересы более эффективно. Помимо этого, НБР с помощью выделяемых кредитов, способствует привлечению новых стран в БРИКС. Многие страны мира не могут позволить себе проводить инвестиции в различные отрасли из собственного бюджета, зачастую, разработка новых месторождений редкоземельных металлов или энергоресурсов – это дорогое занятие. Таким образом, НБР может поспособствовать разработке данных ресурсов и получить быструю прибыль, тем самым заполучив нового участника платформы и льготные цены на закупку, также финансирование стратегически важных проектов и содействие экономической интеграции.

Страны БРИКС активно взаимодействуют в сфере социальной политики, обмениваясь опытом в области здравоохранения, образования и борьбы с бедностью. Программа «БРИКС против туберкулеза» позволила странам-участницам координировать научные исследования и совместно разрабатывать новые методы лечения. В области образования создаются совместные университетские программы, такие как «Сетевые университеты БРИКС», что способствует подготовке специалистов в стратегически важных областях. Участие в БРИКС способствует усилению политической стабильности внутри стран благодаря укреплению международных экономических связей и привлечению инвестиций.

БРИКС предлагает многополярную модель мироустройства, основанную на равноправии и невмешательстве. Это обеспечивает странам стратегическую автономию: Россия укрепляет связи с Китаем и Индией, снижая зависимость от Запада. Участники развивают экономическую дипломатию, переходят к расчетам в нацвалютах и укрепляют финансовый суверенитет.

В рамках БРИКС реализуются совместные проекты по развитию транспортной и энергетической инфраструктуры, что способствует расширению экономического влияния организации на глобальном уровне. Например, строительство международных транспортных коридоров, таких как «Север-Юг», позволило увеличить торговые потоки между Россией, Ираном и Индией. Также, стоит отметить Новый банк развития, который предоставит России кредиты на $1,2 млрд. Деньги пойдут на четыре инфраструктурных проекта (Мировые ссуды: Новый банк развития БРИКС выдаст РФ займов на $1,2 млрд, 2024).

БРИКС оказывает влияние и на вопросы региональной безопасности. Например, страны-участницы координируют свои позиции по ключевым международным проблемам, выступая с согласованными инициативами на площадках ООН, G20 и других глобальных форумах. Это позволяет им защищать национальные интересы и формировать более сбалансированную систему международных отношений. Так, страны БРИКС выступили с единой позицией по реформированию Совета Безопасности ООН, требуя большей представленности развивающихся стран.

Таким образом, БРИКС играет важную роль в формировании внутренней и внешней политики своих государств-участников, способствуя их экономическому, социальному и политическому развитию. В условиях трансформации мирового порядка структура дает возможность странам-участницам адаптироваться к изменяющейся международной среде, укреплять свою независимость и формировать стратегию устойчивого развития. В будущем влияние БРИКС, вероятно, продолжит расти, способствуя укреплению многополярного мира и формированию новых моделей международного взаимодействия.

Наумчева Е.Ю.
(Краснодар, КубГУ)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦПРОЕКТА «ОБРАЗОВАНИЕ» В 2019-2024 ГГ.

В XXI веке цифровизация проникла во все сферы общества, включая образование. Однако не далеко не все российские учебные заведения имеют возможность предоставить учащимся доступ к электронным образовательным платформам, онлайн-курсам и интерактивным учебным материалам. Особенно это касается образовательных организаций, расположенных в сельской местности, ограниченных небольшим бюджетом. Между тем, цифровизация играет огромную роль в повышении качества и доступности обучения, ведь многие граждане проживают в отдаленной от учебных заведений местности, не имея возможности физически посещать стены образовательных организаций. Им необходимы цифровые инструменты, которые обеспечили бы их равными возможностями, вне зависимости от их местоположения. В связи с этим для многих решением проблемы стал национальный проект «Образование», который реализовывался в период с 01.01.2019 по 31.12.2024 гг.

Главная цель данного национального проекта заключалась в создании безопасной и современной образовательной среды, обеспечении глобальной конкурентоспособности отечественного образования, а также повышении доступности качественного образования для всех категорий граждан. Для достижения заданной цели национальный проект «Образование» должен был решить следующие стратегические задачи: обеспечить все категории граждан (вне зависимости от региона и места их проживания) равным доступом к качественному образованию; подготовить педагогов и всех учащихся к дальнейшей работе в условиях цифровой экономики; создать условия для самореализации населения и его непрерывного профессионального развития.

Благодаря реализации национального проекта «Образование» во всех субъектах нашей страны сегодня внедрена так называемая целевая модель цифровой образовательной среды, компонентами которой являются информационные системы и ресурсы, предназначенные для хранения, поиска, обработки и предоставления данных и информации, государственные информационные системы и ресурсы (например, «Российская электронная школа»), технические средства, программное обеспечение и интерактивные инструменты, а также цифровой образовательный контент. Данная целевая модель цифровой образовательной среды позволила интегрировать онлайн-курсы в учебные программы, создать профили «цифровых компетенций» для административно-управленческого персонала, педагогов, а также обучающихся и автоматизировать существующие административные процессы.

В период действия национальной программы «Образование» в образовательный процесс многих российских учебных заведений активно внедрялись технологии виртуальной и дополненной реальности, что позволило повысить интерес учащихся, а также сделало процесс более практико-ориентированным. Нельзя не отметить и значительное развитие IT-компетенций у детей и молодежи в период реализации данного национального проекта. Так, в России созданы и функционируют центры цифрового образования для детей «IT-куб». Они предоставляют углубленные знания в области информационных технологий. Однако, если согласно паспорту программы, к 2024 г. планировалось открыть не менее 340 таких центров с годовым охватом не менее 136 тысяч детей, то фактически во всех регионах Российской Федерации был открыт только 261 центр «IT-куб», но

также было создано свыше 300 детских технопарков «Кванториум», более 3000 центров образования естественно-научной и технологической направленности «Точки роста». По итогам реализации нацпроекта выявлено, что в России 81% учителей и более половины (52 %) школьников систематически используют сервисы федеральной платформы цифровой образовательной среды[140]. Это позволит лучше подготовить учащихся к жизни и работе в условиях современной цифровой экономики.

Не менее важно повышение цифровой компетентности педагогов. Согласно федеральному проекту «Учитель будущего», в России была создана система повышения квалификации педагогических работников. При этом важно отметить, что она включала в себя обучением методикам проведения онлайн-уроков, использованию цифровых технологий. Была развита материально-техническая база образовательных учреждений, которые были оснащены цифровой инфраструктурой. В тоже время ожидалось, что к 2024 г. более 50 % общеобразовательных организаций будут оснащены для этого всем необходимым оборудованием, однако фактически этот целевой индикатор так и не был достигнут (составил 47 %)[141].

Таким образом, можно утверждать, что реализация мероприятий по цифровизации в рамках нацпроекта «Образование» уже привела к значительным изменениям в этой системе, способствуя созданию новых образовательных центров, оснащению образовательных учреждений современным оборудованием, повышению цифровой компетентности педагогов.

Нгуен Данг Хай
(Тюмень, ТюмГУ)

БЛОГ О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ КАК ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ: ФИЛОСОФИЯ, ПРОЕКТИРОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО

В работе рассматривается блог о русской культуре и языке как современная форма практики политического воображения, включающая философское осмысление, проектирование и творческую подачу культурного контента. Анализируется потенциал блогерской деятельности в формировании культурной идентичности и международного имиджа страны. На основе собственного опыта ведения блога и анализа реакции аудитории выявлены основные подходы к интеграции образовательных, культурных и дипломатических задач в медийный формат.

Развитие цифровых медиа привело к тому, что блог стал важным инструментом культурной коммуникации и формирования общественного восприятия. Через блог о русской культуре и языке возможно транслировать ценности, разрушать стереотипы и стимулировать межкультурный диалог. Совмещение философского осмысления, проектирования контента и творческих методов позволяет превратить блог в инструмент «мягкой силы».

Вопрос культурного представительства в медиа изучали М. Кастельс («Сеть и общество»), Ю. Хабермас («Структурные изменения публичной сферы»), а также российские

[140]Итоги реализации национального проекта «Образование» [Электронный ресурс]. URL: https://kalmregion.ru/novosti/itogi-realizatsii-natsionalnogo-proekta-obrazovanie/
[141]Ключевые результаты Национального проекта «Образование» по итогам 2019–2024 годов. URL: https://edu.gov.ru/national-project/results/

исследователи цифровых коммуникаций и культурной политики – А.В. Шариков, О.В. Астафьева. Политическое воображение как концепт активно разрабатывается в рамках культурологии и политической философии, включая работы Ч. Тейлора и Б. Андерсона. Однако использование блогов как практики политического воображения в российском культурном контексте изучено недостаточно.

Статья написана с целью определить, как блог о русской культуре и русском языке может выступать инструментом политического воображения, соединяя философское осмысление, проектирование культурного контента и творческую подачу.

В качестве источников использованы собственные публикации и статистика блога за 2024–2025 годы, включая реакцию аудитории и комментарии. Дополнительно применён анализ материалов российских и зарубежных культурных медиа, а также социальных сетей с тематикой «русская культура» и «русский язык».

Небоженко А.В., Чиркова Д.Е.
(Ростов-на-Дону, ЮФУ)

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ВОВЛЕЧЁННОСТЬ СТУДЕНТОВ-ПОЛИТОЛОГОВ В НАУЧНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В условиях глобализации и быстрого изменения информационного пространства, создание эффективной образовательной среды становится все более важным. В современном обществе, где знания и инновации становятся основными двигателями прогресса, вовлеченность студентов в научную деятельность – актуальная проблема. Студенты часто сталкиваются с недостатком мотивации и ресурсов для активного участия в научных проектах, что может негативно сказаться на их профессиональном развитии и способности к критическому анализу.

При этом политическая реальность отличается высокой динамикой развития, что влияет на повышение требований к специалистам этой сферы. Однако многие студенты воспринимают научную деятельность как формальное требование и занимаются исследованиями для «галочки», либо вовсе не придают значения этому.

Мы провели исследование, чтобы выяснить, как образовательная среда, меры поддержки молодых учёных влияют на мотивацию студентов Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (ИФиСПН ЮФУ) к научно-исследовательской деятельности.

Цель работы – проанализировать влияние образовательной среды и других факторов на уровень вовлеченности студентов-политологов в научно-исследовательскую деятельность в сравнении с обучающимися направлений: организации работы с молодежью, социальной работы, искусств и гуманитарных наук, философии, культурологии, теологии. В анонимном опросе, проведенном в 2024 году, приняло участие 192 человека, среди них: 47% юношей и 53% девушек. Анкета состояла из 9 закрытых, 5 открытых, 6 полузакрытых вопросов. Статистический анализ данных провели с помощью программного обеспечения SPSS Statistics 27.

В результате опроса выявлено, что студенты-политологи разных курсов обучения от 1 курса бакалавриата, до 2 курса магистратуры более активно участвуют в деятельности Студенческого научного сектора ИФиСПН ЮФУ, чем представители других

направлений – 60% когда-либо принимавших участие по сравнению с 47,9% философов, 38,5% культурологов, 33,3% искусств и гуманитарных наук, 56,5% социальных работников, 33,4% организаторов работы с молодежью (ОРМ), 50% теологов. Больший процент студентов политологии имеет опыт научных публикаций – 40% против, 17,4% обучающихся на философии, 15,4% студентов культурологии, 11,1% искусств и гуманитарных наук, 13% соцработников, 12,1% студентов ОРМ, 16,7% теологов.

Причины такой активности в основном связаны с качеством образовательной среды в рамках различных направлений подготовки. Например, в институте активно работают студенческие научные общества. Политологи особенно заинтересованы в таких мероприятиях: 38% из них отметили, что им нравится участвовать в работе научных сообществ.

Среди наиболее популярных мероприятий для политологов можно выделить Парламентскую лигу дебатов ИФиСПН – о ней знают 60%студентов, и работу Студенческого научного общества политологов – о которой осведомлены 52% представителей направления. Научные мероприятия ИФиСПН ЮФУ отличаются адаптацией под различные направления подготовки, креативными форматами с активным участием студентов. Кроме того, участникам предоставляется возможность опубликовать свои статьи в ежегодном сборнике научных работ студентов и аспирантов Института «Сова Минервы» или в сборнике Южно-российского политологического конвента.

Проведенное исследование демонстрирует, что образовательная среда вуза – критически важный фактор, влияющий на вовлеченность студентов в научно-исследовательскую деятельность. Анализ данных опроса показал, что студенты политологии ИФиСПН ЮФУ проявляют более высокую активность в сравнении с обучающимися других социально-гуманитарных направлений. Среди основных причин положительной динамики можно выделить: эффективную организацию работы студенческих сообществ, адаптированные под специфику специальности мероприятия с высоким уровнем узнаваемости, возможность публиковать результаты исследований в сборниках, участие в конкурсе ПГАС, систему поощрений.

Таким образом, создание насыщенной образовательной среды – главное условие для изменения формального отношения к науке на формирование искреннего интереса.

Невзоров М.В.
(Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург)

ГОРОДСКИЕ РЕЖИМЫ КЛИМАТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В РОССИИ

1. На сегодняшний день в отечественной политической науке в изучении городской политики преобладают эпифеноменальные определения городского политического режима, приравнивающие его к *коалициям* (В. Г. Ледяев) или *констелляциям* акторов, институтов, ресурсов и стратегий (В. Я. Гельман, С. И. Рыженков). Но вместе с этим предлагается сосредоточиться на эмерджентных свойствах режима, способствующих упорядочиванию конкретной проблемной области через взаимодействие государства, местного самоуправления, субъектов гражданского общества и бизнеса (далее – стейкхолдеры). Интересно, что в этом случае может быть прямо применено определение из теории международных режимов, где в частности С. Краснер пишет: «режимы могут быть определены как явные или неявные принципы, нормы, законы и

процедуры принятия решений, вокруг которых сходятся ожидания акторов в определенной области ... отношений»[142] (Int. Org.. 1982. Vol. 36. Iss 02. P. 186.). Этот подход позволяет увидеть, что в любом городе (и особенно большом) складывается не один некий обобщенный городской режим, а сразу множество по разным проблемным вопросам (областям городского управления). В данном случае нас интересуют городские режимы климатической устойчивости.

2. С помощью области климатической устойчивости проверяется типология городских политических режимов, состоящая из таких понятий как естественный режим, коалиционный режим, городской режим с управленческой компетенцией, организованный городской режим (по типу urban governance). Переход от режима к режиму связан с механизмами эмпауринга, как способа формулирования и утверждения институциональных правил и норм без руководящего решения уполномоченного органа (обычно отсутствующего) или параллельно с принимающим решение органом (но в тесной консультации с ним).

2. Понятие и типология городских режимов рассмотрена в контексте климатической устойчивости. Методологически режим климатической устойчивости опирается на понятие локального климатического (в более широком смысле природного и антропогенного) изменения, которое оказывает влияние на конкретных городских стейкхолдеров, выводя их из ситуации статус кво (то есть ситуации получения блага или его использования до выявленного локального климатического изменения). Исследование того какие локальные климатические и природные изменения нарушают статус кво стейкхолдеров позволяет определить их способы взаимодействия (стратегии), направленные на 1) адаптацию к изменениям и 2) формирование мер по борьбе за возвращение к ситуации статус-кво. Отсюда сформулирована следующая гипотеза: чем организованнее городской режим, тем больше от переходит от стратегии адаптации к стратегии борьбы за статус-кво.

3. Работа по описанию локальных климатических изменений произведена на основе открытых источников. Первоначально в качестве городов для пилотного исследования были взяты Вологда, Петрозаводск, Архангельск, Псков и Череповец, затем работа по пропорциональной выборке городов, распределенных равномерно в соответствии с научно-обоснованными климатическими и ландшафтными схемами России. Будущее развитие исследования связано с описанием отдельных типовых (или исключительных) случаев с помощью качественного кейс-стади.

4. Сформулируем основные обсуждаемые вопросы исследования:

1) какие городские политические режимы в России обеспечивают климатическую устойчивость? Как стейкхолдеры проводят эмпауринг этой устойчивости? Какие особенности взаимодействия стейкхолдеров оказывают влияние на процессы формирования режимов?

2) можно ли говорить об управленческих компетенциях городских политических режимов в области климатической устойчивости и их институциональной организации в условиях российских городов?

3) как представлены локальные климатические изменения в пространстве города? Какие частные, локальные и общественные блага они затрагивают?

4) как происходит переход от естественного к коалиционного городскому политическому режиму и далее? Происходит ли переход к организованному политическому режиму (по типу urban governance), позволяющему более эффективно обеспечивать устойчивое развитие и способствовать адаптации или противодействию климатическим изменениям с учетом российского контекста?

[142]Krasner S. D. Structural causes and regime consequences: regimes as intervening variables // International Organization. 1982. Vol. 36. Iss 02. P. 186.

Недяк И.Л.
(Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН)

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ С МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ: НАСТРОЙКА ИНСТРУМЕНТАРИЯ

Синтез цивилизационного анализа и институционализма не только теоретически возможен, но и методологически необходим для адекватного понимания сложных траекторий развития современных обществ. Междисциплинарные исследовательские направления «цивилизационная политология» и «институциональная политология» обладают взаимодополняемыми сильными сторонами: первое – широтой макроисторической перспективы и вниманием к «глубинным» структурам, второе – строгими процедурами операционализации норм, правил и практик.

Применение методологии (нео)институционализма/институциональной политологии для более глубокого проведения цивилизационного анализа – важное направление совместной работы научных коллективов Исследовательского комитета РАПН по институциональным исследованиям и Центра цивилизационных и сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.

Мы предлагаем трактовать цивилизационный порядок как устойчивый и межпоколенчески воспроизводимый процесс сопряжения самовоспроизводящихся «глубинных институтов» (этос, мораль, религиозные и философские традиции; нормы, правила, рутинизированное поведение и укорененные в повседневности практики; политическая, административная, хозяйственная и стратегическая культура; модели мышления, историческая помять, традиции, обычаи inter alia).

Помогает проблематизировать таким образом сформулированную модель цивилизационного порядка анализ характера и соотнесенности институциональной среды и институционального порядка.

Институциональная среда трактуется как структурирующие человеческое взаимодействие формальные и неформальные правила и ограничения, структуры и механизмы их поддержания/принуждения. Она определяет спектр возможных и вероятных форм институционального порядка. Последний понимается как интериоризированные рамочные правила, практики, паттерны поведения, санкции, нормативно-ролевые ожидания, когнитивные схемы, привычки мышления, ценности, легитимационные ориентации.

Институциональная среда и институциональный порядок находятся в динамической ко-эволюции; анализ их конгруэнтности и способности к взаимной адаптации открывает широкие возможности для исследования цивилизационного порядка.

Представляется перспективным применение эмпирически апробированной методологии институциональной политологии для выявления наблюдаемых и латентных процессов в различных срезах цивилизационного анализа (внутренний цивилизационный порядок, межцивилизационное взаимодействие, форпосты и иррадиация цивилизационного влияния inter alia).

Данные проведенных коллективом отдела сравнительных политических исследований ФНИСЦ РАН общероссийских панельных обследований позволяют говорить о росте напряжения между институциональной средой и институциональным порядком, которое ослабляет цивилизационный порядок современной России. На это ука-

зывает, в частности, зафиксированное снижение субъективной защищённости прав граждан, их доверия к институтам и коллективной эффективности, «размытость» цивилизационных ориентаций, сопряженных с нормативно-ценностными и социальными ориентациями[143].

Неклесса А. И.
(Москва, ИФРРАН)

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК МУЗЫКАЛЬНАЯ ПАРТИТУРА

Цель исследования, представленного в докладе, понять не столько траектории отдельных сообществ, а закономерности и маршрутизацию продвижения человечества в будущее, логику взаимодействий («нотную запись») в партитуре цивилизационного развития. Центральная задача – опознание и осмысление алгоритмов мировой динамики: выявление общего контура развития и его локальных вариаций – последовательности фазовых переходов на разных этажах истории.

История оперирует фактами, футур-история – познанными закономерностями эволюции. Это не гадание, но представление исторического гештальта на основе анализа тенденций, позволяющих, опознав смыслы происходящего, увидеть очертания будущего, оставаясь в габитусе настоящего. Но как только мы начинаем постигать грядущее, футур-история влияет на настоящее, отбрасывая на него множественную тень.

Методология исследования – общая теория систем, позволяющая прогнозировать социальную динамику антропологического космоса, управляя продвижением в русле истории. Цивилизация понимается как устойчивая, но не обязательно равновесная система взаимодействий институтов, норм и практик, определяющих политическую организацию и культурную самоорганизацию общества. Структура включает три кластера: институты и процедуры общей практики (право, власть, экономика, культура), динамику системы (код эволюции), артефакты (культура как искусство, технологии, семиотические и семантические столпы). Процесс цивилизационной навигации описывается через последовательность решаемых/нерешаемых обществом фундаментальных задач, сменяющих друг друга по мере усложнения социальной структурности и исторической ситуации.

Взаимосвязь институтов практики и культурного контекста стимулирует обновление ценностей, задающих курс продвижения индивидов и общества. Символы культуры влияют на институциональную модуляцию практики. Искусство, медиа и научные дискурсы выступают индикаторами и инструментами цивилизационного транзита, формируя новые смыслы и модели поведения. Особая роль у совокупной «зеркальной культуры» – способу, которым локальные сообщества определяют свой наличный статус в мозаичных отражениях планетарного зеркала, переосмысляя историческое наследие. И в процессе многостороннего диалога утверждают актуальную идентичность. Институты образования и науки рассматриваются как органы, управляющие метаболизм общества, выявляя и стимулируя его способность к новации и адаптации.

Человек мыслится в подобной среде не хором исторического действа, комментирующим происходящее на мировой сцене, но активным персонажем – актором и аген-

[143]Подробнее см.: Институциональная политология 2.0. Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства /. Отв. ред. С. В. Патрушев. ФНИСЦ РАН. М. : Политическая энциклопедия, 2024.

том перемен. Доминантный алгоритм развития новоевропейской цивилизации (обретающей со временем планетарные пропорции): *Возрождение* – создает гуманистическую культурную платформу, постулирующую значимость человеческой личности; *Реформация* – формирует координаты деятельного бытия и нравственность целеполагания; *Просвещение* – развивает социальную ментальность и проектирует реорганизацию земного космоса; *Современность* – воплощает политический и правовой дизайн в виде действующих институтов и процедур.

Сопутствующий ему в историческом времени код подобен по форме, но отличен по мотивациям, включая волевую (внеправовую) установку преобразований. Его модель также содержит четыре такта: (а) романтическая культурная матрица («человек может все»); (б) личностный и коллективный активизм; (в) амбициозное утопическое планирование; (в) произвольная структура параллельной («опричной») власти. С упрочением агентивности человека, повышением эффективности его инструментария и расширением возможностей, влияние этого социокода усиливается, мутагенный эффект возрастает. Матричная оболочка, сопрягая, интеллект и аффект, асимметрично синтезирует алгоритмы, которые, подобно биологическим хромосомам, дирижируют историей.

Цивилизационное развитие определяется также качеством решений фундаментальных проблем: культурной самостийности, универсальной безопасности, легитимности власти, экономического роста. Демографические, этно-расовые, конфессиональные и экологические факторы множат число институциональных вызовов, требующих новых регулятивных моделей и практик, способных к самоподдерживающему развитию. Информационные и коммуникационные технологии поддерживают динамичный формат источников влияния. Прогноз развития строится на представлении о подвижном бесполярном мире с перманентной пере-актуализацией центров влияния, где творческое разнообразие является ресурсом развития.

Трансформация миропорядка проявляется в мультикультурной постколониальности, трансграничности и генезисе сети сетей как новой социальной оболочки. Цивилизационное развитие демонстрирует устремленность к сложноорганизованному мироустройству, опорной характеристикой которого является распределенное множество смарт-городов – «капитальных» терминалов и узлов влиятельных сетей, а определяющей – суверенная личность.

Нечаев Д.Н.
(Воронеж, Среднерусский институт управления РАНХиГС)

ЦИФРОВОЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК ВЕРСИЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ, ЦЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Принятые в 2020 году ряд поправок к Конституции РФ, в основе которых лежат традиционные ценности, их интеграция в систему образования, просвещения и культуру, ставит в повестку дня органов государственной власти и управления страны необходимость проектирования и продвижения в публичной сфере идеологического

конструкта, в котором собраны эти ценности и который выступает в обществе механизмом политической мобилизации. Данная сфера деятельности государственных институтов также предполагает и учет требований части российского общества по выработке общенациональной объединяющей идеи или идеологии, являющейся набором символов, идей, взглядов и предпочтений людей (Дестюд де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / А.-Л.-К. Дестюд де Траси; Пер. с фр. Д.А. Ланина. – М.: Академический проект, 2018. 255 с. С. 177.)

При этом стоит подчеркнуть, что запрос в российском обществе на объединяющую идею или идеологию противоречит норме Основного Закона РФ на запрет государственной идеологии.

Как нам представляется, разрешение данного противоречия (запрос в обществе и запрет на госидеологию) возможен в двух измерениях. С одной стороны, объединяющая идея или доминантная идеология, которая разделяется большинством общества в современной России, не обязательно может быть прописана в Конституции страны. С другой стороны, конструируемая политической властью идеология (идеологический конструкт), как некий символический универсу, осуществляющий последовательную интеграцию граждан в доминантные ценности, при котором общество обретает смысл. На наш взгляд, доминантной идеологией в Российской Федерации не может быть ни либерализм (его отторгает значительная часть общества, пережившая 1990-е годы), ни социализм с его практиками распределения и дефицитов, ни национализм (РФ – полиэтническое государство), ни консерватизм (консервацию «старого», при постоянном внедрении новаций).

Как мы полагаем, версией формирующейся общенациональной идеологии в современной России становится традиционализм как идеологией среднего уровня. С превозношением традиции, как компонента общественной самоорганизации, сохраняющего свою идентичность и ценностно– смысловые инварианты бытия (культурные коды). В данном контексте традиционализм представляет российскому обществу ценностную основу, трансцендентно связывает различные социальные страты, генерации, героическое прошлое и трудное настоящее. К традиционным ценностям государственными институтами РФ были отнесены: традиционная и крепкая семья, патриотизм, историческая память, приоритет духовного над материальным, справедливость, служение отечеству и ответственность за его судьбу и др. При этом, при конструировании традиционализма как версии общенациональной идеологии учитывается фактор важности цифровизации, преодоления технологической архаики и внедрение инновационных технологий. Согласно точке зрения Я. И. Ваславского, данный процесс логично называть технологической революцией 4.0, который, по нашему мнению, репрезентирует традиционализм современным и технологическим.

Концепция цифрового и технологического традиционализма, как версии общенациональной идеологии в РФ, отличается от других идеологических концепций тем, что она дает понимание и объяснение в научных исследованиях и в управленческих практиках политические предпочтения российской власти. В определенном смысле, если опираться на научный подход Р. Генона, это интегральный традиционализм как необходимый элемент универсального порядка вещей. Более того, данная концепция отражает и сформированный негласный ценностный консенсус ключевых социальных слоев и групп современной России.

Никитина М.В.
(Черноголовка. МБОУ «Черноголовская СОШ»)

ШКОЛА КАК АГЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Сегодня проблема политической социализации молодежи стоит наиболее остро. От успешности освоения политической культуры, гражданственности, ценностных ориентиров молодыми людьми в возрасте от 14 до 18 лет зависят перспективы развития политической системы России, формирования правового государства, гражданского общества, сохранения суверенитета страны. С позиции государства от школы ждут эффективных результатов политической социализации молодых людей. Большую роль в процессе освоения политической социализации, правовой, информационной культуры и государство, и общество возлагает на такие предметы, как история, обществознание.

Но действительно ли школа справляется с ролью агента политической социализации? В своей работе мы отталкиваемся от гипотезы-современная школа является агентом политической социализации, и создает условия используя различные подходы, для успешной политической социализации молодежи, в частности молодых людей, стремящихся к политической деятельности. Мы провели свободное интервьюирование молодых людей, средний возраст 22 года. Все молодые люди имели опыт политической активности. Главная задача интервью: проанализировать на примере различных кейсов, как молодые люди приходят в политику, какой имеют результат политической социализации на момент окончания школы. Какие возможности дает школа для политической социализации, какие проблемы видят бывшие выпускники школы в организации процесса политической социализации. Проведя исследование, мы пришли к определенным заключениям. У молодых людей, которые начинают пробовать себя в политической деятельности, школа сыграла роль агента политической социализации. Первичное знакомство с политикой, с основами политической культуры, базовыми навыками и умениями, на основе которых можно строить и развивать политическую карьеру закладываются в школе. Проба своих способностей, как у многих музыкантов, спортсменов, тоже происходит в школьной среде. Интерес к политике зарождается на уроках, но поддерживать и развивать его одних уроков недостаточно, и как школа выявляет таланты в музыке, спорте, поэзии через кружковую работу, внеурочную деятельность, дополнительное образование, так школа может создавать условия для роста активных, зрелых, сознательных граждан и возможно, будущих политиков. Школа должна оставаться нейтральной в оценке политических событий, не навязывать и не подавлять, как отмечается всеми участниками бесед и интервью, это может дать только обратный эффект, но сформировать гражданскую позицию, научить различать радикализм, нацизм от патриотизма, уважение к историческому опыту страны, пользоваться различными источниками при оценке событий – школа в силе.

Еще одно направление нашего исследования-выявление проблем современной школы, которые сдерживают процесс политической социализации или делают его менее эффективным. Мы проанализировали предложения молодых политических активистов, студентов, явно проявляющих интерес к политике, что можно и нужно применить для наиболее конструктивной и «полезной» политической социализации. Свои умозаключения мы преобразовали в таблицу с цитатами из интервью непосредствен-

ных. Наиболее важные и общие тезисы, которые должны учитывать в процессе социализации на школьной ступени. Отмечается, что в школе мало площадок для диспутов, политические темы, события обсудить негде и не с кем, молодые люди с только формирующейся позицией остаются «один на один» с эмоциями, информацией, которая остается не проговоренной. Наблюдается дефицит гуманитарных предметов, а их роль в политической социализации, как уже говорилась неоднократно – огромна, не хватает философских знаний, знаний по всемирной истории, основ социологии. Отсутствует единая система организации процесса политической социализации в школе: «либо процесс организуется от случая к случаю», либо «везет тем школам, где есть самоуправление», на практике применить свои теоретические знания возможности нет. В связи с этим, есть предложения – рекомендации от студентов и молодых активистов: необходимо выстроить учебный процесс таким образом, чтобы школьники много читали и читали разной литературы, лучше первоисточники, возможно через проектную деятельность, конференции, дебаты. Разработать траектории развития для активных школьников, создавать различные платформы для самореализации учащихся, даже если они напрямую не касаются развития политической культуры. Привлекать к работе со старшеклассниками представителей муниципальных и региональных органов власти, дать учащимся возможность поучаствовать в совместных с администрацией города, муниципального образования проектах по благоустройству. Главный принцип, которого необходимо придерживаться в работе с детьми: «тебе надо чего – то хотеть», «это касается каждого из нас». Такая позиция по мнению интервьюеров, возможно не приведет школьника в большую политику, но поможет воспитанию и формированию активного гражданина.

Никифоров А.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ОГРАНИЧЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКСПЕРТНЫХ МНЕНИЙ

Формирование доверия между гражданами и государством в цифровой среде является ключевым аспектом взаимодействия, влияющим на легитимацию власти и определяющим возможности цифровой трансформации. Представленный анализ отражает результаты проведенных региональных фокус-групп с участием представителей науки, бизнеса и органов власти и серии региональных экспертных интервью со специалистами в области цифровых технологий.

Опрошенные эксперты подчеркивали важность формирования ценностей доверия (19,5% высказываний в явном и неявном виде). В целом в высказываниях экспертов по проблеме цифрового доверия граждан негативные оценки (64%) преобладают над позитивными (36%). При этом позитивные оценки чаще были даны экспертами из Свердловской области, а негативные из Краснодарского края Нижегородской области и Приморского края.

При этом результаты фокус-групп показывают, что проблема доверия к цифровым государственным сервисам не является приоритетной и варьируется по регионам, составляя от 7% до 18,5%. В фокус-группах по вопросу цифрового доверия граждан наблюдается

преобладание нейтральных оценок (65%) над негативными (28%) и позитивными (7%), при этом Владивосток выделяется наибольшей долей негативных отзывов (58%). Анализ экспертных интервью не выявил четких факторов, объясняющих связь между доверием к цифровым государственным сервисам и региональными особенностями.

С точки зрения экспертов и участников фокус-групп цифровое неравенство между городом и деревней, а также между поколениями, – является значительным ограничивающим фактором для цифровизации в средне– и долгосрочной перспективе. Примечательно, что в озвученных суждениях о доверии граждан фактически отсутствует запрос на институциональные ценности и права, хотя достаточно явно присутствует тревога из-за усиливающегося контроля государства в цифровой сфере, что связывается с историческим опытом. В то же время, внедрение новых технологий, таких как искусственный интеллект и электронное голосование, в явном виде поднимает вопросы цифрового доверия.

В вопросах оценки интеграции цифровых сервисов можно выделить три основных запроса. С одной стороны, имея опыт использования коммерческих «бесшовных» сервисов (банки и др.), для граждан крайне важно удобство и скорость решения своих задач. В этом отношении большинство участников фокус-групп отмечают утилитарную ценность реализации принципа единого окна при формировании цифрового государства

С другой стороны, часто возникает кросс-региональный контекст, когда идея интеграции сервисов и баз данных на федеральном уровне поддерживается с точки зрения ликвидации цифрового неравенства («центральные регионы» и «регионы, где люди вообще не знают, что это такое»), при этом доминирующей является унитарная логика цифровизации.

В этом отношении предпочтительной моделью развития цифрового государства выступает наличие региональных компонент в рамках федерального сервиса. Вместе с тем существует ограниченный запрос на развитие муниципальных (городских) сервисов (вопросы местного значения, транспорт), проектируемых с учетом местной специфики.

На этом фоне существует другая важная тенденция – часто присутствует понимание необратимость процессов интеграции цифровых сервисов на федеральном уровне. Основная проблема заключается в недостаточной цифровизации регионов и нехватке ресурсов у муниципалитетов для выполнения требований к цифровым сервисам.

С одной стороны, в отдаленной перспективе эксперты ожидают реализации общей стратегии, в которой на начальном этапе происходит интеграция на уровне баз данных, а далее – создание единой цифровой экосистемы, прототипами которой могут выступать корпоративные решения.

С другой стороны, в текущей ситуации принцип одного окна рассматривается практически как безальтернативное направление цифровизации («центральная точка для всех государственных услуг»), которое в ближайшие одно-два десятилетия должно интегрировать региональные цифровые компоненты. В то же время для этого уровня присутствует запрос на улучшение коммуникации и гражданской инициативы.

Экспертные мнения о цифровизации в России подчеркивают, что Москва, Московская область и Санкт-Петербург занимают лидирующие позиции в развитии государственных цифровых сервисов. При этом многие эксперты положительно оценивают уровень цифровизации в своих регионах, особенно в Нижнем Новгороде и Екатеринбурге.

В целом можно заключить, что в настоящий момент наблюдается консенсус по поводу модели цифрового государства, где акцент делается на внедрении федеральных цифровых решений через принцип единого окна, особенно в сферах здравоохранения и образования. Однако существует также общее чувство цифрового фатализма, когда влияние на действия цифровых агентов, таких как государство и компании, представляется невозможным.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект No 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности».

Никовская Л.И.
(Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН, ИППИ РАН, РАНХиГС)

ОСОБЕННОСТИ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ПУБЛИЧНУЮ ПОЛИТИКУ В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ СЕТЕВЫХ И ИЕРАРХИЧЕСКИХ НАЧАЛ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Нарастающая интенсивность отношений государства и общества воспринимается как необходимая основа повышения эффективности и демократичности публичного управления. Характер государственного и муниципального управления меняется в сторону усиления общественно-государственного управления и возрастания принципов и технологий публичной политики. В докладе мы будем опираться на концепт «вовлечение», который подразумевает под собой активное участие людей, сообществ и организаций в процессах, которые напрямую влияют на их жизнь. Это ключевой компонент любой демократической системы, который предоставляет возможность членам общества вносить свой вклад в решение социально-значимых проблем и тем самым участвовать в публичном управлении. Ключевые особенности вовлечения включают активное общественное участие, обратную связь и взаимодействие. Вовлечение означает не пассивное присутствие при процессах принятия решений, а деятельное участие. Наиболее широким институциональным основанием для реализации практик и технологий общественного участия, и, в частности вовлечения, выступает феномен публичной политики (далее ПП). Не вдаваясь в проблематику дискуссионости определения феномена ПП, мы будем в данном докладе опираться на то определение, которое рассматриваем наиболее релевантным. Публичная политика – это совокупность процессов, отношений, качеств и технологий, тесно связанных с решением возникающих в обществе социально-значимых проблем при обязательном взаимодействии государства и заинтересованных акторов общества или сообщества. ПП стремится к горизонтальным, партнерским отношениям с обществом, опирается на общественное участие в широком смысле слова, использует соответствующие процедуры в принятии социально-значимых решений. Особо стоит отметить, что ПП очень чувствительна к характеру организации коммуникативных и дискурсивных практик между властью и обществом. Это означает, что качество общественного диалога, степень открытости и доступности информации, а также способность государственных органов слушать и учитывать мнение общества, могут существенно влиять на эффективность и легитимность принимаемых решений. Поэтому важно стремиться к построению открытого и доверительного диалога, в котором каждый гражданин сможет почувствовать свою важность и влияние на процесс принятия решений, что, в свою очередь, способствует укреплению гражданского общества и демократических институтов. Учитывая сложность и неоднозначность трактовки феномена «сетевизации» политико-управленческих отношений, «переходность» процесса его включения в реальные процессы государственного/муниципального управления и общественного участия в современной России, нам было интересно эмпирически вывить некоторые особенности его реального проявления в публичном пространстве взаимодействия власти и общества на региональном и местном уровнях. Для этого были выбраны Вологодская и Ярославская области. Согласно результатам исследования, в Вологодской области при новом губернаторе формируется модель со-участвующего управления, Опираясь на принципы и дух делиберации, власть сумела создать институциональные

условия и заинтересованность активных слоев регионального сообщества в развитии практик и принципов ПП, стимулируя сетевое и живое обсуждение инициативных проектов и идей, способных стать точками развития общества, вскрывая деловой и гражданский потенциал различного рода заинтересованных общественных групп через соответствующие институциональные механизмы и технологии МСП, чтобы превратить их в реальный ресурс и фактор совместного публичного кооперативного договора по наиболее социально-значимым направлениям развития региона. Здесь коммуникации, идущие от госвласти, получали своеобразное «расширение» и подпитку за счет онлайн-возможностей коммуникативных инструментов более интенсивного и оперативного общения с различными представителями общественных сил региона. Совершенная иная общественная ситуация сложилась в соседнем регионе-Ярославской области, где власть и гражданская общественность в настоящее время пошли на некоторое снижение интенсивности взаимодействия и формализовали свое публичное общение. В настоящее время публичные начала взаимодействия власти и общества ослабли, стали более технократичными и формальными, не опирающимися на наработанный социальный капитал прежних лет. При отсутствии реальной политической воли к единству действий заинтересованных общественных сил и региональной власти, при формализации отношений с гражданскими активистами мультипликационный потенциал сетевого публичного вовлечения оказывается не столь эффективным. Кейс Ярославской области демонстрирует разбалансировку реального межсекторного диалога. Это приводит к снижению качества общественного вовлечения в публичное поле, затуханию инфраструктуры общественно-консультативного потенциала.

Николаев Ю.Б.
(Донецк, ДонГУ)

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ В ДОНБАССЕ И НОВОРОССИИ

С момента возникновения украинской государственности русское население начало подвергаться этнической дискриминации. В довоенный период советские власти проводили политику насильственной ассимиляции украинцами русских, проживающих на Украине, именовавшуюся коренизацией, которую исследовала Е.Ю. Борисенок в своих книгах и диссертациях. В условиях независимой Украины этот процесс ещё более ужесточился.

В Конституции УССР 1978 г. термин «государственный язык» отсутствовал. При этом её статья 103 определяла, что законы, постановления и иные акты Верховного Совета Украинской ССР публикуются на украинском и русском языках за подписями. Кроме того, языковая ситуация в республиках регламентировалась Конституцией СССР, что являлось стабилизирующим фактором.

После того как 28 июня 1996 года Верховная Рада Украины приняла Конституцию, всё делопроизводство в республике перешло на украинский язык. В соответствии с законом 2012 г. «Об основах государственной языковой политики» русский язык получил статус регионального. С принятием закона 2024 г. «О коренных народах Украины» русские были лишены статуса коренного народа, в связи с чем русский язык оказался вне закона.

Дискриминация русского населения привела к тому, что его представители стали менять свою этническую идентичность, как это определял Ф. Барт.

По результатам переписи 2001 г. доля русских на Украине составила 17,3 %. В 2006–2007 гг. американский институт Гэллапа изучал языковую ситуацию в бывших союзных республиках СССР. В ходе исследования 83 % опрашиваемых на территории Украины предпочли отвечать на вопросы анкеты на русском языке. С высокой степенью вероятности можно говорить о том, что для этих респондентов русский язык является родным.

Этнополитическая реабилитация представляет собой процесс создания условий, в которых население территорий, возвратившихся в последние годы в состав России, сможет определять свою этничность в соответствии со своими внутренними убеждениями. Очевидно, что военные действия внесли свои коррективы в настроения населения, и доля, возвратившая себе русскую идентичность, будет ниже, чем 83 % – 17,3 %, то есть 65,7 %.

По определению американского социолога М. Хехтера, национализм – это идея или движение, которое утверждает, что нация должна соответствовать государству. Очевидно, что её реализация возможна на территории, где националисты являются коренным населением. Территории Донбасса и всей Новороссии таковыми не являются, поскольку были присоединены к России по итогам русско-турецких войн XVIII века. В этих условиях положительную роль может сыграть коммеморативная практика, связанная с размещением на территории Донбасса и всей Новороссии монументов, посвящённых русским победам в русско-турецких войнах, по результатам которых эти земли вошли в состав России. Такими действиями мы лишим украинских националистов аргумента автохтонности в регионе, что будет способствовать нивелированию националистических настроений.

Николаева М.В., Шестакова А.А.
(Краснодар, КубГУ)

ЦИФРОВЫЕ ПАТТЕРНЫ ВИЗУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В В СОЦИАЛЬНОМ МЕССЕНДЖЕРЕ TELEGRAM НА ПРИМЕРЕ ОБЗОРА ПАТРИТИЧЕСКИХ СТИКЕРПАКОВ

Данная статья посвящена изучению визуальной коммуникации в социальном мессенджере Telegram на предмет поиска и классификации патриотических стикерпаков как визуальных единиц констатирующих заинтересованность молодежи в политическом контенте. В статье подчеркивается важность и необходимость использования патриотических стикерпаков в качестве формирования у современной российской молодежи позитивного и ответственного отношения к современному политическому курсу страны. Цифровой патриотизм подразумевает использование цифровых технологий для продвижения национальных интересов и ценностей. Необходимо понять, как патриотические установки формируются через цифровые сервисы и как цифровые сервисы трансформируются под влиянием сформированных патриотических ценностей. В данной статье представлен анализ политических стикерпаков на тему патриотизма в Интернет-среде. Авторы прослеживают наличие и распространенность использования патриотических стикерпаков для того, чтобы выработать рекомендации органам власти, публичным политикам и госпаб-

ликам использовать визуальный компонент для маркирования наиболее важного политического контента.

“Вирусность” и распространеность стикерпаков вызвана наибольшим интересом у молодежи, которой по-прежнему характерно клиповое мышление, нежелание потреблять и изучать информацию, превышающую размеры, которые не охватывает глаз. Авторы используют метод кейс-стади для того, чтобы проанализировать какие патриотические стикерпаки существуют в онлайн-пространстве на данный момент и каким образом они влияют на патриотические представления и установки молодежи. Стикерпак – это набор из нескольких стикеров (наклеек), объединенных общей темой или идеей, обычно напечатанных на одном листе и вырезанных по контуру.

В сервисе Телеграмм при поиске стикерпаков по запросу «Патриотизм» нет ни одного примера «оцифровки» патриотизма, что констатирует факт отсутствия визуального сопровождения патриотического контента в одном из самых популярных сервисов для коммуникации у молодежи. Однако, при запросе патриотического маркера «Россия» сервис предлагает набор стикеров, включающих визуальных ряд, связанный с поддержкой СВО и персонифицированным образом лидера страны, представленный как имиджевая составляющая его внутренней и внешней политики. Таким образом, визуальный политический контент нуждается в цифровых примерах патриотизма, включающих не только военные кампании (Великая Отечественная война и Специальная военная операция), но и положительные истории раскрытия культурного, духовного, исторического представления патриотизма, продемонстрированного учителями, врачами, учёными, волонтёрами, добровольцами и другими гражданами, реализующими свой патриотический потенциал на благо Родине.

Визуальный массив данных, выбранный нами для анализа, составил сто стикерпаков, которые были разделены на три группы с доминирующим политическим компонентом. Первую группу стикерпаков мы охарактеризовали как современный цифровой патриотизм СВО, так как ключевая символика и значимость стикерпаков связана именно с данным политическим событием. Насыщенность символами и эмоциональная привязанность пользователей к актуальному политическому конфликту подтверждает востребовательность и распространенность данных стикерпаков. Вторая группа стикерпаков посвящена политическому лидеру России, В.В. Путину. Персонифицированная авторская направленность декларирована особой популярностью Президента РФ у современной российской молодежи. Молодые пользователи могут не проявлять интереса к политике, но свою симпатию и политическую эмпатию к В.В. Путину они испытывают подобным цифровым образом, маркируя свой текст стикерпаками. Третья группа выделенных нами политических стикерпаков основана на включение в визуальный компонент государственной символики, отличительные политические знаки, которые актуализированы цифровой формой и применяются в коммуникации между молодыми пользователями. Несмотря на то, что все три группы политических стикерпаков имеют тесное с патриотизмом функционирование, ни одна из групп не отделяет понятие политики и патриотизма. Именно поэтому мы делаем вывод о том, что необходима разработка стикерпаков, которые бы нивелировали политический компонент, что сделало бы их более востребованными среди молодого поколения, которые аполитичны ввиду разных причин. Подобные цифровые решения способны консолидировать современную молодёжь не только посредством исторических событий, происходивших в прошлом, но и актуализировать патриотическую тематику в популярном трендовом измерении цифровых экосистем и мессенджеров в повседневной коммуникации. Формирование визуальных технологий в цифровых платформах, сервисах и ГИИ, транслирующих патриотические ценности и установки у студенческой молодежи и школьников позволит задействовать все каналы коммуникации государства и общества.

Никоненко С.А.
(Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина)

УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ КАК ПАТТЕРН ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Заявленная тема может носить оттенок вопроса и даже гипотезы. Тем не менее, автор на основе наблюдений и эмпирического анализа разных источников пытается осмыслить ценностные ориентации молодёжи.

В исследовании определены некие рамки. Так, согласно федеральному законодательству, молодежь сегодня – это молодые граждане, представляющие социально-демографическую группу лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации. Хотя в ряде учреждений, в том числе высшего образования, этот возраст подвижен и может достигать 39 лет. Также стоит отметить, что по классификации возрастов ВОЗ, молодежью считаются люди до 44 лет. В исследовании молодежную среду интересно рассмотреть не как монолитную группу 14-35 лет, а как сегментную, разделив на «школьный возраст» (14-17 лет), «студентов» (18-24 года), переходный период (25-29 лет) и «взрослую» молодежь (30-35 лет). Отсюда понимание ориентаций будет немного различаться.

Базис ценностей молодёжи школьного возраста зачастую построен на доброте в действиях, веры в светлое будущее, активной социализации. Они представляют поколение, готовое реализовываться во многих плоскостях, в том числе в политике. При этом они очень индивидуалистичны.

Базис ценностей студенческой молодежи выстроен в системе активизма во всём. Зачастую именно данная социальная группа старается принести что-то новое: например, пользу своему народу, обществу, активно участвуя в общественной, политической жизни

Базис ценностей переходного периода характеризуется взрослением человека, его переходом от студенческой скамьи в мир зачастую автономности. Иными словами, происходит столкновение с реальностью, пересмотр ожиданий и пересборка. Автор полагает, что возраст данной социальной группы находится в зените трансформации ценностных ориентиров и кристаллизации политического участия в жизни страны. Часто встречается и аполитичность (безразличие к вопросам политики) в данной группе, вызванная возможно неудачным опытом политического участия и/или под влиянием абсентеизма. В основной своей массе современная молодёжь отличается повышенной вовлеченностью, в том числе в вопросах участия в избирательных процедурах.

Базис ценностей «взрослой» молодежи можно охарактеризовать как приземление к реальности, осемействование. В этой возрастной группе происходит становление профессиональной деятельности человека, а также окончательное формирование взглядов на политические процессы.

Зачастую именно в молодёжном сегменте в широком его возрастном толковании закладываются мотивы участия, например, в выборах. Важным является и то, как молодой человек воспринимает данный процесс со знаком «плюс» или «минус».

Простая мысль о том, что демократическое формирование органов государственной власти различных уровней путём непосредственного участия в выборах находится в руках населения, которое обладает активным и пассивным избирательным правом, может разделяться молодёжью. Эти права закреплены в статье 32 Конституции РФ, а основные условия и порядок реализации определены в Федеральном законе «Об ос-

новных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Несколько аргументов на данный счёт.

1. Активное участие в избирательном процессе – важная составляющая определения вектора развития муниципалитета, региона, страны. Ведь кандидаты, если всматриваться в их программы, предлагают зачастую разные подходы к решению задач, стоящих на повестке социально-экономического развития. Содержательный подход кандидатов в решении разных вопросов определяет интерес у населения в целом к ходу избирательной кампании, что в конечном итоге влияет на явку на выборах.

2. Степень вовлеченности граждан в избирательный процесс – основной маркер доверия к результатам выборов и показатель зрелости гражданского общества. Участие в выборах позволяет проходить определённые стадии политической социализации. В политологии принято говорить о развитии политической культуры человека посредством активного политического участия в жизни государства.

3. Участие в выборах перекликается с традиционными духовно-нравственными ценностями. Например, такие ценности как «права и свободы человека» и «гражданственность» вносят определённый мировоззренческий контекст. Так, гражданские права и политические свободы дают человеку возможность деятельного участия в жизни общества и закреплены в статье 17 Конституции РФ. Важным является и то, что целенаправленное участие гражданина в управлении государством через реализацию прав и свобод, служение Отечеству и осознание ответственности за его судьбу определяются как гражданственность.

Таким образом, возвращение ценностно-нравственного подхода в воспитании молодёжной аудитории является очень важным процессом. Победа за умы и сердца данного сегмента, безусловно, придаст импульс к новому витку развития политического участия в избирательных процедурах.

Никуленков В.В.
(Красноярск, КНЦ СО РАН)

КИТАЙСКИЕ ДИАСПОРЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ КИТАЯ

В данной работе исследуются значения китайских диаспор в реализации внешнеполитических стратегий Китайской Народной Республики. В последние десятилетия Китай активно использует свою диаспору как важный инструмент продвижения интересов на международной арене, укрепления связей с различными странами и реализации глобальных планов развития.

Китайские диаспоры сформировались исторически в результате эмиграции за последние столетия. Первыми крупными миграциями стали миграции XIX века, а затем – после развала императорской системы и в течение XX века. В настоящее время миллионы китайцев проживают в США, Канаде, Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, Австралии и Европы.

Современная международная стратегия Китая включает в себя развитие экономики, дипломатии и культурных связей. Все эти направления активно реализуются с помощью китайских мигрантов и сообществ, которые выступают как "мосты" для достижения интересов Китая.

Мягкая сила и культурное влияние – один из важных каналов коммуникации, который используется диаспорами. Он способствует распространению китайской культуры, языка, ценностей, укрепляя позитивный имидж страны за рубежом. Например, развитие институтов Конфуция, культурных центров, академических связей. Китайские мигранты формируют бизнес-структуры, инвестируют в свои страны, создают рабочие места, способствуют развитию двусторонних экономических связей.

В ряде стран представители диаспоры активно участвуют в политической жизни, продвигая интересы Китая, участвуют в диалогах о сотрудничестве и безопасности. Ими создаются медиа и платформы, представляющие интересы Китая, что способствует формированию позитивного восприятия страны.

Таблица 1 Численность китайских диаспор по странам

Страна	**Оценочная численность китайских диаспор**	**Примечания**
Тайвань	23 миллиона	В основном жители острова, включая тех, кто имеет тайваньскую идентичность, и эмигрантов.
Китай (материк)	~1,4 миллиарда	Численность внутреннего населения, включает этнических китайцев.
США	~2 миллиона	Оценка по данным американских иммиграционных ведомств и исследований.
Гонконг	~7 миллионов	Включает постоянных жителей и эмигрантов.
Малайзия	~6 миллионов	Значительная часть населения – китайского происхождения.
Сингапур	~4 миллиона	Большинство населения – китайского происхождения.
Индонезия	~2 миллиона	Значимая китайская диаспора, исторически сосредоточена в определённых регионах.
Канада	~1,7 миллиона	В основном в Торонто, Ванкувере, Монреале.
Австралия	~1,2 миллиона	В основном в Сиднее и Мельбурне.
Мьянма	~2 миллиона	Были вынуждены эмигрировать из-за исторических конфликтов.
Великобритания	~400 тысяч	В связи с историческими связями и иммиграцией.
Таиланд	~1 миллион	Значительная китайская община, особенно в Бангкоке.

Общее число китайских эмигрантов и их потомков по всему миру оценивается примерно в 50-60 миллионов человек. – Китайцы являются одними из крупнейших этнических диаспор в мире. – Основные *регионы концентрации: Юго-Восточная Азия, Северная Америка, Австралия и Европа.*

Так, в США и Канаде китайские общины активно участвуют в диалогах, лоббируют проекты, связанные с развитием Китая и укреплением двусторонних связей. В Юго-Восточной Азии, особенно в странах с большими китайскими сообществами (напри-

мер, Малайзия, Индонезия), диаспора взаимодействует с правительствами по вопросам экономического развития и безопасности, в том числе в рамках инициативы "Один пояс – один путь". В Африке и Латинской Америке китайские мигранты и бизнес-структуры выступают как катализаторы экономического сотрудничества и расширения влияния Китая.

Подводя итог, стоит отметить, что китайские диаспоры – это не только сообщество мигрантов, но и важный инструмент для реализации внешнеполитических целей Китая. Их роль в дипломатии, экономике и культуре будет продолжать усиливаться, что требует внимательного анализа и развития стратегий взаимодействия.

Нугманова К.Ж.
(Казахстан, Международный Центр
геополитического прогнозирования «Восток-Запад»)

КРИЗИС ТРАДИЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ (ООН, ВТО) И РОСТ ВЛИЯНИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ (ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ, НПО)

Анализируются причины кризиса традиционных институтов и динамики усиления негосударственных игроков, а также рассматриваются ключевые аспекты фундаментальных трансформаций и легитимизации в контексте влияния на стабильность мирового порядка.

Сегодня мировая политика находится на пороге фундаментальных трансформаций, в конфигурации наблюдается кризис традиционных институтов, растет влияние транснациональных сетей и НПО. Традиционные международные институты, такие как ООН и ВТО, сталкиваются с кризисом легитимности и эффективности, вызванным геополитическими конфликтами, финансовыми проблемами и неспособностью адаптироваться к новым вызовам. Одновременно наблюдается рост влияния негосударственных акторов – транснациональных сетей, корпораций и неправительственных организаций (НПО), которые заполняют вакуум власти, влияя на глобальные процессы.

Глобальный ландшафт эволюционирует под влиянием технологических инноваций, геополитических конфликтов и экономических сдвигов, что приводит к изменению конфигурации власти. Параллельно происходит кризис легитимизации: традиционные институты и нормы теряют доверие, а новые формы обоснования власти формируются в условиях фрагментации и поляризации.

Эмпирический анализ показывает рост влияния негосударственных акторов параллельно кризису институтов, которые используют технологии, сети и ресурсы для влияния на глобальную повестку. Они заполняют пробелы, но также создают новые вызовы, такие как фрагментация власти.

Согласно анализу глобальных тенденций, современный этап характеризуется как период “постановки и персонализма”, где возникают новые лидеры и акторы. На данный период легитимизация сталкивается с кризисом из-за эрозии норм и роста альтернативных нарративов. В ответ формируются альтернативные формы: популизм, мягкая сила и цифровая дипломатия.

Конфигурация глобальной политики претерпевает сдвиг от униполярного доминирования к многополярности, где власть распределяется между несколькими цент-

рами. Этот процесс будет продолжать ускоряться из-за экономических, технологических и военных факторов. Технологические изменения, включая развитие ИИ, радикально меняют распределение военной и экономической мощи, делая мировую систему более уязвимой к внезапным сдвигам. В результате формируется "турбулентная политика", где глобальные сдвиги в динамике власти определяют усилия по достижению справедливого и устойчивого мира.

Традиционные организации, такие как ООН и ВТО, теряют легитимность из-за паралича и неспособности решать глобальные проблемы.

Кризис ООН заключается в том, что как ключевой институт глобального управления, он сталкивается с беспрецедентными вызовами. Усугубляется и финансовый кризис ООН, организация сталкивается с дефицитом бюджета, недостаточным финансированием и частыми вето, что снижает ее роль в миростроительстве.

ВТО переживает кризис, особенно в системе разрешения споров. На данном этапе реформы ВТО обсуждаются на министерских конференциях, но прогресс минимален: США настаивают на изменениях, обвиняя в "судебном активизме", в то время как Китай и другие развивающиеся страны требуют учета специальных льгот. Кризис ВТО отражает более широкий сдвиг к протекционизму, где организация не справляется с вызовами, такими как цифровизация и климатическая торговля.

Таким образом, кризис ООН и ВТО подчеркивает необходимость реформ, в то время как рост негосударственных акторов меняет глобальную конфигурацию.

Касательно НПО, то они активно участвуют в глобальном управлении, требуя большего доступа и участия в процессах вроде COP (климатических конференций). НПО критикуют кризис ООН и ВТО, предлагая альтернативные подходы, но сталкиваются с компромиссами между количеством и качеством участия.

Транснациональные сети усиливают влияние через социальные СМИ и прямые действия, заполняя вакуум в глобальном управлении. Это приводит к новой сложности в международных отношениях, где негосударственные акторы формируют политику наравне с государствами.

Мировая политика фрагментируется по регионам: укрепляются блоки вроде БРИКС, ШОС и Африканского союза, в то время как традиционные альянсы, такие как НАТО, адаптируются к новым угрозам. В настоящий период семь ключевых глобальных сдвигов, включая геополитическую нестабильность и ускорение искусственного интеллекта определяют процесс фрагментации мировой политики.

Традиционная гегемония Запада ослабевает, уступая место Китаю, Индии и России как альтернативным полюсам. Например, экономические трансформации, включая перенос спроса и предложения, приводят к устойчивому перераспределению экономической мощи, где развивающиеся страны набирают вес.

В такой ситуации необходимы новые механизмы легитимизации. Легитимность интервенций и санкций ставится под вопрос: кто имеет право на них в многополярном мире? Культурный релятивизм противостоит универсальным правам человека, усугубляя кризис норм. Кризис институтов стимулирует рост негосударственных акторов: когда ООН и ВТО парализованы, корпорации и НПО предлагают альтернативы, но это усиливает фрагментацию.

Пути разрешения.

Мировая политика будет продолжать трансформироваться: от униполярности к многополярности, от традиционной легитимности к гибридным формам. Эти изменения несут риски хаоса, но и возможности для устойчивого порядка в случае реформы ООН, укрепление диалога БРИКС и G20, а также регуляции влияния негосударственных акторов. Для устойчивости рекомендуется реформировать ООН через расширение Совета Безопасности и устойчивого финансирования. Возможности для

устойчивого порядка мировой политики принесет и регулирование влияния негосударственных акторов через партнерства и укрепление диалога для баланса между конкуренцией и сотрудничеством.

Резюмируя, отмечу, в перспективе человечество должно найти баланс между конкуренцией и сотрудничеством, иначе без действий мир рискует перейти к "управляемому хаосу".

Обидина Ю.С.
(Нижний Новгород, ННГУ)

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА ТЕОРИИ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ

«Религиозное возрождение» в различных сферах общественной жизни в конце XX – начале XXI вв. стало важной сферой междисциплинарных исследований, вызывая сложную гамму реакций: от активного сопротивления самой идее о том, что религиозные концепции и убеждения имеют право на выражение в публичных политических дебатах современности, до переосмысления происхождения и последствий разделения на светское и религиозное, и их связи с национальным государством (Hawthorne, 2015).

Современный геополитический ландшафт, в котором «религия» стала силой, с которой необходимо считаться, потребовал переосмысления некогда господствующего понимания процессов секуляризации, десекуляризации, а также смыслов и противоречий, присущих секулярным представлениям и концепциям (Бергер, 1999).

Несмотря на споры исследователей о сущности процессов секуляризации, экзистенциально-телесная потребность в религии, по сути, осталась прежней. Однако изменились горизонты интерпретации религии и контексты, в рамках которых они интегрируются.

На протяжении всего двадцатого века западные политологи, основываясь на теории секуляризации, рассматривали религию как некую аномалию, которую нужно исправить, а не изучать, анализируя ее воздействие на общество, политику и властные структуры.

Но религия в современном политическом дискурсе основывается не на вопросах веры, а затрагивает, в первую очередь, нормативные вопросы, важнейшие из которых: возможность апеллировать к религиозным мотивам в политическом обосновании различных решений; регулирование государством религиозной символики в публичном пространстве; трактовка свободы вероисповедания и религиозной дискриминации. В современных реалиях дискуссии о роли религии в политическом дискурсе можно разделить на два магистральных направления. Первое рассматривает эти вопросы с точки зрения взаимосвязи религиозных и политических институтов. Второе – с позиций регулирования конкретных действий. Вне зависимости от направления, все вопросы сводятся к следующему – что сегодня мы считаем религией и почему она нормативно релевантна в политических реалиях XXI века, как происходит стратегическая интеграция религиозных нарративов в современные политические реалии.

Вполне закономерно, что в политических дискуссиях акцент делается не на когнитивных аспектах религии, несмотря на то, что представления о трансцендентном с развитием науки и технологий не только не ослабли, но наоборот, усилились. В то же

время, открытым остается вопрос: насколько современные теории адекватны для объяснения взаимодействия религии и политической жизни? Для ответа необходим диалог различных методологических подходов к изучению религии во взаимодействии с политикой. Рационалистический характер основных политических теорий и самой концепции секуляризации не позволяет учитывать религию как полноправного партнера. В то же время, религия выходит за рамки ненаблюдаемого духовного смысла и переходит в материальную реальность, что влечет за собой серьезные последствия для функционирования международной системы и внешней политики государств.

Религия влияет на политику многочисленными способами и на различных уровнях. Религиозные деятели, транснациональные движения, гражданские активисты, террористические организации являются значимыми негосударственными акторами, способными в разной, но значительной степени влиять на ход национальной и международной политики. Религиозные убеждения мотивируют многих политических деятелей, зачастую придают легитимность их поступкам, и вызывают реакции на политические решения.

Безусловно, религиозные традиции всегда влияли на культурную интерпретацию «национальных интересов» во многих контекстах (в этом и других важных отношениях религия всегда была константой международной политики), но лишь в редких случаях религиозные традиции сознательно использовались в качестве движущей силы государственной политики. Главные приоритеты были идеологическими, поскольку государственные субъекты оценивали успех с точки зрения военных и экономических возможностей, служа той или иной преобладающей политической концепции. Эти приоритеты, безусловно, сохраняются, однако всё больше осознается взаимодействие традиционных государственных мотивов с религиозно-культурными элементами. Эти изменения во внешней политике отражают то, что некоторые исследователи считают более масштабным «постсекулярным поворотом» в международных отношениях.

Религия в XXI веке – это явление, которое претерпевает трансформации, ставящие перед нами новые задачи, как с научной, так и с общественной точки зрения. С кризисом самой теории секуляризации, стало очевидным, что концептуальная сфера, включающая идею разделения религии и политики, всегда была социально и исторически сконструирована, а не онтологически задана. В связи с этим, эпистемологический подход, принятый по умолчанию в мейнстримной политической науке, нуждается в пересмотре с целью корректировки «безусловного принятия» секулярного разделения между религией и политикой.

Овчарова О.Г.
(Москва, РГСАИ)

ПОДВИГИ ЖЕНЩИН-ГЕРОИНЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: МЕХАНИЗМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Сложно переоценить колоссальное значение участия советских женщин в Великой Отечественной войне. Наиболее отчетливо его сущность отражена в публикации газеты «Правда» от 8 марта 1943 года: «Советский народ с гордостью может заявить:

никогда еще во всей прошлой истории женщина не участвовала так самоотверженно в защите Родины, как в дни Отечественной войны против фашистских захватчиков». Корреспонденты «Правды» подчеркивали данным сообщением следующее: к традиционной роли женщины-труженицы тыла, к традиционным символам «женщина-мать» и «Родина-мать», во время Великой Отечественной войны добавилась роль женщины-воина/защитницы и символ «женщина-героиня войны».

При этом данные характеристики были впервые зафиксированы не только в практике российских/советских войн, но и в практике мировой. В 1942 году в Советском Союзе впервые в мире были проведены три массовые мобилизации женщин, что и является свидетельством участия женщин в военных действиях наравне с мужчинами. Всего же на военную службу с 1941 по 1945 годы было призвано 490 235 женщин. За мужество, самоотверженность и героизм, проявленный на полях сражений, 150 тысяч женщин были награждены орденами и медалями, 96 человек стали Героями Советского Союза и Российской Федерации.

Тем не менее, в массовом сознании россиян образ женщины-участницы в боевых событиях Великой Отечественной войны, женщины-защитницы Родины, женщины-героини, распространен менее, чем образы «женщина-мать», «Родина-мать», «женщина-труженица тыла».

Трансформация социальных представлений возможна благодаря проведению государством и заинтересованными общественниками символической политики. «Представляется продуктивным рассматривать символическую политику... как публичную деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности» (по О.Ю. Малиновой). Со временем, «интерпретации» становятся общепринятыми нормами или символическим наследием, отражающим определённые исторические процессы/ценности, которые и становятся исторической памятью – «неосознанными воспоминаниями об общем прошлом...» (по Л.П. Репиной). Самые различные механизмы распространения и сохранения памяти об участии женщин в Великой Отечественной войне могут выступить конкретным символом Победы, и символическим наследием россиян. Кроме того, трансляция исторической памяти о мужестве женщин-героинь Великой Отечественной войны в состоянии закрепить социальные представления о нейтральном образе Героя Войны вне каких-либо социально-демографических характеристик.

К механизмам распространения исторической памяти можно отнести: установку памятников женщинам-участницам Великой Отечественной войны; распространение информации при помощи литературного творчества; средства массовой информации; различные уровни образования (например, проведение тематических уроков в школах, формирующих символическую память детей, подростков, молодежи о победителях); кинематограф. Особая роль в распространении истории мужества женщин-героинь принадлежит регионам России, в которых этот процесс будет содействовать закреплению имени личности Героини за конкретным регионом, которое станет своеобразным символом города, района, поселка или края.

В совокупности, все механизмы памяти стоит обозначить и закрепить в общественном сознании как общероссийское/общемировое значение подвига женщин в Великой Отечественной войне, поскольку это великое символическое наследие великого государства-победителя.

Оганезова С.В.
(Саратов, СГУ)

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКОЙ РОССИИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ МИРОУСТРОЙСТВА

С момента принятия первых нормативно-правовых документов в сфере государственной информационной политики (далее – ГИП) прошло больше 30 лет. Мир кардинально изменился. Современное информационное общество стало сетевым и технологичным. Для многих стало очевидным –стремление сохранить государственный суверенитет распространяется на цифровое пространство. В то же время, такие инновации, как нейросети, искусственный интеллект, представляют собой потенциальную угрозу информационной безопасности и требуют обновления всей нормативно-правовой базы ГИП. Отсутствие единой комплексной системы управления государственной информационной политикой в России представляется основной проблемой.

В условиях современного глобального противостояния Востока и Запада, выражающегося, в частности, в организации и проведении информационных диверсий, кибервойн, навязывании определенных идеологических установок, идеологии собственной исключительности, возрастает роль государства как актора, формирующего правовые основы информационной политики с учетом новых реалий для защиты своих национальных интересов. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (Конституция РФ). В то же время идеология – часть современных глобальных войн. Отсутствие какой-либо единой идеологии не позволит одержать победу над противником, который, в отличии от нас, скреплен неким идеологическим концептом.

Выбранный Президентом РФ Владимиром Путиным путь возрождения духовно-нравственных традиций народов России, сохранение и преумножение семейных ценностей, создание по-настоящему независимого государства – единственно верный, с учетом экзистенциальных угроз со стороны Запада. Он закреплен соответствующими нормотворческими документами, в частности, Указом Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 г. № 809. По сути, это и есть та идеологическая база, которая способна объединить общество и способствовать дальнейшему развитию и усилению государства.

Начиная с 2022 года, информационные вызовы, связанные с проведением СВО, привели к масштабной трансформации всех медийных процессов. Были приняты и новые стратегические нормативные документы в сфере ГИП. В частности, утверждены: Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы; Стратегия национальной безопасности РФ; Доктрина информационной безопасности РФ и ряд других документов.

Несмотря на нормотворческое разнообразие в сфере управления государственной информационной политикой, качество и практика применения правового регулирования, к сожалению, далеки от совершенства. Это выражается, прежде всего, в несоответствии ряда законодательных актов и положений современным информационно-

коммуникационным потребностям технологичного общества. Отсутствует выстроенная система адекватного реагирования на целый ряд событий, вызывающих широкий общественный резонанс. В обществе назрел запрос на информационную сетевую справедливость – последовательное, объективное и беспристрастное информирование уполномоченными государственными органами через официальные телеграм-каналы силовых структур о принятых мерах, о ходе расследований, а не замалчивании неудобных фактов, что способно привести только к очередному росту фейков, домысливании и, как следствие, росту недоверия гражданского общества к власти.

Окара А.Н.
(Москва, Центр восточноевропейских исследований)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СОЛИДАРИЗМА КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ЛИБЕРАЛЬНЫМ И НЕОТОТАЛИТАРНЫМ МОДЕЛЯМ МИРОПОРЯДКА И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Актуальные политические и ценностно-идеологические процессы в современном мире свидетельствуют о глобальном кризисе либерального миропорядка. Избрание в 2024 году 47-м президентом США Дональда Трампа, частью политической программы которого является борьба с оформившими либеральный миропорядок институтами, попыткой Китая провозгласить себя лидером «глобального Юга» и цивилизацией-гегемоном (саммит ШОС в сентябре 2025 года), постепенный «правый поворот» в Европе, а также очевидная неэффективность ООН и других международных структур, делают этот кризис миропорядка необратимым.

Он сопровождается широкой критикой принципов либерализма, институтов либерального мироустройства, однако манифестация альтернативных ценностей происходит «явочным порядком» – без широкой концептуальной общественной, экспертной и научной дискуссии.

При помощи бинарных оппозиций в смысловом пространстве конструируются очертания «новой нормальности» антилиберального реванша: ценностная политика / real politik, политика интересов; «вечный мир» / перманентная война как эффективный метод решения сложных международных проблем; приоритет международного публичного права / «право сильного» вместо силы права; концепция «Конца истории» Фрэнсиса Ёсихиро Фукуямы / концепции «Столкновения цивилизаций» Самюэла Хантингтона и «суверенного правителя» Карла Шмитта; концепция прав человека / концепция «традиционных ценностей»; «инклюзивный капитализм» Клауса Шваба / «Темное Просвещение» Питера Тиля и Кёртиса Ярвина; демократии / тирании; выборная власть республиканского типа / апологетика монархической и квазимонархической формы правления; рациональный тип легитимации власти / харизматический тип легитимации власти; глобализм / изоляционизм; «глобальный мир» / мир «крепостей-цивилизаций»; лево-либеральные режимы в США и Европе / «правый поворот», ультраправые политики, трампизм; концепция «справедливой войны» / социальный дарвинизм; монополярная (полуторополярная) конструкция миропорядка / многополярный мир; американоцентризм, европоцентризм, западоцентризм / новый «концерт великих держав» со значительным уменьшением влияния США и ЕС.

Сторонники и идеологи «правого поворота» и «Темного Просвещения» не скрывают, что они апологетизируют ценности несвободы, неототалитаризма, диктатуры, идеократии, тотального электронного контроля («цифрового ГУЛАГа»), технократии. Часто даже соглашаются с оценкой созданного ими дискурса как неофашистского и неототалитарного. Поясняют свою картину мира деструктивностью и антигуманностью ценностей, институтов и практик либерального миропорядка, таких как: власть меньшинств, теория толерантности, теория позитивной дискриминации и «права слабого», постколониальная теория, всемогущество и безответственность бюрократии, «активистократия», апологетика жертвы, дискриминация белых мужчин и т.д.

У некоторых исследователей возникает соблазн рассматривать нынешний слом либерального миропорядка и вызревание нового, неототалитарного, как диалектическую неизбежность мирового развития, как «Инь» и «Янь», как «маятник Истории», как круговорот «левых» и «правых» идеологий.

Однако подобная логика, когда научные теории манипулятивно используются для легитимизации тех или иных политических действий, для обоснования доминирования тех или иных субъектов глобального рынка и глобальной политики, выглядит ущербной и политически ангажированной.

Можно констатировать, что обе модели миропорядка, либеральная и неототалитарная, расходятся с гуманистическими ценностями, с представлениями (в христианстве и иных авраамических религиях) о добре и благе, но расходятся в разных местах.

Представляется, что актуальной моделью для конструирования нового миропорядка, новой системы глобального разделения труда, новой системы международной безопасности, могут стать ценности, сформированные в политической идеологии солидаризма и всего семейства солидаристских идеологий.

Солидаризм сложно определить в координатах «правых» и «левых» идеологий, однако его основной принцип – равнозначимость «я» и «мы»: индивидуальная польза возможна лишь в случае пользы коллективной, а коллективная польза возможна лишь в случае пользы индивидуальной.

Экстраполяция солидаристских ценностей на сферу мировой политики и международной безопасности предполагает вовсе не актуализацию идей «устойчивого развития», «зеленого перехода» или «мультикультурализма», но новое понимание принципа целостности и неделимости мировой безопасности, перспективу сглаживания различий между ядром, полупериферией и периферией мир-системы, международную кооперацию, взаимопомощь и субсидиарность, снижение межцивилизационного и межрегионального антагонизма, блокирование эксцессов применения ядерного оружия и ядерного шантажа, изменение принципа принятия решений Советом Безопасности ООН, расширение практики применения международных миссий ООН, дебюрократизацию ООН и иных международных организаций, снижение уровня международной агрессии, построение «ноосферы» как глобального общечеловеческого солидарного разума при помощи цифровых технологий и др.

Солидаристский подход к построению миропорядка предполагает радикальное снижение или ликвидацию социального иждивенчества и «права слабого», в отличие от либерального миропорядка. И отказ от принципа «права сильного», в отличие от миропорядка неототалитарного.

Олимзода С.Ш.
(Москва, РУДН)

ИСЛАМ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ МУСУЛЬМАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Процесс миграции на территории Российской Федерации остается одним из наиболее значимых факторов, влияющих на социально-политическую стабильность и культурное развитие общества. Особую роль в этих процессах играют мигранты из Центральной Азии, значительная часть которых исповедует ислам. В демографическом ландшафте современной Москвы заметно присутствие народов, традиционно исповедующих ислам, что актуализирует проблематику их социокультурной интеграции. Среда столичного мегаполиса, характеризующаяся высокой плотностью населения и стремительным ритмом жизни, ставит перед приезжими комплекс задач. Эти вызовы связаны как с необходимостью встраивания в непривычную социальную действительность, так и со стремлением сберечь собственную культурно-религиозную самобытность.

В этом контексте особую значимость приобретает исследование влияния исламского фактора на процесс социокультурной адаптации мусульман Центральной Азии в России. Анализ религиозных практик и их воздействия на адаптационные процессы позволяет выявить как положительные, так и негативные стороны влияния религии на интеграцию мигрантов.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, миграционные процессы в России носят массовый характер, и мигранты из Центральной Азии составляют значительную долю иностранных граждан в стране. Это обусловлено географической близостью региона, историческими связями, а также социально-экономическими условиями в странах Центральной Азии, которые стимулируют миграцию в поисках работы и лучших условий жизни. Во-вторых, Россия является многонациональной и поликонфессиональной страной, где вопросы межнационального и межконфессионального взаимодействия приобретают особую значимость. Сосуществование различных религиозных традиций требует разработки эффективных механизмов адаптации, способствующих социальной интеграции мигрантов и предотвращающих появление этноконфессиональных конфликтов. В-третьих, важным аспектом является риск распространения экстремистских и радикальных идеологий среди мигрантов, обусловленный недостатком религиозного образования и влиянием деструктивных внешних факторов.

Исламские организации и религиозные объединения играют важную роль в процессе адаптации мигрантов. Они выполняют функции социально-психологической поддержки, предоставляют доступ к образовательным и культурным мероприятиям, способствуя укреплению религиозной идентичности. Например, этнокультурные и религиозные организации могут предлагать программы по обучению русскому языку, знакомству с российскими культурными и правовыми нормами, что облегчает процесс социальной интеграции. При этом важно избегать чрезмерного уклона в сторону религиозного просвещения, чтобы не создавать дополнительные барьеры для взаимодействия с остальным обществом.

Нередко мигранты испытывают трудности, связанные с этнической анклавностью и изолированностью проживания. Многие из них, особенно выходцы из сельских рай-

онов Центральной Азии, стремятся поддерживать тесные земляческие связи и сохранять традиционные религиозные практики, что может затруднять интеграцию в российское общество. Это приводит к формированию компактных этнических поселений, которые в крупных городах могут служить очагами социальной напряженности. В таких условиях религиозные и культурные различия становятся более заметными и могут способствовать росту мигрантофобии и межнациональных конфликтов.

Важным аспектом является адаптация миграционной политики к текущим вызовам. В рамках Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622) подчеркивается необходимость создания условий для интеграции мигрантов, включая религиозные аспекты их жизни. Это предусматривает взаимодействие с религиозными организациями для содействия адаптации, а также предотвращения сегрегации. Например, недавние изменения в политике подчеркивают важность поддержки социально-культурной адаптации мигрантов для снижения социальной напряженности и предотвращения этноконфессиональных конфликтов.

Омельченко Н.А.
(Москва, ГУУ)

РОССИЯ И ДЕМОКРАТИЯ: Г.П. ФЕДОТОВ О НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ, ЗАПАДНЫХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ДЕМОКРАТИЯХ И БУДУЩЕМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СТРОЯ В РОССИИ

В предлагаемых тезисах представлен анализ творческих изысканий о национальной специфике и будущем российской государственности одного из выдающихся представителей российской послеоктябрьской эмиграции, христианского богослова и публициста Георгия Петровича Федотова (1 (13) октября 1886 г. – 1 сентября 1951 г.), много размышлявшего о «судьбе и грехах» своего отечества.

Представляя редкий в истории русской мысли тип «религиозного западника», горячий сторонник идей «христианского социализма», Г.П. Федотов занимал обособленное место в среде российской послеоктябрьской эмиграции, связывавшей свое разочарование в демократии с ее поражением в Февральской революции 1917 г. и наблюдавшимся кризисом либерально-демократических режимов в Европе.

Даже беглое знакомство с творчеством Г.П. Федотова показывает, что неизменной темой его творческих изысканий оставалось осмысление проблем России и Запада, Востока и Запада. Высоко ценя дух свободы и демократии в мировой истории, он и в русской истории, по мнению современников, выделял демократический строй Древней Руси и демократические реформы императорской России и отрицательно относился к деспотическому правлению московских государей.

В свете сказанного большой научный интерес представляют оценки Г.П. Федотовым глубинных причин крушения монархических идеалов и самой императорской России в 1917 г., позволившие мыслителю говорить о проблематичности сохранения в стране монархической формы правления. События 1917 г. наглядно показали насколько оши-

бочными были надежды российской власти на прочность монархических идеалов в массовом сознании российского общества и насколько глубокими оказались противоречия, разделявшие народные массы и господствующее сословие – русское дворянство, особенно усилившиеся после петровской реформации, укрепившей в сознании народных низов стойкое недоверие к «барину» как к вероотступнику и «полунемцу». Именно этим, по мнению ученого, можно объяснить практически «бесследное исчезновение» монархической идеи в годы революционного крушения России и именно в этом, считал он, следует искать основную причину, почему ни одно из антибольшевистских движений, возглавляемых монархистами, «не решалось поднять открыто монархического знамени» (Федотов Г. Проблемы будущей России // Современные записки. 1931. Кн. XLV. с. 481-482).

В качестве альтернативной формы политического строя будущей России Г.П. Федотов выделяет демократическую республику, не требующую, по его убеждению, глубокой перестройки народного сознания. В ее пользу «дух простоты, которая всегда владела народной душой» и которой, как считал Г.П. Федотов, в полной мере отвечала «мужицкая республика, возглавляемая Калининым» (Федотов Г. Проблемы будущей России // Современные записки. 1931. Кн. XLV, с. 482-484).

С другой стороны, Г.П. Федотов указывал и на опасности, связанные с республиканской формой правления. При всех ее достоинствах, как наиболее простой и понятной, с точки зрения рационального сознания, формой демократического правления, она во многом уступает монархической власти, устойчивость которой основана на идее о сакральном, божественном ее происхождении. Философ выражал надежду, что будущие поколения, «погружаясь в традицию, создавая духовные основы, республики», смогут найти для народовластия «религиозное освящение».

Демократия в России, по мнению Г.П. Федотова, существенно отличается от европейских партийных демократий, искажающих интересы избирателей и отражающих волю и политические амбиции партийных лидеров. При всей жесткости характеристик, которую мы находим у Г.П. Федотова в его оценке западной либеральной партийной демократии, трудно с ним во многом не согласиться.

Особую позицию Г.П. Федотов занимал и в эмигрантских спорах о социализме и советской демократии. В его отношении к советскому строю и советской демократии, в отличие от многих современных мифологизированных оценок советского периода российской истории, объективная критика негативных сторон советской действительности сочеталась с позитивной оценкой процессов и явлений. Нуждается, например, в осмыслении мнение мыслителя, считавшего, что основу подлинной демократии составляет отнюдь не процесс выборов органов власти, а реализации идеи народного самоуправления.

Такова общая характеристика взглядов выдающегося русского мыслителя относительно специфики российской государственности, особенностей и будущего демократии в России. С нашей точки зрения, внимательный анализ творческого наследия Г.П. Федотова, его поисков русского социального идеала, в котором должны были органически соединяться, по убеждению философа, идеи свободы, российская историческая традиция и христианская нравственность, позволяют преодолеть широко распространенные в отечественной интеллектуальной традиции упрощенные подходы к проблемам демократии в России, подтверждают необходимость «почвенного» осмысления государственных идеалов России.

Онопко О.В.
(Донецк, ДонГУ)

ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ УКРАИНЫ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Правящий на Украине политический режим настроен на долгосрочное и бескомпромиссное противостояние России, которое готов вести, не считаясь с потерями и используя любые доступные средства: военные, дипломатические, гибридные. В этих условиях является чрезвычайно важным правильное понимание образа действий Украины в Черноморском регионе. Дополнительную информацию о нём может дать анализ современных фундаментальных научных работ украинских учёных по вопросам геополитики, международных отношений и безопасности в Причерноморье.

Для решения этой задачи автором, в соответствии с теоретико-методологическим подходом, сочетающим положения теорий критической геополитики Дж. О'Тоала, секьюритизации Б. Бузана и О. Уэвера и эпистемных сообществ П. Хааса, были изучены тексты научных статей и монографий ведущих украинских учёных-международников по черноморской проблематике, опубликованные в 2020-2025 гг.

Анализ показал, что Черноморский регион описывается как многополярная и нестабильная геополитическая зона, где после 2022 года образовался «вакуум безопасности». По мнению украинских экспертов, институты регионального сотрудничества, такие как ОЧЭС, практически не выполняют своих целей, а экономические и международно-политические процессы всё больше определяются действиями России и Турции. При этом Россия рассматривается как «экспансионистски настроенная империя», якобы утратившая свой военно-морской потенциал, а потому не способная к эффективному влиянию на другие государства Причерноморья. В свою очередь Украина представлена в научных работах как одна из ключевых держав региона, которая якобы лишь временно находится в критической ситуации из-за полномасштабного конфликта с Россией. Украинские учёные полагают, что их государство обладает потенциалом стать после «победы» «ключевой черноморской страной», главным «форпостом» евроатлантической безопасности в Причерноморье. Что касается НАТО и ЕС, то в украинских научных работах отмечается нескоординированность их черноморских политик, низкая готовность, прежде всего психологическая, к «реальному» противодействию России в Черноморском регионе, разобщённость государств-членов. Призывая не рассчитывать на евроатлантические структуры, украинские учёные убеждены в необходимости прямого диалога с государствами Причерноморья и необходимости формирования в нём альтернативной и параллельной НАТО антироссийской региональной системы коллективной безопасности.

Украинские научные работы характеризуются комбинированием различных теоретических подходов к международным отношениям и внешней политике, но всегда с ярко выраженным реалистским акцентом. Многие исследования опираются на наступательный реализм: международные отношения в Черноморском регионе рассматриваются через баланс сил и интересов между крупными акторами и гонку вооружений, в которой Украина должна участвовать, постоянно наращивая военную мощь всеми доступными способами. Вместе с тем в ряде работ встречаются либеральные мотивы, например, часто упоминаются «общие демократические ценности», объеди-

няющие страны Черноморского региона «за исключением» России. Также есть прямые отсылки к конструктивизму, указывающие на идеологические аспекты противостояния Украины и России. Однако в большинстве исследований международно-политические процессы в Черноморском регионе описываются как классическая «борьба за влияние», где ключевыми являются военные и экономические интересы национальных государств и альянсов, а главной проблемой – геополитическое противостояние Запада и России.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что для современной украинской внешнеполитической мысли по вопросам, связанным с Черноморским регионом, характерны безосновательный геостратегический оптимизм, не соответствующий текущему положению дел, вера в субъектность Украины, евроскептицизм и разочарование в институтах ЕС и НАТО, мифологизированное восприятие мотивов международно-политического поведения России, приверженность наступательному реализму. Трансляция такого подхода украинским властям и обслуживающему их экспертному сообществу может привести к: 1) принятию Украиной более агрессивной стратегии действий в Причерноморье; 2) дальнейшей эскалации напряжённости в регионе; 3) углублению разрыва между украинским государством и его западными союзниками из-за расхождений в оценках угроз и методов их нейтрализации. Такая интеллектуальная и дискурсивная основа украинской геостратегии в Причерноморье несёт в себе серьёзные риски для стабильности всего региона. Отказ от действительно реалистичной оценки баланса сил, ставка исключительно на силовое противостояние и игнорирование дипломатических возможностей могут привести к дальнейшей дестабилизации, а также началу возможной изоляции Украины и снижению международного влияния последней.

Павлова Т.В.
(Москва, ФНИСЦ РАН)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Институциональный порядок социума формируется в процессе возникновения определенных конфигураций институтов (формальных и неформальных), обусловленных исторически сложившимися особенностями социокультурного и цивилизационного развития данного социума.

Российский институциональный порядок формировался в контексте дуалистической по своему характеру культуры, испытавшей на себе влияние как западной, так и восточной социокультур и сочетающей в себе глубокую архаику с чертами, присущими обществу модерна.

В данной связи представляется продуктивным использование понятия социокультурных паттернов, свойственных тому или иному социуму, выдающегося философа К.М. Кантора, так же описывающего российскую культуру как дуалистическую. В своем фундаментальном историософском труде[144] ученый выделяет ядро социокультурного паттерна, глубинный слой которого сводится в конечном счете к конфигурации отношений между индивидом, обществом и государством.

[144]Кантор К.М. Двойная спираль истории: Историософия проектизма. Т.1: Общие проблемы. М.: Языки славянской культуры. 2002.

По Кантору, социокультурный подход связан с социологической характеристикой взаимосвязи индивида и общности, степенью их ассоциации и диссоциации, с подчиненностью индивида социальным нормам. Он отмечает, что всякая социокультура есть паттернальная культура. Паттерн же – это проект, обеспечивающий наследственность, устойчивость, неизменность специфической социокультуры, на которые распадается социокультурная эволюция во всех своих качественных подразделениях. Ядро паттерна образуется определенным сочетанием врожденных представлений, ценностей, норм и идей. Субъект оценивания, познавания, эстетического суждения, нормирования, целеполагания – индивид. Основополагающие представления, образы и нормы находятся в глубинных слоях сознания индивида – общественном продукте общения индивидов.

На основе данных, проведенных в 2018-2022 гг. нашим научным коллективом пяти репрезентативных всероссийских обследований, а также реализованных ранее политико-социологических исследований возможно проследить определенные флуктуации внутри присущего российскому социуму социокультурного паттерна при неизменном воспроизводстве его исторического ядра.

Центральной проблемой формирования институционального порядка, понимаемого как воспроизводство разделяемых всеми индивидами данного социума норм и правил, которые наделяют их смыслом в соответствии со своими культурными и ценностными установками и представлениями о социальной реальности, является конгруэнтность формирующихся институтов социокультурной и социополитической среде, в которую они внедряются. В России внедрению новых, присущих обществу модерна институтов препятствуют констатируемая многими исследователями глубокая внутренняя противоречивость российской политической культуры, «традиционный раскол между культурами, укладами, конфликт ценностей», отраженные в работе «Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России»[145].

Палитай И.С. (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, ГАУГН),
Девочкина А.С. (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

В условиях трансформации российской политической системы особую значимость приобретает формирование новых поколений политических лидеров, способных к эффективной адаптации в условиях неопределенности, цифровизации и возрастания социальных запросов. Молодежная политика в данной перспективе выступает не только как социальная сфера, направленная на поддержку молодых граждан, но и как институциональная стратегия воспроизводства политического лидерства. Новизна исследуемой проблематики заключается в том, что молодежная политика рассматривается сегодня в качестве системного механизма подготовки будущих лидеров, а не совокупности отдельных мероприятий и разрозненных практик.

[145]Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В.Патрушева. - М.: ИСП РАН, 2006. С. 515.

Институциональные стратегии молодежной политики строятся вокруг нескольких ключевых направлений. Первое – это нормативно-правовое закрепление принципов работы с молодежью. Принятие Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» (2020) стало основой для формирования устойчивой законодательной базы, определяющей роль государства в поддержке молодежных инициатив. Второе направление связано с институционализацией инфраструктуры – от региональных комитетов по делам молодежи до федеральных органов исполнительной власти, крупнейших молодежных организаций, например, как Движение Первых. Третье направление – использование кадровых и конкурсных практик как каналов выявления и продвижения потенциальных лидеров.

Конкурсные и образовательные механизмы становятся ключевым элементом институциональных стратегий. Так, проекты платформы «Россия – страна возможностей» («Лидеры России», «Школа губернаторов», «Школа мэров») обеспечивают комплексное развитие компетенций молодых управленцев и формируют кадровый резерв для государственной и муниципальной службы. Отдельный интерес представляет партийный проект «ПолитСтартап», позволяющий молодым политикам пройти апробацию в условиях реальной избирательной кампании. Данные инициативы демонстрируют переход от массового вовлечения молодежи к адресной подготовке будущих лидеров.

Наряду с конкурсными форматами сохраняют значение традиционные формы молодежного участия: молодежные парламенты, студенческое самоуправление, молодежные объединения и некоммерческие организации. Именно эти структуры формируют навыки коллективного лидерства, организационного проектирования и взаимодействия с органами власти. В последние годы они интегрированы в государственную политику через систему грантовой поддержки, что позволяет молодым лидерам реализовывать социально значимые проекты и выстраивать собственные карьерные траектории. Отдельное измерение институциональных стратегий связано с цифровизацией молодежной политики. Платформы «Диалог» и «Диалог Регионы» становятся каналами коммуникации между молодежью и органами власти, открывая новые формы цифрового лидерства. Молодые активисты осваивают навыки работы с медиапространством, цифровыми технологиями и управлением общественным мнением, что расширяет представление о лидерстве за пределами традиционных институтов.

Несмотря на положительные тенденции, институциональные стратегии молодежной политики имеют ряд ограничений. Прежде всего, сохраняется территориальное неравенство: молодежь малых городов и сельских территорий имеет меньше возможностей для участия в конкурсах и образовательных программах, чем молодежь крупных регионов. Также существует риск формализации институтов молодежного участия, когда молодежные парламенты или советы при органах власти выполняют преимущественно имитационные функции. Еще один вызов связан с недостаточной реализацией карьерных траекторий: не все успешные участники конкурсов находят реальное применение своим компетенциям в политико-управленческой сфере. Тем не менее, наблюдается устойчивая тенденция к диверсификации институциональных стратегий. Сегодня они включают не только традиционные формы – молодежные форумы и парламентские институты, но и новые форматы – кадровые школы, партийные проекты, цифровые платформы. Это свидетельствует о переходе молодежной политики от этапа фрагментарных инициатив к этапу системного институционального проектирования лидерских траекторий.

Таким образом, молодежная политика в современной России выступает не просто как сфера социального сопровождения молодежи, но и как инструмент формирования политического лидерства. Ее специфика проявляется в интеграции образовательных, конкурсных, партийных и цифровых форматов в единую систему, способную обеспечи-

вать устойчивое воспроизводство нового поколения лидеров. Именно институциональные стратегии позволяют рассматривать молодежную политику как ресурс развития политической системы, где подготовка будущих управленцев и лидеров становится приоритетом государственной и общественной деятельности.

Текст подготовлен в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации тема № 1022040800353-4-6.1.1; 5.9.1 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории» (FZNF-2023-0003).

Панеш А.А.
(Москва, МГИМО МИД России)

РОЛЬ ЦИФРОВОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ: ВЛИЯНИЕ РИТОРИКИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА И ЕГО ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СТОРОННИКОВ

В современном американском обществе все заметнее становится тенденция отхода молодежи от участия в традиционной политике. Это явление, которое исследователи называют политическим фатализмом, отражает растущее убеждение молодых людей в том, что их голос и действия не имеют реального веса. В процессе взросления все больше представителей молодежи приходит к выводу: любая гражданская активность не способна влиять на решения, принимаемые на государственном уровне, или изменить направление развития страны. Параллельно с этим процессом наблюдается значительное падение доверия к основным политическим деятелям и партиям в США.

Подобные нарративы активно распространяются в цифровом медиапространстве, используя разнообразные каналы, такие как короткие видеоролики, специализированные политические блоги и другие интерактивные платформы. Подобная информационная среда способствует ускоренному формированию паттернов политической отстраненности и отчуждения, а также актуализирует фундаментальные вопросы о необходимости и целесообразности вовлечения юных граждан в политическую жизнь, о механизмах формирования их политической и социальной идентичности. Однако, несмотря на эти тенденции, было бы ошибочно полагать, что молодежь становится аполитичной. Напротив, в молодежной среде активно набирают популярность альтернативные политические идеи, которые не вписываются в рамки американского политического мейнстрима, что свидетельствует о переформатировании, а не об исчезновении политического интереса.

Одним из ключевых факторов, объясняющих наблюдаемые трансформации в политическом сознании молодежи, является синхронное развитие цифровой медиасреды как доминирующего инструмента для политической самоидентификации. Несмотря на первоначальную консолидацию части молодежи вокруг традиционных идей, наблюдался последующий процесс идеологического разочарования в ключевых фигурах истеблишмента. В частности, нарастало убеждение, что риторика и практические действия как Джо Байдена, так и Дональда Трампа, не соответствуют фундаментальным интересам нации и не решают проблемы, которые данная демографическая группа считает критически важными. Это углубляющееся недовольство послужило мощным катализатором для фрагментации и идеологического разделения внутри лагеря, ранее поддерживавшего Д. Трампа.

В результате в цифровом медиапространстве начали формироваться обособленные политические фракции. Их основной целью стало продвижение более аутентичной, по их мнению, версии традиционного консервативного идеологического спектра, очищенной от политического оппортунизма мейнстримных акторов. Ярчайшим примером стало возникновение движения *Groypers*, во главе с Ником Фуэнтесом – медийной фигурой, которая изначально была активным сторонником Д. Трампа. Одновременно наблюдался рост популярности более широкого движения *America First*, которое стремилось артикулировать более радикальную и бескомпромиссную версию национал-консервативной повестки.

Процесс дистанцирования молодежи от мейнстримной политики способствует формированию более отчетливых консервативных взглядов в рамках их социального и политического самоопределения. Наблюдаемая симпатия к нарративам правого идеологического спектра может быть объяснена спецификой современного либерального дискурса. Несмотря на активно продвигаемую в медиа риторику «инклюзивности», на практике либеральная идеологическая среда демонстрирует низкую толерантность к любым формам идейных девиаций. Цифровое медиапространство либерального толка нередко проявляет агрессивную реакцию на любое выражение несогласия с его ключевыми постулатами, что может отталкивать аудиторию, ищущую более открытый диалог (см.: Стрелец И.Э., Панеш А.А. Политико-психологический профиль Трампа в предвыборной кампании 2024: предвзятость цифровых медиа и поляризация общества // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Т. 10. № 4. С. 424–441; и др.).

В то же время многие сообщества и лидеры мнений правого толка выстраивают свою коммуникационную стратегию на иных принципах. Зачастую они апеллируют к фундаментальным христианским ценностям, таким как принципы всеобщего равенства перед Богом и уважения к личности, что создает основу для более спокойного диалога. В этой среде человек, даже выражающий несогласие с основной повесткой, с большей вероятностью столкнется не с агрессией или попыткой «отмены», а с предложением вступить в дискуссию и выслушать рациональные аргументы (Lцders A., Carpentras D, Quayle M. Attitude networks as intergroup realities: Using network-modelling to research attitude-identity relationships in polarized political contexts // *Br J Soc Psychol*. 2024. Vol. 63. № 1. P 37–51).

Такой подход, основанный на убеждении, а не на принуждении к согласию, оказывается более привлекательным для молодежи, стремящейся к интеллектуальной честности и свободному исследованию различных точек зрения для формирования социальной идентичности.

Панин В.Н.
(Пятигорск, ПГУ)

РОЛЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Современные международные отношения в XXI веке характеризуются усложнением структуры ее участников. Наряду со странами, межгосударственными организациями и альянсами, всё большую роль начинают играть негосударственные участники, включая транснациональные корпорации. В условиях глобализации ТНК

получили доступ к политическим ресурсам, позволяющим им оказывать воздействие на процессы принятия решений, как на национальном, так и на международном уровнях.

Современное понимание ТНК выходит за рамки только экономической субъектности: они всё чаще рассматриваются как самостоятельные участники мировой политики, обладающие собственными внешнеполитическими целями, ресурсами, стратегиями, каналами и механизмами влияния на мировую политику.

Политическое влияние транснациональных корпораций может быть как прямым, так и косвенным. Прямое влияние включает участие ТНК в лоббистской деятельности, финансировании политических кампаний, оказании влияния на формирование правящей политической элиты, а также на проведение внутри– и внешнеполитического курса государств.

Транснациональные корпорации, участвуя в мировых политических процессах, реализуют, в первую очередь, собственные стратегические цели, а также интересы их государств-спонсоров. Так, решения о размещении производств, ограничении поставок, контроле над ресурсами и критически важными технологиями имеют важное политическое значение. Таким образом, граница между коммерческими интересами и внешней политикой постепенно размывается.

Косвенное влияние ТНК выражается через контроль над информационными потоками, в формировании общественного мнения, в культурной экспансии, продвижении стандартов и нормативов в рамках деятельности международных организаций.

Помимо культурного и медийного воздействия, транснациональные корпорации всё чаще стали осваивать образовательное, научное и нормативное пространство, становясь неформальными архитекторами будущего глобального миропорядка. Это выражается в трансформации экспертного поля и создании «корпоративного знания», которое затем внедряется в политику, международные стандарты и даже в образовательные программы.

В настоящее время транснациональные корпорации – это не просто бизнес-структуры, а многоуровневые акторы, формирующие новую архитектуру международных отношений, где экономическая мощь становится инструментом геополитического влияния.

Во многих случаях внешнеэкономическая активность ТНК определяет внешнеполитическую стратегию стран, особенно это касается государств с уязвимой политической системой или высоким уровнем ресурсной зависимости.

С начала XXI века на смену индустриальным и сырьевым гигантам всё активнее выходят корпорации цифровой экономики. Цифровые ТНК также активно участвуют в международных конфликтах. Так, в условиях Специальной военной операции западные цифровые корпорации ограничили доступ к российским источникам информации, проводят их блокировку, формируют под свои интересы алгоритмы выдачи новостей. Эти действия не только отражают политическую позицию самих корпораций, но и становятся частью генеральной стратегии внешнеполитического давления со стороны стран Запада на Россию.

В целом, современные ТНК во многих случаях выступают не в оппозиции к государству, а в тесной координации с его интересами. Например, в области кибербезопасности корпорации сотрудничают с национальными разведывательными службами; в экономических конфликтах они активно поддерживают санкционные режимы, реализуемые, как правило, странами коллективного Запада.

Подобное сближение интересов ТНК и государств делает их структурными элементами новой системы международных отношений, в которой власть распределена между государствами и мощными экономическими «акторами вне суверенитета», где границы между большим бизнесом и политикой практически стерты.

Панкевич Н.В.
(Екатеринбург, ИФиП УрО РАН)

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ВЫЗОВЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО МИРА

Институциональное и содержательное развитие системы универсальных прав человека становится одним из принципиальных направлений эволюции мировой политической системы в период после II Мировой войны. В течение времени становление этой системы как механизма самоограничения государств по отношению к общезначимым принципам постепенно замещается наступательной стратегией функционирования прав, которая в целом ряде случаев оказывает дестабилизирующий эффект и ведет к частичной деуниверсализации общего режима реализации прав. Развивающийся кризис ведет к инструментализации прав человека в рамках геополитических противостояний, создает напряженность между ценностным комплексом прав и другими основополагающими принципами, включая государственный суверенитет.

Анализ современных вызовов системе универсальных прав человека, сочетающий политико-правовой и цивилизационный подходы, позволяет рассмотреть разворачивающийся кризис на нескольких взаимосвязанных уровнях как конфликт акторов в рамках геополитической конкуренции; институциональный конфликт принципов организации мировой политической системы. При этом наиболее значимые определяющие факторы конфликта связаны с цивилизационным уровнем, где сталкиваются фундаментально различные антропологические и социально-политические модели. Более полное понимание современной поляризации может быть достигнуто с позиции исследования обусловленности прав через специфику взаимосвязи между индивидом, коллективностью и правительственным центром политики, различным образом размещенных в охватывающем единстве суверенного государства. Именно это различие остается первичным источником, который питает современный конфликт в области прав человека в содержательном отношении.

Проблема измерения прав человека может быть исследована через призму трех парадигматических моделей, связанных с эволюцией мировых цивилизационных центров, по-разному размечающих соотношение статус индивида, социальной группы и общества в целом: англо-американской модели (права как негативные свободы, ограничивающие государство), континентально-европейской (права в контексте социальной солидарности в рамках охватывающего единства государства) и китайской (коллективистская трактовка прав с доминированием государства). Эти модели отражают глубинные цивилизационные различия, уходящие корнями в исторические траектории развития обществ. Перспективы универсальной системы прав человека ограничены непреодолимыми цивилизационными различиями, что делает глобальный содержательный консенсус маловероятным.

В этой связи важен потенциальный вклад России, чьи цивилизационная идентичность, исторический опыт сочетания индивидуальных и коллективных прав может предложить альтернативные подходы к разрешению глобального кризиса.

Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12.07.2024 № 075-15-2024-639).

Панкратов С.А.
(Волгоград, ВолГУ)

ОБРАЗ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ КОНЦЕПТЕ СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Укрепление и развитие современной российской государственности, безусловно, основывается, с одной стороны, на переосмыслении противоречивого, но от этого не менее значимого исторического прошлого страны в личностном, коллективном (общественном) и государственном измерениях. При этом цели и ход Специальной военной операции (далее – СВО) России на Украине; попытки со стороны ряда недружественных стран проведения русофобской политики, санкционного давления, в том числе реализации «политики отмены» российской культуры на своей территории и за ее пределами; фактическое инициирование «гибридной войны», с необходимостью (научной и практико-деятельностной) приводят к выделению и институализации специфической профессиональной сферы политической (политологической) реальности – социальной архитектоники.

В своем выступлении на научно – практической конференции в Севастополе начальник Управления Президента РФ по вопросам мониторинга и анализа социальных процессов А. Харичев подчеркнул, что в условиях турбулентности современного мира «необходимо, во-первых, делать точный прогноз этих изменений – насколько технологии те же меняют социальную ткань, и дальше проектировать эти изменения. Создавать модели – то, что принято называть «образом будущего». Заниматься проектами, которые бы актуализировали традиционные ценности, заниматься проектами, которые решали бы проблемы – будь то на местном уровне, региональном уровне или на федеральном уровне» (Синица А.В СевГУ прошла первая в России научно – практическая конференция по социальной архитектуре // https://stv92.ru/news/news-11584/ (дата обращения: 15.08.2025)).

Автор в целом согласен с тезисом, озвученным О.В. Гаман-Голутвиной о том, что в этом контексте социальная архитектура может пониматься и как инструмент, направленный на выстраивание эффективных разнообразных доверительных форматов между общественными и государственными институтами через актуализацию «совместного социального творчества». При этом, абсолютно правомерно А.Ю. Шутов акцентирует внимание на «появлении нового направления работы (конкурс социальных архитекторов – авт.) государства... по созиданию, воспроизводству социальных сообществ, которые станут базовыми для поступательного развития нашего общества» (Эксперты: Социальные архитекторы стали важной частью общественно – политической повестки // Взгляд. Деловая газета. 31.08.2025 г.).

Вопрос о том, чем социальные архитекторы принципиально отличаются от «все ведущих» и еще недавно столь популярных политтехнологов и их «конечный продукт» в концептуальном и практическом плане. С нашей точки зрения, в данном случае, с одной стороны, предпринимается попытка «отрешиться» от характерных черт манипулятивности и абсолютизации властных и финансовых ресурсов. С другой стороны, агрегируются факторы включенности политического в «социальный мир». Таким образом, использование потенциала именно научного сообщества и аналитиков – экспертов в формировании «единоутробной» модели и образа прошлого – настоящего – будущего России через решение «вопиющих» социальных проблем и реализацию конкретных

проектов, с учетом развития технологического потенциала в XXI веке.

Очень важно в этой связи гармонизация (синхронизация) единой системы ценностей для граждан – общества – государства. Социальные архитекторы должны помочь в процессе преодоления противоречий между декларируемыми внутренними и внешними ценностями. Это значимо так как именно система ценностей формирует не только характер того или иного социума, но и определяет траекторию развития общества и государства.

Современное противостояние России как государства цивилизации с государствами европейской (либеральной) цивилизацией для социального архитектора раскрывается на площадках совета директоров крупных кампаний, «в дипломатической, экономической, финансовой, медийной, религиозной и культурной областях». Вместе с тем, по словам французского политолога Э. Леруа «Президент РФ должен был защищать гражданское общество от экономических, социальных последствий, а не только от санкций, от дезинформации и манипулирования сознанием, которым в совершенстве владеют англосаксы» (Леруа Э. От Золотой Орды до золотого миллиарда // Российская газета. 09.09.2022 г.). И здесь на переднем крае именно технологии социальной архитектоники с подготовленным пулом профессионалов.

И еще один относительно спорный аспект в принципах социальной архитектоники: спорить, размышлять, дискутировать следует не о прошлом (знать которое очень важно и выразить свое отношение), а о будущем, намечая ориентиры развития.

Панюжева М.М.
(Москва, РСМД)

О РОЛИ БРИКС В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ НЕЗАПАДНОМ МИРОПОРЯДКЕ И ВКЛАДЕ РОССИИ

В сложных условиях глобальной неопределённости и военно-политического противостояния Запада Россия благодаря дипломатическим увертюрам добилась увеличения влияния БРИКС в мировой политике.

Как показали саммиты в 2023–2025 гг., БРИКС стала восприниматься прообразом многополярного справедливого миропорядка, символом открытой экономики и культурно-цивилизационного многообразия.

Значение диалоговой площадкой заключается в обсуждении глобальных проблем и усилении роли Глобального Юга, который находится в поиске решения насущных проблем и укрепления экономик.

Как известно, БРИКС представляет межгосударственное неформальное объединение десяти наиболее развивающихся крупных стран (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Иран, ОАЭ, Египет, Эфиопия, Индонезия). Статус «партнёров» имеют 12 стран, около 40 стран выразили намерение вступить в БРИКС.

По сути, расширение формата в 2024 г. привело к динамике роста (4,4%), и увеличению доли в мировом ВВП. По основным показателем БРИКС как глобальный регион (45% мирового населения (3,5 млрд. человек), 34% территории, 36,8% мирового ВВП по паритету покупательной способности (77 трлн. долларов), 20% международной торговли (10,4 трлн. долларов) превосходит формат Большой семёрки (G7) (29% или 57 трлн. долларов).

Кроме того, взаимный товарооборот БРИКС превысил 1 трлн долларов, а торговля России с партнёрами достигла отметки до 300 млрд долларов.

Неслучайно дедолларизация и увеличение расчётов в национальных валютах были в фокусе XVII нынешнего саммита в Бразилии. На фоне угроз президента США Дональда Трампа ввести 100% пошлины обсуждение вопроса создания единой валюты пока отложено.

На данный момент был достигнут консенсус об изменении мирового экономического порядка. По факту, Пул валютных резервов и Новый банк развития были созданы как альтернатива западным структурам. Недавно Россия предложила использование децентрализованных механизмов трансграничных расчетов (BRICS Bridge и BRICS Pay), цифровых валют, новых инвестплатформ, зерновой биржи.

Несмотря на разнородный состав, асимметрию мощи, несовпадающие интересы и расхождения, расширение БРИКС способствует укреплению возможностей Мирового Большинства влиять на продвижение многополярного мира, сбалансированного роста и глобальных общественных благ.

Расширение трансрегионального объединения, которое неслучайно называют «концертом цивилизаций», вероятно, затронет не только страны, но и региональные структуры (АСЕАН, Африканский союз, ШОС, ЕАЭС, МЕРКОСУР).

В сущности, Россия через формат БРИКС, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС, АСЕАН намерена ускорить переход к полицентричному полицивилизационному миру через обновление институционально-правой базы глобального управления и разноскоростное вовлечение незападных стран в широкое сетевое сотрудничество в рамках мегапроекта «Большая Евразия». Поэтому внешнеполитическая стратегия России отразит баланс сил в региональных системах, запросы и идейно-ценностные ориентации незападных партнёров.

Ввиду системного давления Запада, который теряет рычаги контроля, отсутствия у Незапада долгосрочной стратегии планирования и возможностей раскрыть потенциал для России важно углублять практическое взаимодействие, активнее реализовывать совместные программы и оказывать поддержку странам БРИКС в отстаивании позиций и повышении представительности в других организациях.

На июльском саммите российская позиция об осуждении террористических атак Украины была поддержана участницами БРИКС. Полагаем, вклад БРИКС в поддержание международной безопасности будет способствовать равной и неделимой евразийской системы.

На текущем этапе России потребуется расширение и адаптация логистических, инфраструктурных, высокотехнологических, финансовых, цифровых, промышленных, туристических, продовольственных, гуманитарных проектов.

В итоге, многонаправленное сотрудничество БРИКС под руководством России может принести положительные результаты в вопросах борьбы с неравенством, голодом и бедностью. Благодаря БРИКС Россия приступила к формированию разветвлённой сети трансрегиональных связей и расширению своего влияния.

В целом перспективы деятельности БРИКС предвещают наступление эпохи Глобального Юга и установление полицивилизационного полицентричного миропорядка при более справедливой и равноправной системе глобального управления.

Парамонов В.В.
(Узбекистан, КМЦ по вопросам новейшей истории Узбекистана)

ЗНАЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ С РОССИЕЙ В РАМКАХ ЕАЭС ДЛЯ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ПРОДОЛЖАЮЩЕГОСЯ ОБОСТРЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Значение экономической интеграции с Россией в рамках ЕАЭС для Центральной Азии (ЦА: Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана) подвержено влиянию сложной группы факторов, связанных, прежде всего, с продолжающимся обострением глобальной геополитической обстановки. Как представляется, главным катализатором и одновременно индикатором этого, по-прежнему, выступает конфронтация на Украине и вокруг нее:

– изначально принявшая затяжной, дилеммный и в определенной степени тупиковый характер;

– получающая к тому же ближневосточное "измерение" в виде серии конфликтов и кардинального изменения ситуации в Сирии.

С одной стороны, сохраняется высокая неопределенность этих процессов. С другой стороны, это предполагает то, что наиболее комплексно оценить последствия конфронтации на Украине и вокруг нее, включая для центральноазиатского региона в контексте значения для него ЕАЭС, можно лишь на сценарийном уровне.

Следует выделить три основных сценария:

– сценарий №1: «затяжная конфронтация на Украине и вокруг нее без явных стратегических успехов России и Украины/Запада»; значение ЕАЭС для ЦА в таких условиях будет оставаться противоречивым; тем не менее, данный сценарий в случае дальнейшего обострения конфликтов на Ближнем Востоке и/или в других геополитически и геоэкономически важных регионах мирового пространства будет усиливать вероятность реализации сценария №2;

– сценарий №2: «победа России и/или дестабилизация Украины»; данный сценарий в случае дальнейшей эскалации ситуации на Ближнем Востоке (и, тем более, в других ключевых регионах) способен привести к тектоническим изменениям всей геополитической и геоэкономической ситуации в мире в пользу РФ, ее союзников и партнеров; в таких условиях стремительно вырастет и значение ЕАЭС для ЦА;

– сценарий №3: «победа Украины/Запада и/или дестабилизация России»; реализация сценария поставит под вопрос не только существования РФ и ЕАЭС, но и вероятно других стран постсоветского пространства, в том числе из ЦА; тем не менее, данный сценарий в случае дальнейшего обострения обстановки на Ближнем Востоке (и, тем более, в других стратегических зонах мирового пространства), скорее всего, просматриваться будет все меньше и меньше.

Как представляется, обозначенные сценарии и их возможные комбинации во многом предопределят будущее не только государств ЦА в продолжающемся формироваться новом мировом порядке, но и сам факт существования ЕАЭС. Как представляется, именно этот геополитический по своей сути расклад принимается, и будет приниматься в расчет столицами государств Центральной Азии при осмыслении национальных интересов и формировании внешней политики, в том числе экономической и интеграционной.

В настоящее время получает развитие именно Сценарий №1. С одной стороны, он предполагает необходимость дальнейшей мобилизации всех ресурсов России и их союзников для перевода сценария в Сценарий №2 и, соответственно, обеспечения условий для безоговорочной реализации целей и задач СВО. С другой стороны, РФ необходимо принимать во внимание все негативные последствия от Сценария №1, в том числе теоретическую возможность его «перерастания» в Сценарий №3, несущий негативные последствия для самих основ российской государственности. Одновременно важно понимать, что в условиях реализации Сценария №1 наглядно проявляются как позитивные, так и негативные явления, тенденции и процессы во взаимодействии России с внешними миром, в том числе странами ЦА, включая в рамках ЕАЭС.

В целом, принципиально новая геополитическая и геоэкономическая ситуация в мире, связанная прежде всего с событиями на Украине и вокруг нее, параллельной эскалацией обстановки на Ближнем Востоке, как представляется, способна оказать серьезное влияние как на ЕАЭС, так и страны Центральной Азии, в том числе в контексте их отношений с ЕАЭС. Данная ситуация характеризуется высокой неопределенностью, в условиях чего оценить ее последствия можно пока лишь с помощью сценарного подхода. В этой связи растет целесообразность аналитического и научного изучения всех ее возможных вариантов развития и выработки рекомендаций по снижению их негативного воздействия как на Россию и ЕАЭС, так и на сам регион, повышению их устойчивости особенно к самым негативным проявлениям тех или иных сценариев.

Парамонова О.В.
(Москва, магистр политологии)

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ВЫБОРАМИ В РОССИИ

В современном демократическом политическом процессе общественный контроль за выборами выполняет ключевую функцию обеспечения открытости и транспарентности электоральных процедур, проводя независимую оценку соблюдения избирательных прав граждан. Ее результаты формируют общественную позицию уровня доверия к выборам и пространство коммуникативного диалога между обществом и властью относительно их легитимности. Мировой опыт свидетельствует о наличии разных моделей общественного контроля и различии практик его осуществления.

В настоящее время в России создана одна из самых совершенных систем наблюдения за выборами со стороны общественности. Особенностью российской системы наблюдения является наличие не только наблюдателей, представляющих интересы политических партий и кандидатов, но также и наблюдателей от общественности. Именно институт общественного наблюдения позволяет создать эффективно работающую систему контроля за выборами, представляющую не конкретные политические силы, а интересы всего российского общества.

В значительном числе стран мира общественное наблюдение законодательно не закреплено и на практике не реализуется. В данных странах либо национальное наблюдение отсутствует полностью, либо предусмотрено наблюдение только со стороны представителей кандидатов, либо содержится декларативное утверждение о возможности

наблюдения со стороны любого избирателя, однако для организации такого наблюдения не созданы ни юридические, ни организационные условия. К числу стран, в которых отсутствует институт общественного наблюдения, относится большинство западных государств. В их числе страны Европейского Союза, включая Германию, Францию, Италию, Испанию, Швецию, а также такие государства, как Австралия, Новая Зеландия, Канада, Израиль, Индия. В США участие в избирательном процессе общественных наблюдателей не регулируется законодательно – это компетенция штатов. Во многих штатах применяется следующая практика – допускать или не допускать наблюдателя на участок решают сотрудники избирательных комиссий.

В отличие от многих других стран в России еще в 2018 году был создан механизм общественного внепартийного наблюдения с ведущей ролью в этом процессе Общественной палаты Российской Федерации. Впервые он был применен на президентских выборах 18 марта 2018 года и привел к участию в выборах беспрецедентного количества наблюдателей. На избирательных участках присутствовало 289 тысяч наблюдателей, при этом 146 тысяч наблюдателей были делегированы субъектами общественного контроля.

В 2018 году был принят федеральный закон, позволяющий Общественной палате Российской Федерации и общественным палатам субъектов Федерации назначать наблюдателей при проведении выборов в органы государственной власти регионов и местного самоуправления. В 2023 году в федеральное законодательство включена норма об обязательности наличия института общественного наблюдения и право Общественной палаты России и региональных общественных палат направлять наблюдателей на выборах всех уровней. Была разработана и реализована система общественного наблюдения за дистанционным электронным голосованием, разработаны механизмы общественного наблюдения в условиях многодневного голосования. Получила повсеместное распространение практика создания общественных штабов по наблюдению за выборами, как постоянных центров координации общественного контроля и наблюдения.

Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации существует закрепление статуса общественного наблюдателя на законодательном уровне и создан эффективно работающий механизм общественного контроля. Данный механизм апробирован в рамках четырех федеральных кампаний – по выборам Президента Российской Федерации 2018 года, общероссийскому голосованию по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ 2020 года, выборам депутатов Государственной Думы в 2021 году и выборам Президента Российской Федерации 2014 года, а также в ходе региональных избирательных кампаний 2018-2025 годов.

Парма Р.В.
(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ТРИГГЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Социальные медиа коренным образом трансформировали политическую коммуникацию в XXI веке, создав новые возможности для координации коллективных действий, формирования общественного мнения и организации протестной активности. В контексте политической мобилизации особый интерес представляют триггеры – специфические события и дискурсы, которые запускают механизмы массового вовлечения людей в совместные действия.

Анализ политической мобилизации в социальных медиа требует интеграции различных теоретических подходов. *Теория медиатизации* позволяет понять, как локальные инциденты трансформируются в значимые политические события через процессы коммуникативного усиления и смыслового переозначивания. В рамках этого подхода медиатизация рассматривается как социально-коммуникативный процесс увеличения коммуникативного и социального капитала потенциально конфликтного информационного повода. *Модель циклов ажиотажа*, разработанная консалтинговой компанией «Гартнер» и адаптированная для политической коммуникации, предлагает ценную перспективу для анализа применения цифровых инструментов мобилизации. Цикл состоит из этапов первоначального оптимизма, разочарования, нового энтузиазма и взвешенного понимания. Модель помогает объяснить, как триггеры мобилизации приобретают и теряют эффективность с течением времени.

Анализ кейсов политической мобилизации позволяет выявить универсальные механизмы активации триггеров. Первичная мобилизация протеста осуществляется на базе резонансного события в политической сфере, а для наращивания аудитории используются экономические и социальные дискурсы. Модераторы протестов применяют приемы ценностного воздействия и манипулятивные технологии, которые выполняют задачу по масштабированию и формированию установок согласия с продвигаемыми идеями. Киберметрический анализ протестной активности в российском сегменте социальных медиа выявил доминирующую модель массовой протестной мобилизации: первичный триггер – вторичный триггер – офлайн-протест. Такая модель демонстрирует, как первоначальный информационный повод усиливается через дополнительные дискурсы и трансформируется в реальные действия[146].

Сравнительное исследование триггеров политической мобилизации в Российской Федерации и Республике Беларусь в 2020-2021 годах выявило общие закономерности и национальные особенности. В обоих случаях первичная мобилизация осуществлялась на базе резонансных политических событий, но для наращивания вовлеченной аудитории использовались различные дискурсивные стратегии. Ивент-анализ позволил зафиксировать ключевые пики роста динамики пользовательской активности вокруг протестных событий и дискурсов. На этой основе исследователи выделили триггеры, используемые для вовлечения пользователей в протестные информационные потоки: выборный процесс, деятельность правоохранительных органов, осуществление вакцинации, социально-экономические проблемы[147] (Парма Р.В., 2022).

Методы дискурс-анализ и анализа речевых актов открывают возможность для выявления речевых стратегий, используемых сетевыми акторами для мобилизации протеста. Они позволяют идентифицировать конкретные языковые механизмы, которые способствуют превращению локальных инцидентов в мобилизационные триггеры. Исследование медиатизированной мобилизации протеста в социальных сетях выявило алгоритмическую модель стратегий мобилизации, основанную на речевых практиках. Авторы выделяют следующие ключевые стратегии политической мобилизации: 1) катастрофизации – представление события как угрозы фундаментальным ценностям; 2) идентификации – обращение к коллективной идентичности и солидарности; 3) поляризации – противопоставление «мы» и «они»; 4) призыва к действию – прямое побуждение к участию в протестной активности. Стратегии реализуются через конкретные речевые практики, включая использование метафор,

[146]Бродовская, Е. В. Мобилизация политического протеста в российском сегменте социальных медиа (2021): триггеры, аудитория, каналы коммуникации / Е. В. Бродовская, М. А. Давыдова, М. Младенович // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2023. – № 1. – С. 24-49. – DOI 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-24-49.

[147]Парма, Р. В. Триггеры политической мобилизации массовых протестов в социальных медиа Российской Федерации и Республики Беларусь в 2020-2021 гг / Р. В. Парма, М. А. Давыдова // Власть. – 2022. – Т. 30, № 3. – С. 97-103. – DOI 10.31171/vlast.v30i3.9045.

эмоционально окрашенной лексики, риторических вопросов и прямых обращений к аудитории[148].

В целом триггеры политической мобилизации в социальных медиа представляют собой сложный многомерный феномен, требующий междисциплинарного подхода к изучению. Эффективные триггеры мобилизации сочетают в себе резонансные события, дискурсивные стратегии и технологические возможности цифровых платформ.

Патина Е.С.
(Казань, КФУ)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПАРЛАМЕНТОВ

Активное участие граждан в законодательном процессе – растущая мировая тенденция, которой следуют европейские парламенты и серьёзно занимаются цифровой трансформацией. Парламенты используют в работе Искусственный интеллект, размещают полезную информацию на своих официальных веб-сайтах, депутаты имеют онлайн-приёмные, ведут блоги, др.

Цифровая трансформация парламента – это процедура интеграции Интернет-технологий в работу парламента для увеличения её результативности, повышения качества правоохранительной деятельности.

Факторами цифровизации парламентов являются необходимость повышения успешности деятельности депутатов, поиски новых путей коммуникации парламентов разных стран, тренд на транспарентность и инклюзивность работы государственных органов власти. Сложность избирательной системы тоже является фактором применения цифровых технологий в электоральном процессе. С их помощью можно его ускорить, получать более точные результаты подсчёта голосов, а также привлечь больше избирателей, далее мобилизовать их участвовать в политической жизни государства, в законотворчестве.

Как считает О.И. Зазнаев[149], политическими последствиями изученного процесса являются снижение роли парламента как места для ведения обсуждений и выражения взглядов общественности, формирование ею политической повестки дня посредством инструментов Сети, утрата оппозицией привилегии критиковать правительство. Можно добавить в этот перечень «отдаление» гражданина и депутата, которого он выбрал, ведь второй находится где-то в кибер-среде, направляемое ему предложение может не дойти по разным причинам.

Процесс цифровизации парламента сложный, многогранный, поэтому мы акцентировали внимание на научной проблеме участия граждан в законотворческом процессе через комментарии к законопроектам на официальных сайтах парламентов.

В рамках нашей работы мы проводили экспертный опрос среди сотрудников парламентов Австрии, Дании, Исландии, Литвы, Норвегии и Португалии, предварительно сформулировав гипотезу об активном использовании гражданами этих государств циф-

[148]Гавра, Д. П. Медиатизированная мобилизация протеста в социальных сетях: алгоритмы построения речевых стратегий / Д. П. Гавра, Е. В. Быкова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2021. – № 2. – С. 3-24. – DOI 10.30547/vestnik.journ.2.2021.324.

[149]Зазнаев, О.И. Политические последствия цифровизации парламентов: что показал зарубежный опыт? // Возможности и угрозы цифрового общества: Материалы конференции, Ярославль, 18 – 19 апреля 2024 года. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2024. С. 130 – 142.

рового инструмента комментариев к законопроектам. Данные страны являются передовиками в применении современных технологий в политике, о чём свидетельствуют их места в рейтинге по индексу электронного участия (EPI)[150]; в 2018 году о наличии онлайн-форм для комментариев граждан к законопроектам на сайтах парламентов именно этих государств писали в аналитическом вестнике Совета Федерации Федерального Собрания РФ[151], значит, Россия признаёт их достижения.

Экспертный опрос об использовании гражданами инструмента комментариев к законопроектам позволил сделать вывод о том, что он редко применяется, поэтому медленно набирает популярность. Гораздо активнее люди обращаются к иным возможностям официальных сайтов парламентов, например, в Австрии на таковом[152] часто поддерживают инициативы, петиции.

В вопросе о наличии онлайн-форм для комментариев к законопроектам на сайте парламента своей страны сотрудники парламентов из Австрии и Дании высказались отрицательно. О тематике подаваемых комментариев высказались только эксперты из парламента Португалии: они чаще всего посвящаются теме образования. Только из парламентов Исландии (2000-3000 комментариев) и Португалии (2363 комментария) нам ответили на вопрос о частоте применения гражданами инструмента комментариев к законопроектам на сайте парламента.

Гипотеза об активном обращении граждан к инструменту комментариев к законопроектам на сайтах парламентов не подтвердилась, поскольку некоторые государства не предоставляют постоянной возможности для этого, а в Исландии (0,64%) и Португалии (0,023%) малая часть населения использует этот инструмент, но в Португалии из 2363 поданных комментариев 1931 был принят парламентом в работу.

Итак, цифровая трансформация парламента ресурсозатратна, но она отвечает вызовам времени и её положительные перспективы обуславливают необходимость дальнейших исследований и разработок в этой области.

Патрушев С.В.
(Москва, Институт социологии ФНИЦ РАН)

ПОНЯТИЕ «ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОРЯДОК»

Цивилизация (от лат. civilis – гражданский, государственный) – этап развития общества, с устойчивой социальной организацией, экономическим устройством, политическими институтами и культурными достижениями. В широком смысле термин используется для обозначения общества, достигшего определенного уровня развития в социальном, экономическом и культурном аспектах.

Цивилизацию можно определять институциональным понятием цивилизационный порядок.

Для политологов цивилизационный порядок основан на концепции деления мировой истории на периоды бытия локальных цивилизационных общностей, самодостаточных, с самостоятельной динамикой развития, уникальной культурой, религией, ментальностью

[150]2024 E-Participation Index. [Электронный ресурс] / UN E-Government-Knowledgebase. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data-Center (дата обращения 11.06.2025)

[151]Семенов, Т.Е., Северьянова, О.М. Электронные сервисы в законодательном процессе/ В.Д. Кривова, О. М. Северьянова, И.В. Макаренкова, Д.В. Покрищук, А.П. Наумкин, И.В. Кравченко // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ, издательство Совет Федерации Федерального Собрания РФ. М: 2018. № 16 (705). 43 с.

[152]Beteiligen. [Электронный ресурс] / Parliament Austria. URL: https://www.parlament.gv.at/beteiligen/?FP_143sortrnr=21&FP_143ascDesc=desc (дата обращения 27.05.2025)

и политической системой. Изучение политической организации общества должно учитывать национально-культурную специфику политической жизни. Цивилизация – гетерогенна, в ней могут сосуществовать фундаменталистские (премодернистские), секулярные (модернистские) и постсекулярные (постмодернистские) сообщества.

Для социологов цивилизационный порядок институционален как сложившийся корпус форм социальной организации, нормативного регулирования культуры, хозяйства и власти.

Для исследователей мировой политики – это система правил в структурах и сетях международных отношений, которая предполагает универсальные принципы достойного, этичного поведения. К правилам относят права национального суверенитета и гражданства; баланс национальных интересов как основы международной безопасности; уважение к правам человека; признание богатства и разнообразия мировой культуры; права национально-культурной идентичности.

Мировой порядок как система правил в структурах и сетях международных отношений является порядком цивилизационным, если различные формы международного взаимодействия – от ведения переговоров до вооруженного противостояния – не выходят за рамки универсальных принципов достойного, этичного поведения и связанных с ними конвенциональных норм международного права, легитимных правил экономических, политических и межкультурных взаимоотношений.

В противном случае говорят о распаде общества, международном беспорядке, произволе, диктате силы, варварстве и пр.

История знает периоды и целые эпохи, когда цивилизационные рамки мирового порядка резко сокращались: “темные века” – VI–X вв. в средневековой истории Европы, завоевание Арабского халифата монголами в XIII в., эпоха крестовых походов, двухсотлетний период распада Византийской империи, европейская работорговля и формирование европейских колониальных империй, межнациональные конфликты на развалинах этих империй и мировые войны в XX в.

Модерн – цивилизация на основе возрастания автономии человека.

Глобальный переход к новому состоянию бытия человека, к новому миропорядку, при отсутствии адекватного исторического опыта, делает неопределенными контуры и содержание будущего мира. Ощущение движения в неизвестное влияет на общественное сознание и массовые настроения. Неопределенность мирового развития подтверждает обилие противоречивых концептов о содержании и перспективах перехода: глобализация или фрагментация мира, реалии постэкономики, информационного общества, экономики знаний, геоэкономики; социальный постмодерн индивидуализированного социума; мировой хаос и т.д.

Проблема содержания и перспектив перехода к новому типу общественных систем и миропорядка имеет цивилизационный контекст – перелом в развитии человеческой цивилизации. Важна полисемантичность понятия “цивилизация”; отражающая длительную историю развития социальной и культурной философии, спектр трактовок.

Цивилизационный подход – это разнообразие исторических и социокультурных теорий: прогрессивная стадия развития общества против ранних стадий эволюции человека и общества (классические теории); образец социокультурной системы, отрицающей архаику и включающей разные пласты истории (неоклассический подход); уникальное и дискретное культурно-историческое образование (тип или общность) на основе универсальных (надлокальных) ценностей мировых религий (неклассический подход); диалог/конкуренция альтернативных культурно-исторических моделей (проектов) мирового развития, выбор вариантов оптимального будущего страны, региона, человечества (постнеклассические теории связанной/перекрестной истории цивилизаций).

Эти теории не укладываются в одну парадигму, отражая этапы развития науки, разные идеалы, ценности, установки исторического знания, при смысловой доминанте предельной ценности – ориентации на определенный идеал мировой или локальной истории, идеализации истории как движения к совершенному, если не идеальному существованию человека, общества и культуры, к уровню исторических целеполаганий, снятию напряженности между должным и сущим: фактическим и идеальным, мирским и трансцендентным (высшим, сакральным) порядками.

Институциональное понимание цивилизации позволяет разрабатывать и реализовывать стратегию взаимодействия на основе принципа понятийной конгруэнтности, избегая конфликтного столкновения цивилизаций.

Пашковский Е.А.
(Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)

ФАКТОР ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В ПОЛЬШЕ 2025 ГОДА

Исследование посвящено проблеме европеизации польской партийной системы и определению влияния Европейского союза на национальные выборы. Целью исследования является выявление особенностей отношения кандидатов в президенты Польши к Европейскому Союзу.

Польша представляет собой парламентско-президентскую республику, в рамках которой институт президента ограничен небольшим кругом полномочий. Вместе с тем, президент Польши является верховным главнокомандующим, подписывает законопроекты, обладает правом участия во внешней политике. В 2015 президентом Польши был избран Анджей Дуда, который успешно переизбрался в 2020 году. Польские правые консерваторы, партия Право и Справедливость, помимо поста президента имели большинство в Сейме в 2015-2023 гг., в 2015-2019 гг. в Сенате, а также в 2015-2023 гг. сформировали однопартийное правительство Польши. В 2023 году Право и Справедливость ушли в оппозицию, а правительство сформировала коалиция из партий Гражданская коалиция, коалиция Третий путь (Польша 2050, Польская коалиция) и Левые.

Очередные выборы президента Польши были назначены на 18 мая 2025 года[153].

Таблица 1. Результаты выборов Президента Польши первый тур 18 мая 2025 года.

Кандидат	Партия/блок	Результат
Рафал Тшасковский	Гражданская коалиция	31,6%
Кароль Навроцкий	Беспартийный/ Право и Справедливость	29,5%
Славомир Ментцен	Новая Надежда/ Конфедерация	14,8%
Гжегож Браун	Конфедерация польской короны/ ранее Конфедерация	6,3%
Адриан Зандберг	Вместе/ранее Левые	4,9%
Шимон Холовня	Польша 2050/ Польская коалиция	4,8%
Магдалена Беят	Левые	4,2%

[153]Президентские выборы в Польше 18 мая 2025 года // Российский фонд свободных выборов - РФСВ URL: https://rfsv.ru/education/informirovanie/prezidentskie-vybory-v-polshe-18-maia-2025-goda (дата обращения: 30.08.2025).

Евроскептические кандидаты были представлены тремя политиками. Наиболее популярный – это поддержанный оппозиционной партией «Право и Справедливость» беспартийный Кароль Навроцкий, избранный Сеймом Польши в 2021 году Президентом Института национальной памяти Польши. В качестве руководителя Института он участвовал в сносе памятников советским солдатам[154]. Его программа была основана на критике миграции, антиукраинской риторике и умеренном евроскептицизме. На выборах 2025 года он занял второе место. Навроцкий встретился с президентом США Д. Трампом незадолго до выборов.

Неожиданно высокий результат получил политик-популист Славомир Ментцен, представляющий правую коалицию «Конфедерация свободы независимости». Ментцен сформировал активную евроскептическую повестку, которую во время второго тура принял Кароль Навроцкий (отказ от поддержки членства Украины в НАТО, борьба с зеленым курсом ЕС, отказ от введения евро, парламентский контроль над размещением войск Польши за рубежом, отказ от увеличения полномочий ЕС за счет национальных правительств. Его результат в 14,8% был достаточно успешным для политика, который в первый раз выиграл выборы в Сейм в 2023 году.

Гжегож Браун – монархист, антисемит и один из лидеров Конфедерации свободы и независимости в 2025 году баллотировался от своей партии, так как проиграл праймериз Конфедерации Ментцену. Он получил 6% голосов.

Проевропейские кандидаты Зандберг, Холовня и Беят представляли политические силы, которые успешно прошли в Сейм и Сенат, но их результат мог быть засчитан, как успех проевропейских сил. Зандберг и Беят состояли в коалиции «Левые», а Шимон Холовня – вице-спикер Сейма представлял партию «Польша 2050» и коалицию Третий Путь. В 2020 году он занял третье место на выборах Президента Польши с 13,8%.

Остальные кандидаты – беспартийные и представители малых партий набрали не более 3%.

Итогом второго тура стала консолидация евроскептического электората Ментцена, Брауна и других польских правых. Во втором туре Навроцкий опередил Тшасковского на 1,8% (50,9% против 49,1%).

Таким образом, проевропейские кандидаты начинают терять поддержку избирателей, тогда как политики из Конфедерации почти в три раза усилили свою поддержку у избирателей, а представитель «Право и Справедливость» был избран президентом Польши. Таким образом, Европейский Союз в 2025 году вызвал у польских избирателей отторжение, что возможно окажет влияние на последующий выборный цикл 2027 года.

[154]Президентом Польши стал объявленный в розыск Россией кандидат // Лента.Ру URL: https://lenta.ru/news/2025/06/02/prezidentom-polshi-stal-ob-yavlennyy-v-rozysk-rossiey-kandidat/?ysclid=mf05kfbi5j369916638 (дата обращения: 30.08.2025).

Петров И.И.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТРАТЕГИЙ НОВЫХ ПАРТИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО КОАЛИЦИОННОЙ БОРЬБЫ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Доклад посвящен вопросу эмпирического исследования коалиционного поведения партий нового типа – зеленых, радикально-левых, лево-либеральных и право-популистских. Как говорят многочисленные исследования (Райкер, 1962; Струм, 1990; Мюллер, 2008), вступление в коалиции в целом является взаимовыгодным, выстраиваясь на достижении баланса между интересами сторон и их электоральным весом. В литературе (Мартин и Ванберг, 2011; Бергманн, 2023) также описывается ряд механизмов, отвечающий за повышение контроля младшего партнера над общей политикой, хотя ряд исследователей (Фортунато, 2019) высказывает скепсис по поводу того, может ли это в конечном счете уберечь младших партнеров от рисков провала перед лицом недовольных компромиссом избирателей.

Между тем, относительно нишевых партий (Мегуид, 2005) можно ожидать, что их стратегия будет больше ориентироваться на контроль над определенными темами, а не политикой в целом, и их избиратель будет склонен иначе оценивать этот шаг. Мы предполагаем, что для разных семейств последствия участия в коалиции в среднем будут разниться, при этом позиционирование партий будет подчиняться следующей концепции: если плохие шансы на вступление в коалицию несут больший электоральный урон, чем корректировка программы, партия будет меняться, а если нет – принимать на себя последствия соответствующего решения. Соответственно, может быть парадокс вынужденного выбора партией участвовать в сомнительных коалициях, либо наоборот – сознательного избегания доступа к власти в таком формате.

Ставя задачу исследовать этот парадокс, мы демонстрируем результаты исследования, основанного на совмещении электоральных данных с качественным описанием с выборкой из парламентских партий 12 стран Западной Европы, выступавших на выборах с 2008 по 2025 год в течении минимум трех электоральных циклов с результатов более 5% голосов. С помощью множественного регрессионного анализа мы тестируем гипотезу, что семейная принадлежность нишевой партии прямо взаимосвязана с ее позиционированием относительно коалиций исходя из ожидаемых электоральных результатов. Контрольными переменными при этом выступили аналогичные результаты партии-лидера коалиции, показывающие степень одобрения политики правительства у медианного избирателя.

Как мы обнаружили, действительно, принадлежность к разным партийным семействам действительно соотносится с разными электоральными последствиями участия в коалициях, при том, что результаты партии-лидера и нишевой партии-партнера при этом обычно слабо коррелируются. В частности, если речь идет о зеленых и радикально-левых партиях, то наличие устойчивой симпатии к ним у части массового электората позволяет им чаще выигрывать от участия в коалициях при условии уверенного позиционирования в политике.

Наоборот, для лево-либеральных партий, вынужденных переориентироваться на новую повестку и конкуренцию в многомерном пространстве, участие в коалиции чаще заканчивается электоральной неудачей, хотя текучесть электората и риски бездействия толкают их к этой политике. Обособленно при этом стоят право-популистские партии, определенно

выигрывающие вне коалиций, так как работают на привлечение внешнего протестного электората: сохраняя радикальность требований, они могут рассчитывать увидеть смещение крупных партий к более консервативной повестке без необходимости связывать себя рамками реальной компромиссной политики, где чувствуют себя неуверенно.

Как можно заключить в итоге, закономерности (не)участия нишевых партий в коалициях отличаются от аналогичных у всеохватных партий. Для успеха нишевых партий логика пространственной конкуренции важнее, чем стандартные механизмы контроля, подобно соглашениям и местам в министерствах. Хотя общая выборка говорит о том, что в коалиции вступать в невыгодно, все изменяется при разделении на четыре семейства – тогда для зеленых и радикально-левых коалиции будут нейтральным выбором, для право-популистов – невыгодным стратегически, а для лево-либералов – скорее невыгодным, но вынужденным вариантом.

Петрова Ю.В.
(Москва, ИНИОН РАН, ГАУГН)

БУДУЩЕЕ РЕГИОНОВ РОССИИ В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЕЖИ: ОТ ЛИЧНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПЕРСПЕКТИВАМ ПЕРЕЕЗДА

Исследование взглядов российской молодежи на будущее регионов, а также на причины ее миграционной активности значимо в контексте сохранения человеческого капитала в субъектах Российской Федерации, решения демографических задач и преодоления социально-экономических вызовов современной России. Образ будущего, который присутствует в сознании молодых людей, во многом формирует их поведение, в т.ч. в части социальной мобильности, перспектив переезда.

В этой связи сформулирована гипотеза исследования: представления молодых людей о регионе напрямую влияют на потенциал межрегиональной социальной мобильности. Так, чем более положительные характеристики респондент дает региону проживания, тем выше его готовность связать свою жизнь с этим регионом; чем более отрицательные, тем вероятнее его отъезд.

Эмпирической основой исследования стали данные анкетирования, предполагавшего оценку восприятия молодежью образа будущего России в целом и регионов проживания. Участниками опроса стали 1308 человек в возрасте от 14 до 35 лет из 70 субъектов Российской Федерации. Работа проведена в рамках проектов «Образы Будущего России в сознании российской молодежи: герои, артефакты массовой культуры, социальные установки и личные предпочтения» и «Роль массовой культуры в формировании представлений о Будущем России молодежной аудитории: образы, идеи, установки», поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

По результатам опроса, 94,2% из 1308 респондентов положительно ответили на вопрос «Связываете ли Вы свое будущее с Россией?». 5,8% респондентов сообщили, что не связывают. При этом респондентам было предложено охарактеризовать Россию тремя определениями («Охарактеризуйте Россию тремя определениями? Россия – какая она?»). Наиболее часто встречающимися характеристиками стали: «большая», «красивая», «сильная», «прекрасная», «могучая», «свободная» и «родная».

Что касается региона проживания, то лишь 69,8% молодых людей отметили, что связывают свое будущее с регионом, в котором сейчас проживают. Это на 24,4 п.п. меньше, чем положительных ответов на вопрос о связи своего будущего с Россией. При этом наиболее часто встречающимися определениями региона проживания стали: «красивый», «маленький», «развивающийся», «бедный», «скучный», «родной».

84,8% характеристик можно атрибутировать как положительные, 15,2% – негативные характеристики. Основные негативные определения, даваемые местам проживания, связаны с: плохим развитием инфраструктуры (общая неразвитость, заброшенность, бедность) и экологической обстановкой (грязь, плохой воздух и вода, вырубка лесов и т.д.).

При этом чем более положительные характеристики респондент дает региону проживания, тем выше его готовность связать свою жизнь с этим регионом; чем более отрицательные, тем вероятнее его отъезд. Так, среднее количество положительных характеристик региона на 1 респондента среди связывающих свое будущее с регионом составляет 2,1; среди не связывающих – 1,3. Среднее количество отрицательных характеристик региона на 1 респондента среди связывающих свое будущее с регионом – 0,2; среди не связывающих – 0,7.

Респондентам было также предложено охарактеризовать будущее региона проживания («Охарактеризуйте Будущее региона Вашего проживания тремя определениями? Ваш регион в будущем – какой он?»). 94,4% всех данных характеристик можно оценить, как положительные (это на 9,6 п.п. выше, чем при характеристике текущего состояния субъектов федерации). Наиболее популярными определениями стали: «развитый»; «красивый», «богатый», «процветающий» и «современный». Как правило, будущее региона в сознании респондентов, проживающих в нем, связано с такими категориями, как: экономическое и технологическое развитие, инновационность (30,3%); красота, яркость (13,5%); комфорт, развитие инфраструктуры, безопасность (12,5%).

Для оценки роли массовой культуры в развитии региональной идентичности молодежи и возможного влияния на социальную мобильность молодых людей респондентам был задан вопрос «С каким произведением массовой культуры у Вас ассоциируется будущее того региона, где Вы сейчас живете?» Среди тех респондентов, кто связывает свое будущее с регионом проживания, лишь 45% молодых людей смогли обозначить произведение; среди респондентов, кто НЕ связывает свое будущее с регионом проживания – 43%.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать два основных вывода. Во-первых, представления молодых людей о регионе напрямую влияют на потенциал межрегиональной социальной мобильности: чем более положительные характеристики респондент дает региону проживания, тем выше его готовность связать свою жизнь с этим регионом; чем более отрицательные, тем вероятнее его отъезд.

Во-вторых, наличие у молодых людей визуального образа будущего региона, реализуемого в рамках сферы массовой культуры, не является фактором, влияющим на желание и готовность респондента уехать / остаться в регионе.

Тезисы доклада подготовлены в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2025-0026, «Образы Будущего России в сознании российской молодежи: герои, артефакты массовой культуры, социальные установки и личные предпочтения»).

Петросянц Д.В.
(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ НА РОССИЮ В ПЕРИОД СВО И МЕТОДЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ

Медийная среда западных стран (США, ЕС) после начала СВО на Украине формирует односторонний нарратив, в котором Россия изображается ими как единственный виновник конфликта. В этом контексте деятельность таких информационных источников, как Deutsche Welle (автором проведен контент анализ телеграм-канала, в том числе анализ тональности информационного потока и подхода к формированию устойчивых нарративов), демонстрирует систематическое информационное давление на Россию, направленное на дискредитацию её позиций и формирование устойчивого негативного образа в международном общественном мнении.

Государственная информационная политика в период глобальных конфликтов и геополитического противостояния приобретает особую важность и актуальность. В этом контексте основные цели и методы государственной информационной политики могут включать нижеследующее.

1. Создание нравственного преимущества в информационно-коммуникационном пространстве. В период глобального конфликта Россия должна стремиться формировать нарратив положительного восприятия своих действий и ценностей в мировом сообществе.

2. Поддержку своих интересов через медийные ресурсы. Государства могут владеть или финансировать медийные ресурсы, как национального, так и международного масштабов, чтобы тиражировать свою информационную повестку повсеместно, и точечно направив на целевые аудитории.

3. Проработку дипломатической и психологической войны. Государства используют информационные средства для воздействия (информационное давление) на общественное мнение в других странах и внутренних политических процессах. Для этого требуется создание качественного контента на иностранных языках для иноязычной аудитории. Предполагается понимание и реинжиниринг противостоящего России зарубежного негативного контента, детальный анализ нарративов противника, для максимально действенного их парирования, кропотливого и планомерного формулирования своих ценностей.

4. Защиту информационной инфраструктуры на государственном уровне. В период геополитического противостояния, когда киберугрозы могут быть значительными по своей разрушающей силе, государства должны активно защищать свою информационную инфраструктуру от кибератак и дестабилизирующих действий. Целый ряд положений «Доктрины информационной безопасности РФ» свидетельствует о доскональной работе по оценке и предотвращению наращиваемых «рядом зарубежных стран возможностей информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру в военных целях».

5. Развитие медиаграмотности и информационного образования населения. Необходимо всецело содействовать развитию медиаграмотности и образованию в РФ, чтобы население страны становилось более критически настроенным и способным отличать правдивую информацию, от дезинформации.

Важно отметить, что в условиях глобальных конфликтов и геополитического про-

тивостояния, борьба за информационное преимущество может быть жесткой, а порой «грязной» и нечестной. Поэтому эффективная государственная информационная политика требует баланса между защитой информационной свободы и обеспечением национальной безопасности, а также соблюдением международных норм и стандартов в сфере информационных потоков.

В данном контексте ключевой задачей становится выстраивание гибкой информационно-коммуникационной стратегии, сочетающей защиту от манипуляций и активное продвижение альтернативной повестки. Только комплексный подход, включающий медиаполитику, экспертное сотрудничество и использование инструментов мягкой силы, что соответственно позволит России противостоять предвзятой интерпретации событий и укрепить свои позиции в глобальном информационном пространстве.

Пешков Я.М.
(Москва, РУДН)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В РОССИИ: СТАРЫЕ И НОВЫЕ АУДИТОРИИ, СПЕЦИФИКА ЕЁ СОДЕРЖАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Политическая коммуникация в России переживает существенные изменения, которые происходят под влиянием как внутренних политических процессов, так и внешних. Традиционные каналы – государственные СМИ, политические институты и партийные структуры – сохраняют своё значение, ориентируясь на массовую аудиторию. Вместе с тем цифровизация и распространение новых медиаканалов меняют баланс, постепенно ослабляя доминирующее, а порой и монопольное положение традиционных каналов, привлекая внимание отдельных групп населения.

В современном контексте исследование политической коммуникации в России приобретает научную значимость вследствие трансформации информационной среды и распространения новых форматов взаимодействия власти и граждан. Здесь важно отметить, что специфика коммуникации проявляется, прежде всего, через её адресатов, поскольку для различных социальных групп характерны разные каналы получения информации и степень доверия к ним.

К «старым аудиториям» можно отнести в первую очередь людей старшего поколения. Они по-прежнему отдают предпочтение телевизионным и печатным СМИ, лишь изредка обращаясь к новым форматам коммуникации или не обращаясь вовсе. Для этой аудитории характерно повышенное доверие к государственным и официальным источникам информации.

Особое место занимает аудитория среднего возраста (примерно от 30 до 55 лет). Эта группа демонстрирует смешанный тип медиапотребления: с одной стороны, сохраняется привычка обращаться к телевидению и крупным новостным ресурсам, с другой – активно используются цифровые каналы, социальные сети и мессенджеры. В результате именно «средние аудитории» являются своеобразным мостом между поколениями, совмещая традиционные и новые формы коммуникации.

«Новые аудитории» – это молодые люди, ориентированные на цифровую среду. Они предпочитают получать информацию в социальных сетях, через интернет-платформы и блоги. В этом и заключается главное отличие от старшего поколения, они в меньшей степени доверяют государственным СМИ и чаще формируют собственные оценки на основе разнообразных источников.

Внутриполитические изменения формируют акцент на патриотической повестке, увеличивая стремление консолидации общества и поддержанию политической стабильности. В официальной коммуникации преобладают темы социального единства, национальной идентичности и устойчивости государственных институтов.

Геополитические вызовы усиливают данный тренд, задавая более жёсткие рамки информационной политики. В условиях международной напряжённости и санкционного давления политическая коммуникация становится инструментом не только внутренней консолидации, но и внешнеполитического позиционирования. Здесь возникает запрос именно от «новой аудитории» на более разнообразные интерпретации событий, что стимулирует развитие неформальных каналов коммуникации.

В условиях внутренних и внешних изменений также проявляется фрагментация информационного пространства. Разные группы населения получают не только различные, но порой и противоположные по трактовке сообщения.

Для представителей старшего поколения в центре внимания остаются традиционные ценности и идея стабильности. Часто можно услышать темы сохранения исторической памяти, поддержки семьи и преемственности культурных традиций.

Молодёжь же вовлекается другими методами. Прежде всего, это происходит через цифровые проекты и онлайн-форматы. Также в социальных сетях продвигаются общественные, культурные и образовательные проекты, социально значимые темы и гражданские инициативы.

В то же время ряд тем объединяет разные возрастные группы. Вопросы патриотизма, сохранения культурного наследия и социального развития становятся общими точками соприкосновения, позволяющими поддерживать общую повестку. Несмотря на различие в каналах коммуникации и формах подачи, содержание зачастую направлено на укрепление единства общества и формирование общей системы ценностей.

Особое значение приобретает и выстраивание обратной связи, при которой аудитория вовлекается в диалог и начинает играть активную роль в процессе коммуникации.

Таким образом, специфика политической коммуникации в России заключается в том, что происходит сочетание традиционных и цифровых каналов. Это позволяет одновременно обращаться к разным социальным и возрастным группам.

Дальнейшее развитие политической коммуникации связано с расширением цифровых практик, ростом влияния лидеров общественного мнения в сети, а также с появлением гибридных форматов, которые будут объединять официальные сообщения с элементами общественного диалога. Такой подход открывает путь для более гибкой и адресной коммуникации, способной учитывать интересы различных групп и тем самым поддерживать устойчивость социальной и политической системы.

Пименова М.А.
(Петрозаводск, ПетрГУ)

ТЕМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ «РУССКОГО МИРА»

Основной вектор современной внешней политики России сосредоточен в нескольких областях. «Русский мир» – это тот срез курса Российской Федерации в сопредельных государствах, который раскрывается в текущем исследовании.

В данном случае под «Русским миром» понимается не философская категория, а курс, или, если быть точнее, результат внешнеполитического курса Российской Федерации, направленный на укрепление транснациональных связей с соотечественниками, с одной стороны, а с другой – на популяризацию «русского» и «российского» (языка, культуры, истории и т.д.) за рубежом. Поскольку речь идет о внешнеполитическом курсе, очевидно, что за ним будет стоять целых ряд акторов – своеобразных институтов «Русского мира». Их деятельность как правило осуществляется при координирующей роли МИД России и включает в себя фонд «Русский мир», агентство «Россотрудничество», Правительственную комиссию по делам соотечественников за рубежом, образовательные и научные институты, ряд международных проектов, а также РПЦ как основополагающего агента религиозной основы «Русского мира».

В ходе анализа, кодирования и интерпретации смысловых категорий в контексте упоминания «Русского мира» по материалам, опубликованным на официальном сайте Президента России стала возможной ротация основных кластеров: в них вошли такие категории как «Русский язык и культура», «соотечественники за рубежом», «православие», «ценности», «противостояние и интеграция», а также «история и историческая память», изучение основных тенденций по сохранению которой и является основной целью данного исследования. Отмечу, что деятельность по сохранению исторической памяти имеет ряд синонимичных понятий, упоминающийся в правовом, научном и общественном дискурсе: «сохранение исторической правды», «борьба с фальсификацией истории», «содействие распространению объективной информации о Российской Федерации, ее культуре и истории», «сохранению российского культурно-исторического наследия за рубежом». В контексте работы все вышеперечисленные понятия были ключевыми единицами анализа.

Процесс институционализации «Русского мира» можно разделить на три основных этапа – гуманитарный (2007-2013 гг.), деятельность в котором была сосредоточена на культурных и религиозных вопросах, патриотический (2013-2022 гг.), нацеленный на работу с соотечественниками за рубежом, а также консолидационный (с 2022 г.), где наивысшее значение приобретают темы защиты ценностей, исторической памяти, единства. Внимание в рамках данного исследования будет сконцентрировано именно на последнем, наиболее актуальном этапе институционализации «Русского мира». Представленный анализ был проведен на примере работы агентства «Россотрудничество».

Важно уточнить, что тема сохранения исторической памяти, пусть и ассоциируется напрямую с событиями Второй Мировой войны, не ограничивается ею. В результате анализа было выявлено, что еще несколько тем также входят в эту группу (пусть и занимают около значительно меньший объем деятельности Россотрудничества): юбилейные даты российский истории, где наиболее ярко выделяется День космонавтки, научно-технологический вклад СССР и полет Ю. Гагарина в космос, события на территории Украины 2013-2014 гг., получившие название «Крымска весна», а также югославская трагедия и бомбардировка Белграда силами НАТО.

Таким образом, анализ деятельности Россотрудничества по материалам его докладов 2022–2024 гг. показал, что в настоящее время существует три основные тенденции по сохранению исторической памяти. Первая тенденция связана с тем, что, как уже было замечено, подавляющее большинство мероприятий и проектов направлены на тему Великой Отечественной войны, на освещение вопросов о решающем вкладе СССР в Победу. Так, тема сохранения исторической памяти в дискурсе «Русского мира» как правило, ориентирована именно на эти события. Вторая тенденция касается географии работы: в последние годы наблюдается усиление деятельности в не-западных государствах – в Азии, Африке, Латинской Америке. Отмечу, что, несмотря на пресечение деятельности ряда институтов «Русского мира», на территории Европы после 2022 г., ряд проектов продолжает свою работу на уровне неформальных контактов. Третья тенденция связана с модернизацией и цифровизацией: на фоне COVID-19 и изоляции России в некоторых странах институты «Русского мира» активно осваивают онлайн-пространство и возможности для более серьезного присутствия в сети Интернет с использованием новых технологий.

Пищева Т.Н.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ДИНАМИКА ОБРАЗА РОССИИ В РИСУНКАХ СТРАНЫ: БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В последние годы в мире происходят тектонические изменения. Происходит изменение конфигурации всего политического поля. Это не может не влиять на массовое сознание. Но в действительности на протяжении уже нескольких десятилетий в восприятии мира политического гражданами происходят серьезные изменения. Меняется отношение к политическим фигурам, политическим ценностям, странам и власти в целом. Меняются не только представления о конкретных политических акторах, субъектах или процессах, но и в целом представления граждан о том, что такое политика, что такое государство и страна, какова роль политических лидеров.

Исследуя бессознательные аспекты восприятия образа страны, мы обнаружили, что на глубинных уровнях сознания также происходят серьезные изменения: меняется не только эмоциональное отношение к отдельным элементам политической системы, но в целом картина политического мира, а также требования и ожидания граждан.

В таких условиях крайне важно понимание того, как происходит процесс усвоения новых идей и символов, какие базовые символы, архетипы и другие конструкты обеспечивают устойчивость образов, или, наоборот, позволяют адаптироваться к новым условиям.

С 2009 по 2025 года на кафедре социологии и психологии политики факультета МГУ имени М.В. Ломоносова мы проводили политико-психологическое исследование, посвященное изучению представлений о России российских граждан. Эти исследования показывают, что образ страны является сложным и многомерным феноменом, в котором соединяются представления о разных составляющих страны и государства о народе, о территории, об истории, отдельных личностях – политиках, деятелях культуры, спорта, науки и т.д. Помимо рациональных оценок и мнений, мы изучали более глубинные аспекты, которые базируются в коллективном и индивидуальном сознании граждан, что позволяет нам оценить влияние отдельных событий на возникновение эмоциональных реакций, появление стереотипов и конкретных поведенческий реакций.

Для изучения бессознательных аспектов восприятия применялись проективные методики, такие как метод неоконченных предложений, ассоциативные методы и проективные рисуночные тесты. В результате был собран большой массив информации качественного характера, которые позволяют не только проанализировать существующие в современном обществе представления о стране, но и выявить глубинные представления граждан о своей стране и отдельных ее элементах. В докладе представлены данные, полученные в ходе замеров, проведенных с 2015 по 2025 год. Это позволяет оценить динамику образа и выделить устойчивые и изменчивые аспекты образа страны.

Плюснин Н.О.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОГРАММЕ ДАТСКОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА В СОВЕТЕ ЕС

Датское председательство в Совете ЕС проходит с 1 июля по 31 декабря 2025 года. Его программа отражает ключевые вызовы трансформации политики Европейского союза в контексте «украинского конфликта». Программа проходит под лейтмотивом «Сильная Европа в меняющемся мире» (A strong Europe in a changing world). Приоритетами председательства заявлены общеевропейская безопасность, конкурентоспособность и зеленый переход с акцентом на внешнюю политику. Россия представляется в программе как «опасный Другой», которого необходимо сдерживать путем введения новых ограничительных мер. Дания намерена перевести санкции против России в «новую фазу», фокусируясь на закрытии каналов обхода ограничений, включая полный запрет на импорт российского СПГ, блокировку Nord Stream и мониторинг «теневого флота». В своём выступлении на официальной церемонии, ознаменовавшей начало председательства Дании в Совете ЕС, 3 июля 2025 г. датский премьер-министр Метте Фредериксен бросилась ни на чем не основанным обвинением в адрес России, которая якобы «не остановится на Украине», а в своей речи в Страсбурге 8 июля 2025 г. уже напрямую назвала Россию «реальной военной угрозой для Европы и НАТО». Такая враждебно настроенная риторика свидетельствует о нежелании и неготовности ЕС под датским председательством на возобновление, каких бы то ни было контактов и, тем более, диалога с Москвой в ближайшем будущем. Но насколько датское председательство отражает более широкие тенденции в ЕС и насколько оно является уникальным? Традиционно евроскептичная Дания становится более проевропейской под влиянием нового восприятия внешних угроз. Проевропейские настроения в Дании достигают 66% в 2025 году. Насколько Дания готова использовать площадку председательства для продвижения собственных интересов и сконструированного ею образа Российской Федерации? Насколько символизм датского подхода влияет на единство ЕС? Теоретической базой исследования выбран структурный конструктивизм А. Вендта. В центре анализа стоит трансформация восприятия «культуры анархии» в отношениях ЕС и России на современном этапе. В расчет также берутся национальные традиции внешней политики Дании и их новая интерпретация в последние годы. Кроме того, сделаны некоторые выводы о роли личности датского премьер-министра Метте Фредериксен, которая отказалась от многих свойственных Дании особенностей участия в мировой политике. Методологической базой

исследования является качественный контент-анализ и дискурс-анализ в соответствии с теорией дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф. Материалами исследования являются программные документы датского председательства, речи и заявления ключевых датских политиков, вовлеченных в реализацию датской программы действий в ЕС, а также источники, в которых содержатся реакции представителей других стран ЕС на слова и действия Копенгагена. Основной вывод, которого достигает автор, заключается в том, что датское председательство окончательно закрепляет гоббсовскую культуру анархии в отношениях России и ЕС, которую Дания последовательно утверждала в своих двусторонних отношениях с Москвой начиная с 2019 года, когда Метте Фредериксен возглавила правительство. Недоверие к администрации Д. Трампа и самоназначение себя наместником трансатлантической безопасности в Европе, которые определяли датский подход к собственной внешней и оборонной политике в последние годы, частично переносятся на ЕС. Объединенная Европа должна, по мнению Копенгагена, не только самостоятельно обеспечивать собственную безопасность через наращивание оборонных ресурсов, но и увеличивать свой наступательный потенциал. Стоит, однако, заметить, что, хотя многие положения датской программы разделяются и повторяются в Брюсселе и во многих европейских столицах, чрезмерная воинственность, полное отрицание возможности восстановления каких-то связей с Россией и самопровозглашенное датское лидерство находят поддержку далеко не во всех странах-членах ЕС и их ближайших странах-партнерах. Однако отрицать консенсус и солидарность по вопросам отношений с Российской Федерацией в ЕС пока, к сожалению, не приходится, ввиду чего датское председательство можно воспринимать как радикальную форму политики отстранения (*othering*) России как «Другого» для Европы.

Погорельский Д.М.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА: ТОЧКИ СОПРЯЖЕНИЯ

В настоящее время в России идет процесс институционализации социальной архитектуры как нового направления профессиональной социально-политической деятельности. В ведущих вузах появляются образовательные программы по обучению профильных специалистов, на различных экспертных и академических площадках и в профессиональном сообществе ведутся дискуссии о содержании работы и миссии социальных архитекторов. Потребность в появлении последних обусловлена развитием российской политической системы, запросом на реализацию социально значимых проектов. В связи с этим значительным научным и практическим потенциалом обладает исследование потенциального использования возможностей социальной архитектуры, понимаемой как образовательная программа и как новое направление профессиональной деятельности, востребованной при реализации отдельных отраслевых политик.

Одной из них выступает государственная национальная политика РФ, приоритетами которой являются укрепление гражданского единства и сохранение самобытности многонационального народа России; сохранение этнокультурного и языкового мно-

гообразия России; гармонизация межнациональных отношений и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве и т.д. Исходя из приведенных в Стратегии государственной национальной политики РФ приоритетов, реализация национальной политики выходит далеко за рамки политических технологий. Она предоставляет возможность применения широкого спектра социальных технологий, направленных на достижение общественного блага и имеющих долгосрочный характер. С точки зрения целеполагания и формулирования стратегических ориентиров национальная политика имеет политический характер, касается вопросов достижения и удержания власти. В свою очередь на уровне реализации она выступает совокупностью конкретных измеримых индикаторов и мероприятий, зафиксированных в государственных программах и других подобных документах. Именно на этом уровне реализуются те или иные проекты и инициативы.

Если понимать под социальной архитектурой не просто совокупность политических и социальных технологий, использующих достижения в области коммуникаций, психологии и маркетинга, а качественно новый подход к проектированию общественно-политических процессов, то может быть сформулирован ряд перспективных задач. Во-первых, актуализируется проблема более глубокой интеграции достижений современных этнополитологии и этносоциологии в процесс проектирования социальных процессов. В-вторых, возникает потребность в точках соприкосновения между социальной архитектурой, преимущественно развивающейся в рамках предметного поля политической науки, и самой национальной политикой. При этом последняя может определяться не только в качестве одной из отраслевых государственных политик, но и как политика, выходящая за пределы сферы межнациональных отношений и воздействующая на процессы, протекающие в политической и духовной сферах. Также не стоит забывать, что наследие многонационального народа России и сама модель российского полиэтноконфессионального общества стали инструментами «мягкой силы», описанными в Концепции гуманитарной политики РФ за рубежом. Это означает, что уже существующие инструменты поддержания гармоничного состояния межнациональных и межрелигиозных отношений, конкретные практики и проекты могут найти применение на внешнем контуре. Представляется, что особую востребованность социальная архитектура может приобрести именно за пределами национальной политики как отраслевой политики, в пространстве ее сопряжения с другими политиками. Наконец, в-третьих, социальная архитектура может стать платформой для обмена лучшими практиками, применяющимися в той или иной сфере, инструментом их масштабирования. Однако стоит почеркнуть, что для успешного разрешения этих и других задач социальной архитектуре, находящейся на начальном этапе своего развития, необходимо преодолеть ряд методологических, технологических и иных ограничений.

Подшибякина Т.А.
(Ростов-на-Дону, ЮФУ)

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

В политической науке проблема механизмов политики, в отличие от политических процессов менее изучена. В своей работе «Механизмы в политических процессах», посвященной данной проблематике, К. Тилли пишет, что принципиальное различие

между механизмами и процессами заключается в том, что отдельно взятые механизмы не имеют закономерностей функционирования, свойственных только для совокупности механизмов или процессов. В содержательном смысле элементы механизмов политических и когнитивных процессов уникальны, но в структурно-функциональном понимании, рассматриваемые как совокупность определенных элементов и выполняемых ими функций, они вполне сопоставимы.

В когнитивной и политической лингвистике давно ведутся исследования проблем когнитивных и языковых механизмов репрезентации знаний и формирования смысла. Одним из первых понятие механизмов схематизации концептуального содержания как конкретных измерений образных схем использовал Р. Лангакер. Когнитивной психологией установлено, что структура когнитивных механизмов включает три основных элемента: восприятие (перцепцию), репрезентацию и концептуализацию. Восприятие – совокупность психофизиологических процессов чувственного отражения окружающего мира, или его перцептивный образ. Концептуализация, согласно Дж. Брунеру, есть соотнесение воспринимаемого содержания объекта с определенными категориями, или «перцептивными эталонами». Репрезентации рассматриваются как ментальные модели среды, определяющие структуру и функции механизма получения знаний.

Исследовать когнитивный механизм с точки зрения содержания элементов можно через создаваемые образы. В семиотике и семантике для этой цели используется категория символической репрезентации, позволяющая рассматривать образы как отражение социальных и политических отношений, требующих семиотической дешифровки. Основополагающим для данного направления является постулат о том, что человек сам формирует смыслы и средства их репрезентации. Ответить на проблемные вопросы в этой области могла бы новая теория семантики и теория значения.

Репрезентация идеологических / ценностных установок человека может рассматриваться и через механизм «возвращения» переработанных концептов во внешнюю среду, тоже иногда именуемая репрезентацией. В этом заключается отличие подходов когнитивной лингвистики от подходов эпистемологии и гносеологии, изучающих процессы научного и обыденного познания. Концепты, фреймы, сценарии могут выступать и «единицами знания», а не только элементами механизма познания. Концепт (в когнитивной лингвистике) представляет собой одну из когниций – неделимую единицу познания или познанного, основу для дальнейшего процесса категоризации и концептуализации в процессе мышления. Однако в когнитивной лингвистике не разработана еще теория концептуализации, которая позволила бы оценить механизм формирования концептов (единиц знания), трансформации их содержания и их репрезентации.

В чем особенность идеологической репрезентации? С точки зрения когнитивного механизма, понимаемого как совокупность элементов восприятия, репрезентации и концептуализации, различий нет. Однако следует учитывать разницу во взаимодействии сознания с внешней средой. В политическом контексте среда предполагает активное воздействие политического актора на восприятие субъекта, а через него и на способность к репрезентации. В реальных практиках эти процессы могут существовать в разных формах: политических и идеологических стратегиях, психологических интенциях и лингвистических нарративах.

Политические идеологии в когнитивной науке исследуются в контексте проблем формирования «картины мира» человека. Одной из новых форм политического в когнитивном измерении является «визуальная репрезентация», рассматриваемая в контексте иконического, или «визуального» поворота, в рамках дискуссии о соотношении «видимого» и «читаемого» в культурах. «Выражение «pictorial turn» ввел в оборот

американский исследователь Томас Митчелл в 1994 году, уверенный в том, что «визуальный поворот» вытесняет «лингвистический поворот». Именно Т. Митчелл является теоретиком визуальной репрезентации, считавшим, что иконология и идеология, тесно связаны, но вопрос об их соотношении для него оставался открытым.

Подводя итог, можно сделать следующий вывод. Идеологическая репрезентация и концептуализация являются элементами когнитивного механизма сознания. Механизм восприятия / репрезентации / концептуализации идеологии непосредственно связан не только единой средой взаимодействия вербального и иконического, чувственного и рационального, но и предполагает активное воздействие политических или идеологических акторов на субъекты восприятия посредством стратегий и интенций.

Пожидаев Е.А.
(Донецк, ДонГУ)

РОССИЯ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ ГЕОСТРАТЕГИИ

Черноморский регион, включающий в себя побережья Чёрного и Азовского морей, исторически являлся и остаётся в настоящее время одним из ключевых узлов геополитической активности, военно-стратегического, международно-экономического и межкультурного взаимодействия. В состав этого обширного геополитического пространства обычно включают Российскую Федерацию (её южные субъекты), Украину (южные территории, включая Одессу и причерноморские области), Молдавию и Приднестровье, Румынию, Болгарию, Турцию, а также некоторые государства Южного Кавказа (Грузию и Абхазию). Разнообразие этнополитических, экономических и военных факторов превращает Причерноморье в особую сферу геостратегических интересов как региональных, так и глобальных акторов.

Исторически Чёрное море было одним из ключевых пространств, через которые пролегали торговые, паломнические и другие маршруты, связывавшие Европу, Азию и Ближний Восток. Черноморский регион представляет собой часть ещё более крупного региона – Большого Средиземноморья, которое является «географическим, геополитическим, геоэкономическим и культурным пространством, находящемся между Черноморским регионом, Южной Европой, Ближним Востоком, Северной Африкой, Кавказом и бассейном Каспийского моря».

Географическое положение Чёрного и Азовского морей позволяет государствам региона налаживать межрегиональные контакты и торговые пути. В частности, Дунай, впадающий в Чёрное море, служит одним из наиболее загруженных транспортных коридоров Европы. В свою очередь Россия, обладая протяжёнными побережьями Азовского Чёрного морей, может развивать портовую инфраструктуру в Новороссийске, Мариуполе, Севастополе, Таганроге, Темрюке и других узлах транспортной сети. Азовское море, будучи внутренним морем России, имеет ограниченный выход в Чёрное море через Керченский пролив, что в условиях современных геополитических реалий придаёт особую значимость международно-политическому статусу Крыма и пролива.

В целом исторические факторы взаимодействия культур и народов, географические особенности в виде удобных портов и проливов, а также богатые ресурсы превратили Черноморский регион в одну из наиболее важных зон для России и соседних госу-

дарств. В политической науке и теории международных отношений Причерноморье рассматривается как одна из «осевых зон», влияющих на формирование глобального баланса сил. Классические концепции Х. Макиндера (теория Хартленда), Н. Спайкмена (теория Римленда) и К. Хаусхофера (континентально-морские «переходные» зоны) отражают ключевую мысль о важности контроля над геополитическими пространствами, располагающимися на пересечении континентальных и морских путей.

Современные геополитические исследования трактуют Черноморский регион как часть Балто-Черноморской дуги – территории, объединяющей Прибалтику, Балканы, Придунавье и Северное Причерноморье. Ключевым фактором в регионе является совокупность энергетических коридоров, военно-стратегических объектов (военные базы, порты, аэродромы) и транзитных путей. Мраморное море, проливы Босфор и Дарданеллы, контролируемые Турцией, придают последней особый статус «ворот» между Чёрным и Средиземным морями. По этой причине страны НАТО (в частности США и их европейские союзники) активно стремятся укрепить своё присутствие на Чёрном море и влияние на Турецкую Республику.

В то же время Российская Федерация, опираясь на свой исторический опыт и военную мощь Черноморского флота, пытается сохранять доминирующее положение в регионе. Традиционно Россия придерживается принципа «защиты от внешних угроз» за счёт продвижения влияния за пределы своих границ, что проявлялось ещё со времен Российской империи.

Для Российской Федерации Черноморский регион имеет исключительное геостратегическое значение. Во-первых, это выход к важнейшим транспортным артериям, обеспечивающим судоходство и доступ к глобальным морским путям. Во-вторых, регион богат природными ресурсами, а его сельскохозяйственные земли обладают высоким потенциалом, что влияет на национальную и глобальную продовольственную безопасность. В-третьих, господствующее положение в регионе позволяет России проецировать военно-политическую силу, как в сторону Европы, так и в направлении Ближнего Востока и Большого Средиземноморья.

Поливаева Н.П.
(Воронеж, ВИЭСУ)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

«Память» – весьма сложноорганизованный феномен жизни. Помимо индивидуальной памяти существует, по меньшей мере, две основные формы данного явления – историческая и социальная. Не вдаваясь в подробный анализ этих форм, вычленим принципиальные обобщения, сформулированные в специальных исследованиях. Историческая память – это форма (часть) коллективной (социальной) памяти. Историческая память фактически совпадает с понятием исторического сознания.

Распад Советского Союза нарушил коллективную историческую память и национальное самосознание народа. На рубеже веков началась масштабная политизация отечественной истории, сопровождающаяся формированием мифов и искажением исторического прошлого. Реформаторы 1980-х гг. пытались в силу своего понимания улучшить настоящее через исправление прошлого и тем самым запустили механизм разрушений. «Признание ошибок в прошлом стало для общества поводом оценить все это прошлое как ошибку, а

породившую ошибки систему – как «неправильную», не имеющую право на существование» (И.И. Глебова). Таким образом, родилась мифологема – «все историческое прошлое – большая ошибка». Но уже со второй половины 1990-х гг. во всех сегментах общества усиливаются мотивы неотрадиционализма, в том числе – в православном духе.

Историческая память формируется и эволюционирует под воздействием широкого спектра институтов, работающих на национальную или этническую идентичность. Но ключевую роль в ее реальных «мыслеформах» играет государство. С 2000-х гг. в РФ начался объективно обусловленный интенсивный процесс публичного поиска и презентации фундаментальных конструкций исторической памяти россиян. Поворотным пунктом в «политике памяти» можно считать создание в конце 2000 г. по инициативе Президента России правоцентристской модели социально-политического взаимодействия на основе законодательного утверждения государственной символики. В обновленном тексте Конституции страны историческая память концептуализируется в таких понятиях как «исторически сложившееся государственное единство», «тысячелетняя история», «преемственность в развитии Российского государства», «память предков», которая постулирована как основа патриотизма («любовь и уважение к Отечеству») и духовно-нравственных ценностей, «защита исторической правды», сохранение памяти о «подвиге народа при защите Отечества», «охрана памятников истории и культуры».

Современные исследователи проблемы исторической памяти, так или иначе обращают внимание на ряд рисков, подразделяя их на внутренние и внешние (Е.В. Беляев, А.А. Линченко). Так, к одному из внутренних рисков относят, например, социальную неоднородность, в том числе, внутри нового поколения. Снижение общего уровня исторических знаний в сознании российской молодежи сопрягается с множеством наивных оценок прошлого, поверхностных представлений об отечественной истории, переплетающихся с научными знаниями и понятиями. Наряду с этим советская эпоха представляет собой существенный компонент в исторической памяти современного студенчества (С.П. Поцелуев).

В целом, историческая память способна как усиливать, так и разъединять солидарность, единство народа. Для преодоления разрыва духовной связи между старшим и молодым поколениями со стороны государства необходимы системные меры (закрепление на законодательном уровне наиболее важных для государства и общества исторических событий и дат; развитие «хранителей» памяти – музеев и других культурных учреждений; издание научно выверенных учебников по истории для образовательных учреждений и многих др.).

Историческая память – это «социокультурный фундамент» нашей государственности (И.Н. Тимофеев), включающий постоянный диалог российского общества со своей сложной тысячелетней историей (П. Нора).

Полиенко А.И.
(Краснодар, КубГУ)

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ БРИКС)

В XXI веке цифровые технологии стали ключевым фактором трансформации международных отношений. Информационно-коммуникационная среда превратилась в самостоятельное пространство дипломатического взаимодействия, где государства и международные объединения конкурируют за внимание и интерпретацию глобаль-

ных процессов. Цифровая дипломатия перестала быть вспомогательным инструментом и превратилась в неотъемлемый элемент внешнеполитической стратегии, позволяя формировать имидж, продвигать интересы и укреплять международное сотрудничество. Особое значение данный феномен приобретает для международных объединений, где цифровые каналы используются для координации действий, обмена опытом и преодоления геополитических барьеров.

Формат БРИКС представляет собой уникальный пример применения цифровой дипломатии в многостороннем измерении. Организация, включающая Бразилию, Россию, Индию, Китай, Южную Африку, а с 2024 года также Египет, Иран, ОАЭ, Саудовскую Аравию и Эфиопию, демонстрирует способность объединять страны с разными культурными и политическими традициями на основе принципов многополярности и равноправия. Цифровые инструменты здесь выполняют не только информационную, но и стратегическую функцию: формирование собственного нарратива, укрепление информационного суверенитета и противодействие доминированию западных медиаструктур.

Теоретические основания анализа цифровой дипломатии опираются на концепцию «мягкой силы» Дж. Ная и современные представления о публичной дипломатии в условиях сетевой конкуренции. Цифровая дипломатия включает как инструментальную составляющую (работа в социальных сетях, цифровые платформы для переговоров, виртуальные саммиты), так и политико-идеологическую (формирование ценностных ориентиров, продвижение альтернативных моделей глобализации). В рамках БРИКС эти элементы проявляются через развитие онлайн-платформ, инициатив по кибербезопасности, образовательных проектов, обмена инновациями. Так, «Стратегия экономического партнёрства БРИКС до 2025 года» определяет цифровую экономику и устойчивое развитие в числе приоритетных направлений.

Практика показывает, что цифровая дипломатия БРИКС выполняет три ключевые функции. Во-первых, она обеспечивает бесперебойную коммуникацию и координацию между государствами-членами, включая проведение саммитов в онлайн-формате, что особенно проявилось в период пандемии. Во-вторых, формируется единое информационное пространство: официальный сайт и социальные аккаунты БРИКС позволяют доносить коллективную позицию до мировой аудитории, продвигая идеи многополярности и равноправного сотрудничества. В-третьих, цифровая дипломатия укрепляет доверие и способствует институционализации объединения, превращая его в значимый элемент глобального управления.

Однако потенциал цифровой дипломатии сопровождается вызовами. Среди них – различия в уровне цифровой инфраструктуры между странами, языковые барьеры, проблемы информационной безопасности и рост дезинформационных кампаний. Тем не менее, накопленный опыт БРИКС показывает, что цифровые инструменты способны компенсировать геополитические противоречия и расширить влияние объединения на международной арене. В условиях глобальной конкуренции цифровая дипломатия БРИКС становится не только механизмом коммуникации, но и стратегическим ресурсом, способным формировать более справедливый и многополярный мировой порядок.

Полякова Н.В.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

СПЕЦИФИКА ТРАДИЦИРОВАНИЯ ФАКТОРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Фактор исторической памяти всегда занимал значимое место в польской политике, как внутренней (например, для придания веса определенным политическим силам и лидерам), так и внешней (для создания на международной арене политически и морально выигрышного образа «страны-жертвы»). Но особое значение ему придавалось в периоды правления правой партии «Право и справедливость» (PiS), историческая политика которой была выстроена на обструкции критического направления польского исторического знания и целенаправленном продвижении исключительно позитивного образа национальной истории, а также ее «виктимизации». Ситуация «двоевластия», оформившаяся после победы на парламентских выборах в октябре 2023 г. либеральной оппозиции, несколько снизила консервативный радикализм в области исторической политики, но избрание в июне 2025 г. нового президента Польши – правого популиста и евроскептика – Кароля Навроцкого, формально участвовавшего в президентской гонке в качестве беспартийного независимого кандидата, в действительности являвшегося выдвиженцем PiS, продолжило традиции польских консерваторов в этой области и заново активизировало фактор исторической памяти в польском публичном дискурсе. Новый президент Польши, имеющий историческое образование, сделал карьеру именно в области исторической политики: с 2009 по 2017 год он работал в польском Институте национальной памяти (IPN), затем возглавил Музей Второй мировой войны (Muzeum II Wojny Światowej –польск.) в Гданьске, а в 2021 г., благодаря поддержке PiS, стал президентом Института национальной памяти. В этом качестве Навроцкий выступил одним из главных инициаторов сноса памятников советским воинам на территории Польши, за что в феврале 2024 года в России стал фигурантом уголовного дела и был включен в базу розыска МВД РФ. Таким образом, вступив в борьбу за пост президента Польши, Кароль Навроцкий, и как представитель правоконсервативных взглядов, и как профессиональный историк, не мог не сделать серьезный акцент на проблематике исторической памяти и ее инструментализации в польской политике.

В рамках президентской кампании 2025 г. тема исторической памяти подавалась в польском дискурсе на всех его уровнях в связке с проблемами национальной безопасности и «суверенности Польши», обостряя противостояние между правящей либеральной коалицией и оппозиционными консервативными силами. Кароль Навроцкий уже на предвыборном этапе активно использовал фактор исторической памяти, обещая своим избирателям добиваться восстановления справедливости по болевым для Польши историческим событиям (Волынская резня, вопрос о репарациях от Германии и др.). После вступления в должность президента в августе 2025 г. одной из его первых инициатив стало официальное обращение к теме «Волынской резни» с призывом к украинским властям принять системное решение о выдаче разрешений на поиск и эксгумацию жертв, поскольку «примирение может быть основано только на правде», а также заявление о необходимости на законодательном уровне криминализировать в Польше демонстрацию символики ОУН-УПА[155].

[155]Организации признаны экстремистскими и запрещены на территории РФ.

Таким образом, на современном этапе можно ожидать очередной виток радикализации исторической политики в Польше по всем основным традиционным направлениям, что обусловлено как объективными причинами, так и субъективными, личностными предпочтениями главы польского государства: во-первых, это обострение темы «Волынской резни» в контексте польско-украинский отношений, даже в условиях сохранения военно-политической поддержки украинских властей; во-вторых, это возвращение в польскую публичную повестку темы репараций по итогам Второй мировой войны и ее политическая инструментализация в контексте польско-германских отношений; и, в-третьих, усиление антагонистического варианта «войны памяти» в контексте польско-российский отношений, которые осмысливаются польской стороной в русле доктрины «современного российского неоимпериализма».

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309, https://rscf.ru/project/24-28-01309/

Помигуев И.А.
(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ, ИНИОН РАН)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РАМКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РОЛИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Вопрос о балансе законодательной и исполнительной власти в политической системе остается ключевым для понимания механизмов принятия решений. Несмотря на традиционное восприятие парламента как центрального института законотворчества, именно исполнительная власть располагает широким спектром инструментов воздействия на законодательный процесс – от приоритета рассмотрения правительственных инициатив до контроля над процедурой и временем их рассмотрения. Более того, в условиях авторитарных и гибридных режимов именно поддержка парламентского большинства становится гарантией устойчивости режима, что делает изучение связки «правительство – большинство в парламенте» продуктивным направлением.

Предлагается выделить три измерения воздействия исполнительной власти на законодательный процесс.

1. Институциональное измерение охватывает полномочия и процедуры, формирующие рамки парламентского процесса. Конституция и регламенты закрепляют стартовые позиции акторов, но сами процедуры могут становиться объектом манипуляций. Так, приоритет президентских и правительственных законопроектов в парламенте или изменение принципов формирования внутрипарламентских структур усиливают доминирование исполнительной власти над парламентом.

2. Партийно-бюрократическое измерение связано с коммуникацией исполнительной власти с парламентскими партиями, комитетами и аппаратом. Работа правительства с фракциями, а также практики регулярных контактов министров с профильными комитетами способствуют синхронизации повесток. Кроме того, значительная роль принадлежит бюрократическим связям, когда ключевые параметры политических решений определяются вне публичной политики.

3. Инструментальное измерение фокусируется на конкретных технологиях влияния: внесении поправок во втором чтении, затягивании или ускорении рассмотрения

законопроектов, переводе норм в плоскость подзаконных актов. Существенным ресурсом становится время: стратегическое «растягивание» спорных реформ, например, позволяет снижать общественный резонанс и добиваться институциональных изменений постепенно.

Суммируя вышесказанное, отметим, что исполнительная власть выступает не просто партнером парламента, но и ключевым архитектором законодательного процесса, обладающим ресурсами управления его содержанием, темпом и результатами. При этом соотношение ветвей власти не является статичным: даже в авторитарных режимах парламент сохраняет значение арены, где закрепляются решения и распределяются ресурсы.

Выделение институционального, партийно-бюрократического и инструментального измерений позволяет операционализировать влияние исполнительной власти, и использовать их как основу для построения сравнительного индекса роли исполнительной власти в законотворческом процессе.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10163, https://rscf.ru/project/24-78-10163/

Пономарёва Ю.В.
(Тверь, ТверГУ)

ХЕШТЕГ КАК СПОСОБ ТРАНСЛЯЦИИ ОСОБЕННОСТЕЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ (НА МАТЕРИАЛЕ TELEGRAM-КАНАЛА МИД РФ)

Современная дипломатия представляет собой достаточно сложный многоуровневый комплекс, в котором одну из ведущих ролей играет публичная дипломатия, с ее возможностью донесения важнейших ценностных ориентиров страны до граждан других государств. В этом значительно преуспела цифровая дипломатия (как инструмент публичной) в связи с невероятно быстрым формированием глобального информационного пространства, где идеи и ценности доносятся до широкого круга людей, пользователей сети Интернет, в кратчайшие сроки.

Дипломатические службы сориентировались в данном вопросе достаточно быстро, и вот уже на протяжении почти 15 лет в нашей стране этот инструмент работает на трансляцию ценностных ориентиров нашего государства. Именно поэтому мы обращаемся к изучению Telegram-канала главного внешнеполитического ведомства нашей страны через призму возможности коммуникации с аудиторией данного ресурса посредством хештегов, которые, на наш взгляд, становятся своеобразными ключевыми словами.

Мы проанализировали при помощи машинных инструментов все хештеги русскоязычного ТГ-канала МИД РФ за 2024 год, основной акцент сделан нами на 20 наиболее частотных хештегах, так как в этом тоже имеется смысловая составляющая, ведь частотность – один из показателей важности темы, о которой говорится в любом типе текстов.

В результате мы пришли к выводу, что важными и нетипичными, на первый взгляд, для внешнеполитического ведомства становятся посты с хештегами, указывающими на внутренние процессы государства (#Выборы2024 и #Победа79 – 1 и 2 позиция по частотности, #деньпобеды – 8 место, #мыпомним – 6 место). Здесь стоит отметить именно актуализацию особого рода исторических знаний о ценном для страны событии, а также ее позиционирование на международной арене сквозь призму данного события.

Наиболее частотными внешнеполитическими хештегами стали #брикс (3 место), а также ШОС, СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, что тоже вполне согласуется с проводимой Россией политикой и Указом В. В. Путина «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации».

Интересным на наш взгляд является анализ двусторонних хештегов, в которых есть указание на лексему Россия и ее партнера. В этой семантической группе наиболее заметным в 2024 году стал хештег #РоссияАфрика, который отражает особое внимание во внешней политике РФ к Африканскому региону, однако интересным становится тот факт, что Африканский континент воспринимается внешнеполитическим ведомством именно в формате единого целого, так как двусторонние хештеги (#РоссияСенегал, #РоссияЮАР и др.) не могут быть поставлены в один ряд с общим хештегом в плане частотности упоминания.

Самыми частотными двусторонними (страновыми) хештегами стали #РоссияКитай, #РоссияКазахстан, что отражает важность взаимоотношений в данными партнерами в общемировом пространстве и пространстве СНГ.

Через двусторонние хештеги мы как раз таки можем отследить особые позитивные или партнерские отношения с другими странами, в связи с этим знаменателен тот факт, что #Украина появляется именно в модификации одностороннего хештега, однако, двусторонний хештег был использован МИД РФ до начала СВО или в 2022 году, когда предпринимались попытки урегулирования данного кризиса дипломатическим путем.

Частотность использования хештегов (#РоссияСША – 10, #США – 31) также говорит о сложности во взаимоотношениях РФ и США, в противовес 2025 году, когда заметна смена курса в двусторонних отношениях между этими странами, а количество упоминаний хештега #РоссияСША на 13 августа 2025 составило уже 35.

Таким образом, исходя из анализа наиболее частотных хештегов, встречающихся в ТГ-канале ведущего внешнеполитического ведомства РФ, мы можем утверждать, что они очень точечно характеризуют внешнюю политику нашего государства, расставляя смысловые и ценностные акценты, транслируя их тем самым аудитории читателей данного ресурса.

Попова О.В.
(Санкт-Петербург, СПбГУ, СЗИУ РАНХиГС)

МОЛОДЕЖНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Молодежь в настоящее время в силу различных социально-экономических и политических причин находится в фокусе внимания органов государственной власти, политических движений, политиков, институтов гражданского общества. Состояние молодежного политического лидерства можно оценивать с нескольких позиций; представляет интерес возможность реализации лидерских качеств, перспективы политической карьеры и вхождения молодежи в политическую элиту, способность конкретных представителей этого поколения выступить драйверами вовлечения людей в возрасте до 35 лет в волонтерское движение, социальные проекты НКО и т.д. Молодежные лидеры проявляются как ориентированные преимущественно на развитие собственной поли-

тической карьеры, решение общественных проблем или реализацию интересов своей социально-демографической группы. Важными показателями являются расширение каналов включения в политико-управленческую деятельность и доступность участия молодых людей в политике на позициях активистов вне зависимости от региона проживания и типа населенного пункта.

Открытыми остаются вопросы об эффективности использования этого ресурса политического управления и корректности применения классических и современных концепций политического лидерства в отношении новых поколений. Традиционно считается беспроигрышным использование статусной/институциональной теории: если молодой человек является членом молодежного парламента, помощником депутата, депутатом МСУ, членом местной администрации или занимает должности в молодежной политической организации, избрался в региональный парламент (тем более, возглавил фракцию), то старт его политической карьеры налицо. Широко используется теория черт лидерства, которую можно интерпретировать, с одной стороны, как обладание молодым политиком качеств, вызывающих безусловную симпатию в его окружении и готовность ему подчиняться, следовать за ним (человек является лидером общественного мнения и результативен в практиках политической мобилизации онлайн и офлайн), с другой стороны, как обладание деловыми качествами, позволяющими быть успешным при выполнении задач политического управления. Теория лидерства как функции ситуации представляется недостаточно подходящей именно для молодых людей, поскольку они имеют небольшой политический опыт, подвержены приступам юношеского максимализма, влиянию эмоций при принятии решений, связанных с политической деятельностью и т.д. Однако существует относительно небольшая группа молодых людей, обладающих невероятной интуицией, «политическим чутьем», позволяющим им даже в отсутствие необходимого уровня знаний о политике принимать решения в критической ситуации, минимизируя риски для своей политической карьеры. Наиболее релевантны для понимания феномена политического лидерства молодежи классическая и современные версии (концепция неохаризматического лидерства, теория обмена между лидером и последователем, теория трансакционного лидерства, ролевая теория лидерства) теории лидерства как функции группы.

В современной России расширяются возможности трансформации потенциала политического лидерства молодежи в реальные социальные лифты политической карьеры. Нормативная база этих процессов обеспечивается внесенными изменениями в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» и «Стратегией реализации молодежной политики в РФ на период до 2030 года». Наряду с молодежными органами самоуправления на региональном уровне внедряются национальные проекты, федеральные и субфедеральные конкурсы и программы, обеспечивающие селекцию в наибольшей степени проявляющих лидерские качества представителей молодежи с последующим целевым обучением, предоставлением возможности коммуникации с высокостатусными политиками и госуправленцами и шанса на начало работы в органах исполнительной власти регионального и местного уровней. В селекции молодых политических лидеров участвуют не только органы государственной власти, но и политические партии, некоммерческие объединения, социальные движения. Важным каналом проявления лидерских качеств молодежи являются социальные сети, где в различных политизированных онлайн-сообществах определяются лидеры общественного мнения (обычно это люди, которые не слишком отличаются от других участников по возрасту) и формируются группы их «последователей» (чаще всего это автономные микросообщества, достаточно слабо коммуницирующие между собой).

В настоящее время сохраняются определенные ограничения в самореализации молодежного политического лидерства, что связано с отсутствием долгосрочных устойчивых

практик преемственности поколений в большой политике, четко действующих понятных и прозрачных возможностей развития политической карьеры, периодической оперативной корректировкой векторов официального политического дискурса, что заставляет часть молодых политических лидеров искать иные сферы применения своих талантов и амбиций.

Постол В.И.
(Томск, НИ ТГУ)

КОЛЛАБОРАТИВНЫЕ РЕШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ

В условиях растущей сложности общественной жизни усиливается значение коллабораций, позволяющих объединять знания, опыт и ресурсы нескольких сторон для решения задач, которые было бы трудно решить в одиночку. Целью данной работы является определение сущности и отличительных характеристик коллаборации как формы социального взаимодействия, направленного на решение общественных проблем. В качестве теоретической базы исследования была избрана модель коллаборативной демократии, согласно которой государственные учреждения привлекают негосударственных заинтересованных агентов к коллективному процессу принятия решений (Полтерович В.М. Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. 2021. № 1. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/104363/1/MPRA_paper_104363.pdf).

Исследователи выделяют следующие особенности коллаборации как формы совместной деятельности: синергетический процесс сложения ресурсов; возможность внести индивидуальный вклад в любое время и на любом этапе; отсутствие строгой и регламентированной структуры взаимодействия; возможные отличия финального продукта деятельности от прогнозируемого; сетевой и открытый характер коммуникации; добровольное участие в совместной деятельности, где цели взаимодействия на отдельных этапах у субъектов могут не совпадать (Балышев П.А. Коллаборативное обучение: к сущности понятия // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 1. URL: https://mir-nauki.com/PDF/37PDMN123.pdf).

Коллаборативная модель может применяться в разных сферах – бизнесе, журналистике, культуре, в публичной политике и управлении. Общественная активность в рамках данной модели предполагает сотрудничество между институтами власти и гражданами для достижения общих целей и решения социальных проблем. Совместная деятельность основывается на ряде принципов: участие всех заинтересованных сторон, определение обоюдных интересов, установление доверия, полное вовлечение в процесс, концентрация на проблеме, творческий подход, равноправное участие, осуществление проекта снизу при координации сверху, внешняя подотчётность и внутренняя гибкость (Демократия на местном уровне (2001). URL: https://www.idea.int/ sites/ default/files/publications/chapters/democracy-at-the-local-level/ demo cracy-at-the-local-level-handbook-summary-RU.pdf).

При коллаборативном управлении граждане не являются лишь пассивными наблюдателями, а активно вовлекаются в решение социально-экономических проблем территориальных сообществ. Очевидно, что люди, занимающиеся решением общественных проблем, должны обладать определенным набором ключевых навыков (компетенций): выявление проблем; подход, основанный на анализе данных; быстрое изучение полученных фактов; человекоориентированный дизайн; коллективный разум; эффективные партнерства; из-

мерение результатов (Новек Б. Как сделать, чтобы государство работало для граждан: Практическое руководство по решению общественных проблем и изменению мира / Пер. с англ. М.: Альина ПРО, 2022. URL: https://e-univers.ru/upload/iblock/e78/uyvvjoc3i7 nl-gjkp1kkrwz4ed5dwqw6v.pdf). Основной посыл состоит в том, что если гражданам дать правильные инструменты, то они могут вносить значительный вклад в решение общественных проблем.

Приведем лишь некоторые примеры форумов, конкурсов и проектов, рассчитанных на включение российских граждан в решение социальных проблем через развитие навыков общественной активности и лидерства:

– «Территория смыслов» – площадка для открытого диалога молодёжи, общества и государства, где рождаются новые идеи, создаются проекты и формируются смыслы, которые определяют будущее России;

– «Россия – страна возможностей» – платформа объединяет кадровые, социальные и образовательные проекты со всей России, каждый из которых имеет свою аудиторию и предлагает различные пути к успеху;

– «Мой проект – моей стране» – конкурс направлен на решение социально значимых проблем, связанных с экологией, благотворительностью, волонтёрской деятельностью и другими направлениями работы;

– «Социальные архитекторы» – конкурс реализуется с целью поиска и отбора лучших специалистов этого профиля. Социальные архитекторы призваны заниматься проектированием и реализацией социальных практик и инициатив, направленных на решение актуальных общественных проблем;

– «Мы и они» – онлайн-проект направлен на улучшение качества коммуникации и взаимодействия между представителями региональной власти и некоммерческого сектора;

– «От общественной активности к социальным изменениям» – проект был ориентирован на развитие общественной активности населения и укрепление институтов гражданского общества через вовлечение граждан в решение социальных проблем на местном уровне.

Таким образом, проектная деятельность в контексте коллаборативного управления способствуют социальным изменениям и развитию территорий. С полным правом можно сказать, что коллаборативные решения общественных проблем становятся всё более значимым драйвером общественно-политического развития страны.

Потапкин А.С.
(Москва, РУДН)

ОБ УЧАСТИИ БИЗНЕСА В РАБОТЕ ДЕЛОВЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ GR-МЕНЕДЖМЕНТА

В России первые объединения бизнеса и соответствующий «ассоциативный» GR появился еще в 1990-е годы по мере становления рыночных институтов. С укреплением государственной власти сформировалась модель взаимодействия с бизнес-структурами, направленная на снижение коррупциогенных факторов и ограничение практик индивидуального лоббирования, где важная роль представительства коммерческих компаний отведена деловым объединениям. Бизнес-ассоциации в

том числе помогают минимизировать «провалы государства» через доведение актуальной для бизнеса повестки, продвижение благоприятных для делового климата проектов государственных решений и, наоборот, блокирование инициатив, создающих неоправданные риски.

На текущий момент сформировались как «зонтичные» деловые ассоциации (РСПП, ТПП, Деловая Россия, Опора России, ряд объединений зарубежного бизнеса в России), представляющие и продвигающие интересы компаний разных отраслей или целых сегментов бизнеса, так и объединения, представляющие фирмы конкретной отрасли. Организации второго типа имеют меньше участников, притом зачастую обладают более глубокой экспертизой и более тесной связью с профильными регуляторами. Они имеют стабильную членскую базу, исполнительную дирекцию и организационную структуру управления и координации участников. Профильные опросы GR-специалистов демонстрируют сдвиг в сторону отраслевого лоббизма: именно отраслевые объединения в большей степени воспринимаются корпоративным сектором в качестве представителей бизнеса в органах государственной власти по сравнению с “зонтичными” объединениями.

Участие компаний в работе ассоциаций за счет членства в них может усиливать продвижение своей позиции в государственно-правовом поле: включаться через ходатайство дирекции ассоциации в состав рабочих групп и консультативных советов, участвовать в профильных мероприятиях с представителями органов власти, инициировать запросы в органы власти и влиять на их формирование. Кроме того, бизнес может получать консультационные услуги по нормативно-правовому регулированию, использовать PR-ресурсы ассоциации для трансляции своей позиции, участвовать в исследованиях для нужд органов государственной власти.

Вместе с этим, компании на разном уровне могут вовлекаться в работу объединений: от исполнения формальных организационных обязанностей (оплата членских взносов, участие и голосование в общем собрании) до выдвижения на руководящие посты в правлении, комитетах и комиссиях; предложения идей в повестку работы; предоставления ресурсов компании для содействия ассоциации. Возникает вопрос о том, кто больше выигрывает от “проблемы безбилетника”: пассивные участники, или активные члены, расходующие свои ресурсы, но потенциально имеющие возможность под брендом ИТ-ассоциации продвигать сугубо частные интересы?

На формирование повестки объединения и продвижение интересов его членов также влияет и включенность его ведущих представителей в общую отраслевую (межотраслевую) политическую сеть. Поэтому позиция ассоциации может не всегда выражает бизнес-интересы в чистом виде, но, в условиях существующей в России институциональной структуры с доминированием позиции органов власти по принципиальным вопросам экономической политики, учитывает более широкий контекст с целью сохранения коммуникации с государственными стейкхолдерами.

В ряде отраслей наблюдается гомогенность ассоциаций с точки зрения ключевых целей, продвигаемой повестки, направлений работы и состава участников. С одной стороны, подобная гомогенность позволяет выступать единым фронтом по ключевым вопросам отраслевой повестки и оперативнее мобилизовать активное ядро компаний для продвижения интересов отрасли. С другой стороны, на одних и тех же площадках обсуждаются схожие вопросы, что ставит под вопрос эффективность участия бизнеса сразу в нескольких объединениях. Кроме того, может наблюдаться усиление конкуренции между сходными комитетами и комиссиями за экспертов и активных участников.

Обозначенные проблемы функционирования отраслевых деловых объединений могут стать программой дальнейших научных исследований представления и продвижения интересов бизнеса в органах государственной власти.

Поцелуев С.П.
(Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН, ЮФУ)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В МИРОВОЗЗРЕНИИ СТУДЕНТОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Исследование патриотических установок молодежи требует, прежде всего, адекватной теоретико-методологической базы, свободной от простого наложения нормативных формулировок из официальных документов на эмпирический материал. Первым шагом к такому исследованию является фиксация основных видов патриотических установок, как они уже представлены в сознании респондентов. Однако и эта операция требует определенной классификационной сетки. С опорой на имеющийся опыт соответствующих исследований можно ввести следующие дистинкции внутри общего понятия патриотизма как эмпирически фиксируемой (социологическими, антропологическими, психологическими и др. инструментами) мировоззренческой установки. Прежде всего, следует различать между *собственно патриотизмом* (любовью к своей родине как стране, где ты родился и вырос), *псевдопатриотизмом* (подчеркнутой имитацией любви к своей стране, характерной для разного рода «функционеров») и *антипатриотизмом* (четко выраженной неприязнью к стране своего проживания в пользу любви к отдельному ее региону, другой стране либо в силу космополитической установки). К основным видам собственно патриотизма можно отнести *неторжественный* (латентный, почвеннический) патриотизм как неидеологизированную, часто не демонстрируемую, но глубоко укорененную в сознании любовь к своей стране и культуре, *торжественный* патриотизм как теоретически отрефлексированную идеологическую установку, нередко совмещенную с какой-либо формой национализма и *критический* патриотизм как идейно отрефлексированную любовь к своей родине/культуре, как правило, в контексте ненационалистических идеологических ориентаций.

В апреле-мае 2025 года учеными Южного научного центра РАН был проведен (в жанре пилотного исследования) анкетированный опрос студентов Южного федерального университета, посвященный анализу ценностных ориентаций российской молодежи. Всего было опрошено 380 студентов, из них 196 юношей и 184 девушки. Возраст основной части респондентов (344 чел.) составлял от 18 до 23 лет. При этом 162 респондента представляли гуманитарные направления подготовки, а 218 – естественно-научные и технические. Анкета содержала два вопроса, напрямую относящихся к теме патриотизма («Вы считаете себя патриотом? (одиночный выбор)»; «Кого бы Вы назвали патриотом России? Выберите три главных характеристики для патриота по вашему мнению»). На первый вопрос утвердительно ответили без малого 90% респондентов, тогда как почти 6% не отнесли себя к российским патриотам. Но было бы некорректно квалифицировать последних исключительно как антипатриотов; скорее, среди них есть немало тех, кто не приемлет псевдопатриотические и/или подчеркнуто торжественные трактовки патриотизма. Об этом свидетельствуют личные комментарии респондентов к этому вопросу, где помимо единичных проявлений антипатриотизма («Плевал я на страны», «Являюсь патриотом своего региона, но не всей страны») часто выражена позиция критического патриотизма («Считаю себя патриотом, но не считаю, что патриот обязан молча соглашаться со всеми государственными решениями»; «Люблю свою страну и желаю ей процветания, но не одобряю все действия ее руководства» и т.п.). Некоторые комментарии студентов были близки по смыслу неторжественному патриотизму: «Я люблю свою страну, но не являюсь

гражданином с активной политической позицией»; «Люблю русскую землю и традиции»; «Являюсь не идеальным, но патриотом».

Более дифференцированную картину дает выбор студентами главных характеристик патриота России. Наиболее популярной стала универсальная черта любого российского патриота как человека, который «знает и уважает историю России, культуру и традиции населяющих ее народов», с этим согласились более 2/3 респондентов (76%). Индексом ненационалистической трактовки «российского патриота» является выбор (четвертью опрошенных) в качестве его важнейшей характеристики «поддержание дружбы между народами России и других стран».

Заметим, что наибольший отклик среди наших студентов получили характеристики российского патриота, относящиеся к неторжественному (почвенническому) типу патриотизма. Российский патриот – это прежде всего тот, кто «любит природу родной страны и борется за ее сохранение» (44%); «трудится на благо страны, не ожидая "достойного" вознаграждения за свой труд» (26%); «видит свое будущее только в России: хочет работать, развиваться и жить в России» (26%). Впрочем, существенная часть респондентов идентифицировались и с торжественным концептом «российского патриота», который «хочет видеть Россию сильной, чтобы политические деятели других стран боялись и уважали Россию» (27%). Далее, около четверти респондентов в качестве наиболее важных указали черты русского патриота в духе критического патриотизма: такой патриот «критикует ‘ошибки’ политического руководства и указывает на имеющиеся социальные проблемы (20%), «хочет видеть Россию демократической страной с господством либеральных ценностей» (9%).

В целом, наше исследование подтверждает вывод о преобладании у множества «среднестатистических россиян» после февраля 2022 года «латентного», глубоко укорененного в народном сознании патриотизма (См.: Россия: восприятие будущего. Опыт социально-антропологического исследования: коллективная монография / Под ред. В.А. Тишкова; сост. О.В. Кульбачевская. М.: ИЭА РАН, 2024. С. 237).

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2025 г., № государственной регистрации 125011200149-6

Прамесвари О.Г.
(Тюмень, ТюмГУ)

РОЛЬ МОЛОДЕЖНЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ КЛУБОВ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-ИНДОНЕЗИЙСКОГО НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ОПЫТ СТУДЕНЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА ИНДОНЕЗИЙСКИХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ

В условиях перехода к многополярному миру особое место в углублении сотрудничества между государствами занимают молодежные и академические инициативы. По данным Минобрнауки России, сегодня в России обучается более 395 тысяч иностранных студентов из разных уголков мира. Это следует из указа Президента Владимира Путина о национальных целях развития Российской Федерации по увеличению числа иностранных студентов до 500 тысяч к 2030 году. Иностранные студенты играют важную роль в

повышении привлекательности образования на международном уровне, увеличение их числа не только выводит российское образование на более высокий уровень в международном масштабе, но и способствует развитию международного сотрудничества.

На фоне смены фокуса российского международного сотрудничества с Запада на Восток стратегическое партнерство между Россией и Индонезией приобретает ключевое значение. Студенчество имеет потенциал сыграть особую роль в контексте народной дипломатии и мягкой силы. По данным PERMIRA (Ассоциация Индонезийских студентов в России) из общего числа иностранных обучающих в России, около 600 человек являются гражданами Индонезии. Индонезийские студенты, обучающиеся в России, формируют особую социально-академическую среду, где соединяются образование, культура и исследование. Таким образом, студенческое сообщество становится важным мостом между двумя странами.

PERMIRA, крупнейшая ассоциация индонезийских студентов в России, активно выполняет функцию «социального и культурного моста». Благодаря ей, приезжающие студенты не только получают взаимопомощь в бытовых вопросах, но и глубокое погружение в российские академические традиции, и социальные нормы. Что помогает новым студентам адаптироваться и интегрироваться в совершенно новой стране и снизить уровень межкультурных барьеров. Она тоже являются организационной платформой для проведения различных мероприятий: бесплатные уроки индонезийского для российских граждан, фестиваль индонезийской культуры, дискуссий по актуальным проблемам. Такие мероприятия, часто проводимые при поддержке посольств и университетов, создают пространство для диалога между российскими и индонезийскими студентами и специалистами.

Опыт демонстрирует, что молодежные академические клубы способны быть не только платформой для культурного взаимодействия, но и полноценным инструментом академической дипломатии. В начале 2025 года, был основан Perhimpunan Mahasiswa Hubungan Internasional Indonesia+ (Ассоциация Индонезийских студентов международных отношений). С наукой в качестве своей основной цели, этот клуб был создан как платформа для индонезийских студентов, изучающих международные отношения, с целью развития их потенциала как молодых специалистов. В настоящее время в данном клубе насчитывается 18 членов, большинство из которых учатся в России. За несколько месяцев своего существования клуб успешно реализовал несколько программ, таких как дискуссии на темы международной политики, совместные публикации и освещение деятельности в социальных сетях.

Не только для Индонезии. Такие клубы играют не менее важную роль и для России. Молодежные академические клубы активно продвигают имидж России среди индонезийской молодежи. Культурные и образовательные проекты формируют положительный образ России у индонезийской аудитории. Программа Министерства образования и науки России по бесплатному образованию в России также широко популяризируется самими студентами. Это свидетельствует о высоком качестве образования России, которое высоко ценится довольными студентами, что имеет огромное значение для привлечения большего числа иностранных студентов, укрепления «мягкой силы» и повышения уровня образования России в глобальном масштабе. Помимо этого, все индонезийские студенты в России обязаны пройти подготовительный курс по русскому языку, после чего большинство студентов продолжают изучать свою основную дисциплину также на русском языке. Это значительно популяризировало русский язык среди индонезийской молодежи и специалистов, что подтверждается растущим числом изучающих русский язык в Индонезии. Вслед за этим индонезийцы, получившие образование в России, стали преподавателями русского языка в Индонезии.

Таким образом, роль молодежных академических клубов в развитии российско-индонезийского научно-политического взаимодействия проявляется в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, они вступают как мост социального и культурного. Во-вторых,

становятся площадкой для научного знания. В-третьих, продвижение имидж, культуры, и программ России в Индонезии. Опыт индонезийских студенческих сообществ в России показывает, что молодежные инициативы способны выходить за рамки сугубо образовательной сферы и вносят существенный вклад в развитие устойчивого российско-индонезийского партнерства.

Прищепа А.С., Кукель В.Е.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

HOMO DIGITALIS ИЛИ КАК ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО МЕНЯЮТСЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Homo Digitalis или как человек и общество меняются в эпоху цифровых технологий» представляет собой новый тип изучения развития человечества, характеризуемую глубокими изменениями в поведении, мышлении и образе жизни человека под влиянием современных информационных и коммуникационных технологий. Это понятие подчеркивает фундаментальные трансформации общества, обусловленные цифровой революцией. В первую очередь оно направленно на исследование критического мышления и понимания влияния современных цифровых технологий на личность и общество, но при этом затрагивает развитие цифровой этики, информационной безопасности и социальных навыков в цифровой среде способствует формированию ответственного и активного гражданина, способного применять современные технологии во благо общества. В эпоху устойчивого технологического прогресса и повсеместной цифровизации данное исследование актуально как средство формирования у молодого поколения навыков осознанного взаимодействия с цифровой средой, осмысления этических, социальных и гуманитарных вызовов, а также развития компетенций на стыке гуманитарных и инженерных наук. Повышение цифровой грамотности, формирование навыков критического мышления и осознанного поведения в цифровом пространстве становятся важнейшими задачами современного образования. Это соответствует научным исследованиям, подчеркивающим необходимость интеграции цифровых и социогуманитарных компетенций для успешной социализации и профессиональной реализации молодежи. И особое внимание уделяется развитию цифровой грамотности, этике цифрового пространства и социальным аспектам технологического прогресса.

В отличие от существующих аналогичных исследований, которые чаще ориентированы либо на техническое освоение цифровых инструментов, либо на исключительно гуманитарные дисциплины, наше исследование предполагает комплексный междисциплинарный подход, сочетающий социально-гуманитарные и технологические аспекты.

Главным отличием является акцент на формировании именно критического мышления и социальной ответственности в цифровом пространстве, что проявляется через изучение этики технологий, цифровой идентичности, вопросов безопасности и социальных инициатив в интернет-среде. Прежде всего, ориентация на развитии проектных компетенций и командной работы, что позволяет участникам не только осознавать проблемы цифрового общества, но и создавать реальные социально значимые инициативы.

Приоритетными направлениями являются:

– Понимание социальных и этических вызовов цифровой эпохи;

– Формирование навыков цифровой гигиены и критической оценки информации;

– Развитие междисциплинарного мышления на стыке гуманитарных и технических знаний;

– Практическая реализация знаний через социальное проектирование и командную деятельность.

Научная новизна состоит в том, что исследование на тему: «Homo Digitalis или как человек и общество меняются в эпоху цифровых технологий» впервые комплексно объединяет социально-гуманитарные и цифровые компетенции в новом формате. В ней дополнено и конкретизировано содержание по цифровой этике и социальной ответственности, что позволяет глубже раскрыть влияние современных технологий на личность и общество.

В заключении отметим, что существуют разные точки зрения на возможность проведения обозначенного выше исследования.

Положительные стороны, прежде всего это комплексный подход к изучению влияния технологий на личность и общество; междисциплинарность, как база сплочения гуманитарных и технических научных знаний; актуальность с точки зрения современных подходов к изучению данной проблематике; гибкость и возможность применения доступность прикладных навыков. Однако, несмотря на положительные стороны, существует ряд и других отрицательных сторон. Естественно это отсутствие возможности применения традиционных методик и технологий оценки результатов работы; высокие требования к источниковой базе; слишком высокий уровень зависимости от прикладных данных. Но стоит отметить, что, несмотря на ряд недостатков «Homo Digitalis или как человек и общество меняются в эпоху цифровых технологий» представляет собой важную инициативу, направленную на повышение осведомленности общества о влиянии цифровых технологий на их жизнь и будущее. Она обладает рядом сильных сторон, однако требует доработки в плане продолжительности, методов оценки и материально-технического обеспечения.

Прокопенко Л.Я.
(Москва, Институт Африки РАН)

СОПРАВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ ЛЕДИ В ЕГИПТЕ И ТУНИСЕ (1981–2011 гг.)

В странах Африки степень общественной активности первых леди варьируется в зависимости от их возраста, образования, ценностных ориентиров, полученных в родительской семье, партийности, религиозных воззрений, формы отношений с супругом, а также их личных качеств. Диапазон их общественно-политической активности широк: «от пассивного пребывания в тени супруга до превращения в соправителя государства»[156].

В истории Африки немало примеров того, как женщины обладали властью в качестве правителей или соправителей. Институт соправительниц существовал, например, на территории Анголы (Анна Нзинга Мбанди Нгола, XVII в.) и ЮАР (зулусская принцесса Мауа, XVIII в.). В наше время в значительном превышении функций первой леди обвиняли Стеллу Обасанджо (Нигерия), Дениз Букуми Нкурунзиза (Бурунди), Констанцию де Обианг (Экваториальная Гвинея). А нынешнюю первую леди Камеруна Шанталь Бийя оппозиция иногда называет «теневым президентом».

В Египте к концу правления президента Хосни Мубарака (1981–2011 гг.) и в Тунисе в период правления Зин аль-Абидина Бен Али (1987–2011 гг.) первые леди Сюзанна Мубарак и Лейла Трабелси, занявшие активную общественную позицию и способство-

[156]Прокопенко Л.Я. Институт «первой леди»» в странах Африки как феномен политической жизни. Азия и Африка сегодня. 2020. № 11. С. 34–41. DOI: 10.31857/S032150750012185-5

вавшие улучшению положения женщин, по ряду причин превратились в фактических соправителей высокопоставленных супругов.

В Египте влияние Сюзанны Мубарак на формирование внутри– и внешнеполитического курса, начиная с конца 1980-х, неуклонно росло и достигло своего пика в 2000-х. В последние годы правления Мубарака, заметно отошедшего от управления государства из-за болезни, его супруга фактически превратилась в конкурирующего президента или сопрезидента. В 2011 г. в результате массовых антиправительственных демонстраций, участники которых требовали отставки Х. Мубарака, он был вынужден сложить с себя полномочия президента.

Выход Лейлы Трабелси далеко за укоренившимися в сознании большой части общества рамки функций первой леди на фоне действий коррупционного семейного клана Бен Али-Трабелси также негативно повлиял на стабильность власти и в 2011 г. привел к свержению практически недееспособного президента.

Рассматривая роль первых леди в Африке, необходимо отметить определенный дуализм. С одной стороны, политологи считают, что пространство, занимаемое женами лидеров, должно использоваться ими на благо развития стран, поэтому поддерживают их возросшую общественную активность. С другой, активисты женского движения часто выступают против того, чтобы первые леди были доминирующими игроками, считая, что те должны играть дополняющую по отношению к женским движениям роль. Как показало развитие событий «Арабской весны» в Египте и Тунисе, первые леди С. Мубарак и Л. Трабелси поглотили значительную часть политического пространства, занимаемого женщинами этих стран.

Примеры Египта и Туниса во время нахождения у власти президентов Хосни Мубарака и Бен Али показали, что чрезмерно активное вмешательство первых леди в политику при отсутствии четких границ функций первых леди может стать одной из причин дестабилизации внутриполитической ситуации.

В то же время, спустя почти полтора десятилетия после фактического свержения президентов Мубарака и Бен Али чрезмерное влияние их супруг на формирование внутри– и внешнеполитического курса этих стран правомерно рассматривать не только с точки зрения завышенных политических амбиций первых леди, но и в тесной связи со сложившейся на тот период социально-политической ситуацией.

Примеры «взлета и падения» С. Мубарак и Л. Трабелси приводят к пониманию в африканском обществе необходимости решать проблему определения и закрепления в конституции или в специальном законе четких правил поведения первых леди в политическом поле.

Пронякина Е.Д.
(Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС)

ИДЕЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН БРИКС

БРИКС является сегодня важным коллективным игроком на международной арене. Вопрос об общем идеологическом основании его деятельности, волновавший политологов еще пять лет назад, сегодня кажется разрешенным: БРИКС объединяет страны Глобального Юга, активно развивающиеся и стремящиеся к справедливому мироустройству. Однако, когда речь заходит о сотрудничестве членов БРИКС в Арктике,

вопрос этот становится невероятно актуальным, ведь из всех членов объединения только Россия является арктическим государством и, следовательно, обладает арктической идентичностью.

Из всех стран-членов БРИКС документально оформленные арктические стратегии есть сегодня у России, Китая (с 2018 года) и Индии (с 2022 года). В своей «Белой книге» Китай позиционирует себя как околоарктическое государство, непосредственно заинтересованное в освоении и развитии арктического региона. Вместе с тем, китайские исследователи и политические деятели неоднократно декларировали, что не собираются оспаривать статус арктических стран и их права на исключительное, расширенное использование арктических ресурсов. Вместе с тем, арктическая политика КНР хорошо вписывается в китайскую стратегию «общей судьбы», в рамках которой все регионы мира тесно взаимосвязаны. Таким образом, процессы, протекающие в Арктике, имеют непосредственное отношение к будущему всего Человечества и Китая в частности.

В своей Арктической стратегии, принятой в марте 2022 года, Индия также не оспаривает статус арктических стран; ее интересы в Арктике связаны, прежде всего, с научными исследованиями, прежде всего, в сфере изменений климата. Впрочем, индийские исследователи наработали значительную базу теоретических обоснований арктических притязаний своей страны. К ним можно отнести, в частности, идеи В. Сакуджи, К. Нарулы и К. Кумара. Как и китайские коллеги, индийские исследователи Арктики активно продвигают идею «общего достояния», в соответствие с которой Арктика слишком важна для всего Человечества, чтобы принадлежать каким-то конкретным странам. К тому же, Индия позиционирует себя как страна «третьего полюса» (первые два – это Арктика и Антарктида), климат которого, по сути, напрямую зависит от изменений климата в двух других полюсах. 18-19 января 2023 года под эгидой Индии прошел форум «Третий полюс – Гималаи и Арктическая модель» (кстати, форум прошел в ОАЭ, еще одном участнике БРИКС, заинтересованном в освоении и развитии Арктики).

Бразилия, наравне с Россией, выступает активным членом Рабочей группы БРИКС по исследованиям океана и полярных зон. Впрочем, для Бразилии Арктика, в первую очередь, является интересной и перспективной моделью для научных исследований, результаты которых можно в дальнейшем распространить на Антарктиду.

Из «новых» участников БРИКС открытый интерес к Арктике демонстрируют Иран и ОАЭ. Эти страны активно включаются в инфраструктурные и энергетические проекты России, а также нарабатывают собственную базу арктических исследований. Однако их опыт арктической политики пока недостаточен для оформления комплексной стратегии присутствия в регионе.

Подводя итог, можно сказать, что активизация интереса неарктических стран БРИКС к региону играет для России важную роль, активизируя ее усилия по концептуализации собственной арктической политики и укреплению арктической идентичности страны. В 2025 году Указом президента был утвержден комплекс праздничных мероприятий, посвященных 500-летию с начала освоения Северного морского пути. Ежегодно растет число международных Форумов, инициируемых Россией, по священных арктической тематике. Россия выступает как инициатор создания все новых и новых рабочих групп и дискуссионных площадок по Арктике, чтобы закрепить за собой статус лидера и флагмана арктической повестки БРИКС. Иными словами, арктические притязания неарктических государств-партнеров по БРИКС выступают своеобразным катализатором конструирования арктической иде5нтичности России.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-00379, https://rscf.ru/project/25-18-00379/

Прохоренко И.Л.
(Москва, ИМЭМО РАН)

ЦЕНТРЫ И ПОЛЮСЫ СИЛЫ В МИРОВОЙ СИСТЕМЕ: ВАЖНЫ ЛИ СЕМАНТИЧЕСКИЕ НЮАНСЫ?

Стратегический тренд полицентризма поставил перед мировым научно-экспертным сообществом задачу системного анализа центров силы в мировой системе – ведущих глобальных и региональных держав, связанных с ними транснациональных негосударственных субъектов, структур и групп интересов, изучения и прогнозирования тенденций и перспектив формирующейся конфигурации отношений между ними. Такая задача ставилась и решалась в период биполярности в эпоху холодной войны и формирования явления сверхдержавности, фактически отошла на второй план в период условно однополярного мира и вновь обрела научную и практическую актуальность в ходе нынешней трансформации мироустройства в контексте исследования автономных свойств и структуры меняющейся мировой системы, традиционных и новых (восходящих) держав, держав среднего уровня, субрегиональных интеграционных проектов и различных межгосударственных объединений, межсубъектных взаимодействий в отношении друг друга и по поводу решения глобальных проблем на новом этапе глобализации, феноменов глобального и регионального лидерства, переосмысления научной категории силы в международных отношениях для объяснения динамики полицентричного мира.

Метафоры «центр» и «полюс» силы часто используются как тождественные и взаимозаменяемые в науке о международных отношениях, подобно понятиям «полицентричный» и «многополярный» мир. Однако семантические нюансы все же имеют значение. Метафора «центр силы» позволяет оценить того или иного игрока мировой системы как имеющего достаточные ресурсы, потенциал и что немаловажно – амбиции заявить о себе как влиятельном субъекте глобального или регионального уровня и быть признанным другими в этом качестве с точки зрения формирования глобальной или региональной повестки, форм и вектора глобальных и региональных процессов, формулирования глобальных и региональных проблем, предлагающего образы будущего мироустройства, проекты регионального порядка, решения глобальных и региональных проблем и кризисных ситуаций, управления глобальными и региональными рисками. Данное понятие представляется более емким и менее политизированным, чем аналогичные – «супердержава», «великая держава», «региональная держава», более подходящим для дифференцированного по уровням политического процесса, динамического и временного системного комплексного анализа в логике «центр-периферия-полупериферия» и трансформации современного миропорядка, в том числе перераспределения регионального влияния и региональной мощи.

Но является ли центр силы непременно полюсом силы? По-видимому, центр силы может стать полюсом устойчивого притяжения в случае обладания необходимыми ресурсами для защиты и поддержки союзников в вопросах экономики, технологий, безопасности в широком смысле – военной и невоенной, продвижения различных проектов и соглашений на основе консенсуса, использования инструментов «мягкой силы». «Жесткая сила», средства силового принуждения и давления могут иметь быстрый, однако не столь долговременный эффект и в перспективе оказаться более затратными. Наконец, не исключено, что центр силы может быть и «одинокой» державой, пусть и обладающей значительными ресурсами, в первую очередь в военной сфере.

Прусов Д.А.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ КАК ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИКРОПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НАСЕЛЁННОГО ПУНКТА (НА ПРИМЕРЕ Г. ЯРОСЛАВЛЯ)

В отличие от других биологических видов человек имеет склонность к постоянной рефлексии. Он осмысливает достаточно большую совокупность категорий: своё место в этом мире, персональный опыт, происходящие вокруг него события и многое другое. При этом результаты данного мыслительного процесса могут иметь разнообразную форму. Если раньше результаты рефлексии оставались исключительно в сознании индивидуума и передавались только с помощью речи, то с развитием письменности у человека появлялась возможность сохранять, а также транслировать их на более широкую аудиторию. С течением времени люди изобретали всё новые технические способы фиксации и передачи своей мыслительной деятельности. На сегодняшней день одним из таких способов является сеть Интернет.

Современный Интернет предоставляет индивидуумам различные формы сохранения и трансляции мыслительных результатов, возникающих в процессе рефлексии. К таким формам, например, относится создание интернет-мемов. Создавая интернет-мем, человек переосмысляет окружающую его действительность и репрезентует её другим пользователям интернета через разнообразные юмористические приёмы. Как правило, делает он это в социальных сетях. На момент проведения исследования наиболее популярной социальной сетью в России являлась «ВКонтакте» (сайт информационного агентства Mediascope). Данный интернет-ресурс является благоприятной почвой для создания и распространения мемов. Это связано, во-первых, с многочисленностью аудитории (ежемесячно её посещает около 100 млн пользователей), а во-вторых – с возможностью самостоятельно создавать и публиковать контент. Такая возможность привела к появлению разнообразных сообществ.

Данные онлайн-сообщества объединяют людей по сфере их интересов. Одним из таких интересов является место проживания человека. В подобных онлайн-сообществах, связанных с жизнью конкретного населённого пункта, формируется микрополитический дискурс. Под данным понятием следует понимать форму публичного обсуждения, в рамках которой граждане обмениваются какой-либо информацией относительно социально-политической действительности внутри своего населённого пункта. Интернет-мемы же выступают как цифровой способ репрезентации сложившегося в городе микрополитического дискурса. Через них люди рефлексируют над теми социально-политическими и бытовыми процессами, которые функционируют внутри конкретного сообщества.

Если рассматривать ярославскую действительность, то в городе существует целая группа в социальной сети «ВКонтакте», посвящённая городским мемам. На момент проведения исследования в ней состояло 39 045 человек, что является лучшим показателем в регионе по юмористическим сообществам. Данное сообщество существует с 2020 года, и за всё это время в нем было опубликовано 2 000 записей. Средняя же вовлеченность аудитории (ER) равняется 0,34% на одну публикацию (у 240 публикаций данный процент выше).

Анализируя записи, имеющие ER выше среднего, можно выделить несколько тематических кластеров. Самой вовлекающей темой является общественный транспорт

(160 публикаций). Основные темы мемов данного кластера сосредоточены вокруг внешнего вида автобусов, их пунктуальности, логики маршрутов и стиля вождения водителей. В комментариях пользователи активно описывают собственный опыт взаимодействия с транспортной системой, используя самоироничные и стилистически выразительные формулировки. Вторая тематическая группа, включающая 80 публикаций, посвящена урбанистике. Заметим, что данный кластер состоит из трёх подкатегорий: транспортные заторы, организация городского пространства и местные точки общественного притяжения. Данный кластер раскрывается как арена микрополитического выражения и символического освоения территории. Через его мемы участники сообщества не просто рефлексируют над городской действительностью, а участвуют в создании локальной идентичности как динамичного, рефлексивного и сатирически окрашенного процесса.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что мемы выступают способом рефлексии и репрезентации микрополитического дискурса населённого пункта. На примере города Ярославля показывается, как контент в социальной сети становится не только отражением, но и активным участником микрополитических процессов. Два выявленных кластера демонстрируют, что данные сферы являются ключевыми для формирования микрополитического дискурса в выбранном нами городе, поскольку они затрагивают повседневный опыт жителей и становятся объектом эмоционально насыщенного обсуждения.

Пустовойт Ю.А.
(Новосибирск, НГУ, НИ ТГУ)

АССАМБЛЯЖИ ВЛАСТИ: ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОДХОДА ПРИ АНАЛИЗЕ ВЛАСТИ В ГОРОДАХ СИБИРИ

Город для исследователя социальных и политических процессов представляет собой доступный для наблюдения и анализа феномен (кейс) возникновения, развития, закрепления и распада сложных, многомасштабных и многофакторных отношений власти. Социальные научные теории, опирающиеся на эмпирическую базу, появились вместе с активным развитием городов в XIX веке и на различных этапах предлагали конкурентные модели политической динамики. Они выделяли и объясняли источники власти, ее основные инструменты и ресурсы, а также оцепеневали результаты сложившихся отношений доминирования. Ранние, классические исследования (К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм и др.) опирались на идеи закрепления источников власти за безличными над индивидуальными структурами (классами, бюрократией, обществом, государствам). Элитарные подходы (от Г. Моска до М. Манна) делали акцент на волевых действиях акторов обладающих теми или иными ресурсами (идеологическими, экономическими, политико-административными и силовыми). В процессуальной оптике (Б. Латур, Дж. Ло, М. Деланда), власть представляет собой децентрализированный распределённый эффект, возникающий в ходе взаимодействия человеческих и нечеловеческих акторов (инфраструктура, технологии), в ходе которого совокупности постоянно происходит воспроизводство и разрушение связей, распределённых по всей сетям.

Одним из направлений исследований, релевантных современной социальной сложности, мы считаем исследовательский дизайн, заданный принципами и онтологией, разработанной М. Деландой. Он предложил на базе идей Ж. Делеза и Ф. Гваттари теоретико-методологический подход, фокусе внимания которого находятся возникновение динамических самоорганизующихся не единых целостностей (ассамбляжей). Власть рассматривается не как волевой акт, а как стабилизирующий процесс действия распределенных по сети ассамбляжа совокупных сил. Эти силы в ходе кодирования (создания правил идеологий, символов) и территоризации (установления границ), организуют и делают предсказуемым поведение разномасштабных акторов (людей, сетей, организаций, правительств, городов, государств), производя новые модели политического порядка. Например, почему демократические выборы способны производить авторитарные режимы.

На этой основе и для эмпирического анализа механизмов и факторов политической динамики в современных городах введем понятие ассамбляж власти – исторически складывающиеся динамическое образование. Оно состоит из гетерогенных элементов (людей, сетей, институтов, организаций, инфраструктуры, городов и государств), которые вступают в отношения экстериорности и обеспечивают стабилизацию ассамбляжа, через совокупность процессов. Эти процессы формируют и поддерживают паттерны координации (властные отношения на основе договора в обозначенных временных и процессуальных границах) и контроля (отношения постоянного доминирования одних групп).

Сопоставление методом логико-эвристического анализа (вариант QCA) ассамбляжей власти в 13 сибирских городах в 2019 г. подтверждает этот вывод. Паттерн координации (альтернативность-прозрачность) сложился в городах-хабах (Новосибирске, Томске, Красноярске, Иркутске) с высокой мозаичностью: здесь развиты все типы сетей (особенно сети справедливости и сети поколений) с поддерживающей инфраструктурой; есть разнообразные экономические организации, среди которых значительный сектор услуг и новых технологий; существуют масштабные центры идеологического производства (крупные университеты и конкурентоспособные на федеральном уровне СМИ). В 90-е годы определяющей в публичной политике была горизонтальная модель порядка. На противоположном полюсе паттерн власти-контроля (безальтернативная аберрация) возникает и стабилизируется в городах, индустриальных и административных центрах (Кемерово, Новокузнецк, Кызыл). Здесь наблюдается невысокая мозаичность (социальные сети в основном построены на сильных связях, в основе экономики – предприятия тяжелой индустрии, города являются центрами управления и развития крупных экономических вертикально интегрированных корпораций, нет сильных вузов и влиятельных независящих от властей СМИ), а лидеры 90-х ориентировались на авторитарные модели порядка. Сложившиеся паттерны власти в сибирских городах совпадают в тенденциях с их близкими по экономическим, демографическим и культурным характеристикам «двойниками» на территории РФ с неизбежной поправкой на специфику региона. Общий вывод: отношения по паттерну координации возникают и стабилизируются в городах имеющих количественно больше разнообразных материальных и экспрессивных компонентов, при наличии на городской территории центров символического (экспрессивного) производства и широкой распространенности горизонтальных моделей порядка в социальных коммуникациях.

Пустошинская О.С.
(Тюмень, ТюмГУ)

ИНСТИТУТ ПОБРАТИМСТВА ГОРОДОВ В ЭПОХУ СЛОМА УНИПОЛЯРНОГО МИРОУСТРОЙСТВА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ В ФОРМАТЕ БРИКС

Важная особенность изменений, произошедших в первой четверти XXI века, – трансформация архитектуры международных отношений, выразившаяся в деконструкции униполярного мироустройства и формировании конкурентной модели полицентризма. В условиях, когда традиционные дипломатические каналы оказались подверженными кризисам и блоковой конфронтации, возросла роль альтернативных форматов взаимодействия, демонстрирующих способность к преодолению конъюнктурных ограничений. Одним из них выступает институт побратимства городов. Для Российской Федерации, отстаивающей собственный суверенитет и реализующей стратегию построения многополярного мира, побратимские связи с партнерами по БРИКС становятся важным инструментом укрепления позиций на мировой арене и продвижения «мягкой силы» вопреки санкционному давлению.

Результаты проведенного исследования, нацеленного на определение динамики и роли побратимских отношений в обеспечении устойчивого международного сотрудничества России с другими участниками БРИКС, показали, что преодоление ограничений происходит по нескольким направлениям.

Во-первых, предприняты усилия по институционализации диалога. В качестве ключевого достижения необходимо признать реализацию в 2019 году инициативы России по учреждению Межмуниципального форума БРИКС. Благодаря появлению данной платформы, получившей поддержку со стороны министерств иностранных дел, были созданы условия для перевода фрагментированных контактов в структурированное сотрудничество, их синхронизации с приоритетами, определяемыми в рамках межгосударственного объединения. Удалось подчинить устанавливаемые связи целям многосторонней экономической кооперации и взаимовыгодного устойчивого развития. Форум превратился в значимую площадку для выработки совместных решений в обход политизированных международных институтов.

Во-вторых, осуществляется целенаправленная диверсификация сфер и форм взаимодействия: от организации совместных промышленных предприятий, разработки перекрестных туристических маршрутов до налаживания научно-технических обменов и оказания взаимной гуманитарной помощи. Подобная многоплановость создает «буферную зону»: если одна область кооперации оказывается наиболее уязвимой для внешнего давления, то стороны получают возможность интенсифицировать сотрудничество в сегментах, менее подверженных деструктивному воздействию. Тем самым обеспечивается стабильность и преемственность партнерства.

В-третьих, приоритет отдается прагматичным принципам взаимодействия. В отличие от официальной дипломатии, которая зачастую сталкивается с идеологическими различиями, приводящими к патовой ситуации, побратимские связи выстраиваются на общих интересах, преследуемых локальными сообществами. Речь идет о развитии городской среды, устранении экологических проблем, совершенствовании управленческих и технологических процессов в сфере жилищно-коммунального хозяйства, наращивании человеческого капитала и др. Фокус на конкретных проблемах, общих для городов

БРИКС, создает прочную основу для коммуникации, фактически невосприимчивой к конфликтам, характерным для высшего политического уровня.

Перспективы дальнейших исследований видятся в количественной оценке экономического и социального эффектов от конкретных проектов, реализуемых в рамках партнерств. Есть также смысл сосредоточиться на сравнительном анализе взаимодействий по линии «Россия – БРИКС» с аналогичными связями российских городов, которые налаживаются с субнациональными единицами стран, не принадлежащих к данному межгосударственному объединению. Кроме того, релевантным представляется изучение роли городов-побратимов в формировании позитивной повестки, служащей альтернативой риторике геополитических оппонентов.

Радиков И.В.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ В РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ

Российское общество Знание сообщает, что «Обществознание: 1. *Является важным инструментом* для формирования гражданской позиции, критического мышления и социальной ответственности учащихся; 2. *Способствует* развитию понимания общественных процессов, навыков анализа и оценки социальных явлений; 3. Знания, полученные в рамках этого курса, *необходимы* для эффективного участия в общественной жизни и принятия информированных решений в различных сферах; 4. В современных условиях роль обществознания как образовательной дисциплины приобретает *особую значимость*.

Что же изменилось к 2025 г.? Все аргументы, доказывающие значимость обществознания сегодня девальвированы. С 2025 г. эта дисциплина убрана из учебного плана для учеников 6-7 классов, к 2026 г. – для учеников 8 классов, с 1 сентября 2026 г. обществознание будет преподаваться для 9-11 классов. При этом в школьном расписании с 2026/27 уч. года появится дисциплина «Духовно-нравственная культура России». Ее будут изучать в 5-м классе – 17 часов; в 6-м и 7-м классах – по 34 часа. Как отмечено в Концепции преподавания этой дисциплины (2022), она является смысловым продолжением курса «Основы религиозных культур и светской этики».

Чем объясняется решение об отмене преподавания обществознания?

– многие управленцы называют обществознание «вредным» предметом. Современное обществознание в школах бесполезно и никак не пригодится в жизни (В. Мединский); содержание программы по обществознанию «не отвечает той суверенной системе образования, единому образовательному процессу, который мы сейчас выстраиваем» (замглавы комитета по образованию, науке и культуре Совета Федерации Е. Алтабаева); предметом обществознания являются «западные концепции», направленные на дискредитацию России и утверждающие, что общество с уважением к религии, с многодетными семьями и почитанием традиционных ценностей – общество отсталое, а идеальная модель – американская (первый зампред комитета по просвещению Я. Лантратова); анализ материалов показывает, что от 20% до 30% материалов в школе излишне сложные для восприятия учениками в конкретном возрасте (глава Рособрнадзора А. Музаев).

Чему учит опыт преподавания обществознания в российских школах?

1. Обществознание было и фактически остается идеологическим предметом: набор школьных предметов, формирующих мировоззрение человека и стратегия преподавания

обусловлены ценностными ориентациями политической элиты, меняются вместе с политической конъюнктурой, текущей социальной ситуацией; 2. Структура и методика преподавания обществознания как учебного предмета определялись, как правило, господствующей идеологической целью: если в советское время упор делался на энциклопедические знания, и содержание было ориентировано на подготовку молодежи к самостоятельной жизни и труду, то в настоящее время акцент сместился на аналитические навыки, критическое мышление и развитие личности; 3. Конкретное содержание тем, изучаемых в обществознании, нередко определялось без глубокого, широкого и открытого обсуждения его и проблемы целостности в профессиональном и родительском сообществах с привлечением экспертов – специалистов в области социальных наук.

Что действительно было несовершенно в процессе преподавания обществознания в России в последние годы?

– многие учебники, особенно в первые постсоветские десятилетия, не проходили экспертизу в Федеральном экспертном совете по общему образованию и не были рекомендованы Минобразованием; широта предмета «обществознание» ограничивала возможности участия российского корпуса преподавателей наук, составляющих обществознание: философии, экономики, правоведения, политологии и социологии в подготовке учебников для школы; авторские коллективы, объединявшие признанных специалистов в дисциплинах, составляющих обществознание, для подготовки таких учебников, не создавались;

– в большинстве своем школьные учебники по обществознанию, в т.ч. входящие в федеральный перечень, были написаны на базе вузовских учебных материалов; более того, сравнительный анализ учебников обществознания для 9 и 11 класса и учебника для вузов по политологии (для бакалавриата) показывает практическую идентичность изучаемых тем и их содержания; практически не повышающийся уровень профессионализма учителей обществознания и их переподготовки.

Какова же латентная цель этой реформы?

Высвобождение учебного времени для увеличения курса истории; «освобождение от засилия» западных концепций, на основе которых строятся сегодняшние российские науки об обществе.

Последствия отмены преподавания общественных наук?

Сужается платформа формирования ключевых мировоззренческих ориентиров российских школьников; затрудняет становление целостного (интегрированного) знания об обществе как системе и человеке как субъекта общественных отношений.

Ранджбар Д.М.
(Москва, РУДН)

РОЛЬ БРИКС В ФОРМИРОВАНИИ МНОГОПОЛЯРНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ МИРА

В условиях трансформации унитарного миропорядка в многополярную систему БРИКС приобретает стратегическое значение как площадка для координации позиций развивающихся государств в глобальной энергетической политике. Расширение состава объединения с включением Египта, Эфиопии, Ирана, ОАЭ и Индонезии в 2024-2025 гг. существенно увеличило его влияние: страны БРИКС теперь представляют около 45% мирового населения, 28% глобального ВВП и 42% добычи нефти, что делает их ключевым игроком на энергетических рынках. Эволюция энергетического сотруд-

ничества в рамках БРИКС от Пекинской декларации 2022 г. к Казанскому саммиту 2024 г. и Рио-де-Жанейрской декларации 2025 г. демонстрирует переход от узко экономических вопросов к формированию альтернативной повестки в области глобального энергетического управления. В Рио-де-Жанейрской декларации впервые закреплены принципы справедливого энергоперехода с учетом национальных особенностей, подчеркнута необходимость баланса между энергетической безопасностью, доступом к энергии и переходом на низкоуглеродные источники.

Анализ энергетических показателей стран БРИКС за 2017-2023 гг. выявляет значительную диверсификацию национальных стратегий: Китай лидирует по установленной мощности ВИЭ, но сохраняет зависимость от угля; Индия демонстрирует стремительный рост солнечной энергетики с целевым показателем 50% неминерального электричества к 2030 г. Бразилия опирается на гидроэнергетику, расширяя другие ВИЭ; Россия и ЮАР проявляют более медленные темпы перехода к чистым источникам энергии. Совокупная мощность ВИЭ стран БРИКС увеличилась почти вдвое с 2017 г., однако ископаемое топливо по-прежнему доминирует в их энергобалансе. Страны БРИКС постепенно наращивают долю ветровой и солнечной энергетики, тогда как гидроэнергетика остается стабильным источником, а биоэнергетика развивается умеренными темпами

Проведенный SWOT-анализ выявляет, что политический вес БРИКС позволяет членам объединения эффективнее отстаивать свои интересы в международных энергетических организациях и переговорах по климату. Коллективная позиция БРИКС по вопросам финансирования энергоперехода в развивающихся странах становится все более согласованной, что усиливает их влияние в рамках ООН и других международных структур. Однако внутренние противоречия, такие как индо-китайские территориальные споры и разные темпы экономического развития, создают препятствия для формирования единой внешнеполитической стратегии. Геополитические конфликты, включая санкции против ряда членов БРИКС, стимулируют развитие альтернативных платежных систем и энергетических коридоров, ускоряя дедолларизацию энергетической торговли.

Исследование подтверждает, что БРИКС трансформируется из экономического альянса в влиятельный политический актор, способный формировать новую архитектуру глобального энергетического управления. Успех этой трансформации зависит от способности объединения преодолеть внутренние разногласия и создать эффективные механизмы сотрудничества в области технологий, финансирования и стандартов. В условиях геоэкономического раскола роль БРИКС как площадки для диалога между Югом и Севером приобретает особую значимость для обеспечения стабильности мировой энергетической системы.

Рассадин С.В.
(Тверь, ТвГУ)

ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ В КОНТЕНТЕ СЕМЕЙНЫХ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ «ВКОНТАКТЕ» РЕЛИГИОЗНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аксиологическая перспектива России как «семьи семей» купирует этнические, территориальные, гендерные конфликты, актуализирует связь семьи и Родины, способна преодолеть негативную «семантическую избыточность» в концептосфере «патриотизм» в СМИ. Активно реализуемая с 2000-х гг. государственная семейная по-

литика формирует повестку, направленную на решение внутренних проблем развития страны, которая создает позитивный образ российской власти. Задача исследования – эксплицировать артикулируемые семейные ценностей в контенте семейных онлайн-сообществ «ВКонтакте» религиозной направленности. Эмпирическое исследование проводилось в августе – декабре 2024 г., были отобраны в сети «ВКонтакте» семейные сообщества религиозной направленности («Семья в Исламе» и «Русское Православие и Традиции»).

Аксиологический ряд группы «Семья в Исламе» фундирован цитатами священных книг мусульман. Основные темы онлайн-сообщества – семья, субъекты визуального ряда – супруги или родители с детьми. Контент описывает истории с позитивными отношениями между членами семьи. Социальные проблемы (здравоохранение, образование и пр.) в контенте сообщества в изучаемых периодах не рассматриваются.

В контенте преобладают директивный жанр и жанр пожеланий-благодарностей, отсутствуют проблемно-аналитические, развлекательно-смеховые жанры. Директивный жанр представлен четкими указаниями, что необходимо делать супругам, родителям, детям в семейной жизни. Жанр пожеланий-благодарностей отличается от директивного более слабой интенцией рекомендаций, выражает уважение и признательность. Анализируя обращения в постах, можно сделать вывод, что основными подписчиками сообщества являются мужчины. Именно им организаторы сообщества посылают месседж, что мужчины в браке должны быть ответственными за благосостояние и согласие в семье.

Основной семейной ценностью организаторы группы и подписчики полагают согласие в семье, которое складывается как результат обладания членами семьи правильных моральных добродетелей, взаимодополнение асимметричных супружеских ролей. На основе материалов сообщества отчетливо реконструируется неотрадиционалистский семейный порядок, предписывающий мужчинам исполнять долг главы семьи, но с учетом современных реалий позволяющий им в семейных отношениях практиковать романтический сценарий. Таким образом, в онлайн-группе проявляется связь религиозных и семейных ценностей «истинный мусульманин – истинный семьянин».

Основные тематические кластеры сообщества «Русское Православие и Традиции»: 1) религия/церковь (60% контента); 2) политика (18,3% публикаций), в том числе международные отношения; 3) проблемы семьи, отношений между полами, «задачи мужа и роли жены» и пр.

Среди субъектов материалов о политике 23,5% занимают священники, 6,6% – воины, а также политики, известные деятели культуры, исторические личности. Контент оправдывает лозунг сообщества «Православная семья – основа России!», аксиологическими основаниями контента являются ценности религии, Родины, семьи, а более точно, православного христианства, России, традиционной семьи.

Таким образом, для религиозных сообществ ценность семьи легитимируется вероисповедальными установками, включенностью семьи в систему духовных координат православия и ислама. Как и в случае секулярных обществ, в религиозных сообществах семья признается безусловной ценностью, фиксируется сцепка религиозных и семейных ценностей «истинный православный – истинный семьянин», «истинный мусульманин – истинный семьянин». Общими характерными чертами дискурса данных сообществ является приверженность традиционным ценностям российского общества, согласие в семье, которое складывается как результат обладания членами семьи правильных моральных добродетелей, взаимодополнение асимметричных супружеских ролей.

Расторгуев С.В.
(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ РОССИИ

В эпоху «смерти» больших нарративов, под которыми политическая наука» понимает идеологии (прежде всего, светские), неизбежно встает вопрос о конструктах, которые составляют центр символического пространства в политике и определенную точку отсчета (символический бенчмарк) в политических исследованиях. Достаточно логично, что в качестве центрального исторического нарратива выбрано событие глобального масштаба, в той или иной форме вовлекшее в совместную деятельность практически все население СССР (предков современных граждан страны на глубину 2-3 поколений), доказавшее высокий адаптивный потенциал общества и государства при столкновении с тотальной экзистенциальной угрозой. Поскольку политическая наука занимается изучением политики как властной деятельности по распределению ресурсов и принятию решений на макро– и мезо– уровнях, то период Великой Отечественной войны, ее итоги и последствия выступают в качестве экспериментального полигона для тестирования значительного количества базовых политологических концептов: ресурсная мобилизация, политическая система, политический режим, политическое лидерство, этнополитика, принятие государственных решений и др.

Символическая политика обращается к нарративам Великой Победы для легитимации существующих властных отношений во внутренней и внешней сферах, стремясь консолидировать различные социальные группы на основе общности судьбы, национально-государственной (цивилизационной) идентичности. В международных отношениях нарративы Великой Победы призваны консолидировать пророссийских акторов как среди политических элит, так и среди широких масс, при этом «ревизия» исторических сюжетов периода 1939–1945 гг. в ряде стран постсоветского пространства и социалистического блока логично воспринимается в качестве ангажированной различными силами фальсификации истории. Значимость центрального национального нарратива увеличилась в 2014 г. в связи с началом вооруженного противостояния на Украине и в еще большей степени возросла с началом специальной военной операции в 2022 г. Можно проследить непосредственное влияние нарративов Великой Победы на интерпретацию (как официальную, так и на неофициальную) традиционных духовно-нравственных ценностей, которые позиционируются в качестве фундамента позитивного образа будущего России.

Можно предположить, что любые центральные символические нарративы неизбежно приобретают некоторые сакральные черты и требуют защиты от «подрывных» альтернативных нарративов, которые могут носить как медийный, так и академический характер. В этой связи политическая наука, исследующая инструменты политики памяти, символическую политику, способы мобилизации ресурсов, не избегая рациональной критики, анализирует силы, слабости, возможности и угрозы центрального исторического нарратива. Политическая наука показывает, как данный нарратив влияет на национальную идентичность, социальное согласие, международную позицию страны. Именно научно обоснованные, доказательные аргументы политологии и других общественных и гуманитарных наук могут быть использованы органами государственной власти для повышения результативности и эффективности символической политики.

Рахматуллин Ш.Д.
(Тюмень, ТюмГУ)

МЯГКАЯ СИЛА РОССИИ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ: ПОМОЩЬ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Восточная Африка является важным регионом и зоной стратегических интересов России. Образование становится ключевым каналом реализации «мягкой силы», позволяя формировать позитивный имидж, укреплять долгосрочное сотрудничество и дипломатические контакты в особенности с такими членами ВАС как: Кения, Танзания, Уганда.

Россия имеет дружественные связи с регионом. Советский Союз начал активное сотрудничество со странами Африки со второй половины 1950-х гг., когда на Африканском континенте стал бурно проходить процесс деколонизации. В 1958 г. на волне массового получения африканскими странами независимости в МИД СССР был создан Африканский отдел. Активная фаза помощи СССР в предоставлении помощи странам ВАС отмечается в период 1960–1980-х гг. Были установлены дипломатические отношения со всеми странами: Танганьика – 1961 г., Уганда – 1962 г., Кения – 1963 г.

Были оформлены соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве. Многие школьные учреждения были построены советскими специалистами. Например, в декабре 1964 г. в столице Кении, Найроби был открыт Институт по подготовке партийных кадров им. Патриса Лумумбы. СССР также способствовал строительству технического колледжа города Мбея в первой половине 1980-х гг. в ОРТ.

Советские учителя также отправлялись в командировки для обучения африканских детей. Например, в ОРТ, начиная с 1969 г. ежегодно отправлялись специалисты в соответствии с контрактом № 50760.

СССР подписал со всеми участниками соглашения о культурном сотрудничестве, в рамках которого африканские студенты получили возможность учиться в крупных университетах Советского Союза.

Предлагались стипендии двух видов: государственные стипендии, направляемые правительству стран и министерству образования «дружественным странам», а также предлагались субсидии от советских общественных, культурных и политических организаций, которые, по идее, действовали независимо от советского правительства. Среди них были такие организации, как Советский комитет афро-азиатской солидарности (СКССАА), Комитет молодежных организаций (КМО). С 1960-х по 1980-е гг. стипендии, предоставляемые такими организациями, составляли примерно 25% всех советских стипендий.

В период с 1960 по 1990-е гг. произошло постепенное наращивание количества обучающихся студентов (например, в 1964 г. училось в Кении – 48 чел., в Танзании – 106 чел., в Уганде – 37 чел.). Однако уже в 1990 г. кол-во студентов уже превышало другую отметку: (Кения – 131 чел., Танзания – 486 чел., Уганда – 335 чел.). В среднем, общее количество студентов за этот период варьировалось от 150 до 350 чел. во всех представленных странах.

Большая часть студентов из Восточной Африки обучались по трем направлениям: медицина и фармакология (29,8%), инженерное дело (26,6%), политэкономические науки (11,4%).

В основном студенты обучались в Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН). Также студенты Восточной Африки были распределены и

в другие ведущие вузы СССР. Подавляющее большинство студентов учились в Московских, Киевских, Харьковских, Ленинградских и других престижных университетах, медицинских и технологических институтах или в техникумах.

В соответствии с информацией Министерства образования РФ на период 2022 г. обучалось уже около 27 тыс. африканских студентов. В 2023 г. было выделено более 4,7 тыс. государственных квот для граждан африканских стран.

В настоящее время российские и африканские власти, эксперты и представители бизнеса уделяют большое внимание популяризации российского образования в Африке. Совсем недавно, в 2023 г., прошла II Международная парламентская конференция «Россия – Африка», посвященная вопросам сотрудничества в сфере образования. Это мероприятие объединило парламентариев, ученых и представителей образовательных учреждений из России и различных африканских государств.

Россия стремится увеличить число африканских студентов до 15 тыс. студентов к 2025 году с помощью таких мер, как программа «Стипендии для России и Африки».

В условиях нынешней геополитической ситуации совместные образовательные инициативы между Россией и Африкой имеют потенциал для решения ряда ключевых задач.

Во-первых, углубление взаимодействия в этой области позволит России найти надежных партнеров среди стран Южного региона и выстроить эффективное сотрудничество, что особенно актуально в свете кризиса в отношениях с Западом.

Во-вторых, формирование положительного имиджа российского образования на международной арене позволит увеличить объем несырьевого экспорта РФ, привлечь больше студентов из Африки в отечественные вузы.

Рашковский Е.Б.
(Москва, ИМЭМО РАН)

НАСЛЕДИЕ БХИМРАО РАМДЖИ АМБЕДКАРА: ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ «НЕПРИКАСАЕМЫХ»

Настоящий доклад подготовлен в продолжение и переосмысление (что называется, «по горячим следам») только что вышедшей монографии автора: «Бхимрао Рамджи Амбедкар: социальная философия отверженных» (М.: А.В. Воробьев, 2025. 86 с.).

Человек или человеческая группа начинает всерьез (и отнюдь не автоматически) задумываться о проблематике своей идентичности лишь с того момента, когда осознаёт себя неотъемлемой частью человеческого рода и видит свое место в этом родовом статусе.

Историческая ситуация многомиллионных масс индийских париев была, по существу, ситуацией рабов под властью коллективного рабовладельца – сельской общины. Рабов, обреченных на самые унизительные и смрадные работы.

Гуманистические веяния среди кастовых индийцев (раджа Раммохан Рай, Махатма Джьотирао Пхуле, Рабиндранат Тагор, Махатма Ганди) привели к тому, что лучшие умы Индии подошли к вопросу о недопустимости и позорности для самой Индийской цивилизации этой формы коллективного рабства. Однако их подход к проблеме характеризовался чисто просветительской и филантропической ограниченностью.

Амбедкар (1891-1956) – сам выходец из среды махаров – «неприкасаемых» Маха-

раштры – и один из Отцов-основателей Независимой Индии едва ли не первым в индийской истории поставил вопрос об индийских «проклятьем заклейменных», «отверженных (далитах)» как о самостоятельных субъектах общественно-политических процессов в стране, тогда как буржуазно-либеральный Конгресс и национал-коммуналистские движения относились к далитам прежде всего как к объекту политической мобилизации. И всё это прямо или косвенно вело к оправданию кастового строя как «самобытной» формы социальной самоорганизации. Формы, возможно, подлежащей со временем смягчению, но всё же – непреложной.

Для Амбедкара же особо важной была задача политической самоидентификации далитов, а в плане идейном – самоидентификации религиозного порядка. Интересная сторона мировоззрения и проповеди Амбедкара – его негативное отношение к той социалистической фразеологии, которой оперировали (как и поныне) и Конгресс, и марксисты, и коммуналисты. Вполне отдавая себе отчет в трудностях буржуазно-демократического развития, он всё же полагал, что капиталистическая индустриализация и урбанизация, вовлекая в свои нелегкие процессы миллионы деревенских рабов, всё же открывает для их значительной части (строителей, сантехников, кожевников, текстильщиков, парикмахеров, прачек, мелких клерков, учителей...) более человечные условия жизни и самосознания, не говоря уже об общественно-политической и духовной активности. Однако, отвергая «финалистский» (по его словам) характер социалистических доктрин и отдавая предпочтение буржуазному пути развития именно для «проклятьем заклейменных», Амбедкар настаивал на особой ценности институтов гражданского общества на путях индустриально-урбанистического становления. В частности, и на ценности правоупорядоченной самоорганизации народных низов.

В плане духовном, Амбедкар разработал особую версию реформированного буддизма – по канто-толстовскому принципу – «в пределах одного только разума». За модернизированным буддийским обращением Амбедкара (как раз незадолго до его кончины) последовали сотни тысяч «неприкасаемых».

Посмертной победой Амбедкара (наряду с общими принципами индийского конституционализма) оказалось становление новых поколений индийских интеллигентов и политиков из числа «неприкасаемых» (scheduled castes and tribes), развитие в этой среде новых, гуманистических форм идентичности, многозначного выдвижения проблемы человеческого статуса «неприкасаемых» на авансцену индийской мысли, политики и культуры. К числу посмертных его побед отнесу и то обстоятельство, что многочисленное, но – по индийским меркам – «малое стадо» (Лк 12:32) его последователей, обретя новую политическую и духовную идентичность, сумело восчувствовать и понять свое священное человеческое естество.

Посмертным же его поражением является то обстоятельство, что, немного повысив свой ритуальны статус, далиты-последователи Амбедкара оказались лишь очередным фрагментом в динамике кастово и религиозно дробного индийского общества. Но, как говорят у нас на Руси, – «лиха беда начало».

Однако справедливости ради следует в этой связи отметить, что кастово-религиозная и этническая дробность нынешнего индийского общества смягчает и существенно купирует тоталитаристские поползновения части коммуналистских политических сил (в рядах RSS, BJP, этнических, религиозных и кастовых партий в штатах и т. д.). Наследие же Амбедкара, одного из создателей индийской Конституции, ученого, политика и публициста – несомненная часть общедемократических традиций Республики Индия.

Решетникова Е.Н.
(Уфа, УУНиТ)

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ФОРМАТЫ

Актуальность исследования механизмов патриотического воспитания в современной России обусловлена процессами трансформации политической коммуникации и необходимостью консолидации общества в условиях геополитической турбулентности. Патриотизм, как ключевой элемент общенациональной идентичности, сегодня формируется в принципиально новой медиасреде, что требует переосмысления традиционных подходов.

Истинный патриотизм представляет собой не слепое преклонение, а деятельную любовь к Родине, основанную на уважении к ее истории, культуре и традициям, готовности трудиться для ее процветания и защищать ее интересы. В его основе лежит не просто эмоциональный порыв, а осознанная гражданская позиция, сочетающая личные и общественные интересы. Как отмечал философ Владимир Соловьев, истинный патриотизм заключается в стремлении к высшим благам, которые «не разделяют, а соединяют людей и народы». В противовес ему ложный патриотизм часто проявляется в громких заявлениях без реальных дел, популизме и националистической риторике, которая противопоставляет народ государству или разжигает межнациональную рознь.

Понимание патриотизма российской молодежью отличается сложностью и неоднородностью. Социологические исследования показывают, что для значительной части молодых людей патриотизм ассоциируется с любовью к Родине, гордостью за ее историю и готовностью ее защищать. Однако существует и заметный скепсис, обусловленный неудовлетворенностью экономическими, политическими или социальными условиями жизни. Многие молодые люди подчеркивают, что патриотизм должен быть «не слепым, а опирающимся на современные и актуальные факты». Важным аспектом является и то, что молодежь видит патриотизм не только в готовности к военной защите, но и в повседневной деятельности на благо страны: труде врачей, волонтеров, ученых, политиков, искренне служащих развитию государства.

Важность патриотического воспитания в современной России невозможно переоценить. Оно является стратегическим ресурсом государственной политики и инструментом противодействия интенсивной информационно-психологической войне, ведущейся против России с целью размывания исторической памяти и национальной идентичности. Как подчеркивал Президент РФ В.В. Путин на заседании Совета по культуре и искусству в Санкт-Петербурге (2016), «патриотизм – это главное. Без этого России пришлось бы забыть и о национальном достоинстве, и о национальном суверенитете». Целью воспитания является формирование не просто лояльного гражданина, а активного и критически мыслящего патриота, способного отделять правду ото лжи и вносить вклад в развитие страны.

В цифровую эпоху политическая коммуникация становится ключевым каналом патриотического воспитания. Она приобретает сетевой, интерактивный и визуальный характер. Трансляции парадов Победы, исторические онлайн-квизы, проекты типа «Без срока давности» в социальных сетях, деятельность молодежных движений – все это формирует новый коммуникативный ландшафт патриотизма. Эти форматы позволяют говорить с молодежью на понятном ей языке, превращая пассивного потребителя информации в активного участника диалога. Однако, как справедливо отметил

Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин на заседании Совета по попечительству в социальной сфере (2021), важно «создавать собственный, востребованный молодежью контент, который будет формировать её ценностные ориентиры». Эффективный ответ на вызовы лежит в плоскости создания альтернативного, качественного и эмоционально насыщенного контента, основанного на достоверных фактах и героических примерах отечественной истории.

Таким образом, современное патриотическое воспитание молодежи представляет собой сложную систему политической коммуникации, где традиционные ценности транслируются через современные цифровые форматы. Его эффективность напрямую зависит от способности государства и институтов гражданского общества вести искренний и открытый диалог с молодым поколением, предлагая ему осмысленное участие в строительстве будущего страны. Перспективными видятся проекты, сочетающие онлайн-активность с офлайн-практиками (волонтерство, поисковые отряды, краеведение), что обеспечивает целостность воздействия на формирование осознанного патриотического сознания, основанного на делах, а не только на словах.

Римский В.Л.
(Москва, МПСУ)

КРИЗИС И РАСПАД ЛОГОЦЕНТРИЗМА В РОССИИ И В ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Современный мир переживает глобальный социокультурный кризис, углублённое осмысление признаков и сущности которого возможно с позиций смыслогенетической концепции эволюции культуры А.А. Пелипенко[157]. При разнообразии признаков системного кризиса существует его общая причина для всех 8 цивилизаций, выделенных Самюэлем Хантингтоном: западной, конфуцианской, японской, исламской, индуистской, православно-славянской, латиноамериканской и африканской[158]. Этой общей причиной в соответствии со смыслогенетической концепцией А.А. Пелипенко является распад логоцентрической социокультурной системы, которая ранее сложилась во всех этих цивилизациях, т.е. была их общей культурной основой.

По мнению А.А. Пелипенко эволюция культуры определяется эволюцией смысловых форм взаимодействий людей с миром. Любой человек неосознанно стремится к своему существованию без противоречий, к жизни в органичном единстве со своим сообществом и окружающей природой. Культура через осмысление возникающих противоречий позволяет их разрешать, но одновременно создаёт новые, которые затем снова приходится разрешать, что поддерживает нестабильность культурных систем, рано или поздно сменяющих друг друга.

По А.А. Пелипенко в человеческой истории полностью реализовались мифоритуальная и логоцентрическая социокультурные системы. Мифоритуальная система культуры сформировалась в верхнем палеолите от 40000 до 10000 лет назад, а примерно в период возникновения первых древних государств во II тысячелетии до н.э.

[157]Пелипенко А.А. Смыслогенетическая концепция культуры // Культура. Народ. Экосфера. Выпуск 2. М., 2008. С. 3-16. Пелипенко А. А. (2014а) Избранные работы по теории культуры. Культура и смысл. — М.: ООО «Издательство «Согласие»; Издательство «Артём», 2014. — 728 с. Пелипенко А. А. Глобальный кризис и судьбы Запада. – М.: Издательство «Знание», 2014. – 224 с.

[158]Huntington S. The clash of civilizations? // Foreign Affairs. 1993. No. 72 (3). P. 22–49. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон; [пер. с англ. Т. Велимеева]. М.: АСТ, 2016. 640 с.

стала заменяться логоцентрической. Расцвет логоцентризма в христианских и исламских цивилизациях пришёлся на Средние века. Примерно с эпохи Возрождения XIV–XVI веков в Западной Европе стала формироваться новая социокультурная система со старыми характеристиками логоцентризма, и новыми, ему не соответствующими. Так в традиционном логоцентрическом обществе человек подчинён своему сообществу, а в новой европейской социокультурной системе человек стал автономной личностью со свободой выбора и индивидуальной ответственностью за своё социальное поведение. Но развитие внутренних противоречий этой новой системы через расцвет в XVIII–XIX веках к середине XX века привело к исчерпанию социокультурной парадигмы и формированию новой постлогоцентрической культурной системы.

В период расцвета западной социокультурной системы в ней сформировался доминирующий тип человеческого субъекта, который А.А. Пелипенко назвал буржуазной личностью, чтобы отличать её от личностей предшествующих эпох. В ментальности (в когнитивности, определяющей в культурной традиции смыслы и оперирование ими) буржуазной личности сочетаются доминирование вербального образования смыслов, рациональности, следования социальным институтам на основе ценностей своего сообщества и традиций культуры, являющиеся логоцентрическими характеристиками, и стремление к самоактуализации, самодостаточности, разрешению противоречий с помощью анализа и синтеза смыслов, к критицизму, к свободе, к освобождению от ограничений культуры и др. К настоящему периоду такая противоречивость характеристик привела ко всё большему доминированию новых, постлогоцентрических субъектов, сознание которых на новом этапе развития отчасти повторяет характеристики сознания родовых индивидов мифоритуальной культурной системы. Это, например, проявляется в росте ценности мифов в качестве средств осмысления мира, в переходе к доминированию невербальных способов смыслообразования, в лёгкой, нередко ситуативной смене идентичностей, отказу от постоянного служения какой-то идее, от постоянного исполнения своих функциональных обязанностей и т.п.

Западная цивилизация стала лидером распада логоцентризма, а вместе с ним и порождённых им социальных институтов, в силу культурной традиции обоснованных вербально, на основе рациональных договоров. Сознание и социальное поведение постлогоцентриков становится почти невозможным регулировать моральными или нравственными нормами, нормами законов, традициями человеческого общежития и т.п. Постлогоцентрики активно разрушают социокультурную систему, в которой живут. Поэтому западная цивилизация переживает кризис утраты ценностей.

В России распад логоцентризма происходит иначе. По историческим причинам в России логоцентризм никогда не доминировал, а мифоритуальные компоненты культуры оставались значимыми. Постлогоцентриков в России также становится всё больше, их сознание сочетает образность, целостность и эмоциональность восприятия с компонентами традиционной ментальности, интересом к духовности, визуализациям, альтернативным формам знания и т.п.

В России системный кризис стал кризисом отсутствия консенсусной ценностной модели развития, релятивизма его целей и нежелания большинства следовать западным ценностям, показавшим свою неадекватность. На этой основе в коммуникации политиков и других представителей России и западной цивилизации крайне сложно находить общие смыслы и консенсусы в определении ценностей и направлений развития.

Рогач Н.Н.
(Москва, ЧелГУ)

РОССИЙСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ГРАЖДАН СТРАНЫ

В последние годы в научном и общественном дискурсе все чаще артикулируется идея о том, что Россия представляет собой государство-цивилизацию, сущность которого определяется уникальным сочетанием политических и социокультурных начал, находящих свое выражение в цивилизационном коде нашей страны. Данный тезис последовательно звучит как в выступлениях государственных деятелей, так и в документах стратегического планирования и иных нормативных актах Российской Федерации, что придает ему не только символическое, но и институциональное значение. Под цивилизационным кодом понимается своеобразный ценностный алгоритм, определяющий специфику мировосприятия и поведения российских граждан, обеспечивающий существование российской цивилизации в едином временном континууме «прошлое – настоящее – будущее» и отражающий единство стабильных и динамических характеристик, которые одновременно обеспечивают ее сохранение и развитие.

Научное и экспертное сообщество также демонстрирует возрастающий интерес к данной тематике. В 2024–2025 гг. проблематика цивилизационного кода вышла в число приоритетных направлений научных и экспертных обсуждений. В этой сфере проводятся научные конференции и круглые столы с участием ведущих отечественных исследователей социогуманитарного профиля, публикуются статьи и монографии, инициируются комплексные исследовательские проекты. Все это свидетельствует о значительно возросшей потребности в комплексном изучении глубинных ценностно-смысловых оснований, которые обеспечивают целостность российского общества и задают ориентиры для устойчивого развития нашей страны в будущем.

Вместе с тем представляется чрезвычайно важным заниматься не только разработкой теоретических положений, связанных с концептуальным осмыслением содержания цивилизационного кода, но и анализом того, каким образом его ключевые элементы – в частности, цивилизационные императивы – воспринимаются гражданами и какое место они занимают в структуре массового сознания. Подобный анализ позволяет рассматривать их как реально действующие регуляторы социальной жизни: он выявляет степень их укорененности в индивидуальном и коллективном сознании, демонстрирует способы их интерпретации и репрезентации в реальных социальных практиках.

С этой целью осенью 2025 года научный коллектив лаборатории экспериментальных политико-психологических исследований историко-филологического факультета Челябинского государственного университета провел научное исследование, направленное на изучение восприятия российских цивилизационных императивов в массовом сознании граждан. Для этого был проведен всероссийский онлайн-опрос методом стихийной выборки, в котором приняли участие около четырех тысяч респондентов, представляющих различные регионы страны, возрастные, образовательные и профессиональные группы.

Дизайн исследования включал вопросы закрытого и открытого типа, а также ряд методов, направленных на выявление глубинных ассоциативных структур массового сознания. Применялись семантический дифференциал, метод неоконченных предложений и ассоциативные техники, что обеспечило сочетание количественных и качественных процедур анализа. Такой инструментарий позволил фиксировать не только статистически значимые тенденции в ответах респондентов, но и содержательные интерпретации

ключевых понятий, сопряженные с личным опытом и коллективной социальной памятью российских граждан.

Анкета была выстроена вокруг пяти центральных императивов российского цивилизационного кода, выделенных на основе предшествующих теоретических разработок: Вера, Воля, Семья («Мы»), Правда и Родина. Рабочая гипотеза заключалась в том, что данные императивы функционируют как устойчивые ценностные доминанты, определяющие мировоззренческие ориентации граждан; при этом их интерпретации могут варьировать в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов и сопрягаться с конкретными историко-культурными образцами. Особое внимание уделялось предположению о наличии разрыва между личными установками респондентов и их оценкой поведения общества в целом.

Проведенное исследование позволило сформировать репрезентативный массив эмпирических данных, на основе которого открываются возможности для дальнейшего анализа ценностных оснований развития российской цивилизации. Вместе с тем полученные результаты обладают прикладным значением: собранные материалы могут быть использованы при разработке и совершенствовании методических и дидактических комплексов, предназначенных для использования в гражданско-просветительской и воспитательной работе.

Исследование выполнено в рамках проекта по государственному заданию № 075-00186-25-05 «Российские цивилизационные императивы: концептуальное наполнение и восприятие в российском обществе» (шифр FEGG-2025-0008), реализуемому в ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и АНО ЭИСИ.

Рожнева С.С.
(Петрозаводск, ПетрГУ)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ИЗУЧЕНИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Арктика представляет собой стратегически важный международный регион в вопросах внутреннего и внешнего значения, а мозаичность Арктической зоны РФ (далее – АЗРФ) обращает исследовательское внимание к процессам, протекающим в суровых климатических условиях и к факторам развития северных территорий страны.

Несмотря на схожие характеристики субъектов АЗРФ, по своей сути они разнятся, что отражается, в т.ч., и в практиках участия избирателей и в конфигурации их преференций политическим силам страны. К этому следует добавить, что существующие западные и отечественные теории и объяснительные модели электорального поведения и предпочтений, особенно, в случае с территориями Российской Арктики, нуждаются в адаптации.

С точки зрения сравнительного изучения и недопустимости нерепрезентативности данных, при исследовании электоральных процессов в АЗРФ необходимо учитывать ряд факторов.

Во-первых, социально-экономический паттерн арктического субъекта, включающий в себя статус его периферийности, наличие приграничных территорий международного значения, включая национальные районы, особо-охраняемые природные территории, долю городского и сельского населения в структуре электората, наличие моногородов и т.д.

Во-вторых, зависимость электоральной явки от уровня выборов первого или второго порядка, специфику региональных политических режимов в соотношении законодательных и исполнительных структур, и то, как эти процессы отражаются на муниципальном уровне арктических районов.

В-третьих, вес политических сил страны в субъектах АЗРФ, влияющий на конфигурацию электоральных предпочтений, уровень поддержки, с одной стороны, с другой, на степень проявления протестного потенциала в округах на выборах разного уровня, что отражается в разнообразии моделей голосования в арктических районах, в особенностях, т.н., «арктической» электоральной культуры, в вопросах идентичности жителей.

В методологическом плане Российская Арктика – это кейс, когда «мало случаев – много переменных», что, во избежание риска «концептной натяжки», требует установления корреляционных зависимостей данных в сравнительном анализе, в применении матричного подхода и картографического метода в кластеризации переменных и выделении общих и отличных черт в электоральных процессах в субъектах Арктической зоны страны.

Так, например, на основе данных ЦИК РФ, изучая, как вел себя избиратель АЗРФ на выборах Президента РФ в 2024 г., автору удалось прийти к выводам, что в целом, электоральная явка в северных районах была немного ниже, нежели по стране, и составила в значениях медианы 70,70% против 77,33% по РФ. При этом, в сравнении с выборами главы государства в 2018 г., можно было наблюдать тенденцию высокой активности избирателей (80%) в трех субъектах Российской Арктики – Ямало-Ненецкий (98,03%), Ханты-Мансийский (92,68%) и Чукотский (91%) автономные округа. Также к этому стоить добавить, что, согласно коэффициенту корреляции Пирсона значений явки от плотности избирателей и структуры электората, проживающем в округе, обнаружены повышенные ее значения на архипелаге Новая Земля, в закрытых территориальных образованиях Мурманской области, в сельских местностях по территориям АЗРФ. Наряду с традиционным участием, в северо-западных субъектах Российской Арктики избиратели могли проголосовать дистанционно. В этом случае электоральная явка тоже была высокой.

Подтвердился факт, что поскольку президентские выборы относятся к категории выборов первого порядка, постольку это не только мотивирует российского избирателя принимать в них более активное участие, но и использовать тактику стратегического голосования[159], отдавая свой голос за «основного» кандидата, которым на протяжении длительного времени является В.В. Путин.

Анализ электоральных предпочтений, установление линейной зависимости количества недействительных бюллетеней и электоральной явки по каждому избирательному округу АЗРФ (Rxy= 0,56), свидетельствует не только о наличии протестного потенциала, но и в проявлении трех моделей голосования, относительно кандидатов, занявших второе место на президентских выборах 2024 г.: «Путин – Даванков» (Мурманская область, арктические районы Архангельской области, республик Карелия и Коми, Красноярского края), «Путин – Слуцкий» (Ханты-Мансийский и Чукотский автономные округа) и «Путин – Харитонов» (Ненецкий автономный округ и субъекты АЗРФ Ханты-Мансийского автономного округа (Югры) и Республики Саха).

Выявленная конфигурация электоральных предпочтений продемонстрировала, что на президентских выборах 2024 г., несмотря на доминирование в Российской Арктике модели голосования «Путин – Даванков», в районах с преобладающей численностью сельского населения и с высокой долей проживания коренных малочисленных народов севера наблюдалось традиционное голосование за кандидатов от КПРФ и ЛДПР.

[159]Туровский Р.Ф. Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации // Полития. 2018. №2 (89). С. 24.

В итоге, стоит заметить, что кейс Российской Арктики может быть универсальным для сравнения социально-экономичемских и политичеких процессов, протеающих в регионе, особенно в случае изучения специфики электорального поведения и предпочтения жителей северных территорий на выборах разного уровня.

Романова А.П.
(Астрахань, АГУ)

ИРАН КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СИЛЫ: МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И ВЗГЛЯД ИЗ РОССИЙСКОГО ПРИКАСПИЯ

Хотя сама теоретическая проблематика центров силы появляется в конце XX века, предпосылки формирования реальных центров силы в социуме появляются гораздо раньше. Анализ дискуссии, связанной с проблематикой центров силы, активно проходящей как в России, так и за рубежом, мы делали ранее. (Романова А.П., Морозова Е.В.) Разно масштабность центров силы от универсальных, мировых, до региональных, позволяет сформировать геополитическую сеть таких центров, охватывающих практически весь мир. И, как любая сеть, она изменчива, подвижна и меняет вектора влияния в зависимости от политической конъюнктуры. Однако формирование самих центров силы, в отличие от их виртуальных имиджевых конструкций, дело сложное и небыстрое. Для их появления и признания таковыми нужны веские основания. Наряду с необходимой совокупностью ресурсов, позволяющих занять важную геостратегическую позицию, значимым моментом является наличие соответствующих маркеров национальной идентичности и соответствующего имиджа. Особенно это касается региональных центров силы. Ряд государств, не претендуя на занятие позиций мировых, или универсальных центров силы, тем не менее претендует на статус регионального центра.

Уже к первой декаде третьего тысячелетия Иран, наряду с Турцией рассматривался как формирующийся региональный центр силы на Востоке. У Ирана есть предпосылки считаться таковым уже в силу геостратегического местоположения, масштабов территории и населения, наличия ресурсов и производственных возможностей. Однако дополнительным важным фактором влияния является национальная идентичность иранцев. Во-первых, в истории Ирана культурная память о мощи Персидской империи, хотя и отодвинута на задворки современной религиозной идентичностью, продолжает занимать особое место и подпитывать фактор самооценки жителей Ирана как наследников великой цивилизации.

Во-вторых, шиитский маркер иранской идентичности тоже играет свою роль. Иран – самая крупная страна, исповедующая шиизм, куда еще в начале тысячелетия известный англо-американский исследователь Вали Наср определил перспективу перемещения исламского центра тяжести (Мирский Г.) Несмотря на то, что среди молодежи постепенно начинает формироваться интерес к секулярному западному мировоззрению, статус шиизма как мистического избранного богом сакрального направления продолжает конструировать современную иранскую идентичность.

Важным фактором формирования центра силы является его виртуальная медийная составляющая, образ страны в общественном мнении, прежде всего других участников

макрорегиона. Мы провели социологический опрос (июнь-август 2025 г). Количественного характера среди жителей трех Прикаспийских регионов (Республики Калмыкии, Республики Дагестан и Астраханской области). Оценивая Иран, респонденты отмечают преимущественно древность и высокую религиозность Иранского государства. Почти 70% опрошенных рассматривают его как развитую передовую страну, 95% отмечают религиозную ориентацию исламского государства. Больше половины опрошенных нами прикаспийских респондентов оценивают Иран как стратегического партнера России. Около 40% считают, что Иран оказывает достаточно сильное влияние на Каспийский макрорегион. Таким образом, мы видим, что важные маркеры иранской идентичности работают на создание имиджа Ирана как тяжеловеса в регионе.

Однако, в позиции Ирана, как регионального центра силы, есть некоторая парадоксальность, поскольку Иран является одновременно частью двух макрорегионов, где играет весьма заметную роль: Каспийского и региона арабского востока. Если в Каспийском регионе доминирующее положение занимает Россия, которая однозначно является тяжеловесом в этой сфере и могла бы в принципе претендовать не только на статус макрорегионального, но и мирового центра силы (а в данный момент особые претензии предъявляет и Республика Азербайджан), то в регионе арабского востока Исламская республика Иран является региональным тяжеловесом, обладающим не только намерениями, но и возможностями доминировать (особенно в свете событий ирано-израильской двенадцатидневной войны 2025 г.).

Руденко М.В.
(Донецк, ДонГУ)

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА В ДНР В 2022 Г. В РАМКАХ РАБОТЫ ВРЕМЕННОЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ КОМИССИИ

В связи с интенсификацией боевых действий в регионе в ходе СВО, а также освобождения ранее оккупированных киевским режимом территорий Республики, в ДНР в 2022 г. возникла потребность оперативного мониторинга восприятия текущей ситуации проживающими в государстве национальными сообществами.

Данные обстоятельства обусловили создание постановлением парламента ДНР от 20.05.2022 г. № II-679П-НС Временной комиссии Народного Совета ДНР по вопросам защиты национальных меньшинств (далее – ВК). Председателем Временной комиссии был избран депутат Народного Совета О.В. Онопко. Поставленная перед ВК цель обусловила такие основные направления ее работы, как проектирование структурного развития национальных сообществ, анализ нормативных правовых актов в сфере национальной политики, этнополитический мониторинг и др.

За период с мая по сентябрь 2022 г. работа ВК была направлена на изучение, предварительное рассмотрение и подготовку решений и рекомендаций по вопросам, относящимся к ведению Народного Совета ДНР и касающимся защиты национальных меньшинств, отстаивания их интересов в целях дальнейшего развития прав и основных свобод лиц, принадлежащих к таким меньшинствам.

В рамках работы ВК по структурному развитию национальных сообществ был инициирован процесс самоорганизации греческого сообщества в ДНР, направлен-

ный на формирования единого национального объединения, способного выражать интересы греков ДНР. Кроме того, были разработаны проекты пакетов предложений по структурному развитию ряда других национальных сообществ, проживавших в Республике.

ВК провела анализ нормативных правовых актов в сфере национальной политики. Данное направление работы связывалось, прежде всего, с изучением законодательства Российской Федерации с целью гармонизировать с ним законодательство ДНР.

Однако главным направлением работы ВК являлся этнополитический мониторинг. Он представлял собой целенаправленную деятельность членов ВК и закрепленных за ней сотрудников Аппарата Народного Совета ДНР по осуществлению сбора и анализа информации об организационных и политических особенностях проживающих в государстве национальных сообществ, их объединениях, лидерах, текущей активности и проблемах.

Для решения данной задачи членами ВК совместно с представителями Донецкого национального университета и заинтересованных государственных органов ДНР был разработан концептуальный подход к проведению этнополитического мониторинга, научной основой которого стали теоретико-методологические результаты крупного междисциплинарного исследования в данной сфере, проведенного в 2017 г. Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Указанный подход включал в себя три главных этапа взаимодействия ВК с национальными сообществами:

1) предварительная работа: выявление лидеров национальных сообществ, их национальных объединений, поиск контактов и определение каналов дальнейшей коммуникации;

2) активная работа: проведение очных встреч и консультаций с лидерами национальных объединений, их опрос по анкете, разработанной в апреле 2022 г. совместно с представителями Донецкого национального университета и заинтересованных органов исполнительной власти ДНР;

3) аналитическая работа: подготовка по итогам анкетирования национальных объединений и личных бесед с их представителями аналитических записок о текущем состоянии национальных сообществ в ДНР.

В соответствии с данным подходом, между членами ВК были распределены основные направления работы и начато взаимодействие с национальными сообществами.

С мая по сентябрь 2022 г. состоялось 11 заседаний ВК, членами ВК проведено около 40 встреч и консультаций с представителями национальных объединений, завершено 6 анкетирований, подготовлено 11 проектов аналитических записок по итогам работы с национальными сообществами.

На организационном и научно-методическом уровне, соответствующем полноценным региональным российским аналитическим центрам или государственным научно-исследовательским учреждениям (подобные структуры в ДНР на тот момент отсутствовали), было спланировано и осуществлено этномониторинговое политическое исследование основных национальных сообществ, проживающих в Республике. По его итогам, а также в результате работы по остальным направлениям своей деятельности Временная комиссия пришла к следующим выводам:

1) Фактов нарушения прав и свобод представителей национальных меньшинств в ДНР за период работы ВК выявлено не было.

2) По состоянию на сентябрь 2022 г. ДНР де-факто являлось одновременно русским национальным и полиэтничным государством. Это означало, что в Республике все национальные сообщества сохраняли свою этнокультурную уникальность, свободно и успешно развивали свою культуру и этническую идентичность, которая органично

сочеталась и входила в русскую национальную идентичность Донецкой государственности и граждан ДНР.

3) В политическом плане все действующие в ДНР национальные объединения были настроены на конструктивное и плодотворное взаимодействие с государственными органами, выражали поддержку Республике и России в проводимой ими специальной военной операции.

Таким образом, основные из возложенных на ВК задач были выполнены. 24 октября 2022 г. в рамках пленарного заседания осенней сессии Народного Совета ДНР II созыва парламентарии заслушали отчёт о работе ВК за период с мая по сентябрь 2022 г., по итогу которого работа ВК была признана удовлетворительной и ее деятельность была прекращена.

Опыт работы Временной комиссии Народного Совета ДНР по вопросам защиты национальных меньшинств может быть востребован в дальнейшем при системной организации этнополитического мониторинга в Донбассе и Новороссии на постоянной основе.

Рудницкая А.П.
(Москва, РИЭПП)

ВЛИЯНИЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Времена перемен, мировая пандемия и политические потрясения второй декады XXI века оказали серьезное влияние на потенциал развития России в части научно-технологического комплекса. В интервале с 2016 по 2024 год произошли масштабные трансформации в области обеспечения реализации научно-технической политики, с учетом беспрецедентного санкционного давления со стороны стран глобального Запада на Россию.

В обновленной Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145) учтены важные аспекты: создание и развитие сети уникальных научных установок, центров коллективного пользования научно-технологическим оборудованием, центров экспериментального производства; интеграция технологий искусственного интеллекта для повышения качества и эффективности научных исследований и разработок; установлен порядок взаимодействия органов государственной власти РФ и организаций при реализации государственной политики в области научно-технологического развития; определены основные показатели оценки эффективности реализации стратегии, среди них: доля молодых ученых, объем налоговых поступлений в бюджет от реализации продукции, произведённой с использованием отечественных наукоемких технологий и др.; запланирована перестройка системы управления в области науки, технологий и технологического предпринимательства к 2030 году; определены подходы по ускоренной разработке импортонезависимых технологий, освоение и локализация известных иностранных технологий для устойчивого развития различных сфер; обоснована опережающая разработка принципиально новых научно-технологических решений, в том числе основанных на природоподобных технологиях.

Кроме того, 24 апреля 2025 года Правительство РФ утвердило обновленный перечень показателей эффективности госполитики в области научно-технологического развития (Распоряжение Правительства РФ от 10.04.2025 г. № 880-р). В нем 15 новых

целевых показателей, распределенных по трем ключевым блокам: рост инвестиций в науку, конкурентоспособность и результативность, создание и использование отечественных наукоемких технологий. Перечень увязан с СНТР РФ, Государственной программой развития науки и технологий и результативностью регионов на основе данных Национального рейтинга научно-технологического развития субъектов РФ (Минобрнауки России). Таким образом, сформирована сквозная логика управления наукой страны. Все становится более прозрачно и управляемо, новая система показателей позволит сформировать цифровой профиль каждого проекта.

Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года содержит три варианта научно-технологического развития (Минэкономразвития России):

1. Вариант инерционного импорто-ориентированного технологического развития. В рамках этого варианта расходы в данной сфере стагнируют, и наукоемкость ВВП РФ к 2030 году возрастает только до 1,3%.

2. Вариант догоняющего развития и локальной технологической конкурентоспособности, соответствующий инновационному сценарию прогноза Минэкономразвития России. В рамках этого варианта доля расходов повышается к 2030 году до 2,5% ВВП РФ.

3. Вариант лидерства в ведущих научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях, который соответствует форсированному сценарию прогноза Минэкономразвития России. Доля расходов увеличивается до 3% ВВП РФ.

Некоторые приоритетные направления научно-технологического развития, утвержденные указом президента Владимира Путина:

– высокоэффективная и ресурсосберегающая энергетика;

– превентивная и персонализированная медицина;

– высокопродуктивное и устойчивое к изменениям природной среды сельское хозяйство;

– безопасность получения, хранения, передачи и обработки информации;

– интеллектуальные транспортные и телекоммуникационные системы;

– укрепление социокультурной идентичности российского общества и повышение уровня его образования;

– адаптация к изменениям климата, сохранение и рациональное использование природных ресурсов.

К 2030 году по числу промышленных роботов Россия должна войти в число 25 ведущих стран мира. Переход к инновационно ориентированному экономическому росту и достижение Россией технологического суверенитета закреплены также в документе Концепции технологического развития страны до 2030 г. При этом среди факторов, препятствующих достижению технологического суверенитета и воспроизводству научно-технологического потенциала, называют кадровый ресурс, а также сохранение финансирования фундаментальных разработок на уровне 0,17% ВВП в год (для сравнения: у развитых стран уровень финансирования фундаментальных исследований достигает 0,4 – 0,6 % ВВП (Ускова Т.В., Устинова Т.А. Управление наукой и наукометрия, 2024. Т. 19, № 4. С. 813 – 837).

Важно проводить глубокий многофакторный анализ и оценку научно-технологического потенциала регионов России; для этого используется рейтингование. Консолидированное управление научно-технологическим развитием России будет способствовать сбалансированному территориальному развитию страны и укреплению ее технологического суверенитета с учетом потенциала, возможностей и эффективности каждого региона страны.

Русакова О.Ф.
(Екатеринбург, ИФиП УрО РАН)

ДИСКРИМИНАЦИИ РОССИЙСКОГО СПОРТА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР «ЛИБЕРАЛЬНЫХ» РЕЖИМОВ ЗАПАДА

На протяжении последнего десятилетия российский спорт оказался одной из центральных мишеней политики дискриминации, проводимой так называемыми либеральными режимами стран Запада по отношению к признанным в мировой культурной и спортивной практике достижениям России. В качестве главной стратегии стран Запада, связанной с «неподчинением» России неким «правилам» международного порядка, что проявилось в осуществлении таких акций, как присоединение Крыма в 2014 г. и проведении, начиная с 24 февраля 2022 года, Специальной военной операции (СВО), стала задача радикального «наказания» России посредством применения крайних методов международной дискриминации, к которым, в частности, относятся: использование жестких финансово-экономических и политических санкций, запреты на участие страны и ее известных деятелей в контролируемых Западом мировых форумах, отказ в демонстрации национальной символики и т. п. Так, к примеру, в области спорта Международным олимпийским комитетом (МОК) и большинством международных спортивных федераций сразу же после объявления начала СВО была предпринята целая серия разнообразных дискриминационных шагов с целью исключения России из числа великих спортивных держав.

В 2024 г. России частично удалось организовать международные спортивные мероприятия, которые можно считать определенной альтернативой западным соревнованиям мирового уровня. Это проведенные в Казани Первые Игры Будущего и Шестые Игры БРИКС, доказавшие способность страны достойно противостоять курсу на исключение России из большого спорта.

Ожидать, что в ближайшее время руководство МОК и международных спортивных федераций снимет дискриминационные санкции с российских спортсменов, что они будут, наконец-то, выступать на международных турнирах под своим флагом и со своим гимном, представляется весьма спорным вопросом. Дело в том, что мировые спортивные структуры находятся под пристальным контролем политических, финансовых и медийных институтов коллективного Запада, который продолжает преследовать свои интересы по сдерживанию и разрушению России и не собирается отказываться от стратегической цели, приводящей к дестабилизации российского спорта.

В то же время к началу 2025 года в западном мире обозначились определенные тенденции, внушающие некую надежду на возможность позитивных перемен в сфере мирового спорта, которые связаны с приходом в Белый Дом президента Дональда Трампа, провозгласившего курс на возвращение США к традиционным ценностям и на мирное урегулирование международных отношений. Среди первых подписанных Д. Трампом указов было решение о необходимости борьбы с идеологией воукизма, продвигающей идеи гендерного разнообразия, о возвращении американского общества к традиционной системе ценностей, утверждающей, что существует только два пола – мужской и женский. Руководствуясь данным указом, он выступил с осуждением участия трансгендерных мужчин в соревнованиях по женским видам спорта, провел «чистки» в ряде американских вузах, отстранив от преподавания тех, кто пропагандирует идеологию воукизма.

Мирные инициативы Трампа, в том числе его стремление прекратить российско-

украинский конфликт путем проведения саммитов и организации переговоров всех заинтересованных сторон, внушают определенную надежду на ослабление конфронтации между Россией и «либеральными» режимами Запада, что, возможно, приведет к отказу руководства западных государств от стратегии ослабления и дискриминации России, в том числе, и в области спорта.

С учетом внутренних противоречий в западном мире трудно было бы рассчитывать, что под влиянием политики США другие западные державы быстро откажутся от своих ценностных и политических установок, от годами развиваемой политики гендерного разнообразия и русофобских установок. Это в полной мере относится к деятельности МОК, легитимировавшего повестку воукизма и курс на дискриминацию российского спорта.

По нашему убеждению, вопрос о снятии санкций и других форм дискриминации России может быть окончательно решен только тогда, когда Россия сможет одержать и доказать свою победу как на поле боя, так и на дипломатическом трэке. Именно тогда коллективный Запад начнет осознавать, что Россия – не изгой и не источник зла, а лидер современного мирового развития, что будущее – не за стратегической формулой «мир, основанный на правилах», а за моделью многоцентричного мира, которую сегодня отстаивают государства-члены БРИКС и ШОС. Только с наступлением этого момента российский спорт сможет возродить свою былую славу и обогатиться новыми достижениями.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01095, https://rscf.ru/project/24-28-01095/

Русия Н.Т.
(Краснодар, КубГУ)

ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЛИДАРНОСТИ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

На фоне сложных общественно-политических процессов значительно усиливается запрос на социальную солидарность со стороны политико-управленческих акторов. В настоящее время обнажается противоречие между официальными нарративами о гражданском обществе как системе иерархичных и институциализированных структур и реальными практиками солидарности на местах с фактической горизонтальной, сетевой самоорганизацией в мессенджерах и инициативных группах.

Цель исследования ▤ охарактеризовать практики формирования солидарности в территориальных сообществах Краснодарского края, где отдельный фокус внимания обращается на возможности использования ресурса локальных сообществ для решения приоритетных задач региона.

Для описания практик формирования солидарности нами была проведена серия полуструктурированных интервью (N=20) с гражданскими лидерами и активистами территориальных сообществ. В ходе интервью было охарактеризовано актуальное состояние территориального развития городских и сельских территорий Краснодарского края, проанализированы объединяющие основания локальных сообществ (история населенного пункта, память о знаменитых людях, официальные символы, уникальные природные места на территории населенного пункта и др.) а также выявлены факторы мотивации участия и неучастия жителей в различных формах гражданской

активности. На основе проведенных интервью получены данные не только о структуре и потенциале развития солидарности, но и о характере взаимодействия институтов гражданского общества, формирующих солидарные практики, с субъектами власти и бизнес-структурами.

Практики солидарности, связанные с социально-политическими вызовами, вовлекают большее количество жителей рассматриваемых в исследовании территорий (г. Новороссийск, г. Краснодар, Абинский район, Темрюкский район, г-к Анапа). Так, значительная часть практик взаимопомощи, связанных с волонтерством, сопряжена с темой специальной военной операции: плетение маскировочных сетей, сбор адресной гуманитарной помощи, организация мемориальных зон. Спецоперация стала мощным катализатором гражданской солидарности на уровне конкретной взаимопомощи, где людей объединяет не абстрактная идея, а личная связь и единодушное желание победы. Общие для участников сообщества локальные проблемы также являются социальной базой формирования солидарных отношений (сообщество «Общественный контроль» в Новороссийске, сформировавшееся в ходе конфликта вокруг городской свалки на горе Щелба или жители Анапы, включенные в ликвидацию экологической катастрофы, вызванной розливом мазута в Черном море). Подобные сети активистов аккумулируют усилия различных групп: экологов, казаков, ветеранов, молодёжи, а в некоторых случаях поддержка осуществляется на межтерриториальном уровне (например, обмен опытом между городами).

Создание и использование цифровых платформ и социальных сетей является ключевой технологией современного гражданского активизма, которая позволяет преодолевать информационную блокаду, координироваться в режиме реального времени и принуждать власть к диалогу через механизмы публичности. Использование цифровых коммуникационных технологий локальными сообществами (мессенджеров, социальных сетей, реже специализированных платформ) решает три взаимосвязанные задачи: внутренняя координация, внешняя мобилизация и публичный контроль.

Таким образом, солидарность в территориальных сообществах Краснодарского края формируется через информационную открытость, совместные действия и горизонтальные сети, которые, как правило, возникают в ответ на конкретные проблемы. Эти практики позволяют не только решать локальные проблемы, но и укреплять сообщества, формировать гражданскую идентичность и повышать уровень доверия между жителями и институтами власти.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности».

Рыжков А.Е.
(Екатеринбург, УрФУ)

СОВРЕМЕННАЯ ИЕРАРХИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

В декабре 1993 года в России на всенародном референдуме была принята Конституция. Учитывая те политические условия, в которых происходил этот процесс, достаточно немногочисленный круг политиков и специалистов интересовало собственно содержание Основного Закона. После острого октябрьского политического кри-

зиса голосование скорее являлось плебисцитом по поводу действий исполнительной власти и непосредственно Президента Ельцина и его команды. Большинство поддержало проект «ельцинской» Конституции – 58,43%, но высоко было и число избирателей, проголосовавших против – 42,57% (при явке 54,81%), что говорило о глубоком расколе в обществе.

Но необходимо дать краткую характеристику самому документу. Его можно охарактеризовать как отражение либеральной правовой концепции; он закреплял основные воззрения западной нормативистской школы, которая отвергает влияние национальных традиций, культуры, экономики, интересов на правовую систему, практически исключает его. Фактически современные нормативисты – это адепты и идеологи глобализма. Необходимо отметить, что такой подход был крайне популярен в конце 80-х-начале 90-х годов среди представителей новой российской политической элиты, которые отвергали какую-либо возможность «третьего пути» для России. Вполне логично, что при создании проекта Конституции именно этот подход был практически единственным.

В Основном Законе образца 1993 года не упоминались ни исторические интересы России, ни ее национально-культурные особенности, фактически это был стерильный правовой документ, который подходил бы для любой государственной системы и любой страны.

Со сменой парадигмы власти в России и формированием нового поколения российских элитариев в начале 2000-х годов встал вопрос о внесении поправок в Конституцию 1993 года. Ряд изменений были внесены в 2008 и 2014 годах, но было очевидно, что они носили паллиативный характер, все более актуальной становилась задача сменить саму ее концепцию.

Была поставлена сверхзадача – отразить исторический опыт России, ее систему национально-государственных интересов, по сути, ее цивилизационные установки. Если брать примеры из истории, в определенной степени это соответствовало установкам исторической правовой школы, которые считали, что право отражает традиции, обычаи и уклад каждого национального государства.

В этом принципиальное различие Конституций 1993 и 2020 годов. Стратегически важным для организации всей системы власти в России стал тезис о том, что органы государственной власти (федеральные и региональные) и органы местного самоуправления образуют единую систему публичной власти в стране, что практически отменяло автономность местного самоуправления. Именно эта автономность в течение долгих лет становилась причиной острых политических конфликтов в субъектах Российской Федерации, размывала ответственность власти перед гражданами, создавала ситуацию неопределенности. Либеральная правовая модель нарушала традиционную систему организации власти в России и одну из ее составляющих – единство.

Безусловно, чтобы уровень принятия новой редакции Основного Закона соответствовал уровню вступления в силу, проект 1993 года необходимо было провести через референдум. На этот раз это был плебисцит по одобрению или неодобрению нового подхода к формированию правовой системы России, исходя из ее самобытной истории, культуры и национальных интересов. Поддержали этот подход 77,92 % (при явке в 67,97 %) граждан, принявших участие в референдуме. Цивилизационно-историческая модель сменила либерально-нормативистскую.

Рыхтик М.И.
(Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Москва, РУДН)

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Российское политологическое сообщество делает нужный шаг, активно участвуя в обсуждении и формировании новой образовательной политики в наших университетах. Последние два года ведущие ученые из разных вузов и исследовательских институтов страны принимали деятельное участие в реализации проекта «ДНК России». Пересмотр образовательных стандартов обществоведческих и гуманитарных дисциплин, инициированный РАНХИГС, актуализировал данную повестку, что позволяет нам продолжить поиск адекватных будущим задачам смыслов и форм политологического образования России.

На наш взгляд, задача распадается на несколько частей. Первая – это сформулировать смысл подготовки политологов, дав четкие ориентиры нашим студентам политологам, что они в случае успешного освоения обновленной программы будут ожидаемы и востребованы на должностях институтов публичной власти страны (от органов государственного и муниципального управления до государственных кампаний и корпораций). Это наш основной (но не единственный) коллективный «индустриальный партнёр». Если эта задача будет решена, то мы создадим условия для сохранения кадров и школ политического анализа в региональных университетах. Вторая – научиться работать со студентами естественно-научных и инженерных направлений подготовки. В годы Советского Союза были общеуниверситетские кафедры, которые решали важнейшую задачу донесения смыслов, лежащих в основе государственности, до всех студентов, получавших высшее образование. Политологам важно стать востребованными на негуманитарных специальностях. Это можно сделать, расширяя сеть междисциплинарных исследований, привлекая в состав творческих исследовательских коллективов специалистов-естественников, что позволит в среднесрочной перспективе сломать существующее пренебрежительное отношение к результатам научных изысканий политологов. Указанием сверху, как иногда кажется некоторым нашим коллегам, такое не решить, ибо каждый вуз сформирует свою практику с учетом региональной специфики. В Нижегородском госуниверситете, например, есть опыт совместной реализации научно-исследовательских проектов с участием ученых-биологов, медиков и экономистов. Результаты этих проектов нашли отражение в ряде статей и монографий.

Классический университет не сможет дать работодателю узкопрофильного специалиста. На то он и УНИВЕРСИТЕТ. «Оцифрованный» подход к образованию, основанный на калькуляции расходов и доходов, наносит определенный вред качеству образования. У настоящего университета всегда на первом месте будет стоять МИССИЯ. Кстати, реализация курса «Основы Российской государственности» как раз может способствовать решению этой задачи. Тем не менее, наша консервативность придает нам силу, но и создает дополнительные риски. Быстрые темпы преобразований форм без изменения смыслов – очень рискованный путь. А смыслы меняются медленно, здесь спешка может создать помехи.

И последнее – проблема мобильности талантливых студентов и молодых ученых. Сегодня она происходит преимущественно по вертикали (из региона в Москву или Санкт-Петербург). Важно создавать условия для горизонтальной мобильности (из региона в регион). В решении этой задачи ключевую роль могут сыграть профессио-

нальные объединения – Российская ассоциация политических наук, Российское общество политологов и другие.

Рябов О.В. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ, РГПУ им. А.И.Герцена)
Рябова Т.Б. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ, СПбГЭУ)

АНТИКОММУНИЗМ, РУСОФОБИЯ, ГЕНДЕР В ПУБЛИЦИСТИКЕ (ПОСТ)ПЕРЕСТРОЙКИ (К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОМ ДИСКУРСЕ КАК РЕСУРСЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ВРАГА)

В докладе, построенном на анализе перестроечной и постперестроечной публицистики (1986 – 1999), исследуются теоретические аспекты использования гендерного дискурса в формировании образа политического врага. По оценке К. Шмитта, образ врага – это необходимый элемент политики, а разделение на друзей и врагов выражает саму сущность политического (Шмитт, 1992). Среди ресурсов создания данного образа – различные дискурсы (политический, исторический, расовый и др.). Мы предлагаем рассмотреть в качестве ресурса дискурс гендерный, который понимаем как систему репрезентаций, связанных с делением человеческого рода на два пола. Во многих исследованиях уже демонстрировалась роль гендерного дискурса в военных и политических конфликтах (напр.: Petrone, 2002; Riabov, 2017); вместе с тем в качестве ресурса образа врага он рассматривался явно недостаточно, и в уточнении, на наш взгляд, нуждаются, прежде всего, следующие вопросы. Чем определяется потенциал гендерного дискурса в конструировании политического врага? Как происходит секьюритизация гендерных различий? Как гендерный дискурс может быть привлечен для реализации функций образа врага?

В докладе ответы на эти вопросы иллюстрируются материалом публицистики периода (пост)перестройки. Этот период представляет собой завершающий этап Холодной войны. Его характерной чертой был антикоммунизм и делегитимация советской системы. При этом внутриполитические процессы (смена строя и распад единого государства; изменение отношений собственности и легитимация существенного имущественного неравенства) усиливались внешнеполитическими факторами (поражение СССР в противостоянии с западным блоком, возглавляемым США, который поддерживал перемены в советском / российском обществе). Изменения происходили и в гендерных отношениях; гендерный порядок советского общества подвергался сокрушительной критике. Антикоммунизм и антисоветизм дополнялись русофобией; сама история России репрезентировалась как девиация. Важной частью этих процессов было культивирование мифа об Америке как нормативном образце для России во всех аспектах, включая гендерные отношения. Идеологическая поляризация в обществе, политические конфликты, в том числе вооруженные, кризис идентичности – все это способствовало тому, что образ врага стал заметным компонентом (пост)перестроечной публицистики. Мы бы хотели обратить внимание на то, что гендерный дискурс не только оправдывал утверждение новых гендерных отношений, но привлекался также для легитимации изменений в других сферах жизни и для конструирования образа врага в лице тех, кто был представлен как препятствие для этих изменений (так, пресловутое «У нас секса нет» использовалось для демонстрации противоестественности социалистического строя). Сопротивление этим

процессам сопровождалось ростом антиамериканизма, причем гендерный дискурс также привлекался для создания образа врага, что нашло отражение и в социальных представлениях россиян (Рябова, Романова, 2012).

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305-П

Рябченко Н.А.
(Краснодар, КубГУ)

ЦИФРОВАЯ ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ: АЛГОРИТМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ (НА КЕЙСАХ США И ИНДИИ)

Под цифровой предвыборной кампанией мы будем понимать – организованный комплекс политико-коммуникационных действий, в котором задачи агитации, мобилизации и фандрайзинга решаются преимущественно через цифровые среды, алгоритмы и анализ больших данных. Цифровая предвыборная кампания представляет из себя избирательный цикл, как и в случае с классической избирательной кампанией «выдвижение – агитация – день голосования», каждая фаза которой основывается на цифровых платформах, методах и инструментах искусственного интеллекта (ИИ) и данных, получаемых в режиме реального времени.

До 2012 года цифровые штабы предвыборных кампаний занимались преимущественно сбором средств и агитацией широких слоев электората через цифровое пространство. Искусственный интеллект в предвыборных кампаниях Д. Трампа, начиная с 2016 года и по настоящее время, был одновременно стратегическим оружием, частью медиабизнеса и политико-экономическим приоритетом государства. В ходе предвыборной кампании 2020 года команда Д. Трампа активно использовала технологии ИИ для автоматизации и оптимизации цифровой рекламы, делая упор не на разработку собственных моделей ИИ, как в 2016 году, а на умение адаптироваться к уже существующим механизмам ИИ коммерческих платформ, делая их частью своей политической стратегии.

Предвыборная кампания Д. Трампа 2024 года была ориентирована на использование генеративного искусственного интеллекта и создала новый политический тренд на использование генеративного ИИ как фабрики дешевых, быстрых и эмоциональных визуальных нарративов, легко воспринимающихся широкой аудиторией и становящихся новой «третьей силой» в политическом противостоянии на любом уровне – от локальных политических процессов до глобального информационного противостояния и информационных войн.

В 2024 году в Индии прошли парламентские выборы, став одновременно самыми масштабными выборами в мире по числу избирателей (общее количество избирателей составило 968 млн жителей) и самыми противоречивыми с точки зрения вопроса: где проходит грань между «нейросеть как переводчик и копирайтер» и «нейросеть как оружие политического хаоса»? Поиск ответа на эти вопросы скорее всего станет ключевым элементом предстоящих электоральных циклов в странах глобального Юга и не только.

Анализ предвыборной кампании в Индии 2024 года с позиции использования технологий искусственного интеллекта позволяет зафиксировать принципиальные трансформации в характере современной политической коммуникации.

Во-первых, интеграция мультиязычных генеративных моделей ИИ продемонстрировала значительный потенциал в преодолении языковых и культурных барьеров, что обусловлено высокой степенью адаптивности и гибкости этих систем к социолингвистическому разнообразию. Такой подход обеспечил расширение электорального охвата и способствовал структурной перестройке механизмов политической мобилизации: политические субъекты получили возможность обращаться одновременно к различным аудиториям, ранее фрагментированным или исключённым из пространства классической агитации, в условиях приближенных к реальному времени.

Во-вторых, активное внедрение ИИ в электоральные процессы ведёт к переосмыслению стратегических парадигм предвыборного планирования. Традиционные модели долгосрочного программного проектирования уступают место динамическому оперативному управлению, в рамках которого генеративные технологии обеспечивают практически мгновенное создание политического контента. Это обстоятельство способствует радикальному ускорению темпов реактивности политических кампаний и позволяет производить гибкую коррекцию политических нарративов в зависимости от изменений внешнего информационного контекста. В результате формируется гибридная медиареальность, в которой границы между фактическим и сконструированным политическим образом становятся всё менее различимыми.

В-третьих, развитие ИИ-платформ способствует институционализации микротаргетинга как ведущей технологии электоральной коммуникации. Основанный на алгоритмическом анализе поведенческих и цифровых следов, этот подход вытесняет классические модели массовой политической коммуникации, акцентируя индивидуализированное воздействие на избирателя в режиме близком к реальному времени. Подобная трансформация усложняет и актуализирует теоретическое осмысление механизмов формирования политических предпочтений и электорального поведения, требуя пересмотра устоявшихся понятийных рамок.

Наконец, в-четвертых, активное распространение цифровой дезинформации, использование дипфейков и генеративного контента политического характера поднимают вопрос о необходимости этического и правового регулирования цифровой политической среды. Возникающие инициативы по маркировке материалов, созданных с использованием ИИ, а также отдельные попытки создания инструментов противодействия деструктивным технологиям пока носят фрагментарный характер. Однако нарастающее осознание потенциальных рисков, связанных с усилением роли генеративных систем в политическом процессе, стимулирует как государственные органы, так и международные объединения, включая форматы типа БРИКС, к разработке и институционализации соответствующих нормативных механизмов.

Савенков Р.В., Хорошилов Г.Г.
(Воронеж, ВГУ)

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ К СВОБОДЕ И ДЕМОКРАТИИ МОЛОДЕЖИ ВОРОНЕЖА

Система политических ценностей российской молодежи имеет сложный и противоречивый характер; она выстроена в иерархическую структуру по степени значения для жизни человека. К примеру, зафиксирована противоречивость между установкой на патернализм и установкой на автономию в сознании молодежи (Селезнева А.В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. М.: Аквилон,

2022. С. 252-255.). Результаты социологических исследований позволили определить иерархию политических ценностей российской молодежи: мир, безопасность, справедливость, права и свободы человека, законность, свобода, порядок. Глубокий содержательный анализ показывает, что в сознании молодежи актуализированы ценности, которые исследователи относят к традиционным, а само политическое сознание молодежи соответствует базовой модели политической культуре всего общества.

К примеру, ценность свободы воспринимается молодыми людьми как независимость, воля и безопасность. Можно утверждать, что понимание свободы неразрывно связано с государством: по отношению к государству молодежь демонстрирует свою самостоятельность и автономность и от него же требует обеспечения безопасности, возможностей для реализации своей свободы (Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: традиционные смыслы в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. №77. С. 279).

Анализ результатов социологических опросов воронежцев Институтом общественного мнения «Квалитас» позволил выявить интересную динамику отношения молодежи (18-29 лет) крупнейшего города центральной России к свободе, демократии и стабильности (Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу Института общественного мнения «Квалитас» http://www.qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2025/). После ковидных ограничений 2020 г. восприятие России как демократической страны резко возросло с 47 % (в 2021 г.) до 73 % (в 2024 г.). В этот же период незначительно снизилась доля молодых воронежцев, не желающих поступиться частью своих демократических свобод в обмен на стабилизацию экономической и политической ситуации в стране: с 56 % (в 2021 г.) до 49 % (в 2024 г.). В целом, среди воронежцев в два раза сократилось число респондентов, не чувствующих пользы от свободы и готовых отказаться от неё ради стабильности. На провокационный вопрос социологов с требованием выбрать демократию или порядок в ответах молодежи в наблюдаемый период была зафиксирована некоторая волатильность: в 2019, 2021 и 2024 годах 31-32 % воронежской молодежи предпочитали демократию, но в 2023 г. количество таких ответов упало до 16 %. Возможно, это объясняется эмоциональными эффектами мятежа Е. Пригожина и первых атак БПЛА на Москву.

Итак, результаты массовых опросов в Воронеже подтверждают результаты всероссийских качественных исследований молодежи (А.В. Селезнева): система политических ценностей молодежи отражает традиционную для российской политической культуры государственническую ориентацию. Политические психологи фиксируют сохранение так называемых патерналистских установок и ориентаций молодежи, выражающие её ценностное отношение к государству как главному субъекту обеспечения стабильности и порядка.

Садохина А.В.
(Тюмень, ТюмГУ)

DEEPFAKE—ТЕХНОЛОГИИ В РОССИЙСКОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Двадцать первый век характеризуется быстрым скачком развития цифровых технологий, среди которых особенно выделяются нейросети, позволившие любому пользователю быстро генерировать новый продукт в текстовом, фото-

видео или аудио формате. Если раньше для создания короткометражного ролика требовалось найти людей, дать им выучить сценарий, подготовить аппаратуру к съёмке и так далее, то сейчас, используя хорошо развитую нейросеть, весь процесс можно уместить в несколько минут.

Однако создавая видео с помощью искусственного интеллекта (ИИ), контролировать достоверность полученного становится все сложнее; так и появилось понятие deepfake-видео (дипфейк-видео), образованное от английских слов: deep learning – углубленное изучение и fake – фальшивость. Использование биометрических данных (черт лица, голоса известных личностей – политических лидеров, актеров, певцов) в таких заведомо ложных видео, получило широкое распространение в интернете, не обойдя стороной и российское информационное пространство.

Начиная с 2021 года, дипфейки стали появляться все чаще. Так, 5 июня 2023 года произошёл взлом телевизионных эфиров в нескольких регионах России, в особенности в тех, что находятся на границе с Украиной – Белгородской и Воронежской областях. В результате, граждане увидели сгенерированное фейковое видео, на котором президент Владимир Владимирович Путин объявил о введении военного положения и полной мобилизации [1]. На фоне текущих международных вызовов, с которыми столкнулась наша страна, такое заявление вызвало большой резонанс среди населения, и, несмотря на последующие официальные заявления от представителей власти, ещё какое-то время в интернете выпускались посты, где люди продолжали верить и обсуждать это фейк-заявление. Таким образом, становится понятно, что дипфейки с политическими лидерами создаются для дестабилизации общественности, развёртывания конфликтов, введения населения в пространство с дезинформацией.

В моменты, когда государство переживает период нестабильности политической системы, использование deepfake-видео может оказать колоссальное влияние на общественное мнение, в особенности на молодое поколение, чьи взгляды на мир только формируются и которое получает большинство информации через интернет ресурсы. Для создания безопасной цифровой среды, где гражданин будет уверен в достоверности потребляемого контента, необходимо правовое регулирование deepfake-технологий, сотрудничество компаний, занимающихся созданием нейросетей, с государственными органами (установление специальной единой маркировки сгенерированного контента, определённые ограничения для использования голосов и лиц представителей власти).

В рамках первого пункта стоит уточнить, что в российском законодательстве нет понятия дипфейк, оно просто определяется как компьютерная информация, содержащая персональные данные и (или) биометрические персональные данные [2]. Таким образом, отсутствие точного юридического определения, сложность в поиске и привлечении к ответственности виновных за создание и распространение дипфейков (видео может быть выложено на зарубежных серверах) приводит к усложнению регулирования этого явления, поэтому реализация второго пункта обладает такой же степенью важности, как и первого. Однако и здесь необходимо выстраивание четкой грани между контролем за предотвращением распространения злонамеренно сгенерированных фейковых видео и жесткой цензуры всего созданного с помощью нейросетей.

Подводя итог, хочется отметить, что технология создания deepfake-видео не носит только негативный характер. При грамотном использовании она может усовершенствовать многие сферы человеческой жизни (например: рекламную и киноиндустрию). Своевременное реагирование на проблему позволит защитить население от такого типа дезинформации в цифровой среде.

Саймонс Грег
(Дакка, Международный университет Даффодил)

НОВАЯ МОДЕЛЬ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: РОССИЯ И ИНСТИТУТЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

После распада Советского союза в 1991 году, ознаменовавшего окончание холодной войны и разрушение биполярной модели мира, Российская Федерация столкнулась с глубоким системным кризисом в политической, социальной, военной и экономической сферах. Это привело к значительному ослаблению ее международных позиций. Страна на время утратила возможность последовательно отстаивать свои интересы и обеспечивать национальную безопасность. В начальный период становления новой государственности российская внешняя политика характеризовалась высокой степенью зависимости от влияния ведущих западных держав.

Архитектура взаимоотношений носила выраженный ассиметричный характер, что проявлялось в склонности рассматривать Россию не как равноправного субъекта международных отношений, а скорее как объект воздействия. Закреплению дисбаланса способствовала отработанная тактика, заключающаяся в использовании западными игроками развитых механизмов межрегиональной кооперации для продвижения своих интересов, в то время как их оппоненты, действуя разрозненно, не могли противостоять такому консолидированному давлению.

Наглядной иллюстрацией данного подхода стали события конца 1990-х годов, в частности, открытая публикация концепции З. Бжезинского в работе «Великая шахматная доска» (Brzezinski, 1997). В ней провозглашались императивы униполярного порядка во главе с США, направленные на установление американской гегемонии в Евразии, включая контроль над сателлитами и предотвращение возникновения конкурирующих центров силы. Концепция нашла свое практическое воплощение в ряде действий, наиболее ярким из которых стала военная операция НАТО против Югославии, осуществленная в обход норм международного права.

Следование данным императивам продолжает сохранять актуальность в текущей международной обстановке. В настоящее время политика и действия стран глобального Севера под руководством США демонстрируют эволюцию от модели расширения НАТО к стратегии, направленной на сохранение существующих позиций и поддержание влияния в условиях формирования полицентричной мировой архитектуры (Simons, 2023). Гегемония становится менее выраженной как в мировом масштабе, так и на региональном уровне. Наблюдаемая трансформация является закономерной реакцией на фундаментальные сдвиги в расстановке сил: постепенно страны глобального Юга заявляют свои претензии на изменение устоявшейся конфигурации международной системы, требуя большего представительства в ключевых институтах глобального управления и справедливого перераспределения власти. С другой стороны, играют роль внутренние проблемы, в частности, вызванные стратегическими просчетами в ходе военных компаний в Афганистане и Ираке, повлекшие значительные финансовые и политико-репутационные издержки.

Кроме того, растущее сопротивление со стороны мирового сообщества вызывает санкционная политика, проявляющаяся в применении экономического давления как в отношении стран-оппонентов, так и стран-партнеров. Это приводит к ускорению про-

цессов дедолларизации и поиску альтернативных моделей международного экономического взаимодействия.

В условиях современной международной обстановки все акторы стоят перед выбором: оставаться пассивными объектами геополитического влияния или переходить к активному отстаиванию национального суверенитета. Россия, пересмотрев свою внешнеполитическую стратегию, усиливает трек на сближение со странами глобального Юга, становясь одним из ключевых центров формирования альтернативной системы международных отношений. Страна активно способствует учреждению структур, предлагающих более справедливую и взаимовыгодную форму взаимодействия в противовес конфронтационной логике с нулевой суммой.

Институты многостороннего сотрудничества, такие как ШОС, БРИКС и ЕАЭС, обеспечивают развитие межрегионального взаимодействия, образуя основу для упрочнения коллективной устойчивости к дестабилизирующим воздействиям. Именно через эти платформы происходит практическая реализация новой модели межрегионального сотрудничества, служащей альтернативой традиционной иерархической версии и выстроенной на принципах добровольности, взаимного учета интересов, совпадения стратегических целей. Ориентированность на решение конкретных практических задач в сфере экономической кооперации, безопасности, гуманитарного взаимодействия создает прочную основу для долгосрочного партнерства. Формируются новые цепочки добавленной стоимости, логистические коридоры, системы расчетов, независимые от доллара, что усиливает суверенитет участников.

Сайфатова А.Р.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА В УПРАВЛЕНИИ МОЛОДЕЖНОЙ АКТИВНОСТЬЮ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ, ЕВРОПЫ, США И АЗИИ

Современные трансформации политической коммуникации свидетельствуют о том, что молодежь становится ключевой целевой группой для политического маркетинга, особенно в условиях цифровизации и медиатизации общественно-политической жизни. Важнейшим инструментом воздействия на молодежные аудитории выступают цифровые платформы, которые обеспечивают не только каналы информирования, но и механизмы формирования идентичностей и устойчивых поведенческих паттернов.

В европейских странах технологии политического маркетинга органично интегрированы в институциональные формы молодежной политики. На уровне Европейского союза функционируют масштабные программы вовлечения («Youth in Action» и др.), которые акцентируют внимание не на ситуативной электоральной мобилизации, а на долгосрочном формировании политической субъектности молодежи. Важную роль играет медиаграмотность и участие в общественных инициативах, что позволяет рассматривать европейский опыт как пример институционализированного маркетинга гражданской активности.

В США политический маркетинг носит преимущественно электоральный характер. В избирательных кампаниях активно используются технологии big data, микротаргетинга и алгоритмического таргетинга, позволяющие сегментировать аудиторию моло-

дежи и адаптировать коммуникации под индивидуальные запросы. Известные электоральные кампании Б. Обамы (2008, 2012) и Д. Трампа (2016, 2024) стали примерами интенсивного использования цифровых технологий, в то время как кампания Дж. Байдена (2020) акцентировала внимание на онлайн-форматах в условиях пандемии и стратегиях противодействия дезинформации. Данный опыт подчеркивает вариативность американского политического маркетинга: от инновационного использования социальных сетей (Обама), через персонализированный микротаргетинг (Трамп), к нарративным стратегиям и этическим акцентам цифровой кампании (Байден).

В азиатских странах прослеживается вариативность стратегий. В Китае цифровые инструменты политического маркетинга встроены в государственную стратегию патриотической социализации; ключевыми платформами выступают WeChat, Weibo и Douyin, функционирующие под государственным контролем. В Южной Корее особую роль играют инновационные практики геймификации и использование инфлюенсеров для мобилизации молодежи, что обеспечивает высокий уровень электоральной активности. В Японии влияние цифровых каналов усиливается постепенно, но молодежные аудитории уже активно вовлечены в сетевые формы коммуникации.

В России политический маркетинг реализуется преимущественно через институционализированные механизмы молодежной политики: грантовые конкурсы, молодежные парламенты, общественные форумы. В цифровой сфере акцент смещается на продвижение Rutube, VK, Max как платформ, способных выполнять функции отечественных аналогов глобальных социальных сетей. В то же время наблюдается амбивалентность: с одной стороны, развиваются цифровые кампании, направленные на вовлечение молодежи в волонтерские и культурные инициативы, с другой – сохраняется высокий уровень политико-административного контроля, что снижает степень доверия к этим стратегиям и нередко воспринимается молодежью как имитация участия.

Таким образом, сравнительный анализ демонстрирует, что политический маркетинг в молодежной среде повсеместно реализует стратегию digital first, однако цели и институциональные рамки существенно различаются. Европейская модель ориентирована на институционализацию участия, американская – на электоральную мобилизацию, азиатская – на геймификацию и патриотическую социализацию, российская – на сочетание государственных формализованных практик и цифровых каналов коммуникации. Перспективы дальнейшего развития связаны с необходимостью обеспечения баланса между инновационными маркетинговыми инструментами и институциональным доверием, без которого невозможно устойчивое расширение гражданской активности молодежи.

Сальников В.И.
(Воронеж, ХГПУ)

УКРАИНА, ДОНБАСС И НОВОРОССИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ «ДИКОГО ПОЛЯ»

«Дикое поле» – историческая область неразграниченных и слабозаселённых причерноморских и приазовских степей между Днестром на западе и Доном и Хопром на востоке. Несмотря на наличие там плодородных земель, освоить эти территории земледельцам было довольно затруднительно из-за набегов кочевников. Власть сменяющих друг друга кочевых государств была непрочной, а территория слабо контролируемой, что и обусловило название «Дикое поле». Современные политологи-международники, в част-

ности Д.Г. Евстафьев, используют данный термин для характеристики геополитических территориальных трансформаций. Ученый понимает под «диким полем» «пространство политической и экономической неупорядоченности, где отсутствуют гарантии устойчивой экономической и геоэкономической деятельности». Данное пространство развивается по модели «набеговой экономики», не предусматривающей ее развитие. Причем, интеграция такого пространства в какую-либо геоэкономическую систему без дополнительной санации является принципиально невозможной. В качестве примера современного «Дикого поля» Д.Г. Евстафьев приводит Новороссию в годы гражданской войны, часть территорий бывшей Югославии и СССР после их распада, «неконтролируемые территории» Африки и Ближнего Востока... Ученый считает, что на уменьшение и расширение границ «Дикого поля» может влиять внешнее воздействие.

Что касается Донбасса и Новороссии, отчасти и Украины как юго-восточной окраины Речи Посполитой, исторически и геополитически связанных с Диким полем, то там проходил фронтир между Лесом и Степью, и располагалась зона столкновений между различными этническими и цивилизационными мирами. Соседствующие с Диким полем государства пытались защититься от набегов кочевников через сооружение укрепленных линий и привлечение на службу отдельных кочевых и полукочевых племен (торки, берендеи, бродники), которые рядом исследователей считаются прародителями казачества. Последние не отличались верностью и нередко готовы были переметнуться на сторону недавнего противника.

В XIII в. эти территории вошли в состав Орды. После ее ослабления и распада начинается борьба за территорию Дикого поля с целью ее освоения между Речью Посполитой, Русским Царством и Крымским ханством (вассалом Османской империи). Для защиты от набегов степняков в Речи Посполитой и Русском Царстве создавались укрепленные линии («украины», «засечные черты»), а по мере ослабления Крымского ханства на территорию Дикого поля активно стали проникать донские и запорожские казаки, осуществляя славянскую колонизацию края. При этом казаки, с одной стороны, сохраняли свой военно-демократический уклад, а с другой стороны, их пытались использовать соседние государства – не только для защиты своих границ, но и для использования в войнах, что при оппортунизме казачьей элиты, склонной к «многовекторности», обернулось тридцатилетней «Руиной».

После того как Дикое поле полностью перешло под российское владычество, с казачьим самоуправлением, особенно на Украине, было покончено. На отвоеванных у Османской империи и Крымского ханства территориях Дикого поля была создана Новороссия, ставшая со временем процветающим краем с полиэтничным населением. А Донецко-Криворожский бассейн стал одним из наиболее стремительно развивающихся регионов Российской империи. Казалось бы, бурное экономическое развитие Новороссии и Донбасса и «распашка» (хозяйственное освоение) Дикого поля должно было покончить с этим феноменом, но этого не произошло. В период Гражданской войны началась «Вторая Руина», которая закончилась после завершения гражданской войны и восстановления российского государства-цивилизации в виде СССР. Распад СССР и обретение независимости привели Украину, чья территория значительно расширилась в советский период, к новой «Руине», когда после «Революции гидности» и Русской Весны как реакции на нее, Новороссия, Донбасс и соседние украинские территории стали вновь превращаться в «дикое поле» с полевыми командирами-варлордами, самопровозглашенными республиками, «экономикой войны», выходом из цивилизованного правового поля, проблемной государственностью.

Каков же выход из создавшегося положения? Как показывает История – в выходе из состояния «дикого поля» через возвращение этих территорий в цивилизованное правовое поле нормальной государственности и экономики. Та часть Новороссии и Дон-

басса, что стала частью России, уже выходит из этого состояния. Та часть, что остается под украинской юрисдикцией, под воздействием «коллективного Запада» продолжает пребывать в состоянии «дикого поля». И хотя на Западе укрепляются силы, желающие отказаться от поддержания на Украине состояния «управляемого хаоса» и выбирающие санацию украинского «дикого поля» (через сделку о недрах), там сильны еще сторонники продолжения войны против России. Поэтому «распашка» украинского «дикого поля» и преодоление геополитической турбулентности пока проблематичны.

Сальникова Д.А.
(Москва, МГИМО МИД России)

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПАРТИЙНОЙ РИТОРИКЕ: ОТ ИДЕЙ К ДЕЙСТВИЯМ

Тема семьи и семейных ценностей стала неотъемлемой частью современного политического дискурса в Российской Федерации, поскольку ведущие политические силы осознают свою ответственность перед подрастающим поколением, которое в непростых условиях проходит процесс социализации (см.: Мухортов Д.С., Стрелец И.Э., Сальникова Д.А., Моисеенко И.А. Фамилистическое сознание студенческой молодежи и место цифровой среды в системе взаимоотношений «государство-студент» // Человек и трансформация современного общества. Проблемы безопасности, духовности и культуры: Сб. материалов XI Международной научно-практической Свято-Тихоновской конференции (Псков, 16-18 нояб. 2024). – Псков: Изд-во Псков. гос. ун-та, 2024. – С. 271-277; и др.).

Парламентские партии («Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия – За правду», ЛДПР и «Новые люди») в последние несколько лет активно выдвигают инициативы, направленные на улучшение положения семей, а также продвигают ценность семьи в своих предвыборных программах.

Начнем с анализа инициатив в сфере семьи главной политической партии – «Единой России». Партия позиционирует семью как «фундамент развития страны». Так, в «Народной программе» «Единой России» теме укрепления института семья посвящен отдельный раздел – «Крепкая семья». Помимо этого, по словам депутатов-единороссов, в прошлом году партия обеспечила более 50 новых «просемейных законов». Как нам кажется, важнейшим итогом работы «Единой России» в 2025 году стало принятие закона о закреплении понятия «студенческая семья», который направлен на расширение системной поддержки таких семей. Новый закон позволит студенческим семьям чувствовать себя более уверенно и в дальнейшем – получать реальные меры поддержки.

Наиболее активно в сфере семьи работает партия «Справедливая Россия – За правду», однако иногда предлагаемые меры поддержки семьи представляются громкими и популистскими. Лидер СРЗП Сергей Миронов часто выступает с различными инициативами: например, он предлагал ввести «прогрессивную шкалу материнского капитала», а также вносил в Госдуму законопроект с предложением расширить возможности государственной поддержки для погашения ипотеки, в частности, чтобы это право смогли получить родители в возрасте до 26 лет.

Еще один активный «игрок» в сфере укрепление института семьи – партия ЛДПР. Для партии семья является приоритетом в социальной политике, а главный фокус ЛДПР делает на многодетных семьях. Отметим, что ключевые предложения партии

касаются ценностей (например, партия делает ставку на наставничество среди молодежи), а также поддержки многодетным семья. Так, депутаты от ЛДПР призвали дать многодетным приоритет в получении жилья по соцнайму.

Партия «Новые люди» большое внимание уделяет сохранению семьи и предотвращению разводов. Главная инициатива партии – проект «Семья начинается с тебя», который был запущен в 2025 году, основная цель которого – сократить количество разводов. Можно сказать, что эта инициатива партии является попыткой совместить «модернистский электорат» «Новых людей» с ключевым ориентиром российской политики в целом.

Наконец, проанализируем КПРФ. В 2025 году партия внесла порядка 8 законопроектов по защите многодетных. Наиболее «нашумевшей» инициативой партии КПРФ стал учебник по «семьеведению». Весной 2025 года депутат Нина Останина представила учебник по данной теме и заявила о том, что «семьеведение» должно обязательно изучаться в российских школах, по аналогии с «Разговорами о важном». Однако многие эксперты были удивлены тем, что среди авторов учебника была психолог Ксения Мосунова, которая, как оказалось, занимается «родологией» – «псевдонаукой эзотерического назначения», а сам учебник вообще назвали «инфоцыганским». В целом же, сама инициатива весьма спорная и вызывает много вопросов.

Таким образом, семья и семейные ценности в дискурсе парламентских партий России – не просто ценность, а инструмент социальной политики (Стрелец И.Э., Мухортов Д.С., Маркова Ю.С. Отстраивание семейных ценностей и норм в студенческой среде как залог предотвращения аксиологического кризиса в обществе // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Т. 10. № 2. С. 164–175).

Партии прорабатывают большое количество инициатив, предложений и законопроектов, направленных на улучшение положения семьи и семейных ценностей в российском обществе. Однако эффективность всего предложенного во многом зависит от их реализации – тех инструментов, которые закладываются в молодежную политику, формируют «семьесберегающую» среду, укрепляя ценность семьи для каждого как долгосрочной инвестиции, которая не зависит от турбулентности внешнего мира.

Самаркина И.В.
(Краснодар, КубГУ)

УСТОЙЧИВОСТЬ И ЛАБИЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИКИ: ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА ПРОЦЕССОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Субъективное пространство политики, то, что «происходит в головах у людей» является важной частью реальной политики. В настоящее время происходят важные трансформации этого пространства (и субъективного, и реального), понимание которых крайне необходимо, чтобы процесс трансформации и институциализации был относительно управляемым.

В докладе представлены результаты исследования условий и факторов устойчивости политической картины мира молодежи и взрослых, оказавшихся в ситуации кардо-

нальной трансформации политического пространства. На основании анализа автобиографических интервью с гражданами России, получившими российское гражданство после 2014 г. (Крым) и после 2022 г. (ДНР, ЛНР, Запорожская, Херсонская области) представлен ответ на исследовательский вопрос: что именно обусловило устойчивость базовых компонентов политической картины мира взрослых, сформированных в детском и подростковом возрасте, и какие факторы способствовали кардинальной смене политических представлений и гражданской идентичности?

Концептуальная модель исследования построена на основе политико-психологического, идентитарного и пространственного подходов, интеграция которых дает аналитический инструментарий для осмысления процессов формирования политической картины мира в ходе политической социализации, становления гражданской идентичности и трансформации этих представлений в условиях изменения политического пространства.

Эмпирическую базу исследования составили 30 глубинных автобиографических интервью с гражданами РФ, получившими российское гражданство после 2014 года, проживающими на территории субъектов, вошедших в состав России после 2014 года. Интервью были собраны в рамках выполнения государственного задания «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс ЭИСИ, Министерства образования и науки РФ в рамках государственного задания FZEN-2024-0013).

В результате исследования определены три траектории изменения политической картины мира: цикличная политическая ресоциализация, линейная политическая ресоциализация, политическая адаптация без политической ресоциализации.

В рамках исследования когорты взрослых выявлены три наблюдаемые сегодня траектории трансформации политической картины мира, две из которых – цикличная и линейная ресоциализация – отражают существенные изменения в политических представлениях и установках относительно политической системы; а одна является примером трансформации представлений, не затрагивающих идентитарное ядро политической картины мира. Следует отметить, что описанные траектории только в основных контурах и не исчерпывающе определяют направления трансформации политической картины мира людей, которые волею судьбы оказались в разломах политического и социокультурного пространства. В поле российских исследователей попали только те информанты, которые пожелали участвовать в исследовании (соответственно, не попали информанты, являющиеся носителями не конвенциональных относительно России проукраинских установок). Продолжение исследований в этом направлении позволит более детально описать их спектр и дифференциацию.

На основе ретроспективного анализа определены факторы, которые способствовали сохранению устойчивости сформированной в детстве гражданской идентичности в траектории политической адаптации: институциональный, психологический и деятельностный.

Осмысление уникального опыта социализации, ресоциализации и адаптации людей к динамичным изменениям политического пространства дает ключ к пониманию содержания и технологий работы с российской современной молодежью в широком спектре политик: образовательной, семейной, молодежной.

Вместе с тем, проблематика политической ресоциализации и политической адаптации граждан касается не только взрослых и старшей молодежи новых территорий России, а выходит за пределы присоединенных территорий, поскольку развернувшиеся после 2014 (а в особенности – после 2022) года события, в которые вовлечены многие российские семьи, являются значимым (зачастую, травматичным) фактором, влияющим на изменения установок относительно политической системы во взрослом возрасте.

Самохвалов Н.А.
(Балаково, Балаковский филиал РАНХиГС при Президенте РФ)

ПРОБЛЕМЫ И ПОТЕНЦИАЛ ОПТИМИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ

Государственной молодежной политике Российской Федерации (далее – ГМП) как неотъемлемому элементу внутриполитического курса России, присущ определенный комплекс проблемных аспектов, требующих своего устранения. Выработка предложений по формированию потенциала оптимизации ГМП невозможна без постановки и осмысления актуальных проблемных аспектов в данной области.

Первым проблемным аспектом в сфере ГМП, как нам представляется, выступает недостаточная эффективность стратегии реализации молодежной политики в РФ на период до 2030 г. при претворении в жизнь ее положений соответствующими органами государственной власти. Особо в рамках данной проблемы в области молодежной политики следует указать отсутствие четко сформулированной системы критериев определения степени эффективности ГМП.

В контексте первой составляющей обозначенной проблемы необходимо акцентировать внимание на том, что Стратегия реализации молодежной политики в РФ на период до 2030 г. года имеет ряд позитивных моментов, к которым, несомненно, можно отнести официальное закрепление в ней системы принципов ее претворения в жизнь, а также указание на особую роль и значение ГМП в качестве важнейшего составного элемента эффективного развития нашего государства. Однако явным их недостатком, на наш взгляд, является отсутствие конкретного указания на механизмы реализации ГМП (отсутствие описания системы методов, мероприятий и средств достижения обозначенных в данном документе базовых целей, задач, ориентиров молодежной политики).

В рамках второй составляющей следует обратить внимание на отсутствие систематизированной совокупности критериев, с помощью которых можно определять эффективность реализации ГМП. Главным образом, подобные критерии должны быть применимы к органам государственного управления в сфере молодежной политики, поскольку именно они наделены полномочиями в данной области, а также получают в рамках их исполнения бюджетные средства. Кроме того, отсутствие целостного подхода к определению эффективности ГМП приводит к субъективизации ее приоритетов и способствует размыванию ответственности акторов молодежной политики.

В рамках третьей составляющей обращает на себя внимание недостаточная эффективность органов государственного управления молодежной политикой РФ[160].

С целью устранения выявленной проблематики на наш взгляд необходимо предпринять следующее:

В частности, следует включить ряд дополнительных разделов в Стратегию реализации молодежной политики в РФ на период до 2030 г. Например, считаем целесообразным включение в ее структуру таких разделов, как:

– механизмы реализации ГМП с детальным описанием направлений деятельности, целей и задач органов государственного управления в рамках каждого из механизмов;

– система качественных и количественных критериев, способствующих определению

[160]По мнению опрошенных экспертов в области ГМП в трех субъектах Российской Федерации: Краснодарский край, республика Крым, Саратовская область. Опрос проводился посредством заполнения 45 респондентами авторской анкеты об эффективности органов ГМП Российской Федерации в специализированной системе «Яндекс Взгляд» [Электронный ресурс]: https://surveys.yandex.ru/

степени эффективности реализации отечественной ГМП.

В качестве второй проблемы ГМП, нам видится недостаточный уровень государственного финансирования молодежной политики.

Для оптимизации финансово-экономической составляющей ГМП наряду с действующей системой целевого финансирования программ развития молодежи необходимо активнее внедрять механизмы государственно-частного партнерства. Кроме того, необходимо сделать государственную систему целевого финансирования сферы молодежной политики максимально адресной и точечной. Например, следует направлять определенное количество средств на развитие сельской молодежи, а не в целом на социально-демографическую группу «молодежь России», так как зачастую сельской молодежи гораздо сложнее пройти процесс социализации и приобрести устойчивый социальный статус, чем представителям городской молодежи[161].

Однако, несмотря на ряд негативных моментов в рамках процесса претворения в жизнь ГМП, существует и внушительный потенциал ее оптимизации. Основной целью подобного потенциала и всех возможных мер, составляющих его основу, выступает устранение проблем в области реализации ГМП и придание ей нового качественного уровня.

Саргсян Д.О.
(Ереван, РАУ)

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

История современного Азербайджана – яркий пример интенсивного конструирования национальной идентичности в результате целенаправленной политики нациестроительства и того, как эта идентичность становится важным ресурсом развития и во внутренней, и во внешней политике.

Современная азербайджанская идентичность сформировалась на стыке конкурирующих моделей – тюркизма (этно-языковая идентичность), азербайджанства (государственно-территориальная идентичность) и конфессиональной модели (шиитская идентичность). Принято считать, что усилиями Гейдара Алиева победила прагматичная модель азербайджанства, которая позволила избежать издержек крайнего этнонационализма и рисков исламизации общества. На самом деле, политика идентичности Азербайджана достаточно многослойна и многовекторна. Если во внутренней политике функционирует модель азербайджанства, которая позволяет интегрировать этнически и конфессионально разношерстное население, то во внешней политике, исходя из прагматичного решения конкретных задач, эффективно используются и тюркский, и исламский фактор.

В научной литературе сегодня существует точка зрения, что идентичность как совокупность определенных ценностей и идеалов, является важным ресурсом центров силы не только для консолидации общества, но и продвижения собственных интересов через инструментарий «мягкой силы» в региональном и глобальном измерении. Большинство постсоветских государств стали объектом подобной политики центров силы. Не является исключением и Азербайджан, где громадное воздействие имел турецкий фактор, что привело к расцвету крайнего этнонационализма со всеми вытекающими последствиями. Но

[161]По мнению опрошенных экспертов в области ГМП в трех субъектах Российской Федерации: Краснодарский край, республика Крым, Саратовская область. Опрос проводился посредством заполнения 45 респондентами авторской анкеты об эффективности органов ГМП Российской Федерации в специализированной системе «Яндекс Взгляд» [Электронный ресурс]: https://surveys.yandex.ru/

в отличие от двух других южнокавказских республик, которые до сих пор имеют проблемы с субъектностью в политике идентичности, в Азербайджане в результате целенаправленной материализации концепта азербайджанства не только удалось консолидировать общество через различные инструменты и технологии, но и выступить с претензией на статус регионального центра силы.

Поражение в первой карабахской войне, потеря значительных территорий вызвал кризис идентичности, преодолеть который можно было только через целенаправленную политику идентичности. Важнейшим ресурсом символической политики стала сакрализация Карабаха и противопоставление демонизированному образу армян.

Если во внутренней политике Азербайджана уже с конца 90-х годов доминирует модель азербайджанства, то во внешней – тюркизм. На смену идеалистическим надеждам ранних 90-х пришла более прагматичная, стратегическая модель, опирающаяся на экономику, энергетику, военное сотрудничество и международное партнерство. Тюркизм стал неотъемлемой частью внешнеполитической доктрины Азербайджана, инструментом укрепления национальной идентичности, обеспечения безопасности и роста международного статуса. Турция воспринимается не только как союзник, но и как «образец» в модернизации институтов, экономических и военных реформ. А лозунг «Одна нация – два государства», официально закреплённый в ряде правовых актов и стратегических документов, стал центральным элементом публичной риторики руководства страны. Во время проведенного нами глубинного экспертного интервью азербайджанские эксперты говорили, что внешнеполитическая ориентация государства «является важным фактором формирования идентичности, поскольку непосредственно влияет на внутреннюю политику, приводя национальные ценности и интересы под задачи внешней ориентации, становясь мощным средством разграничения «свой – чужой», формирующий «легитимные» формы самовыражения и интерпретации прошлого, настоящего и будущего.

Азербайджан активно участвует в деятельности Совета тюркских государств (ныне Организация тюркских государств), Межпарламентской ассамблеи тюркоязычных стран (ТЮРКПА), фонда тюркской культуры и наследия. Эти структуры служат площадкой для институционализации сотрудничества, реализации общих проектов, развития soft power тюркских стран. Реализация масштабных инфраструктурных проектов позволили создать новые возможности для политического и экономического влияния на региональном и глобальном уровнях.

Современный тюркизм в Азербайджане – это не только политика, экономика и армия, но и сфера культуры, образования, медиа и soft power. Усиление этих направлений позволяет стране укреплять собственную идентичность, расширять влияние и формировать позитивный международный имидж. В данном контексте важным является позиционирование Азербайджана в регионе и мире как интенсивно развивающегося государства и открытого общества. Механизмы публичной дипломатии способствуют формированию определенного имиджа государства на международной арене. А проведение таких международных мероприятий, как «Евровидение», «Европейские игры», «Формула-1», «Исламские Олимпийские игры» и др. можно рассматривать как часть нового национального брендинга. Для продвижения собственного образа Азербайджан, по существу, конструирует влиятельную диаспоральную сеть.

Таким образом, в отличие от многих государств постсоветского пространства, которые скорее являются объектом мягкой силы центров силы, Азербайджан претендует на статус субъекта, важным ресурсом которого является в определенной степени искусственно сконструированная модель идентичности.

Статья подготовлена в рамках проекта 24SSAH-5F032 «Трансформирующиеся идентичности как проблема политологического исследования (на примере государств Южного Кавказа)», финансируемого Комитетом высшего образования и науки МОНКС РА.

Саркисян О.Л.
(Ереван, РАУ)

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА

Интенсивные процессы трансформации национальной идентичности на постсоветском пространстве в течение последних тридцати лет, которые либо протекали спонтанно, либо были результатом целенаправленной политики нациестроительства, имели различную детерминацию. На эти процессы влияли не только внутренние факторы развития общества и государства, но, естетственно, и «внешние», определяемые тенденциями трансформации миропорядка, влиянием глобальных и региональных центров силы, внешнеполитической ориентацией государства.

Биполярный мир, основанный на антагонизме капиталистического и социалистического строя (с соответствующим антагонизмом идеологий, ценностей, идентичностей), рухнул вместе с распадом СССР и социалистического лагеря. Казалось, формируется однополярный мир с гегемонией западных либерально-демократических ценностей. Именно в этом контексте необходимо осмыслить процессы государственного и национального строительства на постсоветском пространстве в 90-е гг. XX в. В результате формируются гибридные идентичности, где происходит причудливое смешение западных либерально-демократических, претендующих на глобальный статус, ценностей, с одной стороны, и узких этно-национальных, с другой.

Но иллюзия формирования однополярного мира с единой ценностно-идеологической системой сохранялась недолго. Сегодня очевидно, что формируется новый полицентричный миропорядок. Данный процесс можно считать естественным, исходя из факта цивилизационного разнообразия. Контуры формируемого миропорядка пока неопределенны и размыты. Но очевидно, что на современном этапе развития идет жесткая борьба за статус глобального или регионального центра силы в новом миропорядке. В этой борьбе претенденты за статус центра силы используют как жесткую, так и мягкую силу. Политика мягкой силы, по существу, это распространение системы собственных идеалов и ценностей на другие общества и государства. В этом контексте идентичность как совокупность ценностей и идеалов – важнейший ресурс развития центров силы как во внутренней, так и во внешней политике. На наш взгляд, этот фактор является одним из определяющих в трансформации идентичностей, в том числе, и в странах Южного Кавказа. В процессе реализации нашего исследовательского проекта мы провели глубинное интервью с армянскими, азербайджанскими и грузинскими экспертами. Отвечая на вопрос о влиянии центров силы на трансформацию идентичностей, один из азербайджанских экспертов сказал, что «мощные внешние силы вбрасывают в общественное сознание народов Южного Кавказа некие нарративы, которые должны в конечном итоге служить реализацией их политических целей».

В этом контексте важно осмысление взаимосвязи процессов трансформации национальной идентичности и внешнеполитической ориентации государства. На первый взгляд, очевидно, что наличная идентичность определяет и внешнеполитическую ориентацию. Но это в том случае, если государство обладает определенной субъектностью, тем более, если претендует на статус центра силы. Поэтому, зачастую, не трансформация национальной идентичности определяет внешнеполитическую ориентацию, а, наоборот, изме-

нение ориентации становится причиной трансформации, что, в свою очередь, может быть следствием влияния центров силы. Так в Грузии в начале 90-х гг. XX в. развернулся крайне этнонационалистический проект, затем под влиянием определенных центров силы произошел переход к либерально-демократической западной модели гражданской нации. В результате был декларирован тезис о европейской идентичности грузин, выраженная в формуле «я грузин, значит, я европеец». На современном этапе делается попытка реализации более умеренного проекта, нацеленного на синтез традиционных этнонациональных и западных ценностей гражданской нации.

Азербайджан пытается лавировать между концептами «тюркизма» и «азербайджанства». Если во внутренней политике официально декларируется проект «азербайджанства», позволяющий интегрировать в единую модель общеазербайджанской идентичности этнически и конфессионально разношерстное население, то во внешней политике зачастую работает проект «тюркизма», позволяющий претендовать на статус регионального центра силы с претензией на центр тюркского мира.

Что касается Армении, то в условиях преобладания культурно-конфессиональной модели нации здесь, по существу, отсутствовала целенаправленная политика идентичности (См.: Развитие гражданской идентичности в Республике Армения: тенденции, вызовы, риски: коллективная монография / Ответственный редактор О.Л. Саркисян. Ер.: Изд-во РАУ, 2023. СС. 59-60.). Только после поражения во Второй карабахской войне (2020 г.) и исхода армян из Карабаха (2023 г.) власти стали развертывать проект «реальной Армении», предполагающий деконструкцию и «модернизацию» некоторых традиционных скреп армянской идентичности. Необходимо учесть, что происходит это в условиях внешнеполитической переориентации, изменения региональной конфигурации сил и жесткого давления со стороны Турции и Азербайджана, что порождает определенные риски и угрозы.

Статья подготовлена в рамках проекта 24SSAH-5F032 «Трансформирующиеся идентичности как проблема политологического исследования (на примере государств Южного Кавказа)», финансируемого Комитетом высшего образования и науки МОНКС РА.

Сащенко Н.П.
(Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ

Цифровая эпоха, в которой мы живем и которая проникает во все сферы нашей жизни, имеет двойственный характер. С одной стороны, открываются новые возможности для развития страны, с другой, создаются проблемы социального характера. Казалось бы, так называемая «оцифровка» управленческой сферы и сферы банковских услуг, цифровая модернизация производственной сферы создают новые возможности и перспективы в управлении, от техно-бюрократических монологических моделей к партиципативно-диалогическим, что стимулирует развитие науки, разработку новых моделей коммуникаций. Но на подходе вопрос о сложности и неочевидности применения таких моделей для систем общественных отношений, их гуманизации; этических, нравственных основ жизни, системы образования, политической поддержки и интеграции российского общества.

Еще в 2019 году экспертный опрос ученых – членов Президиума Академии политической науки ▤ показал, что к числу опасных последствий цифровизации эксперты относят отсутствие социального оптимизма, уход от реальной жизни в виртуальную, атомизацию

общества, снижение ответственности, «роботизацию» людей, формирование «ненужных» слоев населения (безработицы), углубление социального неравенства, утечку персональных данных российских граждан, манипуляцию сознанием, потерю суверенитета в цифровой сфере, неверие в реальность выполнения правительством страны своих обещаний. Эти и другие нежелательные последствия цифровизации способны негативно повлиять на массовое сознание, систему представлений о мире, политическую картину мира, национально-государственную идентичность.

Сегодня научные коллективы, изучающие различные аспекты жизни российского общества, констатируют сохранение старых проблем, связанных с экономическим положением, и появление новых, связанных с усилением тревог и беспокойства. В мониторинговом исследовании Института социально-политических исследований (ИСПИ) ФНИСЦ РАН [Как живешь, Россия?.., 2024: 10] через индикаторы проблемного поля выявлены основные тревоги массового сознания, которые за последние три года сменили акценты: проблемы материальной жизни и проблемы безопасности отмечены как беспокоящие население в первую и вторую очередь. Национально-государственные же проблемы и духовно-нравственные отошли на третий и четвертый планы. Однако существуют и субъективные причины отрицательной динамики социального самочувствия: уход в привлекательное виртуальное пространство, восприятие и социальное сравнение мира реального и виртуального, размывание традиционных ценностей.

На базе социологического и социально-психологического анализа разнонаправленных идентификационных процессов в массовом сознании современного российского общества в исследованиях ИСПИ ФНИСЦ РАН выявлены маркеры новых потенциальных причин долгосрочных системных рисков для устойчивости государства. Исследование идентификационных основ устойчивости государства было проведено в рамках трехкомпонентной структуры национально-государственной идентичности россиян (Российское общество и государство: основания устойчивости и тенден¬ции изменений. Социальная и социально-политическая ситуация: [моно¬графия] / отв. ред. В. К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2024). Результаты исследования показали появление в сознании массовых слоев новых ориентиров-идентификаторов, позволяющих выявлять социально-политические риски ослабления целостности идентификационной матрицы и классифицировать шансы устойчивости российского общества.

Селезнева А.В., Ячменева О.А.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ИДЕАЛЬНЫЙ ПРЕЗИДЕНТ И ОБРАЗЦОВЫЙ ПАТРИОТ В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

В современных условиях, характеризующихся нарастающей социокультурной дифференциацией и усложнением политической коммуникации, возрастает потребность в более глубоком понимании механизмов формирования политического сознания граждан. Особую значимость приобретает изучение феномена политического лидерства не только через призму институтов власти, но и с позиции восприятия лидеров массовым сознанием.

Одним из ключевых векторов политико-психологического анализа в этом контексте выступает исследование нормативных представлений о лидерах, о том, каким должен

быть идеальный лидер с точки зрения ценностей, личностных качеств и поведенческих установок. Эти представления являют собой своего рода «социальный заказ» на лидерство, формируя ожидания общества в отношении носителей власти и потенциальных общественных авторитетов.

Особую актуальность данная проблематика приобретает в молодежной среде. Современное поколение молодежи, формировавшееся в условиях постсоветской реальности, представляет собой сложную, неоднородную и динамичную социальную группу. Понимание того, какие представления о лидерах формируются у молодых людей, какие ценности и модели поведения они транслируют через эти представления, имеет принципиальное значение, как для анализа динамики политической культуры, так и для выработки эффективной молодежной политики. Молодежь Северного Кавказа, обладая специфической политической культурой, представляет особый интерес для изучения.

Представленный в данной работе анализ опирается на материалы исследования, проведенного в несколько этапов с 2022 по 2024 годы с использованием комплекса количественных и качественных методов (анкетирование, фокус-группы, проективные методики: неоконченные предложения и рисуночный тест) с молодежью в возрасте от 18 до 35 лет, проживающей на территории Северо-Кавказского федерального округа.

По результатам проведенного исследования были выявлены характеристики образов идеального президента и образцового патриота в сознании северокавказской молодежи. Так, представления об идеальном президенте характеризуются гомогенностью, логикой государственной риторики и акцентом на морально-нравственные качества. Идеальный президент видится как фигура национального масштаба, носитель политической воли, обеспечивающий единство страны и защиту народа. Кроме того, нормативные представления молодежи Северного Кавказа о президенте соответствуют общероссийской тенденции, что подтверждается сопоставлением с результатами исследований политических психологов (Н.В. Смулькиной, Н.Н. Рогача).

В то же время представления об образцовом патриоте отличаются более высоким уровнем вариативности, персонализации и эмоциональной насыщенности. Патриот воспринимается как деятельный гражданин, проявляющий любовь к стране не на словах, а через конкретные поступки. Особенно подчеркивается связь патриотизма с локальной идентичностью, чувством долга перед малой Родиной, уважением к традициям и сообществу. Показательно, что в ответах респондентов доминируют реальные примеры, а не абстрактные фигуры, что подтверждает важность ролевых моделей в молодежной среде.

Вместе с тем были выявлены отличия внутри самого региона. Так, в сознании молодежи, проживающей на территории Чеченской Республики, фиксируется некоторая разница в понимании патриотизма, что выражается в сильном акценте на деятельностном компоненте патриотизма и своеобразных примерах, иллюстрирующих поведение образцового патриота, в которых доминируют образы и смыслы, отражающие культурно-исторический опыт развития региона. В качестве образцовых патриотов упоминали своих национальных героев.

Таким образом, нормативные представления о лидерах у молодежи Северо-Кавказского федерального округа формируются под воздействием политико-культурного контекста региона. В зависимости от типа лидера – политического или гражданского – доминируют различные смысловые акценты: в образе президента преобладает политическая доминанта, связанная с национально-государственной идентичностью, тогда как в образе патриота ярко выражена социокультурная доминанта, соотносящаяся с локальной идентичностью, традиционными ценностями и малой Родиной.

Семененко И.С.
(Москва, ИМЭМО РАН)

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ «МИРЫ» В КОНКУРЕНЦИИ ЦЕНТРОВ СИЛЫ: ФАКТОР ИДЕНТИЧНОСТИ

Сегодня в борьбу за влияние как мировых, так и региональных центров силы вовлечены структуры, контуры которых начали формироваться еще в условиях соперничества за влияние на мировой арене имперских игроков. На объединения новых независимых государств опиралась постколониальная политика империй, как в случае Содружества наций (до 1949 г. – Британское содружество). Сегодня бывшие метрополии, включая и Великобританию, строят свое влияние в англосфере на языковом наследии, за которым стоят экономические интересы. При этом значение общего политического прошлого активно оспаривается и переосмысливается и в бывших колониях, и в метрополиях, порождая реконфигурацию тех транснациональных «миров», которые выстраиваются уже за пределами исторического пространства империй.

Так, Франция активно проецирует свое культурное влияние в Румынию, Армению и Молдову, которые являются членами международной организации франкоязычных стран (МОФ). В числе более полусотни участников этого объединения также Гвинея-Бисау (входившая в Португальскую Гвинею), Демократическая Республика Конго (Заир, бывшее Бельгийское Конго) и другие не находившиеся в колониальной орбите Франции государства. Франкофония апеллирует к привлекательной языковой идентичности и культурным образцам, которые не предполагают наличие общего языкового пространства, и пропагандирует именно привлекательность знания французского языка и культуры для выстраивания жизненных траекторий граждан стран-участников МОФ. Стимулом является возможность получения более качественного образования на языке страны-донора и финансовой поддержки в рамках программ помощи, а опорой – пустившие глубокие корни в бывшей метрополии диаспоры.

Важный элемент стратегии влияния – миграционная притягательность бывшей метрополии. Так, испаноговорящий мир Латинской Америки разворачивает миграционные потоки в Испанию. В этой стране приезжие из культурно близких обществ, владеющие языком и принадлежащие в большинстве к католической церкви (этот фактор постепенно теряет значимость, но остается важной составляющей идентичности первого поколения мигрантов), могут рассчитывать на имплицитную поддержку принимающего населения. Налицо и активный миграционный обмен в виде оттока специалистов из Испании, где сохраняется высокий уровень безработицы, в латиноамериканские страны в поисках привлекательных рабочих мест.

Лузифония – яркий пример реконфигурации лидерства, где Бразилия стоит на позициях восходящего центра силы, а Португалия удовлетворяется положением на политической периферии Евросоюза. Активно идут и процессы реконфигурации транснационального «мира» Содружества наций, где Индия обогнала бывшую метрополию по совокупным показателям ВВП и утверждает позиции восходящего мирового лидера, а представители индийской диаспоры играют заметную роль в британской политической жизни. За влияние в этой сфере соперничают выходцы из Пакистана.

В рамках тюркского мира свое присутствие в институциональных структурах Организации тюркских государств в статусе наблюдателя обозначила Венгрия, претендующая на политическую роль медиатора в отношениях Евросоюза и тюркского мира и на преференциальные экономические отношения с Турцией. В этом разновекторном

контексте государство конструирует гибридную языковую идентичность, апеллируя в исторической политике к принадлежности предков современных венгров как к финно-угорским, так и к тюркоязычным народам. В рамках самого тюркского мира за лидерство соперничают Турция, Азербайджан и Казахстан; позиции Турции как регионального центра силы во многом опираются на ценностно-политический проект тюркского мира.

Современные транснациональные «миры» переформатируют мировое политическое пространство. Сегодня государства, выдвигающиеся в качестве новых, восходящих, центров силы, используют их как опоры для упрочения позиций за пределами национальных границ. В нарративах, отражающих стремление расширить сферу влияния, центральное место занимают факторы *языковой и культурной идентичности*. Но если первая рассматривается как источник новых возможностей, то вторая – во многом как поле борьбы за историческую справедливость и за утверждение национальной идентичности. В бывших метрополиях вокруг постколониальной повестки выстраивается историческая политика, основанная на попытках развернуть внешнеполитический вектор через разные стратегии переосмысления колониального прошлого, в то время как влиятельные в нынешнем мире наследники распада колониальной системы используют ее для упрочения своих позиций как потенциальных центров силы регионального масштаба. Инновационные технологии открывают новые возможности для выстраивания транснациональных «миров», и можно прогнозировать расширение их ресурсного потенциала в борьбе за влияние в мировой экономике и политике.

Сергеев С.А., Сергеев А.С.
(Казань, КФУ)

ЛЕВЫЕ И ПРАВЫЕ ПОПУЛИСТЫ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Появление левых и правых популистских партий в ряде стран Западной Европы оказало существенное влияние на политический ландшафт этих стран.

Одним из эффектов роста их влияния стала эрозия мейнстримных партий, как левых, так и правых. Они потеряли часть своего электората, столкнулись с внутренними разногласиями и были вынуждены адаптироваться к новым политическим условиям, чтобы выжить.

Появление популистских партий способствовало разрушению или расшатыванию традиционных двухпартийных или двухблоковых систем, которые долгое время доминировали в этих странах.

Популистские партии смогли повлиять на политическую повестку, заставив традиционные партии обратить внимание на проблемы, которые ранее игнорировались, такие как иммиграция, экономическая нестабильность, культурные ценности и национальный суверенитет. Чтобы конкурировать с популистами, мейнстримные партии были вынуждены адаптировать свою риторику и политику, заимствуя некоторые из их идей и лозунгов. Это привело к смещению политического центра вправо или влево в зависимости от доминирующего типа популизма в стране.

При этом появление новых партий зачастую способствовало более активному участию граждан в политической жизни, что повысило политическую активность населения и способствовало развитию гражданского общества, хотя и может приводить к усилению поляризации.

Что общего у левых и правых популистов и что их различает?

Популисты как левого, так и правого толка позиционируют себя как защитников интересов «простых людей» против «элит» и «системы», критикуют традиционные политические партии и элиты, обвиняя их в коррупции, некомпетентности и оторванности от нужд простых граждан.

Для них характерны упрощенная и эмоциональная риторика, обращенная скорее к чувствам, чем к разуму, чтобы мобилизовать своих сторонников, характеризующаяся также конфронтационностью и манихейской направленностью.

Как левые, так и правые популисты с различной долей скепсиса относятся к международным организациям, таким как ЕС и НАТО, обвиняя их в ограничении национального суверенитета и навязывании невыгодной политики.

Но различия между левыми и правыми популистами, пожалуй, гораздо более существенны и глубоки, что обусловлено разным пониманием «народа», к которому апеллируют те и другие. Если для левых популистов, таких, как «Подемос» в Испании и СИРИЗА в Греции, «народ» – это прежде всего социально угнетённые группы и трудящиеся, нуждающиеся в защите от эксплуатации, то для правых (в частности, для «Национального объединения» во Франции или «Братьев Италии») «народ» – это этнокультурная общность, которую нужно защищать от чужеродных влияний и миграции.

Если левые популисты опираются на идеи социальной справедливости, равенства, защиты прав трудящихся и критикуют капитализм, то правые популисты делают акцент на национальном суверенитете, консервативных ценностях, антииммигрантской риторике и защите традиционной культуры. Если левые популисты уделяют основное внимание экономическому неравенству, социальной несправедливости и доступу к образованию и здравоохранению, то правые – иммиграции, национальной идентичности, преступности и безопасности.

Левые популисты, будучи интернационалистами, как правило, выступают за более мягкую миграционную политику, за защиту прав беженцев и иммигрантов. Правые популисты, напротив, призывают к ужесточению иммиграционного контроля, ограничению доступа иммигрантов к социальным услугам и даже к депортации нелегальных мигрантов.

Левые популисты отстаивают права меньшинств, гендерное равенство и секуляризм. Правые популисты, напротив, придерживаются консервативных взглядов, поддерживают традиционную семью, религию и выступают против «гендерной идеологии».

В сфере экономической политики левые популисты выступают за активное вмешательство государства в экономику, перераспределение богатства и расширение социальных программ. Правые популисты поддерживают снижение налогов, дерегулирование бизнеса и сокращение государственных расходов, хотя и с элементами протекционизма для защиты национальных производителей.

Хотя обе категории популистов апеллируют к «простым людям», их электоральная база в значительной мере различаются. Левые популисты, как правило, получают поддержку от молодёжи, образованных горожан, профсоюзов и общественных активистов. Правые популисты пользуются поддержкой рабочего класса, сельского населения, представителей малого бизнеса и людей, обеспокоенных утратой национальной идентичности.

Таким образом, левые и правые популистские партии, несмотря на общие черты, представляют собой разные политические явления с различными идеологическими основаниями, целями и электоральной базой. Они по-разному интерпретируют проблемы, стоящие перед обществом, и предлагают разные решения, отражающие различия в их ценностях и мировоззрении.

Сергунин А.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ, РАНХиГС)

НА ПУТИ К ОБЩЕЙ АРКТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ БРИКС: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

БРИКС – уникальное институциональное образование, объединяющее страны с различными государственным и социально-экономическим устройством, культурным и религиозным укладом, а также геоэкономическими и геополитическими интересами. Его уникальность также состоит в том, что эта группа проводит единый курс и создаёт формальные институты только в тех областях, в которых существуют общие интересы и отсутствуют противоречия. БРИКС старается не форсировать выработку общих стратегий и не оказывает давление на своих членов и партнёров в тех сферах, в которых у них есть разногласия или где их интересы недостаточно значимы. В таком случае БРИКС выбирает формат двустороннего сотрудничества и предпочитает дождаться, когда члены этого объединения «дозреют» до уровня многостороннего взаимодействия.

К числу регионов, где у БРИКС пока не сформировался общий стратегический подход, но где у ряда стран (Россия, Китай, Индия, ОАЭ) имеются весьма существенные интересы, относится и Арктика. Вопросы изучения и освоения Арктики регулярно обсуждаются на саммитах БРИКС. В рамках БРИКС функционирует Рабочая группа по исследованиям океана и полярных зон. Её цель – содействовать сотрудничеству между странами – членами БРИКС в области наук об океане и полярных исследований посредством совместной деятельности правительств, университетов, исследовательских институтов и промышленных предприятий.

Также страны БРИКС организуют многосторонние встречи и конференции по арктической тематике и принимают участие в престижных арктических форумах, организуемых как членами этого объединения, так и другими государствами – «Арктика – территория диалога» (последний форум состоялся в Мурманске в марте 2025 г.), Северный форум устойчивого развития (Якутск), «Арктические рубежи» (г. Тромсё, Норвегия), «Северный диалог» (г. Бодё, Норвегия), «Арктическая встреча» (г. Анкоридж, США), Неделя арктической науки (организуется Международным арктическим научным комитетом на ротационной основе) и пр.

Однако приходится констатировать, что пока арктическое сотрудничество стран БРИКС происходит в основном в двустороннем формате.

Формирование общей арктической стратегии БРИКС могло бы происходить по следующим направлениям:

– Освоение и рациональное использование природных ресурсов Арктики на основе разработки и применения экологически чистых технологий, минимизирующих воздействие на хрупкую экосистему региона. Арктические «компоненты» могли бы быть включены в Стратегию экономического партнёрства БРИКС-2030 и Партнёрство по новой индустриальной революции. Новый банк развития БРИКС мог бы поддержать финансово наиболее перспективные совместные проекты в российской Арктике.

– Развитие международных транспортных коридоров. В частности речь идёт о мультимодальном транспортном коридоре «Север-Юг» (с участием России, Ирана и Индии) и Трансарктическом транспортном коридоре на основе Северного морского пути (Россия, КНР, Индия, ОАЭ). При этом явно напрашивается принятие – на основе ведущегося диалога министров транспорта стран БРИКС – специальной транспортной стратегии этого объединения и включения туда северных логистических маршрутов.

– Формирование общего подхода к климатической и природоохранной стратегии в Арктике. На глобальном уровне такой подход уже существует: страны БРИКС являются участниками Рамочной конвенции ООН об изменении климата (1992 г.) и Парижского соглашения по климату (2016 г.) (Иран подписал, но не ратифицировал последний документ). Нужно только выделить региональные измерения, включая обе полярных области.

– Научные исследования (арктическая научная дипломатия). Многие специалисты по Арктике считают, что совместные научные исследования, объединяющие усилия учёных из различных стран БРИКС, могли бы стать мощным интегратором общей арктической стратегии этого объединения. В этой области у стран-членов БРИКС практически нет противоречий, и, наоборот, есть потребность в сотрудничестве по таким вопросам, как изменение климата, метеопрогнозы, охрана окружающей среды, сохранение биоразнообразия, динамика морского льда, ледников и вечной мерзлоты, геологические изыскания, океанология, коренные народы и пр.

В частности, ряд стран БРИКС (Россия, Индия, КНР, Бразилия, ЮАР, Иран и ОАЭ) планирует организовать на Шпицбергене (в российских посёлках Пирамида и Баренцбург) Международный научно-образовательный центр по исследованию высокоширотной Арктики. Опорной организацией с российской стороны станет Российский научный центр на Шпицбергене. Основные направления исследований будут включать геофизику, изучение атмосферы, гидросферы, криосферы, экологии, биологии, палеогеографии и полярной медицины. Москва также приглашает учёных из стран БРИКС к совместной работе на российских полярных станциях и борту ледостойкой самодвижущейся платформы «Северный полюс».

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-00379, https://rscf.ru/project/25-18-00379/

Сердюков И.А.
(Москва, РУДН)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ЕАЭС ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одним из ключевых аспектов евразийской интеграции, равно как и непреложным условием её развития, является международная деятельность, проводимая Евразийской экономической комиссией (ЕЭК). Согласно договору о ЕАЭС и международно-правовой практике евразийской интеграции, на данный момент существует три формата сотрудничества третьих государств с ЕАЭС: статус наблюдателя, заключение соглашений о свободной торговле, а также разработка и подписание сторонами меморандумов о сотрудничестве.

Отталкиваясь от анализа стратегических документов по международной работе ЕЭК и фактических действий, предпринятых в данном направлении, международная деятельность ЕЭК имела устойчивую тенденцию к концентрации на постсоветском регионе, Восточной и Юго-Восточной Азии, Латинской Америке, и, с недавних пор, Ближнем Востоке. На основании проведённого регионального анализа мы можем сделать ряд заключений. Во-первых, наибольшая активность наблюдается в странах, где вектор международной и внешнеэкономической политики направлен на многополярность и диверсификацию. Во-вторых, интерес проявляют государства, стремящиеся

к сопряжению с Китаем и инициативой «Один пояс – один путь», где ЕАЭС рассматривается как транзитный и институциональный элемент этой модели[162]. В-третьих, государства, испытывающие санкционное или политическое давление, рассматривают взаимодействие с ЕАЭС как способ компенсации ограниченного доступа к западным рынкам и площадкам.

Несмотря на растущий взаимный интерес к участию в евразийской интеграции стран из различных регионов, процесс включения новых участников в его институциональное пространство сталкивается с рядом препятствий системного характера. Так, например, потенциальное вступление в Союз в качестве полноценного члена будет требовать от претендентов значительный объём законодательной, технико-регулирующей и административной трансформации.

Иная проблема заключается в отсутствии унифицированного механизма адаптации новых членов. В отличие от Европейского Союза, в котором проработана многоступенчатая структура вступления и адаптации новых членов, в ЕЭК, в силу отсутствия значительного опыта в этом вопросе, данные практики отсутствуют. Что касается механизма разработки «дорожных карт», как то было сделано для вступления Армении и Киргизии, крайне сомнительно, что подобный опыт формирования уникальных механизмов адаптации в силу собственной ресурсо– и трудоёмкости будет наиболее оптимальной общепримениимой практикой.

С другой стороны, важным фактором также является асимметрия и разнонаправленность международных интересов каждой из действующих стран-участников. Например, страны Центральной Азии более всего заинтересованы в укреплении сотрудничества с Азиатскими странами, в то время как Россия в последние годы склонна более всего продвигать сотрудничество с Ближневосточными странами.

В то же время существует значительный фактор внешнеполитических ограничений, который заключается в наличии более привлекательных для отдельных стран проектов интеграции, а также рисков дипломатического, стратегического и санкционного давления[163].

Несмотря на перечисленные ограничения, ЕАЭС демонстрирует устойчивый рост потенциала к расширению международного сотрудничества в интеграционном и геополитическом измерении. Среди факторов роста привлекательности Союза можно указать следующее. Во-первых, наличие гибкой системы с многоформатной архитектурой участия, которая позволяет государствам адаптировать степень вовлеченности в зависимости от политических и институциональных возможностей. Во-вторых, динамика взаимодействия с наблюдателями и странами-партнерами свидетельствует о трансформации ЕАЭС в региональный центр нормативного сопряжения, особенно в сферах технического регулирования, таможенного администрирования и цифровой экономики. В-третьих, присутствует устойчивый интерес третьих стран к поиску форматов международного сотрудничества, которые представляют альтернативу западным форматам и институтам.

Таким образом, несмотря на наличие существенных и системных ограничений дальнейшего развития, ЕАЭС обладает потенциалом для количественного и качественного расширения. При доработке перечисленных несовершенств и благоприятном развития глобальных и региональных международных отношений, ЕАЭС имеет потенциал к тому, чтобы стать одним из наиболее привлекательных форматов международной интеграции не только на постсоветском пространстве, но также и в так называемой «Большой Евразии».

[162]Харланов А.С., Максимцев И.А., Бобошко А.А., Новиков М.М. Китай – стратегический партнер и ценный сосед. Цивилизационный выбор и современные тренды кооперации. М.: Русайнс, 2022. С. 30.

[163]Кузнецов А.В., Вилисов М.В., Атоян В.К., Вавилова Л.И. Атлас аналитических центров ЕАЭС: Справочник / Центр междисциплинарных исследований. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. С. 98.

Серебряков К.Д.
(Санкт-Петербург, ГУАП)

СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Миграционная политика Российской Федерации, несмотря на декларируемый в ключевых стратегических документах разумный и прагматичный подход, демонстрирует существенные системные противоречия в своей реализации. Анализ нормативной базы, включая Концепцию государственной миграционной политики на 2019-2025 годы, показывает ориентацию на привлечение высококвалифицированных специалистов и соотечественников. Однако эмпирические данные свидетельствуют, что основную массу трудовых мигрантов составляют низкоквалифицированные работники из стран Центральной Азии, что создаёт структурный дисбаланс между целями политики и реальными миграционными потоками[165].

В нормативно-правовом измерении ключевой проблемой является чрезмерная жёсткость и бюрократизированность административных процедур. Регламенты постановки на миграционный учёт, получения разрешительных документов и регистрации по месту пребывания содержат организационно-технические сложности, зачастую непреодолимые для самих мигрантов. Это усугубляется наличием низовой коррупции и отсутствием эффективных механизмов информирования и поддержки, что закономерно ведёт к росту административных правонарушений и формирует практику тотального недоверия к правоохранительным и миграционным органам. Жёсткость подчёркивается нормой ст. 18.8 КоАП РФ, предусматривающей обязательное выдворение за нарушение режима пребывания, что исключает дифференцированный подход к малозначительным проступкам.

Экономико-технологическое измерение проблемы раскрывается через призму бизнес-моделей, основанных на эксплуатации дешёвого труда. Работодатели и посредники, извлекая сверхприбыли, создают для мигрантов условия, соответствующие формуле «3D» – грязная, опасная и унизительная работа[166]. Отсутствие нормальных условий труда и жизни, социального пакета и медицинского обслуживания поддерживается самими мигрантами в силу сравнительной экономической выгоды, однако делает эту группу крайне уязвимой и «невидимой» для официального дискурса. Отсутствие прозрачных финансовых потоков и субсидиарной ответственности заказчиков труда усугубляет ситуацию, не оставляя мигрантам правовых рычагов для защиты своих интересов.

Социально-антропологический аспект характеризуется глубокой стереотипизацией образа трудового мигранта в массовом сознании принимающего общества. Коммуникативные и этнокультурные барьеры, будучи наложенными на политизированную медиаповестку и использование «языка вражды», формируют устойчивую ксенофобию и этническую интолерантность. Фиксируется готовность части населения к поддержке жёстких акций в отношении мигрантов, что свидетельствует о латентном социальном напряжении[167]. Это создаёт неблагоприятный контекст для адаптации и интеграции, замыкая порочный круг взаимного недоверия и отчуждения.

Таким образом, системные проблемы управления трудовой миграцией в России носят комплексный, междисциплинарный характер. Их разрешение требует не точечных корректировок, а системного реформирования, включающего смягчение мигра-

[165]Рязанцев С.В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. – 2018. – № 1. С. 105-111.

[166]Таран П. Глобализация и трудовая миграция: необходимость политики, основанной на правах человека // Век глобализации. – 2010. – № 1 (5). С. 69.

[167]Окладникова Е.А. Формирование этнотолерантной ментальности как социологическая проблема: региональный аспект // Социум и власть. – 2017. – № 3 (65). – С. 23-28.

ционного и административного законодательства, внедрение цифровых сервисов для упрощения процедур постановки на миграционный учёт, получения разрешительных документов и регистрации по месту пребывания, создание экономических стимулов для добросовестных работодателей, а также реализацию программ по развитию межкультурного диалога и деструкции негативных стереотипов на региональном и национальном уровнях.

Сересова У.И.
(Москва, РУДН)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ТУРИЗМ И ГОСТЕПРИИМСТВО» КАК «МЯГКАЯ СИЛА»

Рост международного туризма привел к «геополитическому повороту» в туристских исследованиях. Геополитические контексты туризма анализируются с помощью концептов «мягкой силы», открытых глобальных и региональных туристских «мир-систем», овертуризма, «витрины социально-экономического и политического устройства». Понятие «мягкой силы», введенное Дж. Наем, предполагает использование различных политических и неполитических ресурсов для создания привлекательного образа страны. С этой точки зрения туризм, наряду с культурой и образованием, становится эффективным инструментом для трансляции политических идей, смыслов и нарративов с целью формирования положительного имиджа гостеприимной и радушной страны, отстаивания национальных интересов в целом. Въездной туризм также можно рассматривать как механизм «публичной дипломатии» между негосударственными акторами – субъектами турбизнеса, местным населением и туристами.

Настоящее исследование на стыке концепций «мягкой силы» и публичной политики позволяет проанализировать политические смыслы направления российской государственной туристской политики, ориентированного на развитие въездного туризма.

Стратегия развития туризма до 2035 г, принятая в 2019 г., была ориентирована на развитие, в первую очередь, внутреннего туризма. Документ отмечал, что, по данным 2018 г., 60% турпакетов, реализуемых турфирмами, приходились на выездной туризм, что рассматривалось как свидетельство: а) низкой конкурентоспособности внутреннего туризма и б) наличия платежеспособного спроса. Большое количество туристско-рекреационных ресурсов при туристской инфраструктуре невысокого качества, административные проблемы, визовые барьеры для иностранцев, отсутствие туристского брендинга, качество образования работников отрасли были обозначены как ключевые проблемы, в решение которых государство может вмешаться. Основная цель Стратегии формулировалась как «увеличение социальной и экономической роли туризма в развитии страны». Существенными факторами, повлиявшими на необходимость большего вмешательства государства в туристскую индустрию, следует считать пандемию Covid-19 (2020) и Специальную военную операцию (2022).

Еще большее внимание к развитию внутреннего туризма демонстрируется в Национальном проекте «Туризм и индустрия гостеприимства» (2021–2024), получившем свое продолжение в Национальном проекте «Туризм и гостеприимство» (2025–2030). Нацпроект вписан в Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации.

В Нацпроекте развитие внутреннего туризма рассматривается как ресурс для личностного развития российских граждан «на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций».

В то же время в последние два года Нацпроект предусматривает «поворот на Восток» и стимулирует развитие въездного туризма, преимущественно, из стран Азии. По данным Росстата, количество въездных иностранных туристов на конец 2024 г. – 9 млн, что на 1 млн. больше, чем в 2023 г. До пандемии этот показатель несколько лет держался на уровне 24 млн, минимума в 565 тыс. достигал в 2021 г. Среди мер, направленных на рост въездного туризма, предпринимаемых государством, можно отметить программы продвижения российских туров в Китае, увеличение количества международных рейсов на определенные направления, упрощение въезда, участие в ключевых туристских выставках Ближнего Востока и Азии; организацию ознакомительных туров по России для туроператоров и блогеров из Китая, Индии, ОАЭ, Бахрейна, Катара, Омана, Индонезии и Малайзии. В 2025 г. Минэкономразвития запустило федеральную программу «Открой твою Россию», предполагающую финансовую и организационную поддержку под брендом “Discover Russia” региональных туроператоров и территории, ориентированные на развитие въездного туризма.

Таким образом, только в последние 1-2 года формируется политический курс на создание на основе традиционных духовно-нравственных ценностей положительного имиджа России как дестинации для въездного туризма в контексте «поворота на Восток».

Сигачёв М.И.
(Москва, ИМЭМО РАН)

МЕТАПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД И МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ: ОТ МАТЕРИАЛЬНОГО К НЕМАТЕРИАЛЬНОМУ

Современная мирополитическая динамика не может быть в полной мере адекватно объяснена в рамках традиционных парадигм (реализм, либерализм, марксизм), акцентирующих основное внимание на материальных факторах (военно-политические ресурсы, торговля, экономический базис). Ключ к пониманию наблюдаемых сверхсложных политических процессов во многом лежит в области нематериальных факторов: идеологий, идентичностей, ценностей, исторических нарративов и культурных кодов, которые часто слабо соотносятся с материальными ресурсами. Возникает необходимость в осмыслении и практическом применении новых подходов. Один их них – метаполитический подход, исследующий мировоззренческие основания политики. Каким образом метаполитика позволяет сформировать новое видение международно-политической проблематики?

Концепт метаполитики был предложен французским философом А. Бадью. Метаполитика понимается им как философско-теоретический уровень анализа, фокусирующийся на глубинных, доктринальных основаниях политики, то есть контроле над смыслами. Данный подход инвертирует классическую марксистскую дихотомию «базис – надстройка», утверждая относительную автономию и первичность ценностно-мировоззренческих структур (идентичностей, мифов, логосов) в конституировании политической реальности. В результате метаполитический подход, в отличие от поли-

тической философии, направлен не только на объяснение, но и на формирование и преобразование политической сферы. Метаполитика, по сравнению с политической философией, носит более практикоориентированный характер. И проблема идентичности выступает в качестве важнейшего нематериального фактора, определяющего политическую динамику на разных уровнях.

Идентичность становится центральным конструктом мировой политики, формирующим «каркас» международных отношений. Именно ответ на вопрос «Кто мы?» определяет внешнеполитические стратегии ведущих акторов мировой политики. Ценностно-мировоззренческие конфликты (например, вокруг «русского мира», «европейских ценностей», «универсальных ценностей») являются не следствием, а первопричиной геополитических расколов, что демонстрирует и украинский кризис, где цивилизационный выбор предопределил экономические и военные столкновения на протяжении последних десятилетий. Перефразируя определение советского культуролога Я. Э. Голосовкера о философии как искусстве строить картины мироздания из смыслообразов, метаполитику можно определить в качестве искусства строить из мировоззренческих смыслообразов политические картины мира.

Концепция «Острова Россия» В.Л. Цымбурского служит ярким примером такого метаполитического проектирования, поскольку в своей цивилизационной геополитике Цымбурский выстраивал из географических смыслообразов геополитические картины мировых цивилизаций. Предложенный Цымбурским географический смыслообраз (Россия как «Остров в сердцевине суши») формирует ценностную основу для стратегии цивилизационного суверенитета и суверенного развития. Цымбурский как философ-геополитик «оторвал» геополитику от территориального фактора, акцентировав внимание на нематериальных, идентитарных аспектах социально-политического развития и использовал свой вариант геополитики цивилизаций для проектирования, формирования «островной» цивилизационной идентичности России.

Ценностно-мировоззренческие факторы являются системообразующими для современной мировой политики, предопределяя границы возможного и формируя долгосрочные траектории развития. Метаполитический подход позволяет преодолеть ограничения экономического и политического редукционизма, выявляя глубинные причины конфликтов и кооперации. Для России актуальной задачей остается разработка и продвижение собственного метаполитического проекта, основанного на синтезе традиции и модернизации («консервативная модернизация», «неоинтегрализм»), что является условием ее суверенного развития и влияния в полицентричном мире.

Сидоров В.В.
(Казань, КФУ)

ПРЕДВЫБОРНЫЕ СТРАТЕГИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙ: ЯЗЫК И СОДЕРЖАНИЕ ВИЗУАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

В современной политике государств Западной Европы все большую роль играют этнорегиональные партии, которые в своей совокупности являются полноценной “партийной семьей” с устойчивым набором общих признаков и стратегий. С одной стороны, этнорегиональные партии активно политизируют этничность, выступают за развитие местной этнической идентичности. С другой стороны, в определенных случаях,

этнорегиональные партии апеллируют больше к региональной идентичности, используя иные маркеры этносимовлизма. Причины возрастания интереса избирателей к этнорегиональным партиям кроется в идеологическом кризисе как левых социалистических партий, так и либеральных партий. Хотя среди европейских государств есть существенные различия в электоральных результатах, проведенный нами сравнительный анализ показал устойчивый рост результатов этнорегиональных партий в государствах Западной Европы в XXI веке.

Существование этнорегиональных партий позволяет институционализировать конфликты, связанные с потребностью этнорегиональных групп в самоопределении и выражении своих требований в политической сфере. Однако этнорегиональные партии могут выступать как катализаторы сепаратистских настроений в своих регионах. Данные различия зависят, как и от доли этноса в регионе, так и от конкретных социально-экономических условий, взаимоотношений центра и регионов и других факторов.

Проведенный нами анализ визуальной предвыборной рекламы этнорегиональных партий показал, что данные партии выбирают разные языковые стратегии для обращения к избирателям. Интересным является случай Шотландской национальной партии (ШНП), которая является одной из самых известных партий с высоким уровнем институционализации. Ее предвыборная агитация использует английский язык, поскольку региональные языки (скотс и гэльский язык) не столь распространены. Шотландия, тем не менее, показывает высокую степень регионального самосознания и распространения региональной идентичности, что выражается в электоральном успехе ШНП. Схожие процессы можно увидеть и в соседней Северной Ирландии и Республике Ирландии, где региональная и национальная идентичность “соседствует” с отсутствием или малым распространением регионального языка и использованием английского языка как основного. Однако в этом случае акцент в избирательной кампании делается больше на интересы региона, чем на интересы этнической группы. Лишь валлийская партия Плайд Кимру активно использует валлийский язык в своей агитационной кампании. В Великобритании этнорегиональные партии в своей визуальной рекламе больше апеллируют к региональным проблемам, а этноязыковой компонент прослеживается лишь в использовании валлийского языка. Партии следуют рациональной стратегии – обращаться к своим избирателям на понятном им языке и расширять свою электоральную базу за счет акцента на региональной идентичности, а не на этнической. Соответственно и политические позиции партии, выраженные в визуальных образах, говорят избирателям скорее о проблемах региона и всех его жителях, чем о проблемах этнических групп. Схожие тенденции мы выявили и в Испании, где партии хоть и используют в визуальной рекламе каталанский и баскский языки, но само содержание рекламы делает акцент на региональных проблемах и стремлении к расширению автономии. Безусловно, сама мощная современная региональная идентичность изученных регионов основывается на развитии политического самосознания этнических групп, которые со временем эволюционировали уже в этнорегиональную политическую идентичность.

Изучение стратегий и визуального содержания предвыборной рекламы этнорегиональных партий Европы позволяет понять природу данных партий и их предвыборные стратегии. Избиратели редко читают программы партий, а визуальная наружная предвыборная реклама является “лицом” партии, а значит ее изучение является эффективной исследовательской стратегией для понимания текущих политических позиций и приоритетов изучаемых этнорегиональных партий.

Сидоров И.П.
(Петрозаводск, ПетрГУ)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) в XXI веке выступает одним из ключевых пространств реализации стратегических интересов страны. Республика Карелия, включённая в состав АЗРФ в 2017 году, представляет особый случай, так как совмещает в себе традиционно «европейский» облик приграничного региона и одновременно входит в северный стратегический пояс России. Такое положение обусловливает двойственную роль Карелии: как приграничного субъекта, ориентированного на взаимодействие с Финляндией и Европейским Союзом, и как элемента арктического макрорегиона, обладающего значением для национальной безопасности и устойчивого развития. В государственной стратегии России Арктика рассматривается как пространство обеспечения национальной безопасности, ресурсной базы развития и геополитического позиционирования. Среди приоритетов выделяются: развитие транспортной и энергетической инфраструктуры, сохранение экологического баланса, поддержка коренных малочисленных народов Севера, укрепление военного присутствия, а также международное сотрудничество. Включение Карелии в состав арктических территорий связано прежде всего с необходимостью интеграции её северных районов в систему государственной арктической политики. На территории республики отсутствуют крупные месторождения углеводородов, что отличает её от традиционно «ресурсных» регионов Арктики. Вместе с тем Карелия играет стратегическую роль в формировании транспортной и энергетической инфраструктуры Северо-Запада России, а также в обеспечении экологической устойчивости приграничных арктических территорий.

Карельская Арктика сталкивается с рядом проблем: демографический спад и отток населения из северных районов; инфраструктурная уязвимость, ограниченность транспортных связей и энергетической системы; экологические риски, связанные с промышленной эксплуатацией лесных и водных ресурсов; геополитические вызовы, усилившиеся после вступления Финляндии в НАТО в 2023 году. Фактор расширения НАТО на северо-западных рубежах России коренным образом меняет стратегическое значение Карелии. Если ранее она воспринималась преимущественно как периферийная территория, то теперь её арктические районы приобретают значение «форпоста безопасности». Включение Финляндии в военный альянс создаёт новую линию соприкосновения НАТО и России, проходящую через арктический пояс. В этих условиях возрастает роль Карелии в обеспечении военного баланса, развитии инфраструктуры двойного назначения и усилении координации с федеральными силовыми структурами. В отношении Карелии в рамках арктической стратегии России целесообразны следующие направления: развитие транспортной связности (железнодорожной и портовой инфраструктуры), что позволит интегрировать Карелию в Северный морской путь; формирование программ демографической поддержки и стимулирования занятости в северных районах; экологическая политика, ориентированная на сохранение биоразнообразия и рациональное лесопользование; развитие приграничного сотрудничества в условиях изменившейся международной обстановки, в том числе поиск альтернативных форматов партнёрств в рамках БРИКС, ШОС и «Север–Юг»; уси-

ление оборонного измерения арктической политики Карелии в контексте новых военных рисков, связанных с присутствием НАТО у северных границ.

Таким образом, государственная политика России в Арктической зоне на примере Республики Карелия демонстрирует комплексность задач: от укрепления национальной безопасности до стимулирования социально-экономического развития. В новых геополитических условиях, связанных с расширением НАТО, значение Карелии как арктического субъекта значительно возрастает. Главный вызов заключается в том, чтобы выстроить баланс между безопасностью, устойчивым развитием и сохранением уникальной природной среды, превращая Карелию в ключевой элемент российской арктической стратегии XXI века.

Симонян А.С.
(Петрозаводск, ПетрГУ)

ВСТУПЛЕНИЕ ФИНЛЯНДИИ В НАТО КАК НОВЫЙ ЭТАП РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Тема вступления Финляндии в НАТО обладает высокой актуальностью, поскольку до распада СССР эта страна была важным партнёром России в Северной Европе, а с 1995 г. – границей РФ и ЕС. В 2023 году Финляндия вступила в НАТО, что серьёзно изменило баланс сил в регионе. Данная проблема мало изучена: основная часть исследований охватывает период до 2022 года.

Цель настоящего исследования – раскрыть логику изменения российско-финляндских отношений после вступления Финляндии в НАТО.

В ходе исследования были выделены этапы развития российско-финляндских отношений, на которые кардинально повлияло вступление Финляндии в НАТО.

I этап (1991–1995 гг.): Стремление Финляндии выйти из-под влияния бывшего СССР.

После распада СССР в 1991 г. политика нейтралитета Финляндии уже не отвечала структурным условиям международной системы. В 1992 г. между РФ и Финляндией был подписан новый Договор об отношениях. Финляндия стремилась дистанцироваться от влияния бывшего СССР и сделать выбор в пользу западных структур. В 1994 г.Финляндия присоединилась к программе «Партнёрство ради мира», а в 1995-м – вступила в ЕС. Это стало первым шагом в долгосрочном переориентировании финляндской внешней политики.

II этап (1995–2014 гг.): Расцвет добрососедских отношений между РФ и Финляндией.

На протяжении почти двух десятилетий отношения между Россией и Финляндией развивались на основе взаимовыгодного сотрудничества. Стороны поддерживали стабильный политический диалог, активно развивали торговые и транспортные связи, реализовывали проекты в области экологии и безопасности в Арктике. Финляндия придерживалась внеблоковой политики и выступала за сохранение баланса сил в регионе.

III этап (2014–2022 гг.): Рецессия в российско-финляндских отношениях.

Ключевым событием, повлиявшим на усиление взаимодействия Финляндии с НАТО, стало воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. Поддержка антироссийских санкций со стороны Финляндии в 2014 г. означала отход от многолетнего курса на

сотрудничество. Несмотря на тесные экономические и политические связи с Россией, финляндское руководство приняло решение следовать линии ЕС. Помимо санкций, в финском политическом дискурсе произошли серьёзные изменения. Если ранее Финляндия выступала за диалог и взаимодействие с Россией, то после 2014 г. в риторике официальных лиц страны стали преобладать тезисы о так называемой российской угрозе.

IV этап (2022 – наст. вр.) – вступление в НАТО и политика открытого внешнего балансирования. После начала СВО Финляндия решительно осудила действия РФ, предоставила Украине 28 пакетов военной помощи, гуманитарные грузы и десятки миллионов евро. 18 мая 2022 г. была подана заявка на вступление в НАТО, а 4 апреля 2023 г. страна стала членом Альянса. Отказавшись от внеблокового статуса, Финляндия признала обязательства по статье 5.

Финляндия активно интегрируется в военную структуру НАТО: участвует в командном планировании, силах высокой готовности, размещает склады и подразделения. В 2024 г. в Миккели создан штаб сухопутных войск НАТО. Военные расходы выросли до 6 млрд евро (2,41% ВВП). Финские войска участвуют в учениях Steadfast Defender 2024 и Nordic Response 24. Сухопутная граница России с НАТО увеличилась с 1215 до 2600 км, что потребовало пересмотра российской оборонной стратегии.

Политические и дипломатические последствия оказались масштабными: Финляндия выслала российских дипломатов, Россия закрыла консульство в Санкт-Петербурге, Финляндия – в Турку. С 2023 г. граница была поэтапно закрыта. Экономические связи разрушены: товарооборот в 2024 г. составил около 1 млрд. евро, что в 10 раз меньше, чем в 2021-м (Таможня Финляндии, 2025).

Реакция России на вступление Финляндии в НАТО была резко негативной: президент В. Путин заявил, что этот шаг создаёт новые угрозы безопасности РФ, и в ответ было принято решение о восстановлении Ленинградского военного округа.

Современное руководство страны проводит жёсткий курс в отношении России. Ключевую роль в формировании этой линии играет президент А. Стубб, который в марте 2025 г. заявил о необходимости «принуждения России к миру» и «милитаризации Украины до зубов». Финляндия также вошла в «коалицию желающих» по размещению сил на Украине. При этом МИД Финляндии подчеркнул, что переговоры с Москвой возможны только после изменения политики РФ.

Таким образом, вступление Финляндии в НАТО сопровождалось окончательной заморозкой прежних связей с Россией. Если в предшествующий период Хельсинки стремились совместить политику неприсоединения с практикой взаимовыгодного сотрудничества, то теперь внешнеполитическая линия страны окончательно приобрела ориентацию на евроатлантический курс. В восприятии финляндского руководства безопасность более не связывается с сохранением диалога с РФ, а определяется системой обязательств внутри НАТО. Для России же подобная трансформация означает качественное изменение стратегической обстановки в регионе: государство, имеющее с ней общую границу и ранее выступавшее посредником и партнёром, превратилось в потенциальную угрозу.

Сироткин М.С.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ Г. МОСКВЫ)

В последние годы в системе регионального государственного управления наблюдается качественная трансформация коммуникационных практик: большую значимость приобретают такие подходы к коммуникации, как сочетание в текстах различного формата ключевых правительственных нарративов с текущими новостями, а также создание инфоповодов посредством организации и коммуникационного сопровождения больших городских фестивалей. Другими словами, в традиционные пресс-релизы PR-менеджеры правительства Москвы все больше включают элементы политической рекламы, а для усиления коммуникативного эффекта пресс-службами используется событийный маркетинг, который позволяет при помощи метода «прямого включения» вовлечь граждан в оценку реализуемых властями городских проектов.

Рассмотрим некоторые особенности организации коммуникаций, которые позволяют количественно и качественно усовершенствовать систему информационной связи в модели «власть-общество»:

1. Метод «упаковки» в правительственные нарративы или создание ценности в тексте. Инфоповоды, которые считаются для PR-менеджеров «рядовыми», региональная пресс-служба может отобразить при помощи важных для власти политических и социальных контекстов. Например, в релизах социального и градостроительного комплексов города Москвы используются словосочетания, которые транслируют читателям нарратив «забота о гражданах».

2. Использование круглых дат для наращивания количества интересных инфоповодов. У пресс-служб различных столичных департаментов в зоне ответственности находится множество проектов правительства Москвы. По многим из них PR-менеджер в связке с аналитическими отделами могут формулировать новые инфоповоды. Например, день рождения и круглые даты со дня создания или открытия особой экономической зоны столицы, МФЦ, МЦД или Большой кольцевой линии. Такой подход позволяет создать дополнительную новость, к которой при помощи аналитических отделов привлекаются числовые данные – количество поездок, посетителей и т.д. В итоге получается материал, который за счёт новых данных и круглой даты интересен СМИ. При этом в то же самое время такой текст будет отражать достижения регионального правительства, что особенно важно в реализации государственных PR-программ.

3. Исследования как источник инфоповодов. Информационную повестку пресс-служба департаментов региона может расширить собственная исследовательская деятельность. Проведение собственного анализа рынка может стать значимым информационным поводом, который интересен СМИ. Например, исследования венчурного рынка от Московского инновационного кластера или обзоры технологий умного города от департамента информационных технологий Москвы. Этот подход позволяет увеличить охваты без использования платных инструментов продвижения.

4. Событие как катализатор распространения правительственных нарративов. Одним из примеров событийного политического маркетинга является форум «Территория будущего. Москва 2030». В его рамках представлены достижения и планы столицы в различных сферах жизни города. Событийный маркетинг, если рассматривать его в рамках

сетевого подхода, позволяет создавать все больше возможностей для продвижения важной региональной повестки – каждый новый проект, организуемый внутри крупного городского форума, формирует новый «узел» и потенциальные связи с новыми организациями и лицами, поддерживающими проведение какой-либо активности. Укрупняющаяся сеть создает базовую коммуникативную инфраструктуру для увеличения охватов и повышению медиаиндекса – взаимные репосты, публикация контента на сайтах партнеров. Например, можно отметить распространенную практику приглашения известных блогеров или актеров на площадки городского фестиваля. Кроме этого, на таких форумах проводятся пресс-туры, которые позволяют внедрить новые форматы в коммуникации и повысить узнаваемость проектов Москвы. Таким образом городские мероприятия, дополняя традиционные текстовые и телевизионные форматы, посредством возможности у целевой аудитории приобрести собственный опыт взаимодействия с городскими проектами улучшают осведомленность о результатах работы региональных властей.

Скипин Н.С.
(Москва, ИНИОН РАН)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

В контексте современных геополитических трансформаций понятие «цивилизация» приобретает особую актуальность, особенно в российском дискурсе, где оно закреплено в ключевых государственных документах. Указ Президента РФ № 229 от 31 марта 2023 г., утверждающий Концепцию внешней политики, определяет Россию как «самобытное государство-цивилизация», что стимулирует переосмысление этого термина в политической науке. Аналогично, Указ № 809 от 9 ноября 2022 г. подчеркивает традиционные духовно-нравственные ценности, но оставляет открытым вопрос об их глубинной интерпретации. Это вызывает необходимость концептуализации «цивилизации» не только как теоретической категории, но и как инструмента политического просвещения, способного укреплять национальную идентичность в условиях глобальных вызовов.

Среди множества трактовок «цивилизации» в мировой и отечественной науке выделяется подход В.С. Степина, который предлагает три фундаментальных интерпретации: цивилизация как аккумуляция человеческих достижений (технологических и социальных), как специфический социальный тип и как антитеза культуре. Эта классификация служит удобной отправной точкой для анализа, поскольку акцентирует эволюцию понятия от материально-прогрессивных аспектов к культурно-духовным. Однако она не исчерпывает разнообразия подходов. В отечественной традиции А.Г. Дугин расширяет рамки, предлагая 13 методологических перспектив: от онтологической и динамической до антропологической и конструктивистской. Эти подходы подчеркивают многомерность цивилизации как социологического феномена, где акцент на методах мышления позволяет учитывать как структурные, так и ценностные измерения.

Возможно сопоставить эти модели: В. подходы Степина, выделенные Дугиным, группируются вокруг трех семантических полюсов. К примеру, онтологический, си-

стемный и аксиологический подходы Дугина соответствуют видению цивилизации у Степина как целостного социального типа, в них подчеркивается уникальность и интеграцию общества. Психоаналитический и экзистенциальный перекликаются с идеей противопоставления цивилизации культуре, фокусируясь на внутренних конфликтах и кризисах. Динамический же подход, выделяемый Дугиным, резонирует с трактовкой цивилизации как совокупности достижений, где прогресс выступает центральным элементом. Обратное сопоставление сложнее, что указывает на лаконичность рамки Степина по сравнению с детализированным, но релятивистским подходом Дугина, который сам признает возможность дальнейшего расширения типологии.

Несмотря на ценность этих моделей, первая интерпретация Степина (цивилизация как достижения) подвержена редукционизму, игнорируя духовные измерения и унифицируя развитие обществ под технологической призмой, что несет идеологический уклон в пользу западных моделей. Третья интерпретация (противопоставление культуре) создает искусственный дуализм, применимый преимущественно к индустриальным обществам, и недооценивает гармонию технологий и духовности в незападных контекстах. Вторая интерпретация – цивилизация как целостный организм с типами (традиционный, техногенный, переходный) – ближе к реальности, но ее универсалии культуры (человек, природа, власть и т.д.) ограничивают учет самобытности, сводя различия к интерпретациям и демонстрируя линейную эволюцию.

В противовес предлагается акцент на цивилизационных константах – устойчивых, исторически обусловленных принципах, не подверженных радикальным сдвигам и включающих архетипические и мифосимволические основы идентичности. Это позволяет концептуализировать цивилизационный код как систему аксиологических принципов, обеспечивающих преемственность и самоидентификацию в историческом континууме. Для России такие константы воплощаются в императивах вроде веры, коллективизма, правды, Родины и воли, подчеркивая ее полицентричную траекторию.

Перспективы применения этой концептуализации в политическом просвещении видятся в создании образовательных программ, ориентированных на формирование гражданского сознания через осмысление цивилизационных кодов. В эпоху геополитического напряжения это поможет развивать аксиологический суверенитет; обучение молодежи различать универсальные и самобытные ценности укрепит устойчивость общества к внешним идеологическим влияниям. Кроме того, интеграция цивилизационного подхода в школьные и вузовские курсы политологии позволит стимулировать диалог культур, способствуя гармоничному развитию в многополярном мире и предотвращая культурные конфликты через понимание собственной идентичности.

Исследование выполнено в рамках проекта по государственному заданию № 075-00186-25-05 «Российские цивилизационные императивы: концептуальное наполнение и восприятие в российском обществе» (шифр FEGG-2025-0008), реализуемому в ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и АНО ЭИСИ.

Сладков В.Д.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД ПРИ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВОПРОСОВ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ В 9-11 КЛ.

Актуальность исследования обусловлена наличием двух взаимосвязанных проблем в современном школьном обществознании. С одной стороны, существует устойчивый запрос со стороны педагогического сообщества и учащихся на усиление практико-ориентированной составляющей курса, который часто воспринимается как «оторванный от реальной жизни». С другой стороны, при анализе результатов ЕГЭ по обществознанию за 2019–2024 гг. выявляются знаниевые дефициты тем политико-правового блока, где показатель правильного выполнения заданий составляет лишь 56,2%, что значительно ниже результатов по другим разделам («Социальная сфера» – 80%, «Человек в обществе» – 72%). Проведённый опрос 165 школьников из различных регионов России (2024–2025 гг.) подтверждает, что основными методами изучения тем остаются такие формы работы как: конспектирование (76,45%) и пересказ параграфа (56,4%), в то время «активные методы обучения», такие как решение проблемных задач, кейсы и «деловые игры», используются лишь в 37,6% случаев. Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется необходимостью преодоления данного противоречия через разработку и внедрение практико-ориентированных подходов, способных повысить как образовательные результаты, так и личную заинтересованность учащихся.

Ключевая проблема: репродуктивные задания, нацеленные на заучивание материала, не показывают учащимся значимость обществознания, не формируют их личную заинтересованность в предмете.

Методология и методы. В основе исследования лежит системно-деятельностный подход. Апробирован комплекс практико-ориентированных заданий:

Деловые игры: моделирование деятельности политических партий на основе работы с законодательными актами и публикациями в СМИ. Деловая игра: «Политическая партия», обеспечивает активное включение в работу большинства учащихся. За неделю до проведения игры, учащиеся получают опережающее задание, нацеленное на изучение теоретического материала на платформе РЭШ. В начале урока происходит деление на 3-4 команды. Ученики вытягивают заранее подготовленные карточки с наименованиями: «Либеральная партия», «Консервативная партия», «Социал-демократическая партия». Учитель на основе материалов СМИ: «Российская газета», «Известия», «Коммерсант» подбирает несколько актуальных проблемных статей. Рекомендуется использовать материалы, которые близки к возрасту учеников, связаны с их повседневной жизнью, например, это могут быть статьи о проблемах образования, здравоохранения, экологии, молодёжной политики и т. д. Заданием для учащихся является подготовка пятиминутного выступления – «отношение к данной проблеме», с точки зрения идеологии той партии участниками которой они являются. При традиционном подходе, где под деятельностью часто понимается активное слушание, конспектирование определений, прослушивания ответа одноклассника у доски, реально работает 5-6 учащихся. При использовании деловой игры большая часть класса задействована в учебной работе

Межпредметные связи: сравнительный анализ политических режимов через работу в малых группах с опорой на фрагменты современного кинематографа (на примере

фильма «Гарри Поттер и Дары Смерти»). Способствует развитию аналитических навыков и взаимоответственности.

Проектная деятельность: защита проектов и решение кейсов, максимально приближенных к реальности (противодействие строительству мусоросжигательного завода), с использованием цифровых платформ гражданского участия («Активный гражданин», «Добродел»).

Проблемно-поисковые задания: использование мотивационных заданий для активизации познавательной деятельности (например, ситуация, когда бывший капитан военно-морского флота провозгласил суверенитет территории у Шетландских островов, а себя — королем) и выявления причинно-следственных связей при изучении признаков государства.

Результаты и выводы. Апробация предложенных методов показала их высокую эффективность. Учащиеся, работавшие в рамках системно-деятельностного подхода, продемонстрировали значительно более высокие результаты на промежуточных контрольных работах в формате ОГЭ и ЕГЭ по сравнению с классами, обучавшимися по традиционной системе. Внедрение практико-ориентированных заданий, моделирующих реальные социально-политические ситуации, способствует не только ликвидации знаниевых дефицитов, но и формированию личной заинтересованности учащихся, их гражданской идентичности и готовности к осознанному участию в общественной жизни.

Слатинов В.Б.
(Курск, КГУ)

ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС КАК «АГЕНТ РАЗВИТИЯ» В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Положение глав регионов в системе государственного управления решающим образом зависит от формата государственного устройства, режимных характеристик политической системы, модели политико-административного управления и содержания региональной политики. Одним из важных факторов политической «вертикализации» 2010-2020-х годов является трансформация модели региональной политики федерального центра, в которой усиливается ориентация на стратегические цели национального развития, программные и проектные инструменты, регулируемые через централизованные политико-управленческие механизмы. В такой конструкции руководители регионов рассматриваются как «менеджеры развития», направляемые федеральным центром в территории и выступающие в качестве операторов достижения национальных целей, реализации государственных программ и национальных проектов. Отбор, обучение и расстановка этих «операторов», разработка для них ключевых показателей эффективности, а также их оценка видятся федеральному центру как актуальные направления его кадровой политики. В качестве технологий отбора и подготовки к роли региональных руководителей с 2017 года выступают специально формируемые кадровые управленческие резервы, а также обучающие программы – такие как «Школа губернаторов» и «Время героев» (после начала СВО). Наличие внешних демократических процедур (выборы «референдумного типа») в рамках сформированной конструкции наделения полномочиями глав регионов рассматривается в

качестве инструмента, выполняющего функции легитимации и поддержания дополнительной обратной связи.

Инструменты упрощённого, через механизм «утраты доверия», лишения полномочий Президентом РФ, наряду с официально утверждённым им же перечнем показателей эффективности деятельности глав регионов, достраивают «менеджерский» формат работы руководителей российских территорий. Подотчетность региональных «менеджеров развития», преимущественно, направлена наверх по «вертикали», при этом местные интересы и проблемы репрезентируются при помощи современных коммуникативных инструментов.

Кадровая роль федерального центра приобрела расширенный характер. Согласно законодательству о единой системе публичной власти, согласованию с профильными федеральными ведомствами подлежит значительная часть руководителей отраслевых органов власти региона (образование, здравоохранение, финансы, госрегулирование тарифов, жилищный и строительный надзоры). Таким образом, автономия глав регионов в сфере кадровой политики ограничена федеральными ведомствами. Поскольку большинство губернаторов «новой волны» являются «варягами», данный фактор заметно препятствует формированию консолидированных команд по управлению территориями, но способствует межрегиональной мобильности российских чиновников. При этом, главам регионов предоставили дополнительные возможности в сфере модерирования территориальной организации, определения полномочий и формирования органов муниципальной власти, вплоть до отбора кандидатов в руководители региональных столиц.

Как видим, в процессе «менеджеризации» губернаторского корпуса наблюдается тенденция к сочетанию факторов усиления ресурсного, политического, кадрового и антикоррупционного контроля федерального центра над главами регионов с параллельным расширением их прав в части формирования дизайна системы управления территориями и воздействия на местную власть.

Существенными вызовами в ходе функционирования такого механизма являются умаление региональных и местных интересов, сложности при принятии решений об оптимальном распределении ресурсов, проблемный характер формирования дееспособных и консолидированных региональных управленческих команд, заметная степень отчуждения граждан от процесса выработки и реализации государственной политики, искажение информации при превалировании «вертикального» политико-управленческого контроля. Регионы оказываются в сильной зависимости от кадровой политики федерального центра, её приоритетов и колебаний. Влияние населения и территориальных сообществ на политику развития регионов остаётся сильно ограниченным.

Слобожникова В.С.
(Москва, ГАУГН, РГГУ)

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ» НА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ПЕРЕПУТЬЕ

Актуализация проблематики взаимовлияния религии и политики, процессы политизации религии и религизации политики в условиях кризиса политических идеологий и религиозного ренессанса, устойчивое сохранение религиозности в массовом общественном сознании, развитие политической теологии, более глубокое изучение трудов зарубежных авторов, расширение представлений об исследовательском простран-

стве изучения политико-религиозной проблематики в XXI веке привели к особому интересу в общественно-политическом дискурсе к политической религии как категории и к явлениям, определявшимся этим понятием.

Первая половина XX века представила социогуманитарным исследователям чрезвычайно серьезные вызовы, важнейшими из которых стали фашизм и реализация коммунистического проекта в СССР. В рамках рассматриваемой проблематики следует учесть, что и политология, и социология, и другие науки формировались и развивались к секулярном общественно-политическом пространстве. Вытеснение религии из общественной жизни, лишение ее официальных функций, отделение от государства привели к особым ограниченным условиям бытийствования теологии, которая продолжала заниматься исследованием общественно-политических процессов. В ее исследовательском поле появился и активно разрабатывался концепт «политическая религия», которым обозначались такие феномены, как тоталитаризм, фашизм, социализм, коммунизм (Эмилио Джентиле. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. Пер. с итал. Станжевского. СПб: «Владимир Даль», 2021. 398 с.). Для определения этих общественно-политических феноменов и сакрализуемой основы регулирования жизни социума в условиях светскости в исследованиях наряду с понятием «политическая религия» используются понятия «мирская религия», «светская религия», «секулярная религия», «гражданская религия». Эти понятия разрабатываются с эпохи Просвещения в контексте моделей сочетания искусственного, прежде всего государственного и рационального, и естественного (общественного, иррационального) для сохранения социального порядка.

Из названных понятий, используемых в качестве синонимов, понятие «политическая религия» можно рассматривать в качестве зонтичного, так как они относятся к политической сфере, но, наш взгляд, выходят за пределы трактовок традиционных/исторических религий и верований, связаны с исследованием иррационального в контексте политического, характеризуют религиозность и сакральность как основу политики. В исторических религиях и политических религиях — разные основы понимания мироздания, отличающиеся объекты сакрализации.

Убеждение в исключительной рациональности политики на сегодняшний день можно признать утопическим, идеализированным, так как, во-первых, неистребимой оказалась религиозность, во-вторых, очевидна неэффективность и губительность для социума тоталитаризации политики, в-третьих, с одной стороны, низкий уровень образования населения, а, с другой, – расширение числа акторов, участвующих в политике в условиях демократии, увеличивают удельный вес иррациональности в ней.

По мере развития политической науки происходит расширение представлений о субъектно-объектных отношения в политике, многофакторности зависимости политики (функционирования политической системы) от среды, что актуализирует проблематику соотношения сознательного и бессознательного, рационального и иррационального. Признание, что политические религии относятся к явлениям политической сферы, позволяет сделать вывод, что они в контексте политической науки сопрягаются с осуществлением политической власти и являются частью функционирования политической системы, то есть, относятся к одной из важнейших характеристик политического режима.

Процесс фрагментации в социогуманитарном знании приводит к выработке каждой наукой собственного понятийного аппарата, который напрямую связан с существующими на момент появления абстрактного понятия подходами и парадигмальной ориентацией исследователей. Если светская наука в XX в. занималась сущностным расширением и количественным увеличением определений религим, то теология, изучая новые явления политической сферы, использовала для их определения традиционные

для себя понятия, в частности «религия». Разработка концепта «религия» в условиях рационалистических подходов секуляризма привела к размыванию понимания традиционной сути религии, поглощению ее анализом проблем и явлений профанного мира и его политической сферы.

За понятием «политическая религия», как свидетельствуют исследования, отсутствует религия в ее классическом понимании, более подходит определение «религиозность», «вера», иррационализация сознания, связанная с сакрализацией представлений, сформулированных в политических идеологиях XX в., и применением средств властвования по отношению к иррациональному уровню мышления и поведения социума, формирование его на новой сакральной основе. В категориальном аппарате политической науки это вписывается в функционирование политической системы, то есть, наличие политической религии следует отнести к признакам политического режима.

Смаль С.В.
(Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ЦИФРОВЫЕ МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Цифровые практики, безусловно, заняли прочное место в нашей повседневной действительности и нашли свое практическое применение практически во всех сферах.

В отношении заявленных в заглавии терминов, постулируем следующее:

1. И политика памяти, и цифровизация относятся, на взгляд автора, к так называемым «новым» политологическим понятиям, их появление в науке зафиксировано в конце XX века.

2. «Политика памяти» иногда синонимизируется с «исторической политикой», насколько это обосновано, вопрос для отдельного исследования, но именно так власти Германии, а именно, Гельмут Коль в конце 1980-х годов пытались добиться пересмотра характера немецкого патриотизма, что и послужило основой для появления «политики памяти» в качестве механизма для утверждения тех или иных интерпретаций исторических событий как доминирующих.

3. Цифровизация, как известно, изначально относилась скорее к сфере экономики, но практики постепенно расширились и на данный момент пронизали все жизненное пространство человечества. Рождение термина (в книге Николаса Негропонте «Будучи (Быть?) цифровым» («Being Digital»)) зафиксировано в 1995 году, а уже в 2017 году Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании Совета по стратегическому развитию заявил, что «цифровая экономика — это не отдельная отрасль, по сути это уклад жизни, новая основа развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, всего общества» (http://www.kremlin.ru/events/president/news/54983/work).

Процесс формирования традиционных ценностей и сохранения исторической памяти происходит буквально в «режиме реального времени»: Указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» был принят в ноябре 2022 года, текущий, 2025 год в России объявлен Годом защитника Отечества, что совпадает с юбилеем 80-летия

Победы в Великой Отечественной войне.

Конечно, в условиях проведения Специальной военной операции, к празднованию 80-летия Победы приковано особое внимание, и поддержать этот информационный фон на должно высоком уровне могут многочисленные цифровые мемориальные проекты, которые являются прекрасным инструментом формирования политики памяти.

Многие уже известные цифровые мемориальные проекты были запущены к предыдущему крупному юбилею, к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, поэтому просто перечислим их. Интересно, что эти проекты имеют общую лингвистическую единицу в названии, связанную с дефиницией «памяти»: «Книга памяти», «Стена памяти», «Свеча памяти». Отдельно стоит «Бессмертный полк», заслуживающий отдельного рассмотрения, также Министерство обороны России запускало проект «Победный май», где в интерактивном виде была представлена «Всероссийская карта Парадов Победы» в виде карты России.

Десятью годами позже цифровые практики углубились и расширились, запускались (и до сих пор функционируют) специально подготовленные приложения для мобильных телефонов (их было множество, приведем пример — «Победа80»). Появилось множество и локальных, и региональных, и федеральных проектов. Вот некоторые из них (про каждый нужно писать и рассказывать отдельно, это очень интересные истории взаимодействия граждан, властей и гражданского общества):

1. Проект «Маршруты Победы. Наследие»: создание виртуальных копий мемориалов памяти Великой Отечественной войны: в сентябре 2025 года запланирована защита проекта, после чего начнется его физическая реализация (https://цифровые-города.рф/tpost/af0070b5t1-tsifrovie-goroda-sozdast-virtualnie-kopi).

2. Проект ВТБ и медиагруппы «Россия сегодня», который называется «Память. Семья. Победа. 1941—1945»: это интерактивные фотоальбомы, и их можно дополнять фотографиями из семейных архивов.

3. «80 Победа!»: официальный сайт юбилея, приставляет собой цифровой мемориальный комплекс, где собраны уникальные материалы про Победу, можно прослушать сводки Совинформбюро, посмотреть про города-герои, послушать Песни Победы, а также содержится очень много интересной информации. Этот сайт может послужить хорошим подспорьем и для учителей истории, и для всех, кто интересуется общей памятью Победы.

Усилиями мультимедийного информационного центра «Известия» был открыт интерактивный виртуальный музей «Великая Победа», где нейросети оживили события и героев Великой Отечественной войны, новое рождение пережил портал «pamyat-naroda.ru», хотя это и не новая практика, но там представлена крупнейшая в мире база данных о ВОВ, которая может также дополняться родственниками для создания более полной и всеобъемлющей картины памяти. Еще упомянем пару проектов также цифрового мемориального характера, но более широкого формата. Первый — это Memorycode.ru, проект сохранения исторической памяти через QR-коды, использует бот на основе ИИ для написания биографии страниц памяти. Второй — «Деревья славы»: цифровое дерево памяти своему герою, тут уже можно увековечить память и в том числе погибших участников СВО.

В целом, вместо выводов, отметим, что цифровые технологии помогают сохранить память о подвиге народа в годы Великой Отечественной войны. К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне были созданы новые, очень интересные, проекты, которые наравне с ранее запущенными помогают сохранить и приумножить то, что делает нас всех не просто жителями страны, но гражданами и патриотами своей Родины.

Смирнов П.А.
(Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС)

ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ АФРИКАНСКИХ СТРАН БРИКС В ФОРМИРОВАНИИ АРКТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ОБЪЕДИНЕНИЯ.

БРИКС как межгосударственное объединение стран с наиболее интенсивно развивающимися экономиками объяснимо обладает совокупностью единых для своих членов целей и задач, спектр которых редуцируется от общих (содействие развитию многополярного мира) к частным, например, к арктическому сотрудничеству. И если ведущие участники БРИКС, такие как РФ, КНР и Индия, обладают выраженными интересами в Арктическом регионе и собственной арктической политикой (что объясняется особым статусом данных держав как наблюдателей в Арктическом совете), которая подразумевает кооперацию и взаимоуважительное сотрудничество, то арктические интересы иных участников объединения, особенно африканских, могут показаться не столь очевидными.

Тем не менее, говорить о том, что Арктика – белое пятно на карте внешнеэкономических и внешнеполитических инициатив африканских стран-участниц БРИКС, не приходится. Египет, Эфиопия, вошедшие в БРИКС в 2024 г., и ЮАР обладают определенным потенциалом для развития арктической повестки БРИКС, в той или иной степени уделяя внимание столь далекому от них региону, что вполне объяснимо в условиях диверсификации логистических маршрутов и энергетических ресурсов, с чем и связывается развитие Арктики.

Касаясь вклада Египта в арктическую повестку БРИКС (которую следует определять не как универсальный концепт, а скорее как совокупность взглядов участников БРИКС на развитие региона), нужно отметить, что это африканское государство в своей Стратегии развития до 2030 г. уделяет особое внимание климатическим вопросам и созданию интегрированной и устойчивой экологической системы, что может быть использовано в совместной деятельности стран-участниц БРИКС в Арктике. Примечательно и особое внимание, которое в Стратегии развития египетского государства уделено кооперации с китайской инициативой «Один пояс, один путь», которая, в свою очередь, имеет «арктическое» приложение в виде концепции Ледового шелкового пути, что позволяет делать осторожные предположения о синхронизации логистических маршрутов, проходящих через Египет и через Арктику. На это указывает и сама египетская сторона, подчеркивая не конкурентный, а взаимодополняющий характер Северного морского пути и Суэцкого канала. Иными словами, потенциал египетского участия в арктической повестке БРИКС имеется и нуждается в раскрытии.

Говоря об Эфиопии, следует обратить внимание на то, что немалая часть стратегических потребностей государства лежит в области достижения Целей устойчивого развития, в том числе и в вопросе климата. В данном контексте будет уместным предположить, что африканское государство, пока еще предметно не выразившее свой интерес в Арктическом регионе, в первую очередь будет акцентировать внимание на проблеме климата и глобального потепления при выработке возможной общей арктической стратегии БРИКС. Однако не следует исключать и транспортно-логистическую компоненту участия Эфиопии в арктической кооперации стран БРИКС. Как и Египет, Эфиопия заинтересована в углублении двусторонних торгово-экономических контактов с Россией (которые демонстрируют тенденцию к росту), что может привести к более активному присутствию африканского государства в арктической кооперации.

Наконец, наиболее удаленная от Арктики держава, входящая в БРИКС – Южно-Африканская республика – обладает собственной Антарктической программой, методы и результаты которой вполне могут быть использованы в рамках арктической кооперации БРИКС, на что указывали представители российского МИД в 2023 г. Главным образом, «полярные» изыскания ЮАР касаются изучения океана и шельфа, а перспективы участия ЮАР в формировании арктической повестки БРИКС уместно связывать с двусторонним российско-южноафриканским сотрудничеством, которое включает в себя, помимо прочего, и совместные энергетические инициативы.

Таким образом, можно отметить, что, несмотря на небольшую роль, которую на данный момент играют африканские государства-члены БРИКС в изучении и развитии Арктики, потенциал их арктической политики в рамках объединения не следует недооценивать.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-00379, https://rscf.ru/project/25-18-00379/

Сморгунов Л.В.
(Санкт-Петербург, СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

КОНЦЕПТ КОНТИНГЕНТНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ОБНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ ИЛИ ОПАСНОСТЬ ДЕПОЛИТИЗАЦИИ?

В политической теории концепт контингентности не является новым. В общем плане он противостоит пониманию политики как действия, основанного на необходимости, и включает в рассмотрение факторы случайности, возможности и неопределенности. Особое значение концепт контингентости приобретает в турбулентные исторические эпохи, характеризующиеся высокой степенью открытости политического действия к будущим результатам. Уже Аристотель в «Никомаховой этике» связывал политику с рассудительным поступком, касающимся блага и зла для человека, на основе свободного решения, а не необходимости. Макиавелли ядром деятельности государя считал доблесть в сочетании с фортуной. Макс Вебер полагал признание случайности элементом политики. Теоретики системного подхода разработали принцип двойной контингентности в качестве условия порождения социальных систем. И если Толкотт Парсонс связывал его содержание с взаимозависимостью ожиданий и действий «я» и «другого», то Никлас Луман писал о конфронтации по крайней мере двух противоположных систем альтернативных вариантов возможностей. Все эти и другие варианты рассмотрения контингентности в политической теории учитывали сложный характер политической деятельности и сопровождались обновлением и усовершенствованием политики и политической науки посредством разработки ситуационного анализа, теории конфликтов и риска, делиберативной демократии, событийного подхода, концепции трассирования процессов на основе байесовской логики, акторно-сетевой теории с принципом предосторожности и др.

В нынешнем столетии с ростом различных опасностей в условиях развития неопределенности концепт контингентности стал трактоваться более радикальным образом, считая контингентность не просто одним из факторов политической деятельности, а придавая ей абсолютное значение. Данный радикализм связан с третьим онтологическим поворотом в политическом знании и находит выражение в интеллектуальном движении спекуля-

тивного реализма (Квентин Мейасу, Грэм Харман, Рэй Брассье и др.). В противоположность предыдущим вариантам рассмотрения контингентности на основе в целом вероятностного мышления, нынешний подход включает в себя обоснование ряда положений, направленных против принципа детерминизма и причинной обусловленности возникающих в политике событий. Отметим ряд идей, составляющих концептуальную структуру радикальной контингентности. Во-первых, необходимость существования контингентных событий для системы, говорящая о том, что они возникают как способности ее развития. Во-вторых, непротиворечивость событий, т.е., событие не может быть тем, чем оно не является, и его жизнь подвергнута возможному изменению в условиях контингентности. В-третьих, контингентность означает латентность события, его возникновение не феноменально и не характеризует его потенциальность или вероятность; в этом отношении контингентное событие непредсказуемо по своим последствиям. В-четвертых, контингентное событие абсолютно необратимо и в том смысле, что оно не имеет повторения, и в том смысле, что оно, произойдя, не может быть отменено. В-пятых, влияние наблюдателя события, если он имеется, такой же реальный факт, как и само наблюдаемое событие. Такое понимание концепта контингентности порождает тип знания, обусловленный принципом фактуальности, говорящим о том, что происходящие события не определимы: то, что могло не произойти, произошло. Рассмотренное в политическом контексте, такое понимание вещей и событий порождает ряд интересных положительных импликаций, но также опасных вызовов политическому. Из положительного, на наш взгляд, отметим функциональность контингентного в системе, возможность нефаталистического отношения к социальному развитию и актуализацию политики и науки. Из опасностей деполитизации подчеркнем объективизацию политической реальности, отсутствие различий между объективизмом и объективностью, лишение политики ценностно-ориентационной и коммуникационной функции, а также отмечаемую тенденцию роста позитивизма в политической науке.

Смулькина Н.В.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Севастополь, СевГУ)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА СТРАНЫ В РАМКАХ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Значимость изучения образа страны, сформированного в массовом политическом сознании, неоспорима. В условиях изменения роли России на международной арене и постепенного складывания российской национально-государственной идентичности в постсоветский период научные проекты, посвященные образу страны, способны помочь ответить нации на вопросы: «кто мы?», «какие мы?» и «к чему мы идем?» При этом адаптивные модели исследования в социогуманитарных науках разнообразны. Сейчас исследования политического восприятия, все чаще проводятся в рамках междисциплинарных научных проектов. Политическая наука отличаются своей мультипарадигмальностью, что дает ей здесь определенные исследовательские преимущества. В последние годы все более популярным становится направление изучения образа будущего страны, барьеров его формирования в массовом сознании. В исследованиях последних лет поднимается вопрос размывания политических прогнозов, их зависимость от меняющегося контекста

восприятия. Соответственно, актуализируется поиск эффективных исследовательских стратегий в условиях общественных трансформаций и возрастающего общественного (и властного) запроса на мониторинг политических представлений и ожиданий россиян.

Перспективным научным подходом в данном случае выглядит политико-психологический подход. Он интегрирует наиболее ценные методологические наработки социологии, социальной психологии, культурологии и политической науки. Согласно ему, образ страны определяется как многосоставный ментальный конструкт, являющийся результатом отражения в сознании людей страны как политико-территориального и историко-культурного объекта. Уделим внимание основным политико-психологическим принципам исследования образа страны, сформулированным представителями научной школы доктора философских наук Е.Б. Шестопал в последнее десятилетие.

Во-первых, в фокусе исследовательского внимания находится прежде всего общая конгруэнтность образа. Важно определить, насколько непротиворечив образ на рациональном и неосознаваемом уровнях восприятия, согласованы ли между собою характеристики структурных частей образа. Оценка каждого элемента образа происходит относительно параметров привлекательности, силы и активности.

Во-вторых, наиболее значимыми компонентами образа, подвергающимися изучению, выступают образ власти, образ лидера страны, образ народа, образ территории, геополитический образ государства.

В-третьих, политическое измерение образа страны обеспечивается властным образом. Изучению подвергаются как обобщенные характеристики власти (элиты), так и вполне конкретные (институты политической системы). Властный образ рассматривается с позиции когнитивной сложности, эмоционального знака, субъектности, четкости, мотивационно – потребностной сферы. Образ лидера дополняет властный образ и политическое измерение образа страны. Образ лидера изучаем с позиции «свой/чужой», критериев эффективности, способности вызывать доверие.

В-четвертых, в связи с определёнными частными исследовательскими задачами внимание может быть обращено и на персонифицированные образы народа. Лидер в структуре образа страны, в данном случае, рассматривается в контексте способности выступать в качестве символа разных сфер жизни (выдающиеся личности науки, искусства, воинского дела и пр.), символа определенных эпох (личности-символы прошлого и будущего), символа определенных состояний страны (триумфов, побед и др.). Образ народа раскрывает идентификационный аспект образа страны и выступает итогом восприятия социокультурных и ментально-психологических особенностей общности «народ», проявления представлений о «своей» и «других» социальных общностях.

В-пятых, пространственное измерение образа страны представлено в виде образа территории. Исследование этого компонента позволяет оценить природно-климатические, экономико-географические и политико-административные характеристики образа.

В-шестых, геополитический образ характеризует международно-политическое измерение образа страны. Здесь в фокусе внимания оказывается геополитический статус страны, приоритетная ролевая идентификация других стран по отношению к ней. В качестве наиболее значимых идентификационных категорий предлагаются роли друга, врага, конкурента, партнера.

В-седьмых, как и любой другой политический образ, образ страны может быть описан с учетом влияния на него набора факторов субъектного, объектного, темпорального и пространственного характера.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Севастопольского государственного университета. Проект: "Проектирование социальной архитектуры будущего России: образы и сценарии" регистрационный номер 1025031000058-9-5.6.1

Снисаренко К.Л.
(Минск, НАН Беларуси)

МЕДИЙНОЕ ОТРАЖЕНИЕ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Создание Союзного государства России и Беларуси стало прорывным проектом на постсоветском пространстве, который на протяжении четверти века подтверждает свою нерушимость и ориентированность на достижение поставленных целей.

Во время разработки и заключения «Договора о создании Союзного государства» среди теоретических подходов к межгосударственной интеграции доминировали концепции федерализма и функционализма (неофункционализма), берущие начало в теоретическом обосновании европейской интеграции.

Возникшая на основе идей Р. Куденхове-Калерги, А. Спинелли, М. Альбертини концепция федерализма предполагает замену государства-нации, неспособного гарантировать безопасность своим гражданам, на многонациональную федерацию, в которой наднациональные институты дополняют полномочия национальных органов власти. Функционализм (Д. Митрани, А. Клоуд) делал акцент на социально-экономических аспектах интеграции. Постепенный прогресс в отраслях человеческой деятельности, составляющих общий интерес государств, должен привести к формированию рационально организованного экономического товарищества. Представители неофункционализма (Э. Хаас, Л. Линдберг) признали существенную роль политических факторов в развитии интеграции, но придали им экономические формы благодаря идеям «перемещения лояльности» и «перелива».

«Договор о создании Союзного государства» от 8 декабря 1999 г. включает в себя представленные выше подходы. С одной стороны, к целям Союзного государства относятся соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение безопасности. В нём действуют наднациональные институты. С другой стороны, достижение целей интеграционного объединения осуществляется поэтапно с учетом приоритета решения экономических и социальных задач. Таким образом, в Союзном государстве России и Беларуси сочетаются как политические приоритеты интеграции, связанные с концепцией федерализма, так и экономические, получившие широкое развитие в концепциях функционализма и неофункционализма.

Положенное в основу данного доклада исследование преследовало целью определить медийное отражение политической и экономической составляющих российско-белорусского сотрудничества на основе анализа количества упоминаний в региональных средствах массовой информации двух государств. Региональные медиа в меньшей мере испытывают давление со стороны заинтересованных деловых и политических кругов, что позволяет более объективно проанализировать общественное восприятие российско-белорусской интеграции. Узкие временные рамки исследования обусловили выбор печатных средств массовой информации – региональных газет, отражающих свои публикации в сети Интернет. Внимание было уделено географическому расположению: редакции четырёх газет размещены в приграничных регионах России и Беларуси: «Смоленская газета» (https://smolgazeta.ru/) и «Брянские новости» (https://www.bragazeta.ru/); «Голас Касцюкоўшчыны» (https://golk.by/) и «Голос Ветковщины» (https://vetkagolos.by/). Две газеты связаны с более отдалёнными, но включенными в жизнь Союзного государства областями: Калининградская «Страна 39»

(https://strana39.ru/) и «Брестский вестник» (https://bvn.by/). Две газеты отражают события в близких к столичным центрам регионах: «Люберецкая панорама» (https://regions.ru/lyubertsy) и «Бярэзінская панарама» (https://www.berezino.by/ru/).

Для поиска публикаций за 2024 год использовались ключи: сотрудничество России и Беларуси (Белоруссии); региональное (межрегиональное) сотрудничество России и Беларуси (Белоруссии). К переменным относились общее описание сотрудничества и экономичсекое сотрудничество России и Беларуси. Результаты представленны в таблице.

Региональное средство массовой информации	Количество упоминаний сотрудничества	Количество упоминаний Российско-белорусского сотрудничества в экономике	Количество упоминаний сотрудничества регионов России и Беларуси	Количество упоминаний сотрудничества регионов России и Беларуси в экономике
«Голас Касцюкоўшчыны»	14	8	13	7
«Голос Ветковщины»	13	9	12	10
«Брестский вестник»	23	11	18	15
«Бярэзінская панарама»	20	16	17	14
«Смоленская газета»	15	9	15	8
«Брянские новости»	31	18	15	12
«Страна 39»	21	12	6	4
«Люберецкая панорама»	17	10	7	3

Полученные в результате анализа данных выводы свидетельствуют о превалировании общеполитической составляющей в медийном отражении российско-белорусской интеграции (257 упоминаний против 166). Взаимодействию на общегосударственном уровне в большей степени уделяется внимание российскими газетами (84 общих и 49 упоминаний в экономической сфере), чем белорусскими (70 общих и 44 упоминания в экономической сфере). Сотрудничеству на региональном уровне уделяют значительное внимание белорусские газеты (60 общих и 46 упоминаний в экономической сфере), чем российские (43 общих и 27 упоминаний в экономической сфере).

Соколов А.В.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г.Демидова)

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПОВЕДЕНИЕМ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Стремительное развитие цифровых технологий создало новое специфическое пространство – цифровую среду, оно трансформирует традиционные и формирует ранее недоступные инструменты управления поведением индивидов. При этом уникальность указанной среды заключается в том, что она значительным образом глоба-

лизирована, создает возможность перетока смыслов и идей практически без барьеров (особенно там, где нет искусственно созданных ограничений для этого).

Активное использование цифровых инструментов, деятельность в цифровом пространстве формируют цифровой след каждого конкретного индивида. Детальный анализ на основе цифрового следа как действий отдельных индивидов, так и больших социальных групп позволяет создавать уникальные механизмы влияния на мнение индивидов, стимулировать принятие ими определенных решений и дальнейшие действий. Зачастую, данный механизм используется в коммерческой деятельности, но все чаще можно наблюдать его применение в политической сфере (резонансным стал один из первых случаев – проекты компании Cambridge Analytica).

На основе цифрового следа операторы персональных данных (коммерческие и некоммерческие организации, органы публичной власти) формируют цифровые профили граждан, на основе которых создаются условия внедрения различного формата социального рейтингования, обеспечивающего разный характер доступа к дефицитным ресурсам и услугам (яркими примерами служат скоринговые системы в кредитовании, системы рейтинга в такси). Социальные сети на их основе с использованием собственных алгоритмов модерируют контент, выдаваемый пользователям, тем самым регулируя потребление ими контента, а значит, внося вклад в формирование общественного мнения. Данное влияние выстраивается не на универсальных и не адаптированных сигналах, а на уникальных, индивидуально настраиваемых форматах смыслов. Тем самым повышается эффективность их влияния на мнение каждого конкретного человека.

При этом важно отметить, что подобные алгоритмические модели управления выступают для пользователей во многом «черными ящиками» – принципы их функционирования являются во многом непубличными, тем самым снижая возможности внешнего контроля над ними.

Достаточно значимым стал новый объект управления – внимание пользователей. Корпорации (но постепенно и некоммерческие организации, органы публичной власти) начинают осознавать необходимость удержания на своих цифровых ресурсах индивидов для монополизации доступа к ним, накопления разнопрофильных данных о них. Контроль над поведением индивидов обеспечивается посредством создания разветвленной цифровой инфраструктуры, состоящей как из сайтов, приложений, так и специфического контента, товаров и услуг. Именно поэтому, в частности, крупные цифровые платформы вводят, например, оплату размещенных на них роликов их создателям. Более того, создаваемые ими форматы продуктов существенным образом влияют на культуру потребления контента, предпочтения и ожидания пользователей (как следствие устоявшихся форматов мышления и поведения – клиповое мышление, неготовность читать длинные тексты и т.д.).

В связи с этим можно говорить о том, что особое место в системе управления сознанием и поведением индивидов заняли блогеры и инфлюенсеры. Они практически незаметно для пользователей начинают выступать для них ролевыми моделями, транслирующими нормы поведения. Тем самым был сформирован новый институт социализации индивидов особо значимый для детей и подростков.

При этом важно отметить, что государства как ключевые регуляторы поведения предпринимают целенаправленные действия по обеспечению сохранения своего главенствующего положения в новых условиях (например, посредством регулирования потоков информации в цифровой среде, требований по локализации инфраструктуры на своей территории и использованию отечественного программного обеспечения). Подобные действия приобретает особо важное значение в условиях создания уникальной цифровой инфраструктуры, имитирующей индивидам реальную среду (как это было неоднократно показано кинематографом).

Другим значимым следствием стала разработка специальных технологий по диагностике перцепции и прогнозированию поведения индивидов посредством современных цифровых продуктов. Они стали позволять проводить диагностику и разрабатывать новые инструменты для управления поведением индивидов.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00728 «Политические последствия социального рейтингования граждан»

Соколов Н.Н.
(Москва, ГУУ)

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИ ПРИНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Важнейшим условием эффективности политико-управленческих решений является информационно-аналитическая деятельность, позволяющая прогнозировать сложные, нелинейные и динамичные политические процессы, гибко и своевременно реагировать на возникающие изменения в политической системе. Данный вид деятельности должен быть основан, прежде всего, на научных методах сбора, обработки и анализа информации, поскольку неверно принятое решение, вследствие ошибки в прогнозе или расчетах может кардинальным образом повлиять на расклад политических сил, дестабилизировать социально-экономическую ситуацию и привести к катастрофическим последствиям.

Кроме того, важнейшим требованием к современной публичной политике становится открытость и прозрачность. Указанное требование напрямую касается механизма принятия решений, поскольку граждане должны четко понимать какие последствия повлечет за собой то или иное политическое решение. Следовательно, вовлечение граждан в публичность в процессе принятия политических решений становится важнейшим аспектом социально-экономического развития в условиях формирования информационного общества.

Цифровые технологии активно ворвались в нашу повседневную жизнь и на наших глазах происходила вначале медленная, а затем все убыстряющаяся трансформация организационно-управленческого ландшафта, связанная с повсеместным применением и внедрением новых технологий, в том числе, и в сферу принятия решений. Перечислим некоторые из технологий: принятие политических решений на базе Big Data; ускоренное распространение систем искусственного интеллекта, подобных GPT Chat; влияние социальных сетей и мессенджеров на модуляцию искусственно-управляемых политических процессов или воздействия через мягкую силу; управление цифровой репутацией госслужащих и политических лидеров; принятие решений в условиях глобального отключения данных (войн, катаклизмов); Digitall-выборы; технология BallotReady: онлайн-гид по кандидатам и искусственный интеллект, выявляющий политическую ложь; технология Voatz: голосование через смартфон и блокчейн; ePluribus: технология подъема содержательных общественно-резонирующих вопросов до уровня политической публичности и др.

Дополнительно прослеживается довольно острая и опасная тенденция нарастающего влияния IT-гигантов на политическую сферу, включая избирательные кампании, лоббирование и введение политической цензуры. Известные платформы видеохо-

стингов проводят теперь политическое цензурирование контента своих каналов на основании политических предпочтений на конкретный момент ведущих политических кругов и блокируют неудобный политический контент или противоречащие факты.

Цифровые технологии уже активно применяются и выборных кампаниях – дистанционное электронное голосование (ДЭГ) в Эстонии с применением либо ID-карт гражданина, представляющей из себя пластик с чипом, либо специальных SIM-карт (Mobile-ID), позволяющим пройти аутентификацию при помощи смартфона. Новейшие технологии появляются благодаря развитию общедоступных интернет-платформ и маркетплейсов с применением краудфайндинговых платформ по привлечению и сбору финансовых средств.

Отметим внедрение искусственного интеллекта (ИИ), который за последние несколько лет произвел небывалое публичное воздействие на общество. Стало ясным, что наибольший резонанс и сопутствующие риски влияния ИИ могут проявиться в процессах принятия политических решений. И здесь информационно-аналитическая деятельность цифровых потоков, генерируемых социумом, будет играть огромное значение. ИИ может помочь сократить время на принятие решений и сделать их более точными. Например, в политике ИИ помогает изучать индивидуальные предпочтения и точки зрения людей, а затем, соответствующим образом, реагировать и проводить более гибкую политику и избирательную компанию.

Крупные политические решения (опросы, референдумы, выборы, голосования) в будущем, неизбежно будут происходить в прямом взаимодействии с гражданами; необходимость информационно-аналитического анализа электората перед выборами, в течение и после выборов для принятия политических решений будет только возрастать. Такие модели уже отчасти внедряются и проходят проверку практикой в РФ и применяются в некоторых других государствах, где граждане имеют цифровую идентификационную карту и по которой могут принимать участие в онлайн голосовании из любого места. Это мгновенно упрощает и удешевляет всю огромную громоздкую архаичную структуру проведения «контакта» власти с гражданами. Как пример, в Москве уже давно используется программа взаимодействия с гражданами – Система городских решений «ВМЕСТЕ», включающая портал электронного референдума «Активный гражданин», краудсорсинг-проекты Правительства Москвы, портал «Наш город» и другие возможные формы дистанционного электронного голосования.

Таким образом, информационно-аналитическая деятельность для анализа цифровых потоков, генерируемых обществом, государством и гражданами будет иметь огромное значение в процессе принятия государственных и политических решений. Она поможет учитывать все многоуровневые и многофакторные социальные явления, глубинные внутренние и внешние интересы участников политического процесса, политических акторов, всех вместе влияющих на тонкий баланс для точки принятия решений и достижение результирующего конечного результата.

Сокольщик Л.М., Яникеева И.О.
(Москва, НИУ ВШЭ)

«ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И США В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ: ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»

Исследование направлено на выявление факторов трансформации внешнеполитических идентичностей России и США и влияния этого процесса на динамику двусторонних отношений после окончания холодной войны. Рассматриваемый период стал временем глубоких перемен в международных отношениях, внешних политиках двух стран и их взаимоотношениях. Однако вопрос о том, каковы движущие силы этих перемен и какую роль в них могут играть проблемы идентичности в литературе до конца не решен.

В рамках исследования цивилизация трактуется как максимально широкое понимание коллективного «Я», сохранению в котором подлежат его наиболее фундаментальные духовные начала, обеспечивающие самоидентификацию, интеграцию, воспроизводство культуры. Поскольку основные различия между цивилизациями проявляются в вопросах ценностей, социальных норм, языка, религии, традиций, истории, представляется естественным, что в ситуации внешнего конфликта на первый план выходит проблема внешнеполитической идентичности, которая трактуется как идеи и представления, порой мифологизированные, о сложившемся и / или желаемом миропорядке, о месте, роли и статусе государства в мире, о его реальных и потенциальных союзниках, соперниках и врагах, а также о его ресурсах внешней политики. Таким образом, рассмотрение отношений России и США, которые во многом характеризуются конфронтационностью и соперничеством, в свете цивилизационного подхода позволяет абстрагироваться от ситуативности и проанализировать внешнюю политику двух стран в широком историческом и социокультурном контексте.

Новизна исследования во много заключается в использовании современного теоретико-методологического аппарата применительно к современным российско-американским отношениям, который предполагает комбинирование конструктивистского понимания идентичности как дискурсивного конструкта с цивилизационной трактовкой международных отношений. Осуществленный анализ позволил проследить синхронные и асинхронные изменения в идентичностях двух стран под воздействием комплекса факторов в соотношении с динамикой двусторонних отношений. Исследование опирается на анализ 43 российских и 48 американских доктринальных внешнеполитических документов — Концепций внешней политики, Стратегий национальной безопасности, а также президентских обращений за период с 1993 по 2025 гг.

В рамках дискурсивного анализа текстов была использована авторская система кодирования, включающая пять основных факторов:

1. Образ «Я» – дискурс о том, как государство представляет свою собственную роль, миссию и ценности (например, «великая держава», «государство-цивилизация»).

2. Образ «Значимого Другого» – дискурс о том, как представляются другие государства, особенно ключевые визави на международной арене (например, «партнер», «ревизионистская держава», «источник нестабильности»).

3. Образ угроз – дискурс об угрозах, включая военные, политические, экономические, идеологические и цивилизационные аспекты (например, «цветные революции», «государства-изгои»).

4. Иерархия ценностей – дискурс о ценностях и принципах, которые государство провозглашает основополагающими для себя, международных отношений, мирового порядка (например, «демократия», «суверенный центр силы», «традиционные ценности», «либеральные ценности», «порядок, основанный на правилах»).

5. Образ цивилизации – дискурс, фиксирующий явные или неявные отсылки к государству как цивилизации, его исторической миссии, его духовно-нравственным и культурным основам.

Предварительные выводы исследования состоят в том, что политическое развитие России и США на современном этапе во многом привело к формированию антагонистических идентичностей, характеризующихся преимущественно противоположными образными системами «Я», «Значимого Другого», угроз, ценностей, цивилизации. Это во многом стимулировало кризис двусторонних отношений и подорвало возможность преодоления противоречий между странами. При этом антагонистические идентичности способствуют тому, что конфронтация и соперничество двух стран могут носить долговременный характер, описываемый как «*locked in rivalry*» («ловушка противостояния»).

В то же время наметившийся отход от ультралиберального мировоззрения во внешней политике США при администрации Трампа дает основания предполагать, что в их идентичности происходит смещение акцента от универсалистских либеральных категорий в пользу уникальных цивилизационных черт. Подобные трансформации могут стимулировать дальнейшее складывание полицентричного мирового порядка, в условиях которого, нельзя исключать, появится окно возможностей для выстраивания более прагматичных и конструктивных отношений России и США.

Солдатенко И.С.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ВИДЕОИГРЫ КАК ПРОСТРАНСТВО ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ

Историческая память является важной частью национального самосознания, формирующего нацию. Формирование коллективно разделяемых представлений о прошлом осуществляется через инструментарий исторической политики. За реализацию исторической политики отвечают мнемонические акторы, ключевым актором принято считать государство осуществляющего историческую политику в том числе и через различные специализированные институты. Ретрансляция исторического знания на широкую аудиторию осуществляется не только через образовательный компонент, включённый в программу обучения школьников и студентов, но и через практики т.н. публичной истории.

Публичная история может быть представлена в самых разнообразных форматах: от научно-популярного блогинга на историческую тематику (в том числе и видеоблогинга) и исторических интернет-мемов до общественно-публичных пространств и разнообразных музейных композиций. С развитием цифровых технологий свою нишу в области публичной истории заняли видеоигры исторической направленности.

Исследователи выделяют несколько типов подобных компьютерных игр: «условные исторические реконструкции», «исторические вымыслы», «визуально-исторические игры»[168]. Ещё одним любопытным типом могут служить т.н. энциклопедические игры[169]. В которых исторические термины или примечательные исторические факты сводятся в своеобразные каталоги, которые знакомят с ними игроков. Ключевой проблемой в таком случае ставится вопрос того, как разработчикам избежать превращения игрового продукта в цифровую версию учебника по истории. Данный факт порождает череду вопросов о формате исторических справок и формате коммуникации между игровым продуктом и самим игроком в целом: какого размера и вида должны быть подобные исторические справки, каким образом возможно их сделать более интерактивными и т.д.

Важно также отметить, что в целом историческая память в последнее время становится всё более глобальной и транснациональной. Это приводит к ситуациям, когда разработкой видеоигр, базирующихся на историческом прошлом одной страны, занимаются представители других стран. В некоторых случаях это может порождать мнемонические конфликты, когда, например, итоговый продукт задевает национальное самосознание населения тех стран, на истории которых базируется видеоигры.

Видеоигры, являясь в сути своей художественным произведениями, выполняют развлекательную функцию. При этом они могут иметь и образовательный компонент. Всё большее внимание к секьюритизации прошлого, в том числе и в сфере массовой культуры, требует от разработчиков компьютерных игр более тщательно подходить к созданию продукта.

Соловьев А.И.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК АНАЛИТИЧЕСКАЯ РАМКА МИКРОПОЛИТИКИ

В науке, отражающей фактические формы применения власти (объединяющей политически целесообразные акции (politics) с методами правления (*government*) и управления (*governance или policies*) (Б.Джессоп), сложилось немало моделей, способствующих изучению этих форм целенаправленного воздействия на общественные объекты. Немалое количество таких аналитических конструкций выработано на макро-, но особенно на мезо-теоретическом уровне, снижающем градус соперничества политических сил и в основном ориентированным на изучение отношений управляющих и управляемых (например, государственный менеджмент, коммуникативный менеджмент, риск-менеджмент, менеджмент публичных ценностей, рефлексивное управление, антикризисный менеджмент, GR-менеджмент, персональный менеджмент и многие другие).

На этом фоне обозначается некий дефицит аналитических подходов, ориентированных на формирование обобщенных моделей на микро-политическом уровне. Основными причинами такого положения можно считать не только сложность когнитивного измерения активности многочисленных групп и фигур в поле политики (тяготеющего к углублению персонализированных параметров микро-взаимодействий), но и совмещение

[168]Беляева, У. П. Беляев Д.А. Инфосфера публичной истории через призму исторических видеоигр: pro et contra // Вопросы истории. 2023. № 4-2. С. 140-151.

[169]Кириченко, В. В. "Энциклопедические игры" как способ исторической рефлексии // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2019. № 4. С. 130-152.

политико-регулятивной активности акторов с управлением ими собственным временем, энергией и компетенциями для достижения поставленных целей (что существенно расширяет и специфицирует поле исследований).

В то же время, учитывая, что ядром микро-политических процессов в национальном государстве являются внутриэлитарные связи и отношения (в рамках которых формируются инновации и проекты, предопределяющие вектор общественного развития и характер политического регулирования), большая часть которых формируется и воспроизводится в скрытой от общества форме, представляется целесообразным рассматривать эти деловые коммуникации в рамках *конфиденциального* менеджмента, проецирующего общеуправленческие принципы (частично опосредованные публичными формами активности коллективных акторов) на совокупность этих латентных взаимодействий.

Эта аналитическая конструкция в первую очередь направлена на деконструкцию не публичных (декларированных), а латентных отношений, где складываются реальные механизмы и технологии выработки политической воли правящих кругов или, другими словами, формируются первичные смыслы, лежащие в основании стратегий и отображающие самую суть происходящего в сфере политики. Приоритет латентной сферы объясняется не только тем, что господство правящих кругов обретает все менее заметные формы, но и тем, что именно эта сфера политики является главным механизмом балансировки интересов общественных сил. Учитывая, что скрытый и во многом стихийный характер элитарного соперничества не позволяет на системной основе получать валидированные сведения, конфиденциальный менеджмент превращается в аналитическую рамку, раскрывающую не организацию, а *устройство* той политической среды, где соединяются интересы статусных и неформальных группировок, в свою очередь, обусловливающих тактику и стратегию центров и узлов принятия решений, представляющих игрокам возможности участия в распределении общественных ресурсов. Одним словом, главный акцент на отображении недекларируемых внутри элитарных коммуникаций, формирующихся в процессе маневрирования групп и фигур правящего класса, позволяет не только выделить устойчивые «игровые» модели элитарного соперничества, но и понять особенности складывающегося в латентной сфере гейм-дизайна, определяющего структурные ограничения этих микро-политических конструкций.

Говоря иначе, конфиденциальный менеджмент направлен на выделение структурных возможностей и ограничений функционально-ролевых нагрузок и потенциала конкретных элитарных акторов в латентной сфере политики. Причем особенно тех, кто представляет «выигрышную коалицию» (подчас, действующую поверх законов и пренебрегающую интересами коллективного актора).

Одновременно конфиденциальный менеджмент выступает и в качестве *функции* элитарных игроков в латентной сфере политики, осуществляемой в целях повышения своих диспозиций, контроля за центрами и узлами принятия решений и распределения ресурсов. Данный набор целей и задач обозначает основные пути, формы и способы инновационного проектирования, осуществляемого элитарными акторами для продвижения своих проектов и интересов, аттестуя при этом специфические формы адаптации (координации) акторов к партнерским и конкурентным отношениям и раскрывая при этом основные риски межгруппового соперничества как для себя, так и отдельных сегментов гражданской аудитории.

В целом, смещение исследовательского интереса к микро политическим контактам элитарных акторов на их латентные формы позволяет выстраивать более точную картину функционирования институтов власти и управления, оценивать реальные возможности гражданских структур при распределении ресурсов.

Соловьев М.Д.
(Москва, РУДН)

СПОРТ КАК ФОРМА СУБЛИМАЦИИ ВОЙНЫ И ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Современный спорт представляет собой уникальное социокультурное явление, в котором пересекаются биологические инстинкты, политические интересы и символические формы мирного соперничества. Отражая древний архетип конфликта, спорт эволюционировал из воинских игр и ритуалов в институционализированный механизм регулирования агрессии, конкуренции и стремления к доминированию. В этом смысле он выступает одной из наиболее устойчивых форм сублимации войны — переноса конфликтного импульса из сферы насилия в сферу правил, зрелища и символов. Спорт выполняет функцию канализации агрессии, предлагая социально приемлемые формы конкуренции. Он способствует интеграции и солидарности, создаёт модели подражания, укрепляет национальные мифы. При этом спортивное соперничество нередко воспроизводит социальные и этнические иерархии, становясь ареной борьбы за символический статус.

Ещё античные олимпийские игры выполняли функцию сакрального перемирия, демонстрируя возможность соревнования без уничтожения. В новое время спорт стал продолжением милитаристских и национальных амбиций — от гимнастических обществ Пруссии и России до олимпийского движения барона де Кубертена, видевшего в спорте «воспитание мирных солдат». XX век усилил эту тенденцию: спортивные состязания стали ареной идеологического противостояния (Берлин-1936, Хельсинки-1952, Москва-1980, Лос-Анджелес-1984). Таким образом, спорт унаследовал воинственный дух, но превратил его в форму цивилизованного соревнования, превращая физическое противоборство в символическую форму политического сообщения.

Спорт является мощным инструментом «мягкой силы»: государства используют его для проекции имиджа, легитимации власти и мобилизации идентичности. Олимпийские игры, чемпионаты мира и международные турниры создают «театры наций», где победы интерпретируются как доказательство превосходства социально-политической системы. В то же время глобальные спортивные организации (МОК, ФИФА) нередко оказываются участниками политических процессов, балансируя между идеалами аполитичности и требованиями глобальной справедливости. Победа или поражение в спорте воспринимается обществом не только как результат физического состязания, но и как метафора политического успеха или упадка. Глобализация и медиа-капитализация спорта усилили его политическую нагрузку. Вопросы нейтрального статуса атлетов, бойкоты, символические протесты показывают, что спорт утратил иллюзию полной автономии от политики.

В XXI веке спорт всё чаще становится инструментом гибридного противоборства — частью стратегий, где военные, экономические, информационные и символические воздействия сливаются в единое пространство. В условиях, когда прямое применение силы теряет легитимность, спортивные события превращаются в площадку символического доминирования и влияния на массовое сознание. Международные соревнования служат каналом мягкой пропаганды: через трансляции, спонсорство и медиа-нарративы государства формируют выгодный образ силы, модернизации и культурного превосходства. Победа в спорте становится актом демонстрации политической жиз-

неспособности, а поражение — сигналом системного упадка. Принцип «игры без оружия» в таком контексте нередко оборачивается «информационной битвой без фронта».

В арсенале гибридных инструментов спорта можно выделить:

- манипуляции с допинг-скандалами и дисквалификациями как средство давления и дискредитации конкурентов;
- спортивные бойкоты, санкции и ограничения участия национальных команд — форма политической изоляции;
- использование крупных спортивных событий (Олимпиад, чемпионатов мира) как платформы геополитического влияния и переформатирования международных альянсов;
- контроль спортивных федераций и медиа-нарратива для продвижения «правильных» ценностей и делегитимации оппонентов;
- Использование вариантов давления на спортсменов для попыток раскачивания недовольства внутри страны.

Таким образом, современный спорт перестаёт быть только инструментом сублимации – он становится полем гибридного конфликта, где решаются вопросы престижа, идентичности и глобальной иерархии. Его аполитичность превращается в фикцию: нейтральные площадки становятся ареной борьбы за символическую власть, а спортсмены — невольными агентами внешнеполитических стратегий. В этом контексте задачей науки и спортивной политики становится разработка этических и правовых механизмов защиты спорта от инструментализации, чтобы вернуть ему статус пространства мирного соревнования, а не продолжения войны иными средствами.

Соловьева Д.Д.
(Москва, МГИМО МИД России)

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ МИРОВОЙ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Тема влияния транснациональных акторов на мировую и национальную политику привлекает внимание исследователей с середины 80-х годов XX века. Начиная с этого времени, ознаменованного интенсификацией международной экономической кооперации, рядом исследователей фиксировалась повышающаяся роль корпоративных структур в процессе принятия политических решений (М. Феннема, К. ван дер Пил, М. Юзим, Ф. Шмиттер, Л. Склер).

Некоторые положения, которые в 80-е годы прошлого столетия были лишь прогнозами футурологов, на современном этапе развития мировой экономики и международных отношений уже являются состоявшимся фактом. Например, уже не вызывает сомнений, что государства де-факто не являются единственными субъектами мировой политики. Делегировав на наднациональный уровень часть полномочий для решения глобальных проблем мира и безопасности после Второй Мировой войны, они в разной степени продолжили следовать этому тренду, все больше вовлекаясь в глобальную экономику.

Объединяющим методологическим подходом большого корпуса работ по данной проблематике является транснационализм, который изначально использовался для анализа межкультурного взаимодействия, а на современном этапе приобрел экономический, социологический и политологический инструментарий (Дж. Го и М. Крауз,

С. Л. Мадж и А. Вошез). В настоящий момент в фокусе исследователей находится феномен транснационализации, который понимается как с нейтральных позиций, так и критических позиций (как процесс сращивания политикоэкономических элит в одну наднациональную социальную группу с целью интегрирования во властвующую элиту западных стран). Это исследовательское направление является востребованным с теоретической и практической точки зрения: ЮНКТАД рассчитывает индекс транснационализации мировой экономики; данному направлению исследований посвящены отдельные научные журналы, издаются коллективные монографии.

Одним из важнейших методологических водоразделов является выбор подхода к определению и пониманию ключевого актора транснационализации. Выделяется 4 методологических подхода.

В зарубежном дискурсе активно используются неомарксисткий подход, который предполагает, что ключевым актором транснационализации выступает транснациональный капиталистический класс (С. Хаймер, К. Ван дер Пейл, Л. Склер, У. Робинсон, Дж. Харрис, П. Робинс, В. Баррис, Т.Стейплс, У.К. Кэрролл, Л. Кантор).

Другим подходом к пониманию агента транснационализации является теория элит, в которой меньший акцент делается на классовый антагонизм и большее внимание уделяется противостоянию транснациональных элит и национальных государств, проблеме суверенитета и безопасности, неравенству в распределении богатства и власти между избранными группами (Д. Роткопф, Э. Болькен, У, Давис, Н. де Грааф, Т.Фотопулос, Э. Химскерк, Ф. У. Такс, Дж. Гарсия-Бернардо и М. Дж. Хейзер, Л. Хенриксен).

Следующей, связанной с предыдущей, методологической призмой, особенно популярной в последнее десятилетие, являются разнообразные подходы, в которых ключевым актором транснационализации являются различного рода властные сообщества, сформированные на основе общности ценностей и пережитого опыта (Дж.М. Чвирот, А. Коэн, А. Дэвис, Дж. Граз, С. Холл, Б. Харрингтон, С. Кох, М. Л. Джелич и С. Квак, М.Р. Медсен). Особенно популярен подход, использующий концепцию габитуса П. Бурдье. По своему духу этот подход близок к элитистским воззрениям на процесс транснационализации, однако ключевым актором транснационализации в данном случае выступает не элита, а сообщество, объединенное совокупностью ролей и статусов, полученных в ходе личного и профессионального опыта. Поэтому в фокусе исследований оказываются не столько влиятельные семьи, кланы и организации, принадлежащие им, сколько профессиональные сообщества, например гильдии.

Наконец, институциональный подход к анализу транснационализации предполагает, что посредством институтов и организаций властные группы стараются продвигать свои интересы. Эти властные группы или элиты имеют национальное происхождение, но получают статус и влияние транснационального актора благодаря членству в международных организациях. По сути, это тот же процесс формирования транснационального класса, на который указывают Л. Склер и У. Робинсон, однако рассмотренный с другой позиции: частью элиты/класса становятся не априори, обладая финансовыми ресурсами, а путем отбора и профессионализации. Как отмечает Л. Сибрук, это не означает, что в отборе элит нет предвзятости. Напротив, Дж. Чвирот указывал на элитное англо-американское высшее образование сотрудников организаций, ответственных за транснациональную политику.

Соловьева Д.Д.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ДИНАМИКА РАДИКАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА (НА ПРИМЕРЕ ПРОТЕСТОВ В ГРУЗИИ В 2024 ГОДУ)

На протяжении длительного времени и до настоящего момента радикализация общественно-политического протеста является одной из центральных проблем политологии и социологии. Сам рост этой тенденции обусловлен рядом причин: феномен перестал быть периферийным и наблюдается в различных странах мира, кроме того, из-за внедрения цифровизации молодое поколение под влиянием Интернета стало волатильной опорой для масштабности, что вследствие усложняет предотвращение последствий процесса.

Цель исследования – применить теорию радикализации Делла Порта для выявления особенностей и факторов, определивших траекторию развития грузинских протестов, перехода от ненасильственных к насильственным формам.

Существует несколько подходов к трактовке понятия «радикализация». Согласно Д. Порта, это процесс обращения к насилию как средству преобразований. По мнению А. Дальград-Нельсен, это растущая готовность продолжать и поддерживать длительные изменения в обществе, которые противоречат существующему порядку или представляют прямую угрозу для него. К. Маккали и С. Москаленко определяют «политическую радикализацию» как проявление изменений в убеждениях, чувствах и действиях по поддержке и готовность жертвовать во имя межгруппового конфликта. Принимая во внимание все вышеперечисленное, можно дать следующее определение: радикализация – это процесс, при котором движение последовательно: (а) ужесточает риторику, (б) принимает конфронтационные организационные формы, (в) легитимирует и применяет насилие.

Исследование основывается на качественном case-study, контент-анализе материалов из TikTok, X, Instagram*, а также новостных сайтов OC Media, Civil Georgia и тг-каналов Николай Левшиц, Sputnik Грузия. Выбор СМИ и личных аккаунтов обусловлен доступностью архивов на русском языке, авторитетностью и популярностью среди грузинских граждан.

Протесты в Грузии 2024 года изначально основывались на ценностной риторике – защите демократии, суверенитета и евроинтеграции (лозунг: «Нет – русскому закону!»). Однако игнорирование требований со стороны правящей партии «Грузинская мечта» и её дискредитирующая риторика (обвинения протестующих в насилии и работе на Запад) привели к радикализации движения. Это выразилось в переходе к прямым обвинениям власти в предательстве национальных интересов и требованиям роспуска Парламента (сравнение: «Грузинская мечта – мечта Кремля!»).

Огромное влияние на рост протестов оказали Интернет-платформы, где подростки и взрослые люди публиковали посты с разжиганием ненависти к правящей власти и к РФ с использованием хэштег-активизма. Самой популярной соцсетью по большому количеству публикаций стал TikTok, где под хештегом #არარუსულკანონს (нет русскому закону) было загружено 15 000 видео и под хештегом #notrussianlaw – 2350. Главной особенностью является то, что контент выкладывают подростки (среди просмотренных ста аккаунтов, выделялся @lukakurshubadze – аккаунт с 30 тыс. подписчиков и 3 млн. лайков, который публикует эдиты про протесты с описанием: «Россия оккупировала

20 % моей страны»). Менее актуальной соцсетью стал Instagram*: там было выложено 1 тыс. публикаций. Также, в ходе анализа было выявлено, что именно X стала самой радикально настроенной сетью для грузинских граждан с высокой гражданской позицией: блоггеров, журналистов и политиков (Гоча Гогсадзе, Ия Меурмишвили, Тата Чемия, Марика Микиашвили и т.п.). Эти общественные деятели негативно высказываются в адрес РФ, публикуют видео с места протестов под #TbilisiProtests, #GeorgiaProtests.

Первоначально протест носил мирный характер, но из-за применения насилия (использование водометов, слезоточивого газа, резиновых пуль) со стороны власти он перерос в жесткие высокоорганизованные формы сопротивлени: баррикадирование здания Парламента в ночь на 2 мая 2024 г., физическое столкновение с силовиками 1 мая (забрасывали полицию камнями, коктейлями Молотова).

Исследование грузинских протестов 2024 года подтверждает применимость теории радикализации Д. Порта. Движение, начавшись как мирный протест, ориентированный на ценности демократии и евроинтеграции, под влиянием действий властей и усиленное цифровой средой, трансформировалось в более радикальное, характеризующееся ужесточением риторики, принятием конфронтационных организационных форм и применением насилия. Проделанный анализ данных, мониторинг постов в Telegram, X выявили ключевую особенность кейса: беспрецедентную скорость радикализации – полный цикл трансформации протеста завершился всего за месяц за счет динамики распространения информации в цифровой среде.

** Instagram входят в корпорацию Meta, которая признана экстремистской организацией на территории РФ.*

Солоненко А.В.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН О ВЛАСТИ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В настоящее время особенно актуальным является исследование особенностей формирования образа будущего и образа страны в сознании российских граждан. Современный этап, характеризующийся сменой парадигмы развития, требует выявления закономерностей трансформации общественных настроений, ожиданий, а также их влияния на готовность граждан к восприятию и поддержке социально-политических изменений, инициированных Правительством Российской Федерации.

Данные исследования приобретают особую значимость с учетом запроса общества на стабильность. Обусловленный политическим, экономическим и социокультурным контекстом, он указывает на необходимость постоянного изучения массового сознания. Регулярный мониторинг общественного мнения позволяет не только своевременно обнаруживать потенциально деструктивные тенденции, но и разрабатывать эффективные механизмы государственно-управленческого регулирования, в том числе для повышения уровня доверия общества власти.

Целью настоящего исследования стало выявление особенностей формирования представлений россиян об идеальном будущем, а также перспективных направлениях развития России в контексте различных сфер жизни общества – политической, социальной, экономической, духовной. Значимое место также занимает исследование восприятия гражданами власти.

В основе лежат политико-психологический подход, предоставляющий как теоретические, так и инструментальные возможности для изучения психологического состояния общества («Они» и «Мы». Образы России и мира в сознании российских граждан / под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: РОССПЭН, 2021), а также теория политического восприятия, позволяющая фиксировать изменения массового сознания граждан посредством выявления изменений на рациональном и бессознательном уровнях восприятия с учетом различных факторов (Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018) / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2019). При этом стоит отметить междисциплинарный характер исследования, объединившего возможности политологии, психологии и социологии для исследования представлений граждан о будущем и власти.

Исследование проводилось в 2025 году и носило качественно-количественный характер, не претендовав на репрезентативность в масштабах всей страны. Основным методом стали фокусированные интервью с использованием проективных методик. Выборка была сбалансирована по полу, возрасту и образованию в соответствии со стандартами, принятыми для качественных исследований.

По итогам анализа ответов респондентов были сделаны следующие выводы.

Современная Россия характеризуется через такие ассоциации, как «стабильность», «вызовы», «надежда», «развитие» и «санкции». Отмечается запрос на стабильность, которую Правительству удалось обеспечить в ситуации значительных внешнеполитических вызовов и антироссийских санкций. Стоит подчеркнуть весьма оптимистический взгляд граждан на будущее и надежды на развитие страны.

Представления о современной политической сфере и власти тесно связаны с представлениями о стране в целом. Зачастую политическую сферу описывали через централизацию власти и контроль, которые позволяют обеспечивать стабильность. Отмечается также высокий запрос на реформы и развитие, не противоречащий поддержанию стабильности в стране. Среди наиболее приоритетных сфер – образование (качество обучения), экономика (распределение ресурсов), социальная политика (поддержка граждан).

Граждане формулируют высокие ожидания к власти, выделяя наиболее значимые черты идеальной власти – честность, равенство, забота о народе. Честность чаще всего связывается с выполнением обещаний и борьбой с коррупцией, эффективность – с улучшением условий жизни, оперативными и своевременными решениями, созданием инфраструктуры, ответственность – с признанием ошибок, соблюдением законов и обеспечением социальных гарантий, справедливость – с реализацией принципа равенства, поддержкой льготами наиболее уязвимых групп населения, служение народу – с учетом интересов населения, реализацией воли народа и заботой о гражданах.

Представления о сильной и слабой власти противопоставлены друг другу как порядок, дисциплина против хаоса и коррупции. Сохраняется запрос на сильную власть.

Наибольшее одобрение граждан получили Президент Российской Федерации и партия «Единая Россия», в то время как наименьшее – либеральные партии и оппозиция.

Полученные результаты могут быть использованы для формулирования рекомендаций и предложений по повышению уровня доверия обществу власти, развитию коммуникации общества и государства, а также противодействию угрозам и вызовам, стоящим перед страной.

Тезисы подготовлены в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2025-0018, «Образ России в представлениях граждан: идеальное будущее и потенциал развития»).

Сонина Е.О.
(Екатеринбург, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС)

КОНЦЕПТ «МОДЕРНИЗАЦИЯ» В НЕОЛИБЕРАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ: ОПЫТ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

В мировом политическом дискурсе в качестве концептуальной основы реформ достаточно долго доминировала неолиберальная интерпретация модернизации. Неолиберальный политический курс оказался восприимчив к гипотезе классической теории модернизации о взаимосвязи экономических свобод и демократизации политической системы, предав им свою интерпретацию, став основополагающим для реформ в «развивающихся» странах. Представляется, что это стало возможным в силу нескольких причин:

– предложенная неолиберализмом модель государства оказалась, фактически, первой, которая ответила на задачи придания государству большей гибкости на фоне противоречивых экономических событий 1970-х годов и тенденций индивидуализации общества, характеризующих становление и развитие постиндустриального общества;

– неолиберализм – это дискурсивная модель, которая обосновывая значение личной (в первую очередь, экономической) свободы для прогресса общества и государства, легитимизировала необходимость сокращения расходных обязательств государства и укрепляла политическую субъектность экономических элит; поддерживая идею классической теории модернизации о зависимости «успеха» модернизационных процессов от внешних факторов, обосновывала возможность внешнего влияния, стимулирования извне реформ в «развивающихся» странах;

– неолиберальный концепт «минимального государства» оказался легитимирующим для глобализации, осуществление которой было невозможно без снижения государственного контроля над экономическими процессами и финансовыми потоками, передачи части функций национальных государств международным межправительственным организациям, а значит, отвечало интересам последних и связанных с ними элитарных групп.

Укрепление неолиберальной трактовки модернизации в программах преобразований, направленных на обеспечение экономического роста, спровоцировали целый ряд негативных тенденций: выхолащивание морального и этического наполнения ценности свободы, укрепление потребительской установки в общественном сознании, рост неравенства (в том числе, между странами), социально-экономические кризисы во многих странах, предпринявших попытку реализации неолиберальных реформ, снижение авторитета государства как института, зависимость политических элит от элит экономических.

Противоречивые итоги модернизации в духе ее неолиберальной трактовки привели к концептуальному переосмыслению самой модернизации в русле ее неклассических подходов, акцентирующих важность учета социокультурных факторов, обосновывающих важность политического порядка и допускающих значительную роль государства и его институтов в обеспечении завершенности модернизации. Опыт китайской модернизации и модернизации в странах Юго-Восточной Азии подтверждал возможность использования потенциала традиций общества для обеспечения экономического и технологического развития, важность поддержания политической стабильности для создания институциональных условий модернизации. Несмотря на это, успешный опыт модернизации в странах с сильным влиянием традиций не был масштабирован как идейная основа реформ

в странах, переживающих период трансформации, и тем более, не получили такой поддержки как неолиберальный политический курс на уровне межправительственных организаций. Причины этому лежат, в большей степени, в политической плоскости:

– поддержка значимости локальных культур и основанных на них социального и политического порядков шла в разрез с сложившейся и ставшей уже доминирующей в мировом политическом дискурсе повесткой глобализации;

– предложенное неклассическими концепциями модернизации ценностное измерение человеческого потенциала, обоснование его роли в развитии социума и государства не встраивалось в логику общества потребления, которое стало доминирующим типом социального устройства в большинстве стран, относящих себя к развитым, и отвечало интересам экономических элит;

– установка на приоритетность политического порядка перед политическими радикальными изменениями обладала потенциалом легитимации для устойчивого политического статуса местных элит и действующих государственных институтов. Что, в свою очередь, формировало вызов укрепившимся на фоне глобализации межправительственным союзам и организациям, стоявшим за ними группам интересам.

Осмысливая неудачи неолиберальных реформ, сторонники политики Вашингтонского консенсуса стали обозначать идею, что «структурные реформы», проводимые по единому стандарту, не дали ожидаемого эффекта не из-за противорчивости самой неолиберальной трактовки модернизации, а из-за плохих базовых институциональных условий. Такой подход ограничил потенциал самой теории модернизации как идейной основы формирования иных, отличных от неолиберального, политических курсов, делегитимизировал саму идею «модернизации», вызывая, в большей степени ассоциации с кризисами и социальными потрясениями, сопровождавшими неолиберальный политический курс на практике.

Сопов И.А
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛУХИ: ПОРОЖДЕНИЕ СМЫСЛА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛИТИКИ

В центре внимания исследователей находятся различные характеристики и функции слухов. Однако, можно выделить, по крайней мере, две основные характеристики слухов, которые лежат в основе практически всех определений. Первая характеристика связана с содержанием слуха, а именно, с отсутствием подтверждения его достоверности. Содержание слуха ещё не проверено или не может быть, в принципе, проверено. Вторая типичная характеристика слухов касается их динамики. Только благодаря распространению единичное утверждение становится слухом и именно это отсутствие подтверждения достоверности обуславливает динамическую природу слухов.

В современных исследованиях политических слухов можно выделить три направления исследований. Первый тип – политически ориентированные исследования, изучающие политические проблемы, связанные со слухами, и их использование в политических целях (политические слухи как инструмент политической конкуренции). Второй тип – это психологически обусловленные исследования, изучающие когнитивные аспекты, связанные со слухами. Передача слухов здесь рассматривается как отражение процесса коллективного

объяснения, в этом смысле слухи представляют собой «смысловые» утверждения и попытки решения проблем. Наконец, третий тип исследований– это юридически ориентированные исследования, изучающее правовые аспекты, связанные со слухами (риск для личной репутации, правовые механизмы борьбы с дезинформации и др.).

Поскольку политические слухи живут и циркулируют внутри социальных групп, формируют несанкционированные версии реальности и являются «текстом» политической культуры, они выражают коллективные менталитеты и социальные представления.

Интерпретативная функция политических слухов заключается в коллективном производстве и присвоении смыслов сложным, неясным или неопределенным политическим событиям, процессам и фигурам. Можно сказать, что распространение политических слухов представляет собой не просто передачу информации, а активный процесс осмысления политической реальности.

Ключевой вопрос здесь состоит в том, являются ли политические слухи пассивным *отражением* существующих страхов и представлений, или же, напротив, они *активно формируют* коллективные менталитеты и политическую реальность? Иными словами, какова их реальная роль в конструировании политической реальности?

Для каждого политического слуха «социальное место возникновения-циркуляции одновременно функционирует как матрица и пространство смысла» (Aldrin P. L'impensé social des rumeurs politiques. Sur l'approche dominocentrique du phénomène et son dépassement. Mots. Les langages du politique 92, 2010).

Традиционные академические исследования зачастую игнорируют политические слухи как источник данных. Анализ политических слухов позволяет включить в научный дискурс нарративы, исключенные из академического канона. Именно через эти нарративы проявляются состояния субъективности, встроенные в иерархические властные отношения, которые и конструируют политическую реальность. Игнорирование политических слухов, таким образом, означает игнорирование ключевого механизма формирования и отражения властных структур в обществе. Пренебрежение этой областью затрудняет понимание многих важных политических явлений. В то же время недостаточно просто констатировать ценность слухов как источника данных. Основная задача заключается в разработке адекватной методологии для анализа глубинных структур власти, динамики доверия/недоверия и скрытых механизмов политической борьбы. Это создаст важные предпосылки для глубокого понимания «невидимой» стороны политики и властных отношений.

Сорокопудова О.Е.
(Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, ГАУГН)

ПОНЯТИЕ «ДЕРЖАВНОСТЬ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СМЫСЛЫ И ФУНКЦИИ

Исследование представляет собой попытку реконструкции содержания понятия «державность». В современном российском дискурсе употребление самого термина имеет широкое распространение, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что содержательно понятие «державность» остается размытым. Обзор исследовательской литературы и источников, свидетельствует, что, несмотря на частое совмещение понятий «держава» и государство, «державность» и государственность, это верно лишь для части контекстов. В большинстве распространенных сегодня опре-

делений акцент делается на внешней атрибутике (объективные факторы – протяженность, военный, экономический, научный потенциал, суверенитет и т.д.), тогда как внутреннее ценностное измерение (субъективные факторы – ценностные ориентиры развития, самоосознание себя державой, соответственно – своей силы, ответственности и миссии, как необходимого условия существования в принципе и т.д.) игнорируется. Более объемными определениями, которые в больше степени коррелируют русской интеллектуальной традиции, представляются следующие:

Держава – состояние государства, которое, с одной стороны, характеризуется объективными показателями силы, суверенности и значения в системе международных отношений, а с другой стороны, отвечающее общественным представлениям о целях, способах и смыслах развития государства в мировом масштабе, сформированным в ходе исторического развития определенного сообщества людей.

Державность – понятие, обозначающее устойчивый аксиологический комплекс идей и принципов организации общественных отношений, возникающий в результате концептуализации свойств типологически идеальной державы (державного государства), сформированный духовным, историческим, социально-политическим, культурным опытом и духовно-политическими идеалами.

По итогам проведенного большого историко-политического исследования (использовались методы количественного анализа, контент-анализа, политико-текстологического анализа) в качестве гипотезы можно предложить *содержательную модель* «державности» как сложного многосоставного идейно-политического концепта в отечественной интеллектуальной традиции. В момент разграничения практики нестрогого титулования державой и державы как идеального типа обнаруживается пространство для количественного анализа державности через понятие «держава», поскольку важной чертой державности является державное самовосприятие, т.е., насколько часто при именовании своего государства указывается державный титул. Исследование данной частотности позволяет выделить наиболее распространенные коннотации к термину «держава», что в свою очередь позволяет предложить следующие содержательные блоки понятия «державность»: *государство, доминирование, смыслы, достояние, власть, единение, военная сила*.

Проведенное исследование позволяет сделать предположение не только о содержательной структуре понятия «державность», но и проанализировать функциональное значение, которое это понятие имело в отечественной интеллектуальной традиции и которое оно сохраняет до сих пор. Актуализация и повышение частотности употребления понятия связана с новыми условиями конкретно-исторических угроз и вызовов существованию государства-державы и национальным интересам России. Фактически «державность» становится смысловым стержнем государственного существования русского народа, задавая своего рода когнитивное пространство политики и объясняя ему цель существования России, сохраняя государственное единство и идентичность. Другим немаловажным значением «державности» является потенциал политической мобилизации и самомобилизации. Представления о «державности» России помогает гражданам расставить политические приоритеты и определяет те действия, которые направлены на защиту и сохранение государства.

Исследование подготовлено в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Державность: понятие, структура, функции. Историко-политическое исследование», №FZNF-2025-0003).

Сосунов Д.В.
(Воронеж, ВГУ)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ЭКСПЕРТИЗЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

Формирование различных практик экспертизы региональных политических решений – актуальная и важная составляющая современного российского политического процесса. Механизм анализа и оценки специфики принятия политических решений органами власти различных уровней, а также учета мнений представителей научно-экспертного сообщества претерпевает изменения под воздействием внутренних и внешних вызовов.

В июле-августе 2025 г. на территории города Воронеж был проведен экспертный опрос, одна из задач которого заключалась в определении специфики различных практик проведения экспертизы политических решений на региональном уровне. В исследовании приняли участие 22 региональных эксперта. Условно их можно разделить на две основных группы: «Ученые и общественники» и «государственные служащие». В первую группу вошли известные ученые-обществоведы, независимые политические аналитики, члены Общественной палаты Воронежской области, участники различных экспертных советов при органах государственной власти, специалисты, обладающие непосредственным опытом экспертизы политико-управленческих решений и авторитетные в регионе общественно-политические лидеры (всего 11 респондентов). Во второй группе оказались высокопоставленные региональные государственные служащие, заместители министров Правительства Воронежской области, начальники структурных подразделений, непосредственно принимающие участие в подготовке, выработке и принятия политических решений на региональном уровне, а также чиновники «среднего звена», в сферу компетенции которых входит мониторинг социально-политической ситуации, информационное сопровождение принятых государственных решений и организация проведения экспертных процедур. Кроме того, в данную группу вошли директора и руководители подведомственных бюджетных учреждений исполнительных органов государственной власти Воронежской области (далее – ИОГВ ВО), а также представители федеральных государственных структур, осуществляющих свою деятельность на территории региона (всего 11 респондентов).

Представители обеих групп экспертов отметили актуальность и важность процедуры привлечения представителей научно-экспертного сообщества региона к экспертизе политических решений. Однако многие опрошенные информанты отметили и некоторые трудности. Например, «*мне кажется, что существует какая-то «стеклянная стена» между органами государственной власти и учеными, то есть, у нас есть общественно-а тивные эксперты, которые готовы участвовать в экспертизе решений, с одной стороны. И отсутствие мотивации чиновников их приглашать к совместной работе, с другой стороны*», – отметил один из участников экспертного опроса.

Важным вопросом является проблема экспертного кадрового потенциала региона и механизма привлечения независимых специалистов к обсуждению стратегического развития области. В этой связи в Воронеже специально был создан Экспертный совет при губернаторе. Члены этого совета осуществляют свою деятельность на общественных началах, а основные форматы деятельности – это заседания и деятельность экспертных групп. В настоящее время данный совет состоит из 26 групп, созданных при ИОГВ ВО. Членами совета являются бизнесмены, общественники и ученые (212 человек).

С 2018 года в регионе ежегодно проводится стратегическая сессия по актуализации плана социально-экономического развития Воронежской области. Еще один популярный формат взаимодействия – это форсайт-сессии по наиболее актуальным локальным проблемам. По мнению опрошенного высокопоставленного чиновника, именно непосредственное общение является наиболее эффективной практикой. «*Это все те же экспертные обсуждения, какие-то совместные комиссии, в которых состоят представители органов государственного управления, эксперты. И это формат совместного анализа, который можно назвать мозговыми штурмами, где-то это можно назвать какими-то экспертными дискуссиями. Это обращает на себя внимание, что таких встреч, таких обсуждений – много, они нацелены на разные сферы деятельности, на разные спектры региональной политики, но наиболее результативным кажется именно очная дискуссия, очное обсуждение тех или иных вызовов*», – подчеркнул эксперт.

Практика региональной экспертизы в современной России развивается в условиях сильной централизации и разноуровневой способности регионов к аналитической работе. Формальные механизмы появились и укрепляются, но качество экспертизы ограничивается ресурсами, неформальными практиками, политической средой и прозрачностью процедур. Дальнейшее развитие потребует сочетания институциональных реформ, профессионального развития экспертов и технологий повышающей прозрачности и участия, при этом учитывая специфические региональные, политические и правовые ограничения современной российской среды.

Сосунова В.В.
(Красноярск, СибГУ им. М. Ф. Решетнева)

АСПЕКТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ В СТУДЕНЧЕСКИХ ОТРЯДАХ: ФОРМИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО РОССИИ

Современные условия требуют от молодого поколения быстрой адаптации к изменениям и способности эффективно взаимодействовать в обществе. Студенческая молодёжь играет ключевую роль в будущем развитии страны, а студенческие отряды становятся важным инструментом социализации и личностного роста. Участие в работе студенческих отрядов помогает студентам приобретать практические знания, развивать социальные навыки и формировать ответственное отношение к своей профессии и обществу.

Автор данных тезисов имеет за плечами три трудовых семестра (студенческие отряды педагогического профиля). В настоящее время работает специалистом в Красноярском региональном отделении молодежной общероссийской общественной организации «Российские студенческие отряды», занимается информационной поддержкой деятельности студенческих отрядов в регионе. Участвует в работе по подготовке к Всероссийскому слёту студенческих отрядов, который должен пройти в г. Красноярске с 11 по 16 ноября 2025 года. Проведение Всероссийского слёта в Сибири и Красноярске подчеркивает значительную активность студенческих отрядов Красноярского края.

Студенческие отряды оказывают серьезное влияние на формирование ключевых характеристик будущих профессионалов и активных членов общества. Находясь в

отряде, молодые люди получают не только трудовой опыт и первую профессию, но и возможность реализовать свои таланты, будь то музыка, спорт, медиа и др. Благодаря этому студенты легче адаптируются к будущей профессиональной среде и общественной жизни.

Студенческие отряды Красноярского края работают по восьми направлениям деятельности: строительное, педагогическое, сельскохозяйственное, медицинское, сервисное, специализированное, отряды проводников, трудовые отряды подростков. В 2025 году в них работало более 3500 студентов.

Одним из главных аспектов деятельности студенческих отрядов является их непосредственное участие в строительстве и реконструкции важных инфраструктурных объектов. Студенческие отряды вносят значительный вклад в развитие регионов. Создаются жилые дома, больницы, школы, дороги, мосты. Эти объекты имеют важное значение для развития экономики и повышения комфорта жителей страны.

Любое направление деятельности в студенческих отрядах приобретает особую значимость, — если студент становится вожатым, вдохновляет детей собственным трудом, воспитывает новое поколение своим примером, или как студент-медик ежедневно проявляет заботу и внимание к пациентам, спасает человеческие жизни. Каждое такое дело становится важной составляющей общей картины.

Направления работы студотрядов объединяют тысячи сердец, работающих ради общего блага, оставляя яркий след в истории регионов и всей страны. Именно понимание того, как личные трудовые усилия становятся частью целого, создает из студотрядовца гражданина, ответственного за свою страну, строящего её будущее.

Помимо трудового вклада, работа в студенческом отряде обогащает личность студента морально и духовно. Молодые люди осознают свою ответственность перед обществом, учатся планировать деятельность, управлять ресурсами и принимать решения. Опыт работы в студенческих отрядах будет использован в дальнейшей профессиональной карьере студотрядовца.

Новейшая история студенческих отрядов началась двадцать лет назад. Это начинание осуществлялось в рамках «молодёжной политики», в начале казалось искусственным, особенно после кризиса 1990-х годов. Развитие студотрядовского движения показало, что движение возродилось, стало значимым в молодежной жизни регионов.

Представляется важным, что развитие студотрядовского движения прочно опирается на традиции молодёжных и студенческих отрядов с середины XX века в Советском Союзе. Важный гражданственный импульс двигал молодежью, когда молодые энтузиасты восстанавливали разрушенные в войну города, строили крупнейшие промышленные предприятия, строили дороги, осваивали целинные и залежные земли.

Сегодняшние студотрядовцы осознают преемственность своего движения, традиции продолжаются, современные студенты также готовы оставлять значимые следы для следующих поколений. Они становятся сами частью истории страны, реализуют проекты, важные для страны и народа на десятилетия вперёд.

Автор видит, что существуют проблемы, препятствующие эффективному функционированию студенческих отрядов и их развитию. Среди них низкий уровень информированности студентов о возможностях участия в отрядах и спектре направлений их работы, ограниченность ресурсов, недостаточный уровень поддержки со стороны руководства университетов и колледжей и др.

Красноярское региональное отделение занимается информационной работой со штабами города и края, публикует материалы на официальном портале Красноярского края (http://красноярский-край.рф/), на сайте Российских студенческих отрядов (https://трудкрут.рф/), использует современные каналы коммуникации (Telegram, ВКонтакте, MAX). Курс на организацию работы со студотрядами в Минобрнауки Рос-

сии и в Росмолодежи предполагает интеграцию с другими проектами («Движение Первых», «Юнармия», «Красволонтер» и др). Каждый из таких форматов активности обладает своими ресурсами развития.

Участие в студенческих отрядах является важным фактором успешной социализации современных студентов. Оно помогает молодым людям адаптироваться к новым социальным реалиям, развивает профессиональные компетенции и формирует активную жизненную позицию.

Сотникова А.М.
(Москва, ГУУ)

ФАКТОРЫ МОТИВАЦИИ, РИСКОВ И ДИСФУНКЦИЙ СОЗДАНИЯ СЕМЬИ И РОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ У МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из направлений Стратегии национальной безопасности РФ является сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, что конкретизируется через «обеспечение достойной жизни и свободного развития человека, создание условий для укрепления здоровья граждан, увеличение продолжительности жизни, снижение смертности, улучшение жилищных условий, расширение возможностей для получения качественного образования; поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, лиц с инвалидностью и пожилых граждан, воспитание детей, их всестороннее духовное, нравственное, интеллектуальное и физическое развитие»; особо подчеркивается, что «повышение рождаемости становится обязательным условием для увеличения численности населения России» [Стратегии национальной безопасности РФ: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400].

Результаты отечественных исследований последних лет [Ростовская Т.К., Князькова Е.А., 2022, Овчинникова Н. В., 2024] показывают, что участники опросов невысоко оценивают эффективность предпринятых государством мер в сфере повышения рождаемости, которые не смогли кардинально изменить репродуктивные установки молодежи фертильных возрастов.

В ходе реализации проекта было организовано и проведено количественное социологическое исследование, направленное на изучение мнения выпускников 11-х классов общеобразовательных организаций г. Москвы об отношении к семье, браку и рождению детей.

В восприятии респондентов семья представляется в большей степени как эмоционально-психологическое сообщество, чем как социальный институт или физическое пространство. При этом никто из подростков не обозначил детей как неотъемлемую часть семьи, что может говорить о восприятии этого понятия с позиции ребенка, а не будущего родителя.

Хотя большинство респондентов (55,9%) считают оптимальным возрастом для вступления в брак 26-30 лет, взгляды на рождение детей смещены в ту же возрастную категорию, но при этом есть значительная часть (15%) тех, кто готов вступить в брак уже в 20-25 лет, тогда как рождение детей в этом возрасте поддерживают лишь 15%. Такой подход демонстрирует, что для поколения Z создание семьи – это осознанный и поэтапный процесс, а не спонтанное решение; они хотят сначала юридически закрепить отношения, а уже затем, прожив какое-то время вместе, принимают решение о рождении детей.

Среди респондентов, которые считают, что наличие детей в браке не важно, большая часть положительно относятся к идее гражданского брака (58,3%), среди тех, кто считает, наоборот, важным наличие детей в браке, большее количество респондентов указало ответ негативное отношение к данному виду партнерства (63,6%), что доказывает взаимосвязь между этими параметрами. Для выявления факторов риска, способных помешать вступлению в брак, был задан вопрос: «Что является главным препятствием для создания семьи», наиболее популярным ответом стал вариант: неуверенность в выборе партнера (38,2%) и страх перед ответственностью (20,6%).

Ранжирование ценностей привело к формированию их иерархии: на первое место респонденты поставили самореализацию (61,8%), на второе и третье – карьерный рост (52,9%) и достижение финансовой независимости (41,2%), создание семьи выбрали лишь 14,7% респондентов, а воспитание детей – всего 2,9%.

По результатам проведенного исследования можно сделать несколько основных выводов:

1. Исследование выявило двойственное отношение московских старшеклассников к институту брака. С одной стороны, подростки склонны рассматривать брак как официально зарегистрированный союз, подчеркивая его юридическую значимость. С другой они придают большое значение эмоциональной составляющей, отмечая важность доверия, взаимопонимания и личной ответственности в отношениях.

2. Родительские установки оказывают значительное влияние на взгляды подростков. В семьях, где брак рассматривается как обязательный институт, дети чаще перенимают эту точку зрения и ценят поддержку родителей при принятии решений. Однако заметная часть старшеклассников формирует свои взгляды самостоятельно, что отражает тенденцию к индивидуализации ценностей. Личный пример родителей остается важным фактором, но его влияние становится менее значимым.

3. Социальные сети и цифровые медиа играют существенную роль в формировании брачно-семейных представлений. Подростки активно потребляют контент, связанный с отношениями, при этом осознавая его идеализированный характер в социальных сетях и медиа. Наиболее обсуждаемыми темами в медиапространстве становятся вопросы любовных отношений и семейных конфликтов.

4. Анализ показал, что современная школа недостаточно полно освещает практические аспекты семейной жизни. Учащиеся выражают потребность в получении знаний о психологии отношений, финансовом планировании и воспитании детей. При этом традиционные формы подачи этой информации не находят широкой поддержки среди старшеклассников, что требует разработки новых, более современных образовательных форматов.

5. Исследование выявило, что старшеклассники в целом осведомлены о существующих мерах государственной поддержки семей, но склонны рассматривать эти меры как вспомогательные, а не как основной стимул для создания семьи. Подростки отмечают необходимость комплексного подхода, сочетающего материальную поддержку с психологической помощью и популяризацией семейных ценностей через современные каналы коммуникации.

6. Исследование четко выявило доминирование ценностей самореализации и профессионального развития в матрице приоритетов современных старшеклассников. Подавляющее большинство респондентов рассматривают образование и карьерный рост как обязательные условия успешной социализации, отодвигая традиционные семейные сценарии на более поздние жизненные этапы. Брак и создание семьи воспринимаются не как отказ от личных амбиций, а как осознанный выбор, возможный только после достижения стабильности и финансовой независимости.

Спoршев А.М.
(Нижний Новгород, ННГУ)

СОГЛАШЕНИЯ ОБ ОБОРОННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ КАК ФОРМА ЛЕГИТИМАЦИИ АМЕРИКАНСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ

В последние годы Северная Европа оказалась в центре процессов, изменяющих архитектуру региональной безопасности. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО, возникновение механизмов координации оборонных вопросов внутри Евросоюза, развитие структур регионального взаимодействия (NORDEFCO), а также возрастание значения Арктики привели к формированию новой стратегической повестки. На этом фоне особую роль приобретают соглашения об оборонном сотрудничестве (Defense Cooperation Agreements, DCA), которые становятся инструментом закрепления американского военного присутствия в странах региона.

Подобные договоры представляют собой формально юридические рамки, в которых оформляется размещение военных, доступ к инфраструктуре, складирование вооружений и порядок взаимодействия с национальными органами власти. Однако их значение выходит далеко за пределы правовой сферы. Они выполняют политическую функцию, создавая условия для интеграции США в региональные механизмы безопасности и фактически переводя их присутствие в разряд постоянного и институционализированного. В ряде стран эти соглашения порождают вопросы, связанные с суверенитетом: обсуждается, в какой мере они ограничивают возможности самостоятельного принятия решений в области обороны, а также как соотносятся с действующими обязательствами в рамках НАТО и ЕС. Отдельные положения, включая вопросы юрисдикции, стали предметом общественных дискуссий – не столько в силу конкретных норм, сколько как символ возможного «размывания» принципов национального права.

Исторически североевропейские страны опирались на традицию нейтралитета, балансировали между военной интеграцией и сохранением автономии. Даже в рамках NORDEFCO долгое время доминировала логика ограниченного и прагматичного взаимодействия. Однако кризисы 2014 и 2022 годов ускорили пересмотр прежних подходов. Американское военное присутствие стало восприниматься не как временное средство реагирования на угрозы, а как новая структурная норма региональной безопасности. Одновременно с этим обострился вопрос политической легитимации. В Швеции и Норвегии дискуссия концентрировалась вокруг проблемы контроля над возможным размещением вооружений и утраты автономии национальной оборонной политики[170]. В Дании значимым фактором стали опасения, связанные с Гренландией и политикой США в Арктике. Несмотря на разницу контекстов, везде договоры об оборонном сотрудничестве оправдывались через дискурс коллективной обороны.

Эти соглашения встраиваются в уже существующую многоуровневую систему правовых и институциональных обязательств – от соглашений НАТО "о статусе сил" до норм европейского и национального права. Возникает эффект наложения и дублирования, что может привести к постепенному размыванию прежних границ между внутренними и внешними акторами: США начинают выступать в роли не только союзника, но и фактически внутреннего участника региональных процессов.

[170]Försvarsutskottets betänkande «Sveriges tillträde till vissa Natoavtal» (29 мая 2024 г.)// URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/betankande/sveriges-tilltrade-till-vissa-natoavtal_hb01f%C3%B6u10/html/

Пространственное измерение также играет важную роль. Северная Европа – это не только часть евроатлантической зоны безопасности, но и стратегический «коридор» в Арктику. Таким образом, американское присутствие одновременно решает две задачи: укрепляет позиции НАТО в Европе и закрепляет США в качестве ключевого игрока в арктической политике. Это, в свою очередь, усиливает милитаризацию региона и формирует новые линии напряжения в отношениях с Россией и Китаем, что придаёт региональным процессам глобальное измерение.

В итоге договоры об оборонном сотрудничестве становятся не просто юридическим оформлением двусторонних отношений, а важнейшим элементом переопределения всей региональной архитектуры безопасности. Их легитимация опирается на три взаимосвязанных уровня: формальный – через парламентские и международные процедуры, институциональный – через привязку к альянсовым механизмам, и символический – через дискурс угроз и необходимости сдерживания. Одновременно фиксируются ограничение соглашениями пространства для автономных решений и усиление зависимости от США. На этом фоне сами соглашения становятся предметом политических и общественных дебатов: критики указывают, что непредсказуемость американской внутренней политики при администрации Трампа и активизация переговорных форматов Вашингтона с Москвой ставят под сомнение надёжность внешних гарантий. В общественной риторике всё чаще звучат призывы к пересмотру условий или даже выходу из договоров, которые закрепляют обязательства североевропейских государств перед США. Такая дискуссия отражает двойственную природу оборонного сотрудничества: укрепляя безопасность региона, оно одновременно формирует линии политического раскола и обостряет вопрос о долгосрочной устойчивости трансатлантической модели.

Стародубцева М.Ю.
(Самара, ИАЦ СО)

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Изучение данной темы назревало давно. Во многих регионах исполнительные органы власти пытаются лоббировать свои интересы через законодательные региональные органы (заксобрания, думы и т. д.) с целью решать свои проблемы так, как это выгодно именно им. Это касается разработки и принятия нужных законов, а также вопросов финансирования различных объектов, проектов и программ. Для того, чтобы иметь рычаги влияния, предлагают оценивать эффективность деятельности депутатского корпуса, разрабатывая различные показатели, что уже нарушает принципы самостоятельности различных ветвей власти.

В основном законе Российской Федерации (Конституции) в статье 10 четко прописано, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Особо выделено, что органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Рассмотрим взаимодействие двух ветвей власти – законодательной и исполнительной на региональном уровне.

В соответствии с Конституцией РФ к полномочиям органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации относится социально-экономическая деятельность субъекта, решение вопросов, связанных с жизнеобеспеченностью региона, его безопасностью, а также с организацией и осуществлением региональных и межмуниципальных программ и проектов в различных сферах и отраслях. На реализацию всех поставленных задач требуется значительное финансирование. Именно на эти цели должны расходоваться средства областного бюджета.

Законодательная власть субъекта РФ осуществляет законодательную деятельность, контролирует соблюдение законов. В частности, осуществляет контроль за исполнением областного бюджета, за соблюдением установленного порядка распоряжения собственностью субъекта. Законодательному органу региона дано право участвовать в формировании высшего исполнительного органа субъекта РФ, в утверждении или согласовании назначения на должность отдельных должностных лиц высшего исполнительного органа субъекта РФ, а также выражать недоверие руководителям исполнительных органов субъекта РФ. То есть, законодательный орган – это самостоятельный орган власти, который наделен контролирующими правами по отношению к исполнительной власти региона.

Однако, что мы видим на практике. Исполнительная власть во многих субъектах РФ вмешивается в деятельность органа законодательной власти субъекта (законодательного собрания, губернской думы), хотя все формальности соблюдаются. «Ручные» и управляемые депутаты – это возможность принимать нужные исполнительной власти законы и другие нормативно-правовые акты, лоббировать необходимые решения, финансировать, в первую очередь, те объекты социально-экономической инфраструктуры, которые выгодны представителям исполнительной власти. Поэтому предлагают оценивать эффективность деятельности депутатского корпуса, заранее закладывая завышенные показатели, что позволит манипулировать данными так, как это выгодно органам исполнительной власти, убирая в дальнейшем неугодных депутатов.

Такое взаимоотношение двух самостоятельных ветвей власти ведет к тому, что депутаты в угоду исполнительной власти могут принять экономически необоснованное решение. Кроме того, это может привести к ослаблению контроля за расходованием бюджетных средств и реализацией нормативно-правовых актов социальной направленности.

Такая ситуация не единична. Примеров по всей стране достаточно, а учитывая, что опыт взаимодействия этих двух ветвей власти в стране еще невелик, необходимо совершенствовать систему взаимодействия на законодательной основе.

Страхов А.Б.
(Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, ГАУГН)

МОДЕЛЬ ДЕРЖАВНОСТИ В РУССКОЙ МЫСЛИ XVI В.: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Внешние вызовы и внутренняя логика развития политической науки в России вызывают необходимость концептуализации специфических русских политических понятий. Одним из таких понятий становится державность. Принципиальным отличием её от понятия державы является выход на абстрактный уровень: державность

представляется как ценностный комплекс идей и принципов, ложащихся в основу общественно-политических отношений под влиянием объективного исторического опыта и духовно-политических идеалов.

Несмотря на довольно позднее складывание понятия, к тому же получившего в 1990-е гг. негативную окраску в средствах массовой информации, комплекс идей, составляющих державность, был сформирован гораздо раньше. Отправной точкой видится XVI в., когда происходит окончательная трансформация Московского великого княжества в Русское царство. Источниковой базой выступают труды Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, а также их последователей, Максима Грека, Фёдора Карпова, Ивана Грозного и Андрея Курбского, историко-идеологические и церковные труды (послания старца Филофея, «Сказание о князьях Владимирских», Степенная книга царского родословия, «Великие Четьи-Минеи») и пр.

Окончательно складывается представление о власти как интегральном субъекте политической жизни, который получает своё выражение в признании за самодержавием абсолютной политической воли: «А Российское самодержавство изначала сами владѣютъ своими государствы, а не боляре и велможи». При этом за волей самодержавного государя признаётся способность к самоограничению, на практике выражающаяся деятельностью земских соборов.

Самоограничение воли возможно также благодаря особым смыслам, которые могут существовать в дискурсе и до того, как к ним обращается власть. Одними из самых важных «независимых» смыслов, которые власть готова принимать и использовать в формировании «политических» смыслов, в тот период стали правда и согласие. Под правдой понимается справедливость Божественного замысла, которой обязаны подчиняться все участники политического процесса. Согласие – добровольное равноправное решение, которое приводит к политическому действию. Формируется и представление о России как последнем христианском государстве и наследной империи, обладающей особым Божественным расположением. При этом Божественное расположение налагает определённые обязанности: защищать православную веру, правду, людей и саму Россию.

Для такой защиты государство неизбежно должно обладать военной силой, а её успехи лишь подчёркивают отношение Господа к России. Символическим выражением военной мощи Русского царства, её физической и духовной силы становится икона «Благословенно воинство Небесного Царя».

Таким образом, можно реконструировать следующую модель державности, которая складывалась в русской мысли XVI в.: единое государство как носитель самодержавной, но добровольно и самостоятельно ограничивающей себя власти, опираясь на такие смыслы, как правда, согласие и исключительное место России в мировой истории, наращивает свою военную мощь для исполнения некой миссии, возложенной на неё Богом. В дальнейшем эта модель будет дорабатываться и уточняться, но в основе своей, как видится, она сохраняется и сегодня.

Исследование подготовлено в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Державность: понятие, структура, функции. Историко-политическое исследование», №FZNF-2025–0003).

Стрежнева М.В.
(Москва, ИМЭМО РАН)

ИДЕОЛОГИЯ ЗЕЛЁНОГО КУРСА И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Политическая система Европейского союза остаётся децентрализованной в организационном отношении, но в длительной ретроспективе она сохраняет высокую стабильность в том числе в кризисные моменты интеграционного развития, несмотря на традиционные представления о её «незрелости» и неполноте. При этом в Соединённых Штатах Америки, с которыми часто сравнивают ЕС, национальная политическая система, при всех широких полномочиях федерального центра, особенно начиная с 2021 г. (первого президентского срока Дональда Трампа), демонстрирует глубокий раскол и конфликты, в том числе по линии взаимоотношений федерального центра со штатами. Некоторых аналитиков такие сравнения приводят к парадоксальному предположению, что относительная слабость организационного центра, как это имеет место в случае ЕС, составляет важное преимущество его политической системы, которое служит повышению устойчивости всей конструкции ЕС в условиях экзистенциального кризиса. Настоящее исследование направлено на то, чтобы показать, что политическая децентрализация, ввиду накопленного опыта региональной интеграции и на фоне тех серьёзных внешних вызовов, с которыми сталкивается интеграционное объединение, может являться осознанным выбором его правящих кругов. В работе показано, что решению задачи поддержать жизнеспособность Европейского союза подобным организационным способом призвана служить трансформация экономической идеологии интеграционного проекта, начатая сверху с провозглашением в 2019 г. Зелёного курса.

Таким образом, предмет исследования – роль идеологического фактора в (де)стабилизации политической организации ЕС, которая до сих пор была изучена недостаточно. Практически нет работ, которые давали бы внятное объяснение связи идеолого-политического контекста существования и функционирования ЕС со спецификой его институционального дизайна. Новизна исследовательского проекта определяется тем, что в нём показано, как в европейской экономической интеграции переплетены между собой институционально-организационный процесс и сопровождающие его идеологические изменения.

В качестве основы для методологии данного исследования избрана концепция организационной культуры. В трактовке автора организационная культура ЕС включает субъективный (идеология) и объективный (легитимируемый идеологией социальный контроль в правовой и политической формах) компоненты. Идеология трактуется согласно подходу американского социолога шведского происхождения, представителя социофилософского течения постмарксизма Йорана Терборна (Göran Therborn). Для него идеологию, как один из основных компонентов субъективного, составляют только сознательные когнитивные процессы, которые взаимодействуют с социальными структурами (институтами): субъективность личности – это её сознательные действия в определённом контексте.

Проведенный анализ привёл к заключению, что в процессе развития европейской бюрократии произошла передача некоторых функциональных элементов демократического суверенитета от государств-членов к наднациональной политической организации, плохо приспособленной для того, чтобы их эффективно использовать, тогда

как выправлению динамического дисбаланса в системе теперь может способствовать наметившееся внедрение в систему управления в ЕС дополнительных элементов дегрессии (организационной пластичности, противоположной централистическому типу организации), которому Брюссель придаёт соответствующее идеологическое сопровождение.

Для обоснования полученных результатов были использованы: (1) институциональный подход к анализу макро-нарративов, то есть тех доминирующих в ЕС «культурных историй» касательно Зелёного курса, которые исходят от нынешних и бывших представителей Европейской комиссии, Европейского парламента, Европейского центрального банка и Европейского совета; (2) анализ содержания официальных документов ЕС на предмет выявления особенностей институционального дизайна европейского управления.

Исследование проведено при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075–15-2024-551 Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Стрелец И.Э.
(Москва, МГИМО МИД России)

ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ИСПАНИИ ПЕДРО САНЧЕСА В КОНТЕКСТЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ ЕС

Стратегия ЕС в сфере молодежной политики 2019–2027 гг. провозгласила в качестве основных трендов три направления: вовлечение молодых людей в деятельность общественных институтов, поощрение межкультурных связей в образовательном процессе, расширение равных возможностей в профессиональной самореализации молодежи. Указанные направления активно продвигаются в рамках программы Erasmus+ посредством разветвленной сети организаций *InformaGiovani*, занимающихся информационным сопровождением, волонтерскими программами и международной молодежной мобильностью (см.: European Youth Strategy // Associazione InformaGiovani. 2023. 2 Oct. [Электронный ресурс]. URL: https://www.informa-giovani.net/en/strategia-europea-per-la-gioventu/ (дата обращения: 20.08.2025); и др.).

По мнению испановедов, правительство Педро Санчеса придерживается указанных приоритетов, декларируя такие ценностные ориентиры, как социальная справедливость, общественный прогресс, европейская интеграция, а также «устойчивое развитие», «зеленая повестка», гендерное равенство и инклюзивность (н-р: Khenkin S. Spanish Version of Polarization: the Development Trajectory // World Economy and International Relations. 2025. Vol. 69. № 4. P. 46–56; и др.).

Как отмечают исследователи, политические ценности лидера имеют существенное значение для изучения когнитивного компонента его личности, обнажая приверженность демократии или авторитаризму (Hermann M. Handbook for Assessing Personal Characteristics and Foreign Policy Orientations of Political Leaders. Columbus: Ohio State University, 1987; Соловьев А. И. Идеологизм и этатизм... // Высшие ценности Российского

государства: Материалы научного семинара. Вып. 6. М.: Науч. эксперт, 2010. – С. 95–102; Малинова О. Ю. Идеологические представления элитных групп // Человеческий капитал российских политических элит... М.: РОССПЭН, 2012. С. 42–56; и др.). Данный фактор выражается в соотношении политических ценностей лидера страны, имеющих особое значение для внутренней и внешней политики.

Для определения политических ценностей П. Санчеса был проведен контент-анализ четырех выступлений за 2018–2022 гг. на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН: 73-й – 27.09.2018, 74-й – 24.09.2019, 76-й – 22.09.2021 и 77-й – 22.09.2022. Данная выборка речей позволила определить, претерпевала ли риторика Педро Санчеса существенные изменения в зависимости от политической обстановки в стране и внешних факторов. Эти тексты сочетают в себе ряд разноплановых тем и затрагивают проблематику доковидного и постковидного периода.

Как было показано в наших прежних исследованиях, *ценностно-мировоззренческие дилеммы* представляют собой идеологические представления лидера, основными из которых являются: *этатизм* или *антиэтатизм, приоритет равенства* или *индивидуальной свободы, этноцентризм* или *космополитизм*.

Согласно полученным результатам, ценностно-мировоззренческие дилеммы П. Санчеса характеризуются акцентом на обеспечение равенства. Это выражается в поддержке социально ориентированных реформ. Причем заметны установки государственника, поддерживающего доминирование центральной власти при определенном учете мнения региональных элит. Как ни странно, у данного европейского политика отсутствует приверженность к индивидуальной свободе, что несколько не вписывается в доминирующие установки либеральной повестки Евросоюза.

Его политическое мышление направлено на достижение внутреннего баланса между космополитизмом, когда дело касается интересов Евросоюза, стран НАТО и Испании как полиэтничного государства, и общенациональными интересами, когда речь идет о государственном доминировании Мадрида над сепаратистскими устремлениями Каталонии, Страны Басков или иных провинций. П. Санчес демонстрирует особый подход к проблеме регионального самоопределения: приоритет равенства для него заключается в достижении гармонии между интересами регионов и центральной власти, где прямое давление заменяется попытками выстраивания диалога и сотрудничества. Космополитизм в его политике сочетается с умеренным этноцентризмом, что заметно в стремлении укреплять отношения с ЕС при одновременном отстаивании территориального единства Испании.

Таким образом, полученные данные подтверждают нашу гипотезу: личные ценностные установки председателя правительства Испании, в целом, не вступают в противоречие ни с идеологией его партии, декларирующей стремление отстаивать социальную справедливость и общественный прогресс, ни с общеевропейскими установками на углубление евроинтеграции, а также идеологическими клише: «устойчивое развитие», «зеленая повестка», гендерное равенство и инклюзивность.

Статус-кво Педро Санчесу в стране и в ЕС обеспечивают его устойчивые установки на этатизм, приоритет равенства, сочетание космополитизма с этноцентризмом, – парадоксальное сочетание для лидера демократической страны. При этом вовлечение молодежи в общественные институты, поощрение межкультурных образовательных связей, обеспечение равных профессиональных возможностей реализуется государством централизовано и единообразно. Оставив нынешний пост, Педро Санчес имеет все шансы перейти в руководство ЕС, поскольку отвечает запросу на авторитарного лидера «демократической» Европы – как адаптивный политик, искусный в артикуляции интересов различных политических сил, включая молодежь.

Стрельникова И.А.
(Москва, НИУ ВШЭ)

АРКТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ СТРАН-ПАРТНЕРОВ БРИКС

На саммите БРИКС в России в 2024 году была предложена новая категория государств, имеющих отношение к БРИКС, стран-партнёров БРИКС. С 1 января 2025 г. к БРИКС в качестве государств-партнеров присоединились Белоруссия, Боливия, Казахстан, Куба, Малайзия, Таиланд, Уганда, Узбекистан.

Статус партнера в БРИКС подразумевает, что страна имеет возможность участвовать в различных мероприятиях организации, обмениваться опытом и лучшими практиками, а также сотрудничать с другими странами-участницами. Партнерство позволяет получить доступ к ресурсам и технологиям, а также участвовать в совместных проектах. Кроме того, статус партнера открывает дополнительные возможности для торговли и инвестиций. Также партнеры могут присоединяться к итоговым документам БРИКС, расширяя тем самым их географический охват и усиливая голос объединения в международных делах.

Для стран-партнеров БРИКС Арктическое направление рассматривается в качестве одной из перспективных сфер взаимодействия.

Среди возможных бонусов: создание перспектив для формирования общей площадки борьбы с изменениями климата, разработка совместной исследовательской инфраструктуры.

Казахстан.

Для страны актуальны вопросы энергетического и научного сотрудничества. Страна в последние годы сталкивалась с энергетическим кризисом и каждый год увеличивает поставки газа из России. Также в регионе Центральной Азии все больше ощущаются быстроразвивающиеся негативные климатические процессы (опустынивание, дефицит водных ресурсов и т. д).

Министерство экологии, геологии и природных ресурсов Казахстана в 2022 году приняло Стратегию по адаптации к изменению климата.

Республика Беларусь.

Интересы: наука, климат, логистика, технологии.

Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь в 2022 году приняло Национальный план действий по адаптации к изменениям климата.

Также в Республике Беларусь действует Концепция программы Союзного государства «Эффективное использование совместного потенциала, направленного на социально-экономическое развитие Арктики». Цель программы «Арктика-СГ» – создание необходимой системы инноваций для разработки новых и трансформация для нужд АЗРФ имеющихся современных технологий и продуктов, обеспечивающих качественно новый уровень развития ключевых отраслей в условиях интенсификации освоения и использования Арктики, на основе эффективного использования совместного научно-технологического и кадрового потенциала Союзного государства.

Узбекистан.

Для страны актуальны вопросы энергетического и научного сотрудничества.

Академия наук Республики Узбекистан в 2021 году провела исследование «Климат и водные ресурсы Центральной Азии», подчеркнувшее значимость Арктики для водной безопасности страны.

Малайзия.

Для страны в первую очередь актуальны вопросы борьбы с изменениями климата, технологии, наука, что подтверждается принятой в 2024 году Министерством природных ресурсов и экологической устойчивости Малайзии Национальной политики в области изменения климата 2.0.

Таиланд.

Также, как и для других стран-партнеров БРИКС, для Таиланда в первую очередь актуальны вопросы борьбы с изменениями климата, технологии, наука. Министерством природных ресурсов и защиты окружающей среды Таиланда в этой связи был разработан ряд документов, как-то: Генеральный план по изменению климата на 2015-2050 гг. и Национальный план адаптации Таиланда (NAP) 2023.

Куба.

Как островное государство Карибского бассейна Куба пока вовлечена в арктическую повестку исключительно через призму глобальной климатической политики. В Национальном плане Кубы по борьбе с климатическими изменениями, принятом в 2017 году, проводится корреляция между таянием арктических льдов и повышением уровня моря, а также дается анализ влияния изменений арктического климата на формирование и траектории тропических циклонов в Карибском бассейне.

Боливия.

Боливия также вовлечена в арктическую повестку исключительно через призму глобальной климатической политики. Министерство окружающей среды и водных ресурсов Боливии в 2021 и 2022 году соответственно разработало два документа: Национальный план по изменению климата, Влияние изменения климата и высокогорные экосистемы в Боливии, где был проведен сравнительный анализ процессов деградации ледников Анд и Арктики, выявляющий общие закономерности и региональные особенности.

Уганда.

Страна также заинтересована в сотрудничестве в области климата и зеленой экономики, что нашло отражение в Национальной политике Уганды в области изменения климата, принятой Министерством водных ресурсов и окружающей среды Уганды в апреле 2015 года.

В целом, перспективными направлениям сотрудничества стран-партнеров БРИКС в области устойчивого развития Арктического региона могут стать:

- ✓ наука и образование;
- ✓ защита окружающей среды и борьба с изменениями климата;
- ✓ транспорт и логистика;
- ✓ зеленая энергетика;
- ✓ поддержка коренных народов;
- ✓ устойчивый туризм.

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда Проект № 25–18–00379 «Моделирование арктического сотрудничества в рамках БРИКС: возможности и вызовы для России в эпоху глобальной турбулентности».

Струченко С.В.
(Барнаул, АлтГУ)

«ПРОБЛЕМЫ ВЫТЯНУТОЙ РУКИ» В РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОНФ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ШТАБА АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Для любого общества, исходя из пирамиды потребностей, базовыми всегда считаются так называемые «проблемы вытянутой руки», т. е. это вопросы безопасности и жизнедеятельности, связанные со здравоохранением, образованием, экологией, ЖКХ, транспортом, дорогами и т.д.

Общероссийский народный фронт (ОНФ) по своей сути создавался в 2011 году ее лидером Владимиром Путиным как агрегатор основных проблемных точек на местах, другими словами «проблем вытянутой руки» для последующей их трансляции на более высокий уровень. Таким образом, ОНФ – это один из инструментов государственной политики и повышения эффективности именно в региональном сегменте.

Принято считать, что политический процесс нашей страны развивается циклами, которые на федеральном уровне начиная с 2012 года сопоставимы с шестилетним сроком полномочий Президента РФ. Каждый такой срок характеризуется новыми национальными целями и стратегическими задачами, получившими название «майские указы».

Предыдущий такой политический цикл был обусловлен «майским указом» Президента Российской Федерации от 07.05.2018 года №204. На период до 2024 года включительно перед органами власти всех уровней была поставлена задача реализации 12 национальных проектов. Среди них значились такие проекты «проблем вытянутой руки» как: демография, здравоохранение, образование, культура, жилье и городская среда, экология, безопасные и качественные автомобильные дороги, производительность труда и поддержка занятости, наука, цифровая экономика, малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, международная кооперация и экспорт.

Реализация данных проектов началась в 2019 году. Активно в эту работу включилось и пропрезидентское движение, создавая на своей базе тематические площадки для обсуждения и мониторинга реализуемых национальных проектов, где региональный аспект деятельности ОНФ отражал внутреннюю специфику каждого отдельно взятого региона со своим набором «проблем вытянутой руки».

В данном контексте вызывает интерес как менялись подходы в решении «проблем вытянутой руки», и какая работа проводилась в региональных штабах ОНФ. Объектом исследования был выбран региональный штаб Алтайского края. Источником информации – архив новостей с официального сайта ОНФ. С целью систематического формализованного представления о действиях применен событийный метод исследования (ивент-анализ), по результату которого составлена база данных о деятельности регионального штаба в формате: «дата-субъект-объект-действие».

За период с 2019 по 2020 годы из 186, опубликованных на сайте ОНФ о деятельности регионального штаба в Алтайском крае по субъекту действия в 139 случаях источниками информации выступали активисты ОНФ, 35 – эксперты ОНФ, 12 публикаций было посвящено деятельности молодежной организации ОНФ.

Из 186 публикаций по объекту действия, в материалах касающихся вопросов экологии, последняя тематика упоминались 51 раз; здравоохранения – 41; безопасных и качественных автомобильных дорог – 32; культуры – 28; жилья и городской среды –

12, производительности труда и поддержка занятости – 4; малого и среднего предпринимательства – 4; образования – 2. С другой стороны, вопросы демографии, науки, цифровой экономики, международной кооперации и экспорта не упоминались в этот период деятельности регионального штаба. В то же время 13 публикаций было посвящено защите прав граждан, как одному из также приоритетных направлений деятельности.

По дате действия наиболее активным был «доковидный» 2019 год, набравший 102 публикации о проведенных мероприятиях, против 84 уже в «ковидном» 2020 году. По месяцам наиболее активные периоды приходятся на апрель-август обоих годов. Сезонность также обусловлена, например, реализацией в летний период инфраструктурных проектов, таких как безопасные и качественные автомобильные дороги, жилье и городская среда. Блок здравоохранения, в первую очередь, связан с началом эпидемии ковида, но наибольшее количество публикаций связано с вопросами экологии. Тема культуры также не сходила с повестки дня ОНФ и была приурочена к проведению патриотических и праздничных мероприятий на территории региона.

Таким образом, применение данной методики позволило нам проанализировать деятельность регионального штаба ОНФ в Алтайском крае в первые два года реализации шестилетнего плана «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации» в 2019–2020 годы. Проведённый анализ событий показал нам, что ОНФ в Алтайском крае работал по широкому спектру «проблем вытянутой руки», отражая основные национальные цели и задачи, реализуемые на государственном уровне в рамках национальных проектов.

Субботина А.А.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРОНАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ГУБЕРНАТОРАМИ-«ВАРЯГАМИ» (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ И ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Для российского политического порядка свойственен патрон-клиентский характер межэлитных отношений (*Hale, 2015; Gel'man,* 2016). При этом на создание патрональных сетей ориентированы не только федеральные акторы (*Гайворонский, Баландин,* 2022), но и главы регионов (*Мельников,* 2021). Во второй половине 2010-х годов в российскую субнациональную политику массово пришли губернаторы-«варяги», которые на старте не имеют или почти не имеют связей с местными элитами. Как в условиях ограниченного социального капитала губернаторы-«варяги» формируют свои патрональные сети? Этому вопросу посвящено исследование.

Под губернаторами-«варягами» в этом исследовании подразумеваются только «чистые варяги» (*Кынев,* 2019), то есть те губернаторы, которые совсем не имеют связей с регионом своей новой работы. Однако социальный капитал даже «чистых варягов» вариативен. Неместный губернатор может прийти в регион с привезенной командой, а может прийти почти один. В исследовании были рассмотрены по одному кейсу на каждый из указанных вариантов. В качестве примера губернатора-«варяга» с привезенной командой выбран Никитин в Нижегородской области (2017–2022), а как иллюстрация случая без команды – Текслер в Челябинской области (2019–2024). Это

примеры эффективных губернаторов с точки зрения выстраивания межэлитного взаимодействия. Кроме того, данные случаи сходны по социально-экономическим и политическим характеристикам (численность населения, структура экономики, партийность губернатора), что обеспечивает их сравнимость.

Методом исследования является сетевой анализ. Узлами в сети выступают не только представители региональной исполнительной и законодательной власти, но и представители городской администрации, депутаты городской Думы регионального центра. Для городских и региональных акторов в столице субъекта характерно наличие тесных неформальных связей, поэтому городскую элиту регионального центра целесообразно рассматривать в рамках общей региональной патрональной сети. Все акторы разделены на 3 категории: представители команды предыдущего губернатора (старая элита); члены новой команды – местные; члены новой команды – «варяги».

За основу критериев операционализации связей между элитами взяты 5 критериев, предложенные Хейлом (*Hale*, 2017): родство, общее место рождения как землячество, общее место работы, совместное получение образования, дружба. В силу рассмотрения губернаторов-«варягов» дополнительно учитываются ещё два критерия: 1) факт приезда актора в регион вслед за губернатором-«варягом»; 2) факт повышения актора в должности. Источниками данных послужили официальные сайты органов власти и МСУ в рассматриваемых регионах, а также материалы СМИ.

Чтобы учесть разную силу связей между акторами, все критерии разделены на 3 группы (базовая связь, более сильная связь, наиболее сильная связь). Каждая группа умножается на свой весовой коэффициент, затем все выявленные связи между двумя акторами суммируются, формируя итоговый вес ребра в сети. В каждом регионе построено 5 сетей – по одной на каждый год первого губернаторского срока (всего 10 сетей). Чтобы учесть формирование связей в динамике, акторам, сохраняющим позиции в сети, в каждый последующий год по подведомственности присваиваются единичные связи.

В результате выявлено, что подходы к формированию сети рассматриваемых губернаторов-«варягов» несколько отличаются. Отчасти это обусловлено разными стартовыми условиями. Никитин в Нижегородской области сильно изменяет персональный состав сети и опирается на большое ядро привезённых акторов. Текслер больше ориентирован на местную элиту, причём значимые позиции с т.з. метрики *eigenvector centrality* в его сети занимают некоторые акторы, не имеющие отношения к команде предыдущего губернатора (новая элита). Несмотря на эти различия, в обоих регионах представлена достаточно большая когорта акторов – представителей старой команды. Причем некоторые из этих акторов обладают одними из самых высоких показателей *eigenvector centrality* наряду с «варягами». Так, в сущностном виде при разных подходах губернаторы глобально реализуют схожую стратегию, которая заключается в попытке найти компромисс между разными представителями старой и новой элиты.

Рассмотренные кейсы демонстрируют, что губернаторы-«варяги», преодолевая разные ограничения, в конечном итоге приходят к схожему результату. Им удается сформировать патрональную сеть, причем с опорой именно на коллег-единомышленников (привезённые «варяги»). Но они также вынуждены идти на уступки укоренённым местным элитам. Это наблюдение заставляет задуматься о сохранении влиятельности местных региональных элит, несмотря на попытки федерального центра установить контроль за субнациональной политикой. В таком случае неместный губернатор оказывается в уязвимом положении между требованиями центра и интересами влиятельных местных элит, что побуждает его к поиску компромиссов.

Суворова М.А.
(Краснодар, КубГУ)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА США В 2024 ГОДУ

Политическая коммуникация в цифровую эпоху претерпела глубокие изменения, особенно в контексте избирательных кампаний. Выборы президента США 2024 года стали наглядным примером того, как социальные сети, видеохостинги и цифровые платформы радикально изменили способы взаимодействия кандидатов с электоратом. Традиционные формы агитации (телевидение, радио, митинги) сохраняют значение, однако цифровые инструменты, такие как таргетированная реклама, посты в социальных сетях, цифровой видеоконтент, прямые трансляции и сотрудничество с инфлюенсерами, становятся определяющими для успеха кампаний.

Современные электоральные процессы демонстрируют, что цифровое пространство перестало быть вспомогательным каналом и превратилось в полноценную арену политической борьбы. Здесь формируются нарративы, создаются образы кандидатов и мобилизуются новые электоральные группы. Важным аспектом становится горизонтальная коммуникация, интерактивность и визуально-символическое воздействие, отличающееся от вертикальной структуры традиционных медиа.

Выборы 2024 года приобрели особое значение не только для внутренней политики США, но и для глобальной арены. Цифровые технологии способны усиливать поляризацию, однако одновременно расширяют возможности политического участия граждан. В условиях кризиса доверия к традиционным СМИ социальные сети стали инструментом формирования «мягкой силы» и влияния на общественное мнение.

Особое внимание заслуживают стратегии двух ключевых кандидатов – Дональда Трампа и Камалы Харрис. Трамп сделал ставку на харизму, провокацию и прямолинейность, активно используя X, стримеры и альтернативные медиа. Харрис ориентировалась на инклюзивность, прогрессивные месседжи и сотрудничество с молодежной аудиторией, привлекая инфлюенсеров и культурных лидеров.

Исследование проводилось методом кейс-стади с использованием открытых данных аккаунтов кандидатов в X и YouTube, а также материалов стримеров и блогеров (Джо Роган, Adin Ross, Tim Pool, TheView). Анализ включал изучение форматов публикаций и видео, способов вовлечения аудитории, использования хештегов и мемов, взаимодействия с инфлюенсерами.

Особое внимание кандидатами уделялось динамике вовлечения аудитории и эффективности коммуникации через «живые» голоса блогеров по сравнению с официальными каналами кампаний.

Трамп использовал X для прямого взаимодействия с избирателями. Его сообщения отличались резкостью, провокационностью и эмоциональной нагрузкой. Стратегия «Bro Waves» была направлена на привлечение мужской аудитории, ощущающей себя «отчужденной» от политической элиты. Образ «своего парня» создавался через публикации с акцентом на традиционные ценности, свободу и поддержку рабочих.

На YouTube распространялись длинные видео с митингов, интервью и рекламные ролики, а также провокационные Shorts, способствующие вирусности контента. Участие на подкастах Джо Рогана и Adin Ross позволило охватить молодую, активную аудиторию, минуя традиционные СМИ. Сотрудничество с блогерами повышало до-

верие и вовлеченность аудитории, создавая эффект личного контакта и эмоциональной близости.

Мемы, хештеги (#MAGA) и визуальные символы (футболки, бейсболки, американский флаг) использовались для укрепления идентичности электората и эмоциональной связи с целевой группой. Публикации Трампа формировали образ сильного лидера, который противостоит элитам и традиционным СМИ, создавая впечатление прямого диалога с гражданами.

Харрис делала ставку на позитивное взаимодействие и продвижение прогрессивной повестки. Её посты в X и видео на YouTube акцентировали внимание на правах женщин, социальной справедливости, борьбе с дискриминацией и защите меньшинств. Стратегия «целеориентированной коммуникации» позволяла прицельно обращаться к различным группам электората: молодежи, студентам, социально уязвимым слоям населения.

Поддержка знаменитостей (Бейонсе, Тейлор Свифт, Билли Айлиш, Карди Би, Спайк Ли, Джордж Клуни) расширяла охват аудитории и усиливала доверие. YouTube использовался для длинных форматов: интервью с экспертами, встречи с активистами, социальные ролики, создание эмоциональной связи с аудиторией и формирование образа кандидата, выступающего за прогрессивные ценности.

Харрис активно применяла сторителлинг, делая акцент на реальных историях граждан, что усиливало эмоциональную связь и доверие к кандидату. В отличие от Трампа, её стратегия была направлена на сотрудничество с культурными лидерами, медийными персонами и активистами, что формировало имидж прогрессивного и инклюзивного политика.

Трамп делал ставку на агрессивные, провокационные сообщения, эмоциональный контент и прямое обращение к аудитории через инфлюенсеров, в том числе микро-блогеров. Харрис использовала позитивный контент, сотрудничество с культурными и медийными лидерами, продвижение прогрессивной повестки и цифровых инициатив.

Выборы президента США 2024 года демонстрируют ключевую роль цифровой коммуникации. Эффективное использование социальных сетей требует стратегического подхода, выбора платформ и взаимодействия с инфлюенсерами. Стратегия Трампа показывала силу прямого обращения и работы с «живыми голосами», Харрис – эффективность поддержки знаменитостей и продвижения прогрессивной повестки.

Сулимов К.А.
(Пермь, ПФИЦ УрО РАН)

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ИЗОМОРФИЗМА: ПРАВО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В КОНСТИТУЦИЯХ СТРАН МИРА

Прямое участие субнациональных единиц в законодательной деятельности на национальном уровне не очень часто встречается в странах мира как реальная практика, но еще реже она представлена в виде конституционного права инициировать процедуру принятия национальных (федеральных) законов, то есть выступать в

одном ряду с президентами, правительствами, депутатами и фракциями национальной легислатуры. Эмпирический анализ на основании данных Comparative Constitutions Project, Regional Authority Index, текстов конституций и прочего позволил установить, что данное право было закреплено за последние два века в конституциях 26 государств. Среди них есть как федерации, так и унитарные в конституционном смысле государства. Они также разнообразны в других отношениях. В политико-институциональном отношении в части стран значимым мотивом введения данного института была федерализация (не важно – «реальная» или «символическая»), основанная на собственных политических соображениях, а право законодательной инициативы на вышестоящем уровне – одним из инструментов, ее обеспечивающих. В других – как например в Бирме и Эфиопии, явно ориентировались на советский/социалистический опыт (и поддержку), что приводило, в том числе, к копированию институционального дизайна. Но как только предметные связи с институциональным образцом теряли значение (по разным причинам – силы с другой ориентацией пришли к власти или сам образец перестал существовать как СССР к концу 1990-х), дизайн тоже легко менялся.

Однако большинство случаев первого появления института в конституции имеет одну общую черту – причастность политических сил, идентифицирующих себя как «левых», к созданию соответствующих конституций. В 14 случаях из 19, когда это право появилось в конституции страны впервые, во время утверждения конституции у власти были политические силы, которые идентифицировали себя как «левые», или такие силы были достаточно значимы, чтобы оказывать влияние на разработку конституции. «Левая» самоидентификация могла быть поверхностной, сводиться к использованию «левых» терминов, как, по-видимому, было в Эфиопии и Бирме в соответствующие периоды, когда копировались советские и югославские конституционные образцы. Но во всех случаях использование «левых» терминов идентифицирует принадлежность к определенной традиции и идеологической ориентации, которые соотносятся с сетями знаний и легитимных образцов, использовавшихся в конституционном строительстве. Если исключить случаи изобретения этого института – Мексику, Швейцарию и Финляндию, то доля случаев, где «левые» имели значение, окажется критически высокой: 14 из 16 стран.

Это не выглядит случайным, и исследование посвящено попытке прояснить возможный механизм работы этой связи, опираясь на теорию институционального изоморфизма. Из трех основных механизмов, посредством которых происходят институциональные изоморфные изменения, основное внимание обращено на нормативный изоморфизм, хотя и принудительный в части случаев, видимо, также имеет значение. Однако нормативный изоморфизм работает как в логике профессионализации как в оригинальной теории, так и в идеологическом измерении. При этом хотя идеологическая ориентация профессиональных сообществ и иных сил, участвовавших в разработке конституций имеет значение, она сама по себе не предопределяет использование в стране права законодательной инициативы регионами и другими субнациональными единицами. Идейно-политические предпочтения могут формировать канал распространения инновации, а также облегчать и легитимировать ее адаптацию по предложению профессионалов.

Исследование выполнено в рамках государственного задания (тема № 124021400020–6, «Многоуровневая политика в современном мире: институциональное и социокультурное измерения»).

Сунами А.Н.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АНТИНАРКОТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Важность ценностного аспекта для антинаркотической политики чрезвычайно велика, а сами ценности выполняют ряд свойственных только им функций, которые, подчас, невозможно компенсировать никакими другими. Очевидно, ценности в борьбе государства и наркорынка могут одинаково играть как на стороне борцов с наркотиками, так и на стороне их антагонистов. Считается, что победа любой стороны в этой борьбе без формулирования и манифестации своего набора ценностей практически неосуществима, ибо с их помощью стороны не только аргументируют свою позицию, но и рекрутируют сподвижников из числа обычных граждан, без чего в нормальных демократических условиях добиться успеха в пространстве публичной политики невозможно.

Вместе с тем, нельзя не заметить произошедшее за последние годы целенаправленное возвращение во властный дискурс современной России ценностно окрашенных категорий и постепенное складывание, пусть и не претендующей на монополию, государственной идеологии, в основании которой лежит концепт традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Этот концепт в последнее десятилетие приобрел характер одной из несущих конструкций всей государственной политики, а также рамочного документа, являющегося основой внесения поправок в различные нормативные акты. Систематизация и усложнение морфологии традиционных российских духовно-нравственных ценностей за последние несколько лет достигли высоких значений, свидетельством чему является их окончательное складывание в доктрину, оформившуюся в виде принятых в 2022 году «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Что касается темы наркотиков, может сложиться впечатление, что она упоминается в Основах вскользь, между тем, анализ всего текста в совокупности позволяет сформировать более целостное восприятие. Антагонистом традиционных ценностей в документе выступает «деструктивная идеология», которая определяется как «чуждая российскому народу и разрушительная для российского общества система идей и ценностей». Набору традиционных ценностей, деструктивная идеология противопоставляет свой набор ценностей-антиподов. В свою очередь, распространение деструктивной идеологии влечет ряд рисков, одним из которых является «внедрение антиобщественных стереотипов поведения, распространение аморального образа жизни, вседозволенности и насилия, рост употребления алкоголя и наркотиков». Соответственно, такая регистрация наркотиков как элемента, противопоставленного российским ценностям, деструктивной идеологии не оставляет сомнений в том, что этим документом власть, с одной стороны, четко и недвусмысленно манифестировала ценностный конфликт российского общества и наркорынка, с другой взяла на себя обязательство последовательно это противодействие осуществить.

Следует отметить, что процесс обмена между полями антинаркотической политики и духовно-нравственных ценностей состоит не только в инсталляции темы наркотиков в контексты защиты традиционной морали. Происходит и обратная транзакция, результатом которой является инкорпорирование ценностных положений в регламенты антинаркотической политики. Так, в действующей редакции Стратегии появляется понятие антинаркотическая идеология, как «совокупность политических, религиозных, научных,

культурных и других взглядов, основанных на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и выражающих негативное отношение общества к незаконному потреблению и незаконному обороту наркотиков». В конечном счете можно диагностировать, что встречное движение борьбы с наркорынком и деятельности по сохранению традиционных ценностей, фактически, консолидировали их в общий пакет, в рамках которого те или иные положения диффузивно перемещаются из одного кластера в другой.

Суслов Е.В.
(Йошкар-Ола, МарГУ)

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕКТОР КИТАЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОР БАЛАНСА СИЛ МЕЖДУ КНР И США

Разыгрывающееся на наших глазах экономическое противостояние, инициированное Президентом США Д. Трампом во вторую свою каденцию, подвело весь мир к грани глобальной торговой войны. Опомнившись, Трамп будто бы сменил гнев на милость: смягчил введённые на производимые вне США товары пошлины. Это решение американского президента, названное вашингтонской «оттепелью», должно продлиться 90 дней, но уже пагубно отразилось на экономике стран Евросоюза и других стран мира.

Единственным врагом в этой торговой войне объявлен Китай, и «введение пошлин Дональдом Трампом на все китайские товары в размере 145% и в 20% на любые европейские» подталкивают обе стороны обмениваться излишками . Этого же требуют и принципы свободной торговли, реализовывать которые результативнее совместными усилиями.

Лишенные логической последовательности действия Президента США Трампа в отношении ЕС открыли в настоящее время возможность для Китая основательно расколоть евроатлантическую солидарность и уже иметь некоторые успехи. Так, недавно спецпредставитель Китая по европейским делам Лу Шае заявил, что «потрясен» тем, как президент Дональд Трамп обращался с американскими союзниками в Европе. «Когда вы смотрите на то, как администрация Трампа проводит наглую и властную политику в отношении Европы, то с европейской точки зрения это довольно ужасно... Я считаю, что европейские друзья должны задуматься об этом и сравнить политику администрации Трампа с политикой китайского правительства»[172]. Иными словами, Китай, в сущности, предлагает Европейскому союзу включиться в борьбу против США. Представляется, что это тот случай, когда ЕС должен сыграть роль ситуативного друга по несчастью, а Россия оказалась в компании с США из-за крайне сложных отношений с Европейским союзом.

Между тем, отношения Китая и ЕС трудно назвать безоблачными. В Пекине и Брюсселе есть понимание недолговечности партнерских отношений, пусть и сложившихся преимущественно на уровне риторики. Обеими сторонами вынужденного партнерства движут соображения экономической безопасности и извлечения выгоды, однако следует помнить, что китайская и европейская идентичности не совпадают. И европейское общественное мнение – серьезный арбитр в политических процессах, – основанное на приоритетах демократических политических ценностей, не в восторге от вынужденно партнерских отношений с государством, где царят жесткие авторитарные порядки.

[172]Китай готов вступить в союз с ЕС, направленный против России и США. https://topwar.ru/260789-kitaj-gotov-vstupit-v-situativnyj-sojuz-s-es-napravlennyj-protiv-rossii-i-ssha.html (Дата обращения 28.08.2025).

Большинство граждан европейских стран терпеливо сносит эту «дружбу по необходимости», рассчитывая все-таки на то, что Трамп опомнится и вернется в лоно евроатлантической солидарности. Тем более, что Трампу удалось убедить европейских лидеров увеличить свои военные расходы для обеспечения собственной безопасности в рамках блока НАТО и не рассчитывать более на американский ядерный «зонтик».

Еще одним фактором расчета на успех Китая в поддержании прагматических отношений с ЕС является усиление правых политических сил в европейских политических процессах. Особенно впечатляют успехи партии правых «Альтернатива для Германии» (АДГ), которая рассчитывает на победу своего кандидата в будущих президентских выборах.

Конечно, власти КНР не сидят, сложа руки. Они вполне успешно противодействуют агрессивной тарифной политике США. Так Китай перестал покупать американские энергоносители и отказался продавать Америке свои редкоземельные металлы. Начал распродавать американские долговые бумаги, что привело к появлению признаков кризиса на рынке государственных облигаций США и это сильно ударило по социальному самочувствию американских граждан – носителей общественного мнения. И, наконец, китайская пропаганда стала внушать американским гражданам, что они совершили большую ошибку, отдав предпочтение Трампу на выборах президента США в ноябре 2024 года. Это, пожалуй, самый болезненный укол, нанесенный тщеславному американскому президенту. Так же предрекается поражение Республиканской партии на промежуточных выборах в Сенат и Палату представителей США в ноябре 2026 г.

Торговая война, затеянная Трампом против КНР, не является из рук вон выходящим событием. Торговая война была развязана им еще в первую свою каденцию. Она началась в расчете на то, что таким образом будет выровнен в пользу США двусторонний торговый баланс и это приведет к заметному снижению экономической мощи КНР. Запретительные пошлины имели зеркальный характер и заметно ограничивали экономический рост обеих сторон.

Таким образом, с высокой степенью уверенности можно сказать, что торговые войны вписываются в концепцию баланса сил в рамках теории реализма. В настоящее время две сверхдержавы в допустимых пока формах пытаются обеспечить реализацию своих национальных интересов. Холодный мир демонстрирует равновесие в распределении сил между соперничающими государствами.

Суфиянова Г.Р.
(Тюмень, ТюмГУ)

РОССИЯ И ЕЕ ОБРАЗ В КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ ПОСОЛЬСТВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В КНР В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ SINA WEIBO

Общепризнанным мнением является позиция, что платформы социальных сетей предоставляют беспрецедентный канал для практиков публичной дипломатии, позволяющий напрямую общаться с зарубежной аудиторией с целью решения внешнеполитических задач. Внешнеполитические ведомства, отдельные политики и другие акторы цифровой дипломатии активно используют соцсети как недорогой и удобный инструмент для взаимодействия с зарубежной аудиторией.

В силу особой политики правительства Китайской Народной Республики национальные социальные платформы являются единственным каналом для взаимодействия

внешнеполитических ведомств с китайской аудиторией с целью формирования и изменения международного имиджа страны и продвижения государственных геополитических интересов. Правительства многих иностранных государств открыли на Weibo свои аккаунты, чтобы воспользоваться преимуществами «вэй-пломатии».

С 2009 года социальная сеть стала редкой возможностью для иностранных правительств заявить о себе в медиасреде КНР. Weibo стала площадкой, позволяющей доносить позицию, касающуюся внешней политики, международных проблем и служит каналом влияния на 300-миллионную китайскую аудиторию.

В 2016 г. лидерами по количеству подписчиков являлись аккаунты посольств Израиля (1,9 млн. подписчиков), Канады (1,1 млн. подписчиков), США (1,02 млн. подписчиков), Великобритании (435 тыс. подписчиков), Японии (475 тыс. подписчиков), Южной Кореи (397 тыс. подписчиков), Куба (358 тыс. подписчиков), Германия (254 тыс. подписчиков), Россия (167 тыс. подписчиков). Weibo-аккаунт посольства России в Китае входит в число популярных диппредставительств в сети. С 2016 году количество подписчиков аккаунта Посольства РФ в Китае увеличилось в 6 раз с 167 тыс. до 1,01 млн. человек. В то время как количество подписчиков аккаунта посольства США в КНР – в 3,4 раза, Канады – в 2, а количество подписчиков одного из самых популярных аккаунтов – посольства Израиля в КНР -увеличилось за это время на 500 тыс. человек.

Однако о результативности и эффективности информационно-коммуникативной стратегии посольства РФ недостаточно судить только по количеству подписчиков, частоте публикаций и качеству контента.

В связи с произошедшими событиями за последние три года, находясь в условиях обостренного информационного противостояния с другими странами, у исследователей возникает интерес к изучению информационной повестки, формируемой западными странами в отношении РФ, т. к. многие государства в качестве своей коммуникативной стратегии избрали формирование негативного имиджа РФ в глазах китайских пользователей (особенно ярким примером подобной политики является аккаунт французского посольства в Китае), что, несомненно, необходимо принимать во внимание.

Результатом исследования стал сравнительный анализ и характеристика информационной повестки каждого из заявленных аккаунтов, выявление общих тенденций и различающихся особенностей, в том числе с точки зрения формируемого образа Российской Федерации.

Сухонина Н.А., Головин Ю.А.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ДИНАМИКА ФРЕЙМИНГА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В РОССИЙСКИХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО И ГРУЗИНО-ЮГООСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТОВ)

Политические конфликты на постсоветском пространстве являются не только предметом международных споров, но и значимым медийным конструктом, репрезентация которого оказывает прямое влияние на публичное восприятие и легитимацию внешнеполитического курса. Особую актуальность данный тезис приобретает в контексте грузино-абхазского и грузино-южноосетинского противостояний, информацион-

ное освещение которых в России тесно переплетено с динамикой геополитических процессов последнего десятилетия.

Целью данного исследования является выявление и анализ динамики фрейминга грузино-абхазского и грузино-южноосетинского конфликтов в российских медиа в 2014–2024 гг. В задачи работы входит определение ключевых фреймов, используемых при освещении конфликтов, прослеживание их трансформации во времени и установление взаимосвязи между изменениями в медийной репрезентации и актуальными геополитическими процессами. Методологический фундамент исследования составляют базовые принципы дискурс-анализа, в частности концепт фрейминга (Э. Гоффман, Р. Энтман), который трактуется как стратегия селективного выделения и организации отдельных элементов реальности с целью направления процесса их интерпретации в заданное русло. Эмпирической базой стал корпус новостных текстов наиболее популярных российских онлайн-СМИ («РБК», «РИА Новости», «RT на русском», «Комсомольская правда») за 2014–2024 гг.

На начальном этапе рассматриваемого периода (2014–2016 годы) медийная повестка была сконцентрирована на вопросах легитимности нового политического статуса Абхазии и Южной Осетии. В этот период доминировал геополитический фрейм, в рамках которого особое внимание уделялось роли Российской Федерации как основного актора, обеспечивающего безопасность и международное признание республик. В условиях западных санкций, наступивших после присоединения Крыма, подчеркивание российской роли как гаранта стабильности в постсоветском пространстве стало важным элементом внешнеполитической коммуникации. Параллельно развивался гуманитарный фрейм, где освещение помощи гражданскому населению, в частности жителям Донбасса, служило инструментом легитимации внешнеполитического курса и позволяло формировать позитивный образ России, что было особенно значимо в контексте международной критики. Заявления представителей грузинского руководства в большинстве случаев подавались через призму скептической оценки, что соответствует известному феномену «враждебного медиаэффекта», когда позиция оппонента априори воспринимается как предвзятая и необъективная.

В последующий период (2017–2020 годы) наблюдается усиление нарратива стратегического партнерства, чему способствовало активное освещение дипломатических визитов и подписание двусторонних соглашений, в том числе в военной сфере. Значимым элементом фрейминга стало конструирование образа внешней угрозы, обусловленной критической позицией западных стран и международных организаций, что способствовало формированию в медийном поле атмосферы «международного давления» и усилению соответствующих настроений. Признание независимости Абхазии со стороны Сирии было представлено как важный шаг в преодолении международной изоляции, тогда как дискуссии о потенциальном возобновлении боевых действий активировали фрейм «нестабильности и угрозы безопасности». Активное использование фрейма «внешней угрозы» и критики позиции Запада соответствовало общей линии на противостояние с западными странами, которая усилилась после обострения международных отношений в конце 2010-х годов.

На заключительном этапе исследуемого периода (2021–2024 годы) медийный дискурс характеризуется возрастающим вниманием к внутренней политической динамике в республиках. Такие события, как признание Абхазией независимости ЛНР и ДНР, а также дискуссии о перспективах дальнейшей интеграции подчеркивали линию на солидарность и углубление сотрудничества. Однако к 2024 году в фокусе повестки дня оказался внутренний политический кризис в Абхазии, вызванный общественными протестами. Освещение этих событий сформировало фрейм «внутренней нестабильности», репрезентирующий сложность внутриполитической ситуации и особенности взаимоотношений с российским партнером.

Сквозными и наиболее релевантными на протяжении всего десятилетия остаются несколько ключевых фреймов. Во-первых, это фрейм «Россия как гарант безопасности», поддерживаемый через нарративы о военном сотрудничестве и миротворческой миссии. Во-вторых, фрейм «легитимность суверенитета», базирующийся на апелляции к результатам референдумов и воле населения. В-третьих, фрейм «внешнего давления», ассоциируемый с позицией западных стран и международных организаций.

Таким образом, медийное освещение не просто информирует о событиях, но и активно участвует в формировании специфической системы координат, в которой геополитическая позиция России получает обоснование через систему взаимосвязанных фреймов и постоянное подкрепление через механизм фрейминга.

Сычев В.В.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ В РОССИИ

Большая часть из эмпирических исследований политического доверия сфокусирована на организационно-деятельностной сущности институтов и посвящена рациональным факторам его формирования[173]. В то же время в академической среде пока не сложилось целостных представлений о том, как восприятие гражданами справедливости процедурных норм, регулирующих взаимодействие государства и общества и удовлетворенность потребностей граждан в автономном политическом климате и безопасной внешней среде связаны с политическим доверием. К тому же большинство из взаимосвязей между воспринимаемой процедурной справедливостью и политическим доверием были обнаружены на эмпирической почве западных демократий[174], а в незападных странах подобных исследований фактически не реализовывалось, в том числе и в России.

В данной работе автор стремится восполнить исследовательскую лакуну, связанную с непониманием того, какую роль играют разные формы воспринимаемой процедурной справедливости и удовлетворенность психологических потребностей в формировании доверия разным политическим институтам в современной России.

Благодаря интеграции рационального и мотивационного подходов автор формулирует два основных предположения о том, что воспринимаемая процедурная справедливость будет положительно связана с доверием политическим институтам в России через механизм удовлетворенности базовых психологических потребностей. При этом автор предполагает, что удовлетворенность потребностей сохранения (в безопасности, определённости и принадлежности к группе) будет сильнее предсказывать политическое доверие граждан, чем потребности развития (в автономии, компетентности и доверительных отношениях) в силу социокультурной специфики российского политического контекста.

Для проверки сформулированных гипотез автор обращается к опросным базам данным, сформированным по итогам кросс-секционного и экспериментального исследований, проведённых автором совместно с коллегами из Лаборатории политико-пси-

[173]Mishler W., Rose R. What are the origins of political trust? Testing institutional and cultural theories in post-communist societies // Comparative political studies. 2001. Vol. 34. No. 1. P. 30–62; Meer T., Hakhverdian A. Political Trust as the Evaluation of Process and Performance: A Cross-National Study of 42 European Countries // Political Studies. 2017. Vol. 65. No. 1. P. 81–102.

[174]Van der Toorn J., Tyler T.R., Jost, J.T. More than fair: Outcome dependence, system justification, and the perceived legitimacy of authority figures // Journal of Experimental Social Psychology. 2011. Vol. 47. No. 1. P. 127–138; Bolger M.A., Lytle D.J., Gulevich O., Borovikova J., Rodionova M. The relationship between political procedural justice and attitudes toward the political system: A meta-analysis // Political Psychology. 2024. Vol. 45. No. 3. P. 537–557.

хологических исследований НИУ ВШЭ в августе-сентябре 2024 года. Для измерения воспринимаемой процедурной справедливости используется авторская методика, которая включает несколько пунктов, соответствующих четырем формам демократии проекта V-Dem, а для измерения удовлетворенности психологических потребностей используется методика, измеряющая веру людей в то, что представители власти удовлетворяют их потребности развития и сохранения. Политическое доверие измеряется по отношению к пяти политическим институтам: президенту, правительству, парламенту, полиции и судам.

В результате медиационного анализа была подтверждена основная гипотеза о том, что воспринимаемая процедурная справедливость положительно связана с политическим доверием через механизм удовлетворения потребностей сохранения и развития. Также было выяснено, что чем больше россияне верят в то, что представители власти удовлетворяют их потребности развития и сохранения, тем выше их политическое доверие, вне зависимости от того, к какой социально-демографической группе они относятся.

Вместе с тем было обнаружено, что воспринимаемая справедливость партисипаторных и эгалитарных процедурных норм сильнее связана через механизм удовлетворения психологических потребностей с политическим доверием, чем электоральная и либеральная формы процедурной справедливости. Помимо этого, было выявлено, что удовлетворенность потребностей развития и сохранения вносит разный вклад в формирование политического доверия: при оценке реальной политической ситуации в России с доверием институтам больше связана удовлетворенность потребностей сохранения, а при оценке гипотетической ситуации «России будущего» – потребности развития.

Таким образом в ходе проведения исследования автору удалось интегрировать рациональный и мотивационный подход к изучению политического доверия, обнаружив, что личностные психологические факторы могут выступать в роли посредника между перцептивными факторами и доверием политическим институтам.

Сянь Чаолин
(Москва, РУДН)

РОЛЬ И МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ КИТАЙСКИХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ В ПРИНЯТИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: НА ПРИМЕРЕ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК ПО КОРРЕКТИРОВКЕ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США В ОТНОШЕНИИ КНР (2017–2025)

Актуальность исследования обусловлена стратегическим значением, которое приобрели аналитические центры нового типа с китайской спецификой в системе принятия внешнеполитических решений после публикации в 2015 году руководящего документа об их укреплении. Их роль стала неотъемлемой частью современной системы государственного управления КНР. Исследование их функций и механизмов влияния на примере оценки эволюции стратегии США в отношении Китая представляет значительный научный и практический интерес.

Объектом исследования является процесс формирования внешней политики Китая. Предметом – роль и механизмы влияния китайских экспертно-аналитических центров на этот процесс, в частности через их оценку корректировки стратегии национальной безопасности США в период с 2017 по 2025 год.

Цель работы состоит в анализе функциональных ролей и ключевых каналов влияния китайских аналитических центров. Для её достижения предполагается определить институциональные предпосылки развития центров, охарактеризовать их основные функции, проанализировать оценки стратегий Трампа, Байдена и перспектив «Трампа 2.0», а также выявить механизмы интеграции их идей в политику.

Методологическую основу составляют институциональный анализ, позволяющий изучить положение аналитических центров в политической системе Китая, и кейс-стади эволюции экспертных оценок ведущих центров. Также применяется дискурс-анализ документов и публикаций.

Научная новизна работы заключается в комплексном исследовании феномена китайских аналитических центров через призму их реакции на один из ключевых внешних вызовов со стороны США, что позволяет выявить не только декларируемые, но и реальные механизмы их влияния на политику в условиях уникальной политической системы Китая.

С 2017 года китайские аналитические центры осознали фундаментальные изменения в стратегии США в отношении Китая. Как отметил Китайский институт международных исследований, США возвращаются к политике великих держав, а двустороннее соперничество вступает в новую фазу. Управление этими отношениями и избежание «ловушки Фукидида» представляет сложную стратегическую проблему.

В 2022 году Шанхайский институт международных исследований оперативно организовал экспертный семинар для анализа «Стратегии национальной безопасности» администрации Байдена. Особое внимание уделялось двум ключевым нарративам: «победить Китай в конкуренции» и «решающее десятилетие», что позволило глубже понять эволюцию стратегии США.

После победы Трампа на выборах 2024 года Цинхуаский центр опубликовал прогноз, в котором точно спрогнозировал усиление китайско-американского противостояния и экономических рисков, что впоследствии подтвердилось введением беспрецедентных тарифов. Эти оценки и прогнозы предоставляют ценный аналитический материал для китайского правительства при формулировании стратегии ответных мер на следующий президентский срок Трампа.

Исследование выявляет системную и многомерную роль аналитических центров, глубоко интегрированных в политическую модель Китая. Их деятельность характеризуется уникальным сочетанием традиции «советников при правителе» с современной технократической системой, что обеспечивает глубокую вовлеченность в государственную систему при сохранении формально неофициального статуса.

Центры демонстрируют многофункциональность и стратегическую глубину, выполняя задачи теоретического обоснования курса, концептуализации ответных мер, долгосрочного прогнозирования и сценарного планирования. Ключевая функция заключается в переводе политических установок в язык экспертных аргументов, укрепляя их легитимность и обоснованность.

Механизмы влияния включают информационную фильтрацию и структурирование повестки, разработку и ранжирование ответных мер, обеспечение гибкости через различные нарративы и подходы, а также функционирование в качестве канала дипломатии второго трека для зондажа и передачи сигналов в отношениях с США.

Таким образом, китайские аналитические центры выступают связующим звеном между стратегическим курсом государственного аппарата и сложной внешней средой,

обеспечивая формирование концептуальных рамок, обоснование решений и аналитическое сопровождение реагирования на вызовы, что делает их незаменимым компонентом архитектуры принятия внешнеполитических решений КНР.

Талович-Рашкович В.
(Сербия, Белград, Университет-Унион «Никола Тесла»)

ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Наша работа исследует этическое измерение политической науки и анализирует, в какой степени она может быть понятийно нейтральной. Цель работы – доказать, что этика в политической науке не является второстепенной и периферийной, а представляет собой ключевой компонент, определяющий значение и вклад науки в общественное развитие. Политическая наука вследствие своего предмета не может существовать без этической основы, поскольку производимое научное знание напрямую влияет на формирование политической практики, институциональных структур и общественного сознания.

Этика в политической науке может рассматриваться через две перспективы: дескриптивную и нормативную. Дескриптивный подход сосредоточен на анализе и описании политических феноменов такими, какие они есть – без ценностного суждения. Нормативный подход акцентирует внимание на ценностных и моральных аспектах политической деятельности. Он исходит из вопроса, какой должна быть политика, чтобы реализовать идеалы справедливости, свободы, равенства и ответственности. В рамках этого подхода этика становится центральной рамкой анализа.

Часто политологи работают советниками, консультантами или членами экспертных групп, формирующих стратегии развития, политики безопасности, образовательных реформ, международных отношений и т. д. В этом смысле их исследования, рекомендации и модели могут способствовать принятию более рациональных и справедливых решений, но также могут служить оправданием репрессивной политики или корыстных интересов элит. Поэтому этика необходима как внутренний компас, направляющий учёного к социально ответственной и морально устойчивой деятельности. Этика в области политических наук подразумевает больше, чем соблюдение академических правил – она включает приверженность принципам истины, непредвзятости, прозрачности и критического мышления.

Политическая наука не может быть полностью ценностно нейтральной. Предмет её изучения – власть, справедливость, принятие политических решений, распределение ресурсов и влияние на жизнь граждан – предполагает этическое измерение. Политическая наука – не описательная дисциплина, фиксирующая события, а активный участник в создании нарративов, формировании политических норм и установлении критериев легитимности власти и политических решений.

Исходная гипотеза «политические науки не могут существовать без этического основания» подтверждается взглядами классиков политической мысли, таких как Платон, Аристотель и Н. Макиавелли, а также современных мыслителей (М. Вебер, Х. Арендт, М. Фуко, Дж. Роулз и М. Уолцер). Каждый из них указывает на важность ценностных установок, моральной ответственности и политического сознания в понимании и реализации политики.

Прослеживается двойственная ответственность политологов: перед научной истиной и методологической точностью, а также перед обществом и последствиями своих теорий. Позиция учёных подразумевает этическую рефлексию, так как создаваемое ими знание не остаётся замкнутым в академических кругах – оно выходит в публичное пространство, влияет на формирование публичной политики, легитимизацию институтов и понимание гражданами политической реальности.

Современные вызовы усложняют эти отношения. Цифровизация политической коммуникации, растущий популизм, всё более распространённая дезинформация, политическая поляризация и глобальные конфликты создают новые этические дилеммы и требуют этических рамок, в которых политическая наука может действовать ответственно и конструктивно. В эпоху, когда алгоритмы формируют политические предпочтения, а фейки влияют на выборы и принятие решений, этическая грамотность политологов становится неотъемлемой частью научной и общественной деятельности.

Политические науки функционируют как мост между теорией и практикой, между научным анализом и политическим действием. Их ценность измеряется не только количеством произведённого знания, но и уровнем этического сознания и вкладом в развитие ответственных, справедливых и устойчивых социальных систем. Без этого политические науки рискуют превратиться в инструмент манипуляции или легитимации несправедливости.

Исследования должны быть сосредоточены на разработке этических кодексов научного сообщества, на образовании политологов в области этических стандартов. Особое внимание следует уделить междисциплинарному подходу, включающему философию, социологию, коммуникации и правоведение, чтобы создать более прочный каркас для понимания моральных импликаций политического знания. Необходимо создать общепринятые инструменты оценки влияния политических исследований на публичную политику, медийный дискурс и гражданскую активность.

В эпоху всё более сложных проблем общества этика в политической науке – это не роскошь, а условие выживания.

Тарасов И.Н.
(Калининград, БФУ им. И. Канта)

СОПОСТАВЛЕНИЕ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Оценка политической эффективности территориального управления в Центрально-Восточной Европе (ЦВЕ) основана на частных показателях, которые выступают индикаторами успешности региональной политики. С учётом участия стран ЦВЕ в ЕС разработка методик оценки переместилась на наднациональный уровень. Для анализа нормативно-правовых актов ЕС и документов стран ЦВЕ используется критериальный анализ.

Одной из ключевых систем оценки публичного управления является «Общая схема оценки» (CAF), разработанная в 1998 г. Европейской сетью публичной администрации (EUPAN). Методика включает девять критериев: 1. активное политическое лидерство;

2. стратегия и планирование; 3. управление и благополучие людей; 4. сотрудничество с гражданским обществом; 5. социальные услуги; 6. результаты для граждан; 7. внутренний климат для сотрудников; 8. социальная ответственность; 9. ключевые результаты.

Шкала CAF предусматривает шесть категорий организаций при достижении определённого уровня по этим критериям. Не все критерии подходят для оценки регионального управления, так как некоторые из них касаются управления персоналом и внутреннего климата, что не всегда релевантно для региональных целей.

В ЦВЕ по критериям CAF лидируют столичные регионы и экономически развитые области, такие как Мазовецкое воеводство в Польше, Южночешский край в Чехии, Кошицкий край в Словакии и Средний Дунантуль в Венгрии. Методика Investment in People (IiP) дополняет CAF, оценивая качество администрации через развитие человеческого капитала. IiP включает группы показателей: «Планирование» (стратегирование, равенство возможностей, развитие навыков), «Действие» (взаимодействие руководителей и подчинённых, участие сотрудников в принятии решений), «Оценивание» (рост организации, инвестиции в человеческий потенциал). Цель IiP – стимулирование развития интеллектуального капитала. Однако эта методика малоизвестна в регионе.

В октябре 2018 года в Европарламенте представили Индекс качества регионального управления (EQGI) от университета Гётеборга. EQGI основан на корреляции оценок жителей регионов (коррупция, образование, экономика) и показателей отчётности регионов. Ключевым параметром является восприятие коррупции, где 0.0 – отсутствие корреляции, 1.0 – полное соответствие. Лидерами стали столичные города (кроме Будапешта), аутсайдерами – аграрные и старопромышленные регионы.

Методология Европейского фонда управления качеством (EFQM) – наиболее продвинутая система внутриорганизационного совершенствования. Она основана на комплексном подходе к управлению качеством и не навязывает готовых решений, а устанавливает рамки для достижения целей. Основополагающая идея – динамический характер изменений через инновации и обучение. EFQM – инструмент диагностики и повышения качества управления.

Регламент ЕС 2021/1058 оценивает региональную политику через призму политической централизации – децентрализации. Доклад Еврокомиссии «Публичная администрация в странах ЕС» анализирует региональное управление, оценивая тип административно-территориальных единиц (АТЕ), правительства и отношения чиновников с центром. Этот подход продуктивен для стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), где все – унитарные государства с развитой системой местного самоуправления, но разной степенью автономии регионов.

Оценка соответствия критериям помогает оценить сплочённость и эффективность правительства. Качество публичной политики важно для ЦВЕ, так как идеологическая поляризация или унитаризм могут замедлить управление.

Правительства ЦВЕ используют методики оценки эффективности территориального управления избирательно. Например, в Польше в 2008–2012 годах на проект оценки качества публичной администрации выделено 7,5 млн злотых. Проект включает методики CAF, IiP и EFQM.

На региональном уровне чаще применяются методы, оценивающие внутреннюю организацию и результаты публичной деятельности, а также восприятие коррупции и общественное мнение. Некоторые методы охватывают экономику, финансы, инфраструктуру, социальную сферу, гендерные квоты и контроль над бюджетом. Такой подход позволяет проводить мониторинг и диагностику качества публичного управления.

Тарасова А.А.
(Ростов-на-Дону, ЮФУ)

МЕЖДУ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ И ПАМЯТЬЮ НАЦИИ ФОРМИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В начале XXI века молодое поколение России играет значимую роль в формировании политической и социальной динамики, хотя процесс создания их национально-гражданской идентичности происходит в условиях значительной неопределённости. Активное развитие цифровых технологий и широкое распространение сетевого общения изменяют привычные механизмы политической социализации, что ослабляет влияние семьи, образовательных учреждений и средств массовой информации как носителей гражданских ценностей. Молодые люди демонстрируют фрагментарное понимание национальной истории и противоречивое отношение к государству, часто определяя себя через разделение на «своих» и «чужих». Они находятся в постоянном поиске между стремлением к идее «державности» и сомнениями в эффективности властных структур. В то же время наблюдается парадокс: воображаемый оптимистичный образ «потенциальной России» соседствует с мрачной оценкой нынешней реальности. Цель исследования состоит в том, чтобы доказать, что кризис национально-гражданской идентичности молодежи может быть смягчён за счёт обновления институциональных механизмов социализации и формирования конструктивного образа будущего, объединяющего стремление к модернизации, сохранение культурной самобытности и активное политическое участие.

1. В начале XXI века российская молодежь сталкивается с кризисом национально-гражданской идентичности, вызванным цифровизацией политического пространства и изменением традиционных моделей социализации.

2. Эмпирические исследования указывают на то, что поколения Y и Z воспринимают политическую реальность по-разному: представители поколения Y пользуются классическими формами социализации, в то время как поколение Z предпочитает сетевое общение и визуальные символы.

3. В структуре политического сознания молодёжи доминирует дихотомия «свои» и «чужие», которая играет компенсаторную роль в условиях отсутствия позитивных образов будущего.

4. Цифровая социализация приводит к формированию «кликового» и «сериального» типа политического мышления, что затрудняет понимание сложных теоретических конструкций.

5. Традиционные институты социализации – семья, школа и СМИ – теряют своё влияние, уступая место неформальным сетевым практикам, порождающим симулятивные идентичности.

6. Образы национальных лидеров и старых символов по-прежнему занимают место в сознании молодёжи, однако преобладает персоналистское, а не институциональное восприятие государства.

7. В условиях геополитических вызовов усиливается негативная идентичность, основанная на противопоставлении «Запад – Россия», что подчёркивает мифотворческий характер политического мышления.

8. Новизна исследования заключается в обнаружении структурной взаимосвязи между цифровыми практиками молодёжи и формированием их политической иден-

тичности, что подчёркивает необходимость разработки новых образовательных и институциональных подходов в политике социализации.

Телин К.О.
(Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, ГАУГН)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ «ТРАДИЦИОННОГО ПОВОРОТА»

Актуальные тренды российской политики указывают на расширение в ней нового значимого тренда: примерно с 2012 года наблюдается переход от дискурсивного пространства, основанного на лексеме (лемме) «стабильности», к публичной риторике, связанной в большей степени с языком «традиции», «ценностей», а позже, с 2023 г., и «цивилизационной самобытности». Если в течение первых двух каденций Владимира Путина на должности Президента России в качестве важнейших принципов государственных решений выделялись прагматизм и своеобразный «трезвый реализм», то после периода президентства Дмитрия Медведева и возвращения Путина на соответствующий пост принципиальным моментом стало подчеркивание различных «духовно-нравственных» начал (с очевидностью более идеалистичных, чем предшествующие ориентиры).

Это «дискурсивное перевооружение» само по себе представляется небезынтересным, поскольку с точки зрения политических технологий является характерным примером обращения к репертуару драматизации и эксплуатации кризисных нарративов («пропаганда вседозволенности», «расчеловечивание человека», «активные нападки на ценности») – как по причине требования социальной консолидации и объединения общества вокруг гомогенизирующей это общество силы, так и по причине морализаторской риторики, чувствительной для значительной части населения.

Однако особо интересным представляется рассмотрение специфических рисков «традиционного поворота» как политической практики.

Во-первых, «традиционный поворот» не представляет собой автономный и объективный процесс, охватывающий общество «повсюду» и «целиком», – напротив, он является пусть и не всегда достаточно систематизированным, но все-таки конкретным политическим проектом, отражающим интересы отдельных мнемонических акторов. От целей этих акторов, их действий (как, к слову, и от режима экспертизы и оценки таких действий) в значительной степени зависит как содержание «поворота», так и его конкретные и наблюдаемые последствия.

Во-вторых, «традиционный поворот» важно рассматривать не только и не столько с позиций содержательных тезисов, представляемых в публичной сфере, но с точки зрения самих используемых инструментов, таких, как создаваемая инфраструктура памяти (в виде культурных объектов, памятных дат или специфических названий, к примеру, топонимов) или инструменты символической политики (ритуалы и знаки, мифы и концепты); подобный вектор рассмотрения может дать более интересное представление об акторах «традиционного поворота» – в то время как его содержание нередко может представлять собой фрагментарное отражение наиболее позитивно воспринимаемых элементов национального прошлого. Неудивительно, что «традиционный поворот» в этом отношении оказывается связанным с разработанным в общественных науках феноменом «изобретенных традиций».

В-третьих, артикуляция кризисных новелл в рамках традиционного поворота означает критику (если не эмоциональное обличение) предшествующего состояния общественной культуры, что может приводить не только к делегитимации отдельных элементов государственной системы (далеко не всегда предполагаемых к отмене или упразднению), но и росту числа случаев «моральной паники», дополняемой обозначением новых «антагонизмов» в общественной повестке, – все это может помещать любой инициированный на государственном уровне «традиционный поворот» в типичные популистские фреймы.

Наконец, стоит помнить и о том, что резкие перемены в публичном дискурсе (вне зависимости от того, какую форму они принимают) могут усилить поляризацию общества. Более того, непоследовательность официальной риторики может приводить к обострению конфликтов не только между принципиально различными идеологическими «лагерями», но и внутри таких сообществ, в том числе изначально ориентированных на распространение социально одобряемой позиции.

Доклад подготовлен в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема №FZNF-2025–0002 «Культурно-ценностный аспект цивилизационного позиционирования России: образы прошлого и актуальные вызовы»)

Тимакова О.А.
(Москва, Дипломатическая академия МИД России)

РОЛЬ ПОЛИТИКИ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ РАЗВИТИЮ СТРАН ЕС В РЕГИОНЕ ЛАКБ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Европейский союз является важным экономическим партнером стран ЛАКБ, долгое время оставаясь главным инвестором в регионе. В 2024 г. Европейский союз стал третьим крупнейшим торговым партнёром для ЛАКБ после США и Китая, при этом государства Латинской Америки занимают пятое место по объёму ввозимой продукции в ЕС. Значительную долю импорта ЕС из ЛАКБ занимает продукция агропромышленного комплекса. Производство продовольствия играет важную роль в экономике стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Будучи ведущими экспортерами соевых бобов, кукурузы, говядины, свинины, мяса птицы, кормов для животных, сахара, кофе, а также фруктов и овощей, в 2019 г. государства ЛАКБ обеспечивали почти четверть глобального экспорта сельскохозяйственной и рыбной продукции.

Несмотря на большой потенциал региона в сфере АПК, практически каждая страна региона сталкивается с проблемой продовольственной безопасности и голода. Согласно данным ООН ЛАКБ является регионом с самым высоким средним уровнем неравенства доходов в мире, что в случае экономических шоков непропорционально влияет на продовольственную безопасность и питание групп с низкими доходами. Пандемия стала серьезным ударом по уровню жизни граждан ЛАКБ, и, как следствие, сказалась на продовольственной безопасности. ФАО зафиксировали, что в период с 2019 по 2020 год число людей, страдающих от голода в Латинской Америке и Карибском бассейне, выросло на 13,8 млн до 59,7 млн (9,1% населения). В 2022 году средний показа-

тель скрытого голода в регионе составлял 22,5%, а в Аргентине этот показатель достигал 40% (FAO, FIDA, OPS, PMA y UNICEF. 2023).

Проблема продовольственной безопасности в ЛАКБ напрямую связана с изменением климата: экстремальные погодные условия, засухи, наводнения сказываются как на сельском хозяйстве, так и на поставках и доступности продовольствия. Сильное влияние на усугубление климатической проблемы в данном случае оказывает вырубка тропических лесов Амазонии и общая деградация лесных массивов региона, что во много связано с сектором АПК.

Европейский союз оказывает государствам региона ЛАКБ официальную помощь развитию (ОПР). Например, в период с 2014 по 2020 гг. на программы ОПР для Латинской Америки со стороны ЕС было выделено 3,6 млрд евро, а также 1,2 млрд евро на гуманитарную помощь (European Investment Bank. 2019). Такая финансовая поддержка привлекательна для стран региона и страны Европы сохраняют статус крупнейшего партнера по помощи развитию.

Проекты, поддерживаемые ЕС в рамках программ сотрудничества, играют большую роль в решении проблемы продовольственной безопасности в регионе. Особый акцент в программах ЕС делается на устойчивом сельском хозяйстве, привносящем передовые практики экологически чистых методов земледелия и управления природными ресурсами (European Union. 2023). Большое значение уделяется также цифровизации данной сферы, использованию спутниковых систем «Коперник» и систем отслеживания процесса производства продуктов питаниям (ECLAC and FAO. 2021). Вторым значимым направлением финансирования являются инвестиции в сельскохозяйственные исследования и инновации для повышения производительности и устойчивости: одной из таких программ является AL-Invest (AL-Invest 5.0. 2020).

Тем не менее ОПР со стороны стран ЕС постепенно уменьшается. В снижении объемов финансирования ОПР основную роль играет политика ОЭСР, под эгидой которой страны ЕС осуществляют всю свою политику помощи развитию – так многие страны региона не имеют права на ОПР из-за своего статуса «стран со средним и выше среднего уровнем дохода» в документах организации. В частности, с Мексикой, Бразилией, Чили и Аргентиной отношения в этой сфере были полностью остановлены. В таких условиях сохраняется парадокс, что страны Латинской Америки «слишком богатые» чтобы получать ОПР, но «слишком бедные», чтобы избавиться от асимметричности в отношениях и создать привлекательный инвестиционный климат.

Тимофеева Л.Н.
(Москва, РАНХиГС)

НА ЧЕМ ОСНОВЫВАЕТСЯ НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ?

Институционализация политологии как самостоятельной науки началась в современной России с 1989 г. после того, как 4 ноября 1988 года вышло в свет Постановление Государственного комитета по науке и технике №386 «О номенклатуре специальностей научных работников», в котором официально утверждалась номенклатура специальностей научных работников по политологии. Его можно считать официальным днём рождения современной российской политической науки. И сразу наметился крен исключительно в сторону западной политологической школы.

Однако в годы Перестройки ряд ученых обратили внимание на то, что многие западные исследователи ссылаются на русских дореволюционных философов и социологов и даже считают их пионерами в ряде областей, развивая их идеи. В частности, в рамках политической социологии, философии и политической конфликтологии обнаружены труды русских учёных начала XX века, чьи идеи развивались американцами и европейцами. Среди них П. А. Сорокин, Я. Л. Юделевский, А. С. Звоницкая и многие другие. Часть из них были высланы из России в 20-е годы, часть сами эмигрировали.

Действительно российской общественной мысли вообще и, например, конфликтологической мысли, в частности, была присуща самобытность, а в некоторых своих действиях и открытиях она не раз опережала западную науку. Например, еще в начале XX века во время организации Русской Высшей школы общественных наук в Париже (При Парижской Всемирной выставке) в 1900–1902, основателями которой стали российские социологи М. М. Ковалевский и Е. В. Роберти, для почти 500 слушателей читался курс «Мирное разрешение народных конфликтов». В 1910 г. российский социолог Яков Лазаревич Юделевский (1868-1957) пишет книгу «Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории», где возводит в абсолют и наделяет признаками борьбы весь живой и неживой мир, разделяет понятия «антагонизма» и «борьбы», групповые и индивидуальные интересы; выделяет стадию осознания противоречия, присутствия инцидента в поведении конфликтантов, который открывает путь к конфронтации; подходит к типологизации конфликтов по характеру интересов, в том числе и политических. Тем самым он предвосхитил идеи американского социолога К. Боулдинга, который в 50-е годы фактически повторяет основные постулаты российского ученого. Юделевский предвосхищает и общеизвестный «Зиммелевский парадокс» – уступи сильному сопернику.

Среди пионеров отечественной социологии конфликтов и первая женщина-социолог Агнесса Соломоновна Звоницкая (1897-1942), которая в своей книге «Опыт теоретической социологии» систематизирует социологические знания о социальном конфликте, представляя его как разрыв в социальных связях, убеждая, что конфликты могут случиться в любой сфере, включая политическую, приняв впоследствии форму кризиса, и получает одобрение П. А. Сорокина (Звоницкая А. Опыт теоретической социологии. 1914.)

Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) является автором нескольких фундаментальных социологических теорий, широко используемых в общественных науках. Социальная мобильность и социальная стратификация, теория революции, социология села, социокультурная динамика, социология знания, интегрализм, исследования социальных кризисов и бедствий, конвергенция, теория созидательного альтруизма и амитология – вот лишь приблизительный перечень исследовательских интересов Питирима Сорокина. Кроме того, многие из этих направлений впервые были введены им в область научного анализа и впоследствии стали классическими.

В 1913 году будущий основатель современной социологии П. А. Сорокин публикует в России труд, где исследует социальную роль кар и наград и признает неизбежность конфликтов в обществе, хотя и не считает тогда их нормой жизни, как впоследствии. Он замечает сигнальную функцию социального конфликта; обращает внимание на то, что чем устойчивее шаблоны противоборствующих групп, тем ожесточеннее война между ними, которая может привести к трем исходам: разъединению столкнувшихся центров; уничтожению одного из них, либо к насильственному принуждению побежденного центра к исполнению шаблонов победителей. Фактически он предсказывает исход будущей социалистической революции и гражданской войны «красных» и «белых» (Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали.1999.)

Фундаментальный научный труд П. А. Сорокина, написанный им на русском языке в 1923 году и опубликованный затем в Америке в эмиграции – «Социология революции». Он заложил *оригинальное учение об интегрализме*, в основе которого лежит не учение о революции и классовой борьбе, как у Маркса, связанной впоследствии с обобществлением собственности, и не примат либеральных ценностей со всеохватывающим капиталистическим рынком, с приоритетом индивидуализированного «Homo economicus», а *социогенетика*, сопряженная с *плюрализмом* общества, его многомерностью, предполагающей множественность социальных сил и граней общественной жизни. Именно в отрицании коммунистического и либерального монизма, в отрицании унификации, в наличии различных, борющихся между собой и в то же время неразрывно связанных между собой в едином синтезе сил и элементов Сорокин видел движущие силы, источник саморазвития многомерного общества (Сорокин П. Социология революции, 2008).

Все эти труды сегодня можно найти в интернете и в библиотеках. С возвращением российского политологического наследства прошлого в стране в 2000-е годы сформировались новые научные школы по изучению власти, политического управления, элитологии, гражданского общества, по коммуникативистике, конфликтологии и т. д.

Тимофеева Л.Н.
(Москва, РАНХиГС)

ОСОБЕННОСТИ СТАРЫХ И НОВЫХ АУДИТОРИЙ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В РОССИИ

В начале XXI века пространство политической коммуникации России разделилось на две аудитории: старую и новую. К старой – до 2000-х годов – относилась аудитория печатных СМИ, а также радио и телевидения. К новой – после наступления 2000-х – интернет-аудитория во всем ее многообразии: веб-сайты, блоги, микро-блоги, форумы, чаты, социальные сети.

Старая аудитория характеризовалась вертикальными политическими коммуникациями, цензурой до 1990 – 1993 г.[175], официальной информационной повесткой дня, но не лишенной интересов народа и критики как таковой. Правда, политическая критика касалась властей западных государств и дозволенных тем внутренней политики типа недостатков предшествующего советскому царского режима, культа личности прежних советских руководителей, бюрократизма и практики приписок в управлении и т. д. В 2015 году, по данным одного из исследований, средний возраст зрителя российского телевидения составил 48 лет, при этом отмечалась тенденция к старению аудитории: доля старших возрастных групп росла, а доля молодых – сокращалась.

В перестроечный период с 1985 г. нарисовались крупные изменения. Появилось два параллельных полюса: полюс официальных государственных медиа и альтернативных гражданских медиа. Началась огульная критика всей советской истории и власти. Наметилась тенденция падения доверия к официальным СМИ и резкое снижение доверия к власти. В этот период возникала проблема трансформации системы политической

[175]12 июня 1990 года Верховный Совет СССР принял закон «О печати и других средствах массовой информации». Там было прямо сказано, что «цензура массовой информации не допускается». В декабре 1993 года цензуру запретила Конституция Российской Федерации. В статье 29 говорится о гарантиях свободы мысли и слова, а также о свободе массовой информации.

коммуникации, обсуждался кризис системы политической власти и его влияние на неё, росла волна уличных политических протестов.

Новая аудитория с развитием интернета стала характеризоваться горизонтальными политическими коммуникациями, появилась возможность прямого общения гражданина с властью, что уменьшило дистанцию между ними, социальные сети, блоги и другие интернет-площадки стали влиять на развитие политики, при этом будущее политических процессов всё меньше стало зависеть от политических элит или отдельных политиков, и всё больше – от групп или частных лиц, которые становятся одновременно субъектами и объектами влияния в социальных медиа. Активность протестных групп, переместившаяся со временем в сети, стала выходить за пределы виртуальных сообществ и проявляться в публичном пространстве в виде массовых митингов и шествий. Появилась цифровая социально-политическая повестка дня как результат коммуникационного взаимодействия в сети субъектов, представляющих государственные структуры, институты гражданского общества, а также отдельных пользователей и их виртуальные сообщества[176]. Но одновременно обнаружились новые проблемы: распространение непроверенной информации и фейк-ньюс, рост доверия к фейк-ньюс в обществе, в том числе и среди лиц, принимающих решения. Это не значит, что государство утратило контроль за аудиторией. Об этом свидетельствует создание высококачественных программ на ТВ с пропагандистским компонентом («Время покажет», «Место встречи», «60 минут», «Соловьев Лайф в прямом эфире на Smotrim.ru и др.), но тем не менее оно утратило полный контроль за информационной повесткой дня в новой аудитории, где большинство составляет молодёжь и граждане среднего возраста. По данным на июнь 2025 года, согласно опросу аналитического центра ВЦИОМ, 61% молодёжи общается с близкими и друзьями онлайн, что в два раза больше, чем в обычной жизни (33%). Особенно активно виртуальное взаимодействие среди самых юных (69% против 24% в группе 18–24 лет).

С началом специальной военной операции России на Украине (СВО) в этих аудиториях образовались четыре относительно устойчивых сегмента, которые исследовали эксперты из ВЦИОМ и коммуникационного холдинга «Минченко-консалтинг» под названием «Четыре России: опыт эмпирической проверки экспертной модели сегментации политических аудиторий в контексте СВО» и назвали так: «Россия уехавшая», «Россия столичная», «Россия глубинная» и «Россия воюющая». Эта сегментация основана на таких критериях, как отношение к СВО, миграционное поведение, эмоциональное состояние, ценностные установки и материальное положение.

«Россия воюющая» (примерно 17–19% от населения) состоит из бойцов, членов их семей, волонтёров, жителей приграничных регионов, отчасти работников ВПК, как правило старше 40–45 лет. Они считают спецоперацию необходимой для выживания России, жаждут победы и отвергают любую критику. «Россия глубинная» (37–41%) названа так, видимо, по аналогии с термином «глубинный народ» – это скромные жители малых городов, сёл, бюджетники, пенсионеры, чьим основным достоинством можно назвать лояльность власти во всем. Суверенитет и патриотизм для них – не пустой звук. Россия столичная» (25–29%) – жители столиц и мегаполисов среднего возраста, которых нельзя отнести к сторонникам СВО, но которые при этом не являются и активными её противниками. Они «прячутся» в частной жизни, избегают высказываться о политике, нередко критически настроены к власти, но боятся открыто идти против. И, наконец, «Россия уехавшая» (12–15%) состоит из молодых преимущественно релокантов, хорошо образованных, имеющих высокий доход, категорически не принявших СВО и осевших в странах СНГ или Европы, ожидая поражения России. Часть их физически никуда не

[176]Тимофеева Л. Н., Рябченко Н. А., Малышева О. П., Гнедаш А. А. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии. – Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 37-51.

выезжала, но пребывает во внутренней эмиграции. Интересно, что численность этих двух политически противоположных «фронтов» хотя и отличается, но соразмерна. Патриотов – 54–60% от населения, потенциальных чужих – 37–44%. Впрочем, как утверждают авторы, иной подход: неисправимые отщепенцы – только релоканты, а все остальные так или иначе – наши, даёт другую пропорцию. Жалким 12–15% «поуехавшим» (и «засухарившимся» в РФ) противостоят мощные 79–89% действительных и потенциальных патриотов. При этом политическое влияние «поуехавших» из-за рубежа ничтожно[177]. В чем практическая значимость этого исследования? Оно позволяет разработать эффективные стратегии политической коммуникации в условиях высокой поляризации мнений накануне выборов 2026 г. и не только – в целом сплотить российское общество.

Титов В.В.
(Воронеж, ВГУ)

РОЛЬ ИРАНА В ФОРМИРОВАНИИ АНТИИЗРАИЛЬСКОЙ ОСИ СОПРОТИВЛЕНИЯ: ХЕЗБОЛЛА, ХАМАС, «ИСЛАМСКИЙ ДЖИХАД»

Победа Исламской революции радикально видоизменила внешнеполитический компас Тегерана: если до 1979 г. шахский режим последовательно сотрудничал с Израилем, то новое руководство объявило «освобождение Палестины» ядром своей государственной идеологии. К рубежу 1990-х – 2000-х гг. первоначальная риторика «экспорта революции» эволюционировала в доктрину «оси сопротивления» – гибридную сеть союзов, объединяющую шиитскую «Хезболлу», суннитские ХАМАС и «Исламский джихад», а также йеменских, иракских и сирийских прокси-формирований. Стратегический ход Тегерана заключался в смещении акцента с конфессиональных различий на единую антисионистскую идентичность: лозунг «Освобождение Иерусалима» превращался в площадку для символического примирения суннитов и шиитов.

Что касается непосредственно дипломатии Ирана, то она осуществляется через посольства в Сирии, Ливане и Катаре, участвующих в регулярных встречах с политбюро ХАМАС и руководством «Исламского джихада». Одновременно МИД курирует ежегодную «Тегеранскую конференцию в поддержку Интифады», где представители всех трёх движений выступают совместно, что повышает статус Ирана как «главного модератора» Палестинской проблемы. В сфере неформальной дипломатии решающую роль играет спецподразделение «Кудс»: его командиры ведут «шатровые» переговоры с лидерами группировок на сирийско-ливанской границе, а в экстренных ситуациях – в Бейруте и Дохе.

Ключевыми ретрансляторами нарратива «оси сопротивления» остаются англоязычный Press TV и арабоязычный Al-Alam; оба канала финансируются госбюджетом ИРИ и входят в холдинг IRIB. Их редакционные политики синхронизированы с медиаподразделениями «Хезболлы» (Al-Manar) и ХАМАС (Quds News). На пике боёв в Газе (октябрь 2023 г.) суточный объём арабоязычного контента о «сионистской агрессии» вырос вдвое

[177]Гаврилов А., Львов С., Минченко Е., Стулова Е., Федоров В. «Четыре России: опыт эмпирической проверки экспертной модели сегментации политических аудиторий в контексте СВО»- https://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/497881-ot-«voyuyuschih»-do-«uehavshih»-chetyre-mira-sovremennoy-rossii/

против среднего показателя 2022 г., а пресс-релизы МИД ИРИ публиковались с трёхминутной задержкой после эфира Al-Alam, фактически превращая телеканал во «вторую пресс-службу» внешнеполитического ведомства. Политико-дипломатические каналы (МИД + КСИР) образуют систему, в которой официальная дипломатия легализует присутствие Ирана в палестинском досье, а «медиа-щит» обеспечивает нарративную монополию и скрытое давление на израильское общество и его союзников. Именно эта связка превращает «ось сопротивления» из разрозненной сети прокси в управляемый фронт, сохраняя для Тегерана пространство правдоподобного отрицания прямого участия.

Трёхлетний эскалационный цикл превратил «ось сопротивления» из набора разрозненных прокси-структур в реальный краеугольный камень ближневосточной безопасности. Две особенности определяют её нынешнее влияние. Во-первых, с июня 2025 г. коалиция действует как комплексная система сдерживания. Израиль вынужден распределять ресурсы сразу на север, юг и восток, а также держать силы ВМФ в Красном море. В экономике это выглядит парадоксально: каждая тысяча долларов, потраченная Тегераном на поставки ракет «Хезболле» или ХАМАС, порождает на порядки более крупные издержки израильской ПРО и мобилизационных мероприятий. Таким образом, «ось» стала для Ирана самой дешёвой формой обороны: вместо прямой войны он экспортирует неопределённость, которая постоянно «съедает» бюджеты оппонентов.

Во-вторых, прокси получили сквозную операционную синхронизацию. Пуск баллистической ракеты из Ирана немедленно дублируется залпами из Ливана и Газы, а в киберпространстве его сопровождает атака на гражданские сервисы Израиля. Пауза между событиями сократилась до нескольких часов – это уже ближе к сетецентрическим операциям регулярных армий, чем к стихийным действиям подполья.

Таким образом, Иран выступает системным интегратором «оси сопротивления», превратив идеологически разнородные движения («Хезболла», ХАМАС, «Исламский джихад») в управляемую политико-операционную сеть. Основой этой сети стала не только военная поддержка, но и политико-дипломатическая стратегия, в том числе через взаимодействие МИД ИРИ и КСИР. Такой подход позволяет Тегерану вести активную внешнюю политику при ограниченных вложениях, что делает его форму «дешёвой обороны» высокоэффективной. В будущем наиболее вероятным сценарием остаётся продолжение непрямой конфронтации, при которой конфликт будет периодически вспыхивать, но в конечном итоге не будет приводить к полномасштабной войне.

Титов В.В.
(Москва, ГУУ)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЖИДАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Проблема формирования и эволюции политических ожиданий российской молодежи занимает существенное место в отечественной политической науке. Ее актуальность связана как с внешними геополитическими вызовами, адресованными российской государственности сегодня, так и с долгосрочными стратегическими перспективами развития России. При этом особого внимания заслуживают не только «ожидания-репрезентации», формально декларируемые молодыми россиянами, но и

глубинные психологические основания, на которых конституируются представления молодых граждан о будущем России.

Говоря о когнитивном наполнении и психоэмоциональных векторах формирования политических ожиданий российской молодежи, необходимо выделить следующие ключевые тенденции.

Во-первых, политические ожидания большей части молодых россиян отличаются подчеркнутой государство-центричностью. Обобщенные «государство» и «власть» (периодически сливаясь в аморфный образ власти) рассматриваются как акторы, ответственные за существующие социально-экономические проблемы и в то же время призванные обеспечить устойчивое развитие страны в будущем. Весьма характерно, что к государству, его политической роли и функциональным возможностям апеллируют группы российской молодежи, принципиально различные по своим идейно-политическим взглядам. При этом провластно настроенный сегмент молодежи, удовлетворенный качеством жизни и проводимой государственной политикой, воспринимает обобщенное «государство» сквозь призму «ожиданий-надежд» и смотрит в будущее с оптимизмом. Молодые россияне, скептически настроенные по отношению к российской власти, также склонны рассматривать социально-политические реалии современной и будущей России в государство-центричном фокусе, но видят в российской власти и проводимой ею политике первопричину всех внутренних и внешнеполитических проблем, с которыми сталкивается (и будут продолжать сталкиваться) Россия и российские граждане.

Во-вторых, основной тенденцией массового сознания, в полной мере характеризующей текущие политические ожидания российской молодежи, является запрос на нормализацию: стабилизацию социально-экономической ситуации внутри страны и спад внешней геополитической напряженности (как правило, связываемый с возможным завершением Специальной военной операции ВС РФ на Украине). Таким образом можно утверждать, что нынешняя социально-политическая ситуация, сложившаяся в России и вокруг нее, мыслится существенной долей молодых россиян как нестандартная, переходная и явно выходящая за пределы привычной для них социально-политической «нормы». Поэтому молодые россияне, представляющие различные политические поколения (как «зумеры», так и младшая часть «миллениалов»), высказывают широкий спектр противоречивых ожиданий, связанных с завершением периода геополитической неопределенности и возвращением России на более прогнозируемую (и, соответственно, менее турбулентную) траекторию развития. Важно отметить, что такое понимание на сегодняшний день, хотя и является массовым, тем не менее, не трансформируется в отчетливо негативные политические настроения и, тем более, не приводит к заметному росту протестного потенциала в среде российской молодежи.

В-третьих, одной из важных психологических черт, характеризующих политические ожидания российской молодежи, является их выраженная прагматизация и утилитарная направленность. Речь идёт о стремлении «преломить» ожидания тех или иных политических изменений сквозь призму собственной жизни, личного благополучия и комфорта. Так, тенденция прагматизации политических ожиданий выразительно проявляет себя в группе «молодых скептиков», которые рассматривают возможное завершение Специальной военной операции в утилитарном ракурсе: исключительно как путь к неизбежной в этом случае (по их мнению) отмене антироссийских санкций и улучшению отношений с западными странами. Это, согласно их мнению, означает быстрое и практически автоматическое возвращение западных брэндов на российский рынок, расширение возможностей для зарубежных поездок, «разблокировку» западных цифровых платформ.

Таким образом следует отметить, что политические ожидания российской молодежи сегодня весьма фрагментированы и характеризуются такими противоречивыми и, от-

части, противоположными тенденциями, как запрос на социально-политическую нормализацию, государство-центричный взгляд на российскую политику и будущее России, прагматизация и стремление воспринимать возможные политические изменения сквозь призму индивидуального комфорта и личных интересов.

Титова Л.Г.
(Ярославль, ЯрГУ имени П.Г. Демидова)

РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ В ДРАМЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА

На мировой сцене разыгрывается драма, режиссеры которой, используя новейшие информационные и цифровые технологии, прилагают беспрецедентные усилия для обращения человека в марионетку, подчиняемую чужой воле, своего рода манкурта цифровой эпохи. С этой целью, прежде всего, предполагается его расчеловечивание – избавление от нравственных, социальных качеств, способности мыслить и адекватно оценивать происходящее, оскудевшего чувством и не способного ни на что реагировать, кроме себя, своих желаний и потребностей. Борьба за человека во все большей степени перемещается в сферу духовного.

Расчеловечивание по сути – потеря качеств человека как биосоциального существа. Переход человечества в эру машинизации, технического прогресса сопровождался превращением человека в придаток, а затем в подобие машины (человек-функция), индивидуализацией, переходящей в эгоизм (человек-одиночка), средством накопления (человеческий капитал), потерей связи со своей природной, живой сущностью (овеществление в эпоху потребления). Результатом стал феномен одномерного человека (Г. Маркузе), разрывы социальных связей, болезненно отозвавшиеся в современном западном обществе с его безжалостными расправами со всем человеческим. Это и отказ человеку в его природной половой сущности, разрушение традиционной семьи как брака мужчины и женщины. Это эстетизация безобразного в жизни и искусстве. Разрушаются, тормоза сдерживающие инстинкты. Отсутствие мыслей, идей, возвышающих человека, и просто разумных мыслей лишает человека понимания истинного положения вещей в обществе

Духовная деградация – угроза настоящему: отучаясь думать, человек перестает адекватно воспринимать угрозы, которые идут от политических решений, принимаемых в интересах узкого круга лиц, от разрушения природы человеком-потребителем, от легкости, с которой рассуждают о ядерной войне политики и СМИ, от информационной лжи и т.д. Освобождая свою душу от моральных принципов, от уважения к достоинству человека – Другого, в поисках душеного и материального покоя человек лишается возможности катарсиса, сострадания и взаимопонимания. Стремление жить здесь и сейчас, получать как можно больше преференций от насущного бытия, лишает человека исторической памяти. Постоянство пребывания в социальных сетях приводит к оскудению социальной памяти – осознания приобщения себя как к роду человеческому, так и к своему социуму.

Нравственная глухота разделяет людей больше, чем расстояния, отсутствие исторической и социальной памяти – больше, чем время.

Этот создает угрозу будущему: отучаясь любить, человек с легкостью готов разрушить мир, не считается с человеческими жизнями. Прямо и косвенно населению внушается

идея не-жизни, даже смерти как истинной ценности. Для расчеловечивания наблюдается то, что называется «присвоение качества» – каких-либо отрицательных черт, которые дают основание оценивающему лишать человека какой бы то ни было ценности. «Расчеловечивание» в политике – войны, развязываемые западными странами, где гибель несметного количества людей оправдывается тем, что уничтожаются «не-разумные», «недочеловеки» и «нечеловеки» вообще – те, кто не имеет права на существование.

Ненависть, распространяемая в мире, окончательно приводит к тому, что человек мыслится как вещь, причем вещь, лишенная ценности, сломать, физически уничтожить которую легко, потому что ей всегда найдется замена из таких же «вещей».

Для «расчеловечивания» человека создаются соответствующие институты, центры, на это направляется деятельность средств массовой информации, захватывается Интернет, все технологические достижения современной цивилизации. Направлено это влияние на все слои населения, конечно, в первую очередь – на молодежь.

Именно Россия взяла на себя сегодня функцию «очеловечивания» политики, что в настоящее время означает:

– обеспечивать суверенитет и безопасность человека, его социальное благополучие правовыми, административными, военными средствами;

– освобождение сознания человека от распространяемой лжи, которая проникает через СМИ и сетевые коммуникации;

– объединение общества через распространение традиционных ценностей;

– укрепление социальности через разрушение тех барьеров, которые воздвигнуты в обществе в период становления рыночных отношений, создавших и углубляющих социальное расслоение, противостояние между обществом и властью;

– повышение ответственности действующих субъектов власти – от федеральной до местной – перед обществом;

– в процессе образования и воспитания формирование сильных убеждений в обществе, противостояние антиобщественных проявлений.

Тишков С.А.
(Орел, ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова)

КОАЛИЦИОННЫЕ СИЛОВЫЕ ОПЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ

На современном этапе развития международных отношений вызовы военного характера постепенно трансформировались в угрозы в сфере безопасности, приобретающие форму внутренних вооруженных конфликтов или террористических угроз, приводящих к созданию зон трансграничной нестабильности.

В условиях разветвлённой сети глобальных, региональных и субрегиональных институтов и договоренностей в области безопасности у суверенных государств появилась альтернатива в выборе механизмов реагирования – от поиска политических решений в формате международных институтов до принятия разовых мер по политическому или военно-силовому воздействию на конфликт или угрозы в сфере безопасности.

Аргумент о том, что государства могут прибегать к разовым мерам оперативного военно-силового реагировании на угрозы безопасности вместо действий в бюрократиче-

ских рамках международных институтов не нов. Например, в 1990-х годах первоначальные меры реагирования на внутренних конфликт в Либерии принимались региональными миротворческими силами, созданными Экономическим сообществом Западноафриканских государств (Тишков, 2017, с. 13).

Примерами таких коллективных военно-силовых действий в сфере обеспечения безопасности могут являться операции «*Uphold Democracy*» на Гаити, «*Enduring Freedom*» в Афганистане, действия стран «Сахельской пятерки» (*G5 Sahel*) и Многонациональной объединенной целевой группы (*Multinational Joint Task Force*) в регионе бассейна озера Чад.

Однако, определенное недоумение вызывает тот факт, что растущие инвестиции в региональные системы быстрого реагирования (например, в резервный механизм Африканского Союза, *African Standby Force*) не соответствуют реальному применению этих систем и механизмов.

По нашему мнению, сфера военно-силового реагирования представляет собой яркий пример прагматизма, ставшего неотъемлемой чертой современных международных отношений в условиях определенного снижения доверия к международным институтам. Прагматизм в данном контексте предусматривает принятие решения, основанного на логике оптимального соотношения планируемых затрат и возможных выгод.

Опыт Африки последних десятилетий показал, что, когда необходимы жесткие силовые действия по стабилизации обстановки или принуждению к миру определение масштабов, размеров и сроков этих операций требует принятия оперативных решений на уровне глав государств и правительств. Это связано с тем, что для развертывания национальных вооруженных сил в зоне возможных боевых действий на территории другой страны или в трансграничных районах при высокой вероятности потерь личного состава и для выполнения финансовых обязательств по проведению такой операции необходимы обязательства на самом высоком государственном уровне. При этом эффективность вмешательства значительно повышается при наличии государства-лидера коалиции, обладающего потенциалом и финансовыми возможностями для быстрого развертывания и проведения стабилизационной операции (включая контртеррористические действия), отвечающей его национальным интересам (как, например, Нигерия, ЮАР, Россия).

Феномен целевых (*ad hoc*) коалиционных действий связан с практическим использованием государствами в случае неминуемой угрозы мер совместного реагирования, разработанных в рамках функционирования международных институтов (например, механизмы совместного планирования и резервного развертывания) без формального соблюдения правовых и организационных рамок данных институциональных структур (Karlsrud, Reykers, 2020, P. 1520).

По нашему мнению, влияние данной тенденции может выйти за рамки сферы обеспечения безопасности. В настоящее время государства могут выбирать из широкой палитры вариантов, начиная от традиционных многосторонних стратегий и заканчивая «неформальным» управлением, неотъемлемой частью которого становятся коалиционные действия. При этом на протяжении последних десятилетий такие временные объединения в рамках двусторонних или многосторонних партнерств являются одной из определяющих черт международных мер в сфере обеспечения безопасности.

Таким образом, создание всё более широкой и взаимосвязанной сети международных институтов и механизмов реагирования в сфере безопасности может способствовать применению государствами прагматичных подходов, основанных, главным образом, на национальных интересах. Оперативность и вариативность, формирующие интерес государств к целевым коалициям, могут формировать риски для глобального управления и иметь долгосрочные последствия для развития и понимания международных отношений и обеспечения безопасности.

Тищенко Р.Р.
(Москва, РУДН)

«ПРАВОПОПУЛИСТСКИЙ МИНИМУМ» ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ 2020-Х ГГ.

Современный западный мир, особенно страны Евросоюза и США, оказался перед лицом вызова множества правопопулистских партий, организаций и политиков, составляющих угрозу текущему неолиберальному консенсусу. Из-за резкого роста числа и популярности правопопулистских движений частота упоминания разных правопопулистских организаций и политиков стремительно возросла, как и упоминание самого правого популизма как явления. В то же самое время из-за динамично развивающегося феномена правого популизма, его быстрой эволюции, адаптации к условиям окружающей политической среды и общей изменчивости, многие публицисты, исследователи и аналитики с большой трудностью начали разделять правопопулистские партии с консервативными, либертарианскими, националистическими и прочими, сваливая всё в одну кучу. Обвинения в правом популизме стали соломенным чучелом современной реальности, укоры в правопопулистской проказе идут, как в сторону всех правых радикалов, так и против традиционных партий Европы и США. При этом отсутствует чёткая, консенсуально принятая дефиниция, черты и способы идентификации правого популизма, что заставляет ещё больше путать разные иногда близкие, а иногда совершенно далёкие по духу движения.

Сейчас мы стоим перед двумя проблемами: во-первых, если считать правый популизм фрагментарной идеологией (или идеологией с разреженным центром «Thin-centred ideology»), то он в принципе является определённой ценностной или риторической рамкой, вступающей в некоторый синтез с более устойчивыми и тотальными идеологиями, что серьёзно затрудняет его научное распознавание и разграничение; во-вторых, из-за серьёзной привязки к эпохальным, национальным и историческим особенностям, правый популизм обладает огромным количеством периферийных и переменных компонентов, что приводит к аналогичным проблемам (стоит только сравнить крупнейшие правопопулистские политические субъекты в Венгрии, Франции и Польше).

Нам кажется, что для идентификации правого популизма и правопопулистских движений как таковых очень удобно использовать инструментарий, который нам дали знаменитые западные историки. Тот факт, что Гриффин и Итуэлл использовали свои понятия минимума, ядра и матрицы применительно к фашизму, не лишает возможности современных исследователей удобно применять их для определения движений иной идеологической ориентации: в т. ч., к примеру, для разграничения левых движений. В нашем же случае крайне удачно будет использовать их средства для выявления так называемого «правопопулистского минимума» в его авторской интерпретации, с помощью которого можно было бы определять правопопулистские движения и отделять их от близких по аксиологии и праксиологии.

По мнению автора, наиболее валидные и актуальные работы, изложившие элементы, входящие в современный «правопопулистский минимум», написали Ян-Вернер Мюллер, Роджер Итуэлл и Рут Водак. При составлении авторской комбинаторики компонентов правопопулистского минимума, автор будет опираться на собственный анализ политической реальности и результаты их главных исследований правого популизма.

Результатом составления авторской комбинаторики стало следующее.

Аксиологическое ядро современных правопопулистских движений составляет: на-

тивизм, ксенофобия, социальный консерватизм, национализм, республиканизм, культурный протекционизм, продюсеризм, суверенизм, стремление к общественной квазигомогенности.

Праксиологическое ядро современных правопопулистских движений составляет: дискурсивный антиэлитизм, конспирологизм, конструирование «политики страха» против «чужих», прямая апелляции к массам, политика сегментации масс, политика изоляции и демаркации против «чужих», националистическая стереотипизация, «просчитанная неоднозначность», борьба за конструирование титульной идентичности, борьба за снижение экономического неравенства.

Определение «правопопулистского минимума позволило систематизировать корневые признаки правого популизма и выработать универсальный аналитический инструмент для его разграничения и возможности выработки концептуальной чёткости, демаркации правопопулистских движений и других.

Ткачев А.В.
(Казань, КФУ)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРВАЛЬНОГО МЕТОДА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ И ШОТЛАНДИИ)

Современные политические процессы характеризуется резким нарастанием этнических компонентов, которые используются многими субъектами политического процесса. Данное исследование фокусируется на Северной Ирландии и Шотландии. Этому есть ряд причин. Во-первых, находясь в рамках одного государства, этнополитические конфликты протекают по-разному. Во-вторых, в последние годы наблюдаются новые тенденции, влияющие на этнополитические процессы в данных регионах.

В рамках данного исследования была предпринята попытка с помощью интервального метода оценить эффективность этнополитической мобилизации и составить соответствующий индекс. Это делается для того, чтобы дать такому абстрактному понятию, как «эффективность», четкие концептуальные рамки и на основе эмпирических данных выявить факторы, влияющие на этнополитическую мобилизацию в регионах Великобритании. В качестве критериев оценки выступали: процентное количество голосов, полученные места в парламенте, участие в формирование правительства.

Выбор критерия «процентное количество голосов» обусловлен тем, что он помогает проследить динамику популярности идей, продвигаемых партией, и то, насколько они отражают запросы этнической группы. Баллы по данному критерию будут выставляться следующим образом: если партия набрала больше процентов голосов, чем на предыдущих выборах, то она получает 1 балл; если примерно столько же (учитывается отклонение в 3%), то получает 0,5 балла; если набирает меньше, то получает 0 баллов.

Критерий «места в парламенте» выступает как индикатор представительства этнической группы в институциональной среде. Баллы по критерию «места в парламенте» будут распределяться следующим образом: если партия получила больше мандатов, чем на предыдущих выборах, то она получает 1 балл; если столько же, то она получает 0,5 балла; если количество мандатов стало меньше, то она получает 0 баллов.

Критерий «участия в формировании правительства» показывает способность этнической группы влиять на политический процесс. Баллы по критерию «участия в формировании правительства» будут распределяться следующим образом: если партия формирует правительство большинства, то она получает 1,5 балла; если партия участвует в правящей коалиции как основная, то она получает 1 балл; если она вступает в правящую коалицию как участник, не имеющий большинства в ней, то она получает 0,5 балла; если партия не участвует в правящей коалиции, то она получает 0 баллов.

В ходе сравнения можно выделить схожие и различные моменты этнополитической мобилизации в обоих кейсах. На этнополитическую мобилизацию как в Северной Ирландии, так и в Шотландии влияют общенациональные кризисы, что видно в период Брексита, когда нечеткие позиции по данному процессу оттолкнули часть электората.

Большое влияние на институционализацию, что характерно для первых двух этапов, оказывает избирательная система, а не технологии. Это видно на примере «Шинн Фейн», которая из-за особенностей «системы единственного передаваемого голоса» с первых выборов смогла войти в правительство и тем самым смогла институционализироваться и начать продвигать интересы католической общины.

Фактор поляризации общества влияет на риторику партии, которая в свою очередь влияет на электоральные результаты, что можно заметить по спадам результатов партий после 2016 г. Придерживаясь риторики, которая имеет этнический окрас, «Шинн Фейн» смогла улучшить свои результаты. В то время как ШНП сменила этническую риторику на гражданскую, что способствовало ее успехам на выборах 2007 и 2011 гг., но в дальнейшей привело к спаду и кризису партии.

Также стоит отметить фактор международного сотрудничества, который легитимизирует действия партии. Так, «Шинн Фейн», имея поддержку ирландского лобби в США и связи с «Дружественной Шинн Фейн», партия имеет дополнительную поддержку для продвижения ирредентизма в Северной Ирландии. ШНП в свою очередь стремилась легитимизировать идеи независимости после Брексита, выступая в европейских институтах. Но власти ЕС не поддержал идею реализации Шотландией права на самоопределение, что стало одним из факторов, который способствовал спаду националистических настроений в регионе.

Таким образом, мы видим, что, используя интервальный метод, можно проследить и дать характеристику этнополитической мобилизации и факторам, которые на нее влияют. Используя количественные данные и впоследствии их интерпретируя, мы можем дать более четкую оценку абстрактным понятиям.

Товмасян Н.Э.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ОБРАЗЫ КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ США В РОССИЙСКОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ФОРМИРОВАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ

Формирование имиджа политических лидеров в медиапространстве детерминировано комплексом коммуникативных стратегий, общественных настроений и геополитических интересов. Российские федеральные СМИ выступают активным инструментом конструирования политической реальности, что определяет необходи-

мость анализа механизмов репрезентации таких фигур, как кандидаты в президенты США. Целью работы является выявление особенностей формирования и восприятия имиджей Джо Байдена и Дональда Трампа в российском медиапространстве на основе экспертной оценки.

Методологическую основу исследования составил формализованный экспертный опрос, в котором приняли участие 12 специалистов в области политологии, медиа-коммуникаций и международных отношений. В экспертную группу вошли: политтехнологи и политические консультанты; представители региональных органов власти и избирательных комиссий; научные сотрудники и преподаватели вузов в сфере политических наук; эксперты по международным отношениям из академических институтов.

Отбор экспертов осуществлялся по критерию профессиональной компетентности и опыта работы в соответствующих сферах. Результаты опроса свидетельствуют о значительной асимметрии в освещении кандидатов. Большинство экспертов (66,7%) подтвердили, что Дональд Трамп упоминается в российских СМИ чаще, чем Джо Байден. Мнение экспертов показало, что Трамп ассоциируется с прагматизмом (75% ответов), сильным лидерством (41,7%) и агрессивной риторикой (33,3%). В то же время образ Байдена характеризуется через возрастную немощь (100% ответов), коррумпированность (50%) и агрессивную антироссийскую позицию (50%). Оценка негативности образа Байдена показала, что 83,3% экспертов считают его полностью или преимущественно негативным. Ключевыми факторами влияния на имидж кандидатов эксперты назвали отношения с российскими властями (100%), внешнюю политику (83,3%) и личные качества (50%).

Анализ экспертных оценок соответствия медийных образов кандидатов реальности выявил структурные различия в их восприятии, скрывающиеся за формально близкими средними показателями. Образ Джо Байдена (средний балл 2,9) характеризуется выраженным негативным смещением: абсолютное большинство экспертов (58,4%) оценили его соответствие реальности как низкое или крайне низкое (1–2 балла), что свидетельствует о консенсусе относительно значительной дистанцированности данного медийного конструкта от реальных политических характеристик и действий политика. Его репрезентация строится на гиперболизации спекулятивных фреймов («возрастная немощь», «коррумпированность»), формируя упрощённый и ангажированный образ, служащий целям внутренней политической повестки.

В отличие от этого, образ Дональда Трампа (средний балл 3,0) демонстрирует иное распределение экспертных мнений, сконцентрированных вокруг нейтральной и умеренно позитивной зоны. 75% респондентов признали его образ частично или скорее соответствующим реальности (3–4 балла), что указывает на его воспринимаемую аутентичность. Несмотря на неизбежную стереотипизацию и акцент на скандальных аспектах, его медийная репрезентация в значительной степени опирается на реальные публичные высказывания, действия и риторику политика, тиражируемые без кардинального искажения. В результате данный образ воспринимается как узнаваемый и построенный на объективно наблюдаемых чертах, хотя и подчинённый общим правилам политического фрейминга, выгодного российской медийной стратегии.

В заключение, следует отметить, что формирование образов кандидатов в российских СМИ носит инструментальный характер и служит целям внутренней и внешней политики. Исследование подтвердило гипотезу о наличии контрастных медийных портретов, где Трамп конструируется как прагматичный лидер, а Байден – как слабый и враждебный по отношению к России политик. Практическая ценность работы заключается в возможности применения выводов при разработке PR-стратегий, прогнозировании медиа-повестки и анализе влияния цифровых платформ на политический имиджмейкинг.

Томеян А.В.
(Москва, МГИМО МИД России)

ЛИДЕР В ЭПОХУ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ Н. ПАШИНЯНА

В современном мире, где периоды турбулентности сменяют друг друга, геополитическая обстановка, связанная со странами постсоветского пространства, остается остроактуальной для политологов и регионоведов. В частности, политическая ситуация в Армении и вокруг нее остается одной из крайне важных тем для обсуждения, поскольку затрагивает как интересы Российской Федерации, так и интересы обширной армянской диаспоры. Находясь на перекрестке транспортных коммуникаций и на пересечении интересов региональных и мировых держав, Армения на протяжении многих лет сталкивается с масштабными внутренними и внешними проблемами.

Главной политической фигурой армянского государства, с которой связаны многочисленные судьбоносные решения для республики и ее граждан, является премьер-министр Н. Пашинян.

Период его правления сопряжен с рядом коренных проблем: от поражения во Второй Карабахской войне и фактического отказа от территории автономии до принципа многовекторности в развитии отношений с партнерами. Не в последнюю очередь особую роль также играет нарастающий конфликт с Армянской Апостольской Церковью (ААЦ), которая, без всякого преувеличения, является консолидирующим институтом общества Армении.

В этой связи представляется важным исследование личности Никола Пашиняна, в частности аспект, касающийся мировоззрения политика, его политических ценностей, среди которых принято выделять ценностно-мировоззренческие дилеммы лидера: этатизм или антиэтатизм, приоритет равенства или индивидуальной свободы, этноцентризм или космополитизм.

Для рассмотрения мировоззренческих оснований нынешнего лидера Армении были выбраны два значимых выступления: обращение премьер-министра к народу, датированное 19 февраля 2025 г. Идеология Реальной Армении: премьер-министр обратился к народу // Официальный сайт премьер-министра Республики Армения [Электронный ресурс]. Режим доступа https://www.primeminister.am/ru/ (дата обращения: 20.02.2025)., а также интервью представителям турецких СМИ от 13 марта 2025 г. (Премьер-министр Пашинян дал интервью представителям турецких СМИ // Официальный сайт премьер-министра Республики Армения [Электронный ресурс]. Режим доступа https://www.primeminister.am/hy/interviews-and-press-conferences/item/2025/03/13/Nikol-Pashinyan-Interview/ (дата обращения 12.06.2025).

Первый из указанных текстов отражает позицию лидера Армении, которую он артикулировал перед гражданами республики, по отношению к нарастающим вызовам как внутри страны, так и за рубежом. Данное обращение четко демонстрирует акценты армянского руководства в условиях региональной нестабильности. Второй текст больше рассчитан на внешнюю аудиторию и позволяет рассмотреть внешнеполитический курс Еревана.

Контент-анализ выбранного текстового массива проводился с помощью авторской методики (Стрелец И.Э. Рабочие программы дисциплин и методические указания для курсов повышения квалификации филологов и политологов. М., 2020. С. 52–70),

позволяющей выявлять и подсчитывать определенные речевые маркеры, которые соотносятся со значимыми для политической деятельности аспектами личности политических лидеров.

Согласно полученным данным, Никол Пашинян позиционирует себя как умеренный антиэтатист. Он может ратовать за сильное государство, объединенное общей идеей, обращаться к истории древнего народа, декларировать необходимость строительства «Реальной Армении» и объединения терминов «родина» и «государство». Хотя фактически в речах преобладает либеральная повестка, несовместимая с идеей суверенной национальной политики в интересах исключительно своей страны. Между тем, в выступлениях Н. Пашиняна прослеживается приоритет равенства над индивидуальной свободой, что не слишком вписывается в западную политическую культуру. Зачастую он говорит о социальной справедливости, борьбе с коррупцией и олигархией, обеспечении равных возможностей. Похоже, он лишь демонстрирует популистские установки, говоря о коллективном благе, снижении социального неравенства, борьбе с «системой», равному распределению власти и ресурсов в стране, – что ожидают сограждане, но не раскрывает собственные политические убеждения. В пользу популизма также свидетельствует и сложное сочетание элементов этноцентризма и космополитизма, без явного преобладания одного над другим. Н. Пашиняну приходится угождать и местным патриотическим силам, и не настораживать западных покровителей.

В этих условиях у молодежи формируется идеология, соответствующая больше мультикультурализму Евросоюза, нежели уникальному культурному коду армянской идентичности, и этому способствует мировоззрение, которое проявляет в своих выступлениях глава правительства республики. Поэтому недавний конфликт с Армянской апостольской церковью, задержание священников и борцов за справедливость (например, активного сторонника ААЦ Самвела Карапетяна и др.), сближение с Турцией и Западом, ухудшение связей с Россией – все это не кажется чередой случайностей, поскольку отражает политические убеждения и вписывается в стратегию Н. Пашиняна в преддверии парламентских выборов, которые должны состояться в июне 2026 г.

Трофимова И.Н.
(Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН)

«ТРОЙНАЯ СПИРАЛЬ» В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ: СТРАНОВАЯ СПЕЦИФИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ

Обострение глобальной технологической конкуренции и сама природа инновационной деятельности, где результаты не гарантированы и не предопределены, укрепили мнение о необходимости комбинации государственных, рыночных и сетевых подходов. Функциональную сторону этого подхода описывает концепция «тройной спирали», которая обосновывает преимущество взаимодействия трех институциональных сфер – государства/правительства, бизнеса/компаний и образования/науки. Взаимодействие в данной модели основано на механизме совмещения ролей и интересов: университеты создают знания и «размещают» их на рынке; компании проводят

исследования и повышают свой технологический уровень; государство в дополнение к традиционной регулирующей роли действует как венчурный предприниматель, поддерживающий наиболее перспективные отрасли.

Взаимодействие по модели «тройной спирали» возникает, однако, не на пустом месте: страновая специфика и международный контекст оказывают на этот процесс большое влияние. Промером тому может быть политика в области искусственного интеллекта (ИИ) – ведущего технологического тренда современности. В глобальном масштабе ИИ развивался неравномерно, и отдельные страны в этой сфере добились разных успехов. До 2005 г. безусловным лидером здесь были США. В наши дни самые влиятельные американские техно-гиганты, включая Google, IBM, Microsoft, OpenAI, Anthropic, вынуждены соперничать с китайскими компаниями Tencent, Baidu и Alibaba. По некоторым разработкам разрыв между конкурентами оценивается в нескольких недель.

Объяснение быстрого преодоления Китаем технологического отставания и выхода на лидерские позиции в сфере ИИ отталкивается от признания исключительной роли государства как в части целеполагания, так и в части способов достижения намеченных целей. Это – совершенно иная научно-технологическая история, отличная от таковой в США и странах Западной Европы. Если США можно назвать пионером в области ИИ, то академические исследования в Китае начались относительно поздно и прошли путь от неприятия в 1950-1970-х гг. до поддержки первых инициатив в 1980-х и выхода на паритетные с США позиции в 2000-е гг. В США инновации вырастали «снизу» – из широкого спектра усилий исследователей, разработчиков, инвесторов, предпринимателей, которые впоследствии координировались рынком, в КНР государство целенаправленно создавало для этого условия: наращивало ресурсы, готовило кадры специалистов, стимулировало исследования и разработки.

Политика США в области ИИ – это пространство, где сталкиваются интересы государства, бизнеса, широкой общественности в лице представителей университетских, академических и экспертных кругов, общественных организаций. Государственная политика, в свою очередь, также не представляет единой линии, балансируя между приоритетами двух ведущих политических партий и интересами штатов. Внешним фактором для нее выступают амбиции Китая, который к 2030 г. нацелен стать глобальным лидером в области ИИ.

Китайскую политику характеризует единство приоритетов, долгосрочное целеполагание и централизованное регулирование как результат постоянного мониторинга и анализа ситуации со стороны государства. Такой подход позволяет концентрировать усилия и ресурсы на конкретных целях, комбинировать различные практики с учетом зарубежного опыта и национальных приоритетов, что в целом обеспечивает беспрецедентно быстрое развитие ИИ-отрасли.

При этом оба государства используют стимулируют взаимодействие по модели «тройной спирали», чтобы обеспечить технологическое первенство в глобальном масштабе.

Трунов М.А., Трунова А.Д.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В КРИЗИС: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО И ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА (2020–2025 ГГ.)

Период 2020–2025 гг. представляет собой уникальный случай институциональной адаптации государственного управления в условиях системного кризиса. Пандемия COVID-19 выступила катализатором глубоких структурных изменений в российской туристической отрасли, стимулировавших трансформацию как институциональной архитектуры, так и содержания государственной политики.

Ключевым институциональным изменением периода стала трансформация системы государственного управления в сфере туризма, отраженная в упразднении Федерального агентства по туризму (Ростуризм) и передаче его функций Министерству экономического развития РФ. Указ Президента РФ № 759 от 20 октября 2022 г. символизировал переход от специализированного отраслевого управления к комплексному подходу, интегрирующему туризм в широкие экономические и территориальные стратегии. Это решение обосновано необходимостью усиления координации между различными секторами публичной власти и повышения эффективности исполнения национальных проектов.

Вследствие преобразований последних лет туризм рассматривается как средство развития территорий и диверсификации экономики. Государственная политика становится более комплексной – туризм теперь видят, как фактор роста для транспорта, логистики, сельского хозяйства и сферы услуг.

Финансовые механизмы государственной поддержки туризма в 2020–2025 гг. представляют собой яркий пример политической экономии распределения ресурсов в условиях ограниченного бюджета. Общий объем финансирования национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» оценивается в 542–912 млрд рублей с прогнозируемым увеличением до 3,5 трлн. рублей к 2030 г. Динамика финансирования демонстрирует системный рост: от 154,1 млрд. рублей в 2021 г. до 234,5 млрд. рублей в 2024 г.

Масштабное финансирование свидетельствует о росте статуса туризма в иерархии государственных приоритетов, что политически обусловлено необходимостью переориентации экономики на внутренний спрос в условиях санкций и изоляции. Увеличение ассигнований на туризм на фоне сокращения других нацпроектов указывает на перераспределение бюджетных ресурсов и изменение стратегических приоритетов. Отрасль, ранее считавшаяся второстепенной, заняла устойчивое место в государственной политике, отражая её адаптацию к внешним вызовам.

Механизмы государственного регулирования в сфере туризма демонстрируют двухступенчатую модель воздействия на рынок: прямое стимулирование спроса и поддержка предложения. Такая политическая стратегия отражает современные подходы к государственному регулированию, сочетающие краткосрочные антикризисные меры с долгосрочными структурными преобразованиями. Введение нулевой ставки НДС для гостиниц до 2027 г. и снижение НДС для туроператоров внутреннего туризма представляют собой примеры использования налоговой политики как инструмента государственного влияния на рынок, что подчеркивает роль фискальных механизмов в реализации государственной политики.

Развитие туристической инфраструктуры в 2020–2025 гг. следует рассматривать как форму территориального управления и пространственной политики государства. Акцент на создании туристических кластеров и модульных средств размещения вдоль ключевых автотрасс (М-4 «Дон», М-8 «Холмогоры» и др.) отражает стратегию децентрализованного развития, направленную на вовлечение в экономический оборот периферийных территорий. Это соответствует цели укрепления общества через развитие инфраструктуры в регионах, что важно в условиях геополитической напряженности. Принятие Концепции развития автомобильного туризма до 2035 г. в 2024 г. свидетельствует о системном подходе к решению пространственных проблем и созданию условий для внутренней мобильности граждан.

Оценка эффективности государственной политики в сфере туризма выявляет серьезные институциональные вызовы. Несмотря на достижение ключевого показателя по росту внутренних поездок, наблюдается значительное отставание по показателям въездного туризма и экспорта туристических услуг. Низкая скорость исполнения расходов по национальному проекту и нарушения при строительстве (40% проектов модульных объектов размещаются на землях с неподходящим видом разрешенного использования) указывают на системные проблемы в реализации государственной политики.

Эти проблемы носят не технический, а институциональный характер, связанный с недостатками в системе управления, контроле и координации между различными органами власти. Отсутствие единого подхода к оценке эффективности (особенно в MICE-индустрии) и использование косвенных показателей вместо прямых экономических индикаторов свидетельствуют о слабости институтов мониторинга и оценки государственной политики. Это создает риски неэффективного использования бюджетных средств и снижает подотчетность государственных институтов.

Тулегенова Д.Д.
(Челябинск, Челябинский государственный университет; Москва, ИНИОН РАН)

ПАТЕРНАЛИСТСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Вопросы политического образования и гражданского просвещения молодого поколения актуализированы сегодня на уровне руководства страны и являются значимым направлением государственной политики (молодежной, образовательной, культурной и пр.). Политическое образование и гражданское просвещение как вид деятельности и как направление государственной политики имеет целевую аудиторию и направлено на самый широкий круг граждан, в первую очередь, на молодежь. Основной задачей который выступает не только информирование о политических явлениях и событиях, но и укрепление в массовом сознании молодежи аксиологических конструктов, созвучных принципам цивилизационного выбора России.

В свете происходящих глубоких трансформаций российского общества проблема ценностных ориентаций представителей молодого поколения, которые определяют их восприятие прошлого, настоящего и будущего, взаимодействие с государством и обществом, становится особенно важной как для научного сообщества, так и для практической сферы работы с молодежью и молодежной, образовательной, культурной политики в нашей стране.

Для выстраивания эффективной системы политического образования и гражданского просвещения молодежи необходимо опираться на актуальные данные о ее социально-психологических свойствах и политических ориентациях, работа с молодежью в рамках государственной внутренней политики должна основываться на понимании ценностей, представлений, потребностей молодых людей. Эмпирическая база данного исследования была сформирована на основе данных всероссийского репрезентативного опроса молодежи, который был проведен осенью 2022 года (n – 2500) и фокус-групповых дискуссий с представителями российской молодежи в возрасте от 14 до 30 лет (n – 14).

По результатам исследования можно заключить следующее.

В сознании российской молодежи наблюдается сочетание ценностей, традиционно присущих отечественной политической культуре, и новых, появившихся недавно, проявляется баланс между ориентациями на автономию и патернализм, при котором молодые люди выступают с претензией на самостоятельность в определении принципов жизнедеятельности одновременно с запросом по отношению к государству в обеспечении этих принципов.

Осмысление свойственных молодежи патерналистских ориентаций выводит нас на проблему политической субъектности молодежи. Молодежь проявляет установки на автономию, самореализацию и самовыражение, декларирует ценность свободы в формате «свободы от». Но при этом она выступает в качестве пассивного благополучателя, демонстрируя односторонний характер модальности долженствования и ответственности – от государства к гражданину. Обратная логика, предусматривающая их долг и ответственность перед государством и обществом, молодыми людьми практически не предполагается.

Эта особенность, при слабом знании молодежью правовых оснований взаимоотношений личности и государства, создает основу для манипулирования ее сознанием и поведением, предлагая под предлогом защиты ценностей свободы и справедливости участвовать или поддерживать политическую активность, направленную против государства и его институтов. Проецирование выявленных проблем в плоскость практической работы с молодежью актуализирует задачу формирования у подрастающего поколения системных историко-политологических знаний в рамках образовательного процесса и дополнительных просветительских программ. При этом содержание изучаемых молодежью курсов должно раскрывать аксиологические основы российской государственности, опираться на традиционные, исторически сложившиеся в нашей политической культуре смыслы и ценности.

Исследование выполнено в рамках проекта по государственному заданию № 075-00186-25-05 «Российские цивилизационные императивы: концептуальное наполнение и восприятие в российском обществе» (шифр FEGG-2025-0008), реализуемому в ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и АНО ЭИСИ.

Тульчинский Г.Л.
(Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)

ОТ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА К СТЕРЕОМЕТРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Неолиберализм в его политической модальности продолжил траекторию развития либеральной общественной мысли, восходящей к идеям Возрождения и Просвещения. Осталась прежней и его социальная база – прежде всего, это научная, академическая и университетская среда. В принципе, сохранилась и концептуальная

основа – идеи научной рациональности, прав автономной личности, государства как их гаранта.

Вместе с тем неолиберализм серьезно отличается расстановкой акцентов. Он сформировался как реакция на дрейф либерализма в сторону социал-демократии, представленный в коммунитаристстком социал-либерализме (теории справедливости Д. Ролза, концепции толерантности М. Уолцера, кейнсианство). В политике это выражалось в признании значения консолидации социума, социального сотрудничества и защиты, ориентации государства на поддержку социальных программ с эгалитаристским посылом.

В отличие от этих установок, неолиберализм ориентирован на рыночную конкуренцию, на понимание роли государства как «ночного сторожа», создающего правовую рамку деловой активности или также государственного управления в бизнес-формате с соответствующими оценками эффективности. Практическое выражение неолиберализм получил в «рейганомике и тэтчеризме», связанных не только с яркими личностями политических лидеров США и Великобритании, но и, главное, с экономическими и политическими успехами этих стран.

Такая тенденция была не случайна. Индустриализация, урбанизация, обеспечили формирование благополучного общества массового потребления, ценностно «плоского мира», в котором все ценности приведены к общему знаменателю маркетизации. Следствием стала универсальность рынка обменов и товарно-денежных отношений как универсального обмена и монетизации как универсального критерия эффективности этих обменов. Это породило увлечение количественными методами, измерениями, рейтингованием всего и вся. Политология питалась со стола экономической теории. Итогом стало представление о стабильном доминировании теории и практики либеральных демократий как цели политического развития.

Однако, как показала динамика результатов проекта World Value Survey и разработанная на этих данных за 4 десятилетия модель (в общем-то – марксистская) человеческого развития Р. Инглхарта как однозначного развития человеческой цивилизации от «материальных» ценностей выживания к «духовным ценностям самореализации личности, ещё в 1990-х наметился встречный тренд. Он проявлялся на ряде примеров и обстоятельств:

– исследовательская программа истории экономического развития Culture matters убедительно обобщила исторический материал, из которого следовала роль культуры, включая мораль, традиции в экономическом развитии, его темпах;

– неоинституционализм в истории экономики не менее убедительно показал не столько роль институтов, сколько истории их возникновения и развития;

– экономическая нестабильность и серия финансовых кризисов привели к тому, что глобализация сменилась политическим «огораживанием экономических «бутиков»;

– реальный опыт значения централизации и жёсткости государственной власти (Сингапур, Республика Корея, КНР, Индонезия и др.) в экономической трансформации, проблемы российского «трансфера», показал, что роль государства не сводится к «ночному сторожу».

Перефразируя известные пушкинские строки, можно сказать, что «булат» взял реванш у «злата». А либеральная демократия предстала не источником экономического развития, а как его результат, «упаковка» всюду плотных рыночных отношений.

Среди современных альтернатив неолиберализму можно выделить два противостоящих вектора политической теории и практики. Первый связан с комплексом идей и действий, претендующих на универсальность и всеобщность, и представленных двумя крайне противоположными позициями. Примером одной крайности является идущее на спад фабианство с его упованием на роль научно-технического прогресса, связанную с ним абстрактную рациональность и справедливость. Другой крайностью выступает исламизм (в спектре от умерено-прагматичного до агрессивно-консерва-

тивного), фактически выполняющего роль утопической программы универсалистской справедливости.

Второй вектор – противоположно направленный – отрицает универсализацию, подчеркивая самостоятельные траектории развития. Это может быть консервативный национализм (Польша, Венгрия, Турция) огораживания своих экономических и культурно-исторических «бутиков» и умеренно-прагматичное следование национальным государственным целям (КНР, Индия, трамповские «сделки»).

Представляется, что перспектива развития политической теории и практики может быть связана с «ситуационизмом» самоопределения на шкале конъюнктуры факторов и ситуаций конкретного социума. В стабильных ситуациях – смещение в сторону условий свободной самореализации личности. В ситуации угроз и опасности – в сторону гарантий безопасности общности.

Тумуров Ж.Т.
(Чита, ЗабГУ)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ

В настоящее время проблема обеспечения национальной безопасности в нашей стране является одной из главных в связи с существующими угрозами на всей территории страны. Политическая ситуация и межнациональные конфликты в мире создают серьезные противоречия в различных сферах деятельности, всё это увеличивает число угроз и новых вызовов безопасности.

Государственные органы в рамках реализации Стратегии национальной безопасности и Стратегии социально-экономического развития во всех субъектах РФ, а также на местном уровне осуществляют деятельность и решают проблемы, связанные с повышением качества жизни населения, принимают эффективные меры по исправлению ситуации по убыли населения, миграционного оттока, увеличение трудового капитала, принимают меры по решению многочисленных проблем в сфере здравоохранения, меры по снижению бедности, расслоению граждан по уровню доходов, меры по улучшению экологической обстановки.

Обеспечение национальной безопасности в Забайкальском крае осуществляется через усилия региональной власти и местных органов самоуправления на данной территории.

Исследование показало, что в данный момент субъекты страны владеют достаточным количеством ресурсов и сырья, интеллектуального потенциала, при этом они исторически взаимосвязаны. Одновременно с этим они столкнулись с новой экономической проблемой: все субъекты по-своему отзываются на вызовы современности. В более выигрышной позиции оказались те, кто владеет сильной сырьевой базой и промышленными мощностями для переработки сырья и производства полуфабрикатов, актуальных для мирового рынка. Намного труднее тем, чья продукция сейчас не пользуется прежним спросом в пределах России.

Результаты противодействия террористическим и экстремистским проявлениям: за истекший период 2024 года обстановка на территории Забайкальского края в области противодействия терроризму остаётся стабильной и контролируемой, совершения террористических актов не допущено. На территории Забайкальского края члены бандгрупп, находящиеся в розыске, не задерживались, контртеррористические опе-

рации не проводились, схронов, тайников с оружием, салафитских религиозных объектов не выявлено. Межконфессиональных и межнациональных конфликтов в регионе не зарегистрировано.

На сегодняшний день Забайкальский край стал одним из регионов, столкнувшихся с серьезными проблемами. При оценке его статуса как проблемного региона мы учитывали следующее:

- в последние годы заметно увеличилось количество негативных явлений в социальной сфере, таких как препоны выплат по социальным пособиям и задержка заработной платы в бюджетной сфере, а также на предприятиях промышленности;
- безработица, которая тормозит развитие края. Уровень безработицы в Забайкальском крае в 2024 году составил 9,3% от общего числа трудоспособного населения края, что является самым высоким показателем в Дальневосточном федеральном округе;
- недостаточное количество рабочих мест и неразвитая инфраструктура;
- непростой ситуацией для приграничного субъекта выступает приток иностранных рабочих. Именно китайская миграция, в частности, нелегальная чаще всего обсуждается в последнее время. Ведь из-за нее появляется угроза не только безопасности приграничных субъектов, но и национальной безопасности государства;
- существующая тенденция постоянного увеличения долговой нагрузки в бюджетной области;
- отсутствие или существенный недостаток прорывных проектов.

Для развития края требуется создание множества соответствующих проектов, дающих возможность открывать конкурентоспособные компании с актуальными вакансиями, хорошим уровнем заработной платой, которые будут помогать закреплению граждан в субъекте. Забайкалье сотни лет выступает как богатейшее хранилище сырьевых ресурсов.

Организованная в Забайкальском крае система мониторинга, в целом, способствует своевременному выявлению террористических угроз и принятию необходимых мер по их устранению, однако приведенные выше факты не позволяют оперативно выработать дополнительные предупредительно-профилактические меры, направленные на противодействие идеологии терроризма, вносить коррективы в профилактическую деятельность.

Важнейшим направлением и деятельностью государственных органов власти Забайкальского края должно являться и оставаться предупреждение, пресечение экстремистской, террористической деятельности на всей территории страны, в том числе пресечения попыток совершения актов ядерного, биологического, химического терроризма.

Тупаев А.В.
(Ростов-на-Дону, ЮФУ)

СМЫСЛ ИНТЕРЕСА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Исследования, посвященные концептуальному содержанию понятия «интерес», занимают все более значительное место в различных направлениях политической науки. Анализ интересов при реализации власти и принятии управленческих решений является одним из фундаментальных механизмов оценки и изучения системы государственной политики. Однако одной из особенностей отечественных исследований

в области интереса является доминирование направлений, которые сосредотачиваются на описании национального интереса, это отражает современные тенденции и исторический контекст политической конъюнктуры власти, а также позицию властно-управленческого аппарата в отношении интерпретации национального интереса. В связи с этим остаются недостаточно проработаны исследования об интересе в контексте влияния различных групп на политический процесс, а также в философском и правовом измерении. Усложнение социального взаимодействия актуализирует обращение к концепции интереса, подчиняя логике развития взаимодействия общества вне зависимости от классового или других принципов сегментации, в нем постоянно присутствуют индивидуальные, групповые и властные интересы, реализация которых так или иначе связана с непосредственным участием в политике. На данном этапе рассуждений приемлемым представляется определение интереса, предложенное М. Фуко (1), а именно как познание мира, позволяющее воле быть примененной к предмету и сути вещей, столь философское определение при экстраполяции в политологический контекст можно представить как действие, основанное на потребности и направленное на познание (приобретение, использование), реализуемое в системе институтов, ценностей и традиций. Исследования интереса акцентирует внимание на нескольких ключевых проблемах политической науки, а именно на противоречии или, по крайней мере, сложной системе согласования интересов государственного аппарата и общества. Проследить интересы различных групп в принимаемых политических решениях в закрытых обществах не представляется возможным, что приводит к ложным аналитическим выводам, политическим оценкам и прогнозированию, более того, доминирующие группы склонны прикрывать собственные интересы интересами большинства, отсюда вытекает критика всей системы выборного представительства, которая не может реализовывать функции тотального представительства интересов всех граждан государства. Еще одна из проблем – это искажения смысла интереса в политике и управлении (2). Например, исследования экономических интересов сосредоточены на анализе распределения ресурсов, социальных интересов – на системе определения статусов и авторитетов; политический интерес сопричастен с распределением власти, однако данная схема, доминирующая в гуманитарном знании, не выдерживает критики против невозможности получения достоверной информации о технологиях использования власти, ресурсов и статусов. Ярким свидетельством тому является концепция власти-собственности в модели русской власти.

Подведём некоторые выводы. Во-первых, для анализа современных идейно-политических процессов, глобализации и цивилизационных парадигм явно требуется концепция интереса, основывающаяся не только на потребностях человека и идеи материального доминирования. Во-вторых, интерес является одной из ключевых характеристик различных групп, а противоречия и согласование интересов относятся к фундаментальным функциям политики (политического процесса). В-третьих, интересы бюрократического аппарата и общества сложно согласуемы; посредничество между ними осуществляется через систему государственных и гражданских институтов, следовательно, в орбиту исследований концепции интереса по меньшей мере включены легитимность, легальность и политическая оппозиция.

Туркин И. А.
(Москва, РУДН, НИУ ВШЭ,)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИМВОЛА «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» В ЭКСПЕРТНОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ И США (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛОВ «РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ» И «FOREIGN AFFAIRS»)

Нынешний кризис глобальной безопасности не только углубил разногласия между ведущими державами, но и сделал особенно важным поиск более адекватных языков для описания их взаимодействия. В качестве возможных ответов выступают метафоры и концепты, более близкие к реалистической школе международных отношений, которые рассматривают конфликт как форму социализации и естественный элемент взаимодействия между великими державами. В обозначенном контексте был реактуализован символ «Холодная война», который позволяет через аналогии с предыдущим большим конфликтом описать актуальную динамику акторов на международной арене[178].

Цель данной работы – выявить ключевые узловые точки экспертных дискурсов, описывающих актуальный кризис в качестве проявления Холодной войны или Новой Холодной войны. Для проведения данного исследования мы обратились к методу критического дискурс-анализа[179], который позволяет как выявлять генеалогию борьбы за значение означающего, так и выделять те смыслы, которые исключаются символическими элитами. Для анализа были выбраны два журнала по изучению международных отношений: «Россия в глобальной политике» (Россия) и «Foreign affairs» (США). Объём генеральной совокупности составил 115 экспертных публикаций (47 публикаций в отечественном журнале и 68 в американском) с 2014 по 2023 года.

В российском дискурсе символ «Холодная война» является одним из важнейших для описания внешней политики. Отправным событием для актуализации символа является государственный переворот на Украине 2014 года. Легитимирующим тезисом для апелляции к символу является утверждение, что Холодная война является одним из типов международного соперничества за ресурсы без перехода к прямому боестолкновению между ядерными державами. Обосновывается, что Россия обладает богатым опытом противостояния такого типа, что является её преимуществом. Подчёркивается, что система международных отношений, сформированная во время Холодной войны, была более устойчивой и предпочтительной, чем однополярная система. Аргументируется, что разлом в Новой Холодной войне проходит по линии ценностных установок. Акцентируется, что главным экзистенциальным врагом для Запада предстаёт именно Россия, а не Китай, так как именно Россия является понятным и привычным «другим».

Американский экспертный дискурс отличается. Главным экзистенциальном врагом репрезентируется коммунистический Китай. Экспертами отмечается, что Поднебесная является гораздо более грозным соперником, чем СССР. Отдельно выделяется новая арена противостояния, сравнимая с ядерным оружием, – киберпространство. Россия определяется вторым по значимости, но не экзистенциальным врагом. Использование

[178]Рябова, Т. Б. Китайско-американские отношения сквозь призму символов Холодной войны: опыт изучения СМИ США методами анализа больших данных / Т. Б. Рябова, И. А. Туркин, А. П. Коротышев // PolitBook. – 2025. – № 1. – С. 5-21. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-1-5-21

[179]Laclau, E. Mouffe, C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics / E.Laclau, C.Mouffe. Verso, 2001. 188 p.

символа «Холодная война» направлено на репрезентацию России в качестве «иррациональной империи», угрожающей «свободному» миру. Разлом между странами проходит по линии разграничения «демократия» – «авторитаризм».

В ходе анализа было определено, что в России и США символ «Холодная война» является индикатором напряжённости между великими державами. При этом сам символ используется по-разному в двух дискурсах. Для России апелляция к символу нужна для того, чтобы объяснить несправедливость политики США. Для Америки апелляция к символу необходима, чтобы обосновать противостояние между Россией и Китаем, которые благодаря своей «ненормальности» стремятся разрушить либеральный мировой порядок. Таким образом, в обоих дискурсах апелляция к «Холодной войне» является символом легитимации соперничества, так как с помощью него артикулируется идея о недопустимости прямого столкновения между странами. Эксперты высказывают идею, что лучше переходить к модели противостояния Холодной войны, чем навязывать друг другу свою волю с помощью прямого столкновения, которое может закончиться ядерной эскалацией.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–18–00305, https://rscf.ru/project/22-18-00305/, «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США».

Уваров Г.Д.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СЛОМ СТАРОЙ ОДНОПОЛЯРНОЙ ПАРАДИГМЫ

Не секрет, что в последние два года происходит процесс реструктуризации сферы международных отношений. Процесс глобализации, основывающийся на повсеместной вестернизации культуры по всему миру, распространению идеологической западной парадигмы и ее нарратива, пошел вспять. Задачей России является трансформация сферы международных отношений на новых основах, которые учитывали бы интересы всех государств, а не ставили кого-либо в более уязвимое положение или положение гегемона[180].

В совсем недавней исторической перспективе представители “американских ястребов” в своих трудах обосновывали принципы и задачи внешнеполитической стратегии США. Самыми выдающимися из них являлись два человека – Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский. Неудивительно, что именно их идеи были воплощены во внешнеполитической стратегии США, на это есть несколько причин. Во-первых, они занимали крайне высокие государственные посты (Киссинджер был 56-м государственным секретарем США при администрации Ричарда Никсона). Во-вторых, их идеи составляли фундамент, который наиболее подходил интересам США во внешней политике. Таким образом, США реализовывали свое положение гегемона в мире[181]. Наиболее ярко это проявлялось

[180]Указ Президента Российской Федерации "Концепция внешней политики Российской Федерации" от 31.03.2023 № 229 // Министерство иностранных дел РФ. – 2023

[181]Медведев Николай Петрович, Васильев Юрий Владимирович ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ И ГИБРИДИЗАЦИЯ - ДВА ИЗМЕРЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки . 2020. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-polyarizatsiya-i-gibridizatsiya-dva-izmereniya-sovremennogo-politicheskogo-protsessa (дата обращения: 21.09.2024).

в странах Латинской Америки (Операция "Кондор") и в юго-восточной Азии (война во Вьетнаме и т. д.). Сейчас каждый человек видит новые горячие точки, в которых США реализует свое положение, хоть и постепенно уходящего в тень истории, гегемона – Украина и Ближний Восток (Война Израиля против "Хезболлы"). Очевидно, что у США есть определенные задачи в данных регионах: противостояние Исламскому миру и России.

Существующая ныне геополитическая напряженность свидетельствует лишь о том факте, что в обозримой перспективе весь мир ждет слом нынешней глобальной политической системы. Ни для кого не является секретом, что "Коллективный Запад" на протяжении почти 80 лет управлял как минимум половиной мира и его интересами. Однако, природа того, ушедшего и приобретшего энциклопедический характер, конфликта была уравновешенной и сбалансированной. СССР и Варшавский договор являлись антитезой североатлантическому альянсу НАТО. В нынешней перспективе задача Глобального Юга и России состоит в том, чтобы создать новое геополитическое сообщество, которое руководствовалось бы настоящими принципами демократии, свободы слова и равноправия. Которое исполняло бы роль Варшавского договора, но не на принципах коммунизма, а на тех, что были изложены мною выше. В странах Запада хоть и декларируются данные ценности, но невооруженным глазом видно, что там активно притесняется та риторика, которая не соответствует ценностям и целям их правительств. Демократия и свобода слова стали там крайне ангажированными. Еще давний классик английской литературы Джордж Оруэлл в своей сатирической повесть-притче писал – "Все равны, но некоторые равны более других". Именно данная цитата наиболее точно характеризует нынешнее состояние демократии и свободы слова в западных странах.

В Глобальном Юге, в России и в ключевых экономиках мира – Китае и Индии – все больше растет потенциал во всех существующих ныне сферах: экономика, политика, международное сотрудничество, создание новых смыслов и т. д. Россия постепенно объединяется с этими силами для того, чтобы создать противовес западным странам. Эпоха гегемонии подходит к концу, потому что создаются новые точки роста, с которыми Россия активно сотрудничает и в которые она внедряется. Именно это и есть характерная черта реструктуризации международных отношений и слом однополярной парадигмы[182].

Ульянов П.В.
(Барнаул, АлтГУ)

П. К. ФРОЛОВ КАК «ЗНАКОВАЯ ФИГУРА» И ПРИМЕР ДЛЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

В последние годы актуальность приобрела молодежная политическая активность, которая показала уверенный рост и приобрела новые практики выражения политической позиции. В этих условиях на федеральном уровне и в регионах зачастую ставится проблема патриотического воспитания молодежи в контексте политического плюрализма, особенно на примерах известных исторических личностей. На уровне всей страны есть множество «знаковых фигур», образы которых формируют привлекатель-

[182]Панкратов С.А., Клиньшанс Е.В. РОССИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОГНОЗНЫЕ СЦЕНАРИИ И ГРАНИЦЫ ДОПУСТИМОЙ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-v-sovremennoy-arhitekture-mezhdunarodnyh-otnosheniy-prognoznye-stsenarii-i-granitsy-dopustimoy-restrukturizatsii (дата обращения: 21.09.2024).

ный и узнаваемый имидж страны. Основой имиджа страны является ее историко-культурное наследие, предназначенное для укрепления единства между разными социальными, религиозными и этническими группами. Привлечение современной молодежи к патриотической деятельности становится необходимостью для повышения их интереса к истории своей страны и формирования чувства уважения к своей Родине в условиях глобализации и активизации общественно-политических процессов.

Важным вопросом для региональных властей остается выбор «своих» «знаковых фигур» в качестве показательных примеров для подрастающего поколения. Многие регионы России участвуют в конкуренции за признание «своих» заслуг перед федеральным центром, опираясь на имя выдающейся личности, о чем пишут российские исследователи О. Ю. Малинова, А. И. Миллер, К.А. Пахалюк. В этом ключе региональные власти выбирают широко известных деятелей, имевших тесные связи со страной. В Архангельске (Архангельской области) известным остается имя ученого-энциклопедиста Михаила Ломоносова. В Пензе (Пензенской области) среди молодежи популяризируются имена режиссера Всеволода Мейерхольда и ученого-историка Василия Ключевского. За Ростовом-на-Дону (Ростовской областью) закреплены имена писателя Михаила Шолохова и маршала Семена Буденного. Данные регионы России создали узнаваемые образы, которые позволили им ассоциироваться с именами «знаковых фигур» и быть показательными примерами молодому поколению, которому продолжать сохранять историческую память на примерах жизнедеятельности известных людей.

Алтайский край в конкуренции с другими регионами стремится показать свое историко-культурное своеобразие и тесную связь со страной, мотивируя молодых людей стремится к высоким достижениям на примерах самых ярких «знаковых фигур». Их выбор также зависит от вклада в развитие региона и страны. В отличие от таких личностей, как изобретатель пароатмосферного двигателя Иван Ползунов или оружейник-конструктор Михаил Калашников, Петр Фролов известен исключительно на уровне региона – Алтайского края. Однако на примере его жизни и деятельности создается образ человека, получившего высшее образование и развивавшего родной край, ставшей для него «малой родиной».

Имя Петра Фролова сохранилось в памяти жителей Алтайского края как основоположника железнодорожного дела в России, грамотного руководителя, патриота своей страны и «малой родины». Благодаря ему город Барнаул воспринимался в дореволюционный период «уголком Петербурга». Напоминанием о столице служили здания, построенные на Демидовской площади в стиле русского классицизма по распоряжению Петра Фролова. О значимости личности П. К. Фролова в качестве примера для современной молодежи рассказала на открытой выставке 25 февраля 2025 года в Государственном архиве Алтайского края министр культуры Е. Е. Безрукова.

Важным фактором выбора имени Петра Фролова для патриотического воспитания молодежи стало то, что в этом году исполнилось 250 лет со дня его рождения. В 2026 году в Барнауле будет отмечаться 300-летие с начала горного производства на Алтае, и связано оно будет уже с другой «знаковой фигурой» – А. Н. Демидовым, о чем есть постановление губернатора Алтайского края В. П. Томенко. Обе даты переплетаются с формированием историко-культурного образа города Барнаула как центра производственной деятельности на Алтае.

Следует отметить и значительное влияние на молодежь проведенных 25 февраля 2025 года в ГААК выставки о жизни и деятельности Петра Фролова на Алтае, виртуальной выставки «Рожден для устройства и благосостояния этого края...» ГААК, РГИА и Государственного архива Томской области, книжной выставки «Горный инженер, библиотекарь, губернатор: к 250-летию П.К. Фролова» на базе краевой биб¬лиотеки имени В.Я. Шишкова, а также разработка в виде компьютерной игры квиза «Пути дороги

Петра Фролова». Указанные молодежные мероприятия дают возможность молодому поколению на конкретно-историческом примере увидеть, каких успехов можно добиться, вкладывая силы в развитие своей «малой родины», чтобы в дальнейшем результаты оказали влияние и на страну в целом.

Таким образом, имя Петра Кузьмича Фролова – это показательный пример региональной гордости для молодежи. Проведение мероприятий различного уровня стало инструментами привлечения молодых людей к сохранению памяти о «знаковой фигуре» и закрепления в их сознании образа будущего региона и даже страны в качестве результата коллективного творчества.

Усачев С.В.
(Нижний Новгород, ННГУ)

НИКАРАГУА И БРИКС: ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ПОСЛЕ ВТОРОГО РАСШИРЕНИЯ

В условиях растущей международной конфликтности, учащения и усиления глобальных экономических кризисов и эрозии пост-биполярного мироустройства всё громче звучат призывы реформировать институциональные основы системы международных отношений. Одним из объединений, выступающих за реформирование существующей политико-экономической структуры (с преобладанием Соединённых Штатов Америки на мировой арене), является БРИКС. Организация позиционирует себя как всеобъемлющее стратегическое партнерство, основанное на согласовании и сотрудничестве в экономической, торговой, финансовой и международной политике и направленное на содействие справедливому и равноправному развитию, стабильности и миру во всем мире.

Изначально БРИКС был «эксклюзивным» клубом влиятельных незападных государств и стал своеобразным «антиподом» Большой семёрки. Третье десятилетие XX в. ознаменовало изменение формата работы в рамках объединения, открыв дорогу к расширению числа полноправных участников. В результате к началу 2025 г. БРИКС расширился до десяти государств, а также появилась категория «стран-партнеров» – в перспективе будущих членов организации.

В число стран, проявивших интерес к вступлению в объединение, входит Никарагуа. Связанное тесными отношениями, прежде всего, с Китаем и Россией центральноамериканское государство представляется закономерным кандидатом на членство в БРИКС. Стремление Манагуа присоединиться к организации обусловлено несколькими соображениями.

Во-первых, никарагуанское правительство ищет международной поддержки в условиях региональной делигитимации и политического конфликта с США. После президентских выборов 2021 г. избранный на четвёртый срок подряд Д. Ортега столкнулся с волной критики из-за преследования оппозиционных деятелей и обвинениями в «недемократичности» электорального процесса. Создание института сопрезидентства в 2025 г. также ударило по имиджу государства в Западном полушарии. В этих обстоятельствах Манагуа стремится к сближению с БРИКС, чтобы восстановить кредит доверия хотя бы в Латинской Америке.

Во-вторых, Никарагуа рассчитывает на расширение коммерческого сотрудничества с незападными государствами в условиях экономических трудностей и ужесточаю-

щегося с 2018 г. санкционного режима со стороны США. Дестабилизация экономики подорвала устойчивость власти сандинистов, поэтому вступление в БРИКС представляется инструментом стимуляции экономического развития и снижения влияния иностранных санкций.

Несмотря на взаимный интерес к сотрудничеству, Никарагуа не была включена в список кандидатов в БРИКС, утверждённый в 2023 г. на саммите в Йоханнесбурге. Это свидетельствует о том, что на данном этапе страны-основатели не видят Манагуа участником альянса.

Во-первых, кандидатура Никарагуа столкнулась с противодействием Бразилии. С лета 2024 г. стороны фактически не поддерживают дипломатические связи из-за критики бразильским президентом Л. да Силва выборного процесса в Никарагуа и преследований оппозиции. По этой причине Бразилия принципиально заблокировала включение Манагуа в список кандидатов БРИКС.

Во-вторых, большое значение играет фактор США, сохраняющих положение основного экономического партнёра для центральноамериканской страны. БРИКС стоит на позиции неконфронтационного сотрудничества, а членство Никарагуа может привести к обострению отношений с Вашингтоном. Для большинства участников объединения такой вариант представляется неприемлемым, несмотря на существующие противоречия между странами-основателями и лидером Западного мира.

В этих обстоятельствах перспективы сотрудничества Никарагуа и БРИКС остаются туманными. Хотя правительство сандинистов разделяет ценности членов объединения и поддерживает привилегированные отношения с некоторыми из них (в особенности, Китаем, Россией и Ираном), центральноамериканскому государству предстоит длинный путь к членству в БРИКС. Первостепенной задачей на данном этапе представляется работа по деэскалации отношений с Бразилией и преодолению экономической зависимости от США. Это требует особых дипломатических усилий и заметной гибкости по вопросам внутренней и внешней политики. Насколько Никарагуа открыта и способна двигаться в этом направлении, предмет отдельного исследования.

Усманов Р.Х.
(Астрахань, АГУ им. В. Н. Татищева)

СТРАТЕГИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ КОНФИГУРАЦИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Надо признать, что сегодня современные геополитические процессы на данном этапе характеризуются международными отношениями государств участников с их, прежде всего, экономическими, социально-политическими, культурными и религиозными особенностями. В данном случае эти процессы носят весьма динамичный, даже турбулентный характер. Их скоротечный процесс определяется стремительно меняющимися условиями развития, изменением сущности национальных интересов, потенциалом, логистикой, а также целым набором различных субъективных факторов идеологического, религиозного и профессионального характера.

В связи с этим все более актуальным в этих условиях является идея коллективной безопасности государств с идентичными целями, задачами и направлениями дальней-

шего национального развития. При этом идея коллективной безопасности государств в полной мере противоречит прозападной концепции, изложенной президентом ВЭФ Клаусом Швабом в январе 2021 года в Давосе. По мнению которого крупнейшие транснациональные компании и корпорации теперь якобы будут определять вектор современных геополитических процессов в мире и возьмут на себя роль социально-политической ответственности и тем самым заменят государства, что приведет к десуверинизации этих стран и депопуляции населения, что полностью противоречит принципам и уставу ООН.

По вполне понятным причинам, согласно происходящим турбулентным политическим процессам, Российская Федерация совместно с евразийскими странами и восточными партнерами переходят на более рациональные и совершенные модели и уровни межгосударственного взаимодействия, разрабатывая новые геополитические проекты, где проблема коллективной безопасности не снимается с повестки дня, а более актуализируется, что привлекает страны Каспийского региона. Так на современном этапе Россия, инициируя данный проект проводит идею сотрудничества и взимодействия суверенных государств, где проблема безопасности является одной из базовых для дружественных стран.

В современных условиях формирования нового глобального миропорядка, проблематика обеспечения коллективной безопасности, в т. ч. в приграничных районах российских регионов, остается весьма актуальной и основана на многочисленных государственных актах, регламентирующих различные сферы жизнедеятельности. Для этого достаточно привести ряд фундаментальных законодательных документов, как: Концепция внешней политики РФ, Стратегия национальной безопасности РФ и т. д.

Разумеется, Россия с ее стратегическим положением в регионе и военно-экономическим потенциалом может представляться гарантом безопасности для прикаспийских государств.

Учитывая специфику геополитического положения Российской Федерации и анализируя историю и этнополитические процессы на евразийском пространстве в последнее время – в начале XXI века мы отмечаем ее значительную роль в ареале Большого Каспия.

Надо отметить, что Каспийский регион всегда был одним из узловых центров Евразийского политико-этнического и социокультурного ландшафта и играл немаловажную роль в истории его народов и государств. Необходимо учитывать и то, что Каспийский регион является логическим продолжением Индо-Персидского, Кавказско-Черноморского, Центрально-Азиатского и Волго-Уральского геополитических направлений и регионов. Поэтому рассматривать его в отрыве от этого регионального пересечения было бы необъективным, особенно в современных геополитических условиях глобализации, когда ин-тересы вышеуказанных регионов переплетаются именно здесь – на Кас¬пии. Значение Каспия сегодня все больше усиливается, прежде всего, обосновывается это с ролью связующего звена между Европой и Азией, как центра евразийского пространства. После приобретения независимости бывших советских республик на Каспии интерес к изучению вопросов суверенитета, безопасности, а также политико-правовых и этнических процессов в регионе значительно возрос. Свидетельством актуальности данных проблем является рассматриваемые вопросы на форумах Прикаспийских государств и принятая итоговая Конвенция о правовом статусе Каспийского моря —12 августа 2018 года в рамках Пятого Каспийского саммита.

В данном случае сегодня актуализация Каспийского региона напрямую зависит от: 1) роста его эконо¬мического потенциала (в том числе правильного использования сырьевых ресурсов); 2) активизации межгосударственных отношений самих При¬каспийских государств; 3) обострения политической ситуации в сопре¬дельных с ним

конфликтных регионах; 4) меры заинтересованности в этом регионе ведущих мировых держав и финансово-экономических структур; 5) уровня развития социокультурных отношений; 6) уровня качества образовательных, информационных услуг и научно-исследовательских достижений.

При этом необходимо рассматривать данные факторы с положительной тенденцией вектора развития при условии коллективной безопасности стран прикаспийских государств и во взаимосвязи с теми странами, которые имеют взаимоотношения и определенные интересы к этому региону от локальных до стратегических. Следует обратить внимание, что по оценкам отдельных экспертов, «Каспийский процесс» представляет собой одну из сложнейших современных задач, включающих в себя комплекс вопросов политического, экономического, юридического и экологического характера.

Новый глобальный порядок и современный «Каспийский процесс» обосновывает объективную необходимость создания более эффективной системы коллективной безопасности не только в Каспийском регионе, но и в ареале Большого Каспия, учитывая последние события, как на постсоветском пространстве, так и в пространстве всего евразийского континента.

Усманова З.Р.
(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ИДЕАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЕЁ ГРАЖДАН: СООТНОШЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНЫХ И НЕОСОЗНАВАЕМЫХ КОМПОНЕНТОВ

Образ будущего в контексте происходящих в настоящем социально-политических, технологических, глобальных трансформаций, привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных ученых-гуманитариев в течение последних десятилетий. К настоящему времени многими научными коллективами наработан задел, позволяющий осмыслить как процесс формирования указанного образа, так и динамику изменений во взглядах и мнениях граждан, обнаружить своеобразный «эмоционально-оценочный маятник», связанный с постепенным усвоением гражданами государственно-политической парадигмы, некоторой стабилизацией во всех сферах жизни российского общества и одновременной сложностью внешнеполитических процессов. Вместе с тем трансформации, происходящие в массовом сознании граждан, требуют дальнейшего мониторинга и анализа. Необходимость обнаружения более точной взаимосвязи между архетипическими, мифо-символическими сюжетами, накопленными в глубинах коллективной памяти, и их проекциями, связанными с ожиданиями, надеждами, планированием будущего, ощущением направлений развития во всех сферах жизни, выражением степени поддержки ожидаемых изменений, готовности встраивания в меняющуюся действительность на личностном и коллективном психологическом уровнях, не вызывает сомнений.

По результатам исследований образа будущего, осуществленных нашей проектной группой в 2020–2024 гг. можно сделать вывод о некотором запросе массового сознания на «будущее без изменений», такое развитие событий, при котором в стране и мире не будет происходить ничего негативного. Этот феномен объясняется нами через влияние на общественное сознание ситуативных факторов политического, экономического, со-

циально-культурного контекста, но при этом понимание изменчивости данных факторов обусловливает необходимость проведения регулярных прикладных замеров массовых представлений. С их помощью возможно вырабатывать адекватный государственно-управленческий ответ на возможные деструктивные процессы в общественном сознании и самочувствии и корректировать информационно-просветительское воздействие на них в рамках государственной политики.

Отсюда вытекают несколько прикладных проблем, связанных с поиском ответов на следующие исследовательские вопросы:

– каковы представления граждан об идеальном будущем России, выделяют ли они в нём определенные потенциалы развития, ассоциируемые с конкретными областями жизни общества и государства, каковы доминирующие эмоции, испытываемые гражданами по отношению к будущему России: позитивные, негативные, индифферентные;

– как граждане представляют себе путь к достижению идеального будущего России, в каких областях заложен потенциал развития страны, а в каких областях могут быть скрытые проблемные области;

– в чем выражен потенциал развития России: в ресурсном богатстве, технологическом суверенитете, развитии сервисного государства или иных аспектах;

– что может препятствовать развитию России, реализации идеального сценария будущего страны, и как возможные проблемы связаны с развитием сфер жизни – социальной, политической, духовной, экономической;

– насколько эти представления рационализированы в общественном сознании и каков механизм их рационализации.

Предварительные результаты анализа массива полученных в результате обработки текстов глубинных интервью данных позволяют сделать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, на рациональном уровне восприятия идеальное будущее видится гражданам через призму победы в СВО. Примечательно, что именно победа гарантирует в представлениях граждан из разных социальных групп торжество справедливости и наступление порядка. При этом, представители разных возрастов и жители разных регионов видят справедливость по-своему. Молодежь чаще воспринимает идеальное будущее как возвращение в условия их комфортного проживания в периоде детства и первичной социализации, в которых общественные, экономические и политические проблемы слабо соприкасались с их личной жизнью. Респонденты среднего возраста связывают идеальное будущее с целым спектром экономических, экологических, технологических преобразований. А представители старшей возрастной группы с реставрацией былого величия России, примеры которому находят в истории СССР и Российской Империи.

Во-вторых, на иррациональном уровне восприятия идеальное будущее России представлено спектром положительных чувств и эмоций, которые испытывают граждане при его описании. При этом позитивные чувства демонстрируются при описании желаемого будущего, как идеального, но при попытках осмысления этапов, методов, пути достижения этого идеального будущего, оно обрастает тревогами и страхами. Обобщающей характеристикой идеального будущего в представлениях разных групп населения, таким образом, становится их устремление к описанию статичного будущего, которое должно наступить как бы само по себе.

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2025–0018, «Образ России в представлениях граждан: идеальное будущее и потенциал развития»).

Усов Д.А.
(Тула, ТулГУ)

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТОРЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ, ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ И НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В современном мире международные отношения перестали быть исключительно сферой взаимодействия национальных государств. Появление и рост влияния негосударственных акторов существенно изменили ландшафт мировой политики. Сегодня государства вынуждены конкурировать и сотрудничать с такими структурами, как транснациональные корпорации (ТНК), частные военные компании (ЧВК) и неправительственные организации (НПО). Эти акторы обладают ресурсами, способными оказывать прямое и косвенное воздействие на глобальные процессы, включая вопросы безопасности, экономики и прав человека.

Транснациональные корпорации играют ключевую роль в мировой экономике. Крупнейшие корпорации, такие как Apple, Microsoft, Amazon, имеют рыночную капитализацию, превышающую ВВП многих государств. Их деятельность влияет на международные торговые режимы, структуру мирового производства и распределение инвестиций. ТНК формируют глобальные производственные цепочки, создают рабочие места и в то же время способны усиливать социально-экономическое неравенство. С их помощью формируются новые стандарты цифровизации, устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности. Таким образом, ТНК становятся не просто экономическими игроками, но и политическими субъектами, оказывающими давление на правительства и международные организации.

Особую специфику вносят частные военные компании. В отличие от государственных армий, ЧВК действуют на коммерческой основе, оказывая широкий спектр услуг: от охраны объектов до участия в боевых операциях. В начале XXI века их значение возросло в связи с военными кампаниями в Ираке и Афганистане, где ЧВК, такие как Blackwater (ныне Academi), обеспечивали охрану дипломатических миссий, сопровождение грузов и подготовку местных сил безопасности. Использование ЧВК позволяет государствам снижать политические издержки ведения войн, скрывать реальные масштабы военного присутствия и обходить ограничения международного права. Однако широкое распространение ЧВК ставит новые вызовы глобальной безопасности: слабый контроль над их деятельностью, возможность нарушения прав человека, а также риск дестабилизации регионов конфликта.

Не менее значимыми участниками политических международных процессов являются неправительственные организации. НПО функционируют в различных сферах: защита прав человека, гуманитарная помощь, охрана окружающей среды, развитие образования и здравоохранения. Самыми известными такими организациями являются: Amnesty International, Human Rights Watch и Greenpeace[183]. Однако нередко под этим НПО скрывает другие цели, в том числе попытку установления контроля над сферами, контролируемыми государством. Конечно, НПО могут действовать в рамках заданных сфер, но их возможности манипуляций и воздействия на определённые слои населения способствует укреплению позиций НПО в государстве, что позже даёт НПО рычаги давления необходимые для достижения нужных целей. Их влияние выходит за рамки отдельных государств, формируя глобальные нормы и способствуя развитию так называемой «мягкой силы» в ми-

[183]Признаны нежелательными организациями на территории Российской Федерации.

ровой политике.

Совокупность действий этих негосударственных акторов приводит к трансформации международных отношений. Если в прошлом именно государства обладали монополией на власть и контроль над ключевыми ресурсами, то сегодня политическая сцена стала многополярной. ТНК конкурируют за ресурсы и рынки, ЧВК формируют новые механизмы силового влияния, а НПО обеспечивают альтернативные каналы выражения интересов гражданского общества. Эта многоуровневая структура международных взаимодействий усложняет процесс принятия решений и требует новых подходов к регулированию.

В будущем можно ожидать дальнейшего усиления роли негосударственных акторов. В условиях цифровой экономики, глобальных экологических вызовов и роста числа локальных конфликтов именно ТНК, ЧВК и НПО будут формировать важные направления мировой повестки. Для государств и международных организаций это означает необходимость поиска баланса между сотрудничеством и контролем, а также выработку правил, способных ограничивать негативные последствия их деятельности при сохранении позитивного потенциала.

Таким образом, негосударственные акторы – это не просто вспомогательные игроки мировой политики, а самостоятельные и влиятельные субъекты, способные определять развитие международных процессов. Их изучение и регулирование становятся важнейшей задачей современной науки о международных отношениях.

Уханов А.Д.
(Москва, ГАУГН, НИУ «МЭИ»)

ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ АЛЬТЕРНАТИВ: К ВОПРОСУ О КОНКУРЕНЦИИ ОБРАЗОВ БУДУЩЕГО В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Будущее довольно давно перестало мыслиться фатально, в качестве некоторого неизбежного, единственно возможного и заранее определённого варианта развития, детерминированного исключительно объективными факторами. Это означает, что будущее становится проектом, т. е. комплексом предполагаемых действий и задач, ориентированных на достижения некого заранее смоделированного результата, нормативным выражением которого является образ будущего. В такой оптике будущее становится не только главным критерием оценки и интерпретации прошлого, ключевым ориентиром в эволюции современного социального-политического уклада, но и легитимирующей конструкцией, которая обосновывает и оправдывает те или иные действия социально-политических акторов. Настоящее же полезно лишь в той мере, в которой позволяет приблизиться к желаемому будущему.

Политически (иногда даже политико-конспирологически) это указывают на то, что всегда существует заинтересованная социально-политическая сила (субъект), направляющая движение истории к реализации образа будущего. Однако, помимо этого, необходима практика продвижения самого образа будущего и стремление убедить в его значимости индивида или социальную группу. Последнее обусловлено не только созданием «благоприятной почвы» для построения проектируемого будущего, но и фактором *сосуществования* альтернативных социально-политических образов будущего, неизбежно вступающих в конкуренцию.

Пространством этой конкуренции или же местом столкновения (противостояния) социально-политических альтернатив выступает *массовая культура*, которая не только от-

ражает существующую реальность, предлагая палитру интересов, желаний, ожиданий, практик и проч., характерных для общества в конкретный момент, но и играет важную роль в их конструировании. Ключевыми каналами распространения, перечисленного выступают не только фильмы, сериалы, видеоигры, литература и музыка, что весьма очевидно, но и иные артефакты, зачастую оказывающие «рутинное» (в значении не рефлексируемое) воздействие на потребителя. Тем самым массовая культура не только позволяет запечатлеть существующие страхи и надежды, но и сформировать их, «навязать» аудитории запрос на определенный образ будущего, имеющий социально-политическое измерение.

Будучи основным пространством столкновения образов будущего, массовая культура оказывает влияние как на способ донесения контента, так и на характер его производства и распространения. *В части донесения* следует отметить, что выразительные средства, используемые в массовой культуре, ориентированы на применение ярких эмоциональных образов, доступных и усваиваемых широкими слоями населения. Иными словами, сложные теоретические конструкции, абстрактные идеи, социальные модели, политические понятия и категории переводятся на весьма «примитивный» (относительно внутреннего содержания) язык.

В свою очередь, *производство и распространение* подчинены одновременно общедоступности и логике коммерциализации. Так, если идеологии XIX века, как сложные интеллектуально-мировоззренческие системы смыслов, создавались незначительным кругом лиц, то массовая культура предоставляет каждому возможность стать не только потребителем, но и творцом и распространителем образов и смыслов. Более того, современные цифровые сервисы и платформы делают *круг лиц*, участвующих в производстве и распространении контента, *потенциально неограниченным*.

Коммерциализация подчеркивает наличие на этом «рынке образов будущего» игроков, чьи действия направлены исключительно на получение прибыли: образы будущего, нашедшие отклик у аудитории, тиражируются и модифицируются вне зависимости от их содержания. Тем самым массовая культура наполняется огромным количеством образов, каждый из которых ориентирован на *определенную аудиторию*. Она становится местом удовлетворения *сиюминутных интересов отдельных социальных групп*, которые без труда найдут, либо сами произведут, желаемый контент, продвигающий некоторую социально-политическую модель развития.

И в этом, на наш взгляд, кроется как сильная сторона массовой культуры, так и определенные риски. Так, массовая культура становится барьером для установления деструктивной политической идеологии и единственно верного образа будущего, достижению которого на безальтернативной основе подчинено всё общество. Однако эта «демонополизация» содержания, производства и распространения создаёт риски социальной разобщенности, размытия идентичностей и смысловой перегруженности.

Таким образом, можно полагать, что массовая культура является пространством, где между собой конкурируют различные образы будущего. Понимание механизмов этой конкуренции, исследование доминирующих образов, артефактов и каналов их распространения, анализ причин и критериев популярности тех или иных образов, реконструкция установок и личных предпочтений, способствующих усвоению распространяемых в массовой культуре смыслов, выступают перспективной научной проблематикой, требующей рассмотрения в контексте моделирования траекторий развития общества и государства, формирования инструментов политического просвещения российской молодежи.

Тезисы доклада подготовлены в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2025–0026, «Образы Будущего России в сознании российской молодежи: герои, артефакты массовой культуры, социальные установки и личные предпочтения»).

Уханова Ю.В.
(Санкт-Петербург, СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

УЧАСТИЕ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА В РАЗВИТИИ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ (ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА BIG DATA)

В России обостряется ситуация с концентрированием населения в крупных городах и агломерациях при стремительном сокращении доли жителей малых городов, что обусловлено неравномерным развитием уровня и качества среды для жизнедеятельности граждан *(Стратегии пространственного развития до 2030 года с прогнозом до 2036 года)*. Игнорирование интересов малых городов потенциально подрывает политическую и социокультурную целостность страны, что актуализирует поиск действенных механизмов развития этих территорий, в том числе с участием местного сообщества.

В рамках социопространственного подхода, который позволяет сосредоточиться на субъектности социально-территориальных групп, выявляются ключевые проблемы малых городов и роль участия местного сообщества в их разрешении.

В условиях ограниченности официальной статистики для осуществления диагностики и качественного стратегирования точек роста этого вида поселений разработан и апробирован авторский инструментарий, основанный на методах Big Data. Выбрана социальная сеть ВКонтакте, которая отличается обилием информации с ее ежедневным обновлением, наличием социальных групп. Учитывались официальные «паблики» администраций малых городов, а также «паблики» местных сообществ. Тексты (посты) рассматривались с двух позиций: выявления социальных противоречий и участия местных сообществ в их преодолении.

Для анализа отобраны территории СЗФО и ЦФО, где малые города с численностью населения до 50 тыс. в СЗФО составляют 84% среди прочих городов, в ЦФО – 74%. Выборочно изучены «паблики» по крупным городам (Вологда, Петрозаводск, Ярославль). Рассматривались посты за временной период с 01.02 2024 г. по 15.10.2024 г.

Контент-анализ позволил осуществить типологизацию групп по такому параметру, как коэффициент вовлеченности (Engagement Rate, далее ER) – метрика, которая показывает степень участия людей в жизни конкретного поста. Эмпирически выделенные интервалы ER (медианные показатели) составили: менее 1% – низкий уровень; от 1% до 3,5% средний; от 3,5% до 6% – высокий; свыше 6% – очень высокий.

В группу социальных противоречий с «очень высокой» степенью вовлеченности относится тема ЖКХ в связи с высоким уровнем износа старого жилищного фонда (средний ER по малым городам составляет 6,9%, по крупным – 7,4%). В группу с высоким коэффициентом вовлеченности попали две проблемные темы ремонт и содержание дорог (по малым городам – 5,8%, по крупным – 6,3%) и состояние сферы здравоохранения (5,1 против 6,8% соответственно). В своих комментариях жители малых городов *отмечают «разбитые дороги и ямы», отсутствие пешеходных дорожек, организованных парковок*.

Активность комментариев подписчиков связана с состоянием здравоохранения в населенных пунктах, причем не только и не столько с требованием ремонта здания участковых больниц, а в большей степени с обозначением проблемы отсутствия врачей: *«В поликлинике не хватает врачей терапевтов и педиатров!». «Записаться через госуслуги невозможно, наша поликлиника без специалистов»*.

Активное обсуждение в городских онлайн-сообществах вызывают такие проблемы, как *«рост количества бездомных животных (собак)», «тараканы в подъездах», «отсутствие благоустроенного общественного пространства», «необходимый ремонт почтового отделения связи», «отсутствие контейнера для крупногабаритного мусора»*.

Анализ уровня ER в части участия населения в решении проблем своей территории проживания выявил высокие показатели (по малым городам – 6,8%, по крупным – 4,3%) по благоустройству общественных пространств православной тематики, восстановления исторических мест. Местное сообщество активно включается (за счёт денежных пожертвований, физического труда, активных обсуждений) в ремонт местных храмов, благоустройства «святых источников» монастырей, исторических мест со своей богатой историей (дворянские и купеческие усадьбы, крестьянские избы, дома знаменитых земляков и почетных гостей и т. д.). Ко второй наиболее распространенной форме участия относится благотворительность, помощь нуждающимся, наиболее уязвимым социальным категориям населения.

Несмотря на проблемы в развитии малых городов, выявляется позитивное отношение местного сообщества к своему месту проживания. Наблюдается готовность населения к вовлеченности в различные практики. Крайне низкая степень уверенности у населения в том, что бизнес (особенно МСП) способен повлиять на развитие территории, связана с незначительным уровнем (или отсутствием) доверия к предпринимательским структурам. С целью повышения участия местных сообществ в развитии малых городов предложено создание единой информационной платформы по участию граждан и бизнес-сообщества с содержанием мероприятий онлайн и офлайн, обучающих треков по формированию компетенций гражданской грамотности среди молодежи.

Фадеева Л.А., Кетова Д.А.
(Пермь, ПГНИУ)

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ СРЕДЕ: ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА

Традиционное определение интеллектуальной среды, где вырабатываются умственные блага, так называемые “духовные ценности”, предложил Д. Овсянико-Куликовский еще в начале XX века. Властители дум, интеллектуалы, интеллигенция (так их именовали в разные периоды времени в разных странах), рассматривались как источник вдохновения и динамического воображения. «Интеллектуалы несут ответственность перед обществом, – декларировал Р. Дарендорф. Там, где они хранят молчание, общество утрачивает свою будущность».

Молодежь была (и остается) их важнейшей аудиторией, которой они адресуют новые идеалы и ценности. Французские интеллектуалы были вдохновителями мая 68 и молодежного движения, которое стало толчком для европейской молодежной политики. Молодежь с восторгом повторяла слова А. Камю: «Я протестую, следовательно, мы существуем». Однако, исследования интеллектуальной среды показывают, прежде всего, ее гетерогенность, не только социальную, но идейно-политическую.

По этой причине в научных и публицистических публикациях так много резких критических оценок интеллектуалов, суждений о том, что они предали свою миссию и перестали существовать. Ситуация начала 2000-х повсеместно показала преждевременность суждений о кончине интеллектуалов. Интеллектуалы вновь инициировали широкую публичную дискуссию и активно включились в обсуждение актуальных общественно-политических проблем по разным поводам и на разных уровнях.

В условиях глобализированного мира и множественных идентичностей одной из ключевых задач интеллектуалов стало конструирование идентичности на основе системы ценностей. Очевидно, что ценности и их интерпретация становится полем дискуссии, противоречий, противоборства. Новая медийная среда выдвинула на первый план фигуру публичного интеллектуала, оказывающего с помощью риторически заостренных аргументов влияние на общественное мнение. Обнаружилась потребность в общественности – бодрствующей, информированной, способной на отклик.

Цифровая среда сформировала возможности влияния активных пользователей, заинтересованных в том, чтобы взаимодействовать с другими людьми, транслировать, воспроизводить, предлагать новые приоритеты и ценности. Категория инфлюэнсеров стала претендовать на роль новых властителей дум.

Музыка носит не только развлекательный характер, но и является каналом коммуникации и социализации. Выступая каналом социализации, она создает картину социальной реальности, влияет на политическую культуру и формирует набор разнообразных ценностей и норм. Ценностный спектр музыкального контента конструируется посредством трансляции общественно-социальных и политических вопросов, которые затрагивают исполнители в своем творчестве. Они высказывают свое мнение, создают новые интерпретации социальной реальности.

В основу понимания ценностей закладываются базовые традиционные установки, а также зарождаются новые смыслы. На них влияет социально-политический контекст, в котором находится исполнитель и большая часть его аудитории. Также необходимо отметить разнообразие ценностного спектра музыкального контента, в котором содержатся общечеловеческие ценности и обнаруживается общественно-политическое измерение.

Исследование музыкального контента российских исполнителей на предмет ценностного содержания позволило рассмотреть тексты через призму общечеловеческих ценностей (любовь, красота, семья, материальное благополучие) и с точки зрения общественно-политического измерения (идентичность, образ России, категория «русский», перспективы будущего).

Формирующей и центральной в представлении общественно-политического измерения является идентичность. Она собирает в себе несколько смыслов, образовывая многослойную категорию. В основу ложится как социальный опыт музыкантов, так и внутренние и внешние социально-политические трансформации.

Можно отметить также тенденцию формирования среди пользователей обособленного полузакрытого пространства – эхо-камеры. Так в большей степени аудитория одного исполнителя сконцентрирована и погружена в его творчество, считывает и поддерживает транслируемые ценностные установки, не выходя за рамки этого коммьюнити и при этом контролируя себя существующей цензурой и самоцензурой.

Федько А.А.
(Тюмень, ТюмГУ)

ВЛИЯНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С ДРУЖЕСТВЕННЫМИ СТРАНАМИ

Нынешняя геополитическая обстановка сложная и непредсказуема: риторики глав государств по отношению к друг другу могут меняться несколько раз за месяц, а взаимодействия между акторами международных отношений могут быть как разрушены, так и налажены в любой момент. Одно известно точно: все шаги, предпринимаемые в настоящий момент, будут в большей или меньшей степени влиять на будущее мира и взаимоотношения государств в этом мире. На таком же уровне известно, что нынешнее поколение будет определять будущее стран и геополитическую обстановку в мире, что делает важным взаимодействие молодежи разных национальностей из разных уголков мира. Правительство Российской Федерации также осознает большую роль подрастающего поколения во влиянии на будущее страны и делает упор на развитие молодежных общественных организаций, имеющих возможность сотрудничества с внешними партнерами.

На текущий момент ведущую роль в развитии международных отношений играют молодежные общественные организации, которые находятся под управлением или в ассоциации с политическими партиями Российской Федерации. Среди них можно выделить, например, такие организации как: «Молодая Гвардия Единой России», «Молодежь ЛДПР» и «Молодежь Справедливой России». Стоит отметить, что в большей мере в развитии партнерства с внешними партнерами преуспели такие общественные организации, как «Молодая Гвардия» и «Молодежь Справедливой России». Вероятнее всего такое отставание «Молодежи ЛДПР» в вопросах международного сотрудничества связано с неопределенностью руководства политической партии «ЛДПР», что напрямую сказывается на молодежное объединение.

Активная фаза развития международных отношений общественными организациями «Молодая Гвардия Единой России» и «Молодежь Справедливой России» началась после 2022 года. Прежде всего стоит разобрать опыт «Молодой Гвардии», так как именно это организация смогла отлично зарекомендовать себя во многих странах мира.

Одно из первых соглашений было достигнуто с Таджикистаном, а именно с общественной организацией «Созандагони Ватан» или «Созидатели Родины». Соглашение было подписано в рамках международного молодежного форума «Манжерок», который проходил на территории Алтайской Республики. Так как общественная организация «Созидатели Родины» была основана по инициативе лидера Таджикистана Эмомали Рахмона, то подобная договоренность укрепляет отношения между государствами не только на уровне высоких должностей, но и среди молодого поколения активистов общественных организаций.

Наиболее крупные взаимодействия произошли уже в 2025 году. Например, в апреле делегация «Молодой Гвардии Единой России» с официальным визитом посетила Пхеньян, столицу КНДР. За 7 дней пребывания в дружественном государстве делегация посетила главные достопримечательности Пхеньяна, а также ближе познакомилась с культурой и историей страны, непосредственной частью становления которой являются советские

воины, учувствовавшие в боях за свободу Кореи. Важной частью поездки стало подписание соглашения о дружбе и сотрудничестве с Социалистическим союзом патриотической молодежи КНДР, в рамках которого стороны договорились о двустороннем сотрудничестве между двумя государствами на уровне подрастающего поколения.

В мае текущего года в ходе рабочей встречи в Москве «Молодая Гвардия» заключила соглашение с Коммунистическим союзом молодежи Китая. Тогда Глава «Молодой Гвардии» Антон Демидов отметил, что соглашение направлено на реализацию раннего заявления лидеров стран об углублении всестороннего стратегического партнерства, а секретарь партии «Единая Россия» Владимир Якушев подчеркнул, что документ обеспечит устойчивое сотрудничество между молодежью России и Китая.

«Молодежь Справедливой России» также активно участвует во взаимодействии со внешними партнерами. В феврале 2023 года в состав делегации «Национальный Совета молодёжных и детских объединений России» на Дне молодежи в Венесуэле вошла председатель «Молодежи Справедливой России» Анастасия Павлюченкова. В июле того же года в составе российской делегации представители «Молодежи Справедливой России» в лице руководителей региональных отделений смогли поучаствовать на площадках «X-го международного Форума по поддержке малых и средних предприятий России и Китая», который проходил в Китае. Хоть, и не обладая такими же возможностями, как «Молодая Гвардия Единой России», «Молодежь Справедливой России» может в полной мере учувствовать в процессах формирования международных отношений с дружественными странами благодаря подобным мероприятиям, на которые привлекаются российские делегации.

Современная геополитическая обстановка вследствие усложнения взаимоотношений между государствами открыла возможности к налаживанию международных отношений на более низких уровнях, что было доказано на примере молодежных общественных организаций. В последние года мы видим, как активно развивается данная сфера молодежной политики, а реализуемые шаги в данном направлении порой отражают сменившейся политический курс государств. Несмотря на то, что доподлинно неизвестно, чем обернется текущее сотрудничество Российской Федерации со своими партнерами, стоит уверенно сказать, что взаимодействии молодежи на международном уровне станет выгодным вложением в будущее двустороннее сотрудничество между государствами.

Филатова О.Г., Аркатов Д.А.
(Санкт-Петербург, Университет ИТМО, НИУ ВШЭ-Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМЫ (НЕ)ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ ЖИТЕЛЯМИ МЕГАПОЛИСА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Перспективы развития России и мира в 21 веке не в последнюю очередь связаны с развитием экосистем цифровых сервисов, включая сервисы, предоставляющие возможности электронного взаимодействия власти и общества. Именно с оценкой результативности таких сервисов связан трехлетний исследовательский проект, некоторые итоги которого представлены в данном докладе. И если в первый год проекта мы говорили о том, что в научном дискурсе отсутствует достаточное количество теоретического и эмпирического знания о цифровых сервисах, предоставляемых государством

гражданам, то к настоящему моменту можно дать вполне обоснованную оценку результативности создаваемой экосистемы цифровых сервисов на примере конкретного мегаполиса. Обоснованность сделанных нами выводов базируется на большом количестве эмпирических исследований, проведенных в течение трех лет в Санкт-Петербурге с использованием смешанной количественно-качественной методики (фокус-группы, онлайн-опросы, экспертные интервью, анализ больших данных и др.).

Говоря в терминах концепции Л. Картера и Ф. Беланджера, мы можем констатировать достаточно низкий уровень «принятия и использования» городских цифровых сервисов жителями Санкт-Петербурга, предпочитающих пользоваться либо коммерческими сервисами, либо сервисами, разработанными на федеральном уровне (Госуслуги). Несмотря на то, что в городе развивается сразу несколько цифровых экосистем, предоставляющих гражданам различные возможности для взаимодействия с органами власти и получения городских услуг, лишь небольшое число жителей пользуется ими. Почему так происходит? В качестве теоретической рамки, объясняющей суть цифровых интеракций между гражданами и органами власти, предлагается использовать междисциплинарный подход, комбинирующий теории, касающиеся потребительского поведения («избыток выбора» А.Тоффлера) и логики принятия бюрократических решений (теория рациональной бюрократии В. Нисканена), который предварительно подтвердил свою валидность.

Проведенные нами исследования выявили проблемы, связанные в первую очередь с трудностями межведомственного взаимодействия при создании цифровых экосистем, что зачастую смещает фокус с потребностей граждан на возможности и интересы органов власти. Опираясь в большей степени на свои собственные представления, региональная бюрократия создает такие сервисы, которые гражданам либо неинтересны, либо потребности в которых уже закрыты коммерческим функционалом. К тому же высокая избыточность различных сервисов, конкуренция экосистем приводит к тому, что их предложение слишком пересекается с тем, что уже существует на рынке и люди предпочитают пользоваться тем, что уже существует и чем они пользовались ранее, откладывая выбор. Обнаружены также проблемы с техническим функционалом создаваемых правительством города сервисов, что также снижает результативность, полезность и востребованность создаваемых сервисов.

Тем не менее, исследование позволило выявить и позитивные моменты, что создает в перспективе возможности успешного развития городских цифровых экосистем. В частности, во время фокус-групп граждане всех возрастов неоднократно высказывали готовность пользоваться городскими цифровыми сервисами, несмотря на существующие барьеры и растущее недоверие к процессам цифровизации в стране и мире.

Разработанная нами по итогам исследований теоретическая модель включает как элемент логики бюрократов (полагание на собственные компетенции, работа в условиях ограничений и контроля), определяющей создание цифровых сервисов, так и поведенческий элемент со стороны граждан, которые оценивают предложенные сервисы и принимают решение о их (не)использовании. Предлагаемая модель демонстрирует, что бюрократические решения не всегда могут соответствовать запросам гражданам, из-за чего возникает рассинхронизация между предлагаемыми сервисами и ожиданиями граждан.

В дальнейшем представляется целесообразным тестирование данной модели на примере других цифровых решений и в других регионах.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23–18–20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» (https://rscf.ru/project/23-18-20079/).

Филимонов Д.А.
(Москва, ГУУ)

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Консерватизм в российской политической практике изначально возник как реакция на либеральные тенденции. Традиция рассматривается в качестве важнейшей составляющей социальной реальности еще начиная с работ Михаила Михайловича Щербатова. Благодаря традиции обеспечивается целостность и стабильность общества, она формирует основу для критической оценки реформ, которые являются вмешательством в социальный организм и подвергают общество рискам.

Исследователями утверждается, что основным трендом в государственной идее в современной России консерватизм становятся к 2010 годам. При этом отмечается его аморфность, отсутствие четко сформулированных принципов. (Разуваев В. В. Современный российский консерватизм: тезисы для дискуссии // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://web.snauka.ru/issues/2017/02/78880). Это объясняется тем, что актуализация консерватизма современной социально-политической практике обуславливается не столько настроением политических элит, сколько социальным запросом широких масс российских граждан. Чрезмерное давление на российское общество западных либеральных моделей, за последнее тридцатилетие трансформировавшихся в ультралиберализм, развал СССР, социальные потрясения, связанные с проведением либеральных реформ в России, сформировали в российском обществе этот социальный запрос.

В настоящее время, характеризующееся не менее динамичными переменами, чем предыдущая эпоха либеральных трансформации, общество находится в поиске собственной идентичности. Ценности, которые закладываются в основу этой идентичности, носят ярко выраженный консервативный характер. По оценкам социологов в современных условиях актуализируется концепция «особого пути» России, становящаяся одной из ключевых составляющих национальной идентичности. При этом граждане связывают исключительность русского народа прежде всего с его духовностью. Отмечается наличие особого менталитета, мировоззрения и духовных ценностях, доброта русского народа, богатая культура, душевность и дружелюбие. Значительно более позитивно оценивается российская история. Если четверть века назад граждане видели ее преимущественно как историю страданий, то сегодня сформировалось более открытое и гибкое восприятие. Акцент смещается на признание вызовов и возможностей, определяющих особый путь нашей страны. (ВЦИОМ Особый путь России? [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/osobyi-put-rossii)

Понимание соотношения прав и обязанностей личности, отношение к семье, роли общества и государства в жизни человека в процессе проходящих в современной России трансформаций будет неизбежно меняться. Существующий и нормативно закрепленный подход к правам и свободам человека формировался в постсоветское время в процессе вестернизации и проведения либеральных реформ. Он основан на либеральных ценностях и предполагает представление об этих свободах, выраженные в правовых нормах. Свобода здесь определяется как возможность осуществления действий, не наносящих ущерба другим людям. Такой нормативный подход, органичный в либерализме, неприемлем в контексте консервативного взгляда. По мнению одного из ключевых идеологов русского консерватизма Льва Александровича Тихомирова, такой поход декларирует лишь внешнюю сторону свободы, игнорируя более значимую внутреннюю. По его мне-

нию, внутренняя духовная свобода человека определяется наличием у личности свободного сознания и желания действовать, ее возможностью самостоятельно эту деятельность осуществлять. Именно такая свобода формирует инициативного человека, способного самостоятельно ставить и достигать своих целей. В это парадигме власть государства и общества над личностью приносит этой личности не только ограничение свободы, но и ее расширение, поскольку ограничивала произвол одних лиц стеснять свободу других. Такой подход во многом находит отклик у россиян. Это определяется как свойствами настоящего момента, так и ключевыми ценностями, сохраняющимися в российском обществе: державность, соборность, служение и справедливость, допускающими патернализм в отношении граждан со стороны государства.

Филиппов А.Р.
(Москва, РУДН)

ИНФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В текущих общемировых реалиях постиндустриального общества, связанных не в последнюю очередь с экспоненциальным ростом массива данных и интенсификацией коммуникативного обмена, с эвристической точки зрения представляется необходимым выделение следующих векторов, по которым происходит восприятие информации в современном политическом мире:

– информация как сведения об окружающей политической реальности, позволяющие сформировать целостное или фрагментированное представление о ней;

– информация как предпосылка коммуникативной деятельности;

– информация как совокупность исходных данных, способных послужить базисом для применения политических технологий;

– информация как триггер политической мобилизации;

– информация как сфера приложения управленческих и контрольных усилий государственного аппарата.

Информация, понимаемая как сведения об окружающей политической действительности, является своего рода мостом между социально-политической материей и сознанием индивидуального, группового и массового порядков. Обработка и усвоение информации представляют собой неотъемлемое, пропедевтическое звено любой социальной активности. То есть в конечном счете такое восприятие информации эквивалентно ее трактовке в самом широком смысле.

Информация, если ее воспринимать как предпосылку коммуникативной деятельности, будет способствовать углублению понимания модели «человек-человек», которая заметно отличается от описанной Ю. Хабермасом модели «человек-мир».

Информация представляет собой один из ресурсов власти и противостоит в этом отношении механизмам легального насилия. Соответственно, для тех лиц, в чьей компетенции находится применение ненасильственных политических технологий, информация становится базисом для имплементации последних.

Факт использования информации в качестве одного из инструментов для побуждения к политической мобилизации в настоящее время является настолько очевидным, что по праву способен закрепиться в исследовательском поле в статусе доксы. С одной стороны, информация – это основа для конструктивной и созидательной политической деятельности, с другой стороны, – базис для деструктивных форм поведения в политике.

Рассмотрение информации как сферы приложения управленческих и контрольных усилий государственного аппарата должно отталкиваться от исследования феномена информационной политики и его кластеризации в зависимости от направлений деятельности, притом что информационная политика представляет собой обособленное направление внутренней политики государства, выражающееся в реализации органами легального политического управления и негосударственными институциями мер правотворческого, правоприменительного, организационного, технического и сигнализирующего характера по распространению сведений о функционировании государственного механизма, обеспечению режима информационной безопасности и информационному контролю.

Тем не менее осмысление роли информации в актуальном политическом процессе и сопоставление таких трендов, как информатизация политического поля, с одной стороны, и нарастание очагов напряженности классического типа в действительной политической жизни, с другой стороны, позволит установить амбивалентный характер современного постиндустриального общества.

Масштабы внедрения информационных технологий и распространения знаний неуклонно расширяются, что дает толчок к выработке и применению интеллектуально окрашенных политических технологий, в основе которых лежит дистанцирование от использования прямого насилия. Однако в текущей мировой политике, невзирая на глобальную тенденцию перехода от силы к технологиям и политическому менеджменту, по-прежнему активно используются такие методы политического участия, как ведение военных действий и кровопролитных гражданских войн, провокации, грозящие перерасти в вооруженную эскалацию, заморозка и сдерживание конфликтов, а также дестабилизирующие процессы в странах арабского мира, которые сопровождались массовыми актами имплозивного насилия.

Филоненко Е.В.
(Ростов-на-Дону, ЮРИУ РАНХиГС))

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Избирательный процесс, будучи одним из ключевых институтов демократии и легитимации политической власти, подвергается значительному влиянию цифровых инноваций. Внедрение цифровых технологий в организацию и проведение выборов призвано оптимизировать существующие процедуры, сократить финансовые издержки, повысить прозрачность и достоверность результатов волеизъявления граждан, а также расширить возможности для участия избирателей в избирательном процессе.

Особую актуальность в современных российских реалиях приобретает исследование регионального опыта цифровизации избирательного процесса. Несмотря на централизованный характер многих инициатив и единое правовое поле, фактическая реализация и адаптация цифровых нововведений на местах имеет выраженную специфику.

Ростовская область как один из крупнейших и экономически перспективных субъектов юга Российской Федерации, с активной электоральной историей, представляет собой репрезентативную площадку для исследования региональной специфики цифровизации выборов. Донской регион характеризуется широким спектром внедренных цифровых избирательных технологий, включающих использование инновационного

сервиса «Мобильный избиратель», применение Комплексов электронного голосования и Комплексов обработки избирательных бюллетеней, а также интеграцию современных систем видеонаблюдения, видеофиксации и мониторинга на избирательных участках.

Практика оснащения избирательных участков системами видеонаблюдения и трансляции процесса голосования и подсчета голосов в сети Интернет стала стандартной для Ростовской области. Здесь избирательная комиссия региона солидарна с тем, что видеонаблюдение должно рассматриваться как неотъемлемый компонент прозрачности и открытости проводимых выборов.

Комплексное использование ГАС «Выборы» на всех этапах избирательного процесса в Ростовской области обеспечивает системность и преемственность цифровых решений. Дополнительным фактором, определяющим исследовательскую ценность региона, является активное участие области в федеральных экспериментальных программах по апробации технологии дистанционного электронного голосования. Совокупность указанных характеристик позволяет рассматривать Донской регион в качестве репрезентативного объекта для углубленного анализа практических аспектов внедрения цифровых технологий в избирательный процесс и оценки их влияния на трансформацию региональной электоральной системы.

В целях совершенствования ГАС «Выборы» ЦИК РФ утвердила Концепцию развития Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» до 2030 года. Донской край активно включился в реализацию основных направлений принятой концепции, особое внимание в которой уделяется внедрению цифровых инноваций: электронные списки избирателей, электронное голосование, электронные протоколы об итогах и результатах выборов. Мы считаем, что Концепция направлена на повышение эффективности, прозрачности и доступности выборов при сохранении высокого уровня безопасности и защиты информации. Из профессиональной практики мы фиксируем, что эффективность и надежность системы являются фундаментом для дальнейших цифровых нововведений.

Избирателям Ростовской области доступен личный кабинет на Едином портале государственных и муниципальных услуг, где реализована комплексная система электронных сервисов, направленная на обеспечение информационно-технологической поддержки избирательного процесса. Данная система охватывает потребности всех участников избирательного процесса (избиратели, кандидаты, политические партии и объединения, должностные лица избирательных комиссий различных уровней).

Учитывая определенные тенденции роста заинтересованностью электората дистанционным электронным голосованием (ДЭГ), а также успешный опыт проведения выборов в дистанционном формате, с целью привлечения молодого поколения на региональный и местный уровни выборов, Ростовская область готова применить ДЭГ на выборах в сентябре 2025 года. В целом, ДЭГ положительно оценивается жителями Донского края, а опыт других регионов и федеральные инициативы указывают на перспективность этого направления цифровизации избирательного процесса.

Подводя итог, отметим, что цифровизация избирательного процесса в Ростовской области – сложный и многоаспектный феномен. С одной стороны, наблюдается технологический прогресс и запрос со стороны наиболее активной части электората на дальнейшее развитие цифровых технологий. С другой – существуют объективные барьеры и риски, требующие взвешенного и комплексного подхода к их преодолению. Только системная работа позволит в полной мере реализовать потенциал цифровых технологий для укрепления демократических институтов и повышение доверия к избирательной системе Донского края.

Филь М.С.
(Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова; Севастополь, СевГУ)

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА»

Для начала необходимо определить, чем социальная архитектура, по сути, не является. Здесь необходимо провести четкое размежевание с социальной инженерией и политическими технологиями, с которыми её часто путают в публичных обсуждениях.

Если социальная инженерия основывается на механистическом подходе, в котором общество воспринимается как объект воздействия, который можно видоизменить в нужном ключе, не опираясь на обратную связь, то социальная архитектура изначально ориентирована на установление горизонтальных и вертикальных связей между всеми сегментами структуры.

В отличие от политических технологий социальная архитектура не ориентирована исключительно на достижение конкретного результата в короткий срок. Не случайно, проблематику социальной архитектуры многие авторы уже сейчас связывают с вопросами стратегического планирования и формирования желаемого будущего.

В отличие от социальной инженерии и политических технологий в формирующемся представлении о социальной архитектуре большую роль играет ценностная основа, на которой она строится, это тот самый фундамент, без которого никакая архитектура, ни обычная, ни социальная невозможна.

В нашей стране традиционные ценности обобщены в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809, они являются универсальными для всех народов, живущих в России, что обуславливает их объединяющий характер.

Тут вырисовывается еще одна характерная черта социальной архитектуры: она ориентирована на объединение общества, преодоление разобщенности, согласование интересов, а не на достижение целей условного заказчика (как в случае с социальной инженерией и политическими технологиями).

Исходя из вышесказанного, мы можем выделить следующие характерные черты социальной архитектуры:

- Наличие базового ценностного ядра
- Разнонаправленность коммуникативных потоков
- Консолидация на основе устойчивых связей
- Отсутствие единого выгодоприобретателя (выгодоприобретатель – общество в целом).

Выделенные признаки характеризуют социальную архитектуру как методологию реализации государственной политики, соответствующую особенностям социальной структуры современных обществ, где все большую роль начинают играть горизонтальные связи, сформированные по различному принципу (род занятий, сфера профессиональных интересов, увлечения и т. п.).

Однако не стоит думать, что задачи социальной архитектуры – только поддерживать систему в стабильном состоянии, обеспечивая внутренние коммуникации.

Инициаторами становления социальной архитектуры как новой профессии подчеркивается, что одна из главных, если не главная, цель этого вида деятельности, – формирование и реализация проектов, направленных на совершенствование и развитие соци-

[184]Александр Харичев «Социальная архитектура – путь к идентичности и развитию». Телеграм-канал «Конкурс социальных архитекторов» [Электронный ресурс]. – URL:https://t.me/socialarchitects/204 (дата обращения: 29.08.2025)

альной системы[184]. Однако эти проекты, по аналогии с реальной градостроительной политикой, должны не носить характер утопического проектирования, а быть востребованы социальной средой, для которой они предназначены, и органично вписываться в окружающий ландшафт, не разрушая его, а совершенствуя.

Из публичного обсуждения на данный момент косвенно следует, что потребность в реализации социоархитектурных проектов, в первую очередь, существует на региональном и локальном уровне. Это, безусловно, преследует цель более эффективной реализации социальной политики на местах. Однако в этой связи возникает вопрос: возможна ли социальная архитектура на федеральном уровне и какие формы она может приобретать в таком случае? Глобальные социальные проекты, такие как выставка «Россия», которую часто приводят в качестве успешного примера социальной архитектуры, носят именно общенациональный характер. В этой связи предстоит осмыслить, какова иерархия уровней реализации проектов в области социальной архитектуры и каким образом они должны взаимодействовать между собой для достижения максимальной эффективности.

Еще один важный вопрос заключается в том, является ли любой социальный проект элементом социальной архитектуры или он должен соответствовать определенным критериям и требованиям? Можно предложить считать социально-архитектурными только те проекты, которые реализуются с опорой на традиционные ценности России и соответствуют целям и задачам государственной политики страны, работая на их более эффективное достижение.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Севастопольского государственного университета.

Проект: «Проектирование социальной архитектуры будущего России: образы и сценарии», регистрационный номер1025031000058-9–5.6.1

Фролов А.А.
(Ярославль, ЯрГУ им. П. Г. Демидова)

РОССИЙСКАЯ БЛОГОСФЕРА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ: АНАЛИЗ ЭКСПЕРТНЫХ ИНТЕРВЬЮ С БЛОГЕРАМИ

Блогосфера представляет собой совокупность всех блогов, функционирующих как динамичная социальная сеть, где пользователи обмениваются информацией, мыслями и опытом. Это не просто набор веб–сайтов, а живая экосистема, формирующая интернет–культуру и оказывающая значительное влияние на общественное сознание. Феномен блогосферы многогранен и охватывает как её развитие, правовое регулирование, влияние на медиа, общество и политику, так и роль в распространении информации и формировании мнения.

Представлены результаты экспертных интервью с российскими блогерами, проведённых в рамках исследования платформенных приоритетов, мотиваций и стратегий контента в условиях современных политических и технологических вызовов. Исследование основано на 16 полуструктурированных интервью с блогерами, представляющими различные ниши и уровни аудитории (от 10 тыс. до более 1 млн подписчиков). Отбор респондентов проводился по принципу разнообразия тематик и охвата.

Полученные материалы демонстрируют, что мотивации блогеров разнообразны – от подросткового любопытства и продвижения семейных ценностей до стремления к самореализации и заработку – при этом ценностные ориентиры варьируются от личных (семья, доброта, свобода) до профессиональных (аутентичность, полезность, системность). Это выражается в многообразии контента, отражающего их индивидуальные мотивации и ценности: от семейных и просветительских тем, акцентирующих полезность и близость к аудитории, до развлекательного контента, ориентированного на лёгкость восприятия. Популярны ниши, связанные с личным самовыражением, семейными ценностями, а также образовательные и лайфстайл-темы, хотя развлекательный контент доминирует из-за его востребованности и меньших регуляторных рисков.

Связь с актуальной российской политической повесткой минимальна. Блогеры избегают политических тем, опасаясь последствий – отписок, «хейта» или блокировок. Даже те, кто касается политики, делают это осторожно, в безопасных форматах, например таких как благотворительность. Это смещает фокус блогосферы в сторону развлекательного контента, снижая её потенциал как платформы для общественных дискуссий.

Несмотря на меняющиеся законодательные нормы по отношению к зарубежным платформам, блогеры сохраняют приоритет в их использовании, исходя из функциональности, монетизации и алгоритмических преимуществ. Переход на российские платформы чаще обусловлен вынужденными обстоятельствами (блокировки, ограничения), чем их привлекательностью, чему способствует критика слабых алгоритмов и низкой монетизации отечественных решений. Технологическое отставание платформ усугубляет фрагментированность блогосферы и вынуждает авторов сохранять присутствие на зарубежных площадках, адаптировать формат контента (переход на вертикальное видео) и диверсифицировать источники дохода: реклама, контракты, партнёрские продажи, пожертвования и др. Также контент адаптируется под особенности платформ: YouTube остаётся основным для видеоконтента, ВКонтакте удобен для изображений и текста, а Telegram предполагает универсальность.

Таким образом, в рамках исследования выявлены разрывы между государственными ожиданиями и практикой: государство продвигает цифровой суверенитет и перевод авторов на отечественные платформы, тогда как блогеры ориентированы на глобальную аудиторию и экономическую выгоду, что формирует конфликт интересов и требует поиска компромиссных решений. Для развития блогосферы необходимы инвестиции в алгоритмы и монетизацию российских платформ, создание прозрачных регуляторных рамок, поддержка профессиональных сообществ и образовательных программ, продвижение медиаграмотности и внедрение ИИ-инструментов; только сочетание технологических улучшений и поддержки сообществ позволит обеспечить устойчивое развитие отечественного сегмента цифрового медиапространства.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-00083 «Российская блогосфера в условиях новых политических вызовов: смысловые и платформенные приоритеты», https://rscf.ru/project/24-78-00083/».

Фролова Ю.Н.
(Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)

ПРОЕКТ «БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ» – ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ «ИНТЕГРАЦИЯ ИНТЕГРАЦИЙ»?

Проект «Большая Евразия» задумывался не только как экономическая инициатива, но и как цивилизационный формат взаимодействия, предполагающий создание общего пространства равноправного инклюзивного сотрудничества с учетом культурного и ценностного многообразия. В этом заключается его принципиальное отличие от традиционных интеграционных моделей, таких как Европейский союз или Евразийский экономический союз, где основной акцент делается на экономических вопросах. В настоящее время Большое Евразийское партнерство (как первая практическая реализация «Большой Евразии») реализуется преимущественно в экономическом измерении, однако именно нематериальные аспекты – культура, ценности и идентичность – способны стать ключевыми драйверами устойчивого развития инициативы.

Современная международная практика подтверждает актуальность цивилизационного подхода. Так, китайская Глобальная инициатива цивилизаций 2023 года апеллирует к идеям многообразия культур, уникальности национальных путей и необходимости опоры на общечеловеческие ценности, среди которых называются мир, равенство, справедливость и свобода. Российская Федерация в последние годы также придала особое значение ценностной проблематике. Это нашло отражение в Концепции внешней политики РФ 2023 года, а также в государственной политике по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ориентиров. Таким образом, ценностное измерение интеграции становится одним из ключевых факторов формирования стратегического курса развития не только отдельных стран, но и целых регионов.

Необходимость цивилизационного взаимодействия особенно ярко проявляется в условиях кризиса глобального порядка, сопровождаемого утратой ценностных оснований. В этих условиях развитие новых интеграционных механизмов становится не просто актуальной задачей, но и стратегической необходимостью. Проект «Большой Евразии» по своей сути предполагает цивилизационное развитие уже известной экономической идеи «интеграции интеграций». На евразийском пространстве в разных интеграционных объединениях уже существуют инструменты, позволяющие, в случае их сопряжения, рассматривать цивилизационную интеграцию как реальность. В рамках Шанхайской организации сотрудничества реализуются проекты «Диалога цивилизаций» и сетевого университета, которые открывают возможности для образовательного и культурного взаимодействия. В Ассоциации государств Юго-Восточной Азии накоплен уникальный опыт формирования собственной идентичности и развития Социально-культурного сообщества, основанного на принципах инклюзивности и вовлечения широких народных масс. Лозунг АСЕАН «Одно видение, одна идентичность, одно сообщество» отражает переход от узкоэкономической интеграции к более комплексному сотрудничеству, учитывающему социальные и культурные факторы. В рамках Союзного государства России и Беларуси, наряду с экономикой и безопасностью, развивается сотрудничество в сферах СМИ, образования, исторической памяти, науки и культуры, что также подтверждает значимость ценностного измерения интеграции.

При этом важно подчеркнуть, что цивилизационный подход не исключает экономическую составляющую интеграции, а дополняет её новым измерением, формирующим ценностную базу сотрудничества и укрепляющим доверие между участниками. В связи

с этим мы сталкиваемся с необходимостью внедрения еще одной известной концепции «управления по ценностям»[185]: появившись в трудах экономистов, она уже доказала свою состоятельность в области решения вопросов внутренней политики и государственного управления, однако, в вопросах международного сотрудничества пока не применялась.

Таким образом, в условиях становления многополярного мира проект «Большая Евразия» приобретает особое значение как формат инклюзивного цивилизационного взаимодействия. Его дальнейшее развитие требует переосмысления традиционных подходов и выдвижения на первый план культурно-ценностных аспектов, способных обеспечить долгосрочную устойчивость и эффективность интеграционных процессов. Научное сообщество в этом контексте должно играть важную роль, формируя теоретическую основу и предлагая практические механизмы цивилизационной интеграции, включая образовательные, культурные, гуманитарные и информационные проекты. Потенциал такого подхода определяется его способностью сочетать экономическое сотрудничество с формированием общих ценностей, что открывает новые горизонты для укрепления стабильности, доверия и процветания на всем евразийском пространстве.

Фурсов К.К.
(Челябинск, ИЛиМК ЮУРГУ)

ФОРМУЛИРОВКИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РОССИЕЙ КОНСТРУКТИВНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Политическое позиционирование является важной составляющей в продвижении государства на международном уровне[186]. В условиях глобальной неопределённости сохраняется приоритет развития сотрудничества между политическими участниками. На уровне государств позиционирование сотрудничества проявляется в формулировках политического дискурса.

Для большинства государств не существует принципов классификации отношения к другим странам. США руководствуются рекомендациями для конкретного государства. В России в 2021 году был введён перечень государств, совершающих недружественные действия, в 2024 году был введён список государств, навязывающих деструктивные ценности. В 2023 году в Концепцию внешней политики России было введено разделение государств на конструктивно настроенные, нейтральные и недружественные государства.

Приоритетом России является построение полицентрического мира. Основным участником такого взаимодействия выступают страны глобального Юга и Востока. Для описания конструктивного взаимодействия в российской дипломатии используются формулировки сотрудничества, дружбы, партнёрства, добрососедства, кооперации и братства. Международные политические отношения по степени взаимности можно расположить в иерархическом порядке: братство, дружба, партнёрство, сотрудничество, кооперация, добрососедство.

В результате контент-анализа сайта МИД РФ удалось зафиксировать сочетание понятий сотрудничество, дружба, партнёрство и добрососедство в определении конструк-

[185]Dolan S., Garc'a S. (2002). Managing by values Cultural redesign for strategic organizational change at the dawn of the twenty-first century. Journal of Management Development. 21. 101-117. DOI:10.1108/02621710210417411.

[186]Новичихина М.Е. Самойленко Н.С. Позиционирование объекта и позиционирование действия в тексте СМИ: общее и различное // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. №1. С. 103-113.

тивных отношений России с другими государствами. Кооперация употреблялась для обозначения тесной экономической взаимосвязи. Братство требовалось для обозначения памяти о прошлом боевом опыте России с другими государствами.

Позиционирование России в системе конструктивных отношений можно зафиксировать с помощью международных договоров, совместных форумов, конференций, обществ дружбы, городов-побратимов. Наивысший уровень отношений союзное государство существует с Белоруссией. Также к тесному уровню можно отнести стратегическое партнёрство. В 2024–2025 годах были подписаны Договоры о стратегическом партнёрстве с КНДР и Ираном, стратегическом партнёрстве и сотрудничестве с Венесуэлой.

Определяющими для формулировок отношений становятся выступления президента России и министра иностранных дел. Конструктивные отношения усиливаются PR-эффектом с помощью экспрессивных эпитетов: «взаимовыгодное сотрудничество», «всеобъемлющее партнёрство», «прочная дружба», «единомышленники»[187].

Отношения России с Китаем получили характеристику «образец сотрудничества». Китай оказался лидером по количеству разных позитивных описаний двусторонних отношений. Из используемых характеристик наиболее взаимным для сторон можно считать понятие братство, которое характеризуется родственными связями. Данная формулировка применялась для обозначения отношений России и Вьетнама. Братство российского и вьетнамского народа являлось преувеличением для похвалы партнёра.

В официальном политическом дискурсе можно найти определение дружбы С. Лаврова. В условиях противостояния с «коллективным Западом» она характеризуется принципом инаковости, как средство избегать любых проблем. Данное определение невозможно использовать в иерархии конструктивных отношений.

Формулировки позиционирования конструктивных отношений России с международным сообществом ложатся в качестве названий договоров, используется выраженная экспрессивность. Дружба и сотрудничество выступают в качестве синонимов, несмотря на семантическую разницу. Для международного позиционирования России требуется большая чёткость в характеристике отношений.

Хабаров И.А.
(Тамбов, ТГУ имени Г.Р.Державина)

САМООРГАНИЗАЦИЯ ЭЛИТ И СИМУЛЯКРЫ: К ВОПРОСУ ОБ ОДНОУРОВНЕВОЙ МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Актуальный этап реформы местного самоуправления (далее – МСУ) в России преимущественно анализируют с позиций переосмысления теории и практики функционирования институтов публичной власти и трансформации многоуровневой системы самоуправления. Признавая данные сюжеты принципиально значимыми, обратим внимание на важность базовой категории самоорганизации, подчеркнутой в новом профильном федеральном законе от 20.03.2025 №33-ФЗ. Дискурс, охватывающий реальные (преимущественно элитарные) и симулятивные практики самоорганизации, полагаем, полезен для оценки отмеченных выше аспектов реформы.

[187]Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru

Интенсивность публичного политического (явного и латентного) определяется, во-первых, стартовыми ресурсными потенциалами акторами сообществ (соответственно, в первую очередь – элит), во-вторых – объективной потенцией локации, иными словами – привлекательностью ее для политических акций (обменов, соглашений, конкуренции, конфликтов).

Возможности реалий локации должны быть достаточными, чтобы инициировать развитие стартовых ресурсов и сформировать устойчивый интерес, как следствие – стратегическое политическое действие. Согласно закону и сложившейся практике, муниципалитет – это не просто территория, а связи, инфраструктура, производственные кластеры, традиции. Иными словами: совместное «охозяйствующее» действие (процесс) и его объективные предпосылки (ресурсы, территория и заинтересованность в «охозяйствовании»).

Значимым оказывается действенность инкорпорирования в иное измерение публичности – публично-правовое пространство. Фактически речь идет о доступе к принятию легитимных политико-административных решений, точках подключения к потоку административного ресурса и иерархии этих точек.

Реформа фиксирует, во-первых, фактическую встроенность муниципальной управленческой системы в поток общегосударственного публичного властного ресурса. Во-вторых, в том же векторе от симулятивного к реально-политическому, опубличивает незначимость для элит как носителей серьезного политического интереса поселенческого уровня. Хозяйственный потенциал и административные преференции органов управления здесь, как правило, не формируют воронки интереса – не запускают механизмы политической самоорганизации. Знаковые субъекты локалитетов зачастую концентрируют стратегическое внимание и ведут конкурентный поиск точек административного доступа на более высоком муниципальном и региональном уровнях. Фактически, поселенческий уровень за годы реализации Федерального закона от 06.10.2003 №131-ФЗ приобрел характер односторонней управленческой системы, встроенной в логику политических режимов муниципальных районов и регионов. Примечательно, что в указанный период предпринимались меры политического «подтягивания» поселенческого уровня. К числу таковых следует отнести реализуемые модели муниципального управления, при которой в состав представительного органа муниципального района входили главы поселений.

Объективные обстоятельства финансового дефицита и дотационности, кадрового голода (значимый, в том числе, при подборе кандидатов на выборах глав поселений), дряхлеющей социальной инфраструктуры в большинстве случаев определяют не только условную экономическую, но и близкую к нулевой политическую субъектность данного уровня власти. В пространстве, с одной стороны, минимальных ресурсов, с другой – теснейших сетевых коммуникаций, публичное политическое подменяется политическим, порой неотличимым от приватного – сугубо бытовым семейным и родственным.

В этих условиях происходит утрата интереса к поселенческим симулякрам не только со стороны носителей публичного неопубличенного действия и политических элит, но также в среде публичного опубличенного – среди элит административных. Избавление от обременительных для режимов декоративных практик, связанных с проведением кадровой политики в условиях поселенческой публичной квази-политики, выборных кампаний, пропагандой предусмотренных законом непосредственных форм МСУ, оставляет на низовом уровне только управленческий стержень, одностороннее проявление административного ресурса – ответвление его потока.

Административная машина, следуя органичной для политических предприятий логике развития и минимизации издержек, пробуждает риски, связанные с коммуника-

цией органов публичного управления и широкими слоями населения в сельских территориях. При этом речь может идти преимущественно о решении сугубо прикладных вопросов социального и хозяйственного значения. Многое будет зависеть от конкретной управленческой схемы, принятой в локальном политическом режиме: позиционирования территориальных отделов администрации, введения альтернативных институтов (в их ряду – сельских старост), взаимодействия с гражданами по каналам непосредственных форм МСУ и создания структур территориального общественного самоуправления.

Хазипов И.И.
(Казань, КФУ)

КОАЛИЦИОННАЯ ГИБКОСТЬ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ: НА ПРИМЕРЕ «ЗЕЛЁНЫХ» ПАРТИЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Современные демократические системы Западной Европы характеризуются высокой степенью фрагментации партийных систем, что требует от политических акторов гибкости в коалиционном взаимодействии. Одним из примеров успешной адаптации к новым условиям выступают «зелёные» партии, которые за последние два десятилетия превратились из протестных движений в устойчивых участников правительственных коалиций. Феномен коалиционной гибкости «зелёных» партий целесообразно рассматривать как ключевой ресурс их политической устойчивости и влияния.

Опираясь на компаративный анализ партийных стратегий в Германии, Франции, Нидерландах и Испании, можно выявить типы коалиционных форматов, а также последствия коалиционного участия для программной идентичности и электоральной поддержки «зелёных». Исключительно важный фактор – способность «зелёных» партий балансировать между идеологической целостностью и прагматикой политического участия.

В условиях растущей нестабильности электоральных предпочтений и поляризации политического поля «зелёные» партии Западной Европы демонстрируют способность к гибкому коалиционному позиционированию, сохраняя программную идентичность и усиливая институциональное влияние. Так, в Германии партия «Союз 90/Зелёные» показала устойчивость в рамках «светофорной коалиции», эффективно реализуя климатическую повестку в правительственной политике, при этом сохраняя электоральную привлекательность и программную преемственность

На основании анализа опыта Германии, Франции, Нидерландов и Испании можно предложить следующую типологию коалиционной субъектности «зелёных» партий: умеренные (Германия), радикальные (Франция), смешанные (Нидерланды), интеграционные (Испания) стратегии. Умеренные стратегии основаны на компромиссах и устойчивом участии во власти, радикальные – на максималистских требованиях, приводящих к периферийности, смешанные – на ситуативной гибкости. Эти различия демонстрируют, что коалиционная гибкость не является универсальной формой, а адаптируется к конкретной партийной системе и политической культуре. При этом успех «зелёных» партий зависит от способности находить баланс между программной целостностью и коалиционной интеграцией.

Участие в коалициях позволяет «зелёным» партиям не только закреплять экологическую и социальную повестку, но и легитимировать себя как ответственных участников власти. Это подтверждается в Германии: отказ от атомной энергетики и продвижение ВИЭ были реализованы именно в рамках коалиционного правительства. В Нидерландах, благодаря стратегическому альянсу с лейбористами, «Зелёные левые» усилили парламентское присутствие. В Испании партия Equo интегрировалась в левую коалицию Unidas Podemos, обеспечив институциональную реализацию климатических инициатив. Таким образом, коалиционная гибкость выступает не просто как тактический ресурс, но как фундаментальная основа институциональной устойчивости и воспроизводства субъектности «зелёных» партий в условиях конкурентной политической среды.

Проведенный автором анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Коалиционная гибкость «зелёных» партий в Западной Европе является не только реакцией на институциональные вызовы, но и механизмом укрепления их политической субъектности.

2. Успешность коалиционной стратегии определяется способностью сочетать ценностную платформу с готовностью к компромиссу, что требует высокой организационной адаптивности.

3. Опыт «зелёных» партий доказывает, что именно гибкие формы коалиционного участия становятся условием устойчивости новых партий в условиях фрагментированной демократии.

Хайнацкая Т.И.
(Москва, ИМЭМО РАН)

«ЗЕЛЕНОЕ» ИЗМЕРЕНИЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЦЕНТРОВ СИЛЫ

За последнее десятилетие «зеленая» повестка пережила периоды подъема и спада и столкнулась с множеством вызовов – от пандемии COVID-19 до энергетических кризисов и социально-экономических потрясений, вызванных вооруженными конфликтами. Однако это только подчеркивает важность разработки и реализации политики, направленной на сохранение и поддержание экосистем.

Резкий подъем «зеленых» настроений после 2015 г., особенно в странах Западной Европы, был обусловлен формированием экологической идентичности в контексте утверждения постматериальных ценностей. Этому способствовало заключение Парижского соглашения, принятие Целей устойчивого развития ООН с акцентом на экологию, алармистские нарративы в экспертном и политическом дискурсе, а также нарастающая деградация экосистем. Подъем волны климатических протестов способствовал росту электоральной поддержке «зеленых» партий и принятию амбициозных экологических стратегий. Совпадение общественного запроса «снизу» и политической воли «сверху», подкрепленное ожиданиями скорого перехода к «дивному новому “зеленому” миру», стало пиком «зеленой» волны 2017-2021 гг.

Ряд государств, преимущественно западных, а также сам Евросоюз оперативно отреагировали на возникший общественный запрос, усмотрев в нем возможность укрепить свои позиции на мировой арене в качестве «зеленых» лидеров. Лидерство в этой сфере предполагает не только символический статус, но и способность формировать дискурсы, задавать приоритеты, определять инструменты и механизмы экополитики.

В этом контексте встает вопрос о расширении списка критериев, определяющих центры силы в мировой политике. Традиционно они ассоциировались с экономической мощью, военным потенциалом и технологическим превосходством. Однако сегодня все более заметным становится «зеленое» измерение центров силы: способность государства или объединений формировать экостандарты, продвигать экопрактики и задавать приоритеты экополитики начинает рассматриваться как неотъемлемый атрибут мощи центра силы. Таким образом, экологический фактор постепенно становится частью широкой архитектуры глобальной иерархии, влияя на перераспределение статуса между акторами мировой политики.

Превращение экоповестки в фактор укрепления лидерства выявило и его уязвимости. На практике реализация экологических мер нередко вызывала сопротивление той части населения, которая ощутила на себе бремя «зеленого» перехода. В государствах, где проводилась активная экополитика, особенно в странах ЕС, стали проявляться сложности на уровне имплементации: рост протестов против отдельных мер, маргинализация интересов отдельных социальных групп, а также смещение общественных приоритетов в условиях ухудшения социально-экономической ситуации. В результате экополитика из фактора внешнего лидерства и символа глобальной ответственности все чаще превращается во внутренний политический вызов, ограничивающий возможности для дальнейшего продвижения экоповестки.

Сегодня можно наблюдать очередной спад общественного и политического внимания к экологической тематике, несмотря на усилия политических лидеров отдельных европейских государств и институтов ЕС сохранить ее в центре повестки. Смещение акцентов у лидеров климатического движения, в том числе переход Греты Тунберг к «пропалестинской» риторике, отражает сдвиг общественных приоритетов к геополитическим вопросам. Усиление процессов милитаризации в странах ЕС, которые одновременно продолжают позиционировать себя в качестве «зеленых» лидеров, лишь подчеркивает противоречивость ситуации: экологическая повестка уступает место вопросам безопасности и обороны. В этом смысле актуальна метафора «на Западном фронте без перемен», фиксирующая возврат к традиционным измерениям силы при формальном сохранении дискурса «зеленого» лидерства.

Тем не менее проблемы деградации окружающей среды и изменения климата никуда не исчезают; напротив, они лишь усиливаются, а их последствия становятся все более ощутимыми для рядовых граждан. Последние ожидают от государства не только стабильности или улучшения социально-экономического положения и уверенности в завтрашнем дне, но и гарантии возможности жить в благоприятной экологической среде.

Актуальность экоповестки на фоне смещения внимания ведущих центров силы к иным вопросам – прежде всего вопросам войны и мира – открывает пространство для участия малых государств. Они получают шанс оказывать влияние на формирование эколого-политических дискурсов и международной экоповестки, а также в определенной степени даже восполнять вакуум, возникающий в этой сфере. «Зеленое» измерение способно укрепить статус государства в качестве центра силы, однако в ряде случаев оно, напротив, ведет к ослаблению позиций. Это характерно для стран, которые не рассматривают экоповестку в качестве стратегического приоритета, а лишь воспроизводят политику, навязанную извне, зачастую не соответствующую их национальным интересам.

Хайруллин Т.Р.
(Санкт-Петербург, СПбГУ,
Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

РОЛЬ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ГОСУДАРСТВ В СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ БРИКС

Стратегическая коммуникация (СК) Египта, Ирана и ОАЭ в БРИКС имеет основу сотрудничества по целому ряду направлений, которая в свою очередь, далеко не всегда подкреплена соответствующим информационным сопровождением. При этом, важно, что развитие СК несет в себе большой потенциал. Это связано с тем, что Египет, Иран и ОАЭ занимают лидирующие позиции в энергетической, торгово-экономической и научно-технологической сферах и могут внести важный вклад в данное развитие. К примеру, научно-технологический багаж Ирана может значительно богатить развитие БРИКС, однако, на данном этапе иранцы стакиваются с проблемами информационного сопровождения достижений из-за религиозных мотивов в государственной политике и международных санкций. Противоположная ситуация наблюдается с ОАЭ, которые сформировали образ высокотехнологичной страны, проводят многочисленные форумы и заявляют о запуске тех или иных проектов, однако на деле масштабы их реализации не соответствуют обещаниям либо заметно отстают по времени. Довольно благоприятно развивается научно-технологический прогресс в Египте, который, однако затормозился из-за революционных последствий «арабской весны», а также недавних событий, связанных с продовольственным и финансово-экономическим кризисами. При этом информационное сопровождение данного сотрудничества хромает из-за союзнических отношений Каира с западными странами во главе с США. С одной стороны, египтяне занимают сдержанную позицию в оценивании действий России и Китая. С другой, Каир стремится не афишировать взаимодействие с ключевыми странами БРИКС из-за союзнических отношений со странами Запада, а также из-за угрозы вторичных санкций. Вероятно, объединив усилия в рамках БРИКС Египту, Ирану и ОАЭ удастся сбалансировать работу в развитии СК.

В целом, направления сотрудничества построены на общих целях и приоритетах, основанных на стремлении обеспечить устойчивый экономический рост, снизить зависимость от западных экспортеров энергоносителей в условиях обострения международной напряженности и геополитического соперничества. Достижению данной цели служит наблюдаемая диверсификация внешнеполитических связей Египта, Ирана и ОАЭ в рамках СК БРИКС. При этом основная доля СК приходится на Китай, Индию и Россию, в то время как с остальными ключевыми членами объединения сотрудничество развивается слабо, но имеет определенный потенциал.

Активно развиваются и новые направления СК в рамках объединения такие как сотрудничество в области передовых технологий и обеспечение региональной безопасности. В этом отношении здоровая конкуренция между БРИКС и западными корпорациями в развитии IT-технологий и ИИ могла бы ускорить переход на новый этап технологического развития, а дополнительные усилия государств объединения в разрешении международных кризисов могли бы обеспечить благоприятные условия для такого перехода. В целом, расширение направлений сотрудничества способствуют развитию СК БРИКС, что говорит о возросшей роли объединения, способного решать вопросы глобального характера и оказывать влияние на мировые процессы в условиях роста напряженности и геополитического соперничества.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00699, https://rscf.ru/project/25-18-00699/

Хамидуллин А.Р.
(Казань, КГЭУ)

ВОДОРОД И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ РОССИИ ДО 2050 ГОДА

Разговор о будущем российской энергетики сегодня невозможно вести без упоминания водородных технологий. В начале 2020-х годов, когда принималась Концепция развития водородной энергетики до 2050 года (Минэнерго РФ, 2020), ставка делалась на экспорт: предполагалось, что Россия сможет закрепиться на европейском рынке, поставляя туда «голубой» водород, производимый с улавливанием CO_2, а также «жёлтый» водород, связанный с атомной энергетикой. В эти годы водород рассматривался прежде всего как товар на продажу и источник валютных доходов.

Ситуация резко изменилась после февраля 2022 года. В условиях санкционного давления и закрытия европейских рынков российская стратегия сместилась внутрь страны. На первый план вышли задачи импортозамещения и технологического суверенитета: развитие отечественных электролизёров, создание систем хранения и транспортировки, формирование региональных водородных кластеров. В новой Энергетической стратегии до 2050 года (Распоряжение Правительства РФ от 12 апреля 2025 г. № 908-р) этот курс получил официальное закрепление: речь идёт не только о том, чтобы удержать позиции на рынке, но и о создании собственной технологической базы, независимой от внешних поставок.

Однако полностью от экспортных планов Россия не отказалась. Сегодня они возвращаются, но в изменённом виде: главным партнёром рассматриваются страны Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего Китай. Политический сдвиг очевиден: если раньше Россия стремилась встроиться в европейскую «зелёную повестку», то теперь ставка делается на восточный вектор сотрудничества, что вполне согласуется с общей внешнеполитической линией последних лет.

Отдельно стоит упомянуть национальный проект «Новые атомные и энергетические технологии» (Правительство РФ, 2024). В нём водородная энергетика занимает заметное место наряду с развитием накопителей энергии, улавливанием CO_2 и перспективными направлениями атомной отрасли. Фактически проект формирует научно-техническую и кадровую платформу для движения к технологическому суверенитету: здесь речь идёт о подготовке специалистов, создании исследовательских центров и опытных установок, а также о поддержке совместных проектов с промышленностью.

Параллельно накапливается и практический опыт. На Сахалине создан первый в стране водородный полигон (Минэнерго РФ, 2024): работают системы хранения, построена опытная заправка для транспорта и беспилотников, используется энергия солнечных батарей. Этот проект стал показателем того, что Россия способна формировать собственные решения в области водородной инфраструктуры. Другим примером является российско-китайское сотрудничество: совместные исследования позволили разработать новую мембрану для топливных элементов, которая повысила их эффективность и срок службы. Важно, что подобные проекты носят не только технологический, но и политический характер, так как демонстрируют возможность обхода западных санкционных ограничений через двусторонние партнёрства.

Таким образом, стратегические ориентиры России в водородной энергетике прошли заметную эволюцию: от ориентации на экспорт в Европу через внутреннюю переориентацию к курсу на Восток. Сегодня водород рассматривается одновременно как эко-

номический ресурс, как средство укрепления технологического суверенитета и как инструмент внешней политики. Для России это не только новая отрасль энергетики, но и способ закрепить за собой статус самостоятельного центра силы в формирующемся многополярном энергетическом порядке.

Харин А.Н.
(Киров, Кировский филиал РАНХиГС)

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА НАШИХ ДНЕЙ: К РАЗГОВОРУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВАХ НАЦИИ-ГОСУДАРСТВА

Общеизвестно, что мир вступает в новую стадию, о чём уже много говорят и пишут. Происходит, в связи с этим, и трансформация современного государства, как главного субъекта глобальной политики.

В целом возникают альтернативы нации-государству. Зачастую ядром данных образований могут являться отдельные страны, формирующие вокруг себя определённые пространства, задающие темпы интеграционным процессам. Такие образования будут стараться идти на смену нации-государству.

На наш взгляд, можно выделить несколько альтернатив современному государству:

– корпорация-государство – организация, замещающая собой органы государственного управления и ставящая на первое место в своей деятельности корпоративную выгоду;

– регион-государство – объединение нескольких государств или регионов, прежде всего в экономических целях, активно выступающее в качестве самостоятельного субъекта на международной арене и преследующее экономические интересы;

– империя-государство – альтернатива нации-государству, формирующаяся, как правило, путём объединения нескольких наций-государств на основе политической идеологии;

– цивилизация-государство – образование, стремящееся стать, наряду с империей-государством, альтернативой современной нации-государству. Как правило, цивилизация-государство возникает путём объединения нескольких стран по социокультурному признаку на основе общих цивилизационных ценностей;

– глобальное государство – как таковое оно пока не существует, однако в ряде концепций такой сценарий рассматривается;

– «государства архаики» – это своеобразные продукты распада государств.

Зачатками альтернатив нации-государства может стать как группа государств, так и отдельная страна. В этом плане, на наш взгляд, США, Китай и Россия представляются нам как носители трёх указанных выше основных альтернативных моделей нации-государства на данном этапе.

1. США – носитель имперского начала, поскольку Америку характеризуют наличие мессианской идеи, существенное глобальное влияние и стремление к его расширению. Не следует забывать и о популярности имперской тематики внутри самих США. Данный проект проработан американской интеллектуальной элитой.

2. Китай сложно отнести к империям, поскольку у КНР нет чётко проработанной глобальной имперской идеи, которая была бы приемлема для других народов (хотя Пекин сейчас и пытается создать интеллектуальный продукт, приемлемый для всего мира). Китай может стать носителем сценария региона-государство, поскольку благодаря своей экономике страна сможет объединить вокруг себя ряд территорий, разных

по своему культурному характеру. И в литературе Китай часто характеризуется как региональная держава.

3. У России стремительно сужается культурное пространство, осложняются отношения с некоторыми православными странами (Болгария, Грузия, Украина). Однако, на наш взгляд, именно Россия в силу своей древней культуры и наличия конструктивных отношений с отдельными православными странами сможет сформировать цивилизацию-государство, но для этого нужна долгая и кропотливая работа элиты и общества, при этом не только самой России. Тем более что в самой стране на данном этапе популярна цивилизационная парадигма в общественных дисциплинах.

Таким образом, мы допускаем, что на данном этапе США, Китай и Россия являются потенциальными носителями трёх альтернатив национального государства: империи-государства, региона-государства, цивилизации-государства.

Харина О.А.
(Москва, НИУ ВШЭ, ИКСА РАН)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ АРКТИКИ И ОПЫТ ИНДИИ В РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ

Современные вызовы, стоящие перед Арктикой, обусловлены не только изменением климата и сложными геополитическими процессами, но и необходимостью поиска моделей устойчивого социально-экономического развития. Арктический регион характеризуется особыми природными условиями, низкой плотностью населения, ограниченной транспортной доступностью и высокой стоимостью инфраструктурных проектов (Росстат, 2024; Министерство экономического развития РФ, 2023). В этих условиях формирование эффективных механизмов устойчивости требует комплексного подхода, включающего развитие социальной сферы, модернизацию экономики, поддержку традиционных видов хозяйственной деятельности коренных народов и создание условий для инновационного роста.

Опыт Индии в реализации региональных программ развития может представлять значительный интерес для Арктической зоны. Индия обладает разнообразием природно-климатических условий и региональных специфик, что потребовало выработки гибких инструментов государственной политики. В частности, национальные программы «Умная деревня», инициативы по цифровой трансформации регионов и программы по развитию инфраструктуры в труднодоступных районах способствовали сокращению социального неравенства и укреплению связей между центром и регионами (NITI Aayog, 2022; Ministry of Rural Development, 2023). Подобные подходы демонстрируют, как современные технологии и механизмы государственно-частного партнёрства могут быть использованы для устойчивого развития.

Особое внимание заслуживает опыт Индии в применении цифровых решений для обеспечения доступности образования, здравоохранения и государственных услуг в сельских и отдалённых районах (World Bank, 2021; UNESCO, 2022). Программы, направленные на внедрение электронного управления, развитие телемедицины и дистанционного образования, могут быть адаптированы для нужд Арктики, где проблема пространственной разобщённости стоит особенно остро. Важным аспек-

том также является опора на местные сообщества: в индийской практике значительная часть инициатив реализуется при активном участии гражданских организаций и локальных органов власти (NITI Aayog, 2022), что способствует повышению устойчивости регионов.

Сравнительный анализ индийских и арктических практик показывает, что, несмотря на различие географических и культурных условий, многие инструменты могут быть универсализированы. Прежде всего это касается создания «умных» и самодостаточных поселений, диверсификации экономики, повышения качества жизни населения и снижения зависимости от внешних поставок. Для Арктики данный опыт может быть особенно ценным в условиях необходимости баланса между развитием промышленных проектов и сохранением экосистемы (OECD, 2023).

Таким образом, использование индийского опыта при разработке программ социально-экономического развития Арктической зоны может способствовать формированию более устойчивой модели, учитывающей потребности населения, возможности инновационной экономики и приоритет сохранения природного баланса.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, Проект № 24-28-00278 «Сотрудничество между Россией и неарктическими странами в рамках развития российской Арктики: потенциал и вызовы в условиях трансформации международных институтов», https://rscf.ru/project/24-28-00278/.

Харитонов А.А.
(Краснодар, КубГУ)

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА НА ПУБЛИЧНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУБЕРНАТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ СЕТЕВЫХ ДИСКУРСОВ ГЛАВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ И КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Губернатор – это глава исполнительной власти региона, который возглавляет региональное правительство. От него зависит качество жизни и трудовая функциональность всех слоев населения. В иерархии политического менеджмента губернаторы занимают высокую позицию в деле управления регионом в федеративном устройстве нашей страны.

В мирной и обыденной жизни слаженная работа главы региона и органов местного управления приводит к стабильности и прогнозируемому качеству жизни региона. Люди занимаются своей деятельностью, пока над вопросами развития региона работает губернатор. Также в ходе своей работы главы регионов делают публичные заявления, которые оказывает эффект воздействия на население. Они могут появляться на официальных страницах органах местного управления, в социальных сетях глав регионов, а также транслироваться по телевидению или радио. Эти заявления, которые имеют свойства актуальности во времени и обстоятельствах, подходят под определение политический дискурс.

Если разбирать определение дискурса, то это коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте, который может выражаться как в устном высказывании, так и в письменной речи.

Что же касается политического дискурса, то по определению Т. А. ван Дейка, политический дискурс – это текст и разговоры профессиональных политиков или политических институтов, таких как президент, премьер-министр и другие члены правительства, парламент или политические партии, как на местном, национальном, так и на международном уровнях[188]. А. П. Чудинов отмечает, что политический дискурс – это сложное коммуникативное явление, которое должно включать «все присутствующие в сознании говорящего и слушающего компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи»[189].

Принимая данное определение, можем предположить, что у губернатора в политическом дискурсе будут затронуты основные проблемы региона. Если в мирное время глава региона будет освещать актуальные социальные проблемы для населения, то во время геополитического кризиса они также останутся актуальными? Также нельзя упускать возможность влияния такого фактора как крупные региональные социальные сети, которые задают социальные запросы на решение проблем региона. Их также нужно учитывать при анализе политического дискурса.

Можем предположить, что высказывания губернаторов при нестабильной ситуации (геополитический конфликт) могут как отражать обстановку в регионах, так и настроение у населения, так как информация в первую очередь поступает для жителей субъекта.

В ходе исследования был проведен контент-анализ публикаций в Телеграм-канале губернаторов Курской области (до 15.05.2024 Роман Старовойт, после Алексей Смирнов @gubernator_46) и Краснодарского края (Вениамина Кондратьева @kondratyevvi). Хотим отметить, что Курская область является приграничным регионом с зоной проведения Специальной военной операции, который оказался в эпицентре наступательной операции ВСУ в августе 2024 года. Краснодарский край также является приграничным регионом конфликта, однако с 30 сентября 2022 не имеет прямых границ с зоной проведения СВО. Период исследования охватывает период с 1 января по 17 сентября 2024 года.

Данные взяты благодаря ресурсам мессенджера, обработаны с помощью специализированного инструментария и визуализированы с помощью программы Gephi.

В результате исследования была доказана гипотеза, что геополитический конфликт влияет на публичную деятельность губернаторов и формирует реперные точки сетевого политического дискурса, продуцируемого главами субъектов РФ.

Харитонова О.Г.
(Москва, МГИМО МИД России)

«ПОПУЛИСТСКИЕ ИЗБИРАТЕЛИ И ЛИДЕРЫ-ПОПУЛИСТЫ: К ПОСТАНОВКЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ВОПРОСА»

«Популистский момент» немного затянулся и «популистский дух» распространяется на новые партии на правом и левом идеологических флангах. В исследованиях популизма, с одной стороны, происходит растяжение классического концепта популизма, с другой – его усечение для включение новых разновидностей.

[188]Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. М. : Либроком, 2013. 344 с.

[189]Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.

В политологии накоплен большой объем научной литературы, посвященный «популистскому предложению» – лидерам популистам: их идеям и дискурсу (идеационный подход), харизме и персонализму (политико-стратегический), стилю и поведению лидера (социокультурный), и даже социально желательным или аверсивным чертам личности лидеров-популистов (психологичекий). Значительно меньшее число исследований изучают «популистских избирателей» и их спрос на популистов как «бегство от свободы». В основном это количественные исследования, фиксирующие рост недовольства правящими партиями и разочарования основными конкурентами, уменьшение институционального доверия, а также как ответную реакцию на экономические вызовы глобализации (Д.Родрик) или мультикультурализм и иммиграционную политику (П.Норрис и Р.Инглхарт).

Многие исследования «популистских избирателей» приводят к противоречивым результатам, поэтому в данном докладе предложен синтез спрос на популизм и предложение, при котором в качестве в качестве зависимой переменной будет голосование за тип популиста. Для этого проводится типологизация лидеров популистов в зависимости от отношения к «спросу», и матрица лидеров-популистов создается на основе двух критериев: во-первых, идейно-политическое позиционирование (право– и леворадикальный) и во-вторых, отношение к «популистским массам». Мартин Конвей выделял три типа лидеров толпы: представители, заклинатели (завоеватели, имеющий «великий план», направляющие других и навязывающие свое мнение в качестве общественного) и рупоры (артикулирующие и усиливающие идеи эмоциональной толпы, которая «возносит его громкими аплодисментами и поклоняется как богу, потому что его голос ... позволил толпе осознать свое собственное великое существование» (Conway, 1915, p. 102). Многие популисты позиционируют свою роль в качестве рупоров толпы, «голоса и воли народа», являясь на деле «заклинателями толпы».

По аналогии с характеристиками авторитарной личности Т.Адорно сделана попытка концептуализировать и операционализировать «популистскую личность», избирателя, голосующую за лидера-популиста. На основе опросов общественного мнения создаются четыре индекса популистской личности в соответствии с существующими подходами к исследованию популизма.

Во-первых, в логике идеационного подхода составляется индекс антиистеблишмента и воли народа, включающий недоверие институтам и «коррумпированной» элите, в том числе согласие с утверждениями, что «политики – самая большая проблема страны» и «народ должен принимать все важные политические решения».

Во-вторых, индекс веры в сильного лидера (политико-стратегический подход). Р. Бендикс писал, что настоящая харизма появляется из веры в существование необычных или сверхъестественных способностей лидера и веры в то, что лидер принесет им чудо» [Bendix, 1967, p. 342].Как указывал Дж.Пост, сторонники следуют за объектами своего восхищения из–за их престижа, власти, красоты, интеллекта или статуса. Индекс формируется на основе ответов на вопросы о сильном лидерстве и качествах, необходимых лидеру, включая отношение к социально желательным и нежелательным чертам личности популистов и перфомансам «пьяных гостей на ужине» [Nai, Mart'nez i Coma, 2019].

В-третьих, индекс недовольства (эмотиологическое направление исследований). Исследования демонстрируют, что в риторике популистов доминирующими эмоциями являются страх и злость/гнев – они обращаются к страху, чтобы заслужить больше доверия, а гнев становится естественной эмоцией, необходимой для подрыва существующих устоев. Индекс показывает, насколько их сторонникам свойственно недовольство и страх будущего, которые умелое популистское лидерство может трансформировать в гнев.

В-четвертых, характерный только для правого популизма индекс нативизма, разделяющий «народ» по горизонтали (группа инсайдеров против аутсайдеров, не входящих в нее по видимым – этническим, расовым, культурным, лингвистическим и конфессиональным признакам).

В качестве контрольных переменных берутся демографические и социально-экономические характеристики, партийная идентификация и голосование на предыдущих выборах. Апробация проводится на основе анализа опросов общественного мнения в трех электоральных циклах в США (2016, 2020 и 2024)

Харламова Е.М.
(Санкт-Петербург, СПБГУ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ПОЛЬШЕ И СТРАНАХ ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ: ПОПУЛИЗМ, КОНСЕРВАТИЗМ, РАДИКАЛИЗМ

В последние годы в странах Центрально-Восточной Европы отмечается резкий рост популярности правых движений. Популизм в его привычном понимании становится инструментом для наращивания рейтинга, сбора голосов избирателей и популяризации повестки, которая привлечет на свою сторону электорат. Президентские выборы в Польше 2025 г. продемонстрировали сразу две тенденции: рост популярности ультраправых движений и снижение возрастного ценза среди голосующих за правые, ультраправые политические партии.

По результатам выборов победил правый кандидат К. Навроцкий (официально беспартийный, но обладающий поддержкой правоконсервативной «Права и Справедливости»), С. Ментцен, кандидат от ультраправой «Конфедерации» впервые занял третье место, подтвердив статистику предварительных опросов о рекордном уровне поддержки ультраправых сил среди поляков. Примечательно, что если ранее за правых кандидатов голосовали преимущественно жители восточных регионов, деревень, граждане пенсионного возраста, то среди тех, кто поддерживает ультраправого кандидата рекордный процент молодежи, в том числе из крупных городов. Эти изменения связаны с целым рядом факторов, одним из ключевых остается миграционная повестка. В опросах среди молодых поляков бесконтрольная миграция обозначена как один из трех главных страхов молодого поколения . По данным опроса среди разной возрастной категории три четверти поляков против приема мигрантов и политики «открытых дверей». Большинство из них голосуют за правые силы в лице «ПиС» и «Конфедерации», однако и среди сторонников леволиберальных сил есть электорат, выступающий резко против европейской политики в данной области . Угроза безопасности, наглядный пример «успешной» реализации «политики открытых дверей» в соседней Германии, изначальная моноэтничность польского общества делают привычный, общеевропейский сценарий недопустимым для поляков. Ужесточение миграционной политики касается не только граждан стран Африки и Ближнего Востока, но и граждан Украины, что уже отражается на двусторонних отношениях после победы К. Навроцкого и обострения исторических споров, дискуссиях о запретах символики УПА и депортации граждан Украины. Еще одним фактором, способствующим росту популярности ульт-

раправых сил, можно считать усталость населения страны от привычного противостояния «Гражданской платформы» и «ПиС», Д. Туска и Я. Качинского – молодые избиратели желают видеть нового кандидата, не замеченного в предвыборных скандалах и межпартийных обвинениях.

В соседней Чехии в преддверии выборов 2025 г. также наблюдается рост поддержки правых и ультраправых сил: по результатам опросов правопопулистская партия «ANO» может набрать 33-35%, ультраправые партии «SPD» и «Stačilo!» вместе могут достичь показателей в 18-21%, укрепив тем самым правый фланг в парламенте страны . На фоне роста правых настроений по всей Европе партии Чехии устанавливают прочные связи с коллегами из стран ЕС (Италия, Франция, Венгрия), усиливая тем самым свои предвыборные программы. В Венгрии стабильно сильны позиции правой партии «Fidesz», которая во главе с Виктором Орбаном оказывает большое влияние на дифференциацию точек зрения по решениям ключевых вопросов внутри ЕС и «Вишеградской четверки», представление отличного от общеевропейского курса внешней политики. Схожие тенденции наблюдаются и в Словакии, где после победы Р. Фицо в выборах 2023 г. страна рассматривает международные отношения, двусторонние связи (в т.ч. с Россией) в более прагматичном ключе. Учитывая рост популярности ультраправой «Republika» (которая на выборах в европарламент набрала рекордное количество голосов) можно прогнозировать большее представительство правых в правительстве страны и возможный пересмотр отношений с ЕС.

Исследование правых сил в странах ЦВЕ позволяет оценить степень их поддержки среди населения, программы, которые рамках двусторонних отношений с Россией отличаются от привычных общеевропейских леволиберальных партий. Учитывая географическую близость данного региона и общий геополитический контекст противостояния Россия-НАТО анализ правых настроений и перспектив победы тех или иных правых, ультраправых партий позволит спрогнозировать перемены и оперативно реагировать на такого рода изменения.

Харрасова Г.Р.
(Уфа, УУНиТ)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ РОССИИ

Политическое участие женщин – это один из ключевых индикаторов развития демократических тенденций в обществе и правовых институтов, обеспечивающих гендерное равенство. Большинство стран позиционируют себя как страны с провозглашенными принципами равенства в гендерном аспекте, тем не менее женщины, как на мировом, так и на национальном уровне остаются недопредставленными в органах власти. Согласно данным Межпарламентского союза, доля женщин на начало 2024 года составила 26,9%, при этом среднегодовой прирост составил менее 0,5%[193].

Анализ мирового опыта показывает, что значительное увеличение участия женщин в политике во многом связано не с изменением позиции избирателей, а с применением

[193]Организация Объединённых Наций. Женщины в парламентах: прогресс остаётся медленным [Электронный ресурс]. – URL: https://news.un.org/ru/story/2024/03/1450087

институциональных механизмов поддержки. Так, в странах, где применяются квоты, доля женщин в парламентах в среднем на 5,5% выше[194].

В российской политической системе механизм квотирования женщин не закреплен ни на законодательном, ни на уровне внутрипартийных регламентов. Этот факт выступает как одна из возможных причин низкого показателя женщин в российских представительных органах власти. По данным международных организаций, Российская Федерация занимает 153-е место по доле женщин-парламентариев[195]. В Государственной Думе VIII созыва процент женщин составил 17% от всего депутатского корпуса, а в Совете Федерации – около 19,6%[196].

Тем не менее, общая динамика свидетельствует об устойчивом росте числа женщин в федеральных органах законодательной власти. Так, если в начале 2000-х годов доля женщин в Государственной думе составляла около 7%, в настоящее время эта доля увеличилась более чем в два раза. Рост отмечается как на региональном, так и муниципальном уровнях[197]. В ряде регионов доля женщин-депутатов достигает 40% в муниципальных советах, 11 женщин возглавляют региональные законодательные собрания. Многие из них в прошлом работали учителями, врачами, экономистами. Они прошли через муниципальный уровень, через реальные проблемы людей, что в свою очередь и сформировало управленческую эффективность и устойчивость.

Ограничивающими факторами политического участия женщин в Российской Федерации являются ценностные установки и социальные стереотипы. В российском обществе по-прежнему устойчиво закреплено представление о политике как преимущественно «мужской» сфере. Об этом свидетельствуют как количество женщин-кандидатов, так и уровень электоральной поддержки. Низкое представительство также связано с недостатком условий для совмещения политической деятельности с обязанностями в семье. В том числе наблюдается нехватка программ для подготовки и поддержки женщин-лидеро[198].

При этом политическое участие женщин приводит к качественным изменениям в социальной сфере. Женщины чаще выступают инициаторами законопроектов в области здравоохранения, образования, защиты прав семьи. Участвуют в благотворительности и в волонтерских проектах. Также они более склонны к диалоговой модели политического поведения, что особенно необходимо в период политической турбулентности и нестабильности[199].

Таким образом, современное состояние политического участия женщин в Российской Федерации характеризуется хоть и положительной, но слабой динамикой. Отсутствие институциональных механизмов (в частности, квот), а также закрепившиеся в российском обществе гендерные стереотипы сохраняют отставание в этом аспекте от глобальных трендов.

[194]КазПравда. Доля женщин в парламентах мира приближается к одной трети [Электронный ресурс]. – URL: https://kazpravda.kz/n/dolya-zhenshchin-v-parlamentah-mira-priblizhaetsya-k-odnoy-treti

[195]РИА Новости. Россия оказалась на 153-м месте по числу женщин в парламенте [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/20240308/zhenschiny-1931875162.html

[196]Парламентская газета. Остапенко: женщин в Госдуме VIII созыва стало больше [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pnp.ru/politics/ostanina-rasskazala-o-chislennosti-zhenshhin-v-rossiyskom-parlamente.html

[197]Степанова С.Ю. Женское представительство в органах государственной власти Российской Федерации в период с 1991 по 2023 гг. // КиберЛенинка. – 2023. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-predstavitelstvo-v-organah-gosudarstvennoy-vlasti-rossiyskoy-federatsii-v-period-s-1991-po-2023-gg

[198]ТАСС. Женщины в российской политике: потенциал и вызовы [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/opinions/24473751

[199]Там же.

Харченко В.А.
(Ростов-на-Дону, ЮФУ)

СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Межрегиональное международное сотрудничество рассматривается как система взаимодействия регионов различных государств по широкому спектру отношений, таких как экономика, наука, образование, культура и т.д. В России межрегиональное международное сотрудничество выступает одним из инструментов реализации внешней политики.

В целях реализации государственной политики в сфере международных отношений Российской Федерации на региональном уровне создана система представительств МИД России. На сегодняшний день функционируют 39 представительств, в зону ответственности которых входят 89 субъектов РФ. Особо следует отметить создание представительств в Крыму и в новых субъектах РФ (Донецк, Луганск).

В задачи представительств входят:

– обеспечение соблюдения принципа единства внешней политики России и общего порядка координации международных связей субъектов Федерации;

– содействие структурным подразделениям МИД России, дипломатическим представительствам и консульским учреждениям РФ, представительствам РФ при международных организациях в осуществлении мероприятий международного характера на территории субъектов Федерации;

– обеспечение взаимодействия МИД России с органами государственной власти субъекта Федерации, информирование их по основным вопросам международного положения и внешней политики РФ;

– содействие органам государственной власти субъекта/субъектов Федерации в развитии международных связей, подготовке и осуществлении мероприятий международного характера;

– содействие органам местного самоуправления, общественным объединениям и иным неправительственным организациям при осуществлении ими международных связей;

– ведение информационно-аналитической и справочной работы;

– содействие функционированию иностранных дипломатических представительств, консульских учреждений, международных организаций и их представительств на территории Российской Федерации.

Задачами Представительства межрегионального уровня также является координация работы представительств в субъектах Федерации, входящих федеральный округ, обобщение и подготовка отчетных и информационно-аналитических материалов, относящихся к федеральному округу в целом.

Анализ межрегионального сотрудничества предполагает рассмотрение международных связей субъектов на двустороннем уровне. Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров констатировал, что активная работа регионов реально способствует поступательному укреплению позиций России на внешних контурах, углублению её сотрудничества с государствами Мирового большинства, прежде всего со странами-членами СНГ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС, Союзного государства, а также в целях формирования Большого Евразийского партнерства.

В условиях продолжающегося санкционного давления Запада субъекты Российской Федерации достаточно эффективно осуществляют международные связи и дополняют деятельность традиционных институтов реализации внешней политики государства (Посольств, Торговых представительств и Российских центров науки и культуры) через подписание соглашений о торгово-экономическом, научно-техническом, культурно-гуманитарном сотрудничестве российских регионов с правительствами, профильными министерствами и региональными органами власти. Межрегиональное и приграничное сотрудничество является одним из 9 ключевых направлений экономического развития ЕАЭС до 2030 г. Внешнеполитическое ведомство России поддерживает усилия регионов в углублении и расширении межрегионального сотрудничества субъектов Российской Федерации с партнерами за рубежом. В частности, получила распространение практика проведения презентаций субъектов Российской Федерации для представителей дипломатических представительств иностранных государств, ежегодно проводимая в Москве МИД России.

Например, 4 декабря 2024 г. на площадке культурного центра МИД состоялась презентация Ростовской области, в ее работе приняли участие Министр иностранных дел России С.В. Лавров, главы и представители дипкорпуса различных стран мира. В ходе презентации была отмечена нацеленность руководства области, её предпринимательских кругов на привлечение иностранных инвестиций, расширение культурно-гуманитарных и туристических обменов.

В настоящее время область осуществляет активное внешнеэкономическое и международное сотрудничество с более чем 140 государствами, на её территории функционируют 6 дипломатических представительств иностранных государств. Приоритетное внимание уделяется странам СНГ, Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. В Ростовской области продолжается развитие программ международного межрегионального сотрудничества с партнерами в Армении, Белоруссии, Венгрии, во Вьетнаме, в Китае, Узбекистане. Прорабатываются вопросы сотрудничества с африканским континентом.

Таким образом, в Российской Федерации создана система, включающая институциональную, нормативно-правовую и договорную базу обеспечения межрегионального международного сотрудничества.

Хаткевич А.А.
(Москва, ИМЭМО РАН)

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ СТРАН БРИКС

Доклад посвящён результатам эмпирического исследования, направленного на выявление характерных черт и особенностей научной дипломатии (НД) Бразилии, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики, которые касаются дискурсивных пространств НД указанных стран – ведущих и набирающих влияние акторов мировой политики. Под дискурсивным пространством НД мы понимаем логическую среду[200], где индивидуальными субъектами, т.е. действующими лицами, НД артикулируются представления об этом феномене международных отношений. Как правило, в данной среде сосуществуют три дискурса: внешней политики, научной политики и научно-аналитический.

[200]Плотникова С.Н., Домышева С.А. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования // Политическая лингвистика. 2009. № 27. С. 103–108.

Инструментами дискурс-анализа выступили анализ стратегий и тактик дискурса[201] и определение структуры дискурсивного пространства. Материалами стали тексты (n = 35) информационных сообщений, в которых упоминаются НД или смежные ей понятия. Сравнительный анализ дискурсивных пространств четырёх стран БРИКС проводился по критериям превалирующих дискурса и стратегии и степени сбалансированности.

Характерной чертой дискурсивных пространств НД стран БРИКС является превалирование в нём научно-аналитического дискурса и стратегии на повышение. Исключение составляет Китай, особенность дискурсивного пространства НД которого – доминирование дискурса внешней политики и стратегии театральности. Более того, в случае Китая прямых упоминаний понятия НД не встречается, речь идёт только о смежных понятиях, в первую очередь о сотрудничестве в области НТИ.

Дискурсивные пространства НД Индии и Южно-Африканской Республики видятся относительно сбалансированными. В них представлены все сферы (дискурс внешней политики, дискурс научной политики, научно-аналитический дискурс) и стратегии (на повышение, на понижение, театральности). В случае Бразилии дискурсивное пространство НД включает только две сферы (дискурс научной политики и научно-аналитический дискурс) и две стратегии (на повышение и театральности). В дискурсивном пространстве НД Китая присутствуют три сферы, но две стратегии – тоже на повышение и театральности.

Тональность рефлексии развития НД в большинстве рассмотренных страновых случаев позитивная, поскольку представления артикулируются в основном с использованием стратегии на повышение. Однако в её рамках наиболее распространены разные тактики: презентации (Бразилия, Южно-Африканская Республика) и анализ – «плюс» (Индия). В случае Китая, когда тональность рефлексии нейтральная, так как доминирует стратегия театральности, чаще всего применяется тактика побуждения.

С помощью обозначенных ведущих тактик в дискурсивных пространствах НД стран БРИКС формулируются различные представления об этом феномене международных отношений. В бразильском кейсе НД позиционируется как инструмент эффективного донесения научной информации до общества и лиц, принимающих решения, как механизм, который способствует процессу научно-технологического развития, предлагает научные рекомендации для внешней политики и использует научные сети для укрепления процессов глобального управления. В случае Индии акцент делается на том, что научный подъём страны не только получает глобальное признание, но и содействует усилению позиции страны на мировой арене. В китайском кейсе зафиксированы призывы укреплять открытость и сотрудничество в области науки и технологий, развивать глобальный взгляд на них. В случае Южно-Африканской Республики подчёркивается, что внешнеполитическое ведомство государства всё чаще рассматривает НД как инструмент внешней политики, что НД выступает неотъемлемой частью инновационной системы страны, способствует научному сотрудничеству на континенте и за его пределами.

Таким образом, для стран БРИКС в настоящее время НД всё ещё выступает скорее аналитической категорией, чем понятием, устоявшимся в политическом дискурсе. Заметно стремление субъектов НД этих стран охарактеризовать её текущее развитие в положительном ключе. Несколько иная ситуация наблюдается в дискурсивном пространстве Китая. Представления о НД артикулируются там преимущественно в дискурсе внешней политики, причём нейтрально и без прямых упоминаний данного понятия. В целом, НД являет собой систему взаимодействий, происходящих в

[201] Акопова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6–1. С. 403–409.

современной международной реальности. При этом важно понимать, что «всякая реальность нам дана представлениями о ней»[202]. Рассмотрение НД в ракурсе дискурсивных пространств позволило выявить характерные черты и особенности содержания и структурной организации представлений действующих лиц НД о ней, сложившихся в четырёх центрах силы и транслируемых внешней и внутренней аудитории. Именно в представлениях находят вербальное выражение ценности. Соответственно, проведённое исследование вносит вклад в осмысление ценностей и интересов стран БРИКС, при выстраивании отношений с которыми Россия применяет в том числе и НД как инструмент своей внешней политики.

Хафизова И.Х.
(Уфа, УУНиТ)

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА В РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В сложившихся внешнеполитических условиях инструментально-ценностная направленность процесса управления политическими рисками выдвигается на передний функционально-краеугольный план стратегического позиционирования Российской Федерации на международной арене.

Со всей очевидностью проведение Специальной Военной Операции на территории Украины представляется в качестве фактической реализации принципа своевременного предупреждения, имеющего непосредственное отношение к политическому риск-менеджменту, обусловленной осуществлением профилактических мер подобного рода, направленных на недопущение попыток размещения ракетных установок Североатлантического альянса, что, в свою очередь, повлекло бы за собой проявление угрожающих тенденций в отношении военной и экономической безопасности Российского государства.

Принцип адекватности наиболее ярко прослеживается в предложении российского руководства вернуться к формату трёхстороннего взаимодействия – Россия-Китай-Индия, как фундаментального основания БРИКС, предпринимая, таким образом, очередную попытку нормализации отношений между Индийскими и Китайскими политическими элитами. Необходимость осуществления подобного дипломатического шага, обусловленная давлением американского Белого дома на Нью-Дели, выраженным в выводе Индийского государства из орбиты международного объединения БРИКС и, соответственно, ослаблении данного союза перед конкурирующей на международной арене G7, предопределила принятие адекватных мер Москвой.

Принцип максимизации регулирования политическим рисками Российской Федерацией в международном пространстве находит достаточно яркое отображение в содержании пунктов 5 и 6 общих положений Концепции внешней политики, принятой 31 марта 2023 года. Данные пункты подчёркивают наличие у Российского государства неограниченного количества разноспектральных детерминант, обуславливающих многовекторность реализации нашей страной современного внешнеполитического курса.

Соблюдение принципа минимизации политического риск-менеджмента во внешнеполитической деятельности Российской Федерации, наиболее пёстро проявляется

[202]Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. С. 35.

в недопущении руководством нашей страны согласия на временную заморозку конфликта на Украине на условиях коллективного Запада, что минимизирует риски проявления значительного количества угроз безопасности российской стороны.

Принцип адаптационной гибкости также зеркально отображается в содержании Концепции российской внешней политики, в контексте которого указывается на то обстоятельство, что Россия открыта к возобновлению и развитию конструктивного и взаимовыгодного партнёрства со всеми государствами, включая не дружественные страны Европейского Союза, которые в реалии осознают бесперспективность своих конфронтационно-антагонистических позиций и в перспективе ориентированы на продуктивность сотрудничества с Российской Федерацией.

Применительно к рассмотрению реализации принципа договороспособности российским руководством во внешней политике на современном этапе как коммуникативного принципа управления политическими рисками, вероятность которых не исключается в процессе нормализации отношений России и США на фоне обоюдного желания мирного урегулирования украинского кризиса, целесообразным представляется допустимость условной типологизации договороспособностей в современных внешнеполитических условиях, посредством их разграничения на политико-коммерциализированный тип, характерный для Президента Соединённых Штатов Америки Д. Трампа и стратегически-выверенный тип, аккумулирующий в себе все ключевые направления, а также отличающийся чётко-структурированной алгоритмичностью его реализации и детальной политической, социальной и экономической ориентированностью, что полностью соответствует договороспособности Президента России В.В. Путина.

По общеизвестным обстоятельствам на значительную часть стран-участниц Евросоюза данная типология не распространяется ввиду наличия существенной степени их недоговороспособности, априори продиктованной несамостоятельностью, минимизировавшей долю ответственности и, как следствие этого, на сегодняшний день отличающихся неадекватностью поведения на международной арене.

Вышеизложенные факты достаточно конкретно аргументируют инструментальную ценность политического риск-менеджмента в реализации внешней политики современной России через призму неукоснительного соблюдения принципов управления политическими рисками при осуществлении курса внешнеполитического курса современного Российского государства.

Хахалкина Е.В.
(Томск, НИ ТГУ)

РОСТ ПОПУЛЯРНОСТИ Н. ФАРАДЖА И ЕГО ПАРТИИ «РЕФОРМИРОВАТЬ СОЕДИНЁННОЕ КОРОЛЕВСТВО» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Найджела Фараджа можно смело назвать политическим тяжеловесом британской политики. Его партия феноменально выиграла местные выборы в Англии 1 мая 2025 г.; на всеобщих выборах в июле 2024 г. заняла третье место по количеству набранных голосов. Прежде внесистемная полумаргинальная партия встраивается в существующую партийно-политическую систему.

Фарадж начал свою политическую карьеру в Консервативной партии, но быстро разочаровался в ее проевропейской позиции. В 1993 г. он покинул консерваторов и стал одним из основателей Партии независимости Соединенного Королевства (ПНСК), сделав евроскептицизм главной темой своей политической деятельности. На протяжении многих лет Фарадж неустанно боролся за выход страны из Евросоюза, называя его бюрократическим монстром, подрывающим суверенитет Великобритании.

Кульминацией политической карьеры Фараджа стало проведение референдума о членстве Великобритании в ЕС в 2016 г. Он возглавил кампанию за Брекзит, используя лозунги о возвращении контроля над границами, деньгами и законами. Несмотря на противодействие со стороны политической элиты, бизнеса и большинства СМИ, кампания Фараджа увенчалась успехом: население страны с небольшим перевесом голосов выход страны из Евросоюза.

В чем причины все возрастающей популярности Н. Фараджа, какую роль в ней играет его способность к манипулированию общественным мнением, ораторский стиль, навыки самопрезентации?

Н. Фарадж демонстрирует отличное понимание принципов политической психологии. Он умело использовал популистскую риторику, апеллируя к чувствам разочарованных избирателей, игнорируемых традиционными политическими партиями. Под его руководством ПНСК постепенно набирала популярность, особенно среди рабочего класса и жителей небольших городов Англии, недовольных иммиграцией и влиянием Евросоюза.

На примере Н. Фараджа можно рассмотреть несколько ключевых аспектов политической психологии, объясняющих его успех и стиль:

1. Потребность в принадлежности (Need for Affiliation, мотивационная теория Д. Макклелланда). Принцип: Люди испытывают потребность принадлежать к группе, чувствовать себя частью чего-то большего. Политики часто используют это, обращаясь к чувству идентичности, национализма или общим ценностям. Фарадж умело создавал «мы-они» динамику, противопоставляя «простых людей» политическому истеблишменту и иностранцам. Это создавало чувство общности среди его сторонников, позволяя им чувствовать себя частью движения против «системы». Он апеллировал к британской идентичности, создавая образ «нашей страны», которую нужно защитить.

2. Теория социального сравнения (Social Comparison Theory, теория Л. Фестингера). Принцип: Люди оценивают себя, сравнивая себя с другими. Фарадж использовал это, чтобы привлечь сторонников, представляя себя «одним из нас» – обычным человеком, который разделяет заботы и тревоги простых людей. Он сравнивал себя с «оторванными от реальности» политиками, чтобы подчеркнуть разницу и создать образ «своего парня», вызывающего доверие.

3. Эмоциональное заражение (Emotional Contagion). Принцип: Эмоции распространяются от одного человека к другому, поэтому их можно использовать для влияния на настроение и убеждения аудитории. Фарадж часто использовал эмоционально заряженные выступления, вызывая гнев, страх и патриотизм. Он апеллировал к страху перед иммиграцией, беспокойству по поводу потери национального суверенитета и надежде на лучшее будущее после Брекзита.

4. Когнитивный диссонанс (Cognitive Dissonance). Принцип: Люди испытывают дискомфорт, когда их убеждения противоречат их действиям или новой информации. Политики могут использовать это, чтобы изменить убеждения людей. Фарадж апеллировал к людям, которые чувствовали себя «брошенными» политическим истеблишментом или недовольными существующим порядком. Он предлагал им простое решение сложных проблем, помогая им избавиться от когнитивного диссонанса. Например, обещая контроль над границами и экономические выгоды от Брекзита, он предлагал выход из диссонанса, связанного с недовольством ЕС.

5. Эффект ореола (Halo Effect). Принцип: Общее положительное впечатление о человеке может влиять на оценку его качеств. Узнаваемый образ Н. Фараджа (пиджак, сигара, пинта пива) и открытость создавали положительный «ореол», который влиял на восприятие его идей. Его харизма и уверенность в себе усиливали этот эффект.

6. Принцип дефицита (Scarcity Principle). Принцип: Люди ценят то, что трудно получить. Фарадж часто использовал аргументы, связанные с защитой «британской идентичности» и контролем над «нашими» границами. Эти вопросы были представлены как ограниченные ресурсы, которые нужно защищать.

7. Страх перемен (Fear of Change). Принцип: Люди, как правило, боятся перемен, особенно тех, которые кажутся угрожающими или непредсказуемыми. Лидер популистов умело использовал этот страх, апеллируя к опасениям людей по поводу иммиграции, культурных изменений и потери национального суверенитета. Обещая контроль и стабильность, он предлагал решение этой тревоги.

Хотя политический стиль Фараджа вызывает критику (его обвиняют в популизме, ксенофобии, разжигании ненависти и распространении ложной информации) Н. Фарадж – неординарный политик, уже оказавший колоссальное влияние на политический ландшафт Великобритании и Европы.

Хачатурян С.О.
(Ереван, РАУ)

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГРУЗИИ

Особое значение в вопросах трансформации национальной идентичности в странах Южного Кавказа имеет влияние внешнеполитических центров силы. Так на сегодняшний день данная тема особо актуальна для Грузии, в структуре идентичности которой ключевым столпом стал европоцентризм. За последние десятилетия ориентация на Европу оформилась в рамках концепции национальной безопасности в стратегический выбор страны. Проевропейский вектор в политике и социокультурной сфере проявляется не просто как инструмент внешнеполитического позиционирования, но как и элемент конструирования национальной идентичности.

Идентичность, при рассмотрении сквозь призму конструктивистского подхода, представляет собой социальный конструкт, который меняется под влияние политических и культурных факторов. Политика идентичности, направленная на формирование доминантной идентичности государства, включает в себя деятельность различных политических институтов, образовательной системы, средств массовой информации, различные некоммерческие организации транслируют определенные ценности, образы, символы и модели идентификации. В связи с этим на протяжении многих лет грузинская национальная идентичность претерпевала изменения, которые по-разному интерпретируются исследователями и политическими акторами. В контексте данного обсуждения необходимо определить, насколько трансформация идентичности является субъектным проявлением, либо же это вынужденная адаптация при учете политической конъектуры.

Можно выделить разные подходы к определению взаимосвязи между европейской и грузинской идентичностью: одни эксперты считают, что грузинская нация изначально является европейской, другие же считают, что европейский вектор искусственно насаждает иную модель самоидентификации.

В рамках проведения экспертного интервью с грузинскими специалистами были выявлены следующие позиции. Так, эксперт *A* отвергает позицию, согласно которой европейский вектор является реакцией на постсоветскую реальность. По его мнению, «Грузия издавна является восточноевропейской страной, имея как культурные европейские корни (христианство, контакты с Византией и тд), так и политические связи», например, помощь немцев в становлении независимого государства. Эксперт в ходе рассуждения приходит к выводу, что демократические ценности, такие как свобода, демократия заложена как «код в генетику грузинского народа». В связи с этим европоцентризм является естественным движением грузинского государства, которое имело политическое значение в прошлом веке в условиях создания независимой Грузии и противопоставления себя Российской империи и СССР.

Эксперт *B* считает, что «период европейскости можно разделить на два этапа». В начале двухтысячных европейская ориентация действительно была маркером идентичности для большинства грузин. Однако «с усилением ультралиберальных тенденций (однополые браки, гендерный переход и тд)» грузинская национальная идентичность входит в конфликт с европейской частью идентичности. В связи с этим эксперт ставит под сомнение официально выбранный путь евроатлантической интеграция, который все еще транслируется как наиболее принимаемый грузинским обществом.

С одной стороны, влияние европейского аспекта идентичности воспринимается как положительное явление, способствующее модернизации и демократизации, с другой стороны, некоторые элементы в структуре европейской идентичности вызывают опасения у грузинского народа относительно сохранения национальной идентичности и ценностей. Учитывая геополитические противоречия в регионе и нестабильность политической конъектуры, в грузинском обществе обостряется внутренняя дилемма между традиционной частью идентичности и европейской частью.

Так европейский элемент представляет собой ключевой аспект трансформации идентичности, выполняя роль катализатора изменений в структуре грузинской идентичности. В случае грузинской трансформации идентичности можно отметить как элементы субъективного выбора, так и необходимой адаптации к реалиям. С одной стороны, европоцентризм является результатом исторических сложившихся связей и целенаправленной попыткой национальных элит закрепить своё положение в европейском пространстве. С другой стороны, нельзя не отметить попытку адаптации грузинского государства к сложной региональной среде, а также поиски альтернатив российскому влиянию в условиях постсоветского нациостроительства. Таким образом, процесс трансформации грузинской идентичности нельзя свести лишь к одной модели, так как данный процесс носит многослойный и противоречивый характер.

Тезисы подготовлены в рамках проекта 24SSAH-5F032 по исследованию трансформирующихся идентичностей.

Хвощев В.Е.
(Челябинск, независимый политолог)

ДИНАМИКА РУБЕЖЕЙ РОССИИ 21 ВЕКА

Современные государства занимают определённые пространства и плотно упакованы друг с другом. По разным причинам давление по линиям государственных разграничений то возрастает, то убывает, стимулируя сдвиги пограничных линий в ту

или иную сторону и вызывая неутихающие конфликты на разных уровнях. Естественный процесс движения границ становится болезненным, если происходит масштабно и быстротечно. Подобные изменения являются важной частью международных отношений, потому что рано или поздно имеют разрушительные последствия.

В настоящее время мир вступил в период пересмотра многих государственных границ, отчего существенно возрастает значение пограничной политики. Особенно эти процессы касаются российско-украинских отношений, развитие которых демонстрирует отложенную реакцию социально-политических субъектов на нерешённые пограничные проблемы.

Первая четверть 21 века в России была временем осмысления последствий распада СССР и неудачной попыткой приспособиться к новым геополитическим реальностям, попыткой адаптации к условиям враждебной среды. К сожалению, эти намерения не нашли отклика в мировой политике. Сегодня самая протяжённая в мире российская сухопутная граница испытывает напряжение на многих своих участках. С большинством наших соседей сохраняются или даже обостряются взаимные территориальные споры об их государственной принадлежности. Как правило, территориальные претензии подкрепляются националистическим содержанием, не говоря о том, что граница всегда была звеном преступности – контрабанды, наркоторговли, распространения оружия. Это обстоятельство требует большого внимания к организации охраны государственной границы. Известно, что надёжная охрана километра границы предполагает затраты в несколько сотен миллионов рублей, а после распада СССР у России появилось 8 новых границ, значительная часть которых с недружественными новообразованиями. Дефицит средств на обустройство этих границ вызвал необходимость российской власти принять организационные меры по укреплению пограничной политики. Во многом поэтому появилось решение о ликвидации Пограничной Службы РФ и передачи её полномочий Федеральной Службе Безопасности (Указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2003 года № 315 «О ликвидации Федеральной пограничной службы Российской Федерации...»). Как и планировалось, принятые меры позволили решить текущие проблемы пограничной политики, касающиеся, главным образом, линий межгосударственных разграничений.

Однако «линейная» часть пограничной политики не решает многие вопросы государственной безопасности. Исследования позволяют обнаружить протяжённую и неравномерную диффузию мнений и настроений людей по обе стороны границы, что необходимо учитывать при обустройстве глубины приграничья. Между тем ослабление специализированного профиля пограничной службы, усиление её конфиденциальности, усложнение управления и, как следствие, отрыв от социально-политических исследований создают преимущество поверхностных бюрократических решений перед глубоким научным анализом.

Учитывая фундаментальное значение в природе и обществе разделяющих объекты пространств, следует рекомендовать организацию относительно самостоятельной российской пограничной службы.

PS: источники, на основании которых подготовлены тезисы, частично расположены на сайте https://pogranpol.screpa.com

Хомутинкин С.В.
(Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина)

АМЕРИКАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИСТЫ О МЕСТЕ РОССИИ В МИРОВОМ ПОРЯДКЕ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

События на Украине придали новый виток академическим дискуссиям относительно контуров мирового порядка, на который, очевидно, будут влиять итоги военного противостояния и последующее дипломатическое урегулирование.

В публичном пространстве США, и прежде всего во влиятельных СМИ, доминируют сторонники либеральной гегемонии и американского интервенционизма. Альтернативные точки зрения представлены слабо. Особенно это коснулось политического реализма, который, ранее будучи влиятельной традицией в американской политической мысли, оказался вне публичного поля.

Американские политические реалисты демонстрируют достаточно широкий спектр мнений относительно места России в международной политике после окончания конфликта на Украине. Так, Ч. Капчан и Р.Хаас солидарны со многими положениями неолиберального политико-академического мейнстрима периода администрации Дж. Байдена. Это военное поражение России как предпосылка двусторонних переговоров с выходом на новый «конструктивный диалог» НАТО и Москвы. Последний предполагал бы обсуждение более широких вопросов общеевропейской безопасности (историческая параллель – переговоры об объединении Германии в формате «2+4»). Вместе с тем Капчан и Хаас предполагали сохранение части санкций (полностью они могут быть отменены только после ухода Путина и подписания удовлетворяющего Украину мирного соглашения), наличие замороженного конфликта и условной границы по корейскому образцу и обязательное продолжение поставок вооружений на Украину. Нетрудно заметить, что это предполагало бы существенное снижение субъектности России, прежде всего – в системе европейской безопасности.

Генри Киссинджер, виднейший теоретик и практик политического реализма, один из первых сформулировал план деэскалации конфликта: восстановление status quo ante на 24 февраля, переговоры с Россией и сохранение ее в качестве части системы европейской безопасности после окончания конфликта. Эта весьма умеренная программа, высказанная им в мае 2022 г. на форуме в Давосе, вызвала серьезную волну обвинений в сдаче территорий со стороны украинской власти и западных изданий. И хотя по ходу развития конфликта он отказался от ряда своих прежних установок (например, обязательности нейтрального статуса Украины, что он отстаивал с середины 2000-х гг.), для него важность вовлечения России в постконфликтную европейскую систему на комфортных для Москвы условиях была несомненна. Россия, указывал Киссинджер, должна быть частью этой системы на основе равенства и взаимного уважения. Западу нужно отказаться от институциональных угроз в ее адрес, которые угрожали ей по крайней мере в ключевые периоды прошлого века. Отдельным предостережением звучат слова Киссинджера о том, что война за «свободу Украины» не должна превращаться в войну «против России как таковой».

В центре дебатов относительно конфликта на Украине оказался и другой американский интеллектуал – профессор Джон Миршаймер, представитель «наступательного реализма». Еще в 2014 году он указал на значительную ответственность США и их европейских союзников за начало украинского кризиса, поскольку Россия долго и

последовательно возражала против расширения НАТО и ЕС на восток и видела в двух «Майданах» вмешательство во внутренние дела соседней страны, неизбежно антироссийской направленности. Логику российского руководства Миршаймер сравнивает с «доктриной Монро», и потому именно быстрое движение Украины к вступлению в НАТО с начала 2021 года и полная поддержка этому со стороны администрации Дж.Байдена вызвали военную реакцию России на угрозу, которую она многие годы публично оценивала как «экзистенциальную».

Таким образом, политические реалисты по-разному смотрят на место России после окончания украинского конфликта. Но разделяется точка зрения, что по отношению к формирующемуся неолиберальному мировому порядку Россия выступает ревизионистской державой. Кремль не приемлет его и пытается воспользоваться относительным ослаблением Соединенных Штатов для укрепления своих позиций и решения чувствительных для себя вопросов, многие из которых были порождены начавшимся в 2014 году кризисом в отношениях с Западом вокруг Украины.

Вместе с тем в США именно часть представителей политического реализма репрезентуют взгляды на внешнюю политику России и действия других участников конфликта, которые наиболее близки российской позиции. Насколько это сможет создать необходимый фон для нового этапа российско-американских отношений, слабые контуры которого начали просматриваться в 2025 году, можно будет судить только спустя некоторое время.

Хопёрская Л.Л.
(Ростов-на-Дону, ЮФУ)

МИРОВАЯ АРХИТЕКТУРА БЕЗОПАСНОСТИ: БРИКС VS КОЛЛЕКТИВНЫЙ ЗАПАД

После распада Советского Союза в международный политический дискурс вошла проблематика создания общей архитектуры безопасности. Даже был подписан документ, в котором провозглашалось, что Россия и НАТО «на основе твердого обязательства, принятого на высшем политическом уровне, будут совместно строить прочный и всеобъемлющий мир в евроатлантическом регионе на принципах демократии и безопасности, основывающейся на сотрудничестве».

В унисон с НАТО проблемами коллективной безопасности озаботился Европейский союз, в 1999 г. в Стамбуле была подписана Хартия европейской безопасности, призванная «способствовать формированию общего и неделимого пространства безопасности». Однако модель общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI века, включая Россию, не была реализована.

Зато в 2006 г. началось взаимодействие по вопросам безопасности России, Китая, Индии и Бразилии, в 2009 г. на мировой арене появилось новое межгосударственное объединение БРИК, которое после присоединения к ним ЮАР в 2011 г. получило название БРИКС. Одной из его важнейших целей была разработка на основе «Декларации о многополярном мире и формировании нового мирового порядка» концепции равной и неделимой безопасности.

Остановимся на принципиальных отличиях подхода государств-членов БРИКС от подхода стран Коллективного Запада. На практике странами Коллективного Запада реализуется НАТО-центричная модель евроатлантической безопасности, распростра-

няющаяся только на «золотой миллиард» или, по словам бывшего верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж.Борреля, «цветущий сад», который нужно беречь от вторжения «джунглей».

В Декларации Вашингтонского саммита НАТО (июль 2024 г.) альянс следующим образом обозначил основные угрозы и вызовы:

Россия остается самой значительной и прямой угрозой безопасности государств-членов;

конфликты, уязвимость и нестабильность в Африке и на Ближнем Востоке;

дестабилизирующие действия Ирана влияют на евроатлантическую безопасность;

КНДР и Иран подпитывают российскую военную агрессию против Украины;

КНР продолжает создавать системные вызовы для евроатлантической безопасности;

углубление стратегического партнерства между Россией и КНР и их взаимоукрепляющие попытки подорвать и изменить основанный на правилах международный порядок являются предметом глубокой озабоченности;

Индо-Тихоокеанский регион имеет важное значение для НАТО, поскольку события в этом регионе напрямую влияют на евроатлантическую безопасность;

Западные Балканы и регион Черного моря имеют стратегическое значение для Североатлантического союза.

В ответ государства, в современном мире получившие общее название Мирового Большинства, заявили о подходе, основанном на принципе «равной и неделимой безопасности, безопасности не для избранных, а для всех».

Китай в ответ на актуальную задачу, «какой мир надо построить и как это сделать», на основе пяти принципов мирного сосуществования (взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода и мирное сосуществование) предложил концепцию формирования Сообщества единой судьбы человечества.

Свой подход обозначила Индия, премьер-министр которой в 2024 г. заявил, что «в современном мире значение имеет только коллективный голос и позиция, которую остальные не могут игнорировать, полагая, что только они вправе формировать и диктовать правила игры», и выступил с идеей о заключении всеобъемлющего Глобального договора о развитии («Глобального пакта о развитии»).

Предложение Индии концептуально совпадает с идеей формирования Большого евразийского партнерства, в которой обеспечение безопасности рассматривается через поддержку «региональной и субрегиональной интеграции в рамках дружественных многосторонних институтов, диалоговых площадок и региональных объединений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке».

Таким образом, государства БРИКС, выдвинули свои проекты построения архитектуры безопасности, основанной на принципах взаимоуважения и взаимопонимания, суверенного равенства, солидарности, демократии, открытости, инклюзивности, взаимодействия и консенсуса.

В поисках «выхода из однополярного мира» в 2024 г. членами БРИКС+ стали Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия, в 2025 – Индонезия, еще 10 государств (Белоруссия, Боливия, Вьетнам, Казахстан, Куба, Малайзия, Нигерия, Таиланд, Уганда, Узбекистан) получили статус «стран – партнёров БРИКС».

Расширение БРИКС констатировало переход к новой геополитической и геоэкономической реальности, характеризуемой выстраиванием многосторонних и многоплановых проектов сотрудничества. В Казанской декларации БРИКС (2024 г.) представлен концептуальный подход к обеспечению всеобщей и неделимой безопасности на основе принципов многополярного мироустройства. В Декларации, принятой в Рио-де-Жанейро в 2025 г., подтверждается приверженность обеспечению безопасности как магистральному направлению деятельности расширившегося БРИКС.

Хот Т.А.
(Краснодар, КубГУ)

ЦИФРОВАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ: АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ ПО ВОПРОСАМ ЖКХ В КРАСНОДАРЕ НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ЦЕНТРА УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ

Важнейшей задачей региональных органов исполнительной власти становится организация оперативного, адресного и основанного на данных реагирования на запросы и обращения населения. Именно в рамках решения данной задачи и был создан Центр управления регионом (ЦУР) – инновационная структура, обеспечивающая постоянный мониторинг, сбор, обработку и анализ обращений граждан с последующей передачей информации в профильные ведомства и контролем за их отработкой. Деятельность ЦУР направлена не только на повышение эффективности управленческих решений, но и на формирование устойчивой модели цифрового диалога власти и общества, где каждый сигнал, поступающий от жителя, становится важным элементом в общей системе социального управления.

В условиях цифровой трансформации государственного управления вопросы обратной связи с населением приобретают стратегическое значение. Одним из ключевых каналов такого взаимодействия выступает анализ обращений граждан по актуальным проблемам, прежде всего, в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ).

Сфера ЖКХ традиционно занимает одно из ведущих мест среди наиболее острых и социально чувствительных тем, вызывающих активный отклик со стороны населения. Проблемы, связанные с неудовлетворительным состоянием инфраструктуры, несвоевременным вывозом мусора, протечками в жилых домах, перебоями в подаче воды или отопления, качеством капитального ремонта и содержанием придомовых территорий, регулярно становятся предметом обсуждения в социальных сетях и на цифровых платформах обратной связи.

Учитывая масштабы региона, плотность населения и сложную структуру ЖКХ, Краснодарский край является показательной территорией с точки зрения оценки эффективности цифровых механизмов реагирования на сигналы граждан. Работа ЦУР в данном направлении строится на системном взаимодействии с муниципальными образованиями, профильными управлениями и ресурсоснабжающими организациями. При этом используется комплексный подход, включающий сбор и классификацию обращений, визуализацию проблемных точек на интерактивной карте, контроль сроков исполнения и обратную связь с заявителями.

Целью исследования стал комплексный анализ содержания и структуры обращений по вопросам ЖКХ. Методологически работа опиралась на контент-анализ сообщений, поступивших в ЦУР через систему «Инцидент Менеджмент», анализ публикаций в официальных каналах ЦУР в Telegram и VK, а также результаты опроса населения. Статистические и качественные данные позволили не только выявить наиболее часто встречающиеся категории обращений, но и оценить характер ответных действий профильных ведомств.

Согласно данным губернатора Краснодарского края Вениамина Кондратьева, только в первой половине 2024 года в органы власти региона поступило порядка 52 тысяч обращений, из которых 11 тысяч через платформу «Госуслуги. Решаем вместе». Муниципальный ЦУР Краснодара за аналогичный период обработал свыше 71 тысячи

обращений. Наиболее активными цифровыми каналами оказались социальные сети, особенно система «Инцидент Менеджмент», фиксирующая сигналы граждан, размещённые в публичных комментариях.

Особый интерес представляет анализ публичной активности ЦУР в медиапространстве. За исследуемый период в Telegram-канале организации было размещено всего 11 постов с упоминанием обращений, из которых лишь один напрямую касался проблем ЖКХ. В то же время в сообществе VK активность выше, пользователи размещают комментарии, фотографии и видеоматериалы, связанные с бытовыми и коммунальными проблемами. Представители профильных ведомств, включая Роспотребнадзор, в ряде случаев вступают в публичный диалог с заявителями.

Дополнительным источником данных стал авторский социологический опрос, проведённый среди 300 жителей города. Результаты показали, что 73% респондентов сталкивались с проблемами в сфере ЖКХ за последний год. Однако почти половина опрошенных не предпринимали попыток обращения в ответственные инстанции. Из тех, кто обращался, большинство контактировали с управляющими компаниями, остальные выражали недовольство через социальные сети. Уровень удовлетворённости результатами обращений оказался низким: лишь 7% отметили полное решение проблемы, остальная часть заявила об отсутствии реакции или частичном решении.

На основе результатов исследования были выделены основные проблемы: перебои в подаче воды, ненадлежащая работа управляющих организаций, сложности с вывозом мусора и плохое состояние придомовой инфраструктуры. Кроме того, зафиксированы признаки недостаточной прозрачности и неэффективности коммуникации между жителями и профильными органами власти. Формальные ответы, отсутствие обратной связи и непрозрачность процедуры рассмотрения обращений снижают доверие граждан к цифровым каналам участия.

Таким образом, проведённое исследование подтвердило высокую социальную значимость сферы ЖКХ как индикатора удовлетворённости населения и эффективности цифрового взаимодействия власти и общества. Роль ЦУР как цифрового аналитического инструмента требует дальнейшего укрепления: не только как платформы сбора информации, но и как активного участника в формировании устойчивого диалога между обществом и государством.

Хохлов Д.А.
(Петрозаводск, ПетрГУ)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Развитие цифровых технологий коренным образом трансформирует формы политической социализации, гражданского участия и взаимодействия между обществом и государством. Политическое образование и гражданское просвещение, ранее реализуемые преимущественно в оффлайн-среде через институции формального об-

разования, сегодня стремительно интегрируются в цифровое пространство. Эти процессы отражают глобальные тренды цифровой трансформации и актуализируют необходимость переосмысления способов взаимодействия между государством и гражданами в условиях информационного общества.

Целью данного теоретического исследования является осмысление роли цифровых технологий как инструмента, способного не только транслировать политико-правовую информацию, но и формировать гражданскую идентичность, политическую культуру и активное гражданство.

Политическое образование в контексте цифровизации приобретает новые характеристики: оно становится доступнее, интерактивнее, фрагментарнее. Цифровые платформы позволяют индивиду получать политическую информацию вне рамок формального обучения, в удобной и персонализированной форме. Такая трансформация, с одной стороны, способствует демократизации просвещения, расширяя доступ к знаниям, а с другой – порождает ряд новых рисков, связанных с природой цифровой среды. В частности, формируется феномен информационного пузыря, когда пользователь систематически сталкивается лишь с контентом, подтверждающим его убеждения, в результате алгоритмической фильтрации информации. Это ограничивает критическое восприятие и снижает способность к диалогу. Наряду с этим возрастает угроза манипуляций – преднамеренного распространения искажённой или эмоционально окрашенной информации, направленной на управление восприятием и поведением аудитории. Кроме того, наблюдается тенденция к псевдоучастию: гражданам предлагаются формальные механизмы вовлечения в политические процессы, не предполагающие реального влияния на принятие решений или ответственности государства за результат.

Институциональные электронные инструменты включают в себя такие проекты, как платформа обратной связи "Госуслуги. Решаем вместе", «Разговоры о важном», портал "Госуслуги", цифровые ЦУР (Центры управления регионами), онлайн-курсы на базе вузов и партнерских платформ (например, «Университет 20.35»). Они обеспечивают нормативно закреплённую, проверенную и скоординированную форму политико-гражданского взаимодействия, но часто страдают от недостаточной гибкости, ограниченного охвата молодёжной аудитории и низкой обратной связи. В то же время неинституциональные форматы – Telegram-платформы, блоги, подкасты, краудсорсинговые проекты – приобретают растущее влияние, особенно среди молодого поколения. Они выступают не только каналами политического информирования, но и ареной обсуждений, цифрового активизма и формирования коллективных идентичностей. Однако отсутствие единой методологической и этической базы делает эти практики уязвимыми к дезинформации, поляризации и подмене образования агитацией.

Современная модель политического образования в России характеризуется нарастанием цифровой компоненты, интегрированной в институциональные и медийные форматы просвещения. Федеральные проекты – такие как образовательно-коммуникационная инициатива «Разговоры о важном», цифровая платформа «Университет 20.35», а также просветительские модули на базе «Российской электронной школы» и портала «Госуслуги» – представляют собой попытку институционализировать политическое знание в условиях сетевой среды. Их содержательная направленность фокусируется на трансляции нормативных основ государственности, гражданской идентичности и правового сознания, при этом формат подачи адаптируется под цифровую аудиторию, преимущественно молодёжную.

Региональный уровень воспроизводит данные практики в рамках локальных стратегий цифровизации образования. Например, в ряде субъектов Российской Федерации, включая Республику Карелию и Калининградскую область, реализуются цифровые образовательные проекты, ориентированные на формирование компетенций граж-

данского участия, понимание механизмов публичной власти и основ политико-правовой культуры. Указанные практики демонстрируют тенденцию к переходу от исключительно трансляционной модели просвещения к интерактивным, гибридным форматам, сочетающим формальное и неформальное образование.

Таким образом, цифровые технологии выступают как двойственный фактор: они способствуют расширению гражданской вовлечённости, но одновременно ставят под сомнение традиционные механизмы социализации и контроля. Ключевой задачей становится не только развитие инфраструктуры, но и формирование критического мышления, цифровой медиаграмотности и устойчивых каналов взаимодействия, сочетающих институциональную легитимность с гибкостью цифровых сред.

Хрулькова В.В.
(Москва, РУДН)

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ В САЛЬВАДОРЕ

Проблема внутренней безопасности и борьбы с преступностью для государств Латинской Америки и Карибского бассейна является одной из наиболее актуальных. Именно на данный регион приходится 33% всех насильственных смертей в мире, что делает его первым по общемировому количеству убийств (Сальвадорский опыт борьбы с преступностью и перспективы экспорта «модели Букеле» // URL: https://russiancouncil.ru/amp/analytics-and-comments/columns/latin-america/salvadorskiy-opyt-borby-s-prestupnostyu-i-perspektivy-eksporta-modeli-bukele/). В связи с этим особенный интерес представляет опыт Сальвадора, до недавнего времени возглавлявшего рейтинг самых опасных латиноамериканских государств, самый молодой президент в истории которого, Найиб Букеле, смог в короткие сроки решить проблему нестабильности внутренней обстановки, превратив Сальвадор в самое безопасное государство в Западном полушарии (что получило название «Феномен Букеле»).

До 2019 г. внутренняя обстановка в Сальвадоре характеризовалась тем, что преступные банды (самые крупные Мара Сальватруча (также известная как MS-13) и Мара Баррио 18 (MS-18)) бесчинствовали и терроризировали мирных граждан, действуя как на территории государства, так и за его пределами. Традиционные же партии Сальвадора – Национальный республиканский альянс (ARENA) и Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти (FMLN) – и их лидеры не могли решить столь остро стоявшую проблему внутренней безопасности, что вызывало усталость и недовольство электората. В этих условиях в 2019 г. на президентских выборах от правоцентристского движения «Новые идеи» (затем преобразованного в пропрезидентскую партию) побеждает молодой политик Найиб Букеле, пообещавший жестко бороться с бандами.

Найиб Букеле не обманул ожидания своих избирателей. Для борьбы с преступными группировками был введен в действие «План территориального контроля», включавший в себя, в частности, увеличение численности силовых структур, обеспечение полицейских и военных новыми видами оружия, размещение военнослужащих в особо опасных районах, усиление тюремного надзора и другие меры. Кроме того, на территории Сальвадора было введено чрезвычайное положение, а все подозреваемые в связях с бандами были заключены в тюрьмы. Однако интересно отметить, что «План территориального контроля» включал в себя не только карательные, но и социальные

меры. Так, например, в него вошли открытие школ и создание новых рабочих мест для того, чтобы молодые люди не вступали в преступные группировки.

В результате данных мер число убийств в государстве на 100 тыс. населения упало с 36 до 1,48, и Сальвадор стал самым безопасным государством в Западном полушарии, а Найиб Букеле – самым популярным политиком в Латинской Америке (Ивановский З.В. Электоральные процессы в Латинской Америке в 2024 г. Противоречивые итоги – Свободная мысль. 2025. Том 1710. №2. – С. 107). Символом политики Букеле по искоренению преступности стал построенный им Центр содержания террористов – мегатюрьма, рассчитанная на 40 тыс. заключенных.

Однако у «Феномена Букеле» есть и оборотная сторона. К ней можно отнести массовые задержания без выяснения обстоятельств, жестокость полиции, суровые условия содержания и даже смерти в тюрьмах. В частности, находившиеся в Центре содержания террористов граждане Венесуэлы рассказали о жестоком обращении и назвали мегатюрьму Букеле адом (Депортированные мигранты расписали мега-тюрьму как «фильм ужасов» // URL: https://www.mk.ru/politics/2025/07/25/deportirovannye-migranty-raspisali-megatyurmu-kak-film-uzhasov.html). Кроме того, при Найибе Букеле появилась «горячая линия» для доносов на подозрительных сальвадорцев, что, как показывает общемировая история, обычно не приводит ни к чему хорошему.

Несмотря на то, что правозащитные организации обвиняют президента Сальвадора в систематических нарушениях прав человека и отходе от демократических норм, а критики его политики – в склонности к авторитарным тенденциям в управлении, он пользуется огромной поддержкой своих граждан. Так, на выборах в феврале 2024 г. он получил 84,5% голосов, значительно опередив своих соперников (Ивановский З.В. Электоральные процессы в Латинской Америке в 2024 г. Противоречивые итоги – Свободная мысль. 2025. Том 1710. №2. – С. 108).

В заключение стоит отметить, что хотя Найибу Букеле, самому популярному политику Латинской Америки, объявившему беспощадную войну бандам, удалось в кратчайшие сроки решить в Сальвадоре проблему внутренней безопасности, его методы можно охарактеризовать как весьма неоднозначные, а вопрос о возможности их применения в других государствах Латинской Америки и Карибского бассейна остается открытым.

Хугаев З.Т.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ГРАЖДАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В настоящее время, в условиях геополитических вызовов и угроз, одной из центральных задач, стоящих перед государством, является сохранение ценностного суверенитета и укрепление национально-государственной идентичности. С учетом сложного политико-административного устройства Российской Федерации, а также ее этнокультурного состава необходимо уделять внимание «особым» регионам. Одним из таких регионов является Северный Кавказ.

В этом контексте важно отметить необходимость системной, в том числе просветительской, работы с молодежью, которая как большая социальная группа отличается не-

стабильностью и неоднородностью; молодежь наиболее подвержена внешнему влиянию. С учетом социокультурных особенностей и общественно-политического контекста комплексная работа с молодежью в СКФО позволит предупредить рост социальной нестабильности и возникновение конфликтов на национальной и религиозной почве. Однако гражданское просвещение, понимаемое как деятельность, направленная на формирование политической картины мира, гражданской позиции и ценностно-мировоззренческих ориентаций [Селезнева А.В., Рогач Н.Н., Брайнес А.А., 2025], невозможно без научного осмысления, изучения ценностей и идентичности молодежи – как России в целом, так и Северного Кавказа в частности.

Концептуальной основой исследования является политико-психологический подход, согласно которому ценности рассматриваются как идеи, идеалы и убеждения и в индивидуальном, и в массовом сознании.

Эмпирическую базу составили данные, полученные в результате проведения репрезентативного опроса молодежи Северного Кавказа 16-35 лет на основе пропорциональной, стратифицированной выборки, которая была построена в соответствии с полом, возрастом и местом проживания респондентов. Использовались такие приемы и техники, как оценочное шкалирование, неоконченные предложения, вербальные фиксированные ассоциации.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что ценности выступают смысловыми доминантами, определяющими поведение граждан и влияющими на политический процесс в целом. Политические ценности молодежи Северного Кавказа во многом согласуются с ценностями всей российской молодежи. Наиболее значимыми ценностями являются безопасность, мир, справедливость и права человека. Социокультурные особенности региона определяют довольно умеренный запрос на патернализм, свободу и патриотизм. Этот факт необходимо учитывать в рамках процесса патриотического воспитания молодежи.

Политические ценности выступают основой многоуровневой идентичности молодежи Северного Кавказа, имеющей пространственно-территориальное и социокультурное измерения. Доминирующим же компонентом выступает гражданская идентичность. Молодежь принимает активное участие в общественно-политической жизни страны, чувствуя заботу государства и осознавая свой долг, ответственность перед ним.

Результаты исследования могут быть использованы для формулирования рекомендаций и предложений по совершенствованию молодежной политики, а также стать основой для мероприятий в сфере политического образования и гражданского просвещения в современной России.

Цыбаков Д.Л.
(Москва, МГЛУ)

ИРРЕГУЛЯРНОСТЬ КАК ФАКТОР ВОЕННО-ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

На фоне событий Специальной военной операции имеет место трансформация основ военной политики и фундаментальных принципов организации и деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации. Одновременно происходит модернизация системы военно-гражданских отношений в российском обществе. Понимая

под военно-гражданскими отношениями процесс взаимодействия военной организации и социума, выделим такие его параметры как порядок функциональных связей между обществом и структурами и компонентами военной организации Российской Федерации по поводу обеспечения национально-государственных интересов и национальной безопасности страны.

Опыт оценки событий Специальной военной операции показал, что, начиная с 2022 года, что затронули такие ключевые направления военно-гражданских отношений. Оказались существенно пересмотрены задачи и функции вооруженных сил, вопросы их комплектования; преобразились социальная и культурная функции армии в российском обществе; существенно модифицировались идеология и моральная основа воинской службы; актуализировались проблемы адаптация военнослужащих, и также задачи определения их права и ответственности по отношению к обществу и власти (Юрманова, Е. А. Нечерда П. П. Организационные и коммуникативные составляющие военно-гражданского взаимодействия // Инновационная экономика и общество. – 2024. – № 1(43). – С. 78-88.)

Большое влияние на большинство аспектов коммуникации общества и вооруженных сил в последние годы оказали принципы и практика такого феномена как иррегулярное военное строительство. Фактически явочным порядком в практику оказались внедрены нормы и правила иррегулярности, которые фактически были дезавуированы как в советский период отечественной военно-политической истории, так и в период суверенизации Российской Федерации в 1990-е-2000-е гг. Признаки иррегулярных формирований достаточно очевидны и подробно описаны в исследовательской литературе : формирование в обход или с частичным выполнением официальных административных процедур, автономное оформление внутренней иерархии, либеральное отношение к уставных правилам, обязательным в регулярных армиях. Также по традиции иррегуляров отличает повышенная социальная, организационная и функциональная мобильность (Бродский В. И. Воинская иррегулярность и проблема социального порядка в свете «Теории партизана» Карла Шмитта: между политическим и криминальным.// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 308-334.)

Отмеченные признаки в полной мере проявляются в военно-гражданских отношениях России в период СВО. Активное использование добровольческих и милиционных формирований различного типа отмечено с весны 2022 г. Причем на протяжении первых полутора лет Специальной военной операции военизированные формирования подобного рода оставались вне юрисдикции государства и не были связаны контрактами с Министерством обороны РФ. В последующем все они были включены в структурную организацию Вооруженных сил и в организационном порядке оказались в составе особого Добровольческого корпуса.

Показательно, что наибольшую активность в деле интеграции в систему военной организации России показали такие виды негосударственных парамилитарных объединений, действовавших в стране в предшествующий период. Среди них: ветеранские организации, объединения участников локальных войн, прежде всего – Союз Добровольцев Донбасса, общественные формирования казачества, военно-патриотические организации.

Как показывает опыт Специальной военной операции ввиду своего добровольного выбора вступления на путь вооруженной борьбы члены иррегулярных формирований и сами такие формирования достаточно интенсивно способны менять социальные роли и выступать связующим звеном между армией и обществом, между обществом и властью, а также исполнять функции артикуляции интересов различных социальных групп. Важной характеристикой иррегулярной военной практики также признают прочность политической вовлеченности в вооруженную борьбу: чаще всего основным

мотивом участия в таковой выступают идейно-политические и идеологические основания. Таким образом, милиционные субъекты, как правило представляющие меньший уровень военно-профессиональных знаний, дисциплины и оснащенности, тем не мене способны проявлять более развернутой и объективное представление об особенностях и специфике военно-социального взаимодействия и остаются наиболее компетентной в вопросах обороны и безопасности частью гражданского общества.

Чайковская И.С.
(Москва, ИГСУ РАНХиГС)

ТАРГЕТИРОВАНИЕ РИСКОВ, УГРОЗ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ВЫЗОВОВ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ИНОСТРАННЫХ ТНК И РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Сотрудничество (политический транзакционизм, сделки) с иностранными ТНК имеет ряд преимуществ для российского государства, включая трансфер современных технологий, осуществление инвестиций, создание новых рабочих мест и т. п., что позволяет говорить о его положительном влиянии на экономический рост. Вместе с тем, данное сотрудничество сопровождается рисками экономического, политического и социального характера, способными препятствовать долгосрочному развитию Российской Федерации и даже угрожать её суверенитету. Данные риски обуславливаются как стратегиями инвестиционного поведения иностранных ТНК, так и спецификой российской среды, характеризуемой уникальным сочетанием политико-управленческих, институциональных и отраслевых стимулов, а также особенностями среды, в которой функционируют подразделения ТНК в других странах.

В ракурсе уровня интегрированности ТНК в национальную экономику, в том числе в парфюмерно-косметической сфере, следует выделить 2 базовые модели интеракций (взаимодействий) сторон, каждая из которых требует выработки сбалансированного политико-управленческого подхода, направленного на максимизацию экономических и общественно-политических выгод при одновременном сведении к минимуму потенциальных негативных последствий. Такими моделями являются импортозависимая модель и модель локализации производств.

При реализации импортозависимой модели взаимодействия, ТНК не осуществляют инвестиции в развитие производственного сектора, незначительно влияют на уровень занятости и производительность труда, не способствуют сокращению технологического отставания, не оказывает положительного влияния на позиции Российской Федерации в международной системе разделении труда, не осуществляют инвестиций в НИОКР и проч. В результате государство не имеет возможностей полной мере воспользоваться потенциалом сотрудничества (политических транзакций, сделок) с иностранными ТНК в части получения экономической и общественно-политической выгоды.

При реализации взаимодействия по модели локализации производств государство получает возможность в полной мере воспользоваться потенциалом сотрудничества (политических транзакций, сделок) с иностранными ТНК в части получения экономической и общественно-политической выгоды, что позволяет государству рассматривать ТНК как партнёров в модернизации национальной экономики. Однако, данная

модель сопровождается формированием экономической зависимости государства от деятельности иностранных ТНК, что угрожает государственному суверенитету и сопровождается рисками монополизации рынка (вытеснению отечественных конкурентов), локализации устаревших технологий, «консервирующих» промышленно-технологическое развитие Российской Федерации, экологическими, финансовыми (отток капитала), социальными и политическими рисками.

Данные модели взаимодействия не являются взаимоисключающими. Будучи зависимыми от российских условий среды, а также от инвестиционных стратегий ТНК, они могут реализовываться одновременно, в том числе в рамках взаимодействия государства и отдельно взятой иностранной ТНК применительно к различным категориям продукции (сегментам рынка).

При этом следует принимать во внимание, что интеракции (взаимодействия) российского государства и иностранных ТНК также могут подвергаться влиянию факторов среды, в которой функционирует материнская компания ТНК и подразделения ТНК в других странах. В существовании такого влияния мы могли наглядно убедиться в 2022 г., когда, на фоне введения масштабных санкционных ограничений странами коллективного Запада, иностранные ТНК ограничили и/или прекратили деловую активность на территории нашей страны.

Прекращение и/или ограничение деловой активности иностранных ТНК может иметь негативные социально-экономические последствия краткосрочного и долгосрочного характера для Российской Федерации как принимающего государства, масштаб которых тем более значителен, чем более глубокой является интеграция ТНК в национальную экономику.

Таким образом, сотрудничество государства (политический транзакционизм, сделки) с иностранными ТНК, независимо от реализуемой модели, требует таргетирования рисков в политико-управленческом взаимодействии с целью максимизации положительных эффектов такого взаимодействия и с учетом баланса интересов сторон в условиях новой модели экономического развития, где одним из ключевых приоритетов является достижение технологического суверенитета как неотделимой компоненты государственного суверенитета Российской Федерации.

Челак А.В.
(Уфа, ООО "Знак")

ЦИФРОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПОЛИТИКА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИМИДЖЕВЫХ СТРАТЕГИЙ В ЭПОХУ ГИБРИДНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Имидж не является современным изобретением (вспомним знаменитые работы Н. Макиавелли «Государь», Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»), но его значимость резко возросла именно в наше время. Согласно определению А.А. Максимова, «имидж, или образ кандидата, включает внешность, должность, профессию и программу кандидата, биографию, свершения, хобби, манеру вести беседу, комплекс убеждений, намерений и многое другое, а также “легенду” – реальные или мифологизированные события из жизни кандидата, которые делают его в общественном сознании более достойным высокой должности, чем остальные так называемые рядовые претенденты» (См.: Политическая

имиджелогия: учеб. Пособие для бакалавриата и магистратуры / Д.О. Селентьева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 10.). И еще совсем недавно все это было полностью контролируемым, имидж выстраивался по четкой схеме.

А затем наступила цифровизация, которая изменила все. Как отмечает Е.С. Лосева, «цифровизация, появившаяся изначально как техническое явление, предполагала замену аналоговых ресурсов на цифровые. Позже понятие “цифровизация” стало гораздо шире и приобрело черты социокультурного феномена» (Лосева Е.С. Цифровизация как социокультурный конструкт // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2021. Т.10 №2 (35)). Одна из задач цифровизации, по мнению исследователя, – упрощение взаимодействия, повышение доступности информационных ресурсов. Таким образом, цифровизация отправила в прошлое классический подход, основанный на тщательно срежиссированных выступлениях, глянцевых фото и контролируемых медиа. Цифровая среда, особенно социальные сети, сформировала у аудитории запрос на «подлинность» и «аутентичность». Доверие теперь строится не на безупречности, а на человечности, возможности совершать и признавать ошибки, демонстрации «закулисья».

Современный политический имидж – это не монумент, а живой диалог. Успешная стратегия сегодня – это стратегия управляемой спонтанности, где главная задача имиджмейкера не скрыть реальное лицо, а найти и вычленить наиболее привлекательные и искренние его черты и адаптировать их для цифрового поля.

Цифровая личность политика конструируется через совокупность платформ, каждая из которых выполняет свою роль. К примеру, площадками для «очеловечивания» имиджа становятся короткие видеоформаты (Reels, Stories), через которые транслируются личная жизнь, хобби, семья, неформальное общение. Платформы мессенджеров с публичными каналами подходят для более доверительной коммуникации, благодаря возможности публикации длинных постов, эксклюзивных заявлений, разъяснения позиции. Через них формируется образ эксперта и прямого собеседника, минуя медиа-посредников. Также мы наблюдаем форматы так называемых твитов, которые дают возможность быстрой реакции, участия в трендах, острых дискуссиях и формируют образ политика «в моменте». Видеохостинги в современном информационном поле являются площадками для длинных форматов: интервью, прямых эфиров, документальных проектов – и работают на углубление и детализацию имиджа.

Универсальной стратегии на сегодня нет, но успешный имидж должен учитывать специфику платформ и при этом быть целостным по принципу омниканального маркетинга.

В то же время цифровизация имиджа порождает новые серьезные вызовы:

1. Проклятие гипертранспарентности. Стремление к аутентичности стирает границы частной и публичной жизни. Политик оказывается заложником собственного цифрового образа, вынужден постоянно делиться контентом, что ведет к профессиональному выгоранию и росту числа ошибок.

2. Цифровой фастфуд. В погоне за виральностью и вниманием происходит упрощение сложных политических программ до мемов и слоганов. Это угрожает самой сути содержательной политики.

3. Кризис контроля. Цифровая среда непредсказуема. Любой неосторожный комментарий, лайк или действие становятся достоянием общественности и могут быть использованы для компромата. Скорость распространения информации делает классические технологии кризисного менеджмента менее эффективными.

4. Генерация глубоких подделок (deepfakes). Технологии искусственного интеллекта создают принципиально новую угрозу – возможность тотальной фальсификации имиджа, что подрывает саму основу доверия к цифровой информации.

Мы можем с уверенностью утверждать, что цифровая среда не просто добавила новые инструменты в арсенал политического консультанта – она изменила саму природу

политического имиджа. Он становится интерактивным, динамичным, коллективно сконструированным и перманентно изменяющимся. Успех в политике теперь определяется не тем, насколько безупречен образ, а тем, насколько он живой, адаптивный и устойчивый к вызовам цифровой эпохи. Задача имиджмейкера будущего – найти баланс между аутентичностью и стратегией, между человечностью и технологичностью.

Челан А.И.
(Краснодар, КубГУ)

НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ГИБРИДИЗАЦИИ

Современная архитектура публичной сферы уже не является ни чисто виртуальной, ни исключительно реальной, а представляет собой гибридное пространство, где онлайн– и офлайн-взаимодействия неразделимы и взаимно обуславливают друг друга. Традиционное понимание публичной сферы, сегодня требует переосмысления, в том числе, из-за изменившихся условий коммуникаций субъектов, например появление такого феномена как «постправда». Мы уже давно живем в условиях постправды, когда эмоции и личные убеждения часто имеют больший вес, чем объективные факты. Информационное поле перенасыщено, и чтобы понять, как в нем рождается та самая «общая реальность», о которой когда-то писала Ханна Арендт, мы должны описать процесс коммуникации по уровням. Вслед за Эмом Гриффином, мы предлагаем рассматривать публичную сферу как многослойную структуру, выделяя четыре уровня коммуникации: межличностный, групповой и публичный, массовый и межкультурный. Если раньше все классические уровни коммуникации были относительно обособлены, то сегодня в цифровую эпоху, их границы размываются. Ярким примером является трансформация коммуникации на межличностном уровне. Комментарий или ответ (рекомментарий) в социальной сети, будучи по форме актом межличностного общения, мгновенно приобретает публичный и групповой характер, что создает эффект «публичной ответственности» за высказывание, которого не существовало бы в приватной беседе. Но главная особенность коммуникации даже не в этом, а в самой природе субъекта: собеседником в онлайн-пространстве может оказаться не человек, а бот – запрограммированный алгоритм, чья задача состоит в имитации личных мнений, ведении дискуссий в нужное русло, накручивании эмоционального фона или просто тиражировании пропаганды. Боты могут вести между собой искусственные диалоги, создавая у реальных пользователей иллюзию массовой поддержки или осуждения той или иной позиции. Это принципиально новый феномен, который ставит под сомнение саму возможность непредвзятого диалога в публичном пространстве. И именно этот, казалось бы, микроуровень, оказывает решающее влияние на макропроцессы.

Согласно классической двухступенчатой модели Лазарсфельда, информация из СМИ усваивается обществом не напрямую, а через фильтр «лидеров мнений» – авторитетных людей в микрогруппах (семье, коллективе). Сегодня эта модель не отменена, но усложнена до предела, так как социальные сети, с их алгоритмами персонализации, создают вокруг каждого пользователя «информационные пузыри», где коммуникация происходит с единомышленниками. Межличностное общение внутри такого «пузыря»

становится мощнейшим фильтром и усилителем, и именно поэтому борьба за политическое влияние сегодня это борьба за контроль над уровнем межличностной коммуникации, что и объясняет распространение бот-ферм и иных инструментов манипуляции.

Групповая коммуникация также претерпела изменения, например, если раньше для вступления в групповую коммуникацию необходимо было пройти некую формальную или неформальную процедуру (вступить в клуб, партию, профессиональное сообщество), то сегодня, в онлайн-пространстве таких требований нет, что создает иллюзию тотальной открытости. Однако параллельно существует и обратная тенденция – рост числа абсолютно закрытых сообществ в мессенджерах и социальных сетях, куда можно попасть только по приглашению. Риск от таких закрытых групп колоссален, ведь мы не видим и не можем анализировать те риторические ви́дения и «общие фантазии», которые там вызревают, пока они не выплеснутся в офлайн-пространство, например, в форме стихийного митинга, как это произошло в Махачкале в 2023 году. Толпа, ворвавшаяся в аэропорт, – это и есть материализовавшаяся групповая фантазия, взращенная в закрытом онлайн-сообществе, подчиняющаяся теории символической конвергенции Борманна.

В свою очередь уровень массовой коммуникации лишился языковых барьеров, но обрел технические барьеры: платформы могут быть отключены на национальном уровне, как это произошло в России в 2022 году. А уровень межкультурной коммуникации находится в парадоксальном состоянии: глобализация одновременно нивелирует культурные различия и позволяет им проникать друг в друга, но и порождает новые конфликты на почве столкновения не фактов, а нарративов.

Таким образом, сегодня понимание новой архитектуры политических коммуникаций является необходимым условием для анализа современных политических процессов, противодействия манипуляциям и выработки стратегий осмысленного участия в гибридной публичной сфере.

Черенкова И.В.
(Санкт-Петербург, Пансион воспитанниц Министерства обороны РФ)

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ШКОЛЕ

Понимание, а тем более интерпретация качественных изменений внутренней и мировой политики, экспертиза и политический прогноз невозможны без глубокого знания истории современных стран, политических и правовых учений, повлиявших на формирование как отдельных государств, так и развитие региональной и мировой политики в определенные исторические периоды.

К сожалению, современная мировая политическая элита, не всегда соответствует этому названию, порой демонстрируя отсутствие самых базовых знаний. Традиции серьезной дипломатии подменяются «шоу», где демонстрируется некомпетентность, неуважение к истории, культуре других стран. Многократно воспроизведенные в СМИ мифы становятся частью истории постмодерна, формируя новую реальность в сознании не только обывателей, но и самой «политической элиты», которая начинает верить своим же, только что сочиненным нарративам.

Известная фраза, которую приписывают Ульянову-Ленину «каждая кухарка должна управлять государством», к сожалению, стала буквальной реальностью для представителей

политической элиты многих современных государств. Более того, возникает иллюзия, что политика – это деятельность, которой можно заниматься без какой-либо профессиональной подготовки. А ведь в статье «Удержат ли большевики государственную власть?» Владимир Ильич говорил о важности прежде всего обучения вопросам управления.

Стоит отметить, что российская дипломатия продолжает держать высочайшую планку профессионализма противопоставляя историческим и политическим «фейкам», реальные факты и убедительную аргументацию, что заслужено вызывает уважение даже среди оппонентов. Но сможет ли соответствовать высоким требованиям молодое поколение отечественных политиков? Какой уровень знаний будут демонстрировать будущие лидеры России? Мы уверены, что знания в области политологии и права востребованы не только в среде профессиональных политиков. Понимание механизмов политических процессов необходимо каждому гражданину, так как позволяет анализировать содержание и выявлять специфику политических событий и явлений, прогнозировать возможные сценарии развития и их последствия. Эти знания способствуют развитию гражданского общества, так как помогают гражданам выражать свою гражданскую позицию, сознательно выбирать формы собственного участия в политической жизни.

В нашей стране важную роль в политическом образовании и гражданском просвещении в современной России играет школа, где применяются разнообразные формы воспитательной работы, урочные и внеурочные образовательные технологии. Пристальное внимание государства к школьным курсам истории и обществознанию подчеркивает особую роль этих предметов в политической социализации юных граждан. На уроках истории и обществознания ученики знакомятся с основами социально-гуманитарных наук.

В последние годы наиболее серьезные изменения происходят с курсом Обществознания, изучение которого осталось только в 9-11 классах. Это вызывает острую дискуссию не только в педагогической среде. На наш взгляд представляется важным не потерять потенциал курса «Обществознания». Несомненно, стоит признать, что давно назрела необходимость провести ревизию содержания курса «Обществознания», но именно ревизию, а не отмену. Предмет «Обществознание» позволяет учащимся сформировать целостное представление о мире и приобрести базовые знания в различных областях: право, политология, экономика, философия, социология. Сокращение курса «Обществознания», на наш взгляд, может привести к тому, что ученики будут хуже понимать сложные социальные явления.

Все вышеизложенное, побудило нас разработать программу внеурочной деятельности по истории общественно-политической мысли для учащихся 8-10 классов. Мы убеждены, что помимо знакомства с важными историческими событиями, необходимо уделять больше внимания изучению представлений людей о обществе, государстве, праве, способах и формах участия человека в политике на протяжении истории человечества. Важно изучать условия возникновения политико-правовых учений, прослеживать их эволюцию, осуществлять сравнение взглядов авторов разных исторических эпох и применять эти знания при анализе современных социальных процессов.

Курс «История общественно-политической мысли» включает: историческую справку об особенностях развития государства в том или ином регионе и историческом периоде; биографическую информацию об авторе общественно-политического учения; основные положения учения, отрывки из работ автора учения и иные фрагменты исторических документов.

Полагаем, что занятия в рамках данной программы помогут ученикам научиться анализировать современные общественно-политические процессы, развить критическое мышление, уметь противостоять политическим манипуляциям, сформировать активную гражданскую позицию.

Черникова В.В.
(Воронеж, ВГУ)

РЕГИОНАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ВОЗРАСТАЮЩЕЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ: КОНСОЛИДАЦИЯ ИЛИ ИМИТАЦИЯ

Интерес к консолидации общества возникает в периоды потрясений. С началом специальной военной операции возросло количество исследований, которые были направлены на выявление влияния СВО на гражданскую идентичность и солидарные практики, которые стали складываться в российском обществе. В то же время затяжной характер СВО приводит к необходимости исследования изменений в состоянии гражданского общества, его мобилизационных способностей, уровне поддержки политических решений, проектах ожидаемого будущего.

Большинство работ затрагивает общегосударственные изменения в общественном сознании и политических практиках, отмечая влияние значимых событий (Присоединение Крыма, вхождение в состав России новых регионов, «Донбасский консенсус»), но для федеративного государства, важно также региональное преломление значимых событий. И особенно, как отражается на общественных настроениях не только сами события, но и их последствия для регионов, находящихся в непосредственной близости. Что больше объединяет людей – положительные события или трагедии и возросшие риски? Как люди интерпретируют свою роль в политическом участии, что становится мобилизационным триггером для консолидации гражданского общества?

Без проведения исследований, ответить на эти вопросы невозможно. В рамках опроса общественного мнения, проведенного Институтом социально-политических исследований ВГУ по заказу Общественной палаты, а также цикле фокус-групп, затрагивались вопросы, позволяющие выявить значимые для общества факторы и их влияние на солидарные практики. Вопросам соотношения консолидации и размежевания в обществе посвящена статья А. Л и И.А. Андреевых и Е.Д. Слободенюк[203], попытка рассмотреть солидарность общества как ответ на СВО в контексте коллективной травмы представлено в работе Н.С. Зимовой и Е.В. Фомина[204]. Внимание уделяется вопросам гражданского сознания и изменений в публичной сфере, интерес вызывает информационная составляющая и влияние на сознание молодёжи. В то же время, обозначенные направления, не всегда учитывают региональную специфику. А также возможность заключения негласного общественного договора по сохранению стабильности в обществе в условиях внешних вызовов.

На региональном уровне влияние оказывают различные факторы, в том числе геополитические, связанные с близостью к зоне проведения СВО, степени вовлеченности в оказание помощи, экономический, который отражается на уровне жизни населения и наличии различных ресурсов для общественной активности. Степень удовлетворенности и уровень тревожности также могут оказывать влияние на растущее недовольство, что может стать триггером конфликтов в регионе.

Существенное значение для консолидации общества и власти имеет субъективный фактор необходимости сохранения стабильности в условиях жёсткого противостояния.

[203]Андреев А. Л., Андреев И. А., Слободенюк Е. Д. Размежевание и консолидация в российском обществе в контексте СВО. – Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 104-119.

[204]Зимова, Н. С. Сетевая солидарность как ответ на коллективную травму (на примере специальной военной операции России на Украине) / Н. С. Зимова, Е. В. Фомин // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 3. – С. 148-165.

В то же время, со стороны институтов власти усиливается желание взять под контроль общественную активность, что не всегда находит понимание среди активных членов гражданского общества. Это может приводить к замене формирующейся мобилизованной консолидации на имитацию таковой.

Исследование состояния гражданского общества в Воронежской области, региона, испытывающего влияние близости к зоне СВО, вовлеченного в оказание помощи военным и пострадавшим из соседних регионов, может помочь увидеть динамику общественных настроений и модели взаимодействия гражданского общества и власти. В то же время специальная военная операция – не единственный вопрос, который имеет значение для объединения или размежевания граждан. Экономические и социальные вопросы, восприятие гражданами наиболее острых проблем в ЖКХ, благоустройстве, развитии инфраструктуры формируют запрос населения к власти. Это отмечали жители Воронежской области в ходе проведенного массового опроса в 2024 и 2025 гг., обсуждали в ходе фокус-групп. Дискуссии относительно будущих проектов развития затрагивают не только федеральные вопросы, но и задачи местного уровня. Отсутствие диалога между обществом и властью, попытки введения дополнительных ограничений могут вызвать снижение доверия и утраты уже сложившейся консолидации, заменить её на имитационные форматы объединения, что усиливает риски для стабильности региональной политической системы.

Черникова Г.В.
(Воронеж, ВГУ)

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКИХ МОЛОДЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ БЛОГОСФЕРЫ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Актуальность исследования общественно-политической активности российской молодежи в блогосфере в ракурсе социологического анализа обусловлена, прежде всего, значительным влиянием цифровых платформ и их экосистем в глобальном и национальном масштабе практически на все аспекты социальной жизни.

Предметом нашего исследования выступили содержательные и структурные характеристики общественной активности российской молодежи в блогосфере. В качестве метода исследования был избран традиционный анализ документов (неформализованный) и контент-анализ (формализованный). Анализу были подвержены публикации, размещенные в блогах молодых российских авторов за период с 1 по 30 апреля 2025 г. Материалы постов отбирались из двух крупнейших отечественных коммуникационных платформ – ВКонтакте и Telegram.

Эмпирическое исследование позволило выявить ряд важных характеристик, отражающих структуру и содержание общественно-политической активности российской молодежи в отечественной блогосфере.

Среди содержательных характеристик этой активности обращают на себя внимание следующие:

1) ключевая роль эмоциональной составляющей и интерактивных стратегий взаимодействия блогеров с аудиторией: подавляющее большинство постов характери-

зуются выраженным уровнем эмоциональной насыщенности (76,3%). Блогеры задействуют мультимедийные средства, задают вопросы читателям, привлекают внимание интересными фактами, используют иные приемы усиления вовлеченности аудитории, стимуляции активного отклика пользователей;

2) значимость рациональной структуры представления информации: свыше 99% рассмотренных сообщений характеризуются выраженным (высоким и средним) уровнем логичности построения текста и последовательностью аргументации. Четкая и ясная подача информации в блоге способствует её лучшему восприятию, увеличивает доверие аудитории, усиливает вовлеченность пользователей, стимулирует обсуждение, обеспечивает эффективность коммуникации;

3) преобладание мультимедийного формата в структуре информационных сообщений (99%), интегрирующего текстовые, аудиовизуальные и иные элементы. Данная коммуникационная стратегия способствует расширению глубины восприятия материала пользователями, повышает устойчивость концентрации внимания и оптимизирует процессы когнитивного освоения представляемой информации;

4) практически тотальное доминирование (100%) одушевленных предметов (как правило, людей), связанных по смыслу с контекстом публикации в тематической палитре объектов изображений в сообщениях;

5) доминирование пользовательского одобрения или поддержки контента, создаваемого блогерами (в 98% постов).

К наиболее значимым структурным особенностям общественно-политической активности российской молодежи в блогосфере можно отнести такие:

1) преобладающая роль наноблогеров в создании контента: подавляющая часть изученных документов – 82% от общего числа исследованных материалов – произведена участниками виртуального пространства с небольшим охватом аудитории (количеством подписчиков менее 10 000 чел.);

2) наибольший спрос у аудитории вызывает социально значимый и политический контент: популярностью среди пользователей обладают прежде всего публикации, связанные с помощью другим людям (83,1%), а также политические публикации преимущественно лоялистского толка (71,9%);

3) предпочтение коротких текстов: практически весь контент (100%) характеризуется небольшими объёмами текста (менее 600 слов), поскольку короткие публикации проще создавать и воспринимать;

4) в сравнительном контексте чаще всего публикуется политико-провластный контент. Видимо, это обусловлено рядом факторов. Авторы-блогеры создают политико-провластный контент, чтобы выразить свои политические взгляды, поддержать определённые идеи, что может быть связано с личными убеждениям, амбициями политической карьеры, желанием повлиять на общественное мнение и т.д. Политико-провластный контент публикуется чаще остальных типов материала, потому что является инструментом реализации государственных информационных и пропагандистских стратегий: контроль информационного пространства, ограничение доступа к альтернативным источникам информации и др. меры, направленные на повышение управляемости медийными процессами и укрепление поддержки власти среди населения;

5) наиболее высокая интенсивность пользовательского одобрения обнаружена в отношении политических постов. При этом политические посты лояльного толка обладают чуть большим потенциалом одобрения по сравнению с политическими постами критического содержания;

6)тематическая принадлежность сообщений сопряжена с половозрастными характеристиками авторов контента.

В заключении отметим, что несмотря на определенную включенность молодежи в социально-политические инициативы и активное участие в виртуальном публичном пространстве, сохраняется проблема отсутствия действенного инструментария перевода виртуальной активности в осязаемые позитивные перемены в обществе.

Чернова С.А.
(Краснодар, КубГУ)

ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНФЛИКТНОСТИ И СОЛИДАРНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕТЕВЫХ МЕДИА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

В текущих геополитических условиях развития страны и региона исследовательский интерес вызывает изучение гражданского дискурса, особенностей взаимодействия граждан в процессе обсуждения и конструирования общей позиции в отношении вопросов, требующих общественного внимания. При выстраивании гражданского дискурса одним из субъектов выступают социальные медиа, на сегодняшний день являющиеся наиболее доступным инструментом влияния на общественное мнение. Цель исследования – выявить и охарактеризовать практики формирования конфликтности и солидарности в гражданском дискурсе.

Эмпирическая база исследования – массив публикаций в социальной сети Телеграм за период с января по июнь 2025 года наиболее цитируемых социальных медиа Краснодарского края по данным сервиса «Медиалогия» – «Коммерсантъ Кубань-Черноморье», «Краснодарские известия», «Телеканал Краснодар», «Кубань 24», «93.RU | Новости Краснодара и края».

Формирование гражданского дискурса в выбранный период происходит вокруг нескольких ключевых нарративов – ликвидации последствий чрезвычайной ситуации на побережье Черного моря, празднование 80-й годовщины Победы и выборы главы региона. Это подтверждается анализом ключевых слов в текстах публикаций выбранных сообществ – житель, край, Кубань, служба, район, глава, победа. Среди успешных практик, направленных на повышение уровня солидарности в регионе, выделим запуск ряда информационных проектов – в сообществе «Кубань 24» был реализован проект «День района», посвященный субъектам Краснодарского края, а в период ликвидации чрезвычайной ситуации на побережье Черного моря в рамках серии публикаций #ВместеЗаЧистоеМоре публиковались истории добровольцев, проявивших высокий уровень гражданской ответственности и включенности. Эта практика коммуникации – «общий вызов – общая победа» является эффективной в контексте повышения важности активной гражданской позиции и позволяет трансформировать кризисную ситуацию в ресурс солидарности.

Отдельно стоит выделить сюжеты с призывом участия граждан в благоустройстве территории через транслирование важности вклада каждого гражданина. Использование социальных медиа может стать объединяющей основой для жителей региона и повлиять на рост уровня мотивации с помощью практики – «демонстрация результата деятельности – призыв к участию».

Слово «конфликт» было включено в текст 173 публикаций, большая часть из которых посвящена локальным конфликтам в обществе. Репрезентация конфликтных ситуаций

в масштабах отдельных субъектов региона чаще всего ограничена описанием ситуации, а основным пространством для дискуссии выступают комментарии. Исключением выступает сообщество «Коммерсантъ Кубань-Черноморье», в котором отсутствует возможность комментирования. В отдельных критических ситуациях в регионе была отмечена дифференциации дискурсивных стратегий. Официальное краевое издание «Кубань 24» транслировало ситуацию с возгоранием мусора на горе Щелба через серию публикаций, отражающих положительную динамику ликвидации последствий пожара со смещением внимания с причин и последствий его возникновения: «Ликвидация тления мусорного полигона на 800 кв. м. продолжается в Новороссийске». Независимое издание «93RU» использовало альтернативную стратегию, направленную на масштабирование конфликтной ситуации, путем включения негативных оценочных реакций: «Жители Новороссийска задыхаются от вони из-за горящей свалки»; «Как сейчас выглядит свалка в Новороссийске, которая горит уже третью неделю». Также анализ пользовательской активности (комментарии и реакции) выявил, что тема обращения с бездомными животными, присутствующая во всех исследуемых сообществах, и обладает наиболее высоким конфликтным потенциалом. Такие элементы гражданского дискурса свидетельствуют, что активное население вовлечено не только в решение вопросов, связанных с их личным благосостоянием или уровнем развития территории проживания, но и заинтересованы в сохранении социальной справедливости.

Социальные медиа выступают эффективным инструментом формирования гражданского дискурса, упрощающим привлечение внимания к социально значимым проблемам, и создают публичный резонанс вокруг конфликтных ситуаций. Потенциал социальных медиа может быть использован для распространения практик солидарности – продвижения общественно важных инициатив, демонстрации различных форм гражданской активности и поощрения конструктивного диалога, так и как пространство для усиления конфликтного потенциала территории и поддержания деструктивных настроений в обществе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда, проект № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности».

Черноморченко И.Ю.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

В африканских странах одно из центральных мест в политической жизни занимает борьба за власть и экономические блага между отдельными политическими силами и этническими группами (Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты). М.: Институт Африки РАН, 2013). Политические конфликты в большинстве стран континента до сих пор возникают на почве межэтнических отношений. Конфликты подобного рода часто перерастают в вооруженные конфликты и гражданские войны, препятствуя социально-экономическому развитию и ослабляя региональную безопасность (Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Африка: геополитические мир-системные аспекты и возможности России // Век глобализации.

2024. № 4. С. 20-35). Межэтнические отношения воздействуют на политические процессы, поскольку этническая принадлежность становится каналом политической мобилизации (Touoyem P. Dynamiques de l'ethnicitЋ en Afrique: ЋlЋments pour une thЋorie de l'ґtat multinational. Bamenda, Cameroon: Langaa Research and Publishing Common Initiative Group, 2014). В развивающихся странах именно в рамках этноса осуществляются многие социальные практики и функционируют институты, которые государство не смогло заменить. В доколониальный период межэтнические конфликты в регионе носили локальный характер. Первые проявления политических противостояний начались с приходом колониальных администраций, провоцировавших межплеменные конфликты для расширения власти (Gulliver P.H. Introduction // Tradition and Transition in East Africa: Studies of the Tribal Factors in the Modern Era / ed. by Gulliver P.H. Berkeley, CA: University of California Press, 1971). При этом колониализм способствовал и формированию новых этнокультурных общностей. Так, крупнейшая этническая группа Кении, кикуйю, сложилась как союз племён в противостоянии британской администрации. В Танзании значительная часть этносов приняла современный вид только в XX веке. Современная роль этнических групп в политике является наследием колониального прошлого. Однако, необходимо подчеркнуть, что и сами этнические группы формировались под влиянием политических процессов: объединяясь под руководством колониальных администраций или в борьбе против них (Бондаренко Д.М. Формирование наций в постколониальных государствах Субсахарской Африки: Танзания, Замбия и Уганда в сравнении // Азия и Африка сегодня. 2022. № 1. С. 15-23). В Уганде титульные королевства способствуют фрагментации и усилению напряжённости, в Кении демократизация 1990-х гг. привела к созданию партий на основе этнической идентичности, а в Руанде и Бурунди этнополитическое противостояние хуту и тутси определило динамику войн и кризисов. Особенность Восточной Африки заключается в том, что здесь войны и гражданские конфликты чаще связаны не с отделением, а с борьбой за власть и ресурсы. Исключение составляют случаи, когда этносы были разделены историческими границами (Эритрея, Сомалиленд). При этом опыт Танзании демонстрирует, что при высокой этнической фрагментации, но отсутствии доминирующих групп, этничность может выступать стабилизирующим фактором. Усилия властей, направленные на формирование общей политической идентичности, способствовали превращению страны в наиболее стабильное государство региона. Однако, в настоящее время в регионе этническая идентичность остаётся главным элементом политической мобилизации, а конфликты, в отличие от других регионов Африки, чаще определяются борьбой за власть и ресурсы.

Чернопятова С.А.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ТРИУМФ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН: НА МАТЕРИАЛАХ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

По утверждениям В.В. Титова и Т.В. Евгеньевой[205] массовое сознание современных россиян во многом основывается на памяти о прошлом: образы, которые формируются у населения, при этом, сильно мифологизированы, что связано с тремя основными тенденциями:

[205]Евгеньева Татьяна Васильевна, Титов Виктор Валерьевич Образы прошлого в российском массовом политическом сознании: мифологическое измерение // Полит. наука. 2017. №1.

1. *Особое отношение к исторической памяти* (представления большой социальной группы под названием «россияне» во многом ретроориентированы – образ будущего является крайне размытым. Поэтому события минувших лет идеализируются).

2. *Позитивный взгляд на советское прошлое* (СССР является для многих неким олицетворением стабильности; помимо этого, большую роль в восприятии того периода играет ностальгия).

3. *Разрозненность политических мифов* (представления об истории в массовом сознании фрагментированы, нет единой картины и оценки большинства событий прошлого).

На основании трёх этих заключений исследователи приходят к выводу, что образы прошлого отражают потребность в стабильности у большей части населения нашей страны. Подтверждают эти тезисы и результаты эмпирического исследования, о которых – далее по тексту.

Стоит, однако, отметить, что анализ ответов 121 респондента, собранных в 2023–2024 гг. по методике фокусированных интервью, в первую очередь, подразумевал выявление исторических событий, которые могли бы повлиять на формирование образа России в массовом сознании граждан. По этой причине было принято решение определить, какие эпизоды из истории нашей страны, по мнению респондентов, стали 1) выдающимися и экстраординарными; 2) изменили жизнь государства; 3) имели крайне позитивный или крайне негативный исход. Иными словами, в рамках большого эмпирического исследования была предпринята попытка выявить коллективные трагедии и триумфы[206].

В случае последних ответы респондентов можно разделить на две большие группы. Первая – «периодическая», связана с историческими эпохами. На вопрос: «Какие события позитивно повлияли на развитие страны?» опрошенные вспоминали периоды правления русских императоров (наиболее часто – Петра I[207], Екатерины II и Александра II), эпоху индустриализации и послевоенного подъема (советская эпоха).

Вторая категория, которую можно условно назвать «достиженческой», связана с прорывами в различных сферах жизни общества. В первую очередь, опрошенные были склонных вспоминать о спортивных соревнованиях (Олимпиады 1980-го и 2014-го гг.), об экономических подъемах (период НЭП, индустриализация), о технологических прорывах (освоение космоса). Эти ответы в очередной раз подтверждают, что члены больших социальных групп склонны испытывать позитивные чувства по поводу технико-социальных достижений: большие открытия и первые места на больших соревнованиях ассоциируются с общей победой, а следовательно – консолидируют коллектив.

С другой стороны, ответы респондентов указывают на достаточно тревожную тенденцию: упоминаний более современных событий, по сравнению с теми, что происходили в предыдущие исторические эпохи, достаточно мало. Любопытно, что часть опрошенных (примерно 20 %) в разряд триумфов отнесла так называемые «нулевые годы»: *«Когда появилось разнообразие профессий, больше доступных продуктов на столе импортного производства. Зарплата позволяла купить необходимые товары и организовать поездку к морю»* (жен, 36-55). Более того – молодёжная часть респондентов вообще склонна испытывать чувство ностальгии по поэтому периоду: *««Я родился в 2005 году. Помню то беззаботное время. В стране было спокойствие, мир, дружба. Хоть я смутно помню то время»* (жен, 18-35).

С другой стороны, достаточно большое число респондентов соотносит триумфаль-

[206]Примечание: в рамках данных тезисов остановимся на описании одного аспекта

[207]Примечание: Интересен тот факт, что упоминание периода правления Петра Великого – наиболее частый ответ. По мнению опрошенных, это время стало прорывным для России: именно тогда история страны вышла на принципиально новый этап

ные события в истории России с современным периодом, а именно – с президентскими сроками В.В. Путина. Помимо Крымской весны (примерно десятая часть ответов), опрошенные также считают знаковой специальную военную операцию. Как отметил один из респондентов: *«Самым значимым событием, по моему мнению, стала спецоперация на Украине, в дальнейшем ее последствия помогут России стать более независимой от других стран»*. (муж, 36-55)

Таким образом, на данный момент в массовом сознании Россиян продолжает сохраняться ориентация на события прошлого: это, в свою очередь, подтверждает, что восприятие образа собственной страны у российских граждан во многом зависит от проведения неких исторических параллелей (условных «как было раньше» и «как есть сейчас»). Однако нельзя не отметить, что наблюдается тренд на снижение значимости основных мифологем (в первую очередь – Советского союза как оплота стабильности). Сегодня у населения, в первую очередь, у молодежи, в сознании закрепляются новые ностальгические периоды, которые влияют на оценку реальности. Кроме того, позитивно оцениваются и события сегодняшнего дня. Насколько этот тренд устойчив – могут показать дальнейшие исследования.

Тезисы подготовлены в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2025-0018, «Образ России в представлениях граждан: идеальное будущее и потенциал развития»).

Чернышов Ю.Г.
(Барнаул, АлтГУ)

CAPUT MUNDI: ИСТОКИ СТОЛИЧНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИМИДЖ РИМА КАК «СТОЛИЦЫ МИРА»

Имиджи многих известных городов мира формировались столетиями, а иногда даже и тысячелетиями. Что делает их «центрами силы» в современной мировой политике? Пожалуй, главным фактором сейчас считается то, что зачастую эти города – столицы влиятельных государств, и именно там находятся центральные органы управления, принимающие политические и военные решения. Не последнюю роль играют и значительные финансово-экономические ресурсы, сконцентрированные в столицах. Фактор историко-культурного наследия иногда тоже важен, хотя он далеко не всегда выходит на первое место. Нам представляется интересным рассмотреть «кейс» города Рима, в формировании имиджа которого отчетливо прослеживается особое влияние именно многовекового наследия.

Рим уже более двух тысяч лет назад стали называть «Вечным Городом» (“Urbs Aeterna”) и даже «Столицей Мира» (“Caput Mundi»). И уже тогда говорили, что все дороги ведут в Рим. За это время город пережил очень многое. В древности он прошел через царский и республиканский периоды, а затем и период империи. Затем были «варварские королевства», раздробленность Италии, борьба папского престола с разными монархиями, Королевство Италия, возвышение и крах режима Муссолини, появление Ватикана, Итальянская Республика... Рим сейчас является «дважды» столицей

– Италии и Ватикана, и его влияние простирается далеко за пределы страны. Так, в этом городе располагаются штаб-квартиры ряда учреждений ООН (в частности, Международный исследовательский центр по сохранению и реставрации культурных ценностей и др.). И, конечно, нельзя недооценивать то влияние, которое оказывает центр римско-католической церкви на католиков (сейчас их насчитывается более 1,3 миллиарда, а католицизм – крупнейшая конфессия в мире). Рим и сейчас во многом сохраняет имидж «вечного города» и одной из «столиц мира».

В связи с этим было бы полезно попытаться проследить, когда и как впервые сформировалась «столичная» римская идентичность, когда жители города стали осознавать себя носителями особой «цивилизаторской» миссии. Здесь необходимо глубокое погружение в специфику тех процессов, которые происходили еще с момента основания города и до установления империи при Августе: именно тогда и сформировались основные элементы так называемого «римского мифа». Не вдаваясь здесь в детали, отметим тезисно лишь некоторые важные моменты.

1. С самой историей основания города связано много мифов, которые со временем приобрели провиденциальный смысл («Сатурново царство» в Италии; миссия троянца Энея; волчица, кормившая Ромула и Рема; ауспиции и особый этрусский обряд, когда плугом Ромул очертил будущую священную границу города и т.д.). Весь этот сакральный смысл был использован в пропаганде для легитимации имперской власти, когда Рим стал превращаться в центр огромной средиземноморской державы.

2. Важным реальным фактором стало то, что Рим изначально возник в результате слияния различных этнических групп, и ему не была свойственна этническая замкнутость гражданского сословия. Рим постоянно привлекал на свою сторону (силой и убеждением) разные народы, становясь все мощнее с помощью новых союзников. И если греческие полисы за несколько веков так и не смогли объединиться, то Риму удалось сплотить народы Италии, а затем и «провинций». Социальная база державы постоянно укреплялась за счет расширения круга «римских граждан», хотя в итоге само это понятие все более утрачивало прежний смысл.

3. Идеи об особой миссии римлян («народами править державно», как писал Вергилий в «Энеиде») стали целенаправленно продвигаться пропагандой Империи при ее основателе Августе. Именно тогда они получили развитие в официальных праздниках («Секулярные игры» и т.д.), в поэзии (Вергилий, Гораций, Овидий и др.), архитектуре (Форум Августа, Алтарь Мира и т.д.). Именно с этого времени начали свою долгую идеи о «Столице Мира» и такие формулы, как «Римский Мир» (“Pax Romana”), «золотой век» (“aurea saecula”) т.д. Империя, сплотившая многие народы, способствовала возникновению не только «общеантичной» культуры, но и крупнейшей мировой религии, христианства.

Римская империя пала, но во все последующие эпохи «римский миф» продолжали использовать при самых разных правительствах в Риме. Характерно, например, что современный герб города Рима во многом повторяет изображение и надпись на знамени римского легиона: SPQR означает «сенат и римский народ». Название Ватикана восходит к названию холма, где древнеримские жрецы объявляли предсказания, а папы римские и сейчас, торжественно обращаясь к пастве, начинают речь с древней формулы “Urbi et orbi” («Городу и миру»).

Таким образом, если в финансово-экономическом и в военном отношении Рим уже не считается одним из ведущих центров мира, то его имидж “Caput Mundi», сложившийся благодаря богатейшему историческому наследию, продолжает влиять не только на идентичность его жителей, но и на «внешнее» восприятие города как особого центра влияния в мире.

Чжао В.
(Москва, РУДН)

РОССИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА АСЕАН: МЕЖДУ ОГРАНИЧЕНИЯМИ И ВОЗМОЖНОСТЯМИ

С 1996 г., с момента установления официального диалогового партнёрства, Россия активно участвует в Восточноазиатском саммите (ВАС), Региональном форуме АСЕАН по безопасности (АРФ) и Совещании министров обороны государств-членов АСЕАН с диалоговыми партнёрами. За последние годы особое внимание уделялось Восточноазиатскому саммиту, где Россия поддерживает центральную роль Ассоциации, отстаивает принципы инклюзивного и недискриминационного порядка, а также предлагает развивать сотрудничество в гуманитарной и туристической сферах. В сентябре 2023 года Лавров также участвовал в министерской встрече EAS в Джакарте. На саммите АСЕАН 2023 года Россия предложила усилить сотрудничество в сфере культуры и туризма, особенно в части создания механизмов реагирования на эпидемии. Россия предлагает и далее содействовать восстановлению и развитию туристической отрасли в рамках АСЕАН, а также развивать сотрудничество между странами в области культурных обменов, безопасности туризма и устойчивого туризма. В то же время Региональный форум по безопасности (ARF) становится важным каналом взаимодействия по вопросам «мягкой» безопасности – от противодействия терроризму и трансграничной преступности до киберугроз и реагирования на стихийные бедствия. Участие в формате «АСЕАН+8» позволяет Москве поддерживать контакты не только с государствами Юго-Восточной Азии, но и с ключевыми внешними игроками региона – Индией, Китаем, Японией, Кореей, США, Австралией и Новой Зеландией, что создаёт дополнительные дипломатические возможности. В августе 2023 года представители Минобороны России вместе с членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и диалоговыми партнерами «СМОА плюс» начали участие в командно-штабной тренировке (КШТ) по противодействию терроризму, которая проводилась в Республике Союз Мьянма. Кроме того, Россия (вместе с Индонезией) активно участвовала в работе по обеспечению безопасности ИКТ в АТР в качестве сопредседателя между 2022-2024 годами.

Вместе с тем институциональное сотрудничество России с АСЕАН сталкивается с серьёзными ограничениями. Во-первых, принцип консенсуса, на котором основана деятельность Ассоциации, не позволяет отдельным странам продвигать инициативы, противоречащие интересам других участников, что объективно снижает эффективность российских усилий. Во-вторых, страны АСЕАН стремятся балансировать между крупными державами, избегая вовлечения в конфликты, что ограничивает пространство для углублённого партнёрства с Москвой. В-третьих, экономическая асимметрия и санкционные ограничения существенно снижают инвестиционную привлекательность России, что затрудняет реализацию крупных совместных проектов. Наконец, конкуренция между альтернативными стратегическими концепциями – «Большой Евразией», продвигаемой Россией и Китаем, и «Индо-Тихоокеанской стратегией», инициированной США, Японией и Индией, – создаёт структурное противоречие, внутри которого АСЕАН вынуждена сохранять нейтралитет и избегать однозначной ориентации.

Несмотря на эти ограничения, институциональные механизмы АСЕАН представляют для России значимый канал поддержания дипломатического присутствия и легитимации её внешнеполитического курса. Для Москвы они становятся площадкой

продвижения многополярной повестки, укрепления гуманитарных и культурных связей, диверсификации экономического сотрудничества и выстраивания коалиционного взаимодействия по вопросам международной безопасности.

В заключение делается вывод, что институциональное участие в АСЕАН остаётся для России одним из немногих инструментов укрепления международной субъектности и сохранения статуса ответственного партнёра в условиях изменяющегося мирового порядка. Перспективы дальнейшего сотрудничества видятся в развитии двусторонних проектов с нейтральными странами Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Лаос, Индонезия), расширении гуманитарных и образовательных инициатив, активизации взаимодействия в сферах цифровизации, кибербезопасности и устойчивого развития.

Чигарев В.Н.
(Москва, РУТ (МИИТ))

ПОЛИТИКА ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: МЕЖДУ АККОМОДАЦИЕЙ И КРИТИЧЕСКИМ ПРЕОБРАЗОВАНИЕМ

В условиях глобализации образование всё чаще становится ареной реализации не столько педагогических, сколько политических и экономических интересов. Современные реформы в сфере образования, несмотря на их разнообразие и кажущуюся технократическую нейтральность, подчиняются единой логике, ориентированной на воспроизводство доминирующих социально-экономических структур. Эта логика проявляется в стандартизации учебных программ, приватизации образовательных учреждений, распространении рыночных механизмов управления и трансформации учащихся в «потребителей» образовательных услуг[208]. В результате образование перестаёт быть пространством формирования автономной, критически мыслящей личности и превращается в инструмент социального упорядочения, адаптации к существующему порядку и легитимации неравенства.

Анализируя идеологические элементы в политике образования, К. Дж. Солтман выделяет три основные парадигмы – консервативную, либеральную и критическую[209]. Консервативный подход, в свою очередь, делится на «фискальный» и «культурный» консерватизм. Так, сторонники «фискального консерватизма» (часто идентифицируемые как неолибералы) рассматривают образование исключительно как частную услугу, подлежащую рыночной логике «стоимость – качество». Культурные консерваторы (Э.Д. Хирш) делают акцент на передаче устоявшихся ценностей, уважении к авторитету и сохранении «традиционного канона». Однако эти подходы репродуцируют доминирующую мировоззренческую перспективу.

Таким образом, «фискальные» и «культурные» консерваторы сходятся в стремлении к контролю, стандартизации и отрицанию публичной школы как пространства демократического участия.

Что касается либерального подхода, то его гуманистические идеалы часто сталкиваются с практиками, которые воспроизводят неравенство. Либеральный дискурс легитимирует систему, в которой неравенство воспринимается как индивидуальный дефицит, а не как

[208]Гуторов В.А. Неолиберализм и университет //ПОЛИТЭКС.2024. Том 20, №4. С.624-644.
[209]Saltman, K.J. The Politics of Education: A Critical Introduction / K.J. Saltman — 2nd ed. — New York; London: Routledge Taylor & Francis, 2018. P.XV-XXVI

результат структурной несправедливости. Говоря о проблемах неравенства в сфере государственного финансирования образования, некоторые исследователи[210] принципиально разграничивают понятия «неравенство доходов» и «поляризация доходов», поскольку несмотря на тесную взаимосвязь, они отражают различные концепции. Так, «неравенство доходов» связано с «размахом» (рассеянием) распределения доходов – по сути, с «масштабированной версией дисперсии». Понятие «поляризация доходов» характеризует усиление крайних групп распределения за счёт его центральной части, или, иными словами, сокращение среднего класса. «Поляризация» напрямую влияет на организацию образования, особенно при наличии двух параллельных систем – государственной и частной. В таких условиях формируется политический конфликт между «бедными домохозяйствами» (с высоким уровнем отсева), «богатыми» (отказывающимися от государственных школ в пользу частных) и «средним классом», ориентированным на перераспределение и публичное образование. Этот политический раскол, известный как «крайние против середины», ослабляет поддержку государственного образования и подрывает его качество, поскольку наиболее заинтересованные группы уходят в частный сектор.

В отличие от либерального и консервативного подходов, критическая теория рассматривает образование не как нейтральный процесс передачи знаний, а как поле борьбы за гегемонию (А.Грамши). Знание – социально сконструированный феномен, связанный с отношениями власти (М. Фуко, П. Бурдье). Критическая педагогика (П. Фрейре, Г. Жиру, К. Солтман), настаивает на том, что образование – это пространство, где учатся анализировать структуры власти, оспаривать неравенство. Этот подход отвергает идею «политической нейтральности», поскольку отказ от признания политической природы образования – сам по себе политический акт, служащий интересам доминирующих групп. Более того, критический подход выходит за национальные рамки, призывая осмысливать образование в глобальном контексте[211], учитывая растущую экономическую и политическую взаимозависимостью между странами.

Таким образом, современная политика образования характеризуется противоречием. С одной стороны это парадигма аккомодации, нацеленная на воспроизводство существующего порядка, а с другой – критическая перспектива, предлагающая путь к демократическому преобразованию. Этот выбор определяется исключительно политическими основаниями.

Чирикова А.Е.
(Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН)

ВЛАСТЬ В МАЛОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ И ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТОРЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Доклад построен на материалах эмпирического исследования работы иностранных инвесторов в малом городе (районе)Ивановской области – в городе Родники. В качестве иностранных инвесторов рассматривались турецкие предприниматели, чей бизнес работает в городе уже 5 лет. Исследование проводилось в 2023 и 2025 году. Мы

[210]Benzidia, M., Lubrano, M., Melindi-Ghidi, P. Education politics, schooling choice and public school quality: the impact of income polarization // International Tax Public Finance (2024).31: 1640–1668 pp. URL: https://doi.org/10.1007/s10797-023-09815-8

[211]Zajda J. Multicultural Education Globally for Democracy, Equality, and Social Justice // Discourses of Globalisation, Cultural Diversity and Values Education. Globalisation, Comparative Education and Policy Research. (2023). Vol 34.P.46. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-22852-0_3

работали с использованием метода интервью с ключевыми фигурами местной власти и руководителями иностранного бизнеса, а также с другими представителями локальной элиты. Всего было проведено 31 интервью.

Предметом нашего анализа являлось описание практик взаимодействия инвесторов и муниципальной власти, их трудностей и перспектив развития на данной территории, в оценках самих действующих акторов, как со стороны власти, так и со стороны инвесторов.

Что показал эмпирический анализ?

Присутствие турецких предпринимателей поддерживается властью регионального и муниципального уровней, а также частью локальной элиты.

Мотивация властных акторов – стремление поднять с колен город и район экономически, добиться прироста населения за счет привлеченной рабочей силы.

Мотивация инвесторов: работать на той территории, где созданы благоприятные условия, где налицо взаимодействие с ключевыми фигурами, принимающими решение по поводу возможностей бизнеса для дальнейшего развития

Особую роль в принятии решений о развитии бизнеса на старте играет позиция и уровень доверия к губернатору: В 2025 году, как показало исследование, участие губернатора заменили члены его команды, но качество отношений бизнеса и региональной власти при этом не ухудшилось. Инвесторы не возражали против такого переключения, тем более, что при необходимости у них была возможность встретиться с губернатором и рассказать о проблемах, требующих решения.

Местной власти во взаимодействии с инвесторами была отведена меньшая роль. На них ложилась обязанность подготовки всех необходимых бумаг, однако в 2025 году стало нарастать сопротивление населения и части локальной элиты против пришедшего турецкого бизнеса. Местная власть вынуждена была вести разъяснительную работу с населением, хотя нельзя сказать, что эта работа привела к полной нормализации ситуации. В городе активно действует экологическое движение во главе с неадекватным лидером, которая, по полученным оценкам организовывает протестные акции, предварительно проплаченные заинтересованными лицами. Как версия в числе них может быть бывший глава, который не может смириться со своей отставкой, и хочет, чтобы ситуация в городе ухудшалась. Также среди мешающих турецкому бизнесу лиц могут быть местные предприниматели, которые отмечают отток рабочих кадров к инвесторам, в силу лучших условий работы.

Муниципальной власти приходится вести разъяснительную работу, напряженность которой к 2025 году значительно возросла. Заметим, что против главы города, которая поддерживает иностранный бизнес, было совершено несколько акций угрожающего характера.

Сами иностранные инвесторы, в лице исполнительного директора, убеждены: «Страхи населения и их протесты направлены на самом деле против дисциплины, которая существует на нашем предприятии. Но куда бы они не пришли, дисциплина все равно потребуется»

Основные выводы, которые могут быть сделаны из эмпирического исследования:

- Для иностранных инвесторов важна не только готовность инфраструктуры, но и адекватная власть, способная снимать проблемы по ходу реализации проекта.
- Важную роль в решении разместиться на территории играет позиция губернатора, так как именно он способен согласовывать интересы территории и иностранных инвесторов. У муниципалитетов, как правило, для этого не хватает ресурсов.
- Местная власть и ее глава в своих попытках поддержать иностранный бизнес сталкивается со скрытым сопротивлением локальных элит, приводящих в ряде случаев к явным проявлениям агрессии.
- Элитный слой в малых городах разделен на две противоположные группы. Одна полагает, что экономический рост оправдывает присутствие иностранных инвесторов

на территории, другие считают иначе. Это может привести и реально приводит к скрытым конфликтам.

• Население достаточно напряженно воспринимает появление иностранных инвесторов, но согласно работать в них, благодаря высокой зарплате, до определенного предела. Требование соблюдения рабочей дисциплины вызывает волну протеста.

Чирков С.С.
(Москва, РУДН)

ФОРМЫ КОАЛИЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БИЗНЕСА В GR-МЕНЕДЖМЕНТЕ

Формирование коалиций – один из ключевых GR-инструментов бизнес-организаций и других групп интересов для продвижения своей повестки во внешней (политико-управленческой) среде. Исследователи выделяют два ключевых типа лоббистских коалиций – долгосрочные альянсы, участники которых объединены общими убеждениями и ценностями, и неформальные «one-time lobbying» ситуационные (ad hoc) коалиции.

Ситуационные коалиции формируются для реализации задач в краткосрочной и среднесрочной перспективе, а их целью, как правило, является воздействие на конкретный политико-регуляторный вопрос, после решения которого коалиция распадается.

Среди параметров, по которым можно идентифицировать ситуационную коалицию, можно выделить следующие:

• Отсутствие формализации. У ситуационных коалиций, как правило, нет формальной организационной структуры, а участие в них, как правило, предусматривает весьма ограниченные обязанности.

• Ограниченный срок существования. Ситуационные коалиции, как правило, организовываются для координации действий членов в течение определенного периода времени. По этой причине у них нет постоянно действующих руководящих органов, а для целей принятия коллективных решений в качестве таковых чаще всего выступают неформальные встречи участников.

• Таргетирование узкого круга вопросов. Ситуационные коалиции, как правило, создаются для оказания воздействия на ограниченный круг политико-регуляторных вопросов, а чаще всего – на одну конкретную проблему (issue).

• Высокая автономность участников. Ситуационная коалиция может быть как гомогенной, так и гетерогенной (см. ниже), но ее участники в любом случае будут обладать сравнительно высоким уровнем автономности внутри коалиции – согласовав общую коалиционную позицию по тому или иному вопросу, участники ситуационной коалиции, как правило (если относительно этого нет отдельных договоренностей), могут предпринимать индивидуальные действия и использовать собственные ресурсы для достижения поставленной цели.

Также отдельно выделяется пятая особенность ситуационных коалиций, которая, однако, не является определяющей – ограниченная публичность – такие коалиции, как правило, предпочитают действовать «в тени».

Другим видом коалиций являются долгосрочные и устойчивые коалиции. П. Сабатьер в фундаментальной работе 1988 г. вводит понятие «коалиций поддержки» (ad-

vocacy coalitions)[212] как центрального элемента предложенной им рамочной концепции коалиций поддержки (Advocacy Coalition Framework, ACF). ACF П. Сабатьера помещает коалиции в границы политической подсистемы – тематически и институционально очерченной области (например, энергетическая или образовательная политика).

В отличие от ситуационных, разовых коалиций, такие объединения устойчивы во времени, поскольку их участников объединяет общая система убеждений и ценностей. Общее ценностное ядро «склеивает» коалицию, обеспечивая долговременную солидарность акторов, чья организационная принадлежность может меняться с течением времени. Такая долгосрочная коалиция способна переживать периоды турбулентности, оставаясь активной десятилетиями.

Отдельное внимание в исследованиях уделяется межотраслевым и межсекторным коалициям. Коалиции, состоящие из организаций одного вида (например, только из бизнес-организаций или только из НКО) обозначаются в литературе как гомогенные, и, наоборот, коалиции, состоящие как минимум из одной бизнес-организации и одной НКО называются гетерогенными.

Одной из ключевых функций лоббистской коалиции является формулирование и донесение до лиц, принимающих решения, «сигналов» – информации о широкой общественной поддержке того или иного варианта решения рассматриваемого вопроса.

Вместе с тем то, как именно реализуется и какой эффект имеет эта функция коалиции определяется внешними (значимость рассматриваемого вопроса для других групп интересов) и внутренними (состав коалиции и круг интересов, которые она представляет) обстоятельствами. Так, сигнал, посылаемый законодателю гомогенной коалицией, будет восприниматься законодателем как отражение более узкой базы общественной поддержки, чем сигнал, посылаемый гетерогенной коалицией, состоящей из представителей бизнеса и НКО.

Вместе с тем, в более «нишевых» и точечных вопросах регуляторной политики, требующих высокого уровня координации и согласованности позиций, однородные и небольшие коалиции показывают себя эффективнее неоднородных и широких за счет меньших кооперационных издержек – членство в гетерогенной коалиции подразумевает более высокие издержки на координацию между участниками.

Существенную роль играют потенциальные идеологические разногласия между членами гетерогенной коалиции (например, разногласия между НКО по защите окружающей среды и бизнесом, загрязняющим ее) – они еще на этапе формирования могут затруднить формирование коалиционной стратегии и дальнейшее принятие коллективных решений, например из-за потенциальных конфликтов с членской базой организаций, входящих в состав коалиции.

[212]Sabatier, P.A. An advocacy coalition framework of policy change and the role of policy-oriented learning therein. Policy Sci 21, 129–168 (1988). https://doi.org/10.1007/BF00136406.

Чугунов А.В., Видясов Е.Ю.
(Санкт-Петербург, Университет ИТМО)

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В ФОКУСЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Тенденции централизации в политике информатизации, которые уже нашли отражение в наших публикациях, имеют специфику проявления на региональном и муниципальном уровнях. Отдельно выделяются два столичных мегаполиса – Москва и Санкт-Петербург, где активно развиваются цифровые экосистемы и платформы, обеспечивающие не только электронное взаимодействие органов власти и граждан, но и широкий спектр цифровых сервисов и услуг. При этом, когда речь идет об услугах и сервисах, зачастую обеспечивается интеграция с коммерческими системами и платформами.

Исследование специфики применения экосистемного и платформенного подходов в сфере государственного и муниципального управления актуализировалось в значительной степени на фоне повышения значимости фактора цифровых трансформаций в экономической и социальной жизни, что все нагляднее проявляется в последнее десятилетие.

В докладе представлены результаты комплексного исследования отношения жителей Санкт-Петербурга к цифровым сервисам и их результативности для удовлетворения потребностей граждан и развития города.

Федеральная политика информатизации в настоящее время определяется Указом Президента от 30 марта 2024 г., где утверждены целевые показатели и задачи, выполнение которых характеризует достижение национальной цели «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы». В частности, пункт 8 Указа Президента обозначает целевые показатели по достижению к 2030 году «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления, увеличения до 99 процентов доли предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронной форме, а также повышения уровня удовлетворенности граждан качеством работы государственных и муниципальных служащих и работников организаций социальной сферы не менее чем на 50 процентов.

Результаты исследований и практико-ориентированные проекты, реализуемые Центром технологий электронного правительства (ЦТЭП) Университета ИТМО, совместно с партнерами, позволяют утверждать, что «слабым звеном» при реализации задач цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы является «разрыв» между федеральными программами и цифровыми инициативами региональных органов государственной власти, а также местного самоуправления. Это связано, в первую очередь, с институциональными проблемами, в том числе с отсутствием легитимных способов преодоления межведомственных барьеров.

В этой связи в 2025 году исследования были сконцентрированы на изучении экосистемы «Единая карта петербуржца» (ЕКП), которая совмещает в себе несколько функций (платежная карта, проездной и т.д.), а также дает доступ к довольно широкому спектру городских сервисов. В настоящее время картой пользуются около 2 млн человек. Банк сервисов постоянно пополняется, но возникает проблема выявления наи-

более значимых и нужных сервисов в соответствии с потребностями горожан. Исследование предполагает, как сравнительный анализ аналогичных проектов в разных городах, так и изучение специфических потребностей населения.

Данное исследование реализуется в сотрудничестве с СПб ГКУ «Центр информационного сопровождения» (оператор ЕКП, партнер ЦТЭП ИДУ ИТМО). В качестве результата предполагается выход на рекомендации по проектированию сервисов и их внедрения в целях повышения эффективности городского развития. С целью профессионального аудита уже функционирующих сервисов ЕКП осенью 2025 года проводится экспертный опрос и серия стратегических сессий в целях не только выявления «узких мест» в сервисах экосистемы, но и формулирования перспективных направлений развития ЕКП.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» (https://rscf.ru/project/23-18-20079/).

Чумиков А.Н.
(Москва, МГЛУ)

НАПРАВЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГИБРИ ДНОЙ ВОЙНЫ

Во втором и третьем десятилетиях XXI в. Россия столкнулась с интенсификацией внешнего виртуального гуманитарно-идеологического воздействия, объединённого понятием гибридной (смешанной) войны и связанного с присоединением Крыма к РФ в 2014 г., а затем со специальной военной операцией (СВО) на Украине 2022-25 гг., что сопровождалось экономическими санкциями, призванными нанести нашей стране материальный урон (pain – gain), а также «умными» (smart) санкциями, ориентированными на ущерб интересам политических и экономических элит; их раскол и побуждение к отказу от поддержки действующей политики своего государства (Афонцев С. А. Санкции и международные институты: перспективы снижения санкционных рисков для России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14. № 3. С. 48-68. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-03).

В таких условиях коммуникационные контрдействия российского государства ориентировались на демонстрацию единства элит и эффективного противодействия санкциям. В докладе Агентства политических и экономических коммуникаций (АПЭК) этот комплекс назван созданием образа устойчивости в противовес хаотизации мер давления на Россию со стороны недружественных стран. Объединяющими общество идеологическими скрепами стали такие, как «осаждённая крепость», «справедливость», «народные» решения, сдерживание бюрократии. Исключение части элиты из нового общественного договора трактуется как неизбежная ротация и очищение [Образ устойчивости: внутренняя адаптация России к санкционному давлению и новым вызовам. Доклад АПЭК // URL: https://regcomment.ru/reports/obraz-ustojchivosti-vnutrennyaya-adaptatsiya-rossii-k-sanktsionnomu-davleniyu-i-novym-vyzovam/?ysclid=lrw8tl7h7u821203747].

Фундаментальным инструментом государственной политики в гибридной войне является механизм коммеморации – формирования исторической памяти (от фр. commЂmorative – памятный, мемориальный и англ. commemoration – ознаменование, в память). Речь идёт о постоянно обновляемой памятной реальности, когда актуализируются

стороны прошлого, имеющие ценность для сегодняшнего дня, а исторические знания излагаются выборочно. Для потребителей конструируется желаемая историческая реальность в виде осмысления прошлого и прогнозирования будущего в целях ориентации в настоящем. Сам отбор фактов для смыслового позиционирования ставится в зависимость от политической и экономической ситуации и предполагает наличие у производителя контента позиции, транслируемой в дальнейшем в научно-образовательном и медийном поле. Актуализируется деятельность по выпуску единых учебников истории, организации мероприятий вокруг ключевых памятных дат в истории Отечества, поддержке книг и фильмов патриотического содержания, героизации участников СВО. Возникают новые знаковые праздники – День воссоединения Крыма с Россией 18 марта и День воссоединения новых регионов с Россией 30 сентября. И наоборот – усиливается противодействие историческим интерпретациям в интересах государств-противников.

Особую значимость приобрела работа государства с так называемыми инфлюенсерами – лидерами мнений, определяющими медийную повестку дня. В первую очередь это сами государственные руководители. Агентство «Минченко. Консалтинг» проанализировало их различные коммуникационные стратегии. Так, мэр Москвы С. Собянин делает ставку на демонстрацию стабильности грандиозных инфраструктурных планов столицы. Глава Санкт-Петербурга А. Беглов активно продвигает политическую повестку СВО и взял на себя обязательство помочь в восстановлении Мариуполя. Губернаторы регионов Центральной России, которые граничат с Украиной и подвергаются обстрелам, акцентируют внимание на конкретной помощи пострадавшим, оперативно реагируют на проблемы мобилизованных и их семей [Антикризисные стратегии глав российских регионов 2022. Аналитический доклад // Москва : Минченко Консалтинг, 2022. 23 с. URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/22_DEC_Antikrizis_regiony_2022-AZ.pdf].

В ситуации каждого обострения международных и внутренних конфликтов важной задачей становится получение поддержки от инфлюенсеров из числа творческой элиты. Вновь актуализируется сакральный вопрос «С кем вы, "мастера культуры?"», поставленный в своё время М. Горьким. И тогда, и сейчас происходит борьба за привлечение творческой элиты на сторону государства, сопряжённая как с поощрениями её патриотической деятельности, так и с правовыми ограничениями; формируется новая культурная философия.

Чураев А.А.
(Краснодар, КубГУ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Содержание политической картины мира молодёжи всегда являлось актуальной темой для рассуждения, но в последние годы в условиях проявившейся ценностной дифференциации данная проблема обрела особое значение. Основное воздействие на компоненты политической картины мира оказывают текущие геополитические трансформации, вместе с которыми меняется и политика государства в среде формирования политических ценностей, знаний и способов политического участия, разрабатываются новые подходы к реализации молодежной политики.

В современной России уделяется особое внимание конструированию политического мировоззрения молодежи, ведь именно эта социальная группа проходит этап активной политической социализации и ресоциализации, что затрагивает молодых граждан исторических территорий. Изучение сформированных политических представлений молодого поколения важно с точки зрения анализа потенциала гражданского общества, перспектив его взаимоотношений с институтом государства, возможностей укрепления политической культуры и политической системы в целом.

Для выявления политических ценностей молодежи в 2024 году было проведено эмпирическое исследование методом анкетного опроса студенческой молодежи, обучающейся на социально-гуманитарных направлениях. Опрос проводился в рамках дисциплины «Основы российской государственности», что позволило изучить динамику формирования политической картины мира сквозь образовательную систему и внедренный курс. В данной работе представлен анализ опроса 68 студентов направлений «Организация работы с молодежью», «Социальная работа» и «Управление персоналом».

В общей картине наиболее сформированным оказался ценностный компонент политической картины мира; наиболее значимыми для студентов оказались ценности прав и свобод человека (76%), патриотизма, гуманизма и справедливости (68%), ценность мира (63%), демократии и законности (43%), что демонстрирует приоритет демократических принципов и связь с достижением национальных задач при формировании правового государства и стабильного общества. Стоит отметить, что ценности коллективизма и традиционности набрали наименьший процент (12%), что можно объяснить наращиванием индивидуальных представлений о роли человека в политике и снижением потенциала коллективных установок граждан.

Говоря о когнитивном аспекте политической картины мира, можно подчеркнуть устойчивость взглядов о деятелях государства, преимущественно периода XIX-XXI веков (Александр I, Александр II, Николай II, В.И. Ленин, И.В. Сталин); на этапе современной России представления о государстве опираются на фигуру Президента В.В. Путина и действующих политических лидеров партий, министерств, ведомств. Отмечаются не детальные, имеющие содержательные лакуны представления о государственном устройстве России, что требует осмысления и подхода к углубленному изучению.

Действенный компонент политической картины мира складывается из установок о наиболее предпочтительных форматах политического участия в настоящем и будущем, где студенты выбирают в основном форму участия в выборах (81%), референдумах (75%), социально-политических акциях, приуроченных к знаковым событиям (54%), обращения в органы власти (52%), благоустройстве территорий (31%). Также большая часть опрошенных отмечает одну из форм политической активности – изучение политического материала в СМИ, мессенджерах (68%), что является нетрадиционным и более пассивным способом реализации гражданского потенциала, однако средства массовой информации являются важным агентом политической социализации, что требует изучения их влияния на формирование политических установок молодежи.

Таким образом, наиболее устойчивым является ценностный компонент политической картины мира, в то время как в области знаний о политике наблюдаются недочеты, которые требуют внимания академического сообщества как агентов трансляции знаний и установок. Действенный компонент также развит, однако традиционные способы политического участия (демонстрации, митинги, шествия) заменяются интерактивными формами активности и информационными возможностями, что образует некоторую тенденцию перехода к более пассивному восприятию политической информации.

Шаблов В.А.
(Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

СОЦИАЛЬНАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ЗЕРКАЛЕ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В современных условиях актуализируется вопрос сохранения единства и последовательности формирования мировоззренческих основ российского социума, а также выработки сбалансированной системы ценностных ориентиров. Особенно остро данная проблема проявляется в молодёжной среде, где наблюдается пестрота взглядов и разнообразие подходов к восприятию политических процессов среди разных возрастных групп. В сложившейся геополитической обстановке молодёжь стала наиболее восприимчивой к внешнему влиянию и оказалась на передовой информационных противостояний. Для эффективного взаимодействия между государственными структурами и молодёжью (возрастная категория 14–35 лет) важно регулярно анализировать общественно-политические настроения молодых людей.

Особого внимания заслуживает вопрос социальной результативности молодежной политики в России, которую мы понимаем как интегральный показатель, характеризующий эффект от комплекса мероприятий в рамках молодёжной политики. Индикаторами социальной эффективности могут быть: доверие власти, активное участие и поддержка молодёжи в серии мероприятий – патриотических, просветительских и др. – соответствие ожиданий, запросов реальности, изменения, которые произошли под влиянием создаваемых условий, их соответствие целевым показателям, обозначенным в Стратегии реализации молодежной политики в РФ до 2030 года (http://static.government.ru/media/files/jBrmuJi7WMLGBOFtXWhrMIzKFCgIgqO7.pdf).

В указанном выше документе ключевыми критериями эффективности являются: доля патриотически настроенной молодежи (цель i70% к 2030 г.), разделяющей традиционные ценности (цель: i85% к 2030 г.); процент молодых людей, участвующих в волонтерстве (цель: i45% к 2030 г.); обеспеченность льготным жильем для молодых семей и др.

На 2024 год, численность молодежи в России составляла 37 млн человек – четверть населения всего государства (https://ria.ru/20240404/molodezh-1937896541.html). По официальным данным, в органах молодежного самоуправления участвуют более 2,1 млн человек через 46,5 тысяч органов самоуправления; в форумной кампании ежегодно участвуют более 1 млн молодых граждан на основе конкурсного отбора, а грантовую поддержку в 2023 году получили 4300 заявок из 57 тыс. (http://static.government.ru/media/files/jBrmuJi7WMLGBOFtXWhrMIzKFCgIgqO7.pdf). Таким образом, мы видим, что вовлеченность молодежи в мероприятия молодежной политики на данный момент составляет около 10%. Вовлеченность в волонтерскую повестку по данным государственных исследований составляет 58% (https://obrazovanie.press/news/tpost/em9utc4dv1-blagie-dela-kak-obraz-zhizni-58-molodih). При этом государство декларирует высокий уровень патриотизма среди молодежи (87%) (https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme), но следование традиционным духовно-нравственным ценностям не является приоритетным для около 50% молодежи возрастом от 14 до 35 лет (https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost).

По результатам опроса, реализованного при участии автора в октябре-ноябре 2024 года в пяти регионах России (Нижегородской, Московской, Ростовской областях, республиках

Татарстан и Башкортостан) среди лиц в возрасте 18-35 лет (выборка – 488 чел.), мероприятия молодежной политики устраивали в полной мере всего 24% респондентов. При этом, приоритетными направлениями молодежной политики опрошенные хотели бы видеть: создание рабочих мест с высоким доходом (80%), обеспечение материальными благами (58%), качественное и доступное образование на всех уровнях (51%), а также возможности для самореализации и развития личных качеств (50%). При этом, следует отметить, что в целом, респонденты позитивно относятся к российскому государству, видя его суверенным (55%) и отстаивающим национальные интересы на международной арене (49%); 51% опрошенных регулярно следит за происходящими в стране и мире событиями; проявляет гражданскую активность преимущественно традиционными формами (голосованием на выборах (57%), за объекты благоустройства (42%) и т.д.). Но несмотря на готовность к диалогу и политическому участию, всего 11% респондентов доверяют государственным источникам информации разного уровня, в связи с нехваткой альтернативных мнений, агитацией как формой коммуникации, недостоверности данных и др.

Вышеизложенное может свидетельствовать о наличии недостаточнойсоциальной результативности молодежной политики. Мы видим низкую вовлеченность молодежи в ключевые мероприятия молодежной политики, отсутствие интереса к грантовой деятельности; несмотря на высокий уровень патриотизма и готовность большинства молодежи к диалогу с государством, мы видим низкую поддержку декларируемых сверху традиционных ценностей, высокую степень недоверия к информационным ресурсам государства. Ключевым фактором недовольства молодого поколения, на наш взгляд, выступает явное несоответствие между их ожиданиями и фактическим положением дел в сфере определения приоритетов молодёжной политики в России. Важно избегать формального подхода к молодёжной политике, PR-целей и непродуманных мероприятий. Необходимо развивать каналы коммуникации между властью и молодёжью, отказаться от популизма и непотизма. В противном случае возможны рост социальной напряжённости, протестных настроений и отчуждения молодёжи.

Шабров О.Ф.
(Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова)

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ – НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Вступление человечества в индустриальную эпоху сопровождалось ростом зависимости устойчивости общественных систем не только от исправности государственной машины, но и от желания членов общества жить вместе и их готовности отстоять свою страну и государство, от их национально-государственной идентичности. Последняя строится на общности духовных ценностей для основной части населения соответствующих стран.

Ценности эти состоят из двух составляющих: унаследованные от предков и проект будущего. Духовные ценности, унаследованные от предшествующих поколений, принадлежат национальной культуре, проект желаемого будущего, – идеологии.

В последние десятилетия ценности культуры стали объектом целенаправленной политики западных государств. Соответствующая стратегия *Soft Power* была разрабо-

тана и подробно изложена бывшим заместителем министра обороны и председателем Национального разведывательного совета США Джозефом Наем. Суть её – воздействие на сознание народов посредством поп-культуры в сочетании с привлечением на свою сторону национальных лидеров через личные контакты. Эта стратегия, успешно апробированная на Советском Союзе, используется сегодня уже не только влиятельными западными государствами, но и глобальными элитами.

Разрушению ценностей культуры способствуют также противоречия между её ценностями и ценностями государственной идеологии. Отсутствие официально сформулированной идеологии не меняет дела: любое государство представляет собой реализованный политический проект, опредмеченную идеологию. При этом ценности её, как и ценности всякой идеологии, соответствуют интересам той или иной социальной группы.

Одна из основных проблем национально-государственной идентичности, а следовательно, – устойчивости общественной системы, включая государство, – состоит в возможном несоответствии ценностей государственной идеологии, зафиксированных в нормах юридического права и реализуемых в практической политике, ценностям культуры данного общества, праву обычному. При чём расчёт на то, что несоответствие это будет ликвидировано в результате «усвоения» культурой общества идеологических ценностей не имеет под собой основания: процесс формирования новых «образцов» и их вытеснения в подсознание членов общества занимает время жизни многих поколений и может иметь положительный результат лишь при условии, что «образцы» эти дают обществу преимущества в развитии. В противном случае идеологические ценности способны разрушить ценности культуры и тем самым ослабить их влияние в качестве идентификационных механизмов на устойчивость общественной системы.

В современных условиях роль политики российского государства в сфере культуры, а также его идеология становятся для России критически высокой. Требуют особого внимания воспитательная функция системы образования, целенаправленное продвижение ценностей российской культуры средствами искусства, установление более тесной связи между поколениями, формирование уважительного отношения ко всем без изъятия периодам истории российского общества. Для консолидации полиэтничной России необходима также ясно сформулированная государственная идеология, которая объединила бы нацию общими целями.

Шакарян Я. Э.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ФЕНОМЕН ЭКОЧАЙЛДФРИ[213] В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ

Проблематике изменения климата в XX-начале XXI вв. уделяется повышенное внимание. При этом вопросы глобального потепления, перенаселения планеты и состояния экологии активно политизируются. В последние годы наблюдается смещение акцента с привычных аспектов (возобновляемые источники энергии, вторичная переработка отходов и др.) на более радикальные тренды. Один из них – идеология экочайлдфри, сторонники которой полагают, что отказ от деторождения способствует улучшению экологической обстановки.

[213]Пропаганда «чайлдфри» запрещена в Российской Федерации

Целью работы является осмысление феномена экочайлдфри, что предполагает рассмотрение теоретико-философской базы течения; истории появления; технологии, механизмов и акторов продвижения указанной повестки; определение ключевых нарративов; описание политических эффектов и рисков, а также оценку феномена в контексте российской политики.

Методическую базу исследования составили контент-анализ, дискурс-анализ, методы визуальной социологии.

Идеологические основания. Явление экочайлфдри в качестве предпосылок сочетает в себе элементы нескольких философских позиций: неомальтузианство, антинатализм, чайлдфри и, собственно, экологизм. Антинатализм (отрицательное отношение к рождению и размножению) с климатической повесткой связывается через экологический (деторождение вредит климату), а также филантропический (рожденные будут страдать из-за плохой экологии) аргументы. Инструментом решения проблемы выступает контроль за рождаемостью прежде всего через осознанный отказ от деторождения (чайлдфри).

Продвижение идеологии. Активное распространение идей экологической бездетности началось с публикации исследования (Wynes, Kimberly, 2017), согласно которому рождение ребенка приводит к 58,6 т. дополнительных выбросов CO_2, а отказ от него снизит вред больше, нежели остальные принимаемые меры. В другом исследовании (Nordstrłm, Shogren, Thunstrom, 2020) говорится, что семья с детьми выбрасывает на 25% больше CO_2, чем семья без детей.

Далее в продвижение включились лидеры общественного мнения, публичные лица. Например, принц Гарри сообщил, что откажется от дальнейшего рождения детей в пользу климата.

Параллельно с этим крупнейшие издания The Guardian, Newsweek, Reuters, BBC, CNN стали активно распространять новости по данной теме. Кроме того, они предоставили свои площадки для публикации историй людей, решивших отказаться от детей по климатическим соображениям. Группа World Population провела рекламную кампанию «Одна планета, один ребенок» с призывом сократить деторождение в Канаде, США, плакаты появились и в других странах. Идеи экочайлдфри нашли отражение в кинематографе, наблюдается рост членов тематических сообществ в соцсетях.

К продвижению повестки присоединились политические фигуры: члены Европарламента, демпартии США, политики во Франции, Канаде, Германии.

Помимо дискуссий, появились формы социального активизма, например, движение родозабастовщиков (birthstrike), члены которого отказываются рожать, пока власти не примут достаточных мер по улучшению климата.

Таким образом, наблюдается классическая схема развертывания повестки: опора на авторитет ученых – привлечение лидеров мнения – пропаганда в СМИ – политический активизм.

Основные нарративы. Дискурс сторонников течения и развернувшейся кампании, по результатам анализа, можно свести к следующим тезисам: дети вредят климату; отказ от деторождения приведет к улучшению как экологии, так и жизни уже рожденных; апелляция к совести и ответственности перед планетой (многодетность маркируется как безответственность, эгоистичность, а бездетность как благородство и альтруизм). Риторика варьируется от нейтральных до радикальных форм, в которых семьи с детьми превращаются в объекты нападок.

Влияние. По данным исследований (Business Insider, 2019) 38% американцев 18-29 лет считают, что пары должны учитывать климатический фактор при деторождении. Опрос (NYT, 2018) показал, что 33% женщин-чайлдфри назвали причиной этого изменение климата. Кроме того, согласно The Guardian, Berliner Zeitung, все больше

женщин проходят стерилизацию, а мужчин прибегают к вазэктомии, мотивируя это заботой об окружающей среде.

Российский контекст. В России идеи не получили популярность, тем не менее, они проникли в инфополе и приобрели отдельных сторонников. Рассматривая эко-чайлдфри сквозь призму российских реалий, отметим, что феномен противоречит как установленному запрету на пропаганду чайлдфри и обоснование преимущества бездетности перед рождением детей, так и Стратегии семейной и демографической политики и поддержке многодетности в России до 2036 года, целью которой заявлено повышение рождаемости. С учетом сложной демографической ситуации подобные идеи также не соответствуют национальным приоритетам, а сама идеология несет потенциально деструктивные последствия.

Таким образом, понимание феномена и оценка его рисков представляют как теоретическую значимость, так и практическую пользу и требуют дальнейшего осмысления.

Шалаев Н.Е.
(Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС)

ДВУХПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА В США: ПОМОЖЕТ ЛИ ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ?

В современном мире сложно найти примеры двухпартийных систем в чистом виде. В качестве строго двухпартийной системы мы можем назвать лишь таковую в США – и, возможно, систему на Мальте (где не используют систему большинства). Это является серьёзным аргументом против эвристической ценности закона Дюверже – системы простого большинства на парламентских выборах в мире применяются гораздо шире. Очевидно, на формирование партийной системы влияет не столько формат системы большинства, сколько характеристики электората. В США электорат оказался на удивление однородным в масштабах всей страны, в то время как в остальных государствах существуют весомые региональные силы с локализованной электоральной базой, что и перевешивает препятствующие «малым партиям» свойства системы простого большинства.

Однако нас по-прежнему интересуют вопросы, связанные с влиянием элементов электоральных систем на формируемые ими партийные конфигурации – и пределы возможностей влияния на результат модификацией элементов электоральных систем. Даже в самих США раздаются голоса противников существующей системы, стремящихся реформировать её таким образом, чтобы сломить строгую двухпартийность. Однако в условиях США такого рода попытки вынуждены предприниматься в условиях очень специфического контекста – система простого большинства в одномандатных округах, несмотря на хорошо известные её недостатки, фактически пронизывает всю электоральную систему США от федерального до локального уровня. Единственной альтернативой, которой удалось закрепиться в США, стала система единого переходящего голоса в одномандатных округах, которая применяется в отдельных случаях на местных выборах. Выборы по пропорциональной системе или по меньшей мере просто в многомандатных округах являются для жителей США чуждой идеей. Поэтому предложение о принятии пропорциональной системы едва ли будет с пониманием воспринято как элитами, так и электоратом, и рамки электоральной инженерии оказываются во многом ограничены именно одномандатными конфигура-

циями с привычной для избирателей моделью конкретного персонального представительства.

В этой связи большие надежды связываются с системой одобрительного голосования, где избирателю даётся возможность «одобрить» своим голосом более одного кандидата. Эта возможность должна снизить эффект от стратегического голосования, поскольку, имея несколько голосов, каждый избиратель смог бы поддержать и наиболее предпочтительного, и стратегически наиболее перспективного кандидата. Известны отдельные примеры из практики, где одобрительное голосование могло бы изменить результаты выборов – например, президентские выборы 2000 года во Флориде. Есть и теоретико-игровые модели, демонстрирующие возможность одобрительного голосования проявить заявленные благоприятные свойства.

Однако интерес представляет функционирование альтернативных систем в целом, на всей области допустимых значений. Для ответа на этот вопрос была сделана компьютерная модель по методу Монте-Карло. Эксперимент построен вокруг пространственной модели электоральных предпочтений с переменным количеством проблемных измерений и числа кандидатов: у каждого избирателя есть своя «идеальная точка», и чем ближе к ней кандидат, тем он более предпочтителен в глазах избирателя. Для каждого избирателя дополнительно вводится «дистанция одобрения», за пределами которой кандидаты считаются «неодобряемыми». В качестве тестируемых систем выступает система простого большинства и альтернативные ей: одобрительное голосование, пропорционально-одобрительное голосование, кумулятивное голосование и т. д. В качестве характеризующих ситуации показателей используются число проблемных измерений и количество кандидатов, эффективное число партий и кандидатов в одномандатном округе и близость кандидатов. В качестве зависимых переменных регистрируется совпадения результатов по системе простого большинства с результатом по каждой из альтернативных систем.

Результаты эксперимента показывают, что только идеологическая близость кандидатов является фактором, сопутствующим получению иного результата по альтернативной электоральной формуле. В то же время более высокая фрагментация электората, как и увеличение числа проблемных измерений, приводит к гомогенизации результатов по тестируемым формулам. С практической точки зрения, выход на политическую арену новых сил в рамках этой модели нивелирует эффект от применения в одномандатных округах формулы, более адекватно отражающей структуру предпочтений избирателей. При этом положительный эффект от кластеризации кандидатов и уменьшения дистанции между ними (что логично было бы им сделать и в рамках классического закона Дюверже) противоречит наблюдаемым тенденциям к центробежному идеологическому дрейфу американского электората. Следовательно, перспективы переломить ситуацию «мягкой реформой» электорального законодательства для США представляются сомнительными.

Шапиро Н.И.
(Москва, ИМЭМО РАН)

ЭВОЛЮЦИЯ РЕСТРИКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Тектоника геополитических изменений, усиление международной конфликтности и турбулентный характер современной военно-политической динамики актуализируют экспертные дискуссии о подходах ведущих игроков, включая США и Россию, к решению проблем международной безопасности. Ускоряется развитие мегатренда по формированию полицентричного мирового порядка. Возрастает межгосударственная конкуренция за геополитические плацдармы, влияние на региональном и глобальном уровнях. Усиление политического противоборства между ведущими державами проецируется на все области их взаимодействия, включая торгово-экономическую и технологическую сферы.

Для США ситуация в области глобальной конкуренции усложняется. Уменьшается асимметрия соотношения материальных возможностей новых и традиционных центров силы. Несмотря на утрату преобладающего доминирования в международной системе, США сохраняют претензии на глобальное лидерство и наращивают усилия по укреплению конкурентных преимуществ. Начиная со второй половины 2010-х гг. в условиях переориентации на стратегическую конкуренцию с Китаем и Россией США адаптируют все инструменты национальной мощи. С учетом интенсивного характера великодержавного соперничества США обновляют инструментарий сдерживания и принуждения, включая экономические санкции.

Февраль 2022 г. ознаменовал начало нового этапа рестрикционной политики США в отношении России. В рамках беспрецедентной санкционной кампании, инициированной под предлогом начала российской специальной военной операции на Украине, США, их союзники и партнеры использовали широкий комплекс ограничительных мер. Архитектором российского санкционного режима был заместитель помощника президента США по национальной безопасности Д. Сингх. Свою многоуровневую санкционную конструкцию он выстроил на санкционном фундаменте, заложенном в 2014 г. в условиях развернувшегося на Украине политического кризиса.

Обширный комплекс санкций был направлен против крупнейших российских финансовых институтов, инфраструктурных компаний и добывающего сектора экономики. Блокирующие санкции введены против крупных банков, на которые приходится свыше 80% банковских активов, включая Сбербанк, ВЭБ, ВТБ. В странах Запада арестована часть золотовалютных резервов Банка России (около 300 млрд долл.). Ряд ведущих российских банков отключены от системы передачи финансовых сообщений *SWIFT*. Страны Запада ввели многочисленные персональные рестрикции против российского политического руководства, бизнес-элиты, парламентариев, руководителей силовых структур, представителей общественности, деятелей культуры, а также членов их семей.

Жесткие меры направлены на ограничение инновационного развития критически важных секторов отечественной экономики. США и Евросоюз ограничили поставки в Россию широкого спектра промышленных и потребительских товаров. США запретили импорт российской нефти, сжиженного природного газа и угля, а также новые инвестиции в российский энергетический сектор и другие сектора отечественной экономики. В декабре 2022 г. вступили в силу согласованные странами «Большой се-

мерки», Австралией и ЕС ограничения стоимости российского «черного золота». Введены масштабные рестрикции в сферах культуры, спорта и СМИ.

В 2023-2024 гг. США и их союзники продолжили курс на ужесточение антироссийских санкций и нарастили усилия по борьбе с их обходом. Дополнительный импульс получили дискуссии о конфискации замороженных российских активов. В 2024 г. Конгресс принял законопроект «О достижении мира в XXI веке посредством силы», предусматривающий изъятие российских суверенных активов.

С возвращением в январе 2025 г. Д. Трампа в Белый дом открылись возможности для поиска мирного разрешения украинского конфликта. Впервые за три года Вашингтон и Москва находятся в режиме диалога по ключевым вопросам, включая нормализацию дипломатических отношений, урегулирование кризиса на Украине, возобновление экономического и гуманитарного сотрудничества. Несмотря на взятую Вашингтоном «санкционную паузу», обусловленную нежеланием антагонизировать Москву в условиях налаживания двустороннего диалога и поиска путей разрешения украинского кризиса, в санкционной политике США обозначились важные новации. Новый инструмент давления на Россию – угроза введения пошлин против ее торговых партнеров.

В результате исследования в качестве доминирующего мотива США выявлены долгосрочные геополитические амбиции. Ключевой мотив санкционной политики США – ослабление России как одного из наиболее влиятельных игроков в современной мировой политике. С точки зрения реализации американских интересов санкции против России не достигли двух ключевых целей – сдерживания и принуждения. Они не оказали значимого влияния на ход реализации российской СВО на Украине. Экономический прессинг не трансформировался в политические уступки Москвы. Тем не менее, США и их союзники сохраняют санкции в арсенале инструментов давления на Россию.

Шашкова Я.Ю.
(Барнаул, АлтГУ)

МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КИБЕР-СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ

В последние годы особое внимание в нашей стране уделяется формированию национальной идентичности. В этом контексте государство активизировало свое участие в политической социализации школьников и студентов, что выразилось в развитии «Движения первых», введении уроков «Разговоров о важном» в школах и курса «Основы российской государственности» в вузах и т.д. Однако, как показывают проводимые политологами АлтГУ фокус-группы, многих из этих проектов вызывают отторжение в молодежной среде, в первую очередь из-за принудительности участия в них и зачастую устанавливаемых идеологических фреймов. Сложившаяся ситуация, в совокупности с реалиями цифрового общества, обеспечивает переориентацию молодых людей на интернет-среду как механизм решения большинства жизненных задач и источник информации, а также приводит к появлению ряда особенностей политической кибер-социализации, которые и будут выделены в данной статье.

Эмпирическую базу исследования составили материалы 1) массового опроса учащихся старших классов, студентов ссузов и вузов регионов СФО (n=1257 чел., выборка – квотная, гнездовая, с контролем параметров пола, уровня образования, региона проживания респондента) и 2) экспертного опроса (n=40 чел.) ученых, медиа-аналитиков и производителей развлекательного контента.

В первую очередь следует отметить, что политическая кибер-социализация школьников и студентов в большинстве случае носит фрагментарный, нецеленаправленный, косвенный характер. Как заявили участники массового опроса, основными целями потребления ими интернет-контента, например, на платформе YouTube, выступают: развлечение (75,6%), получение новой информации (56,8%), релаксация (54%), обучение чему-то новому (44,3%), совершенствование знаний и навыков по определённой теме (37,9%), выяснение чужих точек зрения (21%). Для получения информации о политических событиях и персонах YouTube используют только 12,5% опрошенных, поиска людей с похожим мнением – 9%. Соответственно, часто информацию о политике и обществе на YouTube потребляют 10% респондентов, новости и информационно-аналитические блоги – 16,8%, 22,8% предпочитают историческую тематику. Для сравнения, юмористические каналы смотрят 69,2% опрошенных, контент об играх – 44,9%, о хобби – 33,1%, кино – 30,7%, слушают музыку – 35,4%.

Вместе с тем, по мнению респондентов, YouTube влияет на политическую социализацию – 25,9% указали, что его контент повышает информированность о политике, 22,9% – интерес к политике и истории. Также отмечалось, что он развивает критическое мышление (46,4%), учит принимать решения (39,8%), формирует толерантность 30,3% и навык кооперации (21,4%).

Большое влияние на положительное отношение молодежи к потребляемому контенту, как отмечали студенты и школьники, оказывает сформированное у них мнение о свободе и самостоятельности выбора информации, которые многие эксперты, хорошо знакомые с функционированием новых медиа, характеризовали как «иллюзию». По словам экспертов, современные интернет-платформы и социальные сети строятся по принципу «умной ленты», которая после выбора потребителем *«какого-то определенного типа контента, какой-то определенной тематики для просмотра по интересам... подстраивает весь остальной контент под конкретный интерес, и мы из стихийного переходим уже в разряд целенаправленного контента. Поэтому, в этой связи стоит говорить о том, что целенаправленный контент оказывает большее влияние на политическую социализацию молодежи, потому что ему уже ничего не нужно делать самому, чтобы выбрать, что ему смотреть. Он уже доверяет хостингу, социальным сетям, которые устраивают эту подборку, и опирается на мнения, озвученные там»*.

На этом фоне молодежь отрицает роль блогеров как агентов политической социализации – лишь 3% респондентов в массовом опросе указали, что участвовали в политических акциях, деятельности общественных и политических организаций по рекомендации блоггеров или каналов с YouTube.

В целом можно сделать вывод, что эффективность политической кибер-социализации российской учащейся молодежи определяется целым комплексом факторов, набор которых в условиях цифрового общества сильно персонализирован и может включать не только интересы реципиента, но и его отношение к политике, различным агентам политической социализации, стиль и качество транслируемой ими информации, ситуативные факторы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-01584 «Политическая социализация российской молодежи в контексте трансформации ее коммуникативных стратегий».

Шаяхметов А.М.
(Уфа, УУНиТ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОРТРЕТА ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 И СВО

В условиях перманентных кризисов, с которыми сталкивается российская политическая система, в минувшие пять лет актуализировался вопрос о модели регионального управления. В первую очередь, это связано с возросшим участием губернаторского корпуса в принятии ключевых решений жизнеобеспечения территорий в период пандемии Covid-19 и СВО. С другой стороны, изменившийся внутриполитический контекст также задаёт тренды в редизайне образа главы региона, технологий его публичного позиционирования и коммуникаций как с обществом, так и федеральным уровнем.

Так, окончательно устоялась стилистика взаимодействия с центром – главы регионов стали скорее «назначенными» политическими менеджерами по управлению территориями, сузив свои представительские политические функции. Формализм в принятии решений, приоритет рамочности перед предприимчивостью характеризует административный подход при принятии решений. Опыт последних лет показывает, что ротация, в силу разных причин, может происходить вне зависимости от экономических, управленческих и электоральных результатов, а доля «варягов» постепенно растет, что ориентирует региональную систему встраиваться в федеральные корпоративные структуры, нежели опираться на местную внутриэлитную сеть. В 2023-2025 годах сильное влияние на региональную политику оказывала антикоррупционная силовая повестка, смена собственников и уход крупных региональных компаний, киберугрозы и беспилотная активность.

Вместе с тем необходимость реагирования на постоянные вызовы и угрозы, поддержание эмпатии с населением в условиях цифрового общества задает тренд на приоритет коммуникативных компетенций, эмпатии, креативности. Каждый региональный руководитель формирует себе образ «главы для всех», вне зависимости от возраста, пола, этноса, вероисповедания, социального статуса гражданина для выстраивания доверительного с ним диалога Коммуникационная модель региональных руководитель строится сегодня на принципах цифрового авторитаризма – федеральные шаблоны перекладываются на региональное медиапространства, выстраивая главе субъекта РФ схожий образ «заботливого отца», но встроенного во властную вертикаль, посредством региональных аффилированных с государством СМИ и соцсетей, где наблюдается фактическая монополия на позитивное освещение деятельности первого лица. При этом, даже те главы регионов, которые проходят процедуру фактического назначения также обязаны вести широкую информационно-коммуникационную работу с населением, несмотря на отсутствие необходимости публичной легитимизации.

При взаимодействии с федеральным центром первое лицо региона демонстрирует чёткую встроенность в «вертикаль», подконтрольность, выступает транслятором политики центра на места, позиционирует себя верным членом команды Президента РФ. Ключевая задача – минимизация конфликтов, политических рисков, исполнение губернаторского KPI, поддержание стабильности и поддержка СВО. Необходимость проведения реформ компенсируется постоянной PR-активностью в медиа и социальных сетях, направленной на создание видимости изменений.

Обладая универсальными компетенциями, его задача – разговаривать и договариваться с каждым, быть эффективным социально ответственным и прозрачным управленцем со стратегическим мышлением, социальным архитектором. Акцент делается на решение экономических проблем, строительство инфраструктуры, создание условий для бизнеса, социальной поддержке.

Обобщённый портрет современного главы российского региона представляет собой универсальное лидерство – сочетание компетентности, технократичности, коммуникативности, профессиональности. Опора на федеральные элиты и отработанные шаблоны снижает влияние местных кланов, но и минимизирует региональную субъектность, хотя и соблюдения принципа рекрутирования кадров по принципу профессионализма, а не личной лояльности пока достичь не удалось.

Швая А.Ю.
(Санкт-Петербург, СИ РАН – ФИЛИАЛ ФНИСЦ РАН)

«КОГНИТИВНАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ» ПРАВОСЛАВНЫХ ПРАКТИК ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Православная символизация, как и отдельные элементы религиозных ритуалов присутствуют в репертуаре публичной активности представителей политической элиты на различных уровнях. Однако за православными практиками федеральных, региональных и местных элит могут стоять принципиально различные мотивации. Исходя из предположения, что легитимации федеральных властных персон могут быть более синхронизированы с интенциями центра, а также учитывая ограниченный доступ к объекту исследования, предпринимается попытка изучить мотивации представителей региональной политической элиты. Совмещение ориентаций на федеральный центр и интеграции собственных локальных православных инфраструктур становится местом соприкосновения «внутренней» и «внешней» легитимации региональной элиты. Это противоречивое сочетание, как представляется, способно точнее характеризовать институционализацию православных практик политической элиты.

Региональная политическая элита, как показывают отечественные исследования ее карьерных траекторий, достаточно институционализирована и автономизирована, а потому не является «абстрактной» элитой в терминологии Р. Дарендорфа. Высокая профессионализация региональной политической элиты (особенно властных групп Санкт-Петербурга в сравнении с другими регионами), свидетельствующая о «вертикальной» интеграции (в терминологии Р. С. Робинса), сталкивается с ограничениями в эффективности властных структур и групп. Основной «горизонтальной» интегрирующей характеристикой является плутократизация, что также приводит к структурной автономии элиты. В этом отношении делается вывод, что православные практики могли бы выполнять компенсирующие эти недостатки функции политической автономии (становясь средством обозначения социальной дистанции, компонентом нарративов политической легитимации и т. д.), а также функцию ресурсной автономии региональной политической элиты (становясь постепенно характеристикой социального слоя, к которому принадлежат властные группы).

В целях получения доступа к персональным когнитивным моделям обоснований

собственной православной активности были проведены восемнадцать глубинных интервью с депутатами Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Наряду с анализом ответов властных персон на ключевые вопросы с опорой на ключевые аналитические различения, заложенными в гайде глубинного интервью исследователем, был проведен анализ дискурса депутатов по методике, предложенной Р. Водак. В результате было выделено несколько воспроизводящихся когнитивных схем легитимации представителей политической элиты Санкт-Петербурга. Вместе с тем были классифицированы мотивации, выявленные в ходе интервью. Наконец, с опорой на ранее выведенную схему расположения православных практик в трех основных институциональных полях были определены диспозиции проинтервьюированных депутатов. Это позволило контекстуализировать их когнитивную легитимацию, связав ее с институциональной включенностью в осуществление православной активности. Таким образом, на основе проведенного исследования можно говорить о том, что институционализация православных практик региональной политической элиты не является завершенной, но характеризуется стабильным усвоением и воспроизводством властными персонами религиозных практик и смыслов на различных уровнях элитной структуры.

Шведова Н.А.
(Москва, ИСКРАН)

ИНСТИТУТ ВЫБОРОВ И ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В США: ЦЕНА ВОПРОСА

Социально-политический статус американок формировался уже в колониальный период под численным дефицитом женщин, повышая их общественную значимость. Пуританские традиции позволили избежать жёсткого патриархата в семейных моделях в отличие от европейских обществ. Доступность земли открывала возможности для самостоятельного ведения хозяйства, подрывая традиционный образ женщины как экономически зависимого субъекта. Первые идеи гендерного равенства получили публичное выражение в период Войны за независимость *(Цебрикова М. К. Американки XVIII века. – СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1871)*. Зарождение организованного феминистского движения, принятие 14-й поправки к Конституции после Гражданской войны, заложившее правовую основу для последующей борьбы женщин за политические права, суфражистское движение, ратификация 19-й поправки к Конституции США – все работало на институциональное признание электорального равноправия для американок в политическом процессе наравне с мужчинами.

Сегодня женский электорат – не монолит: устойчивый гендерный разрыв в политических предпочтениях наблюдается с 2016 г. во всех демографических группах (расовых, этнических, возрастных и образовательных). Деятельность женских НПО, Политических комитетов действий, Кокуса женщин Конгресса США способствовали усилению позиций кандидаток. Рост второй волны феминистского движения позволил добиться внедрения мер «позитивной дискриминации» в рамках внутрипартийных структур – значимый этап в этом направлении. Особенности избирательной системы США, высокая вероятность переизбрания действующих конгрессменов, создавали препятствия для расширения женского представительства, как и отсутствие внутрипартийных квот существенно ограничивало политическое продвижение американок в законодательные органы.

Первая администрация республиканца Д.Трампа (2016-2020 гг.) отличалась консервативным характером, включала сокращение финансирования программ по защите репродуктивных прав и отмену ряда мер по обеспечению гендерного равенства. (Шведова Н.А. Необычные промежуточные выборы: итоги и тенденции // США и Канада: ЭПК. 2023, №5).

При администрации демократа Джо Байдена произошёл резкий поворот к прогрессивной повестке: восстановлены и расширены инициативы в области защиты прав женщин, приняты меры по борьбе с гендерным насилием.

Особое значение имело решение Верховного суда США в 2022 г. по делу «Доббс против «Организации женского здоровья Джексона»», отменившее конституционное право на аборт, став катализатором массовой мобилизации женского электората, предопределило ключевые темы кампании 2024 г. К моменту выборов гендерные вопросы, включая доступ к абортам и проблему гендерного разрыва в области оплаты труда, заняли центральное место в политической дискуссии. Кампания проходила в условиях заметной политической поляризации, в которой гендерные вопросы служат ключевыми маркерами различий между демократами и республиканцами. (Шведова Н.А. Конгресс США 118-го созыва: гендерный портрет // Россия и Америка в XXI веке. 2023, № 2).

Гендерный фактор сыграл значительную роль в президентской кампании 2024 г., во многом определив расклад политических сил. Исследование показало, что политика гендерного равенства за последние годы претерпела серьёзные изменения, что повлияло на электоральное поведение. Женский электорат в президентскую кампанию продемонстрировал высокую степень политической активности, особенно среди молодых женщин и жительниц городских центров. Основными критериями при выборе стали: репродуктивные права, экономическое неравенство, выросшее после пандемии COVID-19, и проблема гендерного насилия. *(Шведова Н.А. Выборы 2024 г. в США: репродуктивные права в фокусе //США и Канада: ЭПК. 2024. №10; Факторы победы республиканца Д. Трампа в президентской кампании в США 2024 года//США и Канада: ЭПК. 2025, №1.)*

Институт выборов как «инструмент-измеритель» расслоения (поляризации) общества через результаты избирательных циклов реально демонстрирует относительную степень как поляризации, так и радикализации при свободном и честном волеизъявлении электората, – с одной стороны. А с другой, в результатах выборов отражается совокупность острых проблем, назревших в обществе, в клубке которых остро переплелись последствия относительно высокой инфляции на ряду со жгучими тревогами нарушения гендерного баланса и репродуктивных прав в обществе. В будущем гендерный разрыв может увеличиться, если администрация Д.Трампа не пересмотрит свою политику в отношении гендерных проблем. Существует реальная предпосылка для корректировки курса, задача, которую, очевидно, придётся решать правящей элите и государству. Глубокие социально-политические трансформации в американском обществе показали, что традиционные электоральные модели претерпевают изменения, а культурные и ценностные вопросы выходят на первый план в политической конкуренции. В результатах отразились продолжающиеся перегруппировки политических сил в США, последствия которой будут определять американскую политику в ближайшие годы.

Швецова А.В.
(Екатеринбург, УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина)

КОРПОРАТИВНАЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Концепция корпоративной гражданственности, подразумевающая активную роль бизнеса в решении общественно значимых задач, в России с 2023 года приобретает особое звучание в контексте демографических вызовов. Корпоративная гражданственность, направленная на поддержку семей сотрудников, перестает быть лишь элементом социальной ответственности, а становится стратегическим инструментом реализации государственной семейной политики и одновременно – ключевым фактором устойчивости самого бизнеса в условиях кадрового дефицита и демографического давления. Хотя для многих российских компаний эта идея пока кажется новой и даже чуждой, воспринимаясь прежде всего как дополнительные нецелевые расходы, нарастающее понимание ценности человеческого капитала заставляет работодателей видеть в поддержке семей долгосрочную инвестицию в свой кадровый потенциал. Удержание квалифицированных специалистов, особенно женщин репродуктивного возраста, снижение текучести кадров, повышение лояльности и производительности труда – это реальные бизнес-выгоды, которые компании начинают ассоциировать с мерами семейной поддержки (гибкий график, помощь с детскими садами и школами, дополнительные выплаты, программы здоровьесбережения, формирование дружественной к семьям среды и т.д.).

Массовое внедрение семейно-ориентированных практик бизнесом требует не только внутренней убежденности руководства, но и четких стимулов от государства. Ключевой запрос, особенно со стороны малого и среднего бизнеса, – это системные налоговые льготы. Без снижения фискальной нагрузки инвестиции в поддержку семей, такие как доплаты на детей, компенсации услуг няни или корпоративное ДМС для детей, остаются для многих компаний, работающих в условиях низкой маржинальности, экономически нецелесообразными. Наш анализ текущей ситуации показывает, что передовые компании уже начинают воспринимать такие инвестиции как элемент долгосрочной кадровой стратегии. Те из них, кто внедрил даже пилотные проекты, например, гибкий график для родителей или содействие в устройстве детей в детские сады, отмечают положительную динамику: снижение текучести кадров среди ценных сотрудников с детьми и рост их лояльности к компании.

Однако этих единичных успехов недостаточно для широкого распространения практик корпоративной гражданственности в сфере семьи. Текущий вывод исследования указывает на необходимость трансформации самой модели взаимодействия между государством и бизнесом. Вместо устаревшей схемы, где государство только предписывает, а бизнес пассивно исполняет, требуется переход к режиму равноправного партнерства. Это означает, что государству необходимо на деле признать бизнес активным и ответственным субъектом демографической политики, а не просто объектом регулирования. Конкретными шагами в этом направлении могли бы стать включение представителей деловых ассоциаций в рабочие группы по разработке региональных демографических программ на паритетных началах и предоставление им реальных возможностей влиять на формирование условий поддержки семей сотрудников.

На основе предварительных данных интервью и анализа международного опыта

обсуждаются конкретные меры поддержки. Критически важны налоговые стимулы – конкретные механизмы, такие как вычет расходов на корпоративные детские сады или компенсацию услуг няни из налогооблагаемой базы по налогу на прибыль, или адресное снижение страховых взносов для сотрудников с детьми. Это особенно значимо для малого и среднего бизнеса, который в противном случае не сможет конкурировать на кадровом рынке с крупными игроками. Не менее важна административная поддержка, включающая упрощение доступа бизнеса к социальной инфраструктуре и сокращение бюрократических барьеров при реализации собственных корпоративных программ поддержки семей. Третьим направлением является создание «зеленой улицы» для бизнес-инициатив – их официальное признание и легитимация со стороны государства как значимого вклада в демографическое развитие, а не как частной благотворительности. Это подразумевает системную информационную поддержку лучших практик со стороны органов власти и их интеграцию в государственные стратегии.

Что касается доказательств эффективности именно для демографических показателей в России, то прямых данных пока недостаточно – это новое и актуальное поле для исследования. Однако международный опыт, накопленный компаниями в странах ЕС, США, Сингапуре, однозначно демонстрирует, что семейно-ориентированные программы являются мощным HR-инструментом. Они существенно повышают привлекательность работодателя, позволяют снижать затраты на подбор персонала – по некоторым оценкам, до 30-50% стоимости замены уволившегося специалиста, – и значительно увеличивают уровень удержания сотрудников, особенно женщин в возрасте 30 лет и старше. Эти программы также напрямую влияют на повышение производительности труда и укрепление лояльности персонала, так как сотрудники высоко ценят реальную заботу компании об их балансе работы и семьи. В долгосрочной перспективе такие компании формируют более устойчивый кадровый резерв и укрепляют свой позитивный имидж на рынке. Таким образом, корпоративная гражданственность в поддержку семьи представляет собой стратегическую инвестицию бизнеса в свой человеческий капитал, но для ее масштабирования бизнес нуждается в конкретных партнерских условиях со стороны государства. Формирование этих взаимовыгодных условий является ключевой практической задачей, которую ставит перед собой настоящее исследование.

Шевченко А.В.
(Москва, РАНХиГС)

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ АГРЕССИЯ В ЗОНТИЧНОЙ СЕМАНТИКЕ ГИБРИДНОЙ АГРЕССИИ

Многочисленные факты свидетельствуют о сформировавшейся специфической форме агрессии, в политико-дипломатическом дискурсе называемой «гибридной». Под это зонтичное понятие подводятся геополитическая агрессия, которая «выражается в провоцировании конфликтов, военно-политическом давлении, попытках принудительной смены государственной или национальной идентичности. Экономическая агрессия проявляется в санкциях, злоупотреблениях торговыми и финансовыми инструментами»

. Информационная агрессия проявляется в демонизации посредством СМИ в мировом информационно-коммуникативном пространстве целых стран и народов. Идеологическая агрессия как подвид гибридной реализуется в технологиях "насаждения ценностной парадигмы неолиберализма как безальтернативной, "отмены" традиционных ценностей, идеологии терроризма, политической изоляции и т.п. Очевидно, что этот феномен международных отношений, предъявляющий агрессию не только в виде военного инструмента, требует специальных методов измерения. В международно-правовой практике трудно устанавливается степень информационно-коммуникационной агрессии, имеющей специфические формы проявления, в корне отличающиеся от признаваемых международным правом способов реализации агрессии при использовании вооруженной силы. Это связано с непризнанием самих фактов наличия агрессии. Отсюда и сложности определения гибридной агрессии как источника целенаправленной поражающей силы. В норму права ст. 3 резолюции № 3314 ГА ООН «Определение агрессии», квалифицирующей акты агрессии независимо от объявления войны, информационно-коммуникативные действия не включены. Как следствие, применение норм международного права к квалификации фактов агрессии в международной информационно-коммуникативной среде признается возможным лишь в случаях установленного «нарушения суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства»[215]. К числу таких нарушений относятся острые конфликты между государствами и внутри государств, конфликты на региональном уроне, угрозы, относимые к глобальным: терроризм, распространение и незаконная торговля оружием массового уничтожения и ряд других. Но процедура такого установления подвержена влиянию нормы права ст. 5 Резолюции № 3314, предупреждающей, что никакие соображения политического, экономического, военного или иного характера не могут служить оправданием агрессии

Однако ст. 4 этого документа предусматривают, что Совет Безопасности ООН может определить, что и другие акты представляют собой агрессию согласно нормам права ст. 39 Устава ООН, так как установленный перечень действий, квалифицирующихся как акты агрессии, не является исчерпывающим[216]. В частности, при расширении этого документа за счет включения инцидентов с использованием ИКТ в качестве силы и средства осуществления «вооруженного нападения» известный специалист в области МИБ А.А. Стрельцов указывает на необходимость обоснования ИКТ не как оружия в собственном содержании этого определения, но как обладающих способностью придавать свойства оружия используемым для агрессивных действий невоенным устройствам и механизмам.

Однако за прошедшие 50 лет, отмеченные множеством фактов применения агрессии в информационно-коммуникационной среде с эффектами когнитивного, ментального, информационно-психологического воздействия на индивидуальное или массовое сознание, корректировки перечня с включением «гибридной» агрессии в каком-либо составе содержания этого феномена, не произошло.

С очевидностью встает вопрос о необходимости противодействия практике и попыткам осуществлять правовую и политическую легитимацию актов применения силы в информационно-коммуникационной и информационно-коммуникативной среде[217]. Он касается, прежде всего, проблем теоретико-методологического характера, охватывающих широкое междисциплинарное поле политической науки, международных отношений, международного права и международного информационного права.

[215]Резолюция № 3314 Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) об определении агрессии от 14 декабря 1974 г. https://ru.wikisource.org/wiki/Резолюция_Генеральной_Ассамблеи_ООН_№_A/RES/3314(XXIX)

[216]Коротков С. О влиянии киберстабильности на обеспечение международной и национальной информационной безопасности – https://interaffairs.ru/news/show/38896

[217]Шевченко А.В. Политико-правовая легитимация актов применения силы в международной информационно-коммуникативной среде //Право и современные государства. - №4, 2024. С.33-46

Шелякин А.А.
(Москва, ГУУ)

ОБРАЗЫ СТАЛИНА И ЛЕНИНА В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ О ПОБЕДЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В 2025 г., когда страна отмечает 80-летие Победы в Великой Отечественной войне, разговор о политике памяти в России невозможно вести без упоминания И. В. Сталина. При этом его фигуру нельзя рассматривать в отрыве от наследия В. И. Ленина: именно Ленин заложил основу советской государственности, создав институты и структуры, в которых позже проявилась власть Сталина. Социологические опросы фиксируют разные оценки этих двух исторических фигур: по данным ФОМ за май 2025 г. положительно Сталина как военного лидера оценивают 63% россиян, негативно – лишь 5%, а 62% считают нынешние оценки его роли в целом справедливыми. С образом Сталина ассоциируются: Победа – 24%, жёсткость и требовательность – 13%, выдающийся деятель и стратег – по 5%. Среди упрёков лидирует тема репрессий – 15%. Образ Ленина вызывает более неоднозначную реакцию: в январе 2024 г. 47% россиян относились к нему положительно, около 30% – безразлично, 15% – отрицательно. При осведомлённости о нём на уровне 88%, среди молодёжи преобладает равнодушие 45%; содержательный ответ дают 72%, тогда как в группе 60+ чаще выражаются симпатии с акцентом на роль основателя советского государства. Чаще всего Ленина называют «основателем СССР» – 24% и «вождём трудящихся» – 23%. По результатам 55-й волны мониторинга ИС РАН (май 2025 г.) при ответе на вопрос о политических деятелях, принесших России наибольшую пользу, доля упоминаний Ленина снизилась по сравнению с 1990-ми (с 23% до 19%), тогда как Сталина, напротив, выросла с 15% до 45%. Всё это закрепляет за образом Сталина символический образ Победы и роль ключевого ориентира национальной памяти, что подтверждает и то, что 61% россиян называют 9 мая главным праздником страны.

Коммеморативные практики, связанные со Сталиным, заметно активизировались: только за первые месяцы 2025 г. к июлю (больше чем за все предыдущие года к этому месяцу) появилось 19 мемориальных объектов (памятники, барельефы, надписи на горах) в разных регионах России и на новых территориях, а также прошло 11 мемориальных акций (митинги, автопробеги, праздничные мероприятия). С Лениным ситуация иная: новые памятники почти не устанавливаются (чаще на частной территории), основное внимание уделяется реставрации старых монументов (от Черкесска до Барнаула) или борьбе против их сноса (Юрьевец, Шумерля). При этом набирает силу практика переименования улиц и площадей: в Якутске часть площади Ленина стала площадью Республики, в Ростове Великом вернули историческое название «Покровская улица», в других регионах обсуждают возвращение дореволюционных топонимов. Память о Ленине поддерживается в основном инициативами КПРФ и «Коммунистов России»: возложение цветов, акции в день рождения, протесты против драпировки или демонтажа памятников, но такие действия чаще носят оборонительный характер.

В публичных выступлениях 25 февраля 2025 г. лидер СРЗП С. М. Миронов сравнил современную Россию с союзом времён Ялты и поставил В. В. Путина в один ряд со Сталиным. 24 июля 2025 г. спикер Госдумы В. В. Володин поддержал инициативу КПРФ о пересмотре итогов XX съезда КПСС, заявив, что доклад Н. С. Хрущева о

культе личности Сталина был «ошибочным и предвзятым», подчеркнул, что, несмотря на разрушительные последствия революции и Гражданской войны, именно в советский период государственность была восстановлена в новом формате, а Сталин сыграл в этом ключевую роль, а потом как верховный главнокомандующий, обеспечил победу в Великой Отечественной войне. Что же касается Ленина, то в мае 2025 г. обсуждалась драпировка Мавзолея на 9 мая, выполненная к юбилею Победы в куда более крупном формате, чем за предыдущие годы, что вызвало протесты со стороны левой общественности. В июне телеканал «Спас» показал фильм «Мумия», критикующий сохранение тела Ленина в мавзолее; КПРФ назвала фильм «предвзятым и манипулятивным», тогда как правые деятели (Е. С. Холмогоров, движение «Сорок Сороков») его поддержали. Параллельно Минкульт заказал реставрацию Мавзолея, а с конца июля 2025 г. он временно закрыт для посетителей.

В целом, анализ публичной памяти о Ленине и Сталине показывает значительные различия в их репрезентации и роли в современной политике памяти. В. В. Путин неоднократно заявлял, что именно Ленин ответственен за создание советской федеративной формы государственно-территориального устройства, которая в итоге стала основой для распада СССР и современных национальных конфликтов, включая украинский. Образ Сталина конструируется в национальной памяти вокруг периода Великой Отечественной войны, сильного лидера, благодаря которому СССР победил и стал сверхдержавой, в то время как масштаб репрессий и тоталитаризм умалчиваются либо подвергаются различным формам оправдания.

Для поколения постпамяти[218] такая избирательность болезненна, так как в официальном нарративе тема репрессий имеет второстепенное значение, что может иметь далеко идущие последствия вплоть до исторических обид, где результатом может быть использование этого разными деструктивными политическими силами, например, в рамках разыгрывания национальной карты. Проработка прошлого, каким бы трудным оно ни было, и его преодоление является ключевой задачей не только гражданского общества, но и государства.

Шеляпина А.А.
(Москва, АНО "Путь домой")

“КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ РОССИИ КАК ЧАСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗА СТРАНЫ: ОТ ИДЕИ ДО ВОПЛОЩЕНИЯ”

В современных реалиях глобальной перестройки мировой политической системы многие страны переосмысливают своё место в прежней структуре отношений, трансформируясь в условиях турбулентности. Одновременно пересматривая привычные паттерны не только в политико-экономических отношениях с партнёрами, но и формируя обновленные идеологические задачи.

Вместе с этими внешнеполитическими процессами внутри государств идет глубокая трансформация собственного взгляда на свою страну, её роль и задачи в новом мире. И Россия является одним из ярких примеров такой трансформации. Главным её трен-

[218]Хирш, М. Поколение постпамяти: письмо и визуальная культура после Холокоста / М. Хирш; ред. Л. Любавиной. — М.: Новое издательство, 2021. — 428 с.

дом стал отказ от вестернизации всех аспектов социально-политической жизни общества, ориентира на западные образовательные, коммерческие, управленческие стандарты работы и планирования. Мы довольно активно продвигаемся по пути поиска и внедрения национальных подходов и принципов, ориентированных на учет собственного исторического опыта и целей, меняем законодательство.

Новая Россия требует профессиональных кадров, подготовленных с учетом новых задач. И такая отрасль экономики, как креативные индустрии, становится одной из локомотивов творческого осмысления идущих в обществе перемен. Недавно принятый закон от 8 августа 2024 года №330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» определяет основы правового регулирования организации и развития креативных индустрий как базового сектора креативной экономики. С учетом заявленных в нём трендов необходимо менять систему подготовки кадров в этом направлении.

Существующие принципы к формированию образа России для зарубежной аудитории и для внутреннего потребителя существенно разнятся в качестве. Если внутрироссийская аудитория очень быстро рефлексирует на общественно-значимые изменения, а действующие мастера предлагают новые продукты под изменившиеся запросы целевой аудитории (кинофильмы, линейки одежды, художественные образы, предметно-бытовой дизайн и компьютерные игры), то всё, что связано с зарубежной аудиторией и её восприятием России, остаётся замшело-лубочным (оформление стендов на международных выставках, сувенирная продукция, презентационные мероприятия) или наоборот, классически обусловленным (классическое искусство, наука, русский язык).

В России срочно необходимо готовить кадры для работы в рамках креативных индустрий для формирования образа современной, технологически развитой, экономически сильной и научно-передовой России, опирающейся на национальные корни и традиции. Это необходимо в том числе и для целевой аудитории потенциальных переселенцев как из числа наших соотечественников, так и иностранных экспатов, за которых мы сегодня так бьёмся.

Шестопал Е.Б.
(Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова)

ОБРАЗ БУДУЩЕГО СТРАНЫ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В последние годы в социально-гуманитарных науках происходит неуклонный рост исследовательского интереса к образу будущего. При этом нередки высказывания о «кризисе образа будущего», девальвации его смысла.

Обычные граждане «живут в моменте», и либо отказываются об образа будущего вообще, либо, пытаются вернуться в прошлое – предсказуемое и понятное. И если о собственном будущем люди вынуждены думать, то наше общее будущее занимает их куда меньше.

Что касается элит, то они (как властные, так и контрэлиты) оказались пока не способны предложить обществу масштабные проекты и идеи будущего, фокусируясь на горизонтах электоральных циклов.

Описанный выше парадокс требует своего осмысления. В данном докладе мы попытаемся его осуществить с позиций политико-психологического подхода, который

наиболее, на наше взгляд релевантен для понимания образов вообще и образов будущего в частности.

Свою задачу мы видим в том, чтобы сформулировать те нерешенные вопросы, которые существуют в исследованиях образов будущего.

Так, *во-первых*, непонятно, почему эта проблема вызывает столь широкий интерес именно сейчас? *Во-вторых*, что это за феномен с точки зрения его смыслового содержания, психологической структуры и механизмов формирования в сознании людей. *Третий вопрос* затрагивает модальности будущего: говорим ли мы о желаемом или возможном будущем, идеальном или реальном. *Четвертый вопрос* касается определения субъектов образов будущего страны. Необходимо развести индивидуальный и коллективный образы, и понять, кто является его носителями: рядовые граждане или элита, правящий класс или оппозиция, интеллектуальная или творческая элита, создатели новых технологий или может быть уже и ИИ? *Пятый вопрос* относится к функциям, которые выполняет образ будущего страны: кому и зачем он нужен. Должен ли он указывать нам цели развития, служить идеалом, идеологическим ориентиром движения вперёд или он призван прогнозировать то, что реально произойдёт? *Шестой вопрос* возникает в отношении нашей возможности влиять на образ будущего страны. Можно ли его конструировать и если да, то кто и как может и должен этим заниматься?

Ответы на эти вопросы, как мы полагаем, позволят не только приблизиться к более ясному теоретическому пониманию данного феномена, но и операционализировать его для последующего эмпирического изучения.

В своем понимании образа будущего страны мы исходим из того, что этот образ представляет собой многомерный ментальный конструкт, в котором наша страна представлена во временной перспективе в совокупности составляющих её элементов и сфер жизни. Это существующий в массовом сознании *коллективный* образ, в котором смысловой опорой выступает прошлое, а проецируемые на перспективу цели и ожидания определяются настоящим. Структуру образа будущего страны как политико-психологического феномена составляют три компонента: *ценностно-смысловой* (генеральная идея, ценности, цели и направления развития), *образно-символический* (образы и символы территории, народа, власти, лидера, представления о внутриполитических процессах и геополитическом положении), *деятельностно-практический* (персональные жизненные траектории, общенациональные пути движения вперёд и способы достижения цели).

В образе будущего страны в равной степени значимы образы *желаемого* и *возможного, реального и идеального* будущего. Однако, при всей важности прогнозов реального и возможного будущего для практиков, конструирующих образы будущего, ключевой задачей выступает создание моделей *желаемого и идеального* образа будущего. *Во-первых,* эта задача предполагает наличие в образе будущего страны ясно сформулированных целей, ценностей и стратегий их достижения в будущем. *Во-вторых,* поскольку образ будущего страны содержит не только рациональные, но и эмоциональные, не до конца осознаваемые компоненты, то мало хорошо просчитать прогнозы и предложить экономически и политические выверенные проекты, необходимо придать им эмоционально привлекательную для общества форму с использованием художественных средств, духовных ценностей и смыслов, символов и мифов, адаптировать для разных социальных и демографических групп населения. *В-третьих,* конструирование образа будущего страны является нетривиальной творческой задачей, которую нельзя осуществить простым переносом прошлых тенденций на будущее. Прошлое играет важную роль, но оно не повторяется буквально, и нужны новые, ранее не известные цели, идеи и сюжеты, особенно для молодых поколений.

Эти задачи не по силам решить отдельным гражданам. Они является прерогативой и сферой ответственности государства, власти, а точнее, – идеологии, которую в нашей стране в постсоветский период было принято либо ругать, либо игнорировать.

Шешменёва М.В.
(Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

РОЛЬ TELEGRAM-КАНАЛОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ГЛАВ РЕГИОНОВ

Массовое распространение Интернета и информационно коммуникативных технологий создало условия для появлений новых площадок для обмена информацией. Мессенджеры как одна из форм социальных медиа постепенно становились основой политической коммуникации органов государственной власти и местного самоуправления, глав российских регионов, для которых характерна более значительная степень открытости, интерактивности и наличия технологий обратной связи.

Одним из самых популярных и активно развивающихся мессенджеров на территории Российской Федерации является Telegram. Показатели Telegram продолжают расти с каждым годом, так по данным Mediascope в январе-марте 2025 среднемесячный охват площадки достиг 74% россиян старше 12 лет, а среднесуточный – 55% (https://t.me/mediascopedata/450). При этом в 2024 году эти цифры составляли 73% и 49% соответственно. На площадку Telegram приходится 9% всего времени интернет-потребления россиян. Если говорить о приоритетах в выборе контента на площадке Telegram, то продолжают лидировать новостные и информационно аналитические ресурсы. Около 58% просматриваемого контента составляют новостные и политические каналы. Именно поэтому можно говорить о значительной роли Telegram-каналов не только в политической коммуникации современного российского общества, но и о большом потенциале использования данного мессенджера в управлении политическими процессами.

Telegram каналы постепенно становятся ключевым инструментом для глав регионов в обеспечении управления региональным субъективным пространством политики, выполняя различные функциональные роли по отношению к своей аудитории в зависимости от поставленной цели:

Во первых Telegram каналы выполняют информационную функцию, являясь востребованным экспертными площадками, на которых пользователи могут знакомиться с актуальными новостями, получать экспертную аналитику в отношении своего региона и происходящих в нём событий. Удобство для разных форматов коммуникации, разнообразие контента (тексты, видео, фото, ссылки), а также доступность широким слоям населения выражается в активном вовлечении пользователей в процесс потребления информации в Telegram каналах глав регионов, выходящем за обычные границы потребления в рамках новых медиа. Губернатор Нижегородской области Глеб Никитин по итогам июля 2025 года получил 14768 упоминаний различных Telegram каналах, заняв тем самым 12 место в Telegram-рейтинге глав регионов России, оказавшись при этом медиа-лидером среди губернаторов ПФО. Главным информационными поводами за июль 2025 года по данным аналитического центра «Г.У.Р.У.» (https://nnews.nnov.ru/posts/104390-gubernator-nizhegorodskoy-oblasti-gleb-nikitin-zanyal-12-yu-strochku-media-reytinga-glav-regionov-po-itogam-iyulya) в Telegram канале Губернатора НО стали:

1. строительство ИТ-кампуса «Неймарк» (36,8 тыс. просмотров) (https://t.me/glebnikitin_nn/7268?single).
2. отчет Губернатора о работе Правительства Нижегородской области за 2024 год в Законодательном Собрании Нижегородской области (30 тыс. просмотров) (https://t.me/glebnikitin_nn/7341).

3. отключения интернета, связанные с атаками БПЛА (23,8 тыс. просмотров) (https://t.me/glebnikitin_nn/7340).

Выстроенная система информирования в Telegram канале Губернатора, обеспечивающая доступ к актуальной информации, играет важную роль в обеспечении политической стабильности в регионе за счёт своевременной системы информирования населения.

Во вторых Telegram каналы играют значительную роль в сопровождении региональных управленческих решений, принимаемых органами государственной власти и местного самоуправления, формируя благоприятную среду для адаптации к изменениям. Telegram каналы способны оказать позитивное влияние на конструирование имиджа региона, повышая рейтинг доверия населения за счёт использования инструментов неформальной коммуникации. Так, в Telegram канале Губернатора НО проводилось информационное сопровождение регионального проекта, «Резидент столицы финансовой культуры» по повышению финансовой грамотности (https://t.me/glebnikitin_nn/7172). Публикации фокусируют внимание на позитивных аспектах деятельности органов региональной власти. При этом персуазивный характер коммуникации (использование логических аргументов, создание доверия) в Telegram канале Губернатора, связан с потребностью власти в активном включении населения в процесс участия в региональных проектах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Telegram каналы играют важную роль в информировании и сопровождении региональных управленческих решений в процессе осуществления публичной политической коммуникации глав регионов, выступая эффективным инструментом формирования политической повестки дня и влияния на общественные настроения.

Вместе с тем прослеживается дисбаланс в построении коммуникативной стратегии региональных властей, связанный с акцентированием внимания представителей власти на PR реализуемых в регионе проектов и инициатив и информировании населения, локализацией информационной политики. В целях повышения эффективности коммуникативной стратегии региональной власти представляется целесообразным более сбалансированный подход к выбору технологий, предполагающий расширенный спектр мер антикризисной коммуникации в условиях современных вызовов и угроз.

Шкель С.Н.
(Санкт-Петербург, СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

АСИММЕТРИЧНАЯ ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ: ЛОГИКА ЧАСТИЧНЫХ РЕФОРМ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Новый раунд муниципальной реформы в России в период 2020–2025 гг. открыл дополнительные возможности для изучения причин асимметричной централизации – одной из наиболее актуальных и дискуссионных научных проблем политической науки. Новым этапом муниципальной реформы в России стали поправки в Конституцию РФ, принятые на всенародном голосовании 2020 г. Данные законодательные новации провозглашали учреждение в России «единой системы публичной власти», что означало интеграцию местной власти в единую вертикаль в качестве первого уровня. В декабре 2021 г. в российский парламент был внесен новый законопроект о местном самоуправлении, призванный реализовать конституционные поправки. Согласно первому проекту закона, все

регионы России должны были отказаться от двухуровневой модели муниципального управления, что требовало ликвидировать муниципальные администрации на уровне городских и сельских поселений. Закон был принят Государственной Думой РФ в первом чтении в январе 2022 г., но после вызвал бурную дискуссию среди депутатов и губернаторов. Дальнейшее рассмотрение закона было перенесено на 2024 г. после завершения президентских выборов. Окончательно закон был принят в марте 2025 г., но только после существенной его корректировки. В частности, следуя пожеланиям ряда регионов, депутаты отменили обязательный переход к одноуровневой системе муниципального устройства, оставив за регионами право самим определять оптимальную для них модель. В результате полностью к одноуровневой модели перешли только 20 регионов. 26 планируют это сделать в ближайшее время. 18 регионов России заявили о сохранении двухуровневой модели и 25 намерены перейти к смешанной модели, как сохранив муниципалитеты с городскими и сельскими поселениями, так и отказавшись от них. Таким образом, несмотря на изначальный план по унификации всех субъектов Российской Федерации с переходом на единую одноуровневую модель муниципальной власти, результат реформы оказался менее однозначным: ряд регионов смогли сохранить статус-кво и оставили двухуровневую модель.

В докладе будет представлено исследование, главной задачей которого является объяснение этой вариации с помощью тестирования основных теорий о факторах асимметричной централизации. Для этого были использованы данные электоральной статистики и социально-экономические индикаторы регионов России. В исследовании используется метод логистической регрессии. Результаты статистического анализа показали, что экономическое объяснение частичных реформ муниципальной власти в России не находит эмпирического подтверждения, в то время как политические факторы (политический вес губернатора и электоральная поддержка инкумбентов) являются значимыми предикторами, объясняющими разные исходы муниципальной реформы в регионах.

Данное исследование вносит вклад в научную дискуссию о логике частичных институциональных трансформаций, проясняя влияние политических факторов на реализацию административных реформ. Делается вывод, что электоральные процессы в России продолжают играть важную роль и влияют на политическую динамику даже в условиях высокого уровня централизации политической системы и консолидации элит.

Шлапеко Е.А.
(Петрозаводск, ИЭ КарНЦ РАН)

ИДЕИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПРОЕКТАХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

На фоне обострения противостояния между российской и западной цивилизациями исследования евразийской интеграции приобрели особую значимость. Россия стремится к многополярности и сбалансированному сотрудничеству, рассматривая Евразию как пространство мира, стабильности и процветания. Среди отечественных экспертов принято трактовать Евразию как ближнее зарубежье (СНГ, ЕАЭС) и как более обширную территорию, включающую Китай и Индию (Большое Евразийское партнерство). Важным аспектом является формирование единого гуманитарного пространства и сохранение цивилизационных связей между государствами Евразии. Хотя экономическое сотрудничество является основой интеграции, игнорирование социо-

культурных различий и политических барьеров делает этот подход ограниченным. Устойчивая интеграция требует глубокой политической и социальной координации.

В Концепции внешней политики Россия определяет себя как «самобытное государство-цивилизацию» с акцентом на духовно-нравственные ценности. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом детализирует направления внешнеполитической работы, включая продвижение русского языка, культуры, науки, образования, спорта, туризма, поддержку соотечественников и сохранение исторического наследия. Гуманитарное сотрудничество является одним из инструментов формирования евразийской интеграции, обеспечивающим фундамент кооперации и развитие регионального проекта.

Некоммерческие организации играют ключевую роль в трансляции культурно-гуманитарной повестки и реализации инициатив общественной дипломатии. Фонд президентских грантов (ФПГ) активно поддерживает проекты гражданской активности, общественной дипломатии и международного сотрудничества институтов гражданского общества.

По данным проведенного исследования за период с 2017 по 2025 г. ФПГ поддержал 196 проектов, направленных на евразийскую интеграцию. Следует отметить территориальную и институциональную асимметрию с концентрацией проектов в Москве (около 70%) и меньшим участием регионов. Происходит постепенная смена дискурса – переход от термина «постсоветское пространство» к «новым государствам Евразии» и «евразийскому пространству». Наблюдается также и смещение акцента с традиционных партнеров из Центральной Азии к ключевым игрокам Большой Евразии, таким как Китай и Индия.

Наиболее распространенными являются проекты, связанные с культурным и образовательным сотрудничеством, популяризацией русского языка, молодежной мобильностью, сохранением исторической памяти и противодействием фальсификации истории. Наблюдается высокая степень повторяемости получателей грантов, что приводит к формированию системы «якорных» исполнителей и централизованной модели выработки евразийской повестки. Недостатками проектов общественной дипломатии являются отсутствие преемственности и значительных социальных изменений, а также кратковременный характер реализации.

В целом, евразийская интеграция как многогранный процесс, в котором гуманитарное сотрудничество, реализуемое в том числе через проекты общественной дипломатии, играет важную роль в формировании общего культурного и ценностного пространства, способствуя углублению связей и укреплению взаимопонимания между государствами Евразии.

Шлыкова Д.Н.
(Москва, РУДН)

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ

Прогресс в технологии и коммуникации, процессы глобализации качественно трансформируют общественный уклад, формируя многомерную систему экономических, культурных и социальных взаимосвязей. В этих условиях политическое пространство становится ареной радикальной поляризации, а социальные конфликты приобретают новые, зачастую латентные формы. Согласно З. Бауману, современность

характеризуется переходом от «твердых» (стабильных, предсказуемых) социальных форм к «текучим» – динамичным, изменчивым и неопределенным.

В условиях «текучести» общества, изменения соотношения пространства и времени, структурирование линии социальной конфликтности значительно усложняется. Классическая теория социально-политических размежеваний С. Липсета и С. Роккана имеет ряд ограничений, обусловленных когнитивными рамками современных социальных процессов. Данная теория прежде всего ориентирована на западные общества и национальное государство. Также в рамках данной концепции ключевым актором политизации социальной конфликтности являются политические партии, в то время как в реальности спектр политических акторов значительно расширился. В «текучем» обществе индивиды вынуждены самостоятельно конструировать свою идентичность и нормы в отсутствие универсальных ориентиров, а сложная система идентичностей индивида не позволяет нам отнести его к конкретной формально определенной общности. Более того, современность определяется качественным переходом к новому типу общественного уклада, а значит, мы можем говорить о формировании новых линий размежеваний.

Актуализируя данную теорию, мы предлагаем трехэтапную модель формирования социально-политического размежевания, ключевым элементом которой являются коллективные практики как фактор и индикатор размежевания:

1. Объективные социальные разделения. Экономические, профессиональные, культурные, территориальные различия, создающие потенциальную основу для конфликта.

2. Формирование социальной общности. Этот этап включает четыре взаимосвязанных процесса:

– идентификация: осознание индивидами общих черт, интересов, принадлежности к группе;

– признание: внешняя атрибуция, определение группы другими акторами;

– оппозиция: символическое и практическое противопоставление «своих» и «чужих»;

– коллективные практики: ключевой элемент – устойчивые формы совместной деятельности, которые материализуют групповую идентичность, укрепляют внутренние связи и визуализируют границы группы.

3. Формализация группы в политическом пространстве. Институционализация группы, артикуляция ее интересов и требований, формирование представительства (через партии, движения, лобби).

Коллективные практики – это не только отражение существующего размежевания, но и активный фактор его создания и воспроизводства. В терминах Баумана они являются своего рода «островами стабильности» в «текучей современности», способами создания временных и ситуативных единств в условиях фрагментации. Коллективные практики формируют общие практические цели для группы – как краткосрочные внутри ситуации, так и долгосрочные. Также в процессе совместной деятельности неизбежно формируются новые связи и иерархии внутри группы, что также способствует ее укреплению. Совместный эмоциональный опыт, сопровождающий коллективную деятельность, также способствует сплочению группы. Вместе с этим в рамках совместной деятельности происходит производство и закрепление символического ряда, маркирующего групповую принадлежность.

Коллективные практики могут иметь как четко выраженный политический окрас (акции, протесты), так и скрытый (волонтерская деятельность). Мобилизация общности на практическую совместную деятельность политическими акторами (сбор подписей за кандидата) или как самоорганизованная реакция на чрезвычайное событие (экологическое бедствие, социальные кризис) оформляют группы людей со схожими ценностями и социальными характеристиками в самостоятельный субъект.

Отдельно отметим, что особое значение в современную эпоху приобретают новые цифровые коллективные практики (совместный постинг, хештег-активизм, координация через мессенджеры и онлайн-игры), которые создают транснациональные сообщества и новые линии политической конфронтации.

Таким образом, коллективные практики предлагается рассматривать как центральный элемент процесса конструирования социально-политических размежеваний в условиях «текучей современности». Смещение фокуса с анализа структурных расколов на процесс их постоянного воспроизводства и переопределения через практики и введение коллективных практик в качестве ключевой переменной, выступающей одновременно как фактор формирования и индикатор зарождающихся размежеваний, позволяет выявлять латентные, еще не артикулированные в политическом пространстве размежевания и анализировать механизмы их потенциальной политизации. Предложенная модель открывает возможности для эмпирической верификации через анализ кейсов как онлайн– (например, хештег-активизм вокруг климатической повестки), так и офлайн-практик (волонтерские сообщества в условиях кризиса).

Шпагин С.А.
(Томск, НИ ТГУ)

ДИНАМИКА СТРУКТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Хотя анализ участия партий в региональных выборах давно стал неотъемлемой частью электоральных исследований, он почти не затрагивает вопросы структуры партийных систем в регионах. Изучение этого аспекта открывает широкие возможности для моделирования – как политических процессов в регионах, так и самих региональных партийных систем. Методологической основой такого изучения должно стать представление о любой партийной системе как многоуровневой и динамичной. Наряду с парламентским ядром в ней всегда присутствует электоральная периферия, т. е. множество непарламентских партий, участвующих в выборах. Взаимодействие партий разных уровней друг с другом, органами власти и избирателями приводит к тому, что партии перемещаются с одного уровня на другой, придавая динамику всей системе. Соответственно, образующиеся в результате структурные модели партийных систем отличаются друг от друга не только составом, но и количеством партий на разных уровнях. Это же наблюдение справедливо и для моделирования партийных систем в регионах.

На основе анализа результатов выборов в законодательные собрания одних и тех же субъектов Российской Федерации в 2014, 2019 и 2024 гг. можно эмпирически выделить следующие модели партийных систем в регионах. Первая модель была первоначально реализована в Крыму, Тыве и Севастополе, где в состав региональных парламентов прошло всего по две партии, а подавляющее большинство осталось на периферии. При этом доминирующее положение «Единой России» в региональных парламентах не оставляло никаких сомнений в том, какая политическая сила контролирует законодательную власть. Относительное большинство региональных партийных систем относилось тогда ко второй модели, при которой в законодательном собрании присутствовало три партии и более, но периферия была заметно больше. По третьей модели первоначально формировались партийные системы Кабардино-Балкарии (КБР) и Тульской области: там парламентских партий насчитывалось больше, чем непарламентских. На-

конец, в Карачаево-Черкесии (КЧР) в 2014 г. сложилась четвертая модель, где в силу жесткого регистрационного отбора в выборах участвовало всего пять партий, зато все они прошли в парламент, т. е. периферийный уровень отсутствовал.

По итогам региональных выборов 2019 г. первая структурная модель сохранилась в Тыве; к ней же фактически перешел Татарстан, где в Госсовете номинально были представлены пять партий, однако три из них – одним депутатом, избранным в одномандатном округе. Вторая модель повторно реализовалась в Республике Алтай, Хабаровском крае и Брянской области; к ней же перешел и Крым. Третья модель воспроизвела себя в КБР и Тульской области, к которым теперь присоединились Республика Марий Эл, Москва и Севастополь. Вслед за КЧР к четвертой модели перешла Волгоградская область.

Выборы в законодательные собрания в 2024 г. привели к новой волне изменений в партийных системах регионов. Теперь первая структурная модель больше не встречается ни в одном из них. Вторая модель сохранилась только в Крыму и Марий Эл. Четвертая (беспериферийная) модель повторилась в КЧР и Волгоградской области, к которым присоединился Татарстан. Остальные региональные партийные системы можно отнести к третьей модели.

Названные изменения стали во многом отражением процесса сжатия партийной системы России в целом, который проецируется и на регионы. Если в 2014 г. в выборах принимало участие в среднем 9,6 партий на регион, то в 2019 г. – уже 8, а в 2024 г. – 6,5. Сокращение общего числа политических партий, которое продолжается с середины 2010-х гг., прежде всего ударило по непарламентским партиям. Неудивительно, что такое сокращение периферии партийных систем в регионах привело к исчезновению в них первой модели и заметному снижению популярности второй.

Обращает на себя внимание относительная устойчивость структурных моделей партийных систем в одних регионах при довольно существенных переменах в других. В частности, очевидна устойчивость модели с многопартийным законодательным органом и малой периферией в КБР и Тульской области, а также беспериферийной модели – в КЧР. В то же время показатели и модели партийной системы в республиках Алтай и Марий Эл, а также в Севастополе демонстрируют довольно резкие изменения. Очевидно, что процесс институционализации партийных систем в этих последних регионах еще далек от своего завершения.

Шпиро Л.А.
(Краснодар, КубГУ)

ПРОЕКТЫ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В РАЗВИТИИ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Применение проектного подхода в развитии российского села обусловлено национальными целями развития Российской Федерации, определяемыми Президентом России В.В. Путиным. На современном этапе сформирована многоуровневая система проектной деятельности, в том числе включающая уровень муниципальных образований городской и сельской специфики. Российские ученые отмечают, что в политике развития сельских территорий актуализируется потенциал негосударственных

субъектов, тесно связанных с местными сообществами (И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова и др.), которые в том числе являются субъектами реализации проектов инициативного бюджетирования, проектов в рамках социального проектирования (в том числе грантовых), региональных проектов (направленных на достижение целей национальных проектов), отдельных инициатив граждан, бизнеса и социально ориентированных некоммерческих организаций.

Проекты инициативного бюджетирования – распространенная практика в городских и сельских сообществах Краснодарского края, которая отражается в инициативах граждан по решению вопросов местного значения при поддержке местных властей. Такие волеизъявления граждан направлены на совершенствование деятельности органов местного самоуправления, развитие территории проживания в части инфраструктуры, экологической обстановки, социально-психологического климата.

Согласно статистическим данным, представленным на портале «Мои финансы», Краснодарский край выступает одним из регионов-лидеров муниципальных практик в 2023 г. (шесть практик по сравнению с четырьмя практиками в 2020 г.). Кроме того, два крупнейших муниципальных образования Краснодарского края (г. Сочи и г. Новороссийск) являются лидерами по объему бюджетных расходов на поддержку инициативных проектов (2,172 млрд руб. – г. Сочи; 1 млрд руб. – г. Новороссийск).

В разрезе Краснодарского края региональный конкурс проектов инициативного бюджетирования при поддержке губернатора проводится с 2020 г. (550 заявок, из которых финансирование выделено на 164 проекта). В 2025 г. на реализацию проектов в сфере благоустройства (детские площадки, парки, зоны для занятий спортом и отдыха, памятники и др.) выделено 1 млрд рублей. Важно, что объекты для благоустройства и дизайн-проекты определяются гражданами в рамках своей территории проживания, что отражает их субъектную позицию.

Среди сельских поселений Краснодарского края активным участником конкурса проектных инициатив выступают, например, сельские поселения Тихорецкого района: Архангельское, Братское, Парковское, Фастовецкое, Юго-Северное (по итогам 2024 г.). Реализуемые проекты связаны с патриотическим воспитанием, благоустройством территорий (мест для отдыха граждан), инфраструктурным развитием (созданием пространств для развития молодежи, в том числе досуговых и спортивных). Важно, что преимуществом конкурса проектов инициативного бюджетирования является упрощенный механизм в получении финансирования на благоустройство территорий (отсутствие проектной сметной документации, государственной экспертизы, являющейся затратной с точки зрения финансовой составляющей).

Таким образом, реализация проектов инициативного бюджетирования позволяет активизировать ресурсы инициативных граждан для вовлечения их в проекты развития городских и сельских территорий, в том числе направленных на формирование практик солидарности и снижение практик конфликтности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности», https://rscf.ru/project/24-18-20079/

Шрамко Я.В.
(Москва, РУДН)

ДИХОТОМИЯ «РОССИЯ – ЕВРОПА» В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

В сложившейся международной ситуации страны Европы проявляют пренебрежительное отношение к России в очень многих вопросах, включая ценности. Однако на практике это оказалось малоэффективным. Россия, как показывает опыт, является важной составляющей международного сотрудничества, и, как следствие, оказывает определенное влияние на политику данных стран.

В связи с этим представляет интерес изучение вопроса причин самой ситуации, когда Россия стала фактором, влияющим на политику стран, а также обнаружение данного влияния в международной повестке. Важно уточнить, что в данной работе под постсоциалистической Европой подразумеваются страны, бывшие в составе СССР или социалистического блока, в данный момент либо находящиеся в составе Европейского Союза (напр., Литва, Чехия), либо проявившие явное желание вступить в объединение (Украина, Молдова).

В первую очередь следует сделать акцент на политике памяти в странах постсоциалистической Европы. Так, правящие элиты многих из них называют СССР источником собственного угнетения и на основании культивируемого ресентимента пытаются построить свою идентичность и ценностные аспекты. В доказательство этого можно привести выдержку из заявления президентов Литвы, Латвии и Эстонии в связи с 75-летием окончания Второй мировой войны: «Вместо этого на смену одного тоталитарного режима пришел другой, когда балтийские страны были цинично включены в состав Советского Союза...».

Отражение этого аспекта можно найти и в словах посла Молдовы в Румынии: «Румынская идентичность означает европейскую идентичность, это возвращение к истине и близость к нашей истинной культуре, к нашему миру, румынской и европейской цивилизации. Россию это беспокоит, потому что мы отказываемся от имперского балласта СССР, который навязал ложное название молдавского языка, от вмешательства в наши внутренние дела». В данном представлении «большое российское общество» угнетает молдавское, заменяет и уничтожает его культуру, ценности и язык, тем самым вызывая чувство «ресентимента».

Такая роль России в формировании идентичности стран определила важность ее образа в политике стран. Противопоставление Европы и России привело к формированию соответствующей дихотомии, и резкие действия государств Европы, направленные на внутренние дела этих стран, показали, что в данной системе координат движение возможно не только в сторону Западного мира.

Однако данная дихотомия перестала работать в феврале 2022 г. в связи с началом СВО. И этому также является отражением упомянутой политики памяти данных стран: события на Украине, интерпретируемые на Западе как «империалистская война России», нашли отклик в продвигаемом властями данных стран образе России. В качестве примера можно взять высказывания главы МИД Чешской Республики Яна Липавского, определившего путинизм как «смесь империализма, основанн[ую] на российской и советской колониальной истории, с отсылками к православному мистицизму, основанн[ую] на методах КГБ и петербургской мафии». Также он отметил,

что в прошлом «принцип свободного человека пытались уничтожить нацизм, коммунизм и другие тоталитарные режимы, теперь это путинизм». Данный пример довольно показателен, поскольку, с одной стороны, содержит обращение к истории, в рамках которой вышеупомянутые страны представляют себя «угнетенной Советским Союзом колонией», а с другой – проводит параллель с настоящим.

Данный аспект в некоторой степени проясняет политику постсоветских стран в отношении России, после начала противостояния более радикальную, чем у иных стран Запада. Власти данных стран оказались заложниками ситуации, в которой, с одной стороны, собственная историческая пропаганда, а с другой – пропаганда стран Запада создает впечатление повторения угрозы тех событий, что осложняется их географической близостью с Россией.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Россия как фактор политики постсоветских стран Европы возникает прежде всего по причине отводимой ей роли в политике идентичности и в формировании исторического дискурса упомянутых стран. Результатом стало формирование дихотомии «Россия – Европа», в рамках которой данные страны в зависимости от своих целей смещали ориентиры и приоритеты. Однако с февраля 2022 г. с учетом сопоставимости трактовок истории и реальности эти страны прекратили движение по данной оси, заняв позицию «борцов с российским империализмом». В результате Россия как фактор внешней политики в настоящий момент влияет на радикализацию позиций этих стран.

Шулепова Д.П.
(Луганск, ЛГПУ)

ДОКТРИНА ЕВРАЗИЙСТВА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Глобальный кризис либеральной модели мироустройства, рост геополитической напряженности, санкционное давление на Россию и проведение специальной военной операции с 2022 г. подчеркивают необходимость разработки альтернативных интеграционных проектов. В этом контексте евразийская доктрина, основанная на принципах многополярности, цивилизационной уникальности России и построения самостоятельного геополитического пространства, становится важным инструментом формирования внешнеполитической стратегии.

Теоретическое осмысление евразийства демонстрирует, что эта концепция формировалась как реакция на вызовы цивилизационной самоидентификации России. Однако для понимания ее реальной значимости важно проанализировать, каким образом эти идеи были восприняты и частично реализованы в государственной политике.

Целью работы является всестороннее осмысление евразийства как идеологической доктрины и одного из инструментов внешней политики России.

Идейные корни евразийства восходят к дискуссиям между славянофилами и западниками, а в более системном виде оно оформилось в работах мыслителей первой волны эмиграции. Центральной стала идея России как «Срединной земли» – культурно-геополитического пространства, сочетающего черты Востока и Запада. Ключевыми категориями стали идеократия, многополярность, культурный плюрализм и цивилизационная миссия России. Евразийцы стремились не только к созданию альтернативной философии истории, но и к обоснованию внутренней и внешней по-

литики, сообразной цивилизационной специфике России.

Анализ современных трактовок евразийства (в частности, у М. Ларюэль) демонстрирует, что в XXI в. оно трансформируется в неоевразийство – политико-идентификационный проект, адаптирующий исторические концепты к реалиям глобальной политики и международных отношений. Выявлено, что евразийство совмещает культурную глубину и прагматизм, предлагая модель взаимодействия в условиях кризиса либеральной глобализации.

Советская многовекторность и стремление к влиянию в Центральной Азии, на Кавказе и в Восточной Европе согласуются с доктриной сохранения единства евразийского пространства. Эти черты не были осознанным воплощением евразийства, но отражали цивилизационную специфику России даже в условиях коммунистической идеологии.

С переходом к постсоветскому этапу евразийство обрело формулу неоевразийства – политической идеологии, претендующей на роль внешнеполитической доктрины. Оно стало инструментом ответа на кризис идентичности после распада СССР, особенно актуализировавшись после 2014 г. как символический и стратегический ресурс самоутверждения.

Неоевразийство предлагает не только геополитическое обоснование лидерства, но и духовно-культурное наполнение на основе традиционализма и преемственности.

Следующая ипостась неоевразийства – современное институциональное проявление, прежде всего в рамках ЕАЭС. Здесь евразийство выступает не только как идеология, но и как основа стратегии внешнеполитического позиционирования. Основное внимание уделено реализации принципов многополярности, суверенитета и сближения в институтах международного взаимодействия.

Роль ЕАЭС рассмотрена как роль флагманского проекта евразийской интеграции. Показано, что его формирование отражает стремление России к укреплению влияния и созданию альтернативных центров силы. Теоретические установки евразийства прослеживаются в идеологии «общей судьбы», признании многообразия и уважении суверенитета.

Сегодня дискурс неоевразийства активно используется и в официальной риторике: от акцентов на суверенитет до продвижения «русского мира» и интеграционных инициатив. Вместе с тем перед ним стоят и определенные вызовы – идеологическая неоднородность, элитарность дискурса и сложности имплементации.

Таким образом, евразийство выступает как идеологическая рамка и инструмент внешней политики, отражающий стремление к формированию цивилизационной альтернативы. Его актуальность обусловлена необходимостью укрепления суверенитета, расширения влияния и поиска устойчивых моделей развития. В условиях санкционного давления и ограничений внешней среды евразийская концепция может способствовать усилению региональной субъектности и формированию альтернативного нарратива. Более того, сравнение евразийской доктрины с альтернативными моделями позволяет глубже понять природу международной конкуренции и роль идеологических конструктов в формировании баланса сил.

Будущее евразийства зависит от способности внешнеполитической и интеллектуальной элиты сформировать сбалансированную, институционально оформленную и содержательно убедительную концепцию, сочетающую идеологические и прикладные элементы. В ее основе должны находиться образовательные, информационные и культурные инициативы, формирующие устойчивую систему символов и ценностей.

Евразийство может рассматриваться не только как инструмент внешней политики, но и как потенциальная идеология развития. Для реализации этого потенциала необходимы междисциплинарный подход, политическая воля и согласованные усилия государства, академического сообщества и гражданского сектора.

Шумилова О.Е.
(Тула, ТулГУ)

ЦЕННОСТНЫЙ КОНТУР МАТРИЦЫ ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА ГРЯДУЩЕГО (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ КЕЙСОВ)

В современных условиях образ будущего становится существенным фактором интеграции общества. Являясь составной частью символического капитала культуры, образ будущего страны обладает реальной властью, поскольку основан на коллективном признании, содействует формированию идентичности, наделяет инструментами влияния. Детализированный, однозначно интерпретированный, он способствует формированию чувства уверенности в завтрашнем дне, защищенности, расширяет спектр выбора адекватной жизненной стратегии, легитимизирует государственное управление. Вместе с тем, обладая сложным, многоуровневым характером, обусловленным неоднородностью его структуры, противоречивой взаимосвязью его составляющих, различием эффектов влияния, производимых разными видами повестки дня в дифференцированных условиях среды, образ будущего может играть неоднозначную роль в воспроизводстве и развитии интеграционного потенциала социально-политической системы.

Согласно нормативной теории единства общества, социальная интеграция обусловлена солидаризацией на основе совместных ценностей или «моральных чувств». В целом можно констатировать единство общества в случае преодоления противоречий на различных уровнях в большинстве социальных ситуаций через обращение к совместным представлениям. При этом последние должны быть однозначно сформированы и достаточно обобщены.

С целью определения ценностного контура матрицы восприятия образа будущего обратимся к результатам комплексного исследования «Образ будущего России как фактор социокультурной интеграции общества в условиях неопределенности», реализованного в 2023–2024 гг. на базе Лаборатории социально-политических исследований Тульского государственного университета (Государственное задание № FEWG-2023-0004). Авторским коллективом проанализированы региональные кейсы Центрального и Южного федеральных округов (выбор обусловлен как культурными различиями, так и геополитическим статусом).

На основе результатов исследования в ассоциативном ряду, связанном с восприятием образа будущего России, условно выделены следующие блоки: «ценностная система», «внешняя политика», «социальная сфера», «инновации», «властные отношения», «экономика», «инфраструктура», «развитие вооружения», «экология», «космос». При этом чаще всего грядущее рассматривается в контексте ценностной системы: около трети ассоциаций имеют аксиологическую основу. И хотя наблюдается достаточно значительный разброс позиций, можно выделить несколько узловых точек («традиции», «сила», «возможности», «мир», «толерантность», «развитие»). Именно они выступают базисом очертания ценностного контура матрицы восприятия образа будущего. Отмечено, что ассоциации, находящиеся в периферийной части списка, имеют более абстрактный характер и могут быть отнесены к любой из узловых позиций. Например, «безопасность» может быть отнесена к «силе», «возможностям», «миру», в зависимости от контекста.

Результаты исследования показали определенные расхождения в ценностных маркерах восприятия образа идеального будущего как между возрастными когортами, так и между представителями разных округов. Если для жителей ЮФО в большей

степени характерно внимание к масштабным параметрам формирования образа, определение России в качестве великой державы, существенное внимание к прошлому среди предикторов и акцент на способах достижения идеального образа, то для граждан ЦФО типично обращение к повседневным проблемам при определении параметров будущего, нежелание обсуждать негативное, недостаточное внимание к событиям прошлого. Наблюдаются разновекторные тенденции ценностных ориентаций относительно грядущего при переходе в следующую возрастную группу: для ЦФО характерен рост оптимизма, ЮФО – пессимизма. Вместе с тем, выявлены общие характеристики, присущие процессу формирования образа будущего: стереотипизация образа, сохранение ориентации на негативный консенсус, расширение пула узловых точек консолидации взглядов в старших возрастных группах.

То есть при наличии позитивного вектора восприятия будущего страны преждевременно говорить о системности и целостности видения перспектив развития России. Имеют место разрывы между представлениями о грядущем среди различных сегментов общества. То есть среди предикторов ценностного контура матрицы восприятия грядущего ключевое значение имеют наличие социального опыта, статусные характеристики, социокультурные особенности региона.

Шуруб М.К.
(Саратов, СГУ имени Н.Г. Чернышевского)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ НА РОССИЙСКИЙ СПОРТ

Начиная с 2014 г. российский спорт высших достижений испытывает беспрецедентное по своим формам и интенсивности давление со стороны международных спортивных структур и организаций. Конечно же, попытки осуществления внешнего, обусловленного преимущественно политическими причинами вмешательства в данную сферу неоднократно предпринимались и раньше, однако никогда прежде это воздействие не приводило фактически к полному исключению отечественных атлетов из системы крупнейших международных состязаний на срок длительностью в несколько олимпийских циклов подряд.

Все то обилие введенных против российских атлетов ограничений и рестрикций считаем возможным условно разделить на две группы. Первую из них составляют наказания за допинговые нарушения, имевшие место до, в ходе и после Олимпиады в Сочи в 2014 г., а вторую – рестрикции, наложенные сразу после начала специальной военной операции России на Украине.

Нужно отметить, что в отношении юридической обоснованности введенных против России санкций возникают определенные сомнения. Отдельные ученые вполне справедливо, на наш взгляд, усматривают в них серьезные нарушения правовых норм. Так или иначе, нам представляется очевидным, что обе волны санкций были продиктованы именно политическими мотивами. Даже если оставить за скобками вопрос об обоснованности выводов, сделанных в докладах Р. Паунда, Р. Макларена и иных лиц, занимавшихся расследованием якобы имевших место системных допинговых злоупотреблений в российском спорте, применявшийся принцип коллективной ответственности, когда за нарушения отдельно взятых атлетов отвечали представители всей команды по конкретному виду спорта или же всей олимпийской сборной страны, в данном слу-

чае явно неуместен. По крайней мере, в отношении других стран, спортсмены которых также уличались в использовании запрещенных медицинских препаратов, подобные коллективные санкции никогда не применялись.

Еще более ярко выраженным является политический подтекст ограничений, наложенных на российский спорт после начала специальной военной операции. Согласно пункту 6.1 главы Первой олимпийской хартии, «Олимпийские игры – это соревнования в индивидуальных или командных видах спорта среди спортсменов, но не среди стран...». В этом смысле трудно не согласиться с С.Б. Репкиным и В.М. Разувановым, считающими, что «... любые санкции, накладываемые на государства, вне зависимости от их источника и юрисдикции, не могут распространяться на спортсменов, поскольку не государства, а спортсмены и соответствующие общественные объединения (создаваемые или признаваемые МОК) обладают субъектностью в контексте олимпийского движения».

Наконец, даже формальный повод для введения второй группы санкций против российских и белорусских спортсменов – нарушение олимпийского перемирия – также не выдерживает никакой критики в том смысле, что прежде за аналогичные действия никакие ограничения никогда не вводились. Напомним, что правило олимпийского перемирия было закреплено в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН №48/11 от 25 октября 1993 г., в которой содержался призыв к государствам соблюдать прекращение огня в течение всего срока проведения Олимпийских игр, а также в течение семи дней до и семи дней после них. Однако в новейшей истории мира можно найти целый ряд примеров, когда олимпийское перемирие нарушалось, но государства-нарушители (и уж тем более – представляющие их спортсмены) не несли за это никакой ответственности.

Таким образом, политика двойных стандартов, проводимая МОК, дает нам основания для того, чтобы разделить мнение не только российских, но и отдельных зарубежных ученых, полагающих, что Олимпийские игры используются влиятельными государствами в том числе для продвижения собственных политических, экономических и идеологических интересов и для ведения борьбы против своих геополитических оппонентов. К сожалению, в данном случае приходится признать, что основные постулаты политического реализма в теории международных отношений вполне могут быть распространены и на сферу спорта, которая изначально (по крайней мере, с момента возрождения олимпийского движения бароном П. де Кубертеном) мыслилась как находящаяся «вне политики».

Щенина О.Г.
(Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА: ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

В сетевом обществе политическая субъектность претерпевает изменения, обусловленные в первую очередь технологическими новшествами. Стремительное развитие технологий связано с открывающимися новыми возможностями для участников политического процесса, возникающими на основе появления инновационных инструментов организации их взаимодействий.

Поскольку изменение политической реальности, в том числе и сетевой политической реальности, априори связано с триадой «человек – технологии – общество», то

следует обратить особое внимание на коммуникативную и коммуникационную сторону этих процессов. Так, в сетевом обществе преображаются механизмы и форматы коммуникационных практик, а также их коммуникативные смыслы.

В современном мире модификация политической субъектности происходит под влиянием трансформационных процессов, в том числе и глобальных, которые привносят иное содержание и меняют ее характер. Исследователи этой проблематики обращают внимание на вопросы влияния многообразных факторов на политическую субъектность, множественность и сложность трактовок концепта политической субъектности в различных областях социально-гуманитарного знания.

Вопросы политической субъектности требуют переосмысления как в связи с изменением внешней среды в процессе становления сетевого общества, так и в связи с переформатированием «субъект-объектных» и «субъект-субъектных» отношений в сетях.

Политическая повестка сетевого общества определяется в том числе и на основе сетевых коммуникаций субъектов политических отношений. В цифровом, сетевом обществе новые форматы коммуникаций как взаимодействия между субъектами политических отношений осуществляются в виртуальной среде на основе сетевых коммуникаций.

Коммуникативная сторона отношений политических субъектов играет все большую роль в современном мире – креативность их мышления, нестандартные подходы к решению проблем позволяют быстро изменить социально-политическую среду. Таким образом, насущными вопросами дальнейшего развития общества становятся требования к расширению спектра компетенций человека для его самоидентификации (в том числе и в сетях) и организации жизнедеятельности в непрерывно изменяющейся внешней среде.

На повестке дня общества в целом востребованы компетенции человека, связанные с креативностью, критическим мышлением, готовностью к обучению и др. (такие, например, как нейрограмотность – умение применять нейросети в процессе жизнедеятельности во многих областях: профессиональной, бытовой и других сферах).

Современный человек должен уметь выстраивать эффективные коммуникации с использованием новых цифровых (и не только) инструментов, число которых постоянно множится.

Следует подчеркнуть, что одной из важнейших функций социальной архитектуры становится выстраивание эффективных коммуникационных стратегий, которые будут затрагивать разные области жизни общества, и на их основе могут формироваться новые экосистемы общества. Они будут представлять собой некий синтез в контексте социально ориентированных «технологий – коммуникаций – общества». Ориентированность на человека – еще одна важнейшая функция социальной архитектуры.

Применение социальной архитектуры в эпоху перемен как одного из инновационных подходов к реализации социальных изменений и преобразования внешней среды помогает выбирать оптимальные пути развития и достижения социально значимых целей.

Ключевыми составляющими социальной архитектуры являются практикоориентированность, направленность на человека и социальная значимость реализуемых проектов.

На ПМЭФ-2025 обсуждалась тематика социальной архитектуры в рамках сессии «Социальная архитектура: практики взаимодействия власти, бизнеса и граждан для решения общественно значимых задач».

Эксперты подчеркивают значимость развития социальной архитектуры как одного из важных направлений, целью которого является реализация социальных проектов. Это, например, национальные проекты «Семья», «Кадры», «Экономика данных и цифровая трансформация государства», «Молодежь и дети», «Продолжительная и активная жизнь» и многие другие, которые направлены на улучшение качества жизни социальных групп и общества в целом.

Таким образом, формируется общественный запрос на специалистов в области социальной инженерии, то есть профессионалов в создании инновационных механизмов и практик взаимодействия между гражданами, социальными группами, государством и обществом.

Для политических субъектов в условиях кризиса актуализируется умение выстраивать разнонаправленные горизонтальные и вертикальные связи и отношения с представителями органов государственной власти, бизнес-сообщества, гражданского общества. В современном обществе специалисты фиксируют возрастание уровня социальной ответственности у политических субъектов за принятие эффективных решений.

Новые условия общественного развития требуют применения новых подходов для достижения целей развития, отсюда и возрастание востребованности формирования новых качеств политических субъектов. Свидетельством этому является «Конкурс социальных архитекторов», объявленный ЭИСИ в 2025 г.

Политическая субъектность в сетевом обществе может рассматриваться и в ракурсе связи с социальной архитектурой, применение которой как одного из актуальных управленческих подходов позволяет через реализацию социально-значимых проектов достигать целей общественного развития.

Щербаков И.М.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ НЕООСМАНИСТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI В.

Важной стороной рассмотрения влияния неоосманистской цивилизационной идентичности (неоосманизма) Турции во внешней политике этого государства в первой четверти XXI в. является анализ отдельных измерений данного влияния в локальном и глобальном деятельностно-геополитическом компонентах. Эти компоненты позволят уточнить характер оказываемого воздействия идей и ценностей неоосманизма на те практические меры в области внешней политики, которые предпринимают политические элиты Турецкой Республики в первой четверти XXI в. Для операционализации упомянутого влияния в качестве измерения берутся международные инициативы Турции. Необходимо говорить, что в рамках обозначенной темы анализируются те инициативы, которые приходятся на период 2010-х – первой половине 2020-х гг.

Кратко охарактеризуем идейно-ценностные основания неоосманистской цивилизационной идентичности Турции. Фундамент данной идентичности во внешней политике страны следует рассматривать с точки зрения сочетания кемалистского, пантюркистского и панисламистского оснований. Наличие идей кемализма в неоосманизме Турции раскрыл турецкий исследователь О. Ташпинар, утверждающий, что политические элиты Турции, несмотря на обращение к ценностям соотнесения себя с имперским периодом истории, тем не менее включают также кемалистские идеи, базирующиеся на укреплении роли государства в международных отношениях («турецкий голлизм») (Taşpxnar .... Turkey's strategic vision and Syria // Washington quarterly. – Washington D.C., 2012. – Vol. 35. – № 3. P. 128–133). Пантюркистское основание неоосманизма Турции опирается на идею Турана – мифическую историческую область проживания тюркских этносов

на всем ареале их распространения от Байкала до Балкан. По мысли российского исследователя В.А. Аваткова, идея Турана в практическом плане ориентирована на всестороннюю поддержку турецкими элитами тюркских народов, исповедующих ислам (Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. – 2014. – № 3. С. 75). Панисламистское основание неоосманизма описывает турецкий исследователь М.Х. Явуз, в фундаменте которого лежит «историческая травма», связанная с утратой турецким обществом культурного наследия Османской империи как крупнейшего мусульманского государства (Yavuz M.H. Nostalgia for the Empire: The Politics of Neo-Ottomanism. – Oxford University Press, 2020. – P. 13).

Что касается практики международных инициатив, то в локальном деятельностно-геополитическом компоненте неоосманизма Турции к влиянию кемалистского основания следует отнести активность турецкой стороны в европейских международных институтах – Совете Европы (СЕ), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), а также в функционирующем и по сей день Таможенном союзе Турции и Евросоюза. В случае влияния пантюркистского основания неоосманизма необходимо говорить об участии Турецкой Республики в работе Организации тюркских государств (ОТГ) и реализации планов по укреплению статуса последней в качестве полноценного актора в современных международных процессах. Влияние панисламистского основания на международные инициативы Турции иллюстрируется на примере деятельности турецкой стороны в Организации исламского сотрудничества и партнерских с нею институтах. В рамках влияния глобального деятельностно-геополитического компонента неоосманизма следует обратить внимание на активность Турции в глобальных международных институтах (в том числе Организации Объединенных Наций (ООН)) по линии защиты Палестины от израильской агрессии в Секторе Газа. Данная активность, объединяющая в себе множество отдельных международных инициатив Турции, совмещает в себе функционирование всех трех упомянутых оснований неоосманизма, и, как следствие, идет в русле концепции «Век Турции». Эта концепция опирается на идею приобретения турецкой стороной статуса глобальной державы в международных отношениях.

Таким образом, международные инициативы Турции, несмотря на усилия турецких политиков по приобретению собственным государством глобального лидерства в международных процессах, ориентированы на укрепление роли своей страны на территориях тех государств, которые некогда входили в состав Османской империи, а также в странах, которые уместно относить к сообществу «Глобального Юга».

Щербинина Н.Г., Аванесова Е.Г.
(Томск, НИ ТГУ)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СЕГОДНЯШНЕЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

В отечественной политологии образовался консенсус в понимании политической коммуникации как специфически выраженных политических смыслов в символических обменных формах. При этом акцентируется властное воздействие доминирующего актора в ходе организации им информационного процесса. Это свидетельствует о том, что семиотический подход к политической коммуникации является определяющим. Дру-

гими базовыми категориями подхода выступают «понимание» (применение интерпретативной рамки) и «интерсубъективность» (способ достижения смысла в акте коммуникации). В таком понимании производство смысла приобретает вид однонаправленного процесса, осуществляемого с помощью передачи «текстов», сообщений, обладающих знаково-политической целостностью.

В сегодняшней коммуникативной ситуации под массовой политической коммуникацией подразумевается интерактивный формат обмена, противоречащий прежнему представлению о заданности смыслового посыла отправителем. Речь теперь идет о взаимодействии и взаимовлиянии в процессе общения. Такого рода точка зрения предполагает, что в качестве реакции на сообщение должно следовать ответное сообщение, выражающее политический смысл. Формат общения меняет статус реципиента на статус пользователя, активно участвующего в процессе посыла сообщений. Под «сообщением» в рассматриваемом контексте понимается коммуникативная форма, содержащая информацию, подразумевающую политический смысл. Предполагается, что именно в интерактиве и происходит обмен такого рода сообщениями. Однако возникает вопрос, какая именно интерактивная форма содержит смыслонесущую обратную связь. Такие распространенные коммуникативные действия, как «лайк» и «пересылка», относятся к простым реакциям. Будучи актами обратной связи, они не являются, по сути, авторскими «сообщениями», знаковой системой, передающей политический смысл. Тем самым они не могут считаться подлинной смыслонесущей обратной связью.

Именно интерактивная коммуникация сегодня приобрела массовый характер, являясь преимущественно сетевой политической коммуникацией многих со многими. По мнению М. Кастельса, она самостоятельно создается и направляется отправителем/получателем. Этот новый субъект интерпретирует посланное сообщение, включает собственный код во взаимодействие с кодом сообщения и затем согласовывает смысл в качестве отправителя. Таким образом, смысл производится интерактивно, полагает Кастельс. Однако мы не можем согласиться с мнением Кастельса. Для прояснения нашей позиции обратимся к научному языку семиотики. С точки зрения применения схемы двух моделей, согласно которым происходит коммуникация в контексте культуры, «массовая самокоммуникация» (по Кастельсу) на практике возможна лишь при применении модели «автокоммуникации». Именно в формате автокоммуникации, согласно Ю.М. Лотману, вводится добавочный код и исходное сообщение перекодируется. Происходит переформулирование сообщения, которое приобретает иной смысл и черты нового сообщения. Примечательно, что при указанной трансформации конфигурация коммуникативного акта (сообщение 1 – сообщение 2) носит линейный характер. И выходит, что в сегодняшнем интерактивном процессе общения многих со многими, индивид посылает себе сообщение по-прежнему линейно, перестраивая при этом свой внутренний смысловой мир. Тем самым очевидно, что именно семиотическая трактовка не согласуется с выводом Кастельса об интерактивном характере производства смысла. Таким образом, интерактивная форма коммуникативного контакта не приводит к интерактивному же способу производства смысла. Все общаются со всеми, но смысл производится по-старому, как это было выработано многолетней культурной практикой.

Интеракция, какова она есть сегодня, состоит из двух линейных актов: а) отборе и передаче себе сообщения 1; б) трансформации сообщения 1 в сообщение 2. В ходе указанных однонаправленных коммуникативных актов и рождается новый политический смысл. Возьмем другой аспект современной массовой коммуникации – ее алгоритмически организованный характер. В образуемом «информационном пузыре» информация с заданным пользователем смыслом передается опять же по-старому: сообщение алгоритмически отбирается и посылается самому себе линейно. Перед нами «текст», в котором генерируется смысл, но интеракция при этом отсутствует.

Таким образом, общепринятое в отечественной политологии определение политической коммуникации сохраняет свою релевантность в нынешней коммуникативной ситуации постольку, поскольку оно основано на семиотической трактовке, предполагающей линейный способ производства смысла. В данной связи включение смысловой интеракции в определение понятия политической коммуникации невозможно. Получается, что для совершения действия переосмысливания надо и сегодня принять код из «арсенала» определенной политической культуры, при этом политико-культурный контекст может меняться.

Юдина К.В.
(Волгоград, ВолГУ)

РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТОВ КАК СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Университеты играют ключевую роль в формировании гражданской идентичности, являясь пространствами для формирования ценностей, норм и практик гражданского участия и центрами знаний. Современные вызовы, такие как глобализация, политическая поляризация и технологические изменения, требуют от высшего образования активного участия в воспитании сознательных и ответственных граждан.

В условиях постмодернистского мира, характеризующегося множественностью идентичностей и ценностных ориентиров, университеты становятся важными институтами, способствующими формированию гражданской идентичности. Они предоставляют пространство для критического осмысления политических и социальных процессов, развития навыков гражданского участия и формирования чувства принадлежности к демократическому сообществу. Как отмечают И.Н. Гукова и соавторы, «состояние политического образования в современной России отражает новый этап развития, претерпевая определенные трудности» (Гукова, Бойко, Половнева, 2021). Эта мысль подчеркивает необходимость адаптации образовательных практик к современным вызовам и требованиям.

Современные практики политического образования в университетах включают разнообразные формы и методы, направленные на развитие гражданской идентичности студентов. К таким практикам относятся:

- курсы и программы по гражданскому образованию: специализированные дисциплины, посвященные вопросам гражданской ответственности и правам человека в демократическо-правовом государстве;
- проектное и сервисное обучение: участие студентов в реальных социальных проектах и волонтерской деятельности, что способствует развитию практических навыков и социальной ответственности;
- модели активного обучения: обучение, направленное на развитие критического мышления и навыков аргументации (дебаты, симуляции, ролевые игры);
- студенческое самоуправление и участие в университетской жизни: вовлечение студентов в процессы принятия решений, организацию мероприятий и инициатив, развивающее лидерские качества и чувство ответственности.

Примеры успешной реализации таких практик можно найти в различных университетах мира. Например, в Германии университеты активно внедряют концепцию «Ringvorlesung» – циклов открытых лекций, посвященных актуальным социальным и политическим вопросам, – что способствует формированию у студентов навыков критического осмысления и гражданской ответственности (Lecture series: “Quite extreme! Culture – Power – Language”, 2023).

В США многие университеты активно развивают программы сервисного обучения, где студенты участвуют в социальных проектах, решая реальные проблемы местных сообществ. Такие программы способствуют развитию у студентов практических навыков и чувства социальной ответственности (Houston Community College, 2025).

В России с сентября 2023 г. в большинстве вузов внедрен обязательный курс «Основы российской государственности», охватывающий практически все направления подготовки студентов первых курсов). Программа курса разделена на пять модулей: «Что такое Россия», «Российское государство цивилизация», «Мировоззрение и ценности российской цивилизации», «Политическое устройство» и «Вызовы будущего и развитие страны» (ТАСС, 2023). Курс имеет явно идеологическую направленность: заявлены цели по формированию чувства патриотизма, гражданственности, понимания национальной идентичности и суверенного развития российского государства.

Вместе с этим, несмотря на наличие успешных практик, существуют и вызовы в формировании гражданской идентичности через университетское образование. Одним из таких вызовов является необходимость балансирования между академической свободой и необходимостью формирования определенных ценностных ориентиров у студентов. Кроме того, важно учитывать разнообразие культурных и социальных контекстов, в которых функционируют университеты.

В заключение важно отметить, что университеты играют незаменимую роль в формировании гражданской идентичности, предоставляя студентам возможности для развития критического мышления, социальной ответственности и активного гражданского участия. Современные практики политического образования, такие как сервисное обучение, активные формы обучения и участие в университетской жизни, способствуют формированию у студентов чувства принадлежности к демократическому сообществу и готовности к активному участию в общественной жизни.

Юрченко В.М.
(Краснодар, КубГУ)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ И ЛИДЕРСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МЕРИТОКРАТИЯ

В современном российском обществе все более осознается необходимость интеллектуальной свободы, понимаемой как «деколонизация политологического мышления», то есть освобождение от устаревших, шаблонов и стереотипов политической науки Западного образца. Преодоление и обновление устаревших догматических подходов к анализу политических процессов тем не менее не предполагает переход к каким-либо новым догмам, когда, например, тотально отказавшись от марксизма, либерально-демократическая социально-политическая мысль примкнула к идеям теоретиков «Открытого общества», установив новый догматический диктат в большинстве изданий как учебной, так и научной, особенно периодической, литературы.

Однако классическая общественно-политическая, социально-философская традиция доказывает постулат о том, что общественные науки, как науки о жизни людей и обществ, не могут не быть национальными, вырастающими на национальной исторической почве. По существу, общественные науки всегда должны быть направлены на служение своим странам, своим народам и культурам. В этом направлении развивались историческая школа права, традиционализм, консерватизм. Но претензии либерализма на универсальность в постсоветский период взяли верх, и при этом происходило размывание не только политического, экономического, культурного, но и интеллектуального суверенитета. Если в советский период во главу угла ставилась идеология марксизма (также западное учение), а в постсоветский превалировала новая «догма» – либерально-демократическая, то, как правило, в реальном политико-мировоззренческом поле практически игнорировалось богатство русской политической мысли (Л.А. Тихомиров, Л.И. Петражицкий, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Е.В. Де Роберти, Л.И. Мечников, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, П.П. Сувчинский, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин и др.).

Конечно, в современном российском политическом просвещении существуют образовательные практики изучения русской политической мысли. Например, на XII Столыпинских чтениях в Кубанском госуниверситете 9–10 ноября 2023 г. мы рассматривали значительный опыт Российской внешней политики. Более 200 лет назад благодаря инициативе российского императора Александра I, незаслуженно забытого как реформатора европейской безопасности, была предпринята попытка установить новый мировой порядок. После разгрома наполеоновских армий и тех потерь, которые понесло человечество в ходе этих войн, Александр I выдвинул идею создания коллективного договора безопасности в Европе, гарантом которого стал «Священный союз» при руководящей роли России. Вплоть до смерти Александра I в 1825 г. главы европейских правительств собирались на Конгрессы для согласования своей политики. В результате в течение почти сорока лет Европа не знала войн. Поэтому ряд исследователей считает, что Священный союз Александра I был благородной попыткой возвысить человечество примером бескорыстия в мировой политике (Юрченко В.М. Современная геополитическая стратегия России как концепт справедливого многополярного миропорядка // XII Столыпинские чтения. Социально-политическое пространство и публичная политика: векторы внешне– и внутриполитического взаимодействия и развития в условиях глобальных перемен: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2023. – С.17–18).

И европейская, и мировая история может рассматривать эти события как особо значимые, а поэтому понимание их важности могло бы иметь значение и в современном геополитическом процессе в предупреждении межгосударственных и региональных разрушительных конфликтов. Данный конкретный пример говорит о том, что деятельность Священного союза требует и исторической памяти и изучения. Ведь, по мнению современников, тогда Петербург был центром Европы и судьбы мира решались в Зимнем Дворце.

На наш взгляд, одним из важных направлений развития современной политической науки для интерпретации качественных изменений внутренней и мировой политики является выявление причин и природы существующей в истории тенденции альтернативности русской политической мысли по отношению к западной (славянофилы, почвенники, евразийцы и др.). В целях укрепления национальной безопасности необходимо использовать все ценное в мировой и особенно отечественной политологии, достижения русской политической мысли и, главное, политологическое обоснование российской суверенизации во всех областях развития на основе интеллектуальной свободы. В том числе, например, нужна и новая концепция интеграции в рамках бывшего СССР, СЭВ и Варшавского договора.

Таким образом, можно говорить о том, что лидерская интеллектуальная меритократия в России, формируясь из лучших представителей общественно-политической мысли, будет оказывать непосредственное влияние на усиление позиций России в мире, формирование нового мирового порядка, что непременно является основой укрепления национальной безопасности нашей страны.

Юрченко И.В.
(Краснодар, КубГУ, Ростов-на-Дону, ФИЦ ЮНЦ РАН)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Рассматривая теоретические аспекты изучения интеграционных процессов, необходимо исходить из полипарадигмальности политической науки. Так, в рамках герменевтической парадигмы актуализируется проблема тематизации дискурсов, в которых превалируют вопросы о взаимоотношениях в политическом пространстве с «другим» (или даже «чужим»). Именно в условиях понимания цивилизационного разнообразия эта тема стала приоритетной в современных политико-философских дискуссиях. Хотя в свое время и Гегель поднимал вопрос о признании «другого», и Кант размышлял о «чужом разуме».

Изначально в политической стратегии мультикультурализма ставилась цель признания суверенности и автономности инаковых позиций различных культур в определении критериев рационализма и аксиологических категорий. Но логика политического процесса в XXI в. объективно отражала тенденцию обострения, расширения и усложнения множества политико-экономических и национально-этнических конфликтов, тем самым подтверждая реальную сложность, а в ряде случаев и невозможность обеспечить на практике признание и вовлечение «другого».

В политическом дискурсе все более активно продвигалась идея о том, что одним из основных прав человека является право «быть другим» (Ю. Хабермас), однако в реальной политике западных обществ на практике подтверждалась утопичность этой идеи. Причем это проявлялось именно в тех социумах, которые претендовали на т. н. «модернистскую/постмодернистскую» модель политического устройства и рассматривали ее как «подлинную демократию».

Принципиально отличающейся от этой модели является ситуация, которая складывается в «не западном мире», в частности в Евразии. Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации подчеркивается, что Россия является государством-цивилизацией, что означает глубинное, качественное изменение сущностного понимания современной внешнеполитической стратегии России как суверенного, самодостаточного, отличающегося внутренней богатой сложностью социума. Таким образом, в официальном документе демонстрируется отказ от попыток встроиться в западный «цивилизованный мир» с акцентом на собственном, более значимом, а главное – независимом цивилизационном статусе нашей страны, что свидетельствует о качественном изменении всей государственной политики.

В контексте политического конфликт-менеджмента важно подчеркнуть, что необходимо рассматривать региональную интеграцию в двух значениях: с одной стороны, как

объединение стран по регионам (например, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), являющийся динамичным интеграционным объединением входящих в него стран: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация), а с другой стороны, внутриполитическая, внутристрановая региональная интеграция, нацеленная на обеспечение устойчивой этнополитической стабильности, эффективное политико-экономическое и социокультурное развитие, внутриполитическую и внутриэкономическую региональную связанность.

Если поставить вопрос о возможностях российской политической науки для интерпретации современных качественных изменений внутренней и мировой политики, то следует отметить, что в нашем политологическом сообществе началось обсуждение особенно сложного вопроса: возможна ли и необходима ли т. н. «смена парадигм»? В научном дискурсе начали звучать темы «исчерпанности прежней модели развития», в частности необходимости «смены экономической парадигмы» с точки зрения взаимоотношений бизнеса и государства и др. В этой связи потребуются новые концептуальные подходы к исследованию интеграционных и дезинтеграционных внутриполитических, социально-экономических, культурно-информационных процессов. А поэтому российскому политологическому сообществу предстоит осознать ответственность за методологическое обоснование научного поиска эффективных способов формирования новой Российской суверенной государственности.

Тезисы подготовлены в рамках исследовательского проекта «Конфликт-менеджмент и обеспечение устойчивой этнополитической стабильности на геостратегическом “Большом Юге России” (Южный и Северо-Кавказский макрорегионы) в условиях глобальных трансформаций» в рамках Государственного задания ЮНЦ РАН на 2025 г. (00-25-08, номер госрегистрации 125011200140-3, шифр FMRE-2025-0055).

Юрченко Н.Н.
(Краснодар, КубГУ)

РОЛЬ СОБЫТИЙНОГО ДИЗАЙНА ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В АНАЛИЗЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ЮГЕ РОССИИ

Анализ управленческих задач, решаемых структурами публичной власти в сфере этнополитических отношений в полиэтничной среде на Юге России предполагают разработку событийного дизайна исследования. Дизайн понимается как определенная совокупность параметров ивент-анализа развития регионов в контексте культурных ценностей, отражает связь между исследовательской проблемой, методами сбора актуальной информации и научными результатами.

Результаты исследования регионов Юга России на основе методов ивент-анализа позитивных практик в управлении этнонациональными процессами и урегулировании конфликтов в Краснодарском крае и Республике Адыгея, размещенных в материалах СМИ и в интернете, позволяют сформулировать некоторые выводы о возможности применения событийного дизайна и его содержании, показывают характер влияния деятельности региональных структур публичной власти на управление этносоциальными процессами на Юге России, что отражается на состоянии внутренней ситуации,

уровне интеграции и конфликтности в исследуемых субъектах федерации ЮФО. В изучении современных этносоциальных процессов в контексте определения роли управленческих практик, применяемых органами публичной власти в субъектах Российской Федерации, необходимы концептуальные подходы, развивающие социологические и политологические парадигмы исследования. Различные объяснительные модели позволят актуализировать фундаментальные научные задачи определения составляющих сложносоставной региональной конфликтности с этническими факторами, такими как резкое усложнение и влияние внешнеполитической ситуации, последствия антироссийской санкционной политики со стороны Запада, которые проявляются как в региональной экономике, так и в миграционных процессах, взаимосвязанных с межэтническими отношениями, их влияние на социально-экономическую сферу и рынок труда.

Имеющийся опыт позитивных практик управления этно-социальными процессами и урегулирования конфликтов проявляется в том, что в региональных СМИ преобладают публикации общероссийской патриотической направленности, а также в системной активизации деятельности властных структур, общественных организаций, образовательных учреждений и правоохранительных органов по реализации подпрограммы «Гармонизация межнациональных отношений и развития национальных культур в Краснодарском крае» и государственной программы Краснодарского края «Региональная политика и развитие гражданского общества». Важны различные аспекты прогнозируемых характеристик социально-политических трансформаций, внешней, внутренней и региональной политики, повышения эффективности публичной власти в условиях новой реальности.

Необходимо учитывать современное состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в ЮФО в особенности в молодежной среде как требующее особого внимания и поиска наиболее эффективных управленческих практик. Обусловлено это прежде всего активностью враждебно настроенных по отношению к России политических акторов, использующих новые социальные медиа и делающих ставку на недовольство различных групп населения, в особенности молодежи и так называемых «дискриминируемых этнических меньшинств», а также региональных предпринимателей, представителей среднего класса на территориях со сложной этнической, конфессиональной, демографической и поликультурно-языковой структурой населения. Определяя ивент-анализ основным методом исследования, мы исходим из того, что в него встроен метод дискурс-анализа, так как событийный аспект, основанный на выявлении хронологических рамок того или иного события, границ и маркеров его отражения в СМИ, связан с лингвистическим анализом, изучением речей и текстов индивидов, акторов социально-политических взаимодействий. Причем этот подход в свою очередь пересекается с феноменолого-герменевтической научной концепцией, уделяющей внимание тому, какие смыслы вкладывают люди в свои действия и высказывания, как они понимают происходящее. Изучение различных моделей поведения в речевых взаимоотношениях предполагает также определение того, кто и каким образом доминирует в дискурсе, каким образом происходит дискурсивное конструирование социальной реальности.

Якимец В.Н. (Москва, ИППИ РАН, РАНХиГС),
Никовская Л.И. (Москва, ИС ФНИСЦ, ИППИ РАН, РАНХиГС)

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД РЕФОРМИРОВАНИЯ МСУ

Изучая реформу местного самоуправления (далее МСУ) в контексте модели единой системы публичной власти (далее ЕСПВ), мы нашли, что научная проблема состоит в поиске оптимума между «централизацией» или «администратизацией» МСУ и участием местного сообщества. Сложность поиска связана с рядом аспектов: доступность кадровых, организационных и финансовых ресурсов, формат распределения полномочий между субъектами ЕСПВ (органы власти РФ, субъектов РФ и МСУ) и ответственности за исполнение полномочий, а также наличие процедур координации между органами власти региона и МСУ. Если в рамках модели ЕСПВ ряд аспектов закреплен во вступившем в силу 19 июня 2025 г. федеральном законе N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», то участие граждан в принятии управленческих решений стало ограниченным. Качество же Муниципальной публичной политики (далее МПП) на местном уровне – важный фактор, определяющий стабильность локального порядка, развитие местного сообщества и формирование доверия к деятельности власти. МПП – это использование механизмов и форм взаимодействия субъектами (органы МСУ и власти субъектов РФ) и акторами (предприниматели, некоммерческие организации и жители) при создании совместно с органами ЕСПВ стратегий и программ развития муниципального образования и сообщества для отстаивания общественных интересов в сфере образования, производства, социально-культурной сферы, ресурсов с учетом волеизъявления населения.

По закону N 33-ФЗ система организации власти стала одноуровневой, т. е. в основу организации МСУ заложен не территориальный принцип, а принцип привязки к населению. Из-за требований ряда регионов (идею сохранения эффективных поселений высказал глава Республики Татарстан Р.Н. Минниханов, который сам работал в трех муниципальных образованиях (МО) авторы закона согласились, чтобы регионы сами выбирали одноуровневую или двухуровневую модель.

На такой шаг пошли около 20 субъектов РФ. Из 8 видов МО оставили три – городской округ, муниципальный округ и внутригородская территория (внутригородское МО) городов федерального значения. «Упрощение» МСУ ускорит депопуляцию сельской местности, нарастание «внутренней периферии» укрупненных МО и дифференциацию уровня и качества жизни населения.

Мы полагаем, что эти тенденции ударят по репрезентативности общественных интересов населения «упраздняемых» поселений, поскольку ослабят представительство их интересов на местном уровне из-за сокращения поселенческого депутатского корпуса.

Закон N 33-ФЗ направлен на усиление централизации МСУ, встраиваемого в ЕСПВ, где бюрократические методы консолидации общества становятся ведущими.

Чувствительной темой для МПП стало и перераспределение полномочий с уровня МСУ вверх по «вертикали власти»: за МСУ оставляют около десятка из сотен полномочий, отдавая остальные на усмотрение регионов. Распределение полномочий отложено до начала 2027 г. Эта муниципальная пертурбация грозит выхолостить демократическую природу МСУ и стать конфликтной средой в отношениях между органами МСУ и органами власти регионов, что скажется и на уровне доверия между властью и гражданами. Изменена суть МСУ: теперь это не форма народовластия (см N 131-ФЗ), а форма самоорганизации.

Согласно нашим исследованиям, встраивание МСУ в ЕСПВ (отмена народных выборов глав муниципалитетов, перераспределение полномочий в пользу субъектов РФ и пр.) привели к тому, что низкой состоятельностью стали обладать такие институты МПП, как сходы, собрания и муниципальные и городские Общественные палаты (по данным изучения состояния механизмов МПП в Костромской и Ярославской областях в 2019–2020 гг.). В зону несостоятельных попали механизмы публичного контроля, защиты частной и муниципальной собственности, противодействия коррупции и, что тревожнее, – механизмы отстаивания общественных интересов. «Просела» демократическая составляющая МСУ.

Анализ МПП по критерию состоятельности показал, что механизмы, посредством которых общество может влиять на местную власть, не отличаются высокой дееспособностью, а доминируют инструменты, с помощью которых власть управляет местным сообществом. В ходе глубинных интервью выявлен запрос бизнеса и граждан из разных МО на улучшение функционирования механизмов публичного взаимодействия муниципальной власти и активных групп местного сообщества, на повышение действенности диалоговых и переговорных площадок на местном уровне, на усиление ответственности и отзывчивости власти. Граждане и бизнесмены готовы к участию в процессах МПП, к формированию «повестки дня» и артикуляции интересов целевых групп. Власть этот потенциал недоиспользует. С позиции развития гражданской самоорганизации, «низовых» инициатив, углубления партнерских и диалоговых практик тревожит стремление сделать органы МСУ нижним уровнем госвласти, что скажется на качестве публичной сферы и МПП и снизит возможности для субъектного потенциала.

Якуничев Д.А.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

БРИКС МЕЖДУ «CBAM» И КЛИМАТИЧЕСКОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТЬЮ: ОТВЕТЫ РОССИИ, КИТАЯ И БРАЗИЛИИ

Переход CBAM ЕС (Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM), или Механизм трансграничного углеродного регулирования) к платежной фазе с 2026 г. превращает климатическую повестку в торговый фильтр и напрямую затрагивает ключевых экспортеров БРИКС. Доклад отвечает на три вопроса: как CBAM перестраивает мировую торговлю для БРИКС; почему стратегии России, Китая и Бразилии расходятся; как из этого складывается «климатическая многополярность» – режим конкурирующих стандартов и взаимного признания данных/методик, где выигрывает тот, кто быстрее адаптирует MRV (monitoring-reporting-verification: мониторинг, отчетность, верификация) и внутренний ценовой сигнал углерода (Regulation (EU) 2023/956; European Commission, CBAM FAQ, ноябрь 2023).

В схеме «ядро-полупериферия-периферия» ядро задает стандарты и цены. CBAM добавляет углеродно-институциональный критерий: способность страны измерять «встроенные» выбросы по признаваемым правилам MRV и поддерживать сопоставимый внутренний ценовой сигнал углерода. Это перераспределяет ренту по линии не только производительности, но и регуляторной компетентности. Введя «углеродную экстерриториальность», ЕС нормирует доступ через климатический фильтр – форма

нормативной власти в глобализации (European Commission, CBAM FAQ, 2023). Эмпирически это ведет к «зеленой» переориентации цепочек (сталь, цемент, удобрения, алюминий) и сворачиванию бесплатных квот в ETS (системе торговли выбросами) – устойчивому «зеленому протекционизму».

Россия трактует CBAM как торгово-климатический барьер и инициировала спор в ВТО по линии совместимости с нормами ГАТТ (WTO, DS639: "EU – Carbon Border Adjustment Mechanism", запрос консультаций 19 мая 2025; отказ ЕС 22 мая 2025). Для энергоемких экспортеров – риск удорожания при применении «дефолтных» значений. Китай публично критикует CBAM как одностороннюю меру, но параллельно готовит «управляемую совместимость»: расширяет ETS и запускает национальную систему учета «углеродного следа» к 2027 г. (Reuters, 5 июня 2024). Бразилия акцентирует справедливость перехода: критикует экстерриториальность ЕС, добивается взаимного признания методик и доступа к технологиям декарбонизации (IISD, "Global Dialogue on Border Carbon Adjustments: Brazil", июль 2024; SWP, J. Kьnneke, декабрь 2024).

«Климатическая многополярность» – это практическая конфигурация трех уровней: нормативные полюса (ЕС – экстерриториальный «зеленый» фильтр; Китай – ускоренная стандартизация углеродного следа; БРИКС/Глобальный Юг – справедливость и «переходные коридоры»), индустриальные полюса (цепочки «зеленой» стали/алюминия/удобрений, батарей/ВИЭ), финансовые полюса (клубы и двусторонние соглашения), где цены на углерод, таксономии и MRV «сшивают» совместимые пространства торговли.

Таким образом, во-первых, CBAM перечерчивает карту ядра/периферии – ядро становится также сертификационно-климатическим: выигрывают юрисдикции с высокой институциональной адаптивностью, MRV и внутренним ценовым сигналом углерода. Во-вторых, «зеленый протекционизм» будет экспортироваться (Канада, Великобритания, климат-клубы), усиливая конкуренцию режимов. В-третьих, стратегии России, Китая и Бразилии расходятся: от юридического оспаривания (РФ) – к адаптации через внутреннюю стандартизацию (КНР) – и политике справедливых исключений / технологического обмена (Бразилия). Три шага для БРИКС: совместимый MRV-контур (единые границы расчета / качество данных и формат отчетности по энергоемким товарам); пилотные проекты «зеленых коридоров» БРИКС (взаимное признание верификаторов и «углеродных паспортов» продукции); коалиционная позиция относительно справедливости перехода (сопряжение таксономий и зачет «внутреннего» углерода). Следует заключить, что гиперглобализацию замещает климатическая многополярность – сеть перекрывающихся «зеленых» режимов, где глобализация перенастраивается через стандарты, а БРИКС из объекта регулирования становится одним из архитекторов правил.

Януш О.Б.
(Казань, КГЭУ)

ПОЛИТИКА ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ «РУВИКИ»

В мае 2023 г. на Российском интернет-форуме была анонсирована интернет-энциклопедия «Рувики» – отечественный аналог русскоязычной Википедии с хранением данных на отечественных серверах под управлением российского юридического лица. В тестовой бета-версии сайт «Рувики» заработал в июне 2023 г., в январе 2024 г. состоялся полноценный запуск платформы. Появление отечественной онлайн-энцик-

лопедии, учитывая западноцентричность «Википедии», ее искажения и отклонения от нейтральности, стало назревшим ответом в условиях геополитических вызовов и борьбы за мировое лидерство, происходящих во многих пространствах, включая виртуальный мир и культурный фронт. В этой ситуации функционирование собственного энциклопедического портала – это не только вопросы развития образовательного и познавательного сегментов Рунета, но и элемент суверенной цифровой экосистемы, полноценного и самодостаточного цифрового пространства.

Релевантность онлайн-энциклопедий политике продвижения малых языков в цифровом мире обусловлена возникновением новых сфер бытования языков, выбором читателей в пользу определенного языкового раздела, свидетельствующего об уровне цифровой языковой витальности. И тем, что развитие «Рувики» на миноритарных языках способствует повышению их престижа, обучению больших языковых моделей, лежащих в основе технологий искусственного интеллекта и появления новых продуктов на миноритарных языках.

Одна из уникальных особенностей российского аналога заключается в том, что в рецензировании статей по категориям история, физика и медицина участвуют ученые Российской академии наук, выступающей ключевым партнером «Рувики». Свой вклад в развитие энциклопедии также внесли Министерство культуры РФ, предоставившее доступ к государственному каталогу с подробной информацией о коллекциях в области живописи, графики и скульптуры, Министерство природных ресурсов и экологии РФ, Музей Москвы, Музей «Атом», Музей современной истории России, Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина, Государственный исторический музей, Московский планетарий, Альянс по защите детей в цифровой среде и многие другие.

Ресурс «Рувики» демонстрирует позитивные показатели посещаемости и наполняемости материалами, просмотров страниц. За первый квартал 2025 г. аудитория энциклопедии составила 22 млн уникальных пользователей, появилось 29 тыс. новых материалов, ежемесячная посещаемость – на уровне 7 млн уникальных пользователей.

Общая статистическая картина по наполненности языковых раздело в онлайн-проекте «Рувики» по состоянию на декабрь 2024 г. включает в себя данные по 20 языкам. Самые посещаемые разделы «Рувики» на языках народов РФ за первые три месяца 2025 г. – на татарском, башкирском, марийском, якутском и чеченском языках. Общее количество материалов на 20 языках народов России превышает 1,45 млн.

«Рувики» – отечественный энциклопедический онлайн-проект, ориентированный на формирование адекватного представления о России, различных аспектах российской истории и действительности, включая осмысление фактов политической и военно-политической истории, о научных достижениях. Это платформа, в основе которой развивается направление по сохранению культурного наследия и языкового многообразия России. Разделы «Рувики» на малых языках являются не только хранилищем и бесплатным источником научного знания для их носителей, но и выполняют функции канала трансляции миноритарных и региональных языков и культур, способствуя их цифровому благополучию.

Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также реализации трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Ярошева Д.В.
(Москва, ГАУГН)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГЕРОИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В рамках долгосрочного стратегического планирования и прогнозирования в управленческой системе особую актуальность приобретает изучение такого важного фактора, оказывающего существенное влияние на происходящие социально-политические процессы, как поведение человека. Беря во внимание различные исследования, посвященные анализу психологии личности, такие как теория «ограниченной рациональности» Г. Саймона, теория перспективы А. Тверски и Д. Канемана, теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера и другие, мы можем проследить, насколько иррациональны зачастую бывают поступки человека. Вопреки наличию ряда позитивных обстоятельств изначальное восприятие действительности в рамках негативной призмы может деструктивно воздействовать на имеющиеся достижения в той или иной области. Ввиду этого актуализируется вопрос о том, из чего или как человек формирует свой собственный образ будущего, какие критерии непосредственно на это влияют.

Одним из таких инструментов, оказывающих воздействие на поведенческие установки, ценностные ориентиры и видение будущего являются артефакты массовой культуры, такие как литература, кинематограф, музыка и видеоигры. Создавая и продвигая те или иные модели поведения в различных ситуациях, освещая их в положительном или негативном ключе, деятели искусства формируют у аудитории определенное отношение к некой теме или вопросу. Это же касается и тех человеческих поступков, которые должны считаться в обществе, по мнению создателей того или иного артефакта культуры, выдающимися и заслуживающими уважения и признания.

Образ героя – актуальная вне времени и тревожащая людей разных поколений тема, которая злободневна и в рамках конструирования образа будущего. Герой не как персонаж, а как лицо, совершившее неординарный поступок, проявившее исключительные личностные качества в контексте конкретной ситуации, становится для воспринимающего лица своеобразным ориентиром, примером человека, чей жизненный путь определяется как привлекательный и выбирается в качестве целевой модели для поведения. Исходя из того, кто именно избран в качестве такого героя, можно проследить причинно-следственные связи в том, какой выбор делает человек в рамках различных жизненных ситуаций.

Важно подчеркнуть, что характер воздействия художественных образов на модели поведения людей латентный, а не директивный. Итоговый образ героя в сознании человека – это некий собирательный конструкт, который совмещает ряд характеристик, смыслов и ценностей, заимствованных у различных акторов, реальных людей или архетипических образов из искусства. В связи с этим, а также в силу быстро изменяющихся условий жизни в современном мире, где развитие технологий и цифрового пространства сильно корректирует наше мировоззрение и способы получения и восприятия новой информации, важной целью стало выявление того, кто сегодня считается таким «героем» у молодежи, что данная возрастная группа вкладывает в это понятие, как его осмысляет, а также через какие артефакты культуры непосредственно получает этот образ.

Поиску ответов на вышеизложенные вопросы посвящено наше исследование. В ходе его проведения в свою очередь привлечены данные, собранные коллективом в рамках проектов 2022–2025 гг., посвященных формированию и функционированию образов героев времени в сознании современной российской молодежи. Исследуемой аудиторией выступают молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет. Характеристиками, объединяющими данную социальную группу, согласно результатам экспертного опроса, проведенного в 2023–2024 гг., выступают высокий уровень владения цифровыми технологиями и использования их, территориальная и профессиональная мобильность и большая степень свободы от рамок, установок и предубеждений предшествующих поколений. Не менее важно подчеркнуть, что данная возрастная группа также является наиболее восприимчивой к воздействию в рамках поднятой темы.

В данной работе будут представлены результаты эмпирической части исследования, запланированного на осень 2025 г. В ходе него будет повторно проведен всероссийский опрос молодежи для выявления сдвигов в сознании юного поколения относительно тех образов, которые определяются как героические. Также будет проведен блок экспертных интервью, которые позволят проследить, как лица, чья деятельность непосредственно связана с молодежью, видят данные процессы со стороны, изменилось ли это и, если да, то каким образом. О результатах исследования будет рассказано на круглом столе по теме проекта на Ежегодной всероссийской научной конференции РАПН «Россия и мир в первой четверти XXI века: политические итоги и перспективы».

Проект «Образы Будущего России в сознании российской молодежи: герои, артефакты массовой культуры, социальные установки и личные предпочтения» № FZNF-2025-0026 реализован в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ.

Ярошенко А.С.
(Москва, РАНХиГС)

ДОМИНИРУЮЩИЕ ПАРТИИ В МОДЕРНИЗИРУЮЩИХСЯ СТРАНАХ: ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Распад СССР оказал глубокое воздействие на политическое, социально-экономическое и духовное развитие евразийского пространства. Разрушение территориальной целостности Союза (и исторической России) означало закат коммунистической идеологии, прекращение функционирования однопартийной системы, крах плановой экономики и распад биполярной системы международных отношений. На обломках бывшего государства возникли 15 независимых стран, перед которыми встали многомерные задачи государственного строительства и общественного развития.

Большинству постсоветских государств предстояло впервые выстраивать собственную государственность без исторического опыта: определить духовные основы и долгосрочные цели, решить вопросы суверенитета, безопасности, обороноспособности и делимитации границ. Внешняя политика фактически сводилась к цивилизационному выбору между прозападной ориентацией и сохранением самостоятельности. Требовалась замена однопартийности такой политической моделью, которая обеспечивала

бы устойчивость, а в экономике – запуск альтернативы командно-административной системе. Остро встал вопрос идентичности, без решения которого была невозможна консолидация общества. Просчеты трансформаций породили гражданские войны и локальные конфликты, олигархизацию, рост криминала, дефолты, закрытие предприятий и разрушение социальной защиты, что ввергало граждан в апатию.

Первой доминирующей партией стала партия «Новый Азербайджан» (1992), созданная в разгар Первой карабахской войны. На выборах 1995 и 2000 гг. за ее список проголосовали 62,7% и 62,3%; в 2000 г. сформировано абсолютное большинство (75 мест), далее при мажоритарных выборах партия стабильно брала большинство (2005–2020: 61–70 из 125). Стабилизация достигалась кооптацией элит (включая нацменьшинства и часть бывшей номенклатуры) и опорой на постулаты «сильное государство – эффективная экономика – свободный человек».

В Таджикистане Народно-демократическая партия (1994) стала инструментом завершения гражданской войны и институционализации консенсуса. Партия побеждала на пяти парламентских выборах (2000 – 64,9%; 2005 – 64,5%; 2010 – 70,6%; 2015 – 62,5%; 2020 – 50,4%); с 1998 г. ее возглавляет Э. Рахмон. Дискурс НДПТ связывает развитие и достойную жизнь с приоритетами экономики, образования и науки, здравоохранения и соцзащиты, культуры и информации, молодежной политики, совершенствования законодательства, безопасности и внешней политики.

В Казахстане партия «Аманат» (ранее «Отан»/«Нур-Отан», 1999) одерживала победы на выборах 1999–2023 гг. (от 30% до 88,4%), выступив «узлом» координации законодательства и кадровых решений. Переход от «поляризованного партийного плюрализма» к устойчивому большинству упорядочил законотворчество; конституционная реформа 2007 г. формально расширила полномочия парламента при сохранении контроля через пропрезидентскую партию. «Аманат» выполняла консолидирующие, идеологические и кадровые функции.

В Грузии «Грузинская мечта – Демократическая Грузия» закрепила парламентские преимущества (мандаты: 2012 – 85/150; 2016 – 115/150; 2020 – 90/150) на фоне кризиса, связанного с «цветной» революцией, войной 2008 г., сменой власти и уголовным преследованием М. Саакашвили. Значимую роль играло персонализированное влияние Б.Г. Иванишвили. Дискурс партии центричен (нормализация отношений с Россией, замедление вестернизации), при этом отмечается отсутствие цельной идеологии и неоднозначное отношение элит и общества к внешнеполитическим установкам.

В Беларуси после длительного преобладания беспартийных депутатов переход к опоре на партию «Белая Русь» (51/110 в 2024 г.) стал ответом на кризис 2020 г. и институционализировал президентскую платформу; одноименное общественное движение существовало с 2007 г. и поддерживало действующего президента.

Партийная система Узбекистана демонстрирует «коллективное» доминирование нескольких пропрезидентских сил при высокой управленческой координации. В качестве контрольных примеров выступают Армения, Киргизия, Латвия, Литва, Молдова, Украина и Эстония, где высокая фрагментация и сменяемость акторов препятствуют устойчивому доминированию. Туркмения не включается из-за длительного отсутствия партийной конкуренции.

Таким образом, в постсоветских странах доминирующие партии складываются как инструмент консолидации власти для преодоления кризисов, вызванных распадом СССР, конфликтами и экономическими потрясениями. В этих условиях ослабевает дееспособность институтов, нарушаются цепочки исполнения решений, распадаются прежние политические союзы, а конфигурация ключевых социально-экономических групп быстро меняется. Доминирующая партия выступает организационным ответом на дефицит координации: она связывает элиты, централизует ресурсы, задает единый

политический курс и обеспечивает исполнение решений до восстановления устойчивости институтов. Такой механизм прослеживается в кейсах Азербайджана, Таджикистана, Казахстана, Беларуси, Грузии и Узбекистана.

Ячменник К.В.
(Краснодар, КубГУ)

УНИВЕРСИТЕТ КАК СУБЪЕКТ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

В условиях современных геополитических вызовов формирование патриотического сознания молодежи имеет стратегическое значение в системе актуальных приоритетов и направлений государственной политики России. С учетом растущего влияния глобализации, информационного перенасыщения, усиления внешнего идеологического воздействия патриотическое воспитание молодежи в образовательных организациях приобретает важное значение.

Молодежь является ключевым субъектом социальных преобразований и инновационного развития государства. В то же время молодежь как социально-демографическая группа характеризуется активным изменением статусно-ролевых позиций, поиском идентичности, высоким мобилизационным потенциалом. В этой связи развитие человеческого капитала молодежи на базе ценностей патриотизма и созидательной гражданской активности видится ответом на вызовы общественного развития.

Патриотизм понимается как социальное чувство, нравственный принцип, в основе которых – любовь к Родине, привязанность к ней, преданность ей, готовность идти на жертвы ради нее, уважение ее истории и культуры. Патриотизм является фундаментом гражданственности и духовно-нравственных ценностей. Так, по данным ВЦИОМ, за последние годы уровень патриотизма среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет вырос на 16% и в 2025 г. достигает рекордного уровня 99%.

В этой связи современный университет – это не только центр научного знания, инноваций и профессиональной подготовки, но и важный субъект патриотического воспитания будущих специалистов. В университетах создана уникальная среда, где молодые люди не только получают процессуальные навыки, но и проходят важный этап социализации (формируется мировоззрение, система ценностей, гражданские установки). На сегодняшний день университеты располагают широким набором форм, методов, механизмов и технологий патриотического воспитания студентов. Воспитание патриотизма в университете – это комплексный процесс, осуществляемый как через образовательную, так и внеучебную деятельность, направленный на формирование патриотических ценностей, патриотического сознания, стимулирование включения студентов в патриотическую деятельность.

Так, например, важнейшей задачей воспитательной работы в Кубанском государственном университете – одном из ведущих вузов Южного федерального округа – является формирование национального самосознания, активной гражданской позиции, гражданской и социальной ответственности, патриотизма. В числе планируемых результатов – сформированность патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, умение проявлять патриотическую гражданскую позицию, готовность к выполнению гражданского долга. Среди форм патриотического воспитания можно выделить: проведение тематических кураторских часов, участие в спортивных мero-

приятиях, приуроченных к важным историческим датам (военно-спортивный фестиваль, посвященный 80-летию Великой Победы), проведение тематических лекций («100 дат российской идентичности»), киносмотров, конференций, конкурсов (литературный конкурс «Студенты пишут о войне...»), круглых столов («Я – гражданин»), фестивалей (Фестиваль спорта и патриотического воспитания), акций («Победили тогда, победим и сейчас») патриотической направленности, участие в проектных инициативах («Проектируем образ будущего: создавай и вдохновляй»), патриотический студенческий клуб «Я горжусь».

Среди ключевых организаторов патриотического воспитания студенческой молодежи в Кубанском государственном университете нами выделяются проректор по воспитательной работе и социальным вопросам, отдел по воспитательной работе и социальным вопросам, координационный центр, заместители деканов / директора по воспитательной работе, кураторы академических групп, научная библиотека. В то же время немаловажную роль в организации студенческой жизни и вовлечении студентов в патриотические практики играет Совет обучающихся КубГУ.

Обобщая сказанное, можно отметить, что в современных реалиях патриотическое воспитание молодежи в университете должно строиться на системном подходе, включающем различные формы и методы работы. Вместе с тем, для повышения эффективности этой деятельности необходимо разработать четкую систему показателей и критериев оценки результатов патриотического воспитания в вузах.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZEN-2025-0001 «Проектный подход в воспитании патриотизма российского студенчества с использованием коммуникативных технологий»

Grahovac N.
(Ub, Technical school Ub)

DEVELOPMENTS OF CIVIC IDENTITY AND PATRIOTISM OF RUSSIAN YOUTH IN THE NATIONAL EDUCATION SYSTEM

Today, 80 years after World War II, that peoples all over the world try to defend their rights and freedoms, notably freedom of speech, we still have to explain why our freedom is endangered.

We should start with the Cold War. After the fall of the Berlin Wall and changes in world order, when the USA insists on a unipolar world and wants to dominate in Russia and other post-Soviet countries, peoples believe that this period is the end of history and that it is important just in terms of economy and finding ways of making money. Russia wants to become a part of the so-called Western world and attempts to make arrangement for signing contracts with the USA, NATO and EEC for the sake of secure borders. But that was just a bad joke. The Western world has never wanted to give Russia a single opportunity of becoming one of them. They first invited those countries to join the EEC (later European Union). But before their enrollment they were supposed to make adjustments to a range of regulations, including banks, businesses, educational establishments and others.

After these adjustments they were able to become NATO members, and after that they had to pay for self-defense. Of course, such politics meant they were expected to be ready

for war with Russia. Anti– Russian sentiments were active in the Baltic states, Poland, Ukraine, Bulgaria, Romania, to name just a few.

After 10 years of Russia which is turned to the Western world, people see changes and believe that Russia have bright future. And after few years of presidency of Vladimir Putin, enemy of Russian Federation and Russians believe that they will prevailed and that Mr. Putin is man with whom they make agreement. But after strong way of leading Russia and Russian economy in good direction, they change opinion and try that through oligarchs make pressure on Mr. Putin. President Putin was try to defend Russians in all Ukraine, but they don't want to listen that Ukraine leaders want to forbidden freedom of speech for Russians and people which talk Russian language. After attacks on Donbas region and forbidding of Russian language in schools and other institution, Russians in Ukraine must to defend their rights.

All that stories are important part of development of civic identity and patriotism of Russian youth in the national education system. But we must change laws which are make for easier attacks of Intelligence agency from other countries and for easier influence on political leaders of Russia and other free countries.

On which way we may developed civic identity and patriotism of Russian youth in the national education system?

First, we must gave opportunity that young families have enough good salary, so they can`t be unsatisfied. After that we must gave them opportunity to buy apartment and that they may have kids.

Second, from early years they will learn about state, nation, religion in home, school and church. So they must know their obligation and responsibilities in Russian state. All peoples have their own identity and they may change their complexity, so that they help their country to success in all possible areas.

Third, young peoples must from early years get some kind of training in army (woman and man). That will gave them opportunity to exam their own limitation and boundaries.

National education system must be wall for every enemy of the Russian Federation and Russians. But that is long process and it is not easy for president Vladimir Putin and Russian politicians which want to defend freedom of Russia. Good direction was made after last 10 years and that will gave opportunity to young generations that developed their civic identity and patriotism. But they will gave example for all young peoples in countries where freedom of speech is endangered and where people was sent to jail because their words (The President of Republika Srpska, Milorad Dodik), Marine Le Pen and others.

Danger for education system is big influence of NGO`s on their work. Because that the Russian Federation is bright example for all people which love freedom.

Rajib Naimul Islam
(Moscow. RUDN)

THE ROHINGYA CRISIS AND RUSSIA'S GLOBAL SOUTH STRATEGY: SHAPING POLITICAL ALLINACES IN THE 21ST CENTURY

The Rohingya crisis, an anguished chronicle of statelessness and oppression in Myanmar's Rakhine State, stands as a critical gauge of global humanitarian fortitude and geopolitical maneuvering. This study seeks to illuminate Russia's calculated engagement with the Global South amid this humanitarian morass, exploring how Moscow harnesses the crisis to forge strategic alliances in the 21st century. The core research asserts that Russia capitalizes on the crisis to reinforce its non-interventionist doctrine, aligning with Global South states skeptical of Western humanitarian crusades, thereby nurturing diplomatic ties while delicately balancing sovereignty with humanitarian discourse. Employing a qualitative approach, the study interlaces discourse analysis, historical framing, and comparative case studies. Primary data are drawn from Russian foreign policy declarations, UN Security Council archives, and diplomatic missives from ASEAN countries. Semi-structured interviews with Russian and Southeast Asian policy experts yield nuanced perspectives on Moscow's strategic intent. Secondary sources, encompassing academic literature and credible media, situate the crisis within the broader canvas of global migration and geopolitical contestation. A comparative framework contrasts Russia's Rohingya strategy with its involvement in other Global South conflicts, revealing patterns of alliance cultivation. Findings disclose Russia's adroit use of the Rohingya crisis to bolster its Global South stature. By advocating non-interference, Moscow aligns with Myanmar and select ASEAN nations, countering Western calls for intervention and strengthening bonds with like-minded states such as India and China, thus recalibrating regional dynamics. Yet, Russia's reluctance to prioritize humanitarian accountability curtails its influence in Bangladesh, a primary refugee host. The crisis amplifies Moscow's push for a multipolar world, leveraging UN platforms to challenge Western hegemony while promoting South-South solidarity. In conclusion, the Rohingya crisis emerges as a pivotal arena for Russia's Global South strategy, showcasing its finesse in leveraging humanitarian predicaments to craft political alliances. While its non-interventionist stance fortifies ties with sovereignty-centric nations, it risks estranging those prioritizing humanitarian imperatives. The study calls for a refined understanding of Russia's role, urging policymakers to weigh its potential to either stabilize or strain regional governance frameworks in the 21st century.

Научное издание

РОССИЯ И МИР
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием

Москва, 28-29 ноября 2025 г.

Под общей редакцией
О.В. Гаман-Голутвиной, М.М. Мчедловой, Л.Н. Тимофеевой

Составитель сборника – Тимофеева Л.Н.

ISBN 978-5-91441-498-3